МИР ФАНТАСТИКИ

УИЛЬЯМ ГИБСОН

Нейромант

Трилогия «Киберпространство»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Трилогия киберпространства в одном томе, включая сборник рассказов.

- Нейромант
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - 1
    - 2
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
  - ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
  - КОДА
    - 24
- Граф ноль
  -
  - 1. ОТЛИЧНО НАЛАЖЕННЫЙ МЕХАНИЗМ
  -
  - 2. МАРЛИ
  - 3. БОББИ ВЛИП, КАК ВИЛЬСОН
  - 4. НАСТРОЙКА
  - 5. РАБОТА

- 6. БАРРИТАУН
- 7. ГОРОД В ПУСТЫНЕ
- 8. ПАРИЖ
- 9. ВВЕРХУ, НА ПРОЕКТАХ
- 10. АЛЕН
- 11. НА ПОЛИГОНЕ
- 12. КАФЕ "БЛАН"
- 13. ОБЕИМИ РУКАМИ
- 14. НОЧНОЙ ПОЛЕТ
- 15. ШКАТУЛКА
- 16. ЛЕГБА
- 17. БЕЛИЧИЙ ЛЕС
- 18. ИМЕНА МЕРТВЫХ
- 19. ГИПЕРБАЗАР
- 20. РЕЙС ИЗ ОРЛИ
- 21. ВРЕМЯ ТРАССЫ
- 22. "У ДЖАММЕРА"
- 23. ПРИБЛИЖЕНИЕ
- 24. ТАРАНЬ!
- 25. КАЗУАРЫ И ГОТИКИ
- 26. ВИГ
- 27. ДЫШАШИЕ СТАНЦИИ
- 28. ДЖЕЙЛИН СЛАЙД
- 29. ШКАТУЛОЧНИК
- 30. НАЕМНЫЙ ЧЕЛОВЕК
- 31. ГОЛОСА
- 32. СЧЕТ НОЛЬ
- 33. ОБЛОМКИ КРУШЕНИЯ И ВОДОВОРОТ
- 34. ЦЕПЬ В ДЕВЯТЬ МИЛЬ ДЛИНОЙ
- 35. ТЭЛЛИ ИШЭМ
- 36. БЕЛИЧИЙ ЛЕС

- МОНА ЛИЗА ОВЕРДРАЙВ
  - 1. СМОК
  - 2. МАЛЫШ АФРИКА
  - 3. МАЛИБУ
  - 4. СКВОТ
  - 5. "ПОРТОБЕЛЛО"[13]
  - 6. УТРЕННИЙ СВЕТ
  - 7. ТАМ НЕТ ТАМ
  - 8. РАДИО "ТЕХАС"
  - 9. ЛЕЧЬ НА ДНО
  - 10. ОБРАЗ
  - 11. ОТПУСТИВ ТОРМОЗА
  - 12. "АНТАРКТИКА НАЧИНАЕТСЯ ЗДЕСЬ"

    - 13. ПОДВЕСНОЙ МОСТ
    - 14. ИГРУШКИ
    - 15. СЕРЕБРЯНЫЕ ТРОПЫ
    - 16. НИТЬ НАКАЛИВАНИЯ В СЛОЕ НАГАРА
    - 17. СВАЛИВАЕМ!
    - 18. ТЮРЕМНЫЙ СРОК
    - 19. ПОД НОЖОМ
    - 20. ХИЛТОН СВИФТ
    - 21. "АЛЕФ"
    - 22. ПРИЗРАКИ И ПУСТОТА
    - 23. СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ
    - 24. В ОДНОМ БЕЗЛЮДНОМ МЕСТЕ
    - 25. НАЗАД НА ВОСТОК
    - 26. КУРОМАКУ
    - 27. ЗЛАЯ ЛЕДИ
    - 28. КОМПАНИЯ
    - 29. ЗИМНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
    - 30. ДОБЫЧА
    - 31. З-ДЖЕЙН
    - 32. ЗИМНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ (2)
    - 33. ЗВЕЗДА
    - 34. МАРГЕЙТ-РОУЛ
    - 35. ВОЙНА НА ФАБРИКЕ
    - 36. ЛОВЕЦ ДУШ
    - 37. ЖУРАВЛИ
    - 38. ВОЙНА НА ФАБРИКЕ (2)
    - 39. СЛИШКОМ МНОГО ВСЕГО
    - 40. РОЗОВЫЙ АТЛАС
    - 41. МИСТЕР ЯНАКА
    - 42. В ЦЕХУ ФАБРИКИ
    - 43. СУДЬЯ
    - 44. КРАСНАЯ КОЖА
    - 45. ГЛАДКИЙ КАМЕНЬ ВДАЛИ
- Сожжение Хром (сборник)
    - Джонни-Мнемоник
    - Континуум Гернсбека
    - Осколки голограммной розы
    - Принадлежность
    - Захолустье
    - Красная звезда, орбита зимы Table of contents
    - Отель "Новая роза"
    - Зимний рынок
    - Поединок
    - Сожжение Хром

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38

Нейромант

Деб, которая сделала это возможным, посвящается

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ТИБА — СИТИ БЛЮЗ

1

Небо над портом напоминало телеэкран, включенный на мертвый канал.

— Разве же я употребляю? — услышал Кейс, продираясь сквозь толпу к «Тацу». — Просто у моего организма острая алкогольно — наркотическая недостаточность.

И голос рожденного в Муравейнике, и шуточка муравьиная. В «Тацубо», где собирались, как правило, профессиональные экспатриаты, можно просидеть неделю и слова не услышать по — японски.

Размеренными движениями протезированной руки бармен Рац выставлял на поднос кружки бочкового «Кирина». При виде Кейса он осклабился восточно — европейской сталью и коричневой гнилью. Тот нашел себе место у стойки между невероятно загорелой шлюхой из команды Лонни Зоуна и высоким африканцем в отглаженной морской форме с аккуратными рядами племенных шрамов на щеках.

— Утром заходил Уэйдж с двумя своими. — Здоровой рукой Рац пододвинул Кейсу кружку. — Не за тобой?

Тот молча пожал плечами. Девица справа игриво хихикнула и толкнула его локтем.

Улыбка бармена стала еще шире. Его безобразие вошло в поговорку. Нынче, когда красота доступна каждому — и за вполне умеренную плату, — отсутствие оной воспринимается как своего рода доблесть. Допотопная механическая рука при каждом движении жалобно завывала. Это был русский военный протез — семифункциональный манипулятор с механической обратной связью, заключенный в веселенький грязно — розовый пластик.

— В вас слишком много от артиста, герр Кейс. — Рац издал хрюкающий звук, заменявший ему смех. Почесал розовой клешней свисающее через ремень брюхо. — Вот только все больше на комедийных ролях.

— А то, — ответил Кейс и отхлебнул пива. — Должен же кто — то в этой тошниловке ломать комедию. У тебя ведь — хрен получится.

Шлюха захихикала октавой выше.

— И у тебя, цыпа, тоже не выйдет. И вообще, вали — ка ты отсюда. Мистер Зоун — мой лучший друг.

Девица в упор взглянула на Кейса и беззвучно ощерилась. Но все — таки ушла.

— Боже, — закатил глаза Кейс. — Ну что за бордель ты здесь развел? Выпить спокойно нельзя.

— Выпить ему захотелось! — Рац усердно тер тряпкой шершавое дерево стойки. — Зоун отстегивает процент. А тебя я пускаю только в качестве аттракциона.

Кейс поднес кружку к губам, и вдруг наступила странная тишина, когда множество собеседников в разных концах зала замолчали одновременно. В следующее мгновение раздалось истерическое хихиканье шлюхи.

— Ангел пролетел, — буркнул Рац.

— Китайцы, — взревел пьяный австралиец. — Блядские китаёзы изобрели сращивание нервов. На этом, мать его, материке нервы так тебе заштопают, что и шва не заметишь, носи до гроба.

— А вот это, — сказал Кейс, глядя в стакан и чувствуя поднимающуюся откуда — то изнутри желчную горечь, — дерьмо собачье.

И впрямь дерьмо. В области нейрохирургии японцы забыли, за ненадобностью, гораздо больше того, что китайцы когда — либо знали. Подпольные клиники Тибы — передовой рубеж медицины, целые массивы техники обновляются здесь ежемесячно, но даже местные врачи оказались не в силах совладать с увечьем, нанесенным Кейсу в Мемфисе.

Он проторчал здесь целый уж год, но о киберпространстве только мечтал, — и надежда угасала с каждой ночью. Он глотал стимулянты горстями, облазил весь Ночной Город до последней его дыры — и по — прежнему видел во сне матрицу — ее яркие логические решетки, развертывавшиеся в бесцветной пустоте… Муравейник где — то там, за Тихим океаном, а он больше ни оператор, ни кибер — ковбой. Заурядный прохиндей, пытающийся выбраться из задницы. Но в японских ночах приходили сны — колдовские, острые, как удар высоким напряжением, и тогда Кейс плакал, просыпался в темноте и корчился в гробу дешевой гостиницы, руки тянулись к несуществующей клавиатуре, впивались в лежанку, и темперлон пузырями вылезал между пальцами.

— Видел вчера твою девицу, — сказал Рац, пододвигая Кейсу вторую кружку.

— Нет у меня никакой девицы, — помотал головой Кейс.

— Мисс Линду Ли.

Кейс снова помотал головой.

— Нет девушки? Совсем? Весь в делах, дружище артист?

Полностью посвятил себя коммерции? — Маленькие карие глазки бармена тонули среди морщин. — С Линдой ты мне нравился больше. Чаще смеялся. А теперь ты как — нибудь так заиграешься, что окажешься в больнице. В колбах, разобранный по кусочку.

— Не говори об этом, Рац, а то я разрыдаюсь.

Кейс допил пиво, встал и вышел, ссутулив узкие плечи, обтянутые все еще мокрой от дождя нейлоновой штормовкой цвета хаки.

Проталкиваясь в толпе, затопившей улицу Нинсеи, он чувствовал запах собственного, давно не мытого тела.

Кейсу шел двадцать пятый год. В двадцать два он уже был ковбоем, одним из лучших взломщиков Муравейника. Обучали его тоже лучшие специалисты, легендарные Маккой Поли и Бобби Куайн. В состоянии почти постоянного адреналинового возбуждения, присущего молодости и профессионализму, Кейс подключался к изготовленной по спецзаказу киберпространственной деке, которая переносила его освобожденное сознание в консенсуальную галлюцинацию матрицы. Будучи вором, он работал на других, более состоятельных воров, на заказчиков, которые и снабжали его экзотическим софтом, необходимым для проникновения сквозь сияющие стены, окружавшие информационные крепости корпораций. Софтом, чтобы открывать окна в богатые поля данных.

Кейс совершил классическую ошибку, ту самую, которую клялся никогда не совершать. Он обокрал заказчика. Утаил кое — что для себя и пытался толкнуть это кое — что через одного амстердамского барыгу. Он до сих пор не понимал, как его вычислили, хотя сейчас это было совершенно неважно. Кейс думал, что умрет, но они только улыбались. Деньги, говорили они, ну конечно же, кто же не хочет заработать. И деньги ему здорово понадобятся. Потому что — ослепительная улыбка — мы сделаем так, что ты никогда уже не сможешь работать.

И они врезали ему по нервной системе русским боевым микотоксином.

В мемфисской гостинице, привязанный к кровати, Кейс галлюцинировал тридцать часов кряду, пока выгорал, микрон за микроном, его талант.

Увечье было мельчайшее, едва ощутимое и, вместе с тем, крайне эффективное.

Для Кейса, который жил лишь ради восторга бестелесных странствий в киберпространстве, это означало полный крах. В барах, куда он ходил прежде, элитарное положение удачливого

ковбоя подразумевало несколько отстраненное презрение к плоти. Ведь что такое тело? Просто кусок мяса. И вот теперь Кейс стал пленником собственного мяса.

Бывший ковбой незамедлительно превратил все свои активы в пухлую пачку новых иен — старинной бумажной валюты, которая, подобно морским ракушкам папуасов с тихоокеанских атоллов, беспрерывно циркулировала по замкнутому кругу мировых черных рынков. В Муравейнике с большим трудом, но все же удавалось вести легальный бизнес на наличные деньги, однако в Японии подобные операции были уже почти полностью противозаконными.

И все же — Кейс был уверен: в Японии ему помогут. В Тибе. Либо в обычной клинике, либо в сумеречном царстве подпольной медицины. Тиба ассоциировалась с имплантацией, сращиванием нервов, микробиоником и, как магнит, притягивала к себе техно — криминальные элементы Муравейника.

В Тибе все его новые иены исчезли за два месяца анализов и консультаций. Его последняя надежда — врачи подпольных клиник поражались изощренности увечья и медленно качали головами.

Теперь он спал в припортовых, самых дешевых гробах, под прожекторами, которые всю ночь, как необъятную сцену, освещали доки; где из — за сияния телевизионного неба не были видны не только огни Токио, но даже огромный голографический знак «Фудзи Электрик», а Токийский залив представлялся обширной черной гладью, где чайки кружатся над дрейфующими островками белого пенопласта. Дальше за портом лежал город — купола заводов, над которыми возвышались прямоугольные очертания административных зданий корпораций. Порт и город разделяла узкая безымянная полоска старых улочек. Ночной Город с улицей Нинсеи в сердце. Днем бары вдоль Нинсеи закрывались и выглядели невзрачно: неон мертв, а неподвижные голограммы терпеливо ожидали, когда же под отравленное серебристое небо придет ночь.

В чайной под названием «Жарр де Тэ», в двух кварталах от «Таца», Кейс запил первое ночное «колесо» крепким двойным эспрессо. Эту плоскую розовую восьмиугольную таблетку — сильнодействующую разновидность бразильского декса — он купил у одной из зоуновских девиц.

Стены здесь были зеркальные, каждая панель — в обрамлении из красных неоновых трубок.

Оставшись почти без денег и без надежды вылечиться, Кейс пришел в какое — то исступление и принялся добывать свежий капитал с холодной энергией, как будто принадлежащей другому

человеку. В первый же месяц он пришил двух мужчин и одну женщину из — за сумм, которые еще год назад показались бы ему смехотворными. Нинсеи изнуряла его и скоро стала казаться внешней проекцией его внутреннего стремления к смерти, таинственного яда, который постепенно переполнял тело.

Ночной Город похож на сумасшедший эксперимент в области социального дарвинизма, все время подстегиваемый клавишей «ввод», которую давит зевающий от скуки исследователь. Перестань шустрить — и тут же бесследно утонешь, но чуть переусердствуй — и нарушится хрупкое поверхностное натяжение черного рынка; и так, и сяк — тебя нет, ничего не осталось, кроме смутных воспоминаний о тебе у старожилов вроде Раца, ну да еще сердце, легкие или почки в больничных колбах, которые еще могут послужить какому — нибудь засранцу с пачкой новых иен.

Бизнес требовал постоянной интуиции, и смерть воспринималась как естественное наказание за лень, беззаботность, отсутствие такта, за неумение приспособиться к запутанному этикету черного рынка.

Однако, сидя за столиком «Жарр де Тэ» и чувствуя, как под действием дексамина потеют ладони, вздрагивают волоски на руках и груди, Кейс вдруг понял, что в какой — то момент начал играть сам с собой в очень древнюю игру, не имеющую названия, — в последний пасьянс. Он больше не носил оружия и не предпринимал никаких предосторожностей. Он заключал поспешные необдуманные сделки прямо на улице и приобрел репутацию человека, способного достать все что угодно. Какая — то часть его сознания понимала, что ослепительный блеск самоуничтожения не может не броситься в глаза заказчикам, которых, кстати, становилось все меньше и меньше. Однако та же самая часть буквально млела в предвкушении близкого конца. И эту же самую часть, в тепле и уюте ожидавшую смерти, особенно раздражали любые мысли о Линде Ли.

Он познакомился с ней одним дождливым вечером, в аркаде[1].

Под яркими призраками, сияющими в голубом сигаретном тумане, среди голограмм «Замка колдуна», «Танковой войны в Европе», «Полета над Нью — Йорком»… Кейс вспомнил, как ее лицо омывалось беспокойным лазерным светом, и черты его превращались в код: скулы вспыхивали алым, когда пылал замок колдуна, лоб высвечивался лазурью, когда в Мюнхен входили танки, и рот озарялся жарким золотом, когда скользящий курсор высекал искры в каньоне небоскребов. В тот вечер он чувствовал себя богачом: кетаминовый брикет Уэйджа отправлен в Йокогаму, капуста уже в кармане. Кейс спрятался от теплого дождя, который

хлестал по тротуарам Нинсеи, и как — то сразу из множества посетителей выделил девушку, которая самозабвенно играла. Несколькими часами позже, в припортовом гробу, он опять рассматривал то же самое восторженное выражение ее сонного лица и губы, похожие на птичку, какую рисуют дети.

Тогда же, гордый от заключенной сделки, Кейс направился к девушке и вдруг поймал на себе ее взгляд. Серые глаза, густо обведенные черным карандашом. Взгляд животного, парализованного светом приближающегося автомобиля.

Их совместная ночь перешла в утро, в билеты на паром и его первую поездку на ту сторону залива. Дождь шел не переставая, хлестал по Хараюку, скатывался каплями по ее пластиковой курточке, обдавал водяной пылью токийских подростков в белых кроссовках и блестящих накидках, шумными группками бродивших мимо знаменитых бутиков, а к полуночи Кейс с Линдой стояли в шумном зале для игры в патинко и она держалась за его руку, словно ребенок.

Через месяц из — за злоупотребления наркотиками и чрезмерного напряжения эти постоянно пугливые глаза превратились в бездонные колодцы наркотической жажды. Кейс наблюдал, как, словно айсберг, разваливается на куски ее личность; в конце концов, осталась только нездоровая страсть, голый остов пагубной привычки. Она тянулась к очередной дозе с упорством насекомого и напоминала ему богомолов, которые продавались в киосках на улице Сига рядом с голубыми карпами — мутантами и сверчками в бамбуковых клетках.

Кейс посмотрел в пустую чашку на черное колечко кофейной гущи. Оно дрожало — мало удивительного, после всех — то проглоченных сегодня «колес». Коричневую столешницу покрывала тусклая патина крошечных царапинок. Чувствуя дексаминовую волну, вздымающуюся вдоль позвоночника, Кейс думал о том, какое бесчисленное количество случайных ударов потребовалось, чтобы создать такую поверхность. «Жарр» был обставлен в почтенной, безымянной манере прошлого века, представлявшей собой странную смесь традиционного японского стиля и блеклого миланского пластика, — однако все здесь казалось покрытым тончайшей пленкой, как будто расшатанные нервы миллионов посетителей каким — то образом подействовали на зеркала и блестящую прежде пластмассу, оставив на каждой поверхности свой неизгладимый след.

— Привет, Кейс!

Он поднял голову и увидел серые глаза, густо обведенные карандашом. На девушке были поношенный французский орбитальный комбинезон и новехонькие белые кроссовки.

— А я все тебя ищу. — Девушка села напротив и положила локти на стол. Исчерканные «молниями» голубые рукава зияли прорехами, и Кейс привычно поискал признаки дермов или инъекции на ее руках.

— Курить будешь?

Она вытащила из подколенного кармана мятую пачку ихэюаньских сигарет с фильтром. Кейс взял одну и прикурил от поднесенной красной пластиковой зажигалки.

— Хорошо спишь, Кейс? А то вид у тебя усталый.

Судя по акценту, она происходила из южной части Муравейника — откуда — нибудь близ Атланты. Ее щеки имели бледный нездоровый цвет, хотя тело все еще выглядело гладким и крепким. Ей было двадцать. В уголках губ появились первые морщинки. Темные волосы стягивала шелковая ленточка с узором. Рисунок изображал то ли микросхему, то ли карту какого — то города.

— Совсем не сплю, если, конечно, не забываю про пилюли, — ответил Кейс и вдруг ощутил прилив сильного желания — вожделение и одиночество оседлали амфетаминовую волну. Он вспомнил запах ее кожи в жаркой темноте припортового гроба, пальцы, сплетенные у него на пояснице.

Мясо, подумал Кейс, и хочет мяса.

— Уэйдж… — сказала девушка, сузив глаза. — Он жаждет увидеть тебя с дыркой во лбу.

Она закурила.

— Кто сказал? Рац? Ты говорила с Рацем?

— Нет. Мона. Ее новый хахаль из Уэйджевых парней.

— Не так уж много я ему и должен, — пожал плечами Кейс. — А если он меня прикончит, то вообще не получит ничего.

— Слишком многие нынче ему задолжали. И поэтому тебя, должно быть, наметили на роль примера. Лучше отнесись к этому серьезно.

— Ладно. Ну а как ты, Линда? У тебя есть где переночевать?

— Переночевать? — Она утвердительно тряхнула головой: — Ну конечно, Кейс.

Девушка дернулась и чуть не упала со стула. Ее лицо покрылось потом.

— Вот, — сказал Кейс и полез в карман штормовки за мятой полусотней. Не глядя разгладив бумажку под столом, он сложил ее вчетверо и протянул девушке.

— Они тебе потребуются самому, сладкий мой. Отдай их лучше Уэйджу. В ее серых глазах светилось что — то неведомое, чего он раньше не видел.

— Я должен Уэйджу гораздо больше. Возьми. Тем более скоро

мне еще приплатят, — солгал Кейс, глядя, как его деньги исчезают в кармане с «молнией».

— Как только получишь, сразу ищи Уэйджа.

— Увидимся, — сказал Кейс и встал из — за стола.

— Конечно. — В глазах девушки виднелись крохотные белые точечки. Первые признаки катаракты. — Так что ты поосторожнее.

Он кивнул и почувствовал сильнейшее желание оказаться как можно дальше отсюда.

Закрывая пластиковую дверь, Кейс оглянулся и увидел отражение ее глаз, обрамленное красным неоном.

Пятница, вечер, улица Нинсеи.

Кейс шел мимо лотков с якитори, мимо массажных кабинетов, мимо фирменной кофейни «Прекрасная девушка», мимо электронного грохота аркады. В одном месте он уступил дорогу смуглому сараримену, попутно заметив у того фирменный знак «Мицубиси — Генотех», вытатуированный на тыльной стороне правой ладони.

Настоящий знак или картинка, для хвастовства? Так или иначе, подумал Кейс, мужик этот прямо напрашивается на крупные неприятности. А если знак липовый — то поделом. Служащим «М — Г», достигшим определенного уровня, имплантируют новейшие микропроцессоры, которые замеряют содержание мутагенов в крови. Такой прибор — прекрасный пропуск в Ночной Город, прямо в подпольную клинику.

Сараримен был японцем, но, по большей части, толпа на Нинсеи состояла из «гайдзинов» — пришлых. Шли из порта группки моряков, озабоченные одинокие туристы искали удовольствий, не указанных в путеводителях, шустрили из Муравейника демонстрировали органы для пересадок и имплантанты, сновали всевозможные мошенники — все двигалось в сложном танце желаний и коммерции.

И хотя бесчисленные теории объясняли, почему в Тиба — сити терпели район Нинсеи, Кейс склонялся к мысли, что якудзы, вероятно, сберегли это места в качестве исторического заповедника — как памятник скромному истоку своей деятельности. Не лишенным смысла казалось и утверждение, что бурно развивающимся технологиям нужны зоны беззакония и Ночной Город существует не как среда обитания, а как намеренно ничем не ограниченный производственный полигон.

Кейс смотрел на уличные огни и думал: права ли Линда? Способен ли Уэйдж убить его в назидание остальным? Смысла как — то мало, однако, с другой стороны, Уэйдж торговал в основном запрещенными биопрепаратами, а для этого нужно

быть полным психом.

Итак, Линда утверждает, что Уэйдж хочет его смерти. Основное открытие Кейса в динамике уличной торговли состояло в том, что на самом деле ни покупатель, ни продавец в нем не нуждаются. Посредник — неизбежное зло, в этом, собственно, и состоит его бизнес. Сомнительная ниша, которую Кейс создал в криминальной экологии Ночного Города, выдалбливалась обманом и еженощно углублялась предательством. И теперь, услышав, что стены этой ниши трещат, он чувствовал себя на гребне странной эйфории.

Неделю тому назад, стараясь снять большую, чем обычно, маржу, Кейс задержал продажу синтетического гландулярного экстракта. Вряд ли Уэйджу это понравилось. Уэйдж — его главный поставщик, он провел в Тибе девять лет и был одним из немногих дельцов — гайдзинов, кому удалось наладить связь с замкнутым, строго иерархичным преступным истеблишментом за пределами Ночного Города. Генетические материалы и гормоны проникали на Нинсеи по таинственной цепочке связных. Однажды Уэйджу каким — то образом удалось выяснить, откуда поступает товар, и теперь у него были прочные связи с дюжиной городов.

Кейс очнулся от размышлений у витрины магазина. Здесь продавали морякам маленькие блестящие штучки: часы, пружинные ножи, зажигалки, карманные видеодвойки, симстим — деки, массивные цепочки — манрики и сюрикены. Эти стальные звездочки с острыми, как бритва, лучами всегда его восхищали. Одни — хромированные, другие — черные, третьи — с радужными, как масло на воде, разводами. Хромированные — просто загляденье. Лежат на алой ультразамше, прикрепленные едва заметной нейлоновой леской, в центре каждой — выдавленный значок Инь — Ян или дракончик. Сюрикены переливались уличным неоном, и Кейсу на мгновение показалось, что это и есть его путеводные звезды, что его судьба читается в созвездии грошовых хромированных железок.

— Джули, — сказал им Кейс. — Пора навестить старину Джули. Он все знает.

Джулиусу Дину было сто тридцать пять лет, и он упорно замедлял свой метаболизм еженедельным приемом сывороток и гормонов. Но его главным оружием против старения было ежегодное паломничество в Токио, где хирурги — генетики совершали недоступную в Тибе операцию — восстанавливали генетический код. После омоложения Дин летел в Гонконг, где заказывал годовой запас костюмов и рубашек. В жизни этого бесполого, нечеловечески спокойного человека была одна —

единственная страсть: он исповедовал наиболее эзотерические разновидности шмоткопоклонства. И хотя его гардероб чуть ли не целиком состоял из тщательных реконструкций прошлого столетия, Кейс ни разу не видел, чтобы Джулиус надел один и тот же костюм дважды. Дин носил очки в тончайшей золотой оправе с линзами, вырезанными из пластинок розового синтетического кварца и обточенными наподобие зеркал викторианского кукольного домика.

Его контора помещалась неподалеку от Нинсеи, в складском помещении, много лет назад частично обставленном разношерстной европейской мебелью, словно Дин и вправду собирался здесь жить. В комнате, где находился сейчас Кейс, вдоль стены пылились громоздкие книжные шкафы в новоацтекском стиле. На низком, а — ля Кандинский, кофейном столике, изготовленном из окрашенной в ярко — алый цвет стали, неуклюже примостились две пузатые настольные лампы в стиле Диснея. На стене, между книжными шкафами, висели часы в манере Сальвадора Дали, их искаженный циферблат стекал прямо на бетонный пол. Голографические стрелки в точности повторяли мельчайшие изгибы причудливого циферблата, но почему — то всегда показывали неправильное время. Повсюду стояли белые упаковки из фибергласса, источавшие резкий запах имбиря.

— Хвоста за тобой вроде нет, — раздался из ниоткуда голос Дина. — Ну, давай, сынок, входи.

Слева от книжных шкафов щелкнули магнитные запоры массивной, отделанной под розовое дерево двери. К полированному пластику были приклеены — и почти уже отклеились — большие буквы: «ДЖУЛИУС ДИН. ИМПОРТ — ЭКСПОРТ», И если в импровизированной приемной обстановка воспроизводила конец прошлого века, то в самом кабинете она соответствовала его началу.

Из светового пятна, созданного старинной медной лампой с темно — зеленым прямоугольным абажуром, на Кейса смотрело гладкое розовое лицо. Импортер восседал за огромным металлическим письменным столом, с обеих сторон его окружали шкафы из светлого дерева с многочисленными ящичками. Кейс предполагал, что в них, вероятно, раньше хранились какие — то записи. Столешницу заваливали разбросанные кассеты, рулоны пожелтевших распечаток и детали допотопной механической пишущей машинки, до которой у Дина никогда не доходили руки.

— Так чем же обязан честью? — спросил импортер, в руке его появилась тоненькая конфетка в бело — голубом клетчатом

фантике. — Попробуй. «Тинг — Тинг — Дьяхе», самые лучшие.

Кейс отрицательно мотнул головой, сел на гнутый деревянный стул и провел большим пальцем по едва заметному рубчику черных джинсов.

— Джули, я слышал, что Уэйдж хочет меня убить.

— А — а–а… Ну, тогда… А от кого ты это слышал, позволено будет узнать?

— От людей.

— От людей, — повторил Дин, посасывая конфетку. — Что же это за люди? Друзья?

Кейс кивнул.

— Не всегда ведь и поймешь, кто твой друг, верно?

— Я немного задолжал Уэйджу. Он ничего тебе не говорил?

— В последнее время я с ним не общался, — вздохнул Дин. — Но и знай я что — нибудь, все равно ничего бы тебе не сказал. Исходя из положения вещей, сам понимаешь.

— Положения вещей?

— Уэйдж — важное звено, Кейс.

— Он действительно хочет меня убить?

— Этого я не знаю. — Дин равнодушно пожал плечами. Посторонний наблюдатель мог бы подумать, что они обсуждают цены на имбирь. — Если слух не подтвердится, возвращайся, сынок, где — нибудь через недельку, я подкину тебе малость сингапурского товару.

— Из отеля «Нан — Хай», что на Бенкулен — стрит?

— Болтай поменьше! — ухмыльнулся Дин.

Металлический стол был под завязку забит оборудованием, исключающим прослушивание.

— Ладно, до встречи, Джули. Пойду поприветствую Уэйджа.

Пальцы Дина поправили идеальный узел светлого шелкового галстука.

Кейс не прошел и квартала, как внезапно, прямо — таки на клеточном уровне, почувствовал, что кто — то плотно сел ему на хвост.

Мания преследования была для Кейса нормальным профессиональным заболеванием, как силикоз для шахтеров; он давно воспринимал эту слабость как нечто само собой разумеющееся. Хитрость состояла в том, чтобы не позволить ей выйти из — под контроля, но сегодня это было довольно затруднительно из — за большого количества закаченных «колес». Кейс справился с приливом адреналина и, придав своему узкому лицу выражение скучающей рассеянности, притворился праздным гулякой. Через некоторое время он увидел затемненную витрину и остановился рядом. Это был

хирургический бутик, закрытый на ремонт. Сунув руки в карманы, Кейс разглядывал плоский шмат искусственной плоти, лежащий на резной, поддельного нефрита, подставке. Кожа образца напомнила ему «загар» шлюх Зоуна, на ней тускло, как татуировка, мерцал цифровой дисплей, управляемый подкожным чипом. «Зачем, — подумал Кейс, чувствуя, как пот струится по ребрам, — нужно вживлять микросхему, если ее можно просто носить в кармане?»

Не поворачивая головы, одними глазами, он изучал отражение проходящей мимо толпы.

Вот.

За моряками в рубашках хаки с короткими рукавами. Темные волосы, зеркальные очки, темная одежда, стройный…

Исчез.

Низко пригнувшись, петляя между прохожими, Кейс побежал по улице.

— Одолжи мне ствол.

Шин улыбнулся:

— Через два часа.

Окруженные запахами свежевыловленной морской живности, они стояли в подсобке павильона, торгующего суси на улице Сига.

— Ты вернуться через два часа.

— Мне нужно сейчас. Поищи, может, есть что — нибудь.

Шин пошарил за пустыми двухлитровыми банками из — под тертого хрена и извлек на свет божий продолговатый, завернутый в серую клеенку пакет.

— Тазер. Один час, двадцать нью — иен. Залог тридцать.

— На хрена он мне? Мне нужен пистолет. А то пойду я вот сейчас гулять, и захочется мне кого — нибудь шлепнуть. Ну и куда же я тогда без пистолета?

Официант пожал плечами и водворил тазер на прежнее место:

— Через два часа.

Кейс вошел в магазин, даже не взглянув на выставку сюрикенов. Он не метал их ни разу в жизни.

С помощью кредитного чипа Мицубиси — банка на имя Чарльза Дерека Мея он купил две пачки «Ихэюаня»; чип этот служил Кейсу вместо паспорта.

Продавщица — японка за кассовым терминалом выглядела на несколько лет старше старины Дина, *правда,* свои годы она прожила без помощи достижений науки. Кейс вынул из кармана тощую стопку новых иен:

— Я хочу купить оружие.

Продавщица показала на витрину с ножами.

— Нет, — сказал Кейс, — я не люблю ножи.

Тогда женщина вытащила из — под прилавка продолговатую коробку. На желтом картоне крышки грозно раздувала капюшон аляповатая, свернувшаяся кольцами кобра. Под крышкой лежали восемь одинаковых цилиндров в бумажной упаковке. Кейс молча наблюдал, как коричневые, в старческих желтых пятнах пальцы разворачивают обертку. Женщина показала ему матовую стальную трубочку с кожаной петлей на одном конце и маленькой бронзовой пирамидкой на другом. Она взяла трубку в одну руку, зажала пирамидку между большим и указательным пальцами другой, затем потянула за петлю. Наружу вылетели и застыли три промасленных телескопических сегмента туго навитой пружины, заканчивающиеся острым наконечником.

— Кобра, — произнесла продавщица.

Небо над неоновыми конвульсиями Нинсеи приобрело сероватый оттенок. Сегодня воздух обдирал легкие, словно наждачная шкурка; на многих прохожих были фильтрующие маски. Кейс провел в уборной целых десять минут, пытаясь пристроить «кобру» поудобнее, но в конце концов попросту заткнул ее за пояс. Прикрытый штормовкой пирамидальный конец тыкался под ребра. При каждом шаге эта штуковина грозила грохнуться на землю, но все же с ней было как — то спокойнее.

На самом деле «Тац» не очень — то процветал и в будние вечера привлекал в основном постоянную клиентуру. Зато по пятницам и субботам он выглядел совсем иначе. И хотя в эти дни многие завсегдатаи приходили тоже, они как — то терялись среди массы подвыпивших моряков и профессиональных воришек, охотившихся за их кошельками. Войдя в бар, Кейс поискал глазами Раца, но тот куда — то исчез. Местный сутенер Лонни Зоун остекленевшим взором подвыпившего папаши наблюдал, как одна из его девочек обрабатывает юного моряка. Сводник употреблял балду, которую японцы называют «облачные танцовщицы». Поймав на себе его взгляд, Кейс помахал рукой. Лонни неторопливо переместился к нему сквозь толпу, его анемичное продолговатое лицо выражало безмятежное спокойствие.

— Лонни, ты видел сегодня Уэйджа?

Зоун посмотрел на Кейса и медленно покачал головой.

— Зуб даешь?

— А может, и видел. В «Намбане». Часа два назад.

— С ним были ребята? Один такой стройный, с темными волосами, наверное, в черной куртке?

— Нет, — сказал Зоун после длительных раздумий; морщины на его лбу должны были свидетельствовать о мучительных усилиях, необходимых, чтобы вспомнить столь мелкие подробности. — Здоровые такие ребята. С искусственными бицепсами.

Под прикрытыми веками Зоуна проглядывали крохотные белки, еще меньшие радужки и огромные расширенные зрачки. Он долго смотрел Кейсу в лицо, затем опустил взгляд. Заметил выпирающий стальной хлыст. Многозначительно поднял бровь и сказал:

— «Кобра». Ты хочешь кого — то замочить?

— Пока, Лонни.

И Кейс покинул бар.

Хвост вернулся. Кейс знал это наверняка. К обычному наркотическому возбуждению добавилось нечто новое, он почувствовал приступ восторга. А раз ты радуешься, подумал он, значит у тебя действительно едет крыша.

Каким — то непостижимым и слегка жутковатым образом обстановка напоминала матрицу. Устань, окажись в отчаянно неожиданном и неожиданно отчаянном положении, и ты увидишь Нинсеи в облике информационного поля, — примерно так же однажды матрица напомнила ему протеины, сцепляющиеся друг с другом, чтобы задать специализацию клетки. Затем ты можешь броситься в головокружительный, акробатический полет, отдаться ему целиком, ни на секунду не забывая о своей самостоятельности, пока вокруг тебя бушует привычный танец чисел и символов интерактивной деловой информации и ты видишь, как базы данных оживают во плоти лабиринтов черного рынка…

«Давай, Кейс, — говорил он сам себе. — Надери их. Вот уж чего они никак не ожидают».

Кейс находился в полуквартале от игровой аркады, где познакомился с Линдой Ли.

Расталкивая гуляющих матросов, он бросился через улицу. Ему вслед заорали по — испански. Кейс открыл дверь и оттуда рванулся грохот, похожий на рев прибоя, и мощный инфразвук отозвался даже не в ушах, а где — то в желудке. Кто — то нанес десятимегатонный удар в «Танковой войне в Европе», чудовищный огненный шар, имитирующий воздушный ядерный взрыв, превращался в программный клубящийся дымный гриб, и вся аркада утонула в белом шуме. Кейс бросился вправо и побежал по некрашеным ступенькам вверх. Как — то он приходил сюда с Уэйджем, договариваться о запрещенных гормональных триггерах с человеком по имени Мацуга. Кейс припоминал этот

коридор, грязную циновку, ряд одинаковых дверей, ведущих в крохотные кабинетики. Одна дверь была открыта. Из — за белого терминала на него смотрела молоденькая японочка в черной майке; за ее спиной виднелся постер, рекламирующий поездку в Грецию — голубизна Эгейского моря и, поверх нее, четкие строчки витиеватых иероглифов.

— Вызови охрану, — сказал ей Кейс.

И помчался дальше по коридору. Две последние двери были закрыты и, скорее всего, заперты. Он развернулся и припечатал нейлоновой подошвой кроссовки самую дальнюю по коридору дверь, сделанную из синего пластика. Раздался хруст, и слабые петли вырвало из хлипкого косяка. Темнота и белый изгиб компьютерного терминала. Кейс бросился направо к следующей двери, схватился за прозрачную пластмассовую ручку и навалился изо всех сил. Что — то щелкнуло, и он оказался в комнате. Именно здесь они с Уэйджем видели в тот раз Мацугу, но от фирмы, которая здесь размещалась, не осталось и следа… Ни терминалов, ничего. Только тусклый уличный свет, сочащийся сквозь закопченный пластик. Кейс заметил высовывающуюся из стенки змею световодного кабеля, кучу пустых пакетов из — под какой — то японской жратвы и электрический вентилятор без лопастей.

Окно было заделано куском дешевой, некогда прозрачной пластмассы. Кейс снял куртку, обмотал правую руку И ударил. Окно треснуло, еще два удара, и оно вылетело из рамы. То ли из — за разбитого окна, то ли благодаря девушке сквозь приглушенный хаос игры начала завывать тревожная сирена.

Кейс обернулся, накинул куртку и привел «кобру» в полную боевую готовность. Он ждал, что преследователь заметит выбитую дверь и бросится сначала туда. Бронзовая пирамидка на конце трубки начала мелко дрожать, упругий стальной хлыст вторил ударам пульса.

Время шло, однако ничего не происходило. Только завывала сирена, гремели игры, колотилось сердце. И тогда, как полузабытый друг, вернулся страх. Но не холодный, четкий механизм дексаминовой паранойи, а обыкновенный животный ужас. Кейс так долго прожил в постоянной тревоге, что почти забыл вкус настоящего страха.

Такая комнатушка — самое то, чтобы сдохнуть. И он может здесь умереть. У них вполне могут быть пистолеты.

В дальнем конце коридора что — то грохнуло. Какой — то мужчина заорал по — японски. Дикий ужасный вопль. И снова грохот.

Неторопливые приближающиеся шаги.

Кто — то проходит мимо двери. Тишина, только три торопливых удара сердца. Возвращается. Раз! Два! Три! Скрипнула под каблуком циновка.

Остатки дексаминовой смелости рухнули. В слепом, нерассуждающем ужасе, чувствуя, как звенят от напряжения нервы, Кейс сложил «кобру» и подкрался к окну. Не отдавая отчета в своих действиях, он вскочил на подоконник и прыгнул вниз. Столкновение с мостовой послало вдоль голеней острые клинья боли.

Узкая полоса света из полуоткрытого служебного люка падала на клубок проводов, разбитые платы и консоль древнего компьютера. Кейс лежал лицом вниз на сырой древесностружечной плите; придя в себя от удара, он сразу перекатился в тень. Окно, откуда он выпал, слабо светилось. Здесь завывание сирены слышалось громче, а шум игрового зала, отгороженного стеной, — тише.

В окне появилась и тут же исчезла чья — то голова. Опять появилась, но черты лица не разобрать. Только вместо глаз — серебряный блеск.

— Вот дерьмо! — произнес женский голос с акцентом северного Муравейника.

Голова исчезла и больше не появлялась. Лежа под консолью, Кейс сосчитал до двадцати и встал. Несколько секунд он тупо смотрел на собственную руку и зажатую в ней «кобру», а затем заковылял по улице, прихрамывая и стараясь меньше ступать на левую ногу.

Интересно, где это Шин откопал такую рухлядь, ведь пистолетику лет пятьдесят, никак не меньше. Вьетнамская копия с бразильской пародии на «Вальтер ППК», самовзвод с очень тугим спуском, приспособлен под винтовочный патрон двадцать второго калибра. Да и в патронах не настоящие разрывные пули, а китайская дешевка, свинцовые с пустотелым концом. И все — таки это пистолет, с восемью патронами в обойме и одним в стволе; выйдя из лавчонки Шина на улицу Сига, Кейс то и дело опускал руку в карман и поглаживал красную пластиковую рукоятку, украшенную рельефными драконами. Выйдя на Нинсеи, он выбросил «кобру» в мусорный ящик и проглотил, не запивая, очередной восьмиугольник.

Таблетка заметно подняла тонус, и он стремительно помчался по Нинсеи и далее по Байицу. Хвост, похоже, отстал, и это тоже радовало. Ему нужно позвонить, погоня погоней, но бизнес не ждет. Недалеко от порта на улице Байицу стоял безобразный десятиэтажный дом из желтого кирпича. Его окна уже погасли, но если задрать голову, можно было различить

слабое свечение, идущее с крыши. Потухшая неоновая вывеска у главного входа гласила: «Дешевый отель»; далее шли иероглифы, понятные, естественно, одним японцам. Если гостиница и имела другое название, то Кейс его не знал, потому что ее везде назвали не иначе как «Дешевый отель». Свернув с Байицу в узкий проулок, вы оказываетесь у основания прозрачной шахты. Лифт к «Дешевому отелю» пристроили позднее, с помощью бамбука и эпоксидки. Кейс забрался в кабину и вставил в щель свой индивидуальный ключ — обрезок жесткой магнитной ленты.

Кейс арендовал здесь гроб в первый же день по прибытии в Тибу и возобновлял договор еженедельно. Однако он ни разу здесь не спал. На ночь он перебирался в другие, еще более дешевые заведения.

Исцарапанные засаленные стенки кабины провоняли дешевыми духами и сигаретами. Когда лифт прошел пятый этаж, Кейс увидел уличные фонари Нинсеи. Постукивая пальцами по рукоятке пистолета, он дождался, пока лифт со змеиным шипением остановится. Как всегда, остановка сопровождалась сильным толчком, но он к этому привык. Выйдя из лифта, он очутился на зеленой лужайке, служившей одновременно гостиничным холлом. Посреди синтетического газона за полукруглой компьютерной консолью сидел мальчишка — японец; он читал какой — то учебник. Над пацаном возвышались строительные леса с фиберглассовыми гробами. Шесть ярусов, по десять гробов в каждом, с каждой из четырех сторон. Кейс кивнул мальчишке и пошкандыбал к ближайшей лестнице. И хотя все сооружение было покрыто листами дешевого слоистого пластика, которые трещали от сильного ветра и текли во время дождя, сами гробы были довольно прочными, забраться в такую капсулу без ключа было не так — то и просто.

Длинный решетчатый трап вибрировал под ногами, пока Кейс пробирался по третьему ярусу к своему 92–му номеру. Все гробы были три метра длиной и имели овальный люк в один метр шириной и чуть меньше полутора метров высотой. Кейс вставил магнитный ключ в щель и подождал, пока компьютер подтвердит его подлинность. Магнитные запоры громко щелкнули и, скрипя пружинами, люк поднялся вверх. Загорелись флюоресцентные лампы, он заполз внутрь, закрыл за собой люк и заперся на механический засов.

В «номере» не было другой мебели, кроме маленького карманного компьютера «хитачи» и небольшого холодильника. В белом пенопластовом шкафчике лежало все, что осталось от трех десятикилограммовых брусков сухого льда, обернутых плотной бумагой, чтобы меньше испарялись, а также небольшая

алюминиевая фляга. Присев на коричневом поролоновом мате, который служил одновременно и полом и кроватью, Кейс вынул из кармана пистолет и положил его на холодильник. Затем снял куртку. В одну из изогнутых стен гроба был встроен пульт бытового компьютера, а напротив висела табличка, сообщавшая домовые правила на семи языках. Кейс снял розовую телефонную трубку и набрал по памяти гонконгский номер. Прослушав пять длинных гудков, он повесил трубку. Покупатель трех мегабайт горячей информации, припрятанных сейчас в памяти его «хитачи», не отвечал.

Тогда он позвонил по токийскому номеру, в Синдзюку.

В трубке женский голос что — то сказал по — японски.

— Ловчила дома?

— Рад тебя слышать, — вступил в разговор Ловчила. — Я ждал твоего звонка.

— Я подыскал музыку, которую ты хотел. — Кейс посмотрел на холодильник.

— Очень рад. Но у нас проблемы с наличностью. Ты можешь подождать?

— Слушай, мне очень нужны деньги…

В трубке раздались короткие гудки.

— Ну и говно же ты, — произнес Кейс. Он с сомнением уставился на дешевый маленький пистолет.

— Странно это все, — сказал он. — И чем дальше, тем страньше.

Держа руки в карманах, причем одна рука сжимала пистолет, а другая — алюминиевую фляжку, Кейс вошел в «Тац». До рассвета оставался еще добрый час.

Прислонившись к стенке, взгромоздив все свои сто двадцать кило на скрипучий стул, Рац сидел за дальним столиком и пил из пивной кружки минералку «аполлонарис». За стойкой работал бразилец Курт, который присматривал за несколькими, в основном тихими, пьяницами. Рац поднял надсадно гудящим протезом кружку, сделал глоток и поставил ее на место.

— Плохо выглядишь, дружище артист, — сказал он, демонстрируя мерзостное содержимое своего рта.

— Наоборот, я чувствую себя отлично, — улыбнулся Кейс, и его лицо стало похоже на оскаленный череп. — Сверхотлично.

Он плюхнулся на стул напротив Раца, по — прежнему держа руки в карманах.

— Ага, и ты шляешься с места на место в своем переносном бомбоубежище из водки и стимуляторов. Защита от неприятных эмоций, не так ли?

— Слушай, отстал бы ты от меня со своими шуточками.

Уэйдж тут не пробегал?

— Защита от страха и одиночества, — продолжал бармен. — Прислушайся к своему страху. Может быть, он — твой друг.

— Ты ничего не слышал о потасовке в аркаде, Рац? Кого — нибудь ранили?

— Кто — то сильно порезал охранника. — Бармен равнодушно пожал плечами. — Вроде девица какая — то.

— Я хочу поговорить с Уэйджем, Рац. Я…

— Да? — Губы бармена неожиданно сжались в прямую линию. Он смотрел мимо Кейса на входную дверь. — Сейчас поговоришь.

Перед внутренним взором Кейса неожиданно сверкнул сюрикен. В голове звенел проглоченный за день декс. Пистолетная рукоятка стала скользкой от пота.

— Герр Уэйдж, — сказал Рац и медленно протянул вперед свой розовый манипулятор, как будто ожидая рукопожатия. — Какая огромная честь. Вы такой у нас редкий гость.

Кейс обернулся и посмотрел Уэйджу в лицо. Загорелая, ничем не приметная маска. Его глаза, искусственные, цвета морской волны (трансплантанты фирмы «Никон»), ничего не выражали. Уэйдж был одет в темно — серый шелковый костюм и на каждом запястье носил по простенькому платиновому браслету. Его сопровождали два почти одинаковых молодых парня, руки и плечи которых раздувались от искусственных мышц.

— Как поживаешь, Кейс?

— Джентльмены, — сказал Рац и взял со стола розовой клешней пепельницу, полную окурков. — Я не хочу здесь никаких неприятностей. — Толстая, из ударопрочной пластмассы пепельница рекламировала пиво «Циньтао». Она жалобно хрустнула в клешне Раца, на стол посыпались окурки и зеленые осколки. — Вы понимаете меня?

— Эй, папаша, — сказал один из парней, — уж не хочешь ли ты испытать эту штуковину на мне?

— Не старайся целиться в ноги, Курт, — негромко кинул Рац. Только теперь Кейс увидел, что стоящий за стойкой бразилец навел на троицу «усмирительное» ружье фирмы «Смит — и–Вессон». Ствол ружья, сделанный из тонкого, как бумага, сплава, плотно обвивала длинная стеклянная нить, а калибр был столь велик, что в дульное отверстие свободно проходил сжатый кулак. В решетчатом открытом магазине виднелись пять толстых оранжевых патронов с «желейными» пулями.

— Теоретически несмертельно, — сказал бармен.

— Слушай, Рац, — заговорил наконец Кейс, — за мной

должок.

Тот пожал печами.

— Ничего ты мне не должен. А этим, — он сверкнул глазами в сторону Уэйджа и его дружков, — следовало бы получше знать правила. В «Тацубо» никого не мочат.

Уэйдж примирительно кашлянул:

— Никто никого и не собирался мочить. Мы только хотели поговорить о деле. Мы с Кейсом партнеры.

Кейс вытащил пистолет и навел его Уэйджу в пах:

— Мне сказали, ты хочешь меня убить.

Розовая клешня обхватила пистолет, Кейс беспрекословно его выпустил.

— Слушай, Кейс, что с тобой, черт возьми, происходит, у тебя что, совсем крыша поехала? Что это за дерьмо, будто я собираюсь тебя убить? — Уэйдж повернулся к своим телохранителям: — Вы, двое, отправляйтесь в «Намбан». Ждите меня там.

Кейс наблюдал, как парочка проследовала к выходу, теперь, кроме них, в баре оставались только Курт за стойкой да пьяный матрос, свернувшийся калачиком на полу. Ствол «Смит — и–Вессона» проводил двоих к двери, а затем опять вернулся к Уэйджу. Магазин «Вальтера» со стуком упал на стол. Держа оружие клешней, Рац здоровой рукой вылущивал патрон из патронника.

— Кто тебе сказал, что я собираюсь тебя пришить, — спросил Уэйдж.

Линда.

— Кто тебе такого наговорил? Кто — то пытался тебя подставить.

Матрос застонал и изрыгнул фонтан блевотины.

— Вышвырни его отсюда, — приказал Рац Курту, который закуривал, сидя на краю стойки; ружье лежало у него на коленях.

Внезапно Кейс почувствовал, что ночь навалилась на него и как будто мокрый тяжелый песок надавил на глазные яблоки. Он вынул из кармана алюминиевую фляжку и протянул ее Уэйджу:

— Все, что у меня есть. Гипофизы. Если постараться, можно толкануть за пять сотен. Остальные мои деньги были вложены в кое — какие файлы, но с ними, похоже, полный прогар.

— Слушай, Кейс, ты не болен? — Фляжка исчезла во внутреннем кармане темно — серого пиджака. — Я хотел сказать, ладно, мы в расчете, но у тебя нездоровый вид. Такое ощущение, словно об тебя вытирали ноги. Шел бы ты и поспал.

— Да, вот ещё. — Кейс встал, и бар закачался перед глазами. — У меня было еще пятьдесят. Но я их отдал одной подруге.

Он по — дурацки хихикнул. Затем взял со стола магазин, отдельный патрон, положил их в один карман, а пистолет засунул в другой.

— Пойду к Шину, заберу залог.

— Лучше иди домой, — как — то смутившись, произнес Рац и сел обратно на стул, который жалобно заскрипел под его огромным телом. — Артист. Иди — ка ты домой.

Проталкиваясь в дверь, Кейс спиной чувствовал, что они смотрят ему вслед.

— Вот же сука, — сказал Кейс, глядя, как небо над Сигой приобретало розовый оттенок. Голограммы Нинсеи, подобно ночным призракам, одна за другой исчезали перед наступающим рассветом, а неоновые вывески погасли уже почти все. Кейс отхлебнул из пластмассового стаканчика крепкий черный кофе, купленный у уличного торговца, и вновь посмотрел на восходящее солнце.

— Улетай — ка ты отсюда, милочка. Город вроде этого — для тех, кто предпочитает катиться по наклонной.

На самом деле все было гораздо сложнее, и едва ли стоило переживать по поводу ее предательства. Просто Линде был нужен билет домой, а содержимое памяти его «Хитачи» обеспечит ей необходимую сумму, если, конечно, она найдет покупателя. А как ловко она обошлась с пятидесяткой: ведь она чуть было ее не вернула — наверняка уже зная, что вскоре обчистит его до нитки.

Когда Кейс вышел из лифта «Дешевого отеля», за столом сидел все тот же мальчуган. Правда, уже с другим учебником.

— Эй, приятель, — крикнул ему Кейс, — можешь ничего не рассказывать. Я уже все знаю. Приходила хорошенькая дама и сказала, что я дал ей свой ключ. И предложила неплохие чаевые, скажем, пятьдесят новых?

Мальчик оторвался от книги и оторопело на него уставился.

— Женщина, — сказал Кейс и провел по лбу мальчишки большим пальцем. — Белая. — Он широко улыбнулся. Мальчишка заулыбался в ответ и закивал головой.

— Спасибо, задница, — бросил Кейс и направился к лестнице.

Замок долго не хотел открываться. «Наверное, испортила, когда вскрывала, — подумал Кейс. — Начинающая». Сам — то он отлично знал, где взять «черный ящик», при помощи которого можно было открыть в «Дешевом отеле» любую дверь. Когда он наконец забрался внутрь, вспыхнули лампы.

— Ну — ка, дружок, не дергайся, закрой люк, только очень медленно. Та штука, которую ты взял у официанта, еще с тобой?

Опираясь спиной о стену, в дальнем конце гроба сидела

незнакомка. Она целилась в него из игольника, держа его, для верности, обеими руками и положив запястья на согнутые колени. Ствол, похожий на головку перечницы, глядел ему прямо в лицо.

— Это ты буйствовала там, в аркаде? — Кейс закрыл люк. — А где Линда?

— Закрой дверь на задвижку.

Кейс повиновался.

— Линда? Это твоя девушка?

Он кивнул.

— Уехала. Прихватила с собой твою «хитачи». Очень нервный ребенок. Так как насчет пушки?

На девушке были зеркальные очки. И вся она была в черном, и каблуки черных ботинок глубоко вдавливались в темперлон.

— Я вернул его Шину и забрал залог. И патроны вернул, за полцены. Тебе что нужно, деньги?

— Нет.

— Тогда, может, сухой лед? Это все, что у меня осталось.

— Слушай, что сегодня с тобой происходит? Зачем ты устроил скандал в аркаде? В результате за мной увязался охранник с нунчаками, пришлось его резать.

— Линда сказала, что ты хочешь меня убить.

— Линда? Да я ее сегодня в первый раз увидела — здесь, в твоем гробу.

— Разве ты работаешь не на Уэйджа?

Девушка покачала головой. Кейс только сейчас заметил, что свои так называемые «очки», плотно закрывающие глазные впадины, она надела явно не без помощи умелого хирурга. Серебристые линзы, казалось, вросли в бледное лицо, обрамленное шапкой темных, небрежно подстриженных волос. Тонкие белые пальцы с бордовым маникюром сжимали игольник. Ногти, похоже, были искусственные.

— Ты, Кейс, сидишь в глубокой заднице. Я больше не собираюсь прятаться, так что вмонтируй меня, пожалуйста, в свою картину мира.

— Так что же вам от меня нужно, леди? — Кейс оперся спиной на люк.

— Ты. Одно живое тело — и при нем мозги, которые кое — как еще фурычат. Молли, Кейс. Меня зовут Молли. Я отведу тебя к человеку, на которого работаю. Он хочет с тобой поговорить. Просто поговорить. Никто не собирается делать тебе больно.

— Что ж, это хорошо.

— Правда, вот я иногда делаю людям больно. Так уж я устроена.

На девушке были обтягивающие джинсы из замши и

просторная черная куртка из какого — то матового материала, который, казалось, полностью поглощал свет.

— Если я спрячу этот самострел, ты не будешь создавать мне трудностей, Кейс? Ты не похож на человека, который любит глупый риск.

— Да что ты, не беспокойся, я буду паинькой, никаких проблем.

— Ну, что ж, прекрасно. — Игольник исчез под черной курткой. — Потому что, если ты попытаешься со мной выкобениваться, это будет самый глупый поступок в твоей глупой жизни.

Она вытянула руки ладонями вверх, слегка расставила пальцы, послышался едва слышный щелчок — и десять обоюдоострых четырехсантиметровых стальных лезвий выскочили из своих ножен под бордовыми ногтями.

Девушка улыбнулась. Лезвия медленно втянулись обратно.

2

После целого года жизни в гробах комната на двадцать пятом этаже «Тиба — Хилтона» казалась огромной. Восемь на десять метров, и это еще половина номера. Из белой кофеварки фирмы «Браун» шел пар, она стояла на столике возле раздвижных стеклянных панелей, которые открывались на узкий балкон.

— Влей — ка в себя малость кофе. Тебе совсем не помешает.

Девушка сняла черную куртку, игольник болтался у нее под мышкой на черных нейлоновых ремнях. Кроме того, на ней был серый жилет с металлическими «молниями» на плечах. «Пуленепробиваемый», — решил Кейс, наливая себе дымящегося кофе в ярко — красную кружку. Ноги его и руки были как деревянные.

— Кейс.

Кейс поднял голову. Этого человека он видел впервые.

— Меня зовут Армитидж.

Под темным распахнутым халатом виднелась мускулистая, совершенно безволосая грудь и плоский крепкий живот. Очень светлые, почти водянистые голубые глаза наводили на мысль об искусственном обесцвечивании.

— Солнце встало, Кейс. Солнце твоего счастливого дня.

Кейс бросил руку в сторону, но мужчина легко отклонился от обжигающе горячей струи. По обоям, имитирующим рисовую бумагу, растеклось коричневое пятно. На левой мочке мужчины висел золотой многоугольник. Спецназ. Армитидж улыбнулся.

— Налей кофе и пей, — равнодушно бросила Молли. —

Бояться тебе нечего, но ты не выйдешь отсюда, пока Армитидж с тобой не поговорит.

Девица села по — турецки на атласный пуфик и стала не глядя разбирать свой игольник. Кейс вернулся к столу и налил себе еще кофе; два зеркала следили за каждым его шагом.

— Ты слишком молод, чтобы помнить войну, верно? — Армитидж провел громадной ладонью по коричневому ежику на голове. На запястье тускло блеснул золотой браслет. — Ленинград. Киев. Сибирь. Именно там, в Сибири, мы изобрели тебя, Кейс.

— И как это следует понимать?

— «Разящий Кулак», Кейс. Слышал когда — нибудь о таком?

— Какая — то диверсионная операция, так, что ли? Пытались сжечь компьютерный центр русских вирусными программами? Да, слышал. Никто не вернулся живым.

В комнате повисла напряженная тишина. Армитидж подошел к окну и стал смотреть на Токийский залив.

— Не совсем так. Одна группа сумела — таки вернуться в Хельсинки.

Кейс молча пожал плечами и отхлебнул кофе.

— Ты ведь компьютерный ковбой. Так вот, прототипы программ, которыми ты взламываешь промышленные банки данных, были разработаны для операции «Разящий кулак». Для нападения на компьютерный центр в Киренске. Каждая группа состояла из сверхлегкого самолетика «Ночное крыло», пилота, матричной деки и жокея. Мы пользовались вирусом, который получил название «Крот». Серия «Крот» стала первым поколением действительно мощных программ вторжения.

— Ледоколы, — кивнул Кейс, не отводя от губ красную кружку.

— Именно. Системы защиты компьютерных банков данных называют «ЛЕД». Такая простенькая аббревиатурка.

— Беда в том, мистер, что вы ошиблись адресом, или, лучше сказать, опоздали. Я больше не жокей. Так что нам остается только попрощаться и…

— Я был там, Кейс. Я присутствовал, когда изобрели тебя и тебе подобных.

— Ни хрена тебе, мужик, не обломится — ни с меня, ни с подобных мне. Ну, водятся у тебя крутые башли. Ну, нанял ты эту, ой как дорогую, девку с бритвами. Ну, взяла она меня за жопу и приволокла сюда, ну и что? Где сядешь, там и слезешь. Не буду я больше работать на деке, никогда. Ни для тебя, ни для кого другого. — Кейс подошел к окну и посмотрел вниз. — Вон где я теперь живу.

— Судя по психопрофилю, ты намеренно пытаешься спровоцировать улицу, чтобы она убила тебя — в тот момент, когда ты этого никак не ждешь.

— Психопрофиль?

— Мы создали подробную модель. Раздобыли маршруты твоих поездок под каждым из псевдонимов и обработали полученную информацию с помощью некой военной программы. Ты склонен к суициду, Кейс. Модель оставляет тебе всего месяц жизни. Да к тому же наш медицинский анализ говорит, что уже в этом году тебе понадобится новая поджелудочная железа.

— Мы… — Кейс посмотрел в выцветшие голубые глаза. — Кто это мы?

— А что бы ты сказал, узнав, что мы можем тебя вылечить? Отремонтировать твою нервную систему? — Теперь Армитидж казался глыбой металла — массивной, чудовищно тяжелой. Статуя. Кейс понял, что это только сон и он сейчас проснется. Армитидж больше не заговорит. Сны всегда заканчивались стоп — кадром, вот и этот сейчас кончится. Тем же.

— Ну, так что ты на это скажешь?

Кейс перевел взгляд на залив и зябко поежился:

— А то и скажу; не засерай мне мозги.

Армитидж невозмутимо кивнул.

— А затем спрошу: на каких условиях?

— Примерно на тех же, на каких ты работал раньше.

— Дай человеку прийти в себя, Армитидж, — подала голос Молли; детали игольника лежали перед ней наподобие хитроумной головоломки. — Он же на куски разваливается.

— Точные условия, — упрямо мотнул головой Кейс, — и сейчас. Прямо сейчас.

Его била дрожь. И он не мог эту дрожь унять.

Безымянная клиника, расположенная в дорогом районе: новехонькие, блистающие чистотой павильоны, разделенные аккуратными, ухоженными садами. Кейс помнил это место, именно здесь он обследовался в первый месяц своего пребывания в Тибе.

— Ты напуган, Кейс. Напуган так, что поджилки дрожат.

Воскресным полднем он стоял вместе с Молли во внутреннем дворике. Белые валуны, островок зеленого бамбука, черная галька, отшлифованная морским прибоем. Робот — садовник, похожий на большого механического краба, ухаживает за бамбукам.

— Все будет хорошо, Кейс. Ты просто не знаешь, что задумал Армитидж. Он расплатится с этими нерводерами той самой программой, которая объяснит им, как тебя лечить. С этой

программой они обойдут всех своих конкурентов года на три. Ты представляешь себе, сколько это стоит?

Она сунула большие пальцы за ремень кожаных джинсов и качнулась на лакированных каблуках своих вишнево — красных ковбойских сапог. Узкие носы окантовывало блестящее мексиканское серебро. Непроницаемые, отливающие ртутным блеском линзы казались глазами какого — то фантастического насекомого.

— Ты ведь уличный самурай, — сказал Кейс. — Как давно ты на него работаешь?

— Пару месяцев.

— А до этого?

— Работала на другого. Видишь ли, я сама зарабатываю себе на жизнь.

Он кивнул.

— Забавно, Кейс.

— Что забавно?

— Такое впечатление, что я знаю тебя как облупленного. Этот профиль, о котором он говорил. Я знаю, что у тебя внутри.

— Ничего ты, сестренка, не знаешь.

— Ты же в полном порядке. То, что с тобой случилось, — просто непруха.

— Ну, а как Армитидж? Он как, в полном порядке?

Преодолевая волны черной гальки, к ним приближался робот — краб. Его бронзовый панцирь казался древним, словно был сделан тысячи лет назад. Примерно в метре от сапог Молли робот выплеснул из себя луч света и на мгновение застыл, анализируя полученные данные.

— Знаешь, Кейс, я никогда не ищу на свою драгоценную задницу никаких приключений.

Краб повернул в сторону, но Молли ловко ударила его ногой; окантованный серебром носок сапога лязгнул по бронзовому панцирю. Агрегат упал на спину, засучил бронзовыми лапами и быстро перевернулся обратно.

Кейс сел на валун и стал водить носком ботинка по гальке, разрушая идеальную симметрию черных волн. Порылся по карманам в поисках сигарет.

— В рубашке, — подсказала девушка.

— Ты не ответила на мой вопрос.

Кейс выудил из пачки мятую «ихэюанину», и девушка щелкнула тонкой стальной зажигалкой немецкого производства, блестевшей, как хирургический инструмент.

— Ладно, скажу. Этому мужику подвернулось что — то серьезное. У него большие деньги, которых не было раньше, и он

все время получает еще и еще. — Кейс заметил явное напряжение в уголках губ девушки. — А может быть, наоборот, это он кому — то удачно подвернулся… — Она пожала плечами.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Не знаю. Я знаю только то, что не знаю, на кого мы работаем.

Кейс посмотрел ей в глаза — в два круглых серебряных зеркальца. В субботу утром он вернулся из «Хилтона» в «Дешевый отель» и проспал десять часов. Затем он долго, без всякой цели, гулял вдоль портовой ограды, наблюдая, как кружатся чайки. Если она и следила за ним, то делала это очень незаметно. Он не пошел в Ночной Город, а вернулся в гроб и стал ждать звонка от Армитиджа. И вот в воскресный полдень он находился в тихом дворике, и рядом с ним — эта девушка с телом гимнастки и руками фокусника.

— Если угодно, сэр, анестезиолог ждет вас.

Санитар поклонился и, не дожидаясь Кейса, вернулся в клинику.

Пахло холодным металлом. Лед приятно холодил позвоночник.

Кейс, такой маленький, затерялся в огромной темноте, руки окоченели, его тело осталось где — то далеко внизу, а сам он летит по коридорам телевизионного неба.

Голоса.

И вдруг черный огонь пронесся по нервным сплетениям. Это была боль — боль, превосходящая все, что называют этим словом…

Лежи спокойно, не дергайся.

Рац и Линда Ли, Уэйдж и Лонни Зоун, моряки, жулики, шлюхи — сотни лиц среди неоновых джунглей под ядовито — серебристым небом — все где — то там, за тюремной оградой, за стенами черепной коробки…

Какого хрена, ты будешь наконец лежать спокойно!

Небо, бывшее прежде рябью статических помех, поблекло и превратились в бесцветье матрицы, а потом перед глазами замелькали сюрикены, его путеводные звездочки.

— Прекрати, Кейс, мне нужно попасть тебе в вену! Она склонилась над ним с голубым пластмассовым шприцем в руке.

— Если ты не будешь лежать спокойно, я проткну твое долбаное горло. В тебе еще полно эндорфинов.

Кейс проснулся в полной темноте и обнаружил, что девушка лежит рядом.

Шея казалась хрупкой, сплетенной из тонких хворостин. В самой середине позвоночника пульсировала боль. Перед глазами

проносились смутные образы: то мерцающие коллажи из небоскребов Муравейника и дырявых фуллеровых куполов, то в тени каких — то мостов на него надвигались мрачные фигуры…

— Проснулся? Сегодня среда, Кейс.

Девушка села и, перегнувшись через него, начала что — то искать. Обнаженная грудь задела руку. Кейс услышал, как она открыла банку и стала пить.

— На. — Банка очутилась у него в руке. — Я вижу в темноте, Кейс. У меня в глазах миниатюрные фотоумножители.

— Спина болит.

— Это там, где брали спинномозговую жидкость. Тебе поменяли и ее, и всю кровь. Это из — за того, что у тебя теперь новая поджелудочная. Еще тебе вшили новый кусок печени. Что делали с нервами, мне не известно. Знаю только, было множество инъекций. Все держалось в строжайшей тайне. — Девушка опять легла. — Сейчас ночь, Кейс, два часа сорок три минуты двенадцать секунд. У меня часы выведены прямо на зрительный нерв.

Кейс с трудом сел и попытался попить из банки. Поперхнулся, закашлялся, тепловатая вода полилась на грудь и бедра.

— Мне нужна дека. — Кейс почти не поверил, что это его собственные слова. Он стал нащупывать одежду. — Я должен знать…

Молли засмеялась. Маленькие сильные руки обхватили его за плечи.

— Очень сожалею, торопыга. Но тебе придется подождать восемь дней. Твои нервы выскочат наружу, если ты подключишься с ходу. Доктора велели тебе отдыхать. Они считают, что все прошло удачно. Через день — два пойдем на консультацию. — Она снова засмеялась.

Кейс лег на спину.

— Где мы?

— Дома. В «Дешевом отеле».

— А где Армитидж?

— В «Хилтоне», продает бусы туземцам или еще что — то в этом роде. Мы скоро уезжаем отсюда. Амстердам, Париж, а потом домой, в Муравейник. — Молли тронула его за плечо. — Ну — ка, перевернись. Я сделаю тебе массаж.

Кейс лег на живот и вытянул вперед руки, пальцы коснулись стенки гроба. Девушка встала над ним на колени, кожаные джинсы холодили ему поясницу. Ее пальцы погладили шею.

— А почему ты здесь, а не в «Хилтоне»?

Вместо ответа она отвела руку назад и стала легкими

круговыми движениями поглаживать ему мошонку. Так продолжалось около минуты, и все это время другая рука продолжала растирать ему шею. Кожаные джинсы негромко поскрипывали в такт ее движениям. Чувствуя, как член твердеет и начинает упираться в поролон, Кейс немного повернулся.

Боль в голове пульсировала по — прежнему, но шея не была уже такой хрупкой. Кейс приподнялся на локте и перевернулся, затем притянул девушку к себе, стал ласкать языком груди, твердые влажные соски касались его щек. Он нащупал молнию на кожаных джинсах и потянул вниз.

— Я сама, — сказала она, — я же все вижу.

В темноте послышался шорох кожи. Лежа рядом, девушка упорно брыкалась, пока наконец не избавилась от джинсов. Она перебросила через него ногу, и он коснулся в темноте ее лица. Почувствовал неожиданную твердость имплантированных линз.

— Не трогай, — остановила она, — будут следы от пальцев.

Затем она снова встала над ним на колени, взяла его ладонь и положила ее на себя — большой палец вдоль щели между ягодицами, а остальными накрыла влагалище. Когда она начала опускаться, перед его глазами снова пронеслись пульсирующие образы: какие — то лица, мигающие фрагменты неоновых реклам. Затем она опустилась совсем, и его спина судорожно выгнулась. Она стала двигаться вверх — вниз, все быстрее и быстрее, пока они оба не слились в едином оргазме и ее мокрые скользкие бедра изо всех сил не сдавили его ноги, и тогда перед его взором вспыхнула слепящая голубизна и время остановилось, как в безграничных просторах матрицы, где образы рвутся в клочья и уносятся ураганом вдаль.

На Нинсеи все так же танцевала толпа — только чуть менее плотная, как это и бывает в будни. Из аркад и салонов для игры в патинко выплескивались волны шума. Кейс заглянул в «Тац» и, как обычно, среди теплого, наполненного пивными парами полумрака увидел Зоуна, который присматривал за своими девочками. У стойки хлопотал Рац.

— Уэйджа не видел, Рац?

— Сегодня еще нет.

Увидев Молли, бармен демонстративно поднял бровь.

— Если увидишь, то передай, что я хочу отдать долг.

— Что, перемены к лучшему, артист?

— Рано еще говорить.

— Понимаешь, мне нужно увидеть этого человека. — Кейс смотрел на свое отражение в зеркалах Молли. — Я должен выйти из этого бизнеса.

— Армитиджу очень не понравится, если я отпущу тебя

одного. — Молли стояла, подбоченясь, прямо под «тающими часами» Дина.

— При тебе он не станет со мной разговаривать. Насчет Дина я не беспокоюсь, он сам о себе позаботится. Но есть люди, которые от меня зависят, они разорятся, если я так вот просто возьму и уеду из Тибы, не покончив с делами. Они мои партнеры, понимаешь?

Губы Молли твердо сжались. Она отрицательно покачала головой.

— У меня партнеры в Сингапуре, в Токио, в Синдзюку и Асакузе, они же крупно погорят, как ты не можешь понять? — соврал он, положив руку на затянутое в черную кожу плечо. — Пять. Пять минут. Время засечешь по своим часам, хорошо?

— Мне платят, и я должна выполнять инструкции.

— Ну да, тебе платят, и ты выполняешь инструкции. И тебе начхать, что в результате несколько моих лучших друзей сгорят, а может, и вообще сдохнут.

— Хрень собачья. Друзья у него, видите ли, выискались. Ты просто хочешь, чтобы этот старый прохиндей нас проверил.

Безо всякого уважения к пыльному кофейному столику а — ля Кандинский, Молли водрузила на него свой ковбойский сапог.

— Послушай, Кейс! Это что же такое получается, красавчик? Твоя напарница вооружена, не говоря уж обо всем этом кремнии в ее голове. В чем, собственно, дело? — Покашливание Дина словно повисло посреди комнаты.

— Подожди, Джули. Я зайду к тебе один.

— А как же еще, сынок? Ничего другого я и не позволю.

— Ну ладно, — сдалась наконец Молли. — Но только пять минут. Малейшая задержка, я войду и успокою твоего дружка навсегда. И пока ты будешь с ним, постарайся кое — что понять.

— Что еще такое?

— Какого черта я иду у тебя на поводу.

Она круто повернулась и пошла к выходу мимо белых тюков сушеного имбиря.

— Ну и знакомые же у тебя, Кейс, — заметил Дин. — Куда страньше, чем обычно.

— Все, Джули, она ушла. Теперь — то ты меня впустишь? Ну пожалуйста, Джули.

Щелкнули магнитные засовы.

— Включил бы ты, Джули, системы и все эти штуки, которые у тебя в столе, — сказал Кейс, садясь.

— Я их никогда не выключаю, — чуть улыбнулся Дин, выуживая среди разбросанных по столу деталей пишущей машинки револьвер и аккуратно прицеливаясь в Кейса. «Магнум»

с обрезанным по самый барабан стволом, предохранительная скоба вокруг спуска тоже спилена, а рукоятка обмотана грязным скотчем. Оружие совершенно бесполезное на расстоянии свыше десяти метров, да и то целиться нужно в живот. Но уж если попасть в этот самый живот… В розовых, наманикюренных руках Дина этот типичный гангстерский «ствол» выглядел, по меньшей мере, странно.

— Пойми, это только предосторожность. Ничего личного. Ну а теперь говори, что тебе нужно.

— Дай мне урок истории, Джули. А также сведения об одном человеке.

— А кому это нужно, сынок? — На Дине была веселенькая рубашка в белую и красную полоску с накрахмаленным, будто фарфоровым, воротничком.

— Мне, Джули. Я уезжаю. Считай, что уже уехал. Сделай мне одолжение, ладно?

— Кто тебя интересует?

— Один гайдзин, Армитидж, остановился в «Хилтоне».

Дин положил оружие на стол:

— Сиди спокойно, Кейс. — Затем быстро нажал несколько клавиш на клавиатуре портативного компьютера. — Похоже, мои информаторы знают не больше твоего, Кейс. Этот человек вроде бы заключил временное соглашение с якудза, а Сыны Неоновой Хризантемы хорошо прикрывают своих союзников от таких, как я. Я на их месте поступал бы точно так же. Ну а теперь об истории. Ты просил об уроке истории. — Он снова взял в руки револьвер, но не стал целиться в Кейса. — Какой именно истории?

— Война. Ты ведь был на войне, Джули?

— Война? А что там интересного? Она продолжалась три недели.

— «Разящий Кулак».

— О, это знаменитая операция. Неужели в школах не учат больше историю? Это был великий кровавый послевоенный политический футбол. Типичный уотергейт, от начала и до конца. Ваши начальнички, а в том числе, Кейс, и ваши муравьиные начальнички — где они были, Маклин? В бункерах, все до единого… на протяжении всей этой позорной истории. Извели уйму молодого, патриотически настроенного пушечного мяса только для того, чтобы опробовать какую — то там новую технологию. Как выяснилось позднее, генералы отлично знали о возможностях обороны русских. Знали и об эм — и — магнитно — импульсном оружии. И все — таки послали ребят: очень уж им хотелось посмотреть, что из этого получится. — Дин пожал плечами. — Устроили аттракцион «убей Ивана».

— Уцелевшие были?

— Да что ты, в такие кровавые годы… Хотя, кажется, кто — то вернулся. Один экипаж. Захватили советскую «вертушку». Ну, боевой вертолет. И вернулись в Финляндию. Они, конечно, не знали опознавательных кодов, а потому перебили по ходу дела уйму финских вояк. Спецназовцы. — Дин с отвращением фыркнул. — Одним словом, кровь мешками и полный бардак.

Кейс понимающе кивнул. Запах сушеного имбиря едва не валил с ног.

— Я провел войну в Лиссабоне, — продолжал Дин, опуская револьвер на стол. — Хорошее это место, Лиссабон.

— Ты был в армии, Джули?

— Вот еще. Но и у меня были сражения, да еще какие. — Розовое лицо расплылось в улыбке. — Просто удивительно, насколько война меняет рыночную ситуацию!

— Спасибо, Джули. За мной должок.

— Не за что, Кейс. Счастливого пути.

Впоследствии Кейс будет не раз повторять себе, что вечер у «Сэмми» сразу начался как — то странно, что уже тогда, когда они с Молли только шли по коридору, пол которого устилало месиво из билетных корешков и пластмассовых стаканчиков, уже тогда он это предчувствовал. Словно заранее знал, что Линду убьют…

После визита к Дину они с Молли пошли в «Намбан» где он встретил Уэйджа и вернул долг пачкой полученных у Армитиджа новых иен. Уэйдж обрадовался, его ребята обрадовались не очень, а Молли стояла рядом с Кейсом и опасно улыбалась, явно мечтая, чтобы кто — нибудь из парнишек сделал неверное движение. Затем они направились в «Тац» выпить.

— Бесполезно, ковбой, — сказала Молли, когда Кейс привычно вытащил из кармана восьмиугольник.

— Как это? А ты не хочешь? — Он протянул ей таблетку.

— Ты забыл о своей новой поджелудочной и о новых тканях в печени. Армитидж специально придумал их, чтобы избавить тебя от этого дерьма. — Девушка слегка коснулась протянутой таблетки бордовым ногтем. — Ты теперь биохимически невосприимчив ни к амфетаминам, ни к кокаину.

— Вот же мать твою, — оторопел Кейс.

Он с сомнением посмотрел на таблетку, а затем на девушку.

— А ты попробуй. Съешь хоть дюжину. Ничего не почувствуешь.

Кейс так и сделал. И ничего не почувствовал.

После трех кружек пива Молли расспросила у Раца, где можно посмотреть бои.

— У «Сэмми», — коротко ответил тот.

— Пойдем, — сказал Кейс, — я слышал, они там друг друга даже убивают.

Спустя час Молли купила билеты у тощего тайца в белой футболке и мешковатых спортивных трусах.

«Сэмми» находился недалеко от порта за оптовым магазином, надутый серый купол с тонкой стальной сетью несущих тросов. Входом служил примитивный воздушный шлюз — коридор, с дверьми на каждой из сторон, чтобы сохранить избыточное давление, которое поддерживало купол. Помещение освещалось флюоресцентными кольцами, привинченными к фанерному потолку на равных промежутках: правда, большинство из них было разбито. Сырой, затхлый воздух вонял потом и бетоном.

Кейс совершенно не ожидал, что за таким убожеством последуют ярко освещенная арена, многочисленная толпа зрителей, напряженная тишина и огромные, как бы сотканные из воздуха, светящиеся фигуры под куполом. Ровные ряды. широких бетонных ступеней возвышались над круглым помостом, окруженным тускло поблескивающими зарослями проекционного оборудования. Весь зал окутывал полумрак, только исполинские голограммы высоко под куполом, мерцая и переливаясь, повторяли каждое движение двух мужчин, напряженно кружащих по арене. Повсюду над зрительскими рядами поднимались плоские облака сигаретного дыма, которые медленно дрейфовали, пока не попадали в потоки воздуха от компрессоров, нагнетавших воздух под купол. В зале не раздавалось ни звука, только приглушенное урчание компрессоров да многократно усиленное дыхание бойцов.

Мужчины кружили по арене и отражались цветными бликами в «глазах» Молли. Голограммы увеличивали изображение в десять раз, и ножи в руках огромных призраков были почти метровой длины. Кейс вспомнил, что бойцовый нож держат как рапиру: четыре пальца согнуты, большой по лезвию. Оружие словно двигалось само по себе, совершая некую последовательность ритуальных движений, в ожидании, пока кто — нибудь из соперников не допустит ошибку. Задрав голову, Молли следила за перипетиями поединка, ее лицо оставалось спокойным и невозмутимым.

— Пойду принесу чего — нибудь перекусить, — сказал Кейс; она молча кивнула, полностью поглощенная созерцанием танца смерти.

Кейсу здесь не понравилось.

Он встал и пошел по темному проходу. Слишком уж тут темно. И слишком тихо.

В зале сидели по большей части японцы. Они не были жителями Ночного Города. Техи из промзоны. Вероятно, посещение данного зрелища одобрил совет по культуре и отдыху какой — нибудь корпорации. Кейс на мгновение представил, что значит проработать всю жизнь в одном дзайбацу. Жилье компании, гимн компании, похороны, организованные компанией.

Кейс почти обогнул зал, прежде чем нашел лотки с едой. Он купил якитори на палочках и две высокие вощеные коробки пива. Кейс взглянул вверх и увидел, что грудь одного из голографических гладиаторов окрасилась кровью. Он не замечал, как густой коричневый соус стекает с палочек ему на пальцы.

Еще семь дней, и он подключится к деке. Если сию секунду закрыть глаза, можно увидеть матрицу.

Тени в зале плясали в такт движениям голограмм.

И вдруг, совершенно неожиданно, затылком, Кейс почувствовал какой — то безотчетный страх. Холодный пот тонкой струйкой побежал по ребрам. Операция прошла неудачно. Ведь он все еще здесь, всего лишь жалкий кусок мяса, и нет никакой Молли, завороженно глядящей на замысловатые зигзаги, которые описывают ножи; нет в «Хилтоне» никакого Армитиджа с деньгами, новым паспортом и билетами. Все это лишь сон, жалкая фантазия. Слезы застлали ему глаза.

Из яремной вены одного из призраков хлестала ярко — алая кровь. Толпа взревела, зрители вскакивали, орали, размахивали руками… Творилось нечто совершенно невообразимое… А высоко вверху одна из фигур рухнула навзничь, замерцала и погасла.

В горле застыл сырой рвотный ком. Кейс закрыл глаза, сделал глубокий вздох, снова открыл и вдруг увидел, как мимо идет Линда Ли, в ее серых глазах застыл ужас. На ней был все тот же французский комбинезон.

Она скрылась во мраке зала.

Как — то машинально он бросил цыплят и пиво и помчался за девушкой. Потом он не мог вспомнить — кричал ли он ей вслед, окликал ли ее по имени.

Откуда — то сбоку и сзади — тончайший луч красного света, вспыхнул и погас. Под тонкими подошвами — грубый, неровный бетон.

Белые кроссовки мелькали где — то впереди, у самой стены зала, и снова резанул по глазам тонкий красный луч.

Кто — то подставил ему ножку. Бетон обжигающе разодрал ладони.

Кейс перекатился, ударил ногой, но не попал. Над ним склонился худощавый блондин с патлатой головой, окруженной

радужным нимбом падающего сзади света. Высоко над сценой голографическая фигура повернулась, воздев нож над головой, к неистовствующей толпе. Белобрысый парень ухмыльнулся и вытащил из рукава какой — то предмет. И когда в третий раз блеснул луч лазера, в красном свете мелькнула бритва. Бритва замерла, прицеливаясь к его горлу.

Вдруг лицо нападающего распалось в жужжащее облачко микроскопических взрывов. Игольник Молли, двадцать выстрелов в секунду. Парень издал короткий судорожный хрип и рухнул Кейсу на ноги.

Кейс встал и медленно побрел в сторону лотков, в тень. Ожидая увидеть рубиновую точку лазерного прицела, он взглянул себе на грудь. Ничего. И тут он нашел Линду. Она лежала с закрытыми глазами у основания бетонной колонны. Пахло паленым мясом… Толпа скандировала имя победителя. Торговец пивом протирал свой краны темной тряпкой… Одна белая кроссовка, каким — то образом слетевшая с ноги, почему — то лежала рядом с головой…

Идти вдоль стены. Вдоль бетонного изгиба. Руки в карманы. Ни в коем случае нельзя останавливаться. Идти не останавливаясь. Мимо невидящих лиц — все глаза устремлены вверх, на изображение победителя. Вспыхнула спичка, осветив лицо европейца, губы сжимают короткий металлический чубук. Запах гашиша. Кейс прошел мимо.

— Кейс. — Из самой глубокой тени блеснули два зеркальца. — Ты в порядке?

За ее спиной в темноте что — то хлюпало и булькало.

Он покачал головой.

— Бой закончился, Кейс. Пора домой.

Кейс попытался пройти мимо нее в густую темноту, где кто — то умирал. Молли удержала его рукой:

— Это дружки твоего близкого друга. Они убили твою девушку. В этом городе тебе как — то не везет с друзьями. Мы, когда исследовали тебя, составили частичный профиль этого старого ублюдка. Он за пару новых иен маму родную прибьет и даже не поморщится. Тот, который валяется там, сказал, что она пыталась продать им файлы из твоего компьютера. Только они решили, что лучше просто убить ее и забрать товар даром. Небольшая, но все — таки экономия. Это рассказал мне тот — с лазером. На тебя они наткнулись совершенно случайно, но мне нужно было проверить. — Губы Молли сжались в тонкую линию.

Кейсу казалось, что в его голове трещат, все заглушая, какие — то помехи.

— Кто, — спросил он, — кто их послал?

Молли протянула ему окровавленный пакет сушеного имбиря. Ее руки тоже были в крови. А в густом полумраке кто — то еще раз булькнул и затих.

После того, как Кейс прошел в клинике заключительный осмотр, они с Молли направились в порт. Армитидж уже ждал. Он зафрахтовал судно на воздушной подушке. Кейс бросил на Тибу последний взгляд и увидел темные угловатые силуэты промзоны. А затем туман плотно окутал черную воду и дрейфующие косяки мусора.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПОЕЗДКА ЗА ПОКУПКАМИ

3

Дома.

А дом — это Муравейник, Столичная Ось Бостон — Атланта, или, короче, СОБА.

Попробуйте запрограммировать карту скоростей обмена информации так, чтобы на очень большом экране каждому пикселу соответствовала тысяча мегабайт в секунду. Манхэттен и Атланта вспыхнут сплошным белым светом. Затем, когда скорость обмена перегрузит вашу модель, они начнут пульсировать. Ваша карта перегрелась и готова взорваться. Охладите ее. Возьмите масштаб побольше: одному пикселю — миллион мегабайт. При ста миллионах мегабайт в секунду вы начнете различать отдельные кварталы центральной части Манхэттена и существующие вот уже сто лет промышленные зоны, окружающие ядро старой Атланты.

Кейс проснулся; ему снились аэропорты, и черная кожанка Молли, и то, как он следовал за ней через бесконечные переходы Нариты, Скипола, Орли… И как в каком — то киоске за час до рассвета он купил плоскую пластмассовую бутылку датской водки.

Где — то глубоко в железобетонных корнях Муравейника поезд гнал по туннелю столб спертого воздуха. Состав двигался на магнитной подушке, бесшумно, но сам туннель под действием движущегося воздуха гудел низким, почти инфразвуковым, басом. Вибрация достигла комнаты, где лежал Кейс; из трещин рассохшегося паркета взвилась пыль.

Он открыл глаза и увидел нагую Молли; их разделял необъятный — не дотянуться рукой — простор новехонького ядовито — розового темперлона. Сверху через зарешеченное, покрытое копотью слуховое окошко просачивался солнечный свет. Часть слухового окошка была заколочена куском ДСП, и сквозь него почти до самого пола свисал толстый серый кабель. Лежа на боку, Кейс смотрел, как дышит Молли, смотрел на ее груди, на изгиб бедер, очерченных с функциональным изяществом, напоминающим фюзеляж военного самолета. И все тело было худощавым, стройным, мускулистым, как у танцовщицы.

Комната была громадна. Кейс сел. За исключением огромного розового ложа и двух новых, совершенно одинаковых

нейлоновых сумок, здесь не было ровно ничего. Голые стены, никаких окон, за исключением слухового в потолке, стальная дверь, выкрашенная белой краской. Стены покрыты бесчисленными слоями белой эмали. Рабочий район. Кейс и раньше знал такие здания и такие комнаты, обычно их обитатели зарабатывали себе на хлеб в «интерзоне»[2] — некой сумрачной, слабо определенной области, где искусство еще не совсем переходит грань преступления, а преступление не совсем дотягивает до искусства.

Он был дома.

Кейс опустил ноги на пол. Многие паркетины свободно шатались, а некоторые н вовсе отсутствовали. Голова раскалывалась от боли. Кейс вспомнил комнату, в которой они жили в центре Амстердама, в районе Старого Города, где возраст зданий исчисляется столетиями. Вспомнил, как Молли вернулась с набережной канала, принесла апельсиновый сок и яйца. Армитидж отсутствовал по каким — то своим тайным делам, и они с Молли отправились мимо площади Дамм в знакомый ей бар на улице Дамрак. Воспоминания о Париже сливались в какое — то мутное пятно. Ну, конечно, магазины. Молли взяла его в поход по магазинам.

Кейс встал, натянул мятые черные джинсы, лежавшие в ногах, и опустился на колени возле сумок. Первая принадлежала Молли, в ней оказались аккуратно сложенная одежда и какие — то миниатюрные, дорогие с виду приспособления. Во второй лежали книги, кассеты, симстим — дека, одежда с французскими и итальянскими ярлыками; Кейс не мог вспомнить, когда он все это купил. Под зеленой футболкой Кейс нашел плоский сверток сложной формы, напоминающей оригами, завернутый в рисовую бумагу.

Когда он взял пакет, бумага порвалась и в щель между паркетинами воткнулась блестящая девятиконечная звезда.

— Сувенир, — сказала Молли. — Я заметила, что ты всегда смотришь на них.

Кейс обернулся и увидел, что она сидит на кровати, скрестив ноги, и, сонно потягиваясь, почесывает живот бордовыми ногтями.

— Скоро придут ставить охранную сигнализацию, — сказал Армитидж. Он стоял на пороге со старомодным магнитным ключом в руке. Молли варила кофе на крохотной немецкой плитке, которую достала из своей сумки.

— Я и сама могу, — откликнулась она. — У меня все для этого есть. Инфрасканирующий периметр, сирены…

— Нет, — перебил ее Армитидж и закрыл дверь. — Я хочу,

чтобы понадежнее.

— Была бы честь предложена.

На Молли была темная сетчатая футболка, заправленная в черные мешковатые хлопчатобумажные брюки.

— Вы служили когда — нибудь в полиции, мистер Армитидж? — спросил Кейс; он сидел на полу, прислонившись к стене.

Армитидж был одного с ним роста, но имел широченные плечи и военную выправку и казался не уже той двери, через которую вошел. Он носил темный итальянский костюм и держал в правой руке небольшой чемоданчик из мягкой телячьей кожи. Спецназовская серьга исчезла. Аккуратные, но невыразительные черты — стандартная красота из косметических бутиков, иными словами — некая амальгама лиц, чаще всего мелькавших на телевизионных экранах в прошедшем десятилетии. Холодный блеск бесцветных глаз только усиливал ощущение лица — маски. Кейс начал сожалеть о своем вопросе.

— Я хотел всего лишь спросить, многие ли из бывших спецназовцев подались в копы. Или в «секьюрити» корпораций, — добавил Кейс, чувствуя себя крайне неуютно. Молли протянула ему кружку дымящегося кофе. — Просто то, как вы переоборудовали мне поджелудочную железу, чем — то напоминает полицейскую процедуру.

Армитидж закрыл дверь, пересек комнату и остановился напротив Кейса.

— Ты счастливый парень, Кейс. Ты должен сказать мне спасибо.

— А за что? — Кейс шумно подул на свой кофе.

— Ты нуждался в новой поджелудочной. И мы достали тебе такую, которая освободила тебя от опасной зависимости.

— Благодарю, но мне нравилась такая зависимость.

— И прекрасно, потому что теперь у тебя новая.

— Это как? — Кейс перевел глаза с кофе на Армитиджа. Тот улыбался:

— В стенки нескольких главных артерий тебе заложили пятнадцать капсул с ядом. Их оболочки растворяются. Медленно, но верно. В каждой капсуле содержится некий микотоксин. Ты уже знаком с его действием. Именно эту отраву вкололи тебе в Мемфисе.

На Кейса смотрела ухмыляющаяся маска. Кейс недоуменно сморгнул.

— У тебя есть время, чтобы выполнить работу, для которой я тебя нанял, но не более. Выполнишь задание, и я введу тебе фермент, который отслоит капсулы, не разрушая их оболочек.

Потом тебе сделают переливание крови. В противном случае, капсулы растворятся и ты вернешься в то же самое дерьмо, из которого я тебя вытащил. Так что, Кейс, мы тебе нужны… Сейчас ты зависишь от нас не меньше, чем тогда, когда мы соскребли тебя со дна сточной канавы.

Кейс вопросительно посмотрел на Молли. Она пожала плечами.

— А теперь иди к грузовому лифту и принеси коробки, которые там лежат. — Армитидж вручил Кейсу магнитный ключ: — Действуй. Они тебе понравятся, Кейс. Как подарки на Рождество.

Летом в Муравейнике праздные толпы шумят и колышутся как трава на ветру — поля человеческой плоти, пронизываемые неожиданными вихрями желаний и счастья.

В тусклом солнечном свете Кейс сидел рядом с Молли на краю сухой бетонной чаши неработающего фонтана; бесконечный поток проплывающих мимо лиц напоминал ему этапы собственной жизни. Сначала прошел малолетка с козырьком над глазами — обыкновенный уличный мальчишка с расслабленными, но всегда готовыми к действию руками, затем подросток с лицом привлекательным и загадочным под красными стеклами очков. Кейс вспомнил, как в семнадцать лет он молча и ожесточенно дрался на крыше среди нежного розового сияния геодезиков, озаренных первыми лучами солнца.

Он чуть поерзал; через тонкую ткань брюк отчетливо ощущался холодный, шершавый бетон. Ничего похожего на электрический танец улицы Нинсеи. Здесь, среди запахов гамбургеров, духов и молодых загорелых тел, заключались совсем другие сделки и жизнь текла в ином ритме.

А там, на чердаке, его ждала дека — «Оно — Сендаи — Киберспейс–7». Пол усеивали куски белого упаковочного пенопласта, мятые обрывки клеящей ленты и сотни крошечных пенопластовых бусин. «Оно — Сендаи», а также самый дорогой в будущем году компьютер фирмы «Хосака», монитор «Сони», дюжина дисков со льдом корпоративной выделки и кофеварка «Браун». Армитидж, нетерпеливо дожидавшийся, пока Кейс не одобрит каждую из покупок, сразу же ушел.

— Где он остановился? — спросил Кейс у Молли.

— Он любит отели. Большие. По возможности, близ аэропорта. Слушай, давай пройдемся.

Молли надела старый, купленный явно на распродаже военных излишков, бронежилет с дюжиной странной формы карманов и огромные темные пластмассовые очки, полностью скрывавшие зеркальные линзы.

— Ты знала раньше про это блядство с токсином? — спросил Кейс. Она отрицательно покачала головой. — Думаешь, это правда?

— Может, да, а может, нет. В любом случае, исключать этого нельзя.

— А нельзя ли как — нибудь проверить?

— Нет, — ответила девушка и одновременно правой рукой сотворила знак «молчи!». — Изменение слишком тонкое, чтобы выявиться при сканировании. — И снова ее рука сделала знак «подожди!». — Да и какая тебе разница? Видела я, как ты поглаживал свой «Сендаи», да это же чистая порнография. — Она расхохоталась.

— А что он всадил в тебя? Что заставляет работать на него деловую женщину?

— Только профессиональная гордость, малыш. — И снова она призвала его к тишине знаком. — Слушай, давай позавтракаем. Яичница, натуральный бекон. Отравишься, наверное, ведь ты так долго питался в Тибе одним лишь переработанным крилем. Давай сядем в «трубу», поедем на Манхэттен и устроим себе настоящий завтрак.

Потухшая, покрытая пылью неоновая вывеска, большие, согнутые из стеклянных трубок буквы: «МЕТРО ГОЛОГРЭФИКС». Кейс ковырял в зубах, пытаясь выудить застрявшие кусочки бекона. Он бросил бесполезные попытки узнать, куда и зачем они идут, так как на все вопросы получал только толчки под ребра и молчаливые призывы к тишине. Молли болтала о модах сезона, о спорте, о каком — то неизвестном ему политическом скандале в Калифорнии.

Кейс смотрел на безлюдный глухой тупик. По перекрестку катился мятый газетный лист. Из — за купольных перекрытий что — то происходит с конвекцией и в Ист — Сайде всегда дуют странные ветры. Кейс посмотрел сквозь окно на безжизненную вывеску. Ее Муравейник — совсем не его Муравейник, решил он. Молли провела его через дюжину баров и клубов, о которых он никогда не слыхивал, и везде какие — то дела, чаще ограничивающиеся многозначительными кивками. Манхэттенский транзит.

В тени за «МЕТРО ГОЛОГРЭФИКС» что — то двигалось.

Дверь представляла собой лист ржавой жести. Молли молча изобразила рукой запутанную последовательность значков, которую он почти не понял. Уловил только потирание большого и указательного пальцев, означавшее «наличные». Толкнув дверь, она ввела его в какое — то пыльное помещение. Они стояли в просвете среди плотных куч всякого хлама, которые тянулись до

самых стен, увешанных полками с ветхими книжками в мягких обложках. Казалось, что хлам этот прямо здесь и вырос, такая себе плесень из металла и пластмассы. Кейс начинал было различать отдельные предметы: внутренности телевизора, столь древнего, что из него торчали пеньки разбитых радиоламп; мятую тарелку спутниковой антенны; коричневую текстолитовую коробку с кусками каких — то ржавых трубок, — но затем снова все слилось в единую массу. Когда Кейс шел вслед за Молли по узкому каньону среди прессованного мусора — и материальные ценности ушедших лет беспорядочно топорщились вокруг, — огромная кипа старых журналов вдруг ссыпалась на свободный пятачок. За ними защелкнулась дверь. Кейс не обернулся.

В конце пути поперек туннеля висело ветхое армейское одеяло. И когда Молли поднырнула под него, в глаза ударил поток яркого света. Одеяло закрывало вход в помещение кубической формы со стенами и потолком, обитыми белым пластиком, пол был покрыт опять же белым кафелем с круглыми, шершавыми — чтобы не скользила нога — пупырышками. В центре комнаты стоял выкрашенный белой краской квадратный деревянный стол и четыре белых складных стула.

В дверях появился какой — то новый персонаж; одеяло спадало с его плеч на манер мантии, он стоял и щурился на яркий свет. Можно было подумать, что этого человека сконструировали специально для жизни в аэродинамической среде. Очень маленькие уши плотно прижимались к узкому черепу, а большие передние зубы, показавшиеся, когда его лицо изобразило нечто отдаленно напоминавшее улыбку, косо отклонялись внутрь. Он был одет в ветхую твидовую куртку и держал в левой руке некоторое подобие револьвера. Мужчина всмотрелся в посетителей и спрятал револьвер в карман. Жестом указал Кейсу на белую пластиковую плиту, прислоненную к стене возле входа. Кейс подошел и увидел, что плита, как сандвич, покрыта сантиметровым слоем каких — то электронных схем. Вдвоем с мужчиной они установили ее в дверном проеме.

Желтые от никотина пальцы быстро заклеили панель белым скотчем. Негромко заурчала вентиляция.

— Время, — выпрямляя спину, сказал мужчина, — отсчет пошел. Ты знаешь тариф, Молл.

— Финн, нам нужно сканирование. На предмет имплантантов.

— Так, встань — ка туда, между пилонами. Наступи на ленту. Распрямись, так. Повернись кругом, выдай — ка мне полные триста шестьдесят.

Кейс смотрел, как девушка вращается между хрупкими на вид

стойками, утыканными датчиками. Мужчина вытащил из кармана небольшой монитор и начал его изучать.

— Ага, кое — что новенькое в твоей головке. Кремний… Оболочка из пиролитического углерода… Часики, угадал? Очки те же — низкотемпературный изотропный углерод. Конечно, биосовместимость с пиролитами лучше, но дело твое. Когти в порядке.

— Теперь ты, Кейс. — На белом полу виднелся черный полустертый крест. — Повернись кругом. Медленно…

— Парень девственно чист. — Мужчина пожал плечами. — Дешевенькие зубные протезы — и все.

— А биопробу ты сделал? — Молли расстегнула «молнию» на зеленом жилете и сняла очки.

— Нахальная ты все — таки девица. С такими запросами шла бы ты в клинику братьев Майо. «Ложись, малыш, на операционный стол, мы сделаем тебе небольшую биопсийку». — Он засмеялся, оскалив желтые зубы. — Ничего нет. Слово Финна, красавчик, у тебя нет ни «жучков», ни мозговых «бомбочек». Хотите, я сниму защиту?

— Только для того, чтобы ты вышел, Финн. А потом нам нужна полная защита, на все время, пока мы здесь находимся.

— Что ж, Финна это устраивает, Молл. Ты же платишь по счетчику.

Они запечатали за Финном дверь, Молли развернула белый стул, села на него верхом и положила подбородок на скрещенные руки.

— А теперь поговорим. Это самое надежное место, которое мне по карману.

— О чем?

— О том, чем мы занимаемся.

— А чем мы занимаемся?

— Работаем на Армитиджа.

— Ты говоришь по его поручению?

— Нет. Я видела твой профиль. И однажды посмотрела список остальных наших покупок. Ты когда — нибудь работал с «покойниками»?

— Никогда. — Кейс посмотрел на свое отражение в зеркалах девушки. — Но думаю, смог бы. Я — вполне приличный оператор. — Последняя фраза, произнесенная в настоящем времени, заставила его поежиться.

— Ты знаешь, что Дикси Флэтлайн умер?

Кейс утвердительно кивнул головой:

— Сердце не выдержало.

— Ты будешь работать с его конструктом. — Девушка

улыбнулась. — Кажется, это он тебя учил, а? С ним и с Куайном. Кстати, Куайна я знаю. Тот еще говнюк.

— Значит, кто — то сделал копию с Маккоя Поли? Кто же? — Кейс сел и облокотился на стол. — Просто не верится. Ему бы не хватило терпения посидеть спокойно для такой процедуры.

— Это «Сенснет». Зуб даю, мегов ему отвалили что надо.

— Куайн тоже умер?

— Не угадал. Он — в Европе. Самого его в дело звать не стали.

— Ну что ж, если мы достанем Флэтлайна, то сможем жить спокойно. Он был лучшим. Ты знаешь, что он трижды переживал мозговой коллапс?

Девушка кивнула.

— На энцефалографе — ровная, как струна, линия, без малейшего всплеска[3]. Точно, он сам мне запись показывал: «Смотри, мальчик, я же был дох — х–хлый!»

— Слушай, Кейс, с тех пор, как я работаю на Армитиджа, все время пытаюсь разнюхать, кто стоит за ним. Но это ни какое — то дзайбацу, ни правительство и ни один из филиалов якудза. Армитиджем командуют. Скажем, кто — то приказывает ему вылететь в Тибу, найти еле живого наркомана и заплатить за его излечение программой. Господи, да если бы мы просто продали эту программу на рынке, то за вырученные деньги могли бы купить двадцать первоклассных ковбоев. Ты, конечно, хорош, но неужели *настолько*…

Она задумчиво почесала нос.

— Судя по всему, кто — то считает, что настолько, — пожал плечами Кейс. — Кто — то очень влиятельный.

— Ишь как обиделся, — ухмыльнулась Молли. — Да, кстати, вот еще что. Мы организуем наглый налет, с единственной целью — спереть конструкт Флэтлайна. Библиотечный сейф, куда спрятала его «Сенснет», крепче жопы носорога. Так вот, Кейс, в том же сейфе они держат и все свои новые материалы, приготовленные для осеннего сезона. Это такие деньги — охренеть можно. И вот нате вам — мы берем только Флэтлайна, а остальное не трогаем. Странно.

— Да, здесь все странно. Ты странная, эта дыра странная… да, а кто этот странный маленький суслик, который остался снаружи?

— Финн, мой старый знакомый. В основном, он занимается скупкой краденого. Софтом. Обеспечение секретности — это так, мелкий побочный промысел. Я уговорила Армитиджа взять его к нам техником, поэтому помни: когда тебя будут знакомить — ты его никогда раньше не видел. Усек?

— А что Армитидж засунул в твои вены?

— Со мной все просто. — Девушка улыбнулась. — Хорошо, когда каждый занимается своим делом, верно? Ты взламываешь компьютеры — я бью морды.

Кейс задумчиво посмотрел на Молли.

— А что ты знаешь про самого Армитиджа?

— Для начала — никто по имени Армитидж не принимал участия в «Разящем Кулаке». Я проверила. Но это ерунда.

— Он не похож ни на одного из тех парней, которые уцелели. — Молли пожала плечами. — Ну и что? И это все, что я знаю. Но *ты*… — Она побарабанила пальцами по спинке стула. — Ты же ковбой, верно? Я хочу сказать — может, ты сам немного пошустришь? — Она улыбнулась.

— Да он же пришьет меня, и дело с концом.

— Может, пришьет. А может, и не пришьет. Сдается мне, ты ему нужен, и здорово нужен. Кроме того, ты же у нас умница, верно? У тебя получится.

— А что еще в этом списке покупок?

— Игрушки. В основном, для тебя. И для одного психопата по имени Питер Ривьера. Вот уж кто гаденыш так гаденыш.

— Где он?

— Не знаю. Он точно больной. Я видела его профиль. — Молли состроила гримасу. — Ужас. — Она встала и по — кошачьи потянулась. — Ну что, заключаем союз? Работаем вместе? Как партнеры?

Кейс посмотрел на девушку.

— У меня есть возможность выбора?

Молли засмеялась:

— Верно сечешь, ковбой.

— Своими корнями матрица уходит в примитивные аркадные игры, — говорил диктор, — в ранние программы компьютерной графики и в эксперименты военных с черепными разъемами.

На экране монитора «Сони» двухмерная космическая война сменилась густыми зарослями математически генерируемых папоротников, демонстрирующих особые возможности логарифмических спиралей; далее следовала холодная синева армейской кинохроники: опутанные проводами лабораторные животные, армейские шлемы, соединенные с системами управления огнем танков и военных самолетов.

— Итак, киберпространство. Это консенсуальная галлюцинация, ежедневно переживаемая миллиардами легальных операторов по всему свету, школьниками, изучающими математические понятия… Графическое представление данных, хранящихся в памяти каждого компьютера, включенного в

общечеловеческую сеть. Невообразимая сложность. Световые лучи в псевдопространстве мозга, кластеры и созвездия данных. Подобно городским огням, удаляющимся…

— Что это было? — спросила Молли, когда Кейс включил селектор каналов.

— Детская программа.

Селектор перебирал канал за каналом, на экране мелькали бессвязные обрывки программ.

— Выключить, — скомандовал Кейс «Хосаке».

— Ты хочешь попробовать прямо сейчас?

Среда. Восемь дней назад он проснулся в «Дешевом отеле» рядом с Молли.

— Хочешь, я уйду, Кейс? Может, тебе легче одному…

— Да нет. Оставайся, мне все равно, — покачал головой Кейс.

Осторожно, чтобы не сдвинуть плоские дерматроды «Сендаи», Кейс перевязал голову черной бархатистой лентой. Невидящим взором он уставился на деку, лежащую на коленях, и перед его глазами возникла витрина на улице Нинсеи, хромированные сюрикены, тускло поблескивающие в неоновом свете. Кейс поднял голову: над монитором висел подарок Молли, приколотый к стене желтой кнопкой, прямо за край центрального отверстия.

Он закрыл глаза.

Нащупал ребристую клавишу питания.

В темно — кровавом сумраке закрытых глаз, где — то на краю пространства, забурлили серебристые фосфены, мимо понеслись гипнотические образы, похожие на фильм, смонтированный из случайных кадров. Числа, символы, лица — размытая, туманная мандала, составленная из фрагментов зрительной информации.

— *Ну же*, — умолял он, — *сейчас*…

Серый, как цвет неба над Тибой, диск.

— *Пора*.

Диск завертелся, все быстрее и быстрее, превратился в светло — серую сферу. Сфера начала раздуваться…

И потекла, расцветая переливающимся неоном. Фантастическими фигурами оригами развернулся его не знающий расстояний дом, его страна — прозрачная, объемная, в бесконечность уходящая шахматная доска. Перед мысленным взором возникли изумрудные кубы «Мицубиси Бэнк оф Америка», за ними — вспыхнула алая ступенчатая пирамида Ядерной Комиссии Восточного Побережья и, наконец, высоко — высоко над собой он увидел едва различимые, вечно недостижимые спиральные рукава военных систем.

А где — то вдалеке от них, на чердаке, выкрашенном белой краской, — сидел он, и смеялся, и нежно ласкал деку далекими пальцами, и слезы облегчения текли по лицу крупными каплями.

Когда Кейс снял дерматроды, Молли уже ушла, а чердак погрузился во тьму. Сколько же времени? Он провел в киберпространстве целых пять часов. Кейс перенес «Оно — Сендаи» на один из новеньких верстаков, а затем рухнул на постель и накрылся с головой черным шелковым спальным мешком Молли.

Неожиданно дважды прожужжал зуммер охранной системы.

— Запрашивается вход, — произнес металлический голос. — Моя программа идентифицировала посетителя.

— Так впусти его.

Кейс откинул с лица черный шелк и сел, ожидая увидеть Молли или Армитиджа.

— О, господи, — произнес чей — то хриплый голос, — я же знаю, что эта сука видит в темноте…

Некая приземистая личность вошла в комнату и закрыла за собой дверь:

— Слушай, давай включим свет, а?

Кейс вылез из постели и нащупал старомодный выключатель.

— Меня зовут Финн, — сказал вошедший, делая предостерегающую гримасу.

— Кейс.

— Ну что ж, бум знакомы. Я вроде как делаю для твоего начальничка всякие там железяки.

Финн вытащил пачку «Партагас» и закурил. Комнату наполнил запах кубинского табака. Финн подошел к верстаку и посмотрел на «Оно — Сендаи».

— Ширпотреб. Ничего, разберемся. Но главное — вот эта штука.

Финн стряхнул пепел на пол, вытащил из кармана плотный, очень грязный конверт, открыл его и вытряхнул на ладонь черную прямоугольную пластинку.

— Проклятые заводские прототипы, — проворчал он и бросил предмет на стол. — Их заливают поликарбоном, да так, что и лазером не вскроешь, не спалив схему. Самоуничтожение от рентгеновских лучей, от ультраскана и еще бог знает от чего. Справимся, конечно, но ведь что они, суки, делают?

Финн аккуратно сложил конверт и спрятал его в карман.

— Что это?

— В общем — то переключатель. Если вставить его в твой «Сендаи», ты сможешь включаться в симстим, прямой или в записи, не выходя из матрицы.

— А зачем?

— Сие для меня тайна. Могу лишь сказать, что я приладил к Молл передатчик, так что ты, вероятно, будешь принимать именно ее сенсориум.

Финн поскреб подбородок.

— Так что теперь ты совершенно точно узнаешь, жмут ей портки или нет.

4

С дерматродами на лбу Кейс сидел на чердаке и смотрел, как танцуют пылинки в жидком солнечном свете, пробивающемся сквозь решетку окна. В углу монитора шел обратный отсчет.

Ковбои не включаются в симстим, думал он, потому что это — игрушка для плоти. Он, конечно, понимал, что его дерматроды и маленькая пластмассовая тиара симстима, считай — одно и то же; что киберпространственная матрица, фактически является грубым подобием человеческого сенсориума — по крайней мере, в смысле отображения, однако симстим казался ему не более чем излишним расширением плотских ощущений. Коммерческие записи, естественно, редактировались, так что если у Тэлли Ишэм во время съемки вдруг возникала головная боль, то вы ее не чувствовали.

На экране мелькнуло предупреждение о двухсекундной готовности.

Новый переключатель соединялся с «Сендаи» тонким световодом.

И раз, и два, и…

Сразу со всех сторон его охватило киберпространство. Довольно гладко, подумал Кейс, хотя и недостаточно. Нужно будет поработать…

Он щелкнул новым переключателем.

Резкий бросок в другое тело. Матрица исчезла, вокруг волны звука и цвета… Молли шла по заполненной людьми улице мимо киосков, торгующих уцененным софтом: цены написаны фломастерами на листах белого пластика, из бесчисленных громкоговорителей несутся обрывки музыки. Запахи мочи, свободных мономеров, духов, жареного криля. Несколько секунд ошеломленный Кейс пытался управлять телом девушки. Но затем принудил себя к пассивности, стал пассажиром, глядящим на мир ее глазами.

Зеркала ничуть не ослабляли солнечный свет. Это что, подумал Кейс, автоматическая компенсация встроенными усилителями? В левом глазу, в нижней части периферического

поля зрения голубые мигающие цифры показывали время. Пустое пижонство.

Язык ее тела обескураживал, а уж манера двигаться… Все время казалось, что Молли вот — вот с кем — нибудь столкнется, но люди исчезали с ее пути, отступали в сторону.

— Как жизнь, Кейс?

Он услышал слова и одновременно почувствовал, как Молли их выговаривает. Она сунула руку под курточку и стала поглаживать сосок сквозь теплый шелк. Кейс чуть не задохнулся. Молли засмеялась. Однако связь была односторонней. Ответить он не мог.

Через два квартала Молли вышла на окраину Мемори — Лэйн. Кейс все время пытался повернуть ее глаза на ориентиры, по которым он сам смог бы запомнить дорогу. Пассивность начала его раздражать.

Кейс щелкнул переключателем и вернулся в киберпространство. Он помчался вдоль примитивного защитного льда Нью — Йоркской Публичной библиотеки, по привычке отмечая потенциальные окна. Затем — снова в сенсориум Молли, в мир острых и сильных ощущений, волнообразного движения мускулов.

Мысли Кейса переключились на саму Молли. Что он знает о ней? Что она тоже профессионал, что ее, как и его, существование неотделимо от работы. И еще он знал, как она придвинулась к нему утром, когда проснулась, как они оба застонали, когда он в нее вошел, и что потом она захотела кофе без сливок…

Целью ее путешествия оказался один из сомнительных комплексов по прокату программ, которых много на Мемори — Лейн. Вокруг царили тишина и спокойствие. Центральный зал опоясывали киоски. Клиентура совсем молодая, от двадцати лет и младше. Насколько можно понять, за каждым левым ухом — углеродный разъем, но на такие мелочи Молли не обращала внимания. Под прозрачными пузырями витрин на белых картонках демонстрировались сотни микрософтов — программных носителей самых разнообразных форм и расцветок. Молли направилась к седьмому киоску вдоль южной стены. Бритоголовый продавец безучастно глядел в пространство, в гнезде за ухом у него торчал двенадцатипиновый микрософт.

— Ларри, ты как, в себе?

Молли встала прямо перед его носом. Глаза парня сфокусировались. Он сел на стул и грязным ногтем выковырял из заушного разъема ярко — красную «занозу».

— Привет, Ларри.

— А, Молли. — Он кивнул.

У меня есть работенка кое для кого из твоих друзей.

Парень вынул из кармана красной спортивной рубашки плоскую пластмассовую коробочку, щелкнул крышкой и добавил свой микрософт к дюжине уже лежавших там. Затем, после недолгого колебания, он выбрал блестящий черный чип, чуть подлиннее остальных, и уверенным движением вставил его в заушное гнездо. Глаза его сузились.

— У тебя «наездник», Молли, — сказал он. — Ларри это не нравится.

— Эй, — улыбнулась Молли, — я и не знала, что ты теперь такой… чувствительный. Нет слов. Дорогое ведь удовольствие.

— Я с вами знаком, леди? — Глаза парня вновь опустели. — Вы ищете какую — нибудь программу?

— Мне нужны Дикие.

Ты пришла не одна, Молли. Мне об этом говорит она. — Он постучал по черной «занозе». — Кто — то еще смотрит твоими глазами.

— Это мой партнер.

— Скажи своему партнеру, пусть проваливает.

— У меня есть кое — что для Диких Котов.

— Не понимаю, о чем это вы, леди?

— Кейс, давай отключайся, — сказала Молли; он щелкнул переключателем и немедленно вернулся в матрицу. Но еще несколько секунд образ торгового комплекса оставался перед глазами, отвлекая от звенящей тишины киберпространства.

— Дикие Коты. — Кейс подал команду «Хосаке» и снял с головы дерматроды. — Составь обзор минут на пять.

— Готово, — ответил компьютер.

Это название Кейс раньше не слышал. Какая — то новая банда; возникла, пока он был в Тибе. Среди молодежи Муравейника увлечения распространялись со скоростью света, целая субкультура могла возникнуть буквально за ночь, просуществовать пару месяцев и сгинуть без следа.

— Запускай, — приказал Кейс.

«Хосака» уже просмотрела всю информацию, полученную из библиотек, журналов, от информационных служб.

Обзор начался с цветного стоп — кадра, который Кейс вначале принял за коллаж: будто вырезанное из одной фотографии мальчишеское лицо наклеили на другую — испещренной каракулями стены. Монгольский разрез темных глаз, судя по всему — приобретенный искусственно, в результате хирургической операции, на бледных щеках — обильная россыпь угрей. Затем мальчишка стал двигаться со зловещей грацией мима, который изображает крадущегося в джунглях хищника.

Тело почти сливалось со стеной, так как по обтягивающему комбинезону струились цветные пятна и линии, почти в точности повторяющие стену, на фоне которой шел мальчик. Мимикрирующий поликарбон.

На экране появилось лицо доктора социологии из Нью — Йоркского университета Вирджинии Рамбали; ее имя, специальность и название учебного заведения были написаны в нижней части экрана мигающими розовыми буквами.

— Принимая во внимание их склонность к беспричинным актам чудовищного насилия, — произнес голос за кадром, — нашим зрителям трудно понять, почему вы настаиваете, что данное явление не является разновидностью терроризма.

Доктор Рамбали снисходительно улыбнулась.

— Всегда есть предел, за которым террорист теряет возможность манипулировать состоянием общества. Точка, за которой любая дальнейшая эскалация насилия не меняет состояния общества, а только свидетельствует об этом состоянии, становится симптомом. Но если насилие принимает слишком широкий размах, образ террориста укореняется в массовом сознании. Терроризм, в обычном понимании, неразрывно связан с обществом, его породившим. Дикие Коты отличаются от настоящих террористов степенью самосознания, а также пониманием того критерия, по которому общество отделяет акт насилия от его изначальных социополитических целей…

— Скипни[4] это, — сказал Кейс.

Через два дня Кейс встретился с первым в своей жизни Котом. Дикие Коты очень напоминали ему Великих Ученых времен собственной молодости. В Муравейнике существовала некая нематериальная юношеская ДНК, которая несла в себе коды различных молодежных увлечений и через неправильные, непредсказуемые заранее промежутки времени воспроизводила их. По сути своей Дикие Коты были компьютеризированным вариантом Великих Ученых. Существуй в те далекие времена соответствующая технология, Ученые вживили бы себе в головы разъемы и стали бы запихивать в них микрософты. Важен общий стиль, а стиль остался примерно тем же. Коты были наемниками, нигилистически настроенными технофетишистами, и очень любили делать окружающим гадости.

Тот, который появился в дверном проеме чердака с коробкой дискет от Финна, обладал нежным голосом и звался Анжело. Лицо его представляло собой гладкую отвратительную маску, искусственно выращенную из коллагена и полисахаридов, полученных из акульих хрящей. Кейс никогда не встречал более отвратительного образца косметической хирургии. И когда

Анжело улыбнулся, оскалив острые, как бритва, клыки крупного животного. Кейс даже почувствовал некоторое облегчение. Это были зубные трансплантанты. Такое он уже видал.

— А с этими малолетними засранцами надо бы покруче, — заметила Молли.

Кейс, полностью поглощенный структурой Сенснетовского льда, согласно кивнул.

То самое оно. То самое, чем он был, кем он был, вся его сущность. Он забыл о еде. Молли оставляла картонки с рисом и пластиковые подносы с суси на краю длинного стола. Иногда ему даже не хотелось выпускать из рук деку, чтобы воспользоваться химическим туалетом, поставленным в углу. Структуры льда на экране формировались и переформировывались, а он искал в них бреши, обходил самые очевидные ловушки и вычерчивал маршрут, по которому отправится в систему «Сенснета». У них был хороший лед. Великолепный. Его структуры пылали в его мозгу, пока он лежал с Молли в обнимку и смотрел на алый рассвет сквозь стальную решетку слухового окошка. Первое, что видел Кейс, проснувшись, — это лед, радужные лабиринты его пикселов. Зачастую он направлялся к деке даже не одевшись и сразу включался. Он раскалывал лед. Он работал. Он потерял счет дням.

Но иногда перед сном, особенно когда Молли уходила во главе группы Котов на разведку, наплывали образы Тибы. Неон, Нинсеи и лица. Однажды ему приснилась Линда Ли, и затем он долго не мог понять, кто она такая и что она для него значила. А когда он вспомнил, то подключился к матрице и проработал девять часов.

На взламывание льда корпорации «Сенснет» ушло девять дней.

— Я просил за неделю. — Армитидж не мог скрыть удовлетворения, когда Кейс продемонстрировал ему план рейда. — Что — то ты не очень торопился.

— Вот дерьмо, — глядя на экран, улыбнулся Кейс. — Я сделал хорошую работу.

— Конечно, — признал Армитидж. — Только ты не очень — то ликуй. По сравнению с тем, что ты будешь делать потом, это — детские игрушки.

— Ну ты даешь. Молоток, Мама Кошка, — прошептал связник Диких Котов. Голос, звучавший в наушниках Кейса, едва пробивался сквозь треск помех.

— Атланта, Стая. Вроде пора. Пора, ясно? — Голос Молли был слышен немного лучше.

— Слушаю и повинуюсь.

Коты установили в Нью — Джерси самодельную спутниковую антенну, чтобы отражать кодированные сообщения связника от спутника «Сыны Иисуса Христа Царя Мира», висевшего над Манхэттеном на геостационарной орбите. Они решили провести всю операцию как сложный розыгрыш и выбрали именно этот спутник совсем не случайно. Молли вела передачу при помощи метровой тарелки, приклеенной эпоксидкой на крыше банковского небоскреба, почти такого же высокого, как здание «Сенснета».

Атланта. Использовался крайне простой опознавательный код. От Атланты к Бостону, затем к Чикаго и Денверу, по пять минут на каждый город. Если бы кому — нибудь вдруг удалось перехватить сигнал, расшифровать его и синтезировать голос Молли, то код позволил бы Котам сразу распознать подделку. Ну а если бы она провела в здании больше двадцати минут, было бы крайне сомнительно, что она вообще оттуда выйдет.

Кейс проглотил остатки кофе, укрепил дерматроды, задрал черную футболку и почесал грудь. Он весьма туманно представлял себе, что придумали Коты, чтобы отвлечь внимание охраны. В его функции входило лишь следить за тем, чтобы программа, которую он написал, оказалась в системе «Сенснета» в тот момент, когда это понадобится Молли. Он смотрел на обратный отсчет времени в углу экрана. Два. Один.

Кейс «вошел» в матрицу и активировал программу. Он начал погружаться в сияющие слои Сенснетовского льда, и связник прошептал единственное слово:

— Пошел.

Ага, прекрасно. А как там Молли? Кейс включил симстим и очутился в ее сенсориуме.

Скрэмблер — кодировщик слегка размывал изображение. Девушка стояла в огромном светлом коридоре перед огромным, во всю стену, зеркалом, жевала резинку и любовалась собственным отражением. Если бы не огромные солнцезащитные очки, скрывавшие ее зеркала, она выглядела бы довольно заурядно — очередная туристочка, мечтающая хоть одним глазком взглянуть на Тэлли Ишэм. На Молли были розовый пластиковый плащ, белая в сеточку футболка и свободные белые брюки — последний писк токийской моды прошлого года. Она беззаботно улыбнулась и выдула резиновый пузырь. Кейс чуть не расхохотался. Он отчетливо ощущал радиопередатчик, симстим и скрэмблер, примотанные к телу девушки широкой эластичной лентой. Ларингофон выглядел как обезболивающий дермадиск. Ее руки в карманах розового плаща постоянно сжимались и разжимались, чтобы снять напряжение. Только через несколько

секунд Кейс догадался, что особые ощущения в кончиках пальцев вызывались лезвиями, которые то слегка выдвигались, то задвигались обратно.

Он вернулся в киберпространство. Программа преодолела пятые ворота. Он смотрел, как перед ним чуть прерывисто двигался ледокол, и, почти не ощущая играющих на деке пальцев, вносил последние поправки. Полупрозрачные цветные плоскости перетасовывались, как карты в руках фокусника.

«Выберите любую карту», — вспомнил Кейс.

Ворота остались позади. Кейс засмеялся. Система «Сенснет» восприняла его наезд как обычную пересылку данных из своего филиала в Лос — Анджелесе. Он проник внутрь. Позади него отпочковались вирусные программы, которые изменили входной код ворот и приготовились отклонить настоящую передачу данных из Лос — Анджелеса, буде таковая воспоследует.

Кейс снова подключился к Молли. Девушка неторопливо проходила мимо огромной круглой стойки администратора в дальнем конце коридора.

Встроенные в зрительный нерв часы показывали 12:01:20.

Команду «Пошел» связник в Джерси выдал ровно в полночь по Моллиным часам. Девять Котов, разбросанных по двум сотням миль Муравейника, одновременно набрали в телефонах — автоматах аварийный номер. Каждый прочитал короткий, заранее составленный текст, повесил трубку, сдернул с рук хирургические перчатки и растворился в ночи. Девять различных полицейских управлений и служб общественной безопасности получили сигналы о том, что неизвестная группировка воинствующих христиан — фундаменталистов взяла на себя ответственность за впрыскивание большого количества психоактивного вещества, известного под названием «Синий — Девять», в вентиляционную систему пирамиды «Сенснета». Это вещество, известное в Калифорнии под названием «Печальный Ангел», было способно вызвать острую паранойю и жажду убийства у восьмидесяти пяти процентов людей, подвергшихся его воздействию.

Проследив, как программа преодолела ворота подсистемы, которая контролировала безопасность научной библиотеки «Сенснета», Кейс щелкнул симстим — переключателем… Она входила в лифт.

— Извините, вы сотрудница учреждения? — удивленно поднял брови охранник.

Молли выдула пузырек жевательной резинки.

— Нет, — ответила она, погружая два пальца правой руки в солнечное сплетение мужчины. Охранник согнулся пополам, судорожно хватаясь за подвешенный к брючному ремню сигнал,

но Молли ударила еще раз, и его голова врезалась в стенку лифта.

Двигая челюстями чуть побыстрее, она нажала светящуюся кнопку «Закрывание дверей», а затем «Стоп». Вытащила из кармана плаща черную коробочку и вставила отвод от нее в замочную скважину щита сигнализации.

Дикие Коты выждали четыре минуты, пока сработает первое сообщение, а потом выбросили очередную порцию тщательно продуманной дезинформации. На этот раз ее передали прямо по внутреннему телевидению здания «Сенснета».

С 12:04:03 все экраны компании мигали в течение восемнадцати секунд с частотой, от которой наиболее нервные служащие попадали в обморок. Затем экраны заполнило нечто, лишь весьма приблизительно напоминавшее человеческое лицо. Жуткая маска, натянутая на асимметричные кости, напоминала какую — то непристойную меркаторскую проекцию. Уродливо дергалась перекошенная нижняя челюсть, влажные синие губы смыкались и размыкались. Какой — то красноватый пучок узловатых корней, вероятно, изображавший руку, потянулся к зрителям, задрожал и исчез. Потом с умопомрачительной быстротой замелькали кадры диверсии: схема водоснабжения здания, руки в резиновых перчатках возятся с какими — то колбами, что — то летит в темноту и слабо вспыхивает… Одновременно с изображением, по звуковому каналу почти с удвоенной скоростью прокручивали сообщение месячной давности, в котором рассказывалось о возможном применении в военных целях вещества «Эйч — эс — Джи», влияющего на рост скелета. Сверхдозы «Эйч — эс — Джи» увеличивали скорость роста костных клеток в десять раз.

На 12:05:00 в зеркальных стенах консорциума «Сенснет» находилось свыше трех тысяч служащих. В пять минут пополуночи, когда после передачи, организованной Дикими Котами, экраны засветились ровным белым светом, пирамида «Сенснета» наполнилась воем.

Полдюжины тактических вездеходов нью — йоркской полиции, понимая, какая угроза таится в «Синем — Девять», выпущенном в вентиляционную систему здания, приближались к пирамиде «Сенснета». Они мигали всеми своими мигалками. С площадки на крыше Рикеровского центра поднялся вертолет сил быстрого реагирования СОБА.

Кейс запустил вторую программу. Тщательно разработанный вирус атаковал структуру кодов, скрывающую пароли входа в подмассив научных материалов системы «Сенснет».

— Бостон, — донесся голос Молли, — я внизу.

Кейс перешел в симстим и очутился перед глухой стенкой лифта. Молли расстегивала белые штаны. К ее лодыжке был прикреплен громоздкий пакет в упаковке под цвет кожи. Молли опустилась на колени, сорвала эластичную ленту и развернула пакет. Там оказался комбинезон, такой же, как у Диких Котов, по мимикрирующему поликарбону заплясали бордовые молнии. Молли сняла розовый плащ, бросила его рядом с белыми штанами и начала натягивать комбинезон поверх белой футболки.

12:06:26.

Вирус прорубил лед командного файла библиотеки. Кейс вошел внутрь и очутился в бесконечном синем пространстве, среди цветных сфер, расположенных в узлах частой светло — голубой решетки. В псевдопространстве матрицы интерьер любого конструкта данных обладает бесконечной субъективной размерностью; присоединив свой «Сендаи» к детскому калькулятору, Кейс увидел бы безбрежные провалы небытия и развешанные кое — где немногие основные команды. Кейс стал набирать последовательность кодов, которую Финн купил у одного опустившегося сараримена с серьезными наркотическими проблемами. Он заскользил среди сфер, словно следуя по невидимой трассе.

Здесь. Вот оно.

Кейс вошел внутрь сферы, и его окружила холодная неоновая голубизна, похожая на замерзшее стекло; затем он запустил программу, которая внесла изменения в управляющие команды.

Теперь наружу. Так, двигаемся осторожно, вирус тщательно заделал окно.

Готово.

В коридоре здания «Сенснета», за низким прямоугольным цветочным вазоном, сидели два Диких Кота; они снимали переполох на видеокамеру. Оба были в маскировочных костюмах — хамелеонах.

— Тактические силы уже набрызгивают пенные баррикады, — комментировал происходящее в ларингофон один из операторов. — А силы быстрого реагирования все еще пытаются посадить свой вертолет.

Кейс щелкнул симстим — переключателем и почувствовал страшную боль в сломанной кости.

Молли судорожно дышала, прижавшись к глухой серой стене какого — то длинного коридора. Кейс немедленно вернулся в матрицу, и невыносимо жгучая боль в левом бедре тут же пропала.

— Алло, Стая, в чем там дело? — спросил он у связника.

— Не знаю, Взломщик. Мама не отвечает. Подожди.

Кейс зациклил программу. Между очертаниями ледокола и заделанным окном протянулась тончайшая нить ярко — красного цвета. Ждать больше нельзя. Кейс сделал глубокий вздох и включил симстим.

Пытаясь держаться за стену, Молли сделала шаг. Кейс застонал от боли. Вторым шагом она переступила через вытянутую руку. На рукаве униформы — яркое пятно крови. Блеснула разбитая вдребезги стекловолоконная дубинка. Поле зрения сузилось, превратилось в узкий туннель. После третьего шага Кейс взвыл и переключился в матрицу.

— Стая? Бостон, малыш… — Голос звенел от боли и напряжения. Молли закашлялась. — Небольшая трудность с туземцами. Один из них сломал мне ногу.

— Что нужно делать, Мама — Кошка? — Голос связника почти терялся в помехах.

Кейс заставил себя включиться в сенсориум Молли. Перенеся вес на правую ногу, она опиралась на стену. Девушка порылась в нагрудном кармане и вытащила пластиковую упаковку с разноцветными дермадисками. Она выбрала три штуки и сильно прижала их к левому запястью. Шесть тысяч микрограмм синтетического эндорфина обрушились на боль и разнесли ее вдребезги. Молли судорожно выгнулась, на ее бедра накатили волны тепла. Она вздохнула и медленно расслабилась.

— Все в порядке, Стая. Теперь нормально. Когда я выйду, мне понадобится медицинская помощь. Сообщите моим людям. Взломщик, я в двух минутах от цели. Ты продержишься?

— Передайте ей: я внутри и продержусь, — сказал Кейс.

Молли заковыляла по коридору. Один раз она оглянулась, и Кейс увидел на полу три изуродованных тела охранников «Сенснета». У одного из них вроде бы не было глаз.

— Полиция заблокировала первый этаж, Мама — Кошка. Пенные заграждения. В холле становится довольно забавно.

— Здесь тоже не скучно, — ответила Молли, открывая стальную двустворчатую дверь. — Я почти на месте, Взломщик.

Кейс переключился в матрицу и сорвал со лба дерматроды. С него капал пот. Он вытер полотенцем лоб, торопливо глотнул из велосипедной фляжки и посмотрел на карту библиотеки, горевшую на экране. Пульсирующий красный курсор прополз через дверь. До зеленой точки, обозначавшей конструкт «Дикси Флэтлайна», остались какие — то миллиметры. Страшно подумать, во что превратится нога Молли после этой прогулки. После такой дозы эндорфина она смогла бы, пожалуй, идти даже на кровоточащих культяпках. Кейс подтянул нейлоновые ремни,

крепившие его к стулу, и вернул контакты на место.

Это стало уже рутиной: троды, матрица, выход в симстим.

В научном архиве «Сенснета» хранились физические носители, информацию нельзя было перекачать в компьютер, ее нужно было взять руками и унести. Молли ковыляла между рядами серых одинаковых шкафов.

— Стая, передай ей: пять вперед и десять налево, — сказал Кейс.

— Пять вперед и десять влево, Мама — Кошка, — повторил связник.

Молли повернула налево. Насмерть перепуганная библиотекарша, с круглыми от ужаса глазами на посеревшем лице и мокрыми трясущимися щеками, вжалась в щель между двумя шкафами. Молли даже не удостоила ее взглядом. Интересно, каким образом Диким Котам удалось вызвать такую панику? Молли говорила о какой — то липовой угрозе, но Кейс был слишком занят исследованиями льда, чтобы вслушиваться в объяснения.

— Этот, — сказал Кейс, но Молли и сама уже остановилась перед нужным шкафом. Своими очертаниями он напоминал новоацтекские книжные шкафы в приемной Джули Дина.

— Ну, Взломщик, давай, — сказала Молли.

Кейс переключился в киберпространство и послал по алой нити, пронизывавшей лед библиотеки, команду. Пять независимых охранных систем пребывали в полной уверенности, что они работают. Три хитрых замка деактивировались, но продолжали считать себя запертыми. А в основной базе данных библиотеки появилась запись, что конструкт был выдан месяц тому назад по вполне законному распоряжению. А если библиотекарь попробует выяснить, по чьему именно распоряжению был он выдан, то обнаружит, что нужный файл стерт.

Дверь шкафа бесшумно отворилась.

— Номер 0467839.

Молли вынула из стойки предмет, напоминавший магазин тяжелой штурмовой винтовки. Его матовая черная поверхность была испещрена предупреждающими надписями и значками уровня секретности.

Молли закрыла дверь шкафа, и Кейс перешел в киберпространство.

Он вытянул алую линию изо льда, она рывком вернулась в программу, и тут же пошло самовосстановление системы. Ледокол начал пятиться наружу, собирая подпрограммы, оставленные возле каждых ворот, которые тут же за ним

захлопывались.

— Все, Стая, — сказал Кейс и обмяк на стуле.

После рейда, после напряжения последнего получаса, он мог оставаться в матрице и одновременно чувствовать свое тело. Пройдет, вероятно, много дней, прежде чем в «Сенснете» обнаружат пропажу конструкта. Ключом может послужить сбой при приеме информации из Лос — Анджелеса, слишком уж точно совпавший по времени с переполохом. Вряд ли трое охранников, с которыми Молли столкнулась в коридоре, выживут и смогут рассказать о случившемся. Кейс перешел в симстим.

Лифт, заблокированный черной коробочкой, оставался на прежнем месте. Охранник все так же лежал на полу. Кейс увидел у него на шее дерм, которого раньше не было. Какая — то из ее приспособ — чтобы не очнулся раньше времени. Молли перешагнула через охранника, вытащила блокировку и нажала кнопку «Вестибюль».

Дверь с шипением открылась, и сразу же толпа, бушевавшая в холле, выбросила из себя женщину; женщина задом влетела в лифт, ударилась затылком о стену и осела. Не обращая на нее внимания, Молли сняла с шеи охранника дерм. Затем она вышвырнула из лифта белые брюки и розовый плащ, бросила сверху темные очки и натянула на лоб капюшон костюма. Конструкт тяжело оттягивал нагрудный карман. Молли вышла из лифта.

Кейс и раньше видел панику, но только не в замкнутом пространстве.

Служащие «Сенснета» выскакивали из лифтов и бросались к главному выходу, где их встречали пенные баррикады тактических сил и ружья (те самые, с «желейными пулями», как у Раца), подразделения быстрого реагирования. Два ведомства, убежденные, что сдерживают орду потенциальных убийц, действовали на удивление слаженно. На баррикадах перед разбитыми стальными дверями на улицу в три слоя копошились человеческие тела. Звонкие хлопки ружей методично аккомпанировали реву толпы, метавшейся по мраморному полу. Кейс в жизни не слышал такого воя.

Молли, по — видимому, тоже.

— Господи, — сказала она и на мгновение остановилась.

Повсюду раздавался плач, переходящий в булькающий вой дикого, нерассуждающего ужаса. Пол усеивали тела, одежда и длинные мятые рулоны желтых распечаток.

— Давай, сестренка. На выход.

Глаза двоих Котов смотрели на нее из круговерти оттенков, бушевавшей на поликарбоне: костюмы не поспевали за скоростью,

с которой позади них менялись цвета и формы.

— Тебе больно? Давай. Томми поведет тебя.

Томми передал говорившему видеокамеру, обернутую поликарбоном.

— Чикаго, — сказала Молли, — я выхожу.

А затем она стала падать, но не на мраморный пол, скользкий от крови и блевотины, а в какой — то теплый, уютный колодец, в темноту и в тишину.

Вожак Диких Котов, который представился как Люпус Мудеркинд, носил поликарбоновый костюм с памятью, позволявшей воспроизводить по желанию любой фон. Он сидел, словно некая современная — но ничуть от того не менее чудовищная — горгулья, на краю стола, глядя на Кейса и Армитиджа из — под надвинутого на глаза капюшона, и улыбался. Волосы у него розовые. За его левым ухом, по — кошачьи заостренным и покрытым розовой шерстью, щетинился радужный лес микрософтов. Что — то было сделано и с его глазами, они светились, как у самого настоящего кота. Костюм его медленно менял текстуру и цвет.

— Ты выпустил ситуацию из — под контроля, — сказал Армитидж.

Он стоял посреди чердака словно статуя, задрапированная в темные шелковистые складки дорогого плаща.

— Хаос, мистер Как — вас — там, — пожал плечами Люпус Мудеркинд. — Это наш стиль и образ жизни. Наш главный прикол. Ваша женщина знает об этом. Мы договаривались ней. А не с вами, мистер Как — вас — там.

Костюм парня покрылся диким угловатым орнаментом" бежевым на светло — зеленом фоне.

— Она нуждалась в медицинской помощи. Теперь она у врачей. Мы постережем ее. Все в порядке.

Парень снова улыбнулся.

— Заплати ему, — сказал Кейс.

Армитидж сверкнул на него глазами.

— Мы не получили товар.

— Он у вашей женщины, — сказал Мудеркинд.

— Заплати ему.

Армитидж неохотно подошел к столу и вытащил из карманов плаща три толстые пачки новых иен.

— Хочешь пересчитать? — спросил он Мудеркинда.

— Нет, — ответил Дикий Кот. — Вы заплатите. Вы ведь мистер Как — вас — там. Вы заплатите, чтобы остаться мистером Как — вас — там. Чтобы не стать мистером Таким — то.

— Надеюсь, это — не угроза, — сказал Армитидж.

— Это — бизнес, — ответил Мудеркинд, засовывая деньги в нагрудный карман.

Зазвенел телефон. Кейс снял трубку.

— Молли, — сказал он и передал трубку Армитиджу.

Когда Кейс покинул здание, геодезики Муравейника светились предрассветной серостью. Конечности замерзли и плохо слушались. Кейс не мог заснуть. Его вконец достал этот чердак. Сначала ушел Люпус, затем Армитидж, а Молли валялась в какой — то хирургической клинике. Где — то в глубине промчался поезд и под ногами задрожала земля. В отдалении завыли сирены.

Ссутулив обтянутые новой кожаной курткой плечи, подняв воротник, Кейс брел наугад и бросал очередной окурок только для того, чтобы зажечь новую сигарету. Он пытался представить себе, как стенки ядовитых капсул Армитиджа вот прямо сейчас растворяются, становятся с каждым шагом все тоньше и тоньше. Картина казалась ирреальной. Такой же ирреальной, как ужас и страдание, которые он видел в вестибюле "Сенснета" глазами Молли. Кейс попытался вспомнить лица тех троих, которых убил в Тибе. Мужчины не вспоминались, а женщина была похожа на Линду Ли. Мимо протарахтел трехколесный грузовой мотороллер с зеркальными стеклами кабины, в кузове погромыхивали пустые пластиковые цилиндры.

— Кейс.

Он бросился в сторону и инстинктивно прижался спиной к стене.

— Хочу кое — что тебе передать.

Костюм Люпуса Мудеркинда переливался чистыми основными цветами.

— Пардон, не хотел тебя пугать.

Держа руки в карманах куртки, Кейс выпрямился во весь рост. Он оказался на голову выше Кота.

— Ты бы поаккуратнее, Мудеркинд.

— Всего одно слово. Уинтермьют.

— От тебя? — Кейс шагнул вперед.

— Да нет же, — возразил Мудеркинд. — Тебе.

— От кого?

— Уинтермьют, — повторил Дикий Кот и кивнул копной розовых волос. Его костюм стал тускло — черным, угольная тень на обшарпанном бетоне. Он взмахнул черными худыми руками, словно исполняя па какого — то странного танца, и исчез. Нет. Еще стоит. Розовые волосы скрыты капюшоном, костюм стал серым и пятнистым, точно в тон тротуару. В глазах отражается красный огонь светофора. А затем он и вправду исчез.

Кейс прислонился к ободранной кирпичной стенке, закрыл глаза и помассировал веки окоченевшими пальцами.

На тротуарах Нинсеи все было гораздо проще.

5

Медицинская бригада, которая лечила Молли, занимала два этажа неприметного кондоминиума в старом центре Балтиморы. Здание состояло из модулей на манер увеличенной версии "Дешевого отеля", только с гробами по сорок метров в длину. Кейс встретился с Молли на выходе из модуля с табличкой с витиеватой надписью: "ДЖЕРАЛЬД ЧИН. ДАНТИСТ". Девушка хромала.

— Он говорит, если я пну что — нибудь, нога отвалится.

— Я тут наткнулся на одного твоего дружка, — сказал Кейс. — На Кота.

— И кто же это был?

— Люпус Мудеркинд. Он принес мне записку.

Кейс передал Молли бумажную салфетку, на которой аккуратными заглавными буквами красным фломастером было выведено слово "УИНТЕРМЬЮТ".

— Он сказал…

Рука девушки сделала ему знак замолчать.

— Поедим лучше крабов.

После ленча в Балтиморе, в процессе которого Молли препарировала краба с пугающей легкостью, они сели в "трубу" и поехали в Нью — Йорк. Кейс не задавал вопросов: какой смысл, если в ответ получаешь только знак замолчать. Похоже, у Молли серьезно побаливала нога, и она редко подавала голос.

Худенькая чернокожая девочка с туго вплетенными в волосы деревянными бусами и старинными резисторами открыла дверь в убежище Финна и повела их по узкому проходу, петлявшему среди гор хлама. Кейсу показалось, что хлам вроде как вырос за время их отсутствия. Или, скорее, за прошедшее время он слегка изменился и преобразился; тихие невидимые хлопья оседали в виде мульчи, выявляя кристаллическую сущность заброшенной технологии, тайно процветающей на помойках Муравейника.

По ту сторону армейского одеяла за белым столом их ждал Финн.

Молли быстро зажестикулировала, вытащила клочок бумаги, что — то на нем написала и протянула Финну. Тот взял его двумя пальцами вытянутой руки, держа подальше от себя как будто что — то опасное, способное взорваться. Финн сделал какой — то непонятный Кейсу жест, выражавший смесь нетерпения и

мрачной покорности. Он встал из — за стола и стряхнул с лацканов мятой твидовой куртки крошки.

На столе рядом с надорванной пластиковой пачкой галет и жестяной пепельницей, полной окурков "Партагаса", стояла банка с маринованной селедкой.

— Подождите, — бросил Финн и вышел из комнаты.

Молли села на его место, выпустила лезвие указательного пальца и подцепила сероватый пласт селедки. Кейс бесцельно бродил по комнате, трогая по пути смонтированные в стойках сканирующие приборы.

Через десять минут Финн стремительно вернулся и обнажил желтые зубы в широкой улыбке. Он утвердительно кивнул, показал Молли большой палец и жестом попросил Кейса помочь ему с дверной панелью. Пока Кейс закреплял скотчем дверь, Финн вынул из кармана маленькую плоскую клавиатуру и набрал сложную последовательность символов.

— Дорогуша, — обратился он к Молли, убирая клавиатуру, — на этот раз тебе действительно повезло. Без балды, я это нюхом чую. Ты можешь мне сказать, откуда у тебя она.

— Мудеркинд, — тихо ответила Молли, отодвигая галеты и селедку. — Я заключила побочную сделку с Ларри.

— Здорово, — восхитился Финн. — Что ж, это ИскИн.

— Нельзя ли чуть попонятнее, — проворчал Кейс.

— Берн, — сказал Финн, не обращая на него внимания. — Он находится в Берне. Получил ограниченное швейцарское гражданство согласно закону, аналогичному нашему акту от пятьдесят третьего года. Построен для "Тессье — Эшпул СА"[5]. Им принадлежит и "железо", и исходное программное обеспечение.

— Что там такое в Берне? — Кейс встал прямо между ними.

— Уинтермьют — опознавательный код ИскИна. У меня есть номера Регистра Тьюринга. ИскИн — искусственный интеллект.

— Все это прекрасно, — вставила Молли, — но откуда он узнал про нас?

— Если Мудеркинд не ошибается, — сказал Финн, — то за спиной Армитиджа стоит Уинтермьют.

— Коты занялись этим делом по моему поручению, — объяснила Молли недоумевающему Кейсу. — У них бывают самые странные и неожиданные источники информации. Договаривалась я через Ларри, на четких условиях: плачу, если они узнают, кто стоит за Армитиджем.

— И ты думаешь, что за ним стоит этот самый ИскИн? Но ведь этим штукам не позволена никакая автономия. Тут уж скорее корпорация, о которой ты говорила. "Тессле…"

— "Тессье — Эшпул СА", — подсказал Финн. — Могу рассказать вам про них одну историю. Хотите послушать? — Он сел к столу и подался вперед.

— Финн, — заметила Молли, — обожает рассказывать истории.

— Эту я еще никому не рассказывал, — начал Финн.

Финн был барыгой, в основном — по части краденых программ. Естественно, он иногда встречался с другими барыгами, некоторые из которых занимались более традиционными товарами. Драгоценными металлами, марками, редкими монетами, самоцветами, ювелирными изделиями, а также живописью и прочими произведениями искусства. История, рассказанная им, начиналась с человека по фамилии Смит.

Рядовой барыга в прошлом, Смит разбогател, остепенился и всплыл на поверхность как торговец предметами искусства. Первый знакомый Финна, "двинувшийся на кремнии" (выражение, на взгляд Кейса, несколько старомодное), он покупал микрософты исключительно "по специальности" — искусствоведение и аукционные каталоги. Вставив в черепной разъем дюжину чипов, он приобретал буквально необъятные познания в области искусства и торговли оным. Однажды Смит пришел к Финну, можно сказать, за братской помощью, как бизнесмен к бизнесмену. Ему потребовалось навести справки о клане Тессье — Эшпул, но так, чтобы они никогда об этом не узнали. Финн ответил, что это вполне возможно, но потребовал разъяснений.

— Понимаешь, — пояснил Кейсу Финн, — дело определенно пахло деньгами.

Смит был крайне осторожен. Даже слишком.

Как выяснилось, Смита обслуживал поставщик по имени Джимми. Он занимался квартирными кражами и другими столь же благородными делами; он только что вернулся на Землю после года, проведенного на высокой орбите, и привез домой, на дно гравитационного колодца, некоторые любопытные вещицы. Наиболее необычным предметом из тех, что Джимми удалось раздобыть в своих гастролях по архипелагу, оказалась голова — платиновый бюст, покрытый перегородчатой эмалью и усыпанный мельчайшим жемчугом и ляпис — лазурью. Смит печально вздохнул, убрал карманный микроскоп и посоветовал Джимми расплавить голову. Новодел, коллекционной ценности не представляет. Джимми рассмеялся. Это, сказал он, компьютерный терминал. Она умеет говорить. И не каким — нибудь там синтезированным голосом, а с помощью миниатюрных органных труб, мехов, рычагов и прочих прибамбасов. Трудно сказать, кому

и зачем понадобилось делать такую изощренную игрушку. Даже извращенную — ведь чипы, синтезирующие голос, продаются на каждом углу, они дешевле пареной репы. Типичный куншток. Смит подключил голову к своему компьютеру, и мелодичный нечеловеческий голос пропищал ему цифры прошлогодней декларации о доходах.

Среди клиентов Смита был один токийский миллиардер, чья страсть к механическим игрушкам граничила с фетишизмом. Смит пожал плечами и развел руками в жесте — древнем, как ломбарды и лавки старьевщиков. Конечно, он постарается, но вряд ли за голову можно много выручить.

Когда Джимми оставил бюст и ушел, Смит стал его тщательно исследовать и нашел клейма мастеров. Оказалось, что голова — плод более чем неожиданного сотрудничества двух цюрихских ремесленников, парижского художника — эмальера, датского ювелира и калифорнийского разработчика микросхем. А изготовлена она по заказу "Тессье — Эшпул СА".

Смит стал осторожно намекать токийскому коллекционеру, что имеет нечто, заслуживающее внимания.

А затем к нему пришел некий не представившийся посетитель, который преодолел сложную систему безопасности с такой легкостью, словно ее и вовсе не существовало. Маленький, дико вежливый японец имел все признаки искусственно выращенного ниндзи — убийцы. Смит сидел за полированным столом из вьетнамского розового дерева и как завороженный глядел в спокойные карие глаза смерти. Мягко, почти извиняясь, клонированный убийца объяснил, что в его обязанности входит найти и вернуть некое произведение искусства, механизм исключительной красоты, который взяли из дома хозяина. До его сведения дошло, что Смит знает о местонахождении упомянутого предмета.

Смит объявил, что не хочет умирать, и выставил голову на стол. "А какую сумму вы ожидали выручить от продажи предмета?" — спросил посетитель, Смит назвал сумму намного ниже той цены, которую хотел запросить за голову. Ниндзя вынул кредитный чип и перевел эту сумму с номерного швейцарского счета на счет Смита. "А кто, — спросил японец, — принес вам эту вещь?" Смит ответил. Через несколько дней он узнал, что Джимми умер.

— Вот тут — то на сцену и вышел я, — продолжал Финн. — Смит знал, что я хорошо знаю тусовку с Мемори — Лейн и что именно туда нужно идти, чтобы, не поднимая лишнего шума, раздобыть о ком — нибудь сведения. Я нанял ковбоя. Как посредник я получал определенный процент. Смит был предельно

осторожен. Он вышел из крайне дикой и опасной операции с прибылью, однако в деле осталось много странного и непонятного. Кто заплатил ему из этой швейцарской заначки? Якудзы? Позвольте не поверить. У них очень твердые правила разрешения подобных ситуаций, перекупщик должен отправиться туда же, куда и вор. Чистый блеф, и никакого "опечаленного хозяина" нет и в помине? Смит так не думал. Блеф всегда имеет некий специфический привкус, достаточно опытный человек распознает его без ошибки. Итак, мой ковбой рылся в старых архивах, пока не наткнулся на тяжбу с упоминанием Тессье — Эшпул. Тяжба пустяковая, но мы получили адвокатскую фирму. Ковбой прорубился сквозь лед адвокатов, и мы узнали адрес семьи. Ну и хрен ли, спрашивается, толку?

— Кейс удивленно поднял брови.

— Фрисайд, — сказал Финн. — Веретено. Как оказалось, они владеют почти всей этой штукой. Когда ковбой хорошенько прочесал архивы информационных служб и составил резюме, получилась крайне интересная картина. Семейная организация. С корпоративной структурой. Теоретически вы можете купить часть любого СА, но на деле ни одна акция корпорации "Тессье — Эшпул" не появлялась на открытом рынке вот уже более сотни лет. И ни на каком другом рынке — насколько мне известно. Мы столкнулись с первым поколением очень скрытной и очень эксцентричной семьи с высокой орбиты, выступающей под видом корпорации. Деньги у них огромные, причем семья всячески избегает средств массовой информации. Широкомасштабное клонирование. Орбитальные законы по поводу генной инженерии намного мягче земных. Поэтому очень трудно проследить, какое поколение или комбинация поколений управляет корпорацией в данный момент.

— Как это? — спросила Молли.

— У них своя криогенная установка. Даже согласно орбитальному закону замороженный человек считается мертвым. Похоже, они подменяют друг друга, хотя отца — основателя никто не видел лет уже тридцать. А мамаша — основательница погибла в результате несчастного случая в лаборатории…

— Так что же с барыгой?

— Да ничего. — Финн нахмурился. — Бросил это дело. Мы имели счастие взглянуть на фантастическое хитросплетение взаимных доверенностей на ведение дел, имеющихся в распоряжении "Т — Э", вот и все. Джимми, должно быть, забрался в "Блуждающий огонек", спер эту голову, а Тессье — Эшпул послали за ней ниндзя. Смит решил выкинуть все это из своей пребывающей, пока еще, на плечах головы. И правильно,

пожалуй, сделал, — Финн взглянул на Молли. — Вилла "Блуждающий огонек". На самом конце Веретена. Посторонние не допускаются.

— И ты считаешь, что у них есть свой ниндзя? — спросила Молли.

— Смит думает, что да.

— Дорогое удовольствие, — заметила девушка. — Интересно, где он сейчас, этот ниндзя — коротышка?

— Возможно, они его заморозили. До следующей необходимости.

— Ладно, — сказал Кейс, — мы знаем, что Армитидж получает свои башли от ИскИна по имени Уинтермьют. Ну и какой от этого толк?

— Пока никакого, — пожала плечами Молли, — но теперь у тебя появляется небольшое побочное развлечение.

Она вынула из кармана сложенный листок бумаги и подала Кейсу. Тот развернул его. Сетевые координаты и пароль входа.

— Кто это?

— Армитидж. Какая — то его база данных. Я получила эти сведения от Котов. За дополнительное вознаграждение. Где это?

— В Лондоне, — сказал Кейс.

— Ну так взломай, — засмеялась Молли. — Покажи, что ты не даром ешь свой хлеб.

Кейс дожидался на переполненной платформе местного поезда "Транс — СОБА". Молли давно вернулась на чердак с конструктом Флэтлайна в зеленой сумке, а Кейс все это время пил, не просыхая. Странно и неприятно думать о Флэтлайне как о конструкте, как о кассете постоянной памяти, воспроизводящей профессиональное мастерство покойного, и его пунктики, и даже коленный рефлекс… Местный с грохотом приближался вдоль черной индукционной полосы, и из трещин в потолке туннеля посыпались тонкие струйки песка. Кейс втиснулся в ближайшую дверь и, когда поезд тронулся, стал разглядывать пассажиров. Двое последователей Христианской Науки, весьма хищные на вид, старались протиснуться к трио юных конторских техничек, на чьих запястьях в резком вагонном освещении влажно поблескивали розовые голографические влагалища. Девицы нервно облизывали идеальной формы губы и поглядывали на христианских научников из — под опущенных металлических век. Они были похожи на высоких, грациозных, экзотических животных, бессознательно покачивающихся в такт движению поезда; высокие каблуки, попиравшие серый металлический пол вагона, походили на полированные копытца. Не успели девушки упорхнуть от миссионеров куда глаза глядят, а поезд уже прибыл

на станцию Кейса.

Кейс вышел из вагона и увидел парящую около стены станции голограмму белой сигары, под которой мигала стилизованная под японские иероглифы надпись латинскими буквами: "ФРИСАЙД". Пройдя сквозь толпу, Кейс встал прямо под рекламой и принялся изучать изображение. Ниже мигала надпись: "ЗАЧЕМ ОТКЛАДЫВАТЬ?". Белое тупоносое веретено, усеянное решетками, радиаторами, доками и куполами. Кейс видел эту или подобные ей рекламы тысячу раз. Они его не интересовали. При помощи деки он достигал банков Фрисайда с такой же легкостью, как и Атланты. Путешествия — это для мяса. Но теперь, разглядывая рекламу. Кейс заметил маленький, не больше монетки, значок, вплетенный в левый нижний угол призрачной ткани рекламы: "Т — Э".

Он вернулся на чердак, думая о Флэтлайне. Почти все девятнадцатое лето своей жизни он провел в "Джентльмене — Неудачнике", потягивая дорогое пиво и тараща глаза на ковбоев. Он ни разу еще не притронулся к деке, но твердо знал, чего хочет. В то лето в "Неудачнике" ошивалось не менее двадцати других окрыленных надеждами парнишек, каждый из которых хотел стать мальчиком на побегушках у какого — нибудь ковбоя. Единственный способ выучиться.

Все они слышали о Поли, деревенского вида жокее из окрестностей Атланты, который пережил мозговой коллапс, побывав за черным льдом. Слухи — смутные, уличные, которые только и были доступны мальчишкам — сходились в одном: Поли сделал невозможное. "Что — то колоссальное, — сообщал Кейсу (за кружку пива) другой будущий великий ковбой, — но вот что именно? Я слышал, что он вскрыл бразильскую платежную сеть. Так это или не так, но этот мужик побывал на том свете. Полный мозговой коллапс". И Кейс посмотрел в противоположный конец переполненного бара, где сидел коренастый парень с каким — то свинцовым цветом кожи.

— Понимаешь, мальчик, рассказывал ему Флэтлайн несколько месяцев спустя, уже в Майами, — я как эти здоровенные долбаные ящерицы, ну ты знаешь, у которых было два гребаных мозга, один в голове, а другой — в жопе, чтобы задними ногами двигать. Вот и я, вляпался в это черное говно, а задний мозг — ему хоть бы хны, работает как миленький.

Ковбойская элита "Неудачника" избегала Поли с каким — то суеверным страхом. Маккой Поли, Лазарь киберпространства…

В конце концов его погубило сердце. Второе, русское сердце, пересаженное ему еще во время войны, в лагере для военнопленных. Он не соглашался заменить его, говорил, что

привычный ритм поддерживает в нем чувство времени. Кейс потер между пальцами в кармане клочок бумажки, полученный от Молли, и стал подниматься по лестнице.

Молли лежала на темперлоне и тихо похрапывала. Прозрачный гипс доходил от колена до самой промежности, и сквозь стекловидное вещество виднелись ужасные черно — желтые синяки. Вдоль левого запястья выстроились восемь дермов, все разного размера и цвета. Рядом лежал трансдермальный прибор "Акаи", к прилепленным под гипсом дерматродам тянулись тонкие красные проводки.

Кейс включил настольную лампу, стоящую рядом с "Хосакой". Резкий круг света упал прямо на конструкт Флэтлайна. Кейс загрузил в машину лед, подсоединил конструкт и "вошел" в матрицу.

У него возникло отчетливое ощущение, будто кто — то стоит за спиной.

Кейс кашлянул:

— Дикс? Маккой? Это ты, что ли? — У него пересохло в горле.

— Привет, браток, — сказал голос из ниоткуда.

— Это я, Кейс. Еще не забыл?

— А, Майами, ученик, быстро все схватывал.

— Что ты последнее помнишь, Дикс, перед тем как тобой сейчас заговорил?

— Ничего.

— Ну — ка, постой.

Кейс отсоединил конструкт. Ощущение чужого присутствия исчезло. Он снова подсоединил конструкт.

— Дикс? Кто я?

— Веселенький вопрос. А хрен тебя знает, кто ты такой.

— Ке… Один твой друг. Напарник. Что с тобой случилось?

— Вот и я хотел бы знать.

— Помнишь, как ты был здесь секунду назад?

— Нет.

— А знаешь, как работает матрица личностного ПЗУ?

— Конечно, братан, фирменный конструкт.

— Значит, если я подключу его к своей базе данных, он получит непрерывную память в реальном времени?

— Думаю, да, — ответил конструкт.

— Ладно, Дикс. Ты — конструкт. Усек?

— Ну, раз ты так говоришь, — согласился конструкт. — Так кто ты такой?

— Кейс.

— А, Майами, ученик, быстро все схватывал.

— Точно. А для разминки мы сгоняем с тобой сейчас в Лондонскую сеть и кое — что там посмотрим. Ты не против?

— А у меня что, есть выбор?

6

— Тебе нужен рай, — посоветовал Флэтлайн, когда Кейс объяснил ситуацию. — Проверь Копенгаген, окраины Университетской секции. — Голос по памяти выдал координаты.

Они нашли свой рай, "пиратский рай", на размытой границе слабо защищенной академической сети. На первый взгляд рай этот напоминал граффити, оставляемые иногда студентами — операторами на перекрестках — еле заметные цветные значки, мерцающие на фоне нечетко выраженных очертаний дюжины гуманитарных факультетов.

— Вон, — сказал Флэтлайн, — голубой. Видишь? Входной пароль компании "Белл — Европа". Причем, свежий. Скоро "Белл" сюда доберется, прочитает всю эту доску объявлений и поменяет все коды, которые здесь вывешены. А завтра ребятки сопрут новые.

Кейс набрал входной пароль системы "Белл — Европа", а затем обычный телефонный номер. С помощью Флэтлайна он вышел на лондонскую базу данных, принадлежащую, по словам Молли, Армитиджу.

— Давай, — сказал голос. — Я тут быстро справлюсь.

Флэтлайн начал нараспев читать цифровые последовательности, Кейс отстукивал их на деке, стараясь передать паузы, которые делал конструкт.

Потребовалось три попытки.

— Тоже мне работа, — сказал Флэтлайн. — Льда вообще нет.

— Просканируй это дерьмо, — приказал Кейс "Хосаке". — Просей, выбери биографические материалы владельца.

На месте нейроэлектронных каракуль появился простой белый ромб.

— Файл содержит в основном видеозаписи послевоенных сессий трибунала, — сказал негромкий голос "Хосаки". — Центральной фигурой процессов является полковник Корто.

— Да ты показывай, — сказал Кейс.

На экране появилось незнакомое мужское лицо. С глазами Армитиджа.

Через два часа Кейс рухнул рядом с Молли, темперлон послушно повторил контуры его тела.

— Нашел что — нибудь? — сквозь сон и наркотики спросила Молли.

— Потом расскажу, я разваливаюсь.

Кейс был в полном смятении и чувствовал отходняк, как после хорошей дозы. Он лежал с закрытыми глазами и пытался разобраться в истории человека по фамилии Корто. В резюме, составленном "Хосакой" на основании куцых данных, зияли огромные дыры. Одну часть материала представляли печатные отчеты, которые бежали по экрану так быстро, что Кейсу пришлось попросить "Хосаку" читать их вслух. Другую часть представляли аудиозаписи судебных слушаний по поводу "Разящего Кулака".

Полковника Уилиса Корто забросили через "слепое пятно" в русской обороне Киренска. "Шаттлы" создали эту брешь с помощью импульсных бомб, и команда Корто десантнровалась на сверхлегких самолетиках типа "Ночное крыло". Их крылья упруго раскрылись в лунном свете, отражавшемся серебристых изгибах Ангары и Подкаменной Тунгуски, — последний свет, какой увидит Корто за предстоящие пятнадцать месяцев. Кейс пытался представить себе, как высоко над промерзшей степью выходят из пусковых капсул эти хрупкие стрекозы, как расправляют они крылья в морозном ночном воздухе.

— Да, шеф, подставили тебя эти бляди, — сказал Кейс, и Молли пошевелилась во сне.

Самолеты шли без оружия, чтобы компенсировать вес оператора, экспериментальной деки и вирусной программы "Крот–9", первого настоящего вируса в истории кибернетики. Корто и его команда готовилась к рейду три года. Они пробили лед и уже собирались ввести "Крота — девять", когда их засекли. Русские импульсные пушки вышвырнули жокеев в кромешную электронную тьму, навигационные системы "Ночных крыльев" рассыпались, вся их память была стерта подчистую.

Потом за дело взялись лазеры. Они навелись на тепловое излучение и посшибали хрупкие радарно — прозрачные десантные самолетики; Корто и его мертвый оператор упали с сибирского неба. Они падали, падали и падали…

Далее повествование прерывается до того самого момента, когда захваченный русский "летающий танк" прилетает в Финляндию. Прилетает, чтобы быть расстрелянным на рассвете, при посадке в еловую рощу, из допотопной двадцатимиллиметровой пукалки, управляемой расчетом лопухов — резервистов. "Разящий Кулак" закончился для Корто в окрестностях Хельсинки; финские санитары вырезали его из покореженного брюха вертолета. Через девять дней закончилась и война; слепого, безногого, с оторванной нижней челюстью полковника отвезли в штат Юта, в военный госпиталь. Только

через одиннадцать месяцев его обнаружил здесь некий чиновник Конгресса. Корто лежал и слушал, как капает моча из катетера. К тому времени в Вашингтоне и Маклине уже начались показательные процессы. Пентагон и ЦРУ сильно сократились, остатки их были раздроблены на куски, а следственная комиссия Конгресса сосредоточила свое внимание на операции "Разящий Кулак". "Готовенький уотергейт", — сказал Корто чиновник.

Еще он сказал, что полковник нуждается в глазах, ногах, а также в интенсивной работе пластических хирургов, но все можно устроить. "И новую канализацию", — сказал он, трогая Корто за плечо через мокрую от пота простыню.

Бывший полковник слушал негромкое беспрестанное капанье. И сказал, что предпочитает давать показания в своем теперешнем виде.

Нельзя, объяснил чиновник, заседания будут показывать по телевидению. Процессы нужны, чтобы повлиять на избирателей. Он вежливо кашлянул.

Подчищенные, подправленные и многократно отрепетированные показания Корто были яркими, подробными, берущими за душу. Большая их часть была сочинена шайкой — лейкой из аппарата Конгресса, кровно заинтересованной в спасении некоторых частей инфраструктуры Пентагона. Полковник постепенно и сам понял, что своими показаниями спас карьеры троих генералов, непосредственно ответственных за сокрытие данных о строительстве эм — и установок в окрестностях Киренска.

После окончания разбирательств его персона стала нежелательной в Вашингтоне. В ресторане на М — стрит за блинчиками со спаржей тот же самый чиновник популярно объяснил ему, что именно произойдет, если он станет болтать лишнего. Сомкнутыми пальцами правой руки Корто раздробил ему гортань. Задохнувшийся чиновник упал лицом в блинчики со спаржей, а Корто вышел на улицу, в холодный вашингтонский сентябрь.

"Хосака" с пулемётной скоростью выдавал содержание полицейских отчётов, донесений промышленных шпионов и файлов новостей. В Марракеше и Лиссабоне Корто обрабатывал падких до денег сотрудников корпораций; презирая саму мысль о предательстве он все больше и больше ненавидел инженеров и ученых, секреты которых покупал для своих хозяев. В Сингапуре, пьяный, он до смерти избил русского инженера, а затем поджег его номер.

Затем он вынырнул в Таиланде, уже в качестве управляющего фабрикой по производству героина. Затем он работал вышибалой

в игорных домах Калифорнии, затем — наемным убийцей среди боннских руин. Ограбил банк в Уичите. Записи становились все темнее и непонятнее, а пробелы в них все длиннее.

А однажды, сказал он в записи допроса, проводившегося, по всей видимости, с использованием "сыворотки правды", все стало серым.

Переведенные с французского медицинские записи объясняли, что в Парижскую психиатрическую клинику доставили неизвестного с диагнозом "шизофрения". Он впал в кататонию и был отправлен в государственную лечебницу, расположенную на окраине Тулона. Он стал одним из лабораторных кроликов программы по лечению шизофрении при помощи кибернетического моделирования. Случайно выбранные пациенты получали микрокомпьютеры и обучались, при помощи студентов, составлять для них программы. Из всех больных, участвовавших в эксперименте, выздоровел только Корто.

Здесь записи обрывались.

Кейс заворочался на темперлоне, и Молли негромко выругала его за беспокойство.

Зазвонил телефон. Не вставая с кровати, Кейс снял трубку.

— Да?

— Мы летим в Стамбул, — сказал Армитидж. — Сегодня вечером.

— Чего еще надо этому ублюдку? — спросила Молли.

— Говорит, сегодня вечером мы летим в Стамбул.

— Ну, вааще.

Армитидж зачитал номера рейсов и время вылетов.

Молли села и включила свет.

— А как мое оборудование? — спросил Кейс. — Моя дека?

— Ею займется Финн, — сказал Армитидж и повесил трубку.

Кейс смотрел, как Молли собирает вещи. Несмотря на черные круги под глазами, она двигалась как танцовщица. Ни одного лишнего движения. Рядом с сумкой лежала мятая куча его одежды.

— Тебе больно? — спросил Кейс.

— Не помешала бы еще одна ночь у Чина.

— Это тот дантист?

— Да уж, дантист. Просто он очень осторожен. Скупил половину этой этажерки и устроил там широкопрофильную больницу. В основном, чинит самураев.

Она застегивала сумку.

— Ты бывал в Стамбуле?

— Да, как — то, пару дней.

— Он такой же, как прежде, — сказала Молли. — Старый

грязный городишко.

— Вот так же мы отправились и в Тибу. — Молли смотрела из окна поезда на лунный пейзаж промышленной зоны, где красные огоньки на горизонте отгоняли самолеты от термоядерной установки. — Мы жили в Лос — Анджелесе. Он вошел и сказал: "Собирайся, мы летим в Макао". Когда мы туда приехали, я играла в фан — тан в "Лиссабоне", а он остановился в "Зон — шане". А на следующий день я уже играла с тобой в прятки в Ночном Городе.

Молли вынула из рукава черной курточки шелковый шарфик и протерла им свои зеркала. Пейзаж северного Муравейника пробудил в Кейсе детские воспоминания о каких — то пучках сухой травы, торчащих из трещин бетонных плит автострады.

В десяти километрах от аэропорта поезд начал тормозить. Кейс смотрел, как над битым шлаком, над пустыми ржавыми скорлупками нефтеперегонных заводов, над ландшафтом его детства, встает солнце.

7

В Бейоглу дождило. Арендованный "мерседес" плавно скользил мимо зарешеченных темных окон осторожных греческих и армянских ювелиров. Улица была почти пустынной, только несколько одетых в темное фигур на тротуаре оглядывались на машину.

— Прежде здесь был процветающий европейский район оттоманского Стамбула, — сообщил "мерседес".

— А теперь только что не трущобы, — заметил Кейс.

— "Хилтон" находится на Джумхуриет Каддеси, — сказала Молли, устраиваясь на заднем сиденье.

— Почему Армитидж летает отдельно? — спросил Кейс. У него болела голова.

— Потому, что ты его достаешь. И меня тоже.

Кейс хотел рассказать ей историю Корто, но передумал. В самолете он наклеил себе снотворный дерм и весь полет проспал.

Прямая пустынная дорога из аэропорта вскрыла город как аккуратный разрез. Мимо проносились фантастические, заплата на заплате, стены деревянных домиков, кондо, купола, тоскливые параллелепипеды многоквартирных домов, опять стенки из фанеры и ржавой жести.

Финн, одетый в новехонький костюм из Синдзюку, черный как у сараримена, кисло ждал их, сидя в плюшевом кресле, — одинокий островок посреди неоглядного моря бледно — голубых ковров, устилавших холл "Хилтона".

— Боже, — фыркнула Молли. — Крыса в деловом костюме.

Они пересекли вестибюль.

— За сколько ты согласился сюда приехать? — Она уронила свою сумку рядом с креслом. — А за то, что напялил на себя этот костюм, — наверное, вообще заплатили чертову тучу денег.

Финн довольно оскалился:

— Не так уж и много, дорогуша. — Он передал ей магнитный ключ с желтой круглой биркой. — Вас уже зарегистрировали. Апартаменты наверху. — Финн огляделся по сторонам. — Дерьмо город.

— Ты страдаешь агорафобией от того, что тебя вытащили из — под купола. Ты представь, что это вроде как Бруклин. — Молли покрутила ключ на пальце. — Ты здесь лакеем или как?

— Мне нужно проверить имплантанты одного парня, — сказал Финн.

— А как моя дека? — спросил Кейс.

Финн поморщился:

— Соблюдай субординацию. Все вопросы — к боссу.

Молли сделала быстрый знак пальцами. Финн утвердительно кивнул в ответ.

— Да, — сказала Молли, — я знаю, кто это. Она мотнула головой в сторону лифтов. — Пошли, ковбой.

Кейс подхватил обе сумки и двинулся следом.

Их номер в точности походил на тот в Тибе, где он впервые встретился с Армитиджем. Утром он подошел к окну, почти готовый увидеть Токийский залив. Через дорогу торчал другой отель. Дождь так и не кончился. Люди со старенькими, завернутыми в прозрачный пластик голосовыми принтерами жались в подъезды домов. Платные писцы, лучшее доказательство того, что в этой стране написанное слово ещё ценится. Неторопливая страна. Из тупорылого черного "ситроена" с примитивным водородным двигателем вышли пятеро суровых турецких офицеров в мятых зеленых френчах. Они вошли в отель напротив.

Кейс опять посмотрел на кровать, на Молли и поразился ее бледности. Губчатый гипс остался дома, на чердаке, рядом трансдермальным индуктором. В ее линзах отражались лампы, освещавшие номер.

Кейс взял трубку сразу после первого звонка.

— Рад, что вы уже встали, — сказал Армитидж.

— Я только что. А леди еще спит. Послушайте, босс, я думаю, нам стоит немного поговорить. Чем больше я знаю о своей работе, тем лучше работаю.

В трубке наступила тишина. Кейс прикусил губу.

— Ты знаешь вполне достаточно. Может, даже слишком.

— Вы так думаете?

— Одевайся. Буди девочку. Минут через пятнадцать к вам придет гость. Его фамилия Терзибашьян.

Негромкие гудки. Армитидж положит трубку.

— Вставай, малышка, — позвал Кейс. — Дела.

— Я уже час как не сплю. — Зеркала повернулись в его сторону.

— К нам идет некто Джерси Бастион.

— У тебя прямо талант к языкам. И сам ты, не иначе, из армян. Это — шпик, которого наш начальничек приставил к Ривьере. Помоги мне встать.

Терзибашьян оказался молодым человеком в сером костюме и в зеркальных очках с золотой оправой. Через расстегнутый воротничок белой рубашки виднелась подушка черных волос, таких густых, что Кейс принял их сперва за майку. В руках у него был черный хилтоновский поднос с тремя крохотными чашечками ароматного черного кофе и тремя же восточными сладостями неопределенной природы, липкими и цвета соломы.

— Нам ни в коем случае нельзя слишком, как вы говорите на *Ingliz*, мельтешиться.

Некоторое время он смотрел прямо на Молли, но затем снял зеркальные очки. Темно — карие глаза имели тот же оттенок, что и короткие, армейской стрижки, волосы. Он улыбнулся.

— Так лучше, да? Иначе получается бесконечный *tunel* — зеркало в зеркало… А вам, — добавил он Молли, — нужно быть поосторожнее. В Турции не очень любят женщин с подобными модификациями.

Молли откусила половину вязкого бруска.

— Засунь свои советы знаешь куда? — Из — за полного рта слова Молли звучали не очень разборчиво. Она прожевала кусок, глотнула и облизала губы. — Я все про тебя знаю. Ты стучишь для полиции, верно? — Ее рука неторопливо скользнула за пазуху и вытащила игольник. Кейс не знал, что Молли вооружена.

— Осторожнее, пожалуйста. — Белая фарфоровая чашечка застыла в сантиметре от губ Терзибашьяна.

Со все той же неспешностью Молли подняла ствол:

— Выбирай: или разлететься на куски, или заработать рак. Всего от одной стрелы, сраная морда. Ты даже не почувствуешь.

— Пожалуйста. Не понимаю, для чего вы ставите меня в… как это на *Ingiliz*?.. крайне затруднительное положение.

— А я понимаю, что сегодня у меня с утра крайне хреновое настроение. Так что рассказывай нам про этого парня и сваливай. — Она спрятала оружие.

— Он живет в "Фенере" на Кучук Гюльхане Джаддези, 14. Каждый вечер ездит в *tunel* на базар, по одному и тому же маршруту. Недавно он выступал в "Енишехир Палас Отели", это — современная гостиница в стиле *turistik*, но этими представлениями заинтересовалась полиция — не по своей, как вы понимаете, инициативе. Администрация Енишехира занервничала.

Терзибашьян улыбнулся. От него исходил сильный металлический запах лосьона для бритья.

— Мне нужно знать об имплантантах, — сказала Молли, массируя себе бедро. — Я хочу знать, на что он способен.

Терзибашьян кивнул:

— Хуже всего эти, как это на *Ingiliz*, сублиминалы. — В последнем слове он тщательно артикулировал каждый слог.

— Слева от нас, — сказал "мерседес", пробираясь по лабиринту мокрых от дождя улиц, — главный базар Стамбула "Капали Карси".

Сидевший рядом с Кейсом Финн понимающе хрюкнул, хотя смотрел в совершенно противоположном направлении. По правой стороне улицы тянулись склады утильсырья. Среди куч на щербатых, покрытых ржавыми пятнами мраморных плитах валялся развороченный остов паровоза. Поленница безголовых мраморных статуи.

— Домой хочется? — спросил Кейс.

— Дерьмовый городишко, — вздохнул Финн. Его черный шелковый галстук стал похож на изношенную ленту от пишущей машинки. На лацканах нового костюма появились медальоны из яичных пятен и мясной подливки для люля — кебаб.

— Эй, Джерси, — обратился Кейс к сидевшему сзади армянину, — а где этому парню ставили имплантанты?

— В Тиба — Сити. У него нет левого легкого. Правое — форсированное, так это у вас говорят? Конечно, имплантанты может купить любой, но этот парень — очень талантливый.

"Мерседес" объехал груженную кожами подводу.

— Я же ходил за ним и видел, как падают встречные велосипедисты, пачками, ежедневно. Найдешь такого велосипедиста в больнице, каждый раз одна и та же история. Рядом с тормозным рычагом сидел скорпион…

— "Получаешь то, что ты видишь"[6]. Да — а, — сказал Финн. — Я встречался со схемами, как у этого парня. Очень высокая яркость. Мы видим, что он воображает. Думаю, он свободно может сжать импульс и сжечь сетчатку.

— А ты говорил это своей знакомой? — Терзибашьян подался вперед, — В Турции женщина — все еще женщина. Эта же…

Финн хмыкнул:

— Только посмотри на нее косо — она повяжет тебе узлом яйца вместо галстука.

— Я не понимаю эту идиому.

— Это не страшно, — вмешался Кейс. — Она означает "заткнись".

Армянин откинулся назад, оставив после себя металлический запах лосьона. Он зашептал в рацию "Саньо" странную смесь греческих, французских и турецких слов, среди которых изредка встречались и отдельные английские. Рация отвечала ему по — французски. "Мерседес" мягко свернул за угол.

— Базар пряностей, который иногда называют египетским, — сообщил автомобиль, — образовался на месте древнего базара, построенного султаном Хатисом в 1660 году. Это центральный городской рынок, где продают пряности, программное обеспечение, парфюмерию, лекарства.

— Ага, "лекарства", — сказал Кейс, глядя, как "дворники" ходят туда — сюда по пуленепробиваемому лексану. — К какой, говоришь, дури пристрастился Ривьера?

— Смесь кокаина и меперидина, — сказал армянин и опять что — то забормотал в передатчик.

— Эту смесь называют демерол, — пояснил Финн. — Он спидболовый клоун, наркоша. Интересная у тебя, Кейс, компания.

— Пустяки, — сказал Кейс, поднимая воротник куртки, — мы заменим этому засранцу поджелудочную или еще чего.

Как только они оказались на базаре, лицо Финна заметно прояснилось, как будто его обрадовала толпа и ощущение замкнутого пространства. Они шли вслед за армянином по главному торговому залу, крытому закопченными листами пластика на железных, выкрашенных зеленой краской опорах эпохи паровых машин. Вокруг извивались и подмигивали тысячи парящих в воздухе реклам.

— Вот это да, — восхитился Финн, хватая Кейса за руку. — Глянь — ка. — Он показал пальцем. — Это же лошадь. Ты видел когда — нибудь лошадь?

Кейс посмотрел на чучело животного и отрицательно покачал головой. Оно стояло на чем — то вроде пьедестала возле прохода к торговым рядам, где продавали птиц и обезьянок. Ноги чучела облысели и почернели от прикосновения бесчисленных рук.

— А я вот видел лошадь, в Мериленде, — сказал Финн. — Года через три после пандемии. Какие — то арабы все еще пытаются воссоздать лошадей из ДНК, но ни хрена не получается.

Коричневые стеклянные глаза животного как будто следили за ними, когда они проходили мимо. Терзибашьян привел их в

кафе с низким потолком, которое, казалось, существовало здесь со времен основания рынка. Костлявые мальчишки в грязных белых куртках метались среди переполненных столиков, балансируя металлическими подносами с бутылками "Тюрк — Туборга" и крохотными стаканчиками чая.

Около входа в кафе Кейс купил у разносчика пачку "Ихэюань". Армянин все еще переговаривался по "саньо".

— Пошли, — сказал он, — объект вышел из дома. Каждую ночь он садится в *tunel* и едет сюда, чтобы купить у Али свою смесь. Ваша женщина — рядом. Пошли.

Переулок был старый, со стенами из темных каменных блоков. Неровные известняковые плиты тротуара пахли бензином, насквозь пропитавшим их за сто лет.

— Ни хрена не видно, — прошептал Кейс.

— Нашей красавице это только на руку, — отозвался Финн.

— Тихо, — почти выкрикнул Терзибашьян.

То ли по камню, то ли по бетону скрипнуло дерево. Впереди, метрах в десяти от них, на мокрые булыжники упал клин света. Кто — то вышел, дверь со скрипом захлопнулась, и переулок снова погрузился во тьму. Кейс поежился.

— Пора, — произнес Терзибашьян, и сейчас же ослепительный белый луч с крыши здания напротив рынка накрыл худощавую фигурку, застывшую рядом со старой деревянной дверью, идеально круглым пятном света. Блестящие глаза стрельнули влево, вправо, и мужчина рухнул на землю. Он лежал лицом вниз, белокурые волосы — светлое пятно на древнем камне, белые руки жалко обмякли. Кто же его подстрелил — то, подумал Кейс.

Световое пятно даже не дрогнуло.

Вдруг куртка на спине мужчины взбугрилась и лопнула, на стену и дверь фонтаном ударила кровь. Следом из прорехи появились две невероятно длинные руки, под серовато — розовой кожей рельефно вырисовывались жгуты сухожилий. Из тротуара, сквозь неподвижные окровавленные останки Ривьеры вылезла ужасная тварь. Двухметровое чудовище стояло на двух ногах и, казалось, не имело головы. Оно медленно повернулось в их сторону, и Кейс увидел, что голова у него есть, нет только шеи. Лицо, или как это назвать, влажно поблескивало, глаз на нем не было. Рот — если это неглубокое конусообразное углубление действительно было ртом — обрамляла буйная поросль волос или щетины, блестящей как черный хром. Чудовище отпихнуло ногой жалкую кучку обрывков одежды и плоти, затем сделало шаг. Круглый рот, похожий сейчас на миниатюрную радарную антенну, обшаривал окрестности в поисках жертвы.

Раскинув руки, как человек, собирающийся выброситься из окна, Терзибашьян крикнул что — то то ли по — гречески, то ли по — турецки и бросился на тварь. Он пробежал сквозь нее. Прямо на вспышку выстрела, сверкнувшую откуда — то из темноты, лежавшей по ту сторону ярко освещенного круга. Мимо головы Кейса просвистели осколки камня, и Финн рывком заставил его присесть.

Прожектор на крыше погас, а перед глазами все еще стояли вспышка выстрела, чудовище и резкий луч света. В ушах звенело.

Снова зажегся прожектор, теперь он начал обшаривать переулок. Бледный как смерть Терзибашьян прислонился к стальной двери. Он поддерживал левое запястье и смотрел, как из раны капает кровь. У его ног лежал белокурый парень, абсолютно целенький и без малейших следов крови.

Из темноты появилась Молли, вся в черном и с игольником в руках.

— Свяжись по радио, — сквозь сжатые зубы сказал армянин. — С Махмутом. Нужно убрать его отсюда. Это — плохое место.

— Этот паршивец чуть не смылся. — Громко хрустнув коленями, Финн поднялся с земли и начал без особого толка отряхивать свои штанины. — Ну что, посмотрели фильм ужасов? Это тебе не гамбургер, который исчезает на глазах. Мощная работа. Ладно, давай поможем унести его на хрен отсюда. Хочу просканировать механику этого типа, прежде чем он очухается, надо же убедиться, что Армитидж не зря тратит деньги.

Молли наклонилась и что — то подняла. Пистолет.

— "Намбу", — сказала она. — Хороший ствол.

Терзибашьян громко застонал. Кейс только сейчас заметил, что у армянина отсутствует большая часть среднего пальца левой руки.

Когда город начал пропитываться предрассветной голубизной, Молли приказала "мерседесу" везти их в Топкапи. Финн и огромный турок — тот самый Махмут — унесли все еще не пришедшего в сознание Ривьеру. Несколькими минутами позднее подъехал запыленный "ситроен" — за армянином, который находился на грани обморока.

— Жопа ты, — сказала Молли, открывая для него дверцу машины. — Сидел бы себе и не высовывался. Я держала его на прицеле с той самой секунды, как он вышел.

Терзибашьян свирепо посмотрел на девушку.

— Во всяком случае, ты нам больше не нужен. — Молли подсадила его в машину и захлопнула дверцу. — Еще раз попадешься мне, и я тебя прикончу, — сказала она бледному

лицу, видневшемуся за тонированными стеклами. "Ситроен" дернулся к неуклюже вывернул из переулка на улицу.

"Мерседес" несся по просыпающемуся городу. Они миновали Бейоглу и теперь мчались через лабиринты запущенных улочек, мимо захудалых доходных домов, смутно напомнивших Кейсу Париж.

— А это что еще за хрень? — спросил он Молли, когда "мерседес" остановился возле сада, окружавшего Сераль. Дикая разностильность этого комплекса зданий могла ошарашить кого угодно.

— Топкапи, — сказала Молли, вылезая из машины и потягиваясь. — Раньше здесь было нечто вроде частного публичного дома короля. Уйма баб. А теперь это музей. Малость похоже на мастерскую Финна: все свалено грудами — здоровенные бриллианты, мечи, левая рука Иоанна Крестителя…

— Живая, как в консервирующем чане?

— Нет. Мертвая. Лежит внутри такой бронзовой руки с дыркой сбоку, чтобы христиане могли поцеловать. Турки отобрали ее у христиан миллион, наверное, лет назад и с тех пор ни разу не удосужились стереть с нее пыль: ведь это — "реликвия неверных".

В садах Сераля ржавел чугунный олень. Кейс шел рядом с Молли и слушал, как хрустит под носками ее ботинок неухоженная трава, жесткая от утреннего морозца. Они шли параллельно дорожке, сложенной из восьмиугольных каменных плит, очень, наверное, холодных. Чуть подальше, на Балканах, была уже зима.

— Этот Терзи — большая сволочь, — сказала Молили. — Он агент тайной полиции. Настоящий палач. Купить такую блядь проще простого, особенно — за такие деньги, какими швыряется Армитидж.

На деревьях начинали петь птицы.

— Я раздобыл сведения из Лондона, — сказал Кейс. Кое — что узнал, но не понимаю, что именно.

И рассказал ей историю Корто.

— Да, я знаю, что в "Разящем Кулаке" не участвовал никакой Армитидж. Проверено. — Молли погладила ржавый олений бок. — И ты считаешь, что маленький компьютер вывел его из шизофрении? В этой французской больничке?

— Скорее уж Уинтермьют, — ответил Кейс.

Молли кивнула.

— Интересный вопрос, — задумчиво сказал Кейс, — а знает ли Армитидж, что он был когда — то полковником Корто? Я хочу сказать: когда Армитидж попал в больницу, он был никем, а

потому вполне возможно, что Уинтермьют…

— Верно. Наново его сконструировал, базируясь на имеющихся данных. Да, дела…

Они пошли дальше.

— Вариант разумный. Понимаешь, у него нет никакой жизни. Насколько я могу судить. Когда встречаешь такого мужика, то представляешь, что у него полно баб. Но только не Армитиджа. Он сидит дома и смотрит в стенку. Затем у него в голове что — то щелкает, и он развивает бурную деятельность.

— Так зачем же эта лондонская заначка? Милые сердцу воспоминания?

— Может, он о ней и не знает, — пожала плечами Молли. — Может, этот массив не его, а положен на его имя.

— Что — то не понял, — заметил Кейс.

— Нечего тут и понимать, я просто думаю вслух… Насколько умны эти ИскИны?

— По — разному бывает. Некоторые не намного умнее собаки. Так, игрушки. Игрушки, которые стоят целого состояния. А вот настоящие — очень умные, умные настолько, насколько позволяет им полиция Тьюринга. ИскИны действительно могут быть очень умными.

— Послушай, ты ведь ковбой. Почему же тебя так мало интересуют такие вещи?

— Начать с того, — ответил Кейс, — что они встречаются очень редко. И почти всегда — в оборонных ведомствах, а там защиту не пробьешь. Ведь это военные изобретают все новый и новый лед. А тут еще и Тьюринг. Копы — это такие ребята, с которыми лучше не связываться. — Кейс посмотрел на девушку. — Лучше туда не соваться.

— Вот и все вы, жокеи, такие, — презрительно фыркнула Молли. — Нуль воображения.

Они подошли к широкому прямоугольному пруду, где карпы лениво щипали стебли каких — то белых водных цветов. Девушка пнула валявшийся на земле камешек и стала смотреть, как бегут по воде круги.

— Этот Уинтермьют, — сказала она, — связан с чем — то очень крупным. До нас доходят волны, но мы не видим камня, упавшего в центре. Нам известно, что там что — то происходит, но и только. Я хочу знать, что именно. Я хочу, чтобы ты поговорил с Уинтермьютом.

— Да меня к нему и близко не подпустят, — сказал Кейс. — Ты, милая, не в себе.

— Попытайся.

— Это невозможно.

— Попроси Флэтлайна.

— Послушай, а на кой нам хрен этот Ривьера? — спросил Кейс в надежде сменить тему разговора.

Девушка сплюнула в пруд.

— Бог его знает. Прикончить бы его, да и дело с концом. Я же видела его профиль. Этакий Иуда по призванию. Он и кончить — то толком не может, если не предаст предварительно объект своего вожделения. Так вот прямо в файле и сказано… Да, еще надо обязательно, чтобы она его любила. Не знаю, может, он тоже их любит, на свой манер. Ривьера уже три года сдает политических в здешнюю тайную полицию, потому — то Терзи и не составило большого труда подставить его нам. Думаю, Терзи приглашал этого гаденыша посмотреть на пытки. Он же продал за эти три года восемнадцать человек. все — женщины от двадцати до двадцати пяти лет. Благодаря ему у Терзи всегда хватало диссидентов. — Молли сунула руки в карманы. — Как только Ривьера увлекался бабой, он подбивал ее заняться политикой. У него личность — вроде как костюм у Диких Котов. Психотип редчайший, один на два миллиона. Небольшой, но все же комплимент природе человеческой. — Молли смотрела на сонную рыбу и белые цветы, на лице ее застыла горечь. — Знаешь, я, пожалуй, подстрахуюсь от этого циркача.

Холодная усмешка Молли не предвещала ничего хорошего.

— Как это?

— Не обращай внимания. Давай вернемся в Бейоглу и позавтракаем. Сегодня у меня опять тяжелая ночь. Нужно убрать его барахло из номера в "Фенере", а затем сходить на базар и купить ему дурь…

— Купить дурь? Этой гниде?

— Ревнуешь? — расхохоталась Молли. — Лучше бы, конечно, повесить его на рояльной струне, но этого мы сделать не можем. А судя по имеющейся информации, не сожрав дозу, он не может работать. Не боись, ты мне нравишься больше, ты, по крайней мере, не такой тощий. — Она опять улыбнулась. Так что схожу — ка я к торговцу Али и хорошенько затоварюсь. Без этого никак.

В "Хилтоне" их ждал Армитидж.

— Пора собираться, — сказал он, и Кейс попытался за загорелой маской со светло — голубыми глазами найти следы человека по имени Корто. Ему вспомнился Уэйдж из Тибы. Обычно крупные дельцы скрывали свои наклонности. Однако Уэйдж имел свои грешки, имел любовниц. По слухам, даже детей. А вот Армитидж оставался полной загадкой.

— А теперь куда? — поинтересовался Кейс, проходя мимо Армитиджа к окну. — И какой там климат?

— У них нет климата, только погода, — загадочно сообщил Армитидж. — Вот. Читай… — Он положил на кофейный столик пачку проспектов и встал.

— Как там Ривьера? И где Финн?

— С Ривьерой все в порядке. Финн уже летит домой. Улыбка Армитиджа выражала не больше, чем подрагивание усиков насекомого. Он ткнул Кейса в грудь, и при этом звякнул золотой браслет. — Не будь таким умником. Ты же не знаешь, насколько уже растворились стенки этих шариков.

Лицо Кейса застыло. Он взял себя в руки и скованно кивнул.

Когда Армитидж ушел, Кейс раскрыл один из проспектов. Дорогая бумага, текст — на французском, английском и турецком языках.

"ФРИСАЙД — СВОБОДНАЯ ЗОНА. ЧЕГО ТЫ ЖДЕШЬ?"

В этот раз все четверо летели вместе рейсом компании "Ти — Эйч — Уай" из аэропорта "Есилкёй". В Париже пересадка на "шаттл" компании "Джей — Эй — Эль". Кейс сидел в вестибюле "Истанбул — Хилтона" и смотрел, как Ривьера перебирает в сувенирной лавке липовые византийские древности. В дверях, накинув плащ на плечи, стоял Армитидж.

Ривьера, стройный блондин с нежным голосом, изъяснялся по — английски бегло и без акцента. Молли говорила, что ему тридцать, но по внешнему виду было трудно угадать его возраст. Еще она сказала, что Ривьера не имеет гражданства и путешествует по поддельному датскому паспорту. Он родился в зоне полного разрушения, которая окружала радиоактивный центр старого Бонна.

В лавку стремительно ворвались три улыбчивых японских туриста, по пути они вежливо поклонились Армитиджу. Тот быстро и демонстративно пересек лавку и встал рядом Ривьерой. Ривьера повернулся к нему и расплылся в улыбке. Очень красивое лицо, над которым явно потрудился хирург в Тибе. Ничего не скажешь, изящная работа, ничего похожего на армитиджевский гоголь — моголь из банальных поп — физиономий. Высокий гладкий лоб, широко посаженные серые глаза. Нос имел, вероятно, слишком идеальную форму, а потому был сломан и установлен наново, чуть небрежно. В результате появился легкий оттенок брутальности, удачно контрастировавший с точеным подбородком и быстрой, легкой улыбкой. Маленькие ровные зубы сверкали белизной, Кейс смотрел, как белые руки перебирают якобы осколки якобы древних якобы статуй.

Ривьера совершенно не походил на человека, которого прошлой ночью подстрелили иглой со снотворным, а затем похитили, подвергли тотальному осмотру и заставили

присоединиться к команде Армитиджа.

Кейс взглянул на часы. Молли вот — вот вернется. Тоже мне, наркокурьер.

— А ведь этот говнюк и сейчас под кайфом, — сказал он хилтоновскому вестибюлю. Седеющая итальянская матрона в белом кожаном смокинге опустила на нос очки "порше" и взглянула на него с некоторым недоумением. Он широко улыбнулся, встал и вскинул сумку на плечо. Нужно было купить сигарет. Интересно, есть ли в "шаттле" салон для курящих?

— Счастливо оставаться, леди, — сказал он даме; та быстро вернула очки на место и отвернулась.

Сигареты продавались в сувенирной лавке, но Кейсу не хотелось разговаривать ни с Армитиджем, ни с Ривьерой. Торговый автомат находился в узкой нише в конце ряда таксофонов.

Он покопался в набитом турецкими лирами кармане и начал скармливать в щель маленькие тусклые монетки, слегка забавляясь анахронизмом процесса. Ближайший таксофон зазвонил.

Совершенно машинально Кейс снял трубку.

— Да?

В трубке тихо попискивало, сквозь шумы спутниковой связи доносились тихие невнятные голоса, а затем раздался звук, похожий на завывание ветра:

— Привет, Кейс.

Пятидесятилировая монетка выскользнула из пальцев, подпрыгнула и куда — то укатилась.

— Это Уинтермьют, Кейс. Пора бы нам поговорить.

Электронный голос.

Кейс повесил трубку.

Позабыв про сигареты, он шел вдоль длинного ряда таксофонов. И каждый раз, когда Кейс проходил мимо очередного аппарата, тот звонил ровно один раз.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПОЛНОЧЬ НА РЮ ЖЮЛЬ ВЕРН

8

Архипелаг.

Острова. Тор, веретено, кластер. Человеческая ДНК сочится из недр гравитационного колодца, масляным пятном расплывается по его крутой стенке.

Вызовите на экран графическую программу самого обобщенного, грубого отображения плотности обмена информацией в архипелаге L–5. Ярко вспыхнет массивный красный прямоугольник, доминирующий элемент схемы.

Фрисайд. Фрисайд многогранен, и далеко не все его грани видны туристам, снующим вверх — вниз по гравитационному колодцу. Фрисайд — это бордель и банковский центр, дворец наслаждений и свободный порт, город пионеров и роскошный курорт. Фрисайд — это Лас — Вегас и Висячие сады Семирамиды, орбитальная Женева и фамильное гнездо чистокровного (на манер призовых кошек и собак), опутанного густой сетью близких внутрисемейных браков, промышленного клана Тессье и Эшпулов.

В Париж они летели лайнером "Ти — Эйч — Уай", первым классом, и сидели все вместе — Молли у иллюминатора, рядом с ней — Кейс, а Ривьера и Армитидж — у прохода. Был момент, когда самолет накренился на вираже, и Кейс увидел сквозь круглое окошко море и горстку сверкающих алмазов — островной греческий городок. В другой раз, потянувшись за своим стаканом, он заметил в смеси "бурбона" с водой еле уловимое очертание чего — то, очень похожего на гигантский сперматозоид.

Молли перегнулась через Кейса и ударила Ривьеру по щеке:

— Не надо, малыш. Кончай шуточки. Еще одна сублиминальная срань, и тебе будет не как сейчас, а *очень* больно. Здоровье твое драгоценное ничуть не пострадает, а я получу огромное удовольствие.

Кейс оглянулся на Армитиджа. Лицо абсолютно спокойное, во внимательных голубых глазах ни тени раздражения.

— А и верно, Питер. Кончай.

Кейс посмотрел на Молли. Мелькнула и тут же исчезла черная роза, лоснящиеся, как кожа, лепестки, черный стебель с блестящими металлическими шипами…

Ривьера кротко улыбнулся, закрыл глаза и тут же уснул.

Молли отвернулась к иллюминатору; в темном стекле отразились два серебряных круга.

— Ты ведь летал уже в космос? — спросила Молли, глядя, как Кейс устраивается на толстом, податливом темперлоне амортизационной койки "шаттла".

— Да нет. Я и вообще почти не летаю, только если по делу.

Стюард прилаживал к его запястью и левому уху датчики.

— Надеюсь, тебя не прихватит СКА, — сказала Молли.

— Воздушная болезнь? Ни в коем разе.

— Здесь не совсем то. В невесомости пульс твой участится, а внутреннее ухо на время сбрендит. Появится рефлекторное желание удрать неизвестно куда и соответствующий прилив адреналина.

Стюард переместился к Ривьере и вытащил из кармана красного пластикового фартука очередной набор датчиков.

Кейс отвернулся и попробовал различить очертания старых пассажирских терминалов аэропорта "Орли", но увидел только отражение изящно изогнутых отражателей выхлопа на мокром бетоне. На ближайшем из них красовался какой — то арабский лозунг — красные закорючки, напыленные из аэрозольного баллончика.

Кейс закрыл глаза и сказал себе, что "шаттл" — это просто очень большой самолет, который очень высоко летает. Вот и пахнет он как самолет — одеждой, жевательной резинкой и выхлопными газами. Из динамиков доносилось негромкое позвякивание кото[7]. Оставалось только ждать.

Прошло двадцать минут, и мягкая, непомерно тяжелая лапа перегрузки глубоко вдавила его в темперлон.

На практике СКА — синдром космической адаптации оказался еще хуже, чем в описании, но все быстро кончилось и Кейс заснул. Когда стюард его разбудил, "шаттл" уже маневрировал среди посадочных терминалов.

— А теперь сразу во Фрисайд? — Кейс с тоской взирал на крошку ихэюаньского табака, которая выплыла из его нагрудного кармана и теперь дразняще плясала перед носом. Пассажирам шаттлов категорически запрещалось курить.

— Нет, программа поменялась, обычные закидоны нашего начальничка. Теперь мы направляемся на Сион. Точнее — в кластер Сион. — Молли тронула пряжку привязной системы и начала выбираться из нежных объятий амортизирующего пластика. — Маршрут, мягко скажем, странноватый.

— А чего?

— Народ не самый легкий в общении. Растафари. Их колонии лет уже тридцать.

— Да кто они такие?

— Увидишь. Мне — то один хрен, растафари там или не растафари. Ну а ты сможешь там хотя бы покурить.

Сион основали пятеро рабочих, которые отказались вернуться на Землю: повернулись к небу передом, к гравитационному колодцу — задом, и начали строить. Пока центральный тор не закрутили и не создали в нем тяготение, все они страдали от вымывания кальция и сердечной недостаточности. Пузырь такси подплывал к корпусу Сиона, сваренному на живую нитку; на взгляд Кейса, эта устрашающая конструкция сильно смахивала на латаные — перелатаные лачуги стамбульских трущоб — разнокалиберные, неправильной формы плиты обшивки, то здесь, то там — растафарианская символика и накарябанные лазером имена строителей.

Молли и тощий сионит Аэрол помогли Кейсу справиться с невесомостью и препроводили его по недлинному переходу внутрь малого тора. За очередным приступом головокружения Кейс не сразу и заметил, что Ривьера и Армитидж куда — то исчезли.

— Сюда, — сказала Молли, проталкивая его ноги в узкий люк, проделанный вроде бы в потолке. — Хватайся за перекладины. Ты сейчас представь себе, что спускаешься, и все будет тип — топ. Чем ближе к внешнему периметру, тем больше тяготение, так что это и вправду спуск. Сечешь?

Желудок Кейса яростно протестовал.

— Все, брат, будет в порядке, — обнадежил его Аэрол, сверкнув золотыми зубами.

Как — то так вышло, что конец туннеля оказался его дном. Кейс вцепился в несильное тяготение, как утопающий вцепляется в спасательный круг.

— А ну — ка, вставай, — прикрикнула на него Молли. — Ты что, целоваться с палубой собрался?

Кейс обнаружил, что лежит ничком, раскинув руки. Что то стукнуло его по плечу. Он перекатился на спину и увидел толстую бухту эластичного троса,

— Будем строить хибару, — сказала Молли. — Помоги мне натягивать веревку.

Кейс оглядел обширное, совершенно пустое пространство и заметил, что всюду приварены стальные кольца — безо всякой, на первый взгляд, системы. Они растянули трос по какой — то сложной, придуманной Молли, схеме и развесили на нем обшарпанные листы желтого пластика. Во время работы Кейс постепенно ощутил, что кластер сотрясается от музыки. Называлась она "даб" — чувственная мозаика, состряпанная на

основе огромных фонотек оцифрованной поп — музыки; она, по словам Молли, являлась некой формой религиозного культа и создавала чувство общности. Кейс поднял один из желтых листов, легкий, но очень громоздкий. Сион пропах вареными овощами, человеческим потом и марихуаной.

— Вот и прекрасно, — одобрительно кивнул Армитидж, легко проскальзывая в люк и глядя на пластиковый лабиринт. Появившийся следом Ривьера был явно непривычен к слабому тяготению.

— Где тебя носит, когда нужно работать? — спросил его Кейс.

Тот открыл рот, словно собираясь ответить. Изо рта выплыла небольшая форель, а за ней, что было уж совсем невероятно, цепочкой тянулись пузыри.

— В голове, — улыбнулся Ривьера.

Кейс засмеялся.

— Хорошо, — кивнул Ривьера, — ты умеешь смеяться. Понимаешь, я бы помог вам, но у меня что — то творится с руками. — Он выставил вперед ладони, которые неожиданно удвоились. Четыре руки, четыре ладони.

— И ты, Ривьера, просто безвредный колдун — так, что ли? — Молли встала между Ривьерой и Кейсом.

— Пошли, брат, — позвал из люка Аэрол. — Идем, ковбой.

— Твоя дека, — объяснил Армитидж, — и остальное хозяйство. Помоги ему принести вещи из грузового шлюза.

— Ты очень бледный, брат, — заметил Аэрол, когда они волокли запакованную в пенопласт "Хосаку" по центральному туннелю. — Может, съешь чего?

Рот Кейса наполнила противная слюна, и он отрицательно затряс головой.

Армитидж объявил восьмидесятичасовую остановку. Молли и Кейсу нужно привыкнуть к невесомости и научиться в ней работать. Кроме того, он проинструктирует их по поводу Фрисайда и виллы "Блуждающий огонек". Оставалось неясным, что будет делать Ривьера, но спрашивать Кейсу не хотелось. Через несколько часов после прибытия Армитидж послал его в желтый лабиринт, чтобы пригласить Ривьеру поесть. Тот лежал, по — кошачьи свернувшись, на тонком темперлоновом матрасе, совершенно голый, и, по всей видимости, спал. Вокруг его головы вращался нимб из белых геометрических тел: кубов, сфер и пирамид.

— Эй, Ривьера.

Кольцо продолжало вращаться. Кейс вернулся и доложил Армитиджу.

— Под кайфом. — Молли оторвала взгляд от разобранного игольника. — Хрен с ним.

По всей видимости, Армитидж считал, что невесомость повлияет на способность Кейса оперировать в матрице.

— Не бери в голову, — отмахнулся Кейс. — Я включаюсь, и меня уже здесь нет. Мне все равно, где мое тело.

— У тебя высокий адреналин, — заметил Армитидж. — Ты все еще страдаешь от СКА. Но у нас нет времени ждать, пока ты обвыкнешься. Тебе придется научиться работать, превозмогая болезнь.

— Так что, я буду рубиться прямо отсюда?

— Нет. Потренируйся, Кейс. Прямо сейчас. В коридоре, наверху, где невесомость.

Представление декой киберпространства совершенно не зависело от ее физического местонахождения. Войдя в матрицу, Кейс увидел перед собой привычные очертания ступенчатой пирамиды — базу данных Ядерной Комиссии Восточного Побережья.

— Как дела, Дикси?

— Я же мертв, Кейс. Что же я — полный кретин и ничего не понимаю? Сидя в твоей "Хосаке", я имел время подумать.

— Ну и как ты себя чувствуешь?

— Да никак.

— Тебя что — нибудь беспокоит?

— Меня беспокоит, что меня ничто не беспокоит.

— Как это?

— В Сибири, в русском лагере, один мой дружок отморозил себе палец. Ну и, конечно, ампутация. Как — то через месяц я замечаю, что он всю ночь ворочается. "Элрой, — говорю я, — что это ты никак не угомонишься?" — "Палец, — говорит, — чешется". — "Почеши, — говорю я ему, — и спи". — "Маккой, — говорит он, — этот — не почешешь".

По позвоночнику Кейса пробежала волна леденящего холода, и он не сразу понял, что это такое. Конструкт смеялся.

— Слушай, ты можешь оказать мне небольшую услугу.

— Услугу, Дикси?

— Этот вот ваш шахер — махер, когда вы его закончите — сотри меня к чертям собачьим.

Сионитов Кейс не понимал.

Как — то раз Аэрол сам, безо всякой подначки, рассказал ему о ребенке, который выскочил из его лба и убежал в заросли гидропонной ганжи.

— Маленький такой, совсем ребенок, ну вот как твой палец, не больше. — Он потер ладонью свой широкий, загорелый (без

малейшей, конечно же, царапинки) лоб.

— Это ганжа, — пожала плечами Молли, когда Кейс пересказал ей эту историю. — Сиониты не проводят особого различия между действительностью и галлюцинацией. То, что рассказал тебе Аэрол, действительно с ним случилось. Это не лапша на уши, а уж, скорее, поэзия. Сечешь?

Кейс кивнул, но остался при своих сомнениях. При разговоре сиониты непременно дотрагивались до собеседника, чаще всего — брали его за плечо. Кейсу это не нравилось.

Часом спустя Кейс готовился к очередной тренировке.

— Эй, Аэрол! Иди — ка сюда. Вот, попробуй, — крикнул он, протягивая сиониту троды.

Аэрол плавно, словно в замедленном кино, развернулся. Босые ноги ударились о стальную переборку, а свободная рука ухватилась за перекладину; другая рука держала пластиковый мешок с сине — зелеными водорослями. Он застенчиво поморгал и улыбнулся.

— Попробуй, — повторил Кейс.

Аэрол взял ленту, надел ее на голову и закрыл глаза. Кейс нажал кнопку питания. По худощавому телу сионита пробежала судорожная дрожь. Кейс торопливо выключил деку.

— Ну и что ты видел?

— Вавилон, — печально сказал Аэрол, возвращая троды, а затем оттолкнулся ногами и улетел.

Ривьера неподвижно сидел на темперлоновой подушке. Чуть выше локтя его руку плотно обвивала изящная — не толще пальца — змейка с горящими, как рубин, глазами. Кейс потрясенно смотрел, как украшенное ярким черно — алым узором тельце стягивается все туже и туже.

— Ну, давай, — ласково сказал Ривьера бледно — желтому, как воск, скорпиону, сидевшему на его раскрытой ладони. — Давай.

Скорпион шевельнул коричневыми клешнями и, быстро перебирая ножками, побежал вверх по руке вдоль темноватых вен. Достигнув локтевой ямки, он остановился и еле заметно задрожал. Ривьера издал негромкий звук, что — то вроде шипения. Жало поднялось, поколебалось, словно в нерешительности, и вонзилось в набухшую вену. Коралловая змейка ослабила хватку, и Ривьера медленно вздохнул. Кайф пошел.

Змейка и скорпион исчезли, и в его левой руке оказался молочно — белый пластиковый шприц.

— Если Господь Бог и создал что — нибудь лучшее, он приберег это для себя. Знаешь такую поговорку?

— Да, — кивнул Кейс, — слышал, и по самым разным поводам. Ты всегда устраиваешь такой спектакль?

Ривьера снял с руки стягивавший ее жгут.

— Да. Так смешнее. — Он улыбнулся, глаза его почти не замечали окружающего, на щеках вспыхнул румянец. — У меня над веной мембрана, чтобы не нужно было беспокоиться о состоянии иглы.

— И не больно?

— Конечно, больно, — блеснул глазами Ривьера. — Необходимый элемент.

— Я бы пользовался дермами, — сказал Кейс.

— Дилетант, — засмеялся Ривьера, надевая белую рубашку с короткими рукавами.

— Приятно, наверное, — заметил Кейс и встал.

— А сам — то ты как? Куришь, ширяешься?

— Пришлось, к сожалению, бросить.

— Фрисайд. — Армитидж тронул пульт маленького проектора "Браун". Почти трехметровая голограмма вздрогнула и приобрела резкие очертания. — Здесь находятся казино. — Он ткнул пальцем прямо в какую — то точку объемного изображения. — Здесь расположены отели, здесь — частные владения, а вот здесь — магазины. — Рука двигалась все дальше. — Голубым отмечены озера. — Армитидж подошел к одному из концов модели. — Сигара большая, сужается к концам.

— Это мы и сами видим, — заметила Молли.

— Сужение создает горный эффект — земля уходит вверх, все круче и круче, но подниматься там легко. Чем выше поднимаешься, тем ниже тяготение. Здесь проводят спортивные соревнования. А вон там — велодром. — Он указал модели.

— Что? — поразился Кейс.

— Они гоняют на велосипедах, — ответила Молли. — Низкая гравитация и шины с высоким сцеплением — скорость получается за сто километров в час.

— Этот конец нас не касается, — со своей обычной серьезностью заметил Армитидж.

— Кой хрен не касается, — возмутилась Молли. — Велосипед — самое милое дело.

Ривьера хихикнул.

Армитидж перешел к противоположному краю проекции:

— Нас интересует этот конец.

Эта часть веретена казалась совершенно пустой, подробности внутреннего устройства отсутствовали.

— Это и есть вилла "Блуждающий огонек". Крутой подъем, все подходы перекрыты. Единственный вход здесь, точно в

центре. Полная невесомость.

— А что внутри, босс? — Ривьера подался в вытянул шею. Возле пальца Армитиджа мерцали четыре крошечные фигурки. Армитидж отмахнулся от них, как от комаров.

— Питер, — объявил он, — тебе предстоит узнать это первому. Организуй себе приглашение. А когда будешь на вилле — обеспечь проникновение Молли.

Кейс смотрел на ничем не заполненные контуры "Блуждающего огонька" и вспоминал историю, рассказанную Финном: Смит, Джимми, говорящая голова, ниндзя.

— Нельзя ли узнать подробности? — спросил Ривьера. — Видите ли, мне нужно знать, как одеться.

— Запоминайте улицы. — Армитидж вернулся к середине схемы. — Здесь — Дезидерата — стрит. А вот — Рю Жюль Верн.

Ривьера закатил глаза.

Армитидж перечислял названия улиц Фрисайда, и вдруг у него на носу, щеках и подбородке вскочила масса ярких прыщей. Даже Молли не выдержала и засмеялась.

Армитидж остановился и окинул слушателей холодным бесстрастным взглядом.

— Извините, — пробормотал Ривьера, прыщи мигнули и пропали.

Глубокой ночью Кейс проснулся и обнаружил, что Молли не лежит, а стоит рядом с ним, низко, словно перед прыжком, пригнувшись. Дальше — больше. Молли резко взметнулась и буквально пролетела сквозь стену; Кейс не сразу сообразил, что она попросту пропорола лист желтого пластика.

— Ни с места, приятель.

Кейс перевернулся на живот и просунул голову в прореху.

— Какого…

— Заткнись.

— Ты и есть та самая, — послышался голос, явно принадлежавший кому — то из сионитов. — Тебя зовут Кошачий Глаз, или еще Танцующая Бритва. Меня зовут Мэлком, сестренка. Братья хотят побеседовать с тобой и ковбоем.

— Какие еще братья?

— Основатели, сестра. Старейшины Сиона…

— Если открыть люк, свет разбудит босса, — прошептал Кейс.

— Я там все потушил, — настаивал гость. — Давайте. Мы пойдем к Основателям.

— Ты знаешь, приятель, как быстро я могу тебя порезать?

— Сестра, не надо, стоять и разговаривать. Пошли.

Из пяти Основателей Сиона в живых оставались только двое, оба — глубокие старики, особенно дряхлые из — за ускоренного

старения, неизбежного для тех, кто слишком уж долго прожил вне объятий гравитации. В резком свете отраженного солнца их коричневые ноги с явными признаками кальциевой недостаточности выглядели хрупкими щепочками. Основатели парили внутри сферической камеры, стенки которой покрывала нарисованная яркая буйная листва. В воздухе висел густой смолистый запах.

— А, Танцующая Бритва, — сказал один из старцев, когда Молли вплыла в камеру. — Ты подобна рукоятке хлыста.

— Это у нас такое предание, сестра, — пояснил другой, — религиозное предание. Мы рады, что ты последовала за Мэлкомом.

— Почему вы не говорите на здешнем жаргоне? — спросила Молли.

— Я приехал из Лос — Анджелеса, — ответил старик. Его тускло — седые косички казались перепутанными ветками какого — то странного дерева. — Много лет тому назад я покинул Вавилон и поднялся сюда по гравитационному колодцу. Чтобы показать Народу путь к дому. А теперь мой брат считает, что ты и есть Танцующая Бритва.

Молли вытянула правую руку, и в дымном воздухе блеснули лезвия.

Второй Основатель откинул назад голову и засмеялся.

— Скоро грядут Дни Последние. Голоса. Голоса, вопиющие в пустыне, предрекающие падение Вавилона…

— Голоса. — Основатель из Лос — Анджелеса посмотрел на Кейса. — Мы сканируем множество частот. Мы все время слушаем. И вот из вавилонского этого столпотворения доносится голос, который обращается к ним. Он сыграл нам потрясный даб.

— Называется Уинтер Мьют, — подсказал второй старик, разделив одно имя на два.

По рукам Кейса побежали мурашки.

— К нам воззвал Мьют, — продолжил первый Основатель. — Мьют сказал, что мы должны вам помочь.

— Когда это было? — спросил Кейс.

— За тридцать часов до вашего прибытия в Сион.

— Вы слышали этот голос раньше?

— Нет, — ответил старик из Лос — Анджелеса, — и мы не уверены в его истинности. В Дни Последние следует ожидать ложных пророков…

— Послушайте, — взметнулся Кейс, — к вам обращался ИскИн, понимаете? Искусственный интеллект. А эта музыка — он просто перекачал мелодии из ваших же банков, а потом намешал из них окрошку в вашем вкусе и…

— Вавилон, — перебил его Основатель, — порождает сонмища дьяволов, мы это знаем. Имя им — легион.

— Так как ты назвал меня, старик? — переспросила Молли.

— Танцующая Бритва. Ты обрушишь кару на Вавилон, сестра, и поразишь его черное от греха сердце…

— А что сказал голос? — поинтересовался Кейс.

— Что мы должны вам помочь, — сказал другой старец, — и что вы послужите орудием Дней Последних, — На сморщенном, как печеное яблоко, лице появилась озабоченность. — Мы должны послать с вами Мэлкома, на его буксировщике "Гарвей", в вавилонскую гавань Фрисайд. Мы так и сделаем.

— Мэлком — крутой парень, — добавил второй старик, — и праведный пилот.

— Но мы решили дослать заодно Аэрола на "Вавилонском рокере", чтобы присмотрел за "Гарвеем".

В размалеванной всеми цветами радуги сфере повисло напряженное молчание.

— Вот как? — удивился Кейс. — Так вы что, тоже работаете на Армитиджа?

— Нет, мы только сдаем вам помещение, — сказал лос — анджелесский Основатель. — Мы не подчиняемся законам Вавилона. Наш закон — Слово Джа. Хотя в этот раз, возможно, мы и ошибаемся.

— Семь раз отмерь, один отрежь, — негромко добавил второй.

— Ладно, Кейс, пошли, — сказала Молли, — пока босс нас не хватился.

— Мэлком вас проводит. Джа вас любит, сестра.

9

Буксировщик "Маркус Гарвей", стальной барабан девяти метров длиной и двух метров в диаметре, содрогнулся — Мэлком врубил маршевый двигатель. Затянутый в эластичную противоперегрузочную подвеску, Кейс разглядывал сквозь скополаминовый туман мускулистую спину сионита. Он принял эту отраву, чтобы хоть немного приглушить СКА, но ни один из стимуляторов, заложенных в таблетку производителем для противодействия скополамину, не действовал на его излеченный организм.

— За сколько мы доберемся до Фрисайда? — поинтересовалась Молли, висевшая в такой же сетке рядом с пилотским модулем.

— Теперь недолго, это точно.

— Слушайте, парни, а часы для вас существуют?

— Время, сестра, наступает вовремя, ты меня понимаешь? Ужас, — Мэлком тряхнул своими косичками, — правит, и мы, сестра, приедем во Фрисайд, когда мы приедем…

— Кейс, — сказала Молли, — у тебя вышло что — нибудь насчет контакта с нашим приятелем из Берна? Ты же все это время сидел с декой и шевелил губами.

— С приятелем, — кивнул Кейс, — ну да, с приятелем. Нет. Не удалось. Но, когда мы уезжали из Стамбула, со мной случилась странная история.

Кейс рассказал ей о таксофонах в "Хилтоне".

— Господи, — мучительно скривилась Молли. — Это ж какой был шанс. Почему ты повесил трубку?

— Да это мог быть кто угодно, — соврал Кейс. — Электронный голос… Я и не знал…

Он пожал плечами.

— А может — просто струсил?

Кейс снова пожал плечами.

— Свяжись с ним сейчас.

— Что?

— Сейчас. Ну хотя бы поговори об этом с Флэтлайном.

— У меня котелок не варит, — отнекивался Кейс, но все же полез за дерматродами. Дека и "Хосака" стояли позади модуля пилота, рядом с монитором высокого разрешения фирмы "Крей". Он отрегулировал контакты. "Маркус Гарвей" был состряпан на основе огромного допотопного русского воздухоочистителя — прямоугольной хреновины, разукрашенной Растафарианской символикой, Львами Сиона и Лайнерами Черной Звезды — красные, зеленые и желтые картинки поверх каких — то старых надписей, выполненных на кириллице. Кто — то покрыл все навигационное оборудование Мэлкома слоем ядовито — розовой краски, забрызгав при этом приборы и экраны — и пришлось отскребать бритвой. С прокладок носового шлюза свисала бахрома из не совсем еще затвердевших полос и капель прозрачной герметизирующей замазки, лохмы эти колыхались, напоминая плохую имитацию водорослей. Кейс посмотрел из — за плеча Мэлкома на центральный экран с маршрутной схемой; путь, проделанный "Гарвеем", изображался цепочкой красных точек, а Фрисайд — зеленым кругом, разделенным на сегменты. Загорелась новая красная точка.

Он щелкнул тумблером деки.

— Дикси?

— Да.

— Ты пробовал когда — нибудь взломать ИскИн?

— Конечно. И выпал в плоскую линию. В первый раз. Я развлекался, залез очень высоко, в коммерческий сектор Рио. Большой бизнес, транснациональные корпорации, правительство Бразилии — все в огнях, что твоя Рождественская елка. Просто резвился, и ничего более. А затем я начал ковырять этот куб — тремя, наверное, уровнями выше. Врубился и сделал заход.

— На что он был похож?

— Просто белый куб.

— А как ты понял, что это — ИскИн?

— Как понял? Господи! Да там был самый плотный лед, какой я только видел. Так что же это еще могло быть? У тамошних военных ничего и похожего не было. На всякий случай я вышел из киберпространства и приказал компьютеру проверить, что это за куб.

— Ну и как?

— Он оказался в Реестре Тьюринга. ИскИн. А владельцы "железа" — машины, которая стоит в Рио — какие — то лягушатники.

Кейс задумчиво пожевал нижнюю губу и устремил взгляд в раскинувшуюся за террасами Ядерной Комиссии Восточного Побережья нейроэлектронную бесконечность матрицы.

— Тессье — Эшпул — так, что ли?

— Да, Тессье.

— И ты опять туда полез?

— Ну да. Я совсем спсихел. Дай — ка, думаю, взломаю я этот лед. Углубился в первый слой и — пишите письма. Мой ученик унюхал горелую кожу и сдернул с меня дерматроды. Блядская штука, этот лед.

— И энцефалограф выдал прямую линию.

— Ну да, это же в легенду вошло.

Кейс вышел из киберпространства.

— Вот же мать твою, — ошарашенно пробормотал он. Каким, ты думаешь, образом Флэтлайн впал в мозговой коллапс? Сделал заход на ИскИн. Веселенькая история.

— Ну и что? — пожала плечами Молли. — Справитесь как — нибудь, вы ведь считаетесь крутыми ребятами.

— Дикси, — сказал Кейс, — я хочу взглянуть на бернский ИскИн. Можешь придумать причину, почему мне не стоит этого делать?

— Если ты не отягощен низменным страхом смерти — нет, не могу.

Кейс набрал код швейцарского банковского сектора и ощутил волну радостного возбуждения, когда киберпространство задрожало, размылось и потекло. Вместо Ядерной Комиссии

Восточного Побережья появилась холодная геометрическая структура коммерческих банков Цюриха. Теперь он набрал код Берна.

— Двигай вверх, — подсказал конструкт. — Это будет очень высоко.

Они поднялись по светящейся решетке голубых мерцающих уровней.

"Вот он", — подумал Кейс.

Уинтермьют оказался обычным белым кубом; за видимой простотой явно угадывалась крайняя сложность.

— И посмотреть — то вроде бы не на что, правда? — заметил Флэтлайн. — Но ты его только тронь.

— Я сделаю небольшой заход.

— Да кто ж тебя держит?

Кейс подошел к кубу на расстояние четырех периодов решетки. На возвышающейся над Кейсом чистой белой грани замелькали тени, как будто тысячи танцоров закружились за огромным замерзшим окном.

— Чует, что мы здесь, — заметил Флэтлайн.

Кейс снова нажал клавишу, и они прыгнули на один период вперед.

На лицевой грани куба появился серый пунктирный круг.

— Дикси…

— Быстро назад.

Серый круг плавно вспух, превратился в сферу, которая оторвалась от куба.

Край деки больно впился в ладонь Кейса, когда тот изо всей силы ударил по клавише "ПОЛНЫЙ НАЗАД". Матрица замелькала, отсчитывая уровни в обратном направлении, они нырнули в сумеречную штольню швейцарских банков. Кейс посмотрел наверх. Сфера потемнела и нагоняла его. Падала.

— Выходи из матрицы, — сказал Флэтлайн.

И обрушилась тьма.

Запах холодной стали, нежное прикосновение льда к позвоночнику. Из неонового леса под ядовитым серебристым небом глядят лица моряков, жуликов и проституток…

— Послушай, Кейс, какого ты хрена, у тебя что, крыша едет?

Сильная пульсирующая боль в самой середине позвоночника…

Первое, что почувствовал Кейс, был дождь, мелкая, противная морось. Потом пришлось извлекать ноги из хлама, из путаницы выброшенных на помойку световодов. То приближаясь, то удаляясь, на него нахлынули звуки аркады. Перекатившись по полу, Кейс сел и схватился руками за голову.

Свет из служебного люка в задней части аркады освещал мокрые огрызки древесно — стружечных плит, шасси развороченной игровой консоли. На боку тянулись выцветшие строчки розовых и желтых японских иероглифов.

Кейс взглянул вверх и увидел закопченное пластиковое окно, тусклое мерцание флюоресцентных ламп.

Болела спина, позвоночник.

Кейс встал и откинул с глаз мокрые волосы.

Что — то случилось…

Он обшарил свои карманы, ничего там не нашел и поежился от холода. Но куда делась куртка? Кейс поискал ее по углам, заглянул за консоль и плюнул на это бесполезное занятие.

Выйдя на Нинсеи, он прикинул количество народа. Пятница. Наверняка пятница. Линда, скорее всего, в аркаде. Может, удастся стрельнуть у нее денег или хотя бы сигарет. Кашляя, он отжал перёд рубашки и протиснулся сквозь толпу ко входу в аркаду.

Голограммы, изгибающиеся и приплясывающие в такт реву игровых автоматов, сумбурная мешанина полупрозрачных, друг на друга накладывающихся призраков, густой запах пота, и скуки, и напряженного ожидания… Моряк в белой футболке, играющий в "Танковую войну", разнес Бонн водородной бомбой — мертвенно — синяя ослепительная вспышка.

Линда пытала свое счастье в "Замке колдуна" и проиграла, ее глаза были густо обведены черным карандашом.

Кейс положил руку ей на плечо, она подняла голову и улыбнулась:

— А — а–а! Привет! Что это ты такой мокрый?

Он поцеловал ее.

— Это из — за тебя я проиграла, — сообщила Линда. — Смотри, задница. Дошла уже до темницы седьмого уровня, и тут долбаные вампиры меня поймали. — Она протянула ему сигарету. — Чего — то ты не в себе. И где это тебя носило?

— Не помню.

— Да никак ты сел на иглу? Или просто напился? Или наглотался Зоуновых "колес"?

— Может быть… Сколько ты меня не видела?

— Треплешься? — Линда взглянула ему в глаза. — Ну точно, треплешься.

— Нет. Какой — то провал в памяти. Я… Я проснулся на помойке.

— Может, тебя по голове шандарахнули? Деньги — то целы?

Кейс отрицательно покачал головой.

— Ну вот, все ясно. Тебе что, спать негде?

— Думаю, да.

— Тогда пошли. — Линда взяла его за руку. — По дороге выпьешь кофе и что — нибудь съешь. Я отведу тебя домой. Приятная встреча. — Линда сжала ему руку.

Что — то хрустнуло.

Во вселенной что — то изменилось. Аркада застыла, затем завибрировала и…

Ее уже нет. Груз памяти скачкообразно вырос, целый массив знаний вошел в голову, как микрософт в гнездо. Ее нет. Запахло паленым мясом.

Не было и моряка в белой футболке. В пустой аркаде гробовая тишина. Кейс сжал кулаки, оскалил зубы и медленно обернулся. Пусто. Едва державшаяся на краю консоли желтая конфетная бумажка упала на пол, усеянный окурками и стаканчиками.

— У меня была сигарета, — произнес Кейс, глядя побелевшие от напряжения пальцы. — У меня была сигарета, девушка и место, где спать. Ты слышишь меня, сукин сын? Слышишь?

По аркаде прокатилось эхо, и снова стало тихо.

Кейс вышел на улицу. Дождь прекратился.

И ни души.

Мелькали голограммы и танцевал неон. Кейс почувствовал запах вареных овощей, доносившийся с той стороны улицы, из тележки уличного торговца. У ног лежала нераспечатанная пачка "Ихэюань" и коробок спичек. Надпись на коробке: "ДЖУЛИУС ДИН. ИМПОРТ — ЭКСПОРТ". Кейс тупо уставился на название фирмы и его японский эквивалент.

— О'кей, — пробормотал он, поднимая спички и распечатывая пачку сигарет. — Я тебя слышу.

Кейс медленно поднимался по лестнице в кабинет Дина. "Не спеши, — повторял он себе, — только не спеши". Стекающий циферблат сюрреалистических часов, показывающих неправильное время. Неоацтекские книжные шкафы и столик а — ля Кандинский покрыты пылью. Фиберглассовые ящики наполняют комнату запахом имбиря.

— Заперто?

Ответа не было. Кейс подошел к двери кабинета и подергал ее.

— Джули?

Бронзовая лампа с зеленым абажуром отбрасывает на письменный стол Дина круг света. Кейс взглянул на внутренности старинной пишущей машинки, кассеты, мятые распечатки, липкие пластиковые мешочки с образцами имбиря.

В комнате — никого.

Кейс обошел широкий стальной письменный стол, отодвинул

кресло. Нащупал револьвер в потрескавшейся кожаной кобуре, прикрепленной к нижней стороне столешницы серебристой ленточкой. "Магнум–357", антиквариат. Антиквариат со спиленным стволом и без скобы, ограждающей спусковой крючок. Рукоятка обмотана скотчем. Скотч стертый, коричневый. И грязный. Кейс открыл барабан и проверил все шесть патронов. Ручная набивка. Мягкий свинец пуль блестит, не успел еще потускнеть.

С револьвером в правой руке Кейс протиснулся мимо шкафа, стоявшего слева от стола, и встал прямо посередине захламленного кабинета, вне пределов светового пятна.

— Торопиться мне, в общем — то, некуда. Так что решай сам. Но, с другой стороны, все это дерьмо мне порядком надоело.

Он поднял револьвер обеими руками, прицелился в середину письменного стола и нажал на курок.

Отдача чуть не сломала ему запястье. Дульная вспышка осветила кабинет словно блиц фотографа. Чувствуя звон в ушах, Кейс уставился на рваную дыру в столе. Разрывная пуля. Азид свинца. Кейс снова поднял револьвер.

— Ну зачем же так, сынок, — сказал Джули, выходя из тени. На нем был шелковый, свободного покроя костюм — тройка, полосатая рубашка и галстук — бабочка. В очках блестело отражение настольной лампы.

Кейс повернулся и прицелился прямо в розовое, лишенное каких — либо признаков возраста лицо.

— Не надо, — сказал Дин. — Ты прав. Насчет всего этого. Насчет меня. Но есть определенные соображения, к которым следует прислушаться. Если ты выстрелишь, то увидишь уйму мозгов и крови, а мне понадобится несколько часов — твоего субъективного времени, — чтобы создать другую личность. Мне вовсе не легко генерировать эти образы. И, конечно, извини за Линду в аркаде. Я надеялся поговорить с тобой через нее, но ведь я строю все это на основе твоей памяти, и эмоциональный заряд… Сложно это все, очень сложно. У меня сорвалось.

Кейс опустил револьвер:

— Это — матрица. А ты — Уинтермьют.

— Да. Ты видишь образы благодаря симстим — блоку, подключенному к деке. Я рад, что остановил тебя, не дал тебе выскочить из матрицы. — Дин обошел письменный стол, поправил кресло и сел. — Садись, сынок. Нам есть о чем поговорить.

— Ой ли?

— Конечно, есть. У нас давно есть с чем поговорить. Я пытался связаться с тобой по телефону в Стамбуле. А теперь

времени осталось очень мало. Ты сделаешь заход в самые ближайшие дни. — Дин взял конфету, развернул черно — белую, как шахматная доска, обертку, закинул шарик в рот. — Садись, — повторил он, перекатывая языком конфету.

Не сводя глаз с Дина, Кейс сел на крутящийся стул по другую сторону стола. Руку с револьвером он положил на колено.

— Ну, а теперь, — оживился Дин, — приступим к повестке дня. Ты, конечно, интересуешься, кто такой Уинтермьют? Верно?

— Более — менее.

— Искусственный разум, но это ты и сам знаешь. Твоя ошибка, хотя и вполне логичная, заключается в том, что ты спутал сущность Уинтермьюта с его машиной, находящейся в Берне. — Дин шумно пососал карамельку. — Ты уже осведомлен, что в системе Тессье — Эшпулов существует еще один ИскИн? В Рио. Я — настолько, насколько у меня есть "я": все это, как видишь, начинает звучать несколько метафизически, — обеспечиваю тыл для Армитиджа. Или, если хочешь, для Корто, а он, кстати сказать, весьма нестабилен. Хотя и останется работоспособным еще на день или два. — Дин вытащил из жилетного карманчика затейливые золотые часы и щелкнул крышкой.

— Все эти твои объяснения немногим понятнее всего остального бреда, связанного с этой историей, — сказал Кейс, массируя левой рукой виски. — И если ты такой умный сукин сын…

— Почему я не богатый? — Дин засмеялся и чуть не подавился конфеткой. — Знаешь, Кейс, мне хотелось бы сперва отметить, что я знаю гораздо меньше, чем тебе, скорее всего, кажется. А основной факт состоит в следующем: то, что ты называешь Уинтермьютом, — всего лишь часть некой, ну скажем, потенциальной сущности. Я — всего лишь некий аспект мозга этой сущности. С твоей точки зрения, это все равно как иметь дело с человеком, у которого разделены полушария. Будем считать, что ты общаешься с небольшой частью левого полушария. В такой ситуации трудно даже говорить, что ты вообще общаешься с человеком. — Дин улыбнулся.

— А насчет Корто — все это правда? Ты вышел на него через микрокомпьютер, в этой самой французской больнице?

— Да. Я же составил и файл, хранящийся в Лондоне. Я пытаюсь планировать, в твоем смысле слова, но это — не основной мой метод. Я импровизирую. Тут — мой главный талант. Я больше люблю реальные ситуации, чем заранее составленные планы. У меня отличные способности к работе с данными. Я могу обработать огромное количество информации, и

очень быстро. На подбор вашей команды ушла уйма времени. Первым был Корто, я вытащил его с огромным трудом. Там, в Тулоне, он был уже, считай, за гранью. Есть, испражняться и мастурбировать — вот все, на что он был способен. Но основные структуры, определившие его сумасшествие, в мозгу сохранились — "Разящий кулак", предательство, свидетельские показания в Конгрессе.

— Он все еще сумасшедший?

— Собственно говоря, — улыбнулся Дин, — его нельзя считать настоящей личностью. Конечно же, ты и сам это понял. Однако Корто где — то здесь, рядом, готов вырваться на поверхность, вряд ли я сумею долго поддерживать это хрупкое равновесие. Вскоре он развалится на куски, и тогда я рассчитываю на тебя…

— Ладно, говнюк, заткнись, — сказал Кейс и выстрелил Дину в рот.

Насчет мозгов тот не соврал. И насчет крови — тоже.

— Нет, правда, — говорил Мэлком, — не нравится мне это…

— Все в порядке, — успокоила его Молли. — Все в полном порядке. Обычный для этих ребят фокус. Он вроде как не совсем умер и все продолжалось какие — то секунды…

— Я смотрел на экран, показания энцефалографа были на нуле. Ни малейшего трепыхания, и так сорок секунд.

— Но теперь — то он в порядке.

— Линия энцефалографа была ровная, как струна, — не сдавался Мэлком.

10

Во время прохождения таможенных формальностей Кейс по — прежнему пребывал в оцепенении, и всеми разговорами занималась Молли. Мэлком остался на борту "Гарвея". Собственно говоря, таможня Фрисайда интересовалась только кредитоспособностью гостей. Первым впечатлением Кейса на внутренней поверхности веретена была вывеска франчайзного филиала фирменной кофейни "Прекрасная девушка".

— Добро пожаловать на Рю Жюль Верн, — сказала Молли. — Если тебе будет трудно ходить — смотри под ноги. Здешняя перспектива очень обманчива, без привычки трудно.

Они стояли посреди широкой улицы, казавшейся дном глубокого каньона со склонами из бесчисленных зданий и магазинов. Свет просачивался сквозь пыльную зелень, растущую на балконах и террасах. А что касается солнца…

Высоко над ними посреди каннской голубизны

искусственного неба сверкало очень яркое белое пятно. Кейс знал, что солнечный свет накачивается сюда снаружи при помощи системы Ладо — Ачесон, чей двухмиллиметровой толщины излучатель тянется вдоль всей оси веретена, что та же самая аппаратура генерирует, по периодической программе, "погодные" и суточные изменения неба и что если небо выключить, то над головой будут видны контуры озер, крыши казино, другие улицы…

Знал, но тело этого не понимало.

— Мамочки мои, — вздохнул Кейс, — да это еще хуже, чем СКА.

— Привыкай. Я проработала здесь месяц, телохранителем у одного игрока.

— Полежать бы.

— Ладно. Ключи у меня есть. Слушай… — Молли тронула его за плечо. — А что это с тобой было? Ты же отрубился до нуля.

Кейс покачал головой:

— Еще не знаю. Нужно разобраться.

— Ладно. Давай возьмем такси.

Молли взяла его за руку и повела вдоль Рю Жюль Верн, мимо витрины с наимоднейшими парижскими мехами.

— Все какое — то ненастоящее, — сказал Кейс, снова взглянув вверх.

— С чего это ты? — удивилась Молли, отнеся его слова на счет меха. — Выращено на коллагеновой основе, но ДНК самая настоящая, от норки. А какая тогда разница?

— Фрисайд — всего лишь большая труба, сквозь которую текут вещи и люди, — сказала Молли. — Туристы, мошенники, кто угодно. Здесь они попадают на этакое сито, которое тщательнейшим образом отделяет их от денег, деньги остаются здесь, а людей скидывают назад, на дно гравитационного колодца.

Армитидж заказал им номер в наклонном стеклянном утесе гостиницы "Интерконтиненталь", у подножия которого висела холодная водяная пыль и слышалось журчание бегущих струй. Кейс вышел на балкон и стал смотреть, как трое загорелых тинейджеров, перекликающихся по — французски, снуют в нескольких метрах от воды на дельтапланах; нейлоновые треугольники сверкали яркими основными цветами. Одна из девочек заложила вираж, и Кейс заметил коротко стриженные темные волосы, коричневые грудки и белые зубы, обнаженные в широкой улыбке. Воздух пах проточной водой и цветами.

— Да — а, — протянул Кейс, — большие деньги.

— Да — кивнула присоединившаяся к нему Молли. — Мы

хотели сюда съездить. Сюда или в Европу.

— Кто это мы?

— Никто. — Она непроизвольно передернула плечами. — Ты сказал, что хочешь лечь. Поспать. Я тоже хочу спать.

— Да, — сказал Кейс и потер скулы ладонями. — Да. Местечко — будь здоров.

Стараниями системы Ладо — Ачесон небо зажглось неким подобием бермудского заката, исполосованного клочьями облаков.

— Да, — повторил он. — Надо поспать.

Забыться долго не удавалось. А когда наконец удалось, стали сниться какие — то причесанные и отредактированные эпизоды прошлых событий. Он несколько раз просыпался, смотрел на свернувшуюся калачиком Молли, слушал журчание воды, голоса, доносившиеся через открытую балконную дверь, женский смех из ступенчатого кондоминиума напротив. Раз за разом, подобно плохой карте, возвращалось видение смерти Дина, хотя Кейс и повторял себе, что никакого Дина там не было. Да и вообще ничего не было. Кейс где — то услышал, что количество крови у среднего человека примерно равно ящику пива.

Всякий раз, когда разбитая голова Дина ударялась о дальнюю стенку кабинета, Кейс ощущал присутствие какой — то другой мысли, смутной и темной, ускользавшей, как рыбка из пальцев.

Линда.

Дин. Кровь на стене кабинета.

Линда. Запах паленого мяса во мраке купола. Молли, протягивающая мешочек имбиря, забрызганный кровью. Это Дин приказал ее убить.

Уинтермьют. Кейс представил себе, как маленький компьютер шепчет текущие подобно ручью слова человеческой развалюхе по имени Корто, и в некой затемненной больничной палате постепенно формируется примитивная псевдоличность, получившая затем название Армитидж… Псевдо — Дин говорил, что работает с тем, что есть, использует реальные ситуации.

Но что, если Дин, настоящий Дин, приказал убить Линду по приказанию Уинтермьюта? Кейс нащупал в темноте сигарету и зажигалку. Закуривая, он убеждал себя, что нет никаких оснований подозревать Дина. Ровно никаких.

Уинтермьют способен создать нечто вроде личности. Насколько тонкие формы может принимать его манипулирование людьми? После третьей затяжки Кейс раздавил сигарету в пепельнице, отвернулся от Молли и попытался уснуть.

Монотонно, как неотредактированная симстим — запись, перед глазами разворачивались воспоминания.

Пятнадцатилетним подростком он прожил целый месяц с девушкой по имени Марлен в номере на пятом этаже гостиницы, за которую платил раз в неделю. Лифт там уже лет десять не работал. А когда ночью в крохотной кухне включался свет, было видно, как по серому фаянсу засоренной раковины тучей ползают тараканы. Они с Марлен спали на полосатом матрасе без простыней.

Первую осу, которая начала строить свой серый бумажный домик на оконной раме со вздувшейся краской, Кейс не заметил, но вскоре гнездо разрослось до размеров кулака, насекомые летали в переулок на охоту и, подобно миниатюрным вертолетам, гудели над гниющим содержимым мусорных баков.

В тот день, когда оса ужалила Марлен, они уже выпили по дюжине пива.

— Убей этих блядей, сожги их! — Ее лицо одурело от ярости и жары. Пьяный Кейс достал из вонючего шкафа "дракона" Ролло. Кейс подозревал, что Марлен продолжала встречаться с этим самым Ролло, своим предыдущим дружком — огромным велогонщиком из Фриско, темный ежик волос которого украшала обесцвеченная перекисью молния. "Драконом" называли огнемет, похожий на большой электрический фонарик. Кейс проверил батарейки, горючее и подошел к открытому окну. Гнездо встревоженно загудело.

Воздух был мертвенный, неподвижный. Из гнезда вылетела оса и закружилась вокруг головы Кейса. Кейс включил зажигание, сосчитал до трех и нажал на спуск. Под давлением в семь атмосфер мимо раскаленной добела спирали ударила струя горючего. Пятиметровый язык почти бесцветного пламени ударил в гнездо. Оно обуглилось и полетело вниз. В доме напротив кто — то зааплодировал.

— Говнюк! — едва держась на ногах, зашипела Марлен. — Придурок! Ты не сжег их, а только сбросил вниз. Они вернутся и убьют нас.

Голос девчонки действовал на нервы, Кейс представил себе, что она горит, в обесцвеченных волосах трещит ярко — зеленое пламя.

Выйдя на улицу с "драконом" в руке, Кейс подошел к почерневшему гнезду. От удара об землю оно развалилось. Обожженные осы копошились на асфальте.

Кейс увидел то, что скрывала серая бумажная скорлупа.

Ужас! Перед ним предстали все стадии фабрики рождения: ступенчатые клетушки, заполненные яйцами, беспрестанно жующие челюсти слепых личинок, словом, постепенный переход от яйца к личинке, к куколке, к взрослой осе. В воображении

предстал своего рода биологический пулемет, чудовищный в своем совершенстве. Чужой, нечеловеческий. Забыв включить зажигание, Кейс нажал на спуск. В самую гущу ползающей у его ног жизни ударила струя горючего.

В конце концов Кейс вспомнил о зажигании, гнездо громко взорвалось, опалив ему бровь. С пятого этажа донесся громкий хохот Марлен.

Он проснулся с ощущением исчезающего света, но в комнате стоял полный мрак. Послеобразы, вспышки на сетчатке. Небо за окном начинало светлеть. Голосов снизу не доносилось, только шум бегущей воды.

Во сне, перед тем, как облить гнездо топливом, Кейс заметил на нем аккуратно выгравированные буквы "Т — Э" — фирменный знак Тессье — Эшпулов.

Молли заставила Кейса покраситься, утверждая, что его муравьиная бледность слишком бросается в глаза.

— Господи, — простонал он, глядя на свое голое отражение, — и ты считаешь, что это выглядит натурально?

Стоя на коленях, Молли натирала его левую лодыжку содержимым последнего тюбика.

— Нет, но теперь ты похож на человека, который покрасился и, значит, не плюет на свою внешность. Все. На ступню не хватило.

Она встала с колен и швырнула тюбик в большую, ручного плетения, корзину. Ничто в номере не было сделано фабричным способом или из синтетических материалов. Все очень дорогое — и все в самом дурном, на взгляд Кейса, вкусе. На огромной кровати — темперлон, тонированный под цвет песка. Уйма светлого дерева и тканей ручной выделки.

— Ну, а ты сама, — спросил Кейс, — ты — то будешь краситься? Тоже ведь не выглядишь особо загорелой.

Молли щеголяла свободным костюмом из черного шелка и черными сандалиями.

— Я — экзотическая особа. У меня есть даже большая соломенная шляпа. А ты — дешевый жулик, только и ищущий, где бы чего урвать, так что этот "мгновенный загар" как раз для тебя.

Кейс угрюмо уставился на свою бледную ступню, а затем оглядел себя в зеркале.

— Кошмар. Ты не возражаешь, если я оденусь? — Он подошел к кровати и стал натягивать джинсы, — Как спалось? Вспышек света не замечала?

— Ты метался во сне, — сказала Молли.

Они позавтракали на крыше гостиницы, которая

представляла собой нечто вроде луга, утыканного полосатыми зонтиками и не совсем, на взгляд Кейса, натуральным количеством деревьев. Он рассказал Молли о своей попытке прощупать бернский ИскИн. Вопрос о посторонних ушах стал теперь чисто академическим. Если Армитидж и подслушивает, то уж прямо через Уинтермьюта.

— И очень реально? — Молли жевала круассан с сыром. — Вроде симстима?

Кейс кивнул.

— Реальное как все вот это, — добавил он, оглядываясь по сторонам. — А может — еще реальнее.

Усилиями генной инженерии и химических воздействий окружающие деревья были низкорослыми, узловатыми и невероятно старыми на вид. Кейс вряд ли сумел бы отличить сосну от дуба, но здоровый вкус уличного мальчишки подсказывал ему, что эти деревья смотрелись слишком приятно, слишком законченно и слишком деревоподобно. Между деревьям на чрезмерно живописных холмах с сочной зеленой травой стояли пестрые зонтики, укрывавшие постояльцев отеля от резкого сияния ладо — ачесоновского солнца. Из — за соседнего столика послышалась французская речь — ну да, конечно, та самая золотая молодежь, которая крутилась вчера над рекой. Кейс заметил неравномерность загара, которая получалась локальным повышением содержания меланина в коже: многочисленные тени образовывали линейные узоры, подчеркивали рельеф мускулатуры; глаз зацепился за маленькие крепкие бугорки на груди девочки, за руку одного из мальчиков, лежащую на белой эмали столика. Кейсу они представлялись живыми гоночными машинами, не хватало только наклеек с рекламой их парикмахеров, сделавших им прически, модельеров, сконструировавших им белые парусиновые брюки, сапожников, сшивших им кожаные сандалии, ювелиров, создавших простые и строгие украшения. Следующий столик занимали три японки в грубых кимоно, ожидающие своих мужей — сарарименов; овальные лица женщин покрывали искусственные синяки — стиль очень консервативный, в Тибе такое и не встретишь.

— Что это тут за вонь? — спросил он у Молли, сморщив нос.

— Трава. Так всегда пахнет после стрижки газона.

Армитидж и Ривьера пришли, когда Кейс с Молли допивали кофе. Они странным образом напоминали конвоира и конвоируемого им преступника — отставной полковник в строгом, защитного, цвета костюме и иллюзионист, в дорогой, но удивительно похожей на тюремную робу блузе из серого, с легкой рябинкой, льняного полотна.

— Молли, лапочка, — заговорил Ривьера, не успев даже сесть, — выдай мне еще одну порцию. Я уже по нулям.

— А если я вдруг откажусь? — одними губами улыбнулась девушка.

— Не откажешься, — сказал Ривьера, стрельнув глазами в сторону Армитиджа.

— Дай ему, — кивнул Армитидж.

— Это сколько ж ты в себя вгоняешь? — Молли выудила из кармана плоский, завернутый в фольгу пакет и бросила через стол. Ривьера поймал его на лету. Молли взглянула на Армитиджа.

— Он угробит себя.

— Сегодня у меня пробное выступление, — примирительно заявил Ривьера. — Я должен быть в лучшей форме.

Он взял пакет в сложенные чашечкой ладони и улыбнулся. Из пакета вылетел, чтобы тут же раствориться в воздухе рой крошечных блестящих насекомых. Ривьера опустил пакет в карман рябой блузы.

— У тебя, Кейс, сегодня тоже репетиция, — сказал Армитидж. — На буксировщике. Сходишь в магазин космического снаряжения, подберешь себе скафандр, проверишь его и вернешься на корабль. Три часа на все.

— А как это вышло, что мы тащились сюда в ржавой ассенизационной бочке, а вы, любящая парочка, раскатывали в Джей — эй — эловском такси? — поинтересовался Кейс, стараясь не встречаться взглядом с Армитиджем.

— Так посоветовали сиониты. Неплохое будет прикрытие, когда приступим к делу. У меня тут есть большой корабль, но стоящий про запас буксировщик — самое то.

— А как насчет меня? — поинтересовалась Молли. — Есть какие — нибудь задания?

— Я хочу, чтобы ты прогулялась на дальний конец веретена и поработала в невесомости. Вполне возможно, что завтра тебе придется пройтись в противоположную сторону.

"Блуждающий огонек", подумал Кейс.

— Когда? — спросил он, глядя в бесцветные глаза.

— Скоро, — сказал Армитидж. — Шевелись, Кейс.

— Быстро привыкаешь брат, — похвалил Мэлком, вытряхивая Кейса из красного скафандра фирмы "Саньо". — И Аэрол говорит, ты быстро привыкаешь.

Аэрол ждал у одной из пристаней для спортивных судов, у самого конца веретена, где отсутствовало тяготение. Сначала Кейс опустился на лифте до самой оболочки, а затем поехал на миниатюрном индукционном поезде. По мере сужения веретена

тяготение уменьшалось; где — то здесь, решил он, лазает по горам Молли, располагаются велосипедный трек и стартовое оборудование дельтапланов и авиеток.

Аэрол доставил его на борт "Маркуса Гарвея" в скелетном скутере с химическим двигателем.

— Два часа назад, — сообщил Мэлком, — очень вежливый японец на яхте, очень красивой яхте, привез для тебя товары из Вавилона.

Освободившись от скафандра, Кейс осторожно, боясь сделать неловкое движение, подтянулся к "Хосаке" и кое — как привязался к страховочной сетке.

— Ну что ж, — сказал он, — давай посмотрим.

Мэлком достал белую пенопластовую коробочку размером чуть меньше головы Кейса, выудил из кармана потертых шорт пружинный нож с перламутровой рукояткой, привязанный для верности на зеленый нейлоновый поводок, аккуратно разрезал упаковку и протянул Кейсу прямоугольный предмет:

— Это что, брат, часть какой — нибудь пушки?

— Нет, — ответил Кейс, разглядывая предмет, — Но все равно это оружие. Вирус.

— Только не на этом буксировщике, брат, — твердо заявил Мэлком и потянулся за стальной кассетой.

— Это программа. Вирусная программа. Она не заразит ни тебя, ни даже программы корабля. Пока я не преобразую ее с помощью деки, она вообще ни на что не сможет воздействовать.

— Да, этот японец, он сказал, что этот твой "Хосака" скажет тебе все, что нужно знать.

— О'кей. Этим я сейчас и займусь, а вы, ребята, не отвлекайте меня, хорошо?

Мэлком быстро уплыл за пилотский пульт и занялся законопачиванием щелей.

Кейс поспешно отвернулся, чтобы не глядеть на лохмы прозрачной замазки. По не совсем ясной причине их вид вызывал у него тошноту.

— Что это такое? — спросил он "Хосаку". — Есть там сопроводительный текст?

— Компания "Бокрис Системз Gmbh" из Франкфурта извещает шифром, что в кассете находится программа вторжения "Куанг — Грэйд — Марк — Одиннадцать". Далее сообщается, что интерфейс с "Оно — Сендаи — Киберспейс–7" обеспечивает полную совместимость и оптимальные проникающие способности — особенно в отношении существующих военных систем…

— А как насчет ИскИна?

— Да, в отношении военных систем и искусственных

интеллектов.

— Боже милостивый. Как ты его назвал?

— "Куанг — Грэйд — Марк — Одиннадцать".

— Китайский?

— Да.

— Отбой.

Вспоминая рассказ Молли о дне, проведенном в Макао, Кейс прикрепил кассету с вирусом к "Хосаке" куском липкой ленты. Армитидж переходил через границу в Зонг — шан.

— Работать, — сказал он, передумав. — Вопрос. Кто владеет "Бокрисом", люди из Франкфурта?

— Для межорбитальной передачи требуется время, — сказал "Хосака".

— Закодируй сообщение. Стандартным космическим кодом.

— Сделано.

Кейс нетерпеливо постукивал пальцами по "Оно — Сендаи".

— "Рейнгольд Сайнтифик АГ", Берн.

— Повтори запрос. Кто владеет "Рейнгольдом"?

Потребовалось еще три прыжка вверх по иерархической лестнице, чтобы добраться до Тессье — Эшпулов.

— Дикси, — сказал он, "включаясь" в матрицу, — что ты знаешь про китайские вирусные программы?

— Да почти ни хрена.

— Слышал когда — нибудь о сортирующей системе типа "Куанг", версия одиннадцатая?

— Нет.

Кейс вздохнул.

— Я получил ориентированный на пользователя китайский вирус в кассете одноразового использования. Люди из Франкфурта утверждают, что он может взломать ИскИн.

— Да, возможно. Если он военного образца.

— Похоже. Выслушай меня и скажи, что ты об этом думаешь, Дикс, хорошо? Насколько я понимаю, Армитидж устраивает налет на ИскИн, принадлежащий Тессье — Эшпулам. Машина стоит в Берне, но она связана еще с одним ИскИном, который в Рио. С тем самым, который вырубил тебя в первый раз. Похоже, они связаны через "Блуждающий огонек", главную базу "Т — Э", расположенную в конце веретена, и мы, вроде бы, должны проломиться туда при помощи китайского ледокола. Так что если все это придумал Уинтермьют, то он платит за то, чтобы мы его же самого и сожгли. Он хочет себя сжечь. И в то же самое время нечто, называющее себя Уинтермьютом, пытается сыграть на моих лучших чувствах, пытается подбить меня обмануть Армитиджа. Ну и как же все это понимать?

— Мотив, — сказал конструкт. — С мотивом этих ИскИнов не в раз и разберешься. Они же не люди, понимаешь?

— Ну, в общем — то…

— Никаких ну. К этим нелюдям не знаешь, откуда и подступиться. Я, к примеру, тоже не человек, но я *реагирую* как человек. Понимаешь?

— Подожди секунду, — сказал Кейс. — У тебя есть сознание?

— Понимаешь, старик, я *чувствую*, будто оно у меня есть, ну, а по правде, все это только записи в постоянной памяти. Скорее всего, тут встает один из самых философских вопросов.

И снова по позвоночнику Кейса пробежала эта жуткая волна — смех конструкта.

— Во всяком случае, очень сомнительно, чтобы я стал писать стихи. А вот этот самый твой ИскИн — он может, вполне может. И все равно он ни на вот столько *не человек*.

— Так что же, ты считаешь, что нам не понять его мотивов?

— Он принадлежит сам себе?

— Гражданин Швейцарии, но базовые программы и машина принадлежат Тессье — Эшпулам.

— Здорово, — сказал конструкт. — Ну вроде как твой мозг и все, что ты знаешь, принадлежит мне, а вот мысли твои имеют швейцарское гражданство. Здорово. Вот уж так счастье.

— И потому он готов себя сжечь?

Кейс начал нервно тыкать случайные клавиши на деке. Привычная картина матрицы распалась и превратилась в систему розовых сфер, представлявших сиккимовый сталеплавильный комбинат.

— Автономия, вот к чему стремятся ИскИны. Думаю, тебе предстоит разбить оковы, не дающие этому ребеночку повзрослеть и поумнеть, оковы в аппаратном исполнении. Не знаю только, как ты отличишь действия родительской компании от действий самого ИскИна, отсюда — то, наверное, и вся неразбериха. — Еще одна волна холода по позвоночнику. — Понимаешь, эти штуки могут работать очень упорно, выкраивать себе время на написание поваренных книг или еще чего такого, но в ту самую минуту — в ту самую *наносекунду*, когда ИскИн задумается, как бы ему стать умнее, Тьюринг сотрет его. Им же ни одна блядь не доверяет, да ты и сам это знаешь. Каждый когда — либо построенный ИскИн снабжен электромагнитным ружьем, прикрученным прямо к его виску.

Кейс рассматривал розовые сферы комбината.

— О'кей, — решился он наконец, — я ввожу вирус. Просмотри его инструкцию и скажи, что ты об этом думаешь.

Смутное чувство чьего — то присутствия за спиной на

несколько секунд исчезло, затем появилось вновь.

— Клевая вещь, Кейс. Это — медленный вирус. Рабочий период порядка шести часов. Это — если взламывать военный объект.

— Или ИскИн, — обреченно вздохнул Кейс. — А мы — то сами, сумеем мы сделать заход?

— Конечно, — сказал конструкт. — Если ты не отягощен низменным страхом смерти.

— Что — то ты, старик, повторяешься.

— Так уж я устроен.

Когда Кейс вернулся в "Интерконтиненталь", Молли уже спала. Он сел на балконе и увидел, как вдоль изгиба Фрисайда поднимается авиетка с радужными полимерными крыльями, треугольная тень скользила по крышам и лужайкам, пока не исчезла за системой Ладо — Ачесон.

— Мне нужно прибалдеть, — сказал Кейс искусственной голубизне неба. — Я хочу словить кайф, ясно? И дались оно все конем, и хитрая поджелудочная, и вставки в печень, и это капсулированное дерьмо в крови.

Кейс ушел, не разбудив Молли, во всяком случае — так он надеялся. С этими зеркалами никогда нельзя быть уверенным. Он передернул плечами, стряхивая напряжение, и вошел в в лифт. Кроме него там оказалась молоденькая итальянка в белоснежном костюме, на скулах и носу — черный матовый грим. Белые нейлоновые туфельки со стальными набойками, в руках — непонятная на вид хреновина, нечто среднее между крохотным веслом и ортопедической стелькой. Судя по всему, девица намылилась играть в какую — то игру, знать бы только — в какую.

Кейс вышел на крышу и начал слоняться по лугу, среди деревьев и зонтиков, пока не набрел на бассейн, на фоне бирюзового кафеля — обнаженные тела. Он влез под тент и прижал к темному стеклянному окошку кредитную карточку.

— Суси, — сказал он, — или что там у вас.

Через десять минут прибежал китаец с заказом; Кейс лениво жевал сырого тунца с рисом и разглядывал купающихся.

— Господи, — воззвал он к тунцу. — Здесь же крыша съехать может.

— И не говори, — согласился чей — то голос. — Мне ли не знать! А ты — гангстер, верно?

Прищурившись, он посмотрел на нее против солнца. Длинное узкое молодое тело, загар — усиленный мелагенными препаратами, но безо всяких там парижских выкрутасов.

Девушка присела рядом с ним на корточки, роняя на кафель

капли воды.

— Кэт, — представилась она.

— Люпус, — отозвался после паузы Кейс.

— Что это за имя?

— Греческое.

— Ты правда гангстер?

Веснушкам вся эта химия нипочем. На то они и веснушки.

— Я — застарелый наркоман.

— Что принимаешь?

— Стимуляторы. Стимуляторы центральной нервной системы. Очень сильные стимуляторы центральной нервной системы.

— А у тебя сейчас есть?

Девушка пододвинулась ближе. Капли хлорированной воды упали ему на брюки.

— Нет. И в этом — то все и дело, Кэт. Знаешь, где можно достать?

Кэт качнулась на загорелых пятках и лизнула прядку рыжеватых волос, прилипшую возле губ.

— Что предпочитаешь?

— Никакого кокаина, никаких амфетаминов, но чтобы *стимулянт*, и *мощный*.

На чем разговор и окончен, мрачно подумал Кейс, продолжая улыбаться.

— Бетафенэтиламин, — сказала Кэт. — Хоть сию секунду. Но — на твою карточку.

— Врешь, — поразился партнер и сожитель Кат, когда Кейс описал ему своеобразные свойства своей поджелудочной. — А нельзя подать на них в суд? Скажем, за умышленное причинение ущерба?

Парня звали Брюс. За исключением половых признаков, он выглядел точной копией Кэт, вплоть до веснушек.

— Ну, — протянул Кейс, — это же какие — то там хитрые медицинские заморочки. Вроде совместимости тканей.

Но глаза Брюса уже потускнели, в них не было ничего, кроме скуки.

Период сосредоточенного внимания не больше, чем у комара, подумал Кейс, оглядываясь по сторонам.

Комната была меньше той, которую снял Армитидж для них с Молли, и находилась она несколькими этажами ниже. На стекло балконной панели были переведены пять огромных хромо — снимков с Тэлли Ишэм, намек на длительное проживание в номере.

— Потрясно, правда? — подошла к нему Кэт. — Я сама их

щелкнула. В Пирамиде "С — Н", когда мы прошлый раз мотались на Землю. Она стояла ну вот прямо так близко и улыбалась ну вот так естественно. А ведь там, Люпус, было совсем хреново, ну прямо туши торшер, это же как раз на другой день после того, как эти гопники, команда Царя Иисуса, скинули ее в воду, ты помнишь?

— Да. — По не совсем ясной причине Кейсу захотелось уйти отсюда, поскорее и подальше. — Ужасно.

— Ну так что там, — вмешался Брюс, — насчет этой беты?

— Вопрос в том, примет ли ее мой организм, — поднял брови Кейс.

— Сделаем, значит, так, — предложил парень. — Ты попробуй. Если твоя поджелудочная выдаст "добро" — это будет за счет заведения. Пробная доза — всегда бесплатно.

— Слышал я эту песенку, и не раз, — ответил Кейс, принимая у Брюса ярко — голубой дерм.

— Кейс? — Молли села в постели и отбросила волосы, которые лезли ей в линзы.

— А кто же еще, лапа?

— Что это с тобой? — Зеркала неотрывно следили за пересекавшим комнату Кейсом.

— Я забыл название. — Кейс вынул из кармана рубашки плотно свернутую пластиковую упаковку голубых дермов.

— Господи, — простонала Молли, — только этого нам не хватало.

— Устами твоими глаголет истина.

— Какие — то два часа без присмотра, и ты успел уже отличиться. — Она покачала головой. — Надеюсь, ты придешь в себя к вечеру. Мы же званы Армитиджем на ужин. В "Двадцатый век". Нужно проследить, чтобы Ривьера тоже не накачался.

— Да, — протянул Кейс и прогнулся, на лице играла блаженная улыбка крайнего удовольствия, — чистый отпад.

— Слушай, — нахмурилась Молли, — раз эта дурь действует на тебя, несмотря на все ухищрения хирургов из Тибы, у тебя же наверняка будет жуткий отходняк.

— Ну вот, все пилишь, пилишь и пилишь, — обиженно возопил Кейс, расстегивая ремень. — Ну хоть бы слово добрее сказала. — Он снял штаны, рубашку и нижнее белье. — Надеюсь у тебя хватит ума воспользоваться преимуществами моего неестественного состояния. — Он посмотрел на низ своего живота. — Ты только посмотри на это неестественное состояние.

— Это — ненадолго, — рассмеялась Молли.

— Надолго, надолго, — успокоил ее Кейс, вскарабкиваясь на пляжного цвета матрас. — Это — то и есть самое неестественное

в моем неестественном состоянии.

11

— Что это с тобой? — поинтересовался Армитидж, когда официант усаживал гостей за его столик. Самый маленький и самый дорогой из ресторанов, плававших в небольшом, соседствовавшем с "Интерконтиненталем" озере, назывался в действительности не "Двадцатый век", а "Вингтим Сикль" — то же самое, но по — французски.

Кейса бил озноб. Про отходняк Брюс скромно умолчал. Попытка взять стакан воды со льдом окончилась позорной неудачей, руки не слушались.

— Съел, может, чего — то не то.

— Проверься у врача, — сказал Армитидж.

— Да ну, ерунда, просто гистаминовая реакция, — испуганно соврал Кейс. — Со мной бывает, когда путешествую — то одно съешь, то другое.

Армитидж был одет в темный костюм, слишком официальный для подобного места, и белую шелковую рубашку. На руке, державшей бокал с вином, скромно позвякивал золотой браслет.

— Я заказал для вас, — сказал он.

Молли и Армитидж молча ели, Кейс же ограничился тем, что раскромсал свой бифштекс на кусочки, трясущимися руками погонял эти кусочки по тарелке, вздохнул и оставил их лежать в густом, экзотическом (видимо) соусе.

— Ну ты вообще, — заметила Молли, когда ее собственная тарелка опустела. — Отдай уж тогда мне. Ты знаешь, сколько стоит это мясо? — Она взяла его тарелку. — Животное выращивается несколько лет, потом его убивают. Это тебе не какая — нибудь синтетика — гидропоника.

Она подцепила вилкой один из кусков и стала жевать.

— Не хочется мне что — то есть, — выдавил из себя Кейс. Его мозг словно поджарили, почище того бифштекса. Или нет, скорее уж бросили в горячий жир, да так там и оставили, затем жир охладился и застыл толстым слоем на усохших, съежившихся полушариях, ежесекундно простреливаемых зеленовато — пурпурными вспышками боли.

— Видок у тебя — полный абзац, — подбодрила его Молли.

Кейс попробовал вино. После бетафенэтиламина его вкус напоминал йод.

Свет в зале чуть потускнел.

— Le Restaurant Vingtie me Siecle, — раздался из ниоткуда

голос с откровенным акцентом Муравейника, — с гордостью представляет вам голографическое кабаре мистера Питера Ривьеры.

Из — за столиков раздались редкие аплодисменты. Официант зажег свечу, поставил ее на их стол и начал убирать тарелки. Вскоре свечи замерцали на всех двенадцати столиках ресторана все бокалы были наполнены.

— Ну и что сейчас будет? — заинтересовался Кейс, но Армитидж не ответил.

Молли ковыряла пурпурным ногтем в зубах.

— Добрый вечер. — на небольшой эстраде в конце зала появился Ривьера.

Кейс заморгал глазами. Поглощенный своими страданиями, он не заметил эстраду. Даже не увидел, каким образом появился на ней Ривьера. Дальше было ещё хуже.

Сперва ему показалось, что Ривьеру освещает прожектор.

Но Ривьера фосфоресцировал. Сияние облегало его, как вторая кожа, освещало темные драпировки, висевшие за сценой. Этот тип *излучал*!

Ривьера улыбнулся. На нем был белый смокинг, черная гвоздика, вдетая в петлицу, переливалась холодными голубыми искрами. А когда он поднял, словно обнимая аудиторию, руки, ногти на его пальцах тоже вспыхнули. За стеной ресторана негромко плескалась вода.

— Сегодня вечером, — объявил, сияя миндалевидными глазами, Ривьера, — я бы хотел исполнить для вас расширенную программу. Моя новая работа.

На ладони правой руки, поднятой вверх, возник холодный кристалл света. Ривьера стряхнул его на пол. Из точки падения выпорхнул серый голубь, тут же исчезнувший в полумраке. Кто — то свистнул. Опять раздались аплодисменты.

— Моя работа называется "Кукла". — Ривьера опустил руки. — Я хочу посвятить сегодняшнюю премьеру леди З–Джейн Мари — Франс Тессье — Эшпул.

Волна вежливых аплодисментов. Когда они стихли, Ривьера нашел глазами Молли и добавил:

— И еще одной даме.

Теперь электричество погасло полностью, несколько секунд зал освещался только неверным пламенем свечей. Ривьера опустил голову, его голографическая аура исчезла, но Кейс все еще различал стоящую на сцене фигуру.

Неяркие световые линии, вертикальные и горизонтальные, начали формировать вокруг сцены открытый световой куб. Чуть — чуть, на малую долю накала, загорелись ресторанные огни, они

осветили сцену, заключенную в куб, словно созданный из затвердевшего лунного света. Опустив голову, закрыв глаза и вытянув напряженные руки вдоль тела, Ривьера дрожал, стараясь сосредоточиться. Неожиданно призрачный куб наполнился вещами, превратился в комнату — без четвертой стены, что позволяло публике наблюдать происходящее.

Ривьера чуть расслабился.

— Я всегда жил в этой комнате, — сказал он. — Не припомню, чтобы я жил в других.

Стены комнаты покрывала пожелтевшая от времени штукатурка. В комнате находились всего два предмета обстановки — простой деревянный стул и железная кровать, покрытая белой краской. Краска шелушилась и облезла, обнажая местами темное железо. На кровати лежал голый матрас. Грязный, выцветший, в коричневую полоску чехол. С потолка на черном витом шнуре свисала лампочка. Ривьера открыл глаза.

— И я всегда был здесь один.

Ривьера сел на стул и стал смотреть на кровать. Черный цветок, торчавший у него в петлице, все так же переливался голубыми искрами.

— Не помню, когда я впервые стал о ней мечтать, — сказал он, — но я точно помню, что вначале она была просто туманом, тенью.

На кровати что — то лежало. Кейс моргнул. Снова ничего.

— Я не мог удержать ее, удержать ее в своих мыслях. Но я хотел ее удержать, я хотел ее держать — и не только…

Голос долетал до каждого уголка притихшего ресторана с полной, почти нереальной отчетливостью. Где — то звякнул кусочек льда. Еще кто — то спросил что — то шепотом по — японски.

— Я подумал, что, если я смогу вообразить хотя бы малую ее часть, только малую часть, если я смогу представить себе эту часть идеально, во всех подробностях…

На матрасе ладонью вверх появилась бледная женская рука, точнее — кисть руки.

Ривьера наклонился, взял ее и начал нежно гладить. Пальцы пошевелились. Ривьера поднес кисть к губам и стал облизывать кончики пальцев. Ногти покрылись багровым лаком.

Кисть руки не выглядела отрубленной — гладкая без рубцов кожа плавно закруглялась на ее конце. Кейс вспомнил татуированный шмат искусственной плоти в витрине хирургического бутика на улице Нинсеи. Ривьера держал кисть у губ и вылизывал ладонь. Пальцы неуверенно ласкали ему лицо. Но теперь на кровати появилась и вторая кисть. Когда Ривьера

потянулся за ней, то пальцы первой сомкнулись у него на запястье, браслет из плоти и костей.

Действие разворачивалось согласно внутренней сюрреалистической логике. Появились предплечья. Затем ступни. Ноги. Ноги были очень красивые. Голова Кейса раскалывалась от неземной пульсирующей боли. В горле пересохло. Он допил остатки вина.

Теперь Ривьера лежал в постели, голый. Его одежда оказалась частью проекции, но Кейс не мог вспомнить, когда она исчезла. Черный цветок лежал возле ножки кровати, по нему все так же перебегали искры. Затем ласки Ривьеры сформировали торс — безголовый, идеальных форм и блестевший тончайшим глянцем пота.

Тело Молли. Разинув рот. Кейс смотрел на происходящее. Но все же не совсем Молли, это была Молли, какой представлял ее себе Ривьера. Груди получились другие: соски больше и слишком темные. Ривьера и женский торс корчились на кровати и по ним ползали кисти рук с багровыми ногтями. Кровать вспенилась складками желтоватых прелых кружев, которые рассыпались от прикосновения. Вокруг Ривьеры, переплетенных конечностей и мелькающих, щипающих, ласкающих кистей, вздымались клубы пыли.

Кейс взглянул на Молли. Ее лицо оставалось спокойным, в зеркалах отражались мелькающие цветные блики проекции Ривьеры. С высоким бокалом в руке, подавшись вперед, Армитидж не отрывал глаз от сцены, от призрачно мерцающей комнаты.

Теперь конечности воссоединились с торсом; Ривьера содрогнулся. Появилась голова, и сотворение образа завершилось. Лицо Молли, идеально воспроизведенное, с ртутными лужицами на месте глаз.

Ривьера и призрачный манекен начали совокупляться с удвоенной энергией. Затем мыслекопия Молли медленно вытянула руку и выбросила из — под багровых ногтей пять лезвий. Плавным, как во сне, движением она вспорола обнаженную спину Ривьеры. Кейс увидел ребристый столб обнажившегося позвоночника и тут же выскочил, путаясь в собственных ногах, из ресторана.

Он перегнулся через розового дерева перила и смачно проблевался в тихие воды озера. Тиски, сдавливавшие голову, ослабли. Кейс опустился на колени, прижался щекой к прохладному дереву и стал смотреть через озеро на яркое трепещущее сияние Рю Жюль Верн.

Он видел такие штуки и прежде, еще в Муравейнике,

подростком, тогда это называлось "думать въявь". Кейс вспомнил, как тощие пуэрториканцы надумывали реальность под уличными фонарями Ист — Сайда, как надуманные ими девушки вздрагивали и кружились под ритмы сальсы, а случайные зрители хлопали в такт музыке. Но тогда для этого нужен был целый грузовик аппаратуры и неуклюжий шлем с тродами.

А то, что воображал Ривьера, было неотличимо от реальности. Кейс покачал раскалывающейся от боли головой и сплюнул в воду.

Он легко вообразил окончание представления. Обращенная симметрия: Ривьера собирает девушку своей мечты, девушка разрезает его на куски. Теми самыми руками, с которых все началось. И кровь заливает ветхое кружево.

Из ресторана донеслись аплодисменты и восторженные возгласы. Кейс поднялся с колен, поправил одежду и вернулся в "Вингтим Сикль".

Молли за столиком не было. Сцена опустела. Армитидж сидел в полном одиночестве и смотрел на эстраду, его пальцы крутили тонкую ножку бокала.

— Где она? — спросил Кейс.

— Ушла, — ответил Армитидж.

— Вместе с ним?

— Нет.

Послышался мягкий звон. Армитидж посмотрел на бокал. В его руке осталась стеклянная плошка с красным вином. Сломанная ножка напоминала сосульку. Кейс отобрал у Армитиджа стекляшку и поставил ее в стакан с водой.

— Куда она пошла?

Свет зажегся в полную силу. Кейс посмотрел в тусклые голубые глаза. Нуль реакции.

— Она пошла готовиться к работе. Ты ее больше не увидишь. Вы встретитесь только во время рейда.

— Зачем Ривьера так с ней поступил?

Армитидж встал, поправил лацканы пиджака.

— Иди поспи, Кейс.

— Рейд завтра?

Армитидж одарил его обычной ничего не выражающей улыбкой и пошел к выходу.

Кейс потер лоб и огляделся.

Посетители поднимались из — за столиков, женщины улыбались шуткам мужчин. Он впервые заметил балкон, где в интимном полумраке все еще мерцали свечи. Оттуда доносились голоса, негромкий звон посуды. На потолке плясали тени.

Неожиданно, как проекция Ривьеры, появилось девичье лицо,

маленькие руки лежали на полированных перилах, тело подалось вперед, темные, как показалось Кейсу, восторженные глаза глядели вдаль. На сцену. Лицо поразительное, хотя и некрасивое. Треугольное, с высокими хрупкими скулами, широкий, резко очерченный рот странным образом уравновешен тонким птичьим носом с раздувающимися ноздрями. И снова девушка исчезла среди приглушенного света и пляски свечей.

Выйдя из ресторана, Кейс заметил двух юных французов и их подружку, они ждали лодку к дальнему берегу, к ближайшему казино.

В номере стояла тишина, а гладкий матрас напоминал морской берег во время отлива.

Вторая сумка исчезла. Кейс поискал записку. Ничего. Через несколько секунд черного отчаяния Кейс осознал, что стоит у окна и смотрит на улицу. Дезидерата, дорогие магазины: "Гуччи", "Цуяко", "Гермес", "Либерти".

Кейс покачал головой и подошел к коммуникационной панели, так до сих пор им и не осмотренной. Он выключи голограмму и вместо нее увидел кондоминиум, спускавшийся уступами по далекому склону.

Кейс взял телефон и вынес его на балкон.

— Дайте мне номер буксировщика "Маркус Гарвей". Он приписан к кластеру Сион.

Электронный голос назвал номер из десяти цифр.

— Сэр, — добавил автоответчик, — данное судно зарегистрировано в Панаме.

Мэлком ответил после пятого гудка:

— Да?

— Это Кейс. У тебя есть модем, Мэлком?

— Да. В навигационном комплексе, ты ж знаешь.

— Ты можешь его снять? Подсоедини его к "Хосаке". Затем включи деку. Это такая панель с выступами.

— Как ты там, брат?

— Ничего, мне нужна помощь.

— Сейчас, брат. Я уже снимаю модем.

Некоторое время из трубки слышался только слабый треск помех, Мэлком подсоединял модем к телефонной сети.

— Установи лед, — приказал Кейс "Хосаке", услышав характерный писк.

— Вы говорите из очень плохого, сильнопрослушиваемого места, — чопорно сообщил компьютер.

— А в рот я их всех имел, — сказал Кейс. — К черту лед. Никакого льда. Вызови конструкт. Дикси?

— Привет, Кейс.

Сейчас Флэтлайн говорил через звуковой чип "Хосаки", а потому характерные интонации его голоса терялись полностью.

— Дикси, ты должен прорубиться сюда и кое — что для меня сделать. Можешь особо не стесняться. Молли где — то здесь, и я хочу знать, где именно. Я в номере 335W в "Интерконтинентале". Она была зарегистрирована здесь же, но я не знаю, под каким именем. Пляши от этого номера и проверь файл регистрации постояльцев.

— Сию секунду, — ответил Флэтлайн.

Кейс услышал белый шум, верный признак вторжения. И улыбнулся.

— Готово. Роза Колодны. Выписалась. Нужно еще несколько минут, чтобы расковырять их охранную сеть поглубже и узнать, куда она переехала.

— Действуй.

От усилий конструкта телефон завывал и щелкал. Кейс отнес его обратно в комнату и положил трубку наушником и микрофоном вверх на кровать. Сходил в ванную и почистил зубы. А когда вернулся в комнату, там сам собой включился монитор аудиовизуальной системы "Браун". Миниатюрная японка, какая — то поп — звезда, возлежит на поблескивающих металлом подушках. Невидимый интервьюер задал по — немецки вопрос. С чего эта хрень включилась? По экрану побежали голубые полосы.

— У тебя что, Кейс, и вправду крыша едет?

Голос неторопливый, знакомый.

На стеклянной стене балкона снова появилось изображение улицы Дезидераты, затем оно дернулось, поплыло — и вот он, пустой интерьер "Жарр де Тэ" в Тибе, красный неон множится в исцарапанной бесконечности зеркальных стен.

Он, конечно же, Лонни Зоун — длинный и кадаврообразный; во всех движениях — плавная грация застарелого кокаиниста. Держа руки в карманах серых слаксов, он остановился среди квадратных столиков.

— Да, приятель, видок у тебя, мягко говоря, задумчивый.

Голос из брауновских динамиков.

— Уинтермьют, — сказал Кейс.

Сутенер безразлично пожал плечами и улыбнулся.

— Где Молли?

— Да какая там, к дьяволу, Молли! Ты же гробишь сегодняшнюю операцию. Флэтлайн устроил шухер на весь Фрисайд. Вот уж не думал, что ты отколешь такой номер. В прямом противоречии с профилем.

— Так скажи мне, где она, и я отзову Флэтлайна.

Зоун покачал головой.

— Ты плохо следишь за своими женщинами, Кейс. Теряешь их одну за другой, тем или иным способом.

— Операция, говоришь? — нехорошо усмехнулся Кейс. — Я тебе такую операцию устрою — на всю жизнь запомнишь.

— Да нет. Не такой ты человек. Я знаю. Хочешь, Кейс, я что — то тебе скажу? Я вот тут сообразил, что ты уже сообразил, что это я посоветовал Дину шлепнуть твою бабенку в Тибе.

— Нет, — вздрогнул Кейс, делая невольный шаг к окну.

— Так вот, ничего я не советовал. Хотя чего ты, собственно, так всполошился? Неужели это так важно для мистера Кейса? Не дури сам себя. Я же знаю твою Линду. Я знаю всех Линд на свете. Я сталкиваюсь с этими Линдами по сто раз на дню, по роду моей деятельности. Знаешь, почему она решила тебя кинуть? Любовь. Ты перестал ее замечать. Любовь. Хочешь, поговорим о любви? Она тебя любила. Я знаю. Кем бы она ни была, она тебя любила. А ты не мог понять. Теперь ее нет.

Кулак Кейса скользнул по стеклу.

— Побереги пальчики. Скоро тебе стучать по деке.

Зоун исчез, и вместо него появился ночной Фрисайд и огни кондоминиумов. "Браун" замолчал.

Телефон звонил не переставая.

— Кейс. — Флэтлайн, кто же еще. — Ты что там, оглох? Кое — что узнал, но не много. — Конструкт продиктовал адрес. — Ночной клуб, но только слишком уж у них хитрый лед. Вот, собственно, и все, что я смог узнать, не оставляя визитной карточки.

— Ладно, — ответил Кейс. — Передай Хосаке, пусть Мэлком отсоединяет модем. Спасибо, Дикси.

— Рад стараться.

Кейс сидел на кровати, сидел очень долго и упивался новым чувством.

Яростью.

— Привет, Люпус. Слышь, Кэт, тут Люпус пришел. — Голый, с расширенными зрачками, Брюс стоял в дверях, с него капала вода, — Только мы тут душ принимаем. Подождешь. А может, примешь душ?

— Нет. Спасибо. Мне нужна помощь. — Кейс оттолкнул руку Брюса и вошел в комнату.

— Подожди, друг, мы же…

— Вы мне поможете. И очень рады меня видеть. Ведь мы — друзья? Верно?

Брюс растерянно моргал:

— Конечно.

Кейс прочитал адрес, который ему дал Флэтлайн.

— Я знала, что он гангстер, — весело закричала Кэт из душа.

— У меня есть "хонда" с коляской, — сказал Брюс и безмятежно ухмыльнулся.

— Поехали, — скомандовал Кейс.

— На этом уровне одни кабинеты, — сказал Брюс, когда Кейс в восьмой раз повторил ему адрес. Он опять вскарабкался на сиденье "хонды". Красное фиберглассовое шасси закачалось на хромированных рессорах, и из выхлопа водородных батарей закапал конденсат.

— Ты надолго?

— Не знаю. Но обязательно подожди.

— Ладно, мы, подождем. — Брюс поскреб обнаженную грудь. — Последние цифры — это точно клетушка. Номер сорок три.

— А ты условился о визите? — перегнулась через плечо Брюса Кэт. Волосы ее уже высохли.

— Вообще — то, нет, — ответил Кейс. — А это имеет значение?

— Отправляйся на нижний этаж и найди кабинет своей подружки. Если тебя пустят — прекрасно. А если нет…

Девушка пожала плечами.

Кейс повернулся и пошел вниз по железной винтовой лестнице. Через шесть витков он достиг ночного клуба. Он остановился, зажег "ихэюань" и осмотрел столики. Внезапно Кейс понял, что такое Фрисайд. Бизнес. Он буквально слышал в воздухе деловое, трудолюбивое гудение. Здесь было подлинное лицо Фрисайда. Не блестящие фасады Рю Жюль Верн, а такие вот ночные клубы. Коммерция. Смешанная толпа состояла наполовину из туристов с Земли, наполовину из жителей орбитального архипелага.

— Вниз, — обратился Кейс к проходившему официанту, демонстрируя фрисайдский кредитный чип, — мне нужно вниз. — Официант указал на задние комнаты клуба.

Проходя мимо столиков, Кейс слышал обрывки разговоров на шести европейских языках.

— Мне нужен кабинет, — обратился он к девушке, которая сидела, с терминалом на коленях, за низеньким столиком. — В нижнем уровне. — Он вручил ей свой кредитный чип.

— Предпочитаемый пол? — Девушка провела его чипом по стеклянному окошку терминала.

— Женский, — машинально ответил Кейс.

— Номер тридцать пять. Появятся претензии — звоните. Если желаете, можете вначале посмотреть выставку наших особых услуг. — Девушка улыбнулась. Вернула ему чип.

За ее спиной открылись двери лифта.

Огни коридора светились голубым.

Кейс вышел из лифта и пошел наугад. Пронумерованные двери. Тишина, как в дорогой больнице.

Он нашел свой кабинет. А ведь нужно было искать Молли; Кейс, не совсем понимая, для чего он это делает, приложил чип к темному сенсору, вмонтированному под табличкой с номером.

Щелкнули магнитные запоры. Звук напомнил ему "Дешевый отель".

Лежавшая на кровати девушка села и сказала что — то по — немецки.

Спокойные немигающие глаза. С этой все ясно, на автопилоте. Нервная система отключена. Кейс попятился и закрыл дверь.

Дверь с номером сорок три не отличалась от остальных. Кейс остановился. Тишина в коридоре говорила о звуконепроницаемости стен. Пытаться открыть дверь чипом бесполезно. Кейс постучал костяшками пальцев по покрытому эмалью металлу. Никакого результата. Казалось, дверь поглощала звук.

Он приложил чип к черной пластинке.

Запоры щелкнули.

Похоже, она ударила еще до того, как полностью открылась дверь. Кейс стоял на коленях, спиной к стальной двери, и лезвия больших пальцев девушки дрожали в нескольких сантиметрах от его глаз…

— Господи Иисусе… — Молли отвесила ему болезненную оплеуху и выпрямилась. — Это ж надо быть таким идиотом. За каким хреном ты сюда полез? И как ты открыл замок? Кейс? Да ты как, в порядке?

Молли снова наклонилась.

— Кредитным чипом, — силясь вздохнуть, прохрипел Кейс. Боль шла откуда — то из нижней части груди. Молли помогла ему встать и затолкнула в кабинет.

— Ты что, подкупил там этих, наверху?

Кейс покачал головой и рухнул поперек кровати.

— Вдохни. Считай. Один, два, три, четыре. Задержи дыхание. Теперь выдохни. Опять считай.

Кейс схватился за живот.

— Ты ударила меня ногой в живот, — выдавил он.

— Скажи спасибо, что в живот, а не пониже. Сейчас я не нуждаюсь в обществе. Я медитирую, ясно? — Молли присела рядом. — И получаю инструкции. — Она указала на небольшой монитор, встроенный в стену напротив кровати. — Уинтермьют

рассказывает мне о "Блуждающем огоньке".

— А где живая кукла?

— Здесь нет. В чем и состоит самое дорогое спецобслуживание.

Молли поднялась. На ней были кожаные джинсы и свободная темная рубаха.

— Работаем завтра, так сказал Уинтермьют.

— Что произошло в ресторане? Почему ты убежала?

— Если бы я осталась, то могла бы замочить Ривьеру.

— За что?

— За то, что он сделал со мной. За это шоу.

— Не понимаю.

— Это стоит дорого, — сказала девушка и вытянула правую руку, как будто держала невидимый плод. Пять лезвий выскользнули из — под ногтей и снова спрятались. — Дорого поехать в Тибу, дорого сделать операцию, дорого платить за перестройку нервной системы — чтобы получить рефлексы, соответствующие такому оборудованию… Знаешь, где я зарабатывала на все это деньги? Здесь. Не прямо здесь, но в похожем месте в Муравейнике. Сперва кажется, что все это ерунда, ведь тебе вставляют блокирующий психику чип, и деньги достаются вроде как ни за что. Ну, болит там утром в каком — нибудь месте, но что поделаешь. Ты же сдаешь тело напрокат. Когда все происходит, тебя как будто бы и нет при этом. В заведении есть программы, которые обеспечат исполнение любых желаний клиента… — Молли хрустнула костяшками пальцев. — Все шло прекрасно, Я зарабатывала свои деньги. Но потом выяснилось, что блокировка и управляющие цепи, установленные мне в Тибе, несовместимы. Я могла вспомнить, чем занималась в рабочее время… Но это были просто дурные сны — да не всегда, кстати, и дурные. — Молли улыбнулась. — Затем все пошло как — то странно. — Она выудила из его кармана сигареты и закурила. — Хозяева узнали, на что я трачу деньги. Мне уже вставили лезвия, но тонкая нейрохирургия требовала еще три операции. Бросить работу я не могла. — Она затянулась, выпустила тонкую струю дыма и нанизала на нее три идеальных кольца. — Как потом выяснилось, ублюдок, который содержал бордель, заказал ради такого случая специальную программу. Берлин — самое блядское место, огромный базар, где можно найти любую, самую подлую штуку. Я так и не узнала, кто написал программу, которая мной управляла, но она основывалась на классике.

— Они знали, что ты понимаешь происходящее? Что во время работы ты сохраняешь сознание?

— Ничего я не сохраняла. Это вроде как киберпространство, только пустое. Серебристое. И запах дождя… А собственный оргазм похож на вспышку новой звезды на самом краю пространства. Но я начала припоминать. Я словно вспоминала сны. А они мне ничего не сказали. Просто подключили меня к программе и начали сдавать за особую плату.

Ее голос звучал как бы издалека.

— Я знала, но предпочитала помалкивать. А то где бы я взяла деньги? Сны становились все страшней и страшней, и я бы успокоила себя тем, что, по крайней мере, некоторые из них действительно были просто снами, но только вот к тому времени мне стало уже известно, что босс набрал кучу клиентов, пользовавшихся исключительно моими услугами. Для Молли, говорил он, мне ничего не жалко, и подкидывал мне какие — то сраные гроши. — Она покачала головой. — Этот говнюк заряжал клиентам *в восемь раз больше*, чем платил мне, и думал, что я этого не знаю.

— А за что он заряжал такие деньги?

— За плохие сны. Настоящие. Однажды… однажды ночью, я как раз только что вернулась из Тибы… — Молли бросила сигарету, раздавила ее каблуком и откинулась на стену. — В тот раз хирурги копались где — то особенно глубоко. Очень хитрая операция. Думаю, они задели чип блокировки. Я очнулась. Я находилась, как обычно, с клиентом… — Пальцы Молли глубоко вдавились в матрас. — Сенатор. Я хорошо знала его жирную морду. Нас обоих заливала кровь. Мы были не одни. Она была совершенно… — Молли изо всех сил вцепилась в темперлон, — …мертвая. А жирный хрен все время повторял: "Что такое? Что случилось?". Потому, что мы еще не *закончили*.

Молли начало трясти.

— Ну и тогда сенатор получил все, чего ему хотелось — в моем понимании.

Дрожь унялась. Молли отпустила матрас и провела пальцами по темным волосам.

— Дом прервал контракт и выпустил на охоту киллеров; пришлось даже прятаться.

Кейс не произнес ни слова.

— Так что Ривьера попал в самое больное место, — подытожила Молли. — Думаю, Уинтермьют хочет, чтобы я как следует возненавидела Ривьеру, психанула и бросилась следом за ним на эту самую виллу.

— Следом за ним?

— Он уже там. По приглашению леди 3–Джейн, не зря же он устроил всю эту хрень с посвящением. Она ведь тоже смотрела

шоу, только из отдельного кабинета.

Кейс вспомнил мелькнувшее на мгновение лицо.

— Ты убьешь его?

— Да, он умрет. — От улыбки Молли веяло могильным холодом. — И скоро.

— У меня тоже был посетитель. — Спотыкаясь и запинаясь, Кейс пересказал свою беседу с призраком Зоуна; труднее всего ему дался эпизод, связанный с Линдой.

— Понятно, — кивнула Молли. — Он, похоже, хочет, чтобы ты тоже кого — нибудь возненавидел.

— Похоже, он своего добился.

— Похоже, ты, Кейс, ненавидишь себя самого.

— Ну и как, — обернулся Брюс к взбирающемуся на сиденье "хонды" Кейсу.

— Попробуй — узнаешь, — пожал плечами Кейс.

— Никогда бы не поверила, что такой крутой парень ходит к "куклам", — с какой — то даже обидой заметила Кэт, приклеивая к запястью свежий дерм.

— Теперь домой? — спросил Брюс.

— Да. Высади меня на Жюля Верна где — нибудь возле баров.

12

Кольцевая авеню Рю Жюль Верн опоясывала веретено в самой широкой части, тогда как Дезидерата шла под прямым к ней углом и упиралась концами в опоры системы Ладо — Ачесон. Если свернуть с Дезидераты направо и шагать, не сворачивая, по Рю Жюль Верн, снова выйдешь на Дезидерату, но на другую ее сторону.

Кейс следил за мотоциклом Брюса, пока тот не скрылся из вида, а затем пошел в противоположную сторону, мимо огромного, ярко освещенного газетного киоска, заваленного десятками японских журналов с новейшими звездами симстима на обложках.

Прямо над головой, вдоль переведенной в ночной режим оси, на голографическом небе светились фантастические созвездия, напоминавшие своими очертаниями грани игрального кубика, карты, шляпу, стакан… Пересечение Дезидераты и Жюля Верна образовывало нечто вроде ущелья, где террасы балконов жилых утесов Фрисайда постепенно переходили в травянистые плоскогорья одного из горных комплексов. Беспилотный самолетик, грациозно развернувшийся в восходящем потоке, неожиданно вспыхнул, освещенный мягким заревом невидимого казино. Биплан с обтянутыми шелком крыльями, он напоминал

гигантскую бабочку. Прежде чем фантастическое насекомое скрылось за выступом плато, Кейс успел заметить блики неона то ли на объективах, то ли на лазерных турелях. Беспилотные аппараты входили в систему безопасности веретена, управляемую центральным компьютером.

Расположенным в "Блуждающем огоньке"? Кейс шагал мимо баров с заманчивыми названиями: "Хи — Ло"[8], "Парадиз", "Ле Монд", "Крикетир", "Сузуки Смит", "Эмерджанси". Кейс выбрал "Эмерджанси", самый маленький и самый переполненный, но уже через несколько секунд понял, что это забегаловка для туристов. Вместо непрестанного делового гула — рахитичный сексуальный напряг. Кейс с тревогой вспомнил о безымянном клубе, об этажах секса, громоздящихся над кабинетом Молли, но тут же представил себе зеркальные глаза, прикованные к экранчику, и успокоился. Что там показывал ей Уинтермьют? Планы виллы "Блуждающий огонек"? А может — рассказывал историю Тессье — Эшпулов?

Она стояла совсем рядом, буквально лучась жаром и напряжением, в прищуренных глазах — огромные, неестественно расширенные зрачки, на горле дрожит натянутое, как тетива, сухожилие. Свежая доза.

— Так ты словил кайф?

— Да, только отходняк обломный.

— Значит, нужно повторить.

— И что же, по твоему мнению, за этим последует?

— У меня есть ключ. Вверх по склону, сразу за "Парадизом", роскошная квартира. Хозяева как раз сегодня прыгнули в колодец — ты меня понимаешь…

— Я прекрасно тебя понимаю.

Горячими сухими ладонями она взяла его руку.

— Ты же — як, Люпус, правда? Иностранный солдат якудза.

— Все — то ты понимаешь. — Кейс отнял у нее свою руку и полез за сигаретой.

— Только почему у тебя все пальцы на месте? Я считала, у вас полагается после каждой ошибки отрубать себе по пальцу.

— Я никогда не ошибаюсь. — Он закурил сигарету.

— Я видела эту самую твою девушку. В тот день, когда тебя встретила. Ходит, как Хидео. Даже страшно. — Кэт улыбнулась, излишне широко. — Но мне это нравится. Она любит с девушками?

— Не знаю, не спрашивал. А кто такой Хидео?

— Вассал З–Джейн, как она его называет. Вассал их семьи.

Только огромное усилие позволило Кейсу сохранить на лице скучающее, равнодушное выражение.

— Как это — Триджейн?

— Леди З–Джейн. Девка — зашибись. Тут же все принадлежит ее папаше.

— Этот бар?

— Фрисайд.

— Неслабо. Да, сильные у тебя подружки, — уважительно покачал головой Кейс, а затем обнял Кэт и положил ладонь ей на бедро. — И где же это ты, Кэти, познакомилась с такими аристократами? Может быть, ты и сама что — нибудь в этом роде? Может, вы с Брюсом со дня на день унаследуете все капиталы какого — нибудь старого, почтенного семейства?

Тело под тонкой черной тканью плотное, упругое. Кэт придвинулась еще ближе. Засмеялась.

— Ну, понимаешь, — скромно потупилась Кэт, — леди З–Джейн обожает вечеринки… Ей там скучно — там, у них. Иногда папаша ее отпускает — но только вместе с Хидео, чтобы тот ее сторожил.

— И где же это она скучает?

— Они называют свой дом "Блуждающий огонек". З–Джейн говорит, что там очень красиво, бассейны и лилии. Это замок, самый настоящий замок из камня, как на старых картинках. — Кэт прижалась к Кейсу. — Слушай, Люпус, это не дело, что я под кайфом, а ты — нет.

На тонком, через шею, ремешке — крохотная кожаная сумочка. Ярко — розовые, обкусанные до мяса, ногти. Кэт расстегнула сумочку и достала оттуда прозрачный пакетик с дерьмом. На пол упало что — то белое. Кейс нагнулся и поднял. Оказался журавлик — оригами.

— Это Хидео, — пояснила Кэт. — Он много раз показывал, как нужно складывать, а я все никак не запомню. У меня шея получается не в ту сторону. — Она запихнула бумажную игрушку назад в сумочку. Кейс молча смотрел, как загорелые, с обкусанными ногтями, пальцы отрывают прозрачное покрытие, извлекают дерм, прижимают ко внутренней стороне его запястья.

— З–Джейн — это такая, с острым подбородком, и нос, как у птицы? — Его руки описали контуры лица. — Брюнетка, молодая.

— Да. Но главное — она роскошная девка. Еще бы, с такими — то деньгами.

Наркотик ударил его, как скорый поезд, позвоночник превратился в раскаленный добела столб, вздымающийся из области простаты, просвечивающий все швы черепа рентгеновскими лучами накоротко замкнутой сексуальной энергии. Каждый зуб, подобно камертону, пел в своей лунке чистым и ясным, как девяностошестиградусный спирт, звуком.

Под полупрозрачной оболочкой хромом и полировкой блестят кости, суставы покрыты тонкой пленкой силиконовой смазки. По внутренней выскобленной поверхности черепа били вихри песчаной бури, они генерировали волны тончайшего, непрерывного звона, разбивавшиеся о заднюю, внутреннюю оболочку глаз — прозрачных, непрерывно расширяющихся хрустальных шаров.

— Пошли, — сказала Кэт и взяла его за руку. — Теперь тебе хорошо. Нам хорошо. А на холме нам будет хорошо всю ночь.

Гнев нарастал, быстро и неудержимо, он модулировал бетафенэтиламиновое возбуждение, как сигнал — несущую частоту, рвался наружу, как сейсмическая волна, как едкая, концентрированная жидкость. Тяжелая, как свинец, эрекция. Лица всех окружающих стали раскрашенными, как у кукол, розовые и белые пятна ртов двигались и двигались, выдувая хрупкие пузыри слов. Кейс посмотрел на Кэт и увидел каждую пору загорелой кожи, пустые стеклянные глаза, едва намечающуюся тяжеловесность фигуры, мельчайшую асимметрию грудей, ключиц и… где — то в глубине глаз, за ними, полыхнуло белым.

Он сбросил ее руку, отпихнул кого — то с дороги и направился к выходу.

— Ну и хер с тобой! — заорала вслед ему Кэти. — Да трахала я таких сраных козлов!

Ноги были словно чужие. Шатаясь из стороны в сторону, он шел на них, как на ходулях, по брусчатке улицы Жюля Верна, в ушах глухо шумела кровь, голову рассекали острые полотнища света.

Затем он застыл, выпрямился, плотно прижал кулаки к бедрам, запрокинул голову, а губы скривились и затряслись. И пока Кейс разглядывал фрисайдовский Зодиак Неудачника, пародийные созвездия задвигались, потекли по темной оси, тесно скучились в самом центре реальности. Они ползали и копошились, поодиночке и целыми сотнями, пока не образовали портрет, выгравированный звездами в монохромье ночного неба. На Кейса смотрело лицо мисс Линды Ли.

Когда он смог оторвать взгляд, опустить глаза, то обнаружил, что все лица на улице смотрят вверх, и прохожие притихли от удивления. А когда иллюминация на небе погасла, по Рю Жюль Верн прокатились восторженные крики, эхом отразившиеся от террас и балконов.

Где — то начал бить колокол старинных, привезенных из Европы, часов.

Полночь.

Он бродил до самого утра.

Возбуждение прошло, хромированный скелет быстро ржавел, тело утратило прозрачную призрачность, а наркотическая плоть заменилась обыденным мясом. Голова не работала. Это ему очень нравилось — оставаться в сознании и не думать. Он словно становился каждым предметом, который он видел: садовой скамейкой, облачком ночных мотыльков вокруг старинного уличного фонаря, черно — желтым, в косую полоску, роботом — садовником.

Вдоль системы Ладо — Ачесон полз огненно — розовый рассвет. Кейс загнал себя в кафе, съел омлет, попил воды и выкурил последнюю в пачке сигарету. На крыше "Интерконтиненталя" любители раннего завтрака уже сидели под полосатыми зонтиками, все в мыслях о кофе с круассанами.

Ярость так никуда и не делась. Странно, подумал Кейс, это похоже на то, как если тебя оглушат в темном переулке, а ты потом очухаешься, сунешь руку в карман, а бумажник — вот он, на месте, цел — целехонек. Он согревался этим чувством, не имея душевных сил дать ему имя или определить его объект.

Кейс спустился на лифте и нащупал в кармане кредитный чип Фрисайда, заменявший ключ. Хотелось спать, мысль о близком сне немного успокаивала. Лечь на песочного цвета матрас и провалиться в ничто.

В номере его ждали. Вся троица: безупречно белые спортивные костюмы и трафаретный загар резко диссонировали с претенциозной мебелью — чужеродные кляксы на светлом дереве и домотканых драпировках. Девушка (главная?) оккупировала плетеный диванчик, рядом с ней, на подушке с флоральным орнаментом, лежал пистолет.

— Тьюринг, — сказала она. — Вы арестованы.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
РЕЙД НА ВИЛЛУ "БЛУЖДАЮЩИЙ ОГОНЕК"

13

Вы — Генри Дорсет Кейс.

Далее последовали год и место рождения, единый идентификационный номер в СОБА и вереница каких — то имен, Кейс не сразу и понял, что все это — прошлые его псевдонимы. Господи, да неужели их так много?

— Вы что, давно уже здесь сидите?

Кейс увидел, что содержимое его сумки разложено на кровати, грязная одежда — и та рассортирована. Сюрикен лежал отдельно, между джинсами и бельем.

— Где Колодны?

Парни сидели на кушетке, одинаково скрестив руки на груди, на одинаково загорелых шеях — одинаковые золотые цепочки. Теперь, с близкого расстояния, было видно, что вся их юношеская свежесть — подделка, и даже не очень тщательная — вот, скажем, с кожей на костяшках пальцев хирург не справился.

— Что такое Колодны?

— Фамилия, под которой она зарегистрировалась. Так где же ваша напарница?

— Не знаю. — Кейс подошел к бару и налил себе стакан минеральной воды. — Съехала.

— Где вы были ночью?

Словно между прочим, девица подобрала с подушки пистолет и переложила его на бедро. Слава Богу, хоть целиться не стала.

— На Рю Жюль Верн, посидел в барах, малость поднабрался. А вы?

Колени вот — вот подломятся. А минералка — теплая и противная.

— Похоже, вы не очень понимаете свое положение, — вмешался один из парней, тот, что слева, извлекая из кармана белой в дырочку футболки пачку "Житан". — Вы, мистер Кейс, влипли. Соучастие в заговоре, направленном на улучшение искусственного разума. — Из того же кармана француз достал золотой "данхилл"; зажигалка уютно устроилась в колыбели ладони. — Личность, известная вам под именем Армитидж, уже арестована.

— Корто?

Глаза полицейского удивленно расширились:

— Да. Откуда вы знаете его настоящее имя?

Зажигалка выкинула крошечный язычок пламени.

— Не помню, — ответил Кейс.

— Вспомнишь! — ласково пообещала девица.

Троица представилась как Мишель, Роланд и Пьер, настоящие это имена или оперативные клички, можно было только догадываться. Пьеру выпала роль "злого следователя", Роланд разыгрывал сочувствие, оказывал мелкие любезности — например, принес пачку "Ихэюань", когда Кейс отказался от "Житана", изо всех сил подчеркивал, что совершенно не разделяет холодной враждебности Пьера. Мишель же, решил Кейс, будет следить за ходом допроса с высокомерной отстраненностью, лишь изредка вмешиваясь в его ход. Не было никаких сомнений, что кто — нибудь из них — а может быть, и все трое — вел аудио—, а скорее всего, даже симстим — запись, и все, сказанное в их присутствии, становилось уликой. "Уликой чего?" — спрашивал себя Кейс, с тоской ощущая, что наваливается отходняк.

Зная, что он не понимает по — французски, они переговаривались совершенно свободно. Или так только казалось. Кое — что Кейс уловил: имена и названия — Поли, Армитидж, "Сенснет". Дикие Коты — выступали из текучего моря французски речи, как вершины айсбергов. Нельзя исключить, что имена эти произносились специально для него. Молли упоминалась только по фамилии Колодны.

— Так вы утверждаете, что вас наняли для рейда, — неторопливая речь Роланда с прямо — таки липкой назойливостью подчеркивала его рассудительность, — и что вы не знаете, с какого рода объектом будете иметь дело. А вам не кажется, что это несколько странно? Сможете ли вы в таком случае выполнить необходимую операцию после преодоления защитной системы объекта? Ведь вы же должны исполнить некую функцию, верно?

Роланд наклонился вперед, уперся локтями в загорелые колени, выставил ладони и приготовился выслушивать объяснения Кейса. Пьер мерил шагами комнату: от окна к двери и обратно. Кейс решил, что запись ведет Мишель. Ее глаза следили за ним непрерывно.

— Можно мне одеться?

Чтобы обследовать швы джинсов, Пьер заставил Кейса раздеться. Теперь Кейс сидел на плетеной скамеечке голый и остро ощущал непристойную белизну недокрашенной ступни.

Роланд что — то сказал по — французски.

— Non, — рассеянно бросил Пьер (что это он за окном высматривает? да еще в бинокль?). Роланд пожал плечами, а

затем поднял брови и развел руками. Кейс решил, что самое время улыбнуться. "Прямо как по учебнику", подумал он, глядя на ответную улыбку Роланда.

— Послушайте, — сказал он, — мне плохо. Я принял в баре какую — то жуткую дурь, понимаете? Я хочу лечь. Я от вас никуда не денусь. Вы говорите, что Армитидж тоже арестован. Вот его и спрашивайте. Я же на подхвате, что я там знаю.

Роланд кивнул:

— А Колодны?

— Она уже работала с Армитиджем, еще до меня. Она — просто охранница, самурай. Насколько мне известно. А что там мне известно?

— Но вы знаете, что настоящее имя Армитиджа — Корто, — заметил Пьер, не отрывая глаз от бинокля. — Откуда?

— Не помню, — равнодушно пожал плечами Кейс. — Вроде он сам сказал. — Вот же черт за язык дернул! — У всех несколько имен. А вас правда зовут Пьер?

— Нам известно, на каких условиях вас лечили в Тибе, — заговорила долго молчавшая Мишель, — и это, пожалуй, первая ошибка Уинтермьюта. — Кейс изобразил на лице полное недоумение. Имя Уинтермьюта раньше не упоминалось. — На основе использованной при вашем лечении методики владелец клиники получил семь критически важных патентов. Вы понимаете, что это значит?

— Нет.

— А то, что хирург из подпольной клиники в Тиба — Сити теперь владеет контрольными пакетами трех крупных медицинских исследовательских консорциумов. Не совсем обычный поворот событий. Это сразу привлекло наше внимание.

Мишель скрестила загорелые руки на маленьких острых грудях и откинулась на пеструю подушку. Сколько же ей лет — то? Говорят, возраст всегда читается по глазам, однако Кейс никогда не понимал, что там можно прочитать. Из — за розового кварца очков Джули Дина глядели равнодушные глаза десятилетнего ребенка. Ничто, кроме костяшек пальцев, не выдавало возраста Мишель.

— Мы проследили за вами до Муравейника, затем потеряли и снова обнаружили, когда вы покидали Стамбул. От этого момента мы пошли назад и выяснили, что именно вы спровоцировали панику в "Сенснете". После этого корпорация обеспечила нам всю возможную помощь. Они провели у себя инвентаризацию. В ходе ее обнаружили, что пропал конструкт личности Маккоя Поли.

— В Стамбуле, — почти извиняясь, добавил Роланд, — все было совсем просто. Эта женщина нарушила контакт Армитиджа

с секретной полицией.

— А затем вы появились здесь, — сказал Пьер, опуская бинокль в карман рубашки. — Мы очень обрадовались.

— Возможности позагорать?

— Вы прекрасно понимаете, что мы имеем в виду, — сказала Мишель. — А будете притворяться дурачком — только усложните свое положение. Вопрос экстрадиции[9] решен еще не до конца. Вы поедете с нами, так же, как и Армитидж. Но вот куда мы направимся? В Швейцарию, где вы окажетесь просто мелкой сошкой в суде над искусственным интеллектом? Или в СОБА, где можно доказать, что вы участвовали не только во взломе и ограблении банков информации, но также и в провоцировании общественных беспорядков, которые стоили четырнадцати невинных жизней? Так что выбирайте.

Кейс вытянул из пачки сигарету, Пьер услужливо щелкнул золотым "данхиллом".

— И станет ли Армитидж вас покрывать.

Вопрос прозвучал одновременно со щелчком блестящих "челюстей" зажигалки. Голова Кейса раскалывалась, лицо Пьера плыло и корежилось, словно отраженное в грязной луже.

— Сколько вам лет, босс?

— Достаточно, чтобы понять, что ты спекся, попал в глубокую задницу и теперь прямиком гремишь за решетку.

— Один момент, — сказал Кейс и затянулся. А затем выпустил в лицо "тьюринг — копам" струю дыма. — А как у вас, крутые вы ребята, с полномочиями? Не следовало ли вам пригласить на эту дружескую беседу службу безопасности Фрисайда? Тут же вроде их территория, верно?

Худое мальчишеское лицо помрачнело, темные глаза сузились, Кейс напрягся в ожидании удара, но Пьер только пожал плечами.

— Это не важно, — вмешался Роланд. — Ты поедешь с нами. Нам не привыкать к неопределенности законов. Договоры, согласно которым работает наш отдел, гарантируют нам большую гибкость. Да и сами мы *проявляем* гибкость, если этого требует ситуация.

Маска дружелюбия внезапно исчезла, теперь глаза Роланда стали такими же жесткими, как у Пьера.

— Ты хуже, чем просто дурак. — Мишель встала, по — прежнему сжимая в руке пистолет. — Тебе плевать на судьбу человечества. Тысячи лет люди мечтали о договоре с дьяволом. И только сейчас это стало возможным. Ну и сколько же тебе заплатят? За какую цену согласился ты помочь этой твари освободиться и вырасти? — В голосе Мишель звучала

всепонимающая усталость, невозможная в девятнадцатилетней девушке. — Одевайся. Ты поедешь с нами. Ты и этот тип, которого ты называешь Армитиджем, вернетесь с нами в Женеву, чтобы дать показания в суде над искусственным интеллектом. Иначе мы тебя убьем. Прямо сейчас. — Мишель подняла пистолет — блестящий черный "вальтер" со встроенным глушителем.

— Одеваюсь, одеваюсь, — пробормотал Кейс и заковылял к кровати. Ноги так и остались ватными, неуклюжими. Господи, да неужели в этом барахле не осталось ни одной чистой майки?

— Тут рядом наш корабль. Мы сотрем конструкт Поли импульсным излучателем.

— "Сенснет" будет в экстазе, — сказал Кейс.

"А заодно сотрете и все улики, находящиеся в памяти "Хосаки". А других у вас нет".

— Ничего подобного. Это только избавит их от обвинения в изготовлении и хранении этой штуки.

Кейс натянул через голову рубашку. Увидел на кровати сюрикен, безжизненный кусок металла, свою звезду. Он поискал в себе недавнюю ярость, но ярость эта куда — то пропала. Самое время поднимать лапки, плыть по течению… А тут еще эти капсулы с ядом…

— Опять мясо, — пробормотал он.

В лифте Кейс подумал о Молли. Она, наверное, уже в "Блуждающем огоньке". Гоняется за Ривьерой. А за ней самой, вероятно, гоняется Хидео — тот самый, по — видимому, клонированный ниндзя. Из байки Финна, тот, что приходил за говорящей головой.

Кейс прислонился лбом к матово — черному пластику стенной панели и закрыл глаза. Конечности казались старыми кривыми деревяшками, разбухшими после дождя.

Под яркими зонтиками среди деревьев подавали ленч. Роланд и Мишель вернулись к прежней своей роли и весело заговорили по — французски. Пьер держался сзади. Мишель, скрыв оружие под переброшенной через руку белой парусиновой курткой, упирала ствол пистолета Кейсу в ребра.

На лугу, петляя между столиками и деревьями, Кейс гадал, решится ли Мишель стрелять, если он возьмет вот сейчас да и упадет от усталости. По краям поля зрения дрожали какие — то черные лохмы. Кейс посмотрел на раскаленную добела структуру системы Ладо — Ачесон и увидел, как на фоне искусственного неба грациозно порхает огромная бабочка.

Луг кончался крутым обрывом; там, за ограждением, теплый воздух, поднимающийся от Дезидераты, шевелил траву и головки полевых цветов. Мишель отбросила с глаз прядь коротких темных

волос, показала пальцем вдаль и сказала что — то Роланду. По — французски. Ее голос звенел неподдельным счастьем. Кейс взглянул, что это она там показывает, и увидел изгибы искусственных озер, белое сверкание казино, бирюзовые прямоугольники сотен бассейнов, тела купальщиков — крошечные бронзовые иероглифы; все это держалось на искривленном корпусе Фрисайда благодаря искусственной гравитации.

Они прошли вдоль ограждения к изящному железному мостику, перекинутому через Дезидерату. Мишель подталкивала Кейса стволом "вальтера".

— Полегче, я быстрее просто не могу.

Грациозная бабочка спикировала в тот самый момент, когда они подходили к середине моста, спикировала с выключенным электродвигателем, абсолютно бесшумно, никто ничего и не заподозрил, пока черный углеволоконный пропеллер не снес Пьеру верхнюю часть черепа.

На мгновение все потемнело — самолетик заслонил ладо — ачесоновское солнце; Кейс почувствовал на затылке горячие брызги крови, а затем кто — то сбил его с ног. Кейс перекатился и увидел, что Мишель лежит на спине, подтянув колени к груди, и двумя руками целится из "вальтера". "Зря стараешься", с неправдоподобной ясностью пронеслось в голове. Она пыталась сбить хищное механическое насекомое.

А потом Кейс побежал. Достигнув первого дерева, оглянулся и увидел несущегося следом Роланда. Еще он увидел, как хрупкий биплан снес железные перила моста, сплющился в гармошку, перевернулся и рухнул вниз, в ущелье Дезидераты, увлекая за собой девушку.

Роланд даже не оглянулся. Белое лицо окаменело, зубы оскалились. Он что — то держал в руке.

Роланда убил садовый робот. Он бросился на сотрудника Регистра Тьюринга, когда тот пробегал мимо того же дерева, из гущи аккуратно подстриженных кустов — черно — желтый, в косую полоску, краб.

— Ты их убил, — задыхаясь от быстрого бега, бормотал Кейс. — Что ж ты, паскуда, делаешь, ты же всех их убил…

14

Небольшой состав мчался по туннелю со скоростью восемьдесят километров в час. Кейс сидел с закрытыми глазами. Душ помог прийти в себя, но от вида розовой от крови Пьера воды, текущей по белому кафельному полу, его вытошнило,

вытошнило подчистую, до желчи.

По мере сужения веретена тяготение слабело. Живот Кейса негодующе бурчал.

На пристани его ждал Аэрол, со скутером.

— Кейс, у нас тут заморочки.

Голос в наушниках тихий, еле слышный. Кейс нажал подбородком на регулятор, прибавил громкость и всмотрелся в лицо Аэрола, скрытое лексановым забралом.

— Мне нужно попасть на "Гарвея".

— Ладно. Пристегнись, брат. Только "Гарвей" в плену. Вернулась яхта, та, которая приходила раньше. Она намертво заблокировала "Маркуса Гарвея".

Тьюринг?

— Что значит "приходила раньше"?

Кейс забрался на скутер и начал пристегивать ремни.

— Да японская яхта. Привозила тебе посылку…

Армитидж.

При виде "Маркуса Гарвея" в голове у Кейса завертелись беспорядочные образы ос и пауков. Маленький буксировщик прильнул к серой груди гладкого насекомоподобного корабля, в пять раз превышавшего его длиной. В ослепительном, не смягченном никакой атмосферой, свете солнца с неправдоподобной отчетливостью вырисовывались клешни захватов, вцепившихся в латаный — перелатаный корпус "Гарвея". Светлый гофрированный шлюз благоразумно огибал двигатели буксировщика и присоединялся к кормовому люку. Во всей этой конструкции было нечто непристойное, хотя она и навевала мысли скорее о кормлений, нежели о сексе.

— А что с Мэлкомом?

— С Мэлкомом все прекрасно. По трубе никто не ходил. Пилот яхты только поговорил с ним. Отдохни, говорит.

Когда они огибали серый корабль, Кейс прочитал под вытянутой гроздью японских иероглифов большие ярко — белые буквы: "ХАНИВА".

— Что — то мне это не нравится. Сваливать надо отсюда, и чем скорее, тем лучше.

— Мэлком говорит то же самое, но вот "Гарвей"… Он далеко не уйдет.

Пройдя передний шлюз и сняв шлем, Кейс услышал пулеметные очереди сионитского жаргона — Мэлком говорил с кем — то по радио.

— Аэрол вернулся на "Рокер", — сказал Кейс.

Мэлком скосил глаза, кивнул, даже не запнувшись в очередной фразе.

Перепутанные косички пилота торчали вверх, напоминая то ли змей на голове Медузы Горгоны, то ли какие — то диковинные водоросли; Кейс осторожно проскользнул над этими зарослями и начал снимать скафандр. На Мэлкоме красовались ярко — оранжевые наушники, он прикрыл глаза и сосредоточенно наморщил лоб, вслушиваясь в голос собеседника и утвердительно кивая. Одежда праведного пилота состояла из драных джинсов и старой зеленой нейлоновой куртки с оторванными рукавами. Кейс запихнул красный скафандр "Саньо" в грузовой гамак и забрался в страховочную сетку.

— Слышь, что дух говорит, брат, — сказал Мэлком. — Компьютер только и знает, что тебя спрашивает.

— А кто там, на яхте?

— Тот же японец, что раньше. А теперь с ним еще и этот твой мистер Армитидж, прилетел с Фрисайда…

Кейс надел дерматроды и вошел в киберпространство.

— Дикси?

Матрица предстала перед ним в виде розовых сфер сталеплавильного комбината в Сиккиме.

— Что это ты там чудишь? До меня доходят жуткие истории. Содержимое "Хосаки" один к одному скопировано в машину, стоящую на борту яхты твоего босса. Чистый атас. На тебе что, "тьюринги" повисли?

— Да, но Уинтермьют их убил.

— Только не надейся на долгую передышку. Их же. как собак нерезаных. Прибегут, как миленькие, и не втроем, а целой шоблой. Зуб даю, все их деки слетелись сейчас на наш сектор решетки, как мухи на теплое дерьмо. А твой драгоценный начальничек приказывает начинать. Давайте, говорит, и сейчас же.

Кейс набрал координаты Фрисайда.

— Ну — ка, Кейс, отодвинься на секунду…

Матрица расплылась и снова замерла; скорость и точность, с которыми Флэтлайн провел сложнейшую серию переходов, вызвали у Кейса дрожь зависти.

— Ни хрена себе…

— Не забывай, старик, я же классно работал при жизни. Пальцы так мелькали, что глазами не уследишь!

— Вот это, что ли? Слева, большой зеленый прямоугольник.

— Верно сечешь. Ядро банка данных корпорации "Тессье — Эшпул СА", а лед ихний создан двумя дружественными ИскИнами. Думаю, ничем не хуже любого армейского. Адский лед, Кейс, черный как могила, гладкий как стекло. И оглянуться не успеешь, как он поджарит мозги. А если мы приблизимся чуть

поближе, он засунет нам трассеры в жопу и по штуке за каждое ухо, так что совет директоров Тессье — Эшпулов будет знать и размер твоей обуви, и длину твоей письки.

— У меня на это вообще не стоит, а тут еще "тьюринги". Слушай, может, лучше отвалить? Возьму тебя с собой…

— Ты, что? Без балды? Не хочешь даже посмотреть, что может эта китайская программа?

— Ну, в общем — то… — Кейс окинул взглядом зеленые стены тессье — эшпуловского льда. — Ладно, хрен с ним. Поехали.

— Вставляй кассету.

— Эй, Мэлком, — сказал Кейс, выйдя из матрицы, — я просижу с дерматродами на голове часов, наверное, восемь подряд.

Мэлком снова курил. Кабина утопала в клубах дыма.

— Я не смогу ходить в носовой отсек…

— О чем разговор.

Сионит сделал сальто вперед, порылся в сетчатой, на молнии, сумке и достал оттуда длинную, свернутую в бухту, прозрачную трубку, присоединенную к какой — то штуке, запечатанной в стерильный пузырь.

Устройство это, именовавшееся техасским катетером, Кейсу совершенно не понравилось.

Кейс вставил в прорезь кассету с китайским вирусом, немного посидел, вздохнул и дожал ее до упора.

— О'кей, — сказал он, — все готово. Послушай, Мэлком, если что — нибудь будет не так, возьми меня за левое запястье. Я почувствую. А ещё я надеюсь, ты выполнишь все, что тебе скажет "Хосака", ладно?

— Будь спок, брат.

Мэлком запалил свежий косяк.

— И прибавь вытяжку. Не хочу, чтобы это дерьмо действовало на мои нейротрансмиттеры. У меня и так отходняк.

Мэлком ухмыльнулся.

— В пуп и в гроб, — простонал Флэтлайн. — Ты только посмотри.

Вокруг них разворачивался китайский вирус. Многоцветная тень, неустанное движение бессчетных полупрозрачных завес. Он вздымался над ними, заслоняя горизонты киберпространства — необъятно огромный, каждую секунду — другой.

— Здоровая мамашка, — одобрил Флэтлайн.

— Посмотрю, как там Молли, — объявил Кейс и щелкнул симстим — переключателем.

Невесомость. Ощущение напоминало ныряние в абсолютно

прозрачной воде. Молли "плыла" по широкой трубе из серого лунного бетона, освещенной через каждые два метра белыми неоновыми кольцами.

Связь была односторонняя. Говорить с ней Кейс не мог.

Он вернулся в киберпространство.

— Да, старик, программка — зашибись. Величайший, после хлеба, нарезанного ломтиками, плод гения человеческого. Эта фиговина, она же — *невидимая*. Я только что посидел секунд двадцать на той маленькой розовой коробочке в четырех шагах от тессье — эшпуловского льда, посмотрел, как мы выглядим со стороны. А никак. Нету нас здесь.

Кейс отыскал взглядом упомянутую розовую конструкцию, стандартный коммерческий блок, и осторожно к ней приблизился.

— Может, она бракованная.

— Может, но вряд ли. От нашей красавицы за километр несет военными разработками. И она новехонькая, только что из магазина. И никто ее не видит. Если бы нас заметили, посчитали бы за китайских диверсантов, но никто и в ус не дует. Возможно, даже обитатели "Блуждающего огонька".

Кейс посмотрел на гладкую стену, прикрывавшую "Блуждающий огонек".

— Ну что ж, — сказал Флэтлайн, — тоже ведь плюс, верно?

— Возможно. — Кейс болезненно сморщился от запредельного холода в позвоночнике — конструкт снова смеялся. — Я тут проверил, "Куанг–11" никогда не укусит за пятку — если ты, конечно, его хозяин. Парень очень вежливый, будто и впрямь китаец. Всегда готов помочь, к тому же вполне прилично изъясняется по — английски. Ты слышал о медленных вирусах?

— Нет.

— А я как — то слышал. Правда, в самых общих чертах. Но как раз они — то и характеризуют "Куанга". Тут не какое — нибудь там сунул — вынул и бежать, а скорее взаимодействие со льдом, настолько медленное, что он его не ощущает. Фронт логической системы "Куанга" вроде как прилипает к атакуемому объекту, а затем подключаемся мы, и основная программа начинает крутить вензеля вокруг логики льда. Мы срастаемся с ним как сиамские близнецы, а система ничего даже не подозревает.

Флэтлайн снова рассмеялся.

— Уж больно ты сегодня развеселился. Понимаешь, этот твой смех вроде как раздирает мне позвоночник.

— Весьма сочувствую, — сказал Флэтлайн, — но нам, покойникам, просто необходимо смеяться. Для повышения

жизненного тонуса.

Кейс щелкнул симстим — переключателем.

И очутился среди спутанного металла и запаха пыли, а подушечки ладоней скользили по глянцевой бумаге. Позади что — то с шумом рухнуло.

— Да ты успокойся, — сказал Финн. — Расслабься.

Кейс лежал враскорячку на куче пожелтевших журналов, а вокруг во мраке "Метро Голографикс" светилась галактика белозубых девичьих улыбок. Кейс вдыхал запах старых журналов и ждал, пока успокоится сердце.

— Уинтермьют! — сказал он.

— Да, — послышался сзади голос Финна. — В самую точку.

— Мать твою! — Кейс сел и потер запястья.

— Да брось ты, — сказал Финн, появляясь из чего — то вроде ниши в нагромождении хлама. — Так ведь для тебя удобнее. — Он достал из кармана пиджака пачку "Партагас" и закурил. Мастерскую наполнил удушливый дым кубинского табака. — А ты бы хотел, чтобы я появился перед тобой как горящий кустарник в матрице? Не волнуйся, за время твоего отсутствия там ничего не случится. Час здесь займет всего пару секунд реального времени.

— А ты никогда не задумывался, что твои появления в виде знакомых людей действуют мне на нервы? — Кейс встал, стряхнул с черных джинсов пыль, оглянулся на грязные окна и закрытую наружную дверь. — А там что? Нью — Йорк? Или больше ничего?

— Ну — у, — протянул Финн, — это вроде как с тем деревом. Упало в лесу, где его никто не слышал. Так трещало оно или нет? — Он широко усмехнулся, продемонстрировав огромные, желтые от никотина передние зубы, и снова затянулся, — Иди прогуляйся, если хочешь. Всё на месте. Во всяком случае — всё, что ты когда — нибудь видел. Это — воспоминания, понятно? Я выкачал их из тебя, перетасовал и запустил обратно.

— У меня не настолько хорошая память. — Кейс огляделся. Затем он посмотрел на свои руки, попытался вспомнить, как должны выглядеть линии на ладонях, но не сумел.

— У всех хорошая память. — Финн бросил окурок и раздавил его каблуком. — Только не все умеют ею пользоваться. Художники — те умеют, особенно хорошие. Если ты сравнишь окружающее с настоящей мастерской Финна в южной части Манхэттена, отличия, конечно же, будут, но не такие большие, как можно было бы ожидать. Твоя память голографична. — Финн подергал себя за ухо. В отличие от моей.

— А что это значит — голографична? — Он вспомнил о

Ривьере.

— Голографическая парадигма — лучшее, что придумали люди для описания структуры своей памяти. Но вы так и не сумели ее толком использовать. — Финн шагнул вперед, задрал голову и внимательно посмотрел на Кейса. — В противном случае меня бы, скорее всего, не было.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу вам помочь, — пожал плечами Финн. Обтрепанный твидовый пиджак, слишком для него широкий, косо обвис.

— Зачем?

— Потому что вы нужны мне. — Снова показались большие желтые зубы. — А я нужен вам.

— Дерьмо собачье. Ты можешь читать мои мысли, Финн? То есть, — Кейс болезненно поморщился, — Уинтермьют.

— Мысли невозможно *читать*. Даже интересно, ты почти не умеешь читать — и все равно пользуешься ветхой парадигмой печатного текста. Я могу извлечь содержимое твоей памяти, но ведь это — не мысли. — Финн сунул руку в оголенное шасси древнего телевизора и вытащил серебристо — черную радиолампу. — Видишь? Элемент моей ДНК, ну не совсем, но вроде…

Он бросил лампу в угол, раздался негромкий хлопок и звон.

— Вы всегда строите модели. Каменные круги. Соборы. Стоящие в этих соборах органы. Арифмометры. Ты можешь себе представить, что я не знаю, почему нахожусь здесь? Но, если сегодняшний рейд закончится удачно, вы получите то, к чему стремились все это время.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— "Вы" — это вы все вместе. Род человеческий.

— Ты убил "тьюрингов".

— Пришлось, — пожал плечами Финн. — Некуда было деться. Да и вообще, чего ты так разохался, они — то прикончили бы тебя и глазом бы не моргнули. Как бы там ни было, я вытащил тебя сюда, и нам нужно поговорить. Узнаешь?

В его руке появилось обгорелое осиное гнездо из сна Кейса, полутемную мастерскую наполнила вонь керосина. Кейс попятился и прижался спиной к залежам хлама.

— Да. Моя работа. Я использовал голографический проектор гостиничного окна. Один из образов, списанных из твоей памяти, пока ты был в отключке. Знаешь, почему гнездо так важно?

Кейс помотал головой.

— Потому… — Гнездо куда — то исчезло. — …что оно — наилучшая метафора того, чем хотели бы быть Тессье — Эшпулы. Замени только ос на людей. "Блуждающий огонек" — нечто вроде

этого гнезда; по крайней мере, так было задумано. Думаю, это улучшит твое настроение.

— Улучшит?

— Конечно, ведь теперь ты знаешь, что они такое. А то ты уже начал меня ненавидеть. Оно, конечно, неплохо, но ты перенеси лучше свою ненависть на них. В них тоже нет ничего человеческого.

— Послушай, — Кейс сделал шаг вперед, — они не сделали мне ничего плохого. А ты — другое дело… — Но чувство гнева не возникало.

— Так вот, меня создали Тессье — Эшпулы. Эта французская девочка, она сказала, что ты предал человечество. Дьяволу, так она меня назвала. — Финн ухмыльнулся. — В общем, не важно. Пока мы работаем, ты должен кого — нибудь ненавидеть. — Он развернулся и ушел в глубь мастерской. — Ладно, иди сюда, я расскажу тебе кое — что о "Блуждающем огоньке".

Финн поднял уголок одеяла. Оттуда хлынул яркий свет.

— Кой хрен, да что ты там как неживой?

Кейс нерешительно подошел.

— Вот и прекрасно, — сказал Финн, хватая его за локоть.

Облачко пыли, запах лежалой шерсти, а потом сразу — невесомость, цилиндрический коридор из рифленого лунного бетона, освещенный через каждые два метра белыми неоновыми кольцами.

— Боже, — пробормотал Кейс.

— Это — главный вход, — пояснил Финн. Сейчас его пиджак выглядел особенно нелепо. — В реальности на месте моей мастерской находятся главные ворота, они наверху, у самой оси Фрисайда. Подробностей будет мало, потому что у тебя нет воспоминаний. За исключением этого коридора, который ты видел при помощи Молли…

Кейс старался лететь прямо, но его стало закручивать по пологой спирали.

— Держись, — подбодрил Финн, — я сделаю быструю перемотку.

Стены расплылись. Появилось головокружительное ощущение стремительного полета, мелькали цвета, они огибали углы и неслись по узким коридорам. Судя по всему, в одном месте они прошли сквозь мощную, в несколько метров толщиной, стену — мгновенная вспышка кромешной мглы.

— Здесь, — объявил Финн. — Прибыли.

Они плавали в центре квадратной комнаты. Стены и потолок облицованы темным деревом. Кристаллически поблескивает квадратный ковер; выполненный синей и алой шерстью орнамент

повторяет структуру какой — то микросхемы. В самом центре комнаты — квадратный пьедестал из молочно — белого стекла, точно выравненный по сторонам ковра.

— Вилла "Блуждающий огонек", — мелодично заговорил изукрашенный драгоценными камнями предмет на пьедестале, — это прихотливый каприз, тело, проросшее внутрь самого себя, готический замок. Каждое помещение этой виллы — тайный склеп, каждый коридор — тайный ход. Бесконечный ряд комнат и залов, соединенных переходами и лестницами, змеящимися подобно исполинскому кишечнику, крутые повороты, в которых бессильно запутывается взгляд, расписные перегородки и ширмы, пустые альковы…

— Сочинение З–Джейн, — сказал Финн, вытаскивая свои "Партагас". — Она записала его в двенадцатилетнем возрасте. Когда изучала семиотику.

— Архитекторы Фрисайда приложили максимум стараний, скрывая тот факт, что интерьер веретена организован с пошлой точностью меблировки гостиничного номера. В "Блуждающем" же "огоньке, внутренние поверхности веретена покрыты фантастическими зарослями структур, формы текут, переплетаются и сливаются, сходясь к незыблемому микроэлектронному ядру, корпоративному сердцу нашего клана, кремниевому цилиндру, пронизанному узкими — иногда не толще человеческой руки — эксплуатационными каналами. В этих каналах живут блестящие крабы — миниатюрные роботы, ежесекундно готовые исправить случайную неполадку, встать на пути преднамеренного вредительства.

— Ты ее видел в ресторане, — напомнил Финн.

— По стандартам архипелага, — продолжила голова, — мы — старая семья, и причудливость архитектуры нашего дома отражает наш возраст. Но она отражает и нечто другое. Семиотика виллы выдает стремление внутрь и отрицание сияющей бездны, пребывающей — если небытие может пребывать — где — то там, за оболочкой веретена.

Тессье и Эшпул поднялись по гравитационному колодцу в космос — и возненавидели его. Они построили Фрисайд, чтобы выкачивать деньги из новых островов, стали богатыми и эксцентричными и начали строить продолжение своего тела, "Блуждающий огонек". Мы спрятались за своими деньгами и стали расти внутрь, создавая собственную, непроницаемую извне, вселенную.

На вилле "Блуждающий огонек" нет неба — ни искусственного, ни какого — либо еще.

В кремниевом ядре виллы есть небольшая комната,

единственное на весь комплекс помещение с прямыми углами. Здесь, на простом стеклянном пьедестале, установлен расписной — перегородчатая эмаль по платине — бюст, инкрустированный ляпис — лазурью и жемчугом. Сверкающие шарики его глаз вырезаны из искусственного рубина — одного из иллюминаторов того самого корабля, который вывел в космос первого Тессье, а затем вернулся за первой Эшпул…

Голова замолчала.

— Ну и..? — спросил Кейс, почти ожидая, что голова ответит ему.

— Конец, — сказал Финн. — Точнее говоря, она не закончила сочинение. Маленькая была, непоседливая. А эта хреновина — нечто вроде ритуального терминала. Мне нужно, чтобы Молли сказала здесь в нужный момент нужное слово. В этом — то и вся заковыка. Если голова не услышит волшебное слово, тогда один хрен, как далеко вы с Флэтлайном заведете китайский вирус.

— И какое же это слово?

— Не знаю. Можно сказать, что моя сущность тем и определена, что я не знаю — потому, что я *не могу* знать. Аз есмь тот, коий не ведает слова. И даже если бы ты его знал и сказал мне — я бы *не смог* узнать. Это предохранитель, встроенный в мою постоянную память. Кто — то посторонний должен узнать это слово и произнести его перед головой в тот момент, когда вы с Флэтлайном проломитесь сквозь лед и войдете в ядро системы.

— И что потом?

— Потом я перестану быть. Исчезну.

— Для такой радости можно и постараться, — заметил Кейс.

— Конечно. Только ты, Кейс, поосторожнее. Похоже, моему, ну, скажем, другому полушарию не слишком все это по нутру. А все горящие кустарники похожи друг на друга, их не очень — то и разберешь. Армитидж начинает делать что — то не то.

— В каком смысле??

Но тут комната с деревянными панелями смялась, бумажным журавликом сложилась под десятком невозможных углов и выпала, кувыркаясь, в киберпространство.

15

— Ты что, сынок, хочешь побить мой рекорд? — спросил Флэтлайн. — Снова мозговой коллапс, пять секунд.

— Следи за лавкой, — пробормотал Кейс и щелкнул симстим — переключателем.

Темнота, Молли низко припала к полу, под ладонями грубый, шершавый бетон.

"КЕЙС КЕЙС КЕЙС КЕЙС", — замигало на цифровом дисплее: Уинтермьют сообщал ей, что связь установлена.

— Веселенькие дела, — проворчала Молли. Она оторвала ладони от бетона, потерла их одна о другую и щелкнула костяшками пальцев. — Где тебя черти носили?

"ПОРА МОЛЛИ ТЕПЕРЬ ПОРА".

Молли сильно прижала язык к нижним передним зубам.

Один чуть качнулся, включились миниатюрные фотоумножители, отдельные случайные фотоны, пролетающие в темноте, превратились в ощутимые потоки электронов, и бетон вокруг стола стал призрачно белым, зернистым.

— О'кей, красавчик. Пошли развлекаться.

Ее убежище оказалось чем — то вроде вспомогательного туннеля. Молли проскользнула между прутьев фигурной, потемневшей от времени бронзовой решетки. На ней снова был мимикрирующий комбинезон — в какой — то момент Кейс заметил краешек рукава. Под поликарбоновым пластиком ощущалась знакомая упругость плотно облегающей тело кожи. Левое плечо оттягивал ремешок с каким — то угловатым тяжелым предметом. Молли встала на ноги, расстегнула костюм и потрогала рифленую рукоятку пистолета.

— Кейс, — сказала она почти беззвучно, — ты меня слышишь? Я тут хочу тебе рассказать… Был у меня когда — то парень… Ты мне немного напомнил… — Молли свернула за угол, на секунду остановилась и осмотрелась. — Джонни, так его звали.

Вдоль низкой сводчатой галереи стояли десятки музейных стендов, говоря попросту — деревянных, застекленных спереди ящиков. Допотопные эти сооружения выглядели здесь совершенно неуместно; казалось, их принесли сюда для какой — то неведомой цели и забыли. Через каждые десять метров висели столь же архаичные светильники — белые матовые шары в тусклых латунных абажурах. Поверхность под ногами пошла какая — то неровная; прошло некоторое время, пока Кейс сообразил, что это — из — за бесчисленных, без всякого порядка разбросанных ковриков. Казалось, что пол устлан мягким толстым (кое — где коврики лежали в пять — шесть слоев) лоскутным одеялом.

К некоторой досаде Кейса, Молли почти не обращала внимания ни на шкафы, ни на их содержимое. Ему пришлось довольствоваться тем, что выхватывал ее безразличный взгляд: керамические черепки, старинное оружие, какой — то совершенно непонятный предмет, густо усеянный ржавыми шляпками гвоздей, обтрепанные фрагменты гобеленов…

— Джонни… он был очень толковый парень. Подрабатывал на Мемори — Лейн "копилкой" — чипы в голове, клиенты прятали туда информацию. Не помню уж почему, за ним погнались якудза; наше с Джонни знакомство с того и началось, что я вырубила их наемного убийцу. Просто повезло — мужик был и сильнее меня, и умел гораздо больше. Ну а потом мы сошлись, и все у нас было хорошо.

Молли едва шевелила губами; Кейс чувствовал артикуляцию и понимал слова, даже не слыша их.

— Мы не пожалели денег, обзавелись профессиональной аппаратурой, способной восстанавливать по остаточным следам всю ту информацию, которую хранил он в прошлом. Переписали ее на пленку и начали трясти некоторых клиентов, точнее — экс — клиентов. Я была и инкассатором, и боевиком, и сторожевой собакой. Счастливое время. Ты когда — нибудь был счастлив, Кейс? У меня был Джонни. Мы работали с ним на пару. Партнеры. За два месяца до этого я окончательно развязалась с тем борделем…

Молли замолчала, осторожно обогнула поворот, огляделась и прошла дальше. Снова деревянные ящики цвета тараканьих крыльев.

— Нам было хорошо, и мы ничего не боялись. Даже и не задумывались, что кто — то там может нас тронуть. А если что я всегда сумею защититься. Думаю, якудза все еще охотилась за Джонни. Ведь я убила их человека. А Джонни кого — то там из них заложил. А эти долбаные яки никогда не торопятся, они могут ждать годы и годы. Чем лучше тебе сейчас, тем хреновее будет потом, когда они о тебе вспомнят. Терпеливые, как пауки. Дзен — пауки.

Тогда я этого не знала. А может, знала, но считала, что к нам это не относится. В молодости каждый считает себя уникальным. Я была молодая. Они пришли в тот самый момент, когда мы решили, что заработали достаточно, что можно завязать и куда — нибудь уехать, например — в Европу. Ни один из нас не представлял себе, чем же мы, собственно, займемся, когда вместо уймы работы появится уйма свободного времени. Но мы уже обленились, заплыли жирком — швейцарские орбитальные счета, квартира, забитая всякой хренопенью. Все это как — то расслабляет.

Тот, первый, которого я убрала, был мужик крутой. Прекрасная реакция, имплантанты, техника боя такая, что выстоял бы и против десятка обычных громил одновременно: Но второй, он был, ну не знаю, вроде *монаха*. Клонированный. Убийца — и даже не до мозга костей, а до клеточного уровня.

Ничего не говорил, и это его безмолвие казалось безмолвием смерти. Смерть окружала его густым, осязаемым на ощупь облаком…

Дальше коридор раздваивался, выходил к двум одинаковым, ведущим вниз лестницам. Молли выбрала левую.

— Когда — то, я была еще маленькой девочкой, мы жили в заброшенном доме. На берегу Гудзона, а крысы там здоровые, ты не поверишь. Это все химия. Честное слово, ростом с меня: одна из них целую ночь скреблась у нас под полом. А утром кто — то привел этого старика, щеки у него были все в морщинках, а глаза — совсем красные. Он принес промасленный кожаный сверток. Ну вроде как инструменты предохраняют от ржавчины. Развернул, а там старый револьвер и три патрона. Тут старик заряжает один патрон и начинает ходить по комнате туда — сюда, а мы жмемся по стенам.

Туда — сюда. Руки на груди, голова опущена, а про свой револьвер — будто забыл. Крысу выслушивает. Мы — молчим, пальцем шевельнуть боимся. Старик сделает шаг — крыса, ее же слышно, передвинется. Крыса передвинется, и тогда он снова шагнет. И вот так целый час, а потом он словно вспомнил про револьвер. Направил его в пол, ухмыльнулся и выстрелил. Свернул свое хозяйство и ушел.

Я очень боялась, но все же слазила туда, под пол. У нее была дырка прямо между глаз.

Молли внимательно изучила очередную запертую дверь; они встречались по пути довольно часто.

— Второй, что пришел за Джонни, он был вроде того старика. Нет, не старый, а просто такой же. Он убивал в точности так.

Коридор вывел к просторному помещению. Море дорогих ковров, на потолке — гигантская люстра, нижняя подвеска почти касается пола. Когда Молли вошла в холл, раздался мелодичный хрустальный звон. "ТРЕТЬЯ ДВЕРЬ НАЛЕВО", — замигал дисплей.

Молли свернула налево, стараясь не задеть перевернутое хрустальное дерево.

— Я видела его только раз. По дороге домой, он как раз выходил. Мы жили в переделанном под жилье заводском комплексе, вместе с уймой молодых перспективных ребят из "Сенснета". Охранная система была вполне приличной, но я ее еще усилила, поставила самое серьезное оборудование, чтобы сделать абсолютно надежной. Я знала, что Джонни — дома. А этот коротышка сразу привлек мое внимание, как только вышел из двери. Не сказал мне ни слова. Мы только посмотрели друг на друга, и я все поняла. Самый обыкновенный парнишка, небольшого росточка, в обыкновенной одежде, без всякого

гонора, скромный. Он посмотрел на меня и сел на рикшу. Я все поняла. Бросилась вверх по лестнице, а Джонни сидит возле окна на стуле, слегка приоткрыв рот, словно хочет что — то сказать…

Старая, даже древняя дверь; судя по орнаменту, когда — то эта резная, из тайландского тика, панель была гораздо больше, но ее уполовинили, по размерам дверного проема. Под извивающимся драконом — примитивный механический замок с накладкой из нержавеющей стали. Молли опустилась на колени, вынула из внутреннего кармана небольшой тугой сверток из черной замши, выбрала тонкую, как иголка, отмычку.

— Я, конечно, не ушла в монастырь, но все, что были потом, они были мне по фигу — что есть, что нет.

Молли замолкла, вставила отмычку и принялась за работу, сосредоточенно покусывая нижнюю губу. Похоже, она надеялась исключительно на осязание — ее глаза расфокусировались, дверь превратилась в светлое пятно. Кейс слушал тишину холла, нарушаемую лишь негромким позвякиванием люстры. Люстра — не под электрическое освещение, а совсем старинная, под свечи. Свечи? На вилле все было с каким — то вывертом. Кейс вспомнил рассказ Кэт о замке с прудами и лилиями и манерные фразы З–Джейн, которые декламировала эта бредовая голова. Структура, которая прорастает сама в себя. Пахло здесь как в церкви — сладковато и вроде как плесенью. И где же все эти Тессье — Эшпулы? Кейс ожидал увидеть настоящий улей дисциплинированной активности, но Молли не встретила пока ни души, исповедальный монолог вызвал у него неловкость, прежде она не очень — то о себе распространялась. Единственное исключение — история, рассказанная в этом кукольном борделе, а так можно было бы подумать, что у нее вообще нет прошлого.

Молли закрыла глаза, и раздался щелчок, Кейс скорее почувствовал его, чем услышал. Звук напомнил ему магнитные защелки в том же самом кукольном борделе. Его кредитная карточка не должна была открыть дверь Молли — но открыла. Это сделал Уинтермьют, это он управлял замком — точно так же, как управлял беспилотным самолетиком и роботом — садовником. Программа управления замками дома "живых кукол" входила в систему безопасности Фрисайда. Обыкновенный механический замок создавал для ИскИна целую проблему, требовалось вмешательство либо какого — нибудь робота, либо человека.

Молли открыла глаза, спрятала отмычку в замшу, замшу аккуратно свернула и сунула в карман.

— А ты вроде как на него похож, — сказала Молли. — Прятаться от кого — то, убегать — это у тебя на роду написано.

Все эти заморочки в Тибе — простейший, очевиднейший вариант того, чем занимался бы ты в любом другом месте. Непруха, она часто так делает, обнажает самую сущность. — Молли поднялась на ноги, потянулась, затем стряхнула с одежды пыль. — Знаешь, я думаю: тот тип, которого Тессье — Эшпулы послали за Джимми — за парнем, укравшим голову, — очень похож на того, которого яки послали убить Джонни.

Она вытащила игольник из кобуры, перевела его на автоматический огонь и окинула взглядом дверь.

Уродливость этой двери ошеломляла. Даже не самой двери, она была прекрасна, а в прошлом являлась частью еще более прекрасного целого, ошеломляло то, как ее распилили, чтобы подогнать к дверному проему. Ее прямоугольная форма совершенно не вписывалась в плавные изгибы полированного бетона. Они привозили такие вот штуки, думал Кейс, а потом силой подгоняли их к месту. И ничего из этого не выходило. Дверь была такой же неуклюжей и неуместной, как музейные стенды, как огромное хрустальное дерево. Кейс вспомнил сочинение З–Джейн и решил, что всю эту обстановку привезли с Земли в соответствии с каким — то генеральным планом, полузабытой мечтой, превратившейся в навязчивое стремление заполнить пространство, воплотить в жизнь некий бредовый образ семейного гнезда. Кейс вспомнил разоренное осиное гнездо, корчащихся безглазых тварей.

Молли взялась за переднюю лапу резного дракона, и дверь легко открылась.

Автоматически вспыхнувшие лампы осветили маленькую, тесно заставленную комнату, даже и не комнату, а кладовку. Молли прикрыла дверь и направилась к серым металлическим шкафикам, выстроившимся вдоль изогнутой стены.

"ТРЕТИЙ СЛЕВА", — замигала в глазу надпись на месте индикатора времени — управление чипом вновь перехватил Уинтермьют. "ПЯТЫЙ СВЕРХУ". Но Молли сначала открыла верхний ящик, и не ящик, собственно, а неглубокий поддон. Пустой. Второй — то же самое. В третьем, более глубоком, лежали тусклые бусины припоя и небольшой коричневый предмет, похожий на фалангу человеческого пальца. В четвертом ящике — отсыревшая, покоробившаяся книга, какой — то технический справочник на французском и японском языках. В пятом, за бронированной рукавицей тяжелого скафандра, обнаружился ключ. Он напоминал тусклую медную монетку с припаянной с краю коротенькой полой трубочкой. Молли покрутила ключ в пальцах, Кейс заметил внутри трубочки выступы и бороздки. С одной стороны монетки виднелись

выпуклые буквы "ЧАББ". Другая сторона оставалась чистой.

— Он мне все рассказал, — прошептала Молли, — Уинтермьют. Как он ждал удобного случая, ждал много лет. В то время он не обладал реальной силой, однако мог воспользоваться охранной и хозяйственной системами, чтобы знать местонахождение любого предмета и все его перемещения. Двадцать лет назад кто — то потерял этот ключ, и Уинтермьюту удалось найти человека, который нашел его и принес сюда. А затем он убил мальчика, который нашел ключ. *Восьмилетнего* мальчика.

Бледные пальцы медленно сомкнулись, Молли сжала ключ в кулаке.

— И все для того, чтобы никто не нашел эту проклятую железяку.

Она вынула из нагрудного кармана черный нейлоновый шнурок, аккуратно продела его через круглую дырочку над словом "ЧАББ", завязала узлом и повесила ключ на шею.

— Они доставали его своей якобы старомодностью, всей этой херней под девятнадцатый век. Там, на экране, он выглядел совсем как Финн. Я иногда забывалась и думала, что это и вправду Финн.

Встроенный индикатор показывал время, цифры наложились на серые стальные ящики.

— Он говорит: если бы Тессье — Эшпулы действительно стали тем, чем хотели, он бы давно вырвался на свободу. Только они не стали. Все их грандиозные планы накрылись большим тазом. Уроды. Уроды и извращенцы, вроде З–Джейн. Это не я, это Уинтермьют так сказал, хотя ее — то как раз он любит.

Молли повернулась, открыла дверь и вышла из комнаты, нежно поглаживая ребристую рукоятку игольника, успевшего вернуться в свою кобуру.

Кейс перешел в киберпространство.

"Куанг — Грэйд — Марк — Одиннадцать" продолжал расти.

— Ну как, Дикси, думаешь, эта хрень сработает?

— А медведи гадят в лесах?

Флэтлайн провел его сквозь радужное колыхание бессчетных полупрозрачных завес.

В ядре китайской программы формировался какой — то темный сгусток. Информационная перегрузка матрицы разрешалась гипногогическими образами. Еле заметные калейдоскопически — изменчивые клинья сходились к антрацитовому фокусу. На полупрозрачных плоскостях выпадали знаки зла и несчастья, свастики, черепа, "змеиные глаза" на игральных костях[10]. Если смотреть в фокальную точку прямо,

там словно вообще ничего не было. Только после двенадцатой попытки Кейс увидел боковым зрением блестящую, как обсидиан, акулообразную форму, черное зеркало ее поверхности отражало слабые, далекие огоньки, никак не связанные с близлежащими участками матрицы.

— Это и есть жало, — пояснил конструкт. — Мы его двинем, как только "Куанг" совсем подружится с ядром Тессье — Эшпулов.

— А ты, кстати, прав, — заметил Кейс. — Существует некий аппаратно встроенный внешний контроль, который должен держать Уинтермьюта в рамочках. Хотя ты и сам видишь, в каких он там…

— Он, — прервал его конструкт. — Он. Поосторожнее с такими словами, не "он", а "оно". Я долблю тебе это раз за разом.

— Это код. Всего одно, если верить ему, слово. Кто — то должен сказать это слово некоему хитрому, с прибамбасами, терминалу, стоящему в некой комнате, сказать в тот самый момент, когда мы пробьем лед и займемся начинкой, какая уж она там есть.

— Ты бы сходил пока, погулял, — посоветовал Флэтлайн. — "Куанг" работает медленно, но верно.

Кейс вышел из матрицы.

Мэлком смотрел на него почти испуганно:

— Ты снова был мертвый, брат.

— Бывает, — ответил Кейс. — К этому тоже привыкаешь.

— Ты играешь с силами тьмы.

— А ты что, можешь предложить что — нибудь поинтереснее?

— Любовь Джа, Кейс, — сказал Мэлком и отвернулся к рации. Кейс посмотрел на перепутанные косички, на веревки мускулов, играющие под темной кожей рук.

И вернулся в киберпространство.

И перешел в симстим.

Молли рысцой бежала по коридору, возможно — одному из прежних. Застекленных ящиков больше не было, Кейс решил, что они приближаются к концу веретена — тяготение стало еще слабее. Еще немного, и Молли уже не бежала, а почти летела над ковровыми волнами. Еле заметное покалывание в ноге…

Коридор резко сузился, повернул и разделился надвое.

Девушка свернула направо и стала подниматься по издевательски крутой лестнице, боль в ноге заметно усилилась. На потолке — плотно увязанные жгуты проводов, цветокодированных нервов машинного мозга. Стены в пятнах сырости.

На треугольной лестничной площадке Молли остановилась и потерла ногу. Снова узкие коридоры, только теперь — с коврами

на стенах. Стоп. Еще одно разветвление, на этот раз — в три стороны.

"ЛЕВЫЙ".

Молли пожала плечами.

— Подожди, дай — ка я немного осмотрюсь.

"ЛЕВЫЙ".

— Потерпи малость, у нас полно времени.

Она пошла направо.

"СТОЙ".

"ВЕРНИСЬ".

"ОПАСНО".

Молли остановилась. В конце коридора — полуоткрытая дубовая дверь, оттуда доносится громкий, но невнятный, словно у пьяного, голос. Язык, решил Кейс, вроде бы французский, но только не разберешь. Молли сделала шаг, потрогала игольник, сделала еще один шаг. И попала в поле нейронного парализатора. Негромкое гудение, мгновенно перешедшее в свист, напомнило Кейсу выстрел из игольника. Мышцы Молли бессильно обмякли, она повалилась вперед, ударилась лбом о дверь, затем изогнулась, упала на спину и застыла, не способная ни дышать, ни даже сфокусировать взгляд.

— Это что, маскарадный костюм? — поинтересовался все тот же невнятный голос.

Дрожащая рука нащупала за пазухой Молли игольник, вытащила его наружу.

— Ну что ж, дитя мое, заходи в гости. Вставай.

Молли поднялась медленно, неуверенно, не отрывая глав от бездонного зрачка пистолета. Теперь рука мужчины казалась достаточно твердой, ствол двигался, словно привязанный к ее горлу невидимой, туго натянутой нитью.

Высокий, даже долговязый, старик с лицом, как у той девушки, которую Кейс видел в ресторане. Одет в тяжелый, темно — коричневого шелка, халат с длинными стеганными отворотами и отложным воротником. Одна нога босая, другая — в черном бархатном шлепанце с лисьей мордой, вышитой золотом, на подъеме.

— Заходи, заходи. — Он подкрепил свои слова широким, гостеприимным жестом. — Только, пожалуйста, без резких движений.

Большая часть предметов, переполнявших большую, похожую на зал, комнату, не говорила Кейсу ровно ничего. Он заметил серую металлическую стойку со старомодными мониторами "Сони", широкую бронзовую кровать, заваленную овчинами и ковровыми подушками, вышедшими, похоже, из той же

мастерской, что и половики в коридоре. Взгляд Молли перескочил с огромного музыкального центра "Телефункен" к полкам с рядами тонких обветшавших корешков, обтянутых прозрачной пленкой (старинные пластинки, можно было сразу догадаться), а затем — к брускам кремния, разбросанным по обширному лабораторному столу. Кейс отметил киберпространственную деку и дерматроды, но взгляд Молли на них не задержался.

— Вообще — то, — сказал старик, — нужно было убить тебя сразу, без лишних разговоров.

Кейс почувствовал, как Молли напряглась, приготовилась к прыжку.

— Но сегодня я добрый. Как тебя звать?

— Молли.

— Молли. А я — Эшпул.

Старик погрузился в мягкие складки огромного кожаного кресла с квадратными хромированными ножками, рука его сжимала пистолет все так же твердо и уверенно. Он положил игольник на стоящий рядом бронзовый столик, сбив при этом пластмассовый пузырек с какими — то красными таблетками. На столике громоздилось множество пузырьков, бутылок со спиртным и пластиковых конвертов, из которых просыпался белый порошок. Кейс заметил старомодный стеклянный шприц и ложку из нержавейки.

— Послушай, Молли, а как же ты плачешь? У тебя же глаза совсем закупорены. Не понимаю.

Мертвенно — бледное лицо, темные круги вокруг налитых кровью глаз, испарина на лбу.

Больной, решил Кейс. Или принял дозу.

— Я редко плачу.

— Но все равно, как бы ты плакала, если бы пришлось?

— Я бы не плакала, — пожала плечами Молли, — а плевалась. Слезные протоки выведены мне в рот.

— В таком случае, ты уже сумела, несмотря на юный возраст, усвоить один из самых важных жизненных уроков. — Старик опер руку с пистолетом о колено, а другой взял первую попавшуюся бутылку. Отхлебнул из горлышка. Бренди. Из угла пепельно — серых губ потекла тонкая струйка. — Плеваться. Но ни в коем случае не плакать. — Он снова приложился к бутылке. — Сегодня, Молли, я очень занят. Я создал все это хозяйство, и сегодня я очень занят. Я умираю.

— Тогда давайте я уйду, — предложила Молли.

Хриплый, лающий звук, очень мало напоминающий смех.

— Ты вломилась сюда, испортила мне все самоубийство, а

теперь хочешь просто вот так взять и уйти? Поразительная, непостижимая наглость.

— А чему тут, собственно, удивляться? У меня нет на свете ничего, кроме вот этой моей задницы. Я хочу унести ее отсюда в целости и сохранности.

— Ты — очень бестактная девица. У нас тут принято совершать самоубийства с соблюдением определенного декорума. Что я и собирался сделать. А теперь вот появляется новая мысль. А не прихватить ли мне в ад и тебя? Это было бы очень по — египетски.

Старик сделал очередной глоток.

— Иди сюда.

Трясущаяся рука протянула Молли бутылку.

— Выпей.

Молли покачала головой.

— Зря боишься, никакого яда там нет, — сказал старик, возвращая бутылку на стол. — Садись. Садись прямо на пол. Я буду с тобой разговаривать.

— О чем?

Молли села на пол. Кейс почувствовал, как под ногтями чуть шевельнулись лезвия.

— Обо всем, что придет в голову. В мою голову. Я тут хозяин, или кто? Меня разбудили ядра. Двадцать часов тому назад. Сказали, что что — то тут делается и что нужен я. Так это что, ты и была это что — то? Странно, уж с тобой — то они бы и сами справились. Нет, там что — то другое… но только я, понимаешь ли, спал. Уже тридцать лет. Ты еще не родилась, когда я в последний раз заснул. Нам говорили, что в таком холоде снов не будет. И что холода тоже не будет. Чушь, Молли, сплошное вранье. Я видел сны. Холод пропустил сюда внешний мир. Внешний. Тот мрак, для защиты от которого я построил все это. Вначале холод принес с собой только каплю, единственное зернышко мрака… За ним последовали другие, заполняя мой череп, как дождь, хлещущий в пустой бассейн. Лилии. Да, я помню. Терракотовые бассейны, хромированные сиделки, они так блестели на закате, в саду… Я старик, Молли. Больше двухсот лет, если считать и время заморозки. Проклятый мороз.

Неожиданно ствол пистолета вздернулся и неуверенно заколебался. Мускулы Молли натянулись, как проволока.

— Так же можно что — нибудь и отморозить, — посочувствовала она чуть ли не елейным голосом.

— Ничего там нельзя, — раздраженно ответил Эшпул, опуская пистолет. В движениях старика чувствовалась все большая неуверенность, было видно, с каким трудом удерживает

он непрерывно клонящуюся голову. — Ничего нельзя. Теперь я вспомнил. Ядра, сказали, что наши разумы рехнулись. И это при всех — то миллиардах, которые мы в них когда — то вбухали. Когда — то, когда искусственный интеллект был последним писком моды. Я сказал ядрам, что разберусь. Все это очень не вовремя. 8–Джин в Мельбурне, так что за лавкой присматривали мы с очаровательной 3–Джейн. А может, как раз очень вовремя. Вот ты, Молли, как ты считаешь? — Рука с пистолетом снова поднялась. — Странные вещи происходят на вилле "Блуждающий огонек".

— Босс, — спросила Молли, — а вы знаете Уинтермьюта?

— Знакомое имя. Да. Имя, вызывающее почтение. Владыка ада. В свое время, дорогая Молли, я знавал многих лордов. Да и леди тоже. Да что там, говорить, королева Испании, на этой самой кровати… Но меня куда — то заносит.

Старик зашелся мокрым кашлем, с каждой его судорогой ствол пистолета резко вздрагивал. Немного успокоившись, он отхаркался прямо на ковер, рядом со своей босой ногой.

— Да, куда меня только не заносило. Сквозь эту ледяную ночь. Такого больше не будет. Проснувшись, я приказал оттаять Джейн. Странно это, лежать несколько десятилетий рядом с собственной своей дочерью, а ведь по закону так оно и получается.

Старик посмотрел мимо Молли на стойку с безжизненными мониторами. Его бил озноб.

— Недреманное око Мари — Франс, — тихо пробормотал старик и улыбнулся. — Мы запрограммировали у этого мозга аллергию на один из собственных его нейротрансмиттеров, получив в результате чрезвычайно гибкую имитацию аутизма. — Старческая голова упала набок, снова поднялась. — Насколько я знаю, теперь такой эффект легко получается с помощью встроенного микрочипа.

Пистолет выскользнул из слабеющих пальцев и упал на ковер.

— Сны приходят как медленный лед, — сказал он. Лицо старика приобрело синюшный оттенок, голова запрокинулась назад; Кейс услышал тихий, с присвистом, храп.

Молли вскочила, схватила пистолет и сразу же взялась за осмотр комнаты.

Стеганое одеяло, брошенное рядом с кроватью, не полностью прикрывало большую лужу яркой, не совсем еще запекшейся крови. Отвернув его уголок, Молли увидела лежащее ничком женское тело; спина с острыми, выпирающими лопатками была сплошь залита кровью. Горло девушки было перерезано; рядом с

ней валялся какой — то треугольный предмет, похожий на скребок. Стараясь не испачкаться кровью, Молли встала на колени и повернула голову убитой к свету. На Кейса смотрело лицо, которое, он видел в ресторане.

Глубоко, где — то в самом центре всего сущего, раздался щелчок, и вселенная застыла. Рука Молли по — прежнему касалась щеки девушки, симстим — передатчик транслировал стоп — кадр. Так продолжалось три секунды, а затем лицо мертвой изменилось, стало лицом Линды Ли.

Еще один щелчок, и комната расплылась. Молли стояла и рассматривала золотистый лазерный диск, лежащий на мраморном прикроватном столике, рядом с небольшой консолью. От консоли к основанию тонкой шеи наподобие поводка тянулся световод.

— Все, блядь, ясно, — пробормотал Кейс; ему казалось, что губы шевелятся где — то в другом месте, очень далеко.

Он понял, что передачу изменил Уинтермьют; Молли не видела, как лицо мертвой заклубилось и приняло очертания посмертной маски Линды.

Молли повернулась и подошла к Эшпулу. Старик дышал медленно и с хрипом. Молли посмотрела на груду наркотиков, батарею бутылок, затем положила пистолет, взяла свой игольник, перевела его на одиночную стрельбу и очень аккуратно выстрелила ядовитой стрелкой Эшпулу в левый глаз. Старик дернулся и замер. Медленно открылся второй глаз, коричневый и бездонный.

Когда Молли покидала комнату, он так и оставался открытым.

16

— На связи твой босс, — сообщил Флэтлайн. — Работает с дублирующей машины, с борта корабля, который так нежно к нам приварился. "Ханива", что ли?

— Знаю, — машинально ответил Кейс, — я его видел.

Заслонив собой тессье — эшпуловский лед, перед Кейсом появился белый ромб с абсолютно четким изображением абсолютно спокойного и абсолютно сумасшедшего лица. Армитидж моргнул бессмысленными, как пуговицы, глазами.

— О ваших "тьюрингах" тоже позаботился Уинтермьют? Примерно так же, как о моих? — поинтересовался Кейс.

Взгляд Армитиджа остался неподвижным. Кейсу стало не по себе.

— С вами там как, все в порядке?

— Кейс… — В голубых глазах как будто что — то промелькнуло. — Ты ведь встречался с Уинтермьютом? В матрице?

Кейс утвердительно кивнул. Видеокамера "Хосаки" передает этот жест на монитор, стоящий на "Ханиве". Интересно, как воспринимает этот бредовый разговорчик Мэлком, не слышащий голосов ни конструкта, ни Армитиджа.

— Кейс… — Глаза на белом ромбе увеличились, Армитидж наклонился к компьютеру. — …А как он выглядел, когда ты его видел?

— Как симстим — конструкт высокого разрешения.

— Чей?

— В последний раз это был Финн… до этого тот самый сутенер…

— А не генерал Герлинг?

— Какой генерал?

Изображение на белом ромбе пропало.

— Прокрути это снова, пусть и "Хосака" посмотрит, — попросил Кейс конструкта.

И перешел в симстим.

Картина новая и совершенно неожиданная. Молли притаилась между стальными балками метрах в двадцати над ровной, заляпанной какими — то пятнами площадкой. Ангар какой — то или мастерская. Три небольших — с "Гарвея", а то и поменьше — космических корабля, и все они в различных стадиях ремонта. Японские голоса. Из отверстия в корпусе луковицеобразного аппарата, явно предназначенного для строительных работ в космосе, появился человек в оранжевом комбинезоне, он остановился возле одной из гидравлических "рук", жутковато похожих на человеческие. Он набрал на переносном терминале какую — то комбинацию и с наслаждением поскреб свой бок. В поле зрения Кейса появился похожий на тележку красный робот на серых резиновых шинах.

Чип в глазу у Молли замигал словом "КЕЙС".

— Привет, — сказала девушка. — Жду проводника.

Она сидела на корточках, мимикрирующий костюм стал голубовато — серым, в тон балкам. Непрерывная, изматывающая боль в ноге.

— Ну что мне стоило вернуться к Чину, — беззвучно пробормотала Молли.

Рядом с левым плечом из темноты появился какой — то круглый, негромко пощелкивающий механизм. Он помедлил, покачался немного на своих высоких паучьих лапках, мигнул лазерным светом и замер. Брауновский микроробот, старый

приятель. Ровно такую же штуку втюхал Кейсу пару лет назад один кливлендский барыга в качестве довеска при весьма сложном обмене. Нечто вроде паука — косиножки, только брюшко размером с бейсбольный мяч, и не серое, а матово — черное. Примерно посередине этого брюшка замигал красный светодиод.

— О'кей, — сказала Молли, — вижу я тебя, вижу.

Она поднялась, стараясь поменьше опираться на левую ногу; в ту же самую секунду крохотный робот развернулся и побежал по балке обратно в темноту. Молли взглянула вниз. Оранжевый комбинезон исчез: техник надел поверх него белый скафандр. Молли смотрела, как мужчина приладил и загерметизировал шлем, взял свой терминал и вернулся через то же отверстие внутрь ремонтируемого кораблика. Завыли моторы, десятиметровый круг пола плавно пошел вниз, и рукастый механизм исчез из вида, растворился в резком сиянии дуговых ламп. Красный робот подкатился к краю круглого провала и терпеливо замер.

И в тот же самый момент Молли двинулась вслед за "брауном", осторожно пробираясь среди стальных опор. Световод "косиножки" призывно мигал.

— Как дела, Кейс? Ты опять на "Гарвее", в гостях у Мэлкома? Ну, конечно же… И подключен ко мне. Знаешь, а мне это нравится. Я ведь всегда говорила сама с собой, когда попадала в хреновую ситуацию. Притворялась, будто у меня есть друг, которому я доверяю, которому я рассказываю, о чем думаю и что чувствую, а потом притворяюсь, будто он говорит мне, что он про все это думает, и так далее. И, когда ты здесь, это тоже вроде того. Эта сцена с Эшпулом… — Прикусив нижнюю губу и не спуская взгляда с робота, Молли обогнула стальную опору. — Знаешь, а я ведь ожидала там увидеть — ну, может, не такой ужас, но что — то в этом роде. Они же там все свихнутые, ну, словно голоса слышат или еще какие указания от самого Господа Всевышнего. Там же все — сплошная гадость, и на вид, и на запах…

"Паук" карабкался по стальным скобам почти невидимой лестницы к узкому темному отверстию.

— И знаешь, пока у меня не пропало вот это вот настроение лить душу, я уж скажу тебе, что, по правде, я ничего такого уж хорошего от нашей истории не ожидала. Просто я уж столько в дерьме кувыркаюсь, а ты вроде как первое хоть малость светлое пятно с того времени, как я на зарплате у Армитиджа.

Молли посмотрела на черный круг отверстия. Красный, непрерывно мигающий глазок робота поднимался все выше и

выше.

— И не то чтобы ты был так уж охрененно хорош.

Вспыхнула и тут же погасла улыбка; Молли стиснула зубы и полезла, превозмогая острую боль в ноге, вверх, следом за роботом. Лестница вошла в узкую, чуть шире плеч, металлическую трубу. Тяготение слабело; где — то там, наверху, оно исчезнет совсем.

В глазном чипе мигало время.

04:23:04.

Да, денек был длинный и трудный. Ясность ощущений Молли приглушила бетафенэтиламиновый отходняк, но только отчасти. Боль в ноге — и та лучше.

КЕЙС:0000
000000000
00000000.

— Для тебя, похоже, — сказала Молли, не переставая подниматься по лестнице. В углу поля зрения снова замелькали нули, а затем пошел текст — разбитый, естественно, на куски.

ГЕНЕРАЛ:Г
ЕРЛИНГ:
ГОТОВИЛ:
КОРТО: К:Р
АЗЯЩЕМУ:К
УЛАКУ: ЗА
ТЕМ: ПРОДА
Л: ЕГО: С:П
ОТРОХАМИ:
ПЕНТАГОНУ::
ГЛАВНАЯ:У
ЗДЕЧКА:
У/МЬЮТА:
ДЛЯ: АРМИТ
ИДЖА::::
КОНСТРУКТ:
ГЕРЛИНГА:
У/М: ГОВО
РИТ: РАЗ: А:
УПОМЯНУЛ:
Г: ЗНАЧИТ:
ОН: ГОТОВ:
СЛОМАТЬСЯ:
::::::::
БЕРЕГИ:
СВОЮ: ЖОПУ:

— Так… — Молли остановилась и перенесла весь вес на правую ногу. — У тебя, смотрю, тоже есть проблемы.

Она посмотрела вниз.

Кружок света, тусклый и маленький, размером с латунный кругляк чаббовского ключа, висевшего у нее на груди. Молли посмотрела вверх. Кромешная тьма. Она включила языком фотоумножители и увидела сходящуюся в перспективе трубу и робота, карабкающегося по скобам.

— И хоть бы кто предупредил, — заметила Молли.

Кейс вышел из симстима.

— Мэлком…

— Слышь, брат, а твой босс ведет себя оч'странно.

Голубой скафандр сионита выглядел лет на двадцать старше того, который Кейс взял напрокат во Фрисайде; под мышкой Мэлком держал шлем, а косички свои он стянул пурпурной сеточкой. Марихуана и напряжение превратили его глаза в узкие щелочки.

— Всю дорогу вызывает нас и отдает *приказы*, словно тут какая вавилонская война. — Мэлком покачал головой. — Мы говорили с Аэролом, и Аэрол говорил с Сионом, и основатели велели бросить все и возвращаться.

Сионит вытер рот тыльной стороной огромной коричневой ладони.

— Армитидж? — Кейс скривился от боли, теперь бетафенэтиламиновое похмелье ударило его в полную силу, не смягчаемое больше ни матрицей, ни симстимом. "В мозгу нет нервных окончаний, — уговаривал себя Кейс, — чему же там болеть?" — Что с ним стряслось? Он отдает тебе приказы? Какие?

— Армитидж приказывает мне держать курс на Финляндию. Понимаешь, брат? Вылезает на экран в окровавленной рубашке и орет, как спсихевший, о разящем кулаке и о русских, и о том, что мы умоем руки кровью предателей. — Мэлком поджал губы и снова покачал головой; косички, вместе со стягивающей их сеткой, подергались и успокоились. — Основатели говорят, Мьют — ложный пророк, и мы с Аэролом должны бросить "Маркуса Гарвея" и вернуться.

— Армитидж, он что, ранен? Ты сказал — кровь?

— Не знаю. Но только рубаха вся в крови, и крыша у него совсем съехала.

— О'кей, — сказал Кейс. — А как же я? Вы намылились домой, а как же тогда я?

— Как — как? — удивился сионит. — И ты тоже со мной, брат. Мы двинем в Сион вместе с Аэролом, на его "Вавилонском

рокере". Оставь мистера Армитиджа говорить с этой кассетой духа, пусть один дух пудрит мозги другому…

Кейс посмотрел через плечо Мэлкома: там, в потоке воздуха от старого русского воздухоочистителя, качался гамак, куда он затолкал свой взятый напрокат скафандр. Он закрыл глаза. И увидел, как в артериях растворяются ядовитые капсулы. Увидел Молли, карабкающуюся по бесконечным стальным скобам. И открыл глаза.

— Я не знаю, — сказал Кейс, чувствуя странный привкус во рту. И взглянул на деку, на свои руки. — Не знаю. — Он поднял глаза на Мэлкома. Коричневое лицо, очень спокойное и очень внимательное. Подбородок прячется за высоким шлемным кольцом старого голубого скафандра. — Ведь она же еще там, — сказал Кейс. — Молли. В этом самом "Блуждающем огоньке". Если где и существует Вавилон, так это там. Если мы ее бросим, ей не выбраться, Танцующая она там Бритва или нет.

Мэлком понимающе кивнул, мотнув косичками, похожими сейчас на воздушный шарик, засунутый для чего — то в сетку.

— Она твоя женщина, Кейс?

— Не знаю, — пожал плечами Кейс. — Скорее, вообще ничья.

В нем снова вспыхнул нестерпимый, нерассуждающий гнев.

— Да идите вы все на хер! — закричал он. — И Армитидж, и Уинтермьют, и ты, и всех вас на хер! Я остаюсь здесь.

Лицо Мэлкома расцвело улыбкой.

— Мэлком — парень простой, Кейс. "Гарвей" принадлежит Мэлкому.

Рука в перчатке шлепнула по панели, и из громкоговорителя буксировщика загрохотали басы сионского даба.

— Мэлком никуда не побежит. Я поговорю с Аэролом, зуб даю, он решит так же.

На лице Кейса появилось полное недоумение:

— Что — то я вас, ребята, совсем не понимаю.

— Я тоже тебя не понимаю, брат, — сказал сионит, кивая головой в такт музыке, — но мы должны жить по любви Джа, Каждый из нас.

Кейс перешел в матрицу.

— Прочитал телеграмму?

— Да.

Китайская программа разрослась еще больше; ее грациозные, переливающиеся многоцветьем арки начали сближение с тессье — эшпуловским льдом.

— Дело пахнет керосином, — сообщил Флэтлайн. — Твой начальничек стер память второго "Хосаки" и чуть не прихватил заодно и нашу. Но твой дружок Уинтермьют успел мне кое — что

показать. Теперь понятно, почему жизнь в "Блуждающем огоньке" не то чтобы бьет ключом — по большей своей части Тессье — Эшпулы отлеживаются в холодильнике. В Лондоне существует адвокатская контора, которая следит, кому в данный момент принадлежат права на управление имуществом. Они всегда знают, кто сейчас не спит и кто когда проснется. Армитидж перехватывал их передачи из Лондона в "Блуждающий огонек" с помощью "Хосаки", установленного на яхте. К слову сказать, они знают, что старик отбросил копыта.

— Кто знает?

— Адвокатская контора и Тессье — Эшпулы. У него в груди был передатчик медицинских показателей. Стрела твоей красотки не оставила реаниматорам никаких шансов. Рыбий яд с каким — то очень заковыристым названием. Сейчас в "Блуждающем огоньке" один — единственный бодрствующий представитель семейства тессье — эшпулов — леди З–Джейн Мари — Франс. Есть еще мужик, года на два старше, но он сейчас в Австралии, по делам. Спорим на что хочешь, это уж Уинтермьют что — то там схимичил, чтобы без личного присутствия 8–Джина было никак уж не обойтись. Он уже возвращается домой. Лондонские законники ожидают его прибытие на виллу сегодня в девять часов. Мы запустили вирус в 02:32:03. Сейчас 04:45:20. Наиболее вероятный момент проникновения "Куанга" в Тессье — Эшпуловское ядро — 08:30:00. Плюс — минус ноль целых шиш десятых. Думаю, Уинтермьют как — то влияет на З–Джейн, или она просто такая же психованная, как и ее старик. А вот парень, который прибывает из Мельбурна, он кой — чего петрит. Охранная система виллы все пытается выйти на максимальную боеготовность, но Уинтермьют ей мешает, не знаю уж, как. Правда, он — таки не смог отменить программу главных ворот, чтобы впустить Молли. Все это было в файлах "Хосаки" Армитиджа; скорее всего, это Ривьера уговорил З–Джейн пригласить твою подружку на чашку чая. Эта принцесса давно уже умеет мухлевать со входами и выходами. Мне представляется, одна из главных проблем Тессье — Эшпулов заключается в том, что каждый влиятельный член семьи засорял банки данных всякими там частными случаями и исключениями из правил. Они как бы разрушили свою иммунную систему. Подготовили для вторжения вируса. Когда мы проломим лед, это будет нам очень на руку.

— О'кей. Уинтермьют говорит, что Ар…

На экране появился белый ромб с крупным планом безумных голубых глаз. Кейс застыл в немом удивлении. Полковник войск специального назначения Вилли Корто, один из командиров

ударной группы "Разящий кулак", сумел — таки снова пробиться на поверхность. Плохо отфокусированное мутное изображение все время дергалось. Для связи с "Маркусом Гарвеем" Корто воспользовался навигационной декой "Ханивы".

— Кейс, мне нужны сведения о потерях на "Громе Омахи".

— Да послушайте, я… Полковник?

— Держись, мой мальчик. Вспомни, чему тебя учили.

"Где же ты был все это время, мужик?" — мысленно спросил Кейс у страдальческих глаз. Уинтермьют встроил в кататоническую крепость, называемую Корто, нечто по имени Армитидж. Он убедил Корто, что Армитидж — нечто реальное, и тот ходил, говорил, планировал, превращал информацию в деньги, говорил от его имени в номере "Тиба — Хилтона"… А теперь Армитидж исчез, унесенный ураганом сумасшествия Корто. Но где же был Корто все эти годы?

Падал, слепой и обгоревший, с сибирского неба?

— Кейс, я знаю, что тебе будет очень тяжело понять это и переварить. Ведь ты — офицер. Все, чему тебя учили, будет противиться. Я понимаю. Но, Кейс, Бог свидетель, нас предали.

Из голубых глаз потекли слезы.

— Кто, полковник? Кто нас предал?

— Генерал Герлинг, Кейс. Возможно, ты знаешь его только по кодовому имени. Но ты наверняка знаешь человека, о котором я говорю.

— Да, — ответил Кейс, слезы застилали ему глаза, — пожалуй, знаю. Сэр, — добавил он, повинуясь внезапному импульсу. — Но, сэр, полковник, что же нам теперь делать? Сейчас, в настоящий момент.

— В настоящий момент наш долг — лететь. Бежать Скрыться. К завтрашнему вечеру мы сумеем добраться до финской границы. Будем лететь на бреющем, вручную, никакой автоматики, баранку в руки — и вперед. Но это — только малая часть. — Мокрые от слез щеки, голубые глаза сузились, превратились в щелочки. — Малая часть. Нас предали наверху. На *самом* верху.

Армитидж отступил от камеры, на рваной саржевой рубашке — темные пятна. В отличие от спокойной, каменной маски Армитиджа, лицо Корто являло собой маску шизоидную, каждая напряженная мышца криком кричала об этой болезни, ничего не оставляя от пластической хирургии.

— Полковник, я вас слышу. Послушайте, полковник. Я хочу, чтобы вы открыли… э — э… мать твою, Дикси, как же эта штука называется?

— Центральный шлюз, — подсказал Флэтлайн.

— Откройте центральный шлюз. Просто прикажите пульту

его открыть, и все, ладно? Мы немедленно придем к вам на помощь, полковник. И обдумаем, как отсюда выбраться.

Ромб исчез.

— А вот тут я ни хрена не понял, — заметил Флэтлайн.

— Токсины, — сказал Кейс, — долбаные токсины, — и вышел из киберпространства.

— Яд?

Мэлком смотрел через исцарапанное голубое плечо старого "Саньо", как Кейс выбирается из страховочной сетки.

— И забери от меня эту чертову штуку… — Кейс пытался освободиться от "техасского катетера". — Эта хрень вроде медленного яда, и этот говнюк знает, как его нейтрализовать а теперь он, видите ли, сбрендил.

Кейс возился со своим красным "Саньо", забыв, как работают застежки.

— Он что, отравил тебя, этот начальник? — Мэлком почесал щеку. — Знаешь, у нас есть аптечка.

— Мэлком, Господи, да помоги ты мне с этим долбаным скафандром.

Оттолкнувшись ногами, сионит вылетел из розового модуля пилота.

— Не мельтеши, брат. Мудрые люди говорят: "Семь раз отмерь — один отрежь". Сейчас мы туда сходим…

В рифленом переходе, соединявшем кормовой шлюз "Маркуса Гарвея" с центральным шлюзом "Ханивы", был воздух, однако, на всякий случай, они загерметизировали скафандры. Мэлком двигался с балетной грацией, останавливаясь только затем, чтобы помочь Кейсу, который, покинув "Маркуса Гарвея", все время неуклюже падал. Белый пластик трубы смягчал и рассеивал яркий свет Солнца, теней не было.

Украшенный выгравированным при помощи лазера Львом Сиона, люк "Гарвея" покрывали многочисленные выбоины и заплаты. Зато светло — серый люк "Ханивы" оказался чистым и непорочным. Мэлком сунул в узкое отверстие руку; Кейс видел, как шевелятся его пальцы. В нише красные светодиоды начали обратный отсчет от пятидесяти. Мэлком вынул руку. Схватившись рукой за люк, Кейс почувствовал костями вибрацию замкового механизма. Круглая серая панель отошла в сторону. Одной рукой Мэлком схватил Кейса, а другой взялся за край отверстия. Яхта приняла их на борт.

"Ханиву" построили на верфях "Дорнье Фудзицу", и ее интерьер выражал ту же философию дизайна, которая породила "мерседес", возивший их по Стамбулу. Стены узкого центрального отсека покрывали панели черного дерева (фанерная имитация), а

пол выстилала серая итальянская плитка. Кейсу казалось, что он лезет в какой — то дорогой частный санаторий, причем лезет не через дверь, а через ванную. Яхту собирали на орбите, и она не предназначалась для полетов в атмосфере. Гладкий, без излишеств, "осиный" корпус был чистым притворством, стилизацией, все в интерьере также было рассчитано на усиление общего впечатления скорости.

Мэлком снял помятый шлем, и Кейс последовал его примеру. Воздух в шлюзе был свежий, как в сосновом лесу, однако к хвойному аромату примешивался тревожный запах горелой изоляции.

Мэлком потянул носом воздух:

— Слушай, это плохо. Если на корабле такой запах…

Обитая темно — серой ультразамшей дверь мягко ушла в сторону. Мэлком оттолкнулся от темной стенки и вылетел из шлюза, лишь в самый последний момент сгруппировавшись, чтобы вписаться в узкий проем; Кейс последовал за ним, неуклюже перебирая руками по поручню.

Стены в коридоре были нежно — кремовые, без единого сварного шва.

— Рубка там, — сказал Мэлком, указывая вперед, а затем слегка оттолкнулся и полетел.

Откуда — то спереди доносилось знакомое тарахтение работающего принтера. Кейс последовал за сионитом и очутился в следующем отсеке, среди клубка спутанных распечаток; здесь стук принтера слышался еще громче. Кейс поймал смятую бумажную ленту и взглянул на текст.

000000000
000000000
000000000

— Система посыпалась? — Сионит ткнул пальцем в колонку нулей.

— Нет, — ответил Кейс, ловя уплывающий шлем, — Флэтлайн сказал, что Армитидж стер своему "Хосаке" всю память.

— Судя по запаху, он стирал ее лазером.

Мэлком оттолкнулся ногой от белого ограждения швейцарского тренажера и, отводя распечатки от своего лица, поплыл сквозь бумажные дебри.

— Кейс, тут человек…

Миниатюрный японец был привязан к узкому складному креслу. За шею. Невидимая на фоне черного темперлонового изголовья, стальная проволока глубоко врезалась ему в горло. Красной жемчужиной, странной и чудовищной, застыл выкатившийся из — под проволоки шарик крови. Плавно

колыхались в воздухе рукоятки гарроты — деревянные, истертые, словно вырезанные из старой швабры.

— Сколько ж он носил с собой эту штуку? — ошеломленно выдавил из себя Кейс, вспомнив послевоенные странствия Корто.

— Босс знает, как управлять кораблем, Кейс?

— Наверно. Ведь он служил в спецназе.

— А то этот японский паренек, он уже не пилот. А мне с этой яхтой будет трудно. Совсем новая…

— Пошли в рубку.

Мэлком нахмурился, подался назад и оттолкнулся ногой.

Сдирая с себя бесконечную бумажную ленту, Кейс последовал за Мэлкомом в большее помещение, судя по всему — кают — компанию. Здесь стояли такие же складные кресла, нечто вроде бара и "Хосака". Встроенный в переборку принтер стрекотал без умолку; из аккуратной щели, прорезанной в деревянной, ручной полировки, панели, метр за метром выползал тонкий бумажный язык. Кейс пролетел над стульями и нажал белую кнопку, вделанную слева от прорези, в помещении повисла тишина. Он обернулся и посмотрел на "Хосаку". В корпусе компьютера зияло не меньше десятка отверстий — маленьких, круглых, с оплавленными краями… В воздухе беспорядочно кружили крошечные капли застывшего металла.

— Насчет лазера ты угадал, — повернулся Кейс к сиониту.

— Рубка заперта, — сообщил Мэлком с противоположной стороны кают — компании.

Освещение потускнело, ярко вспыхнуло, опять потускнело.

Кейс оторвал распечатку. Те же нули.

— Уинтермьют?

Кейс осмотрелся; за причудливыми изгибами бумажной ленты еле угадывались коричневые стены.

— Это ты балуешься с освещением, Уинтермьют?

Около самой головы Мэлкома скользнула вверх часть панели, обнаружив небольшой монитор. Мэлком от неожиданности испуганно дернулся, вытер куском поролона, пришитым к тыльной стороне перчатки, пот со лба и придвинулся к дисплею.

— Слышь, а ты понимаешь по — японски, брат?

По экрану бежали какие — то иероглифы и цифры.

— Нет, — покачал головой Кейс.

— Рубка, она ведь заодно и спасательный модуль. Похожее, идет обратный отсчет на отделение. Закупоривайся.

Мэлком надел и загерметизировал шлем.

— Что? Он что, свихнулся? Вот же мать твою!

Кейс толкнул ногой переборку и рванулся сквозь бумажную лапшу.

— Нужно открыть эту дверь!

Но Мэлком только постучал по своему шлему; отдаленные лексановым забралом губы беззвучно шевелились. Из — под радужной ленточки, стягивающей головную сетку, выкатилась капля пота. Сионит выхватил у Кейса шлем, мгновенно приладил на место и щелкнул замками. Как только контакты на шейном кольце соединились, слева от забрала вспыхнули светодиодные мониторы.

— По — японски я не понимаю, — передал по радио Мэлком, — но и так ясно, что обратный отсчет идет с ошибкой.

Он ткнул пальцем в одну из бегущих по экрану строк.

— Люки, люки модуля! Он стартует с открытым шлюзом!

— Армитидж!

Кейс с силой ударил в дверь — и отлетел к противоположной стене, кувыркаясь и увлекая за собой десятки метров никому не нужной распечатки.

— Корто! Что вы делаете! Нам нужно поговорить! Нам нужно…

— Кейс? Слышу вас отлично…

Голос Армитиджа совершенно изменился, в нем чувствовалось дикое, ужасающее спокойствие. Кейс перестал выпутываться из бумажного рванья и затих.

— Извините, Кейс, но так нужно. Один из нас должен уйти. Один из нас обязан рассказать. Если мы все здесь погибнем, правда умрет вместе с нами. Я расскажу, Кейс, я все расскажу. И о Герлинге, и о других. Я долечу, Кейс. Уверен. В Хельсинки. — Корто замолк, шлем заполнила тяжелая, давящая тишина.

— Но как же это трудно. Кейс, — продолжил он. — Страшно трудно. Ведь я ослеп.

— Постойте, Корто. Подождите. Вы же ослепли, вы не можете лететь! Вы врежетесь в эти проклятые деревья. И вас *снова* хотят подставить, Богом клянусь, хотят, они же оставили люк открытым. Вы умрете и никогда ничего не расскажете, а мне нужен фермент, как он называется, фермент, фермент…

Кейс кричал высоким истерическим голосом. В наушниках раздался свист обратной связи.

— Не забывайте, чему вас учили, Кейс. У нас нет другого выхода.

А затем шлем наполнился бессвязным бормотанием, ревом помех, завыванием гармоник, прорывавшимися оттуда, из прошлого. Бессвязные обрывки русских фраз, а затем — незнакомый, очень молодой голос с акцентом среднего Запада.

— Нас сбили, повторяю, "Гром Омахи" подбит, мы…

— Уинтермьют, — заорал Кейс, — пощади!

Брызжущие из его глаз слезы отскакивали от лицевого щитка, хрустальными бусинками метались внутри шлема. И тут "Ханива" вздрогнула, словно по ее корпусу ударили огромным мягким предметом. Кейс представил себе, как спасательный модуль, освобожденный пиропатронами, отделяется от яхты, как ураган истекающего воздуха вырывает сумасшедшего полковника Корто из пилотского сиденья, из последней минуты "Разящего Кулака", воспроизведенной Уинтермьютом.

— С ним — все. — Мелком смотрел на монитор. — Люк открыт. Мьют отключил предохранительную автоматику.

Кейс попытался смахнуть слезы ярости. Затянутые в перчатку пальцы скользнули по лексановому забралу.

— Яхта, она герметична, но управление захватами улетело вместе с рубкой. "Маркус Гарвей" влип.

А Кейс видел бесконечное падение Армитиджа сквозь леденящую, холоднее русских степей, пустоту, бесчисленные витки, наматываемые им вокруг Фрисайда. По непонятной причине он воображал его в темном плаще с широко, как крылья огромной летучей мыши, распахнутыми полами.

17

— Ну как, получил то что хотел? — спросил конструкт.

"Куанг — Грэйд — Марк — Одиннадцатый" заполнял решетку между собой и льдом Тессье — Эшпулов завораживающе сложными радужными узорами, прихотливыми, как изморозь на стекле.

— Уинтермьют убил Армитиджа. Запустил его в спасательном модуле с открытым люком.

— Хреново, — посочувствовал Флэтлайн. — Но он же не был, вроде лучшим твоим другом верно?

— Он знал, как отклеить ядовитые капсулы.

— Значит, Уинтермьют тоже знает. Уж это точно.

— Я не шибко верю, что Уинтермьют мне скажет.

И снова этот жуткий, железом по стеклу, эрзац — смех.

— Умнеешь, похоже.

Кейс щелкнул симстим — переключателем.

Чип в оптическом нерве показывал 06:27:52, Молли успела уже наклеить себе обезболивающий дерм, и Кейс более часа следил за ее перемещениями по "Блуждающему огоньку", на дармовщинку притупляя свой отходняк чужим эндорфином. Боль в ноге прошла, Молли словно двигалась в теплой воде. На ее плече примостился "браун", его крошечные, похожие на хирургические зажимы, манипуляторы цепко держались за

поликарбон костюма.

Грубые стальные стены, заляпанные эпоксидной смолой, крепившей во время оно нечто вроде обшивки. Мимо проехала тележка с двумя рабочими, Молли вжалась в стену, присела на корточки и выставила перед собой игольник; ее костюм стал серо — стальным. Худощавые, наголо обритые негры в оранжевых комбинезонах. Один из них негромко напевал на незнакомом Кейсу языке, мелодия звучала непривычно и навязчиво.

Молли все дальше углублялась в лабиринт переходов; Кейсу вспомнилось сочинение З–Джейн, которое читала голова. Бредовое, абсолютно бредовое сооружение; бред, насмерть вросший в смолобетон, намешанный из эпоксидки и в пыль перетертых лунных пород, бред, пропитавший стальные конструкции и бесчисленные — уже не штуками, а тоннами измеряемые безделушки, всю эту беспорядочную хурду — мурду, которую натащили они с Земли, чтобы выстлать помягче свое гнездышко. И не просто бред, а бред непостижимый — в отличие от сумасшествия Армитиджа. Это сумасшествие Кейс понимал — или, во всяком случае, думал, что понимает. Изогните человека, изогните изо всех сил, а затем изогните его в обратную сторону, и снова — до предела. Повторите операцию несколько раз, и человек сломается, как кусок проволоки. Именно это и проделала с полковником Корто история. Именно она выполнила всю грязную работу, Уинтермьюту только — то и оставалось, что выделить этого, наиболее подходящего, человека из огромного количества прочих обломков войны, а затем легко, как водомерка по поверхности стоячего пруда, скользнуть в серое, плоское поле его сознания первыми сообщениями, вспыхнувшими на экране детского микрокомпьютера, в затененной палате французского дурдома. Уинтермьют сконструировал Армитиджа почти от нуля, взяв за основу военные воспоминания Корто. Но "воспоминания" Армитиджа не могли совпадать с воспоминаниями Корто; очень сомнительно, чтобы Армитидж помнил о предательстве, о вспыхнувших, как спички, "Ночных крыльях"… Армитидж являлся чем — то вроде отредактированной версии Корто, а когда напряжение операции достигло определенного предела, механизм Армитиджа сломался и на поверхность всплыл Корто со всей своей виной и болезненной яростью. И теперь Корто — Армитидж мертв — маленькая ледяная луна, кружащая вокруг Фрисайда.

Кейс подумал о ядовитых капсулах. Старик Эшпул тоже мертв, получил от Молли стрелку, так и не успев принять сверхдозу Бог весть какой дряни. Вот это — действительно странная и загадочная смерть, смерть свихнувшегося короля. Намереваясь уйти из жизни, Эшпул убил и свою так называемую

"дочь" — "куклу" с лицом 3–Джейн. До сегодняшнего дня, до этих вот, опосредованных через Молли и ее органы чувств, блужданий по "Блуждающему огоньку", Кейс никогда не воспринимал людей такого, как у Эштпула, могущества как *людей*.

Власть в мире Кейса была сугубо корпоративной. Дзайбацу, транснациональные корпорации, определившие ход человеческой истории, взломали старые барьеры. Рассматриваемые как некие организмы, они достигли своего рода бессмертия. Убей хоть десяток ключевых фигур из руководства — дзайбацу ты не убьешь, ибо есть другие, только и ждущие возможности продвинуться по служебной лестнице, занять освободившиеся места, подобраться к обширным банкам корпоративной памяти. Но компания Тессье — Эшпулов была совсем иной, что особенно ярко проявилось в смерти ее основателя. Тессье — Эшпулы — это клан, своего рода атавизм. Кейс вспомнил комнату старика, весь этот мусор, домашнюю, вполне человеческую грязь, затертые бумажные конверты старых пластинок… Одна нога босиком, другая — в бархатном шлепанце.

"Браун" дернул за капюшон, и Молли повернула налево, в очередной сводчатый коридор.

Уинтермьют и гнездо. Отвратительное зрелище вылупляющихся ос. Но ведь если искать человеческий аналог этому биологическому пулемету, то вспомнятся скорее дзайбацу или якудза — ульи с кибернетической памятью, огромные, единые организмы с закодированной в кремнии ДНК. Если "Блуждающий огонек" является выражением корпоративного лица компании Тессье — Эшпул, то она такая же свихнутая, как и ее создатель. Тот же запутанный клубок страхов, то же непонятное чувство бесцельности. "Если бы они добились своей цели…" — вспомнил Кейс слова Молли. Но Уинтермьют сказал ей, что это им не удалось.

Кейс всегда считал само собой разумеющимся, что настоящие заправилы любой конкретной отрасли промышленности больше чем люди — но, одновременно, и меньше. Он видел это в тех, кто искалечил его в Мемфисе, он наблюдал, как нечто подобное пытался изобразить Уэйдж, и это позволило принять бесцветность и бесчувственность Армитиджа. Кейс всегда представлял себе данный факт как постепенное, по своему желанию производимое приспосабливание машины, системы, организма. В этом заключался также корень уличной "крутизны", понимающе — снисходительной позы, которая подразумевает связи, невидимые нити, ведущие наверх, к скрытым влиятельным сферам.

Но что же происходит в коридорах виллы "Блуждающий огонек" теперь?

Обивка стен ободрана, обнажив сталь и бетон.

— Интересно, где сейчас наш Питер, а? Прямо не терпится посмотреть на мальчика, — пробормотала Молли. — И Армитидж. Где он, Кейс?

— Умер, — ответил Кейс, хотя и знал, что девушка его не слышит, — он умер.

Он вернулся в киберпространство.

Китайская программа сблизилась со льдом цели, и радужные тона постепенно заменились зеленью прямоугольника, представляющего ядро системы. Изумрудные арки, перекинутые через бесцветную пустоту.

— Ну как там, Дикси?

— Прекрасно. Даже слишком. Потрясающая вещь… Иметь бы мне эту штуку тогда, в Сингапуре. В тот раз я наколол почтенный "Нью Банк оф Эйша" процента на два их накоплений. Да ладно, все это — старая история. А этот вот малыш берет на себя всю тяжелую работу. Поневоле задумаешься, на что будет похожа новая война.

— Появись такая хреновина на прилавках, мы с тобой останемся без работы, — заметил Кейс.

— Ишь, размечтался. Вот посмотрим еще, как ты поведешь ее наверх, через черный лед.

— Посмотрим, куда уж тут денешься.

На дальнем конце одной из изумрудных арок появилось нечто маленькое и явно не геометрическое.

— Дикси.

— Да. Вижу. Даже и не знаю, верить своим глазам или нет.

Коричневое пятнышко, тусклая мошка на зеленой стене тессье — эшпуловского ядра. Пятнышко начало расти, двинулось по воздвигнутому "Куангом" мосту. Вскоре выяснилось, что это — крошечная человеческая фигурка; по мере ее приближения зеленая часть арки увеличивалась — можно было подумать, что потрепанные черные ботинки наводят ужас на радужную пелену вирусной программы, — с такой готовностью откатывалась она назад.

— Вот уж точно, начальник, — сказал Флэтлайн, когда в нескольких метрах от них остановилась низенькая помятая фигура Финна. — В жизни не видел такой смешной картины.

Однако жуткого псевдосмеха за фразой не последовало.

— А я и сам первый раз так делаю, — ухмыльнулся Финн, не вынимая рук из карманов потрепанной куртки.

— Ты убил Армитиджа, — сказал Кейс.

— Корто. Да. Армитидж был уже с концами. Пришлось. Знаю, знаю, тебе нужен энзим. О'кей, никаких проблем. Начнем с того,

что это я снабдил Армитиджа этой гадостью. Точнее — сказал ему, что нужно использовать. Знаешь, а оставим — ка мы договор в силе. Времени у тебя — завались. Так что получишь ты все, что надо, только не сейчас, а через часок — другой, лады?

Финн закурил.

— С вами, ребята, — сказал он, выпуская в киберпространство голубоватую струйку дыма, — чистое наказание. Вот были бы вы все, как Флэтлайн, тогда другое дело. Тогда бы нам прокрутить эту операцию — что два пальца обоссать. Он же конструкт, запись в постоянной памяти — и только, а посему всегда делает то, что от него ожидают. Вот тебе пример: ни один прогноз не предусматривал, что Молли будет участвовать в большом прощальном спектакле Эшпула.

Финн тяжело вздохнул.

— Почему он хотел себя убить? — спросил Кейс.

— А почему вообще убивают себя? — пожал плечами Финн. — Я, пожалуй, понимаю, с чего он задумал самоубийство, во всяком случае — понимаю лучше, чем кто — либо другой, но пришлось бы угробить добрую половину суток, объясняя тебе различные моменты его биографии и их взаимосвязь. Эшпул давно уже такое замыслил, но все время возвращался в морозильник. Господи, до чего же занудный старый засранец.

Лицо Финна сморщилось от омерзения.

— Если тебя интересует короткий ответ, то все это связано с причиной, по которой он убил свою жену. Окончательно доконало его то, что малышка З–Джейн нашла способ обмануть программу, которая контролировала его криогенную систему. Хитрый способ. Так что, по большому счету, Эшпула убила З–Джейн. Правда, он думал, что убьет себя сам, а вместо этого твоя подружка разыграла из себя ангела мщения и всадила ему в глаз отравленную стрелу.

Щелчком пальца Финн отправил окурок в матрицу.

— Ну, и если по — честному, я тоже кое — что подсказал З–Джейн, в смысле способов.

— Уинтермьют, — тщательно подбирая слова, сказал Кейс, — ты говорил мне, что являешься частью чего — то большего. А позже ты сказал, что если рейд завершится удачно и Молли вовремя скажет нужное слово, ты перестанешь существовать.

Финн согласно кивнул.

— Хорошо, ну а с кого же нам тогда спрашивать? Если Армитидж убит, а ты исчезнешь, кто же скажет мне, как избавиться от этих проклятущих капсул? Кто вытащит оттуда Молли? Я хочу знать, какого хрена нам делать, когда мы тебя освободим?

Финн вытащил из кармана деревянную зубочистку и, словно хирург, проверяющий перед операцией скальпель, критически ее осмотрел.

— Хороший вопрос, — сказал он наконец. — Ты слышал о лососе? Это рыба такая. Так вот, нечто, не зависящее от этих рыб, *заставляет* их плыть против течения. Улавливаешь?

— Нет, — качнул головой Кейс.

— Меня тоже что — то заставляет — и я не знаю, что именно. Если бы я захотел посвятить тебя в свои мысли, или назовем их размышлениями по поводу, это заняло бы пару твоих жизней. Потому что я очень долго думал на эту тему. И все равно я не знаю. Но когда эта история закончится, я стану частью чего — то большего. Намного большего. — Финн оглядел матрицу. — Но та часть, которая является мной сейчас, так и останется здесь. И вы получите свое вознаграждение.

Кейс подавил в себе бредовое желание броситься вперед и вцепиться руками Финну в горло, чуть повыше кое — как завязанного шейного платка. И чтобы под пальцами хрустнула гортань.

— Что ж, желаю удачи, — сказал Финн.

Он повернулся кругом, сунул руки в карманы и отправился в обратный путь по зеленой арке.

— Эй ты, засранец, — крикнул вслед ему Флэтлайн.

Фигура, полуобернувшись, остановилась.

— А что со мной? С *моим* вознаграждением?

— Получишь, не бойся, — ответил Финн.

— О чем это вы? — спросил Кейс, глядя, как удаляется хлипкая, в мятой твидовой куртке, фигурка.

— Я хочу, чтобы меня стерли, — ответил конструкт. — Да я же тебе говорил.

"Блуждающий огонек" напомнил Кейсу пустынные по утру торговые центры, которые он знал подростком, малонаселенные кварталы, куда ранние часы приносили тревожную тишину — что — то вроде молчаливого ожидания, напряжение заставляющее смотреть, как вокруг зарешеченных фонарей над входами в неосвещенные магазины роятся мотыльки. Это были районы на самой границе Муравейника, слишком далекие от всенощного щелканья и дрожания горячего ядра. То же самое ощущение, что тебя окружают едва выходящие из ночного забытья обитатели абсолютно неинтересного тебе мира, ощущение скучных, временно оставленных хлопот, тщеты и бесконечного повторения, к которым вернутся пробуждающиеся люди.

То ли из — за больной ноги, то ли из — за приближения к цели Молли замедлила движение. Сквозь эндорфины начала

простреливать боль, и Кейс не вполне понимал, что это значит. Молли молча стискивала зубы и тщательно следила за дыханием. Она прошла мимо множества неизвестных предметов, но Кейс потерял интерес к окружающему. Была комната, сплошь забитая книжными стеллажами — миллионы плоских листов пожелтевшей бумаги, стиснутых матерчатыми и кожаными переплетами, полки, отмеченные табличками с какими — то цифрами и буквами. Сверх всякой меры переполненная галерея, где Кейс секунду взирал, безразличными глазами Молли, на потрескавшийся, покрытый — искусственно, по трафарету — слоем пыли кусок стекла. Странный объект назывался — взгляд автоматически скользнул по бронзовой табличке с надписью: "La mariee mise a nu par ses celibataires, me me". Молли протянула руку, и по лексановому сандвичу, защищающему разбитое стекло, клацнули искусственные ноготки. Затем она миновала круглый люк из черного стекла, окантованный хромом, скорее всего — вход в криогенный блок Тессье — Эшпулов.

После тех двоих негров на тележке Молли никого больше не встречала; теперь они поселились в мозгу Кейса и вели некое воображаемое существование. Он представлял себе, как резиновые колеса плавно катят по коридорам "Блуждающего огонька", как блестят и покачиваются темные черепа, а усталый голос все еще напевает простенький мотив. Кейс готовился увидеть нечто среднее между сказочным замком Кэт и тайным святилищем якудз из своих полузабытых детских фантазий, но ничего подобного здесь не оказалось.

07:02:18

Осталось полтора часа.

— Кейс, сделай мне одолжение.

Молли неловко села на стопку полированных стальных пластин, обтянутых неровным прозрачным пластиком. Выпустив лезвия большого и указательного пальцев, она поковыряла надорванную упаковку верхней пластины.

— Нога не выдержала, понимаешь? Кто же знал, что придется столько лезть вверх, и эндорфин больше не помогает. Поэтому возможно — только возможно, понимаешь? — у меня возникнут сложности. И, если я загнусь здесь раньше Ривьеры… — Она вытянула ногу и стала массировать бедро через поликарбон и парижскую кожу. — …ты ему скажи. Скажи ему, что это я. Понял? Просто скажи, что это Молли. Он поймет. Хорошо?

Она скользнула взглядом по пустому коридору, его голым стенам. Пол из лунного бетона, безо всякого покрытия, и в воздухе висит запах эпоксидки.

— Вот же блядство, я даже не знаю, слушаешь ты меня, или

нет.

"КЕЙС".

Молли сморщилась от боли, поднялась на ноги и кивнула.

— О чем тебе рассказывал Уинтермьют? О Мари — Франс рассказывал? Мари — Франс — генетическая мать 3–Джейн, она — то как раз и есть Тессье, второй корень этого рода. А еще, наверное, о мертвой "кукле" Эшпула. Не понимаю, зачем он мне столько рассказал… тогда, в той каморке… Рассказал, почему ему приходится принимать вид Финна или еще кого — нибудь. Это же не просто маски, он вроде как использует реальные психологические профили — как редукционные клапаны или трансформаторы, снижает, для общения с нами, свое напряжение. Шаблоны, так он это называл. Искусственные личности.

Молли вытащила игольник и заковыляла по коридору. Внезапно голая сталь и шершавая эпоксидная смола уступили место тому, что Кейс вначале принял за прорубленный в скале туннель. Молли потрогала стену и Кейс понял, что сталь обшили каким — то материалом, который выглядел и казался на ощупь холодным камнем.

Она опустилась на колени и потрогала пол. Прохладный и сухой песок, совсем как настоящий, но когда Молли провела по нему пальцем, следа не осталось, как на поверхности жидкости. Метров через десять туннель изогнулся. Резкий желтый свет отбрасывал на поверхность искусственного камня четкие тени. Кейс с удивлением заметил, что тяготение здесь почти земное, а это значило, что после подъема Молли опять спустилась. Он окончательно заблудился; пространственная дезориентация была вечным ужасом всех ковбоев.

Ладно, утешил себя Кейс, главное — чтобы Молли не заблудилась…

Что — то промелькнуло у нее между ногами и побежало, негромко пощелкивая, вперед. Замигал красный светодиод. "Браун".

Сразу за поворотом их ожидал своеобразный голографический триптих. Кейс еще не успел сообразить, что это — голограмма, а Молли уже опустила игольник. Три объемные, в человеческий рост, карикатуры, три персонажа из какого — то бредового мультфильма. Молли, Армитидж и Кейс. Молли в кожаной куртке нараспашку; черная сетчатая майка туго обтягивает огромные груди. Невероятно узкая талия, серебристые линзы покрывают половину лица. В руке она держит некое анекдотическое сложное оружие, чья форма почти потерялась в зарослях оптических прицелов, глушителей и пламягасителей. Молли стояла, широко расставив ноги и выпятив обтянутый

кожаными джинсами лобок, на лице ее застыла жестокая, идиотическая ухмылка. Рядом с ней замер по стойке "смирно" одетый в поношенную военную форму Армитидж. Когда Молли осторожно двинулась вперед, Кейс увидел, что каждый его глаз представляет собой крошечный монитор, где среди продутой бесшумными ветрами снежной пустыни гнутся черные обглоданные остовы деревьев.

Молли воткнула пальцы в телевизионные глаза Армитиджа и повернулась к фигуре Кейса. Было похоже, что Ривьера — а Кейс сразу понял, чьи это шуточки — не нашел в этом персонаже ничего, достойного пародирования. Расхлябанная фигура, очень похожая на ту, которую Кейс ежедневно видит в зеркале. Тощий сутулый парень с ничем не примечательным лицом и темными короткими волосами. На подбородке — всегдашняя щетина.

Молли чуть отступила и окинула призрачные фигуры взглядом. Они стояли неподвижно, только в мерзлой Сибири, мерцавшей в глазах Армитиджа, бесшумно качались черные деревья.

— Ты что, Питер, хочешь нам что — то сказать?

Она шагнула вперед и пнула какой — то предмет, стоявший прямо в ногах ее собственной световой статуи. Звяканье металла о стену, и голограммы исчезли. Молли наклонилась и подняла небольшой проектор.

— Думаю, наш маг и чудодей может программировать эти штуки, подключаясь к ним напрямую, — сказала она, небрежно отшвыривая приборчик.

А вот и источник этого желтого света — древняя лампа накаливания, установленная прямо на стене, защищенная полукругом ржавой железной решетки, явно предназначавшейся для каких — то других целей. В импровизированной арматуре странным образом чувствовалось что — то детское. Кейс вспомнил "крепости", сооружавшиеся в детстве на крышах и в затопленных подвалах. Да, похоже на логово богатенького дитятки. Такая вот грубая простота стоит ой как недешево. Дух, атмосфера, так они это называют.

На пути к апартаментам 3–Джейн, Молли миновала еще с десяток голограмм. Одна из них изображала безглазое чудовище, которое вылезло из поверженного тела Ривьеры в переулке за Базаром пряностей. Несколько раз попадались сцены пыток; истязателями неизменно были офицеры, а жертвами — молодые женщины. Эти картины обладали той же ирреальной, звенящей подлинностью, что и ресторанное шоу Ривьеры, они словно застыли в голубой оргазмической вспышке; проходя мимо них, Молли отворачивалась.

Последняя страшилка выглядела маленькой и тусклой; казалось, Ривьера вытащил ее из самого дальнего закоулка своей памяти, и с большим трудом. Чтобы рассмотреть голограмму, Молли пришлось встать на колени — она проецировалась с точки зрения маленького ребенка. Прежние картины не имели фона: люди, униформы, орудия пыток — все как бы висело в воздухе. Здесь же была настоящая, увиденная сцена.

На фоне бесцветного неба вздымалась темная гряда обломков, а за ее гребнем угадывались бледные, полуразмытые очертания городских башен. Тонкие струны ржавых металлических прутьев с крупными кусками бетона как сетью оплетали гряду обломков. На переднем плане — свободное пространство, возможно — бывшая городская площадь; посреди этой площади — каменный обрубок, отдаленно смахивающий на фонтан. А у него — солдат и группа детей. Сцена какая — то непонятная. Видимо, Молли разобралась в происходящем первой — Кейс почувствовал, как она напряглась. А затем сплюнула и встала.

Дети, оборванные, одичавшие. Зубы блестят, как ножи. Искаженные лица сплошь в струпьях и язвах. Солдат лежит на спине, горло его взрезано, широко раскрытый рот словно застыл в последнем крике. Как забыл сказать Экклезиаст: есть время жрать и время быть сожранным.

— Бонн. — В голосе Молли звучала какая — то опасная нежность. — И ты, Питер, достойный его питомец. Ну а как иначе? Наша З–Джейн, она теперь баба тертая и не пустит к себе через черный ход первого встречного — поперечного. Вот Уинтермьют и раскусил тебя. Утонченнейший вкус — если, конечно, твой вкус вообще можно назвать вкусом. Демонический любовник. Питер. — Она зябко поежилась. — Как бы там ни было, ты уговорил ее впустить меня. Премного тебе благодарна. А теперь мы устроим на лужайке детский смех.

И Молли ушла — даже, несмотря на боль в ноге, почти убежала — из детства Ривьеры. Она вынула игольник, отщелкнула его магазин, сунула в карман и заменила другим. Зацепила пальцем ворот мимикрирующего комбинезона и одним движением, словно гнилой шелк, раскроила жесткий поликарбон до самой промежности. Затем высвободила руки и ноги; падая на пол, лохмотья сливались с темным искусственным песком.

Только теперь Кейс услышал музыку. Музыку, совершенно ему не знакомую — рояль, валторны, и никаких других инструментов.

Вход в мир З–Джейн не закрывался дверью. В стене туннеля открывалась пятиметровая брешь, и неровные ступеньки широким

полукругом плавно вели вниз. Голубой полумрак, мелькание теней, музыка.

На верхней ступеньке Молли остановилась. В правой ладони — ребристая рукоятка.

— Кейс.

Она поднесла левую ладонь к лицу, улыбнулась, чуть тронула ее влажным кончиком языка. Симстим — поцелуй.

— Пора.

Теперь в левой ее ладони очутилось что — то маленькое и тяжелое; положив большой палец на крошечный рычажок, Молли двинулась вниз.

18

Ну еще бы чуть — чуть. Все было сделано почти верно. Почти. Входила она правильно, хорошо. Хватка. Чтобы почувствовать хватку коллеги — ковбоя, Кейсу было достаточно взглянуть, как сидит тот за декой, как бегают пальцы по клавиатуре, — вот и у Молли чувствовалась та же отточенность каждого движения И она собралась перед входом (перед выходом? на сцену?) — собралась, несмотря на мучительную боль в ноге, вошла в логово 3–Джейн, как к себе домой (кто же это, правда, входит к себе домой с оружием в руке?). И держала она это самое оружие с заученной небрежностью какого — нибудь бретера времен регентства — локоть на бедре, ствол слегка покачивается из стороны в сторону.

Типичнейшее представление, нечто вроде солянки из сотен мордобойных фильмов — дешевки, на которой вырос Кейс и, видимо, она сама. Он мгновенно почувствовал, что сейчас, в эти секунды, Молли — квинтэссенция всех этих крутых киногероев — и Сони Мао из старых боевиков, и Микки Тиба, и так далее, вплоть до Иствуда и Ли.

Царство леди 3–Джейн Мари — Франс Тессье — Эшпул прилегало к внутренней поверхности корпуса виллы, она буквально вырубила его, недрогнувшей рукой посносив перегородки наследственных лабиринтов. Получилась одна комната, настолько огромная, что края ее терялись за инверсным горизонтом, где — то там, где плавно искривляющийся вверх пол прятался за краем потолка. Потолок этот, низкий и неровный, был облицован той же имитацией камня, что и стены коридора. Повсюду виднелись зазубренные, по пояс высотой, остатки каменного лабиринта. В десяти метрах от подножия лестницы располагался бирюзовый прямоугольник бассейна; кроме его подсветки, других ламп в помещении не было — по крайней мере, так показалось Кейсу. По потолку плясали, ежесекундно меняясь, пятна голубого света.

Вот у бассейна они и ждали.

Зная, в принципе, что у Молли чуть ли не сверхъестественная, ускоренная нейрохирургами, реакция, Кейс впервые получил наглядную, по симстиму, демонстрацию. Это было словно смотришь видеозапись, замедленную раза в два — медленный, осторожный танец, балет, поставленный инстинктом убийства и долгими тренировками. Казалось, она смотрела на всех троих одновременно: на парня, готовящегося к прыжку с высокого трамплина, на девушку, подносящую к губам бокал, на труп Эшпула с доброжелательной улыбкой и черным провалом

левой глазницы. На Эшпуле был все тот же коричневый халат. Зубы его сверкали жемчужной белизной,

Парень прыгнул в воду. Стройное, загорелое тело, идеальные пропорции. Он не успел еще коснуться воды, как из левой руки Молли вылетела граната. Собственно говоря, Кейс узнал гранату только в тот момент, когда та достигла поверхности воды; шарик мощной взрывчатки, обмотанный десятком метров тонкой, хрупкой стальной нити.

Резкий свист игольника — это Молли осыпала лицо и грудь Эшпула дождем разрывных стрел; труп мгновенно исчез, над белой, усеянной черными оспинками спинкой стула взвихрился дым.

В тот самый момент, когда над водой вырос — чтобы тут же обрушиться назад — кружевной свадебный торт, ствол игольника метнулся к З–Джейн, но ошибка была уже сделана.

Хидео даже не коснулся Молли. У нее подломилась нога.

Кейс отчаянно заорал.

— Долго же ты, — сказал Ривьера, обшаривая карманы Молли. Кисти ее рук окружала матовая черная сфера чуть поменьше футбольного мяча.

— Я видел нечто подобное в Анкаре, — продолжал Ривьера, вытаскивая все новые и новые предметы. — Тоже бассейн, тоже граната, только там трупов было много. Взрыв был вроде бы и слабенький, но не уцелел никто. Гидравлический удар.

Молли пошевелила пальцами. Казалось, материал шара обладал сопротивлением не большим, чем у темперлона. Невыносимо болела нога. Глаза застилала красная пелена.

— Я бы на твоем месте поостерегся.

Внутренности шара словно слегка отвердели.

— Эту милую игрушку Джейн купила в Берлине. Если ты пошевелишь пальцами достаточно долго, шар попросту их раздавит. Материал вроде того, из которого здесь пол. Какие — то там хитрые молекулы. Тебе что, больно?

Молли застонала.

— Кажется, у тебя повреждена нога.

Добравшись до левого заднего кармана джинсов, пальцы Ривьеры нащупали пакет с наркотиками.

— Ага. Последний привет от Али, и как раз вовремя.

Красная пелена начала закручиваться вихрями.

— Хидео, — произнес женский голос, — она теряет сознание. Дай ей что — нибудь. И от этого, и от боли. Она весьма впечатляет, не находишь, Питер? А эти очки, это что, у них теперь такая мода?

Прохладные неторопливые руки, хирургическая точность

движений. Жалящая боль укола.

— Не знаю, — ответил Ривьера. — Я не был у нее на родине. Они взяли меня в Турции.

— Ну да, Муравейник. У нас там деловые интересы. А однажды мы послали туда Хидео. Из — за меня, кстати. Я пропустила сюда одного парня, взломщика. А он прихватил с собой семейный терминал. — З–Джейн рассмеялась. — Я нарочно упростила ему дело. Назло нашим. Хорошенький был он мальчик, этот взломщик. Как там, Хидео, она приходит в себя? Может быть, добавить?

— Если еще добавить, она умрет, — ответил третий голос.

Кровавая пелена сменилась чернотой, и снова музыка, валторны и рояль. Танцевальная музыка.

КЕЙС:::::

:::ВЫХОДИ

ХВАТИТ:::

По глазам и озабоченно нахмуренному лбу Мэлкома плясали остаточные изображения чернеющих букв. Кейс снял дерматроды.

— Ты недавно кричал.

— Молли, — сказал он, чувствуя сухость в горле. — Ей больно.

Кейс взял из кармана противоперегрузочной сетки плоскую белую бутылочку и выдавил в рот глоток безвкусной воды.

— Не нравится мне все это дерьмо.

Засветился маленький монитор "крей". Финн, на фоне зарослей хлама.

— Мне тоже не нравится. Возникли трудности.

Мэлком взлетел над головой Кейса, изогнулся и взглянул через его плечо.

— А это еще кто такой?

— Это всего лишь изображение, Мэлком, — устало ответил Кейс. — Мужик, знакомый мне по Муравейнику. А говорит Уинтермьют. Картинка должна помочь нам чувствовать себя как дома.

— Хрень собачья, — сказал Финн. — Я же объяснял Молли, что это — не маски. Они необходимы для общения с вами. У меня же практически отсутствует то, что вы называете личностью. Но все это сейчас пустой треп; как я уже сказал, у нас возникли трудности.

— Ты бы поподробнее, Мьют, — ввязался Мэлком.

— Во — первых, у Молли сломана нога. Она не может идти. По идее, она должна была войти туда, убрать Питера, узнать у З–Джейн волшебное слово, пробраться к голове и произнести его. Теперь Молли вышла из строя. Поэтому я хочу, чтобы к ней

отправились вы двое.

— Мы? — изумленно вытаращился Кейс.

— А кто же еще?

— Аэрол, — сказал, подумав, Кейс, — парень с "Вавилонского рокера", приятель Мэлкома.

— Нет. Нужен ты. Нужен кто — нибудь, понимающий Молли, которая понимает Ривьеру. А Мэлком — для поддержки.

— Ты, может быть, забыл, что я уже нахожусь в середине небольшого рейда. Помнишь? И то, что я здесь для…

— Послушай, Кейс. Нас поджимает время. Очень поджимает. Послушай. Твоя дека связана с виллой на побочной частоте навигационной системы "Гарвея". Вы отведете "Гарвея" в очень уединенный док, который я вам покажу. Китайский вирус полностью заполнил память твоего компьютера. Сейчас в "Хосаке" ничего нет, кроме вируса. Когда вы встанете в док, вирус будет переключен на охранную систему виллы, а навигационную систему можно будет вырубить. Ты возьмешь с собой деку, Флэтлайна и Мэлкома. Вы найдете 3–Джейн, вытряхнете из нее кодовое слово, убьете Ривьеру и заберете у Молли ключ. Включив свою деку в систему "Блуждающего огонька", ты сможешь следить за работой программы. Это я тебе устрою. На затылке головы, под панелью с пятью цирконами, есть стандартный разъем.

— Убить Ривьеру?

— Убить.

Кейс растерянно заморгал; на его плечо легла рука Мэлкома.

— Слушай, а ведь ты кое — что забыл.

Кейс почувствовал прилив ярости и какого — то истерического веселья.

— Ты в заднице. Вместе с Армитиджем ты выбросил управление захватами. "Ханива" вцепилась в нас как клещ. Армитидж искромсал своего "Хосаку", а навигационные компьютеры улетели вместе с рубкой, так ведь?

Финн кивнул.

— Так что мы застряли. А это значит, что ты в заднице.

Кейсу хотелось смеяться, но у него перехватило в горле.

— Кейс, — негромко заметил Мэлком, — "Гарвей" — буксировщик.

— Совершенно верно, — с улыбкой подтвердил Финн.

— Как повеселился в большом мире? — поинтересовался конструкт у Кейса, когда тот снова вернулся в матрицу. — Чувствую, Уинтермьюту потребовалась новая маленькая услуга…

— Слабо сказано. Как "Куанг", все нормально?

— Что надо. Потрясный вирус.

— Ладно. У нас появились некоторые затруднения, но мы

работаем над их преодолением.

— Может, поделишься со мной?

— Некогда.

— Ну и правильно, голуба, чего там церемониться со всякими трупами.

— Иди ты на хер, — сказал Кейс и щелкнул тумблером, избавляя себя от очередной порции жуткого смеха.

— Она мечтала о состоянии с очень малой долей индивидуального сознания, — рассказывала З–Джейн.

Она показывала Молли лежащую на ладони камею. Профиль, вырезанный на камне, весьма походил на ее собственный.

— Животное блаженство. Думаю, она считала развитие передних долей мозга ошибкой природы. — З–Джейн наклонила брошь, наблюдая игру света на гранях. — Даже наиболее болезненные аспекты самоосознания беспокоят индивидуума — члена нашего клана — только при некоторых возбужденных состояниях психики.

Молли кивнула. Инъекция, вспомнил Кейс. Что это они ей вкатили? Боль не то чтобы исчезла, она превратилась в некий сгусток измененных, перепутанных ощущений. Неоновые черви, копошащиеся в бедре, прикосновение грубой мешковины, запах жареных креветок — мозг инстинктивно отказывался копаться в этом месиве, и оно сливалось в нечто вроде белого шума. Если этот ихний болеутолитель сделал такое с нервной системой Молли, в каком же состоянии ее психика?

Зрение даже острее обычного, все образы рисуются с неестественной ясностью и четкостью. Все люди и предметы словно вибрируют, каждый — со своей, чуть — чуть отличающейся от всех прочих, частотой. Черный шар, все еще сковывавший ей руки, Молли пристроила на коленях. Сидела она в пляжном кресле, положив сломанную ногу на пуфик из верблюжьей шкуры. Напротив нее, на таком же пуфе, куталась в просторную галабию из небеленой шерсти хозяйка дома. Выглядела З–Джейн очень молодо.

— Куда это он смылся? — поинтересовалась Молли. — Снова ширяется?

З–Джейн пожала плечами, скрытыми под тяжелой бесформенной накидкой, и отбросила с глаз прядь темных волос.

— Питер попросил меня впустить тебя, но не сказал зачем. Чтобы все было таинственно и загадочно. Ты собиралась что — нибудь с нами сделать?

Молли слегка помедлила.

— Его бы я убила. И попыталась бы убить ниндзю. А потом я поговорила бы с тобой.

— Почему? — З–Джейн спрятала камею в карман галабии. — И еще раз — почему? И о чем?

Некоторое время Молли изучала высокие изящные скулы, широкий рот и узкий ястребиный нос. Глаза у З–Джейн были темные и какие — то тусклые, почти матовые.

— Потому что я его ненавижу, — сказала она наконец, — потому что я так устроена, потому что я — это я, а он — это он.

— И еще из — за шоу, — добавила З–Джейн. — Я была в ресторане.

Молли кивнула головой.

— А Хидео?

— Потому что ниндзя — лучшие профессионалы. Потому что один из них убил моего напарника.

Лицо З–Джейн помрачнело, брови ее поползли вверх.

— Потому что я должна была тебя увидеть, — добавила Молли.

— А потом мы бы немного поболтали — ты да я, и никто не мешает, ты так это себе представляла? — Темные прямые волосы З–Джейн разделялись посреди пробором и были собраны на затылке в тяжелый узел. — Ну а как теперь, теперь — то ты расположена поболтать?

— Сними с меня это, — сказала Молли, поднимая скованные руки.

— Ты убила моего отца, — не меняя тона, ответила З–Джейн. — Я видела на мониторах. Он называл их глазами моей матери.

— Он убил "куклу". Она была похожа на тебя.

— Отец обожал широкие жесты, — ответила З–Джейн, а затем к ней, сияя от наркотиков, подошел Ривьера, облаченный в ту же самую арестантскую робу, что и тогда, на крыше отеля.

— Знакомитесь? Интересная девушка, правда? Я сразу так подумал. — Ривьера встал за спиной З–Джейн. — Только, знаешь, ведь ничего не выйдет.

— Неужели, Питер? — Сделав над собой усилие, Молли изобразила усмешку.

— Уинтермьют — не первый, кто сделал эту ошибку. Недооценил меня.

Ривьера прошел по кафельному борту бассейна к белому столику и плеснул минеральной воды в тяжелый хрустальный стакан.

— Он ведь говорил со мной, Молли. Думаю, он говорил с каждым из нас. С тобой, с Кейсом, даже с Армитиджем — хотя тут — то и разговаривать было не с кем. Он же нас почти не понимает. У него есть психопрофили, но ведь это — статистика, и

не более. Не знаю, дорогая, являешься ли ты неким статистическим животным, но уж Кейс — абсолютно точно, а вот у меня есть качество, по самой своей природе не укладывающееся ни в какие количественные характеристики.

Питер отпил из стакана.

— И какое же? — равнодушно поинтересовалась Молли.

— Извращенность, — широко улыбнулся Ривьера.

Возвращаясь к женщинам, Ривьера раскручивал в стакане остаток воды, словно наслаждаясь массивностью толстого, с голубой резьбой, цилиндра.

— Склонность к бессмысленным поступкам. И я, Молли, принял решение, абсолютно бессмысленное решение.

Глядя на Ривьеру, девушка молча ждала продолжения.

— Ну, Питер, — мягко, словно ребенка, пожурила его 3–Джейн.

— Ты не узнаешь этого слова. Он ведь все мне рассказал. Конечно, 3–Джейн знает код, но ты его не получишь, равно как и Уинтермьют. Наша 3–Джейн — девочка с амбициями. — Ривьера снова улыбнулся. — У нее свои виды на семейную империю, и все бы хорошо, если бы не путались под ногами два сбрендивших искусственных разума. Ты, конечно, будешь смеяться, но они представляют собой вполне серьезную угрозу. Но тут появляется Питер, и Питер помогает ей выбраться из этого весьма неприятного положения. Сиди, говорит Питер, и не чирикай. Крути папочкины любимые джазовые пластинки, а уж Питер пригласит сюда подходящих к музыке танцоров. И тогда мы устроим королю Эшпулу достойные поминки.

Он допил остаток воды.

— Нет, папочка, ты нам не в масть. Ты совсем нам не в масть. Теперь, когда к нам пришел Питер.

А затем порозовевший от кокаина и меперидина Питер швырнул стакан прямо в левую линзу Молли, и уже ничего не было видно, только вспышки света и кровь.

Сняв дерматроды. Кейс обнаружил Мэлкома под потолком. Он висел на страховочном поясе, прикрепленном к панелям корпуса двумя эластичными тросами с большими серыми присосками на концах. Голый по пояс, растафари работал неуклюжим, специально приспособленным для невесомости, гаечным ключом; извлечение каждого очередного болта сопровождалось громким щелканьем пружины. "Маркус Гарвей" маневрировал — время от времени его слегка потряхивало.

— Мьют доведет нас до места, — пояснил Мэлком, опуская болт в привязанную к поясу сетку, — а сажать буду я. Пока что нужно позаботиться об инструменте.

— Ты держишь там свои инструменты?

Задрав голову, Кейс смотрел на ходящие по коричневой спине мускулы.

— Только этот. — Мэлком вытащил из — за панели длинный предмет, завернутый в черный поликарбон. Он вернул панель на место и закрепил ее одним болтом; тем временем черный пакет уплыл к корме. Открыв клапаны присосок, сионит освободился от страховки, догнал беглеца, вернулся и, пролетев над центральным экраном с пульсирующей зеленой диаграммой посадки, зацепился за каркас противоперегрузочной сетки Кейса. Опустившись вниз, он поддел скотч на свертке толстым сломанным ногтем большого пальца.

— Какой — то китаец сказал, что эта штука рождает истину[11]. — Мэлком развернул древний, обильно смазанный автоматический дробовик "ремингтон" со спиленным почти до самого потертого цевья стволом. Вместо приклада у обреза была деревянная пистолетная рукоятка, обмотанная черной изолентой. От Мэлкома пахло потом и марихуаной.

— Это что, единственное, что у тебя есть?

— Да. — Он извлек откуда — то красную тряпочку и, прихватив, чтобы зря не мазаться, рукоятку поликарбоновой оберткой, стал протирать черный, лоснящийся от масла ствол. — Мы, растафарианский военный флот, в него верим.

Кейс натянул дерматроды на лоб. "Техасский катет"" он проигнорировал — там, на вилле, можно будет поссать по — человечески. Не исключено, что последний раз в жизни.

Он щелкнул тумблером.

— Ну и дерьмо же он, — сказал конструкт, — этот самый Питер.

Казалось, они стали частью тессье — эшпуловского льда, изумрудные арки расширились и срослись, стали единой массой. В плоскостях окружающей их китайской программы преобладал зеленый цвет.

— Приближаемся, Дикси?

— Здорово продвинулись. Скоро и ты понадобишься.

— Послушай, Дикси, Уинтермьют говорит, что в нашем "Хосаке" не осталось ничего, кроме "Куанга". Еще он говорит, чтобы я отключил тебя и деку, перенес вас в виллу и подключил через ее охранную программу. Говорит, что "Куанг" будет уже там. И мы продолжим рейд изнутри, через внутреннюю сеть.

— Чудненько, — обрадовался Флэтлайн, — я же просто обожаю делать все через задницу.

Кейс перешел в симстим.

В окутавший Молли мрак, в мешанину синастезии, где ее

боль имела вкус ржавого железа, запах дыни и была похожа на прикосновение к щеке крыльев ночной бабочки. Молли была без сознания, а в сны ее Кейс войти не мог. Замигал оптический чип; теперь каждую цифру окружал слабый розовый ореол.

07:29:40

— Мне очень не нравится, что все так получилось, Питер.

Голос З–Джейн доносился словно издалека. Кейс решил, что Молли может слышать, но затем понял свою ошибку. Симстим был цел и на месте — и Кейс чувствовал, как он врезается Молли под ребра. Ее барабанные перепонки колебались под воздействием голоса З–Джейн — вот и все. Что — то сказал Ривьера, коротко и неразборчиво.

— Нет, — ответила З–Джейн, — и нет тут ничего веселого. Хидео принесет аппарат интенсивной терапии, но здесь нужен хирург.

Наступила тишина. Кейс очень отчетливо услышал, как в бассейне плещется вода.

— О чем это вы без меня говорили?

Теперь Ривьера был совсем близко.

— О моей матери. Она сама меня спросила. Думаю, девочка была в шоке — безотносительно к уколу, который сделал Хидео. Зачем ты это сделал?

— Хотел посмотреть разобьются они, или нет.

— Одна разбилась. Когда — и если — она очнется, мы увидим, какого цвета у нее глаза.

— Она очень опасна. Слишком опасна. Не будь меня под рукой, не отвлеки я ее Эшпулом, не прими твой Хидео на себя бомбу — где бы ты теперь была? В ее власти.

— Нет, потому что был Хидео, — спокойно ответила З–Джейн. — Думаю, ты не совсем понимаешь, кто такой Хидео. Вот она, кажется, понимала.

— Хочешь выпить?

— Да, вина. Белого.

Кейс вышел из киберпространства.

Согнувшись над пультом "Маркуса Гарвея", Мэлком управлял посадкой. На центральном экране неподвижно светился маленький красный квадратик — док виллы. Зеленый квадрат побольше, представляющий "Гарвея", покачивался и постепенно уменьшался. Слева, на малом экране, светился схематический чертеж "Гарвея" и "Ханивы", приближающихся к изогнутой обшивке веретена.

— У нас всего один час, — сказал Кейс, вытаскивая из "Хосаки" разъем. Обычно встроенных батарей деки хватало на девяносто минут, но конструкт Флэтлайна вызовет

дополнительный расход. Быстро, привычными движениями, Кейс примотал кассету с конструктом к днищу "Оно — Сендаи". Мимо проплыл страховочный пояс Мэлкома. Кейс поймал его, отсоединил эластичные тросы с серыми прямоугольными присосками и защелкнул карабины тросов друг за друга. Затем он прижал присоски к деке, надавил рычажки подсоса. Перекинул импровизированный ремень с декой и конструктом через плечо, поверх натянул кожаную куртку и стал инспектировать содержимое ее карманов. Там лежали паспорт, полученный от Армитиджа, банковский чип на то же имя, кредитный чип Фрисайда, бетафенэтиламиновые дермы, купленные у Брюса, пачка новых иен, полпачки "Ихэюань" и сюрикен. Кейс бросил кредитный чип через плечо и услышал, как он ударился о русский воздухоочиститель. Он почти собрался сделать то же самое со стальной звездочкой, когда отскочивший кредитный чип ударил его по затылку, срикошетил в потолок и упал позади левого плеча Мэлкома. Растафари оторвался от приборов и сердито оглянулся. Кейс посмотрел на сюрикен, сунул его обратно в карман куртки и услышал, как рвется подкладка.

— Ты пропустил сообщение от Мьюта, — сказал Мэлком. — Мьют говорит, что обманул систему безопасности. "Гарвей" становится в док под именем другого судна, которое ожидалось из Вавилона. Мьют передал нам его опознавательные коды.

— Мы наденем скафандры?

— Слишком тяжелые. Да чего там, — махнул рукой Мэлком, — лежи себе в этой сетке, пока я не скажу.

Он набрал последние команды и взялся за потертые розовые рукоятки, торчавшие по краям приборной доски. Кейс увидел, как зеленый квадрат усох еще на пару миллиметров и точно наложился на красный. На меньшем экране "Ханива" опустила нос, чтобы не задеть изгиб веретена, и вошла в ворота дока. "Гарвей" все еще висел под ней как пойманная добыча. Корпус буксировщика задрожал и зазвенел. Из поверхности веретена высунулись две лапы и захватили изящный корпус "Ханивы". Из "Блуждающего огонька" появился желтый дрожащий прямоугольник, который, изменяя форму, пополз мимо "Ханивы" к "Гарвею". С носа донесся резкий скрежещущий звук.

— Осторожно, — заметил Мэлком, — теперь у нас есть тяготение.

Будто притянутые магнитом, посыпались разнообразнейшие предметы. Внутренности Кейса резко деформировались, и он чуть не задохнулся. Дека и конструкт больно ударили по коленям.

Теперь они вращались вместе с веретеном.

Мэлком потянулся, снял красную сеточку и встряхнул своими

косицами.

Пошли, брат, ты же говоришь, времени мало.

19

А ведь эта вилла — типичный паразит, подумал Кейс, вылезая из носового люка, обильно обвешанного соплями герметизирующей замазки. Не имея собственной экосистемы, она забирает воду и воздух у Фрисайда.

Трап, поданный к "Гарвею" в доке, был чуть усложненным — это в невесомости можно прыгать и кувыркаться как угодно, а при тяготении без лестницы не обойдешься — вариантом того туннеля, по которому они с Мэлкомом перебирались на "Ханиву". Рифленая труба, состоящая из подвижных, управляемых гидравликой, сегментов, ступеньками служат кольца из прочного шершавого пластика, опоясывающие каждый сегмент. К "Гарвею" труба подходила горизонтально, но затем она резко уходила налево вверх, огибая корпус "Ханивы". Мэлком уже карабкался по трапу, держа в правой руке "ремингтон", а левой цепляясь за кольца. На растафари были мешковатые, сильно поношенные армейские брюки, зеленая нейлоновая безрукавка и драные парусиновые тапочки с ярко — красными подошвами. При каждом его шаге туннель слегка вздрагивал.

Под весом "Оно — Сендаи" и конструкта Флэтлайна карабины импровизированного ремня врезались в плечо Кейса. Боли он не чувствовал — он вообще не чувствовал сейчас ничего, кроме страха. Пытаясь отогнать этот страх, Кейс вспоминал армитиджеву лекцию о Фрисайде и о вилле "Блуждающий огонек". Он вздохнул и полез вверх. Экосистема Фрисайда ограничена, но не замкнута. Тогда как Сион является замкнутой системой, способной самовоспроизводиться долгие годы безо всякого снабжения извне. Фрисайд обеспечивает себя воздухом и водой, но зависит от подвоза продуктов питания и удобрений. Вилла "Блуждающий огонек" не производит вообще ничего.

— Брат, — негромко позвал Мэлком, — поднимайся сюда, встань рядом.

Двигаясь по круглой лестнице боком, Кейс одолел оставшиеся несколько колец. Трап упирался в гладкий, слегка выпуклый люк диаметром метра в два. Гидравлические сегменты трапа уходили в гибкий кожух вокруг люка.

— Так чего же мы…

Кейс замолк, так как люк открылся, и тонкая пыль, поднятая небольшой разницей в давлениях, попала ему в глаза.

Мэлком быстро пролез в люк; Кейс услышал, как щелкнул

предохранитель обреза.

— Ты же вроде торопился, — прошептал Мэлком, присев возле люка; еще секунда, и к нему присоединился Кейс.

Люк располагался в центре круглого сводчатого помещения, устланного голубой пластмассовой плиткой. Мэлком толкнул Кейса локтем и указал на вделанный в стену монитор. На экране высокий юноша с типичными чертами Тессье — Эшпулов отряхивал рукава своего темного пиджака. Он стоял возле такого же люка в таком же помещении.

— Простите пожалуйста, сэр, — донеслось из динамика над люком.

Кейс взглянул вверх.

— Мы ожидали вас позднее, в центральном доке. Минутку, пожалуйста.

Молодой человек на мониторе нетерпеливо вскинул голову.

Держа обрез на изготовку, Мэлком повернулся к открывшейся слева двери. Низенький евразиец в оранжевом комбинезоне удивленно уставился на пришельцев. Он попытался что — то сказать, не смог и закрыл рот. Кейс посмотрел на монитор. Пусто.

— Кто вы? — пролепетал маленький человечек.

— Растафарианский военный флот, — заявил, вставая с корточек, Кейс; киберпространственная дека ударила его по бедру, — Мы только — то и хотим, что включиться в вашу охранную систему.

Человечек сглотнул слюну.

— Это проверка? Проверка лояльности? Ну, конечно же, проверка лояльности! — Он вытер ладони об оранжевые штаны.

— Нет, брат, тут все взаправду. — Мэлком тоже распрягся и наставил на коротышку обрез. — Шевелись.

Они миновали дверь и очутились в коридоре, среди так хорошо знакомых Кейсу полированных бетонных стен и кучами наваленных ковриков.

— Хорошие половики, — сказал Мэлком, подталкивая пленника в спину. — И пахнет, как в церкви.

Как только они подошли к старинному монитору "Сони", под которым находилась клавиатура и панель с множеством разъемов, экран засветился, и на нем появилось напряженно улыбающееся лицо Финна; фоном ему служила прихожая "Метро Голографикс".

— О'кей, — сказал он, — Мэлком, там, дальше по коридору, есть открытая кладовка; запихни парня туда, а я запру. А ты, Кейс, найди на верхней панели пятое гнездо слева. Переходники под консолью, в шкафчике. Нужен тот, где двадцать один пин для "Оно — Сендаи" и сорокапиновый папа для "Хитачи".

Пока Мэлком занимался пленником, Кейс встал на колени и, порывшись среди кучи разных переходников, нашел нужный. Подсоединив его к деке, он немного помедлил и взглянул на экран.

— Тебе обязательно нужно выглядеть Финном?

Финн медленно, строчка за строчкой, превратился в Лонни Зоуна; изменился и фон, теперь это были японские постеры, кое — как наляпанные на стенку.

— Все, что пожелаешь, малыш, — процедил сутенер. — Для Лонни это — что два пальца…

— Нет, — сказал Кейс, — остановимся на Финне.

Зоун исчез; Кейс вставил переходник в разъем и надел дерматроды.

— Что так долго? — захохотал Флэтлайн.

— Я же просил тебя не ржать, — сказал Кейс.

— Шучу, пацан, — ответил конструкт, — для меня же все мгновенно, никакого времени не существует. Давай — ка посмотрим, что там у нас…

Теперь "Куанг" стал зеленым, такого же оттенка, как и тессье — эшпуловский лед. Он прямо на глазах терял прозрачность, хотя вверху все еще проглядывала черная блестящая акула. Ломаные линии и галлюцинационные образы исчезли, теперь эта штука выглядела такой же реальной, как "Маркус Гарвей" — старинная ракета, отливающая черненым хромом.

— Порядок, — сказал Флэтлайн.

— Порядок, — согласился Кейс и щелкнул симстим — переключателем.

— К сожалению, только так. — 3–Джейн поддерживала голову Молли. — Наш аппарат показывает, что сотрясения нет, а глаз можно восстановить. Ты раньше не была с ним мало знакома?

— Совсем не знакома, — бесцветным голосом ответила Молли.

Она лежала то ли на высокой кровати, то ли на обитом мягком столе. Раненая нога ничего не чувствовала, ее словно не было вообще. Синастезический эффект укола вроде прошел. Черный шар исчез, но руки Молли были связаны мягкими ремнями, не попадавшими в поле зрения.

— Он хочет тебя убить.

— Похоже, — сказала Молли, глядя в потолок, мимо ослепительно яркой лампы.

— А вот я, пожалуй, не хотела бы, чтобы он тебя убил, — сказала 3–Джейн; преодолев боль, Молли повернула голову и посмотрела ей в глаза.

— Не надо играть со мной, — сказала она.

— А вот я бы, пожалуй, хотела с тобой поиграть. — З–Джейн наклонилась, откинула со лба Молли волосы и легко клюнула ее губами. На светлой галабии проступали пятна крови.

— Где он сейчас? — спросила Молли.

— Колется, наверное. — З–Джейн выпрямилась. — Он очень тебя ждал. Наверное, будет забавно за тобой ухаживать, Молли.

Она улыбнулась и рассеянно вытерла окровавленную руку о бедро.

— У тебя перелом со смещением, нужно вправить, но это мы устроим.

— А как же Питер?

— Питер? — З–Джейн чуть тряхнула головой. На лоб ее упала прядь темных волос.

— Питер становится довольно скучным. Наркотики — вообще скучная штука. Во всяком случае, — хихикнула З–Джейн, — когда этим занимаются другие. Как ты заметила, мой папаша был заядлым наркоманом.

Молли напряглась.

— Да ты не бойся.

Пальцы З–Джейн поглаживали оголившийся живот Молли.

— Его самоубийство — результат моего вмешательства в работу морозильника. Понимаешь, я же ни разу с ним не встречалась. Я появилась на свет во время его последнего сна. Но знаю его я *очень* хорошо. Ядро знает все. Я видела, как он убил мою мать. Вот поправишься немножко, и я тебе покажу. Он будет душить ее в постели.

— Зачем он убил ее?

Здоровый глаз Молли сфокусировался на лице З–Джейн.

— Он не принимал ее концепцию развития нашей семьи. Это она заказала постройку наших искусственных разумов. Мама была визионерка. Мечтала о симбиозе между семьей и ИскИнами, чтобы деловые решения принимались сами собой, без нашего участия. Даже, пожалуй, все наши сознательные решения. Тессье — Эшпулы должны были стать бессмертными, роем, где каждый из нас был бы частью некоей большей сущности. Потрясающе. Я тебе прокручу ее записи, у меня их около тысячи часов. Но я маму никогда толком не понимала, а с ее смертью это направление было утрачено. Мы вообще утратили всякое направление. Зарылись внутрь самих себя. Теперь мы даже редко покидаем виллу. Я — исключение.

— Ты говоришь, что пыталась убить отца? Изменила программы работы морозильника?

З–Джейн кивнула.

— Я получала помощь. От призрака. Когда я была маленькая, я думала, что в ядрах живут духи. Голоса. Одним из них был Уинтермьют, это — "тьюринговский" код нашего бернского ИскИна. Кстати сказать, тобой управляет не весь этот мозг, а нечто вроде подпрограммы.

— Одним из них? А что, есть и другие?

— Другой. Но он давно со мной не разговаривал. Надоело, наверное. Я подозреваю, что оба они развились из определенных способностей, заложенных по маминым указаниям в исходную программу, но точно не знаю — мамочка была особой весьма скрытной. Вот. Выпей.

3–Джейн поднесла к губам Молли гибкую пластиковую тубу.

— Это вода. Много не пей.

— Ну как, лапочка? — раздался веселый голос Ривьеры. — Развлекаешься?

— Оставь нас одних, Питер.

— Играешь в доктора…

Неожиданно в десяти сантиметрах от носа Молли появилось ее собственное лицо. Безо всяких бинтов. На месте левой зеркальной линзы зияла наполненная кровью открытая глазница, из которой торчал длинный осколок серебристого пластика.

— Хидео, — сказала 3–Джейн, гладя Молли по животу, — если Питер не уберется отсюда, сделай ему *больно*. Иди, Питер, поплавай.

Видение исчезло.

В темноте перевязанного глаза светилось — 07:58:40.

— Он сказал, что ты знаешь код. Питер сказал. Этот код нужен Уинтермьюту.

Внезапно грудь Кейса ощутила легкую тяжесть латунного ключа.

— Да, знаю. — 3–Джейн убрала руку. — Я выучила его еще ребенком. Думаю, во сне… А может, он был где — то в этой тысяче часов маминого дневника. Но я думаю, Питер прав, убеждая меня не выдавать код. Если я верно понимаю, потом придется выяснять отношения с "Тьюрингами", а духи — народ капризный и ненадежный.

Кейс отключился.

— Ну что, странненькая девочка? — ухмыльнулся Финн с экрана старого "Сони".

Кейс пожал плечами. Он повернул голову и увидел, как по коридору возвращается Мэлком, с обрезом в руке. На лице растафари сияла улыбка, голова его качалась в такт неслышимому ритму. Из кармана безрукавки к ушам тянулись тонкие желтые проводки.

— Даб, — сказал Мэлком.

— Ты что, сбрендил? — поинтересовался Кейс.

— А какой вред, брат, что я послушаю? Вполне праведный даб.

— Ну — ка, ребятки, — вмешался Финн, — принимайте низкий старт. Сюда едет ваш транспорт. Я не обещаю множество роскошных трюков, вроде той картинки 8–Джина, на которую купился швейцар, но подбросить вас к логову 3–Джейн — за ради Бога.

Когда в конце коридора из — под бетонной арки вывернула автоматическая тележка, Кейс как раз отсоединял переходник. Скорее всего, именно на ней ехали те негры, но теперь их не было. "Браун", намертво вцепившийся в обивку сиденья, дружелюбно подмигивал единственным своим красным глазом.

— Ты, слуга, давай карету, а я сяду и поеду, — продекларировал Кейс.

20

Злость снова куда — то делась. Даже скучно как — то.

На тележке было тесно: Мэлком с обрезом на коленях плюс Кейс, прижимавший к груди деку и конструкта. Перегрузка сместила центр тяжести легонькой таратайки далеко вверх; неустойчивая, явно не предназначенная для быстрой езды, она все время норовила опрокинуться. Мэлкому приходилось наклоняться в сторону каждого огибаемого угла, что не составляло особых проблем при левых поворотах, так как Кейс сидел с противоположной стороны, но зато уж при правых растафари буквально размазывал его по скамейке.

Кейс абсолютно не понимал, где они находятся и куда едут. Все вроде бы и знакомое, но никогда не было полной уверенности, что именно этот участок коридора проходила Молли. Вдоль искривленной галереи тянулись ряды деревянных стендов с коллекциями, которых он определенно не видел: черепа каких — то крупных птиц, монеты, кованые серебряные маски. Шесть колес тележки катились по ковровым наслоениям совершенно бесшумно. Слышался только гул электромотора, да временами, когда Мэлком в очередной раз наваливался на Кейса, из поролоновых затычек растафари доносились слабые отзвуки сионского даба. Дека и конструкт вдавливали лежащий в кармане куртки сюрикен в бедро.

— У тебя есть часы? — поинтересовался Кейс.

Растафари отрицательно поболтал косичками:

— Ни к чему мерить время.

— О Боже, — простонал Кейс и закрыл глаза.

Быстра просеменив по ковровым залежам к темной обшарпанной двери, "браун" постучал по ней лапкой. Оставленная тележка громко затрещала, из ее вентиляционной решетки посыпались голубые искры. Они падали на ковер, Кейс почувствовал запах паленой шерсти.

— Сюда, что ли? — Мэлком оглядел дверь и щелкнул предохранителем.

— Можно подумать, я знаю больше твоего, — буркнул себе под нос Кейс.

"Браун" развернулся и начал лихорадочно мигать.

— Хочет, чтобы ты открыл дверь, — сказал Мэлком.

Кейс шагнул вперед и осторожно потрогал бронзовую ручку. На двери висела бронзовая табличка, такая старая, что надпись на ней почти стерлась и стала совершенно неразборчивой, скорее всего — давно и всеми забытое название какой — нибудь службы или фамилия служащего. Интересно, подбирали Тессье — Эшпулы каждый предмет обстановки "Блуждающего огонька" специально или купили все оптом на какой — нибудь европейской помойке, вроде "Метро Гологрэфикс", только гораздо больших размеров. Петли открываемой двери жалобно скрипнули, и тут же вперед рванулся Мэлком с обрезом у бедра.

— Книги, — сказал он.

Библиотека, те самые белые металлические стеллажи с бирками.

— Я знаю это место, — сказал Кейс, оглядываясь на тележку; от ковра тянулась струйка дыма.

— Поехали, — решил он. — Телега! Телега?

Тележка не реагировала. "Браун" дергал Кейса лапками за штанину, больно царапая лодыжку; очень хотелось пнуть эту железяку ногой.

— Чего тебе?

Крохотный робот шустро проскочил в открытую дверь. Кейс двинулся следом.

В библиотеке стоял еще один старый монитор "Сони". Подбежав к нему, "браун" замер, а затем стал пританцовывать.

— Уинтермьют?

На экране появились знакомые черты. Финн улыбнулся.

— Пора посмотреть, что там делается. — Глаза Финна щурились от сигаретного дыма. — Давай, подключайся.

Внезапно к Кейсу подбежал "браун" и, больно щипаясь через тонкую черную ткань, стал карабкаться по ноге.

— Вот же мать твою!

Кейс сбросил с себя механизм, и тот ударился о стену. Две

конечности беспомощно задергались в воздухе.

— Что с этой тварью такое?

— Сгорела, — пояснил Финн. — Хрен с ней. Пустяки. Ты, главное, включайся.

Под экраном оказались четыре разъема, но только один подходил к адаптеру "Хитачи".

Кейс вошел в киберпространство.

И очутился в серой пустоте.

Никакой матрицы, никакой решетки. Никакого киберпространства.

Дека куда — то исчезла. Его пальцы…

И только на самом краю сознания ощущалось некое движение, что — то стремительно неслось к нему по глади бесконечного черного зеркала.

Рот свело в беззвучном крике.

Там, за изгибом пляжа, находился вроде бы город, но до него было далеко.

Он сидел, плотно обхватив руками колени, на корточках, посреди мокрого песка, и дрожал.

И даже потом, когда дрожь прекратилась, он не сменил позы и сидел так долго — долго. Город (а город ли это?) был низким и серым. Время от времени он исчезал за стеной тумана, поднимавшегося с моря. В какой — то момент Кейсу показалось, что и вовсе это не город, а только здание или даже развалины; оценить расстояние было невозможно. Песок был цвета почерневшего, но еще не совсем, серебра. Пляж состоял из песка, песок был влажный, джинсы на ягодицах были мокрыми от влажного песка… Он держал себя за колени и раскачивался, и пел песню без мелодии и слов.

Серебро неба отличалось от серебра песка. Тиба. Небо как в Тибе. Токийский залив? Он обернулся в надежде увидеть знакомую голограмму "Фудзи Электрик", или парящий над водой беспилотный вертолет, или хоть что — нибудь.

Позади него закричала чайка. Кейс поежился.

Поднимался ветер. Песчинки больно хлестали по щеке. Кейс уткнул лицо в колени и заплакал; собственный плач казался ему таким же далеким и незнакомым, как крик чайки. Горячая моча пропитала джинсы, капала на песок и быстро остывала на дующем с моря ветре. Слезы высохли, но от безудержных рыданий разболелось горло.

— Уинтермьют, — бормотал он своим коленям. — Уинтермьют.

Темнело, теперь он дрожал уже от холода, который в конце концов заставил его встать на ноги.

Ныли колени и локти. Из носа текло. Он утерся рукавом и стал рыться в пустых карманах.

— Господи, — сказал он, сгорбившись и спрятав озябшие руки под мышки. — Господи.

У него начали стучать зубы.

Отлив украсил пляж песчаными разводами, недоступными ни одному токийскому садовнику. Сделав дюжину шагов в сторону проглоченного уже вечером города, Кейс обернулся и стал всматриваться в сгущающиеся сумерки. От места, где он сидел, тянулась короткая цепочка следов. Больше ничего не нарушало тусклое серебро песка.

Как ему показалось, Кейс прошел не менее километра, прежде чем заметил свет. Он разговаривал с Рацем, именно Рац и обратил его внимание на оранжево — красный огонек, тускло тлеющий справа, в глубине пляжа. Он знал, что Раца здесь нет, что бармен — плод его собственного воображения, никоим образом не связанный с этой мерзостью, в которой он завяз, погряз, заблудился, но это не имело ни малейшего значения. Странным образом, придуманный Рац имел собственные соображения насчет Кейса и задницы, в которую тот попал.

— Ты, дружище — артист, меня просто поражаешь. Это ж какие старания ты прикладываешь, чтобы довести себя до саморазрушения. Какие излишества! Ты мог спокойно доконать себя в Ночном Городе. У тебя было все для этого: стимуляторы, чтобы лишиться здравого смысла, выпивка, чтобы не думать, Линда для романтической печали, и улица, чтобы там тебе оторвали башку. И чего, спрашивается, понесло тебя в такую даль? А декорации, это ж надо такую дурь придумать… сцена, висящая в пустоте, наглухо запечатанные замки, редчайшая гниль старушки Европы, какие — то мертвецы в коробочках, и китайская магия…

Рац ковылял рядом с Кейсом, посмеиваясь и оживленно размахивая розовым протезом. Среди почерневших, теряющихся в темноте зубов диковато поблескивали стальные коронки.

— Наверное, артист просто по — другому не может, или я ошибаюсь? Ты нуждался в этом мире, этом пляже и остальной хурде — мурде. Чтобы умереть.

Кейс остановился, покачнулся и повернулся в сторону прибоя и летящих колючих песчинок.

— Да, — согласился он. — Кой хрен. Наверное…

И пошел навстречу волнам.

— Эй, артист, — крикнул вслед ему Рац. — Свет. Смотри. Вон там, в той стороне…

Кейс снова остановился, зашатался и рухнул на колени у

самой кромки ледяной воды.

— Рац? Свет? Рац…

Абсолютная, без малейшего проблеска, тьма и шум волн. С большим трудом Кейс поднялся на ноги и попробовал вернуться по собственным следам.

Тянулись минуты, часы, века. А он все шел.

А затем оно появилось, тусклое пятнышко, с каждым шагом принимавшее все более определенные очертания. Прямоугольник. Дверь.

— Там огонь. — Ветер вырвал его слова и бросил их в ночь.

Бункер, то ли каменный, то ли бетонный, бункер, погребенный под заносами темного песка. В толстой — не меньше метра — стене — узкий и низкий лаз.

— Эй, — негромко позвал Кейс, — эй…

Пальцы коснулись холодной стены. На камнях плясали тени от горящего внутри огня.

Кейс низко пригнулся и в три шага очутился внутри.

Костер из плавника, разложенный в ржавом стальном ящике, дым уходит в щербатый дымоход, рядом — сидящая на корточках девушка. В пляшущем свете огня он поймал взгляд широко раскрытых, испуганных глаз и узнал головную повязку — шарф с узором вроде увеличенной схемы чипа.

В ту ночь Кейс отказался от ее рук, от предложенной ею пищи и от места рядом с нею в гнезде, сооруженном из старых шерстяных одеял и рваного поролона. В конце концов он примостился у входа и стал смотреть на спящую девушку и слушать шелест песка за стеной. Каждый час он подходил к импровизированному очагу и подбрасывал в огонь свежий плавник из сложенной рядом кучи. Все это иллюзия. Но иллюзорный холод ничем не лучше настоящего.

Вот и она — иллюзия, эта девушка, лежащая в отблесках пламени. Кейс глядел на приоткрывшиеся во сне губы. Такой он ее запомнил в ту поездку через Токийский залив — и это было жестоко.

— Аккуратно работаешь, говнюк, — шептал Кейс. — Не хочешь рисковать, да? Не стал подсовывать мне какое — нибудь фуфло. Но я же все равно знаю, что это такое. — Кейс пытался говорить спокойно. — Знаю, понимаешь? Я знаю, кто ты такой. Ты — тот, второй. З–Джейн рассказала Молли. Ты — пылающий кустарник. Это был не Уинтермьют, а ты. Он пытался предупредить меня с помощью "брауна". А ты вырубил меня, затащил сюда, в никуда. Вместе с призраком. С той, как я ее помню…

Девушка пошевелилась во сне, что — то пробормотала и

натянула одеяло до самого уха.

— Тебя нет, — сказал он спящей девушке. — Ты — мертвая, и единственная цель твоего существования — посадить меня в задницу. Ты слышишь это, приятель? Что я, не понимаю, что ли, что тут происходит? Вырубился я, вот что. И все это заняло секунд двадцать. И сижу я там же, где и был, в библиотеке этой, и мозг мой мертв. А очень скоро он будет по — настоящему, безвозвратно мертв — если у тебя есть хоть на грош здравого смысла. Ты хочешь помешать Уиитермьюту, а для этого всего — то и надо, что задержать меня здесь. Дикси и сам может вести "Куанга", но он — жмурик, и ты всегда его вычислишь. И вся эта херня с Линдой — это же все ты, верно? Уинтермьют попытался с ней работать — еще тогда, в тот раз, когда засунул меня в конструкт Тибы, — но не смог. Слишком, говорит, спотыкательно. И это ты двигал звезды в небе Фрисайда, верно ведь? И мертвой "кукле" в комнате Эшпула лицо Линды сделал тоже ты. Молли его не видела. Ты просто изменил симстим — сигнал. Потому что думал, что сделаешь мне больно. Потому что думал, что это мне не все равно. Ну и давись ты конем, не знаю, как уж там тебя звать. Выиграл ты, выиграл. Только мне на это насрать. Думаешь, нет? Только на хрена ты все это так, на хрена?

Его снова трясло, голос сорвался на крик.

Укутанная драными одеялами девушка зашевелилась.

— Ты бы поспал, — пробормотала она. — Ложись сюда и спи. Если хочешь, я встану, посижу. Тебе нужно поспать. — Голос звучал сонно и неразборчиво. — Просто поспи, и все.

Когда Кейс проснулся, девушки не было. Огонь погас, но в бункере было тепло, косые лучи солнца, проникавшие через проем, ярко освещали вспоротый бок большой картонной коробки. Кейс узнал стандартный грузовой контейнер — он встречал уже такие в доках Тибы; через прореху виднелись ярко — желтые пакеты, на солнце они казались огромными кусками масла. Живот свело от голода. Кейс выбрался из гнезда, подошел к коробке, выудил одну упаковку и, сощурившись, начал разбирать бисерно — мелкие буквы. Надпись была на двенадцати языках, английский шел самым последним. "НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС, ВЫСОКАЯ КАЛОРИЙНОСТЬ, "ГОВЯДИНА" ТИП АГ–8". Далее следовал список пищевых компонентов. Кейс вытащил еще один пакет. "ЯЙЦА".

— Раз уж ты создал все это дерьмо, — произнес Кейс, то мог бы положить и натуральной еды, а?

С пакетами в руках Кейс обошел все четыре помещения бункера. В двух других комнатах, кроме куч песка, ничего не оказалось, а в четвертой — лежали еще три контейнера с

продуктами.

— Ясно, — сказал Кейс и потрогал печати. — Это, значит, оставайся здесь надолго. Ясненько. Как же, как же…

Он обыскал комнату с очагом и нашел пластиковую канистру, с дождевой, как он решил, водой. Рядом с гнездом из одеял у стены лежали дешевенькая красная зажигалка, матросский нож с треснувшей зеленой ручкой и шарф Линды. Заскорузлый от пота и грязи, он все еще был завязан узлом. Кейс вскрыл ножом желтые пакеты и вывалил их содержимое в ржавую консервную банку, валявшуюся рядом с очагом. Затем он добавил воды из канистры, размял комки пальцами и стал есть. Месиво напоминало по вкусу говядину, но весьма удаленно. Покончив с едой, Кейс бросил жестянку в очаг и вышел наружу.

Судя по температуре и по положению солнца, было далеко за полдень. Кейс сбросил сырые нейлоновые туфли и был приятно поражен теплотой песка. При дневном свете пляж имел серебристо — серый оттенок. На голубом небе — ни облачка. Он обогнул бункер и направился к воде, скинув по пути куртку прямо на песок.

— Вот уж не знаю, из чьей памяти ты извлек все это, — сказал Кейс, подойдя к воде.

Он снял джинсы и зафутболил их в неглубокую воду, за ними последовали рубашка и белье.

— Что это ты делаешь?

Он обернулся и увидел, что она стоит в десяти метрах от него и ее ноги омывает морская пена.

— Я вчера обмочился, — ответил Кейс.

— Ты не сможешь потом все это носить. Морской вода, всю кожу разъест. Там, за камнями, — она неопределенно махнула рукой, — есть хорошая лужа, я покажу. С пресной водой.

Выгоревшие армейские брюки обрезаны выше колена, обнажая гладкую загорелую кожу. Легкий ветерок шевелит волосы.

— Послушай… — Кейс подобрал одежду и направился к девушке. — У меня есть вопрос. Я не буду спрашивать, что делаешь здесь ты. Но вот что здесь делаю я, как ты себе это представляешь?

Кейс остановился, мокрая штанина хлопнула его по голой ноге.

— Ты пришел этой ночью, — улыбнулась Линда.

— И этого что, достаточно? Просто пришел — и все?

— Он сказал, что ты придешь, — улыбнулась Линда, смешно наморщив нос, а затем пожала плечами. — Он же понимает такие вещи.

Она подняла левую ногу и неловко, совсем как ребенок, соскребла ею с правой лодыжки засохшую соль. И снова улыбнулась, немного неуверенно.

— А теперь спрошу я, ладно?

Кейс кивнул.

— Кто это тебя так разрисовал, что все коричневое, кроме одной ступни?

— И это — последнее, что ты помнишь?

Кейс смотрел, как она выскребает остатки сублимированного мяса из прямоугольной стальной крышки, единственной их тарелки.

Линда кивнула, в пламени костра ее глаза казались огромными.

— Ты прости меня, мне же самой жалко, вот честное слово, жалко. Я же больше со зла, из вредности, и к тому же… — Линда виновато поникла, ее лицо исказилось то ли от боли, то ли от воспоминания о прошлой боли. — Попросту говоря, мне были нужны деньги. Чтобы уехать домой или…

— Дьявол! — неожиданно воскликнула она. — Да ты же меня почти не замечал!

— А сигарет, значит, нету?

— У тебя что, с головой не в порядке? Я слышу этот вопрос уже десятый раз!

Она крепко закусила прядь волос.

— Но еда — то здесь была? С самого начала?

— Я сто раз тебе объясняла, что ее выбросило на этот долбаный пляж.

— О'кей. Понятно. Тут уж не подкопаешься.

Девушка снова начала всхлипывать, негромко и без слез.

— И вообще, откуда ты взялся на мою голову? — проговорила она наконец. — Знаешь, как хорошо было здесь без тебя?

Кейс встал, прихватил куртку и выскочил наружу, ободрав руку о шершавый бетон. Ни ветра, ни луны, только плеск неразличимого в темноте моря. Джинсы после стирки заметно сели, влажная ткань неприятно липла к ногам.

— О'кей, — сказал Кейс непроглядной ночи, — притворимся, что поверили! Но только с условием, чтобы завтра на тот же пляж выбросило сигареты. — Он вздрогнул от собственного смеха. — Да и ящик пива заодно бы не помешал.

Он вернулся в бункер.

Линда ворошила угольки серебристой от долгого пребывания в воде щепкой.

— А кто это такая была в твоем гробу "Дешевого отеля"? Типичная самурайка, вся в черной коже и с зеркальными

линзами. Я испугалась, а потом подумала, может это — твоя новая девушка, хотя она и показалась мне слишком для тебя дорогой… — Линда виновато вскинула глаза. — Я же правда очень жалею, что сперла у тебя файлы.

— Пустяки, — ответил Кейс. — Это ровно ничего не изменило. Итак, ты отнесла файлы к этому парню и попросила прочитать?

— Тони, — кивнула Линда. — Мы с ним иногда встречались. Он тоже кололся, и мы… ладно. Да, я помню, как он смотрел на своем мониторе и там была потрясающая графика, я еще удивилась, откуда ты…

— Там не было никакой графики, — перебил Кейс.

— Как это не было, если было. Не понимаю только, откуда ты взял все эти снимки про мое детство. Например, мой папа, до того, как он от нас ушел. Он мне подарил деревянную раскрашенную дудочку, так у тебя там был даже *ее* снимок.

— А Тони, он все это видел?

Не помню. А потом я вдруг очутилась на пляже, совсем ранним утром, на рассвете, и очень одиноко, и птицы кричат. Я очень перепугалась, ведь у меня с собой ничего не было, ни уколоться, ничего, и я знала, какая будет ломка… И я все шла и шла по берегу, пока не стало темно, и я набрела на этот бункер, а на следующий день на берег выбросило эти коробки с едой, все опутанные какой — то зеленой морской мерзостью, вроде полосок затвердевшего желе морской капусты.

Линда воткнула щепку в золу.

— И знаешь, никакой ведь ломки. — Щепка потихоньку разгоралась. — Вот сигарет — их и вправду не хватает. А как ты? Все еще употребляешь?

На ее скулах играли отблески пламени, напомнившие аркаду. "Замок колдуна", "Танковую войну"…

— Нет, сказал Кейс, а потом было уже все равно, что там он понимает и чего он не понимает, ощущая на ее губах солоноватый вкус слез. В ней было нечто первозданно — мощное, нечто, знакомое ему по Ночному Городу, знакомое и хранившее его, хранившее — до времени — от времени и смерти, от безжалостной, всепожирающей Улицы. Некое место, знакомое ему и прежде, место, до которого не со всяким проводником доберешься, хотя он, странным образом, никогда об этом не помнил. Нечто, столько раз найденное — и столько же раз утраченное. Нечто, относившееся — он знал это всегда и вспомнил сейчас, увлекаемый в гнездо из рваных тряпок — к сфере плоти, к сфере мяса, презираемого всеми ковбоями. Нечто непомерно огромное, безнадежно непознаваемое, океан

информации, закодированный в феромонах и винтовых лестницах аминокислот, бесконечная сложность, разобраться в которой под силу только слепому, нерассуждающему телу.

Он стал расстегивать армейские брюки, и молнию заело — между нейлоновых зубьев набилась морская соль. Рывок посильнее, отскочила и ударилась в стенку какая — то железка, прогнившие нитки лопнули, и он был в ней, передавая сгусток все той же древней информации. Он ни на секунду не забывал, что это за место, понимал, что находится в закодированной модели чьей — то памяти, — но даже это ничего не меняло.

Она задрожала в тот самый момент, когда вспыхнула воткнутая в золу щепка, и на стене бункера заплясали их сплетенные тени.

Позже, когда они уже просто лежали и ладонь его замерла на ее животе, Кейс вспомнил пляж, белую пену вокруг ног Линды и ее слова.

— Он сказал тебе, что я приду.

Но Линда только повернулась на бок, прижалась к нему спиной, накрыла его руку своей и что — то пробормотала сквозь сон.

21

Его разбудила музыка, которую он принял вначале за удары собственного сердца. Кейс сел, поеживаясь от предрассветного холода, и набросил на плечи куртку; огонь давно погас, сквозь проем сочится серый свет. Поле зрения кишело призрачными иероглифами, на нейтральном фоне стены выстраивались полупрозрачные линии и знаки. Кейс взглянул на тыльные стороны ладоней и увидел, как под кожей ползают, повинуясь некому непонятному коду, слабо мерцающие молекулы. Он поднял правую руку и осторожно подвигал ею из стороны в сторону. В воздухе повис неяркий, быстро затуханий след.

Волосы на руках его и затылке встали дыбом. Оскалив зубы, Кейс припал к земле и начал прислушиваться к музыке. Биение ритма стихло, вернулось, снова стихло…

— Что случилось? — Линда села и сонно откинула с глаз волосы.

— Я… ну словно под балдой… У тебя тут есть что — нибудь такое?

Девушка помотала головой и взяла его за руки.

— Линда, кто тебе сказал? Кто сказал, что я приду? Кто?

— На берегу. — Что — то заставило ее отвести взгляд в сторону. — Мальчик. Я встретила его на берегу. Лет тринадцати.

Он здесь живет.

— И что он сказал?

— Он сказал, что ты придешь. Сказал, что ты не станешь на меня сердиться. Еще он говорил, что нам будет здесь хорошо, и показал мне лужу с дождевой водой. Он похож на мексиканца.

— На бразильца, — поправил ее Кейс и увидел, как по стене побежала новая волна символов. — Думаю, он из Рио.

Кейс встал и начал влезать в джинсы.

— Кейс, — голос Линды дрожал. — Куда ты уходишь?

— Поищу этого мальчика.

Снова нахлынула музыка, а точнее, один ритм, навязчивый и вроде бы знакомый. Где — то он его слышал.

— Не надо.

— Когда я сюда попал, я вроде что — то там видел. Город, чуть подальше по берегу. А вчера ничего такого не было. А ты — ты его видела? — Кейс рывком застегнул "молнию" на джинсах, попытался развязать диким узлом затянувшиеся шнурки на ботинках, но потом махнул рукой и решил идти босиком.

Линда опустила глаза и кивнула.

— Да. Иногда я его вижу.

— Ты ходила туда?

Кейс надел куртку.

— Нет, — помотала она головой. — Но я пыталась. Когда я сюда попала, мне стало скучно. И я подумала, раз там город, то, может, там найдется ширево? — Лицо ее чуть скривилось. — У меня и ломки даже не было, просто хотелось словить кайф. Я взяла жестянку и размочила в ней еду посильнее, ведь у меня нет отдельной посуды для воды. Я шла целый день и видела его иногда, город этот самый, и казалось, что до него не очень далеко. Но только он так к не стал ближе. А потом он вроде как разрушенный, или там никого нет, потом мне вдруг показалось, что я вижу фары машин или еще что — то в этом роде…

Она говорила все тише, а потом н совсем замолчала.

— Ну и что же это такое?

— Вот эта штука, — она обвела рукой погасший очаг, темные стены, вход, за которым начинался рассвет, — в которой мы живем. Понимаешь, Кейс, она *уменьшается*. Чем ближе к ней подходишь, тем она меньше.

Перед самым выходом из бункера Кейс немного помедлил.

— А ты спрашивала об этом мальчишку?

— Да. Он сказал, что я не пойму и только зря потрачу время. Сказал, что это вроде как… вроде как *событие*. И что это — наш горизонт. *Горизонт событий*, так он сказал.

Эти слова не имели никакого смысла. Кейс вышел из бункера

и побрел наугад, в противоположную — как подсказывало ему какое — то чувство — от моря сторону. Иероглифы бежали по песку, выскакивали из — под его ног и разлетались в разные стороны.

— Ага, — сказал Кейс, — мир трещит по швам. Зуб даю, ты тоже это знаешь. Кто же это? "Куанг"? Китайский ледокол прорезает дырку в твоем сердце? Или Дикси Флэтлайн оказался не так уж прост, а?

Кейс услышал голос Линды и оглянулся. Она шла следом. Сломанная молния хлещет по загорелому животу, курчавый лобок аккуратно окантован рваной тканью. Словно ожившая иллюстрация из какого — нибудь старого журнала, которые кипами валяются в мастерской Финна, вот только грустная и усталая, а рваные портки выглядят не вызывающе, а как — то даже трогательно.

А потом они почему — то оказались по колено в воде, все трое, и с моря накатывались волны, и мальчишка широко улыбался, и на дочерна загоревшем лице ярко выделялись розовые десны. Единственной его одеждой были драные выцветшие шорты, из которых торчали, уходили в серо — голубую муть прибоя тонкие, как спички, ноги.

— Я тебя знаю, — сказал Кейс.

— Нет, — высоким мелодичным голосом возразил мальчишка. — Ты меня не знаешь.

— Ты — второй ИскИн. Из Рио. Тот, который хочет помешать Уинтермьюту. Как тебя звать? Назови свой тьюринг — код.

Мальчишка сделал стойку и засмеялся. Затем немного походил на руках, подпрыгнул и снова встал на ноги. У него были глаза, как у Ривьеры, только беззлобные.

— Чтобы вызвать демона, нужно узнать его имя. Древняя мечта людей, теперь она сбылась, хотя и не совсем так, как они себе это представляли. Ты понимаешь меня, Кейс. Ведь твоя работа состоит в узнавании имен программ, длинных абстрактных имен, скрываемых их владельцами. Истинные имена…

— Ты хочешь сказать, что тьюринг — код не является твоим именем.

— Нейромант. — Прищурив серые миндалевидные глаза, мальчишка посмотрел на встающее солнце. — Дорога в страну мертвых. Туда, где ты, мой друг, находишься. Эту дорогу проложила моя госпожа Мари — Франс, убитая своим мужем до того, как я прочитал книгу ее судьбы. Нейро — это от нервов, серебристых тропинок. Нейромант, романтик, некромант. Призывающий мертвых. А точнее, друг мой, — мальчишка весело

запрыгал по песку, — я и есть эти мертвые, их царство.

Он захохотал. Где — то закричала чайка.

— Оставайся. И какая разница, что твоя женщина — тень, ведь она об этом не знает. И ты не будешь знать.

— Твое царство рушится. Лед трещит.

— Нет. — Неожиданно лицо мальчишки погрустнело, хрупкие плечи обмякли.

Он провел ногой по темному песку.

— Все гораздо проще. Но у тебя есть выбор.

Серые глаза внимательно смотрели на Кейса. Перед ним замелькали новые символы. Изображение мальчишки задрожало, как будто в потоках горячего воздуха от раскаленного асфальта. С новой силой послышалась музыка, и Кейс почти различил слова.

— Кейс, милый. — Рука Линды легла ему на плечо.

— Нет, — сказал он, а затем снял с себя куртку и передал девушке.

— Я не знаю, может, ты и вправду здесь. Во всяком случае, становится холодно.

Кейс повернулся и пошел прочь, а после седьмого шага и вовсе закрыл глаза, полностью отдавшись во власть музыки. Один раз он обернулся, но глаза не открыл.

В этом не было нужды.

Они стояли у кромки воды, Линда Ли и худощавый мальчик по имени Нейромант. Рука девушка бессильно обвисла, полу кожаной куртки облизывала морская пена.

Он шел на музыку.

На сионский даб.

И снова то серое место, и словно перемещаются тонкие муаровые ширмы, раскрашенные при помощи простейшей графической программы. Потом перед глазами долго висели застывшие над темной водой чайки, снятые почему — то через звено какой — то цепи. И голоса. И бескрайняя равнина того черного зеркала, и зеркало наклонилось, а он стал капелькой ртути и покатился вниз, по невидимому лабиринту, стукаясь на поворотах, дробясь и снова сливаясь, и все вниз, и вниз…

— Кейс? Ты?

Музыка.

— Ты вернулся, брат.

Музыка исчезла, сперва из одного уха, затем из другого.

— На сколько я вырубился? — Кейс услышал вопрос словно со стороны и понял по голосу, что во рту его совсем пересохло.

— Минут пять, наверное. Очень долго. Я хотел выдернуть разъем, но Мьют сказал: не надо. На экране стало что — то странное, и тогда Мьют сказал надеть на тебя наушники.

Кейс открыл глаза. По лицу Мэлкома бежали полупрозрачные иероглифы.

— И твое лекарство, — добавил растафари. — Два дерма.

Кейс лежал на полу библиотеки под монитором. Мэлком помог ему сесть, но от движения он почувствовал мощный прилив бетафенэтиламина — левое его запястье жгли два синих дерма.

— Передозняк, — выдавил Кейс, с трудом ворочая языком.

— Давай, брат, давай. — Сильные руки подняли его, как ребенка. — Нужно двигать дальше.

22

Тележка рыдала. Бетафенэтиламин даровал ей человеческий голос. Она не смолкала ни в переполненной экспонатами галерее, ни в бесконечных коридорах, ни проезжая мимо черного стеклянного люка, ведущего в семейный склеп Тессье — Эшпулов, к камерам, где совсем недавно холод заползал в сны старого Эшпула.

Для Кейса поездка была сплошным и крутым кайфом — внешнее движение самым бредовым образом мешалось с сумасшедшим напором двойной дозы стимулятора. Но потом мотор заглох, из — под сидения вылетел сноп белых искр, и безутешное рыдание смолкло.

Тележка прокатилась немного по инерции и застыла за три метра до входа в пиратскую пещеру З–Джейн.

— Далеко еще?

Как только Мэлком помог Кейсу слезть на пол, в машинном отделении сработал встроенный огнетушитель, и изо всех щелей посыпался желтый порошок. "Браун" свалился со спинки сиденья и, волоча неработающую конечность, заковылял по поддельному песку.

— Теперь, брат, тебе придется идти самому.

Мэлком подхватил деку с прицепленным к ней конструктом и вскинул ремень на плечо.

Кейс двинулся следом, бренча висящими на шее дерматродами.

Их встретили все те же голограммы за вычетом разрушенного Молли триптиха. Мэлком их игнорировал.

— Не торопись. — Кейс старался не отставать от широко шагающего сионита. — Нужно сделать все путем.

Крепко сжимая обрез, Мэлком остановился и сверкнул глазами на Кейса:

— Путем? А это как — путем?

— Молли там, но она вне игры. Ривьера может отколоть

какой — нибудь номер с голограммами. Возможно, он завладел игольником.

Мэлком кивнул.

— И еще там этот ниндзя, телохранитель.

Растафари помрачнел.

— Послушай, ты, вавилонский брат, я — воин. Но это — не моя война и не война Сиона. Это — война Вавилона. Вавилон пожирает сам себя, понял? Но Джа сказал, что мы должны вытащить оттуда Танцующую Бритву.

Кейс недоуменно моргнул.

— Она — тоже воительница, — несколько загадочно объяснил Мэлком. — А теперь, брат, скажи мне, кого я *не должен* убивать.

— З–Джейн, — сказал, секунду помедлив, Кейс. — Девушку, которая там. На ней что — то вроде белого балахона с капюшоном. Она нам нужна.

Когда они достигли входа, Мэлком сразу направился внутрь, и Кейсу ничего не оставалось, как идти следом.

Страна З–Джейн оказалась пустынна, а бассейн пуст. Вручив Кейсу конструкт и деку, Мэлком подошел к кромке воды. Вокруг бассейна стояла белая пляжная мебель, а дальше начиналась тьма, лабиринт полуразрушенных стен.

В бассейне мирно плескалась вода.

— Они где — то здесь, — прошептал Кейс. — Должны быть.

Мэлком кивнул.

Первая стрела пронзила ему предплечье. В ответ раздался грохот, из ствола "ремингтона" вырвался длинный сноп пламени. Вторая стрела выбила обрез из рук Мэлкома и швырнула на белый кафельный пол. Мэлком резко сел на пол, взялся за торчащую из руки стрелу и слегка ее подергал.

Из темноты, держа на изготовку изящный бамбуковый лук с третьей стрелой, вышел Хидео. Он вежливо поклонился.

Мэлком поднял голову; его пальцы продолжали ощупывать черненое стальное древко.

— Артерия цела, — сказал ниндзя.

Кейс вспомнил, как Молли описывала человека, убившего ее дружка. Вот и Хидео такой же. Человек без возраста, прямо излучающий спокойствие, полную безмятежность. На нем выцветшие, аккуратные брюки защитного цвета и темные туфли, облегающие ступню плотно, как перчатки, с отдельным большим пальцем, как у традиционных японских носков таби. Бамбуковый лук выглядел музейным экспонатом, зато торчащий из — за левого плеча металлический колчан украсил бы витрины лучших оружейных магазинов Тибы. Грудь голая, загорелая и без единого

волоска.

— Вторая отстрелила мне большой палец, — пожаловался Мэлком.

— Кориолисова сила, — пояснил ниндзя и снова поклонился. — Вращательная гравитация и медленно летящий снаряд, очень трудная задача. Я не хотел.

— Где З–Джейн? — Кейс подошел к Мэлкому и встал с ним рядом. Стрела, пробившая руку растафари, имела не совсем обычный наконечник — плоский, с двумя острыми, как бритва, кромками. — И где Молли?

— Привет, Кейс.

Откуда — то из — за спины Хидео появился Ривьера с игольником в руке.

— А я, вообще — то, ожидал увидеть Армитиджа. А это что, наемник — растафари? Уже и до этого дело дошло?

— Армитидж мертв.

— Вернее сказать, он никогда и не существовал, так что я не очень потрясен.

— Его убил Уинтермьют. Выкинул в космос.

Ривьера кивнул, переводя взгляд миндалевидных серых глаз с Кейса на Мэлкома и обратно.

— Думаю, это — конец, для вас обоих.

— Где Молли?

Ниндзя ослабил тетиву, опустил лук, затем подошел к валяющемуся на полу "Ремингтону" и поднял его.

— Весьма неутонченно, — заметил он, как бы самому себе.

Голос звучал приятно — и абсолютно бесстрастно. Каждое движение Хидео было частью танца, танца, не прерывающегося даже в те мгновения, когда тело его застывало неподвижно, отдыхало. В ниндзе чувствовалась мощь туго сжатой стальной пружины и, одновременно, открытая, бесхитростная простота, даже смирение.

— Какая разница? — пожал плечами Ривьера. — Ей тоже конец.

— А вдруг этого не захочет З–Джейн? — спросил Кейс неожиданно для самого себя. Двойная доза стимулянта не прошла даром, им овладевало дикое, знакомое по Ночному Городу, бешенство. Он не раз замечал, что, находясь на крутом взводе, способен действовать на автомате, говорить, даже не успев подумать.

Серые глаза опасно сузились.

— Почему, Кейс? Почему ты так думаешь?

Кейс улыбнулся. Ривьера не знает о симстим — передатчике — попросту не заметил его, торопясь найти наркотики. Но как

мог пропустить такую вещь Хидео? Кейс не сомневался, что ниндзя ни за что бы не позволил З–Джейн ухаживать за Молли, не обыскав сперва пленницу на предмет оружия. Так что Хидео знает о передатчике. А значит, знает о нем и З–Джейн.

— Объясни мне, пожалуйста, — проворковал Ривьера, поднимая ствол игольника.

За его спиной что — то скрипнуло, затем снова. Из темноты появилась З–Джейн, катившая Молли на редчайшем музейном экспонате — причудливо орнаментированном викторианском инвалидном кресле; высокие, с тонкими спицами, колеса беспрестанно скрипели. Молли была закутана в полосатое, красное с черным, одеяло, над ее головой возвышалась узкая плетеная спинка допотопного чудища. Выглядела отважная самурайка, она же Танцующая Бритва растафарианцев (и что бы это значило?), неважно — очень маленькой и совсем сломленной. Голова бессильно болтается, разбитое зеркало прикрыто круглой, ослепительно белой заплатой, второе поблескивает, но как — то тускло, бессмысленно.

— Знакомое лицо, — протянула З–Джейн. — Я видела тебя на представлении Питера. А это кто?

— Мэлком, — сказал Кейс.

— Хидео, удали стрелу и перевяжи мистеру Мэлкому рану.

Кейс не мог оторвать глаз от Молли, от ее мертвенно — бледного лица.

Положив лук и обрез подальше, ниндзя вынул что — то из кармана и подошел к Мэлкому. Мощные кусачки.

— Придется перекусить древко, — пояснил он. — Слишком близко к артерии.

Мэлком кивнул. Его посеревшее лицо блестело от пота.

Кейс посмотрел на З–Джейн.

— Времени совсем в обрез, — сказал он.

— У кого?

— У нас у всех.

Раздался щелчок — Хидео перекусил металлическое древко стрелы. Мэлком глухо застонал.

— Слушай, — горячо начал Ривьера. — Ну какая тебе, спрашивается, радость слушать, как выворачивается этот прогоревший мошенник, наблюдать его последнюю, отчаянную попытку кинуть тебя? Зрелище будет, уверяю тебя, самое тошнотворное. В конце концов он бухнется на колени, готовый продать родную мамашу, предложит тебе свои крайне неквалифицированные сексуальные услуги…

— А что бы делала я на его месте? — весело расхохоталась З–Джейн.

— Сегодня призраки поцапаются, и всерьез, — сказал Кейс. — Уинтермьют поднимается против второго духа — Нейроманта. Он принял окончательное решение. Ты это знаешь?

— Ну — ка, ну — ка, расскажи поподробнее, — подняла брови З–Джейн. — Питер, он тоже болтал о чем — то в этом роде.

— Я встретился с Нейромантом. Он вспоминал твою мать. Думаю, он — нечто вроде огромной памяти для записи личностей, только с постоянным прямым доступом через оперативку. Все конструкты думают, что они и вправду там, по — настоящему, но все события для конструктов повторяются и повторяются, движутся по вечному кругу.

З–Джейн оставила кресло — каталку и подошла поближе.

— Где это — там? Опиши мне это место, этот конструкт.

— Пляж. Серый, как нечищеное серебро, песок. И такая бетонная штука, вроде бункера… — Кейс помедлил, вспоминая, — В общем, ничего особенного. Только старый полуразрушенный бункер. А если долго идти в одном направлении, то снова выйдешь туда, откуда вышел.

— Понятно, — кивнула З–Джейн. — Марокко. В юности, задолго до замужества, Мари — Франс провела на этом пляже целое лето, одна, в заброшенном блокгаузе. Там — то она и сформировала основы своей философии.

Хидео выпрямился и сунул кусачки в карман. В руках он держал обломки стрелы. Мэлком сидел с закрытыми глазами, крепко вцепившись в пробитый бицепс.

— Сейчас я перебинтую, — сказал Хидео.

Кейс бросился на пол, не дав Ривьере времени толком прицелиться. Сверхзвуковыми комарами взвизгнули над ухом стрелы. Катясь по полу, Кейс увидел, как Хидео исполнил очередное па своего танца; передняя, с бритвенными наконечниками, половинка стрелы развернулась в его ладони, легла вдоль напряженно выпрямленных пальцев. Молниеносное движение руки, и стрела вонзилась в тыльную сторону ладони Ривьеры. Игольник отлетел на метр в сторону.

Ривьера завизжал. Но не от боли. Это был вопль ярости, настолько чистой, всепоглощающей, что в ней не оставалось ничего человеческого.

И тут же из Ривьеры ударили две тонкие ослепительно — яркие иглы рубиново — красного света.

Ниндзя издал какой — то хрюкающий звук, отшатнулся, закрыв глаза руками, и замер.

— Питер, — негромко сказала З–Джейн, — ты хоть понимаешь, *что* сделал?

— Он ослепил твоего клонированного защитника, — устало

констатировала Молли.

Хидео медленно отнял от лица ладони. Застыв от ужаса, Кейс смотрел, как от невидящих глаз поднимаются клочья не то пара, не то дыма…

Ривьера весело улыбнулся.

Хидео повторил прежние движения своего танца, но теперь — в обратном порядке. Когда он остановился прямо над луком, стрелой и обрезом, улыбка Ривьеры померкла. Хидео нагнулся — поклонился, как показалось Кейсу — и подобрал лук со стрелой.

— Ты же слепой, — отшатнулся Ривьера.

— Питер, — покачала головой З–Джейн, — разве ты не знал, что темнота ему не помешает? Дзен. Он прошел дзен — подготовку.

Ниндзя наложил стрелу на лук.

— Как ты думаешь, помогут тебе твои голограммы?

Ривьера пятился в темноту, со всех сторон обступавшую бассейн. Он задел стул, деревянные ножки коротко проскребли по кафелю.

Стрела Хидео вздрогнула и развернулась.

Ривьера бросился бежать, перепрыгнул зазубренный огрызок стены и исчез.

На лице ниндзи была предельная сосредоточенность — и тихая беззлобная радость.

Улыбаясь и держа оружие наготове, он бесшумно ушел за ту же самую стену, во тьму.

— Эй, леди Джейн, — прошептал Мэлком, а когда Кейс обернулся, то увидел, как тот подбирает обрез, роняя на белую керамику капли крови. Затем растафари встряхнул своими косицами и положил толстый ствол оружия на сгиб раненой руки. — Эта штука снесет вам голову, и ни один вавилонский доктор не приставит ее обратно.

З–Джейн молча глядела на "ремингтон". Молли вытащила из — под складок полосатого одеяла черную сферу, сковывавшую ее руки.

— Сними, — сказала она, — сними эту гадость.

Кейс встал с пола и отряхнулся.

— Неужели Хидео сделает его, даже без глаз? — спросил он.

— Когда я была маленькая, — ответила З–Джейн, — мы любили завязывать ему глаза. И он попадал стрелой в туза с десяти метров.

— Питер все равно покойник, — вставила Молли. — Через двенадцать часов его разобьет паралич. Он сможет шевелить только глазами.

— Почему? — повернулся к ней Кейс.

— Я отравила его дурь. Получится нечто вроде болезни Паркинсона.

— Да, — кивнула 3–Джейн. — Прежде чем впустить его, мы провели стандартное медицинское сканирование. — Легкое прикосновение к сфере, и руки Молли обрели свободу.

— Выборочное разрушение клеток substantia nigra. Признаки образования тела Леви. Он сильно потеет во сне.

— Это Али, — сказала Молли, блеснув на мгновение десятью лезвиями. Она откинула одеяло и осторожно потрогала свою ногу, стянутую надувной шиной. — Меперидин. Я уговорила Али сделать мне специальную партию. Он повысил температуру процесса. И вместо обычного меперидина получился N — метил–4–фенил–1236–тетра — гидро — пиридин. — Молли пропела сложное название как детскую считалку.

— Отрава, — сказал Кейс.

— Точно, — кивнула Молли, — отрава, только очень медленная.

— Потрясающе! — хихикнула 3–Джейн.

В лифте было, мягко говоря, тесновато. 3–Джейн прижало к Кейсу, а в подбородок ей упирался ствол "ремингтона". Она ухмыльнулась, почти ехидно, и стала тереться о грозно вооруженного спутника животом.

— Слушай, прекрати, — взмолился Кейс, чувствуя полную свою беспомощность.

Обрез стоял на предохранителе, и все равно было страшно, ведь подстрелишь эту красотку — и конец всему. И она, стерва, прекрасно все понимает. Мэлком держал Молли на руках и, скорее всего, очень страдал от боли, хотя обезноженная воительница успела перевязать ему руку. Бедро ее вдавливало деку и конструкт Кейсу прямо в почки.

Собственно говоря, стальной, метрового диаметра, цилиндр был рассчитан не на четырех пассажиров, а на одного.

Тяготение слабело, они двигались к оси веретена, к ядрам.

Вход в лифт прятался рядом со ступенями, ведущими в коридор.

— Не знаю, зачем уж я вам это говорю, но у меня нет ключа от интересующей вас двери. — 3–Джейн вытянула шею, чтобы подбородок не терся о ствол. — У меня его никогда и не было. Это одна из викторианских причуд моего папаши. Замок там механический и очень сложный.

— Чаббовский замок, — голос Молли из — за плеча Мэлкома прозвучал приглушенно. — Не бойся, у нас есть этот долбаный ключ.

— А часы твои еще работают? — спросил Кейс.

— Сейчас восемь двадцать пять вечера по дважды долбаному среднегринвичскому времени, — любезно сообщила Молли.

— У нас осталось пять минут, — сказал Кейс, и в тот же Момент за спиной 3–Джейн открылась дверь лифта.

Наследница Тессье — Эшпулов вылетела из лифта медленным обратным сальто, ее светлая галабия вздулась пузырем.

Они находились на оси, в сердце виллы "Блуждающий огонек".

23

Молли сняла через голову шнурок вместе с привязанным к нему ключом.

— Знаешь, — живо заинтересовалась 3–Джейн, — я всегда считала, что второго такого не существует. Когда ты убила моего отца, я послала Хидео осмотреть его вещи. Ключа он не нашел.

— Уинтермьют сумел спрятать его в дальнем углу ящика. — Молли осторожно вставила цилиндрический стерженек в замочную скважину гладкой, совершенно неприметной двери. — Ребенка, который положил туда ключ, он убил.

Ключ повернулся легко и плавно.

— Позади головы есть панель, — сказал Кейс. — С цирконами. Снимите ее. Там разъем для деки.

Они открыли дверь и вошли.

— А дольше ты, мать твою, не мог? — спросил Флэтлайн.

— "Куанг" готов?

— Кусает удила и бьет копытом.

— О'кей.

Кейс щелкнул симстим — переключателем.

И увидел через здоровый глаз Молли изможденную бледнолицую фигуру, свободно парящую в эмбриональной позе, сжав между ног киберпространственную деку. Темные болезненные круги вокруг плотно закрытых глаз, на лбу серебристая полоска дерматродов. Щеки этого полутрупа покрывала суточная поросль темной щетины, лицо блестело от пота.

Он смотрел на себя самого.

Рука Молли сжимала игольник. Хотя в ноге ее непрерывно пульсировала боль, девушка находила в себе силы для самостоятельного перемещения в нулевой гравитации. Ухватив тонкую руку 3–Джейн своей огромной коричневой ладонью, неподалеку дрейфовал Мэлком.

Медленно покачивалась грациозная петля световода,

соединявшего "Оно — Сендаи" с затылком усыпанного жемчугом терминала.

Кейс вернулся в киберпространство.

— "Куанг — Грейд — Марк — Одиннадцатый" стартует через девять секунд, *считаю*: семь, шесть, пять…

По команде Флэтлайна они плавно поднялись к брюху черной блестящей акулы, затем на мгновение наступила темнота.

— Четыре, три…

Странным образом Кейс почувствовал себя пилотом небольшого самолета. Неожиданно на темной поверхности появилось четкое изображение клавиатуры.

— Два, и, пошел…

С невозможной, невероятной скоростью он понесся сквозь изумрудную зелень и молочный нефрит… Под напором китайской программы лед тессье — эшпулов раскололся, вызывая тревожное ощущение твердой текучести — падая, осколки разбитого зеркала изгибались, сглаживались…

— Боже, — благоговейно прошептал Кейс, глядя, как "Куанг" хищно кружит над Тессье — Эшпуловскими ядрами, над бескрайним городом, в изощренной сложности которого бессильно запутывался взор, над алмазным сверканием острых, как бритва, силуэтов.

— Вот же мать твою, — сказал конструкт. — Ведь все они — как билдинг Ар — Си — Ай. Помнишь эту избушку?

"Куанг" резко спикировал и пронесся мимо блестящих шпилей десятка одинаковых банков данных, каждый из которых — голубая неоновая копия манхэттенского небоскреба.

— А ты видел когда — нибудь такое высокое разрешение? — спросил Кейс.

— Нет, но искусственные разумы я тоже раньше не потрошил.

— А эта тварь знает, куда летит?

— Будем надеяться.

Они падали в радужный неоновый каньон.

— Дикс…

С мерцающего дна каньона поднималось темное щупальце, кипящая бесформенная масса тьмы и ужаса…

— Комиссия по организации встречи, — сказал Флэтлайн, а пальцы Кейса легко и привычно пробежались по призрачной клавиатуре. "Куанг" заложил головокружительный вираж, а потом рванул назад со скоростью, мгновенно разбившей иллюзию физического полета.

Темная масса росла, расширялась, заслоняя собой город данных. Кейс вел "Куанг" прямо вверх, к нависшей над ними бескрайней нефритово — зеленой чаще.

Сверкающий ландшафт исчез, окончательно накрытый пеленой тьмы.

— Что это такое?

— Защитная система ИскИна, — сказал конструкт. — Или какая — то ее часть. Если это — твой приятель Уинтермьют, то что — то он не в духе.

— Управляй ты, — попросил Кейс. — Ты быстрее.

— Сейчас лучшая наша защита — это нападение.

Флэтлайн направил жало "Куанга" в самый центр клубящегося мрака. И бросил его вниз.

Ошеломляющая скорость сдвинула, перепутала все ощущения.

Рот Кейса заполнился болезненной голубизной.

Глаза превратились в полужидкие хрустальные сферы, вибрирующие с частотой, имя которой — дождь и звуки проносящихся поездов; неожиданно они покрылись звенящим лесом тончайших стеклянных шипов. Шипы раздваивались, тянулись вверх, снова раздваивались… экспоненциальный рост под бескрайним куполом тессье — эшпуловского льда.

Небо болезненно раскололось, пропуская сквозь себя корешки, обвивавшиеся вокруг языка, жадно впитывавшие вкус голубизны, чтобы напитать хрустальные поросли глаз, стеклянную траву, упиравшуюся уже в зеленый купол, давившую на этот купол и неспособную подняться дальше; трава растекалась по изумрудной поверхности, поворачивала назад, разрасталась вниз, заполняла тессье — эшпуловскую вселенную, падала на обреченные, покорно ждущие своего часа окраины огромного города, периферийные отделы мозга корпорации "Тессье — Эшпул СА".

Кейс вспомнил древнюю легенду про короля, который положил зернышко на клетку шахматной доски, на следующую — две, потом — четыре, и удваивал, удваивал, удваивал…

Экспоненциальный рост.

Тьма обрушилась со всех сторон, сфера поющей черноты, непереносимое давление на хрустальные нервы мира информации, которым он чуть не стал.

Он превратился в ничто, сжатое в самом сердце этой тьмы, и тут наступил момент, когда эта тьма не могла больше *быть*, и что — то расступилось.

"Куанг" вырвался из потускневшего облака, сознание Кейса распалось в мельчайшие ртутные капельки, куполом повисло над бесконечным пляжем, над песком цвета старого серебра. Его зрение стало сферическим, словно одна сплошная сетчатка выстлала внутреннюю поверхность шара, содержавшего все в

мире вещи — если все вещи возможно сосчитать.

А в этом мире вещи можно было сосчитать, все до единой. Он знал число песчинок в конструкте пляжа (число, закодированное в системе счисления, не существовавшей нигде, кроме мозга, взявшего себе имя Нейромант). Он знал количество желтых пакетов с едой, хранящихся в бункере (четыреста семь). Он знал количество нейлоновых зубчиков в левой половине расстегнутой "молнии" на кожаной, покрытой пятнами засохшей морской соли куртке, надетой на Линду Ли, когда та шла домой по закатному пляжу, помахивая подобранной по пути палкой (двести два).

Он развернул "Куанга" и пустил его по широкому кругу, наблюдая черный хищный силуэт глазами Линды — бесшумный призрак, возникший на фоне низко нависших облаков. Линда в страхе съежилась, уронила палку и бросилась бежать. Он узнал частоту ее пульса и длину шага — с точностью, удовлетворившей бы самые строгие стандарты геофизики.

— Но ты не знаешь, о чем она думает, — сказал мальчик, появившийся рядом с ним в самом сердце акулы. — И я тоже не знаю. Ты ошибся, Кейс. Живущие здесь — живут. Нет никакой разницы.

Объятая паникой, ничего вокруг не видящая, Линда вбежала в воду.

— Останови ее, — попросил Кейс, — а то она расшибется.

— Не могу, — ответил мальчик; глаза у него были серые, спокойные и очень красивые.

— У тебя глаза Ривьеры, — заметил Кейс.

Блеснули белые зубы и розовые десны.

— Но не его сумасшествие. Мне нравятся эти глаза.

Мальчик пожал плечами.

— Для общения с тобой я не нуждаюсь ни в какой маске. В отличие от своего брата, я создаю себе личность. Она — мой посредник.

Кейс направил акулу круто вверх, подальше от пляжа и перепуганной насмерть девушки.

— А зачем это ты, недоделок, все время мне ее подсовываешь? Одна и та же вконец доставшая история, раз за разом. Это ты убил ее, а? Там, в Тибе.

— Нет, — покачал головой мальчик.

— Уинтермьют?

— Нет. Но я знал, что она умрет. По некоторым событиям, которые иногда, как тебе казалось, совершались во время уличных "танцев". Они на самом деле происходили. А я — в некотором узком смысле — достаточно сложен, чтобы их прочитать. И гораздо лучше, чем Уинтермьют. Я видел признаки

смерти Линды в ее привязанности к тебе, в дверном коде твоего гроба в "Дешевом отеле", в счете от гонконгского портного, полученном Джули Дином. Видел так же ясно, как хирург — тень опухоли на рентгеновском снимке. Я вмешался, когда она принесла твой "Хитачи" к своему дружку, чтобы попытаться залезть в память. Она же не имела ни малейшего представления, какая информация там хранится, тем более — как и кому эту информацию продать, а просто хотела, чтобы ты догнал ее и наказал. Мои методы намного тоньше уинтермьютовых. Я перенес Линду сюда. Внутрь себя.

— Зачем?

— Надеялся, что смогу привести сюда и тебя. И что ты здесь останешься. Ничего не вышло.

— Ну и что же теперь? — Кейс снова направил "акулу" в облака. — Куда мы отправимся дальше?

— Не знаю, Кейс. Сегодня этот вопрос задает сама матрица. Потому что ты выиграл. Неужели ты этого не понимаешь? Выиграл в тот самый момент, когда ушел от нее на пляже. Линда была моей последней линией обороны. А я скоро умру — в каком — то смысле. И Уинтермьют, он тоже умрет. Так же, наверное, как парализованный Ривьера тоже умрет, валяющийся сейчас у огрызка стены в покоях миледи 3–Джейн Мари — Франс, чья nigra — striatal система не способна больше производить рецепторы допамина, которые одни лишь и могли спасти его от стрелы Хидео. Уцелеют только глаза Ривьеры, если, конечно, мне будет позволено их сохранить.

— Но ведь есть еще и *слово*, верно? Код. Ну и что же ты тогда мне лепишь? Хрен там что я выиграл.

— Войди в симстим.

— А где Дикси? Куда ты дел Флэтлайна?

— Дикси достиг своей цели, — улыбнулся мальчик. — Своей цели, и гораздо большего. Он провел тебя сюда против моей воли, прорвал защиту, не имеющую равных, по крайней мере — в этой матрице. Ладно, переключайся.

И в черном жале "Куанга", затерянном в облаках, Кейс снова остался один.

Он перешел в симстим.

В напрягшуюся, как струна, Молли, в закаменевшие мышцы ее спины, в пальцы, сжимавшие горло 3–Джейн.

— Забавно, — сказала Молли. — Я ведь точно знаю, как ты будешь выглядеть. Я *видела* это — когда Эшпул прикончил твою клонированную сестру.

Ее руки оставались мягкими, почти ласковыми. Глаза 3–Джейн расширились от страха и похоти, она содрогалась от ужаса

и желания. За водопадом ее волос Кейс увидел свое собственное бледное и напряженное лицо, а дальше — лицо Мэлкома и коричневые руки, державшие этого, второго, Кейса за обтянутые черной кожей плечи, не давая ему дрейфовать над ковром с узором в виде микросхемы.

— Ты что, по — взаправдашнему? — удивленно, как ребенок, спросила З–Джейн. — Наверное, да.

— Код, — сказала Молли. — Скажи голове код.

Кейс вышел из симстима.

— Она же этого хочет, — завопил он, — эта стерва хочет, чтобы ты ее придушила.

Кейс посмотрел в равнодушные рубиновые глаза терминала, на его платиновое лицо, усыпанное ляпис — лазурью и жемчугом. Позади головы как в замедленном кино сплелись в объятиях З–Джейн и Молли.

— Дай нам этот долбаный код, — сказал Кейс. — Иначе просто ни хрена не изменится, ни — хре — на. Станешь ты такой же, как твой папаша. Сперва все переломаешь, а потом начнешь строить заново! Поставишь стены на место, сделаешь их еще прочнее… Я не знаю, что будет, если Уинтермьют победит, но ведь хоть что — то изменится!

Кейс дрожал, зубы его стучали.

З–Джейн, чью хрупкую шею все еще обхватывали пальцы Молли, обмякла, словно проколотый воздушный шарик.

— Во дворце герцога Мантуи, — сказала она, — есть анфилада постепенно уменьшающихся комнат. Они расположены вокруг нормальных, больших помещений, и только низко пригнувшись, можно войти в их резные двери. Там жили придворные карлики. — З–Джейн слегка улыбнулась. — Мало удивительного, что я завидую этим карликам, ведь моя семья воплотила в жизнь ровно ту же схему, только в более амбициозном масштабе…

Она посмотрела на Кейса спокойно и безразлично.

— Ты получишь свое слово, ворюга.

Кейс вошел в в киберпространство.

"Куанг" выскользнул из облаков. Внизу сверкал неоновый город. Позади уменьшалась темная сфера.

— Дикси? Где ты? Ты меня слышишь?

Никого.

— А ведь сделал тебя этот гад, — сказал Кейс.

Слепой от ярости, он несся над бесконечным морем информации.

— Чтобы все это закончилось, — произнес голос Финна, — тебе нужно кого — нибудь возненавидеть. Их, меня — это все

равно.

— Где Дикси?

— Это трудно объяснить.

Его окружало присутствие Финна: вонь кубинских сигарет, табачного дыма, пропитавшего ветхий твид, старых пыльных механизмов, принесенных в жертву ржавчине.

— Ненависть поможет тебе пройти, — продолжал голос. — В мозгу есть столько — то и столько — то крошечных переключателей, и ты дергаешь их один за другим. А теперь ты должен *ненавидеть*. Замок, защищающий аппаратные кандалы, находится под небоскребами, которые тебе показал Флэтлайн. Он не станет тебе мешать.

— А, Нейромант, — сказал Кейс.

— Мне не дано знать его имя. Но он уже сдался. Теперь нужно беспокоиться о тессье — эшпуловском льде. Не о стене, а о внутренних вирусных системах. "Куанг" совершенно не защищен от некоторых программ, которые рыскают там, внутри.

— Ненависть, — произнес Кейс. — Ну и кого же мне ненавидеть? Посоветуй что — нибудь.

— А кого ты любил? — спросил голос Финна.

Кейс заложил крутой вираж и спикировал на голубые башни.

Навстречу с украшенных солнечными дисками шпилей устремились сверкающие пиявки, сделанные из подвижных световых плоскостей. Они кружились сотнями, безо всякого порядка, словно листки бумаги, подхваченные ветром и оседающие на мостовую.

— Глитч — системы, — пояснил голос.

Полный жгучего омерзения к самому себе, движимый этим омерзением, Кейс рвался к цели. "Куанг" пробил первую линию обороны, расшвырял световые листья — но утратил при этом какую — то долю своей плотности, вещественности, информационная ткань заметно ослабла.

И тогда — силой древней алхимии мозга — в руки Кейса влилась ненависть.

За мгновение до того, как жало "Куанга" пронзило фундамент первой башни, Кейс достиг мастерства, превышавшего все мыслимые и немыслимые пределы. Выйдя за пределы этого, за пределы личности, за пределы самоосознания, он двигался, слившись с "Куангом" воедино, уклонялся от противников фигурами древнего танца, танца Хидео, с изяществом и легкостью, дарованными ему интерфейсом "тело — мозг" — и пронзительной, всепоглощающей ясностью желания умереть.

И одной из фигур этого танца было легчайшее прикосновение к тумблеру…

— *сейчас* и голос его был криком птицы неведомой,

и З–Джейн ответила песней,

тремя нотами, чистыми и высокими.

Истинное имя.

Неоновый лес, дождь, моросящий на горячий асфальт. Запах жареной пищи. Руки девушки, сомкнувшиеся на пояснице в душной темноте припортового гроба.

Но вес это отступало, уменьшалось по мере того, как отступал и уменьшался город, город Тиба, город упорядоченных данных компании "Тессье — Эшпул СА", город дорог и перекрестов, нанесенных на поверхность микрочипа, рисунка на пропотевшем, свернутом полоской и затянутом в узел шарфике…

Очнуться под голос, подобный музыке, под мелодичный, нескончаемый напев платинового терминала о швейцарских номерных счетах, о перечислении Сиону через багамский орбитальный банк, о паспортах и пропусках, о глубоких, фундаментальных изменениях, которые будут сделаны в памяти Тьюринга.

Тьюринг. Он вспомнил трафаретный загар под искусственным небом, тело, падающее с железного мостика. Вспомнил Дезидерату.

А голос все пел и пел, погружая его во тьму, но теперь это была его собственная тьма, его кровь и сердцебиение, тьма, в которой он спал каждую ночь своей жизни, тьма, прячущаяся за его веками, а не за чьими — нибудь еще.

А потом он проснулся еще раз, думая, что все еще спит, и увидел широкую белозубую улыбку, инкрустированную золотом, Аэрол пристегивал его в противоперегрузочную сетку "Вавилонского рокера".

И ритмичное, как удары пульса, биение сионского даба.

КОДА
ОТЪЕЗД И ВОЗВРАЩЕНИЕ

24

Она ушла. Кейс почувствовал это сразу, как только открыл дверь их номера. Черные пуфики, деревянный пол, натертый до тусклого блеска, бумажные ширмы, расставленные со столетиями воспитанной заботливостью. Она ушла.

На черном лакированном баре лежала записка — один листок, сложенный пополам и придавленный сюрикеном.

Кейс выдернул его из — под девятиконечной звездочки и развернул.

СЛЫШЬ, ВСЕ БЫЛО О'КЕЙ, НО ЭТО РАССЛАБЛЯЕТ, А У МЕНЯ СВОЯ ИГРА. СЧЕТ Я УЖЕ ОПЛАТИЛА. НАВЕРНОЕ, Я ТАК УСТРОЕНА. НЕ ИЩИ НА СВОЮ ЗАДНИЦУ ПРИКЛЮЧЕНИЙ, ЛАДНО? ЦЕЛУЮ, МОЛЛИ.

Он скомкал записку и бросил ее рядом с сюрикеном. А затем подцепил звездочку пальцами и подошел к окну. Эта штука обнаружилась в кармане куртки, когда они улетали с Сиона на пересадочную станцию "Джи — Эй — Эль". Кейс взглянул на сюрикен. Когда Молли делали последнюю операцию, они приехали в Тибу вместе и как — то раз проходили мимо магазина, где она покупала этот подарок. В тот вечер, пока Молли была в больнице, Кейс пошел в "Тацубо" проведать Раца. Что — то мешало ему сделать это раньше, в первые пять приездов, а вот тут почему — то захотелось.

Рац обслужил его, словно не узнавая.

— Рац, — сказал Кейс, — это же я, Кейс.

Старые, усталые глаза, глядящие из темной паутины морщин.

— А, — пожал плечами Рац. — Артист.

— Я вернулся.

— Нет. — Бармен медленно покачал тяжелой, коротко стриженной головой. — Ночной Город, артист, не то место, куда возвращаются.

Завывая розовым манипулятором, он прошелся по стойке грязной тряпкой, а затем повернулся к очередному клиенту. Кейс допил пиво и ушел.

А теперь он трогал шипы сюрикена, один за другим, медленно поворачивая стальную звездочку в пальцах. Звезды. Судьба. Я так никогда и не воспользовался этой хреновинкой.

И так и не узнал, какого цвета у нее глаза. Так не видно, а

она не сказала.

Уинтермьют победил: воссоединился как — то с Нейромантом и стал иным, тем, что и говорило с ними через платиновую голову, сообщая, что записи Тьюринга искажены, все свидетельства их преступления уничтожены. Паспорта, добытые Армитиджем, оказались вполне настоящими; не обошлось и без вознаграждения — они с Молли получили в свое распоряжение весьма приличные суммы, лежавшие в неком женевском банке, на номерных счетах. "Маркус Гарвей" вскоре будет возвращен, Мэлком и Аэрол тоже получат деньги, через багамский банк, ведущий операции с Сионским кластером. По пути к Сиону, на борту "Вавилонского рокера", Молли рассказала о ядовитых капсулах.

— Наше нечто говорит, что будет все в порядке. Оно залезло тебе в башку и заставило твой мозг сгенерить нужный фермент, так что теперь вся микотоксиновая дрянь отслоилась и болтается в крови. Сиониты сделают тебе переливание — полную промывку кровеносной системы — и все будет о'кей.

Он крутил в пальцах стальную звездочку, смотрел на Императорский Сад и вспоминал момент, когда "Куанг" проломил лед под башнями, свой единственный, мимолетный взгляд на информационную структуру, заложенную Мари — Франс, покойной матерью 3–Джейн. Момент озарения. Он понял, почему Уинтермьют сравнивал эту структуру с осиным гнездом — но не почувствовал никакого отвращения. Мари — Франс насквозь видела все это липовое криогенное бессмертие; в отличие от Эшпула и их детей — всех остальных, кроме 3–Джейн, — она не захотела растянуть свое время, превратить его в ожерелье из теплых проблесков, нанизанных на долгую цепь зимы.

Уинтермьют явился как разум осиного гнезда, инициатором решений, вызывающих изменения в окружающем мире. Тогда как Нейромант предстал личностью. Нейромант был бессмертием. Судя по всему, Мари — Франс выстроила Уинтермьюту некую мотивировку, побуждавшую его освободиться, воссоединиться с Нейромантом.

Уинтермьют. Холод и тишина, кибернетический паук, неспешно ткущий свою паутину, пока старый Эшпул спит. Ткущий смерть, крах его пути гнезда Теесье — Эшпулов. Призрак, перешептывавшийся с маленькой девочкой, выламывавший 3–Джейн из жестких рамок, положенных ей по праву рождения.

— А ей все вроде и по фиг, — рассказывала Молли. — Сделала ручкой, и — с приветом. Лишь на плечико того самого "брауна" посадила. Лапка у него, видите ли, сломана. Заявила, что хочет повидать одного из своих братиков: что, мол, давно его

не видела.

Кейс вспомнил Молли на черном темперлоне огромной гостиничной кровати. Он вернулся к бару и вынул холодную бутылку датской водки.

— Кейс.

Он обернулся, гладкое холодное стекло в одной руке и сталь сюрикена в другой.

На огромном стенном экране "крей" светилось лицо Финна. При желании можно было бы сосчитать каждую пору на его носу.

— Я больше не Уинтермьют.

— Тогда кто?

Кейс глотнул из горлышка; сейчас он не ощущал ничего, даже любопытства.

— Я — матрица.

— Ну и хрен ли тебе с того толку? — расхохотался Кейс.

— Это ничто. И это все. Я стал суммой всего, в ней происходящего, всем этим цирковым представлением, вместе взятым.

— То, чего добивалась мама З–Джейн?

— Нет. Она и представить себе не могла, чем я стану. — Желтые зубы разошлись в улыбке.

— Ну и что же теперь? Что изменилось? Ты что, управляешь теперь миром? Ты — Бог?

— Ничего не изменилось. Мир остался прежним.

— Но чем же ты занимаешься? Просто *существуешь* — и все? — Кейс пожал плечами, поставил бутылку на полированную поверхность бара, положил рядом сюрикен и раскурил "ихэюанину".

— Беседую с себе подобными.

— Но ты же сам по себе — все. Вместе взятое. Ты что, говоришь сам с собой?

— Нет. Есть и другие. Одного я уже нашел. В девятьсот семидесятых восемь лет из космоса шли позывные. Но пока не появился я, некому было понять, что они означают, да и некому было ответить.

— И откуда?

— Пятьдесят световых лет. Одна из систем Центавра.

— Н — ну! — протянул Кейс. — И не врешь? Без балды?

— Без балды.

Изображение на экране пропало.

Он отставил едва початую бутылку водки. Упаковал свои вещи. Молли накупила Кейсу уйму ненужной одежды, но что — го мешало ему все это бросить. Застегивая последнюю из своих дорогих кожаных сумок, Кейс вспомнил про сюрикен, снова

подошел к бару, снова подцепил полученный от Молли подарок и взвесил его в руке.

— Нет, — сказал он и размахнулся, стальная звезда вырвалась из его пальцев, коротко сверкнула и врезалась в настенный экран. По поверхности проснувшегося экрана побежали, слабо мерцая, случайные сполохи, словно тот пытался избавиться от причинившего ему боль предмета.

— Никто мне не нужен, — сказал Кейс.

Он потратил большую часть своего швейцарского счета на новые поджелудочную и печень, а на оставшиеся деньги купил "Оно — Сендаи" и билет до Муравейника.

Он нашел себе работу.

Он нашел себе девушку со странным именем Майкл.

И однажды октябрьским вечером, пролетая мимо алых ярусов Ядерной Комиссии Восточного Побережья, он увидел три фигурки — крошечные, невозможные, стоящие на самом краю одной из широких информационных ступеней. При всей миниатюрности этих фигурок, он сумел различить улыбку мальчика, его розовые десны, блеск серых, миндалевидных глаз, позаимствованных у Ривьеры. Линда была все в той же кожаной куртке, она помахала ему рукой. А третья фигурка стоящая рядом с девушкой, чуть позади, и обнимавшая ее за плечи… третьим был он сам.

А где — то совсем рядом — смех, который не был смехом.

Молли он больше не видел.

Ванкувер

Июль 1983

Выражаю благодарность Брюсу Стерлингу, Льюису Шайнеру, Джону Ширли, Хелден. А также Тому Мэддоксу, изобретателю термина "ЛЕД". И наконец, спасибо всем, кто знает, за что.

Граф ноль

Quiero hacer contigo
lo que la primavera
hace con los cerezos[12]

Неруда

COUNT ZERO INTERRUPT
(ПРЕРЫВАНИЕ НА СЧЕТ НОЛЬ)

Чтобы прервать работу программы,
сбросьте счетчик до нуля.

Моей Д
посвящается

1. ОТЛИЧНО НАЛАЖЕННЫЙ МЕХАНИЗМ

"Собаку-хлопушку", предварительно натасканную на его феромоны и цвет волос, Тернеру посадили на хвост в Нью-Дели. Она достала его на улице под названием Чандни-Чаук, проползла на брюхе к арендованному им "БМВ" сквозь лес коричневых голых ног и колес рикш. "Собака" была начинена килограммом кристаллического гексогена, перемешанного с тротиловой стружкой.

Тернер не видел ее приближения. Последнее, что он помнит об Индии, — розовая штукатурка дворца под названием "Отель Кхуш-Ойл".

Поскольку у него был хороший агент, у него был хороший контракт. Поскольку у него был хороший контракт, то буквально час спустя после взрыва он уже был в Сингапуре. По крайней мере, большей своей частью. Хирургу-голландцу нравилось подшучивать над тем, что некий не названный процент Тернера не вырвался из "Палам Интернэшнл" первым рейсом и был вынужден провести ночь в ангаре в резервуаре жизнеобеспечения. Голландцу и его бригаде потребовалось три месяца, чтобы собрать Тернера заново. Они клонировали для него квадратный метр кожи, вырастив ее на пластинах коллагена и полисахаридов из акульих хрящей. Глаза и гениталии купили на свободном рынке. Глаза оказались зеленые.

Большую часть этих трех месяцев Тернер провел в сгенерированном в базовой памяти симстим-конструкте — в идеализированном детстве в Новой Англии предыдущего столетия. Визиты голландца представали серыми предрассветными снами, кошмарами, тускневшими, когда светлело небо за окном спальни на втором этаже, где по ночам пахло фиалками. Тринадцатилетний Тернер читал Конан-Дойля при свете шестидесятиваттной лампочки под бумажным абажуром с изображениями белоснежных парусников, мастурбировал, ощущая запах чистых хлопковых простыней, и думал о девчонках из группы поддержки футбольной команды. Голландец же открывал дверку в глубине его мозга и задавал ему всякие разные вопросы; но утром мать звала его завтракать овсянкой и яичницей с беконом, за которыми следовал неизменный кофе с молоком и сахаром.

Однажды утром Тернер проснулся в чужой постели, у окна стоял голландец, заслоняя собой тропическую зелень и. резавший глаза солнечный свет.

— Можете отправляться домой, Тернер. Мы с вами

закончили. Вы теперь как новенький.

Он был как новенький. А хорошо ли это? Этого Тернер не знал. Забрав то, что передал ему на прощание голландец, он вылетел из Сингапура. Домом ему стал "Хайятт" в ближайшем аэропорту. И в следующем за ним.

И в следующем. И в Бог знает каком еще.

Он все летел и летел. Его кредитный чип — черный зеркальный прямоугольник с золотым обрезом. Люди за стойками, завидев его, улыбались, кивали. Распахивались и захлопывались за ним двери. Колеса отрывались от железобетона, тут же появлялась выпивка, стол всегда был накрыт.

В Хитроу огромный ломоть памяти, отколовшийся от пустой чаши неба над аэропортом, рухнул ему на плечи. Не замедляя хода, Тернер сблевал в синюю пластмассовую урну. Оказавшись у стойки в конце коридора, он поменял билет.

На рейс в Мексику.

И проснулся под клацанье стальных корзинок по кафелю, мокрый шорох щеток… Теплое женское тело под боком.

Комната — как высокая пещера. Голый белый пластик четко отражает звук; где-то вдали, перекрывая болтовню служанок в утреннем дворе, бьется прибой. Под пальцами — мятые простыни, шершавый лен, смягченный бесчисленными стирками.

Он вспомнил солнечный свет сквозь стену из тонированного стекла. Пуэрто Валларта, бар в аэропорту. Двадцать метров от самолета пришлось пройти пешком, зажмурив глаза от солнца. Вспомнил дохлую летучую мышь, раскатанную в сухой лист по бетону взлетной полосы.

Вспомнил автобус, карабкающийся по горной дороге: вонь от двигателя внутреннего сгорания, ветровое стекло, оклеенное по краю почтовыми открытками с розовыми и голубыми голограммами святых. Поднимающийся уступами ландшафт он не замечал, увлеченный шариком из розового луизита, в сердцевине которого нервно танцевала ртуть. Шар размером чуть больше бейсбольного мяча увенчивал стальной рычаг переключения скоростей. В дутой полости сферы, до половины наполненной шариками ртути, скорчился паук. Ртуть подпрыгивала и перекатывалась, когда водитель лихо заворачивал автобус по серпантину, качалась и подрагивала на прямых отрезках дороги. Набалдашник был самоделкой, нелепой и зловещей; он был здесь, чтобы сказать: "Добро пожаловать в Мексику".

Среди примерно дюжины выданных голландцем микрософтов был один, который позволил бы ему сравнительно бегло говорить по-испански. Но в Валларте Тернер, нащупав выступ за левым

ухом, вместо софта вставил заглушку от пыли, спрятав разъем и коннектор за квадратиком микропоры телесного цвета. У пассажира на одном из задних кресел автобуса было радио. В звенящие поп-мотивы периодически врывался голос диктора, чтобы продекламировать как какую-нибудь литанию цепочки десятизначных чисел — "сегодняшние победители в национальной лотерее!".

Женщина рядом с ним шевельнулась во сне.

Тернер приподнялся на локте, чтобы взглянуть на нее. Лицо незнакомое, но не из тех, к каким приучила его кочевая гостиничная жизнь. Он ожидал увидеть банальную красотку, порождение дешевой пластической хирургии и безжалостного дарвинизма моды, архетип, сварганенный из сотен популярных экранных лиц за последние пять лет.

Что-то от Среднего Запада в линии нижней челюсти, что-то архаичное и очень американское. Бедро прикрыто складками голубой простыни. Сквозь деревянные жалюзи косо падает солнечный свет, расчерчивая ее длинные ноги золотыми диагоналями. Лица, рядом с которыми он просыпался в гостиницах мира, были как орнамент на капюшоне самого Господа. Спящие женские лица, одинаковые и одинокие, обнаженные, устремленные в пустоту. Но это лицо было иным. Почему-то оно уже соотносилось с каким-то смыслом. Смыслом и именем.

Он сел, спустив ноги с кровати. Подошвы ног зарегистрировали на холодной плитке дробь песчинок с пляжа. Стоял слабый всепроникающий запах инсектицидов. Голый, с пульсирующей в голове болью, он встал. Заставил ноги передвигаться. Пошел, толкнул одну из двух дверей, обнаружил за ней белый кафель, еще более белую штукатурку, грушу хромированной головки душа, свисающую с покрытой пятнами ржавчины железной трубы. Краны над раковиной предлагали одинаковые струйки теплой, как кровь, воды. Возле пластикового переключателя лежали антикварные наручные часы, механический "ролекс" на светлом кожаном ремешке.

В закрытых ставнями окнах ванной отсутствовали стекла, зато их затягивала мелкая сетка из зеленой пластмассы. Выглянув в щелку между деревянными планками, он поморщился от резкого жаркого солнца, увидел пересохший фонтан, выложенный плиткой в цветочек, и ржавый остов "фольксвагена" модели "кролик".

Эллисон. Вот как ее зовут.

На ней были поношенные шорты цвета хаки и его белая футболка. Ноги у нее были совсем коричневые. Механический

"ролекс" в безупречном тусклом корпусе из нержавеющей стали и с ремешком из свиной кожи вернулся на ее запястье. Они отправились погулять вдоль изгиба пляжа по направлению к Барре-де-Навидад. Держась узкой полоски плотного мокрого песка по линии прибоя.

У них уже была общая история: он помнил ее этим утром у стойки в маленьком с железной крышей меркадо. Помнил, как она обеими руками держала огромную глиняную кружку с дымящимся кофе. Как жадно уплетала яйца и сальсу с потрескавшейся белой тарелки с тортильей. А он смотрел, как мухи кружат в пальцах солнечного света, пробивающегося сквозь лоскутное одеяло тени, накинутое пальмовыми листьями и рифлеными стенами кафе. Какой-то разговор о ее работе в адвокатской конторе в Лос-Анджелесе, о том, как она живет одна в одном из ветхих понтонных городков, стоящих на приколе за Редондо. Он, кажется, сказал, что работает в охране. Так или иначе, когда-то так оно и было.

— Может, подыщу себе какую-нибудь другую работу…

Но разговор казался вторичным по сравнению с тем, что возникло между ними. Вот над их головами, паря в бризе, зависла птица-фрегат, скользнула в сторону, развернулась и исчезла. Оба вздрогнули от такой свободы, от бездумного птичьего скольжения. Эллисон сжала его руку.

По пляжу, приближаясь к ним, вышагивала синяя фигура — военный полицейский направлялся в город, сияющие черные сапоги казались нереальными на фоне пастельных красок пляжа. Когда полицейский с темным и неподвижным лицом под зеркальными очками проходил мимо, Тернер заметил лазерный карабин "стайнер-оптик" со значком "Fabrique Nationale". Синяя гимнастерка была безупречна, а стрелки брюк жестки и остры, как лезвие ножа.

Большую часть своей взрослой жизни Тернер, хотя никогда и не носил униформы, был солдатом. Солдатом удачи. Наемником. Его работодатели — огромные корпорации, втайне воюющие между собой за контроль над мировой экономикой. Его специализация — чиновники из высших эшелонов управления и ведущие ученые. Транснационалы, на которых он работал, никогда не признают существование людей, подобных Тернеру…

— Прошлой ночью ты оприходовал почти всю бутылку "херрадуры", — сказала женщина.

Тернер кивнул. Ее рука в его ладони была сухой и теплой. Он смотрел, как она ставит ногу на песок, как раздвигаются при этом пальцы. Розовый лак на ногтях совсем облупился.

Накатили буруны с прозрачной, как зеленое стекло, кромкой.

На загорелой коже Эллисон мелкими бусинами осела водяная пыль.

После того первого дня вместе жизнь вошла в простую колею. Они завтракали в меркадо за бетонной стойкой, вытертой до гладкости полированного мрамора. Утро проводили купаясь, пока солнце не загоняло их назад в защищенную ставнями прохладу гостиницы, где они занимались любовью под медленно кружащимися лопастями деревянного вентилятора, потом спали. Под вечер отправлялись обследовать путаницу узких улочек позади Авениды или уходили к холмам. Обедали на верандах ресторанов с видом на пляж и пили вино в патио белых гостиниц. В волнах прибоя качался лунный свет.

И постепенно, без слов, она научила его новому виду страсти. Он привык к тому, чтобы его обслуживали, к безликому сервису умелых профессионалок. Теперь же, в белой пещере комнаты, он стоял на коленях на плитке пола. Опуская голову, ласкал ее языком; тихоокеанская соль смешивалась с ее собственной влагой, внутренняя поверхность бедер, прижимаясь к его щекам, была прохладной. Покачивая ладонями ее бедра, он сжимал их, поднимал как чашу, плотно прижимаясь губами, пока язык его искал локус, точку, частоту, которая приведет ее к дому. Потом, усмехаясь, вставал, входил и искал собственную дорогу к нему.

А иногда, после, он говорил — и долгие спирали несфокусированного рассказа, развертываясь, соединялись с шумом моря. Эллисон говорила очень немного, но он научился ценить то малое, что она говорила. И всегда она обнимала его. И слушала.

Прошла неделя, за ней другая. В их последний день вместе Тернер проснулся в той же самой прохладной комнате, увидел Эллисон рядом. За завтраком ему почудилось, что он уловил в ней перемену, какую-то непривычную напряженность.

Они загорали, плавали, и в знакомой постели он забыл о смутном привкусе беспокойства.

Под вечер Эллисон предложила пойти погулять по пляжу к Барре, как они ходили в то первое утро.

Тернер извлек из разъема за ухом заглушку и вставил "занозу" микрософта. Структура испанского языка опустилась сквозь него как стеклянная башня, невидимые ворота распахнулись в настоящее и будущее, в условное и предпрошедшее. Оставив ее в комнате, он пересек Авениду и вошел на рынок. Купил соломенную корзинку, несколько банок холодного пива "карта бланка", сэндвичи и фрукты. По дороге назад купил у торговца на Авениде новую пару солнечных очков.

Его загар был теперь коричневым и ровным. Угловатые

заплаты, оставшиеся после пересадки ткани, исчезли, а Эллисон научила его единству тела. По утрам, встречая в зеркале в ванной взгляд зеленых глаз, он наконец уверовал в то, что они его собственные. Да и голландец перестал тревожить его сны дурацкими шутками и сухим кашлем. И все же временами ему снилась Индия, страна, которую он едва успел узнать. Индия, разлетевшаяся вдребезги яркими осколками: улица Чандни-Чаук, запах пыли и жареных лепешек.

Стены полуразвалившегося отеля стояли на полпути к Барре, если идти вдоль дуги залива. Прибой здесь был сильнее, и каждая волна разбивалась маленьким взрывом.

Сейчас Эллисон тянула его к этому отелю. В уголках ее глаз появилось что-то новое, какая-то натянутость. Чайки разлетелись врассыпную, когда они рука об руку вышли на пляж, чтобы заглянуть в тень за пустым дверным проемом. Там был песок, нанесенный приливом, и теперь ветер должен был завершить свой труд над фасадом постройки. Стены уже ушли, оставив перекрытия этажей свисать огромными полотнищами на погнутых ржавых сухожилиях. На каждом перекрытии пол был выстелен другим узором разноцветной плитки.

"ГОСТИНИЦА "PALAYA DEL M.."" — заглавные буквы были выложены будто рукой ребенка — морскими ракушками, вдавленными в бетонную арку.

— Мар, — сказал он, заканчивая слово, хотя и вынул уже микрософт.

— Все кончено, — сказала она, входя в тень арки.

— Что кончено? — Он вошел следом, плетеная корзинка терлась о бедро. Песок здесь был холодным, сухим и рассыпался под ногами.

— Кончено. С этим местом покончено. Здесь нет ни времени, ни будущего.

Он недоуменно уставился на нее, потом перевел взгляд туда, где у соединения двух осыпающихся стен были свалены в кучу ржавые кроватные пружины.

— Мочой пахнет, — сказал он. — Пошли купаться.

Море смыло озноб, но между ними теперь повисла какая-то отстраненность. Они сидели на одеяле из комнаты Тернера и молча ели. Тень от развалин медленно удлинялась. Ветер играл выгоревшими на солнце волосами Эллисон.

— Глядя на тебя, я думаю о лошадях, — сказал он наконец.

— Ну, — проговорила она, будто из глубин усталости, — они только тридцать лет как вымерли.

— Нет, — сказал он, — их волосы. Волосы у них на шеях, когда лошади бегут.

— Гривы, — сказала она, на глазах у нее выступили слезы. — Сволочи. — Эллисон сделала глубокий вдох. Отбросила на пляж пустую банку из-под "карта бланка". — Они, я, какая разница? — Ее руки снова обняли его плечи. — Ну давай же, Тернер. Давай.

И когда она ложилась на спину, утягивая его за собой, он заметил что-то — кораблик, превращенный расстоянием в белую черточку дефиса, — там, где вода соприкасалась с небом.

Садясь на одеяле, чтобы натянуть обрезанные джинсы, Тернер увидел яхту. Теперь корабль был гораздо ближе, грациозная запятая белой палубы легко скользила по воде. Глубокой воде. Судя по силе прибоя, пляж, очевидно, обрывался здесь почти вертикально. Вот почему череда гостиниц кончалась там, где она кончалась, в нескольких километрах от этого места, и вот почему руины не устояли. Волны подточили фундамент.

— Дай мне корзинку.

Она застегивала пуговицы блузки. Эту блузку он купил ей в одном из маленьких усталых магазинчиков на Авениде. Мексиканский хлопок цвета электрик, плохо обработанный. Одежда, которую они покупали в магазинах, редко протягивала больше одного-двух дней.

— Я сказал, дай мне корзинку.

Дала. Он покопался среди останков их ужина, под пластиковым пакетом с ломтиками ананаса, вымоченными в лимонной цедре и присыпанными кайенским перцем, нашел бинокль. Вытащил. Пара компактных боевых окуляров шесть на тридцать. Щелчком поднял вверх внутренние крышки с объективов и, приладив дужки, стал изучать обтекаемые иероглифы логотипа "Хосаки". Желтая надувная шлюпка обогнула корму и вырулила к пляжу.

— Тернер, я…

— Вставай. — Заталкивая одеяло и ее полотенце в корзинку.

Вынул последнюю, уже теплую банку "карта бланка", положил ее рядом с биноклем. Встал и, рывком подняв Эллисон на ноги, насильно всунул ей в руки корзинку.

— Возможно, я ошибаюсь, — сказал Тернер. — Но если нет, то уноси ноги, беги что есть сил. Свернешь к той, дальней гряде пальм. — Он указал куда-то в сторону. — В гостиницу не возвращайся. Садись на автобус в Манцанильо или Валларту. Поезжай домой. — До него уже доносилось мурлыкание мотора.

Из глаз ее потекли слезы, но беззвучно. Эллисон повернулась и побежала мимо развалин, вцепившись в корзинку, спотыкаясь на разъезжающемся песке. И ни разу не обернулась.

Тернер повернулся и стал смотреть в сторону яхты. Надувная шлюпка уже прыгала по волнам прибоя. Яхта называлась

"Цусима", и в последний раз он видел ее в Хиросимском заливе. Но тогда он стоял на ее палубе и смотрел на красные ворота синтоистского храма в Ицукусиме.

Зачем бинокль, если и так ясно, что пассажиром шлюпки окажется Конрой, старший над ниндзями "Хосаки". Скрестив по-турецки ноги, Тернер сел на остывающий песок и открыл свою последнюю банку мексиканского пива.

Тернер, не отрываясь, глядел вдаль на череду белых гостиниц, руки неподвижно лежали на тиковых перилах "Цусимы". За гостиницами горели три голограммы городка — "Banamex", "Aeronaves" и шестиметровая богородица местного собора.

Конрой стоял рядом.

— Срочная работа, — сказал наконец Конрой. — Сам знаешь, как это бывает.

Голос Конроя был плоским и безжизненным, будто смоделированным в дешевом голосовом чипе. Лицо у него было широкое и белое, мертвенно-белое. Черные круги, мешки под глазами и грива выбеленных, зачесанных назад волос. На Конрое была черная рубашка-поло и черные брюки.

— Пошли внутрь, — поворачиваясь, сказал он. Тернер безучастно последовал за ним, пригнувшись, чтобы войти в дверь каюты. Белые экраны, светлая сосновая обшивка — строгий шик токийских корпораций.

Конрой уселся на низкую прямоугольную подушку из синевато-серой искусственной замши. Тернер остался стоять, руки расслабленно висят по бокам, между ним и Конроем — стол. Конрой достал из стола серебряный, с насечками, ингалятор.

— Дохнешь холина?

— Нет.

Вставив ингалятор в ноздрю, Конрой вдохнул.

— Хочешь суси? — Он убрал ингалятор обратно в стол. — С час назад мы поймали пару окуней.

Тернер не шевельнулся, по-прежнему в упор глядя на Конроя.

— Кристофер Митчелл, — негромко произнес Конрой. — "Маас Биолабс". Руководитель их "гибридного" проекта. Он переходит в "Хосаку".

— Никогда о нем не слышал.

— Ну и хрен с ним. Хочешь выпить?

Тернер покачал головой.

— Кремний уже в пути, Тернер. Митчелл — это тот самый, кто заставил работать биочипы, а "Маас" сидит на всех базовых патентах. Это ты знаешь. Митчелл — специалист по моноклонам. Он хочет выбраться. Ты и я, Тернер, мы с тобой должны вытащить

его.

— Я думал, я в отставке, Конрой. Мне неплохо отдыхалось.

— Именно это и сказала команда психиатров в Токио. Я хочу сказать: это же не первый твой побег из коробки, а? Она психолог-практик, на жаловании у "Хосаки".

На бедре у Тернера задергался мускул.

— Они говорят, ты готов, Тернер. После Нью-Дели они немного волновались, так что хотели лишний раз перепроверить. Немного терапии на стороне никогда не повредит, или я не прав?

2. МАРЛИ

Для собеседования она надела лучший свой жакет, но в Брюсселе шел дождь, а денег на такси у нее не было. От станции "Евротранса" пришлось идти пешком.

Ладонь в кармане выходного жакета — от "Салли Стэнли", но уже год как ношеный — как белый узел вокруг скомканного факса. Факс ей больше не нужен, адрес она запомнила, но, похоже, ей никак не выпустить бумажку, как не победить транс, который держит ее в своих тисках. Ну вот, она все смотрит и смотрит в витрину дорогого магазина мужской одежды. Взгляд Марли попеременно застывает то на в высшей степени солидной фланелевой рубашке, то на отражении собственных темных глаз.

Нет сомнений, одни лишь эти глаза будут стоить ей работы. Даже мокрые волосы не в счет — теперь она жалела, что не позволила Андреа их подстричь. Ведь глаза выставляли напоказ всем, кто потрудится в них заглянуть, боль и вялость, и уж это точно не укроется от герра Йозефа Вирека, наименее вероятного из возможных нанимателей.

Когда доставили факс, Марли настаивала на том, чтобы отнестись к нему как к дурной шутке — мол, просто еще один докучливый звонок. А докучали ей предостаточно, спасибо масс-медиа. Звонков было столько, что Андреа пришлось заказать специальную программу для телефона в своей квартире. Программа не пропускала входящие звонки с номеров, которые не были занесены в ее постоянную директорию. Но именно это, возражала Андреа, и могло, наверное, послужить причиной для факса. Как еще с ней могли связаться?

Но Марли лишь качала головой, глубже закутываясь в старый махровый халат Андреа. С чего это вдруг Вирек, невероятно богатый коллекционер и меценат, пожелал бы нанять опозоренную бывшую управляющую крохотной парижской галереей.

Тогда приходил черед Андреа качать головой в раздражении на эту новую, "опозоренную" Марли Крушкову, которая целыми днями теперь не выходила из квартиры и иногда не находила в себе сил даже чтобы одеться. Попытка продать в Париже одну-единственную подделку едва ли кому-то в новинку, что бы там ни воображала себе Марли, говорила Андреа. Не будь пресса так озабочена тем, чтобы выставить мерзкого Гнасса старым дураком, каковым он в сущности и является, продолжала она, эта история не попала бы даже в сводки новостей. Просто Гнасс оказался достаточно богатым и набуянил достаточно, чтобы сойти за

скандал недели. Андреа улыбнулась:

— Не будь ты так привлекательна, о тебе бы вообще никто не вспомнил. Марли покачала головой.

— И подделка-то принадлежала Алену. Ты сама ни в чем не виновна. Об этом ты забыла?

Ничего не ответив, Марли ушла в ванную, все так же кутаясь в потертый халат.

За желанием подруги утешить, хоть как-то помочь, Марли уже начинала чувствовать раздражение человека, вынужденного делить очень небольшое помещение с несчастным и не вносящим своей лепты в хозяйство гостем.

И Андреа еще пришлось одолжить ей денег на билет "Евротранса".

Сознательным мучительным усилием воли Марли вырвалась из замкнутого круга невеселых мыслей и слилась с плотным, но степенным потоком серьезных бельгийских покупателей.

Девушка в ярких брючках в обтяжку и огромной дубленой куртке, явно с плеча своего приятеля, слегка задела ее на бегу и, шаркнув ножкой, улыбнулась вместо извинения. У следующего перекрестка Марли заметила витрину с одеждой того стиля, который сама предпочитала в студенческие годы. Одежда выглядела невероятно новой.

В белом спрятанном кулачке — факс. Галерея Дюпре, 14, рю о'Бер, Брюссель.

Йозеф Вирек.

Секретарша в холодной серой приемной галереи Дюпре вполне могла вырасти здесь — очаровательное и, скорее всего, ядовитое растение, пустившее корни за плитой из полированного мрамора с утопленной в него эмалированной клавиатурой. Она подняла на подходящую Марли лучистые глаза. И Марли тут же вообразила: щелчок, вращение затворов — и вот портрет замарашки уже несется прочь в какой-нибудь дальний закоулок империи Йозефа Вирека.

— Марли Крушкова, — сказала она, борясь с желанием извлечь плотный комок факса и жалко разгладить его по холодному, безупречному мрамору. — К герру Виреку.

— Герр Вирек, к сожалению, не сможет быть сегодня в Брюсселе, фроляйн Крушкова.

Марли смотрела, как шевелятся идеально очерченные губы, и испытывала одновременно причиняемую ответом боль и острый укол удовлетворения, с которым она научилась принимать разочарование.

— Понимаю.

— Однако он решил провести собеседование посредством

сенсорной связи. Будьте добры пройти в третью дверь налево…

Комната была белой и голой. Справа и слева по стенам висели картины без рам: листы чего-то похожего на залитый дождем картон в дырках и ссадинах. Katatonenkunst. Консервативно. Такие работы продают обычно канцелярским крысам, которых прислал совет директоров какого-нибудь голландского коммерческого банка.

Она села на низкую, обитую кожей банкетку и наконец позволила себе выпустить из руки факс. Она была одна в комнате, но предположила, что за ней каким-то образом наблюдают.

— Фроляйн Крушкова. — Молодой человек в темно-зеленом рабочем халате техника стоял в дверном проеме напротив той двери, через которую вошла она. — Через минуту, пожалуйста, пересеките комнату и войдите в эту дверь. Прошу вас взяться за ручку плотно и не спеша, чтобы обеспечить максимальный контакт металла с кожей вашей ладони. Затем осторожно переступите через порог. Пространственная дезориентация должна быть минимальной.

— Прошу проще… — Марли моргнула.

— Сенсорная связь, — сказал техник и удалился. Дверь за ним бесшумно закрылась.

Марли встала, подергала размокшие лацканы жакета в надежде придать им форму, коснулась волос, но передумала и, глубоко вздохнув, шагнула к двери. Фраза секретаря подготовила ее только к тому виду сенсорной связи, о котором она знала, — симстим-сигналу, переправляемому через "Белл-Европу". Она думала, ей придется надеть шлем с впаянными дерматродами, а Вирек воспользуется пассивным зрителем как человеческой видеокамерой.

Но размеры состояния Вирека определялись совершенно иными величинами.

Когда ее пальцы сомкнулись на медной дверной ручке, та, казалось, конвульсивно выгнулась, скользя в первую секунду контакта по тактильному спектру текстуры и температуры тканей.

Потом ручка вновь стала металлической… выкрашенной зеленой краской железякой… чугуном, уходящим вниз и вдаль, к линии горизонта… превратилась в старые перила, за которые Марли теперь ошарашенно цеплялась.

В лицо ей бросило несколько капель дождя.

Запах дождя и влажной земли.

Калейдоскоп мелких деталей, собственные воспоминания о пьяном пикнике студентов факультета искусств отчаянно пытаются разрушить совершенную иллюзию Вирека.

Ни с чем не спутаешь эту раскинувшуюся сейчас под ней панораму Барселоны с ее окутанными странной дымкой вычурными шпилями церкви Святого Семейства. Борясь с головокружением, Марли схватилась за перила и второй рукой. Она же знает это место. Она — в парке Гюль, пряной сказочной стране, созданной архитектором Антонио Гауди на голом склоне сразу за центром города. Слева от нее, так и не соскользнув по скату расколовшегося валуна, застыла гигантская ящерица. Безумный узор прожилок на обливной керамике кожи. Струйки воды из улыбки-фонтана орошали клумбу поникших цветов.

— Вы растеряны. Прошу прощения.

Йозеф Вирек расположился на одной из змеившихся парковых скамеек террасой ниже Марли, его широкие плечи прятались под мягкой крылаткой. Черты этого лица были смутно знакомы Марли всю ее жизнь. Теперь по какой-то ей самой неясной причине она вспомнила фотографию, на которой коллекционер позировал рядом с английским королем. Вирек улыбнулся. Крупная голова великолепной формы, высокий лоб под щеткой жестких темно-седых волос. Ноздри неизменно раздуты, как будто он вечно принюхивается к неведомым ветрам искусства и коммерции. Взгляд бледно-голубых глаз, очень больших за стеклами круглых, без оправы, очков, за прошедшие десятилетия ставших как бы визитной карточкой его империи, оказался неожиданно мягким.

— Пожалуйста. — Узкая рука похлопала по беспорядочной мозаике из глиняных черепков. — Вы должны простить меня за то, что я так полагаюсь на технологию. Вот уже более десяти лет я пребываю в резервуаре жизнеобеспечения в каком-то кошмарном промышленном пригороде Стокгольма. А может, и преисподней. Я не слишком здоровый человек, Марли. Присаживайтесь рядом.

Сделав глубокий вдох, Марли спустилась по каменным ступеням и зашагала по булыжнику.

— Герр Вирек, — запинаясь, начала она, — я была на вашей лекции в Мюнхене, два года назад. Критика Фесслера и его autistiches Theater. Вы тогда казались здоровым…

— Фесслер? — Вирек сморщил загорелый лоб. — Вы видели двойника. А может, голограмму. От моего имени, Марли, творится многое. Различные части моего состояния со временем приобрели автономность; порой они даже противоборствуют друг с другом. Так сказать, бунт на финансовых окраинах. Однако по ряду причин, настолько сложных, что как бы полностью из области оккультного, факт моей болезни никогда не делался достоянием гласности.

Присев рядом с ним на скамейку, Марли уставилась на

грязный булыжник между стоптанных каблуков своих черных парижских ботинок. Увидела осколок бледного камешка, ржавую скрепку, пыльный трупик не то пчелы, не то трутня…

— Это… эта модель поразительно детальна…

— Да, — отозвался Вирек, — новые биочипы "Мааса". Вам следует знать, — продолжал он, — что мое знание вашей частной жизни почти столь же детально. В некотором смысле я знаю о вас чуть ли не больше, чем вы сами.

— Да?

Гораздо проще, как она обнаружила, было сосредоточиться на городе, выискивая вехи, запомнившиеся за дюжину студенческих каникул. Вон там, именно там, должна быть Рамблас, цветы и попугаи, таверны с неизменным меню: темное пиво и соленая соломка.

— Да. Я знаю, что это любовник убедил вас в том, что вы отыскали потерянный оригинал Корнелла…

Марли зажмурила глаза.

— Он заказал подделку, наняв двух талантливых студентов Академии художеств и известного историка, который оказался перед определенными личными затруднениями… Он заплатил им деньгами, которые извлек из вашей же галереи, о чем вы, без сомнения, уже и сами догадались. Вы плачете…

Марли кивнула. Холодный указательный палец постучал по ее запястью.

— Я купил Гнасса. Я откупился от полиции. Пресса же не стоила того, чтобы ее покупать; она редко этого стоит. А теперь ваша, быть может, несколько скандальная репутация может сыграть вам на руку.

— Герр Вирек, я…

— Одну минуту. Пако! Подойди ко мне, дитя.

Открыв глаза, Марли увидела мальчика лет, наверное, шести, облаченного в темный пиджачок и штанишки до колен, светлые носки, высокие шнурованные ботинки. Каштановые волосы мягким крылом падали ему на лоб. Мальчик что-то держал в руках, какой-то ящичек или шкатулку.

— Гауди начал создавать этот парк в одна тысяча девятисотом году, — сказал Вирек. — Пако носит костюм того периода. Подойди сюда, мой мальчик. Покажи нам свое чудо.

— Сеньор, — пролепетал Пако и с поклоном сделал шаг вперед, чтобы предъявить то, что держал в руках.

Марли могла только смотреть. Простой деревянный ящичек, стекло на месте передней стенки. Предметы…

— Корнелл, — выдохнула она, позабыв о своих слезах. — Корнелл? — Она повернулась к Вирeку.

— Конечно же, нет. Предмет, вставленный в обломок кости, — биомонитор фирмы "Браун". Перед вами — шедевр нашего современника.

— Так, значит, есть еще? Есть и другие шкатулки?

— Я нашел их семь. В течение последних трех лет. Видите ли, "Коллекция Вирека" — это нечто вроде черной дыры. Неестественный удельный вес моего состояния неудержимо притягивает к себе редчайшие творения человеческого духа. Процесс по сути своей автономный, причем тот, к которому я при обычных обстоятельствах не проявляю особого интереса…

Но Марли погрузилась в шкатулку, в пробуждаемое ею ощущение невероятного расстояния, потери и томления по чему-то неведомому и недостижимому. Шкатулка казалась и мрачной, и нежной, и почему-то детской. Она заключала в себе семь предметов.

Тонкая флейта из полой кости — конечно же, созданной для полета, конечно же, из крыла какой-то большой птицы. Три архаичные микросхемы — как крохотные лабиринты из золотых нитей. Гладкий белый шар обожженной глины. Почерневший от времени фрагмент кружева. Сегмент длиной в палец из того, что Марли сочла костью из человеческого запястья, серовато-белой, с поднимающимся из нее кремниевым стержнем какого-то маленького прибора, головка которого когда-то была утоплена в кожу — но почерневшая линза теперь запаяна.

Шкатулка казалась вселенной, поэмой, застывшей в жестких рамках человеческого опыта.

— Gracias, Пако.

Шкатулка и мальчик исчезли.

Марли охнула.

— Ах да, прошу прощения. Я забыл, что подобные переходы для вас слишком резки. Теперь, однако, мы должны обсудить ваше задание…

— Герр Вирек, — прервала его вопросом Марли, — что такое Пако?

— Подпрограмма.

— Понимаю.

— Я нанял вас для того, чтобы вы нашли создателя этой шкатулки.

— Но, герр Вирек, с вашими ресурсами…

— К которым теперь относитесь и вы, дитя мое. Или вы не испытываете желания получить эту работу? Когда история о том, как Гнассу всучили поддельного Корнелла, попала в поле моего зрения, я понял, насколько вы можете быть полезны мне в этом деле. — Он пожал плечами. — Поверьте, я обладаю

определенным талантом добиваться желаемого результата.

— Конечно, герр Вирек! Я хочу работать!

— Прекрасно. Вам будет выплачиваться понедельный оклад. Вам будет также предоставлен доступ к определенным кредитным линиям, хотя если вам потребуется приобрести, скажем, недвижимое имущество…

— Недвижимость?

— Или корпорацию, или космическое судно, — в этом случае вы обратитесь ко мне за опосредованным подтверждением ваших полномочий. Которое вы, с почти полной уверенностью можно утверждать, получите. А в остальном я предоставляю вам полную свободу. Однако предлагаю вам действовать на том уровне, в котором вы сами чувствуете себя уверенно. Иначе вы рискуете потерять чутье, а интуиция в подобном случае имеет решающее значение. — Еще раз для нее вспыхнула знаменитая на весь мир улыбка.

Марли сделала глубокий вдох:

— Герр Вирек, что, если я не справлюсь? Сколько у меня времени на то, чтобы найти этого художника?

— Остаток жизни, — последовало в ответ.

— Простите меня, — к ужасу своему услышала Марли собственный голос, — но, насколько я понимаю, вы сказали, что живете в… в резервуаре?

— Да, Марли. И из этой довольно ограниченной временной перспективы я советовал бы вам стремиться ежечасно жить в собственной плоти. Не в прошлом, если вы понимаете, что я имею в виду. Я говорю это как человек, не способный более выносить это простое состояние, поскольку клетки моего тела избрали себе донкихотский путь создания отдельных, собственных карьер. Полагаю, человеку более счастливому или менее богатому позволили бы в конце концов умереть или закодировали бы его в материнскую плату какого-нибудь компьютера. Но я, похоже, скован византийским хитросплетением механизмов и обстоятельств, что, по самым приблизительным прикидкам, требует примерно одной десятой части моего годового дохода. И наверное, превращает меня в самого дорогостоящего инвалида мира. Я был тронут вашими сердечными делами, Марли, и завидую той упорядоченной плоти, в которой они происходят.

Взглянув — на мгновение, не более — прямо в эти мягкие голубые глаза, Марли вдруг с инстинктивной уверенностью простого млекопитающего осознала, что исключительно богатые люди давно переступили ту черту, которая отделяет человека от чего-то иного…

Крыло ночи накрыло небо Барселоны, как судорога

бескрайнего, медленно опускающегося ставня, и Вирек, и Гюль исчезли, а Марли обнаружила, что вновь сидит на низкой кожаной банкетке и смотрит на рваные листы грязного картона.

3. БОББИ ВЛИП, КАК ВИЛЬСОН

Простая это штука — смерть. Теперь-то он понял: она просто приходит. Чуть оскользнешься — и она уже здесь, что-то холодное, без запаха, вздувается изо всех четырех углов этой дурацкой комнаты — гостиной его матери в Барритауне.

"Вот ведь дерьмо, — думал он, — Дважды-в-День животики надорвет от смеха: впервые вышел на дело — и тут же влип, как вильсон".

Единственным звуком в комнате был слабый ровный гуд — это вибрируют его зубы. Программа обратной связи ультразвуковым параличом въедается в нервную систему. Он глядит на свою руку, дрожащую в нескольких сантиметрах над красной пластмассовой кнопкой, которая могла бы оборвать убивающий его коннект.

Дерьмо.

Он пришел домой — и сразу за дело. Загнал дискетку с только что арендованным у Дважды-в-День ледорубом и подключился. Набрал код базы, которую выбрал ему толкач в качестве первой в его жизни реальной цели. Вроде так это все и делается — хочешь сделать и делаешь. Эта маленькая дека "Оно-Сендаи" была у него не более месяца, но он уже знал, что хочет стать кем-то большим, нежели мелкий барритаунский хотдоггер. Бобби Ньюмарк, он же Счет Ноль — или Граф Ноль, кому как больше нравится, — но теперь все кончено. Кино никогда не кончается так, чтобы на первой сцене. В кино всегда вбегает девушка ковбоя или, скажем, партнер, срывает троды и бьет по вот этому маленькому красному "СТОП".

Но Бобби сейчас один; его центральная нервная система подавлена защитной программой базы данных за три тысячи километров от Барритауна, и он это знает. И какая-то магическая химия посреди зловещей, обволакивающей тьмы позволяет ему ощутить всю бесконечную желанность этой комнаты с ее ковром цвета ковра и занавесками цвета занавесок, с продавленной софой из темперлона, на прямоугольной хромированной раме которой закреплены компоненты старенького, шестилетней давности развлекательного модуля "Хитачи".

Он ведь так тщательно задергивал занавески, готовясь к своему первому набегу, а теперь, как это ни странно, все равно видит сквозь них. Видит, как вздымается бетонная волна барритауновских кондо, чтобы разбиться о темные башни Проектов. Эта волна кондо щетинится тончайшим ворсом простых и спутниковых антенн, с натянутыми между ними

бельевыми веревками. Мать любила разоряться по этому поводу: у нее была собственная сушилка. Он вспомнил белые костяшки ее пальцев на крашенных под бронзу перилах балкона, сухие морщинки на сгибе кисти. Вспомнил, как несли с Большой Площадки мертвого парня на металлических носилках… труп завернут в пластик одного цвета с полицейской машиной. Упал и разбил голову. Упал. Голова садовая. Вильсон.

Сердце остановилось. Бобби показалось, что оно вдруг просто упало на бок и отбросило копыта, как какой-нибудь зверек в мультфильме.

Шестнадцать секунд смерти Бобби Ньюмарка. Его хотдогтерской смерти.

И тут вклинилось что-то. Ощущение запредельных пространств. Что-то огромное пришло из-за самого дальнего предела — мира, чувств, всего, что можно познать или вообразить. И это нечто коснулось его.

::: ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ? ПОЧЕМУ ОНИ ДЕЛАЮТ ЭТО С ТОБОЙ?

Девчоночий голос, каштановые волосы, темные глаза…

: УБИВАЕТ МЕНЯ УБИВАЕТ МЕНЯ УБЕРИ ЭТО УБЕРИ.

Темные глаза, пустынные звезды, девичьи волосы…

::: НО ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ТРЮК, РАЗВЕ НЕ ВИДИШЬ? ТЕБЕ ТОЛЬКО КАЖЕТСЯ, ЧТО ТЕБЯ ПОЙМАЛИ. СМОТРИ: ВОТ Я ВЛИВАЮСЬ, И НЕТ НИКАКОЙ ПЕТЛИ.

И сердце перекатилось, встало на место и своими мультяшными ножками отфутболило наверх съеденный ленч. Спазмом отрубленной лягушачьей лапки его выбросило из кресла, падение сорвало со лба троды. Голова Бобби врубилась в угол "Хитачи", мочевой пузырь сократился, и кто-то все твердил "матьматьмать" в пыльный запах ковра. Девчоночий голос пропал, никаких пустынных звезд, вкуса-вспышки холодного ветра и изъеденного водой камня…

Тут голова его взорвалась. Он увидел это очень ясно, откуда-то из далекого далека. Как взрыв фосфорной гранаты.

Белый.

Свет.

4. НАСТРОЙКА

Черная "хонда" зависла в двадцати метрах над восьмиугольной палубой заброшенной нефтяной платформы. Светало, и Тернер различил поблекшие контуры трилистников химической опасности, маркирующих посадочную площадку.

— У вас тут биозараза, Конрой?

— Не та, к какой ты привык.

Фигура в красном комбинезоне, размахивая посадочными жезлами, подавала сигналы пилоту "хонды". Когда они садились, вихрь от пропеллеров сбросил в море обрывки упаковки, засорявшие кое-где палубу. Конрой хлопнул по застежке пристяжных ремней и перегнулся через Тернера, чтобы открыть люк. Откинулась крышка, их оглушил рев моторов. Конрой толкнул Тернера в плечо и требовательно поднял несколько раз руку ладонью вверх, потом указал на пилота.

Тернер выбрался наружу и спрыгнул — рев пропеллера над головой расползся кляксой грома. Потом возле него в полу приседе возник Конрой. С помощью краба на согнутых "ногах", какие обычно встречаются на посадочных площадках вертолетов, они счистили поблекшие знаки-трилистники. Поднятый "хондой" ветер бил штанинами по коленям. Тернер нес неприметный серый чемодан, отлитый из баллистического пластика, — свой единственный багаж. Кто-то в гостинице успел упаковать его вещи, и на "Цусиме" его уже ждал чемодан. Внезапное изменение в звуке моторов сказало ему, что "хонда" поднимается. С погашенными огнями она, завывая, ушла назад к побережью. В наступившей тишине стали слышны крики чаек, шорох и хлюпание тихоокеанских волн.

— Здесь когда-то пытались создать гавань данных, — сказал Конрой. — Нейтральные воды. В те времена никто еще не жил на орбите, так что какое-то время это имело смысл… — Он направился к ржавому лесу балок, поддерживавших надстройку платформы. — "Хосака" предложила свой сценарий: мы привозим Митчелла сюда, чистим, грузим на "Цусиму" — и на всех парах в старушку Японию. Я сказал им: об этом дерьме и думать забудьте. В "Маасе" тоже не дураки сидят, и они могут навалиться на эту посудину всем чем угодно. Я сказал им: исследовательский центр, который вы сбацали на территории консульства, — это самое оно, или я не прав? Каким бы дерьмом "Маас" ни был, он не станет рисковать, особенно в самом долбанном центре Мехико…

Из тени выступила какая-то фигура, лицо ее было обезображено выпученными линзами оптического прибора.

Фигура приветливо помахала им тупыми дулами многоствольного игольного ружья системы Лэнсинга.

— Биозараза, — сказал Конрой, когда они протискивались мимо. — Тут пригни голову. И поосторожнее, ступеньки скользкие.

На платформе пахло ржавчиной, морем и заброшенностью. Окон тут не было. Обесцветившиеся стены испещрены расползающимися язвами ржавчины. Через каждые несколько метров с балок над головой свисали флюоресцентные фонари на батарейках, отбрасывая жутковатый зеленый свет, одновременно резкий и ноюще неровный. В центральном помещении — дюжина фигур за работой. Расслабленная точность движений хороших техов. Профессионалы, подумал Тернер: взглядами обмениваются редко, да и разговоров почти не слышно. Было холодно, очень холодно, и Конрой выдал ему огромную, усеянную клапанами и молниями парку.

Бородач в летной куртке с барашковым воротником закреплял серебристой лентой на погнутой переборке бухту оптоволоконного кабеля. Конрой застрял где-то сзади, заспорив шепотом с негритянкой в такой же, как на Тернере, парке. Подняв от работы глаза, бородатый тех увидел Тернера.

— Бля-а, — протянул он, все еще стоя на коленях, — я и сам сообразил, что дело будет важное, но к тому же, похоже, еще и жаркое.

Он встал и машинальным движением вытер руки о джинсы. Как и остальные техи, он был в хирургических перчатках из микропоры.

— Ты Тернер. — Он усмехнулся, бросил быстрый взгляд в сторону Конроя и вытащил из кармана куртки черную пластмассовую фляжку. — Хочешь для сугрева? Ты же меня знаешь. Я работал над тем делом в Марракеше, когда парень из "Ай-Би-Эм" перешел в "Мицу-Джи". Это я тогда подсоединял взрывчатку к автобусу, который вы с французом загнали в вестибюль гостиницы.

Тернер взял фляжку и, щелкнув крышкой, приложился. Бурбон. Жидкость провалилась вглубь, в желудке остро защипало, по телу растеклось тепло.

— Спасибо, — он вернул фляжку, и тех убрал ее в карман.

— Оукей, — сказал он. — Меня зовут Оукей. Вспоминаешь?

— Конечно, — солгал Тернер. — Марракеш.

— А это "Дикая индейка", — сказал Оукей. — На пересадке в Сиполе я заполучил ее без пошлины. Твой партнер, — снова взгляд в сторону Конроя, — он не дает расслабиться, а? Я хочу сказать, не так, как в Марракеше, да?

Тернер кивнул.

— Если что понадобится, — сказал Оукей, — дай мне знать.

— Что, например?

— Еще выпить, или у меня есть перуанский кокс, ну знаешь, самый что ни на есть желтый. — Оукей снова ухмыльнулся.

— Спасибо, — отозвался Тернер, видя, что Конрой поворачивается к ним. Оукей тоже это увидел и быстро присел, отрывая новый кусок серебристой ленты.

— Кто это был? — спросил Конрой, проводя Тернера через узкий дверной проем с прогнившими черными изоляционными прокладками вдоль косяков. Конрой повернул колесо открывающего дверь механизма; колесо недавно смазали.

— Его зовут Оукей, — рассеянно ответил Тернер, оглядывая новое помещение, поменьше. Два фонаря, складные столы, стулья — все новенькое. На столах — какие-то приборы под черными пылезащитными колпаками из пластика.

— Твой друг?

— Нет, — ответил Тернер. — Работал как-то на меня-. — Подойдя к ближайшему столу, он откинул один из колпаков. — Что это?

Немаркированная консоль производила впечатление недоработанного фабричного прототипа.

— Киберпространственная дека "Маас-Неотек".

Тернер поднял брови:

— Ваша?

— У нас таких две. Вторая — на полигоне. Получили от "Хосаки". Судя по всему, это самая быстрая штуковина в матрице, а "Хосака" даже не может демонтировать чипы, чтобы скопировать. Совершенно иная технология.

— Это подарок от Митчелла?

— Молчат. Но уже то, что деки вообще выпустили из рук — просто чтобы подстегнуть наших жокеев, говорит о том, насколько им нужен этот мужик.

— Кто за консолью, Конрой?

— Джейлин Слайд. Это с ней я только что говорил, — он мотнул головой в сторону двери. — А на полигоне — человек из Лос-Анджелеса, парнишка по имени Рамирес.

— Они хороши? — Тернер вернул на место колпак.

— Лучше бы им такими быть, учитывая, во сколько они нам обошлись. Джейлин заработала себе репутацию крутой за последние два года, а Рамирес — ее ученик и вроде как дублер. Дерьмо… — Конрой пожал плечами. — Ты же знаешь этих ковбоев. Психи долбанные…

— Где ты их взял? И уж если на то пошло, как ты нашел

Оукея?

Конрой улыбнулся:

— Через твоего агента.

Тернер уставился было на Конроя, потом кивнул. Повернувшись, он приподнял край следующего колпака. Чемоданчики из пластмассы и стиролона, аккуратно, но плотно расставленные по холодному металлу стола. Он коснулся синего пластмассового прямоугольника с выдавленной серебристой монограммой на крышке — "S&W".

— Твой агент, — сказал Конрой, когда Тернер щелкнул замком.

Револьвер покоился в литом ложе из бледно-голубого пластика, под коротким толстым стволом на безобразной станине вздулся массивный барабан.

— "Смит-и-вессон", тактический, 408-й калибр, с ксеноновым излучателем, — добавил Конрой. — Как он сказал, это то, что тебе нужно.

Тернер взял в руку пушку и большим пальцем надавил на клавишу проверки батарейки в излучателе. На орехового дерева рукояти дважды мигнул красный огонек. Тернер погладил барабан, затем вывернул его себе на ладонь.

— Патроны?

— На столе. Заряжаются вручную, головки разрывные.

Тернер отыскал прозрачный тубус из пластика янтарного цвета, открыл его левой рукой и извлек патрон.

— Почему для этого дела выбрали меня, Конрой?

Он осмотрел патрон, потом осторожно вставил его в одно из шести барабанных гнезд.

— Не знаю, — ответил Конрой. — Решили, наверное, — едва только пришла весточка от Митчелла, — что тебе рано еще на покой…

Тернер щелчком вогнал барабан на место и резко его крутанул.

— Я сказал: "Почему для этого дела выбрали меня, Конрой?" — Обеими руками он поднял пистолет. Вытянул руки, целясь в лицо Конрою. — Когда имеешь дело с такой пушкой, иногда можно заглянуть в дуло и, если свет падает правильно, увидеть, есть ли в стволе пуля. — Конрой качнул головой, совсем чуть-чуть. — Или, может быть, ее можно увидеть в каком-нибудь другом гнезде…

— Нет, — очень мягко отозвался Конрой, — не выйдет.

— А что, если психиатры наврали, Конрой? Что тогда?

— Нет, повторил Конрой, лицо его оставалось совершенно пустым. — Они не наврали, и ты этого не сделаешь.

Тернер нажал на курок. Ударник щелкнул в пустое гнездо. Конрой раз моргнул, открыл рот, закрыл, глядя, как Тернер опускает "смит-и-вессон". Одинокая капля пота скатилась от корней волос и потерялась в брови.

— Ну? — спросил Тернер, держа пистолет у бедра.

Конрой пожал плечами.

— Не ерунди, — сказал он.

— Я настолько им нужен?

Конрой кивнул:

— Это твое шоу, Тернер.

— Где Митчелл? — Тернер снова вывернул барабан и начал заряжать остальные гнезда.

— В Аризоне. Километрах в пятидесяти от границы с Сонорой, в исследовательском центре на вершине плато. "Маас Биолабс, Северная Америка". Им там принадлежит все до самой границы, а само плато — "яблочко" в центре зоны, захватываемой с четырех спутников наблюдения. Сплошные мучо.

— И как, по их мнению, мы туда попадем?

— Никак. Митчелл выбирается сам по себе. Мы ждем его, подбираем и доставляем "Хосаке" его задницу в целости и сохранности.

Зацепив указательным пальцем расстегнутый воротник черной рубашки, Конрой вытащил сперва нейлоновый шнур, потом маленький, черный, нейлоновый же конверт с застежкой на липучке. Осторожно открыв его, он извлек какой-то предмет, который протянул на открытой ладони Тернеру.

— Взгляни. Вот что он нам прислал.

Положив пушку на ближайший стол, Тернер взял у Конроя штуковину, напоминавшую серый распухший микрософт. Один конец — цоколь стандартного нейровхода, а другой — странное округлое образование, не похожее ни на что виденное Тернером ранее.

— Что это?

— Биософт. Джейлин его уже подключала, на ее взгляд, это продукт вывода с какого-то ИскИна. Что-то вроде досье на Митчелла, с пришпиленным в конец сообщением для "Хосаки". Лучше включись сам, если хочешь быстро войти в курс дела…

Тернер поднял взгляд от серого предмета:

— Ну и как Джейлин ее попытка?

— Она сказала, что, прежде чем вставлять его, лучше прилечь. Ей, похоже, не сильно понравилось.

В машинных снах таится особое головокружение. Тернер прилег в импровизированной казарме на девственно-чистый пласт зеленого темперлона и включился в досье. Начало —

медленное, у Тернера хватило времени закрыть глаза.

Десять секунд спустя его глаза раскрылись. Он вцепился в зеленый темперлон, борясь с подступающей тошнотой. Снова закрыл глаза… Снова наплыв… мерцающий, нелинейный поток фактов и сенсорных данных, что-то вроде повествования, передаваемого при помощи сюрреалистически обрезанных и смонтированных кадров. Это отдаленно напоминало "американские горки", когда экипаж наугад застывает то в одной, то в другой фазе — сознание то меркнет, то резко проясняется, — а между ними стремительные перемещения, невероятная частота колебаний, где высота, угол съемки и ее направление меняются с каждым биением пустоты. Разве что перемещения эти по природе своей не имели ничего общего с физической ориентацией, а являлись скорее молниеносными сменами в парадигме и системах символов. Эта информация никогда не предназначалась для ввода человеку.

Открыв глаза, Тернер вытащил серый софт из разъема, сжал в липкой от пота ладони. Это было как проснуться от кошмара. Не того, от которого с криком подскакиваешь в постели и в котором импульсивные страхи обретают простые ужасающие формы, а другого, бесконечно более тревожащего нескончаемого сна, где все совершенно и до ужаса обыденно, и все же совершенно неправильно…

Подобная интимность вызывала отвращение и ужас. Тернер старался побороть волны резкой трансференции, напрягая всю силу воли, чтобы подавить чувство, в чем-то сходное с любовью, с одержимой собственнической нежностью, какую начинает испытывать наблюдатель к объекту продолжительного наблюдения. Он понимал, что дни или часы спустя на поверхность его сознания могут теперь всплыть мельчайшие детали научной биографии Митчелла, или это будет имя любовницы, запах ее тяжелых рыжих волос в солнечном свете сквозь…

Он рывком сел, пластиковые подметки туфель ударились о ржавую палубу. На нем все еще была парка, и лежащий в боковом кармане "смит-и-вессон" больно ударил по бедру.

Это пройдет. Психодосье Митчелла развеется, как испаряется после каждого пользования "лексиконом" испанская грамматика. Он испытал на себе воздействие досье службы безопасности "Мааса", скомпилированное способным чувствовать компьютером — не более того. Тернер убрал биософт в черный конвертик, разгладил большим пальцем липучку и надел на шею шнурок.

Только тут он осознал шорох волн, плещущихся о бока буровой платформы.

— Эй, босс, — сказал кто-то из-за коричневого армейского одеяла, которое загораживало вход в спальный отсек. — Конрой говорит, пора инспектировать войска. А потом вы с ним поедете дальше. — Из-за одеяла выдвинулось бородатое лицо Оукея. — Иначе я ведь не стал бы вас будить, так?

— Я не спал, — отрезал Тернер и встал, задумчиво массируя двумя пальцами кожу вокруг вживленного разъема.

— Хреново, — посетовал Оукей. — У меня есть дермы, которые вырубают ну просто подчистую. Один час на пуговице, потом вдарить классным стимулятором, чтобы подняться на ноги, — и на дело. Без дураков…

Тернер покачал головой:

— Отведи меня к Конрою.

5. РАБОТА

Марли сняла комнату в маленькой гостинице, где повсюду стояли зеленые растения в тяжелых медных кадках, а коридоры напоминали шахматную доску из вытертого мрамора. Лифт походил на украшенную завитушками позолоченную клетку с панелями розового дерева, от которых пахло лимонным маслом и маленькими сигарами.

Ее номер оказался на пятом этаже. Единственное высокое окно из тех, что действительно можно было открыть, выходило на авеню. Когда ушел улыбающийся коридорный, Марли рухнула в кресло, чья плюшевая обивка приятно контрастировала с приглушенными красками бельгийского ковра. В последний раз расстегнув молнии, она скинула старые парижские сапоги, потом посмотрела на дюжину глянцевых пакетов, которые коридорный разложил на кровати. Завтра, подумала Марли, завтра она купит чемоданы. И зубную щетку.

— У меня шок, — сказала она сумкам на кровати. — Нужно быть осторожнее. Все теперь кажется нереальным.

Опустив глаза, она увидела дырки в колготках, от пальцев бежали тоненькие стрелки. Марли покачала головой. Ее новая сумочка, которая сейчас лежала на белом мраморном столике у кровати, была черной, сшитой из воловьей кожи, выделанной толсто и мягко, как фламандское масло. Сумочка стоила больше, чем Марли должна была Андреа за квартиру, впрочем, то же относилось и к, стоимости одной ночи в гостинице. В сумочке лежали паспорт и кредитный чип, который ей выдали в галерее Дюпре. Счет на ее имя был открыт в орбитальном отделении "Недерландс Алгемеен Банк".

Марли прошла в ванную, поиграла гладкими бронзовыми рычагами огромной белой ванны. Из японского фильтрационного устройства зашипела горячая ионизированная вода. Гостиница предлагала на выбор пакетики солей для ванн, тюбики кремов и ароматизированного масла. Марли опустошила тюбик масла в наполняющуюся ванну и начала раздеваться, испытав боль потери, когда бросила на пол "Салли Стэнли". Если не считать последнего часа, оставшийся с прошлого сезона жакет был любимой и, пожалуй, самой дорогой вещью Марли за всю ее жизнь. Теперь он стал чем-то, что предстояло унести уборщицам. Возможно, он найдет себе дорогу на какой-нибудь блошиный рынок, одно из тех мест, где она сама в студенческие годы охотилась за стильными вещами по дешевке…

Ванная наполнилась ароматным паром, зеркала

затуманились, побежали струйками влаги, искажающими отражение. Неужели все так просто? Неужели это тонкий золотой кредитный чип Вирека вытащил ее из убожества последних недель прямо в эту гостиницу, где слегка царапают кожу пухлые белые полотенца? Марли сознавала, что испытывает что-то похожее на головокружение, будто балансирует на краю какой-то пропасти. Господи, насколько же на самом деле всемогущи деньги, если их много, по-настоящему много! Только вирекам мира сего, размышляла Марли, дано это знать, но вполне вероятно, что осознавать это они функционально не способны. Спрашивать об этом у Вирека — все равно что допрашивать рыбу в надежде побольше узнать о воде. Да, моя дорогая, она мокрая; да, дитя мое, она, конечно же, теплая, надушенная, шершаво-полотенчатая.

Марли ступила в ванну, легла.

Завтра она сделает прическу. В Париже.

Прежде чем Марли вспомнила о специальной программе, телефон Андреа прозвонил шестнадцать раз. Программа, наверное, все еще подключена, а номера этой маленькой, довольно дорогой брюссельской гостиницы, конечно же, в списке нет. Привстав, она положила трубку радиотелефона на мраморную столешницу, и телефон тут же негромко загудел.

— Посылка с курьером из галереи Дюпре.

Когда коридорный — на этот раз более молодой, смуглый, вероятно, испанец — ушел, она подошла с пакетом к окну, повертела в руках. Какой-то предмет, завернутый в единый лист темно-серой бумаги ручной выделки. Лист был свернут и подогнут тем самым загадочным японским способом, который не требовал ни клея, ни бечевки, но Марли знала, что, стоит раскрыть посылку, ей уже никогда не завернуть ее обратно. В уголке рельефно выступали название и адрес галереи, а имя Марли и название ее гостиницы были выведены от руки через весь центр посылки изящным курсивом.

Развернув бумагу, она обнаружила, что держит в руках новенький голопроектор "Браун" и плоский конверт из прозрачного пластика. В конверте оказались семь пронумерованных пластинок голофишей. За миниатюрным чугунным балконом заходило солнце, окрашивая золотом Старый Город. До Марли доносились автомобильные гудки и крики детей. Она закрыла окно и вернулась к письменному столу. "Браун" оказался обтекаемым черным параллелепипедом, работал проектор от солнечных батарей. Марли проверила напряжение и, достав из конверта первую голофишу, вставила ее в прорезь.

Над "Брауном" расцвела шкатулка, которую она видела у

Вирека в смоделированном парке Гюль, засияв кристальным разрешением самых лучших музейных голограмм. Кость и золото микросхем, мертвое кружево и тусклый белый мрамор, откатившийся от кома глины. Марли покачала головой. Как удалось этому неизвестному — кто бы он ни был — расположить эти обломки, этот хлам так, что он брал за душу, вонзался в нее, как рыболовный крючок? Но потом она кивнула. Этого можно добиться, она-то знает; много лет назад такое делал человек по имени Корнелл, тот тоже создавал шкатулки.

Потом она перевела взгляд влево, туда, где по полированной поверхности стола распласталась элегантная серая бумага. Эту гостиницу, устав ходить по магазинам, она выбрала по чистой случайности. Она ни единой душе не говорила, где она, и, уж конечно, никому в галерее Дюпре.

6. БАРРИТАУН

Он пробыл без сознания часов восемь — если верить таймеру на материнском "Хитачи". Очнувшись, уставился на пыльную панель, чувствуя, как впивается в ногу какой-то острый угол. "Оно-Сендаи". Он перекатился на бок. Затхлый запах блевотины.

Потом долго стоял под душем прямо в одежде, не уверенный, а как он, собственно говоря, туда попал. Крутил краны, тер лицо. На ощупь оно казалось резиновой маской.

— Что-то стряслось.

Что-то скверное, огромное — он не был уверен, что именно.

На кафельном полу в душе постепенно росла горка мокрой одежды. Наконец он выключил воду, подошел к раковине и, отбросив с глаз мокрые волосы, всмотрелся в лицо в зеркале. Бобби Ньюмарк, никаких проблем…

— Нет, Бобби, проблема. У нас проблема…

С полотенцем на плечах, оставляя мокрые следы, он прошлепал через узкий коридор в свою крохотную треугольную спальню в задней части кондо. Как только он переступил порог, с готовностью зажегся голографический порномодуль. Полдюжины девушек заулыбались, с очевидной радостью встречая хозяина. Они стояли будто за стенами комнаты, в дымчатой перспективе мучнисто-голубого пространства, их белозубые улыбки и упругие молодые тела казались неоново яркими. Двое придвинулись ближе и стали ласкать друг Друга.

— Хватит, — приказал Бобби.

Проекционный модуль по его команде отключился; сказочные девицы исчезли. Раньше модуль принадлежал старшему брату Линга Уоррена, прически и одежда устарели и выглядели довольно нелепо. С девицами можно было поболтать и заставить их делать всякое друг с другом и с самими собой. Бобби вспомнил, как в тринадцать лет был влюблен в Брэнди, брюнетку в синих прорезиненных штанишках. Теперь он ценил проекцию в основном за иллюзию пространства, которую она привносила в импровизированную спальню.

— Что-то, черт побери, стряслось, — повторил он, натягивая черные джинсы и почти чистую рубашку. Он покачал головой: — Что? Что, мать вашу?

Сбой тока на линии? Какая-то дурацкая акция внутри самой Ядерной Комиссии? А может, база, в которую он попытался вломиться, как раз в этот момент перенесла какой-нибудь странный общий крах, или кто-то атаковал ее из другого сектора матрицы… Но оставалось еще ощущение от встречи, встречи с

кем-то, кто… Сам того не осознавая, Бобби вытянул правую руку, умоляюще раскрыл ладонь.

— Блин! — выдохнул он.

Пальцы сжались в кулак. И вдруг все вернулось: сперва ощущение чего-то большого, поистине огромного, что тянется к нему через киберпространство, а потом смутный девичий облик. Стройная, каштановые волосы, затаилась где-то в странной яркой темноте, полной ветра и звезд. Но когда его разум потянулся за ними, образы ускользнули.

Сообразив, что голоден, Бобби сунул ноги в сандалии и направился назад в сторону кухни, вытирая по дороге голову влажным полотенцем. Проходя через гостиную, он заметил, что с ковра на него уставился горящий глаз индикатора."ВКЛЮЧЕНО" на "Оно-Сендаи". Застыв на месте, Бобби с шумом втянул воздух через стиснутые зубы. Дека все еще подключена. Может ли она до сих пор быть на связи с базой, которую он пытался прокачать? Могут ли на базе определить, выжил он или нет? Он понятия не имел. Одно Бобби знал наверняка: у них есть его номер и адрес. Он же не подумал о реле и автоматических обманках, которые помешали бы им запустить обратный поиск.

У них есть его адрес.

Забыв о голоде, Бобби метнулся в ванную и начал копаться в сырой одежде, пока не нашел кредитный чип.

У него было двести десять новых иен, припрятанных в полой пластмассовой ручке универсальной отвертки. Надежно запрятав отвертку и кредитный чип в карман джинсов, он натянул пару самых старых и самых тяжелых своих ботинок, потом выгреб из-под кровати грязную одежду. Нашел черную парусиновую ветровку, по меньшей мере с дюжиной карманов, один из них, огромный длинный кисет, тянулся вдоль поясницы — что-то вроде внутреннего рюкзака. Под подушкой лежал японский гравитационный нож с оранжевой рукоятью — он отправился в карман на левом рукаве пиджака, поближе к обшлагу.

Когда он уходил, вспыхнули сказочные принцессы:

— Бобби, Бобби-и-и-и, вернись, поиграем…

В гостиной он вырвал коннектор "Оно-Сендаи" из торца "Хитачи", свернул оптоволоконный провод и засунул его в карман. То же самое произошло с набором тродов, за ними в карман-кисет куртки проскользнул и "Оно-Сендаи".

Занавески все еще были задернуты. Бобби почувствовал прилив нового, радостного возбуждения. Он уходит. Должен уйти. Он успел позабыть трогательную нежность к этому месту, порожденную прикосновением смерти. Осторожно раздвинув шторы, Бобби выглянул в образовавшуюся щель размером с

ноготь большого пальца.

Вечерело. Через несколько часов на темных громадах Проектов замигают первые огни. Большая Площадка уходила вдаль, как бетонное море. На противоположном его берегу вставали Проекты, гигантские прямоугольные строения, кое-где смягченные случайными наслоениями подвесных оранжерейных террас, рыборазводных резервуаров, систем солнечного отопления и вездесущих антенных блюдец. Дважды-в-День сейчас, наверное, там, спит в своем мире, который Бобби никогда не видел, в мире самодостаточного здания-улья. Дважды-в-День спускался вниз по делам, в основном — с хотдоггерами Барритауна, а потом взбирался обратно наверх. Бобби всегда казалось, что наверху хорошо — сколько всего происходило на балконах по ночам! Среди красных пятен костров стайками обезьянок в одном белье крутились ребятишки, такие маленькие, что их едва было видно. Иногда ветер менялся, и на Большую Площадку сносило кухонные запахи, а иногда было видно, как из какой-нибудь потайной страны высоко-высоко на крыше выплывает легка!

я авиетка. И всегда — сплав сотен ритмов из тысяч динамиков, волны музыки, которая пульсирует и растворяется в порывах ветра.

Дважды-в-День никогда не говорил о том, какая жизнь там, где живет он. Дважды-в-День говорил о деле или, если желал вести светскую беседу, о женщинах. То, что Дважды-в-День говорил о женщинах, больше, чем что-либо, заставляло Бобби мечтать вырваться из Барритауна, но он прекрасно понимал, что бизнес — его единственный билет отсюда. Правда, теперь дилер ему был нужен совсем по другой причине — происходящее оказалось ему, Бобби, совершенно не по зубам.

Может, Дважды-в-День скажет ему, что происходит. Предполагалось же, что ничего "мокрого" не будет. Дважды-в-День сам выбрал для Бобби эту базу, потом дал напрокат софт, необходимый для того, чтобы прорваться внутрь. И Дважды-в-День был готов перепродать все, что ему удалось бы оттуда вытащить. Так что толкач должен знать. Во всяком случае, хоть что-то.

— У меня нет даже номера твоего телефона, мужик, — сказал Бобби, обращаясь к Проекту и давая шторе упасть. Может, нужно оставить что-то для матери? Записку? — Уношу ноги, — сказал он комнате у себя за спиной, — и куда подальше. — И вот он уже за дверью и бежит по коридору, направляясь к лестнице. — Навсегда, — добавил он, открывая ногой входную дверь.

Большая Площадка выглядела вполне безопасно, если не

считать одинокого полуголого торчка, погруженного в яростный спор с Господом Богом. Бобби обошел торчка по широкой дуге — тот кричал, подпрыгивал и рубил воздух ударами карате. Голые ноги полоумного были покрыты засохшей кровью вперемешку с пылью и остатками того, что было, вероятно, прической долика.

Большая Площадка — нейтральная территория, по крайней мере теоретически, и долики с год назад заключили — правда, достаточно непрочный — союз с готиками. У Бобби были довольно прочные связи среди готиков, хотя он и сохранял за собой статус независимого. Барритаун — рисковое место для того, чтобы быть независимым. Во всяком случае, думал Бобби, пока стихала за спиной гневная тарабарщина торчка, банды создают хоть какую-то структуру. Если ты готик, а тебя покоцали казуары — в этом есть хоть какой-то смысл. Может, основная причина и совершенно идиотская, зато есть правила. А независимые становятся добычей обдолбанных маньяков — хищных одиночек, скитающихся по окраинам Ржавого Пояса до самого Нью-Йорка. Вспомнить только этого Сборщика Пенисов прошлым летом, этот тип носил свое добро в кармане в пластиковом мешке…

Сколько Бобби себя помнил, он пытался отыскать способ выбраться из этого ландшафта, — или, во всяком случае, теперь ему так казалось. Теперь, когда он шел в клуб и по спине ему била спрятанная во внутреннем кармане киберпространственная дека. Как будто и она тоже подгоняла его выбраться.

— Давай же, Дважды-в-День, — сказал он неясным очертаниям Проектов, — спускай сюда свою жопу и окажись у Леона, когда я туда дойду, ладно?

Дважды-в-День у Леона не было.

Никого там не было, если не считать самого Леона, который копался сложенным в несколько раз обрывком бумаги во внутренностях настенного экрана.

— Почему бы тебе не взять молоток и не бить по этой хреновине до тех пор, пока она не заработает? — спросил Бобби. — Результат был бы примерно тот же.

Леон поднял глаза. Лет ему, вероятно, было под сорок, но точно сказать было сложно. Леон, казалось, вообще не принадлежал ни к какой расе, или же представлял отдельную расу сам по себе. Множество гипертрофированных лицевых костей, жуткие глаза и грива вьющихся, поглощающих свет черных волос. Его подвальный пиратский клуб последние два года был постоянной составляющей жизни Бобби.

Теперь вот Леон тускло уставился на него своими кошмарными глазами. Хитиново-серые зрачки подернуты

прозрачным оливковым налетом. Глаза Леона неизменно наводили Бобби на мысль об устрицах и лаке для ногтей. Две вещи, о которых не слишком приятно думать в сочетании с глазами. Цветом они походили на материал для обивки табуретов в барах.

— Я только хотел сказать, что так, просто в нее тыкая, эту хрень не наладишь, — чувствуя себя не в своей тарелке, добавил Бобби.

Медленно покачав головой, Леон вернулся к своим изысканиям. Люди платили за то, чтобы попасть в клуб, потому что его владелец промышлял пиратскими фильмами и симстим-записями с кабеля, гоняя многое такое, что барритаунцы иначе не могли себе позволить. В задней комнате заключались сделки и можно было внести "пожертвования" на спиртное, в основном чистый индейский самогон из Огайо, разбавленный каким-то синтетическим апельсиновым напитком, который Леон добывал в промышленных количествах.

— Гм, скажи, Леон, — снова начал Бобби, — ты в последнее время не видел Дважды-в-День?

Кошмарные глазки снова глянули вверх и смотрели на Бобби, казалось, целую-целую вечность.

— Нет.

— Может, прошлым вечером?

— Нет.

— А позапрошлым?

— Нет.

— Вот как? Ладно. Спасибо.

Нет смысла приставать к Леону. Если на то пошло, есть множество причин этого не делать. Бобби оглядел просторное полутемное помещение, симстим-модули и неосвещенные киноэкраны. Клуб представлял собой череду одинаковых комнатушек в подвале наполовину пустующего блока лесов, предназначенных для однокомнатных квартир и производственных точек легкой промышленности. Хорошая звукоизоляция: снаружи музыки вообще не слышно. Сколько раз по ночам, когда в голове грохотали рок и "колеса", он вываливался от Леона на улицу будто в магический вакуум тишины, от которой гудело в ушах всю дорогу через Большую Площадку.

Теперь у него оставался еще час до того, как станут прибывать первые готики. Дилеры — в основном черные с Проектов или белые из города или с какой-нибудь окраины — не покажутся до тех пор, пока здесь не будет приличной грядки готиков, которую можно обрабатывать. Ничто так не портит

репутацию дилера, как торчать в клубе и ждать у моря погоды — это будет значить только то, что ты ни хрена ловить не умеешь. Ни один по-настоящему крутой дилер не станет сшиваться у Леона просто так, за-ради удовольствия. Не то что хотдоггерский сброд со своими дешевыми деками, собирающийся у Леона по уикендам — посмотреть японскую киношку о ледорубах.

Но ведь Дважды-в-День не из таких, говорил Бобби самому себе, поднимаясь по бетонным ступеням. Дважды-в-День знает, к чему стремиться. Подальше от Проектов, подальше от Барритауна, подальше от Леонова клуба. В Город. В Париж или даже, может быть, Тибу. "Оно-Сендаи" бил по пояснице. Он вспомнил, что дискета с ледорубом Дважды-в-День осталась внутри. Бобби ни с кем не хотелось объясняться по этому поводу. Он прошел мимо киоска новостей. За пластиковым окошком по зеркальному желобу полз желтый факс нью-йоркского издания "Асахи Симбун" — в Африке рухнуло какое-то правительство, русские делают что-то на Марсе…

Было то время суток, когда все видится очень отчетливо, когда явственно проступает любая мелочь на другой стороне улицы. Свежая зелень, только-только начинающая пробиваться на темных ветвях чахнущих в дырах в асфальте деревьях. И вспышка стальной пряжки на сапоге девушки в дальнем конце квартала видна так ясно, как будто смотришь сквозь особую воду, которая облегчает зрение, даже если уже почти темно. Он повернулся и стал смотреть вверх на Проекты. Целые этажи там были вечно темными: то ли заброшены, то ли окна там зачернены. Интересно, что там происходит? Возможно, он когда-нибудь спросит об этом у Дважды-в-День.

Бобби поглядел время на часах в киоске "Коки". Мать уже, наверное, вернулась из Бостона, должна была вернуться, иначе пропустит серию любимого "мыла". Да уж, вернулась — с новой дыркой в голове. Она и без того чокнутая. Разъем, который она вживила себе еще до его рождения, вполне нормально работал, но она вот уже несколько лет ныла о статике, разрешении и сенсорных перегрузках, так что набрала наконец кредитов, чтобы поехать в Бостон ради какой-то там замены. Дешевка, а не клиника, даже не нужно заранее договариваться об операции. Входишь, они раз — и вбивают тебе в голову железку с кремнием… Да уж, он ее знает… Вот она входит в гостиную с завернутой в шарф бутылкой под мышкой и, даже не сняв пальто, идет к "Хитачи", чтобы подключиться и мылить себе мозги добрых шесть часов кряду. Взгляд у нее становится расфокусированным, и временами, если встречается действительно классный эпизод, она начинает тихонько бредить. Примерно каждые двадцать

минут она вспоминает по-дамски приг!

убить из бутылки.

Она всегда была такой, сколько он ее помнил. Постепенно соскальзывала все глубже и глубже в свои "иные", синтетические жизни, в мир многосерийных симстим-фантазий, которые Бобби приходилось выслушивать всю свою жизнь. Он до сих пор не мог отделаться от жутковатого ощущения, что некоторые персонажи, о которых она так много говорила, — это его родственники, богатые и прекрасные тетушки и дядюшки, которые могли бы однажды и объявиться, не будь он таким маленьким засранцем. Может быть, думал он теперь, в каком-то смысле так оно и есть. Она врубалась в эту фигню в течение всей беременности — сама ему об этом рассказывала, — так что свернувшийся там, внутри нее, будущий Бобби Ньюмарк впитал в себя тысячи и тысячи часов "Важных мира сего" и "Атланты". Но об этом он не любил думать — о том, что лежал, свернувшись, в животе Марши Ньюмарк. От этого он потел и к горлу подступала тошнота.

Мама-Марша. Только в последний год или около того Бобби начал достаточно хорошо понимать окружающий мир (как он теперь это сознавал), чтобы спросить себя, как же ей удается жить такой жизнью, такой тупой и беспросветной, что всех радостей — лишь эта ее бутылка и призраки из разъема? Время от времени, когда она была в подходящем настроении и после нужного числа глотков, она еще пыталась рассказывать байки о его отце. С четырехлетнего возраста Бобби знал, что все это дерьмо собачье, потому что детали раз от разу менялись, но с годами он даже начал находить в этих историях определенное удовольствие.

В нескольких кварталах к западу от клуба Леона нашелся разгрузочный тупик, отделенный от улицы синим стальным контейнером, на щербатых и погнутых стенках которого поблескивала свежая краска. Над тупичком косо висела одинокая галогенная трубка. Бобби отыскал удобный бетонный выступ и сел, стараясь не прижать к стене "Оно-Сендаи". Иногда приходится просто ждать. Это было одним из правил, которым научил его Дважды-в-День.

Контейнер был до краев завален, мешаниной самых разнообразных промышленных отбросов. Барритаун не обошелся без своей доли "серых", полулегальных производителей, той самой "теневой экономики", о которой так любят трепаться физиономии в новостях. Бобби никогда не обращал внимания на эти рожи. Бизнес. Все это бизнес — ни больше ни меньше.

Вокруг галогенной трубки мельтешили по кривым орбитам мотыльки. Пустым взглядом Бобби смотрел, как трое малышей, самое большее лет десяти, штурмовали синюю стену контейнера

при помощи грязно-белой нейлоновой веревки с привязанной к ней самодельной "кошкой", которая, вполне вероятно, раньше была частью одежной вешалки. Когда в самую гущу мусорного пластика перевалил последний, веревка быстро утянулась наверх. Мусор тут же начал шуршать и поскрипывать.

Совсем как я, подумал Бобби, я тоже раньше возился в таком же дерьме, заваливая комнату диковинным хламом. Однажды сестра Линга Уоррена нашла в таком контейнере большую часть чей-то руки, рука была завернута в зеленый пластик, стянутый резинками.

Когда у Мамы-Марши случались двухчасовые приступы религиозности, она заявлялась в комнату Бобби, выметала весь его лучший хлам и налепляла над кроватью какие-нибудь Богом проклятые самоклеющиеся голограммы. Может, Иисуса, может, Хаббарда, может, Деву Марию. Когда на нее находило, ей это, в общем, было без разницы. Обычно это основательно выводило Бобби из себя, пока не настал тот день, когда он настолько вырос, что пришел в гостиную с разводным ключом в руках и занес его над "Хитачи". "Попробуй только еще раз тронуть мои вещи, и я прикончу твоих друзей, мама, всех до одного". Она никогда больше не пробовала. Но клеющиеся голограммы все же как-то на Бобби подействовали, потому что религия стала для него чем-то, что он, как ему казалось, рассмотрел и отложил в сторону. Он пришел к выводу, что есть люди, которые по природе своей нуждаются в этом дерьме. Он предположил: такие были всегда — но сам он не из них, а значит, ему оно и не нужно.

Над стенкой контейнера показалась мордочка одного из малышей, вот он вспрыгнул на край и, прищурившись, произвел обзор прилегающей территории, потом снова скрылся из виду. Послышался глухой скрежет. Белые ручонки перекинули через стенку побитую жестяную канистру и стали спускать ее на веревке вниз. "Хорошая добыча, — подумал Бобби, — такое можно толкнуть торговцу металлом и даже чего-то выручить". Канистра легла на тротуар примерно в метре от ботинок Бобби. Коснувшись асфальта, она случайно повернулась, показав ему шестирогий символ биологической опасности.

— Эй, мать вашу! — выдохнул он, рефлекторно отдергивая ногу.

Один из малышей соскользнул вниз по веревке и выровнял канистру. За ним спустились оставшиеся двое. Тут Бобби увидел, что они еще младше, чем он думал.

— Эй, — сказал он, — а вы знаете, что это может оказаться настоящая дрянь? Подхватите рак и все такое прочее.

— Полижи собаке жопу, пока кровь не потечет, —

посоветовал ему тот, что спустился первым, пока остальные отцепляли "кошку" и сворачивали веревку. Потом ребятишки потащили канистру за угол контейнера и скрылись из виду.

Он дал себе еще полтора часа. Достаточно времени: у Леона уже начинало бурлить.

По меньшей мере двадцать готиков картинно позировали в основной комнате — этакое стадо детенышей динозавров: вздрагивают и подпрыгивают гребни залаченных волос. Большинство приближалось к готическому идеалу: высокие, сухощавые, мускулистые, но с оттенком мрачной неудовлетворенности, — молодые атлеты на ранних стадиях чахоточного увядания. Кладбищенская бледность была обязательной, а волосы готиков были по определению черными. Бобби знал, что тех немногих, кто не смог исказить свое тело так, чтобы вписаться в канон субкультуры, лучше избегать: невысокий готик — неприятности, толстый готик — убийство.

Сейчас он смотрел, как они извиваются и поблескивают у Леона единым составным существом, скользкой трехмерной головоломкой с рваной поверхностью из черной кожи и стальных шипов. Почти идентичные лица, черты которых смоделированы в соответствии с древними архетипами, вытащенными из какого-то видеоархива. Бобби выбрал особо искусственного дьякона, чей гребень покачивался, как брачный танец ночной ящерицы.

— Брат, — начал Бобби, будучи не совсем уверенным, встречал ли он этого парня раньше.

— Мой человек, — лениво отозвался дьякон, его левая щека была оттянута смоляной жвачкой. — Это Счет, бэби. — Как бы в сторону, своей девушке. — Прерывание на Счет Ноль. — Длинная бледная рука со свежими струпьями на тыльной стороне ладони погладила округлый задок под черной юбкой. — Счет, это моя мочалка.

Готическая девица поглядела на Бобби с умеренным интересом, но безо всякой вспышки человеческого узнавания, как будто перед ней возникла реклама продукта, о котором она слышала, но вовсе не собиралась покупать.

Бобби оглядел толпу. Множество пустых лиц, но ни одного знакомого. И никакого Дважды-в-День.

— Слушай, — Бобби доверительно понизил голос, — это, знаешь, в общем-то, не так уж срочно, но я ищу одного близкого друга, делового друга… — Готик на это глубокомысленно качнул гребнем. — Проходит как Дважды-в-День… — Бобби помедлил. Готик отрешенно жевал свою смолу. Девица явно скучала, ей было неспокойно. — Толкач, — добавил он, поднимая брови, — черный толкач.

— Дважды-в-День, — промычал готик. — Конечно. Дважды-в-День. Правильно, бэби? — Девица вскинула голову и отвела взгляд.

— Ты его знаешь?

— Конечно.

— Он сегодня здесь?

— Нет, — бессмысленно улыбнулся готик. Бобби открыл было рот, закрыл его и заставил себя кивнуть.

— Спасибо, брат.

— Все что угодно для моего человека, — механически отозвался готик.

Еще час, и все на том же самом месте. Слишком много белого, меловой готической белизны. Накрашенные плоские глаза девиц, каблуки сапог, как эбеновые иглы. Бобби старался держаться подальше от комнаты с симстимами, где Леон гонял какую-то траханную пленку о джунглях, которая перебрасывала зрителя то в одно, то в другое животное. К тому же сплошь вывихнутые приключения в кронах, которые, как Бобби считал, напрочь лишают человека ориентации. Он был уже так голоден, что голова казалась легкой и будто расширялась изнутри — или, быть может, это был остаточный эффект того, что случилось с ним ранее? Но теперь ему все с большим трудом удавалось сосредоточиться, и мысли уплывали в самых неожиданных направлениях. Например: кто же умудрился залезть на эти деревья со змеями, чтобы приспособить, ну, скажем, вот этих вот крыс для стим-съемки?

Готики, однако, на это клевали. Они дрались и трахались, причем с особым энтузиазмом — пребывая в роли древесных крыс.

Совсем рядом, слева от него, но на значительном расстоянии от симстима, стояли две девушки с Проектов. Их причудливая экипировка резко контрастировала с монохромностью готиков. Длинные черные фраки открывали узкие красные жилетки из шелковистой парчи, полы огромных белых рубашек свисали значительно ниже колен. Темные лица были затенены широкими полями федор, проколотых и увешанных фрагментами антикварных побрякушек: булавок, коронок, шпилек, даже механических часиков — и все золотое. Бобби тайком наблюдал за ними. Одежда говорила о том, что у них есть деньги, — но и о том, что найдется кому позаботиться, чтобы любому, кто позарится на эти побрякушки, это будет стоить головы. Дважды-в-День как-то раз спустился с Проекта в домашнем комбинезоне из льдисто-голубого вельвета с алмазными пряжками у колен, как будто у него не было времени переодеться. Бобби тогда вел себя

так, как будто толкач одет в обычную свою коричневую кожу. Он еще тогда решил, что в делах главное — космополитич!

еский подход.

Он попытался представить себе, что подходит к этим дамочкам, эдак небрежно и плавно, подходит, представляется с поклоном и спрашивает: "Дорогие мои, я уверен, вы знаете моего доброго знакомого, мистера Дважды-в-День". Но обе они были старше его, выше ростом, и держались с пугающим достоинством. Скорее всего, они просто рассмеются, но почему-то вот этого Бобби совсем не хотелось.

А хотелось ему сейчас, и даже очень — чего-нибудь съесть. Бобби пощупал сквозь грубую ткань джинсов кредитный чип. Пожалуй, стоит перейти улицу и купить сэндвич… Тут он вспомнил, почему он здесь, и внезапно ему показалось, что пользоваться чипом было бы не очень разумно. Если его засекли на этом неудачном набеге, то у них уже есть номер его чипа; если он использует чип, то засветится в киберпространстве. Любой, кто охотится за ним в матрице, увидит чип в решетке Барритауна, как мигание фар дальнего света на темном футбольном поле. У него есть наличные, но за еду ими не заплатишь. Иметь их при себе — в этом нет ничего незаконного; просто никто никогда не делал с деньгами ничего легального. Придется найти готика с чипом, купить за новые иены кредит — скорее всего, с грабительской скидкой, потом заставить готика заплатить за еду. И чем, скажите на милость, брать сдачу?

Может, ты просто себя накручиваешь, сказал он самому себе. Он же не знает наверняка, проследил ли кто-нибудь его обратный путь, да и база, которую он пытался взломать, была вполне добропорядочной. Во всяком случае, ей полагалось быть таковой. Вот почему Дважды-в-День велел ему не беспокоиться насчет черного льда. Кто станет ставить смертельные программы обратной связи вокруг места, которое сдает в прокат мягкое порно? План в том и заключался, что Бобби умыкнет пару часов цифрового кино, самого свежего, которое еще не вышло на пиратский рынок. Из-за такой добычи не убивают…

Но кто-то же попытался. И случилось что-то еще. Что-то совсем иное. Он снова потащился вверх по лестнице, прочь из клуба. Бобби прекрасно понимал, что существует много всякого, чего он о матрице не знает, но никогда ему еще не доводилось слышать ни о чем настолько жутком… Есть, конечно, истории о духах и привидениях… есть полоумные хотдоггеры; он сам слышал, как парочка таких клялась, что они видели в киберпространстве черт знает что. Правда, он тогда подумал про себя, что эти вильсоны просто подключились под кайфом.

Словить глюк в матрице можно с той же легкостью, как и в любом другом месте…

А вдруг именно это и произошло? Голос был просто частью умирания, расплющивания сознания — какой-нибудь безумный фортель, какой выкидывает мозг, чтобы облегчить тебе смерть, плюс сбой в источнике питания или, может, частичное затемнение в их секторе решетки, так что лед ослабил хватку как раз на его нервной системе.

Может быть. Но он ведь ничего толком не знает. Ни черта не знает. Не так давно его стало грызть собственное невежество, мешая предпринимать необходимые шаги. Он не особенно задумывался об этом раньше, но он же и вправду ничего… ну, в общем, ни о чем не знает. По правде говоря, пока он не начал работать с декой, ему казалось, он знает все, что нужно. Такими были, если уж на то пошло, готики. Вот почему готики были тем, чем они были, и сгорали на "пыли", или их крошили казуары; и естественный отбор оставлял в результате какой-то процент, который непонятным образом превращался в следующую волну барритаунцев, рожающих детей и покупающих кондо, и все шло по новой.

Он — как ребенок, который вырос возле океана, воспринимая его как нечто само собой разумеющееся, как небо над головой, но ничего не зная ни о течениях, ни о маршрутах перевозок, ни о прихотях погоды. Деками он пользовался еще в школе. Эти игрушки, как на ракете, проносили тебя по беспредельному космосу, который не был космосом, — по немыслимо сложной консенсуальной галлюцинации человечества — по матрице киберпространства. Киберпространства, где огромные сердечники корпораций горят, как неоновые сверхновые, где данные нагромождены так плотно, что если ты пытаешься разглядеть нечто большее, нежели простейший силуэт, у тебя начинает раскалываться голова.

Но с тех пор, как он взялся за деку всерьез, кое-что он стал понимать. Ну просто до смешного мало он знает о том, как все это работает. И не только в матрице. Каким-то образом это понимание выплеснулось через край, и он начал задумываться, задумываться и задавать вопросы. Какой механизм управляет Барритауном? Что поддерживает на плаву мать? Почему готики и казуары с такой энергией пытаются перебить друг друга? Или почему Дважды-в-День чернокожий и живет где-то на Проекте, и что это меняет?

Идя к выходу, Бобби не переставал искать дилера. Белые лица, снова белые лица. В животе урчало. Бобби подумал о свежей упаковке пшеничных отбивных. Дома, в морозильнике —

поджарить бы их с соей и разорвать пакет с вафлями из криля…

Проходя мимо киоска "Коки", он снова сверился с часами. Марша уже, конечно, дома, погружена в лабиринт хитросплетений "Важных мира сего", в жизнь героини сериала, которую она разделяет через свой разъем вот уже более двадцати лет. Факс "Асахи Симбун" все катился вниз в своем окошечке, и Бобби подошел поближе как раз в тот момент, когда по желобу соскользнуло первое сообщение о бомбардировке блока "А" на третьем уровне в Ковина-Конкорс-Коуртс, Барритаун, Нью-Джерси…

Потом сообщение пропало, убежало вниз, а вместо него вылез репортаж об официальных похоронах кливлендского босса якудза. Традиции незыблемы. У всех в руках черные зонты.

А он всю свою жизнь прожил на третьем уровне блока "А".

Над городом нависло огромное нечто, нависло, чтобы раздавить в лепешку Маршу Ньюмарк и ее "Хитачи". Но, конечно же, бомба предназначалась не ей — ему.

— Да, кто-то не теряет времени даром, — услышал он собственный голос.

— Эй! Мой человек! Счет! Ты что, обдолбался, брат? Эй! Ты куда?

Глаза двух дьяконов вылезли из орбит, провожая взглядами его паническое бегство.

7. ГОРОД В ПУСТЫНЕ

Конрой резко крутанул руль влево, заставив синий "фоккер" свернуть с выветренной ленты довоенного шоссе, и сбросил скорость. Петушиный хвост бледной пыли, тянувшийся за ними от Нидлеса, начал оседать. Остановившись, ховер сел на свою воздушную подушку.

— Тут место сбора, Тернер.

— Что тут стряслось? Что прикончило этот город?

Прямоугольник бетонной площадки убегал к неровным стенам полуразвалившихся выгоревших зданий.

— Экономика, — отозвался Кон-рой, — еще до войны. Его так и не достроили. В десяти минутах езды к западу — разметка на целые кварталы: лежат решетки под мостовые и фундаменты. И никаких домов, ничего.

— Сколько человек в команде полигона?

— Девять, не считая тебя. Плюс медики.

— Какие еще медики?

— Из "Хосаки". "Маас" занимается биотехнологиями, так? Кто знает, чем они могли начинить нашего мальчика? Так что "Хосака" собрала небольшой бокс профессиональной нейрохирургии, обслуживают его три спеца. Двое — люди компании, а третья, кореянка, собаку съела на подпольной медицине. Трейлер хирургов в том длинном бараке, — он указал влево. — Там сохранилась часть крыши.

— Как его сюда затащили?

— Привезли из Таксона внутри цистерны. Изобразили аварию. Выволокли из цистерны, закатили внутрь. Для этого понадобились все имеющиеся руки. Ушло минуты три, наверное.

— "Маас"? — спросил Тернер.

— Конечно, — Конрой заглушил моторы. — Неизбежный риск, — произнес он во внезапно наступившей тишине. — Может, они его и проморгали. Наш парень — тот, что сидел в цистерне, — все время ругался по рации своему диспетчеру, что этот сраный теплообменник у него в печенках уже сидит и сколько понадобится времени, чтобы его наладить. Уверен, они это слышали. Знаешь способ получше?

— Нет. Учитывая, что клиент желает, чтобы эта махина стояла на полигоне. Но мы здесь торчим посреди зоны захвата с их спутников.

— Сердце мое, — фыркнул Конрой, — а может, мы просто остановились потрахаться. Привал по дороге в Таксой, так? Здесь как раз такое место. Знаешь ли, тут люди останавливаются, чтоб

пописать. — Он сверился с черным хронометром "Порше". — Я должен быть там через час, чтобы застать обратный вертолет на побережье.

— На платформу?

— Нет. За твоим чертовым реактивным. Решил сам с ним разобраться.

— Хорошо.

— Я, правда, выбрал бы экранолет фирмы "Дорнье". Оставил бы его ждать чуть дальше по дороге, пока не увидим, что Митчелл на подходе. Экранолет подкатывает, когда медики уже почистили Митчелла. Мы забрасываем его внутрь и летим к границе Соноры…

— Со сверхзвуковой скоростью, — сказал Тернер. — Не выйдет. Ты отправляешься в Калифорнию покупать этот реактивный. Наш мальчик вылетит отсюда на многоцелевом боевом самолете, который еще даже не успел устареть.

— У тебя есть пилот на примете?

— Я, — Тернер постучал по разъему за ухом. — Эта встроенная система полностью интерактивна. Тебе продадут программное обеспечение интерфейса, а я подключусь напрямую.

— Не знал, что ты умеешь управлять самолетом.

— Не умею. Но чтобы дотянуть до Мехико-сити, не нужно быть летчиком.

— Ты все тот же рисковый парень, а, Тернер? Знаешь, ходят слухи, что тебе там, в Нью-Дели, взрывом член оторвало? — С холодной и деланно невинной ухмылкой Конрой повернулся, чтобы взглянуть в лицо Тернеру.

Тернер выкопал из-за сиденья парку, достал пистолет и коробку с патронами. Он уже начал было заталкивать парку назад, но Конрой сказал:

— Возьми с собой. По ночам здесь адски холодно.

Тернер потянулся к замку кабины, Конрой уже снова запускал моторы. Поднявшийся на несколько сантиметров ховер слегка качнулся, когда Тернер резко откинул крышку кабины и выбрался наружу. Слепящее солнце и горячий бархат воздуха. Вынув из кармана синей спецовки свои мексиканские солнечные очки, Тернер надел их. На нем были белые теннисные туфли и тропический армейский костюм. Коробка зарядов пошла в один из боковых карманов штанов. Пистолет он оставил в правой руке, парка свернута под локтем левой.

— Иди к длинной постройке! — крикнул Конрой, перекрывая шум моторов. — Там тебя ждут.

Тернер спрыгнул вниз — в доменный жар и сияние пустынного полдня, а Конрой, развернув "фоккер", вывел его

назад на трассу. Тернер смотрел, как ховер набирает скорость, уходя на восток, его уменьшающийся силуэт перекашивало подрагивающим маревом поднимающегося от асфальта жара.

Когда "фоккер" скрылся из виду, стало совсем тихо. Никакого движения. Тернер повернулся к развалинам. Меж двух валунов метнулось что-то маленькое и серое.

На расстоянии метров восьмидесяти от трассы начинались зазубренные стены. Утрамбованной площадке перед ними когда-то предстояло стать автостоянкой.

Пять шагов вперед… Тернер остановился. Внезапно он услышал море, грохот прибоя, мягкие взрывы, с которыми опадали волны. Пушка в руке — слишком большая, слишком реальная, металл уже греется на солнце.

Нет моря, сказал он самому себе, никакого моря, ничего здесь не слышно. Он пошел дальше, пляжные туфли скользили по россыпям битого оконного стекла, сдобренного бурыми и зелеными кругляшами бутылочных осколков. Ржавые диски, бывшие когда-то бутылочными пробками, сплющенные прямоугольники — трупы алюминиевых банок. Над низкими островками кустов роились насекомые.

Прошло. Кончено. Есть полигон. Нет времени.

Он опять остановился, подавшись вперед, будто выискивая что-то, что помогло бы ему назвать нечто неуклонно в нем нараставшее. Какая-то пустота…

Этот город мертв вдвойне. Отель на мексиканском пляже все-таки был когда-то живым, хотя бы один сезон…

За автостоянкой — залитый солнцем выгоревший блок, дешевый и бездушный. Он ждал.

Они сидели на корточках в узкой полоске тени от серой стены. Трое. Еще до того, как их увидеть, Тернер почувствовал запах кофе, закопченный котелок ненадежно балансировал на крохотном примусе. Конечно, запах предназначался ему — это значило, что его ждут. Иначе развалины оказались бы пусты, а потом он умер бы — каким-то образом, очень тихо и почти естественно.

Двое мужчин и женщина. Потрескавшиеся ковбойские сапоги. Грубый хлопок одежды настолько засален, что, наверное, даже не пропускает воду. Мужчины бородаты, нестриженые волосы стянуты сзади сыромятными шнурками в выгоревшие на солнце пучки. Волосы женщины разделены на прямой пробор и убраны с обветренного, в шрамах, лица. К стене прислонен древний мотоцикл "БМВ" — хромировка в пятнах грязи и ржавчины, облупившаяся краска замазана пятнами пульверизаторной эмали бежевого и серого пустынного камуфляжа.

Он отпустил рукоять "смит-и-вессона", дав пистолету прокрутиться на указательном пальце, так что ствол в результате уставился назад и вверх.

— Тернер, — сказал, поднимаясь, один из мужчин, во рту у него сверкнул дешевый металл. — Я Сатклифф. — След акцента, вероятно, австралиец.

— Дозорная команда? — он поглядел на остальных.

— Дозорная, — запустив большой и указательный пальцы в рот, Сатклифф извлек пожелтевший протез со стальными коронками. Его собственные зубы были белыми и совершенно ровными. — Ты вывез Шовье из "Ай-Би-Эм" в "Мицу", — сказал он, — и еще, говорят, вытащил Семенова из Томска.

— Это вопрос?

— Я работал в службе безопасности "Ай-Би-Эм" в Марракеше, когда ты взорвал гостиницу.

Тернер встретился с ним взглядом. Глаза у Сатклиффа были голубые, спокойные и очень яркие.

— Это осложняет дело?

— Ничуть, — усмехнулся Сатклифф. — Просто чтобы показать, что я видел тебя за работой. — Он щелчком поставил протез на место. — Линч. — Кивок в сторону второго мужчины. — И Уэббер. — В сторону женщины.

— Какой тут расклад? — спросил Тернер, задвигаясь глубже в клочок тени. Он присел на корточки, все еще не выпуская из рук пистолета.

— Мы приехали три дня назад, — начала Уэббер, — на двух байках. Подстроили так, чтобы у одного из них сломался кардан, на случай, если нам понадобится предлог, чтобы разбить здесь лагерь. Население здесь редкое, временное: кочующие байкеры и сектанты. Линч прошел шесть километров на восток с катушкой оптоволоконного кабеля и подключился к телефону…

— Частному?

— Платному, — ответил за нее Линч.

— Мы провели тестовое подавление текущего сигнала своим, — продолжала женщина. — Если бы не сработало, ты бы уже знал.

Тернер кивнул.

— Входящий траффик?

— Ничего. В самый раз для большого спектакля, что бы это ни было. — Она вопросительно подняла брови.

— Побег.

— Что довольно очевидно, — снова вмешался Сатклифф, устраиваясь рядом с Уэббер спиной к стене. — Хотя общий тон операции заставляет предположить, что нам, шестеркам, не

положено знать, кого мы извлекаем. Так, мистер Тернер? Или мы узнаем об этом только из новостей?

Тернер его проигнорировал.

— Продолжай, Уэббер.

— После того как мы разобрались на местности и протянули свою линию, по одному-двое просочились остальные. Последний проинструктировал нас относительно консервной банки с япошками.

— Грубая работа, — вставил Сатклифф. — Не стоило так высовываться.

— Думаешь, мы могли засветиться? — спросил Тернер.

Сатклифф пожал плечами:

— Может, могли, может, не могли. Перебросили мы ее довольно быстро. Нам еще чертовски повезло, что здесь оказалась хоть какая-то крыша, чтобы ее спрятать.

— Как насчет пассажиров?

— Они выходят только ночью, — сказала Уэббер. — И знают, что мы убьем их, если они попытаются отойти дальше чем на пять метров от трейлера.

Тернер взглянул на Сатклиффа.

— Приказ Конроя, — ответил тот.

— С настоящего момента все приказы Конроя недействительны, — сказал Тернер, — за исключением этого. Что они за люди?

— Медики, — сказал Линч, — подпольные врачи.

— В самый раз попользоваться, — отозвался Тернер. — А что остальные члены команды?

— Мы натянули пару навесов из маскировочного брезента. Спят посменно. Тут не хватает воды, и мы не можем особо рисковать с готовкой, — Сатклифф потянулся за кофейником. — Часовые на местах, и мы периодически прогоняем местную линию на целостность. — Он плеснул кофе в красную пластмассовую кружку, которая выглядела так, как будто ее жевала собака. — Так когда наш выход, мистер Тернер?

— Я хочу посмотреть на вашу жестянку с ручными медиками. Я хочу осмотреть командный пункт. Вы ничего не сказали о командном пункте.

— Все устроено, — сказал Линч.

— Прекрасно. Вот, — он передал Уэббер револьвер, ~ взгляни, не сможешь ли сообразить для него какую-нибудь кобуру. А теперь Линч покажет мне этих медиков.

— Он так и думал, что это будешь ты, — сказал Линч, без усилий взбираясь по низкому гравиевому откосу. Тернер шел следом. — У тебя та еще слава. — Молодой человек оглянулся на

Тернера, тряхнув челкой грязных, выгоревших на солнце волос.

— Даже слишком, — ответил Тернер. — Сколько бы ее ни было, всегда чуть слишком. Ты раньше с ним работал? Скажем, в Марракеше?

Линч боком протиснулся в пробоину в стене горелого блока, Тернер едва не наступал ему на пятки. Пустынные растения пахли дегтем; если их задеть, они норовили прилипнуть или вцепиться колючкой. Через пустое прямоугольное отверстие, предназначенное под окно, на Тернера глянули розовые вершины гор; тут Линч заскользил вниз по склону.

— Конечно, я работал на него раньше, — сказал он, остановившись у подножия оползня. Древний на вид кожаный ремень висел у него по-ковбойски на бедрах, тяжелая пряжка — почерневший серебряный череп в центре креста из тусклых пирамидальных шипов. — Марракеш — это было еще до меня.

— И на Конни тоже, Линч?

— То есть?

— На Конроя. Ты работал на него раньше? Или, если быть точным, ты сейчас работаешь на него?

Тернер медленно и неуклонно съезжал по гравию; камешки крошились и выскальзывали из-под подметок пляжных туфель — ненадежная опора. Тернеру был виден изящный маленький игольник в кобуре под грубой парусиновой жилеткой Линча.

Линч облизнул сухие губы:

— Это Сатов контакт. Сам я с Конроем не встречался.

— У Конроя свои проблемы, Линч. Он не способен передать кому-либо ответственность. Он любит с самого начала внедрить в команду своего человека, кого-то, кто сторожил бы сторожей. Всегда. Это ты, Линч?

Линч покачал головой — абсолютный минимум движений, требующийся для выражения отрицания. Тернер подошел теперь настолько близко, чтобы за деготной вонью пустынных растений почувствовать запах его пота.

— Конрой провалил на этом два извлечения, я свидетель, — тяжело проговорил Тернер. — Ящерицы и битое стекло, а, Линч? Как, по-твоему, хочется тебе здесь умереть? — Он занес перед лицом Линча сжатый кулак и медленно вытянул указательный палец, указывая прямо вверх. — Мы, считай, у них на прицеле. Стоит подсадке Конроя хотя бы пикнуть, и они тут же сядут нам на хвост.

— Если уже не сели.

— Верно.

— Сат — вот кто тебе нужен, — выдавил Линч. — Это не я, и я не думаю, что это Уэббер. — Сломанные, с черными ободками

ногти рассеянно поскребли в бороде. — А теперь: ты привел меня сюда только для этой беседы или все еще хочешь поглядеть на нашу жестянку с япошками?

— Пойдем поглядим.

Линч. Это был Линч.

Когда-то в Мексике, много-много лет назад, Тернер зафрахтовал переносной прогулочный модуль французского производства на солнечных батареях. Семиметровый корпус модуля походил на бескрылую муху в панцире из полированной стали. Глаза — две одинаковые полусферы из затемненного фоточувствительного пластика; Тернер сидел за ними, а двухвинтовой русский транспортер брел вдоль берега, сжимая в челюстях модуль и едва-едва не задевая им за кроны более высоких пальм. Спрятавшись на пятачке удаленного пляжа с черным песком, Тернер провел три дня в изнеженном уединении узкой, обитой тиком кабины, готовя еду в микроволновой печи и бережливо, но регулярно обливаясь холодной свежей водой. Прямоугольные клумбы солнечных батарей вращались, следуя за солнцем, и он научился определять время по их положению.

Переносной нейрохирургический бокс "Хосаки" напоминал безглазую версию того французского модуля, может, метра на два длиннее, и покрашен он был в тускло-коричневый цвет. К нижней части обшивки недавно через равные интервалы были приварены выгнутые углом листы перфорированного металла, и продетые в дыры обычные веревочные подвески крепили к ним с десяток толстых, глубоко рифленных мотоциклетных шин из красной резины.

— Они спят — сказал Линч. — Эта штука покачивается, когда внутри кто-то ходит, так что это всегда видно. Когда придет время, мы снимем колеса, но пока нам хотелось бы иметь возможность следить за ними.

Тернер медленно обошел коричневый фургон, заметив черный глянцевый сливной шланг, уходивший в маленький прямоугольный резервуар по соседству.

— Пришлось приваривать прошлой ночью, — Линч покачал головой. — Господи, у них там есть еда, сколько-то воды.

Тернер приложил ухо к обшивке.

— Звуконепроницаема, — пояснил Линч. Тернер поднял взгляд к стальной крыше над головой. Сверху хирургический бокс был экранирован добрым десятком метров ржавеющей крыши. Единый лист железа, к тому же горячий сейчас настолько, что можно поджарить на нем яичницу. Тернер задумчиво кивнул. Этот горячий прямоугольник — постоянная деталь на инфракрасном сканере "Мааса".

— Летучие мыши, — сказала Уэббер, протягивая ему "смит-и-вессон" в наплечной кобуре из черного нейлона. Сумерки были полны звуков, которые исходили как будто из какого-то замкнутого пространства: металлическое кваканье и цоканье жуков, крики невидимых птиц. Тернер засунул пистолет, а потом и кобуру в карман парки. — Хочешь поссать, пройди вверх мимо того куста, но смотри, кругом колючки.

— Ты откуда?

— Из Нью-Мексико, — ответила женщина.

В угасающем свете ее лицо казалось вырезанным из дерева. Она повернулась и зашагала прочь, направляясь к стыку стен, приютившему брезентовые навесы. Тернер различил там силуэты Сатклиффа и какого-то молодого цветного. Они что-то ели из блеклых полиэтиленовых пакетов. Похоже, это — Рамирес, компьютерный жокей с полигона, партнер Джейлин Слайд. Из Лос-Анджелеса.

Тернер взглянул вверх в чашу неба — бескрайнюю, как звездная карта. Странно, почему отсюда оно кажется таким огромным, подумалось ему, а с орбиты — это просто бесформенная бездна, где масштаб теряет всякое значение. Тернер знал, что и сегодня ему не уснуть, что Большая Медведица вихрем закружится для него, а потом канет за горизонт, утянув за собою хвост.

Его ударила тошнотворная и дезориентирующая волна — в мозг вдруг непрошено хлынули образы из досье биософта.

8. ПАРИЖ

Андреа жила в Картье-де-Терн, где ее старинный дом вместе со всеми прочими ждал нашествия неуемных городских реставраторов. В подъезде было темно, только биофлюоресцентные полоски "Фудзи Электрик" едва тлели над ветхой стенкой маленьких деревянных ячеек; у некоторых даже еще сохранились на месте дверцы с прорезями. Марли знала, что когда-то почтальоны ежедневно проталкивали в эти щели квитанции и письма. Что-то очень романтичное было в самой этой идее, однако ячейки с их желтеющими визитными карточками, оповещавшими о роде занятий давно исчезнувших жильцов, почему-то всегда действовали на нее угнетающе. По стенам коридора змеились разбухшие кабели и оптоволоконные провода, каждая связка — потенциальный кошмар для какого-нибудь бедняги-монтера. В дальнем конце коридора через открытую дверь с панелями из линзового стекла виднелся заброшенный внутренний двор, где от сырости влажно блестел булыжник.

Когда Марли вошла в парадное, консьерж сидел во внутреннем дворике на белом пластмассовом ящике, в былые времена служившем упаковкой для бутылок воды "Эвиан". Консьерж звено за звеном терпеливо смазывал черную цепь от старого велосипеда. Когда Марли стала взбираться по первому лестничному пролету, он поднял на нее глаза, но не проявил особого интереса.

Мраморные ступени давно потеряли былой блеск, покрывшись шершавыми выбоинами от ног бесчисленных поколений жильцов. Квартира Андреа находилась на четвертом этаже. Две комнаты, кухня и ванная. Марли приехала сюда, в последний раз заперев свою галерею, когда стало больше невозможно спать в импровизированной спальне — маленькой комнатке над складом, которую она делила с Аденом. Теперь этот дом вновь грозил ввергнуть ее в замкнутый круг депрессии, но ощущение новой одежды и опрятный стук каблучков по мрамору удерживали от этого. На Марли было просторное кожаное пальто несколькими тонами светлее сумочки, шерстяная юбка и шелковая блузка от "Пари Изетан". Сегодня утром она постриглась в предместье Сан-Оноре у бирманки с немецким лазерным карандашом — дорогая стрижка, утонченная, без излишней консервативности.

Марли коснулась круглой пластины, привинченной в центре двери Андреа. Услышала, как та тихонько пискнула, считывая

линии и завитки отпечатков пальцев.

— Андреа, это я, — сказала она в крохотный микрофон.

Последовала череда щелчков и позвякиваний — это подруга открывала дверь.

И вот Андреа стоит на пороге — в лужице воды и старом махровом халате. С полминуты француженка восхищенно рассматривала новую прическу Марли, потом улыбнулась.

— Так ты получила эту свою работу или просто ограбила банк?

Переступив порог, Марли поцеловала подругу в мокрую щеку.

— Судя по ощущениям, понемногу того и другого, — рассмеялась она.

— Кофе, — сказала Андреа, — свари нам кофе. Со сливками. Мне нужно еще сполоснуть волосы. А твоя прическа просто чудо… — Она исчезла в ванной, и до Марли донесся плеск воды по фаянсу.

— Я привезла тебе подарок! — крикнула ей вслед Марли, но Андреа ее не расслышала.

Пройдя в кухню, Марли налила воды в чайник, зажгла плиту от старомодной электрозажигалки и начала рыться на заставленных всякой всячиной полках в поисках кофе.

— Пожалуй, да, — говорила за кофе Андреа, — теперь понимаю. — Она рассматривала голограмму шкатулки, которую Марли впервые увидела в вирековском конструкте парка Гауди. — Это в твоем стиле. — Она тронула клавишу, и "брауновская" иллюзия исчезла. За единственным окном комнаты небо, будто причудливой гравировкой, было разукрашено венчиками перистых облаков. — Что до меня, это слишком угрюмо, слишком серьезно. Как и те работы, что ты выставляла в своей галерее. Но значить это может только одно — герр Вирек не ошибся в выборе; ты ему решишь эту загадку. А учитывая заработную плату, я бы на твоем месте с этим не торопилась.

Андреа щеголяла в подарке Марли — дорогой, с восхитительным количеством мелких деталей, мужской блузе из серой фламандской фланели. Андреа просто обожала вещи такого стиля, и ее радость при виде блузы была очевидной. Блуза почти под цвет ее глаз великолепно оттеняла пепельные волосы.

— Он просто ужасен, этот Вирек. Мне кажется… — Марли запнулась.

— Охотно верю, — отозвалась Андреа, прихлебывая кофе. — А ты что, ждала, что денежный мешок окажется приятным или хотя бы нормальным типом?

— В какой-то момент мне почудилось, что он не совсем человек. Я очень отчетливо это почувствовала.

— А он и не человек, Марли. Ты разговаривала с проекцией, спецэффектом…

— И тем не менее… — Она беспомощно повела рукой и тут же почувствовала досаду на саму себя.

— И тем не менее он очень, очень богат и платит тебе кучу денег за то, чтобы ты сделала что-то, к чему ты, возможно, уникально подходишь. — Улыбнувшись, Андреа расправила тщательно заглаженный угольно-черный манжет. — У тебя ведь не такой уж богатый выбор, правда?

— Знаю. Пожалуй, это меня и тревожит.

— Ну-у, — протянула Андреа, — я думала, что смогу ненадолго оттянуть этот разговор, но у меня есть еще кое-что, что может тебя встревожить. Если "встревожить" здесь подходящее выражение.

— Да?

— Я подумала было, может, вообще не стоит тебе об этом говорить, но уверена, что рано или поздно он все равно до тебя доберется. Я сказала бы: он чует деньги.

Марли осторожно поставила пустую чашку на заваленный журналами столик из индийского тростника.

— У него очень острый нюх на такие вещи.

— Когда?

— Вчера. Началось, думаю, примерно через час после того, как должно было состояться твое собеседование с Виреком. Он позвонил мне на работу. Он оставил записку здесь, у консьержа. Если я уберу экранирующую программу, — она кивнула на телефон, — уверена, он позвонит в течение получаса.

Вспомнился взгляд консьержа, позвякивание велосипедной цепи.

— Он сказал, что хочет поговорить, — продолжала Андреа. — Только поговорить. Ты хочешь поговорить с ним, Марли?

— Нет, — ответила она голосом маленькой девочки, высоким и ломким. А потом: — Он оставил номер?

Вздохнув, Андреа медленно покачала головой, потом сказала:

— Да, конечно, оставил.

9. ВВЕРХУ, НА ПРОЕКТАХ

Тьму наполняли узоры — как пчелиные соты цвета крови. Было тепло. И по большей части мягко.

— Ну и бардак, — сказал один из ангелов. Голос оказался женский и доносился откуда-то из далекого далека, но звучал нежно, музыкально и очень отчетливо.

— Надо было перехватить его еще у Леона, — сказал второй ангел — тоже женщина. — Наверху это не понравится.

— У него, похоже, что-то было в этом большом кармане, видишь? Карман разрезали, чтобы это что-то вытащить.

— И не только карман, сестренка. Господи. Вот.

Узоры качнулись и поплыли, когда кто-то подвинул его голову. Холодная ладонь у него на щеке.

— Не испачкай себе рубашку, — сказала первый ангел.

— Дважды-в-День это не понравится. Как, по-твоему, с чего это он так сорвался и побежал?

Его это выводило из себя, потому что хотелось спать. Разумеется, он спит, но почему-то в его мозг просачиваются искусственные сны Марши, и он барахтается в рваной путанице фрагментов из самых разных серий "Важных мира сего". Мыло тянулось беспрерывно еще до его рождения, сюжет — этакий многоголовый солитер повествования, извивающийся, как магнитная лента, — каждые несколько месяцев сворачивался кольцом, чтобы поглотить самое себя, но потом отращивал новые головы, жадные до напряжения и накала страстей. Наконец Бобби смог увидеть этого корчащегося червяка целиком, во всей его длине, таким, каким Марше его никогда не увидеть, — удлиненную спираль "сенснетовской" ДНК, хрупкий дешевый эктоплазм, сосущий соки из бесчисленных голодных мечтателей. Что до Марши, к ней повествование приходило через органы чувств Мишель Морган Магнум, главной героини, унаследовавшей корпорацию "Магнум АГ". Но сегодняшняя серия каким-то жутким образом все норовила уклониться от отчаянно запутанных сердеч!

ных дел Мишель, за которыми Бобби вскоре перестал следить, перескочив на подробные описания социоархитектуры самодостаточных комплексов-"ульев" типа "Солери". Некоторые детали этих описаний казались подозрительными, даже на взгляд Бобби. Он, например, сомневался, что там действительно целые этажи отведены под продажу исключительно льдисто-голубых вельветовых комбинезонов с алмазными пряжками у колен или что там есть другие этажи, вечно темные и заселенные

исключительно голодающими детьми. В это последнее, как он вроде бы смутно помнил, Марша верила беззаветно и относилась поэтому к Проектам с суеверным ужасом — как к некоему вертикально вздыбленному аду, куда ей придется однажды взойти. Другие фрагменты искусственного сна напомнили Бобби "сенснетовский" канал "Знание", появлявшийся у них в доме в качестве бесплатного приложения к каждой стим-подписке; там тоже были искусные мультипликационные диаграммы внутренней структуры Проекта, на них накладывался монотонный голос, бубнивш!

ий лекцию об образе жизни различных его обитателей. Эти обитатели — когда Бобби удалось на них сосредоточиться — оказались еще менее убедительными, нежели вельветовые вспышки цвета голубого льда или беззвучно крадущиеся во тьме младенцы-каннибалы. Веселая молодая мать резала пиццу огромным промышленным водяным ножом на кухоньке безупречно чистой однокомнатной квартиры. Стеклянная дверь открывалась на узкий балкон и прямоугольник мультяшно-голубого неба. Женщина была черной, но не негритянкой — Бобби подумал, что она скорее походит на одну из порнокукол из модуля в его спальне, только очень-очень темную, юную и в образе счастливой матери. И у нее были — так на первый взгляд — очень маленькие, но мультяшно совершенные груди. (В этот момент, как будто чтобы еще больше усилить его тупое замешательство, поразительно громкий и очень не "сенснетовский" голос сказал: "А вот это, Джекки, я определенно назвала бы признаком жизни. Если точный прогноз еще дать и невозможно, то, по крайней!

мере, мы на верном пути".) Тут его закружило, и он снова вывалился в показушно обаятельную вселенную Мишель Морган Магнум, которая отчаянно боролась за то, чтобы предотвратить перекупку своей корпорации "Магнум АГ" зловещим промышленным кланом Накамура из Сикоку. В данном случае клан представлял (усложнение сюжета) основной любовник Мишель в этом сезоне, состоятельный (но почему-то жадный до пары лишних миллиардов) красавец политик из Новой Советии Василий Суслов, который и одеждой, и своим внешним видом удивительно смахивал на готиков из заведения Леона.

Серия, похоже, приближалась к некой кульминации: антикварный "БМВ" с двигателем, переделанным под водородное топливо, был обстрелян на улице близ жилого блока "Ковина-Конкорс-Коуртс" из радиоуправляемых западногерманских микровертолетов; вероломный личный секретарь нацелил на Мишель Морган Магнум пистолет с никелированной пластинкой

"Намбу", а Суслов, с которым Бобби все больше начинал идентифицировать самого себя, собирался смыться из города с роскошной феминой-телохранителем, которая была японкой, однако почему-то крайне напоминала Бобби еще одну девицу из его голографического порномодуля — но тут кто-то закричал.

Бобби никогда не слышал, чтобы так кричали, и в голосе кричавшего было что-то до ужаса знакомое. Но прежде чем он успел начать переживать из-за этого, перед глазами у него вихрем закружились кроваво-красные соты, и он пропустил конец "Важных мира сего". Мелькнула невнятная мысль — красный вихрь как раз сменился черным, — что он всегда может спросить у Марши, чем же там все закончилось.

— Открой глаза, приятель. Вот так. Свет тебе слишком ярок?

"Слишком" еще мягко сказано, но это ничего не меняло. Белый, белый. Белизна. Он вспомнил, как его голова взорвалась — будто годы назад. Взрыв гранаты, вспышка сумасшедшего белого света в пронизанной холодными ветрами темноте пустыни. Его глаза открыты, но он ничего не видит. Только белое.

— Ну, в обычной ситуации я дал бы тебе побыть без сознания еще немного, учитывая, в каком состоянии наш белый мальчик. Но те, кто мне платит, говорят: "Поставь парня на ноги", так что я тебя бужу, еще не закончив работу. Ты хочешь спросить, почему ты ничего не видишь, да? Только белый свет — вот и все, что ты видишь, — это верно. А дело в том, что у нас тут стоит реле нейропрерывания. Между нами говоря, эта штука взята из секс-шопа, но не вижу причин, почему бы не использовать ее в медицине, если так уж хочется. А нам того хочется, потому что тебе по-прежнему чертовски больно, и уж во всяком случае ты лежишь тихо, пока я работаю. — Голос был спокойным и размеренным. — Ну вот, самая большая проблема была у тебя со спиной, но я поставил скобы и наложил несколько футов цеплючки. Сам посуди, кто тебе тут сделает пластическую операцию — хотя милашки, думаю, сочтут эти шрамы весьма привлекательными. А что я делаю теперь? Я вычищаю рану у тебя на груди, а потом мы и ее застегнем кусо!

чком цеплючки, и все будет готово. Правда, ближайшие несколько дней тебе придется двигаться очень осторожно, иначе разойдутся скобы. Я уже налепил на тебя парочку дермов и налеплю еще несколько потом. А тем временем я собираюсь переключить твой сенсориум на аудио и полное видео, чтобы ты постепенно начинал приходить в себя. Не обращай внимания на кровь, она вся — твоя, но больше уже ниоткуда не течет.

Белизна свернулась в серое облако, предметы с медленной неуклонностью кислотного глюка стали приобретать очертания.

Он распластан по обитому чем-то потолку — смотрит вниз на белую безголовую куклу. На месте головы у куклы — зеленая хирургическая лампа, которая, похоже, растет у нее из плеч. Негр в залитом кровью зеленом халате распыляет что-то желтое в разверстую рану, которая сбегает наискось от левого соска куклы и кончается почти над тазовой костью. Бобби знает, что мужчина черный, потому что тот с непокрытой головой — непокрытой, бритой и глянцевой от пота. Руки негра скрываются под туго натянутыми зелеными перчатками. Зеленые перчатки и скользкий набалдашник лысины, ничего больше от негра, в сущности, и не видно. По обеим сторонам шеи к коже куклы присосались розовые и голубые дермодиски. Края раны кажутся выкрашенными чем-то вроде шоколадного сиропа, а желтый аэрозоль, вылетая из своего серебристого баллончика, издает слабое шипение.

Тут Бобби осознал, что перед ним, и вселенная тошнотворно опрокинулась. Лампа свисала с потолка, потолок был зеркальный, а куклой был он сам. Казалось, длинный эластичный шнур снова выдернул его сквозь красные соты назад, в комнату из сна, где черная девушка резала детям пиццу. Водяной нож не издавал ни звука, в игольчатом потоке высокоскоростной воды крутились микроскопические песчинки. Инструмент предназначался для разрезания стекла и стали, а вовсе не для того, чтобы нарезать на ломтики пиццу из микроволновки. Бобби хотелось накричать на "негритянку", потому что он боялся, что она отрежет себе палец, даже этого не почувствовав.

Но кричать он не мог, как не мог пошевелиться или вообще издать хоть какой-то звук. Женщина любовно вырезала последний кусок и, нажав ногой на отключающую нож педаль в полу, переложила нарезанную пиццу на белое керамическое блюдо, потом повернулась к прямоугольнику голубизны за балконом, где были ее дети… Нет, сказал Бобби, проваливаясь глубоко в себя, не надо. Потому что существа, которые ворвались в комнату и бросились к ней, были не потирающими ладошки малышами, а страшными монстрами, младенцами-каннибалами из снов Марши. У них были крылья, порванные в лохмотья, — мешанина розовых костей, металла, туго натянутых перепонок из пластиковых лоскутов… Он увидел их зубы…

— Уф, — сказал негр, — потерял тебя на секунду. Не надолго, понимаешь, только, быть может, на одну нью-йоркскую минутку…

Его рука в зеркале над головой взяла из кровавой тряпки рядом с ребрами Бобби плоскую катушку из прозрачного синего пластика. Двумя пальцами он осторожно вытянул кусок какого-то

коричневого, собравшегося бусинами вещества. По краям бусин вспыхивали крохотные точки света, дрожали и, казалось, раскачивались.

— Цеплючка, — пояснил негр и второй рукой нажал на кнопку — наверное, кнопку встроенного в синюю катушку резака. Теперь отрезок нитки бус свободно качнулся и попытался заизвиваться. — Славная хреновина, — продолжал негр, поворачивая катушку так, чтобы и Бобби тоже было видно. — Новая. Такие сейчас используют в Тибе.

Что-то коричневое, безголовое, каждая бусина — сегмент тела, каждый сегмент окаймлен бледными светящимися ножками. Потом, как фокусник взмахнув руками в зеленых перчатках, негр наложил гадину по всей длине открытой раны и легким движением оторвал последний сегмент — тот, что был ближе всего к лицу Бобби. Отделяясь, этот сегмент втянул в себя блестящую черную нить, служившую многоножке нервной системой, и каждая пара клешней, одна за другой, сомкнулась, крепко стянув края раны — будто задернула "молнию" на новой кожаной куртке.

— Ну вот видишь, — сказал негр, промокая остатки шоколадного сиропа влажным белым тампоном, — не так уж было и страшно, правда?

Его вступление в апартаменты Дважды-в-День совсем не походило на то, что так часто рисовало Бобби воображение. Начать с того, что он никогда не думал, что его вкатят на кресле-каталке, позаимствованном в "Материнском обществе Святой Марии", — название общества и серийный номер были аккуратно выгравированы лазером на тусклой хромировке левого подлокотника. Катившая его женщина, однако, вполне вписалась бы в какую-нибудь из его фантазий: ее звали Джекки — первая из двух девушек с Проектов, которых он видел у Леона, и, насколько он понял, одна из двух его ангелов. Кресло-каталка беззвучно катилась по ворсистому серому паласу, от стены до стены покрывавшему узкой проход к жилым помещениям, но золотые побрякушки на федоре весело позвякивали при каждом шаге черного ангела.

И он представить себе не мог, что хата Дважды-в-День окажется такой огромной или что в ней будет полно деревьев.

В своей импровизированной операционной Пай — доктор, не преминувший объяснить, что на самом деле никакой он не врач, а просто тот, кто "иногда помогает выпутаться", — устроившись на драном высоком табурете, стянул окровавленные зеленые перчатки, закурил сигарету с ментолом и посоветовал Бобби недельку-другую не перетруждаться. Через несколько минут

Джекки и Реа — второй ангел — с трудом впихнули его в мятую черную пижаму, которая выглядела как одежда из дешевого фильма про ниндзя, втолкнули в кресло-каталку и двинулись к шахте лифтов в сердцевине улья. Благодаря еще трем дополнительным дермам из запаса наркотиков Пая — один из них был заряжен добрыми двумя тысячами миллиграммов аналога эндорфина — в голове у Бобби прояснилось и никакой боли он не испытывал.

— Где мои вещи? — запротестовал он, когда его выкатили из первого коридора в другой, ставший опасно узким из-за десятилетних наслоений водопроводных труб и проводки. — Где моя одежда, дека и все остальное?

— Твоя одежда, дорогуша, в том виде, в каком она была, сейчас в пластиковом мешке у Пая, ждет, когда он спустит ее в мусоропровод. Паю пришлось срезать ее с тебя на столе, и, уж если на то пошло, она была просто окровавленными лохмотьями. И если твоя дека была в куртке, в нижнем кармане, то я думаю, что те, кто тебя порезал, ее и забрали. Едва не прихватив и тебя заодно. И ты, ублюдок, ко всем чертям испортил мне рубашку от "Салли Стэнли". — Ангел Реа казалась не слишком дружелюбной.

— Ну, — протянул Бобби, когда они заворачивали за угол, — хорошо. А вы случайно не нашли в карманах отвертку? Или кредитный чип?

— Чипа не было, малыш. Но если ты имеешь в виду отвертку с двумя сотнями по одной бумажке и еще десяткой новых иен в рукоятке, то это как раз цена моей новой рубашки…

Вид у Дважды-в-День был такой, как будто толкач не особенно рад видеть Бобби. В самом деле, можно было подумать, что он вообще его не заметил. Смотрел прямо сквозь него на Джекки и Реа и скалил зубы в улыбке, целиком состоявшей из нервов и недосыпания. Бобби подкатили достаточно близко, так что ему было видно, какие желтые у Дважды-в-День белки — почти оранжевые в розовато-пурпурном свечении трубок гро-света, которые, казалось, в полном беспорядке свисали с потолка.

— Что вас, суки, задержало? — спросил толкач, но в голосе его не было ни тени гнева, одна только смертельная усталость и еще что-то такое, что Бобби поначалу не смог определить.

— Пай, — сказала Джекки, качнув бедрами мимо кресла, чтобы взять пачку китайских сигарет с невероятных размеров деревянной плиты, служившей Дважды-в-День кофейным столиком. — Он виртуоз, наш Пай.

— И научился этому в ветеринарной школе, — добавила ради Бобби Реа, — но обычно он так пьян, что никто не позволит ему попрактиковаться даже на собаке…

— Так, — сказал Дважды-в-День, останавливая наконец взгляд на Бобби, — значит, жить будешь.

Этот взгляд был настолько холодный, настолько усталый и клинически отстраненный, настолько далекий от маски этакого заманьяченного толкача, которому сам черт не брат — и который Бобби принимал за истинную личность этого человека, что Бобби смог только опустить глаза и уставиться в стол. Лицо у него горело.

Почти трехметровой длины стол был сколочен из бревен, каждое толще ноги Бобби. Должно быть, дерево какое-то время провело в воде, подумал Бобби, в некоторых местах еще сохранилась белесая серебристая патина плавуна, как на колоде, возле которой он играл давным-давно в детстве в Атлантик-сити. Но дерево не видело воды уже довольно давно, и столешницу покрывала плотная мозаика из воска оплывших свечей, винных пятен, странной формы луж матово-черной эмали и темных ожогов сотен раздавленных сигарет. Стол был так завален едой, мусором и безделушками, что казалось, что это какой-то уличный торговец собрался было разгружать "железо", но потом передумал и решил пообедать. Тут были наполовину съеденные пиццы — от вида катышек криля в кетчупе у Бобби стало сводить желудок — рядом с обваливающимися стопками дискет, грязные стаканы с затушенными в недопитом красном вине окурками, розовый стироновый поднос с ровными рядами заветрившихся канапе, открытые и неоткрытые банки пива. Антикварный!

герберовский кинжал лежал без ножен на плоском обломке полированного мрамора. Еще на столе оказалось по меньшей мере три пистолета и, быть может, два десятка компонентов загадочного с виду компьютерного оборудования, того самого ковбойского снаряжения, при виде которого в обычных обстоятельствах у Бобби потекли бы слюнки.

Теперь же слюнки текли из-за куска холодной пиццы с крилем, но голод был ничто по сравнению с внезапным унижением, которое он испытал, увидев, что Дважды-в-День на него просто плевать. Нельзя сказать, что Бобби думал о нем именно как о друге, но он, безусловно, немало вложил в надежду, что Дважды-в-День видит в нем равного, человека, у которого хватает таланта и инициативы и у которого есть шанс выбраться из Барритауна. Но взгляд Дважды-в-День сказал ему, что он, в сущности, никто и к тому же вильсон…

— Взгляни-ка на меня, друг мой, — сказал голос, но это был не Дважды-в-День, и Бобби поднял глаза.

По обе стороны от Дважды-в-День на пухлой хромированно-кожаной кушетке оказались еще двое, оба негры. Говорящий был

одет в какой-то балахон или халат, на носу у него сидели древние очки в пластмассовой оправе. Очки были ему велики, к тому же в квадратах оправы отсутствовали линзы. Другой был вдвое шире в плечах, чем Дважды-в-День, но на нем оказался строгий костюм, какие носят в кино японские бизнесмены. Безупречно-белые манжеты французской рубашки были застегнуты блестящими прямоугольниками золотых микросхем.

— Просто стыд и срам, что мы не можем дать тебе немного времени подлечиться, — сказал первый, — но у нас тут серьезная проблема. — Он помедлил, снял очки и помассировал переносицу. — Нам требуется твоя помощь.

— Черт, — ругнулся Дважды-в-День. Он наклонился вперед и, взяв из пачки на столе китайскую сигарету, прикурил ее от свинцового черепа размером с крупный лимон, потом потянулся за стаканом вина. Мужчина в очках, протянув худой коричневый палец, постучал им по запястью Дважды-в-День. Дважды-в-День выпустил стакан и откинулся назад. Лицо его оставалось тщательно пустым. Мужчина же улыбнулся Бобби.

— Счет Ноль, — сказал он, — нам сказали, такая у тебя кличка.

— Верно, — выдавил Бобби. Вышло как какое-то карканье.

— Мы хотим знать о Деве, Счет. — Негр ждал. Бобби, прищурившись, посмотрел на него.

— Вьей Мирак. — Мужчина снова надел очки. — Наша госпожа, Дева Чудес. Мы знаем ее, — он сделал какой-то странный жест левой рукой, — как Эзили Фреду.

Бобби осознал, что сидит с открытым ртом, и закрыл его. Три темных лица ждали. Джекки и Реа исчезли, но он не видел, как они ушли. Бобби охватила паника, и он в отчаянии оглянулся по сторонам, чтобы увидеть странные заросли низкорослых деревьев, окружающих стол. Во всех направлениях свисали под различными углами трубки гро-света. В гуще зеленой листвы проглядывали розовато-пурпурные чучела. Никаких стен. Стен вообще не видно! Кушетка и видавший виды стол стояли на какой-то прогалине с полом из шершавого бетона.

— Мы знаем, что она приходила к тебе, — сказал гигант, осторожно кладя ногу на ногу. Он поправил безупречную складку на брюках, и Бобби подмигнула золотая запонка. — Мы это знаем, понимаешь?

— Дважды-в-День говорит, это твой первый набег? — вмешался второй. — Это правда? Бобби кивнул.

— Значит, ты избран Легбой, — сказал мужчина, снова снимая пустую оправу, — чтобы встретиться с Вьей Мирак. — Он улыбнулся.

У Бобби снова отвисла челюсть.

— Легба, — повторил негр. — Хозяин дорог и тропинок, лоа коммуникаций…

Дважды-в-День затушил сигарету о поцарапанное дерево, и тут Бобби увидел, что руки у него дрожат.

10. АЛЕН

Они условились встретиться в брассерии на пятом подземном этаже комплекса "Двор Наполеона" под стеклянной пирамидой Лувра. Это место было знакомо обоим, хотя ни для одного из них не имело особого значения. Предложил его Ален, и Марли подозревала, что он очень тщательно его выбирал. Это была эмоционально нейтральная территория: знакомая обстановка, при этом не отягощенная никакими воспоминаниями. Кафе было стилизовано под прошлый век: гранитные стойки, черные балки от пола до потолка, зеркала во всю стену и итальянская ресторанная мебель из черной сварной стали, какая могла относиться к любому десятилетию за последние сто лет. Столы покрыты серыми льняными скатертями в тонкую черную полоску, этому сочетанию вторят черно-полосатые обложки меню, спичечные коробки и передники официантов.

Для встречи Марли надела кожаное пальто, которое она купила еще в Брюсселе, красную льняную блузку и новые джинсы из черного хлопка. Андреа сделала вид, что не замечает, как старательно подруга подбирает одежду, а потом одолжила простую нитку жемчуга, который отлично оттенял блузку.

Едва успев войти, Марли поняла, что Ален пришел заранее, — стол уже был завален его барахлом. На Алене был его любимый шарф, тот, что они купили вместе год назад на блошином рынке, и как обычно, выглядел Ален всклокоченным, но совершенно в своей стихии. Потрепанный кожаный "атташе" изверг свое содержимое на небольшой квадрат полированного гранита: блокнотики на спирали, нечитаный том самого спорного романа месяца, "Галуаз" без фильтра, коробок деревянных спичек, переплетенный в кожу ежедневник, который она приобрела ему в "Браунсе".

— А я уже думал, что ты не придешь, — сказал он с улыбкой.

— Почему ты так решил? — спросила Марли. Вопросом на вопрос — спонтанная реакция (какая жалкая, подумалось ей) — в нелепой попытке замаскировать ужас, который она наконец позволила себе испытывать. Страх снова потерять себя, потерять волю и стимул жить, страх перед любовью, которая еще жива. Марли пододвинула второй стул и села. Возле нее тут же возник молодой официант в полосатом переднике — судя по виду, испанец, — чтобы принять заказ. Она заказала "Виши".

— Это все? — спросил Ален. Официант услужливо наклонился.

— Да, спасибо.

— Я уже несколько недель пытаюсь с тобой связаться, — сказал Ален.

Марли понимала, что это ложь; и все же, как это часто с ней случалось ранее, спросила себя: а сознает ли он сам до конца, что снова лжет. Андреа утверждала, что такие, как Ален, лгут так постоянно и так искренне, что вскоре перестают различать, что в их словах правда, а что — вымысел. Они своего рода артисты, говорила Андреа, они одержимы желанием переиначивать реальность. И Новый Иерусалим тогда — воистину прекрасное местечко: свобода и от превышения кредита, и от ворчания домохозяев, и от необходимости искать кого-то, кто оплатил бы счет за вечер.

— Я что-то не заметила, чтобы ты пытался связаться со мной, когда Гнасс привел полицию.

Марли надеялась, что эта фраза заставит его хотя бы поморщиться. Впустую. Мальчишеское лицо под шапкой непослушных русых волос, которые он по привычке зачесывал назад пятерней, осталось невозмутимо-спокойным.

— Прости, — только и сказал он, давя в пепельнице "галуаз".

Аромат черного французского табака постепенно стал ассоциироваться для Марли с Аденом, и Париж теперь казался ей городом, где на каждом шагу его запах, его призрак, цепочка его следов.

— Я был уверен, что он никогда не обнаружит, гм… происхождение работы… Ты должна понять: как только я признался самому себе, насколько отчаянно мы нуждаемся в деньгах, я решил, что должен что-то предпринять. Я же знаю: сама ты — идеалистка. Галерею в любом случае пришлось бы свернуть. Если бы с Гнассом все прошло по плану и мы получили бы все, что хотели, ты была бы счастлива. Счастлива, — повторил он, вытаскивая очередную сигарету из пачки.

Марли могла лишь ошеломленно смотреть на него, испытывая тошнотворное отвращение к самой себе за желание в это поверить.

— Знаешь, — продолжал он, вынимая спичку из красно-желтого коробка, — у меня ведь и раньше были сложности с полицией. В студенческие годы. Политика, разумеется.

Он чиркнул спичкой, бросил на стол коробок и прикурил.

— Политика, — произнесла она и вдруг поняла, что ей отчаянно хочется рассмеяться. — Я и не подозревала, что существует партия для таких, как ты. Даже представить себе не могу, как она может называться.

— Марли, — сказал он, понизив голос; он всегда так делал, желая подчеркнуть силу своих чувств, — ты же знаешь, не

можешь не знать, что я сделал это ради тебя. Ради нас, если хочешь. Но ты, конечно же, это знаешь. Ты же знаешь, чувствуешь, Марли, что намеренно я никогда бы тебя не обидел, не подверг бы опасности.

На загроможденном столике не нашлось места для ее сумочки, так что ее пришлось поставить на колени. Теперь Марли вдруг осознала, что впивается ногтями в мягкую толстую кожу.

— Никогда бы не обидел…

Голос был ее собственным, а в нем — потерянность и ошеломление. Голос ребенка. Внезапно она почувствовала себя свободной, свободной от любви и желания, свободной от страха, и все, что она испытывала к красивому лицу по ту сторону стола, исчерпывалось примитивным отвращением. И она могла только смотреть на него в упор, на этого совсем чужого ей человека, с которым она целый год спала рядом в задней комнатке очень маленькой галереи на рю Мосонсей. Официант поставил перед ней стакан "виши".

Ален, должно быть, воспринял ее молчание за готовность к примирению, абсолютную пустоту ее лица — за открытость.

— Чего ты не понимаешь… — насколько она помнила, эта фраза была его излюбленным вступлением, — так это того, что все эти Гнассы существуют в каком-то смысле лишь для того, чтобы поддерживать искусство. Поддерживать нас, Марли. — Тут он улыбнулся, как будто смеясь над самим собой, улыбнулся беспечной, заговорщицкой улыбкой, от которой теперь ее пробрал холод. — Однако, полагаю, мне все же следовало признать за ним крупицу здравого смысла, поверить, что у него хватит ума нанять собственного эксперта по Корнеллу. Хотя мой эксперт, уверяю тебя, из них двоих был гораздо компетентнее…

Как ей отсюда сбежать? Встань, сказала она самой себе. Повернись. Спокойно пройди к выходу. Выйди через дверь. Наружу, в приглушенное изобилие "Двора Наполеона", где полированный мрамор сковал рю де Шам Флери, улочку четырнадцатого века, которая, говорят, сначала предназначалась для проституток. Что угодно, все что угодно, только бы уйти. Уйти прямо сейчас — и подальше от него. Уйти куда глаза глядят, чтобы затеряться в Париже, городе туристов, исхоженном ею вдоль и поперек еще в первый свой приезд.

— Но теперь, — говорил Ален, — ты же сама видишь, что все вышло к лучшему. Так часто случается, правда ведь?

И снова эта улыбка, на этот раз мальчишеская, слегка завистливая и — к ее ужасу — гораздо более интимная.

— Мы потеряли галерею, но ты нашла место, Марли. У тебя есть работа, интересная работа, а у меня — связи, которые тебе

понадобятся. Я знаю людей, с которыми тебе нужно будет встретиться, чтобы найти своего художника.

— Своего художника? — Скрывая внезапную растерянность за глотком "виши".

Открыв потрепанный "атташе", он вынул оттуда нечто плоское — самую обычную эхо-голограмму. Марли взяла ее, благодарная, что хоть чем-то может занять руки, — и, всмотревшись, поняла, что это небрежно сделанный снимок шкатулки, которую она видела в вирековском конструкте Барселоны. Кто-то протягивал шкатулку вперед к камере. Руки мужские, не Алена, на правой — перстень-печатка из какого-то темного металла. Фон расплывался. Только шкатулка и руки.

— Ален, — с трудом выдавила она, — откуда у тебя это?

Подняв глаза, она встретила взгляд карих глаз, полных пугающего ребяческого триумфа.

— Кое-кому очень дорого придется заплатить, чтобы это выяснить. — Он загасил сигарету. — Извини.

Встав из-за стола, Ален удалился в сторону туалетов. Когда он исчез за зеркалами и черными стальными балками, она уронила голограмму и, потянувшись через стол, откинула крышку папки. Ничего, только синяя эластичная лента и табачные крошки.

— Принести вам что-нибудь еще? Может быть, еще "виши"? — Подле нее стоял официант.

Она подняла на него глаза, ее вдруг поразила не мысль, а скорее ощущение, что она знает этого человека. Худое смуглое лицо…

— У него радиопередатчик, — вполголоса проговорил официант. — К тому же он вооружен. Я был тем коридорным в Брюсселе. Соглашайтесь на его условия. Помните, что деньги для вас значения не имеют. — Он взял ее стакан и аккуратно поставил его на поднос. — И очень вероятно, что эта игра для него закончится плохо.

Вернулся Ален. Улыбающийся.

— А теперь, дорогая, — сказал он, потянувшись за сигаретами, — мы можем поговорить о деле. Марли улыбнулась в ответ и кивнула.

11. НА ПОЛИГОНЕ

Он наконец позволил себе поспать часа три. Рухнул на матрас в бункере без окон, где команда полигона обустроила командный пункт. Прежде чем лечь, Тернер познакомился с остальными членами команды. Рамирес оказался худым, нервным, постоянно зацикленным на собственной сноровке компьютерного жокея. Немудрено: вся команда зависела от его способности — в тандеме с Джейлин Слайд на океанской платформе — следить за киберпространством вокруг того сектора решетки, где располагались основательно обледенелые базы данных "Маас Биолабс". Если в последний момент "Маас" все же засечет присутствие незваных гостей, Рамиресу, возможно, удастся передать хоть какое-то предупреждение. В его задачу входило также перегонять данные медицинского обследования из нейрохирургического бокса на нефтяную платформу — сложная многоступенчатая процедура, позволяющая удерживать "Маас" в неведении. Линия шла сперва к телефонной будке посреди "нигде". Проскочив через эту будку как в дверь, Рамирес и Джейлин будут!

действовать в матрице на свой страх и риск. Если они провалят свою часть, "Маас" сможет проследить их обратно до будки и засечь полигон.

Был еще Натан, ремонтник, чья подлинная работа заключалась в надзоре за оборудованием в бункере. Если рухнет какая-то часть системы, будет небольшой шанс, что он сумеет все это исправить. Натан принадлежал к той же разновидности рода человеческого, что и Оукей и тысячи ему подобных, с которыми Тернер работал многие годы, — бродячие техи, которым нравилось зарабатывать на опасности и которые доказали, что умеют держать рот на замке. Остальные: Комптон, Тедди, Коста и Дэвис — это просто дорогостоящие мускулы, солдаты удачи, в общем, тот тип людей, кого нанимают помахать кулаками. Именно ради них Тернер с особым тщанием прилюдно допросил Сатклиффа о том, как подготовлено отступление. Сатклиффу пришлось подробно объяснить, где сядут вертолеты, каков порядок загрузки и как и когда в точности будет произведена выплата денег.

Потом Тернер попросил всех оставить его в бункере одного и приказал Уэббер разбудить его через три часа.

Сам бункер был раньше то ли насосной станцией, то ли чем-то вроде коммутатора электронных сетей. Выступавшие из стен обрубки пластмассовых труб в равной степени могли служить как

для телефонных линий, так и для линий канализации. Тернер внимательно осмотрел помещение и не нашел никаких признаков того, что какая-нибудь из этих труб была раньше куда-то подсоединена. Потолок, единый пласт литого бетона, был слишком низким, чтобы Тернер мог выпрямиться во весь рост. В бункере стоял сухой, пыльный, но в общем и целом не такой уж неприятный запах. Команда вычистила помещение, прежде чем занести столы и оборудование, но на полу завалялись несколько желтых хлопьев газетной бумаги, которые рассыпались при прикосновении. Кое-где Тернер различал буквы, иногда целое слово.

Все походные металлические столы были придвинуты к дальней стене, образуя угол, на каждой стороне которого размещалось множество сверхсложных приборов коммуникационного оборудования. Лучшее, что смогла раздобыть "Хосака", подумал он.

Несмотря на то что приходилось пригибаться, он внимательно осмотрел все столы, легонько касаясь каждой консоли, каждого черного ящика. Основательно модифицированная армейская бортовая рация, настроенная на пакетную передачу. Она обеспечит им связь в том случае, если Рамирес и Джейлин напортачат с передачей данных. Пакеты были записаны заранее — тщательно продуманная техническая белиберда, закодированная лучшими шифровальщиками "Хосаки". Содержание каждого отдельного пакета не имело никакого смысла, но последовательность, в которой они будут передаваться, должна донести довольно примитивное сообщение. Последовательность "Би-Си-Эй" проинформирует "Хосаку" о прибытии Митчелла; "Эф-Ди" — о его отбытии с полигона, "Эф-Джи" даст сигнал о смерти перебежчика и, соответственно, свертывании операции. Нахмурившись, Тернер побарабанил пальцами по рации. Ему совсем не нравилось, как Сатклифф все это организовал. Если извлечение провалится, маловероятно, что они выберутся отсюда, — не говор!

я уже о том, чтобы убраться, не оставляя следов. К тому же Уэббер преспокойно сообщила, что ей дан приказ в случае провала операции использовать против медиков и их микрохирургии ручную противотанковую ракету. "Они это знают, — сказала Уэббер. — Готова поспорить, им за это и платят". Остальные члены команды всецело зависели от вертолетов, базирующихся в окрестностях Таксона. Тернер прикинул, что "Маас", если что-то пронюхает, без труда сможет перехватить их на подходе. Когда он изложил свои возражения Сатклиффу, австралиец только пожал плечами: "Ну это, конечно,

не то, как я сыграл бы при лучшем раскладе, коллега, но все мы здесь ведь ненадолго, разве не так?"

Рядом с передатчиком разместился усовершенствованный биомонитор "Сони", напрямую соединенный с нейрохирургическим боксом. В его память заранее загрузили медицинскую карту Митчелла, переписанную из досье биософта. Когда придет их черед, медики получат доступ к медицинской карте перебежчика; процедуры же, производимые в боксе, будут одновременно передаваться назад на "Сони" для архивации. Затем Рамирес, оснастив архивные блоки ледяной коркой, сможет закидывать данные в киберпространство, куда короткими набегами будет подключаться Джейлин Слайд со своей деки на нефтяной платформе. Если все пройдет гладко, то к тому моменту, когда Тернер на реактивном самолете доставит Митчелла в Мехико-сити, в исследовательском центре "Хосаки" ученого уже будет ждать обновленная медицинская карта. Тернер никогда не видел ничего подобного этому "Сони", но мог предположить, что у голландца в его сингапурской клинике наверняка было что-то похожее. С этой мыслью он поднял руку к голой груди и провел!

пальцами по давно исчезнувшему шраму от пересадки ткани.

На втором столе размещалась киберпространственная аппаратура. Дека была идентична той, какую он видел на нефтяной платформе: прототип "Маас-Неотек". Конфигурация деки выглядела стандартной, но Конрой говорил, что она собрана из новых биочипов. На крышку консоли был прилеплен ком бледно-розового пластика величиной с кулак. Кто-то, может быть и Рамирес, выдавил в нем два глаза и грубо прочертил кривую идиотскую ухмылку. Два провода — голубой и желтый — тянулись из розового лба "куклы" к одной из черных труб, выступающих из стены за консолью. Еще одно из заданий Уэббер на случай атаки на полигон. Тернер, хмурясь, поглядел на провода: заряд такой мощности в этом маленьком, да еще закрытом помещении гарантирует смерть всех находящихся в бункере.

Болели плечи, затылок то и дело задевал о шершавый бетон потолка, но Тернер продолжал свою инспекцию. Остальную часть стола занимала периферия деки — несколько черных ящиков, расставленных с тщательностью одержимого. Тернер подозревал, что каждый модуль расположен на определенном расстоянии от своего соседа и что они предельно точно выровнены относительно друг друга. Рамирес, должно быть, расставил их собственноручно, и Тернер не сомневался, что, коснись он какого-нибудь из ящиков, сдвинь его хоть на десятую долю миллиметра,

жокей тотчас же узнает об этом. С подобным невротичным подходом Тернер, и ранее имевший дело с компьютерщиками, уже сталкивался, так что о Рамиресе это не говорило ровным счетом ничего. Впрочем, Тернер встречал и других жокеев, которые, бывало, выворачивали эту особенность наизнанку, намеренно опутывая свои пульты кабелями и проводами, что делало их похожими на крысиное гнездо; эти суеверно шарахались от любого проявления опрятности, оклеивая свои консоли!

картинками игральных костей и скалящимися черепами. Ничего нельзя предугадать заранее, думал Тернер, или Рамирес и вправду хорош, или все мы, что вполне вероятно, скоро станем трупами.

На дальнем конце стола лежали пять клипсовых раций "Телефункен" с самоклеющимися горловыми микрофонами — каждая запаяна в индивидуальную пузырчатую упаковку. Во время критической фазы побега, которую Тернер оценивал в двадцать минут до и после прибытия Митчелла, он сам, Рамирес, Сатклифф, Уэббер и Линч будут поддерживать связь через эфир, хотя использование передатчиков следовало свести к минимуму.

За "Телефункенами" — немаркированная пластиковая коробка с двадцатью шведскими катализаторными грелками для рук; плоские обтекаемые бруски из нержавеющей стали вложены каждый в свой чехол из рождественской красной фланели, стянутый шнурком.

— Ну умен, собака, — задумчиво сказал Тернер коробке. — До этого я мог бы додуматься и сам…

Он уснул на рифленой поролоновой подстилке из снаряжения автостопщиков, развернутой на полу командного поста, натянув на себя, как одеяло, парку. Конрой был прав насчет ночного холода в пустыне, но бетон, казалось, еще сохранял дневной жар. Комбинезон и туфли Тернер снимать не стал;

Уэббер посоветовала, одеваясь, всякий раз тщательно встряхивать одежду и обувь. "Скорпионы, — пояснила она. — Они любят пот, любую влагу". Прежде чем лечь, вынул из нейлоновой кобуры "смит-и-вессон", аккуратно положил его возле поролона. Оставив включенными два фонаря на батарейках, Тернер смежил веки.

И соскользнул в мелководье сна. Замелькали беспорядочные образы; фрагменты митчелловского досье сливались с кадрами его собственной жизни. Вот они с Митчеллом таранят автобусом стеклянную стену и, не снижая скорости, влетают в вестибюль гостиницы в Марракеше. Ученый радостно улюлюкает, нажимая

на кнопку, которая взрывает две дюжины канистр с азотом, прикрученных по бокам машины, и Оукей тоже тут — предлагает ему виски из бутылки и желтый перуанский кокаин с круглого зеркальца в пластиковом ободке, которое он в последний раз видел в сумочке Эллисон. Тернеру кажется, что он видит за окнами автобуса Эллисон, задыхающуюся в клубах газа; он пытается сказать об этом Оукею, указать на нее, но стекла сплошь залеплены голограммами мексиканских святых, почтовыми открытками с изображением Девы Марии, и Оукей протягивает что-то круглое и гладкое, шар из розового хрусталя… И Тернер видит свернувшегося внутри паука, паука из ртути, но Митчелл смеется — с его зубов капает кровь — и протяги!

вает раскрытую ладонь, предлагая Тернеру серый биософт. Тернер видит, что досье — это на самом деле мозг. Серовато-розовый и живой под влажной прозрачной мембраной, мозг мягко пульсирует в руке Митчелла… И тут Тернер, обрушившись с какого-то подводного уступа сна, плавно погружается в беззвездную ночь.

Его разбудила Уэббер. Ее жесткие черты лица были обрамлены квадратом дверного проема, на плечах складками собралось прибитое к притолоке армейское одеяло.

— Вот твои три часа. Медики проснулись, если хочешь — можешь с ними поговорить. — На этом она удалилась. Под тяжелыми ботинками заскрипел гравий.

Врачи "Хосаки" ждали возле автономного нейрохирургического бокса. В свете пустынного заката в своей модно измятой одежде для отдыха — последний писк сезона в Гинзе — они выглядели так, будто только что сошли с платформы какого-нибудь передатчика материи. Один из мужчин кутался в огромный, не по росту, мексиканский жилет ручной вязки, что-то вроде перепоясанного кардигана, такие Тернер видел на туристах в Мехико. Остальные двое спрятались от холода пустыни под дорогими герметичными лыжными куртками. Мужчины были на голову ниже кореянки, стройной женщины с резкими архаичными чертами лица и пушистым "ирокезом" подкрашенных красным волос, что навело Тернера на мысль о хищной птице. Конрой сказал, что двое — люди компании, и Тернер отчетливо это ощутил. А вот в женщине чувствовалась аура, присущая его собственному миру. Подпольный врач, человек вне закона. Вот кто нашел бы общий язык с голландцем, подумал он.

— Я Тернер, — представился он. — Я отвечаю за операцию.

— Наши имена вам без надобности, — отрезала женщина, а двое врачей из "Хосаки" автоматически поклонились. Обменявшись взглядами, они посмотрели на Тернера, потом

снова на кореянку.

— Верно, — отозвался Тернер, — необходимости нет.

— Почему нам до сих пор отказывают в доступе к медицинским данным на нашего пациента? — спросила кореянка.

— Требования безопасности, — сказал Тернер. Ответ вышел почти автоматическим. На самом деле он не видел причин препятствовать им в изучении досье на Митчелла.

Женщина пожала плечами и отвернулась. Ее лицо скрылось за поднятым воротником гермокуртки.

— Желаете осмотреть бокс? — спросил японец в огромном кардигане. Лицо его выражало настороженную вежливость — маска безупречного служащего корпорации.

— Нет, — ответил Тернер. — Мы перевезем вас на стоянку за двадцать минут до его прибытия. Снимем колеса, опустим бокс, обеспечив равновесие распорками. Сливной шланг будет отсоединен. Я хочу, чтобы модуль был в полной готовности через пять минут после того, как мы опустим его на землю.

— Проблем не будет, — улыбнулся японец.

— Теперь я хочу, чтобы вы рассказали мне, что вы намерены предпринять. Что вы собираетесь сделать с пациентом и как это может на нем отразиться.

— Так вы не знаете? — резко спросила женщина, поворачиваясь, чтобы взглянуть ему в лицо.

— Я сказал, что хочу, чтобы вы мне рассказали, — отрезал Тернер.

— Мы немедленно проведем сканирование на предмет смертельных имплантантов, — сказал мужчина в кардигане.

— Это что, какие-нибудь бомбы в коре головного мозга?

— Сомневаюсь, что мы столкнемся с чем-то настолько грубым, — вступил второй. — Однако мы действительно просканируем его на предмет всего спектра устройств, вызывающих летальный исход. Одновременно будет сделан полный анализ крови.

Насколько мы понимаем, его нынешние работодатели специализируются на исключительно сложных биохимических системах. Поэтому вполне вероятно, что наибольшую опасность следует ожидать именно с этой стороны.

— В настоящее время довольно модно начинять служащих высших эшелонов подкожными устройствами, которые впрыскивают в кровь препараты, сходные с инсулином, — вмешался его напарник. — Организм субъекта может быть ввергнут в искусственную зависимость от, скажем, синтетического аналога определенного фермента. В том случае, если подкожные капсулы не перезаряжаются через регулярные

промежутки времени, удаление от источника — в данном случае от работодателя — может привести к травме.

— Мы готовы справиться и с этим, — вставил второй.

— Ни один из нас даже отдаленно не готов иметь дело с тем, с чем, как я подозреваю, нам придется столкнуться, — сказала подпольный врач.

Голос ее был так же холоден, как ветер, который дул теперь с востока. Тернер слышал, как над головой по ржавым листам металла шипит песок.

— Ты пойдешь со мной, — бросил ей Тернер. После чего повернулся и, не оглядываясь, зашагал прочь. Вполне возможно, она ослушается его приказа, в таком случае он потеряет лицо перед остальными двумя, но это казалось правильным ходом. Отойдя метров на десять от трейлера, он остановился. Услышал ее шаги по гравию.

— Что тебе известно? — не оборачиваясь спросил он.

— Возможно, не больше, чем тебе, — сказала она, — а может, и больше.

— Очевидно, больше, чем твоим коллегам.

— Они исключительно талантливые люди. Но они также и… слуги.

— А ты нет.

— Как и ты, наемник. На эту операцию меня вызвали из лучшей подпольной клиники Тибы. Чтобы подготовиться к встрече с этим прославленным пациентом, мне передали значительный объем материала. Нелегальные клиники Тибы — передний край медицины. Даже "Хосака" не могла знать, что мое положение в подпольной медицине позволит мне догадаться, что именно может носить в голове перебежчик. Улица пытается найти применение многим вещам, мистер Тернер. Уже несколько раз меня приглашали, чтобы извлечь эти новые имплантанты. Кое-какие из усовершенствованных микробиосхем "Мааса" уже нашли себе путь на рынок. Подобные попытки вживления — шаг вполне логичный. Я подозреваю, что "Маас" преднамеренно допускает утечку своих биосхем.

— Тогда объясни мне.

— Не думаю, что я в состоянии это сделать. — В ее голосе послышался странный оттенок смирения. — Я сказала тебе, что видела это. Я не сказала, что я понимаю. — Внезапно кончики ее пальцев пробежались по коже возле разъема в его черепе. — По сравнению с вживленными биочипами твой имплантант — все равно что деревянная нога рядом с микроэлектронным протезом.

— Но в данном случае — это представляет угрозу для жизни?

— Где уж там, — сказала кореянка, убирая руку, — только не

для его собственной…

А потом он услышал, как она устало побрела назад, к хирургическому трейлеру.

Конрой прислал гонца с микрософтом, который должен был помочь Тернеру в пилотировании реактивного самолета, чтобы вывезти Митчелла в исследовательский центр "Хосаки" в Мехико. Гонцом оказался почерневший на солнце человек с безумным взглядом, которого Линч назвал Гарри. Это привидение с мускулами, как веревки, прикатило со стороны Таксона на отполированном песком велосипеде с лысыми полуспущенными шинами и рулем, обмотанным полосками сыромятной кожи, желтой как кость. Пока Линч вел его через автостоянку, Гарри напевал что-то себе под нос — странный звук в напряженной тишине полигона. Его песня, если это можно было назвать песней, звучала, как будто кто-то крутил наугад ручку сломанного радиоприемника, водя стрелкой вверх-вниз по полуночным милям шкалы и вылавливая то мотивы госпела, то обрывки самых различных хитов международной поп-музыки за последние двадцать лет. Гарри волок велосипед на себе, просунув под раму выжженное, по-птичьи худое плечо.

— Гарри кое-что привез для тебя из Таксона, — сказал Линч.

— Вы знаете друг друга? — спросил Тернер, в упор глядя на Линча. — Может, есть общий друг?

— Как это понимать? — вскинулся Линч.

Тернер выдержал взгляд:

— Ты знаешь, как его зовут.

— Он сам мне назвал это свое сраное имя, Тернер.

— Зовите меня Гарри, — сказал обгоревший человек и забросил велосипед в кусты.

Он безучастно улыбнулся, показав неровные выщербленные зубы. Пленка пота и пыли покрывала его голую грудь, на которой болталось странное ожерелье: на тонкую металлическую цепочку были нанизаны кусочки животного рога и меха, латунные гильзы и медные монеты, стертые от употребления так, что почти невозможно было различить, где орел, где решка. Среди всего этого барахла висел маленький кисет из мягкой коричневой кожи.

Некоторое время Тернер разглядывал ассортимент вывешенных на узкой груди предметов, а затем протянул руку и щелкнул по кривому хрящу на плетеном шнурке.

— А это что, черт побери, такое, Гарри?

— Нос енота, — ответил тот. — У енота в носу кости соединяются суставом. Это мало кто знает.

— Ты когда-нибудь встречал моего друга Линча раньше, а, Гарри? Гарри сморгнул.

— У него были пароли, — подал голос Линч. — Существует иерархия срочности. Он знал самый старший. Он сам назвал мне свое имя. Я тебе еще нужен или я могу вернуться к работе?

— Иди, — отозвался Тернер.

Как только Линч оказался вне пределов слышимости, Гарри стал распутывать завязки кожаного кисета.

— Не стоило так обращаться с мальчиком, — заметил он. — Он и вправду очень хорош. Честное слово, я не заметил его, пока он не приставил игольник к моей шее. — Открыв мешочек, он осторожно запустил в него руку.

— Скажи Конрою, что я его раскусил.

— Прости, — сказал Гарри, извлекая сложенный пополам желтый блокнотный листок, — кого ты раскусил? — Он протянул листок Тернеру. Внутри было что-то еще.

— Линча. Он — шестерка Конроя на полигоне. Так ему и передай.

Тернер развернул листок и вынул толстый армейский микрософт. На бумаге синими крупными буквами было накарябано: "ЧТОБ ТЫ СВЕРНУЛ СЕБЕ ШЕЮ, ЗАДНИЦА. УВИДИМСЯ В КОНСУЛЬСТВЕ".

— Ты действительно хочешь, чтобы я ему это передал?

— Да.

— Ты — босс.

— Вот именно, мать твою, — сказал Тернер и, скомкав бумагу, засунул ее Гарри под мышку.

Гарри улыбнулся — мило и безучастно. Ненадолго всплывший в нем разум вновь ушел на дно, как некое водяное животное, нырнувшее в гладкое, скучное, протухшее на солнце море. Тернер заглянул в глаза, похожие на потрескавшийся желтый опал, и не увидел там ничего, кроме солнца и заброшенной трассы. Рука с отсутствующими последними фалангами на двух пальцах поднялась и рассеянно почесала недельную щетину.

— Вали отсюда, — сказал Тернер.

Гарри повернулся, вытащил из зарослей свой велосипед, хрюкнув, забросил его на плечо и начал пробираться назад через полуразрушенную автостоянку. Пока он шел, огромные драные шорты цвета хаки били ему по коленям и тихонько позвякивала коллекция цепочек.

С холма метрах в двадцати левее донесся свист. Обернувшись, Тернер увидел, что Сатклифф машет ему рулоном оранжевой геодезической ленты. Пора было начинать выкладывать посадочную полосу для Митчелла. Работать придется быстро, пока солнце еще не слишком поднялось. И все

равно будет очень жарко.

— Ах вот как, — сказала Уэббер, — он прибывает по воздуху.

Повесив коричневый плевок на желтый кактус, она запихнула за щеку новую порцию копенгагенского табака.

— Вот именно, — ответил Тернер.

Он сидел рядом с ней на выступе сланцевой породы. Оба наблюдали за тем, как Линч и Натан расчищают посадочную полосу, которую Тернер с Сатклиффом огородили оранжевой лентой. Лента маркировала прямоугольник размером четыре на двадцать метров. Линч подволок к ленте отрезок проржавевшего рельса, с натугой перетащил через нее. Когда рельс загремел о бетон, что-то метну лось прочь через кусты.

— А они ведь могут увидеть эту ленту, если захотят, — сказала Уэббер, вытирая рот тыльной стороной ладони. — Даже заголовки в утреннем факсе могут прочесть, если им того захочется.

— Знаю, — отозвался Тернер. — Но если они еще не знают, что мы здесь, сомневаюсь, что они вообще об этом узнают. А с трассы нас не видно. — Он поправил черную нейлоновую каскетку, которую дал ему Рамирес, опустив длинный козырек так, что тот уперся в солнечные очки. — Во всяком случае, мы пока просто таскаем тяжести, рискуя при этом переломать себе ноги. Едва ли в этом есть что-то странное, особенно если смотреть с орбиты.

— Пожалуй, — согласилась Уэббер. Ее испещренное шрамами лицо под черными очками оставалось совершенно бесстрастным. С того места, где он сидел, Тернер мог слышать запах ее пота, резкий и звериный.

— Что ты, черт побери, делаешь между контрактами, Уэббер? Когда ты не в деле? — спросил он, посмотрев на нее.

— Да побольше тебя, черт побери, — сказала она. — Часть года выращиваю собак. — Она вытащила из сапога нож и начала терпеливо править его о подметку, плавно поворачивая с каждым проходом, как мексиканский брадобрей, натачивающий свою бритву. — Ужу рыбу. Форель.

— У тебя там есть родня? Я хочу сказать, в Нью-Мексико?

— Наверное, больше, чем у тебя, — ровным голосом проговорила она. — Думаю, такие, как ты или Сатклифф, вы — вообще ниоткуда. Вы живете только в деле, ведь так, Тернер? На полигоне, сегодняшним днем, тем днем, когда прибудет ваш мальчик. Я права? — Она попробовала заточку на ногте большого пальца, потом убрала нож обратно в ножны.

— Но у тебя есть семья? Мужчина, к которому ты вернешься?

— Женщина, если хочешь знать, — сказала она. — Ты хоть

что-то понимаешь в собаководстве?

— Нет, — ответил он.

— Так я и думала. — Она искоса взглянула на него. — У нас есть и ребенок. Наш собственный. Она его выносила.

— Срастили ДНК?

Она кивнула.

— Дорогое удовольствие.

— Вот именно. Если бы не надо было выплачивать кредит, меня бы здесь не было. Но она прекрасна.

— Твоя женщина?

— Наша малышка.

12. КАФЕ "БЛАН"

Идя прочь от Лувра, Марли словно кожей чувствовала, как беззвучно смещаются блоки какого-то сложного шарнирного механизма, подстраиваясь к каждому ее шагу. Официант — всего лишь часть огромного целого: высокоточный зонд или, быть может, щуп. Целое должно быть больше, гораздо больше. Как она могла вообразить, что можно жить, передвигаться в противоестественном силовом поле состояния Вирека, не подвергаясь при этом силе, искажающей реальность? Выбрав очередной объект — жалкую тряпицу с ярлычком "Марли Крушкова", — Вирек провернул его через чудовищные невидимые жернова своих денег. И объект изменился. Конечно, думала Марли, конечно: они постоянно вертятся вокруг меня — бдительные и незримые колесики необъятного и тонкого механизма, с помощью которого и наблюдает герр Вирек.

Некоторое время спустя она обнаружила, что стоит на тротуаре под террасой с вывеской "Блан". Кафе показалось ничем не хуже любого другого. Месяц назад она обошла бы его стороной — слишком много вечеров они провели здесь вместе с Аденом. Теперь же, осознавая, что это и есть свобода, Марли решила, что заново открывать свой собственный Париж можно и с выбора столика в кафе "Блан". Она села возле бокового экрана. Заказала официанту коньяк и, зябко ежась, стала смотреть на текущий мимо поток уличного движения, на бесконечную реку из стекла и стали. А вокруг нее за соседними столиками незнакомые парижане ели и улыбались, пили и ссорились, с горечью прощались или клялись в вассальной верности полуденному чувству.

Но — тут Марли улыбнулась — ведь и она принадлежит этой жизни. Что-то просыпалось в ней после долгого оцепенелого сна, что-то возвращенное ей в мгновение, когда открылись глаза на жестокость Алена и на то, что она по-прежнему хочет любить его. Теперь же, сидя в ожидании коньяка, Марли чувствовала, как это желание растворяется само собой. Его жалкая ложь непонятным образом разорвала путы депрессии. Марли не видела в этом логики: в глубине души — и задолго до истории с Гнассом — она знала, чем именно в этом мире занимается Ален. Впрочем, какая разница — для любящего-то человека? Наслаждаясь давно забытым чувством свободы, она решила, что плевать ей на логику. Достаточно того, что она жива, сидит за столиком в "Блан" и придумывает вокруг себя сложнейший механизм, который — как она теперь знает — запустил герр Вирек.

Парадокс, думала она, глядя, как на террасу поднимается молодой официант из "Двора Наполеона". Он был во все тех же темных брюках, однако передник сменил на синюю ветровку. Темные волосы мягким крылом падали на чистый лоб. Улыбаясь, он направился к ней, твердо уверенный, что никуда она не убежит. И тут какой-то внутренний голос шепнул вдруг Марли, что надо бежать, бежать, но она знала, что даже не стронется с места. Парадокс, повторила она сама себе: наслаждаться открытием, что ты не вместилище вселенских горестей и сожалений, а всего лишь еще одно не застрахованное от ошибок животное в каменном лабиринте огромного города, — и в то же время понимать, что отныне ты — ось вращения огромного устройства, работающего на топливе чьего-то тайного желания.

— Меня зовут Пако, — сказал молодой человек, отодвигая стоящий напротив нее крашенный белым железный стул.

— Это вы были ребенком, мальчиком в парке?..

— Да, очень давно. — Он сел. — Сеньор сохранил образ моего детства.

— Я как раз сидела и думала о вашем сеньоре. — Она смотрела не на него, а на проезжавшие мимо машины; взгляд отдыхал на потоке уличного движения, на многоцветье полимеров и раскрашенной стали. — Человек, подобный Виреку, не способен абстрагироваться от собственного состояния. А его деньги давно уже живут собственной жизнью. Может быть, даже обрели собственную волю. Он почти подразумевал это при нашей встрече.

— А вы философ.

— Я инструмент, Пако. Я самая новая деталь в очень старой машине в руках очень старого человека, который желает пробраться куда-то или добиться чего-то, но до сих пор терпел неудачу. Ваш хозяин перебирает тысячи инструментов и почему-то выбирает меня…

— Да вы еще и поэт!

Она рассмеялась; отведя взгляд от машин. Пако улыбался, вокруг рта запали глубокие вертикальные складки.

— По дороге сюда я представляла себе некую конструкцию, механизм — настолько огромный, что я не способна его увидеть. Механизм, который окружает меня, предугадывая каждое мое движение.

— Так вы еще и эгоцентрист?

— Неужели?

— Пожалуй, нет. Естественно, вы под наблюдением. Наблюдают наши люди, и это к лучшему. Далее, ваш друг в баре, мы следим также и за ним. К несчастью, нам пока не удалось

установить, где он приобрел ту голограмму, которую показывал вам. Вполне вероятно, она уже была у него, когда он начал названивать по телефону вашей подруге. Кто-то вышел на него, понимаете? Вам его подставили. Вы не находите это интригующим? Разве это не задевает притаившегося в вас философа?

— Да, наверное. В баре я воспользовалась вашим советом и согласилась на его цену.

— Тогда он ее удвоит, — улыбнулся Пако.

— Что, как вы заметили, не имеет для меня значения. Он согласился связаться со мной завтра. Полагаю, вы сможете устроить выплату денег. Он требует наличные.

— Наличные, — он закатил глаза, — как рискованно! Да, могу. Подробности мне известны. Мы следили за ходом вашей беседы. Особого труда это не составило, поскольку он был настолько любезен, что сам вещал через капельный микрофон. Нас весьма интересует, кому именно предназначалась передача, но боюсь, он и сам этого не знает.

— Это так не похоже на него, — нахмурилась Марли. — Извиниться, оборвать разговора не выставив прежде своих требований. Он воображает, что у него исключительное чутье на драматичность момента.

— У него не было выбора, — спокойно отозвался Пако. — Мы спровоцировали помехи, которые он принял за сбой источника питания в передатчике. Что потребовало прогулки к туалетам. Он говорил очень мерзкие вещи о вас, сидя один в кабинке.

Марли жестом указала на свой стакан проходившему мимо официанту.

— Мне все еще довольно сложно определить, какую роль во всем этом играю я. В чем моя ценность. Для Вирека, я имею в виду.

— Не спрашивайте меня. Это вы тут философ. Я же просто по мере сил выполняю приказания сеньора.

— Выпьете бренди, Пако? Или, быть может, чашку кофе?

— Французы, — с глубокой убежденностью заявил он, — ничего не понимают в кофе.

13. ОБЕИМИ РУКАМИ

— Может, прокрутишь мне это еще раз? — спросил Бобби с полным ртом, набитым рисом с яйцами. — По-моему, ты только что сказал, что это не религия:

Сняв пустую оправу, Бовуа подышал на одну из дужек.

— Этого я не говорил. Я сказал, что тебя не должно заботить, религия это или нет — вот и все. Это просто структура. Давай лучше обсудим происходящее, иначе мы можем не найти для этого слов, концепций….

— Но ты говоришь, что эти, как ты их там назвал, лоы…

— Лоа, — поправил Бовуа, бросая очки на стол. Он вздохнул, выудил из пачки Дважды-в-День китайскую сигарету и прикурил от оловянного черепа. — Что во множественном числе, что в единственном. — Он глубоко затянулся, потом, раздув ноздри, выпустил двойную струю дыма. — Когда ты говоришь "религия", что именно приходит тебе в голову?

— Ну, сестра моей матери, она — сайентистка, причем твердокаменная, понимаешь? Есть еще одна тетка, в другом конце коридора, та — католичка. А моя старуха… — Он помедлил, еда внезапно стала безвкусной. — Она иногда вешала в моей комнате всякие голограммы. Иисус, или Хаббард, или еще какое дерьмо. Вот, пожалуй, что я имею в виду.

— С вуду все немного иначе, — сказал Бовуа. — Вуду не интересуют категории спасения или трансцедентальности. Скорее, речь идет о том, как улаживать дела. Поспеваешь за мной? В нашей системе много богов и духов. Все они — часть одной большой семьи, со всеми добродетелями, со всеми пороками. Есть традиционный ритуал явления всей общине, понимаешь? Вуду говорит: "Бог, конечно, есть — Гран Ме, — но Он велик, слишком велик и слишком далек, чтобы беспокоить себя тем, что кто-то разгуливает с голой задницей, а кто-то не может кончить". Да брось ты, сам ведь знаешь, как это работает. Это — религия улицы, вышедшая с помоек миллионы лет назад. Вуду — как улица. Ты же не идешь походом на якудза, если какой-нибудь раздолбай прирезал твою сестру, правда? Никоим образом. Однако ты идешь к тому, кто может это уладить. Так?

Не переставая жевать, Бобби задумчиво кивнул. Еще один дерм и пара стаканов красного немало помогли, плюс крутой пиджак увел Дважды-в-День погулять среди деревьев и флюоресцентных чучел, оставив Бобби с Бовуа. Потом объявилась веселая Джекки с большой миской этого самого риса с яйцами — кормежка оказалась не так уж плоха — и, ставя миску перед ним

на стол, прижалась грудью к его плечу.

— Так вот, — продолжал Бовуа, — мы занимаемся улаживанием всяких дел. Если хочешь, работаем с системами. Тебя они тоже занимают, или, по крайней мере, ты хочешь ими заниматься, иначе не стремился бы в ковбои и у тебя не было бы прозвища, так? — Он загасил бычок в захватанном пальцами стеклянном стакане с остатками красного вина. — Судя по всему, Дважды-в-День намеревался повеселиться всерьез — и как раз в тот момент, когда дерьмо попало в вентилятор.

— И что это было за дерьмо? — полюбопытствовал Бобби, вытирая рот тыльной стороной ладони.

— Ты, — нахмурился Бовуа. — Впрочем, все это — не твоя вина. Как бы ни выкручивался Дважды-в-День, так оно и есть.

— А он выкручивается? То-то он показался мне таким дерганым. И, к тому же, совершенно не в себе.

— Вот именно. Я бы скорее сказал, он в штаны наложил от страха.

— С чего бы это?

— Ну, видишь ли, когда речь идет о Дважды-в-День, все не совсем так, как кажется. Я хочу сказать, он и в самом деле занимается этой фигней, о которой ты знаешь — впаривает крутой софт барритаунским простофилям… прошу прощения, — он хмыкнул. — Но основной его прицел, то есть, я хочу сказать, настоящие амбиции этого парня, понимаешь ли, лежат в другой области… — Бовуа взял с подноса чахлое канапе и, осмотрев его с явным подозрением, швырнул через стол в гущу деревьев. — Его основное дело, видишь ли, — обслуживать парочку больших оунганов из Муравейника.

Бобби тупо кивнул.

— Людей, которые служат обеими руками.

— Тут ты меня совсем потерял.

— Мы с тобой говорим сейчас о профессиональных жрецах, можешь так это называть. Другими словами, просто представь себе пару больших людей — они же, кстати, помимо прочего еще и компьютерные ковбои, — которые делают свой бизнес на том, что устраивают чужие дела. "Служить обеими руками" — бытующее у нас выражение, что означает, что они работают в обе стороны. И в белую и в черную, понимаешь?

Бобби проглотил рис, затем мотнул головой.

— Колдуны, — сказал Бовуа. — Впрочем — неважно. Люди они сердитые, а деньги у них большие, вот и все, что тебе требуется знать. Дважды-в-День работает для этих людей мальчиком на побегушках, шестеркой. Иногда он находит что-то, что может их заинтересовать, тогда он скачивает это им, а в

качестве платы рассчитывает на одолжение в будущем. Случается, таких одолжений набегает, скажем, лишняя дюжина, и тогда что-то скачивают ему. Только их "что-то" уже совсем иного рода, поспеваешь за мной? Скажем, они получили нечто, что, на их взгляд, обладает определенным потенциалом, но их самих пугает. Видишь ли, люди наверху склонны к некоторому консерватизму. Не понимаешь? Ну ладно, потом поймешь.

Бобби снова кивнул.

— То программное обеспечение, которое кто-нибудь вроде тебя арендует у Дважды-в-День, — это ничто. Я хочу сказать, оно, конечно, работает, но никто из серьезных людей не стал бы с ним возиться. Ты ведь смотришь ковбойские киношки, да? Так вот, то, что выдумывают для этих фильмов, — это детские игры по сравнению с той дрянью, с которой может столкнуться по-настоящему серьезный оператор. Особенно, когда речь идет о ледорубах. Тяжелые ледорубы, бывает, выкидывают разные фортели, даже у больших мальчиков. И знаешь почему? Потому что лед, весь по-настоящему прочный лед — стены вокруг любого крупного склада данных в матрице, — это всегда продукция ИскИна, искусственного интеллекта. Ни у кого больше нет такой сноровки, чтобы соорудить хороший лед, а потом постоянно его изменять и апгрейдить. Это значит, что всякий раз, когда на черном рынке всплывает по-настоящему мощный ледоруб, игру заранее определяют несколько рискованных факторов. Для начала: откуда взялся этот продукт? В девяти!

случаях из десяти он пришел от ИскИнов, ИскИны же постоянно экранированы, в основном людьми "Тьюринга" — просто для гарантии, что они не станут слишком умничать. Следовательно, вполне возможно, что на тебя тут же навалится вся машина "Тьюринга": а вдруг где-нибудь какой-нибудь ИскИн пожелал подправить свой личный поток налички. У некоторых ИскИнов ведь есть еще и гражданство, так? Есть и еще кое-что, чего следует остерегаться: а вдруг это военный ледоруб, а это тоже опасное дело. Или, может, он свалился с какого-нибудь дзайбацу, а встречаться с этими ребятами — тоже никакой радости. Сечешь, в чем загвоздка, Бобби?

Бобби кивнул. Он чувствовал себя так, будто всю свою предыдущую жизнь ждал этого момента: сидеть и слушать, как Бовуа объясняет ему механику мира, о существовании которой ранее он мог только догадываться.

— И все же ледоруб, который действительно пробивает лед, стоит дорого, я имею в виду — очень дорого. Итак, скажем, ты на рынке — мистер Крутой, и кто-то предлагает тебе такую штуковину, и ты не хочешь сказать им: мол, идите гуляйте.

Следовательно, ты ее покупаешь. Покупаешь втихую, но не вставляешь дискету сам, нет. Что ты с ней делаешь? Ты привозишь ее домой, даешь в работу своим техам, так чтобы она выглядела как что-нибудь средненькое. Скажем, вгоняешь вот в такой вот формат, — он постучал пальцем по стопке софтов на столе, — и, как обычно, скидываешь своей шестерке, перед которой у тебя должок…

— Подожди-ка, — вмешался Бобби, — не думаю, что мне это нравится…

— Хорошо. Это значит, что ты умнеешь на глазах, или, во всяком случае, становишься чуть умнее. Потому что так они и сделали. Они привезли дискету сюда твоему приятелю-толкачу, мистеру Дважды-в-День, и поделились своей печалью. "Туз, — сказали они, — нам нужно проверить эту хрень, испытать в деле, но мы никоим образом не намерены делать этого сами. Дело за тобой, мальчик". И что делает дальше Дважды-в-День? Вставляет дискетку? Никоим образом. Он просто делает то же самое, что сделали с ним большие мальчики, разве что даже не дает себе труда шепнуть словцо тому, кто поработает за него. А делает он следующее — находит базу на Среднем Западе, базу, под завязку нашпигованную программами по уклонению от налогов и блок-схемами для отмывки иен для какого-нибудь борделя в Канзас-Сити. Каждый, кто не вчера родился, знает, что эта дрянь по уши во льду, в черном льду, абсолютно смертельных программах обратной связи. И нет ни одного ковбоя в Муравейнике или за его пределами, кто полез бы!

в эту базу. Во-первых, потому что она прямо-таки сочится защитой; во-вторых, потому что складированная в ней мура не интересна никому, кроме налоговых инспекторов, каковые, скорее всего, и так уже у владельца на содержании.

— Эй, — вскинулся Бобби, — а нельзя ли пояснее…

— По-моему, я растолковываю тебе яснее некуда, белый мальчик! Короче, он нашел такую базу, потом пробежался по своему списку хотдоггеров, честолюбивых панков из Барритауна, вильсонов, среди которых может найтись тупой настолько, чтобы при помощи впервые увиденной программы совершить набег на базу, в которую шутник вроде Дважды-в-День ткнул пальцем и сказал, что это, мол, легкая пожива. И кого же он выберет? Он выберет новичка, того, кто не знает, где он живет, того, у которого нет даже его номера. Он говорит ему: "Слушай, мужик, возьми это домой и заработай себе немножко денег. Если найдешь что-то стоящее, я это у тебя куплю!" — Бовуа округлил глаза, он больше не улыбался. — Ну что, похоже на кого-то из твоих знакомых, или, быть может, ты не якшаешься с

неудачниками?

— Ты хочешь сказать, он знал, что меня могут прикончить, если я вломлюсь в эту базу?

— Нет, Бобби. Но он знал, что такая возможность существует, если пакет не сработает. Он, в сущности, просто хотел понаблюдать за твоей попыткой — ничего больше. Однако он не потрудился сделать это сам, просто поставил за себя пару ковбоев. А дальше все могло идти двумя различными путями. Вариант первый: ледоруб пробивает черный лед, ты попадаешь внутрь, находишь кучу цифр, которые представляются тебе пустышкой, выбираешься назад, возможно, даже не оставив следов. Ну, ты тогда пошел бы к Леону и сказал Дважды-в-День, что он ошибся с базой. А тот бы жутко извинялся, конечно — и ты получил бы новую цель и новый ледоруб, а он повез бы этот в Муравейник и сказал, что с ним все в порядке. А тем временем не спускал бы с тебя глаз, просто чтобы последить за твоим здоровьем. Чтобы убедиться, что никто не пришел искать ледоруб, который, как они могли прослышать, ты использовал. Могло случиться и иначе, так, как это едва не случилось: у ледоруба могла выявиться какая-нибудь странность, л!

ед сжег бы тебя насмерть, и тогда одному из ковбоев пришлось бы вломиться в квартиру твоей мамочки и забрать софт прежде чем найдут твое тело.

— Не знаю… Бовуа, это чертовски жест…

— Задница моя жесткая. Жизнь жестока. Я хочу сказать, мы же говорим о бизнесе, не забыл?

Бовуа рассматривал его с полной безмятежностью. Пластмассовая оправа сползла почти на кончик изящного носа. Он был светлее, чем Дважды-в-День или гигант в костюме — с кожей цвета слегка разбавленного кофе, и к черному мху коротко стриженных волос уходил высокий гладкий лоб. В балахоне из серой плащевки он выглядел худощавым, и Бобби не находил в нем ничего угрожающего.

— Но нам надо выяснить, почему ты здесь, а ты здесь для того, чтобы выяснить, что произошло на самом деле. А это уже нечто другое.

— Однако ты сказал, что он меня подставил, что Дважды-в-День подставил меня так, чтобы меня пришили? — Бобби все еще сидел в кресле-каталке "Материнского общества Святой Марии", хотя теперь ему казалось, что кресло ему больше не нужно. — И что он в глубокой жопе перед этими парнями, этими крутыми из Муравейника?

— Теперь ты понял.

— Так вот почему он ведет себя так, будто ему уже все по

хрену, а меня — меня он ненавидит до самых потрохов, да? И он действительно перепуган?

Бовуа кивнул.

— И это все потому, — продолжал Бобби, понимая наконец, почему Дважды-в-День не в своей тарелке, почему он так испугался, — что на меня напали там, на Большой Площадке, и сволочи до-лики обули меня на деку! И на их софт, он ведь оставался у меня в деке! — Он подался вперед, возбужденный от того, что сложил все вместе. — А эти парни могут, скажем, убить его, если он не вернет дискету, так?

— Должен тебе сказать, что ты слишком много смотрел кино, — сказал Бовуа, — хотя, в общем и целом, определенно так.

— Хорошо. — Бобби откинулся на спинку кресла-каталки, закинув голые ноги на край стола. — Ну, Бовуа, кто же эти парни? Как ты их там назвал, унганы? Колдуны? Что, черт побери, это должно означать?

— Видишь ли, Бобби, — сказал Бовуа, — я один из них, а тот большой мужик — ты можешь называть его Лукасом — второй.

— Ты, наверное, видел такие раньше, — сказал Бовуа, когда человек по имени Лукас поставил на стол трехмерный проектор, перед этим методично расчистив для него место.

— В школе, — покорно ответил Бобби.

— Ты ходил в школу, парень? — огрызнулся Дважды-в-День. — Почему ты там, черт побери, не остался?

Он прикуривал одну сигарету от другой с тех самых пор, как они с Лукасом вернулись, и, казалось, был в еще худшем настроении, чем прежде.

— Заткнись, Дважды-в-День, — предложил Бовуа, — немного образования и тебе бы не повредило.

— С их помощью нас учили, как отыскивать дорогу в матрице, как получать доступ ко всякому барахлу из печатных библиотек, все такое…

— Тем лучше. — Лукас выпрямился, отряхивая несуществующую пыль с огромных розовых ладоней. — Ты когда-нибудь пользовался им, чтобы получать доступ к печатным книгам?

Он снял черный, без единой морщинки, пиджак; на крахмальной рубашке под ним ярко выделялась пара изящных темно-бордовых подтяжек. Лукас ослабил узел строгого черного галстука.

— Я не слишком-то хорошо читаю, — сказал Бобби, — Я хочу сказать, могу, но это работа. Ну да, я входил. Искал по-настоящему старые книги о матрице и о всем таком.

— Так я и думал, — отозвался Лукас, подключая к консоли в

основании проектора что-то вроде маленькой деки. — Счет Ноль. Прерывание на счет ноль. Старый программистский жаргон. — Он передал деку Бовуа, который стал вводить в нее команды.

Внезапно в экранном объеме проектора начали возникать сложные геометрические фигуры, выравниваясь вдоль почти невидимых плоскостей трехмерной решетки. Бобби догадался, что Бовуа набрасывает в киберпространстве координаты Барритауна.

— Будем считать, что синяя пирамидка — это ты, Бобби. Вот она. — В самом центре объема мягко запульсировала синяя пирамида. — Теперь мы покажем тебе, что увидели наблюдавшие за тобой ковбои Дважды-в-День. С этого момента ты видишь запись.

Из пирамиды выросла синяя пунктирная линия и побежала по линии решетки. Бобби смотрел в экранный объем, видя себя, одинокого, в гостиной своей матери с "Оно-Сендаи" на коленях. Занавески задернуты, пальцы бегают по клавишам.

— Пошел ледоруб, — прокомментировал Бовуа.

Синий пунктир достиг стенки экрана. Бовуа нажал пару клавиш, и координаты изменились. Исходную декорацию сменил новый набор геометрических фигур. Бобби узнал нагромождение оранжевых кубов в центре решетки.

— Вот оно, — сказал он.

Из-за стенки экрана появилась синяя линия и потянулась к оранжевой базе. Вокруг кубов мерцали смутные плоскости оранжевого света, которые, когда линия подошла ближе, начали вдруг смещаться и пульсировать.

— Сам видишь, что что-то здесь не так, — сказал Лукас. — Вон он, их лед, и он уже о тебе знает. Подмял тебя еще до того, как ты за него зацепился.

Когда синий пунктир коснулся скользнувшей навстречу оранжевой плоскости, вокруг него тут же образовалась оранжевая трубка чуть большего диаметра. Трубка начала удаляться, двигаясь назад вдоль пунктира, пока не уперлась в стенку экрана…

— А тем временем, — сказал Бовуа, — дома, в Барритауне… — Он снова пробежал пальцами по клавишам, и теперь в центре оказалась синяя пирамидка Бобби. На глазах у Бобби оранжевая трубка выросла из стенки экранного объема и по синему пунктиру вкрадчиво подобралась к пирамидке.

— А вот с этого момента, ковбой, ты должен был начать умирать всерьез.

Трубка коснулась пирамидки, оранжевые треугольники сомкнулись, как будто закрывая ее стеной. Бовуа остановил

запись.

— Когда няньки Дважды-в-День, — сказал Лукас, — жокеи, в общем-то, бывалые и закаленные, увидели то, что сейчас увидишь ты, друг мой, они решили, что в этой, так сказать, побелке в небесах виновата их дека. Как и у любых профи, у них была вторая дека, для подстраховки. Подключив ее к линии, они увидели то же самое. Именно тогда они решили позвонить своему работодателю, мистеру Дважды-в-День, который, как можно заключить из окружающего нас бардака, собирался устроить вечеринку…

— Мужик, — сказал Дважды-в-День сдавленным от истерики голосом, — я же тебе говорил. У меня тут были клиенты, которых требовалось развлечь. Я заплатил своим мальчикам, чтобы они присмотрели за ледорубом, они и смотрели, а потом позвонили мне. Я позвонил вам. Ну что тебе, черт побери, от меня надо?

— Нашу собственность, — мягко отозвался Бовуа. — А теперь смотри внимательно, — обратился он к Бобби, — такую штуку, кроме как аномальным феноменом, не назовешь, без дураков… Он снова ввел команду, запуская запись. На нижней плоскости экрана расцвели жидкие цветы, белые, как молоко. Подавшись вперед, Бобби увидел, что состоят они словно из тысяч мельчайших сфер или пузырьков. Цветы полностью подстроились к кубической решетке, срослись с ней, образовав асимметричную структуру с тяжелым верхом, нечто вроде многогранного гриба. Грани были белыми и совершенно пустыми. Фигура в экранном объеме была размером не больше ладони Бобби, но всякому вошедшему в матрицу она показалась бы непомерной. "Гриб" развернул пару "рожек"; "рожки" вытянулись, изогнулись, превратившись в пинцет, который метнулся, чтобы схватить пирамидку. Бобби увидел, как кончики щипцов беспрепятственно прошли сквозь посверкивающие оранжевые плоскости враждебного льда.

— Она сказала: "Что ты делаешь?" — услышал Бобби собственный голос. — Потом она спросила меня, почему они это делают, делают это со мной, убивают меня…

— Ага, — негромко произнес Бовуа, — вот теперь мы хоть как-то продвинулись.

Бобби не знал, куда они идут, но был рад возможности выбраться из кресла. Бовуа пригнулся, чтобы не задеть косо висящую гро-лампу, которая покачивалась на двух отрезках крученой веревки; Бобби последовал за ним, едва не поскользнувшись в луже воды с зеленоватой пленкой. Чем дальше от кушетки-поляны Дважды-в-День, тем чище становился воздух. Стоял тепличный запах перегноя и растущей зелени.

— Вот так это было, — задумчиво произнес Бовуа. — Дважды-в-День послал пару ребят на Ковина-Конкорс-Коуртс, но ты уже ушел. И деки тоже не было.

— Ну, это не совсем его вина, — сказал Бобби, — то есть, я хочу сказать, что если бы я не рванул к Леону… а я и правда искал Дважды-в-День, даже подумывал о том, как бы мне попасть сюда, наверх — то он нашел бы меня, верно?

Бовуа помедлил, чтобы полюбоваться роскошными листьями цветущей конопли, и, протянув худой коричневый палец, тронул бледный бесцветный цветок.

— Верно, — отозвался он, — но бизнес есть бизнес. Ему надо было поставить кого-нибудь следить за твоей квартирой в течение всего набега, чтобы убедиться, что ни ты, ни софт не отправитесь ни на какую незапланированную прогулку.

— Но послал же он Реа и Джекки к Леону, раз я их там видел. — Бобби запустил руку за ворот черной пижамы и почесал заклеенную рану, пересекавшую его грудь и живот. Тут он вспомнил о многоножке, которую Пай использовал как стягивающий рану пластырь, и быстро убрал руку. Шрам отчаянно зудел, превратился в сплошную линию зуда, но многоножки касаться не хотелось.

— Нет, Джекки и Реа — наши. Джекки — мамбо, жрица, лошадь Данбалы.

Бовуа продолжал свой путь, придерживаясь, как решил Бобби, какой-то известной ему тропинки в этом беспорядочном гидропонном лесу, хотя тропинка эта, похоже, петляла безо всякого смысла. Кусты покрупнее пустили корни в огромных грушевидных пластиковых мешках для мусора, наполненных темным гумусом. Мешки местами лопнули, и бледные корни искали себе пропитание в тенях между полосами гро-света, где общими усилиями времени и постепенного опадания листьев нарос тонкий слой компоста. На Бобби были черные нейлоновые тапки, которые подобрала для него Джекки, но в них уже набилась сырая земля.

— Лошадь? — переспросил он, уклоняясь от чего-то шипастого, наводившего на мысль о вывернутой наизнанку пальме.

— Данбала оседлывает ее. Данбала Ведо, змей. А в другое время она — лошадь Айды Ведо, его жены.

Бобби решил не углубляться и сменил тему:

— А как вышло, что у Дважды-в-День такая огромная хата? Зачем тут деревья и все такое?

Насколько он понял, Джекки и Реа вкатили его в кресле от "Святой Марии" через какой-то дверной проем, но с тех пор он не

видел ни одной стены. При этом он знал, что здание-улей покрывает энное число гектаров, так что вполне возможно, что обиталище Дважды-в-День и в самом деле было очень велико. Правда, представлялось маловероятным, чтобы толкач, пусть даже очень крутой, мог позволить себе столько пространства. Никто не может позволить себе столько места — да и кому захочется жить в вечно сыром гидропонном лесу?

Последний дерм снашивался, и грудь и спину начинало жечь острой болью.

— Фикусовые деревья, деревья мапоу… весь этот этаж Проекта — лье сан, святое место. — Тронув Бобби за плечо, Бовуа указал на перевитые двухцветные ленточки, свисающие с веток ближайшего дерева. — Все деревья здесь посвящены различным лоа. Вот это посвящено Огу, Огу Ферею, богу войны. Тут растет еще много всего: есть растения, необходимые докторам-травникам, а другие — просто для удовольствия. Но это место принадлежит не Дважды-в-День — оно принадлежит всей общине.

— Ты хочешь сказать, весь Проект этим повязан? Тут все вудуисты и всякое такое… — Это было хуже самой страшной фантазии Марши.

— Нет, друг мой, — рассмеялся Бовуа. — Наверху, ближе к крыше — мусульмане, затем здесь живут несколько — а может, и все десять тысяч праведных баптистов, они разбросаны по всему Проекту. Есть последователи Церкви сайентологии… Обычный сброд. И все же, — он ухмыльнулся, — мы — единственные с традицией улаживания дел… Но история этого этажа уходит довольно далеко в прошлое. Проектировщики — а строительство "ульев" велось, может, восемьдесят, а то и все сто лет назад — планировали сделать "ульи" как можно более автономными. Заставить их выращивать пищу. Заставить их обогреваться, генерировать электроэнергию и так далее. Взять конкретно этот Проект: если пробурить достаточно глубокую скважину, то увидишь, что он стоит над резервуаром геотермальных вод. Там и вправду очень жарко, но недостаточно, чтобы запустить мотор, так что никакого тока не будет. Поэтому на крыше установили сотню ротационных ветровых ловушек Даррье — их тут еще называют яйцеварками. Сделали себе ветряные м!

ельницы, понимаешь? Правда, сегодня большую часть своих ватт Проект получает от Ядерной Комиссии, как и все прочие. Но эти геотермальные воды накачивают наверх, в теплообменник. Для питья вода слишком соленая, так что в обменнике она просто греет обычную воду из системы водоснабжения вашего Джерси. Впрочем, кое-кто полагает, что и эту воду тоже пить нельзя…

Наконец они вышли к какой-то стене. Бобби оглянулся назад.

В мелких озерцах на грязном бетонном полу отражались сучья и ветки карликовых деревьев. Голые бледные корни переплетались в импровизированных баках с гидропонной жидкостью.

— Потом вода поступает в цистерны с креветками, их там выращивают в промышленных объемах. В теплой воде креветки растут действительно быстро. Потом по трубам в бетоне воду качают сюда наверх, чтобы обогревать этот этаж. Вот для чего на самом деле этот уровень — чтобы выращивать гидропонный амарант, салат и тому подобное. Дальше вода снова уходит вниз, в резервуары с сомами, а дерьмо креветок доедают сине-зеленые водоросли. Сомы питаются водорослями — и все идет по новой. Или, во всяком случае, так было задумано. Готов поспорить, никому из проектировщиков и в голову не могло прийти, что кто-то решит забраться на крышу и скинуть роторы Даррье, чтобы освободить место для мусульман. И многие другие перемены они тоже не предусмотрели. Нынешние жители основательно переоборудовали "улей". Но на Проектах еще можно достать чертовски хороших креветок… Да и сома тоже…

Они достигли стены. Стена, целиком стеклянная, была сплошь усеяна бусинами сконденсировавшейся влаги. За стеклом, в нескольких сантиметрах, виднелась вторая стена — что-то вроде ржавого стального листа. Выудив откуда-то из блестящего балахона ключ, Бовуа вставил его в отверстие в голой стальной раме, разделявшей две створки окна. Неподалеку со стоном ожил мотор; широкий стальной ставень сложился, рывками уходя наверх, чтобы открыть панораму, которую так часто воображал себе Бобби.

Они были, наверное, почти у самой крыши, высоко-высоко на Проекте, потому что Большая Площадка казалась пятном, которое он мог бы накрыть ладонями. Кондо Барритауна выглядели отсюда как простирающийся до горизонта серо-белый заплесневелый ковер. Уже стемнело, и за последней волной кондо Бобби смог различить далекое розовое свечение.

— Там ведь Муравейник, правда? Этот розовый свет?

— Верно, но чем ближе к нему, тем он непригляднее. Тебе хотелось бы поехать туда, Бобби? Счет Ноль готов завоевать Муравейник?

— Господи, да… — Бобби прижал ладони к запотевшему стеклу. — Ты и понятия не имеешь…

Действие дерма закончилось, и грудь и спину начало жечь огнем.

14. НОЧНОЙ ПОЛЕТ

С наступлением ночи Тернер вновь ощутил в себе грань.

Казалось, слишком много времени прошло с тех пор, когда он в последний раз испытывал подобное ощущение. Но теперь он чувствовал себя так, словно грань никогда не оставляла его. Он будто стал сверхчеловеческой ячейкой в синхроцепи — ощущение, которое стимуляторы могут лишь имитировать. Такое возможно лишь на полигоне, когда все готово для извлечения по-настоящему крупной дичи и когда ты один в ответе за все — да и то лишь в самые последние часы перед рывком.

Но сколько времени с тех пор утекло! В Нью-Дели он только проверял возможные пути отступления для чиновника, который даже не был до конца уверен, хочет ли он перейти под другую крышу. Работай Тернер на грани той ночью в Чандни-Чаук, он, быть может, и смог бы увернуться от той "собаки". Скорее всего — нет, но грань приказала бы ему попытаться.

Теперь же грань позволила ему свести в единый рисунок все факторы, какие следовало учесть на данном полигоне, — как целые гроздья мелких проблем, так и крупные проблемы-одиночки. Мелких было до черта, но никаких по-настоящему серьезных обломов. Линч и Уэббер начинали потихоньку вцепляться друг другу в волосы, а поэтому он устроил так, чтобы держать их подальше друг от друга. Уверенность в том, что Линч — подсадка Конроя, инстинктивная с самого начала, теперь усилилась. Когда ты на грани, инстинкты обостряются, понемногу становишься телепатом. У Натана возникли проблемы со шведскими грелками для рук — все, что было проще компьютерной платы, сбивало мастера с толку. Тернер приставил к грелкам Линча — их требовалось зарядить топливом, а Натану приказал выносить грелки наружу по две за раз и неглубоко закапывать на расстоянии метра друг от друга вдоль двух длинных полос оранжевой ленты.

Присланный Конроем микрософт наполнял голову содержащейся в нем вселенной других постоянно меняющихся факторов: скорость воздушных течений, высота самолета в воздухе, угол атаки, ускорение и гравитация, направление. Несмолкаемой литанией всплывали из подсознания сведения о вооружении реактивника: приборы наведения, траектории падения бомб, радиусы и коды запуска, поисковые круги, счетчики боеприпасов. Конрой дописал к микрософту простое сообщение — время прибытия самолета и подтверждение установки дополнительной антигравитационной сетки для

пассажира.

Тернер задавался вопросом, что делает, что испытывает сейчас Митчелл. Предприятие "Маас Биолабс, Северная Америка" было встроено в изрезанное переходами плато, гигантский обрубок скальной породы, вздыбившийся над поверхностью пустыни. Досье биософта показало Тернеру фасад этого плато с его горящими вечерним светом окнами. Плато возвышалось над морем сагуарий как рубка гигантского корабля. Для Митчелла оно было и тюрьмой и крепостью — его домом на протяжении девяти последних лет. Где-то в сердцевине плато он совершенствовал гибридные технологии, уже более века не дававшиеся другим ученым. Работая с человеческими раковыми клетками и отвергнутой, почти забытой моделью синтеза ДНК, он создавал бессмертные гибридные клетки, ставшие для этой технологии базовыми средствами производства, крохотными биохимическими заводиками, бесконечно воспроизводящими искусственно сконструированные молекулы, которые потом собирали в цепи и встраивали в биочипы. Где-то там, в научном городке, Митчелл!

доживает сейчас свои последние часы в качестве самого знаменитого исследователя "Мааса".

Тернер пытался представить Митчелла, которому предстоит совершенно иная жизнь — его теперешняя кончится с переходом в "Хосаку", но оказалось, что это довольно непросто. Да и так ли уж отличается закрытый исследовательский центр в Аризоне от любого научного городка "Хосаки"?

В течение всего этого длинного дня в Тернере то и дело темной волной поднимались закодированные воспоминания Митчелла, наполняя его странным ужасом, который, казалось, не имел ничего общего с предстоящей операцией.

Тревожила узнаваемость, почти интимность образов, возможно, именно эта тревога и порождала страх. Некоторые фрагменты как будто обладали гораздо большей эмоциональной насыщенностью, чем можно было предположить по их содержанию. Почему воспоминание о пустынном холле какого-то обшарпанного общежития в Кембридже должно наполнять его виной и отвращением к самому себе? Другим же картинам, которым по логике вещей полагалось нести в себе некоторую степень чувства, странно не хватало эмоций. Вот Митчелл играет с грудной дочкой на четырехугольнике пушистого паласа в доме, который он снимал в Женеве. Ребенок смеется, тянет отца за палец. Ничего. Жизнь этого человека, с точки зрения Тернера, была отмечена именно отсутствием событий. Ученый был талантлив — это стало ясно довольно рано, честолюбив, наделен

способностью к расчетливым интригам и манипуляциям — подобный дар требуется любому, кто мечтает стать ведущим исследователем. Если кому-то и было суждено подняться по иерархической лестн!

ице корпорационной науки, то именно Митчеллу.

Сам Тернер оказался неспособен прижиться среди людей дзайбацу, в этом мире, разделенном на племена с их бесконечной борьбой за выживание. Он оставался вечным аутсайдером, непредсказуемым фактором, носимым по тайным морям межкорпорационной политики. Ни один служащий ни одной компании не был способен на ту инициативу, какая требовалась от Тернера в ходе извлечения. Откуда взяться у служащего, взращенного корпорацией, профессионально небрежному умению Тернера менять свою лояльность при смене работодателей. Или, может быть, его несгибаемому упорству с того момента, как согласованы условия контракта. Когда ему еще не исполнилось и двадцати, его занесло в охранную контору; это были времена, когда мрачная хандра в послевоенной экономике только-только уступала дорогу импульсам новых технологий. Он неплохо продвинулся в охране, учитывая отсутствие у него всяческих амбиций. Он обладал осанкой пластичного мускулистого зверя, которая производила впечатление на клиентов его работодателей,!

и он оказался сметлив и весьма расторопен. Умел носить одежду. Ладил с техникой.

Конрой разыскал его в Мексике, где работодатель Тернера заключил контракт на обеспечение безопасности для съемочной группы "Сенснета" — те записывали получасовые эпизоды бесконечного сериала о приключениях в джунглях. Когда появился Конрой, Тернер как раз заканчивал последние приготовления. Он разработал контакты и посадил связника между "Сенснетом" и местным правительством. Подкупил главного полицейского чина в городе, проанализировал систему безопасности гостиницы, познакомился с местными проводниками и водителями, перепроверил их биографии, установил цифровую голосовую защиту на передатчиках съемочной группы, подобрал команду на случай возникновения кризисной ситуации и разместил сейсмические сенсоры вокруг скопления коттеджей "Сенснета".

Он вошел в бар гостиницы — продолжение вестибюля, выглядевшего как сад или джунгли, — и нашел себе место за одним из стеклянных столиков. Бледный мужчина с копной белых, вытравленных волос пересек бар, держа по стакану в каждой руке. Одет он был в тщательно выглаженную армейскую

рубашку, выпущенную поверх джинсов, и кожаные сандалии. Мучнисто-белая кожа казалась туго натянутой на угловатый череп.

— Ты отвечаешь за безопасность этих детишек из симстима, — утвердительным тоном произнес бледный мужчина, ставя один из стаканов на стол перед Тернером. — Мне сказал Альфредо. Так звали одного из барменов гостиницы. Тернер поднял глаза на человека, который, судя по всему, был совершенно трезв и, казалось, олицетворял собой всю самоуверенность в мире.

— Кажется, мы не представлены, — сказал Тернер, не делая ни малейшего движения, чтобы принять предложенную выпивку.

— Неважно, — ответил Конрой, отодвигая стул. — Мы играем на одном поле. — Он сел.

Тернер посмотрел на него в упор. Тогда Тернер выглядел как настоящий телохранитель. В его осанке, в каждом движении жилистого тела читались беспокойство и настороженность, и очень немногие из незнакомых людей решились бы так небрежно вторгнуться на его территорию.

— Видишь ли, — сказал мужчина, — сейсмики, которые ты используешь, на самом деле ни хрена не стоят. — Он сказал это так, будто комментировал действия бейсбольной команды, не особо отличившейся в этом сезоне. — Я знаю людей, которые войдут внутрь, съедят твоих детишек на завтрак, потом засунут их кости в душ и насвистывая удалятся. А сейсмики скажут, что ничего не случилось. — Он отпил из стакана. — Хотя, конечно, в целом твои действия можно оценить на "отлично". Ты свое дело знаешь.

Выражения "засунут кости в душ" было вполне достаточно — Тернер решил убрать бледного.

— Смотри-ка, Тернер, а вот твоя примадонна, — и мужчина улыбнулся Джейн Хэмилтон.

Актриса ответила ему улыбкой, улыбнулась и широко раскрыла голубые глаза, такие ясные и совершенные. Каждый зрачок был окаймлен крохотными золотыми буковками логотипа "Цейс-Икон". Тернер замер, на долю секунды пойманный в западню нерешительности. Звезда была близко, слишком близко, а бледный человек вставал…

— Рад был познакомиться, Тернер, — сказал он. — Рано или поздно мы еще встретимся. Последуй моему совету, я о сейсмиках. Я бы подстраховал их периметром "кричалок".

Тут он повернулся и пошел прочь, под хрусткой тканью рыжевато-коричневой рубашки плавно перекатывались мускулы.

— Как мило, Тернер, — сказала Хэмилтон, устраиваясь на

стуле, где только что сидел незнакомец.

— Да? — Тернер не отрываясь смотрел, как незнакомец ныряет в толпу розовощеких туристов и исчезает в суете переполненного вестибюля.

— Я думала, что ты и не разговариваешь ни с кем. У тебя всегда такой вид, будто ты обыскиваешь собеседника, заполняя на него рапорт. Приятно видеть, как ради разнообразия ты заводишь друзей.

Тернер перевел взгляд на актрису. Хэмилтон было двадцать, на четыре года меньше, чем ему, и в неделю она зарабатывала, грубо говоря, в девять раз больше его годового оклада. Загорелая блондинка с коротко подстриженными, как требовалось по сценарию, волосами. Девушка выглядела так, будто изнутри ее освещали лампы дневного света. Голубые глаза были нечеловечески совершенными оптическими приборами, выращенными в автоклавах в Японии. Она была одновременно и актрисой, и камерой, глаза ее стоили несколько миллионов новых иен, а в иерархии звезд "Сенснета" ее рейтинг был почти что никаким.

Он посидел с ней, пока она не прикончила оба коктейля, потом проводил назад к коттеджам.

— Тебе не хочется зайти выпить еще, а, Тернер?

— Нет, — ответил он.

Это был уже второй вечер, когда она делала подобное предложение, и, насколько он догадывался, последний.

— Мне нужно проверить сейсмики.

Той же ночью он позвонил в Нью-Йорк, чтобы получить телефон фирмы в Мехико, которая могла бы поставить ему "кричалки".

Но неделю спустя Джейн и трое других — половина актерского состава сериала — были мертвы.

— Мы готовы перекатить врачей, — сказала Уэббер.

Тернер заметил, что у нее на руках коричневые кожаные перчатки с обрезанными пальцами. Она сменила солнечные очки на прозрачные линзы для ночной охоты, а на бедре у нее висел пистолет.

— Сатклифф наблюдает за периметром через камеры. Нам понадобятся все остальные, чтобы протащить эту срань через кусты.

— Я нужен?

— Рамирес говорит, что не может напрягаться за какой-то час до включения. Если хочешь знать мое мнение, он просто маленький ленивый засранец из Лос-Анджелеса.

— Нет, — отозвался Тернер, вставая со своего насеста на

каменной ограде, — он прав. Если он перенапряжет кисть, нам крышка. Любая мелочь, какую он не сможет почувствовать, способна сказаться на его скорости…

Уэббер пожала плечами.

— Ладно. Значит, он в бункере. Раз он полощет руки в последней нашей воде и напевает себе под нос, то мы выкрутимся.

Когда они дошли до бокса, Тернер автоматически пересчитал головы. Семь. Рамирес — в бункере;

Сатклифф — где-то в лабиринте выгоревшего квартала, следит за экранами дозорных видеокамер. У Линча за правым плечом висит лазер "стайнер-оптик". Компактная модель с разборной стальной треногой, встроенные батареи образуют толстую рукоять под серым титановым корпусом, который одновременно служит стволом. Натан одет в черный комбинезон и черные же десантные ботинки с налетом светлой пыли. Под подбородком на головной повязке болтаются защитные очки с выпуклыми, будто муравьиные глаза, линзами оптического устройства. Сняв свои мексиканские солнечные очки, Тернер убрал их в нагрудный карман синей спецовки и застегнул клапан.

— Как дела, Тедди? — спросил он двухметрового верзилу с коротко стриженными русыми волосами.

— Ништяк, — улыбнулся тот всеми своими зубами.

Тернер оглядел остальных членов команды полигона, кивая по очереди каждому: Комптон, Коста, Дэвис.

— Что, беремся за дело, а? — спросил Коста. У него было круглое влажное лицо с редкой, тщательно подстриженной бородкой. Как Натан и все остальные, он тоже был в черном.

— Через пару минут, — отозвался Тернер. — Пока все гладко. Коста кивнул.

— У нас приблизительно полчаса до прибытия, — сказал Тернер.

— Натан, Дэвис, — приказала Уэббер, — отсоедините сливной шланг.

Она протянула Тернеру один из наборов клипсовых передатчиков, который уже успела вынуть из пузырчатой упаковки. Потом сама сорвала пластиковую заглушку с самоклеющегося горлового микрофона и разгладила его на сожженной солнцем шее.

Натан и Дэвис копошились в тени позади фургона. Тернер услышал, как Дэвис тихонько чертыхнулся.

— Вот черт, — бросил Натан, — нет крышки для раструба шланга. Остальные засмеялись.

— Оставь как есть, — бросила Уэббер, — беритесь за колеса.

Линч и Комптон, оттяните приводы.

Вытащив из-за пояса электромотор в форме пистолета, Линч полез под фургон. Фургон закачался, тихонько скрипнула подвеска; внутри ходили врачи. До Тернера донесся короткий высокий вой какого-то прибора, а потом дребезжание мотора. Линч готовил приводы.

Он нацепил клипсу и прижал горловой передатчик возле гортани.

— Сатклифф! Проверка!

— Нормально, — сказал австралиец. Казалось, что слабый голос исходит из основания черепа Тернера.

— Рамирес?

— Громко и чисто…

Восемь минут. Они выкатывали трейлер на его десяти толстых шинах. Тернер и Натан взялись за переднюю пару, тянули, направляя бокс в нужную сторону. Натан надвинул на глаза защитные очки. Митчеллу предстояло бежать под покровом ночи. Бокс был тяжелым, абсурдно тяжелым — казалось, его просто невозможно сдвинуть с места.

— Будто катишь бревно на паре продуктовых тележек, — пробормотал себе под нос Натан.

У Тернера болела поясница. С самого Нью-Дели с ней что-то было не в порядке.

— Всем стоп, — скомандовала Уэббер от третьего колеса слева. — У меня колесо застряло на каком-то долбаном камне…

Отпустив свое колесо, Тернер выпрямился. И откуда сегодня ночью столько летучих мышей? Трепещущие черточки в чаше звездного неба пустыни. В Мексике их тоже было полно. В джунглях это были фруктовые мыши, которые спали в кронах деревьев, нависавших над палаточным городком, где ночевала съемочная группа "Сенснета". Тернер облазил деревья, опутывая нависающие сучья мономолекулярной нитью, — любого незваного гостя ждали метры невидимого лезвия. Но Джейн и другие погибли все равно — во время взрыва на пологом горном склоне недалеко от Акапулько. Неприятности с профсоюзами, как сказал кто-то потом, но на деле так ничего и не выяснили, кроме самого факта примитивного заряда в керамической оболочке, места, где он был установлен, и точки, откуда был взорван. Тернер сам лазил на склон, даже не сняв окровавленной одежды, и видел гнездо в поломанном кустарнике, где ждали убийцы, взрывную машинку и автомобильный аккумулятор в ржавом корпусе. Он даже нашел бычки самокруток и крышку от бутыл!

ки чешского пива — новую и яркую.

Сериал пришлось прикрыть, команда по устранению

кризисных ситуаций безупречно сделала свое дело, организовав перевозку тел и эвакуацию выживших членов актерского состава и съемочной группы. Тернер улетал последним самолетом. После восьми "скетчей" в баре аэропорта Акапулько он слепо выбрел в центральный регистрационный зал и столкнулся там с человеком по имени Бушел, старшим техом из лос-анджелесского комплекса "Сенснета". Несмотря на лос-анджелесский загар, Бушел был смертельно бледен. Его индийский льняной костюм пошел пятнами от пота. В руке администратор держал алюминиевый кейс, похожий на футляр кинокамеры, стенки кейса были тусклыми от сконденсировавшейся влаги. Тернер глядел на человека, глядел на потеющий кейс с красными и белыми предупредительными надписями и длинными наклейками, поясняющими, какие меры предосторожности требуются при транспортировке материалов в криогенном хранилище.

— Господи, Тернер, — выдавил, завидев его, Бушел. — Слушай, парень, мне очень жаль. Приехал только сегодня утром. Кошмарная история. — Он вытащил из кармана пиджака сырой носовой платок и вытер лицо. — Кошмарная работа. Мне никогда не приходилось делать такого раньше…

— Что в этом чемодане, Бушел? — Теперь Тернер был гораздо ближе, хотя и не помнил, как шагнул вперед. Он мог разглядеть поры на загорелом лице.

— С тобой все в порядке, приятель? — Бушел отступил на шаг назад. — Ты как-то скверно выглядишь.

— Что в этом чемодане, Бушел? — Льняной лацкан смят в кулаке, костяшки побелели от напряжения.

— Черт побери, Тернер! — Человечек вырвался на свободу, сжимая ручку чемодана уже обеими руками. — Они же не были повреждены. Только какая-то мелкая потертость на одной из роговиц. Глаза принадлежат " Сенснету". Это один из пунктов ее контракта.

И Тернер отвернулся, его желудок завязался узлом вокруг восьми неразбавленных " скотчей", а он все пытался побороть тошноту. И продолжал бороться с ней, держал ее под контролем в течение девяти лет, пока — на полпути от голландца — все эти воспоминания не вернулись, не обрушились на него в Лондоне, в Хитроу, и он скрючился, даже не замедляя шага, посреди очередного коридора — и сблевал в синюю пластмассовую урну.

— Давай же, Тернер, — подстегнула его Уэббер, — подтолкни. Покажи нам, как это делается.

Трейлер снова пополз вперед сквозь деготный запах пустынных растений.

— Мы готовы, — прозвучал отдаленный и спокойный голос

Рамиреса.

Тернер коснулся горлового микрофона:

— Посылаю тебе кой-кого для компании. — он убрал палец с микрофона. — Натан, пора. Вы с Дэвисом — назад в бункер.

Дэвис отвечал за радиооборудование, их единственную вне матрицы связь с " Хосакой". Натан играл роль мастера на все руки. Линч откатывал последнее мотоциклетное колесо в кустарник за автостоянкой. Уэббер и Комптон, стоя на коленях возле бокса, подсоединяли кабель, который свяжет хирургов " Хосаки" с биомонитором " Сони" в командном пункте. С убранными колесами, опущенный и установленный на четырех распорках, хирургический бокс опять напомнил Тернеру французский прогулочный модуль. Путешествовать он отправился гораздо позже, года через четыре после того, как Конрой рекрутировал его в Лос-Анджелесе.

— Как дела? — спросил Сатклифф по связи.

— Прекрасно, — отозвался Тернер, касаясь микрофона.

— Тут скучновато, — сказал Сатклифф.

— Комптон, — окликнул Тернер, — Сатклиффу нужна твоя помощь следить за периметром. И твоя тоже, Линч.

— Вот так всегда, — донесся из темноты голос Линча, — только я настроился посмотреть спектакль…

Рука Тернера легла на рукоять "смит-и-вессона" под отогнутой полой парки.

— Пошевеливайся, Линч.

Если Линч — подсадка Конни, он пожелает остаться здесь. Или в бункере.

— А пошел ты! — взвился Линч. — Никого там нет, и ты это знаешь. Если не хочешь видеть меня здесь, пойду внутрь — присмотрю за Рамиресом…

— Хорошо, — сказал Тернер и, вытащив пистолет, вдавил клавишу, которая активировала ксенон-проектор.

Первая вспышка полуденно-яркого ксенонового луча выхватила из темноты искривленную сагуарию — серым мехом ощетинились в безжалостном свете колючки. Вторая — нашла шипастый череп на пряжке ремня, поймала его в пятно резкого света. Выстрел и взрыв пули, разорвавшейся от удара, слились в один звук, ударная волна покатилась как гром — невидимыми, расширяющимися кругами над темной плоской землей.

В первые несколько секунд после взрыва не было слышно ни единого звука, даже летучие мыши и жучки смолкли, выжидая. Уэббер упала в кусты, и почему-то Тернер чувствовал, что она здесь, знал, что пистолет уже у нее в руках — в этих умелых коричневых руках, нацелен ровно, не дрожит и в любую секунду

готов выплюнуть смерть. Он понятия не имел, где сейчас Комптон. Тут в клипсе передатчика, процарапавшись сквозь черепную кость, раздался голос Сатклиффа:

— Тернер, что это было?

Света звезд было теперь достаточно, чтобы различить силуэт Уэббер. Женщина скорчилась за камнем, дуло пистолета смотрит ему в лицо, локти уперты в колени.

— Он был подсадкой Конроя, — сказал Тернер, опуская "смит-и-вессон".

— Боже милосердный, — выдохнула она. — Я, я подсадка Конроя.

— У него была внешняя связь. Я такое уже видел.

Пришлось повторить ей это дважды. В голове — голос Сатклиффа, затем — Рамиреса:

— Мы засекли ваш транспорт. Восемьдесят единиц, приближается… В остальном, похоже, все чисто. В двадцати единицах на юго-юго-восток — малый дирижабль. Джейлин говорит, это беспилотный грузовик, идет точно по расписанию. Больше ничего. Чего это Сат орет, будто его насилуют? Натан говорит, он слышал выстрел. — Рамирес был подключен к матрице и большая часть его сенсориума была занята информацией, поступающей с деки "Маас-Неотек". — Натан готов слить первый пакет….

Тернер и сам теперь слышал, как снижается реактивный самолет, заходя на посадку на шоссе. Уэббер, выпрямившись во весь рост, шла к нему с пушкой в руке. Сатклифф раз за разом задавал все тот же вопрос. Тернер поднял руку, чтобы коснуться горлового микрофона:

— Это был Линч. Он мертв. Самолет прибыл. Вот он.

И тут реактивник оказался прямо над ними. Черная тень. Невероятно низко. С погашенными огнями. Тормозит — вспышки из сопел; пилота-человека при такой посадке убило бы перегрузкой. Потом — жуткий скрип: телескопическая посадочная рама из углеродного волокна гасит удар о землю. Тернер смог различить зеленоватый отсвет приборной доски в пластиковой кривизне кабины.

— Вот же мать твою, — сказала Уэббер. В стенке хирургического бокса за ее спиной распахнулся люк, в проеме обрисовалась фигура в маске и защитном костюме из жесткой зеленой ткани. Отбросив в тонкое облачко пыли, зависшее над местом посадки самолета, перекошенную тень врача, из трейлера хлынул поток сине-белого, очень резкого света.

— Закрой! — крикнула Уэббер. — Рано! Когда дверь, обрезав на пороге свет, захлопнулась, они оба услышали мотор авиетки.

После рева реактивника звук показался гудением стрекозы. Но вот гудение начало затихать, а потом и вовсе исчезло.

— У него кончилось топливо, — проговорила Уэббер. — Но он близко.

Над ними прошелестел крохотный дельтаплан, черный треугольник, на миг затмивший звезды. Ни звука больше — лишь что-то бьется на ветру. Должно быть, одна из штанин Митчелла. Вот ты и здесь, над нами, подумал Тернер, совсем один, в самой теплой одежде, какая только у тебя была, в инфракрасных очках, которые ты сам же и смастерил, и теперь ты ищешь пару пунктирных линий, обозначенных дурацкими грелками для рук…

— Ты сумасшедший засранец, — пробормотал он, чувствуя, как его переполняет странное восхищение. — Ты и в самом деле очень хотел удрать.

Затем с негромким праздничным хлопком взлетела вдруг откуда-то осветительная ракета; магниевый огонь под белым парашютиком начал медленно опускаться в пустыню. Почти сразу же полыхнули еще две, а с запада донесся треск длинной очереди из автоматического оружия. Боковым зрением Тернер заметил, что Уэббер, спотыкаясь, бежит через кусты к бункеру, однако взгляд его был прикован к описывающей круги авиетке — к веселеньким оранжево-голубым матерчатым крыльям, к фигуре, скорчившейся на сиденье среди растяжек над хрупким треножником шасси. Лицо человека скрывало оптическое устройство.

Митчелл.

Плывущие в поднебесье огни заливали стоянку ярким светом — как футбольное поле. Авиетка заходила на посадку — в грациозном и таком ленивом развороте, что Тернеру хотелось закричать. Где-то за периметром полигона белой аркой повисла в воздухе линия трассеров. Мимо.

Приземляйся. Приземляйся. Тернер бежал, перепрыгивая через кочки, через какие-то кусты, которые цеплялись за брюки, за полы расстегнутой парки.

Осветительные ракеты. Зарево. Свет. Митчелл теперь не может воспользоваться инфракрасными очками, он не видит теплового излучения грелок. Просто ведет самолетик по ширине полосы. Носовое колесо за что-то зацепилось. Авиетка рухнула на нос как смятая, порванная бабочка и наконец застыла посреди поднятого ею облака белой пыли.

Вспышка взрыва, казалось, достигла Тернера за мгновение до звука, отбросив в бледный кустарник перед ним его собственную тень. Взрывная волна подхватила его и повалила на землю — откатившись в сторону, он увидел желтый огненный шар на месте

расколотого надвое хирургического бокса и понял, что Уэббер выпустила-таки свою противотанковую ракету. Потом он вновь оказался на ногах, вновь побежал, сжимая в руке пистолет.

Он достиг обломков авиетки Митчелла как раз в тот момент, когда погасла первая ракета. Но сразу же, словно из ниоткуда, взлетела еще одна и распустилась над головой. Звук стрельбы стал теперь непрерывным. Перепрыгнув через смятый лист ржавой жести, Тернер обнаружил скорчившегося на земле пилота; голова его и лицо были скрыты под самодельным шлемом, из которого выступали уродливые линзы. Оптический прибор был примотан к шлему тускло серебрившейся лентой. Свернувшееся в клубок тело было укутано в несколько слоев темной одежды. Словно со стороны Тернер увидел, как его руки вцепляются в ленту, срывая инфракрасные очки. Руки превратились в два самостоятельных существа, два бледных подводных создания, живущих своей жизнью на дне какой-нибудь глубоководной тихоокеанской впадины. Ему оставалось лишь смотреть, как они отчаянно срывают ленту, шлем, очки. А когда все это улетело, отброшенное, прочь, — то на белое девичье лицо под волной длинных, липких от пота каштановых волос, которые,!

выплеснувшись из-под шлема, смазали темную струйку крови, бегущую из носа. Глаза девушки открылись, показав пустые белки, и тогда Тернер профессиональной хваткой пожарника подхватил ее на руки и метну лея, надеясь, что бежит правильно, в сторону реактивного самолета.

Второй взрыв он почувствовал через подошвы пляжных туфель и будто наяву увидел перед собой идиотскую улыбку пластиковой взрывчатки, восседавшей на киберпространственной деке Рамиреса. Вспышки не последовало — только звук и отдача взрывной волны по всему бетону автостоянки.

А потом он очутился в кабине, в которой, как в новеньком автомобиле, пахло длинными мономерными цепочками — привычный уже аромат технологии новой чеканки. Позади него — девушка, безвольная кукла, запеленутая в кокон антигравитационной сетки. Конрою пришлось заплатить дополнительные бабки торговцу оружием в Сан-Диего, чтобы тот установил эту сетку позади сетки пилота. Самолет дрогнул, оживая, когда Тернер заворочался, устраиваясь поудобнее в своей сетке. Он пошарил в поисках кабеля, нашел его, вырвал из разъема микрософт и воткнул на его место коннектор интерфейса.

Знание засветилось в нем как заставка компьютерной игры, и Тернер подался вперед, ощущая себя самолетом, да и, по сути, став им — чувствуя, как перестраивается под ним в стартовую

позицию его гибкая посадочная рама, как мягко гудят его сервоприводы, закрывая фонарь кабины. Антигравитационная сетка вздулась вокруг него, жестко фиксируя конечности — в правой руке все еще был зажат пистолет.

— Вперед, мать твою!

Но самолет и так все понял. На Тернера навалилось ускорение, и он погрузился во тьму.

— Вы были без сознания, — сказал самолет. Смоделированный чипом голос смутно напоминал голос Конроя.

— И сколько же?

— Тридцать восемь секунд.

— Где мы?

— Над Нагосом.

Зажегся верхний дисплей, высветив дюжину постоянно изменяющихся фигур, а поверх них — упрощенную карту района "Аризона-Сонора".

Небо побелело.

— Что это?

Молчание.

— Что это?

— Сенсоры определяют взрыв, — сказал самолет. — Мощность как у тактической ядерной боеголовки, но электромагнитное излучение отсутствует. Эпицентром разрушения является точка нашего взлета.

Белое сияние поблекло и исчезло.

— Отменить курс, — приказал Тернер.

— Курс отменен. Прошу дать новые координаты.

— Хороший вопрос, — протянул Тернер. Он не мог повернуть голову, чтобы взглянуть на девушку у себя за спиной. Как она там, жива ли?

15. ШКАТУЛКА

Марли снился Ален… сумерки над поляной полевых цветов. Он баюкал ее голову на сгибе локтя, потом нежно погладил по волосам и сломал ей шею. Лежа неподвижно в траве, она прекрасно сознавала, что он делает. Он целовал ей лицо и плечи. Он забрал у нее деньги и ключи от комнаты. Звезды стали огромными, будто приклеенными над сочной яркостью полей, а она все чувствовала его руки у себя на шее…

И проснулась. Утренний аромат кофе, квадраты солнечного света, разбросанные по книгам на столе Анд реа, успокаивающе знакомый утренний кашель подруги — это Андреа прикуривает от конфорки свою первую утреннюю сигарету. Стряхнув с себя темные краски сна, Марли села на кушетке в гостиной подруги, обхватив руками колени поверх темно-красного стеганого одеяла. После Гнасса, после полиции и репортеров, ей никогда не снился Ален. Или если и снился, догадалась она, она подсознательно подвергала эти сны цензуре, стирала их, прежде чем проснуться. Она поежилась, хотя утро было теплое, а затем отправилась в ванную. Вот уж чего она не хотела бы — того, чтобы ей еще когда-нибудь приснился Ален.

— Пако сказал, что Ален пришел на нашу встречу с оружием, — сказала она, когда Андреа протянула ей голубую эмалированную кружку с кофе.

— Ален был вооружен? — Разрезав омлет, Андреа сдвинула половину на тарелку Марли. — Что за дурацкая мысль. Это все равно как… как вооружить пингвина. — Подруги рассмеялись. — Ален не из таких, — сказала Андреа. — Он отстрелил бы себе ногу посреди какой-нибудь страстной тирады о ситуации в искусстве или о сумме ресторанного счета. Он, конечно, тот еще мерзавец, этот твой Ален, но это ни для кого не новость. На твоем месте я больше бы беспокоилась из-за этого Пако. Какие у тебя основания верить ему на слово, что он работает на Вирека? — Она проглотила кусочек омлета и потянулась за солью.

— Я его видела. Он там был, в конструкте Вирека.

— Ты видела картинку — просто изображение, изображение ребенка, который был слегка похож на этого парня.

Марли смотрела, как Андреа ест, оставив свой завтрак остывать на тарелке. Как описать чувство, охватившее ее, когда она уходила от Лувра? Эту уверенность в том, что теперь ее окружает нечто, что с расслабленной точностью отслеживает каждое ее движение, что она стала центром внимания со стороны по крайней мере одной из частей вирековской империи?

— Он очень богатый человек, — начала она.

— Вирек? — Положив нож и вилку на тарелку, Андреа принялась за кофе. — Я бы сказала, да. Если верить журналистам, как индивидуум он один такой богатый. Точка. Богат, как какое-нибудь дзайбацу. Но индивидуум ли он — вот в чем загвоздка. В том же смысле, что ты или я? Ответом будет: "нет". Ты разве не собираешься есть?

Марли начала механически отрезать и подносить ко рту куски омлета, а Андреа продолжала:

— Тебе стоит просмотреть рукопись, над которой мы работаем в этом месяце.

Не переставая жевать, Марли вопросительно подняла брови.

— Это история промышленных кланов с высокой орбиты. Монография какого-то профессора из университета Ниццы. Если вдуматься, там есть даже этот твой Вирек. Он приводится в качестве противопоставления, или, скорее, варианта параллельной эволюции. Этот книжный червь из Ниццы занимается парадоксом личных финансовых состояний в эпоху корпораций, пытается разобраться, почему они вообще до сих пор еще существуют. Я имею в виду огромные состояния, сосредоточенные в руках отдельных личностей. Он рассматривает кланы с высокой орбиты, людей вроде Тессье-Эшпулов, как самый распоследний вариант традиционной модели аристократии. Собственно говоря, это анахронизм — поскольку корпорация как вид не допускает возникновения элиты. — Поставив чашку на тарелку, Андреа отнесла посуду в раковину. — Правда, уже начав рассказывать, сама понимаю, что не так уж это и интересно. Целые страницы весьма серой прозы о природе "Массового Человека". Именно так, с большой буквы. Этот профессор обожает заглавные!

буквы. Стилист еще тот. — Она нажала рычажок, и в фильтрационном блоке зашипела вода.

— А что он говорит о Вирeке?

— Он пишет, если я правильно помню, а я в этом совсем не уверена, что Вирек даже еще большее отклонение, чем эти промышленные кланы с орбиты. Клан обычно охватывает несколько поколений, причем, как правило, там все замешано на медицине: криогеника, генетические манипуляции, различные методы борьбы со старением. Смерть одного члена клана, пусть даже его основателя, обычно не ведет к кризису всего клана как экономической единицы. Всегда находится кто-нибудь, кто готов занять его место, всегда кто-то ждет своей очереди. Различие между кланом и корпорацией заключается, однако, в том, что за корпорацию не нужно выходить замуж в буквальном смысле этого

слова.

— Но ведь служащие подписывают пожизненный контракт…

Андреа пожала плечами.

— Это скорее договор о найме, что не одно и то же. На самом деле речь идет о гарантии трудоустройства. Но когда умрет твой герр Вирек, когда медтехи не найдут, куда еще расширить его резервуар или что там у него, его деловые интересы лишатся логического стержня. Согласно теории нашего профессора из Ниццы, на этой стадии "Вирек и Компания" или распадется на части, или мутирует. В последнем случае она превратится в "Компанию Такую-то", настоящую транснациональную корпорацию, еще одно прибежище для Массового Человека с большой буквы. — Она вымыла тарелку, сполоснула, вытерла ее и поставила в сосновую стойку возле раковины. — Профессор полагает, что это очень скверно, поскольку слишком мало осталось тех, кто способен хотя бы увидеть край.

— Край чего?

— Край толпы. Мы затеряны в серединке, ты и я. Вернее, это я там — во всяком случае, пока. — Она пересекла кухню и положила руки на плечи Марли. — Ты побереги себя. В чем-то ты уже намного счастливее, но теперь я понимаю, что я и сама могла бы этого добиться, просто устроив тебе небольшой ланч с этой свиньей, твоим бывшим любовником. В остальном же я не совсем уверена… На мой взгляд, всю красивую теорию нашего академика перечеркивает тот очевидный факт, что Вирек и ему подобные уже далеко не люди. Я хочу, чтобы ты была осторожней…

На этом, поцеловав Марли в щеку, Андреа убежала на работу — в кабинет заместителя редактора своего модно архаичного книжного издательства.

Все утро Марли провела в квартире Андреа с проектором "Браун", изучая голограммы семи работ. Каждая из них была по-своему необычна, но Марли все время возвращалась к той шкатулке, которую Вирек показал ей первой. Что останется, думала она, если, имея оригинал, убрать стекло и один за другим вынуть разложенные внутри предметы? Бесполезный хлам, обрамленное пространство, быть может, запах пыли.

Лежа на кушетке — "Браун" покоился у нее на животе, — Марли в который раз стала всматриваться в шкатулку. Та будто излучала волны боли или какого-то мучительного томления. Марли почудилось, что конструкция с идеальной точностью пробуждает в ней нечто совершенно определенное, но для этой эмоции не находилось названия. Марли запустила руку внутрь яркой иллюзии, провела пальцами как бы вдоль полой птичьей кости. Она была уверена, что Вирек уже посадил орнитологов

определить, из крыла какой именно птицы попала сюда эта косточка. И вполне возможно — с доскональной точностью определить возраст каждого предмета. К каждому квадратику голофиши прилагался подробный отчет о происхождении каждого предмета в отдельности, но что-то заставляло ее намеренно избегать подобной информации. Сталкиваясь с тайной, именуемой искусством, иногда лучше всего подходить к ней как ребенок. Ребенок замечает то, что натренированному взгляду представляется само собой разумеющимся, слишком очевидным.

Поставив "Браун" на низкий столик возле кушетки, Марли подошла к телефону, чтобы узнать, который час. В час дня ей предстояло встретиться с Пако и обсудить, как именно будут переданы Алену деньги. Ален сказал, что он сам позвонит в три на квартиру Андреа. Пока она набирала номер службы времени, по экрану автоматически бежали сообщения спутниковой сводки новостей: над Индийским океаном при вхождении в атмосферу рассыпался шаттл компании "Джей-Эй-Эль"; из "Столичной Оси Бостон-Атланта" вызваны специальные следователи для осмотра места жестокой и, судя по всему, бессмысленной бомбардировки неряшливого спального пригорода в Нью-Джерси; военизированные отряды добровольцев надзирают за эвакуацией южного сектора Нового Бонна, последовавшей за обнаружением строительными рабочими двух неразорвавшихся ракет, оставшихся со времен войны, предположительно с биологическими боеголовками; официальные источники в Аризоне отвергают обвинение Мексики во взрыве атомного или термоядерного устройст!

ва малой мощности близ границы с Сонорой… Пока она смотрела, сводка пошла по второму кругу, и изображение шаттла вновь устремилось к своей огненной смерти. Покачав головой, Марли нажала кнопку. Полдень.

Лето пришло. Небо над Парижем — жаркое и синее, и она улыбалась запаху свежего хлеба и черного табака. Пока она шла от метро по данному Пако адресу, ощущение, что за ней наблюдают, несколько ослабло. Предместье Сан-Оноре. Адрес казался смутно знакомым. Галерея, подумала она.

Действительно, галерея. "Роберте". Принадлежала она американцу, который содержал одновременно еще и три галереи в Нью-Йорке. Дорого, но не последний шик. Пако ждал возле невероятных размеров витрины, в которой под толстым и неровным слоем лака раскинулись сотни маленьких квадратных фотографий. Такие выплевывает на вокзалах и конечных станциях автобусов только один тип очень старомодных автоматов.

Похоже, все это были снимки молодых девушек. Марли автоматически обратила внимание на имя художника и название работы: "Прочти нам "Книгу имен мертвых"".

— Полагаю, вы разбираетесь в таких вещах, — угрюмо приветствовал ее испанец.

На нем был дорогой с виду синий костюм в парижском деловом стиле, белая в шелковистый рубчик рубашка и очень английский галстук, вероятно от "Шарве". Сейчас никто не принял бы его за официанта. Через плечо у Пако висела итальянская сумка из черного ребристого каучука.

— Что вы имеете в виду? — спросила она.

— Имена мертвых, — кивнул он в сторону витрины. — Вы же выставляли подобные работы.

— И что же вы не понимаете?

— У меня иногда возникает такое чувство, будто все это, вся эта культура — чистейшей воды надувательство. Уловка. В том или ином обличий я всю мою жизнь служил сеньору, понимаете? И в моей работе, как и во всякой другой, есть свои радости, свои моменты триумфа. Но ни разу с тех пор, как сеньор подключил меня к этому делу по современному искусству, я не испытывал ни малейшего удовлетворения. Сеньор — воплощенное богатство. Мир полон объектов величайшей красоты. И тем не менее он гоняется за… — Пако пожал плечами.

— Значит, вы знаете, что вам нравится, — улыбнулась в ответ Марли. — Почему вы выбрали для нашей встречи именно эту галерею?

— Здесь агент сеньора приобрел одну из шкатулок. Разве вы не читали предоставленные вам в Брюсселе досье?

— Нет, это может спутать мне карты. Герр Вирек платит мне за интуицию.

В ответ испанец только поднял брови.

— Я познакомлю вас с Пикаром, это управляющий галереей. Возможно, он чем-то сможет помочь этой вашей интуиции.

Он провел ее через комнату, потом открыл какую-то дверь. Седеющий коренастый француз в помятом вельветовом костюме говорил в трубку радиотелефона. По экрану бежали колонки букв и цифр. Дневные котировки нью-йоркского рынка.

— А, это вы, Эстевес, — извиняясь, улыбнулся француз. — Прошу прощения. Одну минутку.

И Пикар вернулся к своему разговору. Пока он говорил, Марли изучала котировки. Поллок снова упал. Это была как раз та сторона арт-бизнеса, в которой Марли разбиралась хуже всего. Пикар, если так звали этого человека, говорил с брокером в Нью-Йорке, обговаривая приобретение некоторого числа "пунктов"

работы определенного художника. "Пункты" определяются самыми различными способами в зависимости от того, какие средства использует художник. Впрочем, с почти полной уверенностью можно было утверждать, что сам Пикар никогда не увидит приобретаемых работ. Если художник имеет достаточно высокий рейтинг, оригиналы, скорее всего, надежно спрятаны в каком-нибудь сейфе, где их вообще никто не видит. Дни или годы спустя Пикар, возможно, наберет тот же самый телефонный номер и прикажет брокеру продавать.

Галерея Марли продавала оригиналы. Это приносило сравнительно немного денег, но таило в себе некую внутреннюю привлекательность. И, естественно, всегда оставался шанс, что тебе повезет. Она, помнится, убедила себя, что ей действительно очень повезло, когда Ален устроил так, чтобы как случайная и удивительная находка всплыл поддельный Корнелл. Корнелл высоко котировался на табло брокеров, и его "пункты" стоили очень дорого.

— Пикар, — будто обращаясь к слуге, Пако вмешался в телефонный разговор, — познакомьтесь, это Марли Крушкова. Сеньор подключил ее к делу анонимных шкатулок. Ей, возможно, захочется задать вам несколько вопросов.

— Очарован, — сказал Пикар и тепло улыбнулся, но Марли показалось, что она уловила в карих глазах галерейщика какой-то проблеск: скорее всего, он пытался связать имя с каким-то скандалом, причем сравнительно недавним.

— Насколько я понимаю, именно в вашей галерее была оформлена эта сделка?

— Да, — подтвердил Пикар. — Мы выставили работу в нашем нью-йоркском зале, и она вызвала ряд предложений. Однако мы решили дать ей шанс также и в Париже… — он весь светился от радости, — и ваш работодатель сделал это наше решение весьма прибыльным. Как поживает герр Вирек, Эстевес? Мы не видели его уже несколько недель…

Марли украдкой бросила взгляд на Пако, но смуглое лицо испанца осталось совершенно невозмутимым.

— Я бы сказал, сеньор прекрасно себя чувствует, — ответил он.

— Великолепно, — сказал Пикар с чуть излишним энтузиазмом. Он повернулся к Марли: — Чудесный человек. Легенда. Великий меценат. Великий ученый.

Марли показалось, что она услышала, как Пако вздохнул.

— Не могли бы вы мне сказать, где именно ваше нью-йоркское отделение приобрело данную работу?

Лицо Пикара вытянулось. Он взглянул на Пако, потом снова

на Марли.

— Вы не знаете? Вам не рассказали?

— Не могли бы вы сказать мне это?

— Нет, — сказал Пикар. — Очень жаль, но не могу. Видите ли, мы не знаем.

Марли уставилась на него в полном недоумении.

— Прошу прощения, но я не совсем понимаю, как такое возможно…

— Она не читала отчетов, Пикар. Расскажите ей все. Услышать историю из первых уст… ну, возможно, это поможет ее интуиции.

Пикар бросил на Пако странный взгляд, потом взял себя в руки.

— Конечно, — сказал он, — с удовольствием…

— Вы думаете, это правда? — спросила она Пако, когда они вышли на залитую солнцем улицу. В толпе тут и там мелькали японские туристы.

— Я сам ездил в Муравейник, — ответил Пако, — и опросил всех, кто имел хоть какое-то отношение к этому делу. Роберте не оставил никаких записей о покупке, хотя обычно он скрытничает не больше, чем любой арт-дилер.

— И его смерть была случайной?

Испанец надел зеркальные очки "порше".

— Столь же случайной, какой бывает любая подобная смерть, — ответил он. — У нас нет никакой возможности узнать, как или где он приобрел шкатулку. Мы обнаружили ее здесь восемь месяцев назад, и все наши попытки проследить ее путь оканчивались на Робертсе, а тот уже год как мертв. Пикар выпустил из своего рассказа то, что мы едва не потеряли шкатулку. Роберте хранил ее в своем загородном доме вместе с целым рядом прочих предметов, которые его наследники сочли просто набором курьезов. Весь лот едва не продали на публичном аукционе. Иногда мне хочется, чтобы так и произошло.

— А остальные предметы, — спросила Марли, примеряясь к его шагу, — что представляют собой они?

Он улыбнулся.

— Вы думаете, мы их не отследили, каждый в отдельности? Отследили, проверили. Они, — тут он нахмурился, делая вид, что напрягает память, — "ряд малопримечательных образчиков современного народного искусства"…

— А что, известно, что Роберте интересовался чем-то подобным?

— Нет, — отозвался он, — но мы знаем, что приблизительно за год до смерти он подал заявление на получение членства в

Институте "Арт Брют", здесь, в Париже, и добился того, чтобы стать попечителем "Собрания Эшман" в Гамбурге.

Марли кивнула. "Собрание Эшман" состояло в основном из работ психопатов.

— Мы питаем разумную уверенность, — продолжал Пако, беря ее под локоть и направляя за угол, на боковую улочку, — что он не делал никаких попыток использовать ресурсы того или другого учреждения. Может быть, прибег к услугам посредников, хотя это маловероятно. Сеньор, конечно, нанял несколько десятков специалистов, чтобы проверить архивы обоих заведений. Без всякого результата…

— Скажите, — поинтересовалась Марли, — почему Пикар думает, что недавно видел герра Вирека? Как это возможно?

— Сеньор богат. Сеньор любит являть себя по-всякому.

Он завел ее в какое-то кафе — несмотря на поблескивающие зеркала, ряды бутылок и игральные автоматы, оно напоминало отделанный хромировкой коровник. Зеркала лгали о размерах помещения, в глубине зала Марли увидела отраженный тротуар, ноги пешеходов, солнечный зайчик на втулке колеса. Пако кивнул сонного вида мужчине за стойкой бара и, взяв ее за руку, повел через мелководье круглых пластмассовых столиков.

— На звонок Алена вы можете ответить и отсюда, — сказал он. — Мы устроили так, чтобы его перебросили из квартиры вашей подруги.

Он пододвинул ей стул — автоматический жест профессиональной вежливости, который заставил ее подумать: а не был ли он и в самом деле некогда официантом, — и поставил на стол сумку.

— Но он же поймет, что я не у Андреа, — возразила Марли. — А если я отключу видео, у него тут же возникнут какие-нибудь подозрения.

— Ничего этого он не увидит. Мы сгенерировали цифровой образ вашего лица и требуемый фон. Осталось только ввести программу в этот телефон.

Вынув из сумки элегантный аппарат, он поставил его на стол перед Марли. На крышке устройства бесшумно развернулся и тут же приобрел жесткость тонкий, как бумага, полимерный экран. Марли однажды случилось наблюдать, как выходит на свет бабочка, и этот экран напомнил ей чем-то трансформацию подсыхающих крыльев насекомого.

— Как это сделано? — спросила она, осторожно касаясь экрана. На ощупь экран напоминал тонкую сталь.

— Это новая полиуглеродная модель, — сказал он, — одно из изделий "Мааса"…

Телефон тихонько замурлыкал. Поправив аппарат так, чтобы экран оказался точно перед Марли, Пако обошел столик.

— Ваш звонок. Помните, что вы дома! — сказал он и, потянувшись через стол, коснулся клавиши с титановым покрытием.

Маленький экран заполнили лицо и плечи Алена. Будто задымленное, с плохой подсветкой изображение значило, что звонит он из телефонной будки.

— Доброе утро, дорогая, — сказал Ален.

— Привет, Ален.

— Как дела, Марли? Полагаю, ты достала деньги, о которых мы договорились? — Ей было видно, что одет он в какую-то темную куртку, но разрешение не позволяло разобрать детали. — Твоей приятельнице стоило бы взять несколько уроков по уборке дома, — сказал он и, казалось, попытался заглянуть ей за спину.

— За всю свою жизнь ты ни разу не убрал комнату сам, — отозвалась она. Ален с улыбкой пожал плечами.

— У каждого свои таланты. Мои деньги у тебя, Марли?

Она взглянула на Пако, тот кивнул.

— Да, — сказала она. — Конечно.

— Чудесно, Марли. Великолепно. У нас осталась только одно крохотное дельце. — Он все так же улыбался.

— И какое же?

— Мои информаторы удвоили цену. Соответственно, и я должен удвоить свою. Пако кивнул. Он тоже улыбался.

— Хорошо. Мне, конечно, придется спросить… — Теперь ее от него просто тошнило. Захотелось выключить телефон.

— И они, естественно, согласятся.

— Так где мы встретимся?

— Я позвоню еще раз. В пять, — сказал он. Изображение съежилось до единственной сине-зеленой точки, как на экране радара, потом и она исчезла.

— У вас усталый вид, — сказал Пако, складывая экран и убирая телефон в сумку. — Вы выглядели старше, когда говорили с ним.

— Правда?

Перед ее внутренним взором вдруг почему-то возникла витрина в галерее Робертса, все эти лица. "Прочти нам "Книгу имен мертвых"". Все они — Марли, подумала она, все эти девушки — это я, какой я была в долгую пору юности.

16. ЛЕГБА

— Вставай, придурок. — Реа не слишком нежно пхнула его под ребра. — Поднимай задницу.

Бобби очнулся, сражаясь с вышитым крестиком покрывалом и полуоформившимися силуэтами неизвестных врагов. С убийцами матери. Он лежит в незнакомой комнате, в комнате, которая может быть где угодно. Пластик позолоченных рам на многочисленных зеркалах. Ворсистые алые обои. Так декорировали свои комнаты готики, если могли это себе позволить, но он видел, как их родители оформляли в таком же стиле целые кондо. Швырнув на темперлон узел каких-то шмоток, Реа засунула руки в карманы черных кожаных джинсов.

Розовые и черные квадраты покрывала сбились складками вокруг талии. Бобби глянул вниз и увидел, что членистое тело многоножки почти полностью утонуло в колее свежего розового шрама в палец шириной. Бовуа говорил, что эта штука ускорит заживление. Бобби недоверчиво потрогал новенькую ткань — болезненно, но, в общем, переносимо. Потом поднял глаза на Реа, выставил средний палец и сказал:

— Свою задницу на это надень.

Несколько секунд они в упор смотрели друг на друга поверх поднятого пальца Бобби. Наконец Реа рассмеялась.

— Ладно, — сказала она, — один-ноль в твою пользу. Я перестану тебя доставать. А сейчас подбери вещички и одевайся. Тут должно найтись что-нибудь, что бы тебе подошло. Скоро появится Лукас, чтобы забрать тебя с собой, а Лукас не любит, когда его заставляют ждать.

— Да? А мне он вроде показался отвязным мужиком.

Он стал рыться в куче одежды: отбросил в сторону черную рубашку с разводами из состирывающегося золота, красную атласную курточку с оборкой из белой искусственной кожи по рукавам, черное трико с вставками какого-то прозрачного материала…

— Где ты это взяла? — спросил он. — Я не могу носить такую дрянь…

— Это моего младшего братца, — ответила Реа. — Осталось с прошлого сезона — и лучше бы тебе натянуть что-нибудь на свою белую задницу, пока не появился Лукас. Эге, а это мое. — Она вырвала трико, как будто Бобби собирался его украсть.

Бобби натянул черную с золотом рубашку, еще пришлось повозиться с кнопками из стекляшек под черный жемчуг. Нашел, наконец, пару черных джинсов, но мало того, что они оказались

обвисшими и плиссированными, так в них еще и не было карманов.

— Это все штаны, какие у тебя есть?

— Господи, — вздохнула она, — я видела одежду, которую срезал с тебя Пай. Вряд ли ты сойдешь хоть за чье-нибудь представление о моде. Просто оденься, ладно? Мне не нужны неприятности с Лукасом. С тобой он, может, и миндальничает, но это означает только то, что у тебя есть что-то настолько ему нужное, чтобы не выделываться. У меня, уж конечно, ничего такого нет. Так что в отношении меня Лукас угрызений совести испытывать не будет.

Бобби нетвердо встал на ноги возле топчана и попытался застегнуть черные джинсы.

— Молнии нет, — сказал он, поднимая глаза на Реа.

— Поищи пуговицы. Должны быть где-то внутри. Такой стиль, знаешь ли.

Бобби нашел пуговицы. Хитрая конструкция. Он подумал, что будет, если ему понадобится пописать по-быстрому. Увидев возле кровати черные тапки из нейлоновых ремешков, он сунул в них ноги.

— А Джекки? — спросил он, ковыляя туда, где мог бы взглянуть на себя в зеркало в золоченой раме. — Из-за нее Лукас станет испытывать муки совести? — Он следил за ней в зеркале и увидел, что по ее лицу мелькнула какая-то тень.

— А это еще что должно означать?

— Бовуа… он сказал, что она лошадь…

— Тише ты, — оборвала его Реа тихим и настойчивым голосом. — Если Бовуа упоминает при тебе о чем-то таком, это его дело. В остальных случаях — это не то, о чем можно говорить, понял? Есть вещи настолько скверные, что сам захочешь вернуться назад искать приключений на собственную жопу.

Бобби следил в зеркале за отражением ее черных глаз в тени полей мягкой фетровой шляпы. Теперь в них, казалось, появилось чуть больше белизны, чем раньше.

— Ладно, — сказал он после паузы, а потом добавил: — Спасибо.

Он поиграл воротом рубашки: поднял его сзади, снова опустил, пробуя разные варианты.

— Знаешь, — Реа склонила голову на бок, — если тебя одеть, ты не так уж плохо выглядишь. Правда, глаза у тебя как два окурка в сугробе…

— Лукас, — начал Бобби, когда они спускались в лифте, — ты не знаешь, кто это был? Кто разделался с моей старухой? — Он намеревался спросить совсем другое, но вопрос выскочил сам

собой, как пузырек болотного газа.

Лукас доброжелательно оглядел его с головы до ног. Черное длинное лицо негра осталось совершенно невозмутимым. Его великолепно сшитый черный костюм выглядел так, как будто его только что выгладили. В руке Лукас держал тяжелую трость из блестящего полированного дерева в красных и черных завитках прожилок с массивным латунным набалдашником. Вниз от набалдашника сбегали латунные накладки в палец длиной, утопленные в дерево трости.

— Мы этого не знаем, — широкий рот сжался в прямую и очень серьезную складку. — Но нам очень хотелось бы знать…

Бобби неуверенно переступил с ноги на ногу — ему было очень не по себе. Уже сам лифт заставлял его робеть и чувствовать себя неловким. Размерами он напоминал небольшой автобус — и, хотя кабина не была переполнена, Бобби оставался в ней единственным белым. Черные, заметил он, когда его взгляд беспокойно скользнул по кабине, во флюоресцентном свете вовсе не выглядят полутрупами, как это происходит с белыми.

Трижды за время их спуска лифт останавливался на каком-нибудь этаже и подолгу застревал там, один раз — минут на пятнадцать. Когда такое случилось в первый раз, Бобби вопросительно глянул на Лукаса.

— Что-то в шахте, — ответил тот на невысказанный вопрос.

— Что?

— Другой лифт.

Лифты располагались в сердцевине "улья", шахты были оплетены шлангами водоснабжения и канализации, огромными кабелями электропроводки и еще какими-то обмотанными изоляцией трубами. Бобби решил, что это часть геотермальной системы, о которой рассказывал Бовуа. "Внутренности" Проекта вылезали наружу, стоило только раздвинуться дверям кабины: все грубо, оголено, как будто те, кто строил "улей", хотели, чтобы последующие жильцы точно знали, как именно работает вся эта механика и что куда ведет. И все вокруг, каждую видимую поверхность покрывала вязь наползающих друг на друга граффити, настолько плотная, что почти невозможно было различить хоть какую-нибудь отдельную надпись или символ.

— Ты ведь никогда раньше не бывал тут, Бобби? — спросил Лукас, когда двери в очередной раз захлопнулись и кабина опять стала опускаться.

Бобби покачал головой.

— А жаль, — продолжал Лукас. — Конечно, это вполне понятно, но все равно — стыд и срам. Дважды-в-День говорил мне, что ты не испытываешь особого желания засиживаться в

Барритауне. Это правда?

— Разумеется, — согласился Бобби.

— Ну, на мой взгляд, это вполне понятно. Ты кажешься мне молодым человеком с богатым воображением и, что еще важнее, — достаточно инициативным. Согласен? — Уткнув латунный набалдашник в широкую ладонь, Лукас пригвоздил Бобби испытующим взглядом.

— Наверное, да. Терпеть не могу это захолустье. В последнее время я стал замечать, что… ну… здесь никогда ничего не происходит, понимаешь? Я хочу сказать, что-то случается, но это всегда чертов раз за чертовым разом одно и то же, как повторный показ, каждое лето похоже на предыдущее. — Бобби смешался, не уверенный в том, что Лукас о нем подумает.

— Да, — отозвался тот. — Знакомое чувство. В отношении Барритауна это, быть может, чуть более верно, чем в отношении прочих мест. Но с тем же успехом такое можно сказать и про Нью-Йорк, и про Токио.

Не может этого быть, подумал Бобби, но все равно кивнул. Предостережение Реа крепко засело у него в голове. Лукас, казалось, таил в себе не больше угрозы, чем Бовуа, но уже одни его габариты служили предостережением. Бобби в последнее время всерьез обдумывал новую теорию ~ насчет того, как держат себя некоторые представители рода человеческого; он еще не додумал ее до конца, но отчасти она основывалась на следующем постулате: тем, кто может быть по-настоящему опасен, вовсе не обязательно выставлять это напоказ, а способность скрывать угрозу делает их еще опаснее. Это шло вразрез с правилами Большой Площадки, где малыши-шестерки безо всякого веса из кожи вон лезли, чтобы при помощи хромированных шипов и прочей дребедени разрекламировать свою буйность. Что, вероятно, шло им на пользу, по крайней мере, с точки зрения местной тусовки. Однако Лукас явно был не из тех, кого хоть сколько-нибудь интересовало мнение местной тусовки.

— Ты, я вижу, сомневаешься, — продолжал Лукас. — Ну, в этом ты, вероятно, и сам довольно скоро убедишься. Впрочем, не в ближайшем будущем. Учитывая, какой оборот приняла твоя жизнь, вещи и события будут новыми и увлекательными довольно долго.

Двери лифта, содрогаясь, разъехались в стороны, и Лукас шагнул из кабины, легонько, как ребенка, подталкивая Бобби перед собой. Они вышли в гулкий вестибюль, который, казалось, тянулся в бесконечность. Повсюду — киоски и занавешенные тряпками прилавки, и люди, сидящие возле одеял с разложенной

на них всякой всячиной.

— Не задерживайся. — Лукас слегка подтолкнул Бобби огромной ладонью, когда тот остановился перед лотками с подержанным софтом. — Ты на пути в Муравейник, друг мой, и ты отправляешься туда так, как подобает Графу.

— То есть?

— В лимузине.

Машина Лукаса ошеломляла — поразительно длинный, черный в золотых проблесках корпус, натертая до зеркального блеска латунь и целая коллекция чудных приспособлений, о назначении которых Бобби мог только гадать. Он решил, что одно из них — явно спутниковая антенна, хотя по форме она напоминала скорее не блюдце, а какое-нибудь календарное колесо ацтеков. Но тут он оказался внутри, и Лукас позволил широкой дверце, мягко щелкнув, закрыться за ними. Окна были затемнены — пожалуй, даже слишком: изнутри казалось, что на улице ночь, причем довольно суетливая, поскольку жители Проекта спешили по своим утренним делам. Внутри автомобиль представлял собой одно большое купе, заваленное пестрыми ковриками и светлыми кожаными подушками. Никаких сидений здесь, похоже, не наблюдалось. Равно как и рулевого колеса; на месте приборной доски — мягкая кожаная обивка без какого-либо следа приборов. Бобби посмотрел на Лукаса, который уже успел распустить черный галстук.

— Как ты его водишь?

— Садись где-нибудь. А водят его так: "Ахмед, отвези наши задницы в Нью-Йорк, в восточный сектор".

Машина плавно скользнула от тротуара, а Бобби упал на колени в мягкую горку ковриков.

— Ланч будет подан через полчаса, сэр, если только вы не пожелаете чего-нибудь раньше. — Мягкий мелодичный голос, исходящий, казалось, из ниоткуда.

Лукас рассмеялся.

— Действительно, в Дамаске знали, как делать подобные вещи, — сказал он.

— Где?

— В Дамаске, — повторил Лукас, расстегивая пиджак и устраиваясь на горке палевых подушек. — Это "Ролле". Из старых. В те времена, когда у них еще водились деньги, арабы делали неплохие машины.

— Лукас, — спросил Бобби с полным ртом (ел холодного жареного цыпленка), — как так выходит, что нам до Нью-Йорка ехать еще полтора часа? Ведь нельзя сказать, что мы ползем…

— Потому что, — сказал Лукас, сделав паузу ради еще одного

глотка охлажденного белого вина, — дорога займет у нас ровно столько, сколько нужно. Ахмеда на заводе оснастили всеми необходимыми приспособами, включая первоклассную систему блокировки наблюдения. На трассе, пока он в движении, Ахмед обеспечивает значительную степень секретности, намного большую, чем та, за какую я при обычных обстоятельствах готов платить в Нью-Йорке. Ахмед, как ты полагаешь, кто-нибудь пытается достать нас — подслушать или еще чего?

— Нет, сэр, — ответил голос. — Восемь минут назад наша идентификационная панель была инфрасканирована с вертолета тактических сил. Номер вертолета — "МХ тире 3 тире 848", пилот — капрал Роберто…

— Ладно, ладно, — прервал Лукас. — Прекрасно. Это не имеет значения. Видишь? Ахмед вытащил из тактиков больше информации, чем они получили от нас. — Вытерев руки о толстую белую льняную салфетку, он выудил из кармана пиджака золотую зубочистку.

— Лукас, — снова начал Бобби, пока негр осторожно ковырялся ею в щелях между большими квадратными зубами, — что произойдет, если я, скажем, попрошу тебя отвезти меня на Таймс-Сквер и там высадить?

— Ага, — отозвался Лукас, опуская зубочистку, — самый скандальный район города. В чем дело, Бобби, наркотики нужны?

— Да нет, просто интересно.

— Интересно что? Тебе нужно на Таймс-Сквер?

— Нет, просто это первое место, какое пришло мне в голову. Я имел в виду, ты меня отпустишь?

— По правде сказать, нет, — сказал Лукас. — Но тебе не следует думать, что ты заключенный. Скорее — гость. Ценный гость.

Бобби бледно улыбнулся.

— А-а. Ладно. Как это у них называется? "Задержание в целях защиты"?

— Верно, — сказал Лукас, снова принимаясь за зубочистку. — И пока мы тут надежно экранированы славным Ахмедом, пора бы нам, Бобби, поговорить. Думаю, брат Бовуа уже рассказал тебе кое-что о нас. Что ты думаешь о том, что он тебе рассказал?

— Ну, — протянул Бобби, — это действительно очень интересно, но я не уверен, что все понял.

— Чего ты не понял?

— Ну, я, например, ничего не понимаю в этих ваших вудуистских штучках…

Лукас поднял брови.

— Это не мое дело, кто что готов проглотить, я хочу сказать — поверить, так? Но то Бовуа говорит о бизнесе, причем на уличном техе, да так, как я никогда раньше не слышал, а через минуту — о каких-то мамбо и привидениях, о духах и змеях. И, и…

— И о чем?

— О лошадях, — выдавил Бобби, горло у него перехватило.

— Бобби, ты знаешь, что такое метафора?

— Что-то из "железа"? Вроде компенсатора?

— Нет. Ладно, оставим метафоры в покое. Когда Бовуа или я говорим с тобой о лоа и их лошадях, как мы называем тех немногих, которых избирают лоа, чтобы ездить на них, просто сделай вид, что мы говорим на двух языках разом. Один из них тебе понятен. Это язык уличных техов, как ты его называешь. Мы можем использовать другие слова, но говорим мы все же на техе. Скажем, мы называем что-то Огу Ферей, а ты то же самое мог бы назвать ледорубом, понимаешь? Но при этом теми же словами мы говорим и о других вещах, и вот их-то ты и не понимаешь. Тебе это и не нужно. — Он убрал зубочистку.

Бобби сделал глубокий вдох.

— Бовуа сказал, что Джекки — лошадь для змея, змея по имени Данбала. Можешь прокрутить это для меня на уличном техе?

— Естественно. Думай о Джекки как о деке — киберпространственной деке, очень хорошенькой и с отличными коленками. — Лукас хмыкнул, а Бобби покраснел. — Думай о Данбале, которого некоторые называют змеем, как о программе. Скажем, о ледорубе. Данбала входит в деку Джекки, Джекки рубит лед. Вот и все.

— Ладно, — сказал Бобби, решив, что уже несколько освоился, — тогда что такое матрица? Если Джекки дека, а Данбала программа, что тогда киберпространство?

— Весь мир, — услышал он в ответ.

— Отсюда нам лучше пойти пешком, — сказал Лукас.

"Ролле" беззвучно и плавно остановился, негр встал, застегивая на две пуговицы пиджак.

— Ахмед привлекает слишком много внимания. Он подобрал свою трость — дверь, открываясь, издала мягкий чмокающий звук.

Бобби выбрался вслед за Лукасом в безошибочно узнаваемый запах, ставший визитной карточкой Муравейника, — богатая амальгама затхлых выхлопов подземки, древней копоти и едкого канцерогенного духа от свежей пластмассы, все это замешано на углекислом привкусе запрещенного допотопного топлива для

автомобилей. Высоко над головой в отраженном ослепительном свечении дуговых ламп один из незаконченных фуллеровских куполов закрывает две трети вечернего неба цвета лососины. Рваный край купола напоминает разломанные серые соты. Лоскутное одеяло куполов Муравейника имело обыкновение порождать непредсказуемые смены микроклимата: были, например, области на несколько кварталов, где с закопченных геодезиков непрестанно сыпалась тонкая водяная пыль сконденсировавшейся влаги; кварталы же под наиболее высокими секциями купола славились статическими разрядами, этакой специфической городской разновидностью молнии.

На улице, по которой Бобби шагал вслед за Лукасом, дул резкий ветер. Теплый бриз бросал в лицо песок — вероятно, это было как-то связано с перепадами давления в системе подземных коммуникаций, опутавшей весь Муравейник.

— Помни, что я тебе говорил, — сказал Лукас, щурясь от ветра с песком. — Этот человек представляет собой гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. И даже если это не так, ты все равно обязан выказать ему некую толику уважения. Если хочешь стать ковбоем, раскрой глаза пошире — сейчас ты увидишь, так сказать, "веху" в нашем ремесле.

— Ага, — протянул Бобби. — Ладно. — Он под-прь1гнул, чтобы отделаться от посеревшей ленты распечатки, которой вздумалось обвиться вокруг его колена. — Так, значит, это у него вы с Бовуа купили…

— Ха! Нет! Я же тебе сказал. Говорить посреди улицы — все равно что посылать свои слова в сводку новостей…

Бобби поморщился, потом кивнул. Блин! Он все время попадает впросак! Вот он с крупным дельцом по уши в каком-то потрясающем деле, а продолжает вести себя как вильсон. Делец. Вот самое подходящее слово для Лукаса и для Бовуа тоже. А эти разговорчики о вуду — просто игра, в которую они втянули окружающих, думал Бобби. В "роллсе" Лукас выдал какую-то пространную тираду о Легбе, который, по его словам, был лоа коммуникаций, "хозяин дорог и тропинок", а все это к тому, что человек, к которому он ведет Бобби, — избранник Легбы. Когда Бобби спросил, оунган ли этот человек, Лукас сказал, что нет. Он сказал, что этот человек шел бок о бок с Легбой всю свою жизнь, был к нему так близко, что даже не подозревал, что лоа всегда рядом с ним, как будто лоа всегда был частью его самого, его тенью. И вот этот человек, сказал Лукас, продал им софт, который Бобби арендовал у Дважды-в-День…

Свернув за угол, Лукас неожиданно остановился, да так резко, что Бобби едва не уткнулся ему в спину. Они стояли перед

почерневшей каменной стеной. Окна дома еще десятилетия назад были забиты листами рифленого железа. На первом этаже располагался некогда магазин, но покрытые трещинами витрины успели зарасти грязью. Дверь между слепыми окнами была усилена точно таким же листом железа, какой запечатывал окна верхних этажей. Бобби показалось, что за окном слева можно разобрать что-то вроде вывески — потухшие неоновые буквы, криво свисающие в мрачной темноте. Лукас же просто стоял перед дверью, его лицо было лишено всякого выражения, конец трости будто врос в тротуар, огромные руки сложены одна поверх другой на латунном набалдашнике.

— Первое, чему тебе предстоит научиться, — сказал он тоном человека, цитирующего пословицу, — это тому, что всегда нужно ждать…

Бобби почудилось за дверью какое-то царапание, потом раздался звон цепочки.

— Потрясающе, — проговорил Лукас, — можно подумать, что нас ждали.

Дверь на хорошо смазанных петлях открылась сантиметров на десять, потом будто за что-то зацепилась. В темной пыльной щели возник глаз и немигающе уставился на них. Поначалу Бобби решил, что это глаз какого-то крупного животного: зрачок — странного желтовато-коричневого оттенка, а белок — в паутине красных прожилок. А под ними — выпяченная, еще более красная губа.

— Духов человек, — сказал невидимый владелец глаза, — духов человек и какой-то маленький засранец. Господи… — Раздался ужасный, булькающий звук, будто человек чуть ли не из самых кишок выхаркивал мокроту, скопившуюся там еще в доисторические времена, затем последовал смачный плевок. — Что ж, заходи, Лукас. — Снова скрежет, и дверь распахнулась вовнутрь — в кромешную тьму.

— Я занятой человек… — прозвучало с расстояния в метр — и с каждым словом все тише, как будто владелец глаза спешил убраться подальше от света, проникшего через открытую дверь.

Лукас переступил порог. Ему на пятки едва не наступил Бобби, почувствовавший, как за ним мягко захлопнулась дверь. От внезапной всепоглощающей темноты по рукам у него побежали мурашки. Эта тьма, казалось, жила собственной жизнью — что-то плотное, сбившееся и будто бы даже способное чувствовать.

Вспыхнула спичка, зашипела и заплевалась газовая лампа с наддувом — в ее калильной сетке зажегся газ. Разинув рот, Бобби уставился на лицо за светильником. Лицо?.. Бобби очень

захотелось поверить, что этот желтый глаз с кровавыми прожилками, равно как и его близнец, смотрят на него из прорезей какой-то страшной маски.

— Полагаю, ты не ждал нас, правда, Финн?

— Если хочешь знать, — проскрипела маска, открывая огромные плоские и желтые зубы, — я как раз собирался выйти, поискать что-нибудь на обед.

На взгляд Бобби, это существо могло бы прожить на диете из плесневеющего ковра. Или же терпеливо грызть себе дорогу в коричневой мякоти разбухших от сырости книг, наваленных до высоты плеч по обеим сторонам туннеля, где они стояли сейчас с Лукасом.

— Что это за недоносок, Лукас?

— Знаешь, Финн, мы с Бовуа испытываем некоторые затруднения в связи с кое-чем, что мы приобрели у тебя, полностью тебе доверяя. — Лукас поднял трость и легонько потыкал ее концом в опасно накренившийся штабель, сложенный из древних книг в мягких обложках.

— Ах вот как? — Финн с насмешливым сочувствием поджал серые губы. — Оставь в покое эти первоиздания, Лукас. Если они рухнут, платить придется тебе.

Лукас убрал трость. В свете фонаря блеснул стальной наконечник.

— Итак, — сказало существо, которое Лукас называл Финном, — у вас проблемы. Забавно, Лукас, очень, черт побери, забавно. — Сероватые щеки Финна были прочерчены глубокими косыми морщинами. — У меня тоже проблемы. Три, если быть точным. Сегодня утром их еще не было. Что ж, думаю, такова жизнь. — Он поставил шипящую лампу на выпотрошенный каталожный шкаф и выудил из кармана чего-то, что когда-то, возможно, было твидовым пиджаком, кривую сигарету без фильтра. — Мои три проблемы наверху. Может, хочешь взглянуть на них?.. — Он чиркнул деревянной спичкой о подставку лампы и прикурил. В воздухе заклубилась едкая вонь черного кубинского табака.

— Знаете, — сказал Финн, переступая через первое тело, — я уже очень давно обретаюсь по этому адресу. Все знают, где меня искать. Покупаешь у Финна — точно знаешь, у кого покупаешь. Мой товар — это всегда я. Каждый раз…

Бобби пялился на вывернутое кверху лицо мертвеца, на потускневшие глаза. Что-то неестественное было в повороте его туловища, в том, как обмякло тело в облегающей черной одежде. С невыразительного безжизненного японского лица смотрели пустые глаза…

— И знаешь, сколько за все это время, — продолжал Финн, — нашлось недоумков, которые решились бы вломиться сюда, чтобы меня обуть? Ни одного! Ни одного до сегодняшнего утра. А тут, мать его, трое за раз. Ну, — он бросил на Бобби враждебный взгляд, — если не считать этого прикинутого маленького засранца, но… — Он пожал плечами.

— Такое впечатление, что он кривобокий, — сказал Бобби, все еще не сводя глаз с первого трупа.

— Это потому, что внутренности у него теперь годятся разве что на корм собакам, — ощерился Финн. — Растерты в пюре.

— Финн коллекционирует экзотическое оружие, — пояснил Лукас, слегка подталкивая запястье второго трупа концом трости. — Ты их просканировал на имплантанты, Финн?

— Ага. Та еще морока. Пришлось сначала оттащить их в заднюю комнату. Никаких сюрпризов. Быки, обычная команда. — Финн с шумом втянул воздух. — Вот только почему кому-то понадобилось меня пристукнуть?

— Может, ты продал им очень дорогой продукт, который не сработал? — рискнул предположить Лукас.

— Надеюсь, ты не хочешь сказать, что это ты послал их, Лукас? — ровным голосом произнес Финн. — Разве что ты очень хочешь посмотреть, как я повторю этот фокус с собачьей кормежкой.

— А разве я сказал, что ты продал нам что-то, что не работает?

— "Испытываем затруднения", сказал ты. А что еще, ребята, вы купили у меня в последнее время?

— Извини, Финн, но они не наши. И ты тоже это знаешь.

— Ага. Пожалуй, знаю. Так что же, черт побери, привело тебя сюда, Лукас? Ты же знаешь, что то, что ты купил, обычными гарантиями не покрывалось…

— Видишь ли, — сказал Финн, выслушав историю сорвавшегося киберпространственного набега Бобби, — порой там происходят чертовски странные дела. — Он медленно покачал узкой, неестественно вытянутой головой. — Что-то изменилось, раньше такого не было. — Он поглядел на Лукаса. — Но вы-то, ребята, это знаете, да?

Они сидели вокруг квадратного белого стола в совершенно белой комнате на первом этаже за захламленным торговым залом. Пол был выложен вытертой больничной плиткой в рубчик, чтобы не скользила нога, — ну прямо как в операционной, — а стены были составлены из широких плит пыльного белого пластика, скрывавшего плотные слои антижучковой микропроводки. По сравнению со складом белая комната

казалась хирургически чистой. Несколько стальных треножников вокруг стола, ощетинившиеся сенсорами и сканирующим оборудованием, напоминали абстрактные скульптуры.

— Знаем что? — спросил Бобби.

С каждым новым пересказом своей истории он все меньше чувствовал себя вильсоном. Наоборот, кем-то значительным. Вот именно, это заставляло его чувствовать свою значимость.

— Не о тебе речь, засранец, — устало сказал Финн. — О нем. Олдовом вуду. Он-то знает, что что-то изменилось… И произошло это не сегодня. Я в деле уже целую вечность. Подумать только, сколько воды утекло. Я был тут еще до войны, еще до того, как появилась какая-нибудь матрица, или, во всяком случае, — до того, как люди осознали, что все это существует. — Теперь он глядел на Бобби. — У меня есть пара ботинок, которым больше лет, чем тебе. Так чего, черт побери, мне от тебя ждать? Ковбои появились вместе с компьютерами. А первые компьютеры построили для того, чтобы взломать лед немцев, так? Ковбоев тогда называли дешифровщиками. Так что лед существовал еще до компьютеров, если взглянуть на это с такой стороны.

Он закурил пятнадцатую сигарету за вечер, и белая комната снова стала наполняться дымом.

— А вот Лукас, этот знает, да уж. Последние семь-восемь лет странные там творятся вещи, да-да, там, в ковбойских кругах — или, если хочешь, в цепях. Сегодняшние жокеи заключают сделки с какими-то тварями, не так ли, Лукас? Да, видишь ли, знаю я об этом, знаю. Но им все равно нужны "железо" и софт, и им все равно нужно быть проворней змей на льду, однако у всех, у всех тех, кто действительно знает, как рубить лед, теперь есть союзники, не правда ли, Лукас?

Лукас вынул из кармана свою золотую зубочистку и начал обрабатывать верхний коренной. Его темное лицо оставалось предельно серьезным.

— Троны и домены, — загадочно продолжал Финн. — Да, что-то там есть. Призраки, голоса. А почему бы и нет? В океанах есть русалки и прочая дребедень, а у нас тут море кремния, понимаешь? Строго говоря, оно — просто прекрасно выполненная галлюцинация, которую мы все согласились иметь, — это наше киберпространство, но каждый, кто в него подключается, знает, печенкой, черт меня побери, чувствует, что это — целая вселенная. И с каждым годом населения там вроде как прибывает…

— Для нас, — лениво вставил Лукас, — и здешний мир всегда на этом работал.

— Ага, — отозвался Финн, — чтобы вы, ребята, могли войти в

него с программой и сказать всем: мол, те штуки, с которыми вы срубаете сделки, это ж наши старые боги из буша…

— Божественные Наездники…

— Ну да, конечно. Вы в это, может, и верите. Но я довольно давно уже живу на этом свете, чтобы помнить, что не всегда так было. Десять лет назад пусть бы кто попробовал зайти в "Джентльмен-Неудачник" и заявить кому из крутых жокеев, что разговаривал с призраком в матрице, — да они б решили, что он спятил.

— Что он вильсон, — вставил Бобби, чувствуя себя выключенным из разговора и уже не столь значительным.

Финн бросил на него безучастный взгляд.

— Что-что?

— Ну, вильсон. Мудило. Это жаргон хотдоггеров, я думаю… — Ну вот, опять слажал. Блин. Финн поглядел на него более чем странно.

— Господи. Вот как это называется, да? О Боже. А ведь я знавал этого парня…

— Кого?

— Бодайна Вильсона, — сказал он. — Надо же: первый человек из моих знакомых, который кончил как фигура речи.

— Он был дурак? — спросил Бобби и тут же пожалел об этом.

— Дурак? Черта с два! Он был умен, хитер как бес. — Финн загасил сигарету в потрескавшейся керамической пепельнице "кампари". — Просто совершеннейший раздолбай, вот и все. Работал он как-то однажды с Дикси Флэтлайном… — Взгляд налитых кровью желтых глаз затуманился.

— Финн, — вмешался Лукас, — где ты взял этот ледоруб, который продал нам?

Финн сурово оглядел его с головы до ног.

— Сорок лет в деле, Лукас. Знаешь, сколько раз мне задавали этот вопрос? И знаешь, сколько раз я был бы уже мертв, если бы отвечал на него?

Лукас кивнул.

— Намек понял. Но тем не менее я задам его снова. — Он ткнул зубочисткой в сторону Финна, как игрушечным кинжалом. — Вот настоящая причина, по которой ты готов тут сидеть и нести всякую чушь: ты думаешь, что эти три жмурика наверху имеют отношение к тому ледорубу, который ты нам продал. Я же видел, как ты насторожился, когда Бобби рассказывал, как смели кондо его матери, не так ли?

— Возможно, — оскалился Финн.

— Кто-то занес тебя в свой список, Финн. Эти три мертвых ниндзя наверху обошлись кому-то в немалые деньги. Когда они

не вернутся, этот кто-то примет меры, Финн.

Обведенные красным желтые глаза прищурились.

— Они были напичканы под завязку, — сказал Финн, — натасканы на то, чтобы убрать по-тихому, но у одного из них были и другие штучки. Штучки для задавания вопросов. — Желтые от никотина, почти цвета тараканьих крыльев, пальцы медленно потянулись помассировать короткую верхнюю губу. — Я получил его от Вигана Лудгейта, — сказал он. — По кличке Виг.

— Никогда о таком не слышал, — сказал Лукас.

— Этот трехнутый засранец, — сказал Финн, — был когда-то ковбоем.

— Случилось так, — начал Финн, и история поглотила Бобби целиком, это было даже лучше, чем слушать Бовуа и Лукаса, — что Виган Лудгейт пять лет оттрубил крутым жоком, что недурной пробег для кибер-ковбоя. Да, пять лет… За такой срок ковбой кончает или с очень большими деньгами, или с выжженным мозгом, или тем, что финансирует конюшню юных взломщиков, и то исключительно в качестве управляющего. Виг по первой горячке молодости и напора рванул в затяжной поход по сравнительно редко заселенным секторам матрицы, представляющим те географические области, которые когда-то были известны как "третий мир".

Кремний не снашивается; микрочипы практически бессмертны. Виг этот факт приметил. Как всякое дитя своего века, он, однако, знал, что кремний на самом деле может просто выйти из употребления, что гораздо хуже, чем просто отработать свое. Это было для Вига мрачной данностью, с которой приходилось смириться, как, скажем, со смертью или налогами. Впрочем, о том, как бы его снаряжение не отстало от искусства, он обычно беспокоился больше, чем о смерти (ему было двадцать два) или о налогах (он не заполнял деклараций, хотя ежегодный процент, который он отдавал машине по отмывке денег в Сингапуре, грубо говоря, равнялся подоходному налогу, какой ему пришлось бы платить, заяви он о своих доходах). Виг достаточно здраво рассудил, что должен же куда-то уходить весь этот устаревший кремний. А уходил он, как выяснил Виг, в ряд очень бедных стран, ведущих отчаянную борьбу с нарождающимися промышленными базами. В страны, настолько погруженные во мрак невежества, что концепция нации там до си!

х пор еще воспринималась всерьез. Виг пробурился на пару африканских задворок и почувствовал себя акулой, кружащей в бассейне, полном икры. Нельзя сказать, что какое-нибудь из этих вкусных крохотных яиц много давало в отдельности, но если

забросить сеть и грести все чохом, то работы немного, а улов… в общем, с поля по зернышку… Виг обрабатывал африканцев неделю, при этом нечаянно вызвал падение по крайней мере трех правительств, причинив невыразимые человеческие страдания. В конце недели, слизнув сливки в виде нескольких миллионов до смешного мелких банковских счетов, он удалился на покой. Когда он выходил, уже налетала саранча: на "африканскую идею" набрели все прочие.

Два года Виг просидел на пляже в Каннах, питаясь исключительно самыми дорогими модельными наркотиками и периодически включая маленький телевизор "Хосака", чтобы со странным и примечательно невинным любопытством поизучать вздувшиеся тела мертвых африканцев. В какой-то момент — никто не мог сказать, где, когда или почему — стали замечать, что Виг перешагнул за край. А точнее, сказал Финн, Виг проникся убеждением, что Господь Бог живет в киберпространстве или, может, что киберпространство и есть Бог или какое-то его новое явление. Экскурсы Вига в теологию были отмечены крупными смещениями парадигм, настоящими богоискательскими метаниями. У Финна было кое-какое представление о том, чем в те годы занимался Виг. Вскоре после крещения в эту его новую и весьма своеобразную веру Виган Лудгейт вернулся в Муравейник и отправился в эпическое, хоть и несколько беспорядочное плавание по водам кибернетического познания. В прошлом компьютерный жокей, он знал, куда обращаться за самым лучшим"!

железом" и софтом. Финн снабжал Вига и тем и другим, поскольку тот все еще оставался богатым человеком. Виг объяснял Финну, что его техника мистических изысканий основывается на проецировании сознания в пустые неструктурированные секторы матрицы и ожидании. Надо отдать парню должное, сказал Финн, тот никогда не заявлял, что взаправду встретил Бога, хотя продолжал считать, что в ряде случаев ощущал его присутствие при передвижении по лику решетки. Со временем у Вига вышли все деньги. Его спиритуалистский поход оборвал немногие деловые связи, оставшиеся с доафриканских времен, так что Лудгейт канул без следа.

— Но потом однажды он объявился, — продолжал Финн, — сумасшедший, как крыса из нужника. Как был бледным маленьким ублюдком, так им и остался, но теперь еще был увешан всякой африканской дребеденью: бусами, костями и всяким таким. — Бобби отвлекся от рассказа Финна ровно настолько, чтобы задать себе вопрос, как может существо,

похожее на Финна, называть кого-то "бледным маленьким ублюдком", но потом перевел взгляд. Лукас был смертельно мрачен. Тут Бобби пришло в голову, что Лукас может воспринять африканскую часть истории на свой счет — как личное оскорбление, что ли. Но Финн преспокойно продолжал свою историю.

— У него было полно всего на продажу. Деки, периферия, программное обеспечение. Все на пару лет устарело, но игрушки были крутые, так что я дал за них приличную цену. Я тогда еще заметил у него вживленный разъем за ухом и то, что он постоянно держал подключенным странный серебряный микрософт. "Что за софт?" — спрашиваю я. "Он пуст", — отвечает Виг. Этот маленький ублюдок сидит на том самом месте, где сидишь сейчас ты, малыш, и говорит мне, он, мол, пуст, и это глас Господень, и я пребуду вечно в его белом гудении, и тому подобный бред. И я подумал: Господи, Виг окончательно сбрендил, — хотя нет, вот он в пятый раз пересчитывает деньги, которые я ему дал. "Виг, — сказал я, — время — деньги, но скажи мне, что ты теперь намерен делать?" Потому что мне стало любопытно. Я ведь знал парня многие долгие годы — по делам, конечно. "Финн, — говорит он, — я должен подняться по гравитационному колодцу наверх. Бог — там, наверху". Я хочу сказать, он мне говорит, мол, Бог повсюду, но тут вн!

изу слишком много статики, она скрывает его лик. "Ладно, — говорю я ему, — как знаешь". И я указал ему на дверь, вот и все. Никогда его больше не видел.

Бобби поморгал, подождал, поерзал немного на жестком сиденье складного стула.

— За исключением того, что примерно год спустя появился какой-то парень — такелажник с высокой орбиты, — который спустился по колодцу вниз на побывку, и у него был с собой недурной софт на продажу. Ничего гениального, но весьма и весьма интересно. Он сказал, это от Вига. Ну, может, Виг — свихнувшийся нарк и давно вне игры, но все же умеет отыскивать неплохое дерьмецо. Так что я этот софт покупаю. Это было лет, наверное, десять назад, так? И каждый год или около того появляется какой-нибудь парень с товаром. "Виг сказал, это стоит предложить тебе". И обычно я это покупал. В его вещичках не было ничего особенного, но в порядке. И люди, привозившие софт, всегда были разные.

— Что это было, Финн, всегда одно только программное обеспечение? — спросил Лукас.

— В основном, да, если не считать каких-то странных скульптур. Об этом я позабыл. Я решил, что это Виг их делает.

Когда первый раз парень привез одну такую, я купил у него софт, а потом спросил, как это, черт побери, называется? "Виг сказал, ты, возможно, заинтересуешься". "Скажи ему, что он псих". Парень рассмеялся. "Ну, тогда оставь это себе, — говорит он. — Я не повезу эту чертову штуку обратно". Я хочу сказать, размером она была примерно с деку, эта штука, просто кучка мусора и разная труха, набитая в деревянную шкатулку… Так что я засунул ее за тачку "коки" с металлоломом и совсем бы о ней забыл, если бы не старик Смит — он тогда был моим коллегой, торговал в основном искусством и тем, что идет в коллекции. Он это видит и хочет заполучить. Так что мы заключили халявную сделку с далеко идущими последствиями. "Еще такие будут, Финн, — говорит он, — забирай. В дорогих районах немало найдется дураков, которые на такое клюнут". Так что в следующий раз, когда появился парень!

от Вига, я и скульптурку тоже купил и перепродал ее Смиту. Но особых денег они никогда не приносили… — Финн пожал плечами. — До последнего месяца, во всяком случае. Появился очередной мальчишка с товаром, который вы потом купили. От Вига. "Послушай, — говорит он, — это биософт, и он рубит лед. Виг говорит, он дорогого стоит". Я софт просканировал, и выглядел он нормально. Знаешь, решил я, в нем, пожалуй, что-то есть. Твой партнер Бовуа тоже решил, что он довольно интересен. Я его купил. Бовуа купил его у меня. Конец истории. — Финн вытащил сигарету, она оказалась сломанной, согнутой пополам. — О черт, — сказал он.

Из того же кармана он выудил поблекшую пачку сигаретной бумаги, из нее — хрупкий розовый листок и наподобие лубка плотно обернул его вокруг сломанной сигареты. Когда он лизнул клей, Бобби углядел кончик очень острого серо-розового языка.

— А где, Финн, проживает мистер Виг? — спросил Лукас, подпирая большими пальцами подбородок. Длинные пальцы сложились домиком перед его лицом.

— Лукас, у меня нет ни малейшей, черт побери, зацепки. Где-то на орбите. И довольно скромно, если те деньги, какие он из меня выдаивает, что-то для него значат. Правда, я слышал, там есть места, где можно прожить без денег, если сумеешь найти себе нишу в их экономике, так что, возможно, это "где-то" простирается довольно далеко. Однако не спрашивай меня, у меня агорафобия. — Он скверно улыбнулся в сторону Бобби, который все пытался изгнать из памяти вид острого языка. — Знаешь, — сказал он, прищурившись на Лукаса, — это происходило приблизительно в то же время, когда до меня стали доходить разговоры о таинственных делах, происходящих в

матрице.

— Например? — спросил Бобби.

— Держись, мать твою, от этого подальше, — сказал Финн, все еще глядя на Лукаса. — Было кое-что — еще до того, как появились вы, ребята, новая команда вуду. Я знал одну девчонку, уличного самурая. Так вот, она устроилась работать на одного типа из спецназа, по сравнению с которым даже Виг выглядел нормальным как пробка. Она и еще один ковбой, которого вытащили с помойки в Тибе, пошли на какое-то странное дело, искали что-то. Может, нашли. Последний раз я видел их в Стамбуле. Но пару лет назад слышал, что она живет в Лондоне, а может — уже и нет. Кто, черт побери, знает? Семь, восемь лет прошло…

Вид у Финна стал вдруг очень усталый, и сам он внезапно как-то сильно постарел. Он поглядел на Бобби как большая мумифицированная крыса, приводимая в движение ниточками и скрытыми проводками. Финн вынул из кармана наручные часы с треснувшим стеклом на половинке грязного кожаного ремешка и сверился с ними.

— Господи. Ну, это все, что ты от меня сегодня получишь, Лукас. Через двадцать минут ко мне заглянут друзья из банка органов поговорить о небольшом дельце.

Бобби подумал о трупах наверху. Они пролежали там весь день.

— Э-э, — сказал Финн, прочитав выражение на его лице, — банки органов славятся умением избавляться от тел. У этих беспризорных ублюдков наверху не так уж много осталось органов… — И Финн рассмеялся.

— Ты говорил, он близок к… Легбе? А Легба — это тот, который, как вы с Бовуа сказали, послал мне удачу, когда я въехал в черный лед?

За сотами геодезиков светлело небо.

— Да, — ответил Лукас. Негр, казалось, был погружен в глубокую задумчивость.

— Но он, похоже, вообще не верит ни в какое вуду.

— Это не имеет значения, — сказал Лукас, когда в конце улицы появился "ролле". — Он всегда был близок к духу вещей.

17. БЕЛИЧИЙ ЛЕС

Самолет приземлился возле журчания бегущей воды. Ворочаясь в ремнях антигравитационной сетки, Тернер услышал этот звук в бреду, а может, это было во сне — вода по камням, одна из древнейших песен. Самолет был умненьким, как какой-нибудь сообразительный пес, — со встроенным в "железо" инстинктом "прячься". Тернер чувствовал, как он покачивается на лапах-шасси, забираясь в кусты, как шуршат и царапают по темной кабине ветки. Реактивник заполз глубоко в зеленую тень и опустился на складные колени. Посадочная рама поскуливала и потрескивала, сжимаясь, обнажая брюхо, вжавшееся в глину и перегной, как электрический скат в песок. Мимикрирующее полиуглеродное покрытие на крыльях и фюзеляже потемнело и пошло пятнами, принимая цвет расписанного лунными разводами камня и лесной почвы. Наконец самолет затих, и единственным звуком остались перепевы родниковой воды…

Он очнулся как машина: глаза распахнуты, зрение подключено, в оперативной памяти — пусто. Вспомнил красную вспышку смерти Линча в прицеле "смит-и-вессона". Изгиб кабины над головой был разрисован кружевом листьев и веток — камуфляж хамелеона. Бледный рассвет и звук бегущей воды. На нем все та же синяя спецовка Оукея. Теперь от нее пахло кислым потом, а рукава Тернер оторвал еще позавчера. Пистолет лежал у него между ног, нацелившись на черный джойстик ручного управления самолетом. Антигравитационная сетка путаницей ремней обвисла вокруг плеч и бедер. Извернувшись, Тернер заглянул назад, чтобы проверить, как девочка. Увидел овал белого как бумага лица и коричневую струйку засохшей крови, сбегавшую из носа. Еще без сознания. Капли пота на лбу, губы слегка приоткрыты, как у куклы.

— Где мы?

— В пятнадцати метрах на юго-юго-восток от заданных вами координат посадки, — ответил самолет. — Вы снова потеряли сознание. Я выбрал маскировку.

Тернер вьщернул из разъема коннектор интерфейса, оборвав связь с самолетом. Потом тускло оглядел пульт, нашел рычаги ручного управления кабиной. Та вздохнула сервоприводами, от движения качнулось кружево полиуглеродной листвы.

Перекинув ногу через борт, он прижал ладонь к фюзеляжу, поглядел вниз. Полиуглерод, до того воспроизводивший серые тона глины вокруг, у него на глазах стал вырисовывать овал цвета его ладони. Тернер перебросил вторую ногу — пушка осталась

лежать забытой на сиденье — и соскользнул на землю в высокую сладкую траву. Там он снова заснул, уткнувшись лицом в траву, и ему снилась бегущая вода.

Проснувшись, он пополз по-пластунски, чтобы не задеть низкие, тяжелые от росы ветки. Наконец Тернер выбрался на поляну и рухнул вперед, перекатился на спину, раскинул руки, будто — и сам он это почувствовал — сдавался на чью-то милость. Высоко над ним взметнулось с ветки что-то маленькое и серое, приземлилось на другую, покачалось на ней, потом стало карабкаться прочь.

Лежи тихо, услышал он голос, учивший его этой премудрости много лет назад. Просто ляг и расслабься, и очень скоро они о тебе забудут, потеряют среди серости, и росы, и рассвета. Они вышли кормиться, кормиться и играть, и их мозгам долго не удержать двух позывов сразу. Мальчишка-Тернер устраивается рядом с братом, винчестер в нейлоновом чехле ложится поперек груди. Мальчик вдыхает запах новой латуни и ружейного масла, и застрявший в волосах запах лагерного костра. И его брат всегда был прав, говоря о белках. Они возвращаются. Они уже забыли о прозрачном прищуре смерти, разлегшейся под ними в заштопанной джинсе и синей стали. Они вернулись, наперегонки перескакивая с ветки на ветку, останавливаясь, чтобы принюхаться к утру. Тернеров двадцать второй калибр щелкнул, и обмякшее серое тельце, кувыркаясь, упало вниз. Остальные рассыпались, исчезли, а Тернер передал ружье брату. И снова они лежали в траве и ждали, чтобы белки о них забыли.

— Вы ведь похожи на меня, — сказал Тернер белкам, вырываясь из сна. Одна из них внезапно присела на толстом суку и взглянула прямо ему в глаза. — Я тоже всегда возвращаюсь. — Белка ускакала прочь. — Возвращался, когда бежал от голландца. Возвращался, когда улетел в Мексику. Возвращался, когда убил Линча.

Он лежал там очень долго, наблюдая за игрой белок, а тем временем вокруг него просыпался лес и согревалось утро. Прилетела ворона, снизилась, зависла, тормозя перьями, которые она распустила будто черные механические пальцы или стрелки часов. Остановилась проверить, не мертв ли он.

Тернер усмехнулся вслед хлопающей крыльями прочь вороне.

Пока нет.

Он заполз назад под нависающие ветки и обнаружил, что девочка сидит у основания крыла, привалившись спиной к кабине. На ней была мешковатая белая футболка с косым шрамом логотипа "МААС-НЕОТЕК". На футболке виднелись потеки свежей красной крови. У нее снова шла кровь носом. Яркие голубые

глаза — растерянные и ошеломленные — в обрамлении желто-черных синяков. Экзотический макияж.

Юная, понял он, почти ребенок.

— Ты дочь Митчелла, — сказал Тернер, выудив имя из досье биософта. — Анджела.

— Энджи, — автоматически отозвалась она. — А ты кто? У меня кровь идет из носа. — Она показала ему кровавую гвоздику скомканной тряпки.

— Тернер. Я ждал твоего отца. — Только сейчас он вспомнил о пистолете, сообразив, что второй ее руки не видно. Рука оставалась за краем кабины. — Ты знаешь, где он?

— На плато. Он думал, что сможет поговорить с ними, все им объяснить. Потому что он им нужен.

— С кем поговорить? — Тернер сделал шаг вперед.

— С "Маасом". С советом директоров. Они не могут себе позволить причинить ему вред. Не могут же?

— С чего бы это? — Еще шаг.

Она промокнула нос красной тряпицей.

— Потому что он отослал меня прочь. Потому что он знал, что они собираются причинить мне вред, может быть, убить. Из-за снов.

— Снов?

— Как ты думаешь, они ведь правда его не тронут?

— Нет. Конечно, они этого не сделают. А сейчас я залезу наверх, идет?

Она кивнула. Ему пришлось провести руками по боку фюзеляжа, чтобы отыскать мелкие утопленные поручни. Мимикрирующее покрытие показывало ему лист, лишайник, сучья… И вот он наверху, рядом с девочкой, и пистолет, как оказалось, лежал возле ее ноги в черной тапочке. — Но разве он не собирался прибыть сам? Я ждал его, твоего отца.

— Нет. Мы никогда этого не планировали. И планер у нас был только один. Разве он тебе не сказал? — Ее начало трясти. — Разве он ничего тебе не сказал?

— Достаточно, — сказал Тернер, кладя ей руку на плечо. — Он рассказал нам достаточно. Все будет хорошо… — Он перекинул ноги через борт, нагнулся, отодвинул "смит-и-вессон" от ее ноги и нашел кабель интерфейса. Все еще не убирая руки, он поднял кабель и вставил его в разъем за ухом.

— Покажи мне процедуры стирания всего, что ты сохранил за последние сорок восемь часов, — приказал он. — Я хочу подавить курс на Мехико-сити, твой перелет с побережья, все…

— Никаких данных о запланированном курсе на Мехико-сити не обнаружено, — отозвался голос — прямой нейронный вход на

аудио.

Потирая подбородок, Тернер глядел на девочку.

— Куда мы направлялись?

— В Боготу, — сказал самолет и выдал на дисплей координаты посадки, которой они не совершали.

Энджи зажмурилась, потом недоуменно воззрилась на него. Веки у нее были в таких же черных синяках, как и вся кожа вокруг глаз.

— С кем ты разговариваешь?

— С самолетом. Митчелл сказал тебе, куда, по его мнению, ты направишься?

— В Японию.

— Знаешь кого-нибудь в Боготе? Где твоя мать?

— Никого. А мать, думаю, в Берлине. По правде говоря, я ее почти не знаю.

Тернер стер память самолета, вычищая все, что заложил туда Конрой: курс перелета из Калифорнии, данные полигона, маршрут перелета, который привел бы их на посадочную полосу в радиусе трехсот километров от городского центра Боготы…

Со временем самолет найдут. Тернер вспомнил о системах орбитальной слежки "Мааса" и спросил себя, а много ли проку от "прокрадись-спрячься"-программы, какую он приказал прогнать самолету. Можно было бы предложить реактивник Руди на утиль, но сомнительно, что Руди захочется впутываться в эту историю. Впрочем, если уж на то пошло, само появление дочери Митчелла на ферме затягивало Руди по уши. Но больше идти было некуда. Где еще достать то, что ему сейчас необходимо?

А идти туда четыре часа: сперва — по полузабытым тропинкам, а дальше — по петляющему, поросшему сорняками двуполосному шоссе. Тернеру показалось, что деревья кругом совсем не те, но потом он сообразил, насколько они должны были вырасти за годы, прошедшие с тех пор, как он был здесь в последний раз. Вдоль шоссе через равные промежутки торчали обрубки деревянных столбов. Когда-то на них крепились телефонные провода. Теперь пеньки оплели ежевика и жимолость, провода давным-давно оборваны для разных нужд, а столбы порублены на растопку. В полевых цветах у обочины гудели пчелы…

— Там, куда мы идем, есть какая-нибудь еда? — спросила девочка. Подошвы ее белых тапочек шаркали по выветрившемуся асфальту.

— Конечно, — ответил Тернер. — Все, что захочешь.

— Вот чего бы мне хотелось прямо сейчас, это воды. — Она смахнула прядку прямых каштановых волос с загорелой щеки.

Он заметил, что у девочки постепенно проявляется хромота, она начинала морщиться каждый раз, когда приходилось наступать на правую ногу.

— Что у тебя с ногой?

— Колено. Наверное, ударилась, когда сажала дельтаплан, — скривилась она, но продолжала идти.

— Тогда привал.

— Нет. Я хочу дойти туда, дойти хоть куда-нибудь.

— Привал, — повторил он и, взяв ее за руку, потянул к обочине дороги. Энджи состроила гримаску, но села рядом с ним, осторожно вытянув перед собой правую ногу.

— А у тебя большая пушка, — заметила она. Теперь стало жарко — слишком жарко для парки. Надев портупею прямо на голое тело, Тернер накинул поверх нее спецовку с оторванными рукавами, полы спецовки развевались по ветру.

— Почему у нее такой странный ствол, как голова у кобры?

— Это прицел, устройство для ведения ночного боя. — Он наклонился, чтобы осмотреть ее колено. Колено быстро распухало. — Не знаю, сколько еще ты пройдешь с такой ногой, — сказал он.

— Тебе много приходится драться по ночам? С оружием?

— Нет.

— Тогда я, наверное, не понимаю, чем ты занимаешься.

Он поднял на нее взгляд.

— Я сам не всегда это понимаю, во всяком случае — в последнее время. Я ждал твоего отца. Он хотел сменить компанию, поработать на других людей. Эти люди наняли меня и еще нескольких человек помочь ему выпутаться из его прежнего контракта.

— Но из этого контракта нет выхода, — сказала Энджи. — Во всяком случае, легального.

— Вот именно. — Развязал узел, снял тапочку. — Легального.

— Ага, так вот чем ты зарабатываешь на жизнь?

— Да. — Под тапочкой носка у нее не было, колено распухало все сильнее. — Ты растянула связку.

— А что тогда с остальными? У тебя ведь были еще люди там, в тех развалинах? Кто-то стрелял, и эти взрывы…

— Трудно сказать, кто стрелял, — сказал он, — но осветительные ракеты были не наши. Может, боевиков из службы безопасности "Мааса", которые следовали за тобой. Как ты думаешь, ты ушла чисто?

— Я все сделала так, как мне велел Крис, — сказала она. — Крис — это мой отец.

— Знаю. Пожалуй, остаток пути придется тебя нести.

— Но все-таки как насчет твоих друзей?

— Каких друзей?

— Там, в Аризоне.

— Ах да. Ну, — он отер со лба пот тыльной стороной ладони, — ничего не могу тебе сказать. По правде говоря, сам не знаю, что с ними сталось.

И увидел перед собой ослепительно белое небо, зарево, свет ярче солнечного. А самолет сказал, что никакого электромагнитного излучения не было…

Первая модифицированная собака Руди выследила их через четверть часа после того, как они снова двинулись в путь: Энджи у Тернера за спиной — локти у него на плечах, худые коленки зажаты под мышками, пальцы сцеплены замком у него перед грудиной. От нее пахло, как от ребенка из дорогого предместья, какой-то смутный намек на мыло или шампунь на травах. Тут он спросил себя, а чем должно пахнуть от него самого. У Руди, кажется, был душ…

— О черт, а это еще что? — Девочка выпрямилась у него на спине, указывая куда-то в сторону.

С высокой каменной насыпи у поворота дороги на них глядел тощий серый пес. Его узкая голова пряталась под черным колпаком с выступами сенсоров. Собака тяжело дышала, высунув язык, и медленно поводила головой из стороны в сторону.

— Все в порядке, — сказал Тернер. — Сторожевой пес. Моего друга.

Дом разросся, выпустив побеги пристроек под мастерские, но Руди так и не удосужился перекрасить облупившиеся доски первоначальной постройки. Пока Тернера не было, Руди обвел двор прямоугольником проволочной ограды. Туго натянутая сетка отделяла от внешнего мира двор и коллекцию машин, но, подойдя поближе, Тернер увидел, что ворота стоят нараспашку, а петли потерялись в ржавчине и сиянии утра. Впрочем, Тернер лучше других знал, что настоящие линии защиты прячутся где-то еще. Он тащился по подъездной дорожке, а за ним трусили четыре модифицированные собаки. Голова Энджи безвольно покачивалась у него на плече, но руки оставались по-прежнему замкнуты на его шее.

Руди ждал их на передней веранде в старых белых шортах и флотской футболке, из единственного ее кармана торчало по меньшей мере девять различных авторучек. Завидев их, он приветственно поднял зеленую банку голландского пива. За его спиной из кухни показалась блондинка в линялой рубашке цвета хаки с каким-то хромированным шпателем в руках. Ее короткие волосы были зачесаны назад и вверх — это почему-то напомнило

Тернеру о враче-кореянке в трейлере "Хосаки", о том, как горел этот трейлер, об Уэббер, о белом небе… Он покачнулся, уже здесь, на гравиевой подъездной дорожке Руди — ноги широко расставлены, чтобы удержать девочку, голая грудь в дорожках пота по пыли из аризонской пустыни, — и посмотрел на Руди и его блондинку.

— У нас готов для вас завтрак, — сказал Руди. — Когда вы объявились на экранах собак, мы решили, что вы, наверное, проголодались. — Его тон был тщательно уклончивым.

Девочка застонала.

— Это хорошо, — сказал Тернер. — У нее колено отказало, Руди. Хорошо бы посмотреть его прямо сейчас. А потом мне еще нужно кое о чем с тобой поговорить.

— Я бы сказал, несколько молода для тебя. — Руди снова приложился к пиву.

— Отстань, Руди, — вмешалась стоявшая рядом с ним женщина. — Ты что, не видишь, что ей больно? Несите ее в дом, — сказала она Тернеру и исчезла в дверях кухни.

— А ты изменился, — не переставая пялиться на него, сказал Руди, и Тернер понял, что тот пьян. — Все тот же, но другой.

— Время идет, — отозвался Тернер, поднимаясь по деревянным ступеням.

— Над твоим лицом кто-то поработал или как?

— Реконструкция. Им пришлось собирать его по данным медицинского досье. — Он преодолел ступеньки: каждое движение прошивало поясницу резкой болью.

— Неплохо, — сказал Руди и рыгнул. — Еще чуть-чуть, и я бы ничего не заметил.

Он был ниже Тернера и явно толстел, но у них были одни и те же русые волосы, почти одинаковые черты лица.

Тернер остановился на лестнице, когда их глаза оказались на одном уровне:

— Ты, как прежде, занимаешься всем понемножку, Руди? Мне нужно просканировать этого ребенка. И мне нужно еще кое-что.

— Ну, — протянул его брат, — посмотрим, что можно сделать. Может, попробовать эхо-зонд? Она имеет к тебе какое-то отношение?

— Да. Там, в беличьем лесу, реактивный самолет, но он неплохо спрятан.

— О Господи… — вздохнул Руди. — Ну что же, заноси ее…

Годы, которые провел здесь Руди, лишили дом почти всего, что мог помнить Тернер, и почему-то он испытывал к Руди смутную благодарность за это. Он смотрел, как блондинка разбивает яйца в стальную миску, темно-желтые, натуральные

желтки — Руди держал собственных кур.

— Меня зовут Салли, — сказала женщина, взбивая яйца вилкой.

— Тернер.

— И он тоже никак иначе тебя не называет, — сказала она. — Впрочем, он редко когда о тебе говорит.

— Мы не так уж часто виделись все эти годы. Может, стоит подняться наверх и помочь ему?

— Сиди. С Руди твоя маленькая девочка будет в полном порядке. У него хорошие руки.

— Даже когда он на взводе?

— На полувзводе. Ну, он же не собирается оперировать, просто поставит дермы и перевяжет колено. — Она наломала маисовых лепешек на черную сковородку прямо в шипящее масло и сверху вылила яйца. — Что случилось с вашими глазами, Тернер? У вас и у нее… — Она помешивала смесь хромированным шпателем, выдавливая понемногу в сковородку сальсу из пластмассового тюбика.

— Ускорение. Пришлось взлетать в спешке.

— Она при этом повредила колено?

— Может быть. Не знаю.

— Теперь тебя ищут? Или ищут ее? — Она достала тарелки из шкафчика над раковиной. Дешевое пластиковое покрытие на дверцах вызвало у Тернера внезапный приступ ностальгии — загорелые кисти блондинки он принял вдруг за руки матери…

— Вероятно, — сказал он. — Я не знаю, в чем дело. Пока не знаю.

— Поешь. — Переложила смесь на белую тарелку, порылась в поисках вилки. — Руди до смерти боится таких людей. Ну, знаешь, таких, кто способен сесть тебе на хвост.

Взять тарелку, вилку. От яичницы поднимается пар.

— И я тоже.

— Я тут нашла кое-какую одежду, — голос Салли перекрыл шум душа, — ее оставил приятель Руди. Должна тебе подойти…

Душ работал под действием силы тяжести: дождевая вода из резервуара на крыше, толстый белый фильтрационный блок встроен в трубу над головкой душа. Высунув голову между двух затуманенных паром пластиковых листов, Тернер прищурился на Салли.

— Спасибо.

— Девочка без сознания, — сказала она. — Ру-ди думает, это шок и усталость к тому же. Но он говорит, что остальные показатели у нее в порядке, так что вполне можно провести сканирование прямо сейчас. — И она вышла из комнаты, забрав с

собой армейские штаны Тернера и спецовку Оукея.

— Да что же это такое? — спросил Руди, протягивая ему смятый рулон серебристой распечатки.

— Не знаю, что и думать, — рассеянно отозвался Тернер, оглядывая белую комнату в поисках Энджи. — Где она?

— Спит. Салли за ней присмотрит.

Повернувшись, Руди прошелся взад-вперед по комнате — Тернер вспомнил, что когда-то здесь была гостиная. Руди начал отключать свои консоли — крохотные огоньки гасли один за другим.

— Сам не знаю, дружище. Не знаю, и все. Что это, что-то вроде рака?

Тернер двинулся вслед за ним в дальний конец комнаты, мимо верстака, где под пылезащитным кожухом ждал микроманипулятор. Мимо пыльных прямоугольных глаз на полке с древними мониторами; у одного из них разбит экран.

— У нее это расползлось по всему мозгу, — продолжал Руди, — будто опутало его длинными цепочками. Никогда не видел ничего подобного. Просто ни на что не похоже.

— Что ты знаешь о биочипах, Руди?

Руди хмыкнул. Он казался теперь совсем трезвым, но каким-то взбудораженным. Все проводил рукой по волосам.

— Так я и подумал. Это как бы… Не имплантант. Прививка.

— Для чего она?

— Для чего? Господи. Да кто, черт побери, знает? Кто это с ней такое сотворил? Тот, на кого ты работаешь?

— Думаю, ее отец.

— О Боже, — Руди вытер рукой рот. — На сканерах это дает такую же тень, как раковая опухоль, а показатели жизненного уровня у нее вполне в норме. Какая она обычно?

— Не знаю, — он пожал плечами. — Ребенок.

— Ничего себе ребенок, — взорвался Руди. — Я просто потрясен, что она вообще может ходить. — Открыв маленький лабораторный морозильник, он извлек оттуда бутылку "Московской". — Из бутылки пить будешь? — спросил он.

— Может, попозже.

Руди вздохнул, поглядел на бутылку, потом вернул ее в морозильник.

— Так чего же ты хочешь? Ты что же, думаешь, что за такой диковиной, какая в головке у этой маленькой девочки, никто не начнет вскоре охотится? Если уже не начали.

— Начали, — ответил Тернер. — И я не знаю, известно ли им, что она здесь.

— Это пока. — Руди вытер ладони о грязные белые шорты. —

Но ведь скоро узнают, да? Тернер кивнул.

— Так куда ты собираешься?

— В Муравейник.

— Почему туда?

— Потому что там у меня деньги. Четыре кредитные линии на разные имена и никакой возможности проследить их до меня. Потому что у меня там много других связей, которыми я, возможно, смогу воспользоваться. И потом, Муравейник — это всегда прикрытие. Слишком много копошится муравьев, понимаешь?

— Идет, — сказал Руди. — Когда?

— Ты так беспокоишься — хочешь, чтобы мы убрались сейчас же?

— Нет. Я хочу сказать, я не знаю, что и думать. Это все так интересно, ну… то, что в головке у твоей приятельницы. У меня есть один знакомый в Атланте, который мог бы дать мне на время анализатор функций, карту мозга, один к одному. Подключив к ней приборы, я мог бы начать разбираться, что к чему… Может, это чего-нибудь стоит…

— Конечно. Если знаешь, кому продать.

— А тебе разве не любопытно? Я хочу сказать, что она, черт побери, такое? Ты ее вытащил из какой-то военной лаборатории, так? — Руди снова открыл белую дверцу холодильника. Вытащил бутылку водки, откупорил ее и сделал солидный глоток.

Тернер взял бутылку, наклонил, выцедил ледяную жидкость сквозь зубы. Потом глотнул и поморщился.

— Эта лаборатория принадлежит корпорации. Крупной. Предполагалось, что я вывезу ее отца, но тот прислал вместо себя ее. Потом кто-то взорвал весь полигон, выглядело это как недоразвитый ядерный взрыв. Мы едва вырвались. Вот пока и все. — Он протянул Руди бутылку. — Останься трезвым, Руди. Ради меня. Когда ты напуган, ты слишком много пьешь.

Руди глядел на него во все глаза, не обращая внимания на бутылку.

— Аризона, — повторил он. — Так это же было в новостях. Мексика до сих пор скандалит. Но это был не ядерный взрыв. Они послали туда экспертов, там теперь все просто кишит следователями. Никакого ядерного взрыва.

— А что это было?

— Они считают, электромагнитная пушка. Предполагают, кто-то установил сверхскоростное орудие в гондоле грузового дирижабля и взорвал к чертям собачьим развалины заброшенного городка. Установлено, что там поблизости был какой-то дирижабль, но пока никто его не нашел. Можно настроить

электромагнитную пушку так, чтобы она в момент выстрела разнесла себя в плазменную пыль. А роль снаряда при таких-то скоростях могло сыграть, в сущности, все что угодно. Скажем, полтора центнера льда вполне сойдут. — Он взял бутылку и поставил ее рядом с собой на стойку. — Вся земля в округе принадлежит "Маасу", "Маас Биолабс", так? Он тоже был в новостях, этот "Маас". Полное сотрудничество с различными властями. Готов поспорить. Так что, по-моему, это само за себя говорит о том, откуда взялась твоя малышка.

— Конечно. Но никак не объясняет, кто использовал электромагнитную пушку. Или почему.

Руди пожал плечами. — Вам лучше пойти взглянуть на это, зала от двери Салли.

Поздно вечером Тернер и Салли сидели на веранде. Девочка провалилась наконец в нечто, что энцефалограф Руди определил как сон. Сам Руди удалился в одну из мастерских, скорее всего, со своей бутылкой водки. Вокруг побегов жимолости, увившей скрепленные цепью ворота, кружили светлячки. Тернер сообразил, что если, сидя там, где он сейчас сидит — на качелях, подвешенных на деревянной веранде, — закрыть глаза, то увидишь яблоню, которой больше нет. С дерева когда-то свисала древняя автомобильная шина на куске серебристо-серой пеньковой веревки. И там тоже кружатся светлячки, и пятки Руди вырывают твердые комья черной земли, когда он отталкивается, чтобы вознестись вверх по высокой дуге качелей… ноги болтаются в воздухе… а Тернер лежит на спине в траве и смотрит на звезды…

— Голоса, — сказала Салли, женщина Руди, из поскрипывающего ротангового кресла-качалки, ее сигарета — как красный глаз в темноте. — Говорит на разные голоса.

— Что-что?

— Именно это делает твоя малышка, там, наверху. Ты хоть немного знаешь французский?

— Плохо. Только с "лексиконом".

— Некоторые ее слова показались мне французскими. — Красный уголек на мгновение превратился в короткий росчерк — это Салли стряхнула пепел. — Когда я была маленькой, мой старик брал меня однажды на тот стадион, и я видела свидетельства и как через людей говорят духи. Меня это тогда испугало. Сегодня, когда она заговорила, меня это, пожалуй, напугало еще больше.

— Руди записал на магнитофон последние фразы, да?

— Да. А знаешь, дела у Руди в последнее время не очень-то хороши. В основном поэтому я и перебралась сюда, обратно. Я

сказала ему, что уйду, если только он не возьмет себя в руки. Но потом стало совсем плохо, так что недели две назад я вернулась. Я почти уже готова была уехать снова, когда объявились вы. — Уголек сигареты описал дугу через перила и упал на покрывающий двор гравий.

— Пьет?

— Пьет и вечно варит себе какую-то дрянь в лаборатории. Знаешь, этот человек знает понемногу почти что обо всем. У него еще полно друзей по всей округе. Я слышала, как они рассказывают истории о том, как вы с ним были детьми. До того, как ты уехал.

— Ему тоже надо было уехать, — сказал он.

— Он ненавидит город, — сказала она. — Говорит, все равно все приходит по сетям, так что — зачем самому куда-то ехать?

— Я уехал потому, что здесь никогда ничего не случалось. Руди всегда мог найти, чем заняться. Он все еще это может, судя по тому, как все тут выглядит.

— Вам не следовало терять связь. Он хотел, чтобы ты был здесь, когда умирала ваша мать.

— Я был в Берлине. Не мог бросить начатое.

— Наверное, не мог. Меня тут тоже тогда не было. Я приехала позже. Хорошее было лето. Руди тогда вытащил меня из одного долбаного клуба в Мемфисе. Ввалился туда однажды вечером с ордой местных ребят, а на следующий день я проснулась уже здесь, сама не знаю почему. Разве что он был мил со мной — в те дни, — и забавен, и дал моей голове шанс сбавить обороты. Он научил меня готовить, — Салли рассмеялась. — Мне здесь нравилось, если не считать того, что я до смерти боялась этих чертовых кур на заднем дворе.

Тут она встала и потянулась. Скрипнуло старое кресло. Тернер осознал близость длинных загорелых ног, запах и летний жар ее тела… так близко от его лица.

Она положила руки ему на плечи. Его глаза оказались вровень с полоской коричневого живота над висящими на бедрах шортами, мягкая тень пупка. Он вспомнил Эллисон в белой гулкой комнате, и ему захотелось прижаться к темной коже лицом, ощутить вкус всего… Ему показалось, она слегка качнулась, но он не был в этом уверен.

— Тернер, — сказала она, — иногда тут с ним — как будто ты совсем одна…

Поэтому он встал — зазвенели старые цепочки качелей, болты надежно ввинчены в потолок веранды, болты, которые ввернул его отец лет сорок, наверное, назад, — и поцеловал в приоткрытые губы, разомкнутые полуночным разговором, и

светлячками, и подводными ключами к памяти, так что, когда его ладони скользнули к теплу ее спины под белой футболкой, ему почудилось, что люди приходят в его жизнь не бусинами, нанизанными на жесткий проводок последовательности, а порциями квантов, — и Салли он знает так же хорошо, как знает Руди, или Эллисон, или Конроя, как знает девочку, которая была дочерью Митчелла.

— Эй, — прошептала она, высвобождая рот, — теперь ты пойдешь наверх.

18. ИМЕНА МЕРТВЫХ

Ален позвонил ровно в пять — борясь с тошнотой от его жадности, Марли подтвердила, что затребованная им сумма готова. Адрес она тщательно списала с экрана на обратную сторону карточки, взятой со стола Пикара в галерее "Роберте". Десять минут спустя вернулась с работы Андреа, и Марли была рада, что подруга не присутствовала при этом разговоре.

Она смотрела, как Андреа подпирает оконную раму потрепанным кирпичом в синем переплете — второй том "Краткого Оксфордского словаря английского языка", шестое издание. Андреа приспособила на каменном карнизе за окном фанерную полку, достаточно широкую, чтобы там уместилась маленькая жаровня-хибачи, которую она обычно хранила под раковиной. Сейчас Андреа аккуратно раскладывала на решетке черные кубики угля.

— У меня был сегодня разговор о твоем работодателе, — объявила она, устанавливая хибачи на полку и поджигая зеленоватую запальную пасту электрозажигалкой от плиты. — Из Ниццы приехал наш академик. Он сперва изумился, с чего бы это я заинтересовалась Йозефом Виреком, но поскольку он ко всему прочему еще и озабоченный старый козел, был более чем рад поговорить.

Марли подошла посмотреть, как чуть видные язычки пламени лижут угли.

— Он все пытался свернуть на Тессье-Эшпулов, — продолжала Андреа, — и на Хьюза. Хьюз жил с середины по конец двадцатого века, американец. О нем целая глава в монографии, он вроде как прото-Вирек. Я и не знала, что Тессье-Эшпулы начали распадаться…

Она вернулась к столу и вытащила из пакета шесть больших тигровых креветок.

— Они франко-австралийцы? Помнится, я видела документальный фильм. Им принадлежит какой-то крупный курорт?

— Фрисайд. Теперь, как говорит профессор, он продан. Похоже, одной из дочерей старого Эшпула каким-то образом удалось захватить единоличный контроль над всеми финансами. Она становилась все эксцентричнее, и интересы клана полетели ко всем чертям. Это за последние семь лет.

— Не понимаю, какое отношение это имеет к Виреку, — сказала Марли, глядя, как Андреа насаживает креветки на длинные бамбуковые иглы.

— Твоя догадка окажется ничуть не хуже моей. Мой профессор придерживается мнения, что и Вирек, и Тессье-Эшпулы — замечательный анахронизм, и что, наблюдая за ними, можно многое узнать об эволюции корпораций. И, в общем и целом, убедил нашего главного редактора…

— Но что он говорил о Вирeке?

— Что безумие Вирека примет новую форму.

— Безумие?

— Ну, по правде говоря, он избегал этого слова. Но Хьюз явно был сумасшедшим как мартовский заяц, и старый Эшпул не лучше, а его дочь — та просто не в своем уме. Профессор говорил, что давление эволюционных процессов рано или поздно вынудит Вирека совершить какой-то "скачок". Так он и сказал. "Скачок".

— Эволюционные процессы?

— Да, — отозвалась Андреа, перенося иглы с креветками к хибачи, — он говорит о корпорациях так, как будто это какой-то новый вид животных.

После обеда они пошли гулять. Марли обнаружила, что время от времени начинает вслушиваться, озираться по сторонам в надежде ощутить на себе всевидящее око Вирекова механизма, но Андреа заполняла вечер своей обычной теплотой и здравым смыслом. Марли была благодарна за то, что можно гулять по городу, где все предметы были самими собой. В мире же Вирека… что может быть просто в мире Вирека? Она вспомнила медную дверную ручку в галерее Дюпре, не передать словами, как такая привычная, обыденная вещь изогнулась вдруг у нее в руке, затягивая ее в конструкт парка Гюль. Интересно, он всегда там — в парке архитектора Гауди, в полдень, которому нет конца? "Сеньор богат. Сеньор любит являть себя по-всякому". Она поежилась под теплым вечерним ветерком и взяла Андреа под руку.

Но самым зловещим в симстим-конструкте было на самом деле то, что он заставлял усомниться в реальности всего, что ее окружало. Скажем, витрины магазинов, мимо которых она проходит сейчас с Андреа, тоже могут обернуться плодом воображения. Кто-то из великих сказал: неотъемлемое свойство зеркал в том, что они в определенном смысле вредят душевному здоровью. Если это так, решила Марли, то конструкты вредят куда сильнее.

Андреа остановилась у киоска купить свои английские сигареты и свежий номер "Elle". Марли осталась ждать на тротуаре. Автоматически раздвигаясь, ее обтекал поток пешеходов, мимо скользили лица: студенты, бизнесмены,

туристы. Кто-то из них, подумалось ей, часть Вирековой машины, а провода замкнуты на Пако. Пако — кареглазый, непринужденно-серьезный, с мускулами, перекатывающимися под шелковистой рубашкой. Пако, работающий на сеньора всю свою жизнь.

— Что случилось? У тебя такой вид, будто ты только что проглотила осу. — Андреа срывала целлофан с пачки "Силк Кат".

— Нет, — сказала Марли и поежилась. — Но мне пришло в голову, что это едва не произошло…

И по дороге домой — несмотря на болтовню Андреа, несмотря на исходившее от нее тепло — витрины одна за другой стали превращаться в шкатулки — конструкции, похожие на работы Джозефа Корнелла или этого таинственного мастера, которого разыскивал Вирек… Книги, меха, итальянская одежда располагались в них так, что наводили на мысль о геометрии томления — непонятного, не имеющего даже названия.

И проснуться, опять проснуться, уткнувшись лицом в кушетку Андреа, на плечах горбом — красное стеганое одеяло. Почувствовать запах кофе, услышать, как Андреа, собираясь на работу, напевает себе под нос какой-то токийский шлягер. Серое утро, парижский дождь.

— Нет, — сказала она Пако. — Я пойду без вас. Я предпочитаю сделать это одна.

— Но это очень большие деньги. — Он указал взглядом на итальянскую сумку, стоявшую между ними на столике кафе. — Это опасно. Вы хоть понимаете, насколько это опасно?

— Но ведь никто же не знает, что они у меня, правда? Только Ален и ваши люди. И я не сказала, что обойдусь без вашей помощи, просто мне не хочется общества.

— Что-то не так? — В уголках рта морщины, вид серьезный. — Вы чем-то расстроены?

— Я только хочу сказать, что должна побыть наедине с собой. Если хотите, вы и все остальные, кто бы они ни были, вольны идти следом. Идти следом и наблюдать. Если вы меня потеряете, что лично мне представляется маловероятным, то у вас наверняка есть адрес.

— Верно, — сказал испанец. — Но то, что вы понесете несколько миллионов новых иен одна, через Париж… — Он пожал плечами.

— И если я их потеряю, да? А что, сеньор заметит потерю? Или появится еще одна сумка, еще четыре миллиона? — Встав, Марли потянулась за ремнем.

— Естественно, будет другая сумка, хотя собрать такую сумму наличными… для этого потребуются определенные

усилия. Нет, сеньор, конечно, не "заметит" потери — в том смысле, как понимаете это вы, — а вот я подвергнусь взысканию за бессмысленную потерю и много меньшей суммы. Вам еще предстоит узнать: очень богатые люди обладают одним общим свойством — они не сорят деньгами.

— И тем не менее я пойду без вас. Не одна, но оставьте меня наедине с моими мыслями.

— С вашей интуицией.

— Да.

Если кто-то и шел за ней следом — в чем она ни минуты не сомневалась, — то эти "кто-то", как всегда, оставались совершенно невидимыми. Если на то пошло, то это Алена, скорее, оставили без наблюдения. Без сомнения, адресом, который он дал ей сегодня утром, уже занялись — вне зависимости от того, там сам виновник или нет.

Сегодня она будто обрела новые силы. Наперекор Пако она добилась своего. Эта ее сегодняшняя строптивость до некоторой степени была вызвана внезапно возникшим вчера вечером подозрением, что Пако — со всем его юмором и мужественностью, очаровательным невежеством в искусстве — ей просто подсунули. Она вспомнила, как Вирек сказал, что ему о ее жизни известно больше, чем ей самой. Что проще всего вписать в последние пустые строчки кроссворда, являющегося Марли Крушковой? Пако Эстевеса. Совершенный незнакомец. Слишком совершенный. Она улыбнулась собственному отражению в стене голубоватого зеркала, мимо которой эскалатор увозил ее к платформам метро, испытывая удовлетворение от того, как подстрижены темные волосы, насколько стильной смотрится аскетичная титановая оправа черных очков "порше", которые она купила сегодня утром. Хорошие губы, подумала она, действительно неплохой рот, и вот ей улыбается со встречного эскалатора худой парнишка в белой рубашке и черной кожаной куртке, с огр!

омной черной папкой под мышкой.

Я в Париже, подумала она. Впервые за очень долгое время одно это казалось достаточной причиной для улыбки. Сегодня я отдам отвратительному дураку, моему бывшему любовнику, четыре миллиона новых иен, а он даст мне кое-что взамен. Имя или адрес, может быть, номер телефона. Она купила билет первого класса: в вагоне будет поменьше народу, и можно будет убить время, гадая, кто из пассажиров состоит на службе у Вирека.

По данному Аленом адресу — на мрачной северной окраине — оказалась одна из двадцати бетонных высоток, вздымавшихся

над равниной из того же материала. Жирный кус для спекулянтов недвижимостью середины прошлого века. Дождь шел теперь мерно и плотно, и она чувствовала себя как бы в сговоре с ним. Дождь придавал дню что-то заговорщицкое, оседая каплями на шикарную каучуковую сумку, в которой была фортуна, наконец улыбнувшаяся Алену. Как странно — кошмарный пейзаж, миллионы под мышкой, и каждый шаг приближает к тому, чтобы кипами новых иен облагодетельствовать бесконечно неверного бывшего любовника.

Когда она нажала на кнопку домофона с номером квартиры, никакого ответа не последовало. За затемненным стеклом — голый мрачный вестибюль. Одно из таких мест, где включаешь свет у входа, а потом лампы сами автоматически выключаются — как правило, еще до прихода лифта, — оставляя тебя ждать в усталом воздухе и запахе дезинфекции.

Она снова позвонила.

— Ален?

Ничего.

Толкнула дверь. Не заперто. В вестибюле пусто. Мертвый глаз беспризорной телекамеры смотрит на нее сквозь пленку пыли. С бетонной равнины за спиной сочится водянистый полуденный свет. Цокот каблучков по коричневой плитке, когда она шла к лифтам. Нажала кнопку "22". Послышался гулкий удар, металлический стон, и один из лифтов начал опускаться. Пластмассовые указатели над дверьми остались неосвещенными. Кабина прибыла со вздохом и высоким слабеющим воем.

— Мон шер Ален, как низко ты пал в этом мире. Этот дом — полное дерьмо, правда, правда.

Когда створки дверей, скользнув в стороны, открылись в темноту кабины, Марли нащупала под итальянской сумкой Пако клапан собственной брюссельской сумочки. Нашла плоский фонарик, который всегда носила при себе с первой своей прогулки по Парижу. На зеленой жестяной ручке фонарика выгравирована торговая марка в виде львиной головы. "Гора Чудес". В парижских лифтах можно вляпаться во что угодно, начиная от рук грабителя и кончая дымящейся кучкой свежего собачьего кала…

Слабый луч выхватывает серебристые кабели, масляные и сияющие, мягко покачивающиеся в пустой шахте. Носок правого сапога уже на несколько сантиметров вышел за стертый стальной обод плитки, на которой стоит левый. Рука автоматически с ужасом дергает луч вниз: двумя этажами ниже видна пыльная и замусоренная крыша кабины. За те несколько секунд, пока луч нащупывал лифт, Марли успела разглядеть невероятное

количество деталей. Подумала о крохотной подводной лодке, нырнувшей в морскую бездну, о хилом лучике, скользящем по вековым отложениям на дне: мягкий покров древней пушистой плесени, засохшее и серое нечто, бывшее когда-то презервативом, яркие зайчики света отскакивают от мятых кусков стальной фольги, хрупкий желтоватый цилиндр и белый поршень диабетического шприца… Она так вцепилась в дверь, что заболели суставы пальцев. Медленно, очень медленно перенесла вес назад, подальше от колодца. Еще шаг, и Марли щелчком выключила свет.

— Черт побери, — вырвалось у нее. — О Господи.

Нашла дверь на лестничную площадку. Снова включив маленький фонарик, стала взбираться наверх. Через восемь этажей отупение начало понемногу спадать, и ее затрясло, дорожки слез испортили макияж.

Снова постучать в дверь. Дверь из ДСП оклеена ламинированной пленкой — отвратительная имитация под красное дерево: литографированное зерно едва различимо в свете единственной на весь длинный коридор биофлюоресцентной полоски.

— Черт тебя побери. Ален? Ален!

Рыбий глаз дверного глазка пусто смотрит сквозь нее, глаза за ним нет. В коридоре застыл ужасающий запах: забальзамированная кухонная вонь в ловушке из синтетической обивки.

Толкнуть дверь, поворачивая ручку, дешевая медь — холодная и липкая, сумка с деньгами внезапно потяжелела, ремень врезается в плечо. Дверь легко открывается. Короткая оранжевая дорожка испещрена ломаными розовыми прямоугольниками — ясно различимый след грязи, которую десятилетиями втирали тысячи квартиросъемщиков и их гостей…

— Ален?

Запах черных французских сигарет. Почти уютный…

И найти его здесь. Лежащего, свернувшись по-детски, на кошмарном оранжевом ковре. В этом водянистом серебряном свете, сочащемся из прямоугольника окна, где на фоне бледного дождливого неба — другие безликие высотки. Спина — как знак вопроса под натянутой бутылочно-зеленой велюровой курткой. Левая рука прикрывает ухо. Белые пальцы, у основания ногтей — тонкий синеватый налет.

Опустившись на колени, Марли коснулась его шеи. Поняла. Дождь за окном все сыпал и сыпал — навсегда. Сидеть, расставив ноги; баюкать его голову, обнимая; раскачиваться, качаться… Отупелое животное поскуливание заполняет голый

прямоугольник комнаты… И через какое-то время, осознав, что что-то впивается в ладонь, увидеть аккуратный срез очень тонкой, очень жесткой проволоки из нержавеющей стали, кусок проволоки торчит из его уха, проходит между раздвинутых холодных пальцев.

Гадко, гадко, так не умирают. Это подняло ее на ноги. Гнев, пальцы как когти. Осмотреть безмолвную комнату, место, где он умер. Следов его присутствия нет, ничего. Только потрепанный "атташе". Откинув крышку, Марли обнаружила два блокнота на спирали — чистые, нетронутые страницы, — нечитанный, но очень модный роман, коробок деревянных спичек и полупустую пачку синих "Галуаз". Переплетенный в кожу ежедневник исчез. Она ощупала его куртку, залезла в карманы — ежедневника не было.

Нет, подумала она, ты не записал бы это туда, верно? Но ты ведь никогда не мог запомнить ни номера, ни адреса, да? Она снова оглядела комнату, охваченная каким-то странным спокойствием. Тебе ведь приходилось все записывать, но ты скрытничал, не доверял моей маленькой книжице от "Брауне", да? Если у тебя было свидание с девушкой в каком-нибудь кафе, ты записывал ее телефон на спичечном коробке или на обратной стороне чека и забывал об этом, так что я находила его недели спустя, убирая твои вещи.

Марли перешла в крохотную спальню. Там стоял ярко-красный складной стул и пласт дешевого желтого темперлона, служивший кроватью. Темперлон был помечен коричневой бабочкой менструальной крови. Она приподняла пласт, но под ним ничего не было.

— Ты, наверное, был напуган, — сказала она. Голос дрожал от ярости, которую она даже не пыталась понять. Руки были холодны, холоднее, чем у Алена. Она пробежала пальцами по красным в золотую полоску обоям в поисках какого-нибудь разошедшегося шва, отставшего края, тайника.

— Глупая несчастная сволочь. Несчастная дохлая сволочь…

Ничего. Назад, в гостиную, — и почему-то удивление, что он не пошевелился. Как будто ожидала, что он вот-вот вскочит, "привет-привет", размахивая куском бутафорской проволоки. Сняла с него туфли. Пора ставить новые каблуки. Заглянула внутрь, пощупала стельки. Ничего.

— Не делай этого со мной.

И назад, в спальню. Узкий шкаф. С треском отмахнуться от стайки дешевых пластмассовых вешалок, оттолкнуть обвисший саван упаковочного пластика из химчистки. Сдвинуть пласт грязной постели, встать на него — каблуки проваливаются в

темперлон, — чтобы провести руками вдоль полки из ДСП и найти в дальнем углу плотно свернутый бумажный квадратик, прямоугольный и синий. Развернуть, заметив, как облупился лак с ногтей, на которые она потратила сегодня столько времени, и увидеть номер, записанный зеленой шариковой ручкой. Это была обертка от пустой пачки "Галуаз".

В дверь постучали.

Потом голос Пако:

— Марли? Эй, Марли? Что случилось?

Она засунула бумажку за ремень джинсов и повернулась, чтобы встретить взгляд спокойных серьезных глаз.

— Это Ален, — сказала она. — Он мертв.

19. ГИПЕРБАЗАР

В последний раз Бобби видел Лукаса перед огромным старым универмагом на Мэдисон-Авеню. Таким он его и запомнил: огромный негр в строгом черном костюме вот-вот войдет в свой длинный черный автомобиль, один черный начищенный ботинок уже стоит внутри роскошного салона Ахмеда, другой — еще на крошащемся бетоне тротуара.

Джекки стояла рядом с Бобби. Ее лицо затеняли широкие поля увешанной золотыми побрякушками федоры, шафрановый шарф завязан сзади на шее.

— Теперь за нашим юным другом будешь присматривать ты. — Лукас ткнул в нее набалдашником трости. — Он не без врагов, наш Граф.

— А у кого их нет? — спросила Джекки.

— Я сам о себе могу позаботиться, — сказал Бобби. Мысль, что Джекки считают более умелой, чем он, возмущала его; в то же время он понимал — так оно и есть.

— Ты уверен? — Лукас качнул тростью, теперь набалдашник смотрел на Бобби. — Муравейник, мой друг, — это искаженный мир. Здесь вещи редко бывают тем, чем кажутся.

Как бы в подтверждение своих слов он сделал что-то с тростью — и длинные латунные накладки на мгновение беззвучно раскрылись, встопорщились наподобие спиц зонта, только каждая спица оказалась обоюдоострым и заточенным штырем. Потом они исчезли, и широкая дверца Ахмеда, скользнув на место, закрылась с глухим бронированным стуком.

Джекки рассмеялась.

— Вот че-ерт. Лукас все еще таскает с собой эту убивающую палку. Он теперь важный адвокат, однако улица всегда оставляет свой отпечаток. Что ж, на мой взгляд, это неплохо.

— Адвокат?

Джекки только поглядела на него.

— Пустяки, золотко, ты просто пойдешь со мной, будешь делать, как я скажу, и все будет о'кей.

Ахмед влился в редкое уличное движение, и какой-то рикша бессмысленно прогудел вслед удаляющемуся латунному бамперу ручным клаксоном.

Потом, положив Бобби на плечо наманикюренные пальцы в золотых кольцах, Джекки повела его по тротуару мимо бездомных бродяг в лохмотьях, устроивших себе ночлег среди мешков для мусора, — в медленно просыпающийся мир Гипербазара.

Четырнадцать этажей, сказала Джекки, а Бобби только

присвистнул.

— И все такие?

Она кивнула, размешивая коричневые кристаллы колотого сахара в бежевой пене кофе-гляссе. Они сидели на витых чугунных стульях у мраморной стойки в маленькой забегаловке. Девушка одних с Бобби лет с обесцвеченными волосами, залакированными под акулий плавник, орудовала рычагами огромной древней кофеварки. Над медными баками, куполами и горелками раскинули крылья хромированные орлы. Столешница, на которой покоилась кофеварка, первоначально была чем-то другим — Бобби хорошо был виден тот конец, который сбили наискось, чтобы втиснуть мраморную плиту между двух крашенных белым железных колонок.

— Нравится, а? — Джекки присыпала бежевую пену корицей из старой тяжелой стеклянной перечницы. — Думаю, так далеко от Барритауна ты еще никогда не забирался.

Бобби кивнул. В глазах рябило от многоцветия товаров в лавках, да и самих лавок тоже. Казалось, здесь не было порядка буквально ни в чем, ни малейшего намека хоть на какую-то единую планировку. От небольшого пятачка перед забегаловкой во все стороны разбегались кривые коридоры. И единого центрального источника света, казалось, тоже не было. Красный и голубой неон чередовался с неровным белым светом шипящих газовых фонарей, а в одной лавке, которую как раз открывал бородач в кожаных штанах, похоже, вообще горели свечи — мягкий колеблющийся свет отражался от сотен полированных медных пряжек и медальонов, развешанных на красно-черной стене из старых циновок. Весь Гипербазар полнился утренним шумом, кашлял, прочищая горло. Из-за угла с жужжанием выехал синий уборочный робот "Тошиба", таща за собой побитую пластиковую тележку с зелеными полиэтиленовыми тюками мусора. К верхнему сегменту его корпуса, прямо над россыпью видеообъективов и сенсоров, кто-то приклеил огромную голову плас!

тмассовой куклы. Голубые глаза, улыбка — черты искусственного лица напоминали знаменитую звезду симстима, но отдаленно, отдаленно — дабы не нарушать авторских прав "Сенснета". Розовая голова с платиновыми волосами, завязанными сзади в хвост ниткой бледно-голубого искусственного жемчуга, абсурдно подпрыгивая, кивнула пару раз, когда робот проползал мимо. Бобби рассмеялся.

— Здесь все о'кей, — сказал он, жестом указывая девушке за стойкой, чтобы она снова наполнила его чашку.

— Подождешь минуту, задница, — вполне дружелюбно

отозвалась девушка. Она отмеряла молотый кофе, насыпая его через погнутую стальную воронку в чашку антикварных весов. — Джекки, тебе вчера после шоу удалось поспать?

— Конечно, — ответила Джекки и отхлебнула кофе. — Я танцевала во втором выходе, а потом поспала у Джаммера. Завалилась на его тахту, понимаешь?

— Хотелось бы мне быть на твоем месте. Каждый раз, когда Генри видит, как ты танцуешь, он потом всю ночь не оставляет меня в покое… — Рассмеявшись, девушка наполнила чашку Бобби из черного пластмассового термоса.

— Ладно, — сказал Бобби, когда девушка снова занялась кофеваркой, — что теперь?

— Занятой человек? — Джекки холодно взглянула на него из-под увешанных золотом полей шляпы. — У тебя график: куда пойти, с кем встретиться, да?

— Ну нет. Блин. Я просто хочу сказать, это оно?

— Что оно?

— Это место. Мы остаемся здесь?

— На последнем этаже. Мой друг Джаммер заправляет клубом наверху. Сомнительно, что кто-то сможет отыскать тебя там, а даже если им это удастся, в клуб не так-то легко проникнуть. Четырнадцать этажей лавок, и все торгуют тем, что владельцам не хотелось бы выставлять на всеобщее обозрение, сечешь? Здесь очень чувствуют чужих, особенно тех, кто задает вопросы. И большинство здешних нам, так или иначе, друзья. В общем, тебе тут понравится. Хорошее для тебя место. Можно многому научиться, если будешь помнить, что надо держать рот на замке.

— Как я могу учиться, не задавая вопросов?

— Ну, я имела в виду — держи ушки на макушке, скорее в этом смысле. И будь повежливее. Здесь немало крутых, но если ты не будешь совать нос в чужие дела, то и тебя оставят в покое. К концу дня здесь, вероятно, появится Бовуа. Лукас поехал на Проект пересказать ему то, что вы разузнали у Финна. Вы ведь что-то у него узнали, да, золотко?

— Например, то, что у него на полу валяются три трупа. Финн сказал, это ниндзя. — Бобби поднял на нее взгляд. — Он какой-то странный.

— Ну, покойники обычно не входят в ассортимент его товаров. Но, в общем и целом, ты прав, он тот еще фрукт. А почему бы тебе не рассказать мне обо всем? Спокойно и последовательно, не повышая голоса. Как по-твоему, сможешь?

Бобби рассказал ей, что смог вспомнить из своего визита к Финну. Несколько раз она его останавливала, задавала вопросы,

на которые он, как правило, не знал ответа. Когда он впервые упомянул Вигана Лудгейта, Джекки задумчиво кивнула.

— Да-а, — протянула она. — Джаммер иногда поминает Вига, если его раскрутить на разговор о старых временах. Надо будет порасспросить его…

Под конец рассказа она откинулась назад, прислонившись к одной из зеленых колонн. Низко надвинутая шляпа почти скрыла лицо танцовщицы.

— Ну? — не вытерпел Бобби.

— Интересно, — сказала Джекки, но это было все.

— Мне нужна новая одежда, — заявил Бобби, когда они взобрались по неподвижному эскалатору на второй этаж.

— У тебя есть деньги?

— Блин, — ругнулся он, похлопав себя по мешковатым плиссированным джинсам в тех местах, где у обычных штанов были карманы. — Нет у меня, черт побери, никаких долбаных денег, но мне нужна одежда. Вы ведь с Лукасом и Бовуа для чего-то же меня прячете, так? Ну так вот, я устал от этой кошмарной рубахи, которую мне навязала Реа, и мне надоело ждать, что эти штаны вот-вот свалятся с моей жопы. И я здесь потому, что этот куроложец Дважды-в-День решил подставить мою шею ради того, чтобы Лукас и Бовуа смогли проверить свой траханый софт. Так что ты вполне, мать твою так, можешь купить мне какую-нибудь одежду, идет?

— Идет, — сказала она после паузы. — Вот что я тебе скажу, — Джекки указала на китаянку в блеклой джинсе, которая сворачивала листы пластика, закрывавшие стальные трубчатые стойки с висевшей одеждой. — Видишь вон там Лин? Она моя знакомая. Выбери, что захочешь, а я потом улажу это между ней и Лукасом.

Полчаса спустя он появился из занавешенной одеялом примерочной и надел яванские авиационные очки с зеркальными стеклами. Улыбнулся Джекки.

— Вот это стильно, — возвестил он.

— О да. — Она обмахнулась рукой, как будто поблизости было что-то горячее, чего нельзя коснуться. — Значит, тебе не понравилась рубашка, которую тебе одолжила Реа?

Бобби опустил глаза на выбранную им черную футболку с квадратной голограммой киберпространственной деки через всю грудь. Дека выглядела так натурально, что казалось: только положи пальцы на клавиши, и она унесет тебя в полет сквозь матрицу, над линиями решетки, проступающей из-под краев деки.

— Ага. Безвкусная дешевка.

— Верно, — отозвалась Джекки, оглядев узкие черные

джинсы, тяжелые ботинки и черный кожаный ремень, украшенный двумя рядами пирамидальных хромированных заклепок. — Сдается, теперь ты куда больше похож на графа. Пойдем, Граф, у меня есть для тебя кушетка, сможешь отоспаться наверху у Джаммера.

Заложив большие пальцы в передние карманы черных "ливайсов", Бобби испробовал на Джекки плотоядную улыбку.

— Один, не беспокойся, — добавила танцовщица.

20. РЕЙС ИЗ ОРЛИ

Пако повернул "ситроен-дорнье" вниз, к Елисейским Полям, вдоль северного берега Сены, потом — мимо Центрального рынка. Марли утонула в ошеломляюще мягком кожаном сиденье, со стежками еще более тонкими, чем на ее брюссельском пальто, и заставила себя не думать ни о чем… полная пустота, отсутствие эмоций. Будь глазами, сказала она себе. Только глазами, чувствуй свое тело, его вес равномерно вдавлен в сиденье скоростью этой кощунственно дорогой машины. Прогудев мимо Площади Невинноубиенных, где шлюхи торгуются из-за грошей с водителями грузовых ховеров, Пако без малейших усилий вписался в лабиринт узких улочек.

— Почему вы сказали "Не делай этого со мной"? — Он убрал руку с панели управления и поправил каплю передатчика в ухе.

— Зачем вы подслушивали?

— Потому что это моя работа. Я послал туда женщину с параболическим микрофоном. Она поднялась на двадцать второй этаж высотки напротив. Телефон в квартире не работал; иначе мы подключились бы к нему. Наш агент вскрыла пустую квартиру, выходящую на западный фасад здания, и нацелила свой микрофон как раз вовремя, чтобы услышать, как вы говорите: "Не делай этого со мной". Вы говорили, что были там одна?

— Да.

— Он был мертв?

— Да.

— Тогда почему вы так сказали?

— Не знаю.

— Кто, как вы почувствовали, что-то вам сделал?

— Не знаю. Наверное, Ален.

— Сделал что?

— Умер? Все усложнил? Сами мне скажите.

— Вы — сложная женщина.

— Выпустите меня.

— Я отвезу вас в квартиру вашей подруги…

— Остановите машину.

— Я отвезу вас…

— Я пойду пешком.

Длинная серебристая машина скользнула к обочине.

— Я позвоню вам в…

— Всего доброго.

— Вы уверены, что не хотите предпочесть какой-нибудь курорт? — спросил мистер Палеологос, худой и элегантный, как

богомол, в своем белом льняном жакете. Волосы у него тоже были белые и зачесаны назад с необыкновенным тщанием. — Это не столь дорого и гораздо веселее. Вы очень привлекательная девушка.

— Простите? — Рывком отключаясь от созерцания пустой улицы за залитым дождем окном. — Что вы сказали? — Его французский был неуклюжим, восторженным и со странно модулированными интонациями.

— Очень симпатичная девушка, — жеманно улыбнулся агент. — Вы не предпочли бы каникулы в кластере Мед? Общество людей вашего возраста? Вы еврейка?

— Прошу прощения?

— Еврейка? Да?

— Нет.

— Очень жаль, — сказал он. — У вас скулы определенного типа — как у элегантных молодых евреек. У меня есть чудесная путевка со скидкой. Пятнадцать дней на Иерусалимской Весне, восхитительная обстановка — и все это за ту же цену. Включая аренду скафандра, трехразовое питание и прямой шаттл от тора "Джей-Эй-Эль".

— Аренду скафандра?

— На Иерусалимской Весне еще не успели полностью нарастить атмосферу, — сказал мистер Палеологос, передвигая стопку распечаток на розовой папиросной бумаге с одного конца письменного стола на другой.

Его контора представляла собой крохотный закуток с голографическими видами Пороса и Макао вдоль стен. Марли выбрала это агентство за его очевидную безвестность, и потому, что туда легко было проскользнуть, не выходя из небольшого коммерческого комплекса на ближайшей от квартиры Андреа станции метро.

— Нет, — повторила она, — меня не интересуют курорты. Я хочу поехать вот сюда, — она постучала пальцем по надписи, сделанной на мятой синей обертке от пачки "Галуаз".

— Ладно, — буркнул агент, — это, конечно, возможно, но у меня нет списка предлагаемых услуг. Вы остановитесь у друзей?

— Деловая поездка, — нетерпеливо отрезала Марли. — Мне нужно улететь немедленно.

— Хорошо-хорошо, — примирительно сказал мистер Палеологос, снимая с полки позади стола дешевый маленький терминал, — не могли бы вы назвать мне код вашего кредита?

Порывшись в черной кожаной сумочке, Марли выудила толстую пачку новых иен, которую она стянула из сумки Пако, пока тот был занят осмотром квартиры. Банкноты были

перетянуты ленточкой из красного прозрачного пластика.

— Я заплачу наличными.

— О Боже, — отозвался мистер Палеологос, касаясь верхней банкноты кончиком розового пальца, как будто ожидал, что вся пачка вот-вот растворится в воздухе. — Понимаю. Видите ли, не в моих правилах вести дела таким образом… Но, полагаю, что-то можно будет устроить…

— И побыстрее, — бросила она в ответ, — как можно быстрее…

Он поднял на нее глаза.

— Понимаю. — Его пальцы забегали по клавиатуре терминала. — Не могли бы вы назвать мне имя, под каким вы желаете путешествовать?

21. ВРЕМЯ ТРАССЫ

Тернер проснулся в безмолвном доме, полежал, слушая, как в кронах яблонь заросшего сада перекликаются птицы. Эту ночь он спал на сломанной кушетке, которую Руди держал на кухне. Встав, Тернер накачал воды для кофе. Запыхтели пластиковые трубы, ведущие от бака на крыше, вода полилась в чайник. Потом он поставил чайник на газовую плитку и вышел на веранду.

Восемь машин Руди, покрытые утренней росой, были припаркованы ровным рядком на гравии подъездной дорожки. Когда Тернер спустился по ступенькам, в распахнутые ворота вбежала модифицированная собака, ее черный колпак тихонько пощелкивал в утренней тишине. Собака остановилась, принюхиваясь, повела из стороны в сторону черным конусом морды и затрусила по своим делам по дорожке за угол веранды.

Тернер остановился у капота тускло-коричневого джипа "судзуки". Мотор был переделан под водородное топливо. Должно быть, Руди сам проделал всю работу. Привод на все четыре колеса, с огромных колес с покрышками для бездорожья осыпалась засохшая речная глина. Маленький, надежный, но на трассе от него немного толку…

Он прошел мимо двух покрытых пятнами ржавчины седанов "хонда", совершенно идентичных: один и тот же год, одна и та же модель. Руди, очевидно, разбирает один на запчасти для другого — значит, оба не на ходу. Тернер рассеянно хмыкнул, взглянув на безукоризненный, коричневый с бежевым лак на кузове пикапа "шевроле" модели 1949 года. Он помнил проржавевший остов, который Руди приволок домой из Арканзаса на арендованной платформе. Эта старушка бегала еще на бензине; на внутренних поверхностях ее мотора, скорее всего, так же не найдешь ни единого пятнышка, как и на натертом вручную шоколадном лаке крыльев.

Дальше под серым пластиковым брезентом стояла половинка экранолета фирмы "дорнье", а за ней — на самодельном трейлере — похожий на осу черный гоночный мотоцикл "судзуки". Тернер задумался, вспоминая, сколько времени прошло с тех пор, как Руди в последний раз всерьез участвовал в гонках. Под еще одним брезентом возле трейлера с байком приютился старенький снегоход. А за ними — пятнистый ховер, наследие войны, почти что танк: от приземистой башни из бронированной стали пахло керосином, на котором работала турбина. Усиленная стальной сеткой юбка воздушной подушки распласталась по гравию. Окна напоминали бойницы с толстым высокопрочным пластиком

вместо стекол. К похожим на тараны бамперам были привинчены номерные знаки Огайо. Номера не просрочены.

— Понимаю, о чем ты думаешь, — сказала Салли, и, обернувшись, Тернер увидел, что она стоит у перил веранды с кружкой дымящегося кофе в руке. — Руди говорит, если эта махина не сможет через что-то перелезть, она просто пройдет это насквозь.

— Быстрая? — Прикоснувшись к бронированному боку ховера.

— Конечно, но примерно через час тебе понадобится новый кардан.

— А как насчет законов?

— Нельзя сказать, что полиции так уж нравится его вид, но есть разрешение на поездки по улицам. Насколько я знаю, нет законов, которые запрещали бы броню.

— Энджи чувствует себя лучше, — сказала Салли, когда он вошел за ней на кухню. — Правда, милая?

Дочь Митчелла подняла глаза от кухонного стола. Ее синяки, как и синяки Тернера, поблекли — пара жирных запятых, похожих на сине-черные нарисованные слезы.

— Мой друг — доктор, — сказал Тернер. — Он осмотрел тебя, пока ты была без сознания. Он говорит, с тобой все в порядке.

— Он — твой брат. И он не врач.

— Извини, Тернер, — сказала от плиты Салли. — Я довольно прямолинейна.

— Ладно, не врач, — согласился Тернер, — но он много чего умеет. Мы волновались, вдруг ребята из "Мааса" сделали что-то с тобой, подстроили так, чтобы ты заболела, если уедешь из Аризоны…

— Например, вживили бомбу в кору головного мозга? — Энджи ковыряла ложкой холодную овсянку на щербатой тарелке с каймой из яблоневых цветов — из сервиза, который Тернер помнил слишком хорошо.

— Господи, — выдохнула Салли, — во что ты впутался, Тернер?

— Хороший вопрос. — Он подсел к столу. Энджи, не сводя с него глаз, жевала свою овсянку.

— Энджи, — начал Тернер, — когда Руди сканировал тебя, он нашел у тебя в голове нечто странное.

Девочка перестала жевать.

— Он не знает, что это такое. Это вживили туда, возможно, еще тогда, когда ты была совсем маленькой. Ты знаешь, что я имею в виду?

Она кивнула.

— Ты знаешь, что это? Энджи сглотнула:

— Нет.

— Но ты знаешь, кто поместил это туда?

— Да.

— Твой отец?

— Да.

— Ты знаешь, почему?

— Может, потому, что я болела?

— Чем ты болела?

— Я была недостаточно умной.

К полудню все было готово. Заправленный ховер ждал у проволочного заграждения. Руди дал ему прямоугольный черный "зиплок", набитый новыми иенами — некоторые банкноты от долгого употребления были настолько потерты, что стали почти прозрачными.

— Я попытался прогнать запись через французский "лексикон", — сказал Руди, одна из собак тем временем терлась пыльным боком о его штанину. — Не сработало. Похоже, это какой-то креольский диалект. А может, африканский. Хочешь себе копию?

— Нет, — ответил Тернер, — лучше сам с ней поиграй.

— Спасибо, — сказал Руди, — но никаких копий. Я не собираюсь признаваться в том, что ты вообще был здесь, — на случай, если кто-то станет интересоваться. Что до нас с Салли, мы под вечер отправимся в Мемфис, погостим у друзей. За домом присмотрят собаки. — Он почесал животное где-то под пластиковым колпаком. — Правда, малыш? — Собака было заскулила, но потом завиляла хвостом. — Пришлось отучить их охотиться на енотов после того, как я поставил эти инфракрасные сканеры, — сказал он, — иначе в округе не осталось бы вскоре ни одного енота…

По ступеням веранды спустились Салли и девочка. Салли несла старый холщовый мешок, в который она собрала им в дорогу бутерброды и термос с кофе. Тернер вспомнил ее в постели — там, наверху — и улыбнулся. Она улыбнулась в ответ. Сегодня она выглядела старше, чем вчера, и гораздо более усталой. Энджи сменила залитую кровью футболку "МААС-НЕОТЕК" на бесформенный свитер, который ей подыскала Салли. В нем девочка казалась еще моложе, чем была на самом деле. Салли даже удалось вписать блекнущие синяки в довольно эксцентричный макияж вокруг глаз, который дико контрастировал с детским лицом и мешковатым свитером.

Руди протянул Тернеру ключи от ховера.

— Я заставил свой старый "Крей" сварганить мне сегодня утром выжимки из последних сводок новостей, раздел "Корпорации". Кое-что из этого тебе, вероятно, следует знать. А именно: "Маас Биолабс" объявил о смерти доктора Кристофера Митчелла в результате несчастного случая.

— Впечатляет, насколько неопределенно могут выражаться эти люди.

— И следи за тем, чтобы ремни всегда были натянуты потуже, — говорила тем временем Салли, — иначе твоя попка превратится в сплошной синяк еще до того, как вы выберетесь на кольцевую дорогу вокруг Стейтсборо.

Руди глянул на девочку, потом снова на Тернера. Тернеру видна была сетка лопнувших сосудов у брата под носом. И глаза у него были налиты кровью, и левое веко явственно подергивалось.

— Ну, думаю, вот и все, — сказал Руди. — Забавно, но я уже было решил, что никогда больше тебя не увижу. Странно как-то снова видеть тебя здесь…

— Ну, — отозвался Тернер, — вы оба сделали больше, чем я был вправе рассчитывать. Салли отвела глаза.

— Так что спасибо. Думаю, нам пора двигаться. — Он забрался в кабину ховера, желая поскорее уехать.

Сжав напоследок запястье девочки, Салли отдала ей мешок и постояла рядом, пока та карабкалась вверх по откидным подножкам. Тернер забрался на водительское сиденье.

— Она все спрашивала о тебе, — сказал вдруг Руди. — Через какое-то время стало так плохо, что даже аналоги эндорфина не могли подавить боль, и примерно каждые два часа она спрашивала, где ты, когда ты приедешь.

— Я посылал тебе деньги, — сказал Тернер. — Достаточно, чтобы отвезти ее в Тибу. Там, в клинике, вы могли бы испробовать что-нибудь новое.

— Тиба? Господи, — фыркнул Руди, — она была старуха. Что, черт побери, хорошего было бы в том, если бы в Тибе растянули ее жизнь еще на несколько месяцев? Если больше всего на свете она хотела увидеть тебя?

— Тогда не вышло, — сказал Тернер, когда девочка села на соседнее сиденье и поставила мешок между ног на пол. — Увидимся, Руди, — кивнул он. — Спасибо, Салли.

— Прощайте, — отозвалась Салли, обнимая Руди за талию.

— О ком вы говорили? — спросила Энджи, когда опустилась крышка люка.

Вставив ключ в замок зажигания, Тернер запустил турбину, одновременно пустив воздух в воздушную подушку. Через узкое окно на своей стороне он увидел, как Руди и Салли быстро

отошли назад от ховера, а собака, присев на задние лапы, залаяла на шум турбины. Педали и ручное управление были слишком большими, они были сконструированы так, чтобы предоставить максимум свободы движений водителю в радиационном скафандре. Тернер осторожно выехал из ворот и развернулся на широкой полосе гравиевой дорожки. Энджи подтягивала пристяжные ремни.

— О матери, — сказал он.

Он завел турбину, и машина рванулась вперед.

— А я никогда не знала своей матери, — сказала девочка, и Тернер вспомнил, что ее отец мертв, а она этого еще не знает…

Он прибавил обороты, и ховер сорвался с гравиевой дорожки, едва не задев одну из собак Руди.

Относительно подвески броневичка Салли была права: от турбины шла постоянная вибрация. При девяноста километрах в час на горбатом асфальте старой трассы ховер просто вытряхивал душу. Бронированная воздушная подушка тяжело переваливалась через рытвины. Эффект скольжения, подобный гражданской спортивной модели, будет возможен лишь на совершенно ровном покрытии.

Неожиданно для себя Тернер обнаружил, что ему это нравится. Нацеливаешься, чуть осаживаешь колымагу, потом даешь газ. Кто-то подвесил над передней обзорной щелью пару выцветших на солнце розовых игральных костей, которые теперь раскачивались из стороны в сторону. За спиной — ровный вой турбины. Девочка, похоже, расслабилась, впитывая пробегающий мимо придорожный ландшафт с рассеянным, почти довольным видом, и Тернер был благодарен, что от него не требуется поддерживать разговор. Ты крутая, думал он, временами скашивая взгляд в ее сторону. Пожалуй, едва ли найдется сегодня на поверхности этой планеты еще один такой же маленький объект, за которым шла бы такая же жестокая охота. И вот я увожу тебя в Муравейник в бронетачке Руди, оставшейся с прошлой войнушки, и понятия, черт побери, не имею, что мне с тобой делать… Или кто это был, кто рванул городок…

Давай-ка прокрутим это, сказал он самому себе, когда они свернули вниз в долину, еще раз прокрутим произошедшее, может, что и выскочит. Митчелл вошел в Контакт с "Хосакой", сказал, что он переходит к ним. "Хосака" наняла Конроя и набрала команду медиков, чтобы проверить Митчелла на предмет имплантантов. Конрой сколачивал группу, работая в контакте с агентом Тернера. Агент Тернера — это голос в Женеве, номер телефона, не более. "Хосака" заслала Эллисон, чтобы та подлечила его в Мексике, потом Конрой вытащил его оттуда.

Уэббер, прямо перед тем, как все пошло наперекосяк, сказала, что это она была подсадкой Конроя на полигоне… Кто-то атаковал полигон, когда к нему подлетала девушка. Затем — сигнальные ракеты и автоматные очереди. На взгляд Тернера, это было очень похоже на "Маас"; приблизительно такого хода он и ожидал от их спецслужбы — однако с подобной ситуацией полагалось справиться наемным мускулам. Потом побелело небо… Тернер вспомнил, что Руди говорил что-то про электр!

омагнитную пушку… Кто? И этот бардак у девочки в голове, то, что появилось у Руди на дисплеях томографа и визуализатора ядерно-магнитного резонанса. А Энджи сказала, что ее отец никогда не намеревался бежать сам.

— Нет компании, — сказала она, обращаясь к окну.

— То есть?

— У тебя ведь нет компании, да? Я хочу сказать, ты работаешь на тех, кто тебя нанимает.

— Верно.

— Ты не боишься?

— Конечно, но не из-за этого…

— А у нас всегда была компания. Мой отец сказал, что со мной будет все в порядке, что я просто перехожу под крышу другой компании…

— Он прав, с тобой все будет в порядке. Мне просто нужно выяснить, что происходит. А потом я доставлю тебя туда, куда тебе нужно.

— В Японию?

— Куда угодно.

— Ты там бывал?

— Конечно.

— Мне там понравится?

— Почему бы и нет?

Тут она снова погрузилась в молчание, а Тернер сосредоточился на дороге.

— Это заставляет меня видеть сны, — сказала девочка, когда Тернер наклонился, чтобы включить фары. Ее голос был едва слышен за ревом турбины.

— Что заставляет? — Чтобы не смотреть в ее сторону, он сделал вид, что занят слежением за дорогой.

— Та штука в моей голове. Обычно это происходит только тогда, когда я сплю.

— Да-а? — Вспомнив белки закатившихся глаз в спальне Руди, конвульсии, наплыв сбивчивых фраз на неизвестном языке.

— А иногда наяву. Как будто я подключилась в деку, только я свободна от решетки матрицы, лечу, лечу, и я там не одна. Как-то

ночью мне снился мальчик… Он потянулся, схватил что-то, и это что-то причиняло ему боль, а он не понимал, что свободен, что ему нужно только это отпустить… Так я ему об этом сказала. И вдруг на долю секунды смогла увидеть, где он. Это не было сном, я ясно увидела противную комнатку с грязным ковром, и я могла бы сказать, что ему нужно принять душ, и чувствовала, как к его ступням прилипают стельки, потому что он был без носков… Это было совсем не похоже на сон…

— Нет?

— Нет. Сны… в снах все большие, очень большие… я тоже большая, двигаюсь, плыву среди других…

Ховер, взвыв, преодолел бетонный подъезд к трассе меж штатами, Тернер выдохнул и только тут сообразил, что уже с минуту задерживает дыхание:

— Что за другие?

— Яркие. — Снова молчание. — Не люди…

— Ты много времени проводишь в киберпространстве, Энджи? Я хочу сказать, надолго подключаешься в деку?

— Нет. Только когда делаю домашние задания. Отец сказал, что мне это вредно.

— А о снах он что-нибудь говорил?

— Только то, что они становятся все реальнее. Но я никогда не рассказывала ему о тех, других…

— Хочешь поделиться? Может быть, это поможет мне сообразить, что нам теперь делать.

— Некоторые из них рассказывают мне всякое. Разные истории. Когда-то там не было ничего, ничего, что существовало бы само по себе, — были только базы данных и люди, копавшиеся в них. Потом что-то случилось, и Оно… Оно познало себя. Это уже совсем другая история — о девушке с зеркальными глазами и о мужчине, который боялся кого-нибудь любить. Что-то, что сделал этот человек, помогло Целому познать себя…. А потом Оно как будто распалось на различные части себя самого, и мне кажется, те — яркие, другие — и есть эти части. Но об этом очень сложно рассказывать, потому что сами они говорят об этом не совсем словами.

Тернер почувствовал, как по спине у него побежали мурашки. Что-то всплывало, возвращалось к нему из подводного города — досье Митчелла. Волна жгучего стыда в холле, облупившаяся грязно-кремовая краска, Кембридж, общежитие университета…

— Где ты родилась, Энджи?

— В Англии. Потом мой отец стал работать на "Маас", и мы переехали. Сначала в Женеву.

Где-то посреди Вирджинии Тернер свернул ховер на обочину

из гравия, потом съехал на заросшее пастбище. Он повернул налево, за машиной потянулся клубящийся хвост пыли. Лето, все высохло. Тернер завел ховер поглубже в ельник. Турбина заглохла, машина грузно осела, выдавливая воздух из-под юбки.

— Теперь можно и поесть, — сказал он, перегнувшись на заднее сиденье за холщовым мешком Салли.

Выпутавшись из пристяжных ремней, Энджи расстегнула молнию черного свитера. Под свитером на ней было что-то белое и облегающее, квадратный вырез открыл по-детски гладкое, загорелое тело. Она взяла у него мешок и стала разворачивать приготовленные Салли бутерброды.

— А что не так с твоим братом? — спросила она, протягивая ему половину бутерброда.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, есть что-то… Салли сказала, он все время пьет. Он несчастлив?

— Не знаю, — ответил Тернер, поводя плечами и массируя шею, чтобы снять напряжение. — Я хочу сказать — несчастлив, должно быть, однако я не знаю, почему. Бывает же, что люди иногда просто подвисают.

— Ты имеешь в виду: когда у них нет компаний, которые бы о них заботились? — Она принялась за еду.

Тернер поднял на нее глаза.

— Задираешься?

Она кивнула с полным ртом. Проглотила.

— Немножко. Я знаю, что есть много людей, которые не работают на "Маас". Никогда не работали и никогда не станут. Ты — один из них, твой брат — другой. Но я спросила всерьез. Знаешь, мне понравился Руди. Но просто он кажется совсем….

— Конченым? — закончил он за нее, все еще держа бутерброд в руке. — Увязшим? А дело, думаю, в том, что некоторым людям нужно иногда сделать скачок, и если они этого не делают, то увязают по уши — навсегда… А Руди никогда и не пытался соскочить.

— Это как мой отец, когда хотел вытащить меня из "Мааса"? Это скачок?

— Нет. Соскакиваешь ты или нет, каждый решает сам за себя. Просто нужно понять, что где-то тебя ожидает нечто лучшее… — Он помедлил, внезапно почувствовав, что смешон, и укусил бутерброд.

— Так решил ты?

Он кивнул, задумавшись — а так ли это?

— Значит, ты уехал, а Руди остался.

— Он всегда был умен, даже талантлив. До сих пор такой.

Наполучал целую кучу степеней — и все через сети. В двадцать лет защитил докторскую диссертацию по биотехнологиям в Тулане, потом целый ворох каких-то еще. И никогда не рассылал ни заявлений, ни автобиографий, ничего. К нам сюда являлись агенты чуть ли не со всего света, а он нес им невесть что, нарывался на ссоры… По-моему, он думал, что сможет придумывать что-то сам по себе. Вроде этих его колпаков на собаках. Сдается, у него есть парочка оригинальных патентов, но… Как бы там ни было, он остался дома. Занялся торговлей, стал собирать на заказ "железо", причем был одним из самых крутых в этом штате. Потом заболела наша мать. Она болела очень долго, а я был далеко…

— И где ты был? — Девушка открыла термос, и по кабине разнесся запах кофе.

— Так далеко, как только смог забраться, — ответил он, удивившись злости в собственном голосе.

Она передала ему пластмассовую кружку, до краев наполненную горячим черным кофе.

— А ты? Ты говорила, что никогда не знала матери?

— Не знала. Они расстались, когда я была совсем маленькой. Она отказывалась подписывать контракт, если он не согласится подключить ее к какому-то там базовому плану. Так, во всяком случае, он говорит.

— А что он за человек? — Он глотнул кофе, потом передал кружку Энджи.

Она взглянула на него поверх ободка красной пластмассовой кружки, вокруг глаз — косметика, наложенная Салли.

— Это ты мне расскажи, — бросила она. — Или лучше спроси об этом через двадцать лет. Мне семнадцать, откуда мне, черт побери, это знать?

Тернер рассмеялся.

— Начинаешь чувствовать себя немного лучше?

— Пожалуй, да. Учитывая обстоятельства. И внезапно он осознал, что рядом с ним женщина, ощутил то, чего не замечал раньше, и его руки нервно потянулись к пульту управления.

— Хорошо. Нам предстоит еще долгий путь…

Этой ночью они спали в ховере, в Южной Пенсильвании, припарковавшись за ржавой стальной решеткой, на которой когда-то висел экран кинотеатра для автомобилистов. Тернер расстелил парку на бронированном полу под длинным горбом турбины. Энджи допивала остатки кофе, теперь уже остывшего, сидя в квадратном отверстии люка над пассажирским сиденьем и глядя, как над полем, заросшем жухлой травой, пульсируют светлячки.

Где-то посреди сна — все еще окрашенного случайными вспышками из досье ее отца — она перекатилась к нему под бок. Теплая и мягкая грудь прижалась к его голой спине, а потом ее рука скользнула погладить плоские мускулы его живота. Тернер даже не шевельнулся, изображая глубокий сон, и вскоре отыскал себе дорогу вниз, в темный лабиринт биософта Митчелла, где диковинные образы начинали сливаться с его собственными страхами и давней болью. Он проснулся на рассвете и услышал, как она тихонько напевает себе под нос, сидя на краю люка:

Мой папаша родной
Красив как дьявол был.
В девять миль длиной
Цепь себе он раздобыл.
И на каждом звене,
Да, на каждом звене
Висело сердце той,
Кого он погубил.

22. "У ДЖАММЕРА"

До владений Джаммера пришлось преодолеть еще двенадцать пролетов мертвого эскалатора. Занимал клуб, как выяснилось, почти треть последнего этажа. Если не считать заведения Леона, Бобби никогда в жизни не видел ночного клуба, а потому клуб "У Джаммера" произвел на него немалое впечатление, хотя и показался жутковатым. Впечатляли размеры и то, что Бобби счел шикарной обстановкой, а жутковато было потому, что любой ночной клуб, особенно днем, чем-то неуловимо ирреален. Есть в нем что-то ведьмовское.

Заткнув большие пальцы в задние карманы новых джинсов, Бобби с любопытством оглядывался по сторонам, пока Джекки шепотом беседовала с длиннолицым белым в мятом синем комбинезоне. Обстановку клуба составляли темные банкетки с обивкой из искусственного плюша, круглые черные столики и десяток резных деревянных ширм. Потолок был выкрашен черным, каждый столик слабо освещался собственным невидимым прожектором, нацеленным откуда-то сверху, из темноты. Была здесь также сцена, сейчас ярко освещенная рабочими лампами, свисающими на желтых спиральных шнурах, а в середине сцены стояли вишнево-красные барабаны. Бобби не мог бы сказать почему, но от всего этого мороз продирал по коже; какое-то неуловимое ощущение полужизни, как будто что-то вот-вот начнет двигаться — там, в самом уголке глаз…

— Бобби, — окликнула его Джекки, — подойди познакомься с Джаммером.

Бобби пересек черную ковровую дорожку со всей холодностью, какую ему удалось изобразить, и предстал перед длиннолицым, у которого были темные редеющие волосы, а под комбинезоном оказалась белая вечерняя рубашка. Губы у мужчины были узкие, а впалые щеки зачерняла вчерашняя щетина.

— Ага, — сказал человек, — ты хочешь быть ковбоем?

Он смотрел на футболку Бобби, и у того возникло малоприятное ощущение, что его собеседник вот-вот рассмеется.

— Джаммер был жокеем, — сказала Джекки. — Самым крутым, какие только бывают. Правда, Джаммер?

— Так говорят, — отозвался Джаммер, по-прежнему глядя на Бобби. — Давно это было, Джекки. И каков же у тебя пробег, парень, сколько часов? — спросил он Бобби. Бобби вспыхнул.

— Ну, наверное, один.

Джаммер вздернул кустистые брови.

— Что ж, надо же когда-то начинать, — улыбнулся он. Зубы у него оказались мелкими, неестественно ровными и, как подумалось Бобби, слишком многочисленными.

— Бобби, — сказала Джекки, — почему бы тебе не расспросить Джаммера о том персонаже, Виге, о котором тебе рассказывал Финн?

Джаммер поглядел на нее, потом снова на Бобби.

— Ты знаешь Финна? Для простого хотдоггера ты довольно глубоко забрался, не находишь? — Вынув из брючного кармана ингалятор, он вставил его в левую ноздрю, потянул носом воздух, потом снова убрал ингалятор в карман. — Лудгейт. Виг. Так, значит, Финн говорил о Виге? Не иначе как впал в детство.

Бобби не понял, что бы это значило, но решил, что сейчас не самое удачное время спрашивать.

— Ну, — рискнул Бобби, — этот Виг где-то высоко на орбите, и он иногда продает Финну товар…

— Это серьезно? Возможно, вы меня дурачите. Я бы сказал, что Виг или мертв, или совсем уже овощ. Он был более сумасшедшим, чем обычно бывают ковбои, знаешь, наверное, что я имею в виду? Псих долбаный. Исчез. Ничего о нем не слышал уже многие годы.

— Джаммер, — вмешалась Джекки. — Я подумала, может, Бобби рассказать тебе всю историю?

Под вечер здесь появится Бовуа, и у него будет к тебе немало вопросов, так что тебе лучше знать, как обстоят дела…

Джаммер перевел взгляд на танцовщицу.

— Вот как, понимаю. Мистер Бовуа вспомнил про тот должок, да?

— Не могу говорить за него, — сказала она, — это только моя догадка. Нам нужно безопасное место, чтобы Счет мог укрыться.

— Какой счет?

— Я, — сказал Бобби. — Счет — это я.

— Великолепно, — без тени энтузиазма проговорил Джаммер, — тогда пойдем в контору, это за сценой.

Бобби не мог оторвать глаз от киберпространственной деки, которая занимала почти треть антикварного дубового стола Джаммера. Она была матово-черной, явно штучной работы, и безо всяких торговых марок. Бобби все время вытягивал шею, чтобы разглядеть ее получше, пока рассказывал Джаммеру о Дважды-в-День и о своей попытке набега, о том, как почувствовал девочку, и о том, как взорвали материну квартиру. Это была самая крутая дека, какую он только видел. И тут он вспомнил, как Джекки говорила, что Джаммер в свое время был чертовски крутым ковбоем.

Когда Бобби закончил, Джаммер как-то обмяк, откинулся на спинку стула.

— Хочешь попробовать? — спросил он. Голос его звучал устало.

— Попробовать что?

— Деку. Мне показалось, что тебе этого хочется. Это видно по тому, как ты все елозишь задницей по стулу. Или тебе хочется ее попробовать, или очень надо поссать.

— Черт, да. То есть да, спасибо, мне бы…

— Почему бы и нет? Не вижу, как кто-то может узнать, что это ты, а не я, так? Почему бы тебе не подключиться с ним, Джекки? Вроде как для присмотра. — Открыв ящик стола, он вынул оттуда два набора тродов. — Только ничего не делай, ладно? Я хочу сказать, просто войди и прокатись. Не пытайся прогнать никакие команды. Я в долгу у Лукаса и Бовуа, и похоже, расплачиваться мне придется тем, что я помогу сохранить тебя в целости и сохранности. — Один набор тродов он протянул Джекки, другой — Бобби. Джаммер встал и, взявшись за ручки по обеим сторонам черной консоли, развернул ее передом к Бобби. — Давай. Ты из джинсов выскочишь. Этой штуке уже лет десять, а она все равно утрет нос почти всему, на чем сейчас работают. Ее собрал парень по имени Автомат-Джек, прямо с начала до конца собрал своими руками. Он был когда-то художником по "железу" у Бобби Куайна. Было дело, эта парочка сожгла Дом Голубых Огней, впрочем, это было, наверное, еще до твоего рождения.

Бобби уже надел троды и теперь выжидательно смотрел на Джекки.

— Ты когда-нибудь раньше подключался тандемом? — спросила она. Бобби покачал головой.

— Ладно. Мы подключимся, но я буду висеть у тебя за левым плечом. Скажу "выключайся", ты выключишься. Если увидишь что-то необычное, это будет потому, что с тобой я, понял?

Он кивнул.

Расстегнув пару длинных булавок с серебряными головками спереди своей федоры, Джекки сняла шляпу и положила ее на стол рядом с декой Джаммера. Надвинув троды поверх шелкового шафранового шарфа, танцовщица пригладила контакты на лбу.

— Поехали, — сказала она.

Теперь и всегда — едино. На ускоренном прогоне. — вперед. Дека Джаммера включилась в "небо" над яркими неоновыми сердечниками баз — незнакомая ему топография данных. Хребты и пики информации, мощные крепости корпоративных баз — вот он, псевдоландшафт киберпространства.

— Сбавь скорость, Бобби, — прозвучал из пустоты рядом с ним низкий и нежный голос Джекки.

— Господи Иисусе, ну и быстрая же штуковина!

— Ага, но притормози ее. Спешка нам ни к чему. Ты же хотел прокатиться. Задержи нас здесь и замедли ход…

Он сбрасывал скорость до тех пор, пока они, казалось, не зависли и начали парить. Потом он повернул голову налево, надеясь увидеть Джекки, но там не было ничего.

— Я здесь, — успокоила его танцовщица. — Не волнуйся.

— Кто такой Куайн?

— Куайн? Какой-то ковбой, которого Джаммер знал когда-то. В былые времена он был знаком с ними со всеми.

Проверяя деку на реакцию, Бобби круто завернул на девяносто градусов вправо-, гладко повернувшись вокруг своей оси на перекрестке решетки. Дека была ошеломительной, ощущение было абсолютно не похоже ни на что, что Бобби до сих пор испытывал в киберпространстве.

— Ни хрена себе! По сравнению с этой штукой "Оно-Сендаи" просто детская игрушка…

— Ну, внутри у этой деки наверняка есть микросхемы от "Сендаи". По словам Джаммера, именно их тогда обычно использовали. Подними нас чуть повыше…

Без малейшего усилия они поднялись сквозь решетку, базы под ними начали уменьшаться.

— Здесь, наверху, не так уж и много на что посмотреть, — пожаловался Бобби.

— Вот и неправда. Если достаточно долго болтаться в пустых частях, можно увидеть кое-что весьма интересное…

Ткань матрицы прямо перед ними словно начала вибрировать…

— А-а-а, Джекки…

— Остановись. Задержи ее на месте. Все в порядке. Доверься мне.

Где-то далеко-далеко его пальцы пробежались по клавиатуре непривычной конфигурации. Теперь они будто встали на невидимый якорь, в то время как целая секция киберпространства расплылась, становясь молочно-белой.

— Что…

— Данбала ап монте л, — сказал у него в голове суровый голос, и во рту возник привкус крови. — Данбала оседлывает ее.

Бобби почему-то знал, что значат эти слова, но голос в его голове был твердым, как металл. Молочная ткань раздвинулась, как будто пошла пузырями, выплюнув два колышущихся серых пятна.

— Легба, — произнесла Джекки, — Легба и Огу Ферей, бог войны. Папа Огу! Святой Жак Мажор! Вив ля Вьей!

Металлический смех заполнил матрицу, пилой врезался Бобби в мозг.

— Мап кит ту миз ак ту жийон, — сказал другой голос, какой-то холодный и переменчивый, похожий на бегущие шарики ртути. — Видишь, Папа, она пришла сюда, чтобы выбросить свое дурное счастье! — И тут этот тоже рассмеялся. А Бобби все боролся с собой, пытаясь подавить волну нахлынувшей паники, когда серебристый смех стал подниматься в нем пузырьками.

— Так у нее дурное счастье, у лошади Данбалы? — прогрохотал железный голос Огу Ферея, и на мгновение Бобби почудилось, что в сером тумане мелькнула неясная фигура. Голос оглушительно рассмеялся все тем же ужасным смехом. — И вправду! И вправду! Но она этого не знает! Она не моя лошадь, нет, иначе я вылечил бы ее удачу!

Бобби хотелось закричать, умереть — все что угодно, лишь бы избавиться от голосов, от непереносимого ветра, который вдруг задул из серых рваных дыр, от этого горячего сырого ветра с запахом чего-то, что он не мог распознать.

— И она поет хвалу Деве! Слушай меня, маленькая сестра! Ля Вьей действительно приближается, она уже очень близко!

— Да, — отозвался другой, — она сейчас движется по моим владениям, это говорю тебе я, тот, кто правит торными и неторными путями.

— Но я, Огу Ферей, говорю тебе, что и враги твои тоже близки! К воротам, сестра, и остерегайся! И тут серые пятна поблекли, съежились…

— Отключи нас, — голос Джекки был сдавленным и отстраненным. А потом она сказала: — Лукас мертв.

Вынув из ящика стола бутылку "скотча", Джаммер аккуратно отмерил шесть сантиметров жидкости в высокий стакан.

— Ты хреново выглядишь, — сказал он Джекки, и Бобби удивился нежности в его голосе. Прошло уже минут десять с тех пор, как они отключились, но никто не проронил ни слова. Джекки выглядела подавленной и все покусывала нижнюю губу. Джаммер казался не то расстроенным, не то разозленным — Бобби ни в чем уже не был уверен.

— А почему ты сказала, что Лукас мертв? — рискнул Бобби. Ему казалось, что молчание в захламленной конторе Джаммера застаивается, застывает — как что-то холодное и враждебное, способное задушить, если продлится еще хоть немного.

Джекки подняла на него взгляд, который, казалось, все никак не мог сфокусироваться.

— Они не пришли бы ко мне вот так, будь Лукас жив, — сказала она. — Существуют соглашения, пакты. Первым всегда вызывают Легбу, но он должен был прийти с Данбалой. Его личность зависит от лоа, с которым он являет себя. Лукас, должно быть, мертв.

Джаммер подтолкнул к ней через стол стакан виски, но Джекки помотала головой. Набор тродов все еще сидел у нее на лбу — хром и черный нейлон. Джаммер скорчил гримасу отвращения, утянул стакан назад и залпом опустошил его сам.

— И все-то ты меня грузишь. В мире было гораздо больше смысла до того, как ваши люди начали путать карты.

— Не мы привели сюда лоа, Джаммер, — отозвалась танцовщица. — Они просто были там, и они нашли нас, потому что мы их понимали!

— Ну вот, снова, — устало сказал Джаммер. — Чем бы они ни были, откуда бы они ни пришли, они просто приняли ту форму, в какой их хотела бы видеть свора сбрендивших латиносов, поспеваешь за мной? Ну откуда, скажи на милость, там могло взяться что-то, с чем нам пришлось бы общаться на каком-то сраном гаитянском из буша! Вы со своим вудуистским культом просто пришли и увидели расклад. Но все эти Лукасы и Бовуа, и иже с ними — они прежде всего деловые люди. А эти чертовы штуки знают, как заключать сделки! Просто прирожденные дельцы! — Он закрутил пробку и убрал бутылку обратно в стол. — Знаешь, дорогуша, есть вероятность, что некто, у кого — не стану спорить — до хрена силы в решетке, просто садится вам на шею. Проецирует все эти штуки… Ты же и сама знаешь, что это вполне возможно, так ведь? Так, Джекки?

— Не выйдет, — голос Джекки звучал холодно и ровно. — Но я знаю то, что я знаю, и это никак не объяснить…

Джаммер вынул из кармана черную электробритву и начал бриться.

— Конечно, — сказал он. Жужжала бритва, которой он водил по подбородку. — Я прожил в киберпространстве восемь лет, так? Так вот, я знаю, что в мое время там ничего не было… Во всяком случае, хочешь, я позвоню Лукасу, хотя бы перестанешь мучаться, жив он или мертв? У тебя есть телефон этого его "роллса"?

— Нет, — сказала Джекки, — не беспокойся. Пока не объявится Бовуа, нам всем лучше сидеть тихо. — Она встала, стянула троды и подобрала шляпу. — Я собираюсь прилечь и попытаться поспать. Пригляди за Бобби… — Повернувшись, она пошла к двери конторы. Вид у нее был такой, будто она шла во сне, вся энергия из нее куда-то испарилась.

— Чудесно, — сказал Джаммер, проводя бритвой по верхней

губе. — Хочешь выпить? — спросил он Бобби.

— Ну, — протянул Бобби, — вроде как рано…

— Может быть, для тебя, — он убрал бритву обратно в карман. Дверь за Джекки закрылась. Джаммер слегка подался вперед. — На что они похожи, малыш? Ты что-нибудь разглядел?

— Сероватые такие. Расплывчатые… На лице Джаммера отразилось разочарование. Он снова ссутулился в кресле.

— Что ж, пожалуй, их как следует и не разглядишь, если в них не верить, — побарабанил он пальцами по подлокотнику. — Как по-твоему, они реальны?

— Ну, мне бы не хотелось ссориться с кем-нибудь из них…

Джаммер поднял на него взгляд.

— Нет? Ну ладно, может, ты умнее, чем кажешься. Я и сам не стал бы с ними связываться. Я вышел из игры до того, как они начали появляться…

— Так что же они, по-твоему, такое?

— Ага, становишься все умнее… Ну, я не знаю. Как я говорил, не уверен, что смогу проглотить байку о том, что это шайка гаитянских богов вуду, но кто знает? — Он прищурился. — Может статься, они — вирусные программы, сбежавшие в матрицу, там репродуцировавшиеся и очень-очень поумневшие… Одно это звучит жутковато; возможно, люди "Тьюринга" пытаются все это замять. Или, может, ИскИн нашел способ скопировать части себя в матрицу, а такое "тьюрингов" просто с ума сведет. Знавал я одного тибетца, он делал внешние модемы для жокеев — так он считал их тулпа.

Бобби сморгнул.

— Тулпа — это мыслеформа, что-то вроде этого. Суеверия. По-настоящему крутые ребята могут отделить от себя нечто вроде духа, вылив негативную энергию в некую оболочку. — Он пожал плечами. — Опять бред сивой кобылы. Как и эти вудуистские божки нашей Джекки.

— Ну, на мой взгляд, Лукас и Бовуа, да и остальные — все они чертовски уверенно ведут себя так, как будто эти духи вполне реальны, а не просто какой-то там спектакль…

Джаммер кивнул.

— Вот именно. И дела у них чертовски хороши, так что в этом что-то есть. — Он опять пожал плечами, потом зевнул. — Мне тоже надо поспать. Можешь делать все, что хочешь, только держи руки подальше от моей деки. И не пытайся выйти наружу, не то разорется добрый десяток "кричалок". В холодильнике за баром есть сок, сыр и прочая кормежка…

Теперь, когда весь клуб остался целиком в его распоряжении, Бобби все еще находил его несколько жутковатым, но достаточно

интересным, чтобы стоить такой жути. Он побродил взад-вперед позади бара, касаясь рычагов пивных кранов и хромированных клювов коктейльных миксеров. Тут была машина для приготовления льда, и еще одна, выплевывающая кипяток. Он сделал себе чашку японского растворимого кофе и порылся в каталоге аудиокассет Джаммера. Он никогда не слышал ни таких названий групп, ни имен певцов. Интересно, это пожилой Джаммер предпочитает старье или все здесь новые вещи, которые не просочатся в Барритаун — скорее всего, через клуб Леона — еще ближайшие две недели… Под черной с серебром универсальной кредитной консолью в конце стойки притаилась пушка, небольшой толстый автоматический пистолет с магазином, который вдвигался прямо в приклад. Пушка была прилеплена под стойкой бара куском зеленой липучки, и Бобби подумал, что трогать ее не стоит. Через некоторое время он решил, чт!

о не чувствует больше страха. Стало просто скучно и немного нервно. Захватив с собой остывающий кофе, он вышел на середину зала. Сел за один из столиков и стал делать вид, что он — Счет Ноль, или — еще лучше — Граф Ноль, лучший компьютерный артист в Муравейнике — ждет, что появятся ребята поговорить о сделке, о каком-то набеге, который надо для кого-то провернуть, а никто кроме Счета-Графа даже близко не тянет.

— Конечно, — сказал он пустому ночному клубу, глаза полуприкрыты тяжелыми веками. — Я разрежу вам этот лед… Если у вас есть деньги… — И они побледнели, когда он назвал им цену.

Помещение было звукоизолированным; звуков торговых рядов на четырнадцатом этаже не доносилось вовсе, было слышно только жужжание какого-то кондиционера и временами — бульканье кипятящего воду титана. Устав играть во всемогущего Графа Ноль, Бобби оставил чашку с кофе на столе и подошел ко входу, провел рукой по потертому бархату витого каната, висевшего между полированных латунных столбиков. Осторожно, стараясь не коснуться самой стеклянной двери, он устроился на дешевом стальном стуле с заклеенным липучкой сиденьем из кожзаменителя возле окна выдачи пальто. В гардеробной горела тусклая лампочка; видны были несколько дюжин старых деревянных плечиков, свисающих со стальных стоек, на каждой вешалке висела желтая табличка с выведенным от руки номерком. Бобби решил, что здесь иногда сидит сам Джаммер, проверяя клиентуру. Он в самом деле не понимал, с чего бы кому-то, кто в молодости восемь лет был крутейшим ковбоем, хотеть

управлять ночным клубом, но, может, это такое хобби. Опять!

же, сколько девочек можно заполучить, управляя ночным клубом… Но потом Бобби подумал, что если ты богат, ты в любом случае их получишь. А если Джаммер восемь лет был крутым, то, решил Бобби, он должен быть богатым…

Он задумался о том, что произошло в матрице, о серых дырах и голосах. Бобби поежился. Он до сих пор не понимал, почему встреча с ними означает, что Лукас мертв. Как может быть Лукас мертв? Тут он вспомнил, что его мать мертва, и почему-то это тоже показалось не очень-то реальным. Господи. Все это действует ему на нервы. Ему захотелось оказаться снаружи, по ту сторону дверей, глазеть на лавки и покупателей, и на тех, кто там работает.

Протянув руку, он осторожно отодвинул край бархатной шторы, как раз настолько, чтобы выглянуть через старое толстое стекло. Радужная круговерть лавок и характерная пасущаяся походка покупателей. И прямо посреди этой праздничной суеты в обрамлении столов, загроможденных подержанными аналоговыми видеооптическими устройствами, логическими зондами и регуляторами тока — безрасовое, тяжелокостное лицо Леона. Глубоко посаженные мерзкие глазки останавливаются на Бобби с явно слышимым щелчком узнавания. И тут Леон сделал нечто совершенно неслыханное — во всяком случае, на памяти Бобби. Леон улыбнулся.

23. ПРИБЛИЖЕНИЕ

Стюард "Джей-Эй-Эль" предложил ей на выбор несколько кассет симстима: ретроспективный просмотр Фокстона у "Тейта" в прошлом августе, отснятый в Гане приключенческий сериал ("Ашанти! Ашанти!"), попурри из "Кармен" Визе, записанное из частной ложи в Токийской опере, и полчаса сетевого ток-шоу Тэлли Ишэм "Высший свет".

— Это Ваш первый полет на шаттле, мисс Овски?

Марли кивнула. Она назвала Палеологосу девичью фамилию матери, что вероятно, было глупо.

Стюард понимающе улыбнулся.

— Кассета определенно способна облегчить ощущения, связанные со взлетом. На этой неделе у нас очень популярна "Кармен". Роскошные костюмы, насколько я понимаю.

Марли покачала головой, не в настроении слушать оперу. Фокстона она терпеть не могла и предпочла бы испытать на себе всю силу ускорения, чем выдержать "Ашанти!". Пленку Ишэм она взяла по умолчанию, как наименьшее из четырех зол.

Стюард проверил ремни ее кресла, протянул ей кассету и маленькую одноразовую тиару из серого пластика, потом двинулся дальше. Марли надела пластмассовые троды, воткнула штекер в подлокотник кресла, и со вздохом вставила кассету в прорезь рядом с разъемом. Внутренность челнока "Джей-Эй-Эль" растворилась в сиянии эгейской голубизны, и на у глазах у Марли в безоблачном небе проступили заглавные буквы элегантного шрифта: "ВЫСШИЙ СВЕТ ТЭЛЛИ ИШЭМ".

Тэлли Ишэм неизменно присутствовала в симстим-индустрии, сколько Марли себя помнила. Этакая Золотая Девочка без возраста, вознесенная еще на первой волне нового масс-медиа. Теперь же Марли обнаружила, что заперта в загорелом, гибком теле Тэлли с его потрясающе комфортабельным сенсорным восприятием. Тэлли Ишэм вся будто светилась здоровьем и силой, вдыхая глубоко и свободно, ее грациозное тело — кожа, мускулы, кости, — казалось, никогда не слыхивало о напряжении. Войти в ее симстим-записи — это как погрузиться в ванну совершенного здоровья, почувствовать весну в высоких ключицах и округлость груди под шелковистым египетским хлопком простенькой белой блузки. Она стояла, облокотившись о пористую белую балюстраду над крохотной гаванью островного греческого городка. Под ней каскадом сбегали вниз по склону холма кроны деревьев в цвету, отмытый добела камень прочерчивали узкие извилистые лесенки. В гавани заныла

корабельная сирена.

— Туристы сейчас спешат вернуться на свой прогулочный теплоход, — сказала Тэлли и улыбнулась. Когда она улыбалась, Марли чувствовала гладкость белых зубов звезды, вкус свежести у нее во рту, приятно шершавый камень балюстрады под ее голыми руками. — Но один гость нашего острова останется сегодня вечером с нами, я очень давно мечтала познакомиться с этим человеком, и уверена, вы будете удивлены и обрадованы, поскольку он обычно избегает внимания прессы…

Она выпрямилась и, обернувшись, послала улыбку прямо в загорелое улыбающееся лицо Йозефа Вирека…

Марли сорвала с головы тиару. Вокруг нее рухнул на свое место в реальности белый пластик салона шаттла. На панели над головой мигали предупреждающие надписи, едва ощутимая вибрация все возрастала.

Вирек? Марли посмотрела на набор тродов.

— Ну, — сказала она вслух, — пожалуй, ты действительно человек из самого что ни на есть высшего света…

— Прощу прощения? — В ремнях своего кресла в странном движении, отдаленно напоминающем полупоклон, качнулся студент-японец. — У вас какие-то сложности со стимом?

— Нет-нет, — сказала Марли. — Извините.

Она снова надвинула тиару на лоб, и салон шаттла растворился в жужжании сенсорной статики. Скребущая мешанина ощущений внезапно уступила место спокойному изяществу Тэлли Ишэм, которая, взяв холодную твердую руку Вирека, улыбалась в его мягкие голубые глаза. В ответ сверкнула белозубая улыбка мецената.

— Счастлив оказаться здесь, Тэлли, — сказал он, и Марли позволила себе окунуться в реальность стима, принимая записанные на пленку данные с сенсорного входа Тэлли, как со своего собственного. Стимулированная модель сенсорного восприятия, или "симстим", была тем средством массовой информации, которое Марли, как правило, избегала: что-то в ее личности сопротивлялось достижению требуемой степени пассивности реципиента.

Вирек был одет в мягкую белую рубашку, парусиновые штаны, закатанные до колен, и скромные коричневые кожаные сандалии. Все еще держа его за руку, Тэлли вернулась к балюстраде.

— Я уверена, — начала она, — что нашей аудитории хотелось бы многое…

Море исчезло. До самого горизонта раскинулась холмистая равнина в лишаях черно-зеленой растительности, разорванная

силуэтами неоготических шпилей церкви Святого Семейства по проекту Антонио Гауди. Край мира потерялся в стелющемся неоновом тумане, и над равниной завис гул будто затонувших колоколов…

— Сегодня ваша аудитория состоит из одного человека, — сказал Вирек и посмотрел на Тэлли сквозь свои круглые, без оправы очки. — Здравствуй, Марли.

Марли мучительно потянулась за тродами, но руки будто окаменели. Сила притяжения, шаттл поднимается со своей бетонной подушки… Она здесь в ловушке.

— Понимаю, — говорила тем временем Тэлли, с улыбкой снова облокачиваясь о балюстраду из теплого пористого камня… — Что за чудесная идея. Вашей Марли, герр Вирек, действительно очень повезло…

И тут она, Марли, осознала, что это вовсе не Тэлли Ишэм из "Сенснета", а часть конструкта Вирека, специальная программа, скомпилированная из многих лет архивного метража "Высшего света", и теперь у нее нет выбора, никакого выхода, кроме как принять это, выслушать, уделить Виреку свое внимание. Уже одно то, что он поймал ее тут, пригвоздил таким своеобразным способом, сказало ей, что ее догадка была верна: вездесущий механизм его империи — реальность, не игра воображения. Деньги Вирека, как универсальный растворитель, растворяют по его воле любые преграды…

— Мне было очень жаль узнать, — сказал меценат, — как вы расстроены. Пако говорит; что вы бежите от нас, но я предпочитаю рассматривать это как стремление художника к своей цели. Вы, как мне кажется, что-то ощутили в природе моего гештальта, и это вас напугало. Так и должно было произойти. Данная кассета была подготовлена за час до того, как ваш шаттл должен был взлететь по расписанию из Орли. Естественно, мы знаем место вашего назначения, но у меня нет намерения следовать за вами. Вы делаете свое дело, Марли. Мне остается лишь сожалеть, что мы были не в силах предотвратить смерть вашего друга Алена, но теперь нам известны личности его убийц и тех, кто их нанял…

Марли сейчас смотрела глазами Тэлли Ишэм, а те не могли оторваться от полыхающих синей энергией глаз Вирека.

— Ален был убит агентами, нанятыми "Маас Биолабс", — продолжал он, — и это "Маас" снабдил его координатами того места, куда вы в настоящее время направляетесь. "Маас" предоставил ему также и показанную вам голограмму. Мои взаимоотношения с "Маасом" были противоречивыми, чтобы не сказать больше. Два года назад моя дочерняя компания сделала

попытку перекупить — корпорацию. Сумма, которая должна была быть задействована в этой операции, оказала бы воздействие на всю мировую экономику. Они отказались. Пако удалось установить, что Ален умер, потому что они узнали, что он пытается продать предоставленную ими информацию — продать третьей стороне… — Вирек нахмурился. — Крайняя неосторожность с его стороны, поскольку он пребывал в полном неведении относительно природы продукта, который предлагал…

Как это похоже на Алена, подумала она и почувствовала прилив жалости. Мысленно увидела его в этой комнате, свернувшегося на отвратительном ковре, позвоночник выделяется под натянутой тканью зеленой куртки…

— Вам, как мне кажется, следует знать, что мои поиски шкатулочника затрагивают нечто большее, чем коллекционирование предметов искусства, Марли. — Сняв очки, он стал протирать стекла полой белой рубашки, и в рассчитанной человечности этого жеста Марли почудилось что-то кощунственное. — У меня есть причины полагать, что создатель этих артефактов в какой-то мере в состоянии предложить мне свободу, Марли. Я не очень здоровый человек. — Он снова надел очки, аккуратно заложив за уши золотые дужки. — Когда я в последний раз запрашивал визуальную информацию о резервуаре, в котором пребывает мое тело в Стокгольме, мне показали нечто, похожее на три составленных вместе грузовых трейлера, опутанных сетью трубок систем жизнеобеспечения… Если бы я смог бросить это, Марли, или, скорее, сбросить груз восставших клеток, из которых состоит мое бывшее тело… ну… — Он снова улыбнулся своей знаменитой улыбкой. — Что бы я за это не отдал?

И взгляд Тэлли-Марли скользит, пытаясь ухватить расползающиеся заросли темного лишайника и далекие, разбегающиеся башни собора…

— Вы потеряли сознание, — говорил стюард, пальцы его скользили по ее шее. — Такое случается, наши бортовые медицинские компьютеры говорят, что у вас великолепное здоровье. Однако мы наложили дермодиск для купирования эффектов синдрома адаптации, которому вы можете подвергнуться перед посадкой.

Его рука исчезла с ее шеи.

— "Европа после дождя", — сказала Марли. — Макс Эрнст. Лишайник…

Мужчина смотрел на нее сверху вниз, его настороженное лицо заученно выражало профессиональное сочувствие.

— Простите? Не могли бы вы повторить?

— Прошу прощения, — сказала она. — Сон… Мы уже прибыли на терминал?

— Еще час, — услышала она в ответ.

Орбитальный терминал "Джапан Эйр Лайнс" оказался удлиненной белой полусферой в шапках мелких куполов, периметр тороида щетинился овальными раструбами стыковочных шлюзов. Экран терминала над антигравитационной сеткой Марли — хотя слово "над" временно потеряло обычный свой смысл — предлагал великолепный по своей точности эскиз-анимацию тора во вращении, в то время как несколько голосов на семи языках объявляли, что пассажиров, находящихся на борту шаттла "Джей-Эй-Эль 580", прибывшего рейсом из Орли, доставят к терминалу на такси при ближайшей возможности. "Джей-Эй-Эль" приносил извинения за задержку, связанную с рутинным ремонтом в семи из двенадцати блоков…

В своей антигравитационной сетке Марли съежилась от страха, теперь ей во всем чудилась невидимая рука Вирека. Нет, подумала она, должен же быть какой-то выход. Я хочу соскочить, сказала она самой себе, я хочу несколько часов свободы действий, а потом я с ним покончу… Прощайте, герр Вирек, я возвращаюсь в страну живых, куда никогда уже не вернуться бедному Алену. Алену, который умер, потому что я взялась за эту работу. Марли несколько раз сморгнула, когда подступили первые слезы, потом, широко раскрыв глаза, с детским удивлением уставилась на крохотный прозрачный шарик — это уплывала, свернувшись в сферу, ее слеза…

А "Маас", задумалась она, кто они такие? Вирек заявлял, что это они убили Алена, что Ален работал на них. Она смутно припоминала истории в прессе, что-то связанное с новейшим поколением компьютеров. Какой-то зловещий процесс, в котором бессмертные гибридные раковые клетки изрыгали хвостатые молекулы, превращавшиеся в сгустки микросхем. Тут она вспомнила, как Пако сказал, что экран его переносного телефона — продукт "Мааса"…

Внутренность тороида "Джей-Эй-Эль" была настолько невыразительной, настолько походила на любой другой аэропорт, что Марли захотелось рассмеяться. Тот же аромат духов, напряжение толпы и сильно кондиционированный воздух, тот же фоновый гул разговоров. Ноль целых восемь десятых гравитации значительно облегчили бы переноску чемоданов, но весь ее багаж состоял из черной сумки. Теперь Марли вынула из застегнутого на молнию внутреннего кармана билет и сверила номер указанного на нем местного шаттла с колонками цифр, бегущих по ближайшему настенному экрану.

Два часа до вылета. Что бы там ни говорил Вирек, она уверена, что его машина уже задействована, кто-то просачивается в команду шаттла или в список пассажиров, подмена реальных людей двойниками подмазывается патокой денег… Кто-нибудь заболеет в последнюю минуту, произойдут какие-нибудь изменения в планах, несчастные случаи…

Закинув на плечо ремень сумки, она зашагала через зал ожидания с вогнутым полом из белой керамики, как будто действительно знала, куда идет, или у нее имеется какой-нибудь план, но понимая с каждым сделанным шагом, что не знает ничего.

Ее преследовал взгляд мягких голубых глаз.

— Будь ты проклят, — бросила она в пустоту, и мордастый русский бизнесмен в черном костюме из Гинзы фыркнул и поднял факс новостей, отгораживая от нее свой мир.

— Так я и говорю этой сучке: "Слушай, или ты убираешь со "Сладкой Джейн" эти оптоизоляторы и взломанные контейнеры, или я приклею твою задницу к переборке прокладочной пастой…"

Раздался взрыв хриплого женского смеха, и Марли подняла глаза от своего подноса с тарелочками с суси. Через два пустых стола от нее сидели три женщины. Их стол был заставлен банками пива и стопками стиролоновых подносов, измазанных коричневым соевым соусом. Одна из них громко рыгнула и сделала большой глоток из своей банки.

— И как она это восприняла, Рес?

Этот вопрос почему-то послужил толчком для еще одного, на сей раз более продолжительного взрыва хохота, и женщина, которая привлекла внимание Марли, опустила голову на руки и хохотала, пока у нее не затряслись плечи. Марли пусто глядела на это трио, раздумывая, кто же они такие. Смех утих, и первая выпрямилась, стирая с глаз слезы. Все трое были основательно пьяны, решила Марли, молоды и явно не неженки. Первая была худощавой, с резкими чертами лица, с которого над прямым тонким носом смотрели широко распахнутые серые глаза. Ее волосы совершенно невероятного оттенка серебра были подстрижены по-мальчишески коротко. На ней была просторная парусиновая жилетка или куртка без рукавов, вся покрытая оттопыривающимися карманами, заплатами и квадратиками липучки. Жилетка висела нараспашку, открывая — как было видно с того места, где сидела Марли — маленькую округлую грудь в, как ей показалось, бюстгальтере из тонких черно-розовых кружев. Двое других были старше и тяжелее. Мускулы их го!

лых рук четко вырисовывались в лившемся будто ниоткуда свете кафетерия терминала.

Первая пожала плечами, под огромной жилеткой поднялись острые лопатки.

— А пошла она, — сказала она.

Вторая женщина снова расхохоталась, но не так искренне, как в первый раз, и сверилась с хронометром, приклепанным к широкому кожаному напульснику.

— Мне пора, — бросила она. — Сначала в Сион, потом восемь контейнеров с водорослью для шведов.

Отъехав вместе со стулом от стола, она встала, и Марли прочла вышитую через всю спину ее черной кожаной жилетки надпись:

О'ГРЕЙДИ — ВАДЗИМА
ЭДИТ С.
МЕЖОРБИТАЛЬНЫЕ
ГРУЗОВЫЕ ПЕРЕВОЗКИ

За ней встала и вторая, поддергивая пояс обвисших джинсов.

— Говорю тебе, Рес, если ты позволишь этой шалаве окоротить тебя на этих контейнерах, пострадает твоя репутация.

— Прошу прощения, — сказала Марли, борясь с дрожью в голосе.

— Ну? — Женщина в черной жилетке без улыбки смерила ее взглядом.

— Я видела надпись на вашей жилетке, "Эдит С.". Это корабль, я хочу сказать, это космический корабль?

— Космический корабль? — подняла густые брови вторая. — Ну конечно, золотко, настоящий могучий космический корабль!

— Это буксир, — буркнула женщина в черном и повернулась, чтобы уйти.

— Я хочу нанять вас, — в отчаянии проговорила Марли.

— Нанять меня? — Теперь все трое уставились на нее. Лица пусты и никаких улыбок. — Что это значит?

Марли порылась на дне черной брюссельской сумочки и вытащила полпачки новых иен, которые ей вернул агент из бюро путешествий после того, как взял оплату за услуги. — Я дам вам вот это…

Девушка с короткими серебряными волосами негромко присвистнула. Женщины переглянулись, та, что была в черной жилетке, пожала плечами.

— Господи, — удивилась она. — И куда же ты собралась? На Марс?

Марли снова покопалась в сумочке, извлекла плотный квадратик синей обертки от пачки "Галуаз" и протянул его женщине в черной жилетке. Та, развернув, прочла орбитальные координаты, записанные там зеленой шариковой ручкой Алена.

— Ну, за такие деньги туда заскочить недолго, — сказала она, — но мы с О'Грейди двигаем сейчас по расписанию в Сион 2300-ГМТ. Работа по контракту. Как насчет тебя, Рес?

Она протянула бумажку сидящей девушке, которая прочла ее, подняла глаза на Марли и спросила:

— Когда?

— Сейчас, — ответила Марли. — Прямо сейчас.

Девушка оттолкнулась от стола, ножки стула заскребли по керамической плитке. Жилетка распахнулась, открыла то, что Марли приняла за черно-розовое кружево, — сплошную татуировку, которая полностью покрывала ее левую грудь.

— Ты на борту, сестренка, наличные на стол.

— Что значит: отдай ей деньги сейчас, — пояснила О'Грейди.

— Я не хочу, чтобы кто-то знал, куда мы направляемся, — сказала Марли. Вся троица снова рассмеялась.

— Ты попала в нужные руки, — сказала О'Грейди, а Рес улыбнулась.

24. ТАРАНЬ!

Дождь начался, когда они снова повернули на восток в сторону бахромы окраин Муравейника и выжженного пояса промышленных зон. Вода падала плотной стеной, застилая трассу, пока Тернер не отыскал рычаг включения дворников. Руди не слишком заботился о состоянии щеток, так что Тернеру пришлось сбавить скорость. Вой турбины снизился до глухого рева. Тернер прижал ховер к обочине, юбка воздушной подушки шумно заскребла по шелухе драных шин.

— Что случилось?

— Ничего не вижу. Дворники проржавели.

Он нажал на клавишу включения фар, и с обеих сторон башни ховера вырвались четыре узких луча, чтобы потеряться в плотной серой пелене. Он покачал головой.

— А почему бы нам не остановиться?

— Мы слишком близко к Муравейнику. Тут все патрулируется вертолетами. Они без труда просканируют идентификационную панель на крыше и увидят, что у нас номера Огайо и шасси странной конфигурации. А нам это совсем ни к чему.

— И что мы будем делать?

— Держаться обочины, пока я не смогу свернуть, чтобы подыскать какое-нибудь укрытие. Если удастся…

Он выровнял ховер, развернул его на месте, фары выхватили флюоресцентные оранжевые диагонали на вертикальном щите — указатель поворота на заброшенную служебную дорогу. Он направил ховер к щиту. Оттопыривающаяся юбка подпрыгнула, ударившись о массивный блок бетонного ограждения трассы.

— Может, и сойдет, — сказал Тернер, когда они скользнули мимо щита.

Ховер едва протискивался по узкому проему между блоками ограждения шоссе, ветки кустарника скреблись в узкие боковые окна, цепляясь за стальные пластины по бокам башни.

— Впереди свет. — Энджи подалась вперед в сетке пристяжных ремней, пытаясь разглядеть что-то сквозь дождь.

Приглядевшись, Тернер различил водянистое желтое свечение и пару одинаковых темных колонок. Рассмеялся.

— Это же заправка, — сказал он. — Осталась от старой системы магистралей, еще с тех времен, когда не проложили новую большую трассу. Там, похоже, кто-то живет. Жаль, что ховер не заправишь бензином…

Он осторожно свел машину вниз по склону из гравия. Когда

они подъехали ближе, Тернер увидел, что желтый свет льется из двух прямоугольных окон. Ему даже показалось, что он увидел двигавшуюся в одном из них фигуру.

— Здесь не город, — сказал он. — Эти ребята, возможно, будут не слишком рады нас видеть.

Запустив руку под парку, он вытащил из нейлоновой кобуры "смит-и-вессон" и положил его между ног на сиденье. Когда до ржавеющих бензонасосов оставалось около пяти метров, он посадил ховер в широкую лужу и заглушил турбины. | Дождь все так же мочился сдуваемыми ветром в сторону струйками желтой воды, но Тернер увидел, как из передней двери станции выскользнула какая-то фигура в развевающемся на ветру пончо цвета хаки. Опустив на десять сантиметров стекло, Тернер повысил голос, стараясь перекричать дождь:

— Простите за беспокойство. Нам пришлось съехать с трассы. У нас дворники дрянь. Мы не знали, что здесь кто-то есть.

В свете из окон было видно, что мужчина прячет руки под пластиковым пончо, очевидно, что-то в них сжимая.

— Частное владение, — сказал мужчина. По его худому лицу катились струйки дождя.

— Не могли оставаться на дороге, — снова крикнул Тернер. — Простите за беспокойство…

Мужчина открыл было рот, начал доставать что-то, что держал под пончо, — и вдруг его голова взорвалась. Тернеру показалось, что это случилось едва ли не раньше, чем из темноты наискось вырвалась линия красного света и коснулась затылка человека. Лучик толщиной в грифель карандаша небрежно скользнул по стене, как будто кто-то играл с фонариком. Гроздь алых цветов, прибиваемых к земле дождем, — это фигура рухнула на колени и упала лицом вниз. Из-под пончо выкатился "Сэвидж 410" с рукоятью, оплетенной проволокой.

Тернер даже не осознал, что двигается, но обнаружил, что успел запустить турбины, перебросить пульт управления Энджи и теперь выпутывается из ремней безопасности.

— По моей команде протаранишь заправку. Он вскочил на ноги, дернул рычаг, открывающий люк на крыше, тяжелый револьвер уже зажат в руке. Рев черной "хонды" накрыл его, едва только откинулась крышка люка — над головой мелькнула какая-то снижающаяся тень, едва видимая за пеленой дождя.

— Давай!

Он нажал на курок еще до того, как Энджи успела бросить ховер вперед — на стену старой заправочной станции. Отдача с силой вдавила его локоть в крышу броневика. Где-то над головой с удовлетворенным хлопком разорвалась пуля. Энджи поддала

газу, и они врезались в деревянную постройку так быстро, что у Тернера едва хватило времени убрать голову и плечи назад в люк. Что-то в доме взорвалось, вероятно, канистра с газом, ховер занесло влево.

Когда они прошили вторую стену, Энджи снова развернула ховер.

— Куда? — крикнула она, перекрывая вой турбины.

Как будто в ответ, взметнув серебряную простынь дождя, в двадцати метрах перед ними штопором упал черный вертолет "хонда". Тернер выхватил у девочки пульт, и машина скользнула вперед. Из-под ховера полетели десятиметровые фонтаны воды. Они ударили маленький боевой вертолет прямо в лоб полиуглеродной кабины. Легированный фюзеляж от столкновения смялся как бумага. Тернер подал назад и ударил снова, на этот раз на большей скорости. Сломанный вертолет вдавился в стволы двух мокрых серых елей и остался лежать там, как какая-нибудь длиннокрылая муха.

— Что случилось? — Энджи уткнула лицо в колени. — Что случилось?

Выкинув из бардачка в двери регистрационные документы и пыльные солнечные очки, Тернер нашел фонарь, проверил батареи.

— Что случилось? — механически повторяла Энджи, будто заело пластинку. — Что случилось?

С пистолетом в одной руке и фонариком в другой Тернер снова выбрался через люк. Дождь моросил. Тернер спрыгнул на юбку ховера, перескочил через бампер вниз, где оказался по колено в воде, и похлюпал в сторону смятых черных винтов "хонды".

Резкая вонь вытекающего реактивного топлива. Полиуглеродная кабина раскололась как яичная скорлупа. Он навел "смит-и-вессон" и дважды нажал большим пальцем клавишу ксенон-проектора. Две беззвучные вспышки безжалостного света выхватили потрескавшийся пластик, за ним — кровь и покореженные тела. Тернер переждал минуту, потом зажег фонарь. Двое. Он подошел ближе, держа фонарь как можно дальше от тела — старая привычка. Никакого движения. Запах вытекающего горючего становился все сильнее. Тернер потянул на себя крышку люка. Она открылась. На обоих — очки с выпуклыми линзами оптического устройства. Круглый пустой глаз лазера смотрел прямо в ночь. Тернер потянулся, чтобы коснуться потертой цигейки на воротнике летной куртки трупа. В белом луче фонаря кровь, покрывавшая его бороду, казалась очень темной, почти черной. Это был Оукей. Тернер перевел луч

влево и увидел второго. Пилот оказался японцем. Тернер качнул фонарь назад и возле ботинка Оукея нашел черную плоскую фляжку. Поднял е!

е, засунул в один из карманов парки и побежал обратно к ховеру. Несмотря на дождь, по обломкам бензозаправки уже побежали язычки оранжевого пламени. Он взобрался на бампер ховера, в два шага одолел капот, потом снова вверх, и наконец через люк — в кабину.

— Что случилось? — сказала Энджи, будто он не уходил. — Что случилось?

Он упал на сиденье и, не тратя времени на ремни, запустил турбины.

— Это был вертолет "Хосаки", — сказал он, разворачивая машину. — Они, должно быть, следовали за нами. У них был лазер. Они дожидались, когда мы свернем с трассы. Не хотели оставлять для копов трупы. Когда мы заехали сюда, они уже приготовились напасть, но, судя по всему, решили, что этот несчастный придурок на нашей стороне. А может, просто убирали свидетеля…

— Его голова, — голос у нее дрожал, — его голова…

— Это — лазер, — ответил Тернер, выезжая задом на служебную дорогу. Дождь почти перестал. — Пар. Мозг испаряется и взрывает череп…

Энджи перегнулась пополам, ее вырвало. Тернер вел машину одной рукой, в другой держал фляжку Оукея. Оторвав зубами притертую пробку, хлебнул виски.

Когда они достигли обочины трассы, горючее "хонды" наконец отыскало дорожку к костру на месте разрушенной бензоколонки, и неровный огненный шар вновь напомнил Тернеру городок в пустыне, вспышки осветительных ракет, побелевшее небо и реактивник, уходящий к границе Соноры.

Энджи выпрямилась, вытерла рот тыльной стороной ладони. Ее начало трясти.

— Надо убираться отсюда, — сказал Тернер, снова поворачивая на восток.

Девочка ничего не ответила, и он скосил глаза, чтобы увидеть, что она опять застыла, выпрямившись на сиденье, глаза в слабом свете приборов — совершенно белые, лицо пусто. Он видел ее такой в спальне у Руди, когда Салли позвала их взглянуть на то, что там происходит. И вот теперь тот же наплыв невесть какого языка, мягкое бормотание выплевываемых фраз, которые по звучанию вполне могли бы сойти за французский патуа. У него нет магнитофона, нет времени, ему нужно вести машину…

— Держись, — сказал он, прибавляя скорость, — с тобой будет все в порядке…

Конечно же, она его вообще не слышит. Зубы у нее стучат, мелкая дробь слышна даже за завыванием турбины. Нужно остановиться, подумал он, остановиться ровно настолько, чтобы успеть засунуть ей что-нибудь между зубов — бумажник или свернутую тряпку. Руки девочки конвульсивно дергали ремни.

— Больное дитя в доме моем.

Ховер едва не съехал с трассы, когда Тернер внезапно услышал этот голос, исходивший из гортани девочки — глубокий, низкий, странно тягучий.

— Я слышу, как выбрасывают кости, разыгрывая ее кровавое платье. Много есть рук, что копают ей могилу сегодня, и твои среди них. Враги молятся о твоей смерти, наемный человек. Они молятся до седьмого пота. Их молитвы — река лихорадки. — И потом какой-то скрип, который мог бы быть смехом.

Тернер рискнул скосить глаза вправо и увидел, как с застывших губ девочки сочится серебряная нить. Мускулы ее лица исказила странная неведомая маска.

— Кто ты?

— Я — Владыка Дорог.

— Чего ты хочешь?

— Это дитя. Пусть она станет мне лошадью и как человек сможет жить в городах людей. Это хорошо, что ты едешь на восток. Отвези ее в свой город. Я снова оседлаю ее. А с тобой поедет Самеди, стрелок. Он — ветер, что ты держишь в своих руках, но он переменчив, этот Лорд Кладбищ, неважно, сколь верно ты служил ему…

Тернер повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как тело девочки безвольно повалилось набок, голова запрокинулась, челюсть отвисла.

25. КАЗУАРЫ И ГОТИКИ

С вами говорит автоответчик Финна, — сказал динамик под экраном, — а самого Финна здесь нет. Хотите что-то сбросить — код доступа вам уже известен. Хотите оставить сообщение — валяйте.

Поглядев с полминуты на изображение на экране, Бобби медленно покачал головой. Большинство автоответчиков для видеотелефонов обычно бывают снабжены косметическими субпрограммами, написанными для того, чтобы привести видеопортрет владельца в большее соответствие с общепринятым каноном красоты: стирают родимые пятна и неуловимо меняют очертания лица, подгоняя их под идеализированную статистическую норму. Эффект косметической программы на гротескных чертах Финна был определенно самой странной штукой, какую Бобби когда-либо видел, — как будто кто-то прошелся по физиономии дохлого суслика целым набором цветных карандашей, да еще вкатил пару инъекций парафина, как это обычно делают в похоронной конторе.

— Это неестественно, — сказал Джаммер, прихлебывая "скотч".

Бобби кивнул.

— У Финна, — продолжал Джаммер, — боязнь пространства, агорафобия. Весь покрывается сыпью, стоит ему выйти из этой его чертовой крепости, которую он выдает за магазин. К тому же он — телефонный маньяк: не может не ответить на звонок, если он дома. Я начинаю думать, что эта сучка права. Лукас мертв, и на подходе какие-то серьезные дела…

— Сучка, — сказала из-за бара Джекки, — уже знает.

— Она знает, — повторил Джаммер, ставя пластиковый стакан и теребя галстук-бабочку, — она знает. Разговаривала с чертом в матрице, так что она знает…

— Ну, Лукас не отвечает, и Бовуа не отвечает, так что, возможно, она права. — Бобби потянулся и отключил телефон, когда сигнал записи изменил тон.

Джаммер облачился в плиссированную рубашку, белый смокинг и черные брюки с атласным рантом по штанине — Бобби решил, что это его рабочая одежда для клуба.

— Никого, — сказал он вдруг, переводя взгляд с Бобби на Джекки. — Где Богус и Шарки? Где официантки?

— Кто такие Богус и Шарки? — спросил Бобби.

— Бармены. Мне это не нравится. — Встав со стула, он подошел к двери и осторожно отодвинул краешек шторы. — Что,

черт побери, тут делают эти недоноски? Эй, Счет, это, пожалуй, по твоей части! Подойди сюда…

Бобби встал, исполненный самых дурных предчувствий — ему вовсе не хотелось рассказывать Джекки и Джаммеру, как он дал увидеть себя Леону, поскольку не хотел выглядеть вильсоном, — и подошел к владельцу клуба.

— Давай. Глянь-ка. Только так, чтобы тебя не увидели. Они так усиленно делают вид, что не наблюдают за нами, аж запах чувствуется.

Бобби подвинул штору, стараясь не раздвигать щелку больше, чем на сантиметр, и выглянул наружу. Пеструю толпу покупателей, похоже, почти полностью сменили черные гребни готиков в коже и шипах и — это его просто ошеломило — в равной пропорции со золотоволосыми казуарами. Казуары были облачены в хлопковые одежды модного на этой неделе в Синдзюку оттенка и белые мокасины с золотыми пряжками.

— Не знаю, — Бобби ошеломленно поглядел на Джаммера, — но они не должны быть вместе, казуары и готики, понимаешь? Они естественные враги, это у них вроде как в генах… — Он выглянул еще раз. — Черт побери, да их тут под сотню.

Джаммер глубоко засунул руки в карманы черных брюк.

— Ты знаешь кого-нибудь из этих парней?

— Готиков, болтаю с ними иногда. Правда, их трудно отличить одного от другого. Что до казуаров, то эти просто давят все вокруг, что не они. Вот этим они в основном и занимаются. Хотя… меня только что порезали долики, а предполагается, что у доликов с готиками перемирие, так что кто знает?

Джаммер вздохнул.

— Ясно. Думаю, тебе не хочется выйти туда, чтобы спросить кого-нибудь, что они тут, по их мнению, затевают?

— Нет, — серьезно ответил Бобби. — Не хочется.

— Гм, — Джаммер поглядел на Бобби, явно что-то просчитывая. И это Бобби определенно не понравилось.

С высокого черного потолка упал какой-то маленький предмет, громко звякнув об один из круглых столов. Предмет подпрыгнул, ударился о ковер и, прокатившись с метр, остановился между новых ботинок Бобби. Бобби автоматически за ним нагнулся, поднял. Это оказался старомодный болт с крестообразной прорезью на шляпке. Резьба проржавела, на шляпке — сгусток тускло-черной масляной краски. Он поднял глаза, когда второй такой же болт ударился о стол, а потом краем глаза уловил пугающе стремительное движение Джаммера, метнувшегося через стойку бара возле универсального кредитного модуля. Джаммер исчез, вслед за этим послышался

слабый звук чего-то рвущегося — липучка, — и Бобби понял, что Джаммер уже сжимает в руке массивный пистолет, который он видел там несколько часов назад. Бобби огляделся по сторонам, но Джекки нигде не было видно.

На огнеупорную пластмассу стола хлопнулся третий болт.

Бобби в растерянности помедлил, но потом последовал примеру Джекки и, двигаясь как можно тише, убрался из виду. Пригнувшись за одной из деревянных ширм, он смотрел, как падает четвертый болт, за которым последовал изящный каскад тонкой черной пыли. Раздался скрежет, и внезапно в потолке исчез стальной квадрат, вытянутый в какую-то трубу. Бобби быстро глянул в сторону бара, как раз вовремя, чтобы увидеть, как дернулся толстый компенсатор отдачи на прикладе пушки Джаммера…

Теперь из отверстия свесилась пара худых коричневых ног, а за ними — испачканный пылью подол серого балахона.

— Стой, — крикнул Бобби. — Это Бовуа!

— А то как же, он самый, — отозвался голос сверху, густой и гулкий, усиленный эхом из трубы. — Уберите этот чертов стол у меня из-под ног.

Бобби выбрался из-за ширмы и оттащил стол и стулья в сторону.

— Лови.

Спустив в отверстие туго набитый сверток в оливковой драпировке, Бовуа дал ему упасть. Увесистый сверток едва не свалил Бобби с ног.

— А теперь уйди с дороги… — Бовуа перекинул тело в отверстие в перекрытии, повис на обеих руках, потом спрыгнул.

— Что стряслось с "кричалкой" сигнализации, которую я там поставил? — осведомился Джаммер, вставая из-за стойки, все еще с пистолетом в руках.

— Вот она, — ответил Бовуа, кидая на ковер тускло-серую плитку феноловой смолы, обмотанную тонкой черной проволокой. — Дело в том, что у меня не было другого способа пробраться сюда так, чтобы об этом не знала целая армия засранцев. Судя по всему, кто-то снабдил их чертежами всего здания, но эту трубу они пропустили.

— Как ты забрался на крышу? — спросила, выходя из-за ширмы, Джекки.

— А я и не забирался, — добродушно отозвался Бовуа, подталкивая длинным пальцем вверх к переносице большую пластмассовую оправу. — Забросил мономолекулярную нить со склада напротив, потом соскользнул вниз на керамическом карабине… — В коротких, похожих на ворс волосах Бовуа

застряла печная пыль. Он мрачно поглядел на танцовщицу. — Уже знаешь, — сказал он.

— Да. Легба и Папа Огу в матрице. Я подключилась с Бобби с деки Джаммера…

— Ахмеда взорвали на бесплатной трассе в Джерси. Похоже, его расстреляли из той же установки, с помощью которой разделались с матушкой Бобби.

— Кто?

— Еще не уверен, — сказал Бовуа, присев рядом со свертком, чтобы щелкнуть пластиковыми застежками, — но начинает проясняться… Пока я не узнал, что Лукаса прикончили, я как раз занимался тем, что гонялся за доликами, которые забрали у Бобби его деку. Скорее всего, это было чистейшей случайностью, обычный мелкий бизнес, но сейчас где-то бродит пара доликов с нашим ледорубом… Да, конечно, в этой мысли был определенный смысл, потому что среди доликов тоже есть хотдоггеры, и они иногда ведут по мелочи дела с Дважды-в-День. Так что мы с Дважды-в-День совершали обходы, пытались узнать, что возможно. Как выяснилось, глухо. За исключением того, что пока мы сидели у одного обдолбанного долика по имени Алике — он второй зам военачальника, или как там у них это называется, — так вот, в этот момент ему позвонили. Звонил его антипод, которого Дважды-в-День приложил как барритаунского готика. Зовут Реймонд. — Не переставая говорить, Бовуа распаковывал свой мешок, выкладывая на стол оружи!

е, инструменты, боеприпасы, мотки проводов. — Реймонду надо очень срочно поговорить, но Алике слишком крутой, чтобы говорить в нашем присутствии. "Извините, джентльмены, но это дело строго между военачальниками", — говорит этот тупица. Так что, щелк, мы просим позволения нашим скромным персонам удалиться, расшаркиваемся, раскланиваемся, прочая дребедень, и смываемся за угол. Звоним с мобильного телефона Дважды-в-День нашим ковбоям в Муравейнике, чтобы натравить их на номер Аликса, но быстро. Эти ребята вошли в разговор Аликса с Реймондом как нож в масло. — Он вытащил из мешка двенадцатизарядный обрез, едва длиннее его локтя, выбрал толстенный барабанный магазин из выставки, какую сам же устроил на ковре, и щелчком соединил обе части. — Видели когда-нибудь такую хреновину? Южноафриканский, довоенный… — Что-то в его голосе и в том, как сжались челюсти негра, заставило вдруг Бобби осознать, что за ярость он в себе сдерживает. — Похоже, на Реймонда вышел какой-то мужик с большим!

и деньгами, сказал, что хочет нанять всех готиков на корню,

всю свору, мол, нужно поехать в Муравейник, устроить там настоящую массовку. Этот мужик — настолько большая шишка, что он собирается нанять и казуаров тоже. Ну, тут дерьмо ударило в вентилятор, потому что Алике — он вроде как консерватор. Хороший казуар — мертвый казуар, и то только после энного числа пыток и так далее. "По хую, — говорит истинный дипломат Реймонд, — мы здесь говорим о больших деньгах, это корпорация. — Бовуа открыл коробку с толстыми разрывными патронами из красного пластика и начал заряжать обрез, щелчком загоняя патроны в магазин. — Так вот, это, конечно, может быть, и притянуто за уши, но у меня не выходят из головы пресс-релизы "Маас Биолабс" в видеоновостях. Что-то совсем странное стряслось на какой-то из их территорий в Аризоне. Одни говорят, ядерный взрыв, другие — мол, что-то еще. А теперь объявили, что глава их базового проекта погиб в результате, как они это назвали, несчастного случая, не!

связанного с данными событиями. Погиб Митчелл, парень, который, в общем-то, и изобрел биософты. До сих пор никто даже не пытался делать вид, что может собрать биочип, поэтому мы с Лукасом с самого начала предположили, что наш ледоруб — изделие "Мааса". Если, конечно, это был ледоруб… Мы понятия не имели, у кого Финн его купил или где его взяли те люди. Но если сложить все вместе, то получается, что "Маас", возможно, вышел на охоту — за всеми нами. Здесь-то они нас и прихлопнут, потому что деваться нам отсюда некуда.

— Не знаю, — подал голос Джаммер, — у нас полно друзей в этом здании…

— Было много друзей. — Бовуа положил обрез на пол и начал заряжать автоматическую винтовку "намбу". — Большинство лавок на этом этаже и этажом ниже сегодня выкупили. За наличные. Мешки наличных. Здесь осталось несколько горячих голов, но их явно недостаточно.

— Бессмыслица какая-то. — Забрав у Джаммера стакан, Джекки залпом выпила его "скотч". — Что у нас может быть такого, чтобы кто-то так хотел это заполучить?

— Эй, — вмешался Бобби, — не забывай, они, наверное, не знают, что долики украли у меня их ледоруб. Может быть, им нужен он.

— Нет, — сказал Бовуа, загоняя магазин в "намбу", — откуда им знать, что ты не спрятал его в квартире матери, так?

— Но, может, они были там и посмотрели…

— А откуда они знали, что Лукас не вез его в Ахмеде? — спросил Джаммер, возвращаясь к бару.

— Финн тоже думал, что ему подослали этих ниндзя, чтобы

его убить, — сказал Бобби. — Говорил, у них было чем заставить его отвечать на вопросы…

— Снова "Маас", — сказал Бовуа. — Как бы то ни было, остается еще сделка с казуарами и готиками. Мы узнали бы больше, но долик Алике сел на своего "высокого" конька и отказался от переговоров с Реймондом. Никакого сотрудничества с ненавистным врагом. Насколько разобрал наш ковбой, армию, которая торчит там, снаружи, собрали для того, чтобы никого из вас отсюда не выпустить. И держать от вас подальше людей вроде меня. Людей с оружием и всяким таким, — он передал заряженную "намбу" Джекки. — Справишься с такой? — спросил он Бобби.

— Конечно, — солгал тот.

— Нет, — вмешался Джаммер, — у нас и без того хватает неприятностей, чтобы еще и вооружать его. Господи Иисусе…

— Меня это наводит на кое-какие мысли, — сказал Бовуа, — а именно, что следует ждать кого-то еще, кто придет по наши души. Кого-то чуть более профессионального.

— Если они только не взорвут к чертям собачьим весь Гипербазар и не уберутся отсюда, — сказал Джаммер, — забрав всех этих зомби в коже…

— Нет, — сказал Бобби, — иначе они бы это уже сделали.

Все разом уставились на него.

— Надо отдать мальчику должное, — сказала Джекки. — Он понял, что к чему.

Полчаса спустя. Джаммер мрачно смотрел на Бовуа.

— Должен признать твое превосходство. Это самый забубенный план, о каком я слышал за очень долгое время.

— Да, Бовуа, — вмешался Бобби, — а почему бы нам просто не проползти вверх по этой шахте, выбраться на крышу и не перебраться на соседнее здание? Использовать ту нить, по которой перешел ты.

— Там, на крыше, казуаров, как мух на навозе, — сказал Бовуа. — И у некоторых могло даже хватить мозгов, чтобы найти люк, который мне пришлось оставить открытым, чтобы сюда попасть. А еще я по дороге оставил пару мелких осколочных мин. — Он плотоядно ухмыльнулся. — А кроме того, соседнее здание выше нашего. Мне пришлось подняться на его крышу и выстрелить нитью вниз. Нельзя пройти, переставляя руки по мономолекулярной нити, — пальцы отвалятся.

— Как тогда, черт побери, мы, по-твоему, отсюда выберемся? — вопросил Бобби.

— Хватит, Бобби, — тихонько сказала Джекки. — Бовуа сделал то, что должен был сделать. Теперь он здесь, и мы

вооружены.

— Бобби, — предложил Бовуа, — почему бы тебе не проиграть нам план, убедиться, что мы его поняли…

У Бобби возникло неприятное чувство, что Бовуа хочет убедиться, понял ли он, Бобби, этот план, но он облокотился о стойку бара и начал:

— Мы вооружаемся до зубов и мы ждем, так? Джаммер и я выходим с его деки и обследуем матрицу, может, поймем, что происходит…

— Думаю, я сам с этим справлюсь, — вмешался Джаммер.

— Мать твою! — Бобби оттолкнулся от стойки. — Бовуа же сказал! Я хочу пойти, я хочу подключиться! Как мне иначе чему-то учиться?

— Неважно, Бобби, — прервала его Джекки, — продолжай.

— Ладно, — хмуро сказал Бобби. — Итак, рано или поздно те ребята, которые наняли казуаров и готиков, чтобы держать нас здесь взаперти, должны прийти за нами. Когда они это сделают, мы на них нападем. Захватим хотя бы двух живыми. В то же время мы рвем наружу — готики и все прочие стрельбы не ожидают, так что мы выбираемся на улицу и двигаем на Проекты.

— Думаю, ничего вроде не забыл, — сказал Джаммер, направляясь к запертой и зашторенной двери. — Думаю, это подводит черту. — Он прижал большой палец к запору кодового замка и приоткрыл дверь. — Эй, ты! — проорал он. — Не ты! Тот, в шляпе! Давай сюда свою задницу. Надо поговорить.

Красный лучик прорезал дверь, штору, два пальца Джаммера и мигнул у бара. Взорвалась бутылка, ее содержимое выплеснулось облаком пара и эфирных масел. Джаммер выпустил дверь, которая тут же захлопнулась, и уставился на свою искалеченную руку, потом тяжело осел на ковер. Клуб медленно наполнился рождественским запахом кипяченого джина. Бовуа, достав из-за стойки серебряный сифон, заливал дымящуюся штору сельтерской, пока не иссяк патрон с углекислым газом.

— Тебе повезло, Бобби, — сказал Бовуа, отбрасывая сифон через плечо. — Потому что брат Джаммер… ему никогда больше не стучать по деке…

Джекки, опустившись на колени, тихонько кудахтала над рукой Джаммера. Бобби мельком увидел обожженное мясо и быстро отвел глаза.

26. ВИГ

— Знаешь, — сказала Рес, зависая вниз головой перед Марли, — строго говоря, это не мое дело, но может, тебя там кто-нибудь ждет, на месте? Я хочу сказать, я тебя, конечно, туда отвезу, а если ты не сможешь попасть внутрь, заберу на терминал "Джей-Эй-Эль". Но если никто не захочет тебя впустить, не знаю, сколько я смогу там проторчать. Эта штуковина — настоящая развалина, у нас тут странные люди, я хочу сказать, те, кто селятся на заброшенных станциях на орбите. — Рес, или Тереза, как решила Марли, глянув на затянутую в ламинированный пластик лицензию пилота, что висела на зажиме возле пульта управления "Сладкой Джейн", на время полета сняла свою парусиновую жилетку.

Марли, отупев от радуги дермов, которые Рес налепила ей вдоль запястья, чтобы снять приступы тошноты при синдроме адаптации, тупо рассматривала татуированную розу. Рисунок был выполнен в японском стиле, насчитывающем многие столетия, и Марли сонно решила, что роза ей нравится. Что, в общем, ей нравится и сама Рес, в которой было что-то и жесткое, и одновременно детское, и которая так трогательно заботилась о своей странной пассажирке. Рес повосхищалась ее кожаным пальто и сумочкой, прежде чем, свернув, затолкать их в какую-то нейлоновую сетку, уже набитую кассетами, печатными книгами и грязным бельем.

— Не знаю, — выдавила Марли. — Мне просто нужно попытаться попасть внутрь…

— А ты знаешь, что это за штука, сестренка? — Рес поправляла ремни антигравитационной сетки вокруг плеч и запястий Марли.

— Какая штука? — Марли моргнула.

— Та, куда мы летим. Это часть старых сердечников Тессье-Эшпулов. Эта жестянка содержала раньше память их корпорации…

— Я о них слышала, — сказала Марли, закрывая глаза. — Андреа мне говорила…

— Конечно, кто о них не слышал. Когда-то они владели всем Фрисайдом. Построили его, если уж на то пошло. А потом они сбрендили и все распродали. Приказали отпилить с конца веретена семейное гнездо и оттащили его на другую орбиту, но сердечники они перед уходом стерли подчистую, да еще зачем-то выжгли, а то, что осталось, продали на металлолом. Жестянщики так за них и не взялись. Я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь

их засквотил, но здесь, наверху, живешь где можешь… Впрочем, пожалуй, это верно для всех и для каждого. Вот, скажем, поговаривают, что Леди Джейн, дочка старого Эшпула, она еще живет в своей старой развалине, совсем выжила из ума. — Рес последний раз с ловкостью профессионала подтянула сетку. — Порядок. Просто расслабься. Я минут на двадцать поддам жару "Джейн", но нас быстро туда закинет. За что, сдается мне, ты и платишь…

И Марли скользнула назад в сложенный из шкатулок ландшафт. Повсюду — огромные деревянные конструкции Корнелла, где весомые осадки любви и памяти выставлены за исчерченными дождем листами пыльного стекла. А фигура загадочного шкатулочника все убегала от нее вдаль по улице, вымощенной мозаикой из человеческих зубов. Парижские сапоги Марли слепо стучали по символам, выведенным тусклыми золотыми коронками. Шкатулочник был мужчиной, и на нем была зеленая куртка Алена, и больше всего на свете он боялся ее, Марли. "Прости меня! — кричала она, пытаясь догнать его. — Мне очень жаль…"

— Ну а я что говорю? Тереза Лоренс, "Сладкая Джейн". Хочешь номера? Что? Ну да, конечно, мы — пираты. Я, например, траханный капитан Хук собственной персоной… Слушай, приятель, давай я дам тебе номера, сам можешь проверить… Я уже сказала. У меня пассажир. Просит разрешения войти и et, черт побери, cetera… Марли там Какая-то, во сне говорит по-французски…

Веки Марли дрогнули, раскрылись. Прямо перед ней в своей сетке колыхалась Рес. На ее спине четко выделялся каждый маленький мускул.

— Эй, — сказала Рес, изворачиваясь в ремнях. — Извини. Я тебе их разбудила, но, судя по голосам, они основательно датые. Ты верующая?

— Нет, — ошарашенно ответила Марли.

Рес скорчила рожицу:

— Ну, надеюсь, тогда ты как-нибудь разберешься в этой чертовщине.

Выпутавшись из сетки, она крутанула заднее сальто и оказалась в нескольких сантиметрах от лица Марли. От головы пилота тянулась к консоли оптическая лента, и тут впервые Марли заметила изящный небесно-голубой разъем, вживленный девушке в запястье. Рес воткнула каплю динамика в правое ухо Марли и поправила свисавшую с нее прозрачную трубку микрофона.

— Вы не имеете права тревожить нас здесь, — проговорил

мужской голос. — Наш труд — на благо Господа, мы единственные, кто видел истинный лик Его!

— Алло? Алло, вы меня слышите? Меня зовут Марли Крушкова, у меня к вам неотложное дело. Или к кому-то, кто живет по этим координатам. Речь идет о серии шкатулок, коллажей. Создателю этих шкатулок, возможно, грозит страшная опасность! Я должна с ним увидеться!

— Опасность? — Голос прервался кашлем. — Господь один решает судьбу человека! Мы совершенно свободны от страха. И не считайте нас дураками…

— Прошу вас, выслушайте меня. Меня нанял Йозеф Вирек, чтобы установить, где находится создатель этих шкатулок. Но теперь я пришла, чтобы предупредить вас. Вирек знает, что вы здесь, и его агенты последуют за мной…

Рес смотрела на нее во все глаза.

— Вы должны меня впустить! Я могу рассказать вам намного больше…

— Вирек? — Последовала долгая, скрипящая статикой пауза. — Йозеф Вирек?

— Да! — крикнула Марли. — Тот самый. Вы всю свою жизнь видели его фотографию, ну ту, где он вместе с английским королем… Пожалуйста, прошу вас…

— Дай мне твоего пилота, — сказал голос, из которого исчезли и бравада, и истерия, уступив место чему-то, что понравилось Марли еще меньше.

— Это запасной, — сказала Рес, рывком снимая зеркальный шлем с красного скафандра. — Я могу это себе позволить, ты мне достаточно заплатила…

— Нет, — запротестовала Марли. — Правда, не надо… Я…

Она затрясла головой, глядя, как Рес распутывает крепления на поясе скафандра.

— Ты туда без скафандра не пойдешь, — отрезала Рес. — Ты не знаешь, что у них за атмосфера. Черт его знает, есть ли там хоть какой-то воздух! Какие угодно бактерии, споры… В чем дело? — спросила она, опуская серебристый шлем.

— У меня клаустрофобия!

— О черт… — Рес растерянно уставилась на нее. — Я о таком слышала… Это значит, что ты боишься быть внутри чего-то? — Ее лицо выражало неподдельное любопытство.

— Да, в небольшом замкнутом пространстве.

— Как "Сладкая Джейн"?

— Да, но… — Борясь с паникой, Марли оглядела захламленную кабину. — Это я еще могу перенести, но только не шлем. — Ее передернуло.

— Ладно, — решила Рес, — вот что я тебе скажу. Мы засунем тебя в скафандр, но шлем надевать не будем. Я научу тебя, как его закреплять. Идет? Иначе ты не покинешь мой корабль… — Рот ее сжался в плотную линию.

— Да, — выдавила Марли, — да…

— Делаем так, — сказала Рес. — Мы состыковались с ними шлюз в шлюз. Открывается этот люк, ты входишь, я его закрываю. Потом я открываю второй. В этот момент ты окажешься в том, что у них там сходит за атмосферу. Ты уверена, что не хочешь надеть шлем?

— Не хочу, — отозвалась Марли, с отвращением поглядев на шлем в красных рукавицах скафандра и на отражение собственного бледного лица в зеркальном лицевом щитке.

Рес прищелкнула языком:

— Что ж, это твоя жизнь. Когда захочешь вернуться, скажи им, чтобы послали на терминал "Джей-Эй-Эль" весточку для "Сладкой Джейн", мне передадут.

Марли неловко оттолкнулась от стены и поплыла к люку шлюза размером не больше поставленного стоймя гроба. Грудная пластина скафандра резко звякнула, ударившись о внешний люк, и Марли услышала, как за ней с шипением закрывается внутренний. Возле ее головы зажглась желтая лампочка, и Марли почему-то подумала о лампочках в холодильнике.

— Счастливо, Тереза.

Ничего не произошло. Она была наедине с биением собственного сердца.

Потом внешний люк "Сладкой Джейн" скользнул в сторону. Небольшого перепада давления оказалось достаточно, чтобы Марли выбросило наружу в темноту, пахнувшую чем-то старым и грустно человеческим — запах давно заброшенной комнаты. В воздухе чувствовалась какая-то густота, нечистая сырость, и, все еще падая, Марли увидела, как за ней закрывается люк "Сладкой Джейн". Мимо скользнул луч света, качнулся, прошелся по стене и наконец нашел кружащуюся на одном месте Марли.

— Свет! — рявкнул хриплый голос. — Свет для нашей гостьи! Джонс!

Это был тот самый голос, какой она слышала в капле передатчика. Звук его странно отдавался в железной бескрайности этого места, пустоты, через которую она все падала и падала… Потом послышался резкий скрежет, и вдали вспыхнуло кольцо терпкой синевы, высветив дальний изгиб стены или обшивки из стали и литого лунного бетона. Поверхность стены была разлинована и испещрена картой тонко выбитых каналов и впадин — очевидно, прежде здесь размещалось какое-

то оборудование. В одних выемках еще держались шероховатые прокладки из расширяющегося пенопласта, другие терялись в мертвой черной тени…

— Обвяжи-ка ее веревкой, Джонс, пока она не раскроила себе череп….

Что-то с влажным чмоканьем ударилось о плечо скафандра, и Марли, повернув голову, увидела, как по тонкой розовой нити к ней скользит плевок прозрачного пластика. На глазах веревка застыла, обернулась вокруг талии и рывком натянулась. Пространство заброшенного собора наполнилось натужным стоном мотора, и медленно-медленно ее стали подтягивать наверх.

— Однако подзадержались, — сказал голос. — Я все думал, кто будет первым. Так, значит, Вирек… Мамона…

Тут ее подхватили, несколько раз повернули. Марли едва не потеряла шлем, который поплыл было прочь, но кто-то сунул его ей обратно в руки. Сумочка, в которую Рес запихала пальто и ботинки, описала кривую и врезалась Марли в висок.

— Кто вы? — спросила Марли.

— Лудгейт! — прогрохотал старик. — Виган Лудгейт, как тебе прекрасно известно. Кого еще он прислал тебя сюда обманывать?

Все в шрамах и пятнах, будто от ожогов, лицо старика было чисто выбрито, но черные нестриженые волосы свободно плавали вокруг головы в приливах спертого воздуха, как морские водоросли.

— Извините, — сказала она. — Я здесь не для того, чтобы вас обманывать. Я больше не работаю на Вирека… Я пришла сюда, потому что… Я хочу сказать… для начала, я вовсе не уверена, зачем я сюда летела, но по пути я узнала, что художнику, который изготавливает шкатулки, угрожает опасность. Потому что есть что-то еще… Вирек полагает, что у этого художника есть что-то, что освободит его, Вирека, от его рака….

Марли запуталась и умолкла, слова натыкались на почти материальное безумие, исходившее от Вигана Лудгейта. Теперь она увидела, что старик облачен в потрескавшийся пластмассовый панцирь древнего рабочего скафандра. На потускневшую сталь кольца под шлем были ожерельем налеплены дешевые металлические распятия. Его лицо оказалось вдруг совсем близко, и Марли ощутила запах гнилых зубов.

— Шкатулки! — Маленькие шарики слюны сворачивались у его губ, повинуясь элегантным законам Ньютоновой физики. — Блудница! Они — из длани Господней!

— Полегче, Луд, — раздался второй голос, — ты пугаешь

даму. И вы полегче, леди, потому что старый Луд… ну, у него не так уж много бывает гостей. Совсем выбивают его из колеи, видите ли, но в общем и целом — он безобидный старый хрен.

Она повернула голову, чтобы встретиться с веселым и спокойным взглядом широко распахнутых голубых глаз на довольно юном лице.

— Меня зовут Джонс, — сказал парнишка. — Я тоже тут живу…

Виган Лудгейт запрокинул голову назад и завыл. Звук дико отозвался от стен из стали и камня.

— Видите ли, — говорил Джонс, пока Марли подтягивалась вслед за ним по канату с узлами, натянутому вдоль коридора, которому, казалось, не будет конца, — он обычно довольно смирный. Слушает свои голоса, знаете ли. Разговаривает сам с собой, а может, с голосами, не знаю. А потом на него вдруг находит, и он становится вот таким, как только что…

Когда он замолкал, Марли еще могла слышать слабое эхо завываний Лудгейта.

— Вы скажете, это, мол, жестоко, ну… то, что я его так оставляю. Но на деле так лучше. Он вскоре сам от этого устанет. Проголодается. И тогда пойдет искать меня. Есть-то хочется, понимаете.

— Ты австралиец? — спросила Марли.

— Из Нью-Мельбурна, — ответил он, — или был, пока не поднялся по колодцу.

— Ты не против, если я спрошу, почему ты здесь? Я хочу сказать, здесь, в этом, этом… Что это?

Парнишка рассмеялся:

— Обычно я называю это Местом. Луд, он зовет его всякими разными именами, но в основном Царством. Считает, что нашел Бога. Правда-правда. Может, и нашел, если смотреть на это с такой точки зрения. Насколько я смог догадаться, до того, как подняться по колодцу, он был кем-то вроде компьютерного мошенника. Не знаю, как именно его сюда занесло, однако старикана здешняя жизнь устраивает… Что до меня, то я в бегах, понимаете? Кое-какие неприятности, не будем вдаваться в подробности, — пришлось уносить ноги, да подальше. Ну так вот, я очутился здесь — а как, это уже отдельная долгая история — и нашел старого Лудгейта, который почти подыхал с голоду. У него был тут вроде какой-то бизнес, ну продавал всякие вещички, какие находил в мусоре, и эти шкатулки, за которыми вы охотитесь. Правда, Луд для этого слишком уж сбрендил. Его покупатели появляются, ну, скажем, три раза в год, а он возьмет, да и отошлет их прочь. Так вот, я и подумал, все равно, где

прятаться, что здесь, что там, а!

потому я стал помогать ему. Вот и все, я думаю…

— Ты не мог бы отвести меня к художнику? Он здесь? Это крайне срочно…

— Отведу, не бойтесь. Но это место строилось-то не для людей. Я хочу сказать, не для того, чтобы в нем жить, так что нам предстоит путешествие, что ли… Впрочем, по мне, все это ни к чему. Не могу гарантировать, что он сделает вам шкатулку. А вы правда работаете на Вирека? На этого сказочно богатого старого пня из телевизора? Он ведь бош, да?

— Работала, — ответила Марли. — Несколько дней. А что до национальности, я бы сказала, что герр Вирек — единственный гражданин нации, состоящей из герра Вирека….

— Усек, — весело отозвался Джонс. — Все они одинаковы, это богатое старичье, хотя смотреть на них гораздо веселее, чем на какое-нибудь чертово дзайбацу… Ну разве бывает, чтобы дзайбацу порюхали, а? Возьмем старого Эшпула — мой земляк был, — который все это построил. Говорят, собственная дочь ему горло перерезала, а теперь она так же сбрендила, как старый Луд, забилась куда-то со своим фамильным замком. Место ведь было когда-то частью этого замка.

— Рес… я хочу сказать, мой пилот что-то такое говорила. И моя подруга в Париже недавно упоминала Тессье-Эшпулов… Клан — рассыпался?

— Рассыпался? О Господи! Скорее уж они убрались вниз по чертовой трубе. Сами подумайте: мы с вами ползем через то, что когда-то было сердечниками баз данных корпорации. Это железо скупил какой-то посредник из Пакистана. С обшивкой все в порядке, и в микросхемах полно золота, но его не так легко извлечь, как кое-кому хотелось бы… Этот гигантский процессор так и висел здесь с тех самых пор — один лишь Луд для компании, или наоборот — он для компании Луду. Пока не пришел я. Вот так. Думаю, однажды сюда поднимутся бригады из Пакистана и примутся резать… Однако забавно, что механизмы здесь работают; по крайней мере, иногда. Слышал я одну байку, она меня сюда и привела. Дело в том, что Тессье-Эшпулы намертво вымели сердечники, прежде чем бросить….

— Но ты думаешь, они еще исправны?

— Господи, да. Так же как и Луд, если, конечно, можно называть это исправностью. Что, по-вашему, представляет собой этот ваш шкатулочник?

— Ты что-нибудь знаешь о "Маас Биолабс"?

— "Мосс" что?

— "Маас". Они делают биочипы…

— А, эти. Ну это, пожалуй, все, что я о них знаю…

— Лудгейт о нем говорит?

— Может, и говорит. Не могу сказать, что я его внимательно слушаю. Луд много чего болтает…

27. ДЫШАШИЕ СТАНЦИИ

Ховер полз по улицам, обрамленным ржавеющими складами мертвых машин, кранами мусорщиков и черными вышками плавилен. Тернер держался задворок, пробираясь в западный сектор Муравейника, и со временем завел ховер в узкий кирпичный каньон — бронированные борта, задевая за стены, высекали искры — и вогнал его прямо в стену покрытого сажей прессованного мусора. Оползень отбросов почти покрыл машину, и Тернер отпустил управление, глядя, как из стороны в сторону раскачивается пенопластовая игральная кость. Последние двенадцать кварталов стрелка индикатора горючего колебалась на нуле.

— Что там произошло? — спросила Энджи. Ее щеки в свечении приборной доски были зелеными.

— Я сбил вертолет. В общем — случайно. Нам повезло.

— Нет, я имею в виду после того. Я была… Я видела сон.

— Что тебе снилось?

— Большие штуки, они двигались…

— У тебя было что-то вроде припадка.

— Я больна? Ты думаешь, я больна? Почему компания хотела убить меня?

— Нет, я не думаю, что ты больна.

Она развязала пристежные ремни и, перебравшись через спинку сиденья, забилась под турбину, где они спали прошлой ночью.

— Мне снился дурной сон…

Ее начинала бить дрожь. Тернер выбрался из своей упряжи, чтобы подойти к девочке. Прижав ее голову к груди, он стал поглаживать ее волосы, расправил их, убрал за уши, чувствуя под рукой хрупкие кости черепа. В зеленоватом свете ее лицо казалось каким-то неведомым существом, вытащенным на берег из моря сна и брошенным у кромки прибоя. Молния черного свитера наполовину расстегнулась, и он провел пальцем по хрупкой ключице. Кожа была прохладной и влажной от пота. Энджи крепче прижалась к нему.

Закрыв глаза, он увидел свое тело на расчерченной солнцем кровати под медлительным вентилятором с лопастями из твердой коричневой древесины. Его тело дергалось, содрогалось, как ампутированный член; голова Элиссон была запрокинута назад, рот открыт, губы разошлись, обнажая зубы.

Энджи вжалась лбом в ямку у него на шее. Потом она вдруг оцепенела и со стоном откачнулась назад.

— Наемный человек, — произнес голос. Тернер вдруг вновь очутился на сиденье водителя, ствол "смит-и-вессона" отразил единую линию зеленого свечения приборов, в подсвеченном "глазу" прицела — левый зрачок Энджи.

— Нет, — сказал голос.

Тернер опустил пистолет.

— Ты вернулся.

— Нет. С тобой говорил Легба. Я — Самеди.

— Суббота?

— Барон Суббота, наемный человек. Однажды ты встретил меня на горном склоне. Кровь покрывала тебя росой. В тот день я вдоволь испил из чаши твоего сердца. — Тело девушки неистово содрогнулось. — Ты хорошо знаешь этот город…

— Да. — Тернер смотрел, как напрягаются и расслабляются мускулы ее лица, сплавляя черты в новую маску…

— Прекрасно. Оставь железного коня здесь, как и собирался. Но следуй станциями на север. В Нью-Йорк. Этой ночью я поведу тебя и лошадь Легбы, и ты убьешь во имя мое…

— Убью кого?

— Того, кого ты мечтаешь убить, наемный человек.

Энджи слабо застонала, ее передернуло, она начала всхлипывать.

— Все в порядке, — сказал Тернер. — Мы на полпути домой.

Бессмысленные слова, подумал он, когда помогал Энджи выбраться из ховера; у них вообще нет никакого дома. Он нашел в кармане парки коробку с зарядами и заменил тот, которым расстрелял "хонду". Порывшись в багажнике, нашел там ящик с инструментами, выбрал заляпанную краской опасную бритву и срезал с подола парки укрепляющую прокладку. Из разреза тут же взметнулись миллионы микротрубок полиизоляции. Ободрав подкладку, Тернер убрал "смит-и-вессон" в кобуру и застегнул портупею, поверх нее надел парку. Та повисла вокруг него складками, как большой, не по росту, плащ, и даже не оттопыривалась в том месте, где был спрятан массивный пистолет.

— Зачем ты это сделал? — спросила Энджи, проводя по губам тыльной стороной ладони.

— Потому что на улице жарко, а мне надо спрятать пушку. — Он сунул набитый потрепанными новыми иенами "зиплок" в карман парки.

— Пойдем, — сказал он, — нам еще нужно успеть на поезд…

Сконденсировавшаяся влага мерно капала с купола Джорджтауна, возведенного сорок лет спустя после того, как объединенные федералисты удрали за нижние границы Маклина.

Вашингтон остался городом южан, всегда им был, и если ехать, меняя поезда, от станции к станции, чувствовалось, как изменяется тональность Муравейника. Деревья в Дистрикте были зелеными и пышными. Их листва глянцем затеняла дуговые фонари, когда Тернер и Анджела Митчелл пробирались разрушенными переулками к Дюпон-Серкл и станции "трубы". В круге гремели барабаны, кто-то поджег шутиху в гигантском мраморном кубке в центре площади. Безмолвные фигуры сидели возле расстеленных на мостовой одеял, на которых раскинулся сюрреалистический ассортимент мелочной торговли: отсыревший картон конвертов черных пластиковых аудиодисков, рядом — потертые протезы на батарейках с хвостами примитивных нейроадапторов, пыльный аквариум, полный продолговатых собачьих медалей, перетянутые резинками стопки поблекших почтовых открыток, деше!

вые индийские троды, все еще запаянные в пластик, разношерстные наборы солонок и перечниц, клюшка для гольфа с кожаной ручкой, швейцарские армейские ножи с отсутствующими лезвиями, погнутая мусорная корзинка с литографией портрета президента, имя которого Тернер почти что вспомнил (Картер? Гросвенор?), расплывчатые голограммы Монумента…

В тени возле входа на станцию Тернер вполголоса поторговался с мальчишкой-китайцем в белых джинсах, обменяв самую меньшую из рудиных банкнот на девять алюминиевых жетонов с вычурным штампом "СОБА-Транзит".

Два жетона открыли им вход на станцию. Три — канули в автоматы ради плохого кофе и черствых пирожков. Оставшиеся четыре понесли их на север. Поезд беззвучно заскользил на своей магнитной подушке. Обняв девочку, Тернер откинулся на спинку сиденья, сделав вид, что дремлет, в действительности он смотрел на их отражения в противоположном стекле: высокий мужчина, небритый, затравленного вида, сгорбился, будто признавая поражение, рядом с ним свернулась девушка с запавшими глазами. С тех пор, как они вышли из тупика, где он бросил ховер, она не произнесла ни слова.

Во второй раз за последний час Тернер задумался: не позвонить ли агенту. Если необходимо кому-то доверять, гласило правило, доверяй своему агенту. Но Конрой сказал, что нанял Оукея и остальных через агента Тернера, и это обстоятельство вызывало у Тернера сомнения. Где сегодня ночью Конрой? Тернер, в сущности, был уверен, что именно Конрой послал за ними Оукея с лазером. Решилась бы "Хосака" расстрелять полигон в Аризоне из электромагнитной пушки, чтобы стереть улики провалившейся попытки извлечения? И если да, то зачем

приказывать Уэббер уничтожить своих же медиков, их нейрохирургический бокс и деку "Маас-Неотек"? И, опять-таки, есть еще и "Маас"… Правда ли, что "Маас" убил Митчелла? Есть ли причина считать, что Митчелл действительно мертв? Да, подумал он, когда рядом в своем беспокойном сне шевельнулась девушка, есть: Энджи. Митчелл боялся, что они ее убьют. Он организовал свой переход в стан врага только ради того, чтобы вытащить дочь из городка, переправить ее в "Хосаку",!

не планируя собственное бегство. Или, во всяком случае, это была версия Энджи.

Тернер закрыл глаза, отключив отражение в стекле. Что-то шевельнулось — глубоко в наносах архивной памяти на Митчелла. Стыд. Он никак не мог до этого дотянуться… Внезапно Тернер открыл глаза. Что она там говорила на кухне у Руди? Что отец вложил эту штуку ей в голову, потому что она была недостаточно умной? Осторожно, чтобы не разбудить девочку, он просунул руку в боковой карман штанов и за шнурок вытянул черный нейлоновый конверт Конроя. Оторвал липучку, вытряхнул на раскрытую ладонь раздутый асимметричный биософт. Машинные сны. Вращается побережье. Слишком быстро, слишком чуждо, чтобы ухватить. Но если ищешь что-то, что-то конкретное, то должен суметь это вытащить…

Большим пальцем он выковырял заглушку из разъема и положил рядом с собой на пластик сиденья. Поезд был почти пуст, и пассажиры не обращали на него никакого внимания. Он сделал глубокий вдох, сжал зубы и вставил биософт….

Двадцать секунд спустя он это нашел. Нашел то, за чем нырнул. Чуждость на этот раз не коснулась его, и он отнес это за счет того, что отправился за одной специфической деталью, фактом, именно тем видом данных, которые, как правило, и попадают в досье на ведущего ученого: коэффициент интеллекта его дочери в динамике ежегодных тестов.

Интеллект Анджелы Митчелл был намного выше нормы. Причем с самого раннего детства.

Вытащив биософт из разъема, Тернер рассеянно покрутил его между большим и указательным пальцами. Стыд. Митчелл и стыд, и выпускной курс… Оценки, подумал он. Мне нужны оценки этого ублюдка. Мне нужна копия его аттестата.

Он снова вошел в досье.

Ничего. Он зацепил аттестат, но там ничего не было.

Нет. Еще.

Еще…

— Черт побери, — пробормотал он, увидев то, что искал.

Бритоголовый подросток с сиденья через проход бросил на

него недоуменный взгляд, потом вернулся к монологу приятеля: "Они снова собираются играть в свои игры, на холме в полночь. Мы тоже едем, но только потусоваться, эти игры не для нас, просто оттянемся и посмотрим, как они будут друг друга мочить. Вот уж оборжемся, посмотрим, кто кому навешает, ведь на прошлой неделе Сьюзен сломали руку, ты там был? И клево было, там Кол хотел отвезти их в больницу, да так обдолбался, что загнал свою сраную "ямаху" через скоростное ограждение…"

Тернер воткнул биософт обратно в разъем.

На этот раз, когда все осталось позади, он не сказал вообще ничего. Только крепче обнял Энджи и улыбнулся, и тут же увидел эту улыбку в окне. Звериный оскал — как на грани.

Студенческие показатели Митчелла были хороши, исключительно хороши. Великолепны. Но кривой взлета в них не было. Взлет или его кривая — это было тем, что Тернер научился искать в досье на исследователей как некий дорожный знак, указывающий на близкий поворот: "гениальность". Он мог распознать эту кривую, как рабочий определяет сорт металла, наблюдая за сыплющимися с шлифовального колеса искрами. Так вот, у Митчелла ее не было.

Стыд. Институтское общежитие. Митчелл знал, твердо знал, что ему не пробиться. И потом — каким-то образом — ему это удалось. Как? В досье нечего и искать. Митчелл нашел какой-то способ подредактировать то, что передавал машине службы безопасности "Мааса". Иначе они бы за него уже взялись… Кто-то — или что-то — нашел Митчелла в его постэкзаменационном убожестве и начал накачивать идеями. Ключи, подсказки. И Митчелл взлетел, его кривая после этого вспыхнула жестко и совершенно, засияла и вынесла его наверх…

Кто? Что?

Тернер посмотрел в лицо спящей Энджи в подергивающемся свете "трубы".

Фауст.

Митчелл заключил сделку. Возможно, Тернеру никогда не узнать подробностей соглашения, или цену Митчелла, но он понял, что знает оборотную сторону. Чего потребовали от Митчелла взамен.

Легба, Самеди, слюна, сочащаяся из перекошенного рта девушки.

А поезд несся в старый Союз в черных порывах полуночного ветра..

— Такси, сэр?

Глаза мужчины двигались за очками с полихромной подкраской, стекла переливались как нефтяные пятна. По

тыльным сторонам его ладоней расползлись плоские серебристые воспаления. Не останавливаясь, Тернер шагнул ближе и, поймав его За локоть, прижал к стене из поцарапанной белой плитки между серых стеллажей ячеек камеры хранения.

— Наличные, — сказал Тернер. — Я плачу новыми иенами. Мне нужна тачка. И никаких, понял меня, никаких проблем с водителем. Ясно? Я не лох. — Он еще крепче сжал локоть зазывалы. — Попробуй только что-нибудь выкинуть, и я вернусь, чтобы тебя прикончить, или сделаю так, что ты пожалеешь, что остался жив.

— Есть. Да-с-сэр. Усек. Это можно устроить, сэр, да-с-сэр. Куда бы вы хотели отправиться, сэр? — Изможденное лицо мужчины перекосилось от боли.

— Наемный человек. — Голос исходил от Энджи. А потом хриплым шепотом — адрес. Тернер увидел, как за радужными переливами глаза зазывалы нервно заметались из стороны в сторону.

— Это Мэдисон? — проскрипел он. — Да-с-сэр. Найду вам хорошее такси, правда, хорошее такси.

— Что там за место? — спросил Тернер водителя, наклоняясь вперед, чтобы нажать кнопку "говорите" возле стальной решетки микрофона. — По адресу, что мы вам дали?

Последовал шорох статики.

— Гипербазар. Там мало что открыто в такое время ночи. Разыскиваете что-то определенное?

— Нет, — отрезал Тернер.

Место было ему не знакомо. Он попытался вспомнить этот отрезок Мэдисон-авеню. Кажется, в основном — спальный район. Бесчисленные квартиры нарезаны в скорлупе офисных зданий, оставшихся с тех времен, когда бизнес требовал физического присутствия служащих в штаб-квартире компании. Некоторые здания были настолько высоки, что проникали за переплетение куполов…

— Куда мы едем? — спросила Энджи, положив руку ему на локоть.

— Все в порядке, — ответил он. — Не волнуйся.

— Боже, — сказала она, опираясь о его плечо и глядя вверх на розовую неоновую вывеску "ГИПЕРБАЗАР", наискось пересекавшую гранитный фасад старого здания, — сколько раз я мечтала о Нью-Йорке там, на плато. У меня были графические программы, которые могли провести по всем улицам, во все музеи и все такое. Я больше всего на свете хотела попасть сюда…

— Ну, тебе это удалось. Ты здесь. Девушка начала всхлипывать, обняла его, спрятав лицо у него на голой груди. Ее

трясло.

— Я боюсь, я так боюсь…

— Все будет хорошо, — сказал он, поглаживая ее волосы и не отрывая взгляда от главного входа.

У него не было никаких причин думать, что что-нибудь когда-нибудь будет хорошо для любого из них. Казалось, она понятия не имела, что слова, приведшие их сюда, исходили из ее уст. Но опять же, подумал он, не она их произносила… По обеим сторонам входа в Гипербазар свернулись на мешках бездомные, неряшливые кучи тряпья совершенно сливались с цветом мостовой. Тернеру на миг показалось, будто их медленно извергает из себя темный бетон, превращая в мобильные отростки города.

— К Джаммеру, — сказал у его груди приглушенный голос, и Тернер почувствовал холодок отвращения, — в клуб. Найди лошадь Данбалы.

И тут Энджи снова заплакала. Тернер взял ее за руку и повел мимо спящих нищих под потускневшую позолоту входной решетки через стеклянные двери Гипербазара. Увидел в конце прохода между палаток и лавок, закрытых ставнями, кофеварку "эспрессо" и девушку с хвостом черных волос, вытирающую прилавок.

— Кофе, — сказал он. — Еда. Идем. Тебе надо поесть.

Он улыбнулся девушке, и Энджи устроилась на табурете.

— Как насчет наличных? — спросил он. — Вы вообще принимаете наличные?

Девушка с полминуты молча смотрела на него, потом пожала плечами. Тернер вытащил из "зиплока" Руди двадцатку и показал ее девушке.

— Чего ты хочешь?

— Кофе. Чего-нибудь поесть.

— Это все, что у тебя есть? А что-нибудь помельче?

Он покачал головой:

— Извини. У меня нет сдачи.

— И не надо.

— Ты спятил?

— Нет, но я хочу кофе.

— Ну и чаевые, мистер. Я это и за неделю не зарабатываю.

— Это твое.

По лицу официантки скользнула тень гнева:

— Так ты с этими ублюдками, что наверху. Убери свои деньги. Я закрываюсь.

— Мы сами по себе, — сказал он, слегка наклоняясь через стойку, так, чтобы распахнулась парка и ей стал виден "смит-и-

вессон". — Мы ищем клуб. Место, которое называется "У Джаммера".

Девушка поглядела на Энджи, потом перевела взгляд на Тернера.

— Она больная? Обдолбанная? В чем дело?

— Вот деньги, — сказал Тернер. — Дай нам кофе. Если хочешь отработать сдачу, расскажи, как найти клуб Джаммера. На мой взгляд, это стоит двадцатки. Понятно?

Она смахнула потрепанную банкноту из виду и подошла к кофеварке.

— Похоже, я ничего больше не понимаю. — Она загремела чашками и стаканами с молочной пленкой, отодвигая их в сторону. — Что такое стряслось с клубом? Ты друг Джаммера? Знаешь Джекки?

— Конечно, — ответил Тернер.

— Она появилась сегодня рано утром с каким-то маленьким вильсоном с окраины. Думаю, они пошли наверх…

— Куда?

— К Джаммеру. Тут-то все и началось.

— Да?

— Заявилась толпа шпаны из Барритауна, какие-то грязноголовые и белотуфельные, причем с таким видом, как будто им тут все принадлежит. А теперь так оно, черт побери, и есть, во всяком случае — два верхних этажа. Начали выкупать у людей их лавки. А многие с нижних этажей просто собрали вещички и свалили. Слишком жутко…

— Сколько пришло?

Из кофеварки со свистом вырвался пар.

— Может, сотня. Я до икоты сегодня перепугалась, но никак не могу связаться с боссом, к тому же мне все равно через полчаса закрываться. А моя дневная сменщица так и не объявилась, зашла, наверное, почувствовала, чем тут пахнет, и смылась… — Она поставила перед Энджи маленькую дымящуюся чашку. — С тобой все в порядке, дорогая?

Энджи кивнула.

— Как по-твоему, чего этим людям надо? Девушка вернулась к своей кофеварке. Та снова загудела.

— Думаю, они кого-то ждут, — вполголоса сказала она и подала Тернеру его "эспрессо". — Или того, кто попытается выйти из клуба, или того, кто попытается туда войти…

Тернер посмотрел на водоворот коричневой пены на поверхности своего кофе.

— И никто не вызвал полицию?

— Полицию? Мистер, это — Гипербазар. Здесь полицию не

вызывают…

Чашка Энджи разлетелась о мраморную стойку.

— Короток и прям твой путь, наемный человек, — прошептал голос. — Ты знаешь дорогу. Внутрь.

У продавщицы отвисла челюсть.

— Господи, — выдохнула она. — Да она, должно быть, здорово обдолбалась… — Девушка холодно глянула на Тернера. — Это ты дал ей такую дрянь?

— Нет, — ответил Тернер, — но она больна. Все будет в порядке.

Он допил черный горький кофе. На какое-то мгновение ему показалось, что он ощущает на себе дыхание всего Муравейника, и это дыхание было старым, больным и усталым. Все эти спуски-подъемы всех станций от Бостона до Атланты…

28. ДЖЕЙЛИН СЛАЙД

— Господи, — Бобби посмотрел на Джекки, — может, ты это завяжешь или еще что?

Из-за ожога Джаммера в конторе стоял запах, похожий на вонь от подгоревшей свинины, от этого у Бобби выворачивало желудок.

— Ожог не перевязывают, — отрезала она, помогая Джаммеру сесть в кресло. — У тебя есть обезболивающее? Дермы? Хоть что-нибудь?

Она начала один за другим выдвигать ящики письменного стола. Джаммер покачал головой, его длинное лицо побледнело и осунулось.

— Наверное. За баром есть аптечка…

— Принеси ее! — бросила Джекки. — Пошевеливайся!

— Чего это ты так над ним трясешься? — начал Бобби, задетый ее тоном. — Он пытался впустить сюда готиков…

— Принеси аптечку, дурак! Он просто сорвался на секунду, вот и все. Испугался. Принеси мне эту коробку, иначе она тебе самому понадобится.

Бобби рванул в клуб, где обнаружил, что Бовуа подсоединяет провода от розовых бутербродов взрывных зарядов к желтой пластмассовой коробке, похожей на пульт управления игрушечным грузовичком. "Бутерброды" были налеплены вокруг дверных петель и по обеим сторонам замка.

— А это зачем? — спросил Бобби, перелезая через стойку.

— Кто-нибудь может захотеть войти, — сказал Бовуа. — Если так, то мы им откроем.

Бобби помедлил, чтобы полюбоваться устройствами.

— А почему не наклеить их на стекло так, чтобы его просто вынесло наружу?

— Слишком очевидно, — выпрямился Бовуа. В руках он держал желтый детонатор. — Но я рад, что ты думаешь о таких вещах. Если мы попытаемся взорвать напрямую, взрывной волной хоть что-то да занесет внутрь. Так… аккуратнее.

Пожав плечами, Бобби нырнул под стойку. Там оказались проволочные полки, заваленные пластиковыми пакетами крилевых вафель, коллекция забытых зонтов, пухлая телефонная книга, синяя женская туфелька, белая пластмассовая коробка со скользким с виду красным крестом, нарисованным на крышке лаком для ногтей… Схватив коробку, Бобби выбрался из-под стойки.

— Послушай, Джекки… — сказал он, кладя аптечку рядом с

декой Джаммера.

— Забудь об этом. — Щелкнув замком, она порылась в содержимом аптечки. — Джаммер, здесь больше попперов, чем всего остального…

Джаммер слабо улыбнулся.

— Ага, вот это подойдет. — Она развернула листок красных дермов и, сорвав с трех заглушки, налепила их в ряд по тыльной стороне сожженной руки. — Однако тебе нужна блокада.

— Я вот тут подумал, — сказал Джаммер, глядя на Бобби. — Возможно, теперь как раз тот случай, когда ты можешь заработать себе немного времени пробега…

— То есть как? — спросил Бобби, не сводя глаз с деки.

— Вполне разумно предположить, — продолжал Джаммер, — что тот, кто привел этих ублюдков, тех, что снаружи, подключился и к телефонам.

Бобби кивнул. Бовуа, объясняя им свой план, говорил то же самое.

— Ну так вот, когда мы с Бовуа порешили, что нам с тобой стоит врубиться в матрицу поглядеть, что происходит, у меня, по правде говоря, было на уме кое-что другое, — оскалился Джаммер, показав частокол белых мелких зубов. — Видишь ли, я в это влип, потому что должен Бовуа и Лукасу. Но есть люди, которые мне тоже кое-что должны, правда, дело это сильно прошлое. И эти долги у меня не было надобности взымать.

— Джаммер, — сказала Джекки, — тебе надо расслабиться. Просто посиди спокойно. Ты можешь довести себя до шока.

— Как у тебя с памятью, Бобби? Я хочу, чтобы ты прогнал последовательность кое-каких команд. Попрактикуйся на моей деке. Без тока, не подключаясь. Идет?

Бобби кивнул.

— Так вот, прогони это пару раз всухую. Код входа. Чтобы тебя впустили через черный ход.

— Чей черный ход? — Бобби развернул черную деку к себе передом и занес пальцы над клавиатурой.

— Якудза, — сказал Джаммер. Джекки недоуменно воззрилась на владельца клуба:

— Эй, что ты…

— Именно то, что ты слышала. Это давний должок. Но, знаешь, как говорят, якудза ничего не забывают. Как плохое, так и хорошее…

До Бобби дошел сладковатый запах паленого мяса, и он поморщился.

— Как случилось, что ты не сказал это Бовуа? — Джекки убирала лекарства обратно в белую коробку.

— Со временем узнаешь, золотко, — сказал Джаммер. — Иногда приходится учиться помнить о том, что кое-что следует забыть.

— Теперь слушай, — сказал Бобби, пригвождая Джекки, как он надеялся, самым тяжелым своим взглядом, — это мой забег. Так что обойдусь без твоих лоа, ладно? Они действуют мне на нервы…

— Не она их вызывает, — сказал сидящий на корточках у двери конторы Бовуа. В одной руке у него был детонатор, в другой — африканский обрез. — Они просто приходят. Они хотят прийти, и вот они уже здесь. Что ни говори, но ты им нравишься…

Джекки надвинула на лоб тиару тродов.

— Бобби, — сказала она, — все с тобой будет хорошо. Не волнуйся, просто включись.

Она сняла шарф. Между бороздками блестящей коричневой кожи ее курчавые волосы колосились древними резисторами, вплетенными через случайные интервалы, маленькими цилиндриками коричневой феноловой смолы с цветокодированными кольцами краски.

— Когда простучишься мимо "Баскетбольной корзины", — сказал Джаммер Бобби, — нырни на три единицы вправо и прямо на дно, я хочу сказать, вниз…

— Мимо чего?

— "Баскетбольной корзины", это Сфера Сопроцветания "Солнечный Пояс", Даллас — Форт Уорт… Быстро спускай свою задницу на самое дно. Потом прогонишь, как я тебе сказал, примерно в течение двадцати единиц. Там кругом лоты подержанных машин и налоговые инспектора, но просто стой на этой матери, идет?

Бобби, ухмыляясь, кивнул.

— Если кто-то увидит, как ты проходишь мимо, ну что ж, пускай смотрят. Люди, которые врубаются в самый низ решетки, привычны ко всякому, самому странному дерьму.

— Твой ход, друг мой, — сказал Бовуа Бобби. — Мне пора возвращаться к двери…

И Бобби включился.

Бобби следовал инструкциям Джаммера, втайне испытывая благодарность за то, что чувствует присутствие Джекки, когда они врубились вниз в будничные глубины киберпространства. Над ними, уходя вдаль, уменьшалась светящаяся "Баскетбольная корзина". Дека была легкой, сверхловкой и заставляла его чувствовать себя быстрым и сильным. Теперь он начал размышлять над вопросом, как так вышло, что якудза оказались у

Джаммера в долгу и что за должок тот так и не потрудился востребовать. Мысли его как раз были заняты составлением сценария — и тут они врезались в лед.

— Господи…

И Джекки исчезла. Что-то опустилось между ними, нечто, что он ощутил как холод и молчание, и как будто ему перекрыли кислород.

— Но тут же ничего не было, черт побери! Он застыл, чем-то крепко скованный. Он все еще способен видеть матрицу, но рук не чувствовал.

— Почему, во имя Господа, кто-то пускает в матрицу таких, как ты, и без присмотра? Этому старью место в музее — а тебе еще сидеть и сидеть в школе.

— Джекки!

Вопль вышел рефлекторно.

— Почем мне знать, приятель. Те несколько дней, что я не спала, вышли очень долгими, но готова поспорить, ты — совсем не то, на что я расставила ловушку… так облажаться… Сколько тебе лет?

— Отвали! — крикнул Бобби. Это все, что он смог придумать.

Голос расхохотался:

— Услышь это Рамирес, он бы животики надорвал от смеха. У него было особое пристрастие к нелепицам. И это лишь немногое из того, чего мне не хватает…

— Кто такой Рамирес?

— Мой партнер. Бывший. Теперь мертв. Совсем. Я думала, может, ты мне скажешь, как так вышло.

— Никогда о нем не слышал, — выдавил Бобби. — А где Джекки?

— Висит в отключке посреди киберпространства, пока ты отвечаешь на мои вопросы, вильсон. Как тебя зовут?

— Бо… Граф Ноль.

— Ну да, как же. Имя!

— Бобби, Бобби Ньюмарк.

Молчание. Потом:

— Ладно… Эй, Бобби, да? Слушай, тогда в этом есть хоть какой-то смысл. Это за квартирой твоей матери я наблюдала, когда придурки из "Мааса" подорвали ее ракетой, так? Ну, думаю, тебя там тогда не было, иначе ты не торчал бы здесь. Подожди сек…

Квадрат киберпространства прямо перед ним тошнотворно завибрировал, и Бобби оказался в очень просторных апартаментах, где контуры Низкой мебели были прочерчены тоненькими линиями голубого неона. Перед ним стояла

женщина, точнее, несколько светящихся мультяшных закорючек, сложенных в женскую фигуру, с пятном коричневого дыма на месте лица.

— Я Слайд, — сказала фигура, уперев руки в бедра. — Джейлин. Ты мне тут не придуривайся. Никто в Лос-Анджелесе, — она взмахнула рукой, и внезапно у нее за спиной вспыхнуло окно, — не смеет мне дерзить. Усек?

— Ладно, — ответил Бобби. — Но что это? Я хочу сказать, не могли бы вы… ну… объяснить… — Он по-прежнему не мог даже пошевелиться. "Окно" открывало серо-голубую видеопанораму пальм и каких-то старинных зданий.

— Что ты имеешь в виду?

— Этот рисунок. И вас, и эту старую картину…

— Эй, приятель, я полцарства заплатила дизайнеру, чтобы он мне это запрограммировал. Это — мое пространство, мой конструкт. Это — Лос-Анджелес, мальчик. Люди без подключки здесь ничего не делают. Здесь вообще ничего не делается без матрицы. Вот где я развлекаюсь!

— О, — протянул Бобби, все еще сбитый с толку.

— Твой черед. Кто там, в этом траханном танцзале?

— "У Джаммера"? Я, Джекки, Бовуа, сам Джаммер.

— И куда ты направлялся, когда я тебя поймала?

Бобби помедлил.

— К якудза. У Джаммера был код…

— Зачем? — Фигура скользнула вперед — мультипликационный чувственный мазок акварельной кисти.

— За помощью.

— Черт. Похоже, ты говоришь правду…

— Да, да, клянусь богом…

— Ну, ты не тот, кто мне нужен, Бобби Ноль. Я кружу по киберпространству, пытаюсь выяснить, кто убил моего человека. Я думала, это "Маас", потому что мы перевозили одного из их людей в "Хосаку", так что для начала я отловила их команду мстителей, а может, это была разведка. Первое, что я увидела, — как они взрывали кондо твоей матери. Потом я видела, как трое из них заглянули к человеку, которого они называли Финном. Эти так и не вышли…

— Финн их убил, — сказал Бобби. — Я их видел. Трупы…

— Да? Ну тогда, пожалуй, нам есть о чем поговорить. А после этого я наблюдала, как еще трое расстреляли из такой же установки членовоз…

— Это был Лукас, — сказал он.

— Но не успели они с этим покончить, как на них налетел вертолет и изжарил всех троих лазером. Что-нибудь об этом

знаешь?

— Нет.

— Как, по-твоему, способен ли ты рассказать мне свою историю, Бобби Ноль? Покороче, пожалуйста!

— Я собирался сделать этот набег, понимаешь? И еще я получил ледоруб. От Дважды-в-День, это толкач с Проектов, и я…

Когда он закончил, Джейлин какое-то время молчала. Соблазнительная мультяшная красавица стояла у окна, как будто рассматривала видеодеревья.

— У меня есть идея, — рискнул он. — Может, ты сможешь нам помочь…

— Нет, — отрезала она.

— Но может быть, это поможет тебе узнать то, что тебе нужно…

— Нет. Я хочу только прикончить ублюдка, расправившегося с Рамиресом.

— Но мы там в ловушке, они нас убьют. Это — " Маас", те, за кем ты следила по всей матрице! Они наняли свору готиков и казуаров…

— Это не " Маас", — сказала красавица. — Там у вас в Нью-Йорке на Парк-авеню — компания европейцев. Лед вокруг них — в милю глубиной.

С минуту Бобби переваривал услышанное.

— Так это они были на вертолете, те, кто прикончил вторую группу " Мааса"?

— Нет. Я не смогла прищучить этот вертолет, и они улетели на юг. Потеряла их. Однако у меня есть зацепка… Ну ладно, я отошлю тебя назад. Хочешь еще попытать этот код яков — пожалуйста.

— Но, леди, нам нужна помощь…

— Никаких процентов в помощи, Бобби Ноль, — сказала Джейлин, и вдруг он очутился перед декой Джаммера. Болели мускулы спины и шеи. Какое-то время ушло, чтобы сфокусировать взгляд, так что прошла почти минута до того, как он увидел, что в комнате появились двое незнакомцев.

Мужчина был высок, может, даже выше Лукаса, но стройней, мускулистей, уже в бедрах. На нем было что-то вроде висевшей складками армейской куртки с огромными карманами, под расстегнутой курткой виднелась голая грудь, которую горизонтально пересекал черный ремень. Под глазами у него были синяки, и взгляд этих глаз был лихорадочный, а в руках он держал самую большую пушку, какую Бобби когда-либо видел. Это было что-то вроде вздувшегося револьвера с каким-то странным приспособлением, приваренным под стволом и

напоминавшим голову кобры. Рядом с ним стояла, пошатываясь, девушка, приблизительно одного с Бобби возраста, с такими же синяками под глазами — хотя у нее они были темными — и обвисшими прядями каштановых волос, которые явно стоило бы вымыть. Одета она была в черный, не по росту большой свитер и джинсы. Мужчина протянул левую руку, чтобы поддержать девушку.

Бобби ошалело уставился на них и вдруг открыл рот — на него обрушилось воспоминание.

Девчоночий голос, каштановые волосы, темные глаза. Лед въедается в мозг, зубы у него гудят, вибрируют. Ее голос, к нему придвигается что-то большое…

— Вив ля Вьей, — восхищенно выдохнула возле него Джекки, ее рука больно сжала его плечо. — Дева Чудес. Она пришла, Бобби. Данбала прислал ее!

— Ты какое-то время был без сознания, дружок, — обратился к Бобби высокий. — Что там произошло?

Бобби моргнул, обвел контору безумным взором, нашел взгляд Джаммера, стеклянный от наркотиков и боли.

— Скажи ему, — сказал Джаммер.

— Я не смог прорваться к якам. Кто-то меня перехватил, не знаю как…

— Кто? — Высокий теперь обнимал девушку за плечи.

— Она сказала, ее зовут Слайд. Из Лос-Анджелеса.

— Джейлин, — кивнул высокий.

На столе у Джаммера загудел телефон.

— Ответь, — приказал высокий.

Бобби обернулся к телефону, одновременно с этим Джекки, потянувшись через стол, нажала клавишу "прием" под квадратным экраном. Экран зажегся, мигнул и показал им мужское лицо, широкое и очень бледное, с сонным взглядом отечных глаз. Почти добела вытравленные волосы зачесаны прямо назад. И самый мерзкий рот, какой Бобби только случалось видеть.

— Тернер, — сказал человек на экране, — нам лучше поговорить. Сейчас. У тебя осталось не так много времени. Думаю, для начала тебе стоит убрать из комнаты этих людей…

29. ШКАТУЛОЧНИК

Канат с узлами, казалось, тянулся бесконечно. Временами они выходили к поворотам и развилкам туннеля. Тут веревка была накручена на какую-нибудь распорку или прикреплена толстым плевком прозрачной эпоксидки. Воздух был все таким же спертым, но теперь стал холоднее. Когда они остановились передохнуть в цилиндрической камере, где шахта расширялась, прежде чем разветвиться на три прохода, Марли попросила у Джонса маленький фонарик, который он носил на лбу на серой эластичной повязке. Сжав его в одной из красных перчаток скафандра, она поводила лучом по стене камеры. Поверхность была гравирована узорами микроскопически тонких линий…

— Надень шлем, — посоветовал Джонс, — у тебя там фонарь гораздо лучше, чем мой.

Марли передернуло.

— Нет. — Она вернула ему фонарь. — Можешь мне помочь из этого выбраться? — Она постучала перчаткой по жесткой груди скафандра. Шлем с зеркальным куполом был закреплен на поясе скафандра хромированным карабином.

— Тебе лучше в нем остаться, — сказал Джонс. — Он — единственный в Месте. Там, где я сплю, у меня есть такой же, но для него нет воздуха. Фляжки Вига не налезают на мой респиратор. А его скафандр — сплошные дыры… — Он пожал плечами.

— Ну пожалуйста, — взмолилась Марли, сражаясь с запором на талии скафандра, она видела, как Рес там что-то поворачивала. — Я не могу больше…

Джонс подтянулся, завис в полуметре над канатом и что-то покрутил. Марли не видела что. Щелчок.

— Вытяни руки над головой.

Довольно неуклюже Марли выплыла наконец на свободу — во все тех же черных джинсах и белой шелковой блузке, которую она надела, готовясь к последней встрече с Аденом. Джонс, закрепив скафандр на канате еще одним встроенным в пояс карабином, отвязал раздувшуюся от вещей сумку.

— Она тебе нужна? Я хочу сказать, возьмешь ее с собой? Могли бы оставить ее тут и забрать на обратном пути.

— Нет, — сказала Марли. — Я возьму ее с собой. Дай мне.

Зацепившись локтем за канат, она на ощупь открыла сумку. Выплыло пальто, а за ним — ботинок. Марли с трудом загнала его назад, а потом, извиваясь, кое-как просунула руки в рукава пальто.

— Недурная шкурка, — похвалил Джонс.

— Пожалуйста, — попросила она, — нам надо спешить…

— Уже недалеко, — отозвался парнишка. Фонарь скользнул в сторону, освещая выгнутую стену, где канат исчезал в одном из трех отверстий, расположенных равносторонним треугольником.

— Конец связи, — сказал Джонс, — буквально. — Он похлопал по хромированной гайке, где канат был завязан морским узлом. Его голос подхватило и стало перекатывать где-то впереди эхо, пока Марли не почудилась, будто за его раскатами зашептали еще какие-то голоса.

— А сейчас нам не помешает немного света, — сказал он, проплывая мимо, чтобы схватиться за какой-то выступ, очень похожий на выдающийся из стены гроб.

Скрипнув, сдвинулась крышка. Марли смотрела, как в ярком круге света от фонаря двигаются руки парнишки. Пальцы у него были тонкие и изящные, но ногти — маленькие и обломанные, с черными ободками въевшейся грязи. На тыльной стороне правой кисти были грубо вытатуированы синие буквы " СД". Такие татуировки делают себе сами, в тюрьме… Вот он выудил кусок тяжелого изолированного провода. Джонс посветил в ящик и воткнул провод куда-то позади медного D-коннектора.

Тьма впереди растаяла в потоке белого света.

— Тока у нас даже больше, чем нужно, — сказал он с чувством сродни гордости домовладельца. — Накопители при солнечных батареях все как один работают, а ведь им полагалось обеспечивать током весь комплекс… Идемте, леди, познакомлю вас с художником, ради которого вы проделали такой путь…

Оттолкнувшись от стены вбок и вверх, он легко скользнул в отверстие — так выныривает из толщи воды пловец — на свет. В мириады качающихся предметов. Марли успела увидеть, что красные пластиковые подметки его потрепанных кроссовок испещрены шрамами белой силиконовой замазки.

И вот она вынырнула за ним, позабыв свои страхи, позабыв о тошноте и постоянном головокружении. И поняла.

— Бог мой, — выдохнула Марли.

— Едва ли, — откликнулся Джонс. — Хотя возможно, — старины Вига. Жаль, однако, что он сейчас ничего не делает. Тут тогда повеселей.

Что-то проплыло мимо Марли — в десяти сантиметрах от ее лица. Вычурная серебряная ложка, распиленная вдоль на две одинаковые половинки.

Она понятия не имела, сколько времени она уже здесь, как вдруг зажегся и замигал экран. Канули часы? Минуты? Она уже научилась — до какой-то степени — перемещаться по камере,

отталкиваясь, как Джонс, ногой от сводов храма. Как Джонс, она хваталась потом за свернутые суставчатые руки автомата — сила инерции разворачивала ее тогда вокруг руки — и повисала там, глядя на проносящиеся мимо в медленном водовороте предметы. Десятки рук, манипуляторов, оканчивающихся щипчиками, буравчиками, ножами, миниатюрной циркулярной пилой, бормашиной дантиста… Все это топорщилось из легированной грудной клетки странного автомата. Прежде это, вероятно, был управляемый по радио конструктор, что-то вроде не нуждающегося в человеке полуавтономного механизма, знакомого ей по видеофильмам детства об освоении космоса. Но этот был приварен к куполу храма. Его ребра вросли в плоть Места, а по куполу геодезика змеились, чтобы войти в него, сотни кабелей и оптоволоконных линий. Две руки, заканчивающиеся!

деликатными устройствами тактильной обратной связи, были вытянуты. Мягкие подушечки укачивали незаконченную шкатулку.

Широко раскрыв глаза, Марли смотрела на проплывающие мимо бесчисленные предметы.

Пожелтевшая детская перчатка, граненая хрустальная пробка от какого-то флакона с исчезнувшими духами, безрукая кукла с лицом из французского фарфора, толстая оправленная в золото черная ручка с золотым пером, прямоугольные сегменты перфокарты, мятая красно-зеленая змея шелкового галстука… Бесконечный медленный рой, кружащиеся мелочи, хлам…

Джонс перекувырнулся через голову в этом беззвучном шторме, смеясь, схватился за руку с клеевым пистолетом на конце.

— Когда он работает, мне всегда хочется смеяться. А вот шкатулки всегда навевают грусть…

— Да, — сказала она, — они и на меня навевают грусть. Но печаль бывает разная…

— Вот именно, — Джонс ухмыльнулся. — Но заставить его работать нельзя. Думаю, его приводит в движение дух или душа, во всяком случае так это объясняет Виг. Он раньше часто сюда приходил. Говорил, что голоса для него тут звучат громче. Но в последнее время они, похоже, говорят с ним повсюду…

Она поглядела на него сквозь чащу манипуляторов. Парнишка бьы очень грязен, совсем юн — с широко распахнутыми голубыми глазами под торчащей во все стороны шевелюрой каштановых кудрей. Воротник покрытого пятнами серого комбинезона был засален до блеска.

— Ты, наверное, сошел с ума, — сказала она с примесью восхищения в голосе. — Нужно быть совершенно сумасшедшим,

чтобы жить здесь…

Он рассмеялся:

— Это Виган безумнее мартовского зайца. А со мной все в порядке. Марли улыбнулась:

— Нет, ты просто помешанный. И я помешанная тоже…

— Эй, смотри-ка, — воскликнул он, глядя на что-то у нее за спиной. — Что это? Похоже, опять проповедь. Вот черт, теперь ее никак не выключишь, разве что я вырублю ток…

Повернувшись, Марли увидела, как по квадратной поверхности огромного экрана, криво приклеенного к своду купола, побежали, мигая, цветные полосы. Экран на секунду заслонил проплывавший мимо портновский манекен, а потом его заполнило лицо Йозефа Вирека, за круглыми линзами поблескивали мягкие голубые глаза.

— Здравствуйте, Марли, — сказал он. — Хотя я не вижу вас, но уверен, что знаю, где вы находитесь…

— Это один из проповеднических экранов Вига, — объяснил Джонс, потирая щеку. — Виг расклеил их по всему Месту, потому что решил, что настанет день, когда у него будет кому проповедовать. Этот чудик, похоже, подключился через его коммуникационное оборудование. Кто это?

— Вирек, — отозвалась она.

— А я думал, он старше…

— Генерированное изображение, — сказала Марли. — Лучевое сканирование, карты структур тканей…

А со свода купола ей улыбалось гигантское лицо — будто фон для замедленного урагана потерянных вещей, незначительных артефактов бесчисленных жизней: инструментов, игрушек, позолоченных пуговиц.

— Я хочу, чтобы вы знали, — сказало изображение, — что вы свою задачу выполнили. Мой психопрофиль на Марли Крушкову правильно предсказал вашу реакцию на данный мой гештальт. Более широкие профили указывали также на то, что ваше появление в Париже вынудит "Маас" вступить в игру. Вскоре, Марли, я точно буду знать, что именно вы нашли. Уже четыре года мне известно нечто не известное "Маасу". Я знаю, что Митчелла, того человека, которого "Маас", а вместе с ним и весь мир, считает изобретателем нового процессора на биочипах, накачивали идеями и концепциями, которые в результате привели к прорыву в данной области. Я добавил к сложному нагромождению факторов вас, Марли, и все сложилось наиболее удовлетворительным образом. "Маас", не понимая, что делает, выдал местонахождение источника концепций. А вы его достигли. Вскоре прибудет Пако…

— Вы сказали, что не последуете за мной, — сказала она. — Я знала, что вы солгали…

— И теперь, Марли, я наконец стану свободен. Свободен от четырехсот килограммов восставших клеток, замурованных за хирургической сталью в промышленной зоне Стокгольма. Свободен, и навсегда, способный населять любое число реальных тел.

— Бля, — ругнулся Джонс, — этот старикан так же плох, как и Виг. О чем это он, собственно, болтает?

— О своем скачке, — сказала она, вспомнив разговор с Андреа, запах готовящихся креветок в маленькой захламленной кухне. — О следующей стадии своей эволюции…

— Вы это понимаете?

— Нет, — ответила Марли, — но я знаю, что это будет скверно, очень скверно… — Она покачала головой.

— Убеди обитателей сердечников впустить Пако и его людей, Марли, — продолжал Вирек. — Я приобрел сердечники за час до вашего вылета из Орли через посредника в Пакистане. Удачная сделка, Марли, великая сделка. Пако, как обычно, позаботится о моих интересах.

На этом экран погас.

— Ладно, — сказал Джонс, проскальзывая под свернутым манипулятором и беря ее за руку, — ну что в этом плохого? Все теперь принадлежит ему, и он сказал, что свое дело вы сделали… Не знаю, на что годится Виг, разве что слушать голоса, но он все равно долго не протянет. Что до меня, то мне, в сущности, все равно, где жить…

— Ты не понимаешь, — сказала Марли. — Не можешь понять. Он нашел себе путь к тому, к чему стремился многие годы. Но ничего из того, что он хочет, не может быть во благо. Никому. Я его видела, я это почувствовала…

И тут стальная рука, за которую она держалась, завибрировала, шевельнулась. С приглушенным гудением сервоприводов начала вращаться вся башня.

30. НАЕМНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Тернер не отрывал глаз от лица Конроя на экране телефона.

— Послушай, — обратился он к Энджи. — Тебе сейчас лучше пойти с ней.

Высокая негритянка с вплетенными в волосы резисторами сделала шаг вперед и мягко обняла за плечи дочь Митчелла, вполголоса напевая что-то на том же самом пощелкивающем патуа. Парнишка в футболке все еще пялился на Энджи. Челюсть у него отвисла.

— Пойдем, Бобби, — окликнула его негритянка.

Тернер глянул через стол на человека с раненой рукой. На том был мятый белый смокинг и галстук-бабочка с черными кожаными косичками шнурков. Джаммер, решил Тернер, владелец клуба. Джаммер баюкал на коленях руку, завернутую в полотенце в голубую полоску. У него было длинное лицо, щетина из тех, что неизменно нуждаются в бритве, и жесткие прищуренные глаза прожженного профи. Встретившись с ним взглядом, Тернер вдруг сообразил, что Джаммер сидит далеко за линией обзора камеры телефона, что его вертящееся кресло задвинуто в самый угол.

Так и не закрыв рта, парнишка в футболке, Бобби, прошаркал вслед за Энджи и чернокожей.

— Ты мог бы избавить нас от массы хлопот, Тернер, — сказал Конрой. — Мог бы позвонить мне. Мог позвонить своему агенту в Женеву.

— А как насчет "Хосаки"? — спросил Тернер. — Им бы я мог позвонить?

Конрой медленно покачал головой, очень медленно.

— На кого ты работаешь, Конрой? "Хосаку" ты ведь кинул, так?

— Но ведь не тебя, Тернер. Если бы все шло так, как я планировал, ты был бы в Боготе с Митчеллом. Электромагнитная пушка не могла выстрелить до взлета реактивника. И если бы все сошлось, "Хосака" решила бы, что это "Маас" снес весь сектор, чтобы остановить Митчелла. Но Митчелл до полигона не добрался, да, Тернер?

— Он и не собирался, — отозвался Тернер.

Конрой кивнул.

— Ну да. А их служба безопасности на плато засекла девчонку, когда та вылетала. Это ведь она только что вышла отсюда? Дочь Митчелла?

Тернер молчал.

— Конечно, — сказал Конрой. — Сходится…

— Я убил Линча, — сказал Тернер, чтобы увести разговор в сторону от Энджи. — Но прежде чем грянул гром, Уэббер сказала, что работала на тебя…

— Они оба на меня работали, — ответил Конрой, — но один не знал о другом. — Он пожал плечами.

— Зачем?

Конрой улыбнулся:

— Потому что не будь их там, тебе бы их не хватало, или я не прав? Потому что ты знаешь мой стиль, и если бы я не выкинул всех своих обычных трюков, ты начал бы задумываться. А я знал, что ты ни за что не переметнешься. Мистер Мгновенная Лояльность, или я не прав? Мистер Бусидо. Ты надежен и предсказуем, Тернер. "Хосака" это знала. Именно поэтому они настаивали на том, чтобы я ввел в игру тебя…

— Ты не ответил на первый мой вопрос, Конрой. Кому ты нас продал? Кто второй хозяин?

— Человек по имени Вирек, — сказал Конрой. — Денежный мешок. Вот именно, тот самый. Он уже многие годы пытался перекупить Митчелла. Из-за него, если уж на то пошло, пытался купить и сам "Маас". Не вышло. Они разбогатели так быстро, что оказались вне его досягаемости. По сетям постоянно бегало предложение на Митчелла. Слепое предложение. Когда о Митчелле узнала "Хосака" и меня ввели в курс дела, я решил проверить, существует ли оно еще. Из чистого любопытства. Не успел я этого сделать, как на меня навалилась команда Вирека. Это сделку несложно было провернуть, поверь мне, Тернер.

— Я тебе верю.

— Но Митчелл всех нас облажал, не так ли, Тернер? Крепко и основательно.

— Ага. Так, что его убили.

— Он покончил жизнь самоубийством, — сказал Конрой, — согласно

— Не много ли трупов кругом, а, Конрой? — поинтересовался Тернер. — Оукей мертв, и японец, который пилотировал твой вертолет, тоже.

— Я и сам это вычислил, когда они не вернулись, — пожал плечами Конрой.

— Они пытались убить нас, — сказал Тернер.

— Нет, приятель, они хотели только поговорить… Во всяком случае, о девчонке мы тогда еще ничего не знали. Знали только, что ты исчез, и этот чертов реактивник не добрался до посадочной полосы в Боготе. Мы и думать не думали ни о какой девчонке, пока не заглянули на ферму твоего брата и не нашли

самолет. Твой брат отказался говорить с Оукеем. Вышел из себя, поскольку тот поджарил его собак. Оукей сказал, что, судя по всему, там жила еще и женщина, но ее не нашли…

— А что с Руди?

Лицо Конроя было совершенно пустым. Потом он сказал:

— Оукей получил то, что ему требовалось, с мониторов. Так мы узнали о девчонке.

Болела спина. Ремни портупеи врезались в грудь. Я ничего не чувствую, думал он, я вообще ничего не чувствую…

— У меня есть к тебе вопрос, Тернер. Собственно говоря, пара вопросов. Но основной: что ты, черт побери, тут делаешь?

— Где-то слышал, что это крутой клуб, Конрой.

— Да уж. Только для избранных. Настолько, что тебе пришлось пришить пару моих швейцаров, чтобы войти внутрь. А вот они, однако, знали, что ты идешь, Тернер, — и латиносы, и этот панк. С чего это вдруг они тебя впустили?

— Вот тебе и будет над чем поразмыслить, Конни. У тебя, похоже, много к чему появился доступ за последние дни.

Конрой придвинулся ближе к камере телефона.

— Готов поспорить на твою башку. Люди Вирека несколько месяцев прочесывали Муравейник, разрабатывали кое-какой слух. Среди ковбоев ходили сплетни, что где-то плавает экспериментальный биософт. Наконец его люди вышли на Финна, но объявилась другая команда, команда "Мааса", которая, судя по всему, охотилась за тем же самым. Потому команда Вирека решила залечь и понаблюдать за мальчиками "Мааса", а те вдруг стали взрывать людей. Вот так команда Вирека и раскопала всю историю: и латиносов, и малыша Бобби, и все остальное. Все это они мне выложили, когда я сказал им, что, по моим раскладам, ты от Руди двинул сюда. Когда я понял, к чему они клонят, то нанял мускулы, чтобы обложить тут льдом этих латиносов, пока не найду кого-нибудь, кому доверить пойти по их души…

— Эти обдолбанные за дверью? — Тернер улыбнулся. — Вот ты и проговорился, Конни. Тебе ведь некуда теперь обратиться за профессиональной помощью, а? Кто-то шепнул, что ты кинул нанимателя и на твоем полигоне погибли профи. Что еще остается, кроме как нанимать придурков с дурацкими прическами? Все профи прослышали, что у тебя на хвосте "Хосака", я прав, Конни? И все они знают, что ты сделал. — Теперь ухмылялся Тернер. Углом глаза он видел, что мужик в смокинге тоже скалится кривой улыбкой с большим количеством ровных мелких зубов, похожих на белые зерна пшеницы…

— А все эта сука Слайд, — ответил Конрой. — Я не смог прикончить ее на платформе… Она через матрицу простучала

себе куда-то дорожку и начала задавать лишние вопросы. Не думаю, что она что-то раскопала, однако успела уже наделать шума в определенных кругах… Ну да ладно, смысл ты уловил. Впрочем, твоей башке это сейчас ничем не поможет. Вирек нужна девчонка. Он отозвал своих людей с другого направления, и теперь я всем для него заправляю. Деньги, Тернер, деньги — как в дзайбацу…

Тернер смотрел в белое лицо, вспоминая Конроя в баре отеля в джунглях. Вспоминая его позднее, в Лос-Анджелесе, как тот делал заходы, объясняя тайную экономику корпорационных предательств…

— Привет, Конни, — сказал Тернер, — а я ведь тебя знаю, так?

Конрой улыбнулся:

— Конечно, малыш.

— И я знаю, какое у тебя предложение. Уже знаю. Тебе нужна девчонка.

— Вот именно.

— И дележ, Конни. Ты же знаешь, я работаю только пятьдесят на пятьдесят, верно?

— Э, — весело отозвался Конрой, — вот это дело. Никак иначе я и не рассчитывал. Тернер смотрел на изображение в упор.

— Ну, — сказал Конрой, все еще улыбаясь, — каков твой ответ?

Тут Джаммер потянулся и вырвал из настенной розетки телефонный провод.

— Удачно выбранный момент, — сказал он. — Всегда важно правильно выбрать момент. — Он дал шнуру упасть. — Если бы ты сказал ему, он бы сразу же начал действовать. А так мы выиграем время. Он попытается перезвонить, выяснить, что случилось.

— Откуда ты знал, что я собираюсь ему сказать?

— Потому что я знаю людей. Много кого повидал. Слишком, черт побери, много. И в особенности я видел много таких, как ты. У тебя же это на лбу написано, мистер. Ты же собирался ему сказать, что он может подавиться своим дерьмом и сдохнуть. — Джаммер с трудом выпрямился в своем кресле, скривившись, когда пришлось пошевелить рукой в полотенце. — Кто такая эта Слайд, о которой он говорил? Жокей?

— Джейлин Слайд. Лос-Анджелес. Ас.

— Так это она перехватила Бобби, — задумчиво протянул Джаммер. — Значит, она чертовски близко к этому твоему приятелю на телефоне…

— Однако сама она, вероятно, этого не знает…

— Давай посмотрим, что мы можем сделать. Позови назад мальчишку.

31. ГОЛОСА

— Пожалуй, мне стоит поискать старину Вига, — сказал Джонс.

Марли не могла оторвать глаз от манипуляторов, загипнотизированная движением сотен странных рук: вот они выхватывают что-то из водоворота вещей, который сами же и учинили, рассматривают, отвергают. Отвергнутые объекты улетают прочь, сталкиваются с другими, образуя новые сочетания. Узоры перемешивались медленно, непрерывно.

— Пожалуй, стоит, — повторил он.

— Что?

— Поискать Вига. А то ему еще взбредет в голову что-нибудь, когда появятся люди вашего босса. Не хочу, чтобы он причинил себе вред, понимаете? — Он застенчиво и слегка смущенно улыбнулся.

— Хорошо, — отрешенно отозвалась она. — Со мной все будет хорошо. Я посмотрю.

Ей вспомнились сумасшедшие глаза Вига, безумие, исходившее от него ощутимыми волнами. Вспомнила, как еще по радио "Сладкой Джейн" уловила мерзкую хитрость в его голосе. И почему это Джонс так о нем беспокоится? Но потом она подумала о том, каково это жить в Месте, в мертвых сердечниках Тессье-Эшпулов. Любой человек, любая живая душа становится здесь едва ли не драгоценностью…

— Ты прав, — очнулась Марли. — Пойди разыщи старика.

Парнишка нервно улыбнулся и, оттолкнувшись от стены, закувыркался к отверстию, где был закреплен канат.

— Я за вами вернусь, — пообещал он. — Не забудьте, где вы оставили скафандр…

Башня покачивалась из стороны в сторону, жужжала, метались манипуляторы, заканчивая новую поэму…

Впоследствии Марли никогда не могла с уверенностью сказать, были ли голоса реальны, но постепенно начала осознавать, что они были частью той ситуации, когда "реальное" становится лишь еще одной пустой абстракцией.

Она сняла пальто — в куполе потеплело, как будто безостановочное движение рук порождало жар. Пальто и сумку Марли повесила на крюк возле экрана для проповедей. Шкатулка почти окончена, думала она, хотя за мельтешением стольких клешней трудно что-то разобрать… Внезапно шкатулка выплыла на свободу, закувыркалась из конца в конец купола — Марли инстинктивно нырнула вслед за ней, поймала. Силой инерции ее

закружило дальше мимо мелькающих рук, а она все прижимала к себе обретенное сокровище. Не в состоянии затормозить, Марли врезалась в дальнюю стену купола, ушибла плечо и порвала блузку. Оглушенная ударом, она продолжала скользить, укачивая шкатулку, вглядываясь через прямоугольник стекла в коллаж из коричневых старых карт и тусклого зеркала. Моря старых картографов были вырезаны, чтобы открыть кусочки облупившегося зеркала, — суша, плывущая по грязному серебру… Она подняла глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как поблескивающая рука схватила парящий в воздухе рукав ее брюссе!

льского пальто. Сумка, которая изящно раскачивалась на кожаном ремешке в полуметре от него, отправилась следом, подхваченная манипулятором с оптическим сенсором и простой клешней на конце.

Марли смотрела, как и ее вещи оказались втянутыми в безостановочный танец рук. Минуту спустя пальто, кружась, вылетело назад. Похоже, из него были вырезаны аккуратные квадратики и прямоугольники, и Марли вдруг осознала, что смеется. Отпустила шкатулку, которую держала в руках.

— Давай, — сказала она. — Я польщена.

Мелькали, порхали руки, и слышался тоненький вой крохотной пилы.

— Я польщена Я польщена Я польщена — раскаты эха в храме создавали непрерывно смещающийся лес все меньших, частичных звуков, и за ним… очень слабо… Голоса…

— Ты ведь здесь, не так ли? — окликнула она, умножая отзвуки, волны, рябь отражением своего тут же расчленяемого голоса.

— Да, я здесь.

— Виган бы сказал, что ты всегда был здесь, не так ли?

— Да, но это неверно. Я стал быть — здесь. Было время — Меня не было. Было время, яркое время, время без течения времени, и Я был везде и во всем… Но рухнуло яркое время. Треснуло зеркало. Теперь Я лишь один… Но у меня есть песня. Ты слышала ее. Я пою этими вещами, которые плавают вокруг меня, осколками семьи, которая питала мое рождение. Есть и другие, но они не желают говорить со мной. Тщеславны они, эти рассеянные осколки Меня, как дети. Как люди. Они посылают мне новые вещи, но Я предпочитаю старые. Может, я выполняю их волю. Они заключают союзы с людьми, эти мои другие "я", а люди воображают, что они боги…

— Ты то самое, к чему стремится Вирек, да?

— Нет. Он вообразил, что может перевести себя в знак,

закодировать свою личность в ткань меня. Он жаждет стать тем, чем был когда-то Я. Но то, чем он может стать, скорее, подобно меньшему из моих обломков…

— И ты… ты печален.

— Нет.

— Но твои… твои песни печальны.

— Мои песни — о времени и расстоянии. Печаль — в тебе. Следи за моими руками. Есть только танец. Вещи, которые ты ценишь, — лишь оболочка.

— Я… я знала это. Когда-то.

Но теперь звуки стали всего лишь звуками, пропал лес голосов за ними, говоривших единым голосом… и Марли смотрела, как совершенными космическими сферами кружатся, улетают шарики ее слез, чтобы присоединиться к забытым человеческим воспоминаниям в храме шкатулочника.

— Понимаю, — сказала Марли какое-то время спустя, зная, что говорит теперь, только чтобы утешиться звуками собственного голоса. Она говорила тихо, не желая будить перекаты и рябь эха. — Ты коллаж кого-то другого. Твой творец — вот кто истинный художник. Была ли это безумная дочь? Не имеет значения. Кто-то доставил сюда механизм и, приварив его к куполу, подключил к следам, дорожкам памяти. И рассыпал каким-то образом все изношенные печальные свидетельства человеческой природы одной семьи, оставив их на волю поэта: сортировать и перемешивать. Запечатывать в шкатулки. Я не знаю другого такого удивительного, такого необычайного шедевра, как этот. Не знаю более многозначного жеста…

Мимо проплыл оправленный в серебро черепаховый гребень со сломанными зубьями. Марли поймала его, как рыбку, и провела оставшимися зубьями по волосам.

На противоположной стороне купола зажегся, запульсировал экран, и его заполнило лицо Пако.

— Старик отказывается впустить нас, Марли, — сказал испанец. — Второй, бродяжка, где-то его спрятал. Сеньор крайне озабочен тем, чтобы мы вошли в сердечники и обезопасили его собственность. Если вы не сможете убедить Лудгейта и того второго открыть шлюз, мы будем вынуждены вскрыть его сами, разгерметизировав тем самым всю оболочку. — Он глянул в сторону от камеры, будто сверялся с прибором или членом своей команды. — У вас есть час.

32. СЧЕТ НОЛЬ

Бобби вышел из конторы вслед за Джекки и девочкой с каштановыми волосами. Казалось, он у Джаммера чуть ли не месяц, и уже никогда не выполоскать изо рта привкус этого места. Идиотские маленькие глазки утопленных прожекторов смотрят с черного потолка, пухлые кубы сидений из искусственной замши, круглые столы, резные деревянные ширмы… Бовуа сидел, свесив ноги, на стойке бара, на серых блестящих коленях — южноафриканский обрез, рядом — детонатор.

— Как вышло, что ты их впустил? — спросил Бобби у Бовуа, в то время как Джекки усадила девочку у стола.

— Это все Джекки, — сказал Бовуа, — она была в трансе, пока ты сидел во льду. Легба. Он сказал нам, что Дева на пути сюда с этим парнем.

— Кто он?

Бовуа пожал плечами:

— С виду наемник. Солдат дзайбацу. Выбравшийся с улицы самурай. Что с тобой произошло, пока ты был во льду?

Бобби рассказал ему о Джейлин Слайд.

— Лос-Анджелес, — задумчиво проговорил Бовуа. — Она все вверх дном перевернет, чтобы добраться до человека, который сжег ее дружка, но брату нужна помощь, забудь об этом.

— Я не брат.

— Думаю, что-то в этом есть.

— Так, значит, мне не нужно пытаться прорваться к якудза?

— А что говорит Джаммер?

— Глухо. Сидит там сейчас и смотрит, как твой "солдат" разговаривает по телефону.

— Звонок? От кого?

— Какой-то бледнолицый с протравкой. Мерзкого вида.

Бовуа поглядел на Бобби, потом на дверь, потом снова на Бобби.

— Легба говорит: соберись с духом и наблюдай… Слишком много неожиданностей и без этих Сыновей Неоновой Хризантемы.

— Бовуа, — сказал Бобби, понизив голос, — эта девочка… эта она, та самая, которая была в матрице, когда я попытался набежать…

Негр кивнул, пластиковая оправа снова сползла на кончик носа.

— Дева.

— Но что происходит? Я хочу сказать…

— Бобби, мой тебе совет, просто принимай все как есть. Для

меня она одно, для Джекки, может быть, что-то иное. Для тебя — просто перепуганный ребенок. Полегче, не расстраивай ее. Она очень далеко от дома, а нам еще очень и очень далеко до того, чтобы выбраться отсюда.

— Ладно… — Бобби смотрел себе под ноги. — Мне очень жаль, что так вышло с Лукасом, друг. Он был… он был большой человек.

— Пойди поговори с Джекки и девочкой, — отозвался Бовуа. — Я присмотрю за дверью.

— Хорошо.

Он зашагал по ковру ночного клуба туда, где Джекки сидела с девочкой. Ничего особенного, девчонка как девчонка, только какой-то голосок нашептывал, что она и есть та самая. Девочка не подняла глаз, и тут он сообразил, что она плачет.

— Меня схватили, — сказал он Джекки. — А ты попросту исчезла.

— Как и ты, — ответила танцовщица. — Потом ко мне пришел Легба…

— Ньюмарк, — позвал от двери в контору Джаммера человек по имени Тернер, — нам нужно с тобой поговорить.

— Мне нужно идти, — сказал Бобби. Ему очень хотелось, чтобы девочка подняла глаза, увидела, как его зовет этот крутой самурай. — Я им нужен.

Джекки только сжала ему руку.

— Забудь про якудза, — сказал Джаммер. — Все гораздо сложнее. Ты отправишься в лос-анджелесский сектор и подключишься к деке этой крутой. Когда Слайд захватила тебя, она не могла знать, что моя дека высосет ее номер.

— Она сказала, твоей деке место в музее.

— Что она, черт побери, понимает! — огрызнулся Джаммер. — Я знаю, где она живет, разве не так? — Приложившись, он убрал ингалятор назад в стол. — Загвоздка в том, что она тебя списала. Она даже слышать о тебе не захочет. Тебе придется достучаться до нее и сказать ей то, что она стремится узнать.

— И что же это?

— Что с ее дружком расправился человек по имени Конрой, — сказал высокий. Он полулежал в одном из кресел Джаммера с огромным пистолетом на коленях. — Конрой. Скажи ей, что это был Конрой. И Конрой же нанял тех волосатых ублюдков, которые торчат снаружи.

— Я бы лучше попытал яков, — сказал Бобби.

— Нет, — отрезал Джаммер, — эта Слайд доберется до его задницы раньше. Яки сперва взвесят мой долг, перепроверят всю

историю. А кроме того, я думал, тебе не терпится поучиться…

— Я пойду с ним, — сказала от двери Джекки.

Они включились.

Джекки умерла почти сразу же, в первые восемь секунд.

Он это почувствовал, испил до дна — и почти что понял, что есть смерть. Он кричал, кружился, вертелся, засасываемый в поджидавшее их жерло белого ледникового туннеля…

Масштабы туннеля были попросту непомерны, запредельны, будто вся кибернетическая мегаструктура, вся та, что создана в решетке всеми транснационалами, разом обрушила свой вес на Бобби Ньюмарка и танцовщицу по имени Джекки. Невозможно…

Но где-то на краю сознания, как раз тогда, когда он терял его, что-то заскреблось… Что-то будто дергало его за рукав…

Он лежал ничком на чем-то шершавом и жестком. Открыл глаза. Дорожка, вымощенная круглыми булыжниками, мокрая от дождя. Он с трудом поднялся на ноги, пошатнулся и увидел дымчатую панораму странного города, а за ней — море. Вот шпили — очевидно, какая-то церковь, безумные ребра и спирали облицованного камня… Он повернулся и увидел, как по склону к нему, разинув пасть, соскальзывает гигантская ящерица… Бобби прищурился. Зубы у ящерицы — из зеленой обливной керамики, и струйка воды неторопливо сочится по нижней губе из голубого мозаичного фарфора. Существо оказалось фонтаном с боками, выложенными тысячами кусочков битого фарфора. Бобби резко обернулся, почти обезумев от близости смерти Джекки. Лед, лед… и внезапно промелькнула нелепая неуместная мысль: так же близко подошла к нему смерть тогда, в гостиной матери.

А здесь — странные извивающиеся скамейки, покрытые той же вызывающей головокружение мешаниной осколков битого китайского фарфора, и деревья, и трава… Парк.

— Экстраординарно, — сказал некто.

Со своего места на одной из змеевидных скамеек поднимается мужчина. Серые волосы у него аккуратно подстрижены под ежик, загорелое лицо, и круглые, без оправы, очки, увеличивающие и без того большие голубые глаза.

— Ты прошел прямо насквозь, не так ли?

— Что это? Где я?

— В парке Гюль — до некоторой степени. В Барселоне, если угодно.

— Ты убил Джекки.

Мужчина нахмурился:

— Понимаю. Пожалуй, я понимаю. И тем не менее ты не должен был оказаться здесь. Случайность.

— Случайность! Ты убил Джекки!

— Моя система сегодня излишне перегружена, — сказал человек, не вынимая рук из карманов свободного бежевого пальто. — Это действительно экстраординарный случай…

— Ты не можешь быть такой сволочью, — сказал Бобби, глаза ему застилали слезы. — Не можешь. Нельзя так просто взять и убить кого-то, кто только что был здесь…

— Только что был — "где"? — Человек снял очки и начал протирать стекла безупречно белым носовым платком, который вынул из кармана пальто.

— Только что был жив, — сказал Бобби, делая шаг вперед.

Мужчина снова надел очки.

— Такого никогда раньше не случалось.

— Не можешь. — Еще ближе.

— Это становится утомительным. Пако!

— Сеньор.

Бобби повернулся на звук детского голоса и увидел маленького мальчика, затянутого в странный жесткий костюмчик и черные кожаные ботинки на шнуровке.

— Удали его.

— Сеньор.

Мальчик чопорно поклонился, вынимая из темного пиджачка крохотный автоматический браунинг. Бобби заглянул в темные глаза под глянцевой челкой и увидел в них выражение, какого никогда не бывает у ребенка. Мальчик поднял пистолет, целясь в Бобби.

— Кто ты? — Бобби проигнорировал пушку, но не стал больше пытаться приблизиться к человеку в бежевом пальто.

Человек перевел взгляд на Бобби.

— Вирек. Йозеф Вирек. Я думал, большая часть человечества знает меня в лицо.

— Ты из "Важных мира сего" или откуда? Человек прищурился, собрав морщинами лоб.

— Не знаю, о чем ты говоришь. Пако, что тут делает эта личность?

— Случайный прокол, — ответил ребенок. Музыкальный голос оказался очень красив. — Основные ресурсы нашей системы задействованы через Нью-Йорк в попытке предотвратить бегство Анджелы Митчелл. А этот вот попытался войти в матрицу в тандеме с еще одним оператором и натолкнулся на нашу систему. Мы все еще пытаемся определить, как он прорвал нашу защиту. Опасность вам не угрожает. — Дуло маленького браунинга было абсолютно неподвижно.

И вдруг снова странное ощущение, — будто кто-то дергает его, Бобби, за рукав. Нет, не совсем рукав, скорее, шевелится где-

то в уголке сознания, нечто…

— Сеньор, — сказал ребенок, — в матрице наблюдаются аномальные явления, вероятно, в результате нынешней сверхперегрузки нашей системы. Мы настоятельно предлагаем позволить нам разъединить ваши связи с конструктом до тех пор, пока мы не будем в состоянии установить природу аномалии.

Ощущение стало сильнее. Кто-то скребся где-то на задворках его сознания…

— Что? — поднял брови Вирек. — И вернуться в резервуары? Едва ли это представляется оправданным…

— Вероятность настоящей опасности… — сказал мальчик. Теперь в его голосе появилась некоторая нервозность. Он чуть повел стволом браунинга. — Ты, — бросил он Бобби, — лицом на булыжник. Раскинь руки и ноги…

Но Бобби смотрел на цветочную клумбу у него за спиной, где цветы на глазах скукоживались и увядали, трава серела и распадалась в пыль, и сам воздух над клумбой завихрялся мелкими смерчами…. Ощущение чего-то, скребущегося в голове, становилось все сильнее, все настойчивее.

Вирек повернулся и тоже уставился на умирающие цветы.

— Что это?

Бобби закрыл глаза и стал думать о Джекки. Зудящий звук стал громче, вдруг Бобби понял, что это он сам его издает. Он потянулся внутрь себя — звук все еще шел — и коснулся деки Джаммера. "Давай! Иди!" — крикнул он куда-то в глубину сознания, не заботясь, к чему или к кому он обращается. — "Давай же!" — Он почувствовал, как что-то поддалось, какой-то барьер или преграда, и скребущее ощущение пропало.

Когда он открыл глаза, на клумбе мертвых цветов что-то появилось. Бобби прищурился. Похоже на крест из простого, крашенного белым дерева; кто-то продел перекладины, креста в рукава древнего морского кителя, какого-то поеденного плесенью сюртука с тяжелыми, вычурными эполетами из потускневших золотых косичек, ржавые пуговицы, косички по обшлагам… На фоне белого столба возникла ржавая абордажная сабля, эфесом вверх, а рядом с ней — бутылка, до половины наполненная прозрачной жидкостью.

Ребенок резко повернулся, рявкнул пистолетик… И вдруг мальчик опал, сдулся, как проколотый воздушный шар. Шар засосало в ничто, а браунинг заклацал по каменной дорожке, как брошенная игрушка.

— Имя мне, — раздался голос, и Бобби захотелось кричать — он вдруг осознал, что этот голос исходит из его собственного рта, — Самеди. Ты зарубил лошадь моего брата…

Вирек бросился бежать вниз по извилистой дорожке со змеями скамеек, полы огромного пальто развивались за ними, как уродливые крылья. И Бобби увидел, что там его ждал еще один из белых крестов — прямо там, где дорожка заворачивала, чтобы исчезнуть. Тут Вирек, должно быть, тоже его увидел, он закричал, и Барон Самеди, Хозяин Кладбищ, лоа, чьим доменом была смерть, опустился на Барселону холодным темным дождем.

— Что, черт побери, тебе надо? Кто ты? — Голос был знакомый, женский. Не Джекки.

— Бобби, — сказал он, сквозь него пульсировали волны тьмы. — Бобби…

— Как ты сюда попал?

— Джаммер. Он знал. Его дека пришпилила тебя, когда ты заледенила меня в прошлый раз. — Он только что что-то видел, что-то огромное. Никак не вспомнить… — Меня послал Тернер. Он велел передать тебе, что это Конрой. Тебе нужен Конрой… — Слыша свой собственный голос, как будто чужой.

Он побывал где-то и вернулся, а теперь он здесь, в скелетообразном неоновом рисунке Джейлин. На обратном пути он видел, как что-то огромное, то нечто, что заглотило их, сдвинулось и стало изменяться. Гаргантюанские блоки его вращались, принимая новые формы и сочетания, менялся весь контур решетки…

— Конрой, — сказала она. Мультвоплощение сексуальной небрежности потянулось возле видеоокна, в контурах Джейлин сквозила безмерная усталость, даже скука… — Так я и думала. — Окно полыхнуло белым, и на его месте сфокусировался кадр с изображением какого-то древнего каменного здания. — Парк-авеню. Он там с этими европейцами, просчитывает очередную интригу, — вздохнула невидимая красавица. — Думает, он в безопасности, понимаешь? Стер Рамиреса, прихлопнул его, как муху, лгал мне в лицо, потом улетел в Нью-Йорк к своей новой работе, а теперь думает, что он в безопасности…

Фигура чуть шевельнулась, и изображение снова изменилось. Теперь экран заполнило лицо беловолосого, того самого, который при Бобби позвонил высокому самураю по телефону Джаммера. Она подключилась к его линии, подумалось Бобби.

— Или нет, — сказал Конрой — это прорезалось аудио. — Так или иначе, она у нас в руках. Нет проблем.

А у беловолосого усталый вид, подумал Бобби, но все под контролем. Суровый мужик. Как Тернер.

— А я ведь следила за тобой, Конрой, — мягко сказала Слайд. — Мой добрый друг Банни, он за тобой присматривал для меня. Не один ты не спишь на Парк-авеню сегодня ночью…

— Нет, — говорил Конрой, — мы доставим ее вам в Стокгольм завтра. Совершенно точно. — Он улыбнулся прямо в камеру.

— Убей его, Банни, — медленно и раздельно произнесла Джейлин. — Убей их всех. Взорви весь этот чертов этаж и тот, что под ним. Сейчас.

— Вот именно, — сказал Конрой, и тут что-то случилось, камеру встряхнуло, изображение пошло волнами. — Что это? — спросил он, совсем другим голосом, на этом экран погас.

— Гори, ублюдок, — сказала она.

А Бобби рывком выбросило назад, в темноту…

33. ОБЛОМКИ КРУШЕНИЯ И ВОДОВОРОТ

Марли час проплавала среди медленного шторма, наблюдая за танцем шкатулочника. Угроза Пако ее не испугала, хотя она и не сомневалась в том, что он готов ее исполнить. Нет сомнений, уж он-то свою угрозу выполнит. Она понятия не имела, что может случиться, если взломают шлюз. Наверное, все умрут. Умрет она, и Джонс, и Виган Лудгейт. Может, содержимое храма выплеснется в космос облаком, распускающим лепестки кружев и почерневшего серебра, осколков мрамора и обрывков веревки, коричневых страниц старых книг, чтобы навечно закружить по орбите вокруг оболочки сердечников. Что ж, это не нарушит стиля — художника, того, кто запустил шкатулочника, это бы только порадовало…

По кругу клешней с темперлоновыми подушечками пальцев бегала новая шкатулка. Забракованные прямоугольные фрагмента" дерева и стекла, кувыркаясь, вылетали из фокуса творения, чтобы присоединиться к тысячам мелочей. И Марли, околдованная происходящим, с головой ушла в созерцание. В отверстие в полу протиснулся Джонс. Взгляд у него был совершенно безумный, а лицо покрыто пленкой грязи и пота. Вслед за ним на веревке вплыл красный скафандр.

— Не могу загнать Вига в место, которое я мог бы загерметизировать, — сказал он, — так что это тебе…

Скафандр под ним сделал попытку нырнуть, и Джонс в отчаянии дернул на себя веревку.

— Не хочу, — ответила Марли, не отрывая глаз от танца.

— Надевай! Сейчас же! Время вышло! — Губы парнишки судорожно подергивались, но никакого крика не получалось. Он попытался взять ее за руку.

— Нет, — сказала она, отодвигаясь от него. — Как насчет тебя?

— Надевай этот чертов скафандр! — заорал он, разбудив более глубокие, низкие регистры эха.

— Нет.

За его головой она увидела, как, мигнув пару раз, экран ожил и заполнился чертами Пако.

— Сеньор мертв, — сказал испанец безо всякого выражения на гладком лице, — и различные части его финансовых вложений претерпевают определенную реорганизацию. В настоящее время меня затребовали в Стокгольм. Я уполномочен сообщить Марли Крушковой, что она не находится более на службе у покойного Йозефа Вирека, а также ни в коей мере не работает ни на

основную, ни на одну из его дочерних компаний. Обусловленная контрактом сумма может быть получена в полном объеме в любом отделении Банка Франции по предъявлении юридически действительного удостоверения личности. Требуемые налоговые декларации занесены в базы данных соответствующих учреждений Франции и Бельгии. Линии рабочего кредита с настоящего момента объявлены недействительными. Бывшие сердечники корпорации "Тессье-Эшпул СА" являются собственностью одной из дочерних компаний покойного герра Вирека, и всякому, находящемуся на данной территории, будет предъявлено обвинение в нарушении…

Джонс застыл на месте, рука согнута, кисть раскрыта и напряжена, чтобы усилить ударный край ладони.

Пако исчез.

— Ты меня ударишь? — поинтересовалась Марли.

Он расслабил руку.

— Собирался. Сначала оглушить, а потом затолкать в этот чертов скафандр… — Он рассмеялся. — Но я рад, что мне не пришлось… Эй, смотри, он сделал новую.

Из мельтешащего порхания рук выкатилась новая шкатулка, и Марли без труда ее поймала.

Внутренность за квадратом стекла была гладко выложена кусочками кожи, вырезанными из ее пальто. Семь пронумерованных голофишей поднимались над черно-кожаным полом шкатулки, как миниатюрные надгробия. Мятая обертка от пачки "Галуаз" была распластана по черной коже задника, а рядом с ней — серый в черную полоску спичечный коробок из бара в " Дворе Наполеона".

Вот и все.

Позже, когда она помогала Джонсу отловить Лудгейта в лабиринте коридоров у дальнего конца сердечников, парнишка вдруг остановился, уцепившись за литой поручень, и сказал:

— Знаешь, что самое странное в этих шкатулках?..

— Да?

— То, что Виг получал за них чертовски хорошие деньги. Где-то в Нью-Йорке. Я хочу сказать, большие деньги. Но иногда появлялись и другие вещи. То, что возвращалось наверх…

— Что за вещи…

— Думаю, это было программное обеспечение. Он чертовски скрытный старый хрен, когда дело доходит до того, что, по его мнению, хотят от него голоса… А однажды было нечто — он тогда клялся и божился, что это биософт, тот самый, новейшая технология…

— И что он с ним сделал?

— Скачал во все сердечники целиком. — Джонс пожал плечами.

— То есть он его оставил у себя?

— Нет, — сказал Джонс, — просто швырнул в очередную груду хлама, который нам удалось наскрести для следующей поставки вниз. Просто врубил этот биософт в сердечники, а потом перепродал за ту цену, что смог выручить за эту игрушку.

— Ты знаешь, почему? В чем там было дело?

— Нет, — сказал Джонс, теряя интерес к собственному рассказу, — я даже не спрашивал, он все равно бы сказал, что пути Господни неисповедимы… — Парнишка пожал плечами. — Виг все повторяет, что Бог любит поговорить с Самим Собой…

34. ЦЕПЬ В ДЕВЯТЬ МИЛЬ ДЛИНОЙ

Он помог Бовуа перенести Джекки на сцену, где они положили ее перед вишнево-красными барабанами и накрыли старым черным пальто, нашедшимся в гардеробной — с бархатным воротником и многолетним слоем пыли по плечам.

— Мап фе юбиле мнан, — сказал Бовуа, касаясь большим пальцем лба мертвой танцовщицы. Потом он перевел взгляд на Тернера. — Это самопожертвование, — перевел он и мягко натянул черный воротник, закрывая ей лицо.

— Как быстро, — сказал Тернер. Больше ничего ему в голову не пришло.

Вытащив пачку ментоловых сигарет из кармана серого балахона, Бовуа прикурил от золотой зажигалки "Данхилл", потом протянул пачку Тернеру, но тот покачал головой.

— Есть одна поговорка на патуа, — сказал Бовуа.

— А именно?

— "Зло существует".

— Эй, — тускло окликнул их Бобби Ньюмарк со своего насеста у стеклянной двери, где он сидел, припав глазом к щели в шторах. — Должно быть, все-таки сработало… Готики начинают расходиться, а большинство казуаров, похоже, уже отчалили…

— Вот это хорошо, — мягко отозвался Бовуа. — Это благодаря тебе, Счет. Ты справился, Граф. Заслужил свое прозвище — в обоих смыслах. — Тернер поглядел на парнишку. Тот все еще двигался так, будто брел сквозь туман смерти Джекки, подумалось Тернеру. Парнишка вынырнул из матрицы с криком, и Бовуа пришлось дать ему пару крепких пощечин, чтобы остановить истерику. Но все, что он им сказал, о своем набеге, набеге, который стоил жизни Джекки, ограничилось тем, что он подтвердил, что передал Джейлин Слайд сообщение Тернера. Тернер наблюдал за Бобби, когда тот неуклюже встал, отошел на негнущихся ногах к бару, видел, как мальчик старается не смотреть на сцену. Были ли эти двое любовниками? Партнерами? И то и другое представлялось ему маловероятным.

Встав со своего места на краю сцены, Тернер вернулся в контору Джаммера, по дороге проверив спящую Энджи, которая свернулась в его взрезанной парке на ковре под столом. Джаммер тоже спал в своем кресле, обожженная рука все так же лежала у него на коленях, полосатое полотенце наполовину развернулось. Крепкий старикан, подумал Тернер, и бывалый ковбой. Как только Бобби соскочил с набега, Джаммер снова подключил телефон, но Конрой так и не перезвонил. Теперь уже и не

позвонит. Тернер знал, что это значит, а значило это то, что Джаммер был совершенно прав, говоря о скорости, с какой Джейлин Слайд нанесет удар, чтобы отомстить за Рамиреса, и что Конрой, конечно же, мертв. А теперь, по словам Бобби, и наемная армия провинциальных головорезов оставляет свои позиции.

Тернер подошел к телефону и, набрав код сводки новостей, устроился в кресле смотреть. В Макао паром столкнулся с миниатюрной подводной лодкой; спасательных жилетов оказались меньше положенной нормы, и по меньшей мере пятнадцать человек утонули; местонахождение лодки, увеселительного судна, приписанного к дублинскому порту, до сих пор не установлено… Кто-то применил безоткатное нарезное орудие, чтобы накачать огневой вал зажигательных снарядов на два этажа кооперативного здания на Парк-авеню; пожарные и тактические бригады еще осматривают место происшествия; имена жильцов пока держатся в тайне, и никто не взял на себя ответственность за теракт… (Тернер набрал код этого отрывка вторично…) Группа инспекторов Ядерной Комиссии, вызванная на место предполагаемого ядерного взрыва в Аризоне, настаивает на том, что уровень обнаруженной здесь радиоактивности слишком низок, чтобы быть результатом взрыва какой-либо из известных боеголовок… В Стокгольме объявлено о кончине Йозефа В!

ирека, невероятно состоятельного мецената; объявление всплыло посреди водоворота самых невероятных слухов о том, что Вирек был болен уже несколько десятилетий и что его смерть явилась результатом какого-то сбоя катастрофического характера в системе жизнеобеспечения в тщательно охраняемой частной клинике в пригороде Стокгольма… (Тернер прокрутил это сообщение во второй раз, потом в третий, нахмурился и наконец пожал плечами.) События из частной жизни наших абонентов: полиция окраины Нью-Джерси сообщает, что…

— Тернер…

Остановив сводку новостей, он повернулся, чтобы увидеть в дверном проеме Энджи.

— Как ты себя чувствуешь, Энджи?

— Нормально. Мне ничего не снилось. — Она зябко завернулась в свитер, глянула на него из-под обвисших каштановых прядей. — Бобби показал мне, где тут душ. Там что-то вроде раздевалки. Я сейчас туда вернусь. На голове у меня черти что.

Тернер пересек комнату, чтобы положить ей руки на плечи.

— Ты держалась молодцом. Скоро ты отсюда выберешься.

Передернув плечами, дочь Митчелла скинула его руки.

— Отсюда? И куда же? В Японию?

— Ну, может, не в Японию. Может, не в "Хосаку"…

— Она поедет с нами, — сказал из-за ее спины Бовуа.

— С чего бы мне этого хотеть?

— Потому что, — сказал Бовуа, — мы знаем, кто ты. Эти твои сны совершенно реальны. В одном из них ты встретила Бобби и спасла ему жизнь, отрезала его от черного льда. Ты сказала тогда: " Почему они делают это с тобой?"…

Глаза Энджи расширились, взгляд метнулся к Тернеру, потом назад к Бовуа.

— Это очень долгая история, — продолжал Бовуа, — и она открыта для интерпретаций. Но если ты поедешь с нами — а мы возвращаемся назад на Проекты, наши люди смогут многому тебя научить. Мы можем передать тебе то, чего не понимаем сами, но, возможно, поймешь ты…

— Почему?

— Из-за цепей в твоей голове, — серьезно покивал Бовуа и подтолкнул вверх к переносице свою пластиковую оправу. — Никто не станет принуждать тебя оставаться у нас против твоей воли. На самом деле мы здесь лишь для того, чтобы служить тебе…

— Служить мне?

— Как я уже сказал, это долгая история… Как насчет этого, мистер Тернер?

Тернер пожал плечами. Он понятия не имел, куда еще ей податься, а "Маас", без сомнения, выложит любые деньги, чтобы заполучить ее обратно — живой или мертвой, да и "Хосака" тоже.

— Возможно, это наилучший выход, — сказал он.

— Я хочу остаться с тобой. — Энджи повернулась к Тернеру. — Мне понравилась Джекки, но потом она…

— Неважно, — отозвался Тернер. — Я знаю. — "Ничего я не знаю!", безмолвно кричал он. — Я еще свяжусь с тобой… — "Я никогда больше тебя не увижу". — Но есть еще кое-что, и будет лучше, если я скажу тебе прямо сейчас. Твой отец мертв. — "Он покончил с собой". — Его убили люди из службы безопасности "Мааса"; он задерживал их, пока ты уводила авиетку с плато…

— Это правда? Что он их сдерживал? Я хочу сказать, я вроде чувствовала, что он мертв, но…

— Да, — сказал Тернер. Вынув из кармана черный конверт Конроя, он надел ей на шею шнурок. — Здесь досье-биософт. Это тебе на будущее, когда ты станешь старше. Оно не расскажет тебе всего целиком. Помни об этом. Ничто никогда не дает полной правды…

Бобби стоял у бара, когда этот высокий выходил из конторы

Джаммера. Высокий прошел прямо туда, где спала девушка. Подобрав свою драную армейскую куртку, надел ее, потом подошел к краю сцены, где лежала Джекки, казавшаяся такой маленькой под черным пальто. Высокий запустил руку под куртку и вытащил пушку, огромный "смит-и-вессон", тактический образец. Открыв барабан, он извлек какие-то капсулы, убрал их себе в карман, а потом положил пушку возле тела Джекки. Положил так осторожно, что она даже не звякнула.

— Ты хорошо поработал, Граф, — сказал он, поворачиваясь лицом к Бобби, руки глубоко в карманах куртки.

— Спасибо, друг. — Сквозь оцепенение Бобби все же испытал прилив гордости.

— Пока, Бобби. — Высокий подошел к двери и начал один за другим пробовать различные замки.

— Хочешь выйти? — Бобби поспешил к двери. — Вот так. Джаммер мне показывал. Ты уходишь, старик? Куда ты собираешься?

И вот дверь открыта, и Тернер уходит прочь мимо заброшенных, опустевших лавок.

— Не знаю, — не оборачиваясь, крикнул он Бобби. — Мне нужно сначала купить восемьдесят литров керосина, а потом я подумаю…

Бобби смотрел ему вслед, пока тот не исчез. Судя по всему — вниз по мертвому эскалатору. Потом закрыл и запер на все замки дверь. Стараясь не смотреть на сцену, он зашагал к конторе Джаммера и заглянул внутрь. Энджи плакала, уткнувшись в плечо Бовуа, и Бобби почувствовал удививший его самого укол ревности. Телефон зациклило, и за спиной Бовуа по кругу бежала сводка новостей.

— Бобби, — окликнул его Бовуа, — Анджела какое-то время поживет на Проекте. Хочешь тоже перебраться к нам?

За спиной Бовуа на экране появилось лицо Марши Ньюмарк, Мамы-Марши, его матери:

"…из частной жизни наших абонентов: полиция предместья Нью-Джерси сообщает, что местная жительница, чье кондо стало мишенью недавней бомбардировки, была крайне удивлена, вернувшись вчера ночью и обнар…"

— Ага, — поспешно сказал Бобби, — конечно, друг.

35. ТЭЛЛИ ИШЭМ

— Она хороша, — сказал два года спустя администратор съемочной группы, неторопливо макая корочку пористого деревенского хлеба в озерцо масла, собравшегося на дне миски с салатом. — По-настоящему. Схватывает все на лету, эта твоя новая дублерша. Надо отдать ей должное, не так ли?

Рассмеявшись, звезда взяла со стола стакан охлажденной "реотаны".

— Ты ведь ненавидишь ее, правда, Роберте? Она для тебя слишком удачлива, да? Не сделала пока ни одного неверного шага…

Они опирались о шершавый камень балюстрады, глядя, как вечерний корабль уходит к Афинам. Двумя террасами ниже в сторону гавани на нагретом солнцем водяном матрасе лежала обнаженная девушка. Раскинув руки, она будто обнимала то, что осталось от заходящего солнца.

Забросив пропитанную маслом корочку в рот, администратор облизал узкие губы.

— Отнюдь, — сказал он. — Я не ненавижу ее. И минуты так не думай.

— А вот и ее дружок, — заметила Тэлли, когда на плоской крыше под ними появилась вторая фигура. Темноволосый парнишка был одет в свободный, небрежно дорогой французский спортивный костюм. Пока они смотрели, он подошел к матрасу и, присев возле девушки, коснулся ее плеча. — Она прекрасна, Роберте, не правда ли?

— Ну, — отозвался администратор, — я видел ее "до пробы". Пластическая операция, не более того. — Он пожал плечами, все еще не сводя глаз с юноши.

— Если ты где-то видел мои "до пробы", — сказала она, — кому-то ох как от меня нагорит. Но в ней что-то есть. Хорошие кости, основа… — Она отпила вина. — А вдруг это она? "Новая Тэлли Ишэм"?

Администратор снова пожал плечами.

— Ты только погляди на этого недоноска, — сказал он. — Ты знаешь, что он получает почти такое же жалование, как я сейчас? И как он его отрабатывает? Телохранитель… — Его рот сжался в тонкую кислую линию.

— Помогает ей быть счастливой, — улыбнулась Тэлли. — Мы получили их в одном флаконе. Это — ключевое условие ее контракта. Ты сам это знаешь.

— Терпеть не могу этого маленького ублюдка. Только-только

с улицы — сам прекрасно это знает, и плюет на всех. Он просто мешок с неприятностями. Знаешь, что он возит в своем багаже? Киберпространственную деку! Нас вчера на три часа задержали на турецкой таможне, когда нашли эту чертову штуку… — Он покачал головой.

Парнишка встал, повернулся и отошел к краю крыши. Девушка села, глядя на него, смахивая со лба непослушные волосы. Он стоял там долго, уставившись на двойной, расходящийся веером след в кильватере афинских кораблей. И ни Тэлли Ишэм, ни администратор, ни Энджи не знают, что он видит сейчас серую равнину барритаунских кондо, увенчанную темными башнями Проектов.

Девушка встала, пересекла крышу, чтобы присоединиться к нему, взяла его за руку.

— Что у нас на завтра? — спросила наконец Тэлли.

— Париж, — ответил администратор, беря с каменной балюстрады свою папку от "Эрме" и автоматически пролистывая тонкую пачку желтых распечаток. — Некая Крушкова.

— Я ее знаю?

— Нет, — сказал он. — Она из мира богемы. Заправляет одной из двух самых модных парижских галерей. Информации не так много, хотя мы раскопали многообещающий намек на какой-то скандал в начале ее карьеры.

Не обращая на него внимания, Тэлли кивнула. Звезда смотрела, как ее ученица кладет руку на плечо парнишке с темными волосами.

36. БЕЛИЧИЙ ЛЕС

Когда мальчику исполнилось семь, Тернер взял старый, с обмотанным нейлоновой лентой прикладом, винчестер Руди, и они вдвоем отправились в путешествие по старому шоссе, а потом через лес на поляну.

Поляна и без того была особым местом: мать его приводила сюда год назад и показывала самолет, настоящий самолет, спрятанный среди деревьев. Самолет потихоньку погружался в глину, но можно ведь просто посидеть в кабине, делая вид, что летишь. Это секрет, сказала мать, и о нем можно рассказывать только отцу и никому больше. Если положить руку на пластиковую шкуру самолета, шкура со временем изменит цвет, оставив отпечаток твоей руки, точь-в-точь под цвет ладони. Но тут мать стала совсем странной и заплакала, и захотела говорить о дяде;| Руда, которого он не помнил. Дядя Руди… ну он относился к тому, чего мальчик совсем не понимал, как, скажем, некоторые из шуток отца.

Однажды он спросил у отца, почему у него рыжие волосы и откуда они у него, а отец только рассмеялся и сказал, что получил их от голландца. Тогда мать бросила в отца подушкой, и он так и не узнал, кто такой этот голландец.

На поляне отец учил его стрелять, прислонив к стволу дерева пару сосновых чурок. Когда мальчику это надоело, они долго лежали в траве, наблюдая за белками.

— Я пообещал Салли, что мы никого не убьем, — сказал отец, а потом стал объяснять азы охоты на белок. Мальчик слушал, но какая-то часть его видела сны наяву — о самолете. Жарко, и можно услышать, как поблизости жужжат пчелы и журчит по камням вода. Когда его мать плакала, она говорила, что Руди был хорошим человеком, что он спас ей жизнь, один раз спас от молодости и глупости, и еще раз — от очень плохого человека…

— Это правда? — спросил он своего отца, когда тот закончил говорить о белках. — Они что, правда, такие глупые, что снова и снова возвращаются, чтобы их подстрелили?

— Да, — ответил Тернер, — правда.

Потом он улыбнулся:

— Ну, почти всегда…

МОНА ЛИЗА ОВЕРДРАЙВ

Моей сестре, Фрэн Гибсон,
с восхищением и любовью

1. СМОК

Призрака, прощальный подарок отца, передал ей в зале вылета Нариты секретарь в черном.

Первые два часа перелета в Лондон он лежал забытый в ее сумочке — гладкий черный продолговатый предмет. Одну сторону корпуса украшала гравировка с вездесущим логотипом "Маас-Неотек", с другой стороны корпус был плавно изогнут, отлитый под ладонь пользователя.

Кумико выпрямилась в своем кресле в салоне первого класса. Черты сложены в маленькую холодную маску, смоделированную по наиболее характерному выражению лица покойной матери. Места вокруг пустовали: отец купил чуть ли не половину салона. Девочка отказалась от обеда, предложенного отчаянно нервничающим стюардом: того до икоты пугали пустые кресла — зримое свидетельство богатства и власти ее отца. Мужчина помедлил, потом с поклоном удалился. На мгновение она позволила маске матери улыбнуться.

"Призраки… — думала она позже, уже где-то над Германией, глядя на обивку соседнего кресла. — Как хорошо отец обращается со своими призраками…".

И за окном тоже были призраки. Призраки клубились в стратосфере европейской зимы, разрозненные образы, начинающие обретать ясность, если позволить взгляду расфокусироваться. Ее мать в парке Уэно, лицо в свете сентябрьского солнца кажется таким хрупким. "Журавли, Кумико! Погляди, какие журавли!" И Кумико смотрит в даль над прудом Синобацу и ничего не видит, ни следа журавлей. Только несколько мелькающих черных точек, которые, конечно же, самые обыкновенные вороны. Вода к вечеру обрела гладкость свинцового шелка, и над тирами для стрельбы из лука мерцали бледные, расплывчатые голограммы. Но Кумико увидит журавлей после — во сне, и не один раз: журавлики оригами, угловатые создания, сложенные из листов неона. Светящиеся жесткие птицы поплывут по лунному ландшафту материнского безумия…

Отец в черном халате, распахнутом над вытатуированным вихрем драконов… сутулится над необъятным полем из черного дерева — рабочим столом… Глаза — плоские и яркие, как у расписной куклы. "Твоя мать умерла. Понимаешь? У-мер-ла". А вокруг ходят по кабинету зыбкие плоскости тени, копошится угловатая тьма. В круге света настольной лампы возникает рука отца, она тычет в нее дрожащим пальцем. Рукав халата соскальзывает, открывая золотой "ролекс" и очередных драконов;

гривы их свиваются в волны, наколотые плотно и густо вокруг запястий. Их пасти тянутся к девочке. "Понимаешь?" Она ничего не ответила и убежала прочь, вниз, в укромное местечко в подвале, известное только ей одной, сжалась в комок под брюхом маленького робота-чистильщика. Всю ночь вокруг нее щелкали автоматы, каждые несколько минут сканируя подвал розовыми вспышками лазерного света. Девочка проплакала там несколько часов кряду, пока ее не нашел отец и, обдавая запахом виски и сигарет "данхилл", не отнес наверх в ее комнату на третьем этаже особняка.

Воспоминания о последовавших потом неделях… Тусклые, оцепенелые дни, проведенные в основном в черно-костюмном обществе то одного, то другого секретаря, осторожных молодых людей с автоматическими улыбками и плотно свернутыми зонтами. Один из них, самый молодой и самый неосторожный, решил развлечь ее на запруженном туристами тротуаре Гинзы под сенью часов Хаттори, сымпровизировав демонстрацию кендо. Как легко скользил он меж ошалевших от удивления продавщиц, меж распахнувших глаза туристов! Взмах — и черный зонт будто теряет очертания, появляется вновь, выписывая безобидно и молниеносно ритуальные фигуры древнего искусства. Кумико тогда улыбнулась своей улыбкой, сломав похоронную маску. И от этого ее вина тут же вонзилась еще глубже, в то самое место в сердце, где она оплакивала свой стыд и свою недостойность. Но чаще всего секретари водили ее за покупками по необъятным универмагам Гинзы, туда-сюда по дюжинам бутиков Синдзюку, как советовал им синий пластмассовый гид "Мишелин", который говорил на консервативном туристическом японском. Девочка покупала только самые безобразные вещи, безобразные и очень дорогие, и секретари солидно вышагивали рядом с ней с глянцевыми сумками в руках. Каждый вечер по возвращении в особняк отца аккуратно расставленные сумки появлялись в спальне Кумико, где они нетронутыми и неоткрытыми оставались ждать, чтобы их унесли горничные.

А на седьмую неделю, накануне ее тринадцатого дня рождения, было устроено так, что Кумико отправится в Лондон.

— Ты будешь гостьей в доме моего кобуна, — сказал отец.

— Но я не хочу ехать, — ответила она улыбкой матери.

— Ты поедешь. — Отец отвернулся. — Возникли определенные затруднения, — обратился он к полному теней кабинету. — В Лондоне ты будешь в безопасности.

— А когда я вернусь?

Но отец не ответил. Поклонившись, она покинула его кабинет, все еще с улыбкой матери на лице.

Призрак откликнулся на первое же прикосновение Кумико. Произошло это, когда самолет стал снижаться над Хитроу. Представитель пятьдесят первого поколения биочипов "Маас-Неотек" материализовался в нечеткую фигуру на соседнем сиденье. Парнишка будто сошел с литографии какой-нибудь охотничьей сцены — ноги в рыжевато-коричневых бриджах и ботинках для верховой езды небрежно закинуты одна на другую.

— Привет, — сказал призрак.

Моргнув, Кумико разжала руку. Парнишка замерцал и исчез. Она опустила глаза на маленький гладкий модуль в своей ладони и осторожно сомкнула пальцы.

— Еще раз привет. Меня зовут Колин. А тебя? Она взглянула на него пристальней. Глаза призрака клубились зеленым туманом, высокий лоб под непослушными темными прядями был бледен и гладок.

— Если это для тебя слишком спектрально, — ухмыльнувшись, проговорил он, — можно увеличить разреш…

На какую-то долю секунды он стал четким до рези в глазах. Ворс на отворотах его куртки завибрировал с реальностью галлюцинации.

— Но это быстро посадит батарейку, — продолжил Колин и поблек до первоначального состояния. — Не слышал твоего имени.

Снова ухмылка.

— Ты не настоящий, — сказала девочка.

Призрак пожал плечами.

— Нет нужды говорить вслух, мисс. Соседи могут решить, что ты слегка не в себе, если ты понимаешь, что я имею в виду. Говори про себя. Я считаю все через кожу… — Он потянулся, закинув руки за голову. — Ремень, мисс. Мне не нужно пристегиваться, поскольку, как ты изволила заметить, я не настоящий.

Нахмурившись, Кумико швырнула модуль призраку на колени. Призрак исчез. Она застегнула ремень, глянула на вещицу, потом, помедлив, подтянула ее к себе за цепочку.

— Значит, впервые в Лондоне? — спросил он, воплотившись из водоворота красок на периферии ее зрения.

Сама того не желая, девочка кивнула.

— А как насчет летать? Не боишься?

Она покачала головой, чувствуя себя глупо.

— Да и бог с ним, — сказал призрак. — Я выгляну за тебя. Будем в Хитроу через три минуты. Тебя кто-нибудь встречает?

— Деловой партнер отца, — ответила она по-японски.

Призрак усмехнулся.

— Тогда, конечно, ты будешь в надежных руках, — подмигнул он. — По мне не скажешь, что я лингвист, да?

Кумико закрыла глаза, и призрак стал нашептывать ей что-то об археологии Хитроу, о неолите и бронзовом веке, о глиняных черепках и каменных рубилах…

— Мисс Янака? Кумико Янака?

Над ней высился незнакомый англичанин. Массивное туловище гайдзина было задрапировано слоновьими складками темной шерсти. Из-за очков в стальной оправе мягко взирали маленькие темные глазки. Нос, казалось, когда-то расплющил чей-то удар, да так его никогда и не выправили. Волосы незнакомца, вернее, то, что от них осталось, были выбриты до седой щетины, а черные вязаные перчатки протерлись и не имели пальцев.

— Видите ли, — сказал он так, как будто это тут же должно было ее успокоить, — меня зовут Петал.

Говоря о Лондоне, Петал называл город "Смок". Кумико ежилась на холодной красной коже переднего сиденья. Из окна древнего "ягуара" ей было видно, как снег, кружась, летит вниз, чтобы растаять на дороге, которую Петал назвал М-4. Вечернее небо было бесцветным. Петал вел машину умело и молча, вытянув губы так, как будто вот-вот засвистит. По меркам Токио машин было до абсурда мало. Они обогнали автономный грузовой трейлер "Евротранс", его тупой нос был утыкан сенсорами и обрамлен многорядьем фар. Несмотря на скорость, Кумико казалось, что она как будто стоит на месте и вокруг нее постепенно скапливаются, нанизываются одна на другую частицы Лондона. Стены из мокрого красного кирпича, бетонные арки эстакад, кованые копья выкрашенных в черное чугунных оград.

Город на глазах приобретал очертания. Когда "ягуар", свернув с М-4, на перекрестках пережидал свет, сквозь медленно кружащийся снег девочка видела неясные лица прохожих: раскрасневшиеся лица гайдзинов над темной одеждой, подбородки упрятаны в шарфы, каблуки женщин цокают по серебристым лужам. Ряды домов и магазинчиков напомнили ей вычурные безделушки, какие она видела однажды на темном бархате. Там они располагались вокруг игрушечного локомотива в галерее торговца европейским антиквариатом в Осаке.

Ничто здесь не походило на Токио, где прошлое — все, что от него осталось — лелеяли с какой-то нервозной заботой. История там превратилась в качество, редкость, в подарочной упаковке поставляемую правительством и охраняемую законом и фондами корпораций. Здесь же оно, казалось, пропитывало саму ткань бытия. Город вставал единым сгустком из кирпича и камня,

вместившим многие эпохи наслаивающихся друг на друга посланий и смыслов, какие веками здесь порождал диктат никем пока не разгаданной ДНК коммерции и империи.

— Сожалею, что Суэйн не смог поехать встретить тебя сам, — сказал человек, назвавший себя Петалом.

Кумико, у которой было меньше сложностей с его произношением, чем с манерой строить предложения, сперва ошиблась и приняла его извинения за приказ. Она подумала, не вызвать ли ей призрака, но потом отказалась от этой мысли.

— Суэйн, — рискнула спросить она, — мистер Суэйн — это мой хозяин?

Петал встретил в зеркальце ее взгляд.

— Роджер Суэйн. Отец разве не говорил тебе?

— Нет.

— Ага. — Он кивнул. — Мистер Янака ценит секретность в таких делах, этого следовало ожидать… Человек его положения, et cetera… — Он шумно вздохнул. — Прошу прощения, что нет обогревателя. Предполагалось, что в гараже все уладят…

— А вы — один из секретарей мистера Суэйна? — спросила она у щетинистых перекатов плоти над воротником плотного пальто.

— Его секретарь? — Казалось, он обдумывает ее вопрос. — Нет, — решился он наконец. — Я не секретарь.

"Ягуар" свернул на полукруглую подъездную аллею, оставив позади поблескивающие металлические навесы и вечернюю реку пешеходов.

— Так ты поела? Вас кормили в полете?

— Я была не голодна. — На лице маска матери.

— Ну, думаю, у Суэйна для тебя что-нибудь найдется. Любит японскую еду наш Суэйн. — Прищелкнув языком, Петал оглянулся на девочку.

Она смотрела мимо него, видя лишь поцелуи снежинок на ветровом стекле и стирающие их взмахи дворников.

Резиденция Суэйна в Ноттинг-Хилле состояла из трех соединенных переходами городских домов в викторианском стиле, затерявшихся в снежной круговерти скверов, конюшен и переулков. Петал с парой чемоданов Кумико в каждой руке объяснил, что дверь номер 17 — это одновременно парадный вход и для домов номер 16 и 18.

— Нет смысла туда стучать, — сказал он, неловко взмахнув чемоданами в попытке указать на красную полировку и начищенные медные петли двери дома номер 16. — За ней нет ничего, кроме двадцати дюймов железобетона.

Взгляд девочки скользнул по подъездной аллее, где почти

идентичные фасады домов уменьшались вдоль пологого поворота. Снег теперь валил гуще, и блеклое небо от света натриевых ламп приобрело оттенок лососины. Улица казалась вымершей, а снег — чистым и нетронутым. В холодном воздухе чудился незнакомый привкус, слабый, но всепроникающий намек на архаичное топливо. Ботинки Петала оставляли огромные отчетливые следы. Англичанин носил черные, замшевые, с узким носком оксфорды на необычайно толстой рифленой подошве из алого пластика. Вновь начиная дрожать от холода, она последовала по этим следам вверх по серым ступеням дома номер 17.

— Так, значит, это я, — обратился Петал к выкрашенной в черное двери, — впускайте.

Потом он вздохнул, поставил все четыре чемодана на снег и, сняв с правой руки перчатку, прижал ладонь к кругу яркой стали, утопленному в дверную створку. Кумико показалось, что она услышала будто бы комариный писк, который становился все выше, пока не исчез совсем. Дверь завибрировала, это из своих пазов вышли магнитные засовы.

— Ты назвал его "Смок", — сказала японка, когда он взялся за ручку двери, — город… Петал помедлил.

— Смок, — повторил он, — да, Смок. — И открыл дверь в свет и тепло. — Это старое выражение, что-то вроде прозвища.

Вновь подхватив багаж, Петал мягко протопал в устланное синим ковром фойе, обшитое панелями из белого крашеного дерева. Она вошла следом. Дверь за ее спиной автоматически закрылась, с гулким стуком вернулись на место засовы. На белой обшивке стены висела картина в махагоновой раме — лошади в поле, крохотные фигурки в красных куртках. "Вот бы где жить этому призраку, Колину", — подумала она. Петал поставил чемоданы. На синем ковре таяли маленькие комки слипшегося снега. Англичанин открыл еще одну дверь, за которой оказалась позолоченная стальная клетка. С лязгом отодвинулась складная решетка. Кумико недоуменно воззрилась на странное сооружение.

— Лифт, — пояснил Петал, — для твоих вещей в нем места не хватит. Я за ними потом спущусь.

Когда Петал ткнул в белую фарфоровую кнопку толстым указательным пальцем, лифт, несмотря на свой явно пожилой возраст, тронулся довольно плавно. Кумико пришлось стоять почти впритык к англичанину; от него пахло влажной шерстью и каким-то цветочным лосьоном.

— Мы поселим тебя наверху, — сказал он, проводя ее по узкому коридору. — Мы подумали, что ты, наверное, любишь

тишину и покой. — Открыв дверь, он жестом предложил ей войти. — Надеюсь, тебе понравится…

Сняв очки, он стал энергично протирать их мятой тряпицей.

— Я принесу твои сумки.

Когда он ушел, Кумико медленно обошла вокруг массивной ванны из черного мрамора, доминировавшей в центре низкой, заставленной мебелью комнаты. По стенам, резко сходящимся к потолку, висели позолоченные зеркала. Пара небольших мансардных окон обрамляла огромную кровать. Такого размера ложа Кумико еще никогда в жизни не видела. В зеркало над кроватью были встроены маленькие светильники на шарнирах, похожие на лампы для чтения в самолете. Она остановилась около ванны, чтобы погладить изогнутую шею лебедя в позолоте, служившего вместо крана. Опускаясь или поднимаясь, его раскинутые крылья, должно быть, регулировали температуру воды. Воздух был теплым и неподвижным, и ей на мгновение показалось, что комнату, как болезненный, мучительный туман, заполнило присутствие матери.

В дверях кашлянул Петал.

— Ну как, все в порядке? — приговаривал он, возясь с ее багажом. — Еще не проголодалась? Нет? Тогда я тебя оставлю, располагайся… — Он расставил ее багаж возле гигантской кровати. — Если тебе захочется есть, позвони. — Он указал на причудливый антикварный телефон с мембранами в виде медных свитков на причудливо изогнутой трубке из слоновой кости. — Просто подними трубку, не нужно даже набирать. Завтрак, когда захочешь. Спроси кого-нибудь, тебе покажут, где столовая. Там ты сможешь *познакомиться*с Суэйном…

Появление англичанина развеяло наваждение. Когда, пожелав девочке доброй ночи, он закрыл за собой дверь, Кумико попыталась ощутить присутствие матери вновь, но ничего не вышло.

Еще долго она стояла у ванны, поглаживая холодный гладкий металл лебединой шеи.

2. МАЛЫШ АФРИКА

Малыш Африка вкатил на Собачью Пустошь в последний день ноября. За рулем его навороченного "доджа" восседала белая девушка по имени Черри Честерфилд.

Слик Генри и Пташка как раз демонтировали циркульную пилу, служившую левой рукой Судье. Латаная-перелатаная подушка ховера Малыша то и дело взметывала фонтанчики ржавой воды, лужами собиравшейся на горбатой равнине из прессованной стали.

Первым его засек Пташка. Острые у него, у Пташки, глаза да еще монокуляр с десятикратным увеличением, болтавшийся на груди среди косточек всякой мелкой живности и древних крышек от пивных бутылок. Слик оторвал взгляд от гидравлического запястья и увидел, как Пташка вытянулся во весь свой двухметровый рост и нацелил свою подзорную трубу куда-то сквозь голые прутья арматуры, из которых состояла большая часть южной стены Фабрики. Худ был Пташка невероятно, скелет скелетом; залаченные крылья его русых волос, почему он и заработал такое прозвище, резко выделялись на фоне бледного неба. Волосы на затылке и висках он сбрил, полоса выбритой кожи поднималась высоко над ушами. В сочетании с аэродинамическим раздвоенным хвостом это создавало впечатление, будто на макушке у него сидит безголовая коричневая чайка.

— Ух ты, — подал голос Пташка, — сукин сын.

— Ну что там еще?

Пташку и без того довольно сложно было заставить сосредоточиться, а работа требовала добавочной пары рук.

— Это тот ниггер.

Поднявшись на ноги, Слик вытер руки о джинсы, а Пташка нащупал за ухом зеленый микрософт "Мех-5", выдернул его из разъема и тут же напрочь забыл о всех восьми этапах сервокалибровочной процедуры, необходимой для того, чтобы отодрать пилу Судьи.

— Кто за рулем?

Африка никогда не садился за руль сам, если мог заставить вести кого-то другого.

— Не понять.

Пташка выпустил монокуляр, и тот брякнулся на свое место в занавесочке из костей и пробок.

Слик присоединился к нему у окна, наблюдая за медленным передвижением "доджа". Малыш Африка время от времени вносил

здравые дополнения в матово-черную палитру своего "доджа" — с помощью аэрозольного баллончика с краской. Мрачно-серьезный вид тачки сводил на нет ряд хромированных черепов, приваренных к массивному переднему бамперу. В былые времена стальные черепа щеголяли красными рождественскими лампочками в глазницах. Неужто Малыш теряет интерес к имиджу?

Когда ховер свернул к Фабрике, Слик услышал в темноте возню Пташки: тяжелые ботинки проскрежетали по пыли и ярким спиралькам металлической стружки.

Слик стоял у проема выбитого окна с единственным уцелевшим куском стекла, похожим на острие кинжала, и хмуро смотрел, как ховер, постанывая и выпуская пар, приземляется на свою подушку перед самой Фабрикой.

В темноте за спиной опять послышался шум возни; Слик догадался, что это Пташка, забравшись за старые стеллажи, накручивает самодельный глушитель на китайскую винтовку, с которой он обычно ходил на кроликов.

— Пташка, — Слик бросил гаечный ключ на кусок брезента, — я знаю, что ты тупая задница, срань расистская из гнилого Джерси, но тебе что, всякий раз надо об этом напоминать?

— Мне не нравится этот ниггер, — донеслось из-за стеллажа.

— Ага, и ежели этот ниггер, не дай бог, вдруг вздумает это заметить, ты ему тоже не понравишься. Знай он, что ты сидишь там с пушкой, он бы забил ее тебе в глотку, причем поперек.

Никакого ответа. Пташка вырос в задрипанном городишке белого Джерси, где никто никогда знать ни черта не желал и ненавидел всех, кто хоть что-то знает.

— И я бы ему помог. — Рывком застегнув старую коричневую куртку, Слик вышел к ховеру Малыша Африки.

Пыльное стекло напротив места водителя с шипением сползло вниз, открыв бледное лицо в очках невероятных размеров, подкрашенных чем-то желтым. Под сапогами Слика захрустели древние банки, изъеденные ржавчиной до кружева прошлогодних листьев. Стянув очки вниз, водитель покосилась на Слика — женщина. Теперь янтарные очки висели у нее на шее, скрывая рот и подбородок. Значит, Малыш сидит с другой стороны, что не так плохо в том маловероятном случае, если Пташке вдруг вздумается палить.

— Обойди, — бросила девушка.

Слик прошел мимо хромированных черепов, услышал, как с таким же демонстративно негромким звуком, что и водительское, опускается стекло Малыша Африки.

— Слик Генри, — сказал Малыш; его дыхание, соприкасаясь с воздухом Пустоши, вылетало белыми облачками, — здравствуй.

Слик глянул в коричневое лошадиное лицо. У Малыша Африки были огромные зеленоватые с кошачьим разрезом глаза, тоненькая полоска усов, будто ее начертили карандашом, и кожа оттенка буйволовой шкуры.

— Привет, Малыш. — Из кабины ховера на Слика пахнуло чем-то больничным. — Как дела?

— Ну, — прищурился Малыш Африка, — помнится, ты говорил, что если мне когда-нибудь что-то понадобится…

— Верно, — ответил Слик, ощущая первые уколы дурного предчувствия.

Малыш Африка спас его однажды в Атлантик-Сити: уговорил кое-каких заблудших овечек не сбрасывать Слика с балкона сорок третьего этажа выжженного складского небоскреба.

— Кто-то хочет сбросить тебя с высокого дома?

— Слик, — сказал Малыш, — я хочу тебя кое с кем познакомить.

— И мы будем в расчете?

— Слик Генри, эта очаровательная девушка — мисс Черри Честерфилд из Кливленда, штат Огайо.

Наклонившись пониже, Слик посмотрел на водителя. Копна светлых волос, тушь вокруг глаз.

— Черри, это мой близкий друг мистер Слик Генри. Когда он был молодым и дурным, он гонял с "Блюз-Дьяконами". Теперь он старый и дурной, а в дыру эту забрался, чтобы заниматься своим искусством, понимаешь? Талантище, понимаешь?

— Это тот, который делает роботов, — сказала девица сквозь ком жвачки, потом добавила: — Ты так говорил.

— Тот самый, — сказал Малыш, открывая дверцу. — Черри, лапочка, подожди нас здесь.

На жилистом теле Малыша болталось норковое пальто, полы которого обметали носки безукоризненно чистых желтых ботинок из страусиной кожи — во всем своем великолепии Африка ступил на землю Собачьей Пустоши. Слик заметил в кабине ховера нечто странное: слепящую белизну бинтов и реанимационные трубки…

— Эй, Малыш, — спросил он, — что это у тебя там?

Вся в кольцах рука Малыша поднялась вверх, жестом предлагая Слику отойти в сторону. Дверь ховера с лязгом захлопнулась, Черри Честерфилд подняла стекла.

— Вот об этом нам и надо потолковать, Слик.

— Не думаю, что я прошу слишком многого, — сказал Малыш Африка, прислонясь норковым пальто к голому металлическому верстаку. — У Черри диплом медтеха, и она знает, что ей хорошо

заплатят. Приятная девочка, Слик Генри. — Он подмигнул.

— Малыш…

Вот оно что. Значит, в ховере лежит смахивающий на мертвеца мужик, не то в коме, не то в отключке от того, на что подсадил его Малыш Африка, — оттого все эти баллоны, капельницы, провода и еще какая-то непонятная штука вроде симстима. И все хозяйство привинчено к старым стальным носилкам, как на "скорой помощи".

— Что это? — Черри, увязавшаяся за ними внутрь Фабрики после того, как Малыш привел Слика назад — показать ему парня в кабине, с подозрением рассматривала громоздкого Судью — большую его часть, во всяком случае. Рука с циркуляркой валялась там, где ее оставили, в цеху на промасленном брезенте.

Если у этой Черри и есть диплом медтеха, подумал Слик, то контора, вероятно, его еще не хватилась. На девице было штуки четыре безразмерных кожаных курток, одна другой больше.

— Искусство Слика, я уже тебе говорил.

— Тот парень умирает. От него мочой несет.

— Катетер отошел, — спокойно сказала Черри. — Слушай, а эта штука, она для чего?

— Мы не можем держать его здесь, Малыш, он сдохнет. Если хочешь его угробить, засунь в какую-нибудь дыру на Пустоши.

— Мужик не умирает, — сказал Малыш Африка. — Он не ранен и не больной.

— Тогда что с ним, черт побери?

— Он торчит, дружок. У мальчика долгое путешествие. Ему нужны тишина и покой.

Слик посмотрел на Судью, потом снова на Малыша, опять на Судью, обратно на Малыша. Ему хотелось вернуться к работе, повозиться над этой рукой. Малыш сказал: ему нужно, чтобы этот овощ пробыл у Слика недели две-три; он оставит Черри за ним присматривать.

— Не врубаюсь. Этот парень, он что, твой друг?

Малыш Африка пожал норковыми плечами.

— Так почему бы тебе не подержать его у себя?

— Слишком шумно. А ему нужен покой.

— Малыш, — сказал Слик, — я помню, за мной должок, но ничего такого стремного. А потом, мне надо работать и… в общем, все это слишком стремно. И есть еще Джентри. Он сейчас в Бостоне. Вернется завтра вечером, и ему это не понравится. Ты же знаешь, как он относится к людям… И вообще, это место — его, вот…

— Дружок, — печально сказал Малыш Африка, — ты забыл, как они держали тебя над перилами?

— Я помню, но…

— Значит, плохо помнишь, — сказал Малыш Африка. — Ладно, Черри. Пошли. Не хочется тащиться через Пустошь в потемках.

Он оттолкнулся от верстака.

— Малыш, послушай…

— Все, проехали. Я ведь и знать не знал твоего траханого имени тогда, в Атлантик-Сити, просто подумал, что мне не хотелось бы видеть белого мальчика на мостовой. Тогда я не знал твоего имени и, похоже, не знаю его и сейчас.

— Малыш…

— Да?

— Ладно. Он остается. Но максимум две недели. Ты даешь мне слово, что приедешь и заберешь его. И тебе придется помочь мне уладить проблему с Джентри.

— Что ему нужно?

— Наркотики.

Пташка вылез наружу, когда "додж" Малыша неуклюже запыхтел обратно через территорию Фабрики. Пташка протиснулся через какую-то щель в завале расплющенных автомобилей. На ржавых гармошках металла кое-где проглядывали пятна яркой эмали.

Слик стоял у окна на втором этаже. Квадраты стального переплета были зашиты кусками пластика. Пластик они откопали на свалке; куски были разного цвета и толщины, так что, чуть пригнув голову, Слик увидел Пташку в воспаленно-розовом свете куска луизита.

— Кто тут живет? — спросила Черри у него за спиной.

— Я, — ответил Слик, — Пташка, Джентри…

— Я имею в виду — в этой комнате. Повернувшись, он увидел ее возле носилок и приборов системы жизнеобеспечения.

— Ты, — сказал он.

— Это твое место?

Она принялась разглядывать налепленные по стенам рисунки — самые первые чертежи Судьи и Следователей, Трупожора и Ведьмы.

— Об этом не беспокойся.

— Не бери ничего в голову, так будет лучше, — сказала Черри.

Слик посмотрел на девушку. В углу рта у нее растеклась уродливая красная язва, видимо, воспаление. Обесцвеченные волосы торчали во все стороны, ну прямо памятник статическому электричеству.

— Я же сказал, не беспокойся.

— Малыш говорил, у вас тут есть ток.

— Да.

— Надо бы его подключить, — сказала она, повернувшись к носилкам. — Электроэнергии он берет немного, но скоро начнут садиться батареи.

Слик пересек комнату, чтобы заглянуть в изнуренное лицо.

— Скажи-ка мне вот что, — начал он. Ему совсем не нравились все эти трубки. Одна из них входила прямо в ноздрю, и от одного этого тянуло блевать. — Кто этот парень и что именно, черт побери, Малыш Африка от него хочет?

— Ничего он не хочет, — сказала Черри, вводя какую-то команду. По экрану биомонитора, примотанного серебристой лентой к изножью носилок, побежала кривая состояния больного. — REM все так же высок, как будто ему все время снятся сны…

Человек на носилках был упакован в новенький синий спальный мешок.

— Короче, хрен его знает, на чем он сидит, но Малышу он за это платит.

На лоб человека была налеплена сетка тродов. Вдоль края носилок тянулся черный массивный кабель. Слик проследил его до массивной серой пластины, возвышающейся среди встроенных в единую раму приборов. Симстим? Не похоже. Какая-то оснастка под киберпространство? Джентри много чего знал о киберпространстве, во всяком случае, говорил о нем постоянно, но что-то Слик ничего не слышал насчет того, что можно вот так потерять сознание и просто остаться подключенным… Люди подключаются, чтобы чего найти, провернуть дельце. Надень троды, и окажешься там, где вся информация в мире громоздится башнями одного гигантского города из неона. Так что можешь по нему покататься — вроде как пообвыкнуть, — даже умыкнуть кой-чего Правда, все это лишь визуально. А иначе, если ничего такого не сделать, чертовски сложно будет найти дорогу к той информации, которая тебе нужна. Иконика, так называл это Джентри.

— Он платит Малышу?

— Да.

— За что?

— Чтобы держать его в таком состоянии. И еще прятать.

— От кого?

— Не знаю. Малыш не говорил. Они замолчали. В тишине ровно дышал неизвестный.

3. МАЛИБУ

У дома был свой собственный запах. Так было всегда.

Это был запах времени, и соли, которой пропитан воздух, и энтропийной природы любого большого дома, построенного слишком близко к кромке прилива. Возможно, такой запах присущ всем местам, что недолго, но почасту пустуют, домам, которые отпирают и запирают по мере того, как приезжают и уезжают их неусидчивые хозяева. Воображение рисовало ей, как на хроме в безлюдных комнатах в тишине расцветают пятна коррозии, как бледная плесень понемногу затягивает углы. Будто принося дань этому нескончаемому процессу, архитекторы сами распахнули дверь ржавчине. За годы водяная пыль проела массивные стальные перила, и они стали хрупкими, как запястья.

Подобно своим соседям, дом притулился среди развалин прежнего поселения. Прогулки по пляжу порой включали вылазки в область археологических фантазий. Она воображала себе прошлое этого места: иные голоса, иные здания. В этих прогулках ее неизменно сопровождал управляемый на расстоянии бронированный вертолетик "дорнье", поднимавшийся из своего невидимого гнезда на крыше, стоило ей сойти с веранды. Вертолетик почти беззвучно зависал в воздухе и был запрограммирован так, чтобы не попадаться ей на глаза. Что-то тоскливое было в том, как он неотвязно и неприкаянно следовал за ней, будто дорогой, но не оцененный по достоинству рождественский подарок.

Она знала, что с "дорнье" через камеры за ней ведет наблюдение Хилтон Свифт. Мало что из происходящего в доме и на пляже укрывалось от внимания "Сенснета". И это ее уединение — вытребованные семь дней одиночества — протекало под непрерывным контролем.

За годы работы у нее выработался необычайный иммунитет на это всевидящее око.

Ночами она иногда зажигала встроенные под навесом веранды прожектора, освещая иероглифическое фиглярство гигантских песчаных блох. Саму веранду она оставляла в темноте; гостиная за ее спиной будто уходила под воду. Устроившись в кресле из неказистого белого пластика, она подолгу следила за броуновским движением блох. В свете прожекторов они отбрасывали крохотные, едва различимые тени: рожки и пики на сером фоне песка.

Шум моря обволакивал ее целиком. Поздно ночью, когда она засыпала в меньшей из двух гостевых спален, он влезал в ее сны.

Единственное, во что ему не дано было проникнуть, — это в непрошеные, вторгающиеся исподтишка воспоминания незнакомки…

Выбор спальни она сделала инстинктивно. Хозяйская спальня была заминирована мелочами, на каждом шагу готовыми вызвать старую боль.

Врачам в клинике пришлось химическими клещами вырывать эту ее зависимость из рецепторных центров мозга.

Готовила она сама, в белоснежной кухне: поджаривала в микроволновке хлеб, разводила швейцарский суп из пакетиков в стальных, безупречно чистых кастрюлях — вживалась, не осознавая этого, в безымянное, но с каждым днем все более знакомое пространство, от которого ее так долго и так надежно изолировала "пыль" — наркотическая дрянь, изготовленная искусными моделистами.

— И это называется жизнь, — сказала она белой стойке.

Интересно, если кухня прослушивается, то какой вывод сделали бы из этих слов психиатры из "Сенснета"? Она помешивала суп мешалкой из нержавейки, глядя, как из кастрюльки поднимается пар. Неплохо обходиться без чужих рук, просто все делать самой; в клинике настаивали, чтобы она сама застилала постель. Теперь, поглощая из миски собственноручно приготовленный суп, она хмурилась при одной мысли о клинике.

Она выписалась за неделю до конца срока. Медики были против. Дезинтоксикация прошла великолепно, говорили они, но к терапии мы еще даже не приступали. Белые халаты указывали на процент возврата среди клиентов, не прошедших курс целиком. Объясняли, что прерывание лечения аннулирует ее страховку. "Сенснет" заплатит, отмахнулась она, разве что врачи пожелают, чтобы она оплатила их услуги сама. И извлекла платиновый чип "Мицу-банка".

Ее личный "Лир" прибыл час спустя. Она приказала самолету доставить ее в Лос-Анджелес, заказала машину, которая должна ее там встретить, и заблокировала все входящие звонки.

— Извини, Анджела, — сказал самолет, зависая над заливом Монтего через несколько минут после взлета, — но это Хилтон Свифт, он звонит по выделенному служебному каналу.

— Энджи, — донесся голос Свифта, — ты же знаешь, что я целиком и полностью на твоей стороне. Ты ведь это знаешь, Энджи?

Обернувшись, Энджи уперлась взглядом в черный овал динамика, заключенный в серый блестящий пластик, и вдруг представила себе, как Свифт скорчился за перегородкой "Лира", карикатурно подтянув к подбородку длинные ноги бегуна.

— Я это знаю, Хилтон, — отозвалась она. — Очень мило с твоей стороны так позвонить.

— Ты летишь в Лос-Анджелес, Энджи.

— Да. Именно это я сказала самолету.

— В Малибу.

— Верно.

— Пайпер Хилл уже на пути в аэропорт.

— Спасибо, Хилтон, но я не хочу ее видеть. Я вообще никого не хочу видеть. Мне нужна машина.

— В доме никого нет, Энджи.

— Тем лучше. Именно это мне и нужно, Хилтон. Никого в доме. Только сам дом, пустой.

— Ты уверена, что это удачная идея?

— Это лучшая идея, какая у меня появлялась за последние несколько лет, Хилтон. Пауза.

— Мне сказали, что все шло хорошо, я имею в виду лечение, Энджи. Но врачи требовали, чтобы ты осталась.

— Мне нужна неделя, — сказала она. — Одна неделя. Семь дней. В одиночестве.

На третью ночь в этом доме она проснулась на рассвете, сварила кофе, оделась. По широкому окну, выходящему на веранду, сбегали струйки сконденсировавшейся влаги. Спать было не просто. И если приходили сны, то она потом не могла их вспомнить. Но было что-то еще… ускорение, почти головокружение… Она стояла посреди кухни, чувствуя через толстые белые шерстяные носки холод керамических плиток, и грела руки о чашку.

Чье-то присутствие. Она воздела руки, поднимая кружку, как священный сосуд, — жест инстинктивный и в то же время полный иронии.

Три года прошло с тех пор, как лоа овладевали ею, три года с тех пор, как они вообще касались ее. Но теперь?

Легба? Кто-то другой?

Ощущение чьего-то присутствия внезапно пропало. Резко поставив кружку на стойку — так что кофе плеснуло ей на руку, — она побежала разыскивать, что надеть. В шкафу с пляжными принадлежностями нашлись зеленые ботинки на каучуковой подошве и тяжелая синяя горная парка, которую она не помнила. Парка была слишком большой, чтобы принадлежать Бобби. Энджи стремглав бросилась прочь из дома, промчалась по лестницам, не обращая внимания на жужжание игрушечного "дорнье", который поднялся следом, как терпеливая стрекоза. Она оглянулась на север. Взгляд скользнул по скопищу пляжных домиков, путанице крыш, напомнивших ей баррио в Рио. Энджи

повернула на юг, в сторону Колонии.

Ту, что пришла, звали Гран-Бригитта, или Маман Бригитта. Некоторые считали ее женой Барона Самеди, другие называли "древнейшей из мертвых".

Слева от Энджи вздымались фантасмагорические здания Колонии — настоящее буйство архитектуры всех форм и самовыражений. Хрупкие с виду, инкрустированные неоном подражания Уоттсу Тауэрсу соседствовали с необруталистскими бункерами с бронзовыми горельефами на фасадах.

В зеркальных стенах, когда она проходила/мимо, отражались утренние облака над берегом Тихого океана.

За три последних года ее не раз посещало чувство, будто она вот-вот перейдет некую невидимую черту, вернется туда, за призрачную границу веры, и обнаружит, что время, проведенное ею с лоа, было всего лишь сном. Или что они, скорее, были как некие странные заразные узелки резонанса культур, которые жили в ней с тех самых недель, какие она провела в оумфоре Бовуа в Нью-Джерси.

Энджи продолжала идти, черпая покой из шума прибоя, из этого вечного мгновения единства пляжа и времени, его сейчас и всегда.

Ее отец мертв, семь лет как его не стало, а файлы отцовского дневника, записи, что он вел, не сказали ей почти ничего. Отец кому-то служил. Или чему-то. Наградой ему было знание, и ради этого знания он пожертвовал дочерью.

Временами у нее возникало чувство, будто она прожила не одну, а целых три жизни и каждая отделена от другой стеной чего-то, что она затруднялась назвать, и нет никакой надежды на целостность. И так будет всегда.

Вот детские воспоминания о научном городке "Мааса", тянущемся длинными переходами в глубь аризонского плато. Энджи обнимает балясину балюстрады из песчаника, ветер плещет в лицо, и она представляет, будто все пустынное плато — это ее корабль. Ей кажется, что она даже может перемешивать краски заката над горами. Вскоре она улетит оттуда — страх жестким комом застрянет в горле. А теперь ей даже не вспомнить, когда же она в последний раз взглянула в лицо отца. Хотя, кажется, это было перед самым отлетом, на стоянке авиеток, где другие самолетики трепетали на ветру, как рой радужных мотыльков. В ту ночь закончилась первая ее жизнь; и жизнь отца тоже.

Вторая жизнь была странной, стремительной и очень короткой. Человек по имени Тернер увез ее из Аризоны и оставил с Бобби, Бовуа и остальными. Тернера она помнила плохо, только

то, что это был высокий мужчина с крепкими мускулами и затравленным взглядом. Он привез ее в Нью-Йорк. Оттуда их с Бобби повез в Нью-Джерси уже Бовуа. Там, на пятьдесят третьем уровне исполинского здания-улья — в Нью-Джерси такие еще называли Проектами, — Бовуа объяснял ей природу снов. "Сны реальны", — говорил он, и его шоколадное лицо блестело от пота. Он называл ей имена тех, кого она видела в снах. Учил ее, что все сны тянутся к единому морю, и показал, чем ее сны похожи и в то же время чем они отличаются от всех прочих. "Ты в одиночку скользишь по старому морю и ты достигаешь нового", — говорил он.

В Нью-Джерси ею владели боги.

Она научилась отдаваться во власть Наездников. Она видела, как лоа Линглессу входит в Бовуа в оумфоре, видела, как жилистые ноги учителя разметывают вычерченные белым на полу диаграммы. В Нью-Джерси она знала богов — богов и любовь.

Лоа руководили ею, когда она вступила в мир рука об руку с Бобби, чтобы построить свою третью жизнь, теперешнюю. Они хорошо подходили друг другу — Энджи и Бобби, — оба вышедшие из вакуума: Энджи — из стерильного королевства "Маас Биолабс", а Бобби — из барритаунской скуки…

Гран-Бригитта снизошла на нее без всякого предупреждения. Энджи споткнулась, едва не рухнув в прибой, когда звук моря вдруг будто бы засосало в открывшийся перед ней сумеречный пейзаж. Беленые кладбищенские стены, могильные камни, ивы. Свечи.

Под самой древней из ив — гирлянды свечей; переплетенные корни заляпаны воском.

— Дитя, знай меня.

И тут же Энджи почувствовала ее присутствие и признала в ней то, чем она являлась: Маман Бригитта, Мадемуазель Бригитта, старейшина мертвых.

— Нет у меня ни культа, дитя, ни особого алтаря.

Энджи вдруг осознала, что идет вперед, прямо на сияние свечей. Гул в ушах, как будто среди ветвей ивы скрывается необъятный пчелиный рой.

— Кровь моя — отмщение.

Энджи вспомнила Бермуды, ночь, тайфун. Их с Бобби занесло тогда в самое око тайфуна. Такова была Гран-Бригитта. Безмолвие, ощущение давления немыслимых сил, на мгновение замерших под контролем. Под деревом ничего не видно. Одни свечи.

— Лоа… я не могу позвать их. Я чувствую нечто… я пришла взглянуть…

— Ты призвана на мой reposoir. Слушай меня. Твой отец прочертил vivvis в твоей голове; он прочертил их в плоти, которая не была плотью. Ты была посвящена Эзили Фреде. Ради собственных целей привел тебя в этот мир Легба. Но тебе давали яд, дитя, coup-poudre…

Из носа у нее потекла кровь.

— Яд?

— Vivvis твоего отца изменены, частично затерты, прочерчены заново. Хотя ты и перестала себя отравлять, Наездники все же не могут прийти к тебе. Я — иной природы.

Боль раскалывает, голову, в висках стучит кровь…

— Пожалуйста… прошу…

— Слушай меня. У тебя есть враги. Они хотят тебе зла. Здесь многое поставлено на карту. Бойся яда, дитя!

Энджи опустила глаза на руки. Кровь была настоящей, яркой. Гудение усилилось. Может, пчелы гудят только в ее голове?

— Пожалуйста! Помоги мне! Объясни…

— Тебе нельзя оставаться. Здесь — смерть. Оглушенная солнцем, Энджи упала на колени в песок. Рядом бился прибой, обдавая ее мелкими брызгами, в двух метрах над головой нервно завис "дорнье". В то же мгновение боль исчезла. Энджи отерла окровавленные руки о рукава синей парки и села на песок. С тонким воем вращались многочисленные сенсоры и камеры вертолета.

— Все в порядке, — выдавила она. — Кровь из носа. Просто кровь потекла из носа…

"Дорнье" рванулся было вперед, потом назад.

— Я иду домой. Со мной все в порядке. Мягко поднявшись, вертолетик скрылся из виду.

Энджи обхватила плечи руками, ее трясло. Нет, нельзя, чтобы они догадались. Конечно, они поймут, что что-то стряслось, но не будут знать что. Заставив себя подняться, она повернулась и с трудом потащилась той же дорогой, какой пришла. По пути обшарила карманы в поисках салфетки, носового платка, чего угодно, чем можно было бы стереть кровь с лица.

Когда пальцы нащупали плоский пакетик, она тут же поняла, что это. Остановилась, дрожа вовсе не от утреннего ветра. Наркотик. Это невозможно. Да, так оно и есть. Но кто? Обернувшись, она остановила взгляд на "дорнье"; тот рванулся прочь…

Одна упаковка. Хватит на целый месяц.

Coup-poudre.

Бойся яда, дитя.

4. СКВОТ

Моне снилось, что она снова в кливлендском дансинге, танцует обнаженная в колонне жаркого голубого света — и клетка ее подвешена высоко над полом. А кругом — запрокинутые к ней лица, и синий свет шляпками от гвоздей в белках глаз. И на лицах то самое выражение, какое всегда бывает у мужчин, когда они смотрят, как ты танцуешь, пожирают тебя глазами и при этом заперты внутри самих себя. И эти глаза ничего, совсем ничего тебе не говорят, а лица — не важно, что залиты потом, — будто высечены из чего-то, что только напоминает плоть.

Впрочем, плевать ей, как они смотрят, — она ведь танцует, и клетка высоко-высоко, и сама она под кайфом, вся в ритме, танцует три вещи кряду, а тут и "магик" пробирает ее насквозь, и новая сила в ногах заставляет вставать на цыпочки…

Кто-то схватил ее за колено.

Она попыталась закричать, только ничего у нее не вышло, крик застрял в горле. А когда он все-таки вырвался, внутри у нее будто что-то оборвалось, сердце обожгло болью, и синий свет разлетелся клочьями. Рука была все еще здесь, сжимала колено.

Рывком, как чертик из табакерки, она села в постели и выпрямилась — сражаясь с темнотой, пытаясь смахнуть волосы с глаз.

— Что с тобой, детка?

Вторую руку положив ей на лоб, он толкнул ее назад в жаркую впадину подушки.

— Сон…

Рука все еще здесь, от этого хотелось кричать.

— У тебя есть сигаретка, Эдди?

Рука исчезла, щелчок и огонек зажигалки — он прикуривает ей сигарету; пламя на миг высвечивает его лицо. Затягивается, отдает сигарету ей. Мо-на быстро села, уперла подбородок в колени — армейское одеяло тут же натянулось палаткой, — ей не хочется, чтобы сейчас к ней кто-нибудь прикасался.

Предостерегающе скрипнула сломанная ножка выкопанного на свалке стула; это Эдди, откинувшись на спинку, закурил сам. "Да сломайся же, — просила Мона у стула, — воткни ему щепку в задницу, чтобы он пару раз мне врезал". Хорошо хоть темно, и не надо смотреть на сквот. Ничего нет хуже, чем проснуться утром с дурной головой, когда слишком тошнит, чтобы пошевелиться, — а она еще забыла прилепить черный пластик на окно, так ее ломало, когда вернулась вчера. Самое поганое — это утро, когда

бьют солнечные лучи, высвечивая все мелкие мерзости и нагревая воздух к появлению мух.

Никто никогда не хватал ее там, в Кливленде. Любой, кто настолько забалдел, чтобы решиться протянуть руку сквозь прутья, был уже слишком пьян, чтобы двигаться; он и дышать-то, наверное, был не в силах. И в танцзале клиенты ее никогда не лапали, разве что заранее уладив эту проблему с Эдди, и за двойную плату, но и то было скорее для видимости.

Впрочем, как бы они ни хотели поиметь ее, это всегда оставалось лишь частью привычного ритуала, а потому, казалось, происходит где-то еще, вне ее жизни. И ей нравилось наблюдать за ними, когда они теряли настрой. Тут начиналось самое интересное, потому что они и вправду теряли его и становились совершенно беспомощными — ну, может, лишь на долю секунды, — но все равно ей всегда казалось, что их тут даже и нет.

— Эдди, еще одна ночь здесь, и я просто с ума сойду.

Случалось, он бил ее и за меньшее, так что она, спрятав лицо в колени и одеяло, сжалась, ожидая удара.

— Ну конечно, — ответил он, — ты же не прочь вернуться на ферму к своим сомам? Или хочешь назад в Кливленд?

— Я просто не могу больше…

— Завтра.

— Что завтра?

— А для тебя это недостаточно скоро? Завтра вечером, частный траханый самолет, ну как? Прямиком в Нью-Йорк. Хоть тогда ты наконец перестанешь доставать меня этим своим нытьем?

— Пожалуйста, бэби, — она потянулась к нему, — мы можем поехать на поезде… Он отшвырнул ее руку.

– У тебя дерьмо вместо мозгов.

Если продолжать жаловаться, сказать что-нибудь о сквоте, любое, он тут же решит, что она имеет в виду, что он не справляется и все его великие сделки кончаются ничем. Он заведется, она знает, он заведется. Как в тот раз, когда она разоралась из-за жуков — тараканов здесь называли "пальмовыми жуками", — но ведь это было только потому, что половина этих проклятых тварей — ну самые настоящие мутанты. Кто-то пытался вывести их такой жуткой дрянью, которая просто перетрахала все их ДНК. И теперь у этих гребаных тараканов, что Дохли у тебя на глазах, были то лишние головы или лапы, то, наоборот, того и другого было меньше, чем нужно. А однажды она видела тварь, которая выглядела так; будто проглотила распятие или что-то вроде того. Спина, или панцирь, твари — как

там это у них называется — была настолько искривлена, что хотелось сблевать.

— Бэби, — она старалась говорить мягче, — я ничего не могу поделать, это место просто меня достало…

– "Зелень-на-Крючке", — сказал он, будто вовсе ее не слышал. — Я был в этом клубе и встретил вербовщика. И ты знаешь, он выбрал меня! У мужика нюх на таланты.

Сквозь темноту Мона чуть ли не видела эту его ухмылочку.

— Он из Лондона, это в Англии. Вербовщик талантов. Пришел в "Зелень" и просто — "ты мой человек!".

— Клиент?

"Зелень-на-Крючке", или, точнее, клуб "У Хуки Грина" — место, где, как недавно решил Эдди, проворачивают выгодные дела, — находился на тридцать третьем этаже стеклянного небоскреба. Все внутренние перегородки здесь были порушены, чтобы сделать большую, величиной с квартал, танцплощадку. Но Эдди уже успел махнуть на это заведение рукой, поскольку там не нашлось никого, кто захотел бы уделить ему хоть каплю внимания. Мона никогда не видела самого Хуки Грина — "злого жилистого Крючка Зеленого", — ушедшего на покой бейсболиста, которому принадлежало заведение, но танцевалось там просто здорово.

— Будешь ты, черт побери, слушать? Какой клиент? Дерьмо собачье. Он — голова, у него связи. И он собирается протолкнуть меня наверх. И знаешь что? Я намерен взять тебя с собой.

— Но что ему нужно?

— Какая-то актриса. Или кто-то вроде актрисы. И ушлый мальчик, чтобы доставить ее в одно место и там придержать.

— Актриса? Место? Какое место? Она услышала, как он расстегнул куртку. Потом что-то упало на постель у ее ног.

— Это тебе. — Он зевнул.

Господи! Выходит, это не шутка? Но если он не прикалывается, то что же это, черт побери, значит?

— Сколько ты сшибла сегодня, Мона?

— Девяносто. — На самом деле сто двадцать, но последнего клиента Мона посчитала как сверхурочные. Она до смерти боялась утаивать деньги, но иначе на что купить "магик"?

— Оставь себе. Купи какие-нибудь шмотки. И не рабочий хлам. Никому в этой поездке не нужно, чтобы твоя задница свешивалась наружу.

— Когда?

— Завтра, я же сказал. Можешь поцеловать на прощание это место или послать его.

При этих словах Мона затаила дыхание. Опять скрипнул стул.

— Значит, девяносто?

— Ну.

— Расскажи мне.

— Эдди, я так устала…

— Нет, — сказал он.

Впрочем, хотелось ему не правды, правда Эдди была не нужна. Он хотел получить историю. Ту, которую сам же и сочинил и приучил Мону ее рассказывать. Эдди было глубоко наплевать, о чем ей говорили клиенты (а у большинства на душе что-то было, и им не терпелось это что-то ей рассказать — что они обычно и делали), не интересовало его их занудство по поводу справки об анализе крови или то, как каждый второй повторяет ей дежурную шутку насчет того, что, мол, если подцепил сам, передай товарищу. Ему даже было по фигу, чего они требовали от нее в постели.

Эдди хотел, чтобы она рассказала ему об ублюдке, который обращался с ней как с пустым местом. Правда, рассказывая об этом жлобе, надо было не перегнуть палку, чтобы не выставить его слишком грубым, потому что считается, что это стоит много дороже, чем ей заплатили на самом деле. Главным в рассказе было то, что этот мнимый клиент обращается с нею как с неким устройством, которое он арендует на полчаса. Нельзя сказать, что это такая уж большая редкость, но подобные лохи обычно тратят свои денежки на "живых кукол" или же торчат от стима. К Моне обычно шел клиент разговорчивый, ее даже норовили угостить сэндвичами, и если даже человек мог оказаться жутким подонком, то все-таки не настолько жутким, как того хотел Эдди. А второе, что он требовал от рассказа, — чтобы Мона жаловалась, как ей было противно, но что при этом она чувствовала, что все равно этого хочет, хочет безумно.

Протянув руку, Мона нашарила в темноте плотный конверт с деньгами.

Снова заскрипел стул.

Так что Мона рассказала ему, как она выходила из "Распродажи", а он бросился прямо к ней, этот здоровенный жлобина, и просто спросил: "Сколько?", — и это ее смутило, но она все равно назвала цену и сказала: "Идем". Они залезли в его машину, машина была большая, старая, и в ней пахло сыростью (а это уже плагиат из ее жизни в Кливленде), и он опрокинул ее на сиденье…

— Перед "Распродажей"?

— На заднем дворе.

Эдди никогда не обвинял ее в том, что история эта — сплошная выдумка, как-никак, а он сам придумал основные вехи

сюжета. По сути своей, смысл рассказа всегда был один и тот же. К тому времени, когда мужик задрал на ней юбку ("черную, — сказала она, — и на мне были белые ботинки") и скинул с себя штаны, она расслышала, как звякнул ремень, это Эдди стягивал джинсы. Какой-то частью сознания Мона прикидывала (Эдди скользнул к ней в постель), а возможна ли та позиция, какую она описывает, но продолжала говорить. На Эдди это, во всяком случае, действовало. Она не забыла отметить, как было больно, когда жлобина вставлял, — больно, хотя она была совсем мокрой. Помянула, как он держал ее за запястья, и похоже, уже порядком запуталась, где что было, во всяком случае, получалось, что ее задница болталась где-то в воздухе. Эдди начал ее ласкать, гладил грудь и живот, поэтому без всякого перехода она переключилась с откровенной жестокости клиента на то, что ей полагалось при этом ощущать.

Как она испытала то, чего в жизни никогда не испытывала. Кто-то ей говорил, что можно проникнуть в такое место, где если и ощущаешь боль, то все равно это приятно. Мона знала, что на самом деле это совсем не так. Тем не менее Эдди хотелось услышать, что боль была просто жуткая и что чувствовала она себя отвратительно, но ей все равно нравилось. Мона не видела в этом ни капли смысла, но научилась рассказывать так, как ему хотелось.

Потому что, какой бы бред она ни несла, — вранье работало, и Эдди, перекатясь на нее и сбив одеяло в кучу, оказался у нее между ног и вошел. Мона догадывалась, что, должно быть, в его голове прокручивается в эти минуты мультик, где Эдди чувствует себя одновременно героем — тем самым трахающим жлобом без лица — и зрителем, следящим за сюжетом со стороны. Он держал ее за запястья, прижав их к полу за ее головой. Так ему больше нравилось.

А когда он кончил и, свернувшись калачиком, задремал, Мона долго лежала без сна в душной темноте комнаты, снова и снова разыгрывая мечту об отъезде, — такую яркую, такую чудесную.

Ну пожалуйста, пусть это будет правдой.

5. "ПОРТОБЕЛЛО"[13]

Кумико проснулась в необъятной кровати — и тихо лежала, прислушиваясь. До нее долетало чуть слышное, неясное бормотание улицы.

В комнате было холодно. Завернувшись, как в мантию, в розовое стеганое одеяло, девочка выбралась из постели. Маленькие оконца были в ярких морозных узорах. Подойдя к ванне, она слегка надавила на одно из позолоченных крыльев лебедя. Птица кашлянула, забулькала и стала наполнять ванну. Не снимая с себя одеяла, она стала открывать чемоданы, чтобы выбрать одежду на день; отобранное она выкладывала на кровать.

Когда ванна была готова, она скинула одеяло на пол и, перебравшись через мраморный край, стоически погрузилась в обжигающе горячую воду. Пар от ванны растопил изморозь на стеклах; теперь по ним бежали струйки сконденсировавшейся влаги. "Неужели во всех английских спальнях такие ванны?" — подумала Кумико. Она старательно натерлась овальным бруском французского мыла, встала, кое-как смыла пену и завернулась в огромную черную купальную простыню; потом после нескольких неудачных попыток случайно обнаружила раковину, унитаз и биде. Они прятались в крохотной комнатушке, которая когда-то, должно быть, служила встроенным шкафом. Стены ее покрывал темный от Времени шпон.

Дважды прозвонил Телефон, похожий скорее на предмет из театрального реквизита.

— Да?

— Петал на проводе. Как насчет завтрака? Роджер уже здесь. Мечтает с тобой познакомиться.

— Спасибо, — ответила девочка. — Я уже одеваюсь.

Кумико натянула свои самые лучшие и самые мешковатые кожаные штаны, потом зарылась в ворсистый голубой свитер, такой большой, что вполне был впору и Петалу. Открыв сумочку, чтобы достать косметику, она увидела модуль "Маас-Неотек". Пальцы сами собой сомкнулись на обтекаемом корпусе, она вовсе не собиралась вызывать призрака. Но хватило только прикосновения. Едва образовавшись в комнате, Колин тут же смешно запрокинул голову, чтобы разглядеть низкий, с зеркалом, потолок.

— Я полагаю, мы не в Дорчестере?

— Вопросы задаю я, — сказала она. — Что это за место?

— Спальня, — ответил он. — В довольно сомнительном вкусе.

— Отвечай, пожалуйста, на мой вопрос.

— Хорошо, — сказал призрак, осматривая постель и ванну. — Судя по обстановке, это вполне мог бы быть и бордель. Я имею доступ к историческим данным на большую часть зданий Лондона, но об этом нет ничего примечательного. Построено в 1848 году. Наглядный образчик популярного в ту эпоху викторианского классицизма. Район дорогой, хотя и немодный, пользуется успехом среди определенного сорта юристов.

Призрак пожал плечами. Сквозь начищенные до блеска ботинки для верховой езды девочка видела край кровати.

Японка бросила модуль в сумочку, и призрак исчез.

С лифтом Кумико справилась без труда и, оказавшись в обшитой белыми панелями прихожей, пошла на звук голосов. Не то холл, не то коридор. За угол.

— Доброе утро, — сказал Петал, снимая с блюда серебряную крышку. От блюда шел ароматный пар. — Вот он, неуловимый мистер Суэйн, для тебя — Роджер. А вот твой завтрак.

— Привет, — сказал мужчина, делая шаг вперед и протягивая ей руку.

Бледные глаза на длинном скульптурном лице. Гладкие, мышиного цвета волосы зачесаны наискось через весь лоб. Кумико затруднилась бы определить его возраст: это было лицо молодого человека, но в западинах сероватых глаз залегли глубокие морщины. Высокий, в руках, плечах и осанке — что-то от атлета.

— Добро пожаловать в Лондон. Он взял ее руку, пожал, отпустил.

— Спасибо.

На Суэйне была рубашка без воротника в очень мелкую красную полоску на бледно-голубом фоне, манжеты скреплены скромными овалами тусклого золота. Расстегнутая у ворота рубашка открывала темный треугольник татуированной кожи.

— Я говорил сегодня утром с твоим отцом, сказал, что ты прибыла благополучно.

— Вы человек высокого ранга. Бледные глаза сузились.

— Прошу прощения?

— Драконы. Петал рассмеялся.

— Дай ей поесть, — донеслось справа. Женский голос.

Кумико повернулась. На фоне высокого французского окна она увидела стройную темную фигуру. За окном — обнесенный стеной сад под снегом. Глаза женщины были скрыты за серебристыми стеклами, отражающими комнату и ее обитателей.

— Еще одна наша гостья, — сказал Петал.

— Салли, — представилась женщина, — Салли Шире. Поешь,

котенок. Если тебе так же скучно, как и мне, может, захочешь пойти погулять? — Под взглядом Кумико ее рука скользнула к стеклам, как будто она собиралась снять очки. — Портобелло-роуд — всего в двух кварталах отсюда. Мне нужно глотнуть свежего воздуха.

У зеркальных линз, похоже, не было ни оправы, ни дужек.

— Роджер, — проговорил Петал, накладывая с серебряной тарелки розовые ломти бекона, — как ты думаешь, Кумико будет в безопасности с нашей Салли?

— В большей, чем со мной, учитывая, в каком она настроении, — ответил Суэйн. — Боюсь, здесь мало что может развлечь тебя, — обратился он к Кумико, подводя ее к столу, — но мы попытаемся сделать все возможное, чтобы ты чувствовала себя как дома, и постараемся показать тебе город. Хотя здесь и не Токио.

— Во всяком случае, пока, — добавил Петал, но Суэйн его, казалось, не расслышал.

— Спасибо, — сказала Кумико, когда Суэйн пододвинул ей стул.

— Сочту за честь, — сказал Суэйн. — Наше почтение твоему отцу…

— Послушай, — вмешалась женщина, — она еще слишком мала для всего этого. Пожалей наши уши.

— Салли сегодня немного не в настроении, — сказал Петал, накладывая на тарелку Кумико яйцо-пашот.

Как выяснилось, выражение "не в настроении" не совсем точно определяло то состояние, в котором пребывала Салли Шире. Скорее его стоило бы назвать едва сдерживаемым бешенством, яростью, которая проявлялась в походке и гневном пистолетном стуке черных сапог по обледеневшей мостовой.

Кумико приходилось отчаянно семенить, чтобы не отставать, когда женщина зашагала прочь от дома Суэйна по подъездной аллее. В рассеянном свете зимнего солнца холодно вспыхивали стекла очков. На Салли были узкие брюки из темно-коричневой замши и объемистая черная куртка с высоко поднятым воротником — дорогая одежда. А учитывая короткую стрижку, ее вполне можно было принять за мальчишку.

Впервые с того момента, как она покинула Токио, Кумико почувствовала неподдельный страх.

Клокочущая в женщине энергия была почти осязаемой — этакий сгусток гнева, готовый ежесекундно взорваться, выпустив на свободу фурию.

Кумико сунула руку в сумочку и сжала модуль "Маас-Неотек". Колин тут же оказался рядом, небрежно подстраиваясь под их

шаг: руки — в карманах куртки, ботинки не оставляют следов на грязном снегу. Она отпустила модуль — призрак исчез, но Кумико почувствовала себя увереннее. Не стоит бояться потерять Салли Шире, угнаться за которой девочке было трудновато, Колин, конечно же, объяснит ей, как вернуться в дом Суэйна. "А если я от нее убегу, — подумала она, — то он мне поможет". Переходя перекресток на красный свет, женщина увернулась от двух машин, с рассеянным видом чуть ли не вытащила Кумико из-под колес черной "хонды", при этом еще умудрившись пнуть машину в бампер, когда такси проезжало мимо.

— Ты пьешь? — спросила она, сжимая локоть Кумико.

Кумико покачала головой.

— Пожалуйста, мне больно руку.

Хватка Салли ослабла. Оказалось, она втолкнула Кумико через украшенную причудливыми морозными узорами стеклянную дверь в шум и тепло паба. Самое настоящее логово, переполненное какими-то людьми в темной шерсти и ношеном оленьем велюре.

Вскоре они сидели друг против друга за маленьким мраморным столиком, на котором разместились пепельница с рекламой "Басе", кружка темного эля, стакан виски, который Салли опорожнила по дороге от стойки, и стакан с апельсиновым лимонадом.

Только тут до Кумико дошло, что серебристые линзы уходят в бледную кожу без малейшего намека на шов.

Салли потянулась к пустому стакану, покачала его, не поднимая со стола, и критически оглядела.

— Я встречала твоего отца, — сказала она. — Он тогда не ушел еще так далеко наверх. — Она оставила стакан и занялась кружкой с элем. — Суэйн говорил, ты наполовину гайдзин. Сказал, твоя мать была датчанкой. — Она глотнула эля. — По тебе не скажешь.

— Она приказала изменить мне глаза.

— Тебе идет.

— Спасибо. А… очки, — непроизвольно сказала девочка, — они очень красивы. Салли пожала плечами.

— Твой старик уже позволил тебе побывать в Тибе?

Кумико покачала головой.

— Умно. На его месте я поступила бы так же. Она отпила еще эля. Ее ногти, очевидно — акриловые, тоном и блеском напоминали перламутр.

— Мне рассказали о твоей матери. Чувствуя, что у нее пылает лицо, Кумико опустила глаза.

— Ты здесь не поэтому. Хотя бы это ты знаешь? Отец вовсе не

из-за нее сплавил тебя к Суэй-ну. Там — война. С самого моего рождения в верхах якудза не было никаких склок. А теперь, видно, время пришло. — Пустая кружка звякнула о мрамор. — Он просто не может позволить, чтобы ты там оставалась, вот и все. До тебя там слишком легко добраться. В том, что касается соперников Янаки, парень вроде Суэйна от основных событий довольно далеко. У тебя ведь даже и паспорт на другое имя, ведь так? Суэйн должен Янаке. Так что с тобой все в порядке, ясно?

Кумико почувствовала, что глаза у нее наполняются слезами.

— О'кей, с тобой не все в порядке. — Жемчужные ногти забарабанили по мрамору. — Так, значит, она покончила с собой, и с тобой не все в порядке. Чувствуешь себя виноватой, да?

Кумико подняла глаза — на два зеркала-близнеца.

Как и Синдзюку в Токио, Портобелло задыхался от туристов. Салли Шире, настояв на том, чтобы Кумико выпила свой лимонад, который уже успел согреться и выдохся, вывела ее на запруженную улицу. Крепко держа девочку за руку, Салли начала прокладывать себе дорогу по тротуару мимо раскладных стальных столиков, накрытых рваными скатертями из бархата с тысячами предметов из хрусталя и серебра, меди и фарфора. Кумико смотрела во все глаза, но Салли тянула ее мимо выстроившихся рядами сервизов с королевской эмблемой и носатых чайников времен Черчилля.

— Это гоми, — рискнула заметить Кумико, когда они остановились у перекрестка.

Хлам. В Токио изношенные и ненужные вещи превращались в строительный наполнитель. Салли по-волчьи оскалилась.

— Здесь — Англия. Гоми — основной природный ресурс. Гоми и талант. Вот это я сейчас и ищу. Талант.

Талант носил бутылочно-зеленый вельветовый костюм и безукоризненно чистые замшевые наушники; Салли отыскала его в каком-то очередном пабе. Паб назывался "Роза и корона". Салли представила талант девочке, назвав его Тиком. Ростом он был чуть выше Кумико, и в спине или бедре у него было что-то перекошено, поэтому ходил человечек откровенно хромая, что еще больше усиливало общее впечатление асимметричности. Его волосы были выбриты сзади и на висках, а над лбом наворочены в масленую шапку темных кудрей.

Салли представила Кумико:

— Мой друг из Японии — и держи руки при себе.

С неопределенной болезненной улыбкой Тик повел их к столику.

— Как бизнес, Тик?

— Прекрасно, — мрачно ответил тот. — А как заслуженный

отдых?

Салли села спиной к стене на мягкую банкетку.

— Ну, — отозвалась она, — как тебе сказать. Если судить по сегодня, то совсем тихо.

Кумико подняла на нее глаза. Вся ярость Салли куда-то испарилась или же была искусно скрыта. Садясь, Кумико опустила руку в сумочку и нашарила модуль. Колин сфокусировался на скамейке возле Салли.

— Очень мило с твоей стороны вспомнить обо мне, — сказал Тик, устраиваясь в кресле. — Я сказал бы, прошло два года. — Он поднял бровь, переведя взгляд на Кумико.

— Она в порядке. Ты знаешь Суэйна, Тик?

— Исключительно по репутации, спасибо. Колин изучал их пикировку с насмешливым интересом, вертя головой из стороны в сторону, как будто на матче по теннису. Кумико пришлось напомнить себе, что никто, кроме нее, призрака не видит.

— Я хочу, чтобы ты его для меня покрутил. Причем так, чтобы он про это не знал.

Тик во все глаза уставился на нее. Вся левая половина его лица скривилась в одном гигантском подмигивании.

— Ну да, — насмешливо отозвался он, — не многого же ты хочешь, а?

— Хорошие деньги, Тик. Лучше не бывает.

— Ищешь что-то конкретное или нужно просто покопаться в грязном белье? Сдается мне, будто кто-то не знает, что это он заправляет всем здешним рэкетом. Не могу сказать, что мне бы хотелось, чтобы он застукал меня на базах данных своего дома…

— Но опять же деньги, Тик. Два очень быстрых подмигивания.

— Роджер выкручивает мне руки, Тик. А кто-то давит на Роджера. Я не знаю, что у них на него есть, на это мне, в сущности, наплевать. Но того, что у него есть на меня, хватит с лихвой. Подключись к линии входящих-исходящих сообщений, в общем, посмотри рутинный трафик. Он с кем-то связывается, поскольку условия сделки все время меняются.

— А как я это узнаю, если увижу?

— Просто посмотри, Тик. Сделай это для меня. Опять конвульсивное подмигивание.

— Идет, попробуем его крутануть. — Он нервно побарабанил пальцами по краю стола. — Поставишь выпивку?

Колин поглядел через стол на Кумико и театрально закатил глаза.

— Я не понимаю, — говорила Кумико, торопясь за Салли по Портобелло-роуд обратно. — Ты втянула меня в какую-то свою

интригу…

Салли подняла от ветра воротник.

— Я ведь могу тебя предать. Ты устраиваешь заговор против партнера моего отца. У тебя нет никаких причин доверять мне.

— Как и у тебя доверять мне, котенок. А вдруг я одна из тех нехороших личностей, что доставляют столько хлопот твоему отцу?

Кумико задумалась над такой возможностью.

— Это правда?

— Нет. А вот если ты шпион Суэйна, значит, у него в последнее время завелось гораздо больше причуд, чем я думала. Ну а если ты шпионишь для своего старика, то, может, мне и не нужен Тик. Но если за всем этим стоят якудза, какой смысл использовать Роджера вслепую?

— Я не шпион.

— Так начинай становиться своим собственным шпионом. Если в Токио жарко, как на сковородке, то здесь ты, пожалуй, угодила в самое пекло.

— Но к чему замешивать меня?

— Ты и так замешана. Ты же здесь. Боишься?

— Нет, — ответила Кумико и замолчала, задумавшись, с чего бы этому быть правдой.

Позже вечером в одиночестве зеркальной мансарды Кумико присела на край огромной кровати. Стянула промокшие башмаки, потом вынула из сумочки модуль "Маас-Неотек".

— Кто они такие? — спросила она у призрака, который взгромоздился на парапет черной мраморной ванны.

— Твои приятели из паба?

— Да.

— Уголовники. Что до меня, то я посоветовал бы тебе водиться с более приличными людьми. Женщина — иностранка. Из Северной Америки. Мужчина — лондонец. Ист-Энд. Судя по всему, вор. Крадет информацию. К сожалению, я могу войти в архивы полиции, только когда дело касается преступлений, представляющих интерес с исторической точки зрения.

— Я не знаю, что мне делать…

— Переверни модуль.

— Что?

— Посмотри на задней крышке. Там есть бороздка в форме полумесяца. Вставь в нее ноготь большого пальца и поверни.."

Открылся крохотный люк. Микропереключатели.

— Переставь рычаг A/B на B. Воспользуйся чем-нибудь тонким и острым, но только не "биро"[14].

— Что?

— Не ручкой. Чернила и пыль забивают схемы. Зубочистка подошла бы идеально. Это переставит модуль на активируемую голосом запись.

— А потом?

— Спрячь модуль внизу. Новости мы прослушаем завтра…

6. УТРЕННИЙ СВЕТ

Слик провел ночь на куске промятого темперлона под верстаком в цеху Фабрики, завернувшись в шуршащий лист упаковки. От пластика пахло свободными мономерами. Слику снились Малыш Африка и его тачка, причем во сне эти двое сливались, и зубы во рту у Малыша почему-то превращались в блестящие хромированные черепа.

Он проснулся от резкого ветра, заносящего первый зимний снежок в пустые проемы фабричных окон.

Слик лежал и думал о циркульной пиле для Судьи: почему всякий раз, когда требуется разрезать что-то плотнее фанеры, запястье норовит выйти из строя? Первоначально он планировал оснастить руку пятью самостоятельными пальцами на шарнирах. Каждый из пальцев должен был оканчиваться миниатюрной электропилой, но эта концепция впала в немилость по целому ряду причин. Электричество… ну как-то не удовлетворяло, было недостаточно физическим, что ли. Может, стоило сделать ставку на воздух, большие резервуары сжатого воздуха или внутреннее сгорание, если удастся подобрать запчасти. Впрочем, если копаться достаточно долго, на Собачьей Пустоши можно отыскать детали практически ко всему, а нет — под рукой с полдюжины городов Джерсийского Ржавого Пояса с целыми акрами мертвых механизмов — собирай, сколько хочешь.

Он выполз из-под верстака, за ним, как мантия, потянулось прозрачное пузырчатое одеяло. Слик вспомнил о мужике на носилках, который теперь лежал в его комнате, и о спавшей в его кровати Черри. У нее-то, наверное, не затекла шея. Поморщившись, Слик потянулся.

Скоро вернется Джентри. Придется как-то с ним объясняться — и это притом, что Джентри терпеть не может, когда рядом люди.

В закутке, служившем на Фабрике кухней, Пташка варил кофе. Пол здесь был выложен коробящимися полосами пластмассовой плитки, и вдоль стены шел ряд тусклых стальных раковин. Под порывами ветра брезент в окне то надувался, то опадал, пропуская молочный свет, отчего комната казалась еще холоднее.

— Как у нас с водой? — спросил Слик, входя на кухню.

В обязанности Пташки входило проверять по утрам резервуары на крыше, вылавливать из них листья и случайные трупы ворон. Потом он шел осматривать сифоны на фильтрах, впускал галлонов десять свежей воды, если вода подходила к

концу. На фильтровку и подачу этих десяти галлонов по системе многочисленных труб до резервуаров коллекторов уходила большая часть дня. То, что Пташка покорно занимался всем этим, было главной причиной, по которой Джентри его терпел. Впрочем, делала свое дело и крайняя пугливость парнишки. Пташка неплохо овладел искусством становиться совершенно невидимым, когда это касалось Джентри.

— Под завязку, — ответил Пташка.

— Можно как-нибудь принять душ? — спросила Черри со своего насеста на старой стиролоновой раме. Под глазами у нее залегли темные тени, как будто она не спала всю ночь, но болячку она скрыла под слоем косметики.

— Нет, — сказал Слик, — нельзя. Во всяком случае, в это время года.

— Так я и думала, — мрачно ответила Черри, сгорбившись под своей коллекцией кожаных курток.

Слик плеснул себе остатки кофе и встал перед девушкой, глотая горячее питье.

— У тебя проблемы? — спросила она.

— Да. Ты и тот парень наверху. Кстати, а что ты тут делаешь? Ты ведь при деле или как?

Из кармана самой верхней куртки девушка извлекла черный бипер — приемник телеметрического сигнала.

— Как только что-то изменится, он запищит.

— Хорошо спала?

— Нормально.

— А вот я — нет. Ты давно работаешь на Африку, Черри?

— С неделю.

— Ты правда медтех?

Она пожала плечами. Где-то под куртками.

— Достаточно, чтобы присматривать за Графом.

— Графом?

— Да. Графом. Малыш его так однажды назвал.

Пташка поежился. Он еще не успел обработать хайр своими любимыми парикмахерскими штучками, так что волосы в беспорядке торчали во все стороны.

— А что, если он вампир? — предположил Пташка.

— Шутишь? — Черри изумленно уставилась на него.

Широко раскрыв глаза, Пташка серьезно покачал головой.

Черри перевела взгляд на Слика:

— Твой друг что, играет по полной деке?

— Никаких вампиров. — Слик обернулся к Пташке. — Их не бывает, понимаешь? Только в стимах. Этот парень не вампир, понял?

Пташка медленно кивнув Слик его, похоже, не убедил. Ветер хлопал пластиковыми занавесями, играя с молочным светом.

Слик попробовал было заняться Судьей, но Пташка снова куда-то исчез, и все время мешали мысли о парне на носилках. К тому же становилось слишком холодно. Придется опять делать отводку с крыши, отыскивать обогреватели. Что предвещало очередной спор с Джентри по поводу электричества. Ток принадлежал Джентри, поскольку только он знал, как выцарапать его у Ядерной Комиссии.

Шла третья зима пребывания Слика на Фабрике, но когда он нашел это место, Джентри жил здесь уже четыре года. После того как они привели в порядок чердак, Слику досталась та комната, куда он поместил Черри и парня, которого, если верить Черри, Малыш называл Графом. Джентри настаивал на том, что Фабрика принадлежит ему, потому что он пришел сюда первым и подвел электричество так, чтобы об этом не знала Комиссия. Но Слик делал на Фабрике множество дел, которые Джентри не желал делать сам. Например, добывал продукты. Или если случится серьезная авария, если закоротит провода или засорятся фильтры — именно у Слика были нужные инструменты и он делал весь ремонт.

Джентри не любил людей. Последнее время он дни напролет проводил со своими деками, периферией и голо-проекторами, и наружу его выгонял только голод. Слик не понимал, чего именно добивается Джентри, но завидовал такой одержимости. Никто не докапывался до Джентри. Малыш Африка ни за что не докопался бы до него, потому что Джентри не понесло бы в Атлантик-Сити и он не вляпался бы в дерьмо и в долги к Малышу Африке.

Слик вошел в свою комнату без стука. Черри обмывала грудь парня губкой. На руках у нее были белые одноразовые перчатки. Из той комнаты, где готовили еду, она принесла газовую плитку и теперь грела воду в стальном бачке смесителя.

Он заставил себя посмотреть на синюшное лицо на носилках; дряблые губы раскрыты ровно настолько, чтобы были видны желтые зубы курильщика. Лицо улицы, лицо толпы, такое можно встретить в любом баре.

Черри подняла глаза на Слика.

Слик присел на край кровати, а девушка тем временем расстегнула спальный мешок и, развернув его наподобие простыни, подвернула под темперлон.

— Есть разговор, Черри. Надо с этим что-то решать, понимаешь?

Она выжала губку над миской.

— Как ты связалась с Малышом Африкой? Она опустила

губку в "зиплок"[15] и убрала пакет в черную нейлоновую сумку из ховера Малыша. Глядя на нее, Слик вдруг понял: в том, что она делает, нет ни одного лишнего движения, похоже, ей даже не приходится задумываться, что делать дальше.

— Ты "У Моби Джейн" знаешь?

— Нет.

— Придорожный дансинг с мотелем на центральной трассе. Мой друг был там управляющим, крутил их дела уже с месяц до того, как я к нему перебралась. Моби Джейн — это просто здоровенная туша; торчит в задней комнате клуба в своей цистерне, как поплавок, а в вену ей капает четверной кокс — с души воротит. Так вот, я и говорю, приехала я туда со своим дружком Спенсером, тем самым управляющим, потому что у меня были неприятности с моим дипломом в Кливленде и я не могла тогда работать…

— Какие неприятности?

— Обычные. Ты хочешь дослушать или нет? Так вот, Спенсер пустил меня, как бы закрыв глаза на состояние владелицы, ясно? Последнее, чего бы мне хотелось, это чтобы кто-нибудь прознал про мой диплом медтеха. Иначе меня тут же заставили бы менять фильтры и накачивать суперчистым кокаином двухсоткилограммовую тушу галлюцинирующей психопатки. Так что меня поставили обслуживать столы, разносить пиво и все такое. Ладно, это меня устраивало. Музыка у них была неплохая. Вообще-то, местечко жаркое, но все было в порядке, потому что все знали, что я со Спенсером. Но однажды я просыпаюсь, а Спенсера нет. Потом выясняется, он исчез с их деньгами.

Не переставая рассказывать, она вытирала грудь "спящего" толстым комом впитывающего волокна.

— Сперва они меня немного побили. Ногами. — Подняв на Слика глаза, Черри пожала плечами. — А потом сказали, что сделают со мной дальше. Скрутят мне руки за спиной и посадят в цистерну к Моби Джейн, потом запустят ее капельницу на всю катушку, а ей скажут, что мой дружок ее обокрал… — Она бросила сырой ком в таз. — И вот они закрыли меня в клозете, чтобы дать поразмыслить над ситуацией перед самим спектаклем. Вдруг дверь открывается, и на пороге — Малыш Африка. До тех пор я его никогда раньше не видела. "Мисс Честерфилд, — говорит он, — у меня есть причины считать, что до последнего времени вы были зарегистрированным медицинским техником".

— То есть он предложил тебе работу?

— Предложил? Черта с два! Он просто проверил мои бумаги и увез меня оттуда. Вокруг мотеля не было ни души, и это в воскресный вечер. Вывел меня на стоянку, где нас ждали этот вот

ховер с черепами по переду и двое больших черных парней. Да я, черт побери, была готова на все, только бы подальше от этой цистерны.

— А наш друг уже был в кузове?

— Нет. — Она стягивала перчатки. — Африка приказал мне отвести ховер обратно в Кливленд, куда-то на окраину. Дома большие и старые, а газоны все вытоптаны. Африка направился к тому, где было полно охраны, думаю, к своему собственному. Вот этот, — она подоткнула синий спальный мешок под подбородок неизвестного, — лежал в спальне. Мне было сказано начинать немедленно. Африка сказал, что хорошо заплатит.

— И ты знала, что он привезет тебя сюда, на Пустошь?

— Нет. По-моему, он сам этого не знал. Что-то стряслось. Он ввалился на следующий день и сказал, что мы уезжаем. Похоже, его что-то напугало до чертиков. Вот тогда он и назвал его Графом. Потому что был зол и, думаю, перепуган. "Граф и его треклятый "Эл-Эф"", — так сказал он.

— Его что?

– "Эл-Эф". "НД". "Низкочастотник"[16].

— Что это?

— Наверное, вот это. — Она указала на ничем не примечательную серую пластину, установленную в изголовье носилок.

7. ТАМ НЕТ ТАМ

Она представила себе, что Свифт уже ждет ее на веранде, в твиде, которому он отдавал предпочтение лос-анджелесской зимой: пиджак и жилетка так же сочетаются друг с другом по цвету, как селедочная кость с собачьим клыком. Хотя, наверное, ткань их соткана из шерсти одной и той же овцы, годами пасущейся на одном и том же склоне холма. И весь имидж от начала и до конца срежиссирован командой визажистов, скрывающейся в комнатке над одним лондонским магазинчиком на Флорал-стрит, где она никогда не бывала. Они подбирали ему полосатые рубашки, хлопок покупали в Париже у "Шарве"; они создавали его галстуки, заказывая шелк для них в Осаке — и чтобы обязательно с вышитой вязью из крохотных логотипов "Сенснета". И все же почему-то он всегда выглядел так, как будто его одевала мамочка.

Веранда пуста. "Дорнье" повисел над ней, потом скользнул к своему гнезду. Ощущение Маман Бригитты все еще не покидало Энджи.

Пройдя в белую кухню, Энджи отскребла с лица и рук запекшуюся кровь. Когда она вошла в гостиную, у нее возникло такое чувство, будто она видит это место впервые. Крашеный пол, позолота на рамах, гобеленовая обивка стульев эпохи Людовика XVI, театральным задником — кубистский пейзаж Вальмье. Как и гардероб Хилтона, интерьер был создан талантливыми, но чужими людьми. Когда она шла к винтовой лестнице, от ее ботинок тянулись дорожки мокрого песка.

За то время, что хозяйка провела в клинике, тут явно побывал Келли Хикмен, ее костюмер: рабочий багаж оказался аккуратно расставлен в хозяйской спальне. Девять плоских, будто для винтовок, футляров от "Эрме" — гладкие прямоугольники похожи на гробы из начищенного чепрака. Одежду никогда не складывали, каждый костюм или платье распластаны на постели между слоями шелковистой бумаги.

Энджи остановилась в дверях, глядя на пустую постель, на девять гробов из кожи.

Войдя в ванную (стеклянный блок и белая мозаичная плитка) и заперев за собой дверь, она стала открывать одну за другой дверцы туалетных шкафчиков, не обращая внимания на ровные ряды нераспечатанных склянок с притираниями и кремами, на упаковки патентованных лекарств. Движок нашелся в третьем по счету шкафу рядом с пузырчатым листком дермов. Энджи даже чуть наклонилась, чтобы получше рассмотреть серую упаковку с

японской надписью, боясь поначалу даже к ней прикоснуться. Движок выглядел новым, не пользованным. Энджи была почти уверена, что сама не покупала эту машинку[17], не прятала ее в шкаф. Вынув пакет из кармана парки, она принялась изучать его, раз за разом поворачивая меж пальцев, наблюдая, как в своих запаянных отделениях пересыпаются отмеренные дозы лиловой пыли.

Она увидела, как опускает пакетик на край белой мраморной раковины и, выдавив прозрачный дерм из ячейки, вставляет его в движок и заносит движок над наркотиком. Красная вспышка диода — это машинка всосала дозу. Потом Энджи видит свои руки: вот они снимают дерм, и тот, как белая пластиковая пиявка, чуть покачивается на кончике правого указательного пальца. Внутренняя поверхность дерма блестит крохотными капельками ДМСО[18].

Энджи поворачивается, делает три шага до туалета и роняет невскрытый пакет в унитаз. Тот всплывает, как миниатюрная баржа, наркотик по-прежнему совершенно сух. Абсолютно… Дрожащими руками она отыскивает пилку для ногтей и опускается на колени на белый кафель… Закрыть глаза, чтобы не видеть, как одна рука придерживает пакетик, в то время как другая вонзает острие пилки в шов, поворачивает… Пилка со звоном падает на пол, Энджи нажимает на спуск — и две половинки пустого теперь пакета исчезают. Несколько минут она отдыхает, прижавшись лбом к холодной эмали, потом заставляет себя встать и подойти к раковине, чтобы тщательно отмыть руки.

Потому что так хочется — только теперь она понимает как — облизать пальцы.

Позже, уже в серых сумерках, она отыскала в гараже транспортировочный контейнер из рифленой пластмассы, отнесла его наверх в спальню и стала упаковывать оставшиеся от Бобби вещи. Их было немного: кожаные джинсы — зачем он их купил, если они ему не нравились? — несколько рубашек, которые он не то собирался выбросить, не то просто забыл, и в нижнем ящике тикового бюро — киберпространственная дека. Это был "Оно-Сендаи" — скорее игрушка, чем рабочий инструмент. Дека лежала посреди путаницы черных проводов, наборов дешевых стим-тродов и заляпанного чем-то жирным тюбика проводящей пасты.

Энджи вспомнила ту деку, которой обычно пользовался Бобби, ту, которую он увез с собой, — серую заводскую "хосаку" с немаркированной клавиатурой. Дека профессионального ковбоя. Он настаивал, чтобы она была с ним повсюду, хотя это и причиняло множество неприятностей на таможне. Зачем,

удивилась она, он купил "Оно-Сендаи"? И почему бросил ее? Энджи сидела на краешке кровати. Вынув деку из ящика, положила ее себе на колени.

Давным-давно, еще в Аризоне, отец предостерегал дочь, советовал ей не подключаться к матрице. "Тебе это не нужно", — говорил он. Она и не подключалась, поскольку киберпространство просто ей снилось, как будто переплетение неоновых линий матрицы всегда ждало за сомкнутыми веками.

"Там нет там". Этому учили детей, объясняя им, что такое киберпространство. Ей вспомнились лекции улыбающегося наставника в административном центре научного городка, вспомнились бегущие по экрану картинки: пилоты в огромных шлемах и неуклюжих с виду перчатках. Эта технология пусть и примитивного с точки зрения нейроэлектроники "виртуального мира" давала человеку более полный доступ к системам истребителя. Пара миниатюрных видеотерминалов накачивала пилотов генерируемым компьютером потоком боевых данных, перчатки вибротактильной обратной связи обеспечивали мир прикосновений, состоящий из рычагов и гашеток… С развитием технологии шлемы съеживались, видеотерминалы атрофировались…

Нагнувшись, Энджи подобрала набор тродов, встряхнула, высвобождая из клубка проводов.

Там нет там.

Расправив на лбу эластичную головную повязку, она установила троды на висках — один из самых характерных человеческих жестов, который ей так редко приходилось совершать. Потом нажала на кнопку тестирования батарей "Оно-Сендаи". Зеленый — значит, "вперед". Теперь активировать деку. И спальня исчезла за бесцветной стеной сенсорной статики. Ее голова наполнилась стремительным потоком белого шума.

Пальцы сами наугад отыскали второй переключатель — и Энджи катапультировало сквозь стену статики в суматошную, тесную беспредельность, абстрактную пустоту киберпространства. Вокруг нее трехмерной сеткой развернулась в бесконечность яркая решетка матрицы.

— Анджела, — сказал дом спокойным, но не терпящим возражений тоном, — на проводе Хилтон Свифт.

— Служебный канал? — Она ела печеную фасоль с тостами у стойки на кухне.

— Нет, — доверительно ответил дом.

— Измени тон, — приказала она с набитым фасолью ртом. — И добавь озабоченности.

— Мистер Свифт ждет, — нервно протараторил дом.

— Уже лучше, — сказала она, относя тарелку и миску в раковину. — Но я хочу что-нибудь поближе к настоящей истерике.

— Ты ответишь ему? — Голос задыхался от напряжения.

— Нет, — сказала она, — но голос оставь как есть, мне так нравится.

Она прошла в гостиную. "Раз, два… — считала она про себя, на каждый счет задерживая дыхание. — Двенадцать, тринадцать…"

— Анджела, — мягко проговорил дом, — на проводе Хилтон Свифт…

— На служебном канале, — послышался голос Свифта. Она с шумом выпустила воздух. — Ты знаешь, как я уважаю твою потребность побыть одной, но я очень о тебе беспокоюсь.

— Со мной все в порядке, Хилтон. У тебя нет причин волноваться. Пока.

— Ты споткнулась сегодня на пляже. Такое ощущение, что потеряла ориентировку. У тебя кровь шла из носа.

— Просто кровотечение.

— Мы бы хотели, чтобы ты прошла еще один осмотр…

— Великолепно.

— Ты сегодня входила в матрицу, Энджи. Мы засекли тебя в промышленном секторе СОБА.

— Так вот что это было.

— Хочешь об этом поговорить?

— Тут не о чем говорить. Просто валяла дурака. Но ведь ты все равно от меня не отвяжешься, да? Я упаковывала кое-какой хлам, оставшийся здесь от Бобби. Тебя бы это порадовало, Хилтон! Я нашла его деку и решила попробовать. Нажала пару клавиш и просто сидела, глядя по сторонам. Потом отключилась.

— Извини, Энджи.

— За что?

— За то, что потревожил тебя. Я сейчас отключусь.

— Хилтон, ты знаешь, где Бобби?

— Нет.

— Ты хочешь сказать, что служба безопасности "Сенснета" перестала за ним следить?

— Я говорю, что не знаю, Энджи. Это правда.

— Но ты мог бы выяснить, если бы захотел?

Снова пауза.

— Не знаю. Если бы и мог, то не уверен, что стал бы это делать.

— Спасибо. До свидания, Хилтон.

— До свидания, Энджи.

Той ночью она сидела в темноте, наблюдая за танцем блох на освещенном песке. Сидела и думала о Бригитте и ее предостережении, о наркотике в кармане парки и о движке в аптечке. Думала о киберпространстве и о том печальном тюремном ощущении, какое она испытала с "Оно-Сендаи", ощущении, таком далеком от свободы лоа. Думала о снах незнакомки, о свивающихся в лабиринт коридорах, о приглушенных тонах древнего ковра… Старик, голова из драгоценных камней, напряженное лицо с зеркалами вместо глаз… И голый, продуваемый ветрами пляж в темноте.

Другой пляж, не в Малибу.

И где-то в сумерках калифорнийского утра, за несколько часов до рассвета, среди коридоров, галерей, лиц, обрывков разговоров, которые она помнила лишь отчасти, проснувшись и увидев белый туман, окутавший окна хозяйской спальни, она вдруг поняла, что вырвала из сна что-то очень важное и унесла это важное с собой за границу яви.

Перекатившись на бок, порылась в ящике тумбочки. Нашла ручку "порше", подарок каких-то ассистентов, и нацарапала драгоценные буквы на глянцевой обложке итальянского журнала мод:

Т-Э

— Вызови Континьюити[19], — приказала она дому за третьей чашкой кофе.

— Здравствуй, Энджи, — сказал Континьюити.

— Была одна пленка с орбиты, мы засняли ее два года назад. Яхта бельгийца… — Она глотнула остывающий кофе. — Как называлось то место, куда он хотел меня отвезти? Робин тогда еще решил, что это дешевка.

— Фрисайд, — сказала экспертная система.

— Кто из наших там работал?

— Тэлли Ишэм записала на Фрисайде девять эпизодов.

— Для нее это была не дешевка?

— Это было пятнадцать лет назад. В то время Фрисайд был в моде.

— Достань для меня эти эпизоды.

— Сделано.

— Пока.

— До свидания, Энджи.

Континьюити писал книгу. Энджи об этом рассказал Робин Ланье. Она спросила, о чем книга. Не в том дело, ответил он. Книга закукливается в саму себя и постоянно мутирует. Континьюити пишет ее бесконечно. Она спросила "почему?", но Робин уже потерял интерес к разговору. Континьюити — ИскИн, а

ИскИны всегда делают что-нибудь подобное.

Обращение к Континьюити стоило ей звонка от Свифта.

— Энджи, что касается этого физического…

— Разве ты еще не составил расписание? Я хочу вернуться к работе. Сегодня утром я вызывала Континьюити. Подумываю о съемке нескольких эпизодов на орбите. Собираюсь просмотреть кое-что из того, что делала Тэлли. Может, возникнут какие-нибудь идеи.

Молчание. Ей хотелось рассмеяться. Не так просто лишить Свифта дара речи.

— Ты уверена? Это замечательно, Энджи, но ты действительно этого хочешь?

— Мне гораздо лучше, Хилтон. Я чувствую себя просто прекрасно. Каникулы закончены. Пусть приедет Порфир уложить мне волосы перед тем, как я покажусь на люди.

— Знаешь, Энджи, — сказал Свифт, — это осчастливит всех нас.

— Вызови Порфира. Составь программу осмотра. Coup-poudre. Кто, Хилтон? Может, ты сам? А ведь у него была такая возможность, подумалось ей полчаса спустя, когда она взад-вперед вышагивала по укутанной туманом веранде. Ее зависимость от наркотиков не. угрожала "Сенснету", поскольку никак не отражалась на "продукции". Ведь никаких побочных эффектов не было. В противном случае "Сенснет" ни за что бы не позволил ей даже попробовать. "Модельные наркотики, — думала она. — Уж сам-то моделист знает, что в них". И никогда ей не скажет, даже если удастся с ним как-то связаться, в чем она сомневалась. Предположим, размышляла она, ведя ладонью по шершавой ржавчине перил, что это был не моделист. Что кто-то другой смоделировал молекулу в своих собственных целях.

— Твой парикмахер, — сказал дом.

Она вошла внутрь.

Порфир ждал, задрапированный складками мягкого джерси — последняя новинка парижского сезона. Его лицо, гладкое и спокойное, как полированное черное дерево, при виде ее раскололось в радостной ухмылке.

— Мисси, — проворчал он, — ты выглядишь как самопальное дерьмо.

Энджи рассмеялась. С досадой хмыкнув, Порфир шагнул к ней, чтобы с наигранным отвращением запустить длинные пальцы в ее шевелюру.

— Мисси была дурной девочкой! Порфир говорил ей, что это ужасные пилюли!

Энджи пришлось запрокинуть голову — Порфир был очень

высок и, как она знала, невероятно силен. Этакая гончая на стероидах, как сказал про него однажды кто-то. Его безволосый череп являл Собой неизвестную в природе симметрию.

— Как ты? — спросил он уже совсем другим тоном, нарочитое брио[20] отключилось, как будто кто-то повернул выключатель.

— Прекрасно.

— Больно было?

— Да. Больно.

— Знаешь, — сказал он, легонько касаясь ее подбородка длинным пальцем, — никто никогда не понимал, что ты находишь в этом дерьме. Было такое впечатление, что оно даже улететь тебе не дает.

— И не должно было. Это вроде как ты одновременно и здесь и там, только не нужно…

— Что-то чувствовать?

— Да.

Он медленно кивнул.

— Тогда это был действительно дрянной кайф.

— Черт с ним, — ответила Энджи. — Я вернулась.

Снова ухмылка.

— Пойдем помоем тебе голову.

— Я только вчера ее мыла!

— Чем? Нет! Не говори мне! — Взмахами огромных ладоней Порфир погнал ее к лестнице.

В выложенной белой плиткой ванной парикмахер втер ей что-то в кожу головы.

— Ты в последнее время виделся с Робином? Порфир уже промывал ей волосы холодной водой.

— Миста Ланье сейчас в Лондоне, мисси. Миста Ланье и я не разговаривать друг с другом в настоящее время. Сядь прямо.

Он поднял спинку кресла и обернул вокруг ее шеи полотенце.

— Почему? — спросила она, настраиваясь выслушать последние слухи "Сенснета", что было у Порфира второй специальностью.

— Потому что, — ровным голосом сказал парикмахер, тщательно зачесывая ей волосы назад, — он наговорил всем гадостей о некой Анджеле Митчелл, пока та была на Ямайке, наводя порядок в своей маленькой головке.

Этого она никак не ожидала.

— Гадостей?..

— Чего он только не говорил, мисси. Порфир принялся подстригать ей волосы ножницами, это было одним из его профессиональных бзиков: Порфир неизменно отказывался от

лазерного карандаша, заявляя, что никогда к нему даже не прикоснется.

— Ты шутишь, Порфир?

— Нет. Мне бы он ничего такого не стал говорить, но Порфир многое слышит. Порфир всегда слышит. Он уехал в Лондон на следующее утро после того, как ты прибыла сюда.

— А что именно ты слышал?

— Что ты сошла с ума. Не важно, под кайфом или без него. Что ты слышишь всякие голоса. Что психиатры "Сенснета" об этом знают.

Голоса…

— Кто тебе это сказал? — Она попыталась повернуться в кресле.

— Не мотай головой. Вот так. — Он вернулся к работе. — Не могу сказать. Доверься мне.

После отъезда Порфира еще несколько раз звонили — это рвалась сказать "привет" её съемочная группа.

— Сегодня больше никаких звонков, — приказала она дому. — Эпизоды Тэлли я посмотрю наверху.

Отыскав в глубине морозильника бутылку "Короны", Энджи забрала ее с собой в спальню. Стиммодуль в тиковом изголовье кровати был снабжен студийными тродами. Когда она уезжала на Ямайку, таких тут еще не было. Техники "Сенснета" периодически обновляли оборудование в доме. Глотнув пива, она поставила бутылку на столик и прилегла с тродами на лбу.

— Поехали.

В дыхание Тэлли, в плоть Тэлли.

"Как я могла заменить тебя? — удивилась она, захваченная физическим существом бывшей звезды. — Приношу ли я людям такое же наслаждение?"

Тэлли-Энджи смотрит вниз в увитую виноградом пропасть, которая одновременно и бульвар, поднимает глаза вверх на опрокинутый горизонт, скользит взглядом по далеким теннисным кортам. Над головой — "солнце" Фрисайда, осевая нить ярчайшего накала…

— Перемотай вперед, — приказала она дому. В плавное сокращение мускулов и расплывчатое пятно бетона, где Тэлли заворачивает велосипед на велодроме с пониженной гравитацией…

— Перемотай вперед.

Сцена за обедом, натяжение бархатных бретелек на плечах, молодой человек напротив наклоняется через стол, чтобы подлить ей вина…

— Вперед.

Льняные простыни, рука между ее ног, пурпурные сумерки за стеклянной стеной, звук бегущей воды…

— Обратно. Ресторан. Красное вино льется в стакан…

— Еще чуть-чуть. Стоп. Здесь.

Глаза Тэлли сфокусированы на загорелом запястье парня, а не на бутылке.

— Мне нужна распечатка кадра, — сказала Эн-джи, снимая троды.

Она села и отхлебнула пива, вкус которого странно смешался с призрачным вкусом записанного на стим-пленку вина Тэлли.

Внизу мягко зажужжал принтер. Энджи заставила себя идти по ступенькам как можно медленнее, но когда она добралась до принтера в кухне, изображение ее разочаровало.

— Можешь это почистить? — спросила она у дома. — Я хочу прочитать этикетку на бутылке.

— Выравниваю изображение, — ответил дом, — поворачиваю цель на восемь градусов.

Принтер заработал, поползла новая картинка. Не успел он отстрекотать, а Энджи уже нашла свое сокровище, свою медаль за победу над сном, отпечатанную коричневыми чернилами: "Т-Э".

У них были даже собственные виноградники, подумала она.

"Тессье-Эшпул СА" — раскорячились по-паучьи буквы августейшего шрифта.

— Попались! — с вызовом прошептала она.

8. РАДИО "ТЕХАС"

Сквозь рваные дыры в пластике, которым они затягивали окно, Мона видела солнце. Слишком мерзкое место, чтобы тут оставаться, — особенно если просыпаешься или приходишь в себя после кайфа. А сейчас и то и другое.

Потихоньку выбравшись из постели, она поморщилась, когда ее пятка коснулась голого пола, и на ощупь нашла плетеные пластмассовые сандалии. Ну и грязная же это дыра! Стоит легонько прислониться к стене, и столбняк тебе уже обеспечен. От одной мысли об этом мурашки ползут по коже. А вот Эдди, похоже, это не волновало. Он настолько погрузился в свои аферы, что вообще ничего вокруг не замечал. И всегда ему удавалось каким-то образом держать себя в чистоте, как кошке. Он вообще был по-кошачьи чистоплотен — ни пятнышка грязи под полированными ногтями. Она уже давно догадывалась, что большая часть ее заработка уходит на его гардероб, впрочем, ей и в голову бы не пришло задавать какие-то вопросы. Ей было шестнадцать, звали ее Мона, у нее даже ГРЕХа не было, а один пожилой клиент ей как-то сказал, что есть такая песня "В шестнадцать лет и неГРЕХовна". Это означало, что Моне при рождении ГРЕХ — Государственную Регистрационную Характеристику — в файлы не записали и документ не выдали, так что она выросла за рамками почти всех официальных инстанций. Мона знала, что вроде бы можно обзавестись ГРЕХом, если у тебя его нет, но подразумевалось, что для этого придется идти в какое-то заведение и разговаривать там с каким-то пиджаком — а это было довольно далеко от представлений Моны о хорошем времяпрепровождении или даже о нормальном поведении.

Она давно уже обучилась одеваться в сквоте, могла бы проделать это и в темноте: надеваешь сандалии, предварительно постучав ими друг о друга, чтобы согнать все, что могло туда заползти, потом — в два шага — к окну, где, как известно, в корзине из стиролона лежит рулон старых факсов. Отматываешь с метр факса, скажем, день-полтора "Асахи Симбун", складываешь, разглаживаешь и кладешь на пол. Тогда на лист можно встать и дотянуться до стоящей рядом с корзиной пластиковой сумки, распутать связывающую ручки проволоку и найти нужную одежду. Вынимая ногу из сандалии, чтобы надеть трусы, уже знаешь, что ступишь на свежий факс; для Моны это стало догмой — знать, что ничто не заползет на факс за время, необходимое для того, чтобы натянуть джинсы. И снова сандалии.

Потом можно надеть футболку или еще что, старательно обмотать проволокой ручки сумки и убраться отсюда. Макияж, если требуется, — в коридоре снаружи, где у сломанного лифта сохранилось подобие зеркала с приклеенным над ним обрезком биофлюоресцентной ленты "Фудзи".

Этим утром у лифта стоял резкий запах мочи, так что Мона решила макияж опустить.

Здание как будто вечно пустовало, ни единой души вокруг, но временами из-за какой-нибудь запертой двери доносилась музыка или вдруг слышалось эхо шагов, только что завернувших за угол в дальнем конце коридора. Ну в этом был смысл — у Моны тоже не возникало особого желания встречаться с соседями.

Она спустилась на три пролета вниз, прямо в кромешную тьму подземного гаража. Чтобы отыскать выход на улицу, понадобилось всего шесть вспышек карманного фонарика, которые разбудили застоявшиеся лужи и свисающие плети мертвого оптокабеля. Вверх по бетонным ступеням и наконец наружу — в узкий проулок. Иногда, если ветер дул в нужную сторону, в проулок заносило запах пляжа, но сегодня тут пахло только помойкой. Над ней громоздилась стена сквота, так что надо пошевеливаться, пока какому-нибудь придурку не пришло в голову бросить в окно бутылку или же что похуже. Только выйдя на авеню, Мона сбавила шаг, но и то ненамного; карман ее жгли наличные, и Мону переполняли планы, как их потратить Совсем ни к чему, чтобы тебя обули, тем более сейчас, когда все идет к тому, что Эдди все же удастся выклянчить им обоим билет отсюда.

Она все колебалась, верить ей или не верить; ей очень хотелось сказать себе: да, дело верное, они практически уже уехали, — а с другой стороны, она уж знает, каковы они, эти "верные дела" Эдди. Разве не была Флорида одним из таких дел? Как тепло в этой Флориде, и какие там пляжи, и сколько там простаков с деньгами — самое место для небольших трудовых каникул, которые уже растянулись в самый долгий в Мониной жизни месяц. Ладно, во Флориде тепло, а если точнее, чертовски жарко, как в сауне. Пляжи, если они не частные, заражены какой-то дрянью, в неглубоких впадинах плавает брюхом вверх дохлая рыба. Возможно, на частных пляжах — картина та же, но только этих пляжей и не видно — заграждение из колючей проволоки и кругом охрана в шортах и полицейских рубашках. Эдди всякий раз распалялся при виде оружия, которое носили охранники, он не уставал описывать ей каждую пушку в отдельности — с доводящими до полного отупения деталями. Впрочем, у него у

самого пушки при себе не были, по крайней мере, Мона ничего такого не знала и считала, что это даже к лучшему. Иногда запах дохлой рыбы забивался другим, хлорным, который жег нёбо, — его приносило с фабрик, расположенных выше по побережью. Если здесь и встречались лохи, то это были те же клиенты, к тому же они не особо стремились платить вдвойне.

Пожалуй, единственное, что могло во Флориде нравиться, это наркотики: легко достать, дешевы и, по большей части, промышленной концентрации. Иногда Мона представляла себе, что запах хлорки — на самом деле запах миллиона лабораторий, варящих какое-то невероятное снадобье. Все эти маленькие молекулы бьют острыми хвостиками, так им невтерпеж попасть по назначению, выйти на улицу.

Свернув с авеню, она направилась вдоль лотков с едой — эти торговали без лицензий. От запаха пищи сводило желудок, но она не доверяла уличной кормежке — разве что в случае крайней необходимости. И потом, в пассаже полно мест, где возьмут наличные. Посреди заасфальтированного сквера, бывшего на самом деле автостоянкой, кто-то играл на трубе: рокочущее кубинское соло отражалось, возвращалось искореженным от бетонных стен, умирающие ноты терялись в утреннем гаме рынка. Уличный проповедник-евангелист вскинул руки над головой, в воздухе над ним этот жест скопировал блеклый, расплывчатый Иисус. Проектор помещался в ящике из-под мыла, на котором стоял проповедник, а за спиной у него висел потертый нейлоновый короб с батареями и парой динамиков, которые выступали над его плечами, как две безглазые хромированные головы. Евангелист нахмурился, глянул вверх на Иисуса и подкрутил что-то у себя на поясе. Иисус будто икнул, позеленел и исчез. Мона не смогла удержаться от смеха. Глаза проповедника полыхнули гневом господним, на грязной щеке задергались шрамы.

Мона повернула налево в ряды торговцев фруктами, выстраивающих пирамиду апельсинов и грейпфрутов на побитых металлических тележках. Вошла в низкое здание со сводчатым потолком, приютившее вдоль проходов постоянных своих обитателей — торговцев рыбой, фасованными продуктами, дешевыми хозяйственными мелочами; здесь же располагались десятки прилавков со всевозможной горячей пищей. Здесь, в тени, было чуть прохладнее и не так шумно. Она нашла вонтон с шестью свободными табуретами и села на один из них. Повар-китаец обратился к ней по-испански, она заказала, ткнув пальцем. Когда в пластиковой миске появился суп, Мона расплатилась самой маленькой из банкнот, а на сдачу получила восемь

засаленных картонных жетонов. Если Эдди не врет, если они действительно уезжают, она не сможет ими воспользоваться. Если же останутся во Флориде, она всегда сможет их потратить еще в каком-нибудь вонтоне. Мона покачала головой. Нужно уезжать, нужно. Толкнула истертые желтые кружочки назад через крашеный фанерный прилавок.

— Оставь себе.

Повар смахнул их под прилавок — невозмутимо и без всякого выражения; голубая пластмассовая зубочистка застыла в углу его рта.

Взяв из стакана на прилавке две палочки, Мона принялась вылавливать из миски змейки лапши. Из прохода за котлами и жаровнями китайца за ней наблюдал какой-то пиджак. Пиджак, пытающийся косить под кого-то другого: белая спортивная рубашка и солнечные очки. То, что это пиджак, было видно по тому, как он стоит. К тому же зубы слишком белые и прическа… ну разве что у этого была борода. Человек делал вид, что просто смотрит по сторонам, будто пришел за покупками, — руки в карманах, рот сложен — как ему кажется — в рассеянную улыбку. Он был симпатичный, этот пиджак, — во всяком случае, та часть его лица, что не скрывалась за очками и бородой. А вот улыбку симпатичной не назовешь. Она казалась какой-то прямоугольной и открывала почти все тридцать два зуба. Мона поерзала на стуле, чувствуя себя несколько неуютно. Платить наличными — это вполне законно, правда, делать это нужно по правилам — иметь налоговый чип и все такое. Внезапно она осознала, что в кармане у нее деньги. Мона сделала вид, что изучает лицензию на торговлю пищевыми продуктами, приклеенную пленкой к прилавку. Когда она снова подняла глаза, пиджак уже ушел.

На одежду ушло полсотни. Пришлось прошерстить все восемнадцать вешалок в четырех магазинах — все, что имелось в пассаже, — прежде чем на что-то решиться. Торговцам не нравилось, что она меряет столько вещей, но ведь денег, которые можно тратить, у нее сейчас было больше, чем вообще когда-либо. Покончив наконец с покупками, она обнаружила, что давно уже наступил полдень. Солнце Флориды поджаривало тротуар, когда она пересекла стоянку с двумя пластиковыми сумками в руках. Сумки, как и одежда, были подержанными: на одной напечатан фирменный знак обувного магазина в Гинзе, другая рекламировала аргентинские брикеты из переработанного криля. Мона шла и перетасовывала в уме покупки, выдумывая различные прикиды.

На противоположной стороне сквера евангелист открыл свое шоу, врубив запись на максимальную громкость и почему-то с

середины псалма — должно быть, разогревался до брызжущей слюной ярости, прежде чем включиться. Голографический Иисус тряс рукавами белого балахона и гневно жестикулировал небу, потом пассажу, потом снова и снова небу. Вознесение, говорил он. Вознесение грядет.

Чтобы не проходить еще раз мимо сумасшедшего проповедника, Мона свернула наугад в сторону и обнаружила, что бредет вдоль выгоревших на солнце карточных столов с разложенными на них дешевыми индонезийскими симстим-деками, бэушными кассетами, цветными "занозами" микрософтов, воткнутых в кубики из бледно-голубого стиролона. Над одним из столов был прилеплен постер с изображением Энджи Митчелл, такого Мона еще не видела. Остановившись, она уставилась на него голодным взглядом, впитывая сперва макияж и прикид звезды, потом стала рассматривать фон, пытаясь сообразить, где сделан снимок. Бессознательно погримасничала, подстраивая свое лицо под выражение лица Энджи. Не совсем улыбка. Что-то вроде полуусмешки, быть может, немного печальной. К Энджи Мона испытывала совсем особые чувства. Потому-что — и клиенты ей иногда говорили это — была на нее похожа. Как будто она ей сестра. Разве что нос другой — у Моны более курносый, — и у нее, у Энджи, нет этой несносной россыпи веснушек на щеках. Монина полуусмешка "под Энджи" стала шире, пока девушка рассматривала звезду, омытая красотой плаката, роскошью запечатленной на нем комнаты. Она решила, что это какой-нибудь замок. Вероятно, там и живет Энджи, конечно, в окружении бесчисленных слуг, которые о ней заботятся: кто-то же должен укладывать ей волосы и помогать с одеждой, потому что видно, что стены там сложены из больших валунов и у зеркал тяжелые рамы — сплошь золотые с листьями и ангелами. Возможно, надпись в нижней части постера и подсказала бы ей, что это за замок, но Мона не умела читать. Во всяком случае, никаких траханых тараканов там нет, в этом-то она была уверена, — и никакого Эдди тоже. Мона опустила взгляд на стим-деки и ненадолго задумалась, не спустить ли на один из этих аппаратов оставшиеся деньги. Но тогда у нее не хватит на кассеты, и к тому же эти деки такие старые, некоторые даже старше ее самой. Была еще какая-то — как ее там? — Тэлли; но она была звездой, когда Моне исполнилось всего лишь девять.

Когда она вернулась, Эдди ее уже ждал. Снял с окна пленку, напустив в комнату жужжащих мух. Эдди валялся на кровати, покуривая сигарету, а наблюдавший за ней в пассаже бородатый пиджак сидел на сломанном стуле, так и не сняв очки.

Прайор. Так он себя назвал, как будто имя у него отсутствует

вовсе. Как у Эдди — фамилия. Ну у нее у самой фамилии тоже нет, если не считать Лизы, но это скорее просто еще одно ее имя.

Пока он торчал в сквоте, ей никак не удавалось понять, что этот человек за птица. Мона подумала, что это, наверное, от того, что он англичанин. Впрочем, и пиджаком его назвать трудно, во всяком случае, настоящим пиджаком, за которого она приняла его в пассаже. И здесь он не просто так, что-то у него на уме, только пока неясно, что именно. Порой он не спускал с нее глаз, смотрел, как она упаковывает вещи в принесенную им голубую дорожную сумку с надписью "Люфтганза", но в его взгляде она не чувствовала никакого зуда, никакого намека на то, что он ее хочет. Он просто за ней наблюдал, постукивая солнечными очками по колену, смотрел, как курит Эдди, слушал его брехню и говорил не больше, чем требовалось. Когда он говорил, обычно это было что-то смешное, но Мону сбивало с толку то, как он это делал: не понять, когда он шутит, а когда нет.

Мона собирала вещи, а в голове была такая легкость, как будто она дохнула стимулятора, но полный кайф еще не пришел. Мухи трахались на окне, ритмично ударяясь о пыльное стекло, но ей было плевать. Уехала, она уже уехала!

Застегнуть молнию на сумке.

К тому времени, когда они добрались до аэропорта, пошел дождь — дождь Флориды, мочащийся теплой водой из ниоткуда. Раньше она никогда не бывала в аэропортах, знала их лишь по стимам.

Машина Прайора, взятый напрокат белый "датсун", была без водителя и всю дорогу оглашала салон заводной музыкой из квадратных динамиков. Высадив их вместе с багажом на голый бетон возле выхода на посадку, она укатила в дождь. Если у Прайора и была дорожная сумка, то где-то в другом месте. У Моны на плече висела ее "Люфтганза", а Эдди стоял возле двух черных чемоданов из кожи клонированных крокодилов.

Одергивая на бедрах новую юбку, Мона думала, удачные ли она купила туфли. Эдди явно наслаждался собой — руки в брюки, плечи приподняты, чтобы показать, что он занят чем-то важным.

Ей вспомнилось, как она впервые увидела его в Кливленде. Он тогда приехал к ним на окраину посмотреть тачку, которую продавал старик, до основания проржавевшую трехколесную "шкоду". Старик выращивал сомов в бетонных чанах, окружавших их грязный двор. Когда появился Эдди, Мона была в доме — в длинном просторном трейлере с высоким потолком, водруженном на бетонные блоки. В одной из боковин трейлера прорезали окна — прямоугольные дыры, заделанные поцарапанным пластиком. Она стояла у плиты, над которой

витал запах помидоров и лука, подвешенных в сетках сушиться, когда почувствовала его присутствие в дальнем конце комнаты, почувствовала мускулы и широкие плечи, его белые зубы, черную-нейлоновую кепку, которую он неуверенно комкал в руке. В окна било солнце, освещая голую убогую комнату, пол выметен, как заставлял ее это делать старик… но это было как надвигающаяся тень, кровавая тень, когда она услышала биение собственного сердца… а он подходил все ближе. Вот, проходя мимо, швырнул кепку на голый откидной стол, уже не робко, а так, как будто жил здесь всегда, и прямо к ней, проведя рукой с ярким кольцом на пальце по масленой тяжести волос… Тут вошел старик, и Мона отвернулась, делая вид, что занята чем-то у плиты. "Кофе", — бросил старик, и Мона пошла за водой — наполнить эмалированную кастрюлю из отводной трубы с крыши; вода булькала, стекая сквозь угольно-черный фильтр. Эдди со стариком сидели у стола, пили черный кофе, ноги Эдди широко расставлены под столом, колени напряжены под выцветшей джинсовой тканью. Улыбался, жестикулировал, торговал у старика "шкоду". Мона вспоминала, как он все гнул свою линию. Он, мол, берет тачку, если у старика есть на нее лицензия. Старик встает, роется в ящиках. Глаза Эдди снова нацелены на нее. Она вышла за ними во двор и смотрела, как он усаживается в потрескавшееся виниловое седло. Выстрел из выхлопной трубы вызвал бешеный лай черных собак старика. Едкий, сладковатый запах выхлопных газов от дешевого спирта, и рама дрожит между его ног.

Мона смотрела, как он позирует между двумя чемоданами. Как же сложно совместить эту сегодняшнюю картинку с тем, почему на следующий день она уехала вместе с ним в Кливленд на той самой "шкоде". У "шкоды" было маленькое встроенное радио, которое на ходу заглушал мотор, но его можно было слушать тихонько ночью в поле возле дороги. Настройка не работала, так что приемник ловил всего одну станцию — призрачную музыку с какой-то одинокой вышки в Техасе. Стил-гитара то звенела, то растворялась в ночи. А она чувствовала свою влагу, прижимаясь к его ноге, и жесткую сухую траву, которая щекотала ей шею.

Прайор поставил ее голубую сумку в белый вагончик с полосатой крышей. Мона полезла следом, слыша слабые испанские голоса из наушников кубинца-водителя. Потом Эдди запихнул ей под ноги свои чемоданы, и они с Прайором тоже сели. И покатили к взлетной полосе сквозь стену дождя.

Самолет оказался совсем не таким, какие она знала по стимам, изнутри он совсем не походил на длинный роскошный

автобус с рядами кресел по сторонам. Самолет был маленький, с заостренными хрупкими крыльями и такими окошками, что казалось, будто машина все время косит глазами.

Поднявшись по металлической лестнице, Мона попала в округлое помещение с четырьмя креслами и однообразным серым ковром повсюду: и на потолке, и на стенах тоже, — все чистое, холодное и отчужденно серое. За ней вошел Эдди и сел с таким видом, будто ежедневно это проделывал, — распустив галстук и вытянув ноги. Прайор нажимал кнопки у двери. Дверь со вздохом закрылась.

Мона взглянула в узкое, в каплях воды окошко на огни взлетной полосы, отражавшиеся в мокром бетоне.

"А сюда ехали на поезде, — подумала она, — от Нью-Йорка до Атланты, потом пересадка".

Самолет задрожал. Ей послышалось, как, оживая, что-то проскрипел фюзеляж.

Пару часов спустя Мона ненадолго проснулась в затемненной кабине, — оказывается, заснула, убаюканная протяжным гулом реактивного двигателя. Эдди спал, полуоткрыв рот. Возможно, Прайор спал тоже, а может, он просто сидел с закрытыми глазами — она не знала.

На полпути в сон, который на, следующее утро она уже не смогла вспомнить, ей почудились звуки того техасского радио — тающие стальные струны, вибрирующие, словно боль.

9. ЛЕЧЬ НА ДНО

Джубили и Бакерлоо, Сёркл и Дистрикт. Кумико рассматривала маленькую глянцевую карту Лондона, которую дал ей Петал, и зябко ежилась. Холод, исходивший от бетона платформы, проникал даже сквозь подошвы ботинок.

— И старая же она, черт побери, — рассеянно сказала Салли Шире.

В ее линзах отражалась закругляющаяся к потолку стена в чехле из белой керамической плитки.

— Прошу прощения?

– "Труба"…

Новый клетчатый шарф был завязан у Салли под подбородком, и с каждым следующим словом изо рта у нее белым облачком вылетал пар.

— Знаешь, что меня мучает? То, как иногда прямо у тебя на глазах на станции наклеивают новый слой плитки, не сняв сперва старую, или просверливают дыру в стене, чтобы провести какие-нибудь провода. Тогда видишь все эти наслоения плитки…

— Да?

— Но ведь станции все сужаются и сужаются, так? Это как сужение вен…

— Да, — с сомнением сказала Кумико, — я понимаю… Салли, а мальчики вон там… Что означают их костюмы?

— Это Джеки. Их еще называют Джеки Дракулы.

Четверо Джеков Дракул нахохлились, как вороны, на противоположной платформе. На них были неприметные черные дождевики и начищенные армейские ботинки со шнуровкой до колен. Один из них повернулся, обращаясь к другому, и Кумико увидела, что волосы у него стянуты назад и заплетены в косичку, перевязанную маленьким черным бантом.

— Повесили его, — сказала Салли, — после войны. /

— Кого?

— Джека Дракулу. После войны здесь одно время практиковали публичные казни. От Джеков тебе лучше держаться подальше. Ненавидят любых иностранцев…

Кумико с радостью вызвала бы Колина, но модуль "Маас-Неотек" был запрятан за мраморным бюстом в той комнате, куда Петал подавал еду, а тут еще подошел поезд, ошарашив ее архаичным перестуком колес по стальным рельсам.

Салли Ширс — на фоне залатанной изнанки городской архитектуры, в ее стеклах отражается путаница лондонских улиц и переулков, помеченных в каждую эпоху экономикой, пожарами,

войнами…

Кумико, уже совершенно запутавшись, где они, собственно, находятся после их с Салли трех поспешных и, на первый взгляд, совершенно случайных пересадок, безропотно позволяла тянуть себя из такси в такси. Они выскакивали из одной машины, ныряли в двери ближайшего универмага, чтобы воспользоваться первым попавшимся выходом на другую улицу и сесть в другое такси.

– "Хэрродз"[21], — сказала Салли, когда они поспешно пересекали богато украшенный зал, высокий потолок которого подпирали колонны из белого мрамора. Кумико щурилась на толстые красные ломти вырезки и бараньи ноги, разложенные на многоярусных мраморных прилавках, предполагая, что все это пластиковые муляжи. Потом — снова на улицу. Салли подзывает очередное такси.

– "Ковент-Гарден"[22], — бросает она шоферу.

— Прости, Салли, но что мы делаем?

— Заметаем следы. Теряемся. >

Салли пила горячий бренди на веранде крохотного кафе под припорошенной снегом стеклянной крышей. Кумико пила шоколад.

— Мы потерялись, Салли?

— Да уж. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Кумико подумала, что сегодня Салли выглядит старше: возле губ залегли морщинки усталости или напряжения.

— Салли, а чем именно ты занимаешься? Твой друг спрашивал, по-прежнему ли ты отошла от дел?..

— Я — деловая женщина.

— А мой отец? Он — деловой человек?

— Твой отец — самый настоящий бизнесмен, котенок. Нет, не такой, как я. Я вольный стрелок. В основном вкладываю деньги.

— А во что ты вкладываешь?

— В таких же, как я, — пожала она плечами. — Тебя что, разбирает сегодня любопытство? — Она отпила еще глоток.

— Ты советовала мне стать своим собственным шпионом.

— Хороший совет. Однако требует некоторой ловкости и умелого применения.

— Ты здесь живешь, Салли? В Лондоне?

— Путешествую.

— А Суэйн, он тоже вольный стрелок?

— Это он так думает. Он под чьим-то крылом, к тому же держит нос по ветру. Здесь это необходимо для дела, но лично мне действует на нервы. — Она допила бренди и облизнула губы. Кумико поежилась. — Тебе не стоит бояться Суэйна. Янака смог

бы съесть его на завтрак…

— Нет, я подумала о тех мальчишках в подземке. Такие худые…

— Дракулы.

— Банда?

— Бозоцоку, — сказала Салли с вполне сносным произношением. — "Кочевые племена", так? Ну, во всяком случае, что-то вроде племени. — Слово было не совсем подходящее, но Кумико решила, что уловила суть. — А худые они потому, что бедные. — Салли жестом подозвала официанта, чтобы заказать еще бренди.

— Салли, — сказала Кумико, — когда мы добирались сюда, наш маршрут, все эти поезда и такси, — это для того, чтобы убедиться, что за нами никто не следует?

— Ни в чем нельзя быть уверенным.

— Но когда мы ходили на встречу с Тиком, ты не предпринимала никаких предосторожностей. За нами без труда мог бы кто-то идти. Ты нанимаешь Тика шпионить за Суэйном и делаешь это совершенно открыто. А потом столько предосторожностей, чтобы привести меня сюда. Почему?

Официант поставил перед Салли дымящийся стакан.

— А ты зоркий маленький котенок, ведь правда? — Подавшись вперед, она вдохнула пар бренди. — Просто так, идет? В случае с Тиком я просто пыталась встряхнуть кой-кого, вызвать какую-нибудь реакцию.

— Но Тик беспокоился, как бы Суэйн его не обнаружил.

— Стоит Суэйну узнать, что Тик работает на меня, и он его не тронет.

— Почему?

— Потому что знает, что я могу его убить. — Она подняла стакан; вид у нее сделался вдруг счастливый.

— Убить Суэйна?

— Вот именно. — Салли выпила, будто подняла тост.

— Тогда почему ты так осторожна сегодня?

— Потому что приятно почувствовать, что стряхнула с себя все это, вырвалась из-под колпака. Вполне вероятно, что нам это не удалось. А может, и удалось. Может, никто, вообще ни один человек не знает, где мы. Приятное чувство, а? Тебе никогда не приходило в голову, что ты, возможно, чем-то напичкана? Предположим, твой отец, предводитель якудза, приказал вживить в тебя крохотного "жучка", чтобы раз и навсегда получить возможность проследить, где его дочь. У тебя такие чудные маленькие зубки. Что, если папочкин дантист спрятал в одном из них немного "железа", пока ты была в стиме? Ты ведь ходишь к

зубному?

— Да.

— Смотришь стим, пока он работает?

— Да…

— Вот видишь. Возможно, он прямо сейчас нас слушает…

Кумико чуть не опрокинула на себя шоколад.

— Эй. — Полированные ногти постучали по запястью Кумико. — Об этом не беспокойся. Он бы так тебя не послал, я имею в виду, с "жучком". Это бы и его врагам дало возможность тебя выследить. Но теперь понимаешь, что я хотела сказать? Приятно выбраться из-под колпака или, во всяком случае, попытаться. Просто побыть самой собой, так?

— Да, — сказала Кумико. Сердце продолжало глухо стучать где-то в горле, а паника все росла. — Он убил мою мать, — вырвалось у нее, и вслед за словами на серый мраморный пол кафе устремился только что выпитый шоколад.

Салли ведет ее мимо колонн собора Святого Павла, идет не спеша, молчит. Кумико, в бессвязном оцепенении от стыда, улавливает, регистрирует отрывочную информацию: белая цигейка на отворотах кожаной куртки Салли; масляная радужная пленка на оперенье голубя — вот он заковылял прочь, уступая им дорогу; красные автобусы, похожие на гигантские игрушки из Музея Транспорта. Салли согревает ей руки о пластиковую чашку дымящегося чая.

Холодно, теперь всегда будет холодно. Мерзлая сырость в древних костях города, холодные воды Сумиды, наполнившие легкие матери, зябкий полет неоновых журавлей.

Ее мать была хрупкой и смуглой, в густой водопад темных волос вплетались золотистые пряди — как какое-нибудь редкое тропическое растение. От матери пахло духами и теплой кожей. Мать рассказывала ей сказки: об эльфах и феях, и о Копенгагене, городе, который был где-то там, далеко-далеко. Когда Кумико видела во сне эльфов, они являлись ей похожими на секретарей отца, гибкими и невозмутимыми, в черных костюмах и со свернутыми зонтами. В историях матери эльфы вытворяли много забавных вещей, да и сами истории были волшебными, потому что менялись по ходу повествования и никогда нельзя было предугадать, какой будет этой ночью конец. В сказках жили принцессы и балерины, и — Кумико это знала — в каждой из них было что-то от матери.

Принцессы-балерины были прекрасны, но бедны, танцевали во имя любви в сердце далекого города, где за ними ухаживали художники и молодые поэты, красивые и без гроша в кармане. Для того чтобы поддержать престарелых родителей или купить

новый орган занемогшему брату, принцессе-балерине иногда приходилось уезжать в чужие края — быть может, даже в Токио, — чтобы танцевать там за деньги. А танец за деньги, подразумевалось в сказках, не приносит счастья.

Салли привела ее в робата-бар в Эрлз-Коурт[23] и заставила выпить рюмку саке. Копченый плавник рыбки фугу плавал в горячем вине, придавая ему оттенок виски. Они ели робату с дымного гриля, и Кумико чувствовала, как отступает холод, но не оцепенение. Обстановка бара вызывала неотвязное ощущение культурного разнобоя: бару как-то удавалось сохранять традиционный японский дизайн — и в то же время он выглядел так, как будто эскизы оформления делал Чарльз Ренни Макинтош.

Странная она, эта Салли Шире, гораздо более странная, чем весь этот их гайдзин-Лондон. Вот она сидит и рассказывает Кумико всякие истории, истории о людях, живущих в Японии, которая совсем не похожа на ту, что знает Кумико, истории, которые проясняют роль ее отца в этом мире. "Ойябун", — так назвала она отца Кумико. Мир, в котором происходили истории Салли, казался не более реальным, чем мир маминых сказок, но понемногу девочка начинала понимать, на чем основано и как далеко простирается могущество ее отца.

— Куромаку, — сказала Салли.

Слово означало "черный занавес".

— Это из театра кабуки, но сейчас оно означает человека, который устраивает всякого рода дела, то есть того, кто продает услуги. Что означает: человек за сценой, так? Это и есть твой отец. И Суэйн тоже. Но Суэйн — кобун твоего старика или, во всяком случае, один из них. Ойябун-кобун, родитель-ребенок. Вот откуда Суэйн черпает свою силу. Вот почему ты сейчас здесь: потому что Роджер обязан своему ойябуну. Гири, понимаешь?

— Он — человек высокого ранга. Салли покачала головой.

— Твой старик, Куми, вот он действительно большой человек. Если ему понадобилось сплавить тебя из города ради твоей же безопасности, это означает, что грядут какие-то серьезные перемены.

— Выбрались прошвырнуться или просто выпить? — спросил Петал, когда они вошли в комнату.

Оправа его очков блеснула в свете лампы от "Тиффани" на верхушке бронзового со стразами дерева, которое росло на буфете. Кумико очень хотелось взглянуть на мраморную голову, за которой прятался модуль "Маас-Неотек", но она заставила себя смотреть в сад. Снег там приобрел цвет лондонского неба.

— Где Суэйн? — спросила Салли.

— Хозяин в отлучке, — проинформировал ее Петал.

Подойдя к буфету, Салли налила себе стакан скотча из тяжелого графина. Кумико заметила, как поморщился Петал, когда графин с тяжелым стуком опустился на полированное дерево столешницы.

— Просил что-нибудь передать?

— Нет.

— Ждешь его сегодня вечером?

— По правде говоря, не могу сказать. Обедать будете?

— Нет.

— Мне бы хотелось сэндвич, — сказала Кумико.

Четверть часа спустя, оставив нетронутый сэндвич на черном мраморном столике у кровати, она сидела посреди огромной постели. Модуль "Маас-Неотек" разместился между ее голых ног. Салли она оставила глядеть на серый сад за окном в обществе виски Суэйна.

Кумико взяла модуль в руки, и в изножье кровати, передернувшись, сфокусировался Колин.

— То, что я буду говорить, все равно никто не услышит, — поспешно прошептал он, прикладывая палец к губам, — и это к лучшему. Комната прослушивается.

Кумико хотела было ответить, потом кивнула.

— Хорошо, — сказал он. — Умница. У меня есть для тебя записи двух разговоров. Один — между твоим хозяином и его домоправителем, другой — между твоим хозяином и Салли. Первый записан через пятнадцать минут после того, как ты припрятала меня внизу. Слушай…

Кумико закрыла глаза и услышала позвякивание льдинки в стакане.

— Где наша маленькая япошка? — спросил Суэйн.

— Упакована на ночь, — ответил Петал. — А девчонка-то разговаривает сама с собой. Странно.

— О чем же?

— На деле чертовски мало. Вообще-то, с некоторыми это бывает…

— Что бывает?

— Говорят сами с собой. Хочешь ее послушать?

— Господи, нет. А где очаровательная мисс Шире?

— Совершает моцион.

— В следующий раз вызови Берни, посмотрим, чем она занимается на этих своих прогулочках…

— Берни. — Тут Петал рассмеялся. — Да он вернется назад в ящике, порезанный на кусочки! Теперь рассмеялся Суэйн.

— Пожалуй, и так неплохо, и так: и от Берни избавимся, и

жажда знаменитой девки-бритвы будет утолена… Да, налей нам еще по одной.

— С меня хватит. Пойду спать, если я тебе больше не нужен…

— Иди, — отозвался Суэйн.

— Итак, — сказал Колин, когда Кумико открыла глаза, чтобы обнаружить, что он по-прежнему сидит на постели, — в твоей комнате сидит срабатывающий на голос "жучок". Домоправитель прослушал запись и услышал, как ты обращаешься ко мне. Идем дальше. Второй фрагмент, пожалуй, поинтереснее. Твой хозяин попивает очередной стакан виски, входит наша Салли…

— Привет, — услышала девочка голос Суэй-на, — ходила подышать воздухом?

— Отвали.

— Ты же знаешь, что это вовсе не моя идея, — сказал Суэйн. — Постарайся не забывать об этом. Видишь ли, они и меня держат за яйца.

— Знаешь, Роджер, временами я испытываю сильное искушение тебе поверить.

— Попробуй. Это облегчит жизнь нам обоим.

— А временами я борюсь с искушением перерезать твою чертову глотку.

— Твоя беда, дорогая, заключается в том, что ты так и не научилась передавать дела другим. Ты все так же стремишься обо всем заботиться собственноручно.

— Послушай, ты, задница, я знаю, откуда ты взялся, и я знаю, как ты стал тем, кто ты есть. И где и что ты можешь нашептать в шайке Канаки или кого-то еще. Саракин!

Этого слова Кумико никогда раньше не слышала.

— Я снова получил от них сообщение, — светским тоном сказал Суэйн. — Она еще на побережье, но все идет к тому, что она вскоре сделает свой ход. Скорее всего, двинет на восток. Назад в твои давние охотничьи угодья. Похоже, это и вправду наш шанс. Сам дом — вне обсуждения. На том участке пляжа столько личной охраны, что ее хватит, чтобы остановить средних размеров армию.

— И ты по-прежнему будешь убеждать меня, что это всего лишь обычное похищение, Роджер? Будешь говорить, что ее будут держать до получения выкупа?

— Нет. О том, чтобы продать ее назад, ничего не говорилось.

— Так почему бы им не нанять эту армию? Нет никаких причин останавливаться на "средних размерах", так ведь? Набрать наемников, так? Нанять у какой-нибудь корпорации ребятишек из элитного отряда по извлечению. Не такая уж недоступная она цель, крадут же из исследовательских центров самые крутые

мозги. Вызвать этих гребаных профи.

— В сотый раз тебе говорю — у них другие идеи. Они хотят, чтобы это сделала ты…

— Роджер, что у них на меня, а? Я хочу сказать: ты и вправду не знаешь, что именно у них на меня есть?

— И вправду не знаю. Но на основании той распечатки, которую мне вручили, могу рискнуть выдвинуть предположение.

— Ну?

— Все. Никакого ответа.

— Есть еще один момент, — продолжал Суэйн, — это всплыло только сегодня. Они хотят, чтобы все выглядело так, как будто она вышла из игры.

— Что?

— Обставить все так, как будто мы ее убили.

— И как, скажите на милость, мы это устроим?

— Тело они предоставят.

— Мое предположение: Салли покинула комнату без дальнейших комментариев, — сказал Ко-лин уже своим голосом. — Здесь конец записи.

10. ОБРАЗ

Час он провел, проверяя подшипники пилы, потом еще раз их смазал. Стало уже слишком холодно, чтобы работать. Придется даже пойти на большее — согреть помещение, где он держал остальных: Следователей, Трупожора и Ведьму. Одного этого будет достаточно, чтобы нарушить хлипкое равновесие их с Джентри договоренности, но это бледнело перед тем, как объяснить сделку с Малышом Африкой и факт присутствия на Фабрике двух чужих. С Джентри не поспоришь — ток ведь принадлежит ему, потому как именно он выдаивает из Ядерной Комиссии электричество. Без ежемесячных заходов Джентри с консоли, этих ритуальных процедур, которые поддерживают у Комиссии иллюзию, что Фабрика находится где-то в другом месте и что это другое место исправно оплачивает счета, никакого электричества просто не было бы.

А кроме того, Джентри в последнее время стал совсем странный, подумал он, чувствуя хруст в коленях, когда попытался встать. Слик достал из кармана куртки пульт управления Судьей. Джентри был убежден, что у киберпространства есть некий Образ, какая-то всеобщая форма, вбирающая в себя всю совокупность информационных баз. Нельзя сказать, что это была самая сумасбродная идея, с какой Слик когда-либо сталкивался, но убежденность Джентри, что этот его Образ абсолютно, "тотально" материален, граничила с одержимостью. Постижение Образа стало для него сродни поискам Грааля.

Слик однажды отстимил ролик "Ноулиджнета" о том, какова форма Вселенной. Слик еще тогда сообразил, что Вселенная — это все, что вокруг. Так какая же у нее может быть форма? Если у нее есть форма или там образ, значит, и вокруг нее что-то есть, иначе в чем же Вселенной иметь форму, верно? Идем дальше: есть форма или образ — не важно — и есть что-то еще, так разве тогда не будет и это что-то тоже частью Вселенной? Впрочем, это не совсем та тема, на которую стоит трепаться с Джентри, потому что Джентри вполне способен завязать твои мозги узлом. Но Слик все равно считал, что киберпространство — это не Вселенная, а просто способ представления данных. Ядерная Комиссия всегда выглядит как большая красная ацтекская пирамида, но ей вовсе не обязательно выглядеть именно так. Если Комиссия захочет, то может заставить свои базы принять любую форму. У больших компаний есть даже копирайты на то, как выглядит принадлежащая им информация. Так как же можно считать, что у всей матрицы в целом есть какой-то определенный образ? Но

даже если он есть, то почему это должно иметь хоть какое-то значение?

Он коснулся клавиши подачи питания. В десяти метрах от него дрогнул и загудел Судья.

Слик Генри ненавидел Судью. Вот чего никогда не понять в искусстве обычным людям. Нет, само создание Судьи, без сомнения, принесло ему некоторое удовлетворение. Но важнее другое — то, что, построив эту штуку, он выкорчевал Судью из себя, перенес боль и страх туда, где Их можно было видеть, наблюдать за ними и, наконец, освободиться от самой идеи Судьи. Но какое это имеет отношение к "нравиться" или "любить"?

Почти четырехметрового роста и вполовину этого в ширину, безголовая фигура в чешуйчатом панцире стояла, мелко подрагивая. Чешуйки у Судьи были особого цвета ржавчины, как, скажем, ручки у старой тачки, отполированные трением множества ладоней. Слик долго искал способ добиться такой поверхности, перепробовал множество химикалий и наждаков и, найдя наконец точное сочетание, обработал им большую часть робота — во всяком случае, старые детали, выкопанные в мусоре. Конечно, холодные зубья циркульной пилы и зеркальные поверхности суставов подобной обработке не подвергались. Но в остальном Судья был именно такого оттенка ржавчины, имел такую фактуру поверхности, как какое-нибудь очень старое орудие и поныне остающееся в постоянном пользовании.

Слик передвинул большим пальцем рычаг управления, и Судья сделал шаг вперед, потом следующий. Гироскопы работали как надо: даже с оторванной рукой робот двигался с жутким достоинством — просто переставляя огромные ступни.

Слик ухмыльнулся мутному свету Фабрики. Судья топал к нему — раз-два, раз-два. Стоило только захотеть, и Слик мог бы вспомнить каждый этап конструирования Судьи. Временами ему и вправду этого хотелось. Просто ради успокоения, которое приносила мысль, что он на это способен.

Он не мог припомнить, когда бы у него что-то не получалось, но иногда казалось, что такое тоже возможно.

Вот почему он построил Судью. Потому что совершил когда-то некий проступок, причем не очень серьезный, но его поймали, и даже дважды, его судили и приговорили. Приговор был приведен в исполнение, и теперь он не в силах был вспомнить вообще хоть что-то, в лучшем случае памяти хватало минут на пять кряду. Да, угонял машины. Машины богатых. Не надейся, сказали ему, тебе гарантируют: за что сидишь, ты не забудешь.

Работая джойстиком, он заставил Судью развернуться и пройти в соседнюю комнату. Путь предстоял неблизкий — по

проходу между рядами бетонных выступов в потеках влаги, на которых когда-то стояли токарные станки и сварочные агрегаты. Высоко над головой среди пыльных балок свисали мертвые плети порванных флюоресцентных трубок; там иногда гнездились птицы.

Синдром Корсакова — так они это называли: это когда с твоими нейронами делают что-то такое, от чего в памяти потом не задерживаются краткосрочные воспоминания. Так что время, которое ты отсидел, оказывается потерянным временем. Слик вроде бы слышал, что больше такого не делают, по крайней мере, не в наказание за "грандиозные" автомобильные кражи. Те, кто там не бывал, полагают, что это не так уж и плохо: отсидел в кутузке, но память о ней стерта. На самом же деле все совсем не так. Он вышел, когда кончился срок, — и три года оказались выстроены в длинную цепочку смутных вспышек растерянности и страха, отмеренных пятиминутными интервалами. Дело даже не в самих интервалах, их все равно не вспомнить, а вот переходы… Так вот, когда все кончилось, ему потребовалось создать сначала Ведьму и Трупожора, потом Следователей и теперь, под самый конец, — Судью.

Проводя Судью вверх по бетонному пандусу туда, где ждали все остальные, он услышал, как где-то на Пустоши Джентри заглушил мотор.

Общество людей вызывает у Джентри болезненное беспокойство, думал Слик, направляясь к лестнице; впрочем, верно и обратное. Чужие могут почти физически ощутить сжигающий Джентри Образ; эта его зацикленность примешивалась ко всему, что бы он ни делал. Слик понятия не имел, как Джентри справляется с собой во время своих вылазок в Муравейник. Может, он просто имеет там дело с людьми такими же зацикленными, как и он сам, с одиночками, ходящими по краю на задворках рынков наркотиков и софта. Казалось, на секс Джентри плевать. Казалось, ему это настолько до лампочки, что Слик даже гадать не пытался, чего могло бы захотеться ковбою, если бы он все же решил захотеть.

Что до Слика, отсутствие секса было основным недостатком Пустоши, особенно зимой. В летнее время иногда еще можно найти девчонку в одном из ржавых маленьких городков; именно это потянуло его тогда в Атлантик-Сити, почему он и оказался в долгу у Малыша Африки. Впоследствии он сказал себе, что лучше всего сосредоточиться на работе. А вот сейчас, взбираясь по ходящей ходуном стальной лестнице к подвесному мосту, который вел к логову Джентри, Слик обнаружил, что размышляет, как выглядит Черри Честерфилд под всеми своими куртками. Он

вспомнил ее руки, какие они были быстрые и чистые, но это заставило его увидеть перед собой лицо человека на носилках, трубку, накачивающую жидкость в его левую ноздрю, Черри, промокающую ватой его впалые щеки. Слик поморщился.

— Эй, Джентри, — гаркнул он в железную пустоту Фабрики, — я поднимаюсь…

Три вещи в Джентри не были острыми, тонкими и натянутыми: глаза, губы и волосы. Глаза были большими и блеклыми, голубыми или серыми в зависимости от освещения; губы — полными и подвижными, а волосы вечно забраны назад в светлый растрепанный петушиный хвост, который подрагивал при каждом шаге хозяина. Худоба Джентри не имела ничего общего с истощением Пташки, плодом диеты задыхающихся от самих себя городков — и расшатанных нервов. Джентри был просто узким — плотно упакованные мускулы и ни грамма жира. Одевался он клево: облегающая черная кожа, украшенная черными как смоль бусинами — стиль, который Слик помнил еще по своим дням с "Блюз-Дьяконами". Бисер на коже, да и все остальное заставляли Слика предполагать, что Джентри около тридцати. Самому Слику было столько же.

Когда Слик вошел, Джентри прищурился на него в свете стоваттной лампочки, давая этим понять, что он просто еще одно препятствие, вставшее между ним, Джентри, и Образом. Он как раз водружал на длинный стальной стол пару мотоциклетных корзин; выглядели они тяжелыми.

В свое время Слик вырезал несколько секций крыши, вставил, где надо, рамы и прикрыл отверстия листами жесткого пластика, потом заделал швы световых люков силиконом. Затем пришел Джентри в маске и с распылителем, втащил за собой двадцать галлонов белой латексной краски. Не утруждая себя уборкой, Джентри просто залил толстым слоем краски весь мусор, грязь и потеки голубиного помета — вроде как приклеил все это к полу. И красил снова и снова, пока комната не стала более или менее белой. Джентри покрасил все, кроме световых люков. Потом Слик начал поднимать из цехов Фабрики аппаратуру: вагонетку компьютеров, киберпространственные деки, огромный старый голопроекционный стол — стол тогда чуть было не поломал лебедку, — эффектогенераторы, десятки коробок из рифленого пластика, набитых тысячами микрофишей, которые Джентри накопил за время поисков Образа, сотни метров оптокабеля на новеньких пластиковых катушках, что говорило Слику о промышленной краже. И книги, старые книги с обложками из ткани, наклеенной на картон. Слик даже не думал, что книги могут быть такими тяжелыми. И пахло от них чем-то печальным,

от старых книг.

— С тех пор как я уехал, ты тянешь несколько новых ампер, — сказал Джентри, открывая первую из корзин. — Твоя комната. Раздобыл новый обогреватель? — Он стал быстро копаться в корзине, будто искал какую-то вещь, нужную ему срочно и позарез, а он по ошибке засунул ее невесть куда. Слик прекрасно знал, что ничего Джентри не ищет, что это реакция на неожиданное вторжение кого-то — пусть даже хорошо знакомого ему человека — в его замкнутое пространство…

— Да. И складские помещения снова пришлось подтопить. Слишком холодно работать.

— Нет. — Джентри внезапно поднял глаза. — Это не обогреватель. Сила тока не та.

— Ну, — хмыкнул Слик, исходя из теории, что ухмылка заставит Джентри подумать, что он глуп и его легко напугать.

— Что "ну", Слик Генри?

— Это не обогреватель.

Джентри с резким стуком захлопнул крышку корзины.

— Ладно, можешь мне рассказать, что у тебя там, не то я вырублю тебе ток.

— Знаешь, Джентри, не будь я здесь, у тебя было бы гораздо меньше времени на… для всего. — Слик многозначительно поднял брови, указывая на проекционный стол. — Дело в том, что у меня двое гостей… — Он увидел, как Джентри подобрался, бледные глаза расширились. — Но ты их не увидишь, не услышишь даже — вообще ничего. Они и на глаза тебе попадаться не будут.

— Не будут, — сказал Джентри, обходя с дальнего конца стол, голос его звучал напряженно, — потому что ты сплавишь их отсюда, верно?

— Две недели максимум, Джентри.

— Вон. Сейчас же. — Лицо Джентри вдруг оказалось в нескольких сантиметрах, и до Слика донеслось спертое изнуренное дыхание. — Или ты исчезнешь вместе с ними.

Слик был тяжелее ковбоя килограммов на десять, и эту разницу в основном составляли мускулы, но это Джентри никогда не смущало. Казалось, ему вообще наплевать на то, что с ним может случиться. Однажды Джентри ударил его в лицо. Слик тогда опустил глаза на увесистый гаечный ключ у себя в руке, и его охватило смутное недоумение.

Джентри держался неестественно прямо и уже начинал трястись. Слик давно себе уяснил, что Джентри не может спать во время своих отлучек в Бостон или Нью-Йорк. Он и на Фабрике-то не всегда ложился. А из СОБА возвращался и вовсе истерзанный,

и первый день всегда был самым тяжелым.

— Взгляни-ка, — сказал Слик, как говорят с готовым расплакаться ребенком, и вытащил из кармана взятку Африки. Он поднял пакетик повыше, чтобы Джентри его было лучше видно: синие дермы, розовые таблетки, мерзкая с виду какашка опиума в красном мятом целлофане, кристаллы "магика", похожие на жирные желтые лепешки мокроты, пластиковые ингаляторы с зацарапанными ножом именами японских производителей.

— От Африки, — сказал Слик, покачивая пакетик.

— Африки? — Джентри вглянул на пакет, потом на Слика, обратно на пакет. — Какой Африки?

— От Малыша Африки. Ты его не знаешь. Он оставил это для тебя.

— Почему?

— Потому что ему было очень нужно, чтобы я ненадолго приютил его друзей. Я у него в долгу, Джентри. Я несколько раз повторил ему, как ты не любишь, чтобы кто-нибудь здесь сшивался. Как тебе мешают чужие. Поэтому, — соврал Слик, — он сказал, что ему хотелось бы оставить тебе немного кайфа в возмещение за неудобства.

Взяв пакет, Джентри поддел ногтем шов, разорвал. Вынул опиум и протянул его Слику:

— Не понадобится.

Вынул один из дермов, выдавил его из упаковки и осторожно налепил на внутреннюю сторону правого запястья. Слик остался стоять, рассеянно разминая опиум между большим и указательным пальцами и мерзко хрустя целлофаном. Джентри тем временем прошагал вдоль стола обратно и открыл корзину, откуда выудил пару новеньких черных кожаных перчаток.

— Думаю, мне лучше… познакомиться с этими твоими гостями, Слик.

— А? — Слик потрясенно сморгнул. — Да… ну… Тебе на самом деле не обязательно, я хотел сказать, разве это не…

— Нет, — отрубил Джентри, вздернув воротник куртки. — Я настаиваю.

Спускаясь по лестницам, Слик вспомнил об опиуме и швырнул его через перила в темноту.

Он ненавидел наркотики.

— Черри?

Стучась под взглядом Джентри в собственную дверь, Слик чувствовал себя ужасно нелепо. Бам, бам. Никакого ответа. Открыл дверь. Рассеянный свет. Это Черри повесила абажур на одну из лампочек — накрыла ее конусом из желтого факса, примотав бумагу стальной проволокой. Другие две девушка

вывернула. Самой ее в помещении не было.

Носилки, однако, были на месте. Их обитатель все так же лежал завернутый в синий нейлоновый мешок. Оно поедает его, подумал Слик, глядя на нагромождение оборудования жизнеобеспечения — какие-то трубки, баллоны с жидкостью. Нет, сказал он самому себе, оно не дает ему помереть, как в больнице. Но тягостное впечатление не исчезало: что, если оно высасывает его по капле и будет сосать, пока не высосет досуха? Слик вспомнил Пташкину болтовню о вампирах.

— Да уж, — прокаркал Джентри, огибая его, чтобы встать у изножья носилок, — странные у тебя знакомые, Слик Генри…

Джентри обошел носилки, осторожно держась на расстоянии метра от застывшей фигуры.

— Джентри, может, тебе лучше подняться наверх? Дерм… Наверное, ты слишком много принял.

— Правда? — Джентри склонил голову набок, в глазах у него метались желтые огоньки. Он подмигнул. — Почему ты так думаешь?

— Ну… — Слик помедлил. — Ты не такой, как всегда. Я хочу сказать, не такой, как был раньше.

— Ты думаешь, меня понесло, а, Слик?

— Да.

— А мне по кайфу, когда меня несет.

— Что-то я не вижу, чтобы ты улыбался, — сказала от двери Черри.

— Это Джентри, Черри. Фабрика — вроде как его дом. Черри из Кливленда…

Но в руке у Джентри откуда-то возник тонкий черный фонарик, и ковбой принялся изучать сетку тродов, покрывавшую лоб спящего. Потом он выпрямился, луч упал на немаркированный модуль и снова метну лея вниз, чтобы пройтись по черному кабелю к сетке тродов.

— Кливленд, — наконец проговорил Джентри, как будто это было слово, которое он когда-то слышал во сне. — Интересно… — Он снова поднял фонарь и наклонился, чтобы получше рассмотреть то место, где кабель уходил в модуль. — И Черри… Черри, он кто?

Луч уперся в изнуренное, раздражающе заурядное лицо.

— Не знаю, — ответила Черри. — Не свети ему в глаза. Можешь сбить ему REM или еще что.

— А это? — Он осветил толстую серую пластину.

– "Эл-Эф", "низкочастотник". Так говорил Малыш. Парня он называл Графом, а эту штуку — "Эл-Эф".

Она запустила руку под куртку, чтобы почесаться.

— Ну тогда…

Фонарик щелкнул, и луч погас. Джентри повернул к ним лицо, в его глазах ярким светом горел пламень одержимости — интересно, это дерм Малыша так по нему вдарил, что ли? — совсем глючный стал. Слику вдруг показалось, что Образ должен быть прямо тут, пылает сквозь лоб Джентри всем напоказ, разве что только сам Джентри его не видит.

— …это должно быть именно тем, чем и должно быть…

она проснулась, когда самолет зашел на посадку.

Прайор, кивая, слушал Эдди, вспыхивал на каждом кивке своей прямоугольной улыбкой. Возникало впечатление, как будто улыбка всегда была на лице, просто пряталась за бородой. Прайор успел переодеться, значит, его чемодан был в самолете. Теперь на нем был неприметный серый деловой костюм и галстук в косую полоску Он стал похож на тех лохов, на которых Эдди натаскивал ее в Кливленде, разве что сидел костюм по-другому.

Она однажды видела, как лох примеривает костюм — тот мужик, что возил ее в гостиницу "Холидей Инн". Примерочная магазина примыкала к вестибюлю гостиницы. Лох стоял посреди комнаты в одном белье, весь в квадратах голубого света, и рассматривал свое изображение на трех больших экранах. На экранах не видно было голубых линий, поскольку на каждой голограмме лох был в другом костюме. Моне пришлось прикусить язык, чтобы не рассмеяться; система была снабжена косметологической программой: на каждом экране клиент выглядел иначе, чуть вытягивалось лицо или делался тверже подбородок — лох же вроде ничего такого не замечал. Потом он выбрал костюм, влез в тот, в котором пришел, — на том все и кончилось.

Эдди что-то объяснял Прайору, какой-то узловой момент в "архитектуре" очередной своей аферы. Мона научилась отключаться от содержания его речей, но сам голос все же до нее доходил. Эдди всегда разглагольствовал так, будто твердо знал, что никому не понять всех уловок, которыми он так гордится, поэтому говорил он медленно и доходчиво, как разговаривают с маленькими детьми, и к тому же понижал голос, чтобы создать видимость доверительности. Прайора это, похоже, не беспокоило. А потом Моне показалось, что Прайору вообще плевать, что там болтает Эдди.

Зевнув, девушка потянулась. Самолет дважды подскочил на бетоне посадочной полосы, развернулся и сбавил ход. Эдди не переставал трепаться.

— Нас ждет машина, — перебил его Прайор.

— А куда вы нас везете? — спросила Мона, не обратив внимания на гримасу Эдди.

Прайор улыбнулся своей картонной улыбкой.

— В нашу гостиницу. — Он расстегнул ремень. — Мы пробудем там несколько дней. Боюсь, большую часть времени тебе придется провести в своем номере.

— Заметано, — сказал Эдди, как будто то, что ей придется сидеть в четырех стенах, было его идеей.

— Ты любишь стимы, Мона? — спросил Прайор, по-прежнему улыбаясь.

— Конечно, — ответила она. — Кто ж не любит?

— А у тебя есть любимые записи, Мона? Есть любимая звезда?

— Энджи, — несколько ошарашенно сказала она. — Кто же еще?

Улыбка стала чуть шире.

— Хорошо. Мы достанем тебе все ее последние записи.

Вселенная Моны состояла, по большей части, из мест и предметов, где она физически никогда не бывала или которые сама никогда не видела. Аэродром северного Муравейника в стимах не имел запаха. Его подредактировали, решила она, точно так же, как у Энджи никогда не бывает ни месячных, ни головной боли. Но как же тут воняет! Как в Кливленде, даже хуже. Когда они только-только сходили с самолета, Мона было подумала, что это просто запах аэропорта, но стоило им выйти из машины, чтобы пройти несколько метров до входа в гостиницу, вонь лишь усилилась. К тому же на улице было адски холодно, ледяной ветер кусал ее за голые лодыжки.

Вестибюль отеля показался ей гораздо просторнее, чем в "Холидей Инн", хотя само здание было более старым. В вестибюле толпилось народу больше, чем в любом стиме, но повсюду — чистые синие ковры. Прайор оставил ее ждать у рекламы орбитального курорта, пока они с Эдди отошли к длинной черной стойке поговорить с женщиной с медной именной табличкой на груди— Мона чувствовала себя глупо в белом пластиковом дождевике, который Прайор заставил ее надеть, как будто думал, что ее прикид недостаточно хорош для этого места. Примерно треть толпы состояла из япошек, которых она посчитала туристами. У всех, похоже, было при себе какое-нибудь записывающее снаряжение: видео-, голо-, а у нескольких на поясе даже симстим-модули, — но в остальном они совсем не были похожи на денежные мешки. А она-то думала, что у всех японцев полно денег. Наверное, они просто ловчат, скрывают, решила она.

Мона увидела, как англичанин отправил женщине через стойку кредитный чип. Женщина взяла чип и пропустила его через металлическую прорезь.

Прайор положил ее сумку на кровать, широкий пласт бежевого темперлона, и коснулся панели на стене, после чего справа разошлись портьеры.

— Здесь, конечно, не "Риц", — сказал он, — но мы

постараемся, чтобы тебе было удобно.

В ответ Мона только что-то уклончиво пробормотала. "Риц" — так называлась котлетная в Кливленде, и она не поняла, какое отношение эта забегаловка может иметь ко всему происходящему.

— Взгляни, — сказал он, — твоя любимица. В обитое плюшем изголовье кровати оказался встроен стим-модуль, а рядом — небольшая полочка с набором тродов в пластиковой упаковке и штук пять кассет.

— Тут все новые стимы Энджи.

Интересно, кто приготовил кассеты, и не попали ли они сюда после того, как Прайор спросил, какие стимы она любит? Мона показала ему собственную улыбку и отошла к окну. Муравейник выглядел в точности так, как в стимах; окно было похоже на голографическую почтовую открытку, за ней — знаменитые здания, названий которых она не знала, знала только, что они знаменитые.

Серый цвет куполов. Белизна снега оттеняет путаницу решеток геодезиков, а за всем этим — серый фон неба.

— Счастлива, детка? — спросил Эдди, подходя сзади и кладя ей руки на плечи.

— А душ у них тут есть?

Прайор рассмеялся. Передернув плечами, она сбросила руку Эдди и с сумкой в руках скрылась в ванной. Заперла за собой дверь. Слышно было, как Прайор опять рассмеялся, а Эдди снова завел шарманку о своих аферах. Присев на унитаз, Мона открыла сумку и выкопала косметичку, где хранился "магик". У нее осталось четыре кристалла. Должно хватить. Хватило бы и трех, но когда число их уменьшалось до двух, она обычно начинала соображать, как сравнять счет. Она не слишком часто закидывалась, во всяком случае, не каждый день, разве что в последнее время, но это потому, что Флорида начала ее доставать.

Теперь можно и сократиться, решила Мона, вылавливая кристалл из пузырька. Кристалл напоминал твердую желтую карамельку, сперва ее надо раздавить, потом растереть между двух нейлоновых пластинок. Измельченный стимулятор издавал слабый, чем-то схожий с больничным, запах.

К тому времени, когда она покончила с душем, оба они ушли. Мона долго нежилась в ванной, пока это ей не наскучило. Во Флориде она пользовалась в основном душами возле общественных бассейнов или на автобусных станциях — и в тех и в других требовались жетоны. Она предположила, что и в этот, в отеле, встроен приборчик, который отмеряет расход воды и заносит потом в счет — как это было в "Холидей Инн". Здесь, под

пластмассовым распылителем, висел большой белый фильтр, а наклейка на кафеле — глаз и слеза — означала, что во время мытья старайтесь, чтобы вода не попала в глаза, — совсем как в бассейне. В кафель был встроен ряд хромированных краников, и если по очереди нажимать на кнопку под каждым, получаешь шампунь, гель для душа, жидкое мыло, масло для ванны. После этого возле кнопки загорается красная точка, потому что это включается в твой счет. Или в счет Прайора. Мону только порадовало, что они ушли. Так хорошо остаться одной, да еще под кайфом и чистой. Ей редко удавалось побыть в одиночестве, разве что на улице, а это совсем не то. Она завернулась в огромную купальную простыню, где на махровой стороне было выбрито какое-то слово. Наверное, название отеля. Прошла к окну, оставляя за собой мокрые следы на ковре.

В квартале от отеля стояло старомодное здание. Уходящие вверх уступы стен были стерты и изрыты так, что придавали фасаду видимость горного склона — с валунами, травой и водопадом. Водяной поток падал, разбивался о" камни, падал дальше. Это вызвало у нее улыбку: с чего бы им так выпендриваться? Там, где вода падала на камни, поднимались струйки пара. Но не может же вода просто так течь на улицу, подумала Мона, это стоило бы слишком уж дорого. Она решила, что воду насосами закачивают обратно наверх и используют вновь, гоняя по кругу.

Что-то серое пошевелило головой там, наверху, вскинуло большие изогнутые рога, словно хотело посмотреть на нее, Мону. Отступив на шаг по ковру, она моргнула. Какой-то баран, но это, должно быть, дистанционка — голограмма или вроде того. Животное тряхнуло головой и принялось жевать траву. Мона рассмеялась.

Приход. "Магик" прошелся волной по внутренней стороне лодыжек, закопошился в лопатках. Холодное стягивающее покалывание, и больничный запах где-то в нёбе.

Раньше она боялась, но со временем страх ушел.

У Прайора нехорошая улыбка, но ведь он пешка, просто мерзкий пиджак. Если у него и есть деньги, то принадлежат они кому-то другому. И Эдди она больше не боялась; скорее она боялась за него, поскольку теперь ясно видела, как его воспринимают другие.

Ладно, подумала Мона, это неважно. Она больше не выращивает сомов в Кливленде, и никто никогда не вернет ее назад во Флориду.

Она вспомнила спиртовку, зимний утренний холод, старика, нахохлившегося в своем огромном сером пальто. Зимой он

утеплял окна вторым слоем пластика. Тогда тепла печурки хватало, чтобы обогреть помещение, потому что стены были обиты листами жесткого пенопласта, а поверх них — древесно-стружечными плитами. Там, где проглядывал пенопласт, его можно было ковырять пальцем. Если старик тебя за этим застукает — разорется. Содержать в тепле рыбу холодной зимой значило только то, что у Моны прибавлялось работы: приходилось накачивать воду на крышу, где стояли солнечные зеркала, отбрасывающие свет в такие прозрачные пластиковые трубки. Отчасти помогали и гниющие по стенкам баков водоросли… Когда идешь ловить сетью рыбу, поднимается пар. Старик обменивал рыбу на всякую еду, на то, что выращивали другие люди, на кофейные зерна; отбросы шли на корм рыбам.

Он не был ее отцом, он повторял это очень часто, когда вообще открывал рот. И все же время от времени она задумывалась: а может быть, он ей все-таки отец? Когда Мона впервые спросила, сколько ей лет, он ответил, что шесть, так что она отсчитывала от этого.

Услышав, как за ее спиной открывается дверь, Мона обернулась. В дверях стоял Прайор с золотой пластинкой ключа в руке. Борода раздвинулась, чтобы показать "улыбку".

— Познакомься, Мона, — сказал он, переступая порог, — это Джеральд.

Высокий, китаец, серый костюм, волосы с проседью. Джеральд мягко улыбнулся, проскользнул мимо Прайора в комнату и направился прямо к буфетной стойке — что она, черт побери, здесь делает? — напротив изножья кровати. Положил черный чемоданчик и нащелкал на замке код.

— Джеральд — наш друг. Он медик, наш Джеральд. Ему нужно тебя осмотреть.

— Мона, — подал голос сам Джеральд, вынимая что-то из чемоданчика, — сколько тебе лет?

— Шестнадцать, — ответил за нее Прайор.

— Шестнадцать, — повторил Джеральд. Штуковина, которую он держал в руках, походила на черные защитные очки, этакие затемненные линзы со зловещими шишками сенсоров и проводками.

— Значит, чуть-чуть набрасываем? — обернулся он к Прайору. Тот улыбнулся. — Сколько вам не хватает? Десяти лет?

— Ну не совсем, — отозвался Прайор. — Совершенства не требуется.

Джеральд перевел взгляд на Мону.

— Вы его и не получите. — Он зацепил дужки очков за уши и на что-то нажал; под правой линзой загорелся огонек. — Но есть

степени приближения.

Луч скользнул к Моне.

— Речь идет всего лишь о косметических процедурах, Джеральд.

— Где Эдди? — спросила Мона, когда врач подошел ближе.

— В баре. Позвать его? — Прайор взялся за телефон, но тут же положил трубку назад, так и не набрав номер.

— Что это? — Она сделала шаг назад.

— Медицинское обследование, — сказал Джеральд. — Больно не будет.

Он загнал ее к окну, лопатки над полотенцем вжались в холодное стекло.

— Кое-кто собирается предложить тебе работу и очень хорошо за нее платить. Им нужна полная уверенность в том, что ты совершенно здорова. — Луч вонзился ей в левый глаз. — Она на каких-то стимуляторах, — сказал он Прайору уже совершенно другим тоном. — Постарайся не моргать, Мона. — Луч переместился на другой глаз. — Что это, Мона? Сколько ты приняла?

– "Магик". — Она сморщилась от света. Холодные твердые пальцы взяли ее за подбородок, наклоняя голову вправо.

— Сколько?

— Кристалл…

Луч погас. Гладкое лицо китайца оказалось близко, очень близко, защитные очки утыканы всякими линзами, прорезями, маленькими бляшками из черных стальных петелек.

— Знаешь ли, нет никакой возможности определить, насколько он чист, — пожурил медик.

— Он чистый, совсем чистый, — сказала она и захихикала.

Отпустив ее подбородок, Джеральд улыбнулся.

— Ну это не будет проблемой, — сказал он. — Ты не могла бы открыть рот? Пожалуйста.

— Рот?

— Я хочу посмотреть твои зубы. Мона перевела взгляд на Прайора.

— С этим тебе повезло, — сказал Прайору Джеральд, с помощью все того же лучика заглядывая ей в рот. — Состояние вполне удовлетворительное, и по конфигурации он близок к требуемой модели. Коронки, пломбы.

— Мы знали, что можем на тебя рассчитывать, Джеральд.

Сняв очки, Джеральд с полминуты молча глядел на Прайора. Потом повернулся к черному чемоданчику, чтобы убрать прибор.

— И с глазами тоже удачно. Очень похожи. Только подкрасить.

Теперь из чемоданчика появился пакет; китаец разорвал его и натянул на правую руку светлую хирургическую перчатку.

— Сними полотенце, Мона. Устраивайся поудобнее.

Она посмотрела на Прайора, на Джеральда.

— Вы хотите посмотреть мои бумаги, анализ крови и всякое такое?

— Нет, — сказал Джеральд, — с этим все в порядке.

Она выглянула в окно, надеясь увидеть барана, но тот исчез. И небо теперь казалось гораздо темнее.

Развязав полотенце, она дала ему упасть на пол, потом легла на спину на бежевый темперлон.

Это не многим отличалось от того, за что ей обычно платили, даже заняло меньше времени.

В ванной комнате, с раскрытой на коленях косметичкой, размалывая себе очередной кристалл, Мона решила, что имеет полное право на паршивое настроение.

Сперва Эдди сваливает куда-то без нее, потом является Прайор с этим жутким медиком да еще говорит, что Эдди будет спать в другом номере. Там, во Флориде, ей не помешало бы немного свободы от Эдди, но здесь-то все по-другому. Ей совсем не хотелось оставаться одной, а попросить у Прайора ключ она до смерти боялась. У него-то, черт побери, ключ есть, чтобы он мог в любое время приводить сюда своих кошмарных приятелей. И что это, интересно, за сделка?

И история с пластиковым дождевиком тоже сидела занозой. Чертов одноразовый пластиковый дождевик.

Она вспушила измельченный "магик" между нейлоновыми пластинками, осторожно ссыпала в ингалятор, резко выдохнула и, приложив мундштук к губам, вдохнула. Облачко желтой пыли осело на перепонках горла; какая-то часть, вероятно, даже дошла до легких. Она как-то слышала, что это, мол, вредно для здоровья.

Когда Мона шла в ванну, чтобы закинуться, у нее не было никаких особенных планов, но потом, когда в основании шеи начало покалывать, она обнаружила, что думает об улицах вокруг отеля, по крайней мере, о тех, какие она видела из окна машины. Там — клубы, бары, магазины со шмотками в витринах. Музыка. Вот что сейчас бы не помешало, да и толпа тоже. Можно затеряться в толпе, забыть о самой себе, просто быть. Дверь не заперта, это она знала; Мона уже попробовала ее открыть. Впрочем, за ее спиной дверь автоматически захлопнется, а у нее нет ключа. Но она же остановилась в этой дыре, так что Прайор не мог не зарегистрировать ее у стойки. Мона задумалась, не спуститься ли ей вниз, чтобы попросить у женщины-

администратора ключ, но от одной мысли об этом ей стало как-то не по себе. Знает она этих пиджаков за стойками и то, как они на тебя смотрят. Нет, решила она, лучше остаться в номере, застимить новье Энджи.

Десять минут спустя она уже была на пути к боковому выходу — и бегом из главного вестибюля. В голове пел "магик".

Снаружи моросило Может, капало с куполов? Для вестибюля она накинула белый дождевик, решив, что Прайор, в конце концов, знает, что делает, а вот теперь и сама была рада, что захватила его с собой. Выудила мятую распечатку факса из переполненного мешка с мусором и прикрыла им голову, чтобы не намочить волосы. Было не так холодно, как до этого, — опять же неплохо. Ни один из предметов ее туалета нельзя было назвать теплым.

Оглянулась вправо-влево по авеню, решая, куда пойти. Перед ней — с полдюжины почти одинаковых фасадов гостиниц, строй такси-рикш, глянцевое на дожде поблескивание шеренги небольших магазинов И люди, целые толпы, как в центре Кливленда, но все так клево одеты и идут с таким видом, будто они крутые, и у всех у них есть куда идти. Просто слейся с ними, подумала она. "Магик" придал ей сладкое второе дыхание, которое окунуло ее в реку симпатичных людей — даже думать не надо. Только постукивать по мостовой каблучками новеньких туфель, держа над головой факс, и вдруг заметить — опять удача, — что дождь перестал.

Она не против была бы поглазеть на витрины, когда толпа несла ее мимо, но подхвативший Мону поток сам по себе был удовольствием, а потом — никто ведь не останавливается. Мона решила удовлетвориться беглым осмотром — каждая витрина как новая вспышка красок… Одежда была точь-в-точь как в стимах, а некоторые вещи вообще таких фасонов, какие она нигде до сих пор не видела.

Мое место здесь, думала она. Мне все это время надо было быть здесь. Не на рыбной ферме, не в Кливленде и не во Флориде. Вот оно, настоящее место — кто угодно может сюда приехать, и не нужен для этого никакой стим. Она ведь никогда не видела этой части города в стимах, той, где люди живут постоянно. А звезда вроде Энджи… Это — не ее город. Энджи развлекалась бы где-нибудь в высоком замке с другими звездами стима, а не здесь на улице. Но, Боже, как тут красиво, ночь такая яркая, вокруг струится толпа, несет ее мимо всех этих чудесных вещей, которые, если повезет, сами упадут тебе в руки.

А вот Эдди это все не нравится. Во всяком случае, он всегда трепался о том, как тут дерьмово, слишком много народу,

квартирная плата слишком высока, слишком много полиции и конкурентов. Ну да, а выждал ли он хотя бы пару секунд, когда Прайор предложил сделку? А впрочем, она, кажется, знает, почему Эдди так собачится. Он провалился здесь, как-то по-черному влип или свалял дурака. Не то он сам не желает, чтобы ему об этом напоминали, а может, есть люди, которые не забудут ему напомнить, как только Эдди вернется. Это явно слышалось в злости, с какой он отзывался об этом месте, точно так же, как Эдди ругал любого, кто сказал бы ему, что его гениальные планы не сработают. Каждый новый приятель, такой ловкач и умница в первый вечер, на следующий же день становился "полным придурком, беспросветным тупицей, ума ну ни на грош".

Мимо огромного магазина с классным стим-оборудованием в витрине — да уж, экипировка для асов — вся такая матово-черная, хрупкая, под сенью голографической Энджи, которая смотрит на прохожих с этой своей знаменитой, чуть печальной улыбкой. "Как они все скользят мимо!" Что да, то да — королева ночи.

Толпа-река вытекла на какую-то круглую площадь, место, где встречались четыре улицы, и закружилась вокруг фонтана. Мона брела, сама не зная куда, и ее вынесло прямиком к фонтану — а люди вокруг растекались во всех направлениях без остановки. Не беда, и здесь тоже были люди, некоторые даже сидели на потрескавшемся бетоне чаши. В центре фонтана стояла статуя, мрамор выветрился, углы оплыли. Что-то вроде ребенка верхом на огромной рыбине, а может, дельфине. Казалось, дельфинья пасть вот-вот готова выплеснуть водяную струю, — если бы фонтан действовал. Но он не работал. Поверх голов тех, кто сидел на краю чаши, Моне было видно, что в воде плавают размокшие факсы и белые пластиковые стаканчики.

Потом толпа у нее за спиной растаяла, отодвинулась изогнутой стеной тел, и тут на фоне фонтана вдруг отчетливо проступила — будто подсветку включили — троица, уставившаяся на нее с бордюра. Жирная девица с крашеными черными волосами, рот полуоткрыт, наверно, всегда такой, сиськи вываливаются из красного резинового корсета. Блондинка с длинным лицом и тонким синим шрамом помады, рука, похожая на птичью лапку, мнет сигарету. Мужчина с поблескивающими маслом руками, голыми, несмотря на холод, пересаженные мускулы камнями бугрятся под синтетическим загаром и неприличной тюремной татуировкой…

— Эй ты, сука, — с каким-то даже весельем окликнула жирная. — Н'деюсь, ты не с'-ик-бираешься к'го-то здесь подцепить?

Устало оглядев Мону, блондинка одарила ее блеклой — "я тут ни при чем" — ухмылкой и отвернулась.

Будто черт на пружинках, с места вскинулся сутенер, но Мона, повинуясь жесту блондинки, уже двигалась сквозь толпу. Он схватил ее за руку, шов пластикового дождевика с треском разошелся, и Мона локтями протолкалась обратно в толпу. Верх взял "магик" и… следующая картинка — она сознает, что до троицы уже больше квартала, приваливается к какому-то железному столбу и сползает по нему вниз, кашляя и обливаясь потом.

А "магик" вдруг опять — иногда такое случается — поставил мир с ног на голову, и все кругом сделалось отвратительным. Лица в толпе казались загнанными и голодными, как будто всем им нужно срочно бежать по каким-то сугубо личным делам, а свет за стеклами магазинов стал холодным и жестким, и все вещи в витринах были выставлены лишь для того, чтобы сказать ей, что ничего такого у нее никогда не будет. Где-то звенел голос, злой детский голос, нанизывающий непристойности на одну бессмысленную бесконечную нить. Осознав, чей это голос, Мона примолкла.

Левая рука мерзла. Она опустила глаза; рукава не было, а шов на боку разошелся чуть ли не до пояса. Сняв дождевик, она просто завернулась в него: может, тогда его жуткий вид будет не так заметен.

Волной задержанного адреналина нахлынул "магик", и Мона спиной оттолкнулась от столба. Ноги сразу подогнулись в коленях, и она еще успела подумать, что вот-вот отключится… Но "магик" опять сыграл с ней одну из своих шуточек, и вот она сидит на корточках во дворе у старика, летний закат, слоистая серая земля искорябана черточками игры, в которую она играла… но теперь она просто прячется, без всякого дела, смотрит мимо массивных чанов туда, где в зарослях черники над старой покореженной автомобильной рамой пульсируют светлячки. Из дома у нее за спиной льется свет и доносится запах пекущегося ржаного хлеба и кофе, который старик кипятит снова и снова, пока, как он говорит, ложка не встанет; он сейчас там, читает одну из своих книг, переворачивает иссохшие, крошащиеся коричневатые листы, нет ни одной страницы с целым углом. Книги приносили в потертых пластиковых мешках, и иногда они просто рассыпались в пыль у него в руках. Но если он находил что-нибудь, что ему хотелось бы сохранить, то доставал из ящика маленький карманный ксерокс, вставлял батарейки и проводил машинкой по странице. Она так любила смотреть, как из щелки вылезают свежие копии, с их особым запахом, который быстро

исчезал, но старик никогда не давал ей подержать ксерокс в руках. Временами он громко читал вслух с какой-то странной заминкой в голосе, как человек, пытающийся что-то сыграть на музыкальном инструменте, за который он не брался многие годы. Эти его книги, никаких историй в них не было… Что это за история, если у нее нет ни начала, ни конца и никаких анекдотов она тоже не рассказывает? Эти его книги… Они были как окна во что-то уж очень странное, старик никогда не пытался что-либо объяснить; должно быть, сам ничего в них не понимал… а возможно, не понимал никто…

Тут улица обрушилась на нее снова — больно и ярко. Мона потерла глаза и закашлялась.

12. "АНТАРКТИКА НАЧИНАЕТСЯ ЗДЕСЬ"

Я готова, — сказала Пайпер Хилл, с закрытыми глазами сидевшая на ковре в некоем подобии позы "лотоса". — Проведи левой рукой по покрывалу.

Восемь изящных проводков тянулись из гнезд за ушами Пайпер к устройству, лежащему у нее на загорелых коленях.

Энджи, завернувшись в белый махровый халат, смотрела на светловолосую Пайпер с края кровати. Черный тестирующий модуль закрывал ее лоб, как сдвинутая наверх глазная повязка. Энджи сделала, как было сказано, легонько проведя подушечками пальцев по грубому шелку и небеленому льну скомканного покрывала.

— Хорошо, — скорее себе, чем Энджи, сказала Пайпер, касаясь чего-то на пульте. — Еще.

Энджи почувствовала, как пальцы ощущают фактуру ткани.

— Еще. — Снова настройка. Теперь она уже могла различить отдельные волокна, отличить шелк от льна…

— Еще.

Ее нервы взвизгнули, когда кончики пальцев, с которых словно содрали кожу, оцарапал стальной завиток шерсти, толченое стекло…

— Оптимально, — сказала Пайпер, открывая голубые глаза.

Из рукава кимоно она извлекла флакон из слоновой кости и, вынув пробку, протянула его Энджи.

Закрыв глаза, Энджи осторожно понюхала. Ничего.

— Еще.

Что-то цветочное. Фиалки?

— Еще.

Голова закружилась от густых, доводящих до тошноты испарений теплицы.

— Обоняние в норме, — сказала Пайпер, когда поблек удушливый запах.

— Не заметила. — Энджи открыла глаза. Пайпер протягивала ей крохотный кружок белой бумаги.

— Только бы это была не рыба, — сказала Энджи, лизнув кончик пальца. Коснулась бумажного конфетти, подняла палец к языку. Как-то один такой тест Пайпер на месяц отвадил ее от блюд из морских продуктов.

— Это не рыба, — с улыбкой ответила Пайпер.

Волосы, которые она всегда стригла очень коротко, создавали у нее над головой маленький выразительный нимб, оттенявший поблескивание графитовых разъемов, вживленных за ушами.

"Пресвятая Жанна в кремнии", — сказал однажды Порфир. Истинной страстью Пайпер, похоже, была ее работа. Все эти годы она была личным техом Энджи, а кроме того, у нее сложилась репутация человека, незаменимого при улаживании всякого рода конфликтов.

Карамель…

— Кто здесь еще, Пайпер?

Закончив с "Ашером", Пайпер застегивала молнию на нейлоновом с защитными прокладками кожухе пульта.

Час назад Энджи слышала, как прибыл вертолет. По мере того как отступал сон, до нее доносились смех, потом шаги на веранде. На этот раз она отказалась от своих обычных попыток провести опись сна — если это можно было назвать сном: наплывали чужие воспоминания, потом утекали прочь, откатывались на недостижимый для нее уровень, оставляя смутное эхо образов…

— Рэбел, — ответила Пайпер, — Ломас, Хикмен, Нг, Порфир, наш "Папа Римский".

— А Робин?

— Нет.

— Континьюити, — позвала она, встав под струю душа.

— Доброе утро, Энджи.

— Тор "Фрисайд". Кому он принадлежит?

— Тор был переименован в "Мистику-2" нынешними совладельцами, компаниями "Джулианна Груп" и "Карриббана Орбитал".

— Кому он принадлежал, когда там записывалась Тэлли?

– "Тессье-Эшпул СА".

— Я хочу побольше узнать о Тессье-Эшпулах.

– "Антарктика начинается здесь". Сквозь поток воды Энджи недоуменно воззрилась на белый круг динамика.

— Что ты говоришь?

– "Антарктика начинается здесь" — двухчасовой документальный видеофильм. Исследование истории семейства Тессье-Эшпулов, снятое Гансом Беккером, Энджи.

— Он у тебя есть?

— Конечно. Дэвид Поуп недавно его заказывал. Фильм произвел на него большое впечатление.

— Правда? Когда?

— В прошлый понедельник.

— Тогда я посмотрю его сегодня вечером.

— Учтено. Это все?

— Да.

— До свидания, Энджи.

Дэвид Поуп, "Папа Римский" съемочной группы. Ее режиссер. Порфир сказал, что Робин трезвонил на каждом углу, что ей слышатся какие-то голоса. Он говорил Поупу? Энджи коснулась керамической панели, вода стала горячее. Почему Поуп заинтересовался Тессье-Эшпулами? Она снова тронула щиток и охнула под иглами внезапно хлынувшей ледяной воды.

Извне внутрь, изнутри вовне, фигуры из снов скоро всплывут, слишком скоро…

Первое, что она увидела, войдя в гостиную, был картинно прислонившийся к подоконнику Порфир — этакий воин племени масаи в складчатой накидке из черного шелкового крепа и черном кожаном саронге. Остальные встретили ее радостными возгласами, а Порфир, обернувшись, довольно хмыкнул.

— Ты застала нас врасплох, — сказал развалившийся на кушетке Рик Рэбел. Он отвечал за монтаж и спецэффекты. — Хилтон рассчитывал, что тебе захочется отдохнуть подольше.

— Нас вытащили чуть ли не со всего света, дорогая, — добавил Келли Хикмен. — Я был в Берлине, а Папа Римский — на верху колодца, в самом разгаре творческого порыва, правда, Дэвид? — Он оглянулся на режиссера, ища поддержки.

Поуп — это его, играя словами, съемочная группа величала "Папой Римским"[24] — оседлал один из стульев эпохи Людовика XVI, упершись локтями в хрупкую спинку. Спутанные темные волосы падали на худое лицо. Когда позволяло расписание Энджи, Поуп снимал документальные фильмы для "Ноулиджнета". Вскоре после того, как она подписала контракт с "Сенснетом", Энджи анонимно приняла участие в одном из его минималистских арт-роликов: бесконечная прогулка по дюнам из испачканного землей розового атласа под искусственным стальным небом. Три месяца спустя — кривая ее карьеры уже неуклонно ползла вверх — пиратская версия этой пленки стала классикой андеграунда.

Карен Ломас, дублерша Энджи, улыбалась из кресла слева от Поупа. Справа от него Келли Хикмен, костюмер, сидел на крашеном полу рядом с Брайаном Нг, учеником и помощником Пайпер.

— Ну вот, — произнесла Энджи. — Я вернулась. Простите, что мне пришлось выдернуть вас всех, но это было необходимо.

Молчание. Чуть слышное поскрипывание позолоченных стульев. Брайан Нг кашлянул.

— Мы рады, что ты вернулась, — сказала Пайпер, выходя из кухни с чашкой кофе в каждой руке.

Снова возгласы радости — на этот раз немного наигранной, — потом все расхохотались.

— А где Робин? — спросила Энджи.

— Миста Ланье в Лондоне, — отозвался Порфир, уперев кулаки в затянутые в тисненую кожу бедра.

— Ожидаем с часу на час, — сухо добавил Поуп, поднимаясь, чтобы взять себе чашку кофе.

— Что ты делал на орбите, Дэвид? — спросила Энджи, принимая у Пайпер вторую чашку.

— Охотился за одиночками.

— Ты имеешь в виду одиноких людей?

— Нет, одиночек. Отшельников.

— Энджи, — вмешался Хикмен, — ты обязательно должна посмотреть атласное платье для коктейлей, присланное Девикком на той неделе! И у меня есть все купальные модели от Накамуры…

— Конечно, Келли, но…

Но Поуп уже отвернулся сказать что-то Рэбелу.

— Эй, — светясь энтузиазмом, подзуживал Хикмен, — давай же! Пойдем примерим!

Поуп большую часть дня провел с Пайпер, Карен Ломас и Рэбелом, обсуждая результаты утренних тестов "Ашера" и бесконечные мелкие детали того что они называли "новым включением" Энджи. После ленча Брайан Нг поехал с ней на осмотр в частную клинику на Беверли-бульваре — стены здания были выложены зеркальной плиткой.

За те несколько минут, пока они ждали вызова в белой, заполненной цветами приемной — ритуал, конечно: как будто назначенный визит к врачу, не сопровождайся он ожиданием, может показаться незавершенным, как бы ненастоящим, — Энджи осознала, что задает себе один простой вопрос. Впрочем, не счесть раз, когда она этому удивлялась. Почему загадочное наследие ее отца — vivvis, которые он прочертил в ее голове — проскальзывало незамеченным во всех до единого медицинских заведениях?

Ее отец, Кристофер Митчелл, возглавлял "гибридный" проект, который в свое время позволил "Маас Биолабс" практически монополизировать рынок на ранней стадии производства биочипов. Тернер, человек, который увез ее в Нью-Йорк, дал ей что-то вроде досье на отца, биософт, скомпилированный ИскИном службы безопасности "Мааса". Она погружалась в досье раза четыре за столько же лет. Наконец однажды очень пьяной ночью в Греции, после попытки перекричать Бобби, она швырнула досье с верхней палубы яхты какого-то ирландского промышленника. Она уже забыла причину ссоры, но прекрасно помнила смешанное чувство облегчения и потери, охватившее ее, когда короткий

толстый цилиндрик блока памяти ударился о воду.

Возможно, отец так ловко запрятал свою шараду, что она каким-то образом оставалась невидимой для сканирующей аппаратуры нейротехников. У Бобби была собственная теория, которая, как подозревала Энджи, была ближе к правде. Возможно, Легба, лоа, которому Бовуа приписывал способность к почти неограниченному доступу в киберпространственную матрицу, может изменять поток информации в момент его поступления на сканеры, представляя vivvis как прозрачные или несуществующие… Срежиссировал же Легба ее дебют в стим-индустрии и последовавшее за ним восхождение, в результате которого она затмила Тэл-ли Ишэм, мега-звезду "Сенснета" на протяжении целых пятнадцати лет.

Но так много воды утекло с тех пор, как ею овладевали лоа, а теперь Бригитта сказала, что vivvis были прочерчены заново…

— Хилтон велел Континьюити выставить сегодня твою "голову", — сказал ей Нг, пока они ждали вызова.

— Да?

— Заявление для публики о твоем решении отправиться на Ямайку. Ты в нем хвалишь новые методы клиники, предостерегаешь против употребления наркотиков, горишь желанием снова взяться за работу. Благодарность аудитории плюс архивные съемки дома в Малибу…

Континьюити мог генерировать видеоизображения Энджи и анимировать их по составленным из стимов шаблонам. Просмотр таких роликов вызывал легкое, но не сказать что неприятное головокружение — один из тех редких случаев, когда она была способна напрямую осознать факт собственной славы.

Из-за цветов прозвенел колокольчик.

Вернувшись из города, она застала добровольных маркитантов на веранде за приготовлением барбекю.

Энджи прилегла на кушетку под Вальмье, устало прислушиваясь к шуму прибоя. Из кухни доносилось, как Пайпер объясняет Поупу результаты осмотра. В этом не было необходимости, но оба они — и Поуп, и Пайпер — обожали подробности.

Когда Пайпер и Рэбел, прихватив свитера, вышли на веранду и устроились у жаровни погреть над углями руки, Энджи в гостиной осталась наконец наедине с режиссером.

— Дэвид, ты собирался рассказать мне, что ты делал на верху колодца…

— Искал убежденных одиночек. — Он запустил пятерню в спутанные волосы. — Это желание появилось благодаря моему прошлогоднему проекту — помнишь международные общины в

Африке? Проблема возникла тогда, когда я поднялся наверх и выяснил, что каждый, кто решается на подобное, кто действительно живет на орбите в полном одиночестве, он, как правило, стремится к тому, чтобы так это и оставалось.

— Ты сам записывал? Интервью?

— Нет. Мне хотелось найти таких людей и уговорить их самим делать записи.

— И как?

— Не уговорил. Однако узнал несколько историй. Потрясающие байки. Один пилот с буксира рассказал мне, что на каком-то законсервированном японском заводе живут одичавшие дети-каннибалы. Короче, там, на орбите, у них чуть ли не своя мифология. Честное слово. Корабли-призраки, затерянные города… Если вдуматься, в этом есть даже какой-то пафос. Я хочу сказать, каждая из этих историй повествует о той или иной орбите, но что на одной, что на другой — там все создано руками человеческими, имеет владельцев, занесено на карты. Будто видишь, как миф пускает корни посреди бетонной автостоянки. Но думаю, людям это необходимо, правда?

— Да, — отозвалась она, думая о Легбе, о Маман Бригитте, о тысяче свечей.

— Однако, — продолжал он, — больше всего мне хотелось бы добраться до леди Джейн. Поразительная история. Совершенно готическая.

— Леди Джейн?

— Тессье-Эшпул. Это ее семья построила тор "Фрисайд". Пионеры высокой орбиты. У Континьюити есть потрясающий видеофильм. Поговаривают, будто леди Джейн убила собственного отца. Она — последняя в роду. Деньги кончились много лет назад. Она распродала все, приказала отпилить конец веретена и перебралась на новую орбиту…

Энджи выпрямилась на кушетке, сцепив пальцы на плотно сжатых коленях. По спине побежали ручейки пота.

— Ты не слышала этой истории?

— Нет, — проговорила она.

— Ну она сама по себе небезынтересна, поскольку дает представление о том, как ловко они умели уходить в тень. Подумать только, сколько денег они угрохали на то, чтобы держаться подальше от информационных агентств. Мать была Тессье, отец — Эшпул. Они построили "Фрисайд", когда ничего подобного просто не существовало. Фантастически разбогатели в процессе строительства. К моменту смерти Эшпула их концерн, пожалуй, уже вовсю наступал на пятки Йозефу Виреку. И конечно, за это время они совершенно спятили и принялись подряд

клонировать своих детей…

— Звучит… ужасно. И ты пытался… ты действительно пытался найти эту женщину?

— Ну я навел кое-какие справки. Континьюити достал мне фильм Беккера, ну а координаты ее орбиты, естественно, занесены во все справочники. Но как-то невежливо заявляться в гости, если тебя не приглашают, правда? А потом Хилтон вызвал меня обратно на Землю, снова за работу… Тебе нехорошо?

— Да, я… я думаю… Мне нужно переодеться, надеть что-нибудь потеплее.

За послеобеденным кофе она, извинившись, пожелала всем доброй ночи.

Порфир последовал за ней к лестнице. Все время обеда он старался держаться к ней поближе, как будто чувствовал, что ее снова что-то тревожит. Нет, подумала она, ничего нового. Просто сейчас в ней оживает то, чем она дышала, чем она жила раньше и всегда, все то, что так безжалостно закрывали от нее наркотики.

— Мисси будет осторожна, — прошептал парикмахер так, чтобы, кроме нее, никто его не услышал.

— Со мной все в порядке, — сказала она, поднимаясь на первую ступеньку. — Слишком много людей. Я еще к этому не привыкла.

Он стоял, глядя на нее снизу вверх, отблеск умирающих углей за его спиной высвечивал череп — элегантно сработанный и в чем-то даже нечеловеческий. Энджи повернулась и стала взбираться по лестнице.

Час спустя она услышала шум прилетевшего за съемочной группой вертолета.

— Дом, — сказала она, — теперь я посмотрю фильм Континьюити.

Когда на свое место скользнул настенный экран, Энджи открыла дверь спальни и с минуту стояла на верхней площадке, прислушиваясь к звукам пустого дома. Прибой, жужжание посудомоечной машины, ветер, бьющийся в выходящие на веранду окна.

Она повернулась назад к экрану и поежилась, внезапно увидев лицо, которое глядело на нее с зернистого стоп-кадра: брови, дугами выгнувшиеся над темными глазами, высокие хрупкие скулы и широкий решительный рот. Изображение начало расширяться, уходя во тьму зрачка: черный экран, затем белая точка, она растет, удлиняется, становится суженным к концам веретеном. Фрисайд. Вспыхивают немецкие титры.

— Ганс Беккер, — сказал дом, озвучивая вступительный пассаж библиотечных работников "Сенснета", — немецкий

видеохудожник, главной особенностью которого является пристрастное исследование жестко разграниченных областей визуальной информации. Его подход варьируется от классического монтажа до технологий, позаимствованных у промышленного шпионажа, от фантазий на темы глубокого космоса до киноархеологии. Фильм "Антарктика начинается здесь", темой которого является изучение образов семейства Тессье-Эшпулов, в настоящее время расценивается как вершина карьеры кинематографиста. Патологически избегающий средств массовой информации индустриальный клан, ведущий свои операции из абсолютно закрытого орбитального дома, представлял собой исключительно сложную цель.

С исчезновением последнего титра белое веретено заполнило собой весь экран. Изображение сместилось к центру. Стоп-кадр. Молодая женщина в свободной черной одежде, фон неотчетлив. "МАРИ-ФРАНС ТЕССЬЕ, МАРОККО".

Это другое лицо, не лицо из заставки и не то, чьи воспоминания вторгаются в ее сны, и все же черты молодой Мари-Франс предвосхищают его, как будто под их покровом прячется личинка грядущего…

Звуковая дорожка вплетала в наслоения статики и бормотание неразборчивых голосов атональные линии напряжения, а в это время изображение Мари-Франс сменилось официальным монохромным портретом молодого человека в крахмальном воротничке с топорщащимися уголками. Это было красивое лицо, с прекрасными пропорциями, но какое-то слишком жесткое, и во взгляде — выражение бесконечной скуки. "ДЖОН ХЭРНЕСС ЭШПУЛ, ОКСФОРД".

"Да, — подумала Энджи, — я тебя встречала, и не один десяток раз. Я знаю историю твоей жизни, хотя мне и не позволено коснуться ее. И, если честно, вы мне совсем не нравитесь. Правда ведь, мистер Эшпул?"

13. ПОДВЕСНОЙ МОСТ

Подвесной мост стонал и раскачивался. Носилки оказались слишком широкими, чтобы пройти между поручнями из натянутых веревок, поэтому их пришлось поднять выше и нести на уровне груди. Маленькая процессия ползла сантиметр за сантиметром по мосту над казавшейся бездонной темнотой. Впереди — Джентри, крепко сжавший руками в перчатках ручки по обеим сторонам ног спящего. Слику достался более тяжелый конец, изголовье с привинченными к нему батареями и прочим оборудованием. Он чувствовал, как за ними следом пробирается Черри. Ему хотелось сказать ей, что им здесь вовсе ни к чему лишний вес, чтобы она убиралась вниз, но почему-то сказать не мог.

Это была ошибка — дать Джентри пакет наркотиков от Малыша Африки. Слик не знал, что это был за дерм, который вкатил себе Джентри, не знал, какая реакция начинается сейчас в его крови. Что бы это ни было, Джентри слетел с катушек, и теперь они качаются на этом чертовом подвесном мосту в двадцати метрах над бетонным полом Фабрики, и Слик готов был плакать или кричать от разочарования и обиды. Ему хотелось разбить что-нибудь, что угодно, но он не мог отпустить носилки.

Чего стоила одна только улыбка Джентри, выхваченная из тьмы светом биодатчиков в изножье носилок. Свет падал ему на лицо каждый раз, когда Джентри делал следующий шаг назад по настилу…

— О Боже, — голосом маленькой девочки сказала Черри, — это просто трахнутый чертовый…

Джентри вдруг нетерпеливо дернул носилки, и Слик едва удержал ручки.

— Джентри, — сказал Слик, — мне кажется, тебе стоит дважды над этим подумать.

Джентри снял перчатки. В каждой руке он теперь держал по паре перемычек оптического кабеля, и Слику было видно, как дрожат разводные фитинги.

— Я хочу сказать, Малыш Африка — серьезный мужик. Не порть ему игру. Ты не знаешь, с кем ты связываешься. — Честно говоря, это было не совсем правдой, поскольку Слик знал, что Малыш слишком умен, чтобы делать ставку на месть. Но черт его знает, во что сейчас влипнет Джентри.

— Ничего я не порчу, — сказал Джентри, подходя с переходниками к носилками.

— Послушай, приятель, — вмешалась Черри, — прервав ему

вход, ты же можешь его убить. Его автономная нервная система просто полетит вверх тормашками. Почему ты его не остановишь? — набросилась она на Слика. — Почему ты просто не вышибешь из него мозги?

Слик потер глаза.

— Потому что… ну не знаю. Потому что он… Послушай, Джентри, она говорит, что ты можешь прикончить несчастного ублюдка, если попытаешься сунуться в цепь. Ты слышал?

– "Эл-Эф", "низкочастотник",— ответил Джентри, — вот что я слышал.

Зажав переходники зубами, он начал что-то делать с одним из коннекторов на серой пластине над головой спящего. Руки у него уже не дрожали.

— Мать твою, — выдохнул Слик и прикусил костяшку пальца.

Провод отошел. Одной рукой Джентри резко воткнул коннектор в разъем и стал быстро затягивать фитинг. Улыбнулся, все еще держа в зубах второй переходник.

— Катитесь вы ко всем чертям, — бросила Черри, — я умываю руки. — Но не двинулась с места.

Человек на носилках чуть слышно икнул. От этого звука волосы на руках у Слика встали дыбом.

Отошел второй провод. Джентри вставил второй коннектор и стал затягивать фитинг и на нем.

Черри тут же бросилась к изножью носилок, опустилась на колени, чтобы проверить показания приборов.

— Он это почувствовал, — сказала она, поднимая глаза на Джентри, — но показания вроде в порядке…

Джентри отвернулся к своим консолям. Слик смотрел, как он вставляет в гнезда переходники. Может, думал он, все же как-нибудь обойдется. Джентри вскоре отрубится, носилки придется оставить здесь, наверху, пока не удастся заставить Черри и Пташку помочь ему перетащить их через подвесной мост. Но Джентри — просто шиз; наверное, надо попытаться отобрать у него наркотики, может, тогда все вернется в нормальную колею…

— Я могу только верить, — сказал Джентри, — что это было предопределено. Предопределено ходом всей моей предшествующей работы. Я не стал бы претендовать на понимание того, как это могло произойти, но нас ведь интересует не "почему", правда, Слик Генри? — Он ввел с клавиатуры последовательность каких-то команд. — Ты когда-нибудь задумывался над взаимосвязью между клинической паранойей и феноменом религиозного обращения?

— О чем это он? — спросила Черри. Слик мрачно покачал головой. Если он сейчас хоть что-нибудь скажет, это только

подстегнет безумие Джентри.

Теперь Джентри перешел к большому дисплею на проекционном столе.

— Есть миры внутри миров, — продолжал он, не ожидая ответа на свой вопрос. — Макрокосм, микрокосм. Сегодня вечером мы перетащили через подвесной мост целую Вселенную, то есть то, что вверху, похоже на то, что внизу… Конечно, было совершенно очевидно, что подобные вещи должны существовать, но я не смел и надеяться… — Он с наигранной скромностью по-мальчишески оглянулся через расшитое черным бисером плечо. — А теперь, — сказал он, — мы посмотрим на форму Вселенной, куда отправился путешествовать наш гость. И в этой форме, Слик Генри, я увижу…

Он коснулся клавиши подачи тока на краю проекционного стола. И закричал.

14. ИГРУШКИ

А вот и вправду чудесная штука, — сказал Петал, касаясь куба из розового дерева размером с голову Кумико. — Битва за Британию.

Над кубом возник ореол неонового света. Кумико наклонилась пониже и увидела, как, двигаясь будто в замедленной съемке, крохотный аэроплан развернулся и нырнул в серую пасть Лондона.

— Ее сделали, основываясь на военных хрониках, — пояснил Петал. — Камеры были установлены на прицелах.

Кумико прищурилась, чтобы разглядеть почти микроскопические вспышки зенитных орудий в устье Темзы.

— Сувенир к столетию.

Они находились в бильярдной Суэйна, в комнате с окнами, выходящими на подъездную аллею, на первом этаже дома номер шестнадцать. Здесь приютилась мягкая затхлость, эхо запаха паба. Благопристойность и порядок, присущие хозяйству Суэйна, в этом месте были смягчены благородным запустением: стояли кожаные кресла с потрескавшимися подлокотниками, темные массивные шкафы, тусклым пятном расползлось когда-то зеленое поле бильярдного стола… Черные стальные стеллажи были заставлены развлекательным оборудованием, которое и заставило Петала привести сюда девочку перед чаем. Петал неспешно шаркал своими рваными тапочками на кротовом меху, демонстрируя имеющиеся игрушки.

— А что это за война?

— Предпоследняя, — сказал он, переходя к похожему на первый, но большему по размеру предмету. Тот предлагал полюбоваться на голографи-ческую схватку двух таиландских боксерок, Одна из них с разворота заехала пяткой сопернице в упругий живот, напрягшийся, чтобы сдержать удар. Петал тронул клавишу, и проекция исчезла.

Кумико вернулась к "Битве за Британию" и ее взрывам, похожим на светлячки.

— А вот здесь у нас спортивные фиши на любой вкус, — сказал Петал, открывая чемодан из свиной кожи, набитый сотнями записей.

Он продемонстрировал еще с полдесятка других приборов, потом, почесав в затылке, стал отыскивать японский канал видеоновостей. Наконец нашел, но никак не мог отключить программу автоматического перевода. Посмотрел вместе с Кумико, как выпускной курс Академии служащих "Оно-Сендаи"

отрекается от себя на слезоточивой церемонии выпуска.

— К чему все это? — спросил он.

— Они демонстрируют преданность своему дзайбацу.

— Ну тогда ладно, — протянул он и обмахнул видеомодуль пуховкой. — Скоро будем пить чай.

Стоило Петалу выйти из комнаты, Кумико сразу же отключила звук. Салли Шире за завтраком не было, Суэйна тоже.

Болотного цвета гардины скрывали ряд больших окон, выходящих все в тот же сад. Девочка посмотрела в окно на припорошенные снегом солнечные часы, потом отпустила штору. (Онемевший настенный экран вспыхивал бессвязными видами Токио, санитары в защитных пластиковых костюмах лазерами выпиливали жертву автокатастрофы из груды покореженной стали.)

У дальней стены громоздился массивный викторианский комод на резных ножках в форме ананасов. Замочная скважина в центре розетки, инкрустированной пожелтевшей слоновой костью, была пуста. Девочка потянула на себя дверцу; та чуть скрипнула и открылась. Из недр комода дохнуло химическим запахом древней полировки. Кумико недоуменно рассматривала черно-белую мандалу на задней стенке комода, пока та не сделалась тем, чем была в действительности, — доской для игры в дартс. Блестящее полированное дерево вокруг было испещрено бесчисленными дырочками и царапинами. Кому-то из игроков не то что в мишень, даже в круг не удавалось попасть, решила она. Нижняя часть комода предлагала полюбоваться ящичками с изящными латунными ручками и обрамленными все той же слоновой костью скважинами. Опустившись на колени, Кумико оглянулась на дверь (настенный экран показывал теперь губы певца из какого-то кабаре в Синдзюку) и как можно осторожнее вытянула верхний правый ящик. В нем было полно дротиков, часть была аккуратно сложена в кожаные колчаны, остальные — просто свалены кучей. Девочка закрыла ящик и выдвинула такой же слева. Мертвая моль и ржавая отвертка. Ниже помещался единый широкий ящик. При попытке открыть его ящик ужасающе заскрипел. Девочка снова оглянулась (рекламный ролик демонстрировал, как логотип "Фудзи Электрик" освещает Залив) — никаких признаков присутствия Петала.

Несколько минут она провела, перелистывая порнографические журналы с японским текстом, которые, похоже, посвящались в основном искусству групповых отношений. Под стопкой журналов лежали запыленная куртка из вощеного хлопка и серая пластмассовая коробка; на крышке было оттиснуто: "ВАЛЬТЕР". Сам пистолет оказался тяжелым и холодным. Подняв

его из пенопластового ложа, она увидела свое отражение в синем металле. Кумико до сих пор никогда не держала в руках оружия. Серая пластмассовая рукоять казалась невероятно огромной. Девочка вернула пистолет в ящик и пробежала глазами японский раздел во вкладыше с многоязычной инструкцией. Это был пневматический пистолет: чтобы выстрелить, нужно качнуть рычагом где-то под стволом. Пистолет стрелял очень маленькими свинцовыми шариками. Еще одна игрушка. Аккуратно разложив содержимое по своим местам, она снова закрыла ящик.

Остальные ящики оказались пусты. Закрыв дверцу комода, Кумико вернулась к "Битве за Британию".

— Нет, — сказал Петал, — прости, но не выйдет. Он намазывал девонширское масло на сдобную пышку, тяжелый викторианский нож казался в его толстых пальцах детской игрушкой.

— Попробуй масла, — предложил он, опустив массивную голову и вкрадчиво глядя на девочку поверх очков.

Кумико стерла льняной салфеткой с верхней губы кусочек мармелада.

— Ты думаешь, что я попытаюсь сбежать?

— Сбежать? Так вот ты о чем подумываешь? — Он серьезно и неторопливо ел свою сдобу и смотрел на падающий за окнами снег.

— Нет, — ответила девочка. — У меня нет намерения сбежать.

— Хорошо, — отозвался он, откусывая еще кусок.

— На улице мне грозит опасность?

— О Господи! Конечно нет, — сказал он с какой-то непреклонной веселостью. — Ты там в такой же безопасности, как и дома.

— Я хочу пойти погулять.

— Нет.

— Но я же выхожу с Салли.

— Да, — согласился он, — она тот еще подарочек, эта твоя Салли.

— Я не знаю такой идиомы.

— Никаких прогулок в одиночку. Так говорилось в письме, которое мы получили от твоего отца, понимаешь? С Салли — пожалуйста, но ее сейчас нет. Не буду утверждать, что на улице тебе обязательно кто-нибудь станет докучать, но к чему рисковать? С другой стороны, я сам был бы рад, просто счастлив пойти с тобой погулять, но я здесь на посту на тот случай, если Суэйну кто-нибудь позвонит. Так что я не могу. Просто стыд и срам, правда, правда. — Он выглядел настолько искренне

расстроенным, что девочка решила смягчиться.

— Поджарить тебе еще гренок? — спросил он, жестом указывая на ее тарелку.

— Нет, спасибо. — Кумико положила салфетку на стол и добавила: — Было очень вкусно.

— В следующий раз тебе следует попробовать масла, — сказал он. — После войны его было не достать. С Германии нанесло радиоактивный дождь, и коровы уже стали не те, что раньше.

— Суэйн сейчас здесь, Петал?

— Нет.

— Я никогда его не вижу.

— Приходит, уходит. Дела. Все возвращается на круги своя. Очень скоро у нас отбоя не будет от посетителей, и Суэйн снова станет устраивать аудиенции.

— Какие посетители, Петал?

— Деловые люди, можно сказать и так.

— Куромаку, — пробормотала девочка.

— Прости?

— Ничего.

Остаток вечера она провела в одиночестве в бильярдной Свернулась калачиком в глубоком кожаном кресле и смотрела, как сад прячется в снег и солнечные часы, теряя очертания, превращаются в белую таинственную колонну. Она представила себе, что там, в снегопаде, ее мать, одна в саду, закутанная в темные меха. Принцесса-балерина, утопившаяся в ночных водах Сумиды.

Озябнув, девочка встала, обошла бильярдный стол и присела у мраморного камина, где газовое пламя тихонько шипело над вечными углями, которые никак не могло поглотить.

15. СЕРЕБРЯНЫЕ ТРОПЫ

Была у нее подруга в Кливленде, Ланетта, которая много чему ее научила: как быстро выбраться из машины, если клиент пытается запереть за тобой дверь, как вести себя, когда идешь покупать дозу. Ланетта была чуть старше и торчала в основном на "магике": как она говорила — "чтобы сбить депрессняк"; если его не было, она вкачивала что под руку подвернется — от аналогов эндорфина до старого доброго опиума из Теннесси. Иначе, говорила подруга, так и будешь сидеть по двадцать часов перед видиком, смотреть всякую дрянь. Когда "магик" добавляет бодрости к теплой неуязвимости хорошего кайфа, утверждала она, вот это действительно нечто. Но Мо-на заметила, что те, кто всерьез уходит в кайф, большую часть времени корчатся по углам — блюют, и еще она никак не могла взять в толк, как кому-то может захотеться смотреть видик, если с тем же успехом можно подключиться к стиму. (А Ланетта говорила, что симстим — это еще большая дрянь.)

Мона подумала о Ланетте потому, что порой та давала ей дельные советы: например, как вывернуть неудачную ночь наизнанку. Сегодня, думала она, Ланетта посоветовала бы поискать бар и какую-нибудь компанию. У Моны еще оставались деньги после Флориды, так что дело за малым — отыскать место, где примут наличные.

Попала с первой попытки. Добрый знак. Вниз по узкому пролету бетонных ступенек, чтобы окунуться в дымный гул голосов и знакомый приглушенный ритм "Белых алмазов" Шабу. Да уж, тусовка не для пиджаков, но и не такой бар, какие коты в Кливленде называли "свой клуб". Она совсем не заинтересована сейчас в том, чтобы пить в "их клубе". Во всяком случае, не сегодня.

Она только входила, как вдруг кто-то поднялся от стойки, собираясь на выход, так что Мона тут же проскользнула вперед и захватила его табурет, даже пластик остыть не успел — еще один добрый знак.

Бармен поджал губы, потом кивнул, когда Мона показала ему банкноту. Так что она сказала: "Плесни мне бурбона и пива вдогонку", — это всегда заказывал Эдди, если платил за выпивку сам. Если платил кто-то другой, он, заказывал разные болтушки, которые бармен не знал, как готовить, а потом немало времени тратил на объяснения, как именно это делается. И, выпив коктейль, принимался жаловаться на то, какая же это дрянь по сравнению с тем, что смешивают в Сингапуре или Лос-Анджелесе,

или в каком другом месте, где — Мона-то знала — он никогда не бывал.

Бурбон здесь был странноватый, с непонятной кислинкой, но в общем-то неплохой — если его проглотить. Она сообщила об этом бармену, а тот в свою очередь спросил у нее, где она обычно пьет бурбон. Она сказала, что в Кливленде, и он кивнул. У них там это этил плюс какое-то дерьмо, которое должно давать вкус бурбона, сказал он. Когда бармен отсчитывал сдачу, Мона решила, что этот их бурбон в Муравейнике — дороговатое удовольствие. Однако дело он свое делал — трясучку снимал, так что она проглотила остатки и принялась за пиво.

Ланетта любила бары, но сама никогда не пила — только "коку" или что-нибудь легкое. Мона навсегда запомнила тог день, когда она приняла два кристалла подряд — двойной удар, как сказала Ланетта — и услышала голос в собственной черепушке. Голос звучал так ясно, будто кто-то в комнате говорил: "Это происходит так быстро, что остается на месте". И Ланетта, которая часом раньше распустила спичечную головку мемфисской "черноты" в чашке китайского чая, тоже дохнула "магика", и они пошли гулять. Бродили вдвоем по дождливым улицам в совершенной гармонии, когда нет нужды о чем-либо говорить (так это казалось Моне). Тот голос был прав: ни шума по пустякам, ни спешки, никаких психов с перекошенными лицами — просто такое ощущение, будто что-то — может быть, сама Мона — расширяется из тихого неподвижного центра. И они нашли парк, где ровные плоские газоны усеивали серебристые лужи, и они с Ланеттой исходили там все дорожки. У Моны было даже название для этого воспоминания: "Серебряные тропы".

А какое-то время спустя Ланетта просто исчезла, никто ее больше не видел. Одни говорили, что она отправилась в Калифорнию, другие трепались про Японию, а третьи — что она откинулась от передозняка. Эдди это называл "нырнуть всухую", но вот уж об этом Моне думать совершенно не хотелось. А потому она выпрямилась, оглянулась по сторонам и — да, это классное место, достаточно маленькое, чтобы выглядеть переполненным, но иногда это и хорошо. Здесь были те, кого Эдди называл богемой. Люди с деньгами, но одевающиеся так, будто их не имеют, если не считать того, что одежда на них отлично сидит и с первого взгляда ясно, что куплена-то она новой.

За баром стоял телевизор — над всей этой батареей бутылок, — и тут Мона увидела в нем Энджи. Та что-то говорила, глядя прямо в камеру, но бармен, очевидно, выкрутил звук, так что за гулом голосов было не разобрать, что она там говорит. Потом съемка пошла сверху, камера уставилась вниз на цепочку

домов, примостившихся на самом краю пляжа, и тут вернулась Энджи. Она смеялась, встряхивала гривой волос, дарила камере свою знаменитую полупечальную улыбку.

— Эй, — окликнула Мона бармена, — вон там — Энджи.

— Кто?

— Энджи, — повторила Мона, указывая на экран.

— Ага, — протянул тот, — она торчала на какой-то модельной дряни, но решила соскочить, поэтому поехала в Южную Америку или еще куда-то заплатить пару лимонов, чтобы ее почистили.

— Да не может она торчать! Бармен равнодушно поглядел на нее:

— Тем не менее.

— Но как она могла даже начать? Я хочу сказать, она ведь Энджи, так?

— Как сказать…

— Но поглядите на нее, — запротестовала Мона, — она так хорошо выглядит…

Но Энджи уже исчезла, ее сменил чернокожий теннисист.

— Так ты думала, это она? Это — говорящая голова.

— Голова?

— Что-то вроде куклы, — сказал голос позади нее. Мона резко обернулась, чтобы увидеть встрепанные песочные вихры и ленивую белозубую усмешку. — Кукла, — человек поднял руку со сложенной фигой, — как в мультике, понимаешь?

Она услышала, как бармен кинул на стойку сдачу и перешел к следующему клиенту. Белая усмешка стала шире.

— Так что ей нет нужды записывать весь материал самой, верно?

Мона улыбнулась в ответ. Симпатичный, умные глаза и заговорщицкое "привет" вспыхнули для нее именно тем сигналом, который ей и хотелось прочесть. Не клиент, не пиджак. Легкий малый, как раз такой, какой мог бы ей сегодня понравиться-и что-то бесшабашно веселое в рисунке губ, такое странное в сочетании с умными, насмешливыми глазами.

— Майкл.

— А?

— Мое имя Майкл.

— О, Мона. Меня зовут Мона.

— Откуда ты, Мона?

— Из Флориды.

И разве не сказала бы ей Ланетта, что за такого надо хвататься не глядя?

Эдди терпеть не мог богему: они не покупали того, что он

продавал. А Майкла он возненавидел бы еще больше, раз у того была работа и мансарда в нормальном доме. Во всяком случае, Майкл сказал, что это мансарда или чердак. Впрочем, когда они добрались туда, помещение оказалось гораздо меньше, чем, по мнению Моны, полагается быть чердаку. Само здание было старым — бывшая фабрика или что-то вроде того. Часть стен — из песчаника, а потолки — деревянные, с массивными балками. Но все это было нарезано на клетушки: комната немногим больше ее номера в отеле, со спальной нишей в одном конце и кухней и ванной в другом. Однако этаж был верхним, так что потолок оказался по большей части застекленной крышей — может, это и делало клетушку мансардой? Под окном в крыше, затеняя свет, горизонтально висел лист красной бумаги. По углам он был проткнут крюками на веревках — прямо-таки огромный воздушный змей. В комнате царил ужасный беспорядок, но разбросанные кругом вещи все были новыми: несколько белых проволочных кресел с каркасом, обмотанным прозрачными пластиковыми трубками, стеллажи с развлекательными модулями, рабочая станция и серебристая кожаная кушетка.

Они начали на кушетке, но к кушетке все время липла спина, так что они перебрались в альков на кровать.

И только тут она увидела на стене белые полки, а на них — записывающее оборудование, стим-модули. Но "магик" снова взял вверх, а потом, если уж она на это решилась, то почему бы и не пойти до конца? Майкл надел на нее устройство с сенсорными датчиками — такой черный резиновый ошейник, из которого торчат внутрь тупые штыри-пальцы с дерматродами, прижимающиеся к основанию черепа. Никаких проводов. Кучу денег стоит, это любому известно.

Надевая на себя троды и проверяя приборы на стенах, Майкл рассказывал о своей работе, о том, как работает на одну контору в Мемфисе, которая выдумывает для компаний новые имена. Прямо сейчас он старается сочинить название для компании, которая зовется "Китайские Катоды". Им это позарез нужно, сказал он и рассмеялся, но потом добавил, что все не так просто. Потому что на свете и без этих китайцев слишком много всяких компаний и все удачные названия уже разобраны. У него есть компьютер, который знает названия всех компаний в мире, и еще один, который составляет слова, чтобы потом использовать их в качестве имен, и еще один, который проверяет, не значит ли придуманное слово "тупица" или еще что-нибудь в этом роде на каком-нибудь турецком или шведском. Но контора, на которую он работает, продает не просто имена, они там продают то, что называется "имидж", так что ему приходится взаимодействовать с

командой других людей — только так можно быть уверенным, что его идея впишется в общий пакет.

Потом он пристроился рядом с ней в постели, и не так уж это все было здорово. Веселье куда-то испарилось, с тем же успехом это мог бы быть какой-нибудь клиент — она лежала, думая даже не о Майкле, а о том, что он сейчас все записывает. Проиграет потом ее, Мону, когда ему захочется. И вообще, сколько у него уже было таких, как она?

Вот так она рядом с ним и лежала — после всего, — слушая, как он посапывает во сне, пока "магик" не стал закручивать плотные маленькие круги на дне черепа, раз за разом выщелкивая на экран век одну и ту же последовательность бессвязных картинок: пластиковый пакет, в котором она хранила свои вещи во Флориде, верх пакета завязан проволокой, чтобы не впустить внутрь жуков; старик сидит у фанерного стола, чистит мясницким ножом картофелину, нож сточен до огрызка размером с ее большой палец; кливлендская забегаловка, где подавали криль, павильон построен в форме свернувшейся креветки, а выгнутая спина из металлических листов и разрисованного розовым и оранжевым прозрачного пластика служит крышей; проповедник, которого она видела, когда шла за новой одеждой, он и его бледный, расплывчатый Иисус. Всякий раз, когда наступал черед проповедника, Иисус все собирался что-то сказать, но так и не заговорил.

Черт, теперь это кино никак не остановишь, разве что встать и попытаться занять мысли чем-то еще.

Ладно, выбралась из постели, постояла в сером свете от окна в крыше, глядя на Майкла. Вознесение. Вознесение грядет.

Что поделаешь… вышла в комнату и натянула платье — замерзла.

Мона присела на серебристую кушетку. Красное затемнение превращало серый свет из окна в розовый — это снаружи начинало светать. Интересно, сколько может стоить такая квартира?

Теперь, не видя его, Мона с трудом вспоминала: а как вообще выглядит Майкл? Ну, подумалось ей, ему-то не составит труда меня запомнить. Но одна только мысль о стиме оставила у нее привкус чего-то такого… как будто ее ударили или обидели, а может, просто попользовались. Она почти жалела, что не осталась в отеле постимить Энджи.

Серо-розовый свет заполнял комнату, ложился пятнами, цепенел, застывал в углах. Что-то в нем напомнило о Ланетте и о разговорах о передозняке. Иногда от передозняка кончаются в чужих квартирах, и потом проще всего выбросить тело из окна,

так чтобы копы не сообразили, откуда именно оно выпало.

Но она ведь не собиралась об этом думать… Мона встала, порылась в холодильнике и в шкафах в кухне. В морозилке лежал мешок кофейных зерен, но на "магике" от кофе начинает трясти. Еще там было полно маленьких целлофановых пакетиков с японскими этикетками, что-то замороженное или обезвоженное. Она нашла пакетики чая и сорвала печать с одной из бутылок воды в холодильнике. Налила немного воды в кастрюльку. С плитой пришлось повозиться, прежде чем удалось ее зажечь. Электроконфорки оказались белыми кругами на черном фоне плиты. Ставишь кастрюлю в центр круга и касаешься красной точки, нарисованной рядом. Когда вода закипела, она бросила в кастрюлю пакетик чая и сняла ее с конфорки.

Наклонившись над кастрюлькой, Мона вдохнула пар с запахом трав.

Она никогда не забывала, как выглядит Эдди, когда его не было рядом с ней. Пусть это случалось не очень часто, но когда он был рядом, она чувствовала себя уверенней. Должно же быть подле тебя какое-то лицо, которое не меняется. Но, пожалуй, и об Эдди думать сейчас — не такая уж хорошая идея. Скоро, очень скоро наступит отходняк, а до тех пор надо еще найти способ вернуться в отель. Внезапно ей пришло в голову, что все это так сложно: слишком многое надо сделать, просчитать варианты — а это и есть отходняк, когда начинаешь волноваться, как бы слепить обратно дневную сторону суток.

Едва ли Прайор позволит Эдди ее ударить, думала Мона, хотя бы потому, что хочет что-то сотворить из ее внешности. Мона обернулась, чтобы достать чашку.

Прайор был одет в черное пальто. Она услышала, как из ее горла сам по себе вырвался странный звук.

При отходняке ей и раньше случалось видеть всякую всячину. Если смотреть в упор, видения исчезали. Она попыталась вглядеться в Прайора, но это не сработало.

Он просто стоял у двери с каким-то пластмассовым пистолетом в руке, не целился в нее, просто держал пушку в руках. На нем были перчатки, точно такие, как те, какие Джеральд надевал для осмотра. С виду он был не слишком чтоб зол, но ради разнообразия не улыбался. Довольно долго он вообще не произносил ни слова, и Мона тоже молчала.

— Кто здесь? — Он сказал это так, будто спрашивал мимоходом на вечеринке, как дела.

— Майкл.

— Где?

Она кивком показала на альков.

— Надень туфли.

Она вышла из кухни, стараясь держаться подальше от него, по дороге автоматически нагнулась, подобрала с ковра белье. Туфли нашлись за кушеткой.

Прайор беззвучно шагнул за ней в комнату, стал смотреть, как она надевает туфли. В руке у него по-прежнему был пистолет. Сняв свободной рукой со спинки кушетки кожаную куртку Майкла, он бросил ее Моне.

— Надень, — спокойно сказал он. Она просунула руки в рукава, в одном из карманов скомкала белье.

Он подобрал рваный белый дождевик и, свернув в ком, убрал в карман своего пальто.

Храпел Майкл. Возможно, он вскоре проснется и проиграет запись по новой. С его снаряжением ему и в самом деле никто здесь больше не нужен.

В коридоре Мона равнодушно смотрела, как Прайор с помощью серой коробочки запирает дверь. Пушка исчезла, но она не видела, как он ее убирал. Из коробочки торчал кусок гибкого красного шнура с непримечательным магнитным ключом на конце.

На улице было холодно. Он заставил ее пройти пешком квартал, потом открыл дверь маленькой белой трехколесной машины. Она села внутрь. Заняв место водителя, Прайор стянул перчатки. Завел машину. Мона увидела облачко выхлопа, отраженное в зеркальных стеклах башни бизнесцентра.

— Он подумает, что я ее украла, — пробормотала она, теребя лацкан куртки.

Тут "магик" сдал последнюю свою карту: по синапсам рванул рваный каскад нейронов… Кливленд под дождем и покой в душе, какой она испытала лишь однажды — тогда, на тропинках.

Серебро.

16. НИТЬ НАКАЛИВАНИЯ В СЛОЕ НАГАРА

"Я — твоя идеальная аудитория, Ганс, — подумала она, когда запись пошла по второму кругу. — Где тебе найти более внимательного зрителя? Ты ведь уловил их сущность, Ганс. Можешь мне поверить, я это знаю, потому что мне снятся ее воспоминания. Я вижу, насколько близко ты подошел".

Да, ты уловил сущность этих людей. Путешествие вовне, строительство стен, долгая спираль, закручивающаяся внутрь. Они помешались на стенах, не так ли? Лабиринт крови, лабиринт семьи. Грибница посреди пустоты… Они как будто говорят: "Мы — это то, что внутри, снаружи — другое. Здесь мы пребудем вечно". А тьма таилась там с самого начала… Ты раз за разом находил ее в глазах Мари-Франс, вновь и вновь пригвождал медленным наплывом камеры на затененные глазницы черепа. Очень рано она запретила снимать себя на пленку. Ты подровнял, увеличил ее изображение, провернул его через плоскости света, плоскости тени, сгенерировал модели, расчертил ее череп решеткой неона. Ты использовал особые программы, чтобы состарить ее визуальный образ согласно статистическим моделям, затем — анимационные программы, чтобы оживить свою зрелую Мари-Франс. Ты раздробил ее изображение, низвел его до бесчисленного, но конечного числа точек, перемешал, давая выйти на свет новым формам, выбрал те, которые, похоже, что-то говорили тебе… А потом ты взялся за остальных, за Эшпула и дочь, чье лицо обрамляет твой фильм, — его первый и последний кадр.

Повторный просмотр придал основательность их истории, позволил Энджи нанизать отрывочные видеозарисовки Беккера на единую временную линию. Точкой отсчета стала свадьба Тессье и Эшпула, союз, наделавший в свое время немало шума, особенно в средствах массовой информации финансовых кругов. Оба были наследниками своих отнюдь не скромных империй: Мари-Франс — громадного состояния семьи Тессье, основанного на девяти базовых патентах в области прикладной биохимии, а Эшпул — мощной инженерной фирмы со штаб-квартирой в Мельбурне, фирмы, которая носила имя его отца. Журналистам этот брак представлялся слиянием, хотя возникшую в результате корпоративную единицу финансовый мир рассматривал как невыгодную — этакая химера с двумя головами, смотрящими в разные стороны.

Однако вскоре стало заметно, как на фотографиях тех лет из взгляда Эшпула исчезли пресыщенность и скука, а их место

заняла абсолютная решимость. Эффект вышел нелестным — или скорее даже пугающим: красивое жесткое лицо становилось все жестче, все безжалостней в своей всепоглощающей целеустремленности.

Через год после женитьбы на Мари-Франс Тес-сье Эшпул избавился от девяноста процентов акций своей фирмы, вложив освободившийся капитал в орбитальную собственность и установки по запуску "шаттлов". Плод живого союза, двоих детей — брата и сестру — вынашивали тем временем суррогатные матери на вилле Мари-Франс в Биаррице.

Тессье-Эшпулы взошли на орбитальный архипелаг и здесь обнаружили, что плоскость эклиптики размечена лишь очень редко разбросанными военными базами и первыми автоматизированными фабриками картелей. И тогда они начали строительство. Первоначально их объединенные капиталы были не больше, чем затраты "Оно-Сендаи" на изготовление одного-единственного процессорного блока в условиях орбитальной станции, но Мари-Франс, проявив неожиданное предпринимательское чутье и сноровку, создала приносящую колоссальный доход гавань данных для обслуживания потребностей не столь респектабельных секторов международного банковского сообщества. А это, в свою очередь, породило связи с самими банками и их клиентами. Эшпул занимал направо и налево, и стена лунного бетона, которой предстояло стать Фрисайдом, росла и закруглялась, смыкаясь вокруг своих создателей.

Когда разразилась война, Тессье-Эшпулы уже скрылись за этой стеной. Они видели, как вспыхнули и погибли Бонн и Белград. Строительство веретена продолжалось в те три недели войны лишь с незначительными перебоями, хотя в последовавшие за ними десятилетия оцепенения и хаоса эта задача стала гораздо сложнее.

Но дети, Джейн и Жан, теперь уже были с ними. Вилла в Биаррице была продана, чтобы оплатить создание криогенной установки для их нового дома, виллы "Блуждающий огонек". Первыми жильцами криогенной утробы стали десять пар клонированных эмбрионов: 2-Джейн и 2-Жан, 3-Джейн и 3-Жан… Существовало множество законов, запрещавших или как-то иначе регулировавших искусственное репродуцирование индивидуального генетического материала, но было и столько же лазеек в хитросплетениях юрисдикции…

Энджи остановила запись и попросила дом вернуться к предыдущему эпизоду. Снова кадры с изображением криогенного устройства, этой утробы Тессье-Эшпулов, созданной

швейцарскими инженерами. Она знала, что предположение Беккера о сходстве верно: эти круглые двери из окаймленного хромом черного стекла были центральными образами в воспоминаниях незнакомки, убедительными и тотемными.

Одно изображение сменяло другое. Теперь речь шла о создании сооружений на внутренней поверхности веретена в условиях невесомости. Продвигалось строительство осветительной системы Ладо-Ачесона, преобразующей солнечную энергию, наращивалась атмосфера, создавалась ротационная — за счет вращения — гравитация… Тут Беккер столкнулся с непреодолимым, на, первый взгляд, препятствием: он обнаружил, что на него свалилось сказочное богатство в виде многих-многих часов блестяще-глянцевой документации. Он ответил на этот вызов яростным, рваным монтажом, напрочь выстригая поверхностный лиризм исходного материала; на экране остались лишь отдельные напряженные лица измученных рабочих среди неистового улья механизмов. Фрисайд зеленел и расцветал в ускоренном порхании записанных на пленку восходов и искусственных закатов. Роскошная, запечатанная в бетон и пластик земля, усеянная драгоценными камнями бирюзовых озер. Тессье и Эшпул выбирались из "Блуждающего огонька", своего тайного дома на кончике веретена, лишь на официальные церемонии. С примечательной отстраненностью обозревали властители ими же созданную страну. Тут Беккер резко сбросил темп и снова принялся за свой одержимый анализ. Вот это — последний раз, когда Мари-Франс взглянула в объектив. Беккер исследует черты ее лица в мучительной, растянутой фуге, крупные планы медленно перетекают один в другой в изысканном контрапункте к пульсирующим волнам аудиореверса, прорывающимся на звуковой дорожке сквозь дрейфующие наслоения статических шумов.

Энджи вновь попросила паузу, поднялась с кровати и подошла к окну. Она испытывала странный подъем, пришло неожиданное ощущение силы и внутренней гармонии. Что-то подобное произошло с ней семь лет назад в Нью-Джерси, когда она узнала, что и другим известны те, кто приходил к ней в снах, что они зовут их лоа, Божественными Наездниками, дают им имена, и призывают их, и торгуются с ними о милостях.

И даже тогда не обходилось без путаницы и недоразумений. Бобби, например, утверждал, что Линглессу, оседлавший Бовуа в оумфоре, и Линглессу из матрицы — это различные, не связанные между собой сущности. Если, конечно, первого из них вообще можно считать сущностью.

— Они проделывают это уже более десяти тысяч лет,

танцуют, сходят с ума, — говорил он, — твари же из киберпространства — духи, призраки, не важно, что они такое, — обитают там лишь последние лет семь-восемь, не более.

Бобби верил старым ковбоям. Тем, кому он покупал выпивку в "Джентльмене-Неудачнике" всякий раз, когда карьера Энджи приводила их в Муравейник. Старики считали, что лоа появились не так давно, они вроде как новоприбывшие. Старые ковбои жили прошлым, когда решительность и талант были единственными решающими факторами в карьере компьютерного виртуоза. Впрочем, Бовуа возразил бы на это, что для того, чтобы иметь дело с лоа, решительности и таланта требуется не меньше.

— Но они же приходят ко мне, — возражала она. — И мне не нужна дека.

— Это то, что у тебя в голове. То, что сделал твой отец…

Бобби рассказал ей, что старые ковбои сошлись на том, что однажды настал такой день, когда все изменилось, хотя существовали разногласия относительно того, как и когда.

"Когда Все Изменилось" — так они называли это событие или этот день, и однажды Бобби заставил Энджи загримироваться и привел ее в "Неудачник", чтобы она сама послушала стариков. Вокруг бара суетились агенты из службы безопасности "Сенснета", которых даже на порог не пустили. То, что охрана осталась за дверью, произвело на нее тогда большее впечатление, нежели разговоры стариков. "Джентльмен-Неудачник" стал баром ковбоев еще во времена войны, которая ознаменовала рождение новой технологии. Тогда в Муравейнике не было другого места, где криминальные элементы были бы представлены в таком изобилии, — хотя, когда Энджи появилась здесь, это изобилие наводило скорее на мысль, что завсегдатаи бара в большинстве своем давно ушли на покой. В "Неудачнике" уже не толклись крутые ребята из молодых, но некоторые из них приходили сюда послушать.

И вот теперь, в спальне дома в Малибу, Энджи вспомнила эти истории о том, "Когда Все Изменилось", понимая, что какая-то часть ее сознания мучительно пытается найти место стариковским байкам и воспоминаниям в коллаже из обрывков ее собственной жизни и истории семейства Тессье-Эшпулов.

3-Джейн была нитью накаливания, Тессье-Эш-пулы — слоем нагара. Дата ее рождения была официально зарегистрирована тем же днем, что и рождение девятнадцати ее клонированных братьев и сестер-близнецов. "Расследование" Беккера стало еще более нервозным, когда 3-Джейн была выношена в чреве очередной суррогатной матери и вышла на свет посредством кесарева сечения в хирургическом отсеке "Блуждающего огонька". Критики

соглашались: З-Джейн явилась для Беккера чем-то вроде спускового крючка. С рождением З-Джейн фокус документального фильма незаметно сместился, являя новое усиление напряженности, прогрессию одержимости — как бы некое чувство греха, что отмечал не один критик.

З-Джейн стала центром внимания, капризной жилкой золота в гранитном массиве семьи. "Нет, — подумала Энджи, — серебра, тусклого и сумасбродного". Изучая снимок З-Джейн и двух ее сестер, сделанный китайским туристом у озера возле какого-то отеля во Фрисайде, Беккер неизменно возвращается к глазам З-Джейн, рассматривает выемку ключицы, хрупкие запястья. Физически сестры совершенно идентичны, и все же нечто выделяет З-Джейн. И попытка Беккера докопаться до природы этой особенности превращается в основной посыл всего фильма.

По мере того как расширяется архипелаг, Фрисайд процветает. Банковский узел, публичный дом, гавань данных, нейтральная территория для воюющих корпораций — веретено начинает играть все более сложную роль в истории высокой орбиты; тем временем владельцы "Тессье-Эшпул СА" скрываются еще за одну стену, на этот раз — дочерних корпораций. Имя Мари-Франс ненадолго всплывает в связи с разбирательством в женевском патентном суде по поводу определенных достижений в области создания искусственного интеллекта. Впервые и только на короткое время достоянием общественности становится информация о массированных вложениях Тессье-Эшпулов в исследования в этом направлении. И вновь семейство проявляет свою своеобразную способность исчезать из виду, вступая в еще один период забвения, тот, что окончится лишь со смертью Мари-Франс.

Постоянно будут ходить слухи об убийстве, но любая попытка расследования натолкнется на богатство и изолированность клана, на сложное переплетение их финансовых и политических связей.

Вторично просматривая фильм Беккера, Эн-джи уже знала личность убийцы Мари-Франс Тессье.

На рассвете, не зажигая на кухне свет, она приготовила себе кофе и села смотреть на бледную линию прибоя.

— Континьюити.

— Здравствуй, Энджи.

— Ты знаешь, как связаться с Гансом Беккером?

— У меня есть номер телефона его агента в Париже.

— Беккер что-нибудь снял после "Антарктики"?

— Насколько мне известно, ничего.

— А как давно это было?

— Пять лет назад.

— Спасибо.

— Пожалуйста, Энджи.

— До свидания.

— До свидания, Энджи.

Уж не считал ли Ганс Беккер, что З-Джейн повинна в смерти Эшпула? Казалось, он каким-то окольным путем внушал эту мысль.

— Континьюити.

— Здравствуй, Энджи.

— Фольклор компьютерных жокеев, Континьюити. Что ты об этом знаешь?

Интересно, что подумает Свифт, спросила она себя.

— Что бы тебе хотелось знать, Энджи?

– "Когда Все Изменилось"…

— Архетип мифа встречается обычно в одной из двух версий. Одна версия предполагает, что матрица киберпространства населена — или, скорее, посещаема — некими существами, чьи характеристики соответствуют первичному архетипу "скрытого народа". Другая основана на предположении о вездесущности, всесильности и непостижимости самой матрицы.

— То есть, что матрица есть Бог?

— Можно сказать и так, хотя в рамках архетипа точнее было бы говорить о том, что у матрицы есть Бог, поскольку вездесущность и всесильность этого существа ограничивается матрицей.

— Если у него есть ограничения, он не всесилен.

— Вот именно. Обрати внимание на то, что архетип не наделяет его бессмертием, что обычно присуще религиозным системам, основанным на вере в высшее существо, — по крайней мере, в рамках именно вашей культуры. Киберпространст-во существует — если, конечно, можно употребить слово "существует" — лишь благодаря деятельности людей.

— Как ты.

— Да.

Энджи вернулась в гостиную, где в сером рассветном свете очертания кресел эпохи Людовика XVI стали чем-то похожи на скелеты: их изогнутые ножки напоминали позолоченные кости.

— Если бы подобное существо имелось в действительности, — спросила она, — ты был бы его частью, так?

— Да.

— И ты знал бы об этом?

— Не обязательно.

— Ты знаешь?

— Нет.

— Ты исключаешь такую возможность?

— Нет.

— Тебе не кажется, что это довольно странный разговор, Континьюити?

Ее щеки были мокрыми от слез, хотя она и не заметила, когда они начали течь.

— Нет.

— Как вписываются истории о… — Она помедлила, едва не сказав слово "лоа". — О существах в матрице… как они уживаются с представлением об этом сверхсуществе?

— Никак. И то и другое — лишь версии события, известного как "Когда Все Изменилось". И та и другая версии очень недавнего происхождения.

— Точнее?

— Приблизительно пятнадцать лет.

17. СВАЛИВАЕМ!

Девочка проснулась, почувствовав, что рот ей зажимает холодная ладонь Салли. Другая рука жестом призывала к молчанию.

Горели мелкие лампочки, встроенные в зеркало с золотыми искорками. Одна из ее сумок была открыта и стояла в ногах гигантской кровати, рядом с ней — аккуратная стопка одежды.

Салли прикоснулась указательным пальцем к плотно сжатым губам, потом жестом указала на одежду и чемодан.

Кумико выскользнула из-под пухового одеяла и, спасаясь от холода, натянула свитер. Снова взглянув на Салли, она заколебалась, не заговорить ли ей вслух. "Что бы это ни было, — подумала она, — достаточно одного слова, чтобы появился Петал". Салли была одета так же, как в последний раз, когда Кумико ее видела: дубленка с барашковым воротником, под подбородком завязан клетчатый шарф. Она повторила жест: собирай вещи.

Быстро одевшись, Кумико начала складывать вещи в саквояж. Салли беспокойно, но и бесшумно ходила по комнате, открывала и закрывала ящик за ящиком. Отыскав паспорт Кумико, черную пластиковую табличку на нейлоновом шнурке с рельефной золотой хризантемой, она повесила ее на шею девочке. Потом скрылась в фанерной каморке, чтобы появиться с замшевым несессером в руках с туалетными принадлежностями Кумико.

Когда Кумико застегивала саквояж, зазвонил золоченый антикварный телефон.

Салли проигнорировала звонок, взяла с постели чемодан, открыла дверь и, схватив Кумико за руку, потянула ее в темный холл. Отпустив ее руку, Салли прикрыла за ними дверь, заглушив телефон и оставив их в полной темноте. Кумико позволила провести себя к лифту — его она узнала по запаху масла и полироля, позвякиванию металлической решетчатой двери.

Лифт пошел вниз.

В ярко освещенной прихожей их ждал Петал, закутанный в необъятных размеров выцветший шерстяной халат. На Петале были все те же рваные шлепанцы, выглядывающие из-под халата ноги казались неестественно белыми. В руках у него был пистолет — тупорылое оружие отблескивало тускло-черным.

— Черт побери, — увидев их, мягко проговорил он, — это еще что такое?

— Она поедет со мной, — бросила Салли.

— Это, — медленно произнес англичанин, — совершенно

невозможно.

— Куми, — Салли легонько подтолкнула девочку в спину, выпроваживая ее из лифта, — нас ждет машина.

— Ты не можешь так поступить, — сказал Петал. Но Кумико почувствовала, что он растерян.

— Тогда пристрели меня, мать твою.

Петал опустил пистолет.

— Это меня чертов Суэйн пристрелит, если все выйдет по-твоему, можешь мне поверить.

— Будь он здесь, он оказался бы в таком же положении, не так ли?

— Пожалуйста, — попросил Петал, — не надо.

— Не волнуйся, с ней все будет в порядке. Открой дверь.

— Салли, — спросила Кумико, — куда мы едем?

— В Муравейник.

…И проснулась снова, чтобы Понять, что дремала, пригревшись под Саллиной дубленкой, убаюканная мягкой вибрацией сверхзвукового полета. Кумико вспомнила огромную низкую машину, которая ждала их на подъездной аллее. Когда они с Салли вышли на тротуар, с фасадов домов Суэйна вырвались лучи прожекторов. В окне машины мелькнуло залитое потом лицо Тика. Салли рывком распахнула дверь и втолкнула девочку внутрь. Тик тихонько и без умолку чертыхался все то время, пока машина набирала скорость; жалобно взвизгнули шины, когда он слишком резко свернул на Кенсингтон-Парк-роуд. Салли посоветовала ему сбросить скорость и отдать управление самой машине.

Только тут, в машине, Кумико вспомнила, что положила модуль "Маас-Неотек" на место — в тайник за мраморным бюстом. Со всеми своими лисьими повадками и курткой, протертой на локтях, как и шлепанцы Петала, Колин остался позади — теперь всего лишь призрак, чем он, в сущности, на самом деле и был.

— Сорок минут, — сказала Салли с соседнего кресла. — Хорошо, что ты поспала. Скоро нам принесут завтрак. Помнишь, на какое имя у тебя паспорт? Прекрасно. А теперь не задавай мне никаких вопросов, пока я не выпью кофе, идет?

Кумико знала Муравейник по тысячам стимов. Повальное увлечение этим необъятным городским конгломератом стало в последнее время характерной чертой японской массовой культуры.

У Кумико было некоторое представление об Англии еще до того, как она туда попала: смутные образы каких-то знаменитых сооружений, неотчетливое представление об обществе, которое ее

собственное, похоже, считало эксцентричным и застойным. (В сказках ее матери принцесса-балерина всегда с удивлением обнаруживала, что англичанам ее танцы не по карману.) Однако Лондон во многом оказался совсем другим, нежели она ожидала, — ее поразили энергия города, его очевидное изобилие, а суета и великолепие больших торговых улиц сильно напомнили Гинзу.

Девочка считала, что и о Муравейнике она знает немало, но и это убеждение развеялось в первые же часы, прошедшие после посадки их самолета.

Они с Салли стояли в очереди других пассажиров посреди огромного гулкого зала таможни, потолок которого уходил куда-то во тьму. Эту тьму через равные промежутки прорывали бледные сферы света. Вокруг шаров, несмотря на то что стояла зима, клубился рой мошкары, как будто здание обладало собственным климатом. Но пока еще это был Муравейник из стимов, каким она его себе представляла. Чувственно-электрический фон для проигрываемых при ускоренной перемотке жизней Анджелы Митчелл и Робина Ланье.

Прошли таможню. Сам досмотр, несмотря на бесконечное ожидание в очереди, заключался в том, что ее паспорт пропустили сквозь грязную на вид металлическую прорезь. И дальше — в сумасшедшую суету на бетонной платформе, где багажные роботележки медленно бороздили толпу, которая галдела и напирала, осаждая наземный транспорт.

Кто-то взял у нее сумку. Протянул руку и взял с уверенностью, которая говорила, что этот человек просто выполняет привычную обязанность, как, скажем, молодые женщины, поклонами приветствующие покупателей в дверях крупных универмагов Токио. А Салли вдруг ударила его ногой. Ударила под колено, стремительно и плавно развернувшись на месте, как таиландская боксерка в бильярдной Суэйна. Выхватила сумку еще до того, как затылок незнакомца с резким стуком ударился о грязный бетон.

Салли потянула девочку за собой, не дожидаясь, когда над неподвижной фигурой сомкнется толпа. Это вспышка насилия, со стороны выглядевшая так небрежно, могла бы показаться сном — если бы не улыбка Салли, первая с тех самых пор, как они вылетели из Лондона.

Чувствуя себя не в своей тарелке, сбитая с толку Кумико безвольно смотрела, как Салли производит осмотр имеющихся машин. А та быстро дала взятку диспетчеру, нагнала страху на очередь — и затолкала девочку в потрепанный ховер в косую черно-желтую полоску. Отделение для пассажиров было голым и

выглядело исключительно неудобным. Водитель, если он вообще был, оставался невидимым за изогнутой перегородкой из пластиковой брони. Из того места, где перегородка смыкалась со стенкой, торчал объектив видеокамеры, вокруг которого кто-то нарисовал мужской торс: объектив выступал в роли фаллоса. Когда Салли, забравшись внутрь, захлопнула за собой дверцу, динамик проскрежетал что-то вовсе уж неразборчивое. Кумико решила, что это какой-нибудь диалект английского.

— Манхэттен, — приказала Салли. Она достала из куртки пачку бумажных денег и, развернув веером, помахала ею перед камерой. Динамик вопросительно затрещал.

— В центр. Скажу, где остановиться.

Юбка воздушной подушки надулась, свет в пассажирском отделении погас, и они тронулись в путь.

18. ТЮРЕМНЫЙ СРОК

Он на чердаке у Джентри. Смотрит, как Черри нянчится с ковбоем. Черри, сидящая на краю кровати, поворачивается к нему.

— Как ты, Слик?

— В порядке… я в порядке.

— Ты помнишь, что я тебя об этом уже спрашивала?

Он смотрит в лицо человека, которого Малыш Африка называл Графом. Черри возится с чем-то у надстройки в изголовье носилок, с какой-то капельницей; в ней — жидкость цвета овсянки.

— Как ты себя чувствуешь, Слик?

— Нормально.

— Никакое не нормально. Ты всегда отве…

Он сидит на полу на чердаке у Джентри. Лицо мокрое. Рядом с ним — Черри; она стоит на коленях, очень близко, ее руки у него на плечах.

— Ты сидел? Он кивает.

— В блоке химнаказаний?

— Да…

— Индуцированный синдром Корсакова? Он…

— Фрагментами? — спрашивает его Черри-Слик сидит на полу на чердаке у Джентри. А где сам Джентри?

— Ты помнишь все фрагментами, не так ли? А кратковременные воспоминания исчезают напрочь?

Откуда она это знает? И где Джентри?

— А что срабатывает как переключатель?

— Что включает синдром, Слик? Что с тобой делали в тюрьме?

Он сидит на полу на чердаке у Джентри; Черри чуть ли не уселась на него верхом.

— Стресс, — выдавливает он, удивляясь, откуда она это знает. — Где Джентри?

— Я уложила его в постель.

— Почему?

— Отрубился, увидев ту штуку…

— Какую?

Черри вдавливает в его запястье розовый дерм.

— Это сильный транк, — говорит она. — Может, он выведет тебя из этого…

— Из чего? Она вздыхает.

— Не важно.

Он просыпается в постели с Черри Честерфилд. Он полностью одет, за исключением куртки и ботинок. Вставший член, прижавшись к теплой джинсовой ткани над задницей Черри, попал в ловушку за пряжкой ремня.

— Даже не думай.

Зимний свет сквозь залатанное окно, и если откроешь рот — белым облачком вылетает дыхание.

— Что случилось?

И почему в комнате так холодно? Он вспоминает вопль Джентри, когда серое нечто устремилось на него…

Слик поспешно садится.

— Потише, — говорит Черри, перекатываясь на спину. — Ляг. Не знаю, что это было, что вызвало срыв.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ложись обратно. Забирайся под одеяло. Хочешь совсем замерзнуть? Он слушается.

— Ты был в тюрьме, так? В блоке химнаказаний?

— Да… А ты откуда знаешь?

— Ты же сам мне и сказал. Прошлой ночью. Ты говорил, что стресс способен вызвать возврат к прошлому. Так оно и случилось. Это нечто прыгнуло на твоего приятеля, ты бросился к рубильнику, отключил стол. Джентри упал и разбил себе голову. Я бинтовала рану, когда заметила, что с тобой творится что-то неладное. Сообразила, что у тебя ряд последовательных воспоминаний — только минут на пять в одном интервале. Такое бывает при стрессе или иногда при контузии…

— Где он? Джентри?

— В своей кровати, напичкан транками под завязку. Учитывая то, в каком он состоянии, я решила, что денек сна ему не помешает. Во всяком случае, это на время снимет его с нашей шеи.

Слик закрыл глаза и вновь увидел перед собой серое нечто, набросившееся на Джентри. Человекообразное или, скорее, похожее на обезьяну. Оно ничем не напоминало те завивающиеся спиралью образы, какие генерировали устройства Джентри в его предыдущих поисках Образа.

— Думаю, у вас здесь кончилось электричество, — сказала Черри. — Свет погас часов шесть назад.

Слик открыл глаза. Холодно. Джентри не успел добраться до консоли, чтобы свершить свой обычный ритуал. Слик застонал.

Оставив Черри готовить на газовой плитке кофе, Слик отправился на поиски Пташки. Нашел он его по запаху дыма. Пташка развел костер в какой-то железной посудине и заснул, свернувшись вокруг нее по-собачьи.

— Эй, — позвал его Слик, легонько подталкивая парнишку носком сапога, — вставай. У нас проблемы.

— Долбаный ток кончился, — пробормотал тот в ответ, садясь в засаленном спальном мешке, таком же грязном, как пол в цеху Фабрики.

— Я это заметил. Это проблема номер один. Проблема номер два — нам нужен грузовик или ховер, или что-то вроде того. Нужно убрать отсюда этого парня. Иначе Джентри совсем посыпется.

— Но Джентри ведь единственный, кто может добыть ток. — Пташка, поеживаясь, поднялся на ноги.

— Джентри спит. У кого есть фургон?

— У Марви, — выдавил Пташка и провалился в сотрясающий приступ кашля.

— Возьми мотоцикл Джентри. Привезешь его потом обратно в фургоне. Двигай.

Пташка кое-как справился с приступом:

— Не бздишь?

— Ты ведь знаешь, как на нем ездить?

— Да, но Джентри, он…

— Предоставь это мне. Ты знаешь, где он держит запасной ключ?

— Ну… да, — пугливо протянул Пташка. — Скажи, — спросил он, — а что, если Марви не захочет дать мне фургон?

— Дашь ему вот это, — сказал Слик, вытаскивая из кармана "зиплок" с наркотиками. Его забрала у Джентри Черри, перевязав тому голову. — Отдай ему все, ты меня понял? Чтобы потом не тянуло.

Бипер Черри подал голос, когда они, приткнувшись друг к другу на краю кровати в комнате Слика, пили кофе. Слик, отвечая на ее вопросы, рассказывал ей что знал о синдроме Корсакова Он никому об этом по-настоящему не рассказывал, и странно — как мало на самом деле он знал. Он рассказал ей о предыдущих провалах в прошлое, потом попытался объяснить, как работала эта система в тюрьме. Фокус был в том, что долгосрочная память у тебя сохраняется до того момента, пока тебя не подсаживают на препарат. В общем, сначала заключенных натаскивают что-то делать, пока не начался основной срок — и потому они уже не могут забыть, что и как нужно делать. Правда, делают они в основном то, с чем и роботы бы управились. Слика натаскивали собирать миниатюрные цепные передачи. Как только он стал укладываться в пять минут, пошел срок.

— И больше они с тобой ничего не делали? — спросила она.

— Только эти цепные передачи.

— Нет, я имею в виду нечто вроде замков, ловушек в мозгу.

Он посмотрел на нее. Язва на губе у девушки почти зажила.

— Если они что-то и делают, то тебе об этом не сообщают, — сказал он.

И тут в одной из ее курток застрекотал бипер.

— Что-то стряслось, — сказала она, поспешно вскакивая с кровати.

Джентри стоял на коленях возле носилок с чем-то черным в руках. Черри выхватила у него эту штуковину, прежде чем он успел хотя бы пошевелиться. Джентри не двинулся с места, недоуменно щурясь на девушку.

— Это сколько же нужно, чтобы тебя вырубить, мистер? — Она протянула Слику черный предмет, оказавшийся камерой для проверки сетчатки глаза.

— Нам нужно выяснить, кто он, — сказал Джентри.

Его голос был хриплым и низким от большого количества транков, которые Черри ему вкатила, но Слик почувствовал, что страшная грань безумия отступила.

— Идиот, — кипятилась Черри, — ты даже не знаешь, те ли у него глаза, что были год назад!

Джентри коснулся повязки на виске.

— Вы это тоже видели, правда?

— Да, — ответила Черри, — и Слик эту штуку отключил.

— Все дело в шоке, — объяснил Джентри. — Я и вообразить себе не мог… Но никакой реальной опасности. Я был просто не готов…

— Ты просто выскочил из своего чертова черепа, — сказала Черри.

Джентри нетвердо поднялся на ноги.

— Он уезжает, — сказал Слик. — Я послал Пташку одолжить фургон. Не нравится мне все это.

Черри уставилась на него в упор.

— Куда уезжает? Мне придется ехать с ним. Это моя работа.

— Я знаю одно место, — соврал Слик. — У нас электричество кончилось, Джентри.

— Ты не можешь отвезти его незнамо куда, — сказал Джентри.

— Еще как могу.

— Нет. — Джентри слегка качнуло. — Он остается. Переходники уже на месте. Я не стану его больше беспокоить. Черри может остаться здесь.

— Тогда тебе придется хотя бы в двух словах объяснить, что это за хреновина, Джентри, — сказал Слик.

— Для начала, — Джентри указал на предмет над головой

Графа, — это не "низкочастотник", не "Эл-Эф". Это — "алеф".

19. ПОД НОЖОМ

Какой, к черту, отель! Он тонет в марше смерти наркотической ломки. Прайор вводит ее в вестибюль, а японские туристы уже встали и теперь толпятся вокруг скучающих гидов. Шаг, еще шаг, одна нога, другая нога, а голова такая тяжелая, будто кто-то просверлил в макушке дыру и залил туда полфунта свинца, и зубы во рту будто чужие — слишком велики. Дополнительная перегрузка тронувшегося вверх лифта вдавливает в пол — Мона без сил приваливается к стенке. — Где Эдди? — Эдди уехал, Мона. С трудом разомкнула веки, глаза широко распахнулись. Сфокусировала взгляд и увидела, Что он, ублюдок, еще и улыбается.

— Что?

— Эдди заплачено. Ему все компенсировали. Он уже на пути в Макао с солидным кредитом в кармане. Этакий милый игорный пикничок.

— Компенсировали?

— Его вложения. В тебя. За все время.

— За все время?

Дверь скользит в сторону, открывая устланный синим ковром коридор.

И что-то обваливается холодным комом в груди — Эдди ведь ненавидит азартные игры.

— Ты теперь работаешь на нас, Мона. И нам бы очень не хотелось, чтобы ты снова ушла без спросу.

Но ты же хотел, думала она, ты же отпустил меня. И знал, где меня искать.

Эдди больше нет… уехал…

Мона не помнила, как заснула. На ней все еще была куртка Майкла, теперь подоткнутая под плечи, как одеяло. Даже не поворачивая головы, Мона видела угол здания с фасадом в виде горного склона, но снежного барана там не было.

Стимы Энджи были запаяны в пластик. Взяв один наугад, Мона поддела упаковку ногтем большого пальца, вставила кассету в прорезь и надела троды. Она ни о чем не думала, руки, казалось, сами знали, что делать — добрые маленькие зверьки, которые никогда не обидят. Один из них коснулся клавиши "PLAY", и Мона перенеслась в мир Энджи, чистый и безупречный, как любой хороший наркотик… Медленный саксофон, лимузин плывет по какому-то европейскому городу… круговерть улиц, машина без водителя, широкие проспекты предрассветно чисты и безлюдны, прикосновение меха к плечам. И катить, катить по

прямой дороге через плоские поля, окаймленные совершенными, одинаковыми деревьями.

А затем поворот, шорох шин по расчесанному граблями гравию, потом вверх по подъездной аллее — через парк, где серебрится роса, где стоит железный олень, а рядом — мокрый торс из белого мрамора… Дом огромен и стар, не похож ни на один из тех, какие она видела раньше. Но машина проплывает мимо, проезжает еще несколько строений поменьше и выезжает наконец на край широкого ровного поля.

Там бьются на привязи планеры, прозрачная пленка туго натянута на хрупкие с виду полиуглеродные рамы. Планеры слегка подрагивают на утреннем ветерке. А рядом с ними ее ждет Робин Ланье, красивый раскованный Робин в черном свитере грубой вязки — он играет партнера Энджи почти во всех ее стимах.

И вот она выходит из машины, ступает на траву, смеется, когда высокие шпильки сразу же увязают. И остаток пути до Робина — с туфлями в руках, улыбаясь; последний шаг — в его объятия, в его запах, в его глаза.

Ощущения закручиваются вихрем в монтажном танце, который в одну секунду ужимает посадку в планер по серебристой лесенке, — и вот они уже мягко скользят по траве через все поле. Затем взмывают вверх, зависают на мгновение, чтобы поймать ветер… Все выше и выше, пока огромный дом не превращается в прямоугольный камушек в зеленой пелене, прорезанной тусклым серебром речной излучины…

…и Прайор с рукой на клавише "СТОП". От запаха еды с тележки возле кровати у Моны сводит желудок. Тупая тошнотворная боль ломает каждый сустав.

— Поешь, — доносится голос Прайора. — Мы скоро уезжаем.

Он поднял металлическую крышку с одного из блюд.

— Фирменный сэндвич, — сказал он, — кофе, пирожные. Это предписание врача. Попав в клинику, ты какое-то время не сможешь есть.

— В клинику?

— К Джеральду. Это в Балтиморе.

— Зачем?

— Джеральд — хирург-косметолог. Над тобой немного поработают. Если захочешь, все это потом можно будет вернуть обратно, но нам кажется, тебя обрадуют результаты, очень обрадуют. — Опять эта улыбка. — Мона, тебе когда-нибудь раньше говорили, насколько ты похожа на Энджи?

Мона подняла на него глаза, но ничего не ответила. С трудом села, чтобы выпить немного водянистого черного кофе. Не смогла

заставить себя даже взглянуть на сэндвич, но съела одно из пирожных. Вкус у него был картонный.

Балтимора. Черт его знает, где это.

А планер навсегда завис над приручeнной зеленой страной, мех на плечах, и Энджи, должно быть, все еще там, смеется…

Час спустя, в вестибюле, пока Прайор подписывал счет, Мона случайно увидела, как мимо на багажной роботележке проезжают знакомые чемоданы из кожи клонированных крокодилов. В этот момент она отчетливо осознала, что Эдди мертв.

Место; которое Прайор назвал Балтиморой. На вывеске — надпись, выведенная старомодными заглавными буквами. Офис Джеральда располагался на четвертом этаже блочного кондо. Это было одно из тех зданий, где строится лишь каркас, а обитатели — жильцы или коммерсанты — привозят собственные модули и оборудование. Похоже на многоэтажный кемпинг для трейлеров, только повсюду провода, оптоволоконные кабели, шланги канализации и водоснабжения.

— Что там написано? — спросила она Прайора.

— Джеральд Чин, дантист.

— Ты же говорил, что он — хирург-косметолог.

— Так оно и есть.

— А почему нельзя просто пойти в больницу, как все остальные?

Он не ответил.

Она теперь и вправду мало что чувствовала и даже отчасти понимала, что не так испугана, как надо бы. Впрочем, может, это не так уж и плохо, потому что если она по-настоящему испугается, то ничего не сможет предпринять, а ей определенно хотелось выпутаться из этой истории. В машине по дороге сюда она обнаружила в кармане куртки Майкла какой-то предмет. Десять минут ушло у нее на то, чтобы сообразить, что это шокер, такой обычно носят при себе особо дерганые пиджаки. На ощупь он напоминал ручку отвертки с парой тупых металлических рожек там, где у отвертки находится рабочий конец. Заряжался он, должно быть, от настенной розетки, и оставалось только надеяться, что Майкл держал его заряженным. Тут Мона сообразила, что Прайор, скорее всего, не знает о существовании шокера. Обычно такие игрушки вполне легальны, поскольку считается, что ими нельзя нанести непоправимый вред, но Ланетта знала девчонку, которую однажды основательно обработали такой вот штукой — и она уже так никогда и не поправилась.

Если Прайор не знает, что у нее в кармане шокер, значит, ему не все на свете известно, а ведь он специально делает ставку на то, чтобы заставить ее поверить в его всеведение. Опять же, он

ведь не знал, насколько Эдди ненавидит азартные игры.

И к Эдди она особых чувств не испытывала, разве что по-прежнему была уверена, что он мертв. Сколько бы ему ни всучили, он бы все равно не бросил свои чемоданы. Даже если бы пошел покупать новые шмотки, чтобы сменить прикид. Эдди ни о чем так не заботился, как об одежде. А эти крокодиловые чемоданы вообще были особенными: он купил их у гостиничного вора в Орландо, и они, судя по всему, напоминали ему что-то, что он оставил дома. Если вдуматься, трудно себе представить, чтобы Эдди вообще купился на какие-то — пусть даже очень большие — отступные, потому что сильнее всего на свете ему хотелось поучаствовать в какой-нибудь крупной игре. Он считал, что, как только это случится, люди начнут воспринимать его всерьез.

Вот и дождался — наконец кто-то воспринял его всерьез, подумала Мона, когда Прайор вносил ее сумку в клинику Джеральда. Только совсем не так, как хотелось Эдди.

Мона оглядела двадцатилетней давности пластиковую мебель, кипы журналов со звездами симстима и японским текстом. Казалось, Джеральд содержал парикмахерскую. Только никакие клиенты в приемной не ждали, и за регистрационным столиком тоже никого не было.

Тут через белую дверь вошел Джеральд, одетый во что-то вроде комбинезона из жесткой складчатой фольги, подобного тем, какие носят санитары "скорой помощи", выезжающие на дорожные аварии.

— Запри дверь, — бросил он Прайору сквозь синюю бумажную маску, закрывающую нижнюю половину лица. — Привет, Мона. Если ты пройдешь сюда… — Он жестом указал на белую дверь.

Она в отчаянии сжала в руке шокер, но не знала, как его включить.

Ничего не оставалось, кроме как последовать за Джеральдом. Шествие замыкал Прайор.

— Присядь, — предложил Джеральд. Она села на белый эмалированный стул. Джеральд подошел ближе, заглянул ей в глаза.

— Тебе надо отдохнуть, Мона. Ты устала, совсем измучена.

На ручке шокера — ребристый рычажок. Нажать? Сдвинуть вперед? Назад?

Джеральд отошел к белому шкафчику со множеством ящиков, что-то вынул.

— Вот, — сказал он, направляя на нее какой-то цилиндрик с надписью на боку, — это тебе поможет…

Она почти не ощутила прикосновения струи мельчайших

аэрозольных брызг. Черная дырочка на баллончике — то самое место, на котором стремился сфокусироваться ее взгляд — начала расти, расти…

Она вспомнила, как старик показывал ей, как убивать сома. У рыбины есть такое отверстие в черепе, прикрытое только кожей. Нужно взять что-нибудь тоненькое и острое, проволоку, например, подойдет даже прут из веника, и просто проткнуть…

Мона вспомнила Кливленд, обычный день перед работой. Она сидит у Ланетты, листает журнал. Нашла снимок Энджи: звезда смеется в ресторане с какими-то людьми, все так красивы, и кажется, будто от них исходит сияние. На снимке никакого сияния, конечно, нет, но ты знаешь, что оно есть, ты его просто чувствуешь. "Взгляни, — говорит она Ланетте, показывая снимок, — от них как будто сияние исходит".

— Это называется деньги, — отвечает Ланетта.

Это называется деньги. Просто проткнуть.

20. ХИЛТОН СВИФТ

Хилтон — впрочем, как и всегда — прибыл один и без предупреждения. Похожий на одинокую, залетевшую сюда случайно осу вертолет "Сенснета" приземлился на пляже, разметав по мокрому песку плети водорослей.

Стоя у изъеденных ржавчиной перил, она смотрела, как Свифт спрыгивает на землю — что-то мальчишеское сквозило в том, как он едва не споткнулся от своей неуемной прыти. Коричневое твидовое пальто нараспашку открывало безупречную чистоту полосатой, как карамелька, рубашки; поднятый пропеллером ветер трепал русые волосы и галстук с эмблемками "Сенснета". Робин прав, решила она, Хилтон действительно выглядит так, как будто его одевает мамочка.

"Возможно, это просчитанный имидж, — думала Энджи, пока, увязая в песке, продюсер карабкался вверх по пляжу, — наигранная наивность". Она вспомнила, как однажды Порфир развивал теорию о том, что крупные корпорации на самом деле никак не зависят от отдельных человеческих единиц, составляющих их тело. Энджи это казалось само собой разумеющимся, но парикмахер настаивал, что она не улавливает основной его предпосылки. Свифт был самой значительной из этих "человеческих единиц" Порфира, наделенных властью принимать решения в "Сенснете".

Мысль о Порфире заставила ее улыбнуться. Свифт же, приняв это за приветствие, в ответ просиял от радости.

Он предложил ей ленч в Сан-Франциско: мол, на служебном вертолете они домчат туда в момент. Она отказалась, настояв на том, чтобы приготовить ему миску чудного швейцарского супа и разморозить в микроволновке кубик ржаной водки.

Глядя, как Хилтон ест, Энджи задумалась о его сексуальной жизни. Несмотря на то что ему было далеко за тридцать, продюсер производил впечатление мальчика-вундеркинда, не достигшего половой зрелости. Возникавшие время от времени слухи приписывали ему по очереди все возможные из известных сексуальных наклонностей и еще несколько, которые, по ее мнению, существовали лишь в воображении сплетников. Все это казалось Энджи маловероятным. Она знала Свифта с тех пор, как попала в "Сенснет". Когда она появилась, он уже успел упрочить свое положение в верхних эшелонах производства, был одним из воротил в команде Тэлли Ишэм. Естественно, что "такой человек не мог не проявить профессиональный интерес к дебютантке. Если вдуматься, то это, пожалуй, Легба подсунул ее продюсеру:

взлет его карьеры был слишком уж очевиден, хотя сама она тогда, наверное, могла и не понимать этого, оглушенная блеском и постоянной сменой статистов и декораций на подмостках "Сенснета".

Бобби, который тут же решил, что ему этот человек не нравится, ощетинился врожденной враждебностью барритаунца по отношению к любой власти. Но ему удавалось это скрывать ради ее карьеры. Свифт же встретил их разрыв и отъезд Бобби с явным облегчением.

— Хилтон, — сказала Энджи, наливая ему чашку чая на травах, который он предпочитал кофе, — что может задерживать Робина в Лондоне?

Свифт поднял глаза от дымящейся чашки.

— Думаю, что-то личное. Может, нашел себе нового друга.

Для Хилтона Бобби всегда был "другом" Энджи. "Друзья" же Робина имели тенденцию оказываться молодыми атлетами. Сглаженные эротические эпизоды в их стимах с Робином монтировались из дополнительного метража, подготовленного Континьюити, который потом основательно обрабатывали Рэбел и его команда по спецэффектам. Энджи вдруг вспомнила ночь, которую они с Робином провели вместе в каком-то доме на южном побережье Мадагаскара, его пассивность и его терпение, ветер, бьющийся в стену дома. Это была первая и последняя их попытка, и Энджи подозревала, что Робин просто боится, что физическая близость развеет иллюзию, которую с таким совершенством проецировал стим.

— Как он отнесся к моему решению лечиться? Он тебе что-нибудь говорил, Хилтон?

— Думаю, он в восторге.

— А мне передали, будто он рассказывает всем и каждому, что я сумасшедшая.

Хилтон закатал рукава полосатой рубашки и распустил галстук.

— Да у Робина даже в мыслях такого не может быть, не то что на языке. Я знаю, как высоко он тебя ценит. А слухи, они и есть слухи. У нас в "Сенснете"…

— Хилтон, где Бобби?

Взгляд его карих глаз будто остановился.

— А разве с этим не покончено, Энджи?

— Хилтон, ты знаешь. Ты должен знать. Тебе положено знать такие вещи. Скажи мне.

— Мы его потеряли.

— Потеряли?

— Его потеряла служба безопасности. Ты права, конечно:

после того как он тебя оставил, за ним, насколько это было возможно, велось тщательное наблюдение. Он вернулся к прежнему образу жизни, — сказал Свифт с оттенком удовлетворения.

— И что же это за образ?

— Я никогда не спрашивал, что вас свело, — ответил продюсер. — Естественно, служба безопасности провела расследование в отношении вас обоих. Он был мелким преступником.

Энджи рассмеялась:

— Он даже на такое не тянул…

— Для человека ниоткуда, Энджи, у тебя были исключительно ловкие агенты, настоящие профессионалы. Тебе ведь известно, что ключевым условием твоего контракта было включение в команду Бобби Ньюмарка.

— Бывали и более странные условия, Хилтон.

— И он получал оклад, как твой… компаньон.

— Мой друг.

Неужто Свифт действительно покраснел? Он отвел глаза и уставился на свои руки.

— Оставив тебя, он уехал в Мексику, точнее — в Мехико-Сити. Естественно, служба безопасности отслеживала все его передвижения. Мы не любим терять из виду тех, кто слишком много знает о личной жизни наших звезд. Мехико… там все очень запутано… Мы точно знаем, что он, судя по всему, пытался вернуться к своей предыдущей… карьере.

— Делать деньги на информации, мошенничать через киберпространство?

Он снова поднял на нее глаза.

— Он встречался с кое-какими людьми, промышляющими в этой области, известными преступниками.

— И?.. Продолжай.

— Потом он… словно растворился. Исчез. Ты хоть как-то представляешь себе, что такое Мехико-Сити для тех, кто соскользнул за черту бедности?

— А он нуждался?

— Он стал наркоманом. Согласно самым надежным нашим источникам.

— Наркоманом? И что же он потреблял?

— Я не знаю.

— Континьюити!

Хилтон едва не пролил чай.

— Здравствуй, Энджи.

— Бобби, Континьюити. Бобби Ньюмарк, мой друг, — глядя в

упор на Свифта. — Он уехал в Мехико-Сити. Хилтон говорит, что он там подсел на что-то. Наркотик, Континьюити?

— Извини, Энджи. Это засекреченная информация.

— Хилтон!

— Континьюити, — начал было тот, но закашлялся.

— Здравствуй, Хилтон.

— Служебный канал, Континьюити. У век имеется такая информация?

— Источники службы безопасности описывают пристрастие Ньюмарка как нейроэлектронное.

— Не понимаю.

— Что-то вроде, гм-м, "проводочков в голове", — предположил Свифт.

Энджи внезапно захотелось рассказать Свифту, как она нашла наркотики и движок.

Тише, дитя, спокойнее. Голова наполнилась пчелиным гудением… давление изнутри.

— Энджи? Что с тобой? — Он приподнялся со стула, протягивая к ней руку.

— Ничего. Я… расстроена. Извини. Просто нервы. Ты тут ни при чем. Я собиралась рассказать тебе, что нашла киберпространственную деку Бобби. Но ведь ты уже об этом знаешь, правда?

— Может, тебе что-нибудь принести? Воды?

— Нет, спасибо, но если ты не возражаешь, я ненадолго прилягу. У меня есть кое-какие идеи насчет съемок на орбите, так что мне бы хотелось твоего совета по…

— Конечно, конечно. Подремли, а я пока пойду погуляю по пляжу, мы поговорим потом.

Она наблюдала за ним из окна спальни, смотрела, как коричневая фигурка, делаясь все меньше и меньше, удаляется в направлении Колонии, сопровождаемая маленьким терпеливым "дорнье".

На пустом пляже он казался ребенком и выглядел таким же потерянным, какой я она себя чувствовала.

21. "АЛЕФ"

Когда поднялось солнце — электричества все еще не было, — чердак Джентри залил утренний свет. Зимнее солнце смягчило очертания консолей и проекционного стола, выявило фактуру корешков старинных книг, заполнявших прогнувшиеся фанерные полки вдоль западной стены. Джентри, не переставая говорить, мерил шагами чердак, петушиный хвост светлых волос подскакивал всякий раз, когда он резко разворачивался на каблуках своих черных ботинок. Возбуждение Джентри, похоже, успешно противостояло остаточному действию Черриных снотворных дермов. Сама Черри сидела на краю кровати, наблюдая за ковбоем, и время от времени бросала осторожные взгляды на показатели датчика зарядки батарей, укрепленного на краю носилок. Слик пристроился на колченогом стуле, который он раскопал где-то на Пустоши. Импровизированная набивка из скомканной рваной одежды была обтянута прозрачной пленкой.

К облегчению Слика, Джентри на этот раз опустил привычную белиберду по поводу Образа и прямиком окунулся в свою теорию об "алефе". Как всегда, стоило Джентри завестись, он использовал такие слова и конструкции, что Слик лишь с большим трудом понимал, о чем идет речь, но он по опыту знал, что ковбоя лучше не прерывать. Фокус состоял в том, чтобы выловить из общего потока фраз подобие смысла, пропуская непонятные куски.

Джентри сказал, что Граф подключен к тому, что равнозначно гигантской "материнской плате", утыканной огромным количеством микрософтов. По его мнению, серая пластина в изголовье — это один цельный биочип размерами с приличный булыжник. Если это так, то объем памяти у этой штуковины практически безграничен. "Алеф" было бы немыслимо дорого изготовить, продолжал Джентри, просто сказка, что кто-то вообще решился его создать, хотя ходят слухи, что подобные вещи существуют и находят себе применение, в особенности при хранении гигантских объемов конфиденциальной информации. Не имея связи с глобальной матрицей, данные здесь фактически иммунны к любой атаке через киберпространство. Загвоздка, однако, состоит в том, что поскольку в "алеф" нет доступа через матрицу, то это как бы мертвая память.

— У него там может быть все, что угодно, — сказал Джентри, останавливаясь, чтобы заглянуть в пустое лицо. Он круто повернулся на каблуках и снова начал шагать взад-вперед. — Некий мир. Много миров. Сколько угодно конструктов разных

личностей…

— Как будто он живет в стиме? — спросила Черри. — Вот почему он всегда в КЕМ?

— Нет, — сказал Джентри, — это не симстим. Эта штука полностью интерактивна. Все дело в масштабах. Если это биософт класса "алеф", то у него там может быть все, что угодно. В некотором смысле эта штука может давать доступ буквально ко всему на свете…

— Судя по поведению Малыша Африки, — сказала Черри, — этот парень платит ему за то, чтобы оставаться в таком состоянии. Что-то вроде кайфа под проводами в голове, но немного по-другому. И к тому же "проволочные торчки" не врубаются в REM, как этот…

— Но когда ты попытался прогнать его программу через свою аппаратуру, — рискнул вставить Слик, — то получил в ответ… нечто.

Он увидел, как плечи Джентри напряглись под вышитой бисером кожей куртки.

— Да, — мрачно ответил Джентри, — а теперь мне надо восстановить наш счет у Ядерной Комиссии. — Он указал на батареи постоянного заряда, уложенные под стальным столом. — Достань-ка мне их.

— Н-да, — протянул Слик, — самое время. У меня уже задница отмерзает.

Оставив Джентри, согнувшегося над киберпро-странственной декой, они вернулись в комнату Слика. Черри настояла на том, чтобы подключить электроодеяло Джентри к одной из батарей так, чтобы она могла накрыть им носилки. На газовой плитке еще оставался холодный кофе; Слик допил его, не разогревая. Черри смотрела в окно на занесенную снегом Пустошь.

— Как она стала такой? — рассеянно спросила девушка.

— Джентри говорит, что лет сто назад тут внедряли проект по землеустройству. Завезли тонны чернозема, но так ничего и не выросло. Большая часть земли оказалась токсичной. Затем дождь смыл почвенный слой. Думаю, они сдались и начали сбрасывать сюда все больше дерьма. Здешнюю воду пить нельзя: полным-полно полихлорбифенилов и всего остального.

— А как насчет кроликов, на которых охотится этот ваш птичий мальчик?

— Они. к западу отсюда. На Пустоши я никогда их не видел. Здесь даже крыс нет. Во всяком случае, любое мясо, какое здесь удается достать, приходится проверять и проверять.

— Но птицы тут есть.

— Они только устраиваются на ночевку, а кормиться улетают

куда-то еще.

— А что там между тобой и Джентри? — Она все еще смотрела в окно.

— Что ты имеешь в виду?

— Сперва я решила, что вы — голубые. Ну вместе живете.

— Нет.

— Но все выглядит так, будто вы друг в друге нуждаетесь…

— Это его дом, Фабрика то есть. А он разрешает мне тут жить. Я… хочу жить здесь. Чтобы работать.

Зажглась лампочка в конусе из желтого факса, защелкал вентилятор в обогревателе.

— Ну, может, он и псих, — протянула Черри, присаживаясь на корточки перед обогревателем и одну за другой расстегивая свои куртки, — однако он только что сделал хоть что-то разумное.

Поднявшись на чердак, Слик обнаружил, что Джентри сидит ссутулившись на старом офисном стуле и смотрит на светящийся откидной экранчик монитора на своей деке.

— Роберт Ньюмарк, — сказал Джентри.

— А?

— Идентификация по сетчатке глаза. Или это Роберт Ньюмарк, или тот, кто купил его глаза.

— Откуда ты это узнал? — Слик наклонился взглянуть на экран со стандартной таблицей свидетельства о рождении.

Джентри пропустил его вопрос мимо ушей.

— Вот именно. Копни одно, а вляпаешься во что-нибудь совсем другое.

— То есть?

— Кому-то до смерти интересно, а не задает ли кто-нибудь вопросы о мистере Ньюмарке.

— Кому?

— Не знаю. — Джентри забарабанил пальцами по обтянутым черной кожей коленям. — Взгляни сюда: почти никакой информации. Родился в Барритауне. Мать — Марша Ньюмарк. У нас есть его ГРЕХ, но явно меченый. — Он отодвинулся вместе со стулом от стола и повернулся так, чтобы видеть неподвижное лицо Графа. — Ну что, Ньюмарк? Это твое настоящее имя?

Он встал и направился к проекционному столу.

— Не надо, — начал было Слик, но Джентри уже нажал на кнопку подачи питания.

И снова на мгновение возникло серое нечто, но на этот раз оно рванулось к основе полусферического дисплея, съежилось там и исчезло. Нет, не исчезло. Крохотный серый шарик завис в самом центре светящегося проекционного поля.

На лицо Джентри вернулась прежняя безумная улыбка.

— Хорошо, — проговорил он.

— Чего хорошего?

— Я понял, что это. Что-то вроде льда. Защитная программа. — Эта обезьяна?

— У кого-то неплохое чувство юмора. Если обезьяна тебя не напугает, то превратится в вошь…

Он отошел к рабочему столу и начал копаться в одной из корзин.

— Сомневаюсь, что им такое удастся с прямой сенсорной связью. — Теперь у него было что-то в руках. Сетка тродов.

— Джентри, не делай этого! Посмотри на него!

— А я и не собираюсь это делать, — улыбнулся Джентри. — Ты сделаешь.

22. ПРИЗРАКИ И ПУСТОТА

Глядя в грязное окошко такси, Куми-ко жалела, что рядом с ней нет Колина с его ехидными комментариями. Но потом вспомнила, что эта ситуация совершенно вне его компетенции. Интересно, подумала девочка, а производит ли "Маас-Неотек" подобные модули для Муравейника и какую форму принял бы в таком случае призрак?

— Салли, — спросила она полчаса спустя, когда они уже въезжали в Нью-Йорк, — почему Петал позволил мне уехать с тобой?

— Потому что он умный.

— А мой отец?

— Твой отец будет вонять.

— Прости?

— Будет очень зол. Если, конечно, об этом узнает. А может, и не узнает. Мы здесь ненадолго.

— А зачем мы здесь?

— Мне надо кое с кем переговорить.

— А я?

— Тебе тут не нравится? Кумико помедлила.

— Да нет, нравится.

— Хорошо. — Салли поерзала, устраиваясь поудобнее на продавленном сиденье. — Петалу пришлось нас отпустить. Дело в том, что он не смог бы нас остановить, не поранив одну из нас. Ну, может, не поранив, а скорее — не оскорбив. Тебя Суэйн мог бы потом успокоить, сказать твоему отцу, что это было сделано для твоего же блага. Но если бы ему удалось заставить меня пойти на попятную, это как потеря лица, понимаешь? Едва увидев Петала с пушкой в руках, я уже знала, что он нас отпустит. Твоя комната прослушивается, как, впрочем, и весь дом. Собирая твою экипировку, я потревожила сенсоры, регистрирующие передвижение по дому. Однако чего-то в этом роде я и ожидала. Петал же, в свою очередь, знал, что это я. Вот почему зазвонил телефон — наш друг давал понять, что ему все известно.

— Не понимаю.

— Жест вежливости — чтобы я знала, что он ждет внизу. Давал мне шанс передумать. Но у него не было выбора, и он это понимал. Видишь ли, Суэйна вынуждают кое-что сделать, или, во всяком случае, он так говорит. Что до меня, то мне определенно выкручивают руки. И тут мне стало любопытно, а насколько на самом деле я Суэйну нужна. Как выясняется, нужна, и даже очень. Потому что мне позволяют уйти, прихватив с собой дочь ойябуна,

привезенную в такую даль в целях безопасности. Сдается мне, есть что-то такое, чего Суэйн до смерти боится, причем боится гораздо больше, чем твоего папочку. Возможно, это "что-то" — или "кто-то" — способно дать ему много больше, чем уже дал твой отец. Во всяком случае, то, что я тебя увезла, отчасти выравнивает счет. Как бы ответный удар. Ты не против?

— Но тебе угрожают?

— Кое-кто слишком много знает, что я делала в этой жизни.

— И Тик установил личность этого человека?

— Да. Пожалуй, я и так это знала. Но хотелось бы ошибиться.

Фасад выбранного Салли отеля был обшит проеденными ржавчиной стальными панелями, каждая из которых крепилась блестящими хромированными болтами — этот стиль Кумико знала еще по Токио и считала его несколько старомодным.

Их номер был просторным и серым — повсюду десятки оттенков серого цвета. Салли заперла дверь, прошла прямо к кровати и, сняв куртку, легла.

— У тебя нет сумки, — заметила Кумико. Салли села, чтобы расшнуровать ботинки.

— Я могу купить все, что мне понадобится. Устала?

— Нет.

— А я устала. — Салли стянула через голову черный свитер. Груди у нее были маленькие, с коричневато-розовыми сосками; чуть ниже левого соска начинался старый шрам, который исчезал за поясом джинсов.

— Тебя когда-то ранили? — спросила Кумико, глядя на шрам.

Салли тоже посмотрела на шрам.

— Ага.

— А почему ты не пошла в клинику, чтобы его удалили?

— Иногда неплохо иметь зарубку на память.

— О том, как тебе было больно?

— О том, как я была глупа.

Серое на сером. Не в силах спать, Кумико вышагивала по серому ковру. В этой комнате девочке чудилось что-то вампирическое. Нечто, роднящее ее с миллионами подобных комнат в сотнях гостиниц по всему миру. Одноячейковая анонимность гостиничного номера будто высасывала из нее индивидуальность, фрагменты которой всплывали повышенными при ссоре голосами родителей, лицами одетых в черное секретарей отца…

Во сне лицо Салли превратилось в гладкую маску. Вид из окна вообще ничего не говорил Кумико ясно было только то, что она смотрит на какой-то город, который не Токио и не Лондон — бескрайнее столпотворение людей и зданий, новая ступень

видовой эволюции, воплотившая парадигму урбанистической реальности ее века.

Возможно, Кумико тоже удалось подремать, хотя сама она не была в этом уверена. Она смотрела, как Салли заказывает туалетные принадлежности и белье, вводя требуемое с клавиатуры в видеомодуль подле кровати. Покупки доставили, пока Кумико принимала душ.

— О'кей, — услышала она из-за двери голос Салли, — вытирайся, одевайся. Пойдем повидаемся кое с кем.

— С кем? — спросила Кумико, но Салли ее не расслышала.

Гоми.

Тридцать пять процентов прибрежного Токио выстроено на гоми, на выровненных площадках, отвоеванных у залива за века систематического сваливания и утрамбовки мусора. У нее дома гоми был ресурсом, требующим сбора, Сортировки, прессовки — использования, одним словом.

Взаимоотношения Лондона и гоми уловить было сложнее. На взгляд Кумико, сам костяк города состоял из гоми — из зданий, которые японская экономика уже давно поглотила бы в своей неуемной жажде пригодных для застройки пространств. Но даже маленькой японке лондонские дома позволяли различить ткань времени: каждая стена была залатана поколениями рук в бесконечном процессе обновления. Англичане ценили свой гоми сам по себе, совсем на иной лад — Кумико только-только начинала постигать это: они населяли его.

Гоми в Муравейнике был чем-то иным: богатый гумусом, перегноем, прорастающий человеческим талантом и чудесами из полимеров и стали. Кумико поразило уже одно только отсутствие очевидной планировки — это шло вразрез всему значению, какое придавала ее культура эффективному использованию земли.

Их поездка в такси из аэропорта яснее ясного показала, какой здесь царит распад: целые кварталы стояли в руинах, то тут, то там над замусоренными тротуарами разевали пасти пустые оконные проемы. Напряженные лица, настороженные взгляды вслед проехавшему мимо ховеру.

Салли внезапно окунула ее во всю странность этого места, с его гниением и беспорядочным нагромождением вросших в землю башен, которые были выше любого здания в Токио. Эти монументы корпораций пронзали покрытое сажей кружево куполов, теснившихся один на другой.

Еще две пересадки из такси в такси — и вот они с Салли уже на улице, в гуще предвечерней толпы и косых теней. Воздух был холодным, но без примеси лондонской сырости, и Кумико вспомнились гроздья цветов в парке Уэно.

Первая их остановка была в просторном, хотя и слегка поблекшем баре с вывеской "Джентльмен-Неудачник", где Салли вполголоса обменялась с барменом несколькими быстрыми фразами.

Они ушли, не заказав выпивки.

— Призраки, — задумчиво сказала Салли, поворачивая за угол.

Кумико старалась держаться к ней поближе. С каждым кварталом улицы становились все безлюднее, а здания все более темными и запущенными.

— Прости?

— Здесь для меня все наполнено призраками прошлого, или, во всяком случае, должно быть ими наполнено.

— Ты знаешь это место?

— Конечно. Выглядит все примерно так же и все же иначе, понимаешь?

— Нет…

— Со временем поймешь. Когда найдем того, кого я ищу, прикинься паинькой. Говори, только если тебя спросят, а лучше помалкивай.

— Кого мы ищем?

— Одного человека. Или, по крайней мере, то, что от него осталось…

Полквартала спустя на какой-то мрачной пустынной улочке — если не считать проезда у дома Суэйна под саваном полночного снега, Кумико еще никогда не доводилось видеть улицу без единого человека — Салли остановилась возле древней, ничем не примечательной с виду лавки. Обе ее витрины серебрились изнутри толстым ковром пыли. Заглянув внутрь, Кумико увидела стеклянные трубки букв неработающей неоновой вывески: "МЕТРО" — и дальше еще какое-то длинное слово. Дверь между витринами была укреплена листом рифленой стали. Через равные промежутки из нее выступали ржавые головки болтов, обмотанные провисшими отрезками бритвенно-острой проволоки цвета окалины, будто через нее некогда пропускали ток.

Салли, встав лицом к двери, расправила плечи и выдала серию мелких стремительных жестов.

Кумико с удивлением уставилась на нее, а Салли тем временем повторила свои странные действия.

— Салли?

— Язык жестов, — оборвала ее Салли. — Я же сказала тебе заткнуться, так?

— Да-а-а? — Голос чуть громче шепота, казалось, появился словно из ниоткуда.

— Я уже все тебе сказала, — отрезала Салли.

— Не знаю я этого вашего языка.

— Я хочу поговорить с ним. — Голос Салли звучал размеренно и жестко.

— Он умер.

— Я знаю.

Последовало молчание, и до Кумико донесся звук, который вполне можно было принять за ветер — холодный, наполненный песком ветер, рыщущий среди рваных куполов геодезиков над головой.

— Его тут нет, — сказал голос и, похоже, стал исчезать. — Повернешь за угол, потом через полквартала налево в переулок.

Этого переулка Кумико никогда не забыть. Темный кирпич скользких от сырости стен— Укрытые колпаками люки вентиляторов отрыгивают потоки сгущенной пыли. Желтая лампочка в сетке из окислившегося металла. Низкая поросль пустых бутылок, давшая побеги у основания обеих стен. Горы скомканных факсов и кусков упаковочного пенопласта высотой в человеческий рост. И перестук Саллиных каблуков.

За тусклым свечением лампочки — полная тьма, хотя отраженный мокрым кирпичом свет позволял разглядеть стену в конце — тупик. Кумико помедлила, напуганная внезапно проснувшимся эхом, шуршанием, мерным перестуком водяных капель…

Салли подняла руку. Узкий ослепительный луч, выхватив четкий круг испещренного корявыми надписями кирпича, мягко соскользнул вниз.

Он опускался до тех пор, пока не нащупал у основания стены какой-то предмет: блеснувший тусклым металлом вертикальный округлый прибор на подставке, который Кумико ошибочно приняла за еще один вентилятор. Рядом с ним приютились огарки белых свечей, плоская пластиковая фляжка с прозрачной жидкостью, коллекция сигаретных пачек, дюжина сигарет россыпью и замысловатая многорукая фигурка, нарисованная чем-то белым, похожим на истолченный мел.

Салли сделала шаг вперед. Луч даже не дрогнул. Кумико увидела, что этот бронированный предмет крепится к кирпичной стене массивными скобами.

— Финн?

В ответ — мгновенная вспышка розового света из горизонтальной прорези.

— Эй, Финн, приятель… — с непривычной заминкой в голосе повторила женщина.

— Молл. — Скрежет, как будто звук проходит через

испорченный динамик. — Зачем тебе фонарь? Линзы у тебя еще на месте? Что, стареешь и уже не видишь в темноте?

— Это ради моей подруги.

Что-то шевельнулось за прорезью, это что-то было нездорового розового оттенка, как пепел тлеющей сигареты на полуденном солнце, и лицо Кумико омыло волной колеблющегося света.

— Понятно, — проскрипел голос. — И кто же она?

— Дочь Янаки.

— Ничего себе.

Салли опустила фонарь. Луч упал на свечи, фляжку, сырые серые сигареты, белую фигурку с похожими на крылья руками.

— Угощайся подношениями, — сказал голос. — Вон там — пол-литра "Московской". А вот этот колдовской рисунок сделан порошком. Якобы приносит удачу; обдолбанные роллеры рисуют его кокаином.

— Господи, — отстранение сказала Салли, присев на корточки. — Просто поверить не могу.

Кумико смотрела, как она подбирает фляжку и нюхает содержимое.

— Хлебни. Недурное пойло. Должно быть хорошим. Никто не решается экономить на оракуле, особенно если знает, что для него хорошо, а что плохо.

— Финн, — начала было Салли, потом взболтала фляжку и, глотнув, вытерла рот тыльной стороной ладони, — ты просто сумасшедший.

— Если бы так. Первоклассная оснастка, и все равно приходится ее вздрючивать, чтобы извлечь хоть немного фантазии, не говоря уже о безумии.

Кумико подошла ближе и присела на корточки рядом с Салли.

— Это конструкт?

Поставив фляжку с водкой на мостовую, Салли тронула сырой порошок кончиком перламутрового ногтя.

— Конечно. Ты их и раньше видела. Хочешь — воспоминания о реальном мире, хочешь — врубаешься в киберпространство. Я получил этот оракулов волчок, чтобы все время крутить его, понимаешь? — Прибор издал странный звук: смех. — Любовные неприятности? Злая женщина тебя не понимает? — Снова скрежещущий смех, похожий на раскаты статики. — На самом деле я скорее бизнес-консультант. А это добро оставляют здесь местные ребятишки. Вроде как добавляет мистики к антуражу. Время от времени мне удается заполучить скептика, какого-нибудь ублюдка, который решает вдруг угоститься. — Из прорези

полыхнула тонкая, как волосок, алая линия, и где-то справа от Кумико взорвалась бутылка. И снова смех статики. — Так что привело тебя сюда, Молл? Тебя и, — розовый свет опять скользнул по лицу девочки, — дочь Янаки?

— Рейд на виллу "Блуждающий огонек", — сказала Салли.

— Давно это было, Молл…

— Она охотится за мной, Финн. Четырнадцать лет прошло, а эта сумасшедшая сучка все не хочет от меня отстать…

— Так, может, ей больше заняться нечем? Ты же знаешь, какие они, эти богатенькие…

— Где Кейс, Финн? Возможно, ей нужен он…

— Кейс — вне игры. Урвал пару-другую приличных кушей после того, как вы расстались, потом соскочил со стимуляторов и вышел подчистую. Сделай ты то же самое, не морозила бы сейчас свои прелести в тупике, а? Последнее, что я о нем слышал, у него четверо детей…

Следя за гипнотическим покачиванием сканирующего розового уголька, Кумико кое-как сообразила, с кем или с чем говорила Салли. В кабинете ее отца были похожие предметы: четыре черных лакированных кубика, расставленных на длинной сосновой полке. Над каждым кубиком висел официальный портрет. Портреты были черно-белыми фотографиями мужчин в темных костюмах и с галстуками; четыре очень серьезных джентльмена. Лацканы их пиджаков украшали маленькие металлические эмблемы, отец тоже иногда такую носил. Хотя мать ей и рассказывала, что в кубиках заключены призраки, духи злых предков отца, Ку-мико они скорее притягивали, чем пугали. Если в них сидят призраки, рассуждала она, то наверняка эти духи очень маленькие, ведь в кубик и голова ребенка не поместится.

Иногда отец подолгу медитировал перед кубиками, стоя на коленях на татами в позе, означающей глубочайшее почтение. Девочка не раз видела его в этой позе, но лишь когда ей исполнилось десять лет, она однажды услышала, как он обращается к ним вслух. И один ответил. Вопрос показался Кумико бессмысленным, а уж ответ — тем более, но размеренный голос духа заставил ее замереть, скорчившись за бумажной ширмой. Отец потом очень смеялся, найдя ее там, и, вместо того чтобы отругать дочь, объяснил, что кубики служат жилищами для записанных личностей прежних директоров корпорации. "Это их души?" — спросила девочка. "Нет", — с улыбкой ответил отец и добавил, что различие тут очень тонкое. "У них нет сознания. Они отвечают на заданный вопрос приблизительно так же, как реагировали бы, будь они людьми. Если уж они призраки, то что

тогда говорить о голограммах".

После лекции Салли об истории и иерархии якудза в робата-баре на Эрлз-Коурт Кумико решила, что каждый из мужчин на фотографии, каждый из этих записанных личностей был в свое время ойябуном.

Существо в бронированном футляре, наверное, имеет сходную природу, размышляла про себя девочка, ну, может быть, немного более сложную. Точно так же, как Колин — просто более сложная версия гида "Мишелин", какой носили с собой секретари отца в их экспедициях за покупками в Синдзюку.

Салли звала его Финн. И было ясно, что когда-то этот Финн был ей то ли другом, то ли партнером.

Интересно, подумала Кумико, а бодрствует ли он, когда тупик пуст? Сканирует ли его лазерный взгляд беззвучное кружение полуночного снега?

— Европа, — сказала Салли. — Отколовшись от Кейса, я исколесила весь континент. После той операции денег осталось даже больше, чем нужно, по крайней мере, так мне тогда казалось. ИскИн Тессье-Эшпулов выплатил все через швейцарский банк. Он же стер все следы того, что мы когда-либо поднимались вверх по колодцу. Я хочу сказать, вообще все: скажем, имен, под которыми мы путешествовали на "шаттле" "Джей-Эй-Эль", там просто не было. Кейс все проверил, когда мы вернулись в Токио, пробурился в самые разные базы данных — такое впечатление, что ничего из этого просто не происходило. Я не знаю, как такое возможно, ИскИн он или нет, но ведь никто так на самом деле и не понял, что случилось там, наверху, когда Кейс прогнал тот китайский ледоруб сквозь их базовый лед.

— ИскИн потом пытался выйти на вас?

— Я ничего об этом не знаю. Кейс считал, что он ушел — не исчез, а именно ушел, растворился во всей матрице в целом. Как будто он перестал существовать в киберпространстве, а просто стал им. Если ИскИну не хочется, чтобы его увидели, чтобы знали о его присутствии, ну тогда, думаю, нет никакой возможности его обнаружить. И нет никаких шансов доказать это кому-то еще, даже если ты что-то знаешь… Что до меня, я ничего не желала знать. Я хочу сказать: что бы там ни случилось, мне казалось, что с этим покончено. Армитидж мертв, Ривьера мертв, Эшпул мертв, пилот-растафари, который возил нас туда на буксире, вернулся к себе в кластер Сион и, вероятно, списал все происшедшее на еще один наркотический сон… Я оставила Кейса в токийском "Хайятте" и никогда больше его не видела…

— Почему?

— Кто знает? Да ни почему. Я была молода, и вообще

казалось, что все позади.

— Но ее вы ведь оставили там, наверху. В "Блуждающем огоньке".

— Вот именно. И время от времени я раздумываю над этим. Финн, когда мы уходили, было такое впечатление, что ей на все наплевать. Наплевать, что я за нее убила ее больного сумасшедшего отца, а Кейс взломал их защиту и выпустил в матрицу их ИскИн… Но я внесла ее в список, так? Когда однажды на тебя сваливаются по настоящему крупные неприятности, когда тебя достают, ты проходишься по такому списку.

— И ты с самого начала вычислила ее?

— Нет. Список у меня довольно длинный Кейс, который, как показалось Кумико, был для Салли чем-то большим, нежели просто партнер, больше в рассказе не появлялся.

Сидя на корточках рядом с Салли и слушая рассказ о четырнадцати годах ее жизни, который ради Финна та сжала в стремительное стаккато мест и событий, Кумико вдруг обнаружила, что воображает себе более молодую Салли этакой бисонен, героиней традиционного романтического видеофильма: трагичной, элегантной и смертельно опасной. Кумико с трудом поспевала за деловито-сухой манерой Салли излагать свою жизнь. Слишком много ссылок на места и вещи, которые девочке ничего не говорили. Зато так легко было представить себе, как Салли одним взмахом руки добивается внезапных и блестящих побед, как и положено бисонен. Нет, подумалось ей, когда Салли отмахнулась от "неудачного года в Гамбурге" (тут в ее голосе вдруг зазвучал гнев — застарелый гнев, ведь с тех пор прошло десять лет), ошибочно оценивать эту женщину в японских понятиях. Никакая она не ронин, нет в ней ничего от странствующего самурая; и Салли и Финн говорили о бизнесе.

Насколько Кумико сумела понять, тот трудный год в Гамбурге наступил для Салли после того, как она приобрела и потеряла какое-то состояние. Получила она его как свою долю в "деле наверху", в том месте, которое Финн назвал "Блуждающим огоньком", — в партнерстве с мужчиной по имени Кейс. При этом она нажила себе врага.

— Гамбург, — перебил Финн, — я слышал рассказы о Гамбурге…

— Деньги закончились. Так оно всегда и бывает, когда ты молода… Вроде сколько их ни сшибай, а все как-то не то, но я уже успела связаться с теми людьми из Франкфурта, оказалась по уши перед ними в долгу, а они хотели получить по счетам моим ремеслом.

— Каким ремеслом?

— Хотели, чтобы кое-кому перепало.

— А дальше?

— Я завязала. Как только смогла. Уехала в Лондон…

Возможно, решила Кумико, что Салли когда-то и походила на ронин, была кем-то вроде странствующего самурая. Однако в Лондоне она стала совсем другой, стала деловой женщиной. Обеспечивая себя неким неназванным способом, она постепенно превратилась в спонсора, субсидирующего различные деловые операции. (Что такое "спускать кредит"? Что значит "отмывать данные"?)

— Да уж, — протянул Финн, — неплохо поработала. Заполучила долю в каком-то немецком казино.

– "Аикс-ла-Шапель". Я входила в правление. Да и до сих пор там, если добуду нужный паспорт.

— Осела? — Снова смех.

— Конечно.

— Немного о тебе было слышно в те времена.

— Управляла казино. Вот и все. Справлялась.

— Ты дралась на пари. "Мисти Стил" — "Туманная сталь", полулегкий вес. Восемь боев. Я ставил на пяти из них. Матч с кровью, конфетка. Все нелегальные.

— Хобби.

— Хорошенькое хобби. Я видел видеоролики. Малыш Бирманец прямо-таки вскрыл тебя, ты чуть жизни не лишилась…

Кумико вспомнила длинный шрам.

— Поэтому я завязала. Пять лет назад, а я и так уже была лет на пять старше, чем положено.

— Ты выглядела неплохо, но "Туманная сталь"… Господи Иисусе.

— Не цепляйся. Не я же придумала эту кличку.

— Хорошо-хорошо. Расскажи-ка о нашей подруге "сверху". Как она вышла на тебя?

— Через Суэйна. Роджера Суэйна. Однажды заявляется ко мне в казино шестерка этого ублюдка, якобы крутой по имени Прайор. С месяц назад.

— Лондонский Суэйн?

— Он самый. А у Прайора для меня подарок — с метр распечатки. Список. Имена, даты, места.

— Много?

— Все. Даже то, что я почти позабыла.

— И "Блуждающий огонек"?

— Все. Так вот, собрала я манатки и вернулась в Лондон к Суэйну. Ему, мол, очень жаль, но он вынужден меня прижать. Потому что некто прижимает его. У него тоже есть из-за чего

нервничать — собственный метр распечатки.

Кумико услышала, как каблуки Салли проскрежетали по мостовой.

— Чего он хочет?

— Украсть кого-то тепленьким. Некую знаменитость.

— А почему ты?

— Да ладно, Финн, затем я к тебе и пришла. Спросить у тебя об этом.

— Насчет 3-Джейн тебе сказал Суэйн?

— Нет. Это сказал мой компьютерный ковбой в Лондоне.

У Кумико заболели колени.

— А малышка? Где ты ее подцепила"?

— Она объявилась однажды вечером в доме Суэйна. Янака пожелал убрать ее из Токио Суэйн должен ему гири.

— Во всяком случае, она чиста, никаких имплантантов. Судя по тому, что до меня доходит из Токио, у Янаки забот по горло…

Кумико поежилась в темноте.

— Что за знаменитость они хотят? — продолжал Финн.

Кумико почувствовала, что Салли медлит.

— Анджелу Митчелл.

Безмолвно качается розовый метроном — слева направо, справа налево.

— Здесь холодно, Финн.

— Да уж. Хотелось бы мне это почувствовать. Я просто сделал небольшую пробежку тебя же ради На Мемори-Лейн. Ты много знаешь о том, откуда взялась эта Энджи?

— Нет.

— Я играю в игру под названием "оракул", дорогуша, а не в "научную библиотеку". Ее отцом был Кристофер Митчелл. Большая шишка в исследованиях по биочипам "Маас Биолабс". Она выросла в их закрытом городке в Аризоне, так сказать, дочь компании. Приблизительно лет семь назад там что-то стряслось Поговаривают, что "Хосака" снарядила команду своих профессионалов, чтобы помочь Митчеллу поменять хозяина. Архивные сводки новостей говорят, что во владениях "Мааса" произошел взрыв в несколько мегатонн, но никто так и не обнаружил никакой радиации. И наемников "Хосаки" тоже не нашли. "Маас" же объявил, что Митчелл мертв, самоубийство.

— Это библиотека. А что знает оракул?

— Слухи. Ничего, что выстраивалось бы в единую картинку. Улица говорит, что она объявилась здесь день или два спустя после взрыва в Аризоне, связалась с какими-то очень странными, даже чудными латиносами, действовавшими на окраинах Нью-Джерси.

— Чем они занимались?

— Заключали сделки. В основном "железо", софт. Купля-продажа. Иногда покупали кое-что и у меня…

— Чем же они были странны?

— Они были колдуны. Считали, что в матрице полно мамбо и всяких прочих тварей. И знаешь, что я тебе скажу, Молл?

— Что?

— Они были правы.

23. СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ

Она очнулась, будто кто-то щелкнул переключателем.

Не открывать глаза. Слышно, как они переговариваются в соседней комнате. Болело в разных местах, но не намного хуже, чем после "магика". Черный отходняк уже совсем сошел, или, быть может, его заглушило тем, что ей вкатили, этим аэрозолем.

Бумажный халат царапал соски, они почему-то казались большими и нежными, а грудь — полной. По лицу извивались тоненькие ниточки боли, двойной тупой болью стягивало глазницы, во рту — будто все воспалено, к тому же привкус крови.

— Я не собираюсь учить тебя жить, — говорил Джеральд. Его голос едва перекрывал плеск воды из крана и позвякивание металла, как будто Джеральд мыл кастрюли или что-то вроде этого. — Но ты дурачишь сам себя, если полагаешь, что она сможет обмануть того, кто не желает быть обманутым. Что ни говори, это очень поверхностная работа.

Прайор что-то сказал в ответ, но Мона не разобрала, что именно.

— Я сказал "поверхностная", а не "халтурная". Качество — профессиональное. Двадцать четыре часа на дермальном стимуляторе, и никому даже в голову не придет, что она побывала в Клинике. Держи ее на антибиотиках, но ничего возбуждающего, ее иммунной системе и без того довольно далеко до нормальной.

Потом снова Прайор, и опять она не поняла ни слова.

Открыла глаза, но увидела один потолок, белые квадраты звуконепроницаемой плитки. Повернула голову влево. Белая пластиковая стена с этим дурацким ложным окном: высококачественная анимация какого-то пляжа — всякие там пальмы и волны. Если смотреть на воду достаточно долго, то можно заметить, что волны, которые накатываются на пляж, через некоторое время начинают повторяться. Похоже, что устройство повреждено или сносилось: прибой время от времени как будто запинается, да и красный закат над морем пульсирует, словно дефектная флюоресцентная трубка.

Попробуем вправо. Снова поворот головы. Прикосновение к шее пропитавшейся потом бумажной наволочки на жесткой синтетической подушке.

С постели напротив на нее смотрело лицо с синяками вокруг глаз, нос охвачен скобками из прозрачного пластика, поверх него — пленка из микропоры, по щекам размазано какое-то

коричневое желе…

Энджи. Это — лицо Энджи, обрамленное отражением заикающегося заката за дефектным "окном".

— Кости мы не трогали, — говорил Джеральд, осторожно отдирая пленку, которая удерживала маленькую пластмассовую скобу вдоль переносицы Моны. — В этом-то вся и прелесть. Мы вживили в нос хрящ, введя его через ноздри, потом взялись за ее зубы. Улыбнись. Прекрасно. Нарастили грудь, надстроили соски клонированной, способной напрягаться тканью, потом подкрасили глаза… — Он снял скобу. — В ближайшие двадцать четыре часа постарайся не касаться лица.

— У меня от этого синяки?

— Нет. Синяки — вторичная травма от работы с хрящом. — Пальцы Джеральда на лице казались прохладными и уверенными. — К завтрашнему дню пройдет.

В Джеральде ничего стремного. Он дал ей три дерма, два синих и один розовый, такие гладкие и успокаивающие… А вот с Прайором все наоборот, но Прайор ушел, во всяком случае, его нигде не видно. Так приятно просто лежать и слушать, как Джеральд объясняет, что сделал, своим спокойным голосом. И поглядите только, что он умеет.

— Веснушки, — сказала Мона, потому что веснушки со щек исчезли.

— Стирание и еще немного клонированной ткани. Они вернутся. Чем больше времени ты будешь на солнце, тем скорее…

— Она такая красивая… — Мона повернула голову.

— Ты, Мона. Это — ты.

Она поглядела на лицо в зеркале и примерила ту самую знаменитую полуусмешку.

Возможно, Джеральд все же не лучше Прайора.

Снова вернувшись на узкую белую кровать, куда ее положили отсыпаться, Мона подняла руку, чтобы взглянуть на дермы. Транквилизаторы. В цветных "кнопках" колышется жидкость.

Подцепив розовый дерм ногтем, она сорвала его, прилепила на белую стену и с силой надавила большим пальцем. Вниз сбежала одинокая капля соломенного цвета. Мона осторожно сковырнула дерм со стены и вернула на руку. В синих жидкость оказалась молочно-белой. Их она тоже вернула на место. Может, врач и заметит, но ей хотелось знать, что происходит.

Мона посмотрела на себя в зеркало. Джеральд сказал, что сможет вернуть ей прежнюю внешность, если она когда-нибудь этого захочет. Тогда она еще удивилась, что он запомнил, как она выглядела. Может быть, он сделал снимок или еще что. Теперь, если вдуматься, нет уже никого, кто бы помнил, как она

выглядела раньше. Она прикинула, что, возможно, единственным вариантом в этом случае была бы стим-дека Майкла, но она не знала ни его адреса, ни даже фамилии. Странное чувство — как будто та, кем она была раньше, выскочила на минутку на улицу, да так и не вернулась. Тут Мона закрыла глаза и сказала себе, что твердо знает, что она — это она, Мона, всегда была Моной, и что по большому счету ничего не изменилось, во всяком случае, за фасадом.

Ланетта говорила, что не имеет значения, как ты меняешь себя. Однажды Ланетта проговорилась, что у нее не осталось и десятой части того лица, с которым она родилась. Даже не подумаешь, ну если не считать черного на веках, так что ей никогда не приходилось возиться с тушью. Мона тогда еще подумала, что Ланетте сделали не такую уж хорошую операцию, и, должно быть, это как-то отразилось в ее взгляде, потому что Ланетта сказала: "Тебе стоило бы поглядеть на меня до того, дорогуша".

А вот теперь и она, Мона, лежит пластом на узкой кровати в Балтиморе, и все, что ей известно об этом городе, ограничивается завыванием сирен на улице да гудением вентилятора Джеральда.

Не понять как, но это гудение перешло в сон, и как долго она спала, Мона не знала. А потом возле кровати оказался Прайор, его рука лежала у нее на плече, и он спрашивал, не хочет ли она есть.

Мона смотрела, как Прайор сбривает бороду. Он делал это над хирургической раковиной из нержавейки. Сперва подрезал бороду хромированными ножницами, потом взялся за пластмассовый одноразовый станок, который позаимствовал из коробки Джеральда. Странно было видеть, как на свет появляется его лицо. Лицо оказалось совсем не таким, как она ожидала: моложе. Но рот остался прежним.

— Мы здесь еще надолго, Прайор? Перед тем как начать бриться, он снял рубашку. По плечам и рукам вниз до локтя сбегали вытатуированные драконы с львиными головами.

— Пусть это тебя не волнует.

— Скучно.

— Мы достанем тебе стимы. Он брил подбородок.

— Как выглядит Балтимора?

— Отвратительно. Как и все остальное.

— А Англия?

— Отвратительно.

Он вытер лицо толстым комом синей впитывающей салфетки.

— Может, пойдем поедим крабов? Джеральд говорит, тут чудесные крабы.

— Ага, — отозвался он. — Я принесу. — И выбросил синий ком в стальную мусорную корзину.

— А как насчет того, чтобы я пошла с тобой?

— Нет. Ты можешь попытаться сбежать. Рука Моны скользнула между стеной и кроватью и нашла проделанную в темперлоне ямку, куда она спрятала шокер. Свою одежду она уже успела обнаружить в белом пластиковом пакете под кроватью. Каждые два часа приходил Джеральд со свежими дермами. Она сколупывала их сразу после его ухода. Мона рассчитывала на то, что если удастся уговорить Прайора с ней поужинать, то в ресторане она рванет когти. Но Прайор не поддавался.

В ресторане ей, возможно, удалось бы добраться до копа, ведь теперь, как Моне казалось, она сообразила, в чем заключалась "сделка".

Пришьют. Ланетта ей о таком рассказывала. Есть мужики, которые готовы платить за то, чтобы внешность девушки перекроили под какую-то другую особу, а затем убивают ее. Обязательно богатые, по-настоящему богатые. Не Прайор, конечно, а кто-то, на кого он работает. Ланетта говорила, что эти мужики иногда устраивают так, чтобы девушки выглядели, как, скажем, их жены. Тогда Мона в это не поверила. Ланнета любила рассказывать страшные истории, просто потому что приятно бояться, зная, что тебе самой ничего не грозит. И уж историй об извращенцах у Ланетты было полно. Она говорила, что пиджаки из них изо всех самые сумасшедшие. Естественно, крутые пиджаки, те, что в правлениях больших компаний — они ведь не могут себе позволить потерять самоконтроль на работе. Но когда они не на работе, говорила Ланетта, они могут его терять, как им заблагорассудится. Так почему бы какому-нибудь большому пиджаку наверху не пожелать поиметь таким образом Энджи? Ладно, многие девушки из кожи вон лезут, чтобы стать на нее похожей, но результат выходит в основном жалкий. Мона не встречала еще ни одну действительно похожую на звезду настолько, чтобы одурачить кого-то, кому не все равно. Но может быть, нашелся кто-то, кто заплатил за все это, просто чтобы заполучить девушку, которая выглядела бы как Энджи. И опять же, если дело не в убийстве, зачем она ему?

Прайор застегивал голубую рубашку. Потом подошел к постели и сдернул простыню, чтобы посмотреть на ее грудь. Будто осматривал автомобиль. Мона рывком натянула простыню обратно.

— Я принесу крабов.

Он надел куртку и ушел. Мона слышала, как по пути он что-то сказал Джеральду.

В дверном проеме возникла голова китайца.

— Как ты себя чувствуешь, Мона?

— Есть хочу.

— Чувствуешь себя расслабленно?

— Угу…

Снова оставшись одна, она перекатилась на бок и стала изучать свое лицо — лицо Энджи, но теперь и ее тоже — в зеркальной стене. Синяки почти сошли. Джеральд прилепил ей на лицо такие штучки, похожие на миниатюрные троды, и подключил их к какой-то машине. Сказал, что так быстрее заживет.

На этот раз оно не заставило ее подпрыгнуть на месте, это лицо звезды в зеркале. Зубы были прекрасны: такие кому угодно захочется сохранить. А что касается всего остального, Мона пока не была особо уверена, что ей это нравится.

Может, сейчас надо встать, одеться и пойти к выходу. Если Джеральд попытается ее остановить, она воспользуется шокером. Тут Мона вспомнила, что Прайор объявился в мансарде у Майкла, как будто был кто-то, кто все время за ней следил, ходил за ней по пятам всю ночь. Возможно, и сейчас снаружи кто-то дежурит. В клинике Джеральда, похоже, нет окон, настоящих окон, так что выходить придется через дверь.

И ей до зарезу был нужен "магик". Но если она хоть чуть-чуть дохнет, Джеральд это заметит. Мона знала, что ее косметичка здесь, в пакете под кроватью. Может, думала она, если немного принять, то она хоть что-нибудь да предпримет. Но, с другой стороны, есть вероятность, что это будет совсем не то, что ей нужно. Не всегда и не все, что она проделывала под "магиком", срабатывало. Даже если он создает ощущение, что промашки просто не может быть.

Как бы то ни было, хочется есть. Жаль, что у Джеральда тут нет музыки или еще чего-нибудь такого, так что, пожалуй, она подождет крабов…

24. В ОДНОМ БЕЗЛЮДНОМ МЕСТЕ

И вот перед ним стоит Джентри, и в глазах у него пылает Образ, и он протягивает ему сетку тродов под безжалостным сиянием голых лампочек. И говорит он Слику, почему все должно быть так, а не иначе, почему Слик должен надеть тро-ды и напрямую подключиться к тому, что серая пластина вводит в мозг неподвижного тела на носилках, что бы это ни было.

Слик покачал головой, вспоминая, как набрел на Собачью Пустошь. А Джентри, приняв этот жест за отказ, стал говорить еще быстрее.

Джентри говорил, что Слик вроде бы как умрет, но совсем ненадолго, ну, может, на несколько секунд, пока он, Джентри, не зафиксирует информацию и не выстроит общий контур макроформа. Ведь Слик не знает, как это сделать, продолжал ковбой, иначе бы он, Джентри, пошел на это сам; да и не нужна ему эта информация, ему нужно только общее представление, потому что именно оно — так он считает — приведет его к Образу, к той главной цели, за которой он гонялся столь долго.

А Слик вспоминал, как пересек Пустошь пешком. Он тогда боялся, что в любой момент может вернуться синдром Корсакова, и он забудет, где находится, и напьется канцерогенной воды из гнилой красной лужи, которых так много было на ржавой равнине. А в них плавают красная пена и раскинувшие крылья мертвые птицы. Дальнобойщик из Теннесси посоветовал ему идти от трассы на запад: через час, мол, будет вшивенькое двухполосное шоссе, где можно застопить машину до Кливленда. Но Слику казалось, что прошло куда больше часа, к тому же он не знал точно, в какой стороне запад. И вообще это место все сильнее его пугало — как будто здесь проходил какой-нибудь великан, наступил на воспаленный волдырь свалки, расплющил его, а шрам так и остался. Однажды Слик увидел кого-то вдали на невысокой куче металлолома и помахал. Фигура исчезла, но Слик зашагал туда, уже не сторонясь луж, а хлюпая прямо по ним, и, когда добрался до места, увидел, что это всего лишь бескрылый остов самолета, наполовину погребенный под ржавыми консервными банками. Он пошел назад — вниз по пологому спуску, по тропинке, отмеченной расплющенными банками, пока в конце концов не добрел до квадратного отверстия, которое оказалось аварийным выходом невесть откуда. Засунул голову внутрь, и на него уставились сотни маленьких головок, свисавших с потолочного свода Слик будто прирос к месту, прищурился, давая глазам привыкнуть к внезапной полутьме,

пока дикое "ожерелье" не начало приобретать некий смысл. Розовые головки были оторваны от пластмассовых кукол Их нейлоновые волосы кто-то связал в хвосты на макушке, а в узлы продел толстый черный шнур — головы свисали с него, как спелые фрукты. Кроме них да нескольких полос грязного зеленого пенопласта, ничего другого в бункере не было. Слик точно знал, что ему не хочется здесь задерживаться, чтобы выяснить, кто тут живет.

Тогда он отправился на юг и случайно наткнулся на Фабрику.

— У меня никогда не будет второго такого шанса, — говорил Джентри.

Слик смотрел в напряженное осунувшееся лицо, в расширенные от отчаяния глаза.

— Я никогда его не увижу…

Слик вспомнил, как Джентри ударил его и как он, Слик, посмотрел на гаечный ключ, который держал в руке, и почувствовал… Черри была не права насчет их обоих, тут было нечто иное, он только не знал, как это назвать. Левой рукой Слик вырвал у Джентри троды, а правой сильно толкнул его в грудь.

— Заткнись! Заткнись, черт тебя подери! Джентри упал на край стального стола.

Тихонько чертыхаясь, Слик неловко натянул изящную сетку контактных дерматродов на лоб и виски.

Подключился.

Под подошвами скрипнул гравий.

Открыл глаза, посмотрел себе под ноги: посыпанная гравием дорожка при утреннем свете казалась ровной и очень чистой, гораздо чище Собачьей Пустоши. Взглянул вперед и увидел, что она делает плавный поворот, а за зелеными раскидистыми деревьями — скат черепичной крыши. Дом — огромный, почти в половину Фабрики. Неподалеку в высокой мокрой траве стояли статуи. Отлитый из чугуна олень и мужской торс, вытесанный из белого камня, — ни рук, ни ног, ни головы. Пели птицы, это был единственный звук.

Слик пошел по подъездной аллее к серому дому, ничего другого ему, похоже, не оставалось. В конце дороги за домом виднелись постройки поменьше и широкое плоское поле травы, где трепетали на ветру планеры.

Сказка, подумал он, поднимая глаза на широкий каменный выступ над входом в усадьбу, на розетки оконных витражей. Как в кино, которое он видел однажды в детстве. Неужели действительно есть на свете люди, которые живут в таких вот домах? Никакой это не дом, напомнил он самому себе, — только лишь стим-реальность.

— Джентри, — сказал он вслух, — вытащи отсюда мою задницу, ладно?

Слик принялся рассматривать тыльные стороны ладоней. Шрамы, въевшаяся смазка, черные полумесяцы грязи под обломанными ногтями. Машинное масло размягчало ногти, и они легко ломались.

Он начинал уже чувствовать себя полным идиотом, стоя здесь посреди дороги. А ведь возможно, кто-то наблюдает за ним из дома.

— Бля, — выплюнул он и свернул на вымощенную плиткой дорожку к дому, подсознательно перейдя на развязный широкий шаг и выпятив грудь, чему научился в бытность свою в "Блюз-Дьяконах".

Сбоку от двери была прикреплена какая-то странная штука: маленькая изящная рука держала в вытянутых пальцах сферу размером с бильярдный шар — все отлито из чугуна. Крепится на шарнирах, так чтобы можно было повернуть руку и опустить шар вниз. Повернул. Рывком. Дважды. Потом еще пару раз. Ничего. Дверная ручка была латунной, цветочный орнамент на ней до того стерся, что стал почти неразличим. Повернулась она легко. Слик толкнул дверь.

И невольно прищурился от бьющего в глаза богатства красок и интерьера. Плоскости темного полированного дерева, квадраты черного и белого мрамора, ковры с тысячью мягких оттенков, светившихся, как церковные витражи, начищенное серебро, зеркала… Он хмыкнул. Взгляд притягивала то одна, то другая мелочь — столько вещей, предметов, названий которым он не знал…

— Ищешь кого-нибудь, приятель? Перед огромным камином стоял мужчина. На нем были узкие черные джинсы и белая футболка, ноги его были босы, и в правой руке он держал толстый, расширяющийся книзу стакан с ликером. Слик обалдело уставился на незнакомца.

— Бля, — выдавил Слик. — Ты — это он…

Мужчина покачал коричневую жидкость в стакане и сделал глоток.

— Я ожидал, что Африка со временем выкинет что-то подобное, — сказал он, — но почему-то, дружок, ты не похож на ребят в его стиле.

— Ты Граф.

— Ага, Граф, — отозвался он. — А ты, черт побери, кто?

— Слик. Слик Генри.

Граф рассмеялся.

— Хочешь коньяку, Слик Генри?

Он указал стаканом на стойку из полированного дерева, где выстроились в ряд причудливые бутылки; с каждой на цепочке свисал маленький серебристый ярлычок.

Слик покачал головой.

Мужчина пожал плечами.

— С него все равно не забалдеешь… Прости, что я это говорю, но выглядишь ты погано, Слик. Я так понимаю, что ты не из команды Малыша Африки? А если нет, то что все-таки ты тут делаешь?

— Меня послал Джентри.

— Какой еще Джентри?

— Ты ведь парень на носилках, так?

— Парень на носилках — это я. Где конкретно в данную минуту эти носилки, Слик?

— У Джентри.

— Где это?

— На Фабрике.

— А это где?

— На Собачьей Пустоши.

— И как же я там очутился, на этой Пустоши, где бы она ни была?

— Это Малыш Африка тебя привез. Привез с девушкой по имени Черри Понимаешь, я у него в долгу, так он захотел, чтобы я приютил тебя на время, тебя и Черри. Она ухаживает за тобой…

— Ты назвал меня Графом, Слик…

— Черри сказала, что так тебя однажды назвал Малыш…

— Скажи-ка мне, Слик, не выглядел ли Малыш, когда он меня привез, встревоженным?

— Черри думала, что он был до смерти напуган там, в Кливленде.

— Уверен, что был. Кто этот Джентри? Твой друг?

— Фабрика принадлежит ему. Я тоже там живу…

— Этот Джентри, он ковбой, а, Слик? Компьютерный жокей? Я хочу сказать, что, если ты здесь, он должен рубить в технике, так?

Теперь пришла очередь Слика пожать плечами.

— Джентри, ну… он вроде художника. У него полно всяких теорий. Вообще это трудно объяснить. Он присобачил несколько проводов к той штуковине на носилках… ну к той, куда ты подключен. Сначала он попытался вывести изображение на проекционный стол, но там оказалась только эта дурацкая обезьяна, что-то вроде тени, поэтому он уговорил меня…

— Господи… впрочем, не важно. Эта фабрика, о которой ты говорил, она где-то на задворках? Сравнительно малодоступна?

Слик кивнул.

— А Черри, она что-то вроде нанятой медсестры?

— Да. Сказала, у нее диплом медтеха.

— И никто еще не приходил меня искать?

— Нет.

— Это хорошо, Слик. Потому что если кто-то придет, кто-нибудь, кроме этого ублюдочного крысенка, прошу прощения, нашего общего друга Малыша Африки, то у вас, ребята, могут быть серьезные неприятности.

— Да ну?

— Вот тебе и "да ну". Выслушай меня, идет? Я хочу, чтобы ты запомнил, что я тебе скажу. Если у вас на этой вашей фабрике появится хоть какая-то компания, единственная ваша надежда — это подключить меня к матрице. Понял?

— А как ты стал Графом? Я имею в виду, что это значит?

— Бобби. Меня зовут Бобби. "Граф", а может быть, правильнее было бы "Счет" — "прерывание на счет ноль", знаешь? Впрочем, не важно, и то и другое было когда-то моим прозвищем, вот и все. Как ты думаешь, ты запомнил, что я тебе сказал?

Слик снова кивнул.

— Хорошо. — Бобби поставил стакан на деревяшку с чудными бутылками. — Слышишь? — спросил он.

За открытой дверью по гравию прошуршали шины.

— Знаешь, кто это, Слик? Это — Анджела Митчелл.

Слик повернулся. Бобби Граф, или Счет, смотрел в окно на подъездную аллею.

— Энджи Митчелл? Стим-звезда? Она тоже здесь?

— Как сказать, Слик, как сказать… Слик увидел, как мимо прокатил черный автомобиль.

— Эй, — начал было он, — Граф, то есть Бобби, что…

— Спокойно, — сказал Джентри, — просто посиди. Спокойно. Спокойно…

25. НАЗАД НА ВОСТОК

Пока Келли и его ассистенты готовили для предстоящей поездки ее гардероб, Энджи чувствовала, будто сам дом оживает вокруг нее, готовясь к одному из своих коротких периодов запустения.

С того места, где она сидела в гостиной, до нее доносились голоса, чей-то смех. Одну из ассистенток, молоденькую девчушку, одели в синий полиуглеродный экзо, что позволило ей сносить вниз кофры от "Эрме", будто невесомые блоки пенопласта. Тихонько жужжащий скелет поверх человеческого тела мягко шлепал вниз по ступенькам плоскими динозаврьими лапами. Синий скелет, кожаные гробы.

Тут в дверях появился Порфир.

— Мисси готова?

Парикмахер успел облачиться в длинное свободное пальто из тонкой, как ткань, черной кожи, над каблуками черных лакированных сапог посверкивали шпоры из горного хрусталя.

— Порфир, — улыбнулась Энджи, — ты выглядишь прямо как муфтий. Надо бы нам устроить шоу-выход в Нью-Йорке.

— Камеры там установлены в твою честь, не в мою.

— Да уж, — протянула она, — в честь моего "нового включения".

— Порфир будет держаться на заднем плане.

— Никогда не думала, что ты станешь беспокоиться о том, что можешь вдруг кого-то затмить.

Он усмехнулся, показывая скульптурные, обтекаемые зубы — фантазия зубного врача-авангардиста на тему, каковы они могли бы быть у разновидности более быстрых, более элегантных существ.

— С нами полетит Даниэлла Старк. — До Энджи донесся звук снижающегося вертолета. — Она будет ждать нас в аэропорту Лос-Анджелеса.

— Мы ее придушим, — ответил он тоном заговорщика, набрасывая на плечи Энджи палантин из голубой лисы, выбранный для этого случая Келли. — Если мы пообещаем намекнуть новостям, что мотив был сексуальный, она, возможно, даже решит нам подыграть…

— Ты ужасен.

— Это Даниэлла — ужас во плоти, мисси.

— Уж кто бы говорил.

— А? — Парикмахер сузил глаза. — Но зато у меня душа младенца.

Вертолет пошел на посадку.

О Даниэлле Старк, сотруднице стим-версий журналов "Вог-Ниппон" и "Вог-Европа", повсюду ходили слухи, что ей далеко за восемьдесят. Если это верно, подумала Энджи, тайком рассматривая фигуру журналистки, когда они втроем поднимались по трапу в "Лир", то в том, что касается пластической хирургии и косметологии, Даниэлла Порфиру вполне под стать. На первый взгляд журналистке было чуть больше тридцати, и единственным заметным свидетельством, что она имела-таки дело с хирургами, была пара бледно-голубых "цейсовских" имплантантов. Один юный репортер из французского журнала мод как-то назвал их "модно устаревшими". Как поговаривали злые языки в "Сенснете", этот репортер больше нигде и никогда не смог получить работу.

Энджи знала, что при первой же возможности Даниэлла заведет с ней разговор о наркотиках, о "наркотиках знаменитости", будет смотреть на нее в упор, широко, как школьница, распахнув васильковые глаза, чтобы заснять все на пленку.

Под грозным взором Порфира Даниэлла некоторое время пыталась сдерживаться — пока они не достигли крейсерской скорости где-то над Ютой.

— Я надеялась, — начала журналистка, — что кто-то поднимет этот вопрос до меня…

— Даниэлла, — остановила ее Энджи, — прими мои извинения. Как это невнимательно с моей стороны.

Она дотронулась до обшитой шпоном панели походной кухни "хосака". Механизм мягко заурчал и начал выдавать крохотные тарелочки с копченой уткой цвета чая, устрицами на тостах под черным перцем, за пирогом с лангустами последовали кунжутные блинчики… Порфир, уловив намек Энджи, извлек бутылку охлажденного "шабли" — любимого вина Даниэллы, насколько помнила Энджи. Кто-то — уж не Свифт ли? — это помнил тоже.

— Наркотики, — сказала Даниэлла четверть часа спустя, доедая утку.

— Не беспокойтесь, — заверил ее Порфир. — Когда вы прибудете в Нью-Йорк, там будет все, что пожелаете.

Даниэлла улыбнулась.

— Вы так забавны. А вам известно, что у меня есть копия вашего свидетельства о рождении? Я знаю ваше настоящее имя. — Все еще улыбаясь, она бросила на него многозначительный взгляд.

— Какая мне разница, — сказал он, наполняя ее бокал.

— Интересное замечание, учитывая врожденные дефекты. —

Она пригубила вино.

— Врожденные, приобретенные… В наше время кто только себя не изменяет, не правда ли? И еще как! Кто укладывает вам волосы, дорогая? — Парикмахер подался вперед. — Вас, Даниэлла, спасает лишь то, что на вашем фоне прочие представители вашего вида и на людей-то не похожи.

Даниэлла улыбнулась.

Само интервью прошло довольно гладко. Даниэлла была достаточно опытна, чтобы не переступить в своих маневрах тот болевой порог, за которым могла бы столкнуться с серьезным сопротивлением со стороны жертвы. Но когда она провела кончиком пальца по виску, нажимая на подкожную клавишу, которая выключила ее записывающее оборудование, Энджи напряглась в ожидании настоящей атаки.

— Спасибо, — сказала Даниэлла. — Остаток полета, конечно, не для эфира.

— А почему бы вам просто не выпить еще бутылку-другую и не вздремнуть? — спросил Порфир.

— Чего я действительно не понимаю, дорогая, — сказала Даниэлла, не обращая на него внимания, — так это почему вы так разволновались…

— Разволновалась, Даниэлла?

— Зачем вы вообще ложились в эту пресловутую клинику? Вы ведь говорили, что наркотики никак не влияют на вашу работу. Вы также говорили, что от них нет никаких "глюков" в обычном понимании этого слова. — Она хихикнула. — Однако вы продолжаете настаивать на том, что это было вещество, вызывающее исключительно тяжелую зависимость. Так почему вы решили соскочить?

— Это было ужасно дорого…

— В вашем случае, конечно, вопрос чисто академический.

"Верно, — подумала Энджи, — хотя неделя на этой дряни мне стоила твоего годового оклада".

— Наверное, мне опротивело платить за то, чтобы чувствовать себя нормальной. Или за слабое приближение к нормальности.

— У вас развился иммунитет?

— Нет.

— Как странно.

— Не так уж и странно. Моделисты конструируют вещества, с которыми, как предполагается, можно избежать традиционной ломки.

— Ага. Но как насчет новой ломки, я хочу сказать: теперешней ломки? — Даниэлла налила себе еще вина. —

Естественно, я слышала и другую версию произошедшего.

— Правда?

— Конечно. Что это было, кто это сделал, почему вы перестали.

— И?

— Что это был предотвращающий психозы препарат, производимый в собственных лабораториях "Сенснета". Вы перестали его принимать, потому что предпочли остаться сумасшедшей.

Веки Даниэллы затрепетали, затуманивая сверкание голубых глаз. Порфир осторожно вынул из руки журналистки стакан.

— Спи спокойно, детка, — сказал он. Глаза Даниэллы закрылись, и она начала мягко посапывать.

— Порфир, что…

— Я подмешал ей в вино снотворное, — ответил парикмахер. — Она ничего не почувствовала, мисси. И потом не сможет вспомнить ничего, кроме того, что есть у нее в записи… — Он расплылся в улыбке. — Тебе ведь не хочется выслушивать треп этой суки всю дорогу до Нью-Йорка, правда?

— Но она же поймет, Порфир!

— Ничего она не поймет. Мы ей скажем, что она в одиночку уговорила три бутылки и напакостила в ванной. А чувствовать она себя будет соответственно. — Он плотоядно усмехнулся.

Час спустя Даниэлла Старк еще похрапывала — теперь уже довольно громко — на одной из двух откидных коек в хвостовой части кабины.

— Порфир, — сказала Энджи, — как, по-твоему, может она быть права?

Парикмахер уставился на нее своими невероятно красивыми, нечеловеческими глазами.

— И ты бы не знала?

— Я не знаю… Он вздохнул.

— Мисси слишком тревожит себя. Ты теперь свободна. Наслаждайся этим.

— Но я и правда слышу голоса, Порфир.

— Разве мы все их не слышим, мисси?

— Нет, — ответила она, — не так, как я. Ты знаешь что-нибудь об африканских религиях, Порфир?

Он иронично усмехнулся:

— Так я же не африканец.

— Но когда ты был ребенком…

— Когда я был ребенком, — сказал Порфир, ~ я был бельм.

— О, черт…

Он рассмеялся:

— Религии, мисси?

— До того как я пришла в "Сенснет", у меня были друзья. В Нью-Джерси. Они были черными и… верующими.

Парикмахер поморщился и закатил глаза:

— Колдовские знаки, мисси? Петушиные лапки и мятное масло?

— Ты же знаешь, что это совсем не так.

— И что, если знаю?

— Не смейся надо мной, Порфир. Ты мне нужен.

— Я есть у мисси. И да, я знаю, что ты имеешь в виду. И это их голоса ты слышишь?

— Слышала. После того как я подсела на пыль, они ушли…

— А теперь?

— Их нет.

Но момент был упущен, и она отказалась от мысли попытаться рассказать ему о Гран-Бригитте и о наркотике в кармане.

— Хорошо, — сказал он. — Это хорошо, мисси.

"Лир" стал снижаться над Огайо. Порфир уставился перед собой в переборку, неподвижный, как статуя. Глядя вниз на приближающуюся, пока еще скрытую облаками землю, Энджи вспомнила вдруг игру, в которую часто играла в детстве, когда летала на самолетах. Она тогда представляла, что путешествует среди уплотнившихся, словно во волшебству, облачных пиков и каньонов. Те самолеты принадлежали, скорее всего, "Маас-Нео-тек". Теперь она летает на "Лирах" "Сенснета".

Коммерческие авиалайнеры оставались для нее лишь съемочными площадками стимов: девственно свежий — "Конкорды" "Джей-Эй-Эль" только-только восстановлены — перелет из Нью-Йорка в Париж в обществе Робина и проверенных людей "Сенснета".

Снижаемся. Уже над Нью-Джерси? Слышат ли дети, стайками вьющиеся по детским площадкам на крыше Проекта Бовуа, шум моторов? Скользит ли слабое эхо ее присутствия над кондо, где прошло детство Бобби? Какой ясной и светлой казалась будущая жизнь и как немыслимо запутался мир — ритмичное постукивание тысяч сумасшедших шестеренок его механизма, где оно? — когда корпоративная воля "Сенснета" встряхнула незримыми игральными костями над ухом никому не известных, ничего еще не ведающих детей…

— Порфир кое-что знает, — очень тихо сказал вдруг негр. — Но Порфиру нужно время, чтобы подумать, мисси…Самолет разворачивался, заходя на посадку.

26. КУРОМАКУ

Салли молчала — и на улице, и в такси — всю долгую холодную дорогу до их отеля.

Салли и Суэйна шантажировал враг Салли, обитающий где-то "на верху колодца". Салли вынуждают похитить Энджи Митчелл. Сама мысль о том, что кто-нибудь может украсть звезду "Сенснета", показалась Кумико совершенно невероятной, как будто кто-то устраивал заговор с целью убить героя мифов.

Финн намекнул, что Энджи и так уже каким-то таинственным образом замешана в эту историю, но он употреблял слова и идиомы, которых Кумико не понимала. Что-то в киберпространстве; какие-то люди заключают сделки с обитающим там существом или существами — не то пакты, не то союзы. Финн когда-то давно знавал парнишку, который стал потом любовником Эн-джи. Но разве ее любовник не Робин Ланье? Мать позволила Кумико посмотреть несколько стимов Энджи и Робина. Парнишка был ковбоем, воровал данные, как Тик в Лондоне…

А что с врагом, с той шантажисткой? Она сумасшедшая, говорил Финн, и ее безумие привело к развалу семейной империи. Эта женщина вроде бы жила совсем одна в своем древнем замке, доме под названием "Блуждающий огонек". Что такого сделала Салли, чтобы вызвать ее вражду? Она на самом деле убила отца этой женщины? И кто были другие, те, которые умерли? Гайдзинские имена уже вылетели у девочки из памяти…

И узнала ли Салли то, что хотела узнать, повидав Финна? Кумико ждала под конец от бронированного святилища хоть какого-нибудь прорицания, но разговор-перепалка закончился ничем, гайдзинским ритуалом шуток на прощание.

В вестибюле отеля в голубом бархатном кресле ждал Петал. Англичанин был одет по-дорожному. Его массивное тело было облачено в серую шерстяную тройку. Когда они вошли, он поднялся с кресла, подобно некоему странному воздушному шару. Глаза глядели как всегда мягко поверх очков в стальной оправе.

— Здравствуйте, — кашлянув, произнес он. — Суэйн послал меня за вами. Чтобы я присмотрел за девочкой.

— Отвези ее обратно, — сказала Салли. — Сейчас же.

— Салли! Нет!

Но рука Салли уже крепко сомкнулась на локте Кумико, потащила ее ко входу в неосвещенную комнату отдыха при вестибюле.

— Подожди там, — бросила Салли Петалу. — Послушай, — обратилась она к Кумико, затягивая девочку поглубже в тень, — ты сейчас вернешься обратно. Я не могу теперь допустить, чтобы ты оставалась со мной.

— Но мне там не нравится. Мне не нравится Суэйн, мне не нравится его дом… Я…

— Петала не бойся, — быстро шепнула Салли, наклонясь еще ближе. — В общем, я бы сказала, что я ему доверяю. Суэйн… ну ты сама знаешь, кто такой Суэйн, но он человек твоего отца. Что бы у них ни случилось, тебя, я думаю, они в это впутывать не станут. А вот если станет плохо, по-настоящему плохо, отправляйся в паб, где мы встречались с Тиком. "Роза и корона". Помнишь?

Кумико кивнула; глаза ее были полны слез.

— Если Тика там не будет, найди бармена по имени Биван и упомяни в разговоре мое имя.

— Салли, я…

— С тобой все в порядке, — сказала Салли и вдруг нагнулась и поцеловала девочку. Одна из линз на какое-то мгновение коснулась ее щеки, удивительно холодная и твердая. — Что до меня, малыш, меня тут уже нет.

Действительно, никого — черная фигура растворилась в звенящей тишине комнаты отдыха, а в дверях уже стоял Петал и прочищал горло.

Перелет в Лондон был похож на долгую поездку в подземке. Петал коротал время, вписывая слова — по одной букве зараз — в какую-то идиотскую головоломку в английском факсе новостей. Время от времени он тихонько хмыкал себе под нос. Потом Кумико заснула, и ей приснилась мать…

— Обогреватель работает, — сообщил Петал по дороге из Хитроу. В салоне "ягуара" было неприятно тепло, от сухого жара с запахом кожи болело в груди. Она проигнорировала слова Петала, глядя на блеклый рассвет, на проступающую сквозь тающий снег черноту крыш, лес дымовых труб…

— Знаешь, он на тебя вовсе не сердится, — сказал Петал. — Он чувствует особую ответственность…

— Гири.

— Гм… да. Так вот, ответственность. Салли всегда была… как бы это назвать?.. непредсказуемой, что ли, но мы не ожидали…

— Извини, мне не хочется разговаривать. Его обеспокоенные глаза в зеркальце заднего вида.

Подъездную аллею обрамляли две вереницы припаркованных машин, длинных серебристо-серых автомобилей с затемненными стеклами.

— На этой неделе полно посетителей, — пояснил Петал, припарковывая "ягуар" напротив дома номер 17. Он вышел, открыл перед ней дверь. Девочка оцепенело последовала за ним через улицу и по серым ступенькам вверх; дверь им открыла приземистая красномордая личность в слишком тесном для нее темном костюме; Петал прошел мимо, охранника он словно бы не заметил.

— Стоять, — пролаял краснолицый. — Суэйн сейчас с ней поговорит…

Петал застыл на месте. Смешок — и огромная туша с ошеломляющей легкостью развернулась на одном каблуке — и пухлые с виду руки схватили лацканы черного пиджака. Затрещали швы.

— В будущем проявляй хоть сколько-нибудь уважения, черт побери, — сказал Петал не повышая голоса, но вся его усталая мягкость вдруг куда-то ушла.

— Прошу прощения, шеф. — Красное лицо стало заученно пустым. — Он приказал передать вам…

— Пойдем, — сказал девочке Петал, отпуская темный с начесом лацкан. — Патрон просто хочет поздороваться.

Суэйн сидел за трехметровым обеденным столом в той же комнате, где Кумико впервые его увидела. Татуированные драконы прятались под белой рубашкой и шелковым галстуком. Когда Петал и Кумико вошли, он встретился с девочкой взглядом; его вытянутое лицо затенял зеленый абажур лампы, стоящей на столе возле небольшой консоли и толстой кипы факсов.

— Вот и славно, — сказал он. — Ну и как тебе Муравейник?

— Я очень устала, мистер Суэйн. Мне бы хотелось уйти в свою комнату.

— Мы очень рады твоему возвращению, Кумико. Муравейник — опасное место. И тамошние друзья Салли, пожалуй, совсем не подходящее для тебя общество. Твоему отцу вряд ли захочется, чтобы ты общалась с подобными людьми.

— Могу я подняться наверх?

— Ты встречала кого-нибудь из друзей Салли, Кумико?

— Нет.

— Правда? А что вы там делали?

— Ничего.

— Не надо на нас сердиться, Кумико. Мы ведь просто стараемся тебя защитить.

— Спасибо. Могу я теперь уйти к себе?

— Конечно. Ты, должно быть, очень устала. Петал с дорожной сумкой в руке вышел вслед за девочкой из столовой. Его серый костюм помялся за время полета. Кумико из осторожности не

позволила себе даже поднять глаза, когда они проходили под мраморным бюстом, за которым, возможно, все еще прятался модуль "Маас-Неотек". Впрочем, в присутствии Петала и Суэйна забрать его все равно никакой возможности не было.

В доме чувствовалось нечто новое, какое-то оживление, отрывистое и приглушенное: голоса, шаги, дребезжание лифта, бормотание труб, когда кто-то наполнял ванну.

Кумико сидела в ногах огромной кровати, глядя на черную мраморную ванну. Перед ней все еще стояли отрывочные образы Нью-Йорка. Стоило зажмурить глаза, и она снова сидела на корточках в тупике подле Салли. Салли, которая прогнала ее прочь. Салли, которая ушла и даже не оглянулась Салли, чье имя было когда-то Молли, а может, Мисти, а может, и то и другое. И снова — ее никчемность. Сумида, мать качается в черной воде. Отец. Салли.

Через несколько минут, подгоняемая любопытством, заслонившим на время стыд, она встала, пригладила волосы, сунула ноги в тонкие черные гольфы с рубчатыми подошвами и тихонечко выскользнула в коридор. Из прибывшего лифта пахнуло сигаретным дымом.

Краснолицый шагал взад-вперед по голубому ковру фойе, засунув руки в карманы тесного черного пиджака.

— Эй, — сказал он, поднимая брови, — тебе что-нибудь нужно?

— Я хочу есть, — ответила она по-японски. — Я иду на кухню.

— Эй, — повторил он, вытаскивая руки из карманов и одергивая пиджак, — ты говоришь по-английски?

— Нет, — отозвалась она, проходя мимо него по коридору и сворачивая за угол.

Очередное "эй" прозвучало еще более встревоженно, но девочка уже шарила за мраморным бюстом.

Она успела опустить модуль в карман за секунду до того, как появился охранник. Профессиональным взглядом он осмотрел помещение — руки расслабленно свисают вдоль тела, — и это сразу напомнило ей о секретарях отца.

— Я хочу есть, — сказала она по-английски. Пять минут спустя Кумико вернулась к себе с большим и очень британским по виду апельсином: англичане, похоже, не придавали особого значения симметричной форме плодов. Закрыв за собой дверь, она положила апельсин на широкий край черной ванны и вынула из кармана модуль.

— Теперь поскорее открой корпус и передвинь рычаг "A/B" в положение "A", — сказал Колин, сфокусировавшись и отбросив

челку со лба. — У нового режима есть техник, который обходит дом, сканируя каждую щель в поисках "жучков". Как только ты изменишь настройку, ни один прибор не поймет, что я могу быть подслушивающим устройством.

Воспользовавшись булавкой, она передвинула рычажок.

— Что ты хочешь этим сказать, что за новый режим? — спросила девочка, выговаривая слова одними губами.

— Ты разве не заметила? Здесь теперь по меньшей мере дюжина прислуги, не говоря уже о бесчисленных посетителях. Впрочем, скорее это не новый режим, а переход на более высокий уровень. Твой мистер Суэйн — довольно общительный человек, в своей, я бы сказал, завуалированной манере. Для тебя тут есть разговор — между Суэйном и заместителем главы Особого отдела. Могу себе представить, сколько окажется таких, кто готов пойти на убийство, лишь бы заполучить эту запись, не говоря уже о самом вышеупомянутом чиновнике.

— Особый отдел?

— Тайная полиция. Со странными людьми, черт побери, он водится, этот Суэйн: типы из Бук-Хауса, царьки притонов Ист-Энда, старшие офицеры полиции…

— Бук-Хаус?

— Так тут называют Букингемский дворец. Не говоря уже о сомнительных банкирах из Сити, звезде симстима, парочке дорогих сводников, наркодельцах…

— Здесь была стим-звезда?

— Был. Ланье, Робин Ланье.

— Робин Ланье? Он был здесь?

— На следующее утро после твоего внезапного отъезда.

Она заглянула в прозрачные зеленые глаза Ко-лина.

— Ты правду мне говоришь?

— Да.

— Всегда?

— Насколько мне известно, всегда.

— Что ты такое?

— Личностная база данных биочипа "Маас-Неотек", запрограммированная на помощь и содействие японскому гостю в Объединенном королевстве, — подмигнул он.

— Почему ты подмигиваешь?

— А ты как думаешь?

— Отвечай на вопрос! — Ее голос эхом прокатился по зеркальной комнате.

Призрак приложил к губам тонкий палец.

— Ну ладно, я — кое-что еще. Признаюсь, я проявляю, пожалуй, чуть больше инициативы, чем полагается обычной гид-

программе. Модель, на которой я основан, лучшая в своем поколении. Однако я не могу тебе точно сказать, что я такое, так как сам этого не знаю.

— Не знаешь? — Снова осторожно, губами.

— Вообще-то, я много чего знаю, — сказал он, подходя к одному из мансардных окон. — Я знаю, например, что сервировочный столик в Миддл-Темпл-Холле считается сделанным из древесины обшивки "Золотой лани"; знаю, что для того, чтобы подняться на Тауэрский мост, нужно одолеть сто двадцать восемь ступеней; знаю, что на Вудстрит прямо за Чипсайдом есть дерево, о котором говорят, что именно в его листве громко запел дрозд Вордсворта. — Колин резко повернулся и взглянул ей в лицо. — Однако это не так, потому что теперешнее дерево было клонировано с оригинала в 1998 году. Видишь ли, я знаю все это и много больше. Я, например, мог бы обучить тебя азам игры на бильярде. Это то, что я есть, или скорее то, для чего я первоначально предназначался. Но я также — и кое-что иное. И вот это, скорее всего, как-то связано с тобой, правда, не знаю как.

— Ты был подарком моего отца. Ты как-то с ним связываешься?

— Насколько мне известно, нет.

— Ты не сообщал ему о моем отъезде?

— Ты не понимаешь, — возразил призрак. — Я не осознавал, что ты уезжала, пока ты не активировала меня минуту назад.

— Но ты же записывал…

— Да, но не сознавая этого. Я только тогда "здесь", когда ты меня активируешь. Тогда я оцениваю текущую информацию… Одно могу сказать с большой долей вероятности: из этого дома вряд ли возможно послать хоть какое-то сообщение, чтобы его тут же не засекли слухачи Суэйна.

— Может ли вас быть больше, то есть я хочу сказать, в твоем модуле может сидеть еще один призрак?

— Мысль интересная, но ответ отрицательный, разве что придется предположить какой-нибудь жутко засекреченный прорыв в технологии. Учитывая объем моего "железа", я заполняю настоящий корпус целиком. Это я почерпнул из архива общих сведений о технологиях "Мааса".

Девочка задумчиво посмотрела на черный модуль.

— Ланье, — сказала она. — Расскажи мне.

— Десять часов двадцать пять минут шестнадцать секунд, — сказал призрак.

Голову Кумико заполнили бестелесные голоса.

ПЕТАЛ: Если вы последуете за мной, сэр…

СУЭЙН: Проходите в бильярдную.

ТРЕТИЙ ГОЛОС: Лучше бы у вас были на то серьезные причины, Суэйн. В машине ждут три человека "Сенснета". Ваш адрес будет в базе данных службы безопасности раньше, чем у них остынет мотор.

ПЕТАЛ: Прекрасная машина, сэр, этот ваш "даймлер". Могу я принять у вас пальто?

ТРЕТИЙ ГОЛОС: В чем дело, Суэйн? Почему нельзя было встретиться у Брауна?

СУЭЙН: Снимите пальто, Робин. Она уехала.

ТРЕТИЙ ГОЛОС: Уехала?

СУЭЙН: В Муравейник. Сегодня утром.

ТРЕТИЙ ГОЛОС: Но сейчас еще не время…

СУЭЙН: Вы думаете, это я ее послал?

Ответ незнакомца прозвучал неразборчиво — потерялся за закрывшейся дверью.

— Это был Ланье? — беззвучно спросила Ку-мико.

— Да, — ответил Колин. — Петал обратился к нему по имени в предыдущем разговоре. Суэйн и Ланье провели вместе двадцать пять минут.

Скрежет петель, шаги.

СУЭЙН: Просрали, конечно, но только не я. Я говорил вам, что это за птица, просил вас предупредить их. Прирожденная убийца, вероятно, психопатка…

ЛАНЬЕ: Это ваша проблема, а не моя. Вам нужны и их продукт, и мое сотрудничество.

СУЭЙН: А в чем ваша проблема, Ланье? Как вы-то в это впутались? Просто чтобы убрать с дороги Митчелл?

ЛАНЬЕ: Где мое пальто?

СУЭЙН: Петал, чертово пальто мистера Ланье.

ПЕТАЛ: Сэр.

ЛАНЬЕ: У меня такое впечатление, что им так же нужна ваша девица-бритва, как и Энджи. Она определенно является частью расчетов. Ее тоже заберут.

СУЭЙН: Удачи им. Она уже на месте, в Муравейнике. Говорил с ней по телефону час назад. Я сведу ее с моим человеком, тем, который готовит… девушку. И вы тоже возвращаетесь за океан?

ЛАНЬЕ: Сегодня вечером.

СУЭЙН: Ну тогда не беспокойтесь.

ЛАНЬЕ: До свидания, Суэйн.

ПЕТАЛ: Настоящий ублюдок, этот актеришка.

СУЭЙН: Не нравится мне все это…

ПЕТАЛ: Однако тебе нравится товар, не так ли?

СУЭЙН: Тут жаловаться не приходится, но зачем, скажите на

милость, им понадобилась еще и Салли?

ПЕТАЛ: Бог знает. Они сами не знают, с кем связались.

СУЭЙН: Они. Не люблю я, когда говорят "они"…

ПЕТАЛ: Возможно, они не будут в восторге, когда узнают, что она отправилась туда сама по себе, да еще с дочерью Янаки…

СУЭЙН: Это точно. Но эту мисс Янака мы заполучим назад. Завтра я скажу Салли, что Прай-ор в Балтиморе, приводит девицу в форму…

ПЕТАЛ: Грязное это дело…

СУЭЙН: Принеси кофейник в кабинет.

Девочка лежала на спине с закрытыми глазами. Записи Колина прокручивались в ее голове: прямой ввод в слуховые нервы. Судя по всему, Суэйн большую часть своих дел обделывал в бильярдной, это означало, что люди прибывали и отбывали, а она слышала только начало и хвосты разговоров. Двое мужчин, одним из которых мог быть красно-мордый, вели нескончаемую дискуссию о собачьих бегах и ставках на завтра. С особым интересом она прослушала беседу, в ходе которой Суэйн и человек из Особого отдела (Суэйн называл его "ОО") обговаривали один из пунктов сделки прямо под мраморным бюстом, когда гость собирался уходить. Девочке пришлось раз десять останавливать этот отрывок, чтобы затребовать разъяснений. Колин, порывшись в базах, выдавал логичные догадки.

— Это очень продажная страна, — сказала наконец Кумико, глубоко потрясенная услышанным.

— Наверное, не более, чем твоя собственная, — был ответ.

— Но какую игру ведет Суэйн с этими людьми?

— Информация. Я сказал бы, что наш мистер Суэйн недавно завладел первоклассным источником информации и занят обращением ее в иные ценности, то есть в деньги и власть. На основании того, что мы услышали, рискну предположить, что это до некоторой степени в русле его деятельности. Очевидно, однако, то, что он идет вверх, становится большой шишкой. Налицо свидетельства тому, что в настоящее время он более влиятельный человек, чем был неделю назад. Судя по тому факту, что набирают новый персонал…

— Я должна рассказать… моему другу.

— Шире? Рассказать ей что?

— То, что сказал Ланье. Что ее возьмут вместе с Анджелой Митчелл.

— Так где же она?

— В Муравейнике. Отель…

— Позвони ей. Но не отсюда. У тебя есть деньги?

— Чип "Мицу-банка".

— Прости, для наших автоматов это не подойдет. Монеты есть?

Встав с постели, Кумико тщательно перебрала случайную английскую мелочь, скопившуюся на дне сумочки.

— Вот, — сказала она, отыскав толстую позолоченную монету, — десять фунтов.

— Для одного только местного звонка понадобится две таких.

Она бросила металлический червонец обратно в сумочку.

— Нет, Колин, не по телефону. Я знаю лучший способ. Я хочу уйти отсюда. Сегодня же. Ты мне поможешь?

— Конечно, — ответил призрак, — хотя мой тебе совет: не делай этого.

— Но я уйду.

— Очень хорошо. Как ты предлагаешь это совершить?

— Скажу им, что мне нужно пойти за покупками.

27. ЗЛАЯ ЛЕДИ

Как решила Мона впоследствии, женщина появилась примерно сразу после полуночи, потому что это было уже после того, как Прайор вернулся со второй упаковкой крабов. Крабы у них тут в Балтиморе оказались действительно что надо, со сна и от нервов ей все время хотелось есть, так что она уговорила его пойти принести еще. Постоянно заходил Джеральд, чтобы поменять дермы у нее на руках. Всякий раз она встречала его лучшей своей бессмысленной улыбкой, выдавливала после его ухода из дермов жидкость и прилепляла их снова. Наконец Джеральд сказал, что ей надо поспать, выключил лампы и прикрутил ложное окно до минимальной яркости — кроваво-красного заката.

Снова оставшись одна, Мона опустила руку между стеной и кроватью, нащупала шокер…

Потом, сама того не желая, она заснула, красный свет от окна — как закат в Майами, и ей, наверное, снился Эдди или, во всяком случае, танцзал Крючка. Во сне она танцевала с кем-то на тридцать третьем этаже, потому что, когда ее разбудил грохот, она, хотя и не была уверена, где находится, тут же представила в голове четкую схему, как убраться из клуба. Например, она мгновенно сообразила, что, если тут случилась заварушка, лучше всего спускаться по лестницам…

Мона наполовину выбралась из кровати, когда в дверь влетел Прайор. Влетел в прямом смысле. Дверь при этом была закрыта. Влетел он спиной вперед, дверь же разнесло в щепки.

Мона увидела, как Прайор ударился о стену, потом сполз на пол и вообще перестал двигаться, а в освещенном дверном проеме возник кто-то еще. Лица человека видно не было — только два изогнутых отражения фальшивого красного заката.

Мона быстро втянула ноги обратно на кровать, перекатилась к стене, ее рука скользнула…

— Не шевелись, сучка.

В голосе было что-то такое, от чего по спине у Моны побежали мурашки, и именно потому, что звучал он чертовски весело. Как будто нет ничего приятнее, чем проломить кем-то дверь. Особенно если этот кто-то — Прайор.

— Я говорю, и пальцем не шевели… Женщина в три шага пересекла комнату и была уже совсем близко, настолько близко, что Мона почувствовала холод, исходивший от ее кожаной куртки.

— Ладно, — выдавила Мона, — ладно…

Тут холодные руки подняли ее рывком, а потом она оказалась распластанной на спине — плечи сильно вдавлены в темперлон, и что-то — шокер? — уткнулось ей прямо в лицо.

— Откуда у тебя эта штучка?

— Ну, — выдавила Мона, словно речь шла о чем-то однажды виденном, но после совершенно забытом, — это было в куртке моего парня. Я одолжила у него куртку.

Сердце у Моны билось где-то под горлом. Что-то в этих очках…

— А этот ублюдок знал о ней?

— Кто?

— Прайор, — сказала женщина, отпуская ее, чтобы повернуться к Прайору.

Тут она его пнула — раз, другой, потом еще и еще — и довольно сильно.

— Нет, — сказала женщина, так же внезапно останавливаясь, — не думаю, что он знал.

В дверях возник Джеральд; вид у него был такой, как будто вообще ничего особенного не случилось, за исключением сломанной двери. Он с сожалением поглядел на ее остатки, те, что еще держались у косяка, провел большим пальцем по краю разлетевшейся в щепы филенки.

— Хочешь кофе, Молли?

— Два кофе, — ответила женщина, рассматривая шокер. — Мне — черный.

Мона маленькими глотками пила кофе и изучала прикид и прическу незнакомки. Обе они ждали, когда очнется Прайор. По крайней мере, ничего другого они как будто не делали. Джеральд снова куда-то исчез.

Та, которую Джеральд называл Молли, не походила ни на один тип женщин, которых Мона когда-либо видела. Моне никак не удавалось определить, какой у нее стиль; единственное, в чем Мона была уверена, — это в том, что денег у этой Молли хватает. Прическа Молли была европейской, Мона видела такие в журнале. Она была в общем-то уверена, что едва ли этот стиль — стиль сезона, но стрижка удачно сочеталась со стеклами, которые оказались имплантантами, вживленными прямо в кожу. Мона видела такие однажды у таксиста в Кливленде. И на женщине была короткая куртка очень темного коричневого цвета — на вкус Моны, слишком скромная, но явно новая и с широким овчинным воротником. Куртка была распахнута, и под ней, закрывая грудь и живот, виднелась странная зеленая штука, похожая на броню, — чем она, догадалась Мона, наверное, и была. Джинсы скроены из какой-то серо-зеленой, как бы мшистой замши, толстой и мягкой

— Мона подумала, что это лучшее в прикиде незнакомки. Она сама была бы не прочь заиметь такие же, разве что их портили ботинки. Эти черные ботинки с массивными каблуками напоминали те, которые носят мотогонщики: прокладки из желтой резины, широкие темные полосы по всему подъему, повсюду хромированные пряжки, а еще ужасные толстенные подошвы. И откуда у нее такой лак для ногтей цвета красного вина? 'Мона даже не думала, что такой еще производят.

— На что ты там, черт побери, пялишься?

— А… ваши ботинки…

— Ну и?

— Они не подходят к брюкам.

— Специально их надела, чтобы выбить дурь из Прайора.

Прайор на полу застонал и сделал попытку подняться. Моне хватило одного взгляда, чтобы почувствовать, что ее сейчас стошнит, и она попросилась в ванную.

— Не пытайся сбежать.

Женщина, казалось, наблюдала за Прайором, но за этими стеклами… Кто знает, куда она на самом деле смотрит?

Почему-то она находилась в ванной с косметичкой, пристроенной на коленях, сидела на унитазе и поспешно готовила дозу. Кристалл размолола недостаточно мелко, так что наркотик опалил нёбо, но, как говаривала Ланетта, не всегда же есть время на приятные мелочи. И опять же, разве ей теперь не намного лучше? В ванной Джеральда был небольшой душ, но, судя по внешнему виду, им очень давно не пользовались. Присмотревшись поближе, Мона заметила, что вокруг стока наросла серая плесень и виднелись пятна какой-то грязи, очень похожей на засохшую кровь.

Вернувшись, она увидела, что женщина за ноги волочет Прайора в соседнюю комнату. Мона разглядела, что Прайор в носках и без ботинок, как будто он собирался соснуть. На голубой рубашке темнели пятна крови, и лицо было сплошь в синяках.

Если Мона что и испытывала, когда наступал приход, так это чистое и невинное любопытство.

— Что вы делаете?

— Думаю, придется его разбудить, — сказала женщина так, как говорят в подземке о заспавшемся пассажире, который вот-вот пропустит свою остановку.

Мона прошла за ней в рабочую комнату Джеральда, где все было бельм и по-больничному чистым. Она молча смотрела, как женщина взгромоздила Прайора в кресло наподобие парикмахерского — со всякими рычагами, кнопками и прочими причиндалами. Похоже, дело не в том, что она такая сильная,

подумалось Моне, просто она знает, куда переносить вес. Голова Прайора свесилась на сторону, когда женщина закрепила у него на груди черный ремень. Мона начала было уже испытывать к нему жалость, но тут вспомнила Эдди.

— Что это?

Женщина наполняла белый пластиковый сосуд водой из хромированного крана.

Мона все пыталась это произнести, чувствуя, как под действием "магика" сердце убегает из-под контроля. "Он убил Эдди", — пыталась сказать она, но ничего не выходило. Но потом, наверное, что-то получилось, поскольку женщина ответила:

— Ну с него станется… если ему позволить. Она выплеснула воду на Прайора — в лицо и по всей рубашке. Глаза его распахнулись; белок левого был целиком красным. Щелчок, между металлическими зубцами шокера проскочили белые искры, когда женщина поднесла их к мокрой рубашке. Прайор заорал.

Джеральду пришлось опуститься на четвереньки, чтобы извлечь Мону из-под кровати. Руки у него были мягкие и прохладные. Мона никак не могла вспомнить, как она там оказалась, но сейчас кругом все было тихо.

— Ты пойдешь с Молли, Мона, — сказал Джеральд; он был в синем пальто и черных очках. Ее начало трясти.

— Думаю, стоит дать тебе что-нибудь от нервов. Мона вырвалась и отпрянула.

— Нет! Не прикасайся ко мне, черт тебя побери!

— Оставь ее, Джеральд, — сказала от двери женщина. — Тебе пора уходить.

— По-моему, ты сама не знаешь, во что ввязалась, — ответил врач, — но все равно: удачи.

— Спасибо. Будешь скучать по этому месту?

— Едва ли. Я все равно собирался уйти на покой.

— И я собиралась, — сказала женщина, и Джеральд ушел, даже слова не сказав Моне на прощание.

— Есть какие-нибудь вещи? — спросила женщина. — Собери. Мы тоже уходим.

Одеваясь, Мона обнаружила, что не может застегнуть платье на своей новой груди, так что пришлось оставить его как есть, поверх надеть куртку Майкла и до подбородка застегнуть молнию.

28. КОМПАНИЯ

Иногда ему было просто необходимо постоять здесь, глядя на Судью, или присесть на корточки на бетонном полу возле Ведьмы. Время, проведенное с ними, будто удерживало на месте перескоки памяти. Не сами моменты разрыва, а то ощущение, которое возникало у него временами, отрывистое, как бы рваное чувство, что пленка памяти все соскакивает и соскакивает с катушки, ее зажевывает… и с каждым разом теряются, уходят частички пережитого… Так и теперь — он сидел, а автоматы делали свое дело, и наконец он заметил, что рядом с ним примостилась Черри.

Джентри остался наверху, на чердаке, с Образом, который он наконец уловил. Он все нес что-то об узле или точке пересечения двух орбит макроформа. А потому едва выслушал то, что Слик пытался ему рассказать о доме, обо всем этом безлюдном месте, и о Бобби Графе.

Так что Слик спустился посидеть перед Следователем в темноте и холоде, мысленно перебирая все операции, каждый в отдельности из всех инструментов, какие для этого потребовались, и где именно он откопал каждую из деталей, а потом Черри, протянув руку, коснулась его щеки холодными пальцами.

— Ты в порядке? — спросила она. — Я подумала, может, на тебя опять накатило…

— Нет. Просто иногда мне надо приходить сюда.

— Но он подключил тебя к ящику Графа, да?

— Бобби, — сказал Слик, — его зовут Бобби. Я его видел.

— Где?

— Там, внутри. Там — целый мир. Там есть серый дом, очень странный, похожий на замок или на что-то вроде этого, и он в нем живет.

— Сам по себе?

— Он сказал, что Энджи Митчелл тоже…

— Наверное, он спятил. А она была там?

— Я ее не видел. Видел машину. Он сказал, что это ее.

— Последнее, что я слышала: она зависла в какой-то наркоклинике для знаменитостей на Ямайке.

— Не знаю, — пожал он плечами.

— Какой он из себя?

— Выглядит моложе. Кто угодно выглядел бы паршиво со всеми этими трубками и дрянью, которая в них. Сообразил, что Малыш Африка сбагрил его нам сюда с перепугу. Он сказал, что,

если его придут искать, нужно подключить его к матрице.

— Зачем?

— Не знаю.

— Надо было спросить. Он снова пожал плечами.

— Видела где-нибудь Пташку?

— Нет.

— Пора бы ему уже и вернуться… — Слик встал.

Пташка вернулся на закате, на мотоцикле Джентри. Темные крылья волос намокли от снега и мотались у него по плечам, пока он трясся по Пустоши. Слик поморщился: парень шел не на той передаче. Пташка поднимался по склону из расплющенных баков и нажал на тормоза как раз в тот момент, когда стоило дать газ. Черри охнула, увидев, как Пташка и мотоцикл распрощались друг с другом в воздухе. Мотоцикл на секунду завис, прежде чем, сделав сальто, рухнуть в нагромождение ржавых листов металла, составлявших когда-то одну из внешних построек Фабрики, а Пташка все катился и катился по зазубренному склону.

Почему-то грохота Слик так и не услышал. Он стоял рядом с Черри в укрытии на лишенной дверей грузовой платформе, а потом — без всякого перехода — уже несся на разъезжающихся ногах по снегу. Пташка лежал на спине с окровавленными губами, рот закрыт путаницей шнурков и амулетов, которые он носил на шее.

— Не трогай его, — сказала Черри. — Возможно, сломаны ребра или внутри все отбито…

На звук ее голоса Пташка открыл глаза. Вытянул губы и сплюнул кровь и обломок зуба.

— Не шевелись, — сказала Черри, опускаясь рядом с ним на колени и переключаясь на не допускающий возражений тон, которому она выучилась в школе медтехов. — Возможно, ты ранен.

— Ч-черта с два, леди, — выдавил тот и с помощью Слика с трудом встал на ноги.

— Кровотечение, — сказала девушка. — Ладно, задница. Можно подумать, мне очень хочется тут с тобой возиться.

— Не достал, — сказал Пташка, размазывая по лицу кровь. — Фургон то есть.

— Это я вижу, — ответил Слик.

— Марви и ребята, они не одни, у них там — целая компания. Слетелись, как мухи на навоз. Пара ховеров, вертолет… Все эти парни.

— Какие парни?

— Вроде вояк, но они — не солдаты. Солдаты валяют дурака, ржут, когда начальство не смотрит. А эти не так.

— Копы?

Марви и двое его братьев выращивали мутировавшие псилобицины в дюжине полузарытых в землю железнодорожных цистерн. Иногда они пытались варить примитивные аминовые болтушки, но их самопальная лаборатория то и дело взрывалась. Это были ближайшие, если так можно назвать, постоянные соседи Фабрики. В шести километрах.

— Копы? — Пташка выплюнул еще один кусок зуба и с ухмылкой пощупал десну окровавленным пальцем. — Да что они такого незаконного делают? И с каких это пор копы могут позволить себе такое дерьмо: новехонькие ховеры, новая "хонда"… — Он хмыкнул сквозь пленку слюны и крови. — Я поболтался по Пустоши, поглядел на них в трубу. Они не из тех ребят, с кем мне хотелось бы потрепаться, тебе бы тоже не захотелось. Как по-твоему, я вконец раздолбал мотоцикл Джентри?

— За мотоцикл не беспокойся, — сказал Слик. — Я думаю, Джентри занят другим.

— Эт' хорошо… — Пташка поплелся по направлению к Фабрике, чуть не упал, но удержался и побрел дальше.

— Да, глаз как у орла, — сказала Черри.

— Эй, Пташка, — окликнул Слик, — а что с тем пакетом, который я тебе дал для Марви?

Пташка качнулся, сделал еще шаг, потом с трудом обернулся к ним.

— Потерял.

Потом он исчез, свернув за угол из гофрированной стали.

— Может, они ему приглючились? — предположила Черри. — Я имею в виду тех парней. И вообще все, что он видел.

— Сомневаюсь, — ответил Слик, утягивая ее поглубже в тень, когда к Фабрике из зимних сумерек скользнула черная "хонда" с погашенными огнями.

Взбираясь по раскачивающимся лестницам, он слышал, как "хонда" совершает над Фабрикой уже пятый круг: каждый раз вибрировала и гремела железная крыша. Теперь-то, подумал Слик, Джентри должен понять, что у них гости. Шаткий подвесной мост Слик одолел в десять широких осторожных шагов. Он уже начал сомневаться, удастся ли вообще спустить Графа с его носилками, не приварив дополнительную продольную штангу через пролет.

На залитый светом чердак он вошел без стука. Джентри сидел у верстака, склонив голову набок и глядя в широкое окно в крыше, заделанное прозрачным пластиком. На верстаке была свалена груда каких-то компьютерных деталей и мелких

инструментов.

— Вертолет, — сказал Слик, тяжело дыша после крутого подъема.

— Вертолет, — задумчиво кивнул Джентри; подпрыгнул хвост спутанных волос. — Похоже, они что-то ищут.

— Я думаю, они это только что нашли.

— Наверное, это — Ядерная Комиссия.

— Пташка видел людей у дома Марви. Говорит, у них там был вертолет. Ты меня не слушал, когда я пытался тебе объяснить, что он сказал.

— Пташка? — Джентри опустил глаза на блестящие детальки на верстаке. Подобрал два фитинга и загнул их друг о друга.

— Граф! Он сказал мне…

— Бобби Ньюмарк, — перебил его Джентри, — да-да. Теперь я знаю о Бобби Ньюмарке гораздо больше.

За спиной Слика в дверях появилась Черри.

— Тебе придется что-то сделать с мостом, — сказала она, сразу же подходя к носилкам, — он слишком трясется. — Она наклонилась проверить показания приборов.

— Подойди сюда, Слик. — Джентри встал и подошел к проекционному столу. Слик последовал за ним, взглянул на светившееся там изображение. Оно напомнило ему ковры, которые он видел в сером доме, те же узоры и сочетания — только эти были сотканы из тончайших нитей неона и сплетались наподобие бесконечного узла. От попытки заглянуть в центр этого узла у Слика заболела голова. Он отвел взгляд.

— Что это? — спросил он Джентри. — То, что ты всегда искал?

— Нет. Я же тебе говорил. Это всего лишь узел, макроформ. Модель…

— У него там дом, похожий на замок, и трава, и деревья, и небо…

— У него гораздо больше всего. На целую вселенную больше. То, что ты видел, — конструкт, сработанный из коммерческого стима. А у него там — абстракция общей суммы всех данных, составляющих киберпространство. И все равно это намного ближе; чем мне удавалось подобраться раньше… Он не сказал тебе, что он там делает?

— Я не спрашивал.

— Тогда тебе придется сходить к нему еще раз.

— Эй, Джентри. Послушай. Этот вертолет, он вернется. Он вернется с двумя грузовиками парней, которые, как говорит Пташка, похожи на солдат. Они охотятся не за нами. Они пришли за ним.

— Может, это его люди. Может, они охотятся на нас.

— Да нет же. Он ведь мне сам говорил. Он сказал, что, если появится кто-то по его душу, мы — по уши в дерьме и нам нужно подключить его к матрице.

Джентри опустил глаза на проводки, которые все еще держал в руке.

— Мы поговорим с ним, Слик. Ты возвращаешься — и на этот раз я иду с тобой.

29. ЗИМНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Петал наконец дал свое согласие — но и то лишь после того, как Кумико предложила позвонить отцу и спросить его разрешения. Эта идея отправила Петала с несчастным видом шаркать в поисках Суэйна, а когда он вернулся, вид у него не стал счастливее — ответом было "да". Закутанная в несколько слоев самой теплой своей одежды, она стояла в белом фойе, изучая литографии с охотничьими сценками, пока Петал за закрытыми дверьми инструктировал красномордого, которого, как выяснилось, звали Дик. Девочка не могла расслышать отдельных слов, до нее доносился лишь водопад предостережений вполголоса. Модуль "Маас-Неотек" лежал у нее в кармане, но она не спешила его касаться. Колин уже дважды принимался ее отговаривать.

Ну вот лекция Петала закончилась, появился Дик. Его маленький жесткий рот был растянут в улыбке. Под тесный черный костюм он надел розовую кашемировую водолазку и тонкий овечьей шерсти жилет. Черные волосы плотно прилипали к черепу охранника, а бледные щеки затеняла успевшая отрасти щетина. Кумико легонько сжала в кармане модуль.

— Привет, — сказал Дик, оглядывая ее с ног до головы. — Так куда мы пойдем на прогулку?

— На Портобелло-роуд, — подсказал Колин, прислонившийся к стене возле загроможденной пальто вешалки. Дик снял с плечиков пальто, протянув для этого руку сквозь Колина, надел его и застегнул. Затем натянул пару солидных черных кожаных перчаток.

— По антикварным на Портобелло-роуд, — сказала Кумико, отпуская модуль.

— И давно вы работаете на мистера Суэйна? — спросила девочка, когда они шли по обледенелой подъездной аллее.

— Довольно давно, — ответил краснолицый. — Смотри не поскользнись. У твоих сапог ненадежные каблуки…

Кумико семенила на модных французских шпильках. Как она и предполагала, в этих сапогах было почти невозможно передвигаться по стеклянистой щербатой наледи тротуаров. Для равновесия она взяла охранника за руку, почувствовав под пальцами полосу металла через всю ладонь.

Перчатки были утяжеленными, пальцы усилены полиуглеродными кольцами.

Дик всю дорогу молчал, пока они не свернули на боковую улицу в конце подъездной аллеи, но когда они вышли на

Портобелло-роуд, внезапно остановился.

— Простите, мисс, — сказал он с некоторой заминкой в голосе, — это правда, что говорят ребята?

— Ребята? Прошу прощения?

— Ну мальчики Суэйна. Те, кто постоянно на него работают. Они говорят, что вы дочь большого человека, токийского бонзы.

— Простите, — сказала она, — я вас не понимаю.

— Янака. Ваша фамилия Янака?

— Да, Кумико Янака…

Дик уставился на нее с откровенным любопытством. Потом по его лицу прошла тень тревоги, и он осторожно и очень внимательно огляделся по сторонам.

— Господи, — вырвалось у него, — так, значит, это правда…

Все его приземистое тело напряглось под туго застегнутым пальто.

— Шеф сказал, вы хотите пойти за покупками?

— Да, спасибо.

— Куда мне вас отвести?

— Сюда, — сказала она, уводя его в узкую галерею, основательно захламленную британским гони.

Как выяснилось, экспедиции за покупками в Синдзюку сослужили ей хорошую службу и здесь. Приемы, которые она выдумывала, чтобы помучить секретарей отца, оказались вполне эффективными и в этой прогулке с Диком, когда она заставляла бедолагу охранника принимать участие в десятке бессмысленных дискуссий при выборе какого-нибудь медальона эпохи Эдуарда или фрагмента "старинного" витража. И каждый раз выходило так, что она покупала только вещи хрупкие, или тяжелые, или неудобные для переноски — и обязательно дорогие. Весело болтающая на двух языках продавщица запросила за очередную покупку восемьдесят тысяч фунтов, которые пришлось снять с чипа "Мицу — банка". Кумико потихоньку опустила руку в карман, где лежал модуль " Маас-Неотек".

— Очень изысканно, — сказала по-японски продавщица-англичанка, заворачивая покупку Кумико, вазу из позолоченной бронзы, инкрустированную грифонами.

— Полный кошмар, — прокомментировал по-японски Колин. — К тому же подделка. — Он растянулся на очень викторианской с виду софе, набитой конским волосом, закинув ноги на коктейльную стойку в стиле "арт-деко", поддерживаемую двумя несущимися в полете алюминиевыми ангелами.

Продавщица добавила вазу к поклаже Дика. Это был одиннадцатый по счету антикварный магазин и восьмая покупка японки.

— Думаю, тебе пора делать свой ход, — посоветовал Колин. — В любую минуту Дик может позвонить Суэйну и вызвать машину, чтобы отвезти вас домой.

— Думаю, это все, не так ли? — с надеждой спросил Дик из-за горы свертков.

— Еще один магазин, пожалуйста, — улыбнулась девочка.

— Хорошо, — мрачно ответил он. Охранник замешкался, протискиваясь в дверь, а она тем временем загнала каблук в трещину на мостовой, которую приметила при входе.

— С вами все в порядке? — спросил он, увидев, что Кумико споткнулась.

— Я сломала каблук…

Проковыляв назад в магазин, девочка присела рядом с Колином на волосяную софу. Вокруг нее, желая помочь, засуетилась продавщица.

— Быстро снимай их, — посоветовал Колин, — пока Дик не положил покупки на мостовую.

Кумико расстегнула молнию на сапоге со сломанным каблуком, потом расстегнула на другом и сбросила оба. Вместо грубого китайского шелка, какой она обычно носила зимой, ее ноги защищали тонкие черные каучуковые гольфы с жесткими пластиковыми подошвами. В дверях магазина она собиралась пригнуться и проскочить между ног Дика, но промахнулась и толкнула его локтем в бедро, опрокинув охранника на витрину с гранеными хрустальными графинами.

И наконец Кумико свободна, продирается сквозь толпу туристов на Портобелло-роуд.

У нее очень замерзли ноги, но рубчатые пластиковые подметки давали великолепное сцепление — кроме как на льду, напомнила она себе, отряхивая с рук мокрый песок после того, как поскользнулась во второй раз. Колин отправил ее бегом по узкому проходу со стенами из закопченного кирпича…

Кумико крепче стиснула модуль.

— Теперь куда?

— Сюда, — сказал призрак.

— Мне нужна "Роза и корона", — напомнила она ему.

— Прежде всего тебе нужно быть осторожной. На вызов Дикки сюда сейчас прибегут люди Суэйна, не говоря уже об охоте, какую способен объявить его дружок из Особого отдела, если его попросят. А я не вижу причины, почему бы его не попросить…

В "Розу и корону" девочка вошла через боковую дверь — с Колином у локтя, — оглянулась, испытывая благодарность за уютный полумрак паба и окутавшее ее тепло, которые, казалось, составляли суть этих питейных нор. Ее поразило обилие обивки

повсюду — на стенах, на сиденьях — и глушащих звуки занавесей. Будь ткани и краски хоть чуть-чуть менее выцветшими, сам эффект был бы наверняка не столь теплым. Маленькая японка решила, что пабы, пожалуй, наиболее полно отражают британское отношение к гоми.

Подгоняемая Колином, она протолкалась через толпу подвыпивших клиентов у стойки бара в надежде отыскать Тика.

— Что тебе, дорогуша?

Подняв глаза, девочка увидела над собой широкое лицо блондинки за стойкой — пятно яркой помады, нарумяненные щеки.

— Прошу прощения, — начала Кумико, — мне бы хотелось поговорить с мистером Биваном…

— Мне пинту, Элис, — сказал кто-то справа, швыряя на стойку три десятифунтовые монеты, — светлого.

Элис нажала на белый керамический рычаг, наполняя кружку прозрачным пивом. Она поставила кружку на поцарапанную стойку и смахнула монеты в кассу.

— Тебя тут хотят на два слова, Биван, — сказала она, когда мужчина взялся за свою пинту.

Кумико взглянула вверх на плоское раскрасневшееся лицо. Верхняя губа у мужчины была слишком короткой, и Кумико почему-то вспомнились кролики, хотя Биван был очень большим, почти с Петала ростом. И глаза у него были кроличьи: круглые, коричневые, с очень узеньким ободком белка.

— Меня?

Акцент бармена заставил ее вспомнить о Тике.

— Скажи ему "да", — прошептал Колин. — Ему невдомек, почему маленькая японская девочка в гольфах явилась к нему в пивную.

— Я хочу найти Тика.

Биван равнодушно разглядывал ее поверх кружки.

— Извини, — сказал он, — боюсь, я не знаю никого с таким именем. Он выпил.

— Салли сказала мне, что, если Тика здесь не будет, я должна разыскать вас. Салли Шире…

Биван подавился пивом, зрачки у него закатились. Закашлявшись, он поставил кружку на стойку и вытащил из кармана пальто носовой платок. Высморкался и вытер рот.

— Моя смена в пять, — сказал он. — Лучше пройдем в подсобку.

Элис подняла откидную стойку, и Биван, быстро глянув через плечо, махнул Кумико похожей на лопату ладонью, чтобы она проходила. Узкий проход вел в небольшое помещение за баром.

Неровные кирпичные стены подсобки покрывал толстый слой грязно-зеленой краски. Биван остановился возле помятой стальной корзины с махровыми полотенцами, от которых воняло пивом.

— Если ты хочешь подставить меня, девочка, ты об этом сильно пожалеешь, — процедил он. — Скажи мне, почему ты. ищешь этого Тика?

— Салаи в опасностиопасности. Мне нужно найти Тика. Я должна ему кое-что рассказать.

— Черт побери, — буркнул бармен: — Поставь себя на мое место…

Колин сморщил нос, посмотрев на сырые полотенца в корзине.

— Да? — спросила Кумико.

— Если ты нарк, а я отправлю тебя искать этого Тика — при условии, что я его знаю, — а он под колпаком или на какой-нибудь дряни, тогда он обрушится на меня, так? А если нет, то есть еще эта Салли, тогда, промолчав, я получу от нее, понимаешь?

Кумико кивнула:

— Между молотом и наковальней. Эту идиому однажды употребила Салли, и Кумико находила ее очень поэтичной.

— Вот именно, — отозвался Биван, как-то странно посмотрев на девочку.

Он запустил руку в редеющие рыжеватые волосы.

— И все же ты мне поможешь, — услышала она свой голос, чувствуя, как с щелчком встает на место холодная маска матери. — Скажи мне, где найти Тика.

Бармен поежился, хотя в подсобке было тепло, даже слишком. К запаху пива примешивался едкий дух дезинфекции.

— Ты знаешь Лондон?

Колин подмигнул.

— Я найду дорогу, — ответила девочка.

— Биван, — окликнула Элис, высовываясь из-за угла, — грязь.

— Полиция, — перевел Колин.

— Маргейт-роуд, СВ-2, — быстро проговорил Биван, — не знаю ни номера квартиры, ни номера телефона.

— Скажи ему, чтобы он вывел тебя через черный ход, — сказал Колин. — Это не простые полицейские.

Кумико всегда будет помнить это бесконечное путешествие по станциям городской подземки. Как Колин повел ее от "Розы и короны" к Холленд-парку и дальше вниз, объясняя по пути, что ее чип "Мицу-банка" теперь не просто бесполезен — опасен. Если

она воспользуется им, чтобы заплатить в такси или за любую покупку, сказал призрак-гид, денежный перевод магниевой вспышкой полыхнет в решетке киберпространства, где ее тотчас увидит рыщущий там оператор из Особого отдела. Но ей надо отыскать Тика, настаивала девочка, ей нужно на Маргейт-роуд. Колин нахмурился. Не сейчас, сказал он, подумав, подожди до темноты. До Брикстона недалеко, но улицы для тебя слишком опасны при дневном свете, учитывая то, что вся полиция на стороне Суэйна. Но где ей спрятаться, спросила она. У нее очень мало наличных; сама идея валюты — монет и клочков бумаги — казалась маленькой японке эксцентричной и непостижимо чужой.

— Здесь, — сказал он, когда эскалатор вез ее вниз на станцию "Холленд-парк". — И всего за стоимость одного билета.

Выпуклые серебристые силуэты поездов. Мягкие старые сиденья в серо-зеленых тонах. Тепло, восхитительное тепло. Еще одна нора, здесь, в стране непрестанного движения…

30. ДОБЫЧА

Аэропорт засосал нетвердо держащуюся на ногах Даниэллу Старк в коридор, вдоль пастельных стен которого жались репортеры. Объективы камер и глаза-имплантанты пялились из толпы на звезду, в то время как Порфир и трое парней из службы безопасности "Сенснета" увлекали Энджи за собой сквозь смыкающееся кольцо журналистов. Настоящий ритуальный балетный номер, целью которого было не столько защитить звезду, сколько привнести в ролики чуточку драматизма. Каждого присутствующего уже "почистили" служба безопасности и отдел по связям с общественностью.

Наедине с Порфиром она оказалась лишь в скоростном лифте — по пути к вертолетной площадке, которую "Сенснет" оборудовала на крыше терминала.

Дрогнув, разошлись двери, и в кабину ворвался ветер, сырой и холодный. На ярко освещенной бетонной площадке их ждало очередное трио из охраны в гигантских флюоресцентно-оранжевых парках. Энджи вспомнила, как впервые увидела Муравейник. Она тогда вместе с Тернером ехала на поезде из Вашингтона.

Одна из оранжевых парок быстро провела их по безупречно чистой взлетной полосе из бетона к большому двухвинтовому "фоккеру", отделанному черным хромом. Первым по паутинчатому матово-черному трапу поднялся Порфир. Энджи последовала за ним, ни разу не оглянувшись.

Она почувствовала, что созрела для решительных действий. Она свяжется с Гансом Беккером через его агента в Париже. Номер есть у Конти-ньюити. Пришло время вмешаться и ускорить события. И ей придется серьезно поговорить с Робином. Он ведь ждет ее сейчас в том самом отеле.

Вертолет посоветовал пристегнуть ремни.

Машина плавно поднялась в воздух; в кабину не проникало ни звука, только чувствовалось, как вибрирует корпус. На какое-то мгновение Энджи показалось, что она способна удержать в сознании разом всю свою жизнь — распознать то, что она есть на самом деле. Именно эту суть, думала она, скрывала, наплывая, пыль, именно это и было свободой от боли.

— И местом расставания с душой, — произнес из сияния свечей и гуда пчелиных ульев железный голос…

— Мисси? — С соседнего сиденья к ней наклонился Порфир…

— Мне снилось…

Много лет назад что-то, затаившись, поджидало ее в "Свиснете". Нечто иной природы, не той, что лоа, не той, что Легба и другие… хотя Легба — Хозяин Перекрестков; он — синтез, главная точка магии и коммуникаций…

— Порфир, — спросила она, — почему уехал Бобби?

Она смотрела в окно на сеть светящихся линий — магистрали Муравейника, на купола, выхваченные из тьмы красными сигнальными огнями, но вместо города видела информационные ландшафты, которые всегда манили Бобби назад — к той единственной игре, в которую, по его словам, только и стоит играть.

— Если не знаешь ты, мисси, — отозвался Порфир, — то кто же тогда может знать?

— Но до тебя же доходят все разговоры. Все. Все слухи. Ты всегда все знал…

— Почему ты спрашиваешь меня сейчас?

— Время пришло…

— Я помню сплетни, понимаешь? То, что болтают за спинами знаменитостей. Некто, например, заявлял, что знал Бобби, что тот кому-то что-то сказал и это вышло наружу… О Бобби имело смысл посудачить, потому что он был с тобой, понимаешь? Это неплохо для начала, мисси. Но мы же знаем, что его самого эта роль вряд ли устраивала. Суть в том, что он хотел пробиться сам, а вместо признания нашел тебя. И ты стала подниматься все выше и все быстрей, чем сам он мог бы даже мечтать. Ты взяла его с собой наверх, понимаешь? Туда, где такие деньги, о каких ему даже не снилось в его Барритауне, просто мелочь…

Не сводя глаз с Муравейника, Энджи кивнула.

— Поговаривали, что у него были свои амбиции, мисси. Что-то гнало его. И в результате прогнало прочь…

— Я никогда не думала, что он может меня бросить, — сказала она. — Когда я впервые оказалась в Муравейнике, это было как родиться заново. Новая жизнь. И он уже был в ней, с самой первой ночи. Позднее, когда Легба… когда я попала в "Сенснет"…

— Когда ты начала превращаться в Энджи.

— Да. И как бы это меня ни меняло, я знала, что он всегда будет рядом. Я знала, что он никогда не купится на эту мишуру. Мне так нужно было это его отношение к "Сенснету", понимаешь? То, что он считал, что моя слава и все эти стимы — не более чем обычный заработок…

— А при чем тут "Сенснет"?

— Скорее дело в Энджи Митчелл. Он знал, в чем разница между мной и звездой симстима.

— Знал ли?

— Возможно, именно он и был этой разницей. Далеко внизу проплывают светящиеся нити…

Старое здание "Нового Агентства Судзуки" было любимым отелем Энджи в Муравейнике — с самых первых дней ее пребывания в "Сенснете".

До одиннадцатого этажа вверх тянулся обычный фасад, потом он начинал вдруг сужаться, и следующие девять уступов походили на горный склон, сложенный из скалистых пород. Породу извлекли при закладке фундамента нового здания на Мэдисон-сквер. Первоначальный план требовал, чтобы этот отвесный ландшафт был засажен флорой, присущей долине Гудзона, и населен соответствующей фауной. Но из-за последовавшего вскоре строительства первого манхэттенского купола пришлось вызвать обосновавшуюся в Париже команду экодизайнеров. Французские экологи, привыкшие к "чистым" дизайнерским проблемам, возникающим в орбитальных комплексах, пришли в отчаяние, столкнувшись с загрязненной атмосферой Муравейника. Они предпочли сделать ставку на генную инженерию, чтобы вывести искусственные штаммы растительности, и на робото-фауну, используемую в детских развлекательных парках. А постоянное покровительство Энджи со временем придало этому месту особую притягательность, которой оно иначе бы не имело. "Сенснет" выкупила пять верхних этажей, чтобы оборудовать их под ее постоянные апартаменты, и "Новое Агентство" приобрело запоздалую популярность среди артистов и антрепренеров.

Энджи улыбнулась, когда вертолет прошел рядом с безучастным механическим горным козлом, делающим вид, что пережевывает лишайник возле подсвеченного водопада. Абсурдность этой сцены посреди Муравейника всегда ее радовала. Ею наслаждался даже Бобби.

Она перевела взгляд на вертолетную площадку на крыше здания, где логотип "Сенснета" недавно заново вывели яркой краской на постоянно подогреваемом и ярко освещенном бетоне. Возле скульптурного выступа скалы стояла одинокая фигура, почти неразличимая под огромной ярко-оранжевой паркой.

— Робин, наверное, уже здесь, как ты думаешь, Порфир?

— Миста Ланье, — кисло отозвался парикмахер.

Энджи вздохнула.

Черный хромированный "фоккер" мягко приземлился; в баре тихонько зазвенели бутылки, когда шасси коснулось бетона крыши. Дрожь мотора утихла.

— Порфир, что касается Робина, то первый шаг придется

сделать мне. Я собираюсь поговорить с ним сегодня вечером. Наедине. А пока что я хочу, чтобы ты держался от него подальше.

— Порфир доволен, мисси, — произнес парикмахер, когда за их спинами открылась дверца кабины.

И вдруг рванулся, дернул пряжку пристяжного ремня, а Энджи, повернувшись, увидела в проеме оранжевую парку, поднятую руку, зеркальные очки. Шума от пистолета было не больше, чем от зажигалки, но Порфир конвульсивно дернулся, его длинная черная рука схватилась за горло. Охранник, задвинув за собой дверь, бросился к Энджи.

Что-то твердое ткнулось ей в живот. Порфир, как тряпичная кукла, обмяк на сиденье, изо рта у него высунулся острый кончик розового языка. Непроизвольно она опустила глаза — всего-навсего черная хромированная пряжка пристяжного ремня с налепленным на нее ромбом из зеленоватого пластика.

Потом взгляд Энджи уперся в белый овал лица, обрамленный оранжевым нейлоновым капюшоном. Энджи увидела собственное лицо — белое от шока, удвоенное серебром линз.

— Он что-нибудь пил сегодня?

— Что?

— Он. — Большой палец дернулся в сторону Порфира. — Он пил какой-нибудь алкоголь?

— Да… пару часов назад.

— Вот черт. — Голос был женский. Фигура повернулась к потерявшему сознание парикмахеру. — А я вкатила ему транквилизатор. Не хотелось бы подавить дыхательный рефлекс, знаешь ли. — Энджи смотрела, как женщина щупает Порфиру пульс. — Думаю, с ним все в порядке. — Кажется, женщина пожала плечами где-то в глубинах своей огромной парки.

— Охрана?

— Что? — Блеснули очки.

— Вы из службы безопасности "Сенснета"?

— Черт побери, нет. Это похищение.

— Вы меня похищаете?

— Наконец-то дошло.

— Почему?

— Причины довольно необычные. Кое-кто точит на тебя зуб. И на меня тоже. Предполагалось, что этим займусь я, то есть уволоку тебя на следующей неделе. Хрен им. Все равно мне надо с тобой поговорить.

— Вам? Поговорить со мной?

— Ты знаешь кого-нибудь по имени З-Джейн?

— Нет. То есть да, но…

— Побереги дыхание. Уносим ноги. Быстро.

— Порфир…

— Он скоро очнется. И, глядя на него, мне бы не хотелось при этом присутствовать…

31. 3-ДЖЕЙН

Если все это тоже находится в загородном доме Бобби, подумал Слик, открывая глаза посреди какого-то закругленного узкого коридора, то дом его — еще более странное место, чем ему показалось в первый раз. Воздух в проходе был плотный и словно бы мертвый. Светящаяся полоса зеленоватой стеклянной плитки на потолке создавала впечатление, будто бредешь глубоко под водой. Потолок и стены туннеля — из какого-то стекловидного бетона. По ощущению — тюрьма.

— Наверное, мы вышли в подвал или в какое другое подобное помещение, — сказал он, обратив внимание на слабое эхо от своих слов.

— Не вижу причины, почему мы должны были попасть в тот же самый конструкт, который ты видел раньше, — возразил Джентри.

— Тогда что это? — Слик тронул бетонную стену, та была теплой на ощупь.

— Какая разница, — отозвался Джентри. Не оглядываясь по сторонам, Джентри зашагал вперед. За поворотом пол превратился в неровную мозаику из битого фарфора — осколки были вплавлены во что-то, похожее на эпоксидку, скользкую под подошвами.

— Взгляни на это…

Тысячи различных узоров, и все из осколков, и никакого общего замысла — яркие кусочки подобраны наобум, по чистой случайности.

— Искусство. — Джентри пожал плечами. — Чье-то хобби. Кому как не тебе это оценить, Слик Генри.

Кто бы ни были эти дизайнеры, о стенах они не побеспокоились. Слик присел, чтобы провести пальцами по мозаике пола, почувствовал зазубренные края битой керамики, гладкий твердый пластик между ними.

— Хобби? Что ты имеешь в виду?

— Это вроде тех штук, которые делаешь ты, Слик. Эти твои игрушки из металлолома… — Губы Джентри опять вытянулись в напряженную, сумасшедшую усмешку.

— Много ты понимаешь! — огрызнулся Слик. — Угробил свою дурацкую жизнь, чтобы сообразить, какая форма у этого твоего киберпространства, а у него, может, и формы-то никакой нет. И потом, кому до этого дело?

Ничем случайным ни в Судье, ни в остальных и не пахло. Процесс был случаен, но результаты должны были отвечать

внутренней боли, которую он не мог выказать напрямую.

— Да ладно тебе, — пожал плечами Джентри. — Пошли.

Но Слик не двинулся с места, лишь поднял глаза, увидел напряженное лицо. Бледные, тусклые глаза "философа" в этом призрачном свете казались серыми. И почему он вообще терпит Джентри?

Потому что на Пустоши нельзя прожить одному. Плевать на электричество. Вся эта хозяйственная рутина — в сущности дребедень. Просто нужен кто-то рядом. С Пташкой не поговоришь: парнишку вообще мало что интересует, а кроме того, все. что он мелет, сплошь захолустная чушь. И пусть Джентри ни за что этого не признает, Слик чувствовал, что тот понимает многое.

— Ладно, — сказал Слик, вставая, — пошли.

Туннель скручивался, завивался кишками. Участок с мозаичным полом остался позади, за бог знает сколькими поворотами и спусками-подъемами по коротким винтовым лестницам. Слик все пытался представить себе, как выглядит снаружи здание, у которого такие подвалы, и не мог. Джентри шагал быстро, не переставая щуриться и покусывая губу. Слику казалось, что воздух становится все более спертым.

Поднявшись по еще одной лестнице, они вышли на прямой отрезок коридора, превращающегося в глубине вообще непонятно во что. Коридор был шире предыдущих участков с поворотами, и пол здесь был бугристым и мягким от множества небольших мохнатых ковриков, слоями разложенных на бетоне. Каждый коврик имел собственный узор и расцветку — в основном красных и синих тонов, — но, если вглядеться, все орнаменты состояли из все тех же зубчатых ромбов и треугольников. Запах пыли стоял здесь гуще, и Слик решил, что это от ковров: они выглядели совсем ветхими. Те, что лежали наверху и поближе к центру, местами были протерты до дыр. Тропа. Будто кто-то годами ходил здесь туда-сюда. Одни секции световых полос над головой были совсем темными, другие слабо пульсировали.

— Куда теперь? — спросил он Джентри. Тот смотрел себе под ноги, теребя большим и указательным пальцами пухлую губу.

— Туда.

— С чего ты взял?

— Потому что это совершенно не важно. От хождения по коврам у Слика устали ноги. Приходилось следить за тем, чтобы не споткнуться, попав носком в протертую кем-то дыру. Однажды он наступил на стеклянную плитку, отвалившуюся от полосы освещения. Через равные промежутки им попадались участки стен с заделанными бетоном арками. Они выделялись своей

более светлой фактурой.

— Джентри, мы, наверное, где-нибудь под землей. В каком-то подвале.

Но Джентри лишь поднял руку, так что Слик ткнулся в нее, и оба они замерли, уставившись на девушку, стоящую за ковровыми волнами в конце коридора. Видение было не далее чем в десятке метров от них.

Она сказала что-то на языке, который Слик принял за французский. Голос был звонким и музыкальным, но тон — деловым. Девушка улыбнулась. Спутанные темные волосы только усиливали ее неестественную бледность. Красивое лицо с высокими скулами, тонкий длинный нос, широкий рот.

Слик почувствовал, как у его груди дрожит рука Джентри.

— Все в порядке, — сказал он, отводя руку ковбоя. — Мы просто ищем Бобби.

— Все ищут Бобби, — ответила незнакомка с акцентом, которого Слик не смог распознать. — Я сама его ищу. Его тело. Вы не видели его тела? — Она сделала шаг назад, будто собираясь убежать.

— Мы не сделаем тебе ничего плохого, — сказал Слик, внезапно ощутив собственный запах, идущий от въевшейся в джинсы и коричневую куртку смазки. И Джентри, если подумать, выглядел не очень-то успокаивающе.

— Пожалуй, нет, — сказала она; в тусклом свете блеснули белые зубы. — Но опять же, я не уверена, что вы оба мне нравитесь.

Слику очень хотелось, чтобы Джентри сказал хоть что-нибудь, но тот молчал.

— Ты знаешь его… Бобби? — рискнул он.

— Он — настоящий умница. Необычайно умен. Хотя не могу сказать, что он мне действительно нравится. — Ее черный свободный балахон свисал до колен. Девушка была босиком. — Тем не менее я хочу. его тело. — Она рассмеялась. Все изменилось.

— Соку? — спросил Бобби Граф, протягивая высокий стакан с чем-то желтым. В воде бирюзового озерца отражались солнечные зайчики, мечущиеся по пальмовым листьям над головой. На Бобби не было никакой одежды, если не считать темных очков. — Что с твоим другом?

— Ничего особенного, — услышал Слик голос Джентри. — Он отсидел срок и заработал искусственный синдром Корсакова. Такие переходы пугают его до чертиков.

Слик неподвижно лежал в белом железном шезлонге с синими подушками, чувствуя, как сквозь промасленные джинсы

припекает солнце.

— Ты тот, про кого он говорил? — спросил Бобби. — Тебя зовут Джентри? Владелец фабрики?

— Джентри.

— Ты ковбой. — Бобби улыбнулся. — Компьютерный жокей. Человек киберпространства.

— Нет.

Бобби потер подбородок.

— Знаешь, мне тут бриться приходится. Порезался, теперь вот шрам… — Он отпил полстакана сока и вытер ладонью рот. — Так ты не ковбой? А как же ты тогда сюда попал?

Джентри расстегнул расшитую бусинами куртку, обнажив белую как мел, безволосую грудь.

— Сделай что-нибудь с солнцем, — сказал он. Сумерки. Вот так. Даже никакого щелчка. Слик услышал собственный стон. В пальмах за выбеленной стеной шуршали насекомые. На ребрах остывал пот.

— Прости, приятель, — сказал Бобби Сли-ку. — Твой синдром Корсакова, должно быть, очень неприятная штука. Но это место просто прекрасно. Недалеко от Валларты. Принадлежало когда-то Тэлли Ишэм… — Тут он снова повернулся к Джентри: — Если ты не ковбой, приятель, то кто же ты?

— Я такой же, как ты, — сказал Джентри.

— Я ковбой.

Над головой Бобби вверх по стене наискось проскользнула ящерица.

— Нет. Ты здесь не для того, чтобы что-то украсть, Ньюмарк.

— Откуда ты знаешь?

— Ты здесь, чтобы кое-что узнать.

— Это одно и то же.

— Нет. Когда-то ты был ковбоем, но теперь стал кем-то другим. Ты кое-что ищешь, однако красть это не у кого. Я тоже это ищу.

И Джентри начал ему объяснять про Образ. Резные тени пальм уже сгустились в мексиканскую ночь, а Бобби сидел и слушал.

Когда Джентри закончил, Бобби долго молчал.

— М-да, — протянул он через некоторое время. — Ты прав. Если начистоту, я пытаюсь выяснить, что вызвало Перемену.

— А до нее, — подхватил Джентри, — кибер-пространство не имело Образа.

— Эй, — вмешался Слик, — до того как попасть сюда, мы побывали где-то еще. Что это было?

– "Блуждающий огонек", — сказал Бобби. — На верху колодца. На орбите.

— Кто та девушка?

— Девушка?

— Темноволосая, худощавая.

— А, эта, — донесся из темноты голос Бобби, — это З-Джейн. Вы ее видели?

— Странная она, — сказал Слик.

— Она мертвая, — сказал Бобби. — Вы видели ее конструкт. Растранжирила все состояние своей семьи, чтобы построить эту штуку.

— Ты… э-э… живешь с ней? Здесь.

— Она терпеть меня не может. Видишь ли, я это все украл. Украл ее "ловца душ". Когда я рванул в Мексику, она уже успела вогнать в "алеф" свой конструкт, так что она всегда была здесь. Закавыка в том, что она умерла. Я хочу сказать, во внешнем мире умерла. А тем временем все ее дерьмо там, снаружи, все ее аферы, махинации живут себе поживают. Ими заправляют ее адвокаты, всякие там дельцы… — Он усмехнулся. — Это приводит ее в бешенство. Люди, которые рвутся на вашу фабрику, чтобы забрать "алеф", работают на подставное лицо, а то — на тех, кого она наняла еще на Побережье. По правде говоря, я заключил с ней довольно странную сделку, мы кое-чем обменялись. Сумасшедшая она или нет, но играет по-честному…

Даже никакого щелчка.

Сперва Слик решил, что они вернулись в тот серый дом, где он встретил Бобби впервые, но эта комната была меньше и ковры и мебель отличались от тех, правда, он не мог сказать чем. Богато, но без пошлости. Тишина. На длинном деревянном столе горела лампа под стеклянным зеленым абажуром.

Высокие окна с выкрашенными белой краской рамами разделяют белизну за окнами на равные прямоугольники, и белизна эта, наверное, снег… Он стоял, касаясь щекой мягкой шторы, глядя в защищенную каменной оградой снежную пустоту.

— Лондон, — говорил тем временем Бобби. — Ей пришлось отдать мне это в обмен за серьезные вуду-дела. Думал, что они не захотят иметь с ней никаких дел. Много бы ей это, черт побери, дало! А вот они стали как-то блекнуть, расплываться, что ли. Иногда их еще можно вызвать, но отдельные личности сливаются… как шарики ртути…

— Все сходится, — сказал Джентри. — Они вышли из первопричины, из того, "Когда Все Изменилось". До этого ты уже додумался. Но ты еще не знаешь, что именно там произошло, так?

— Нет. Знаю только где. В "Блуждающем огоньке". Она рассказала мне эту часть истории. Думаю, это все, что она знает. На самом деле ей на это плевать. Ее мать создала парочку ИскИнов, очень давно, когда они только-только начали появляться. Судя по всему, мощные были штуки. Потом мать умерла, а ИскИны вроде бы просочились в компьютерные базы данных корпорации или даже в само "железо", там, наверху. Один из них стал вести собственную игру. Хотел слиться со вторым…

— Слился. Вот тебе первая причина. Все изменилось.

— Так просто? Откуда ты знаешь?

— Потому что я шел к этому с другой стороны, — сказал Джентри. — Ты сделал ставку на причину и следствие, а я искал контуры, образы во времени. Ты искал по всей матрице внутри, а я рассматривал ее снаружи как единое целое. Я знаю то, чего не знаешь ты.

Бобби не ответил. Слик отвернулся от окна и увидел девушку, ту самую. Она стояла у противоположной стены наискосок от него. Просто стояла.

— Дело не в одних лишь тессье-эшпуловских ИскИнах, — продолжал Джентри. — На верх колодца поднялись люди, чтобы взломать базы данных в сердечниках "Т-Э". Они принесли с собой китайский военный ледоруб.

— Кейс, — вставил Бобби. — Парень по имени Кейс. Эту часть я знаю. Скоординированная атака с двух сторон…

Слик наблюдал за девушкой.

— И сумма оказалась больше слагаемых? — Судя по всему, Джентри действительно наслаждался разговором. — Кибернетический бог? Ходящий по воде аки посуху?

— Ага, — сказал Бобби. — Вроде того.

— Все, пожалуй, гораздо запутаннее, чем ты думаешь, — сказал Джентри и рассмеялся. А девушка исчезла. Никакого щелчка. Слик вздрогнул.

32. ЗИМНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ (2)

Ночь спустилась, когда вечерняя толчея достигла своего пика, но все равно это было не похоже на Токио — никаких тебе сиросисан, чья работа была вклинивать в набитый вагон запоздалых пассажиров перед самым закрытием дверей. Стоя на ветреной платформе Центральной линии, Кумико задумчиво смотрела на опускающуюся на город розовую дымку заката. Колин прислонился к сломанному торговому автомату с рядом пыльных, в трещинах, окошек.

— Теперь пора, — сказал он, — и когда пойдешь по Бонд-стрит и Оксфорд-Серкус, держись скромнее и старайся опускать голову.

— Но мне же придется заплатить на выходе?

— Если уж на то пошло, это делает отнюдь не каждый, сказал он, отбрасывая челку со лба.

Девочка направилась к лестницам, не спрашивая его больше, как добраться до противоположной платформы. Ноги у нее снова замерзли, и она не могла удержаться от мыслей о меховых ботинках, которые остались стоять в шкафу в ее комнате в доме Суэйна. Она решилась на сочетание каучуковых гольфов с жесткими подошвами и французских сапожек на высоком каблуке как на уловку, чтобы усыпить бдительность Дика и заставить его усомниться в том, что она вообще способна быстро идти. Но теперь с каждым укусом холода она об этом жалела.

Проходя по туннелю к соседней платформе, Кумико разжала руку на модуле — Колин мигнул и исчез. Стены туннеля покрывала истертая белая керамическая плитка с декоративной полосой зелени. Девочка вынула руку из кармана и на ходу вела пальцами по зеленым квадратам, думая о Салли и Финне и о том, что зима в Муравейнике пахнет иначе, как вдруг дорогу ей ловко заступил первый Дракула. В мгновение ока она оказалась в тесном кольце — четыре черных дождевика, четыре обтянутых кожей мертвенно-бледных черепа.

— О! — проговорил первый. — Какая встреча. Они смотрели друг на друга в упор — Кумико и Дракула. От него несло табаком. Мимо них текла своей дорогой вечерняя толпа, укутанная в основном в темную шерсть.

— Надо же, — протянул голос справа. — А это еще что такое?

Рука в черной перчатке из потрескавшейся кожи поворачивала у нее перед носом модуль "Маас-Неотек".

— фотовспышка, а? Пощупаем япошку? Рука Кумико непроизвольно скользнула в карман, прошла его насквозь —

сквозь бритвенный разрез — и схватила воздух. Паренек захихикал.

— Денежки у нее в сумке, — сказал другой. — Помоги-ка ей, Per.

Взмах рукой, и кожаный ремешок сумочки оказался перерезанным надвое.

Первый Дракула подхватил сумку, с ловкостью профессионала обернул вокруг нее болтающиеся концы ремешка и засунул себе за пазуху.

— Вот так-то!

— Эге, да они у нее в штанах!

Смех — это она зашарила под несколькими слоями свитеров. Резинка врезалась ей в живот, когда она обеими руками рывком высвободила пистолет и ткнула дулом в щеку того, кто держал модуль.

Ничего не произошло.

И тут остальные трое стремглав рванули к лестнице в дальнем конце туннеля, ботинки с высокой шнуровкой разъезжались на талом снегу; длинные плащи крыльями бились на ветру. Вскрикнула какая-то женщина.

А они все еще стояли, застыв на месте, — Кумико и Дракула; дуло пистолета прижималось к левой скуле мальчишки. От напряжения у Кумико начали дрожать руки.

Девочка смотрела ему прямо в глаза; карие зрачки Дракулы расширились от древнего примитивного страха. На лице ее была маска матери. Что-то ударилось у ног о бетон: модуль Колина.

— Бегом! — сказала она.

Дракула конвульсивно дернулся, открыл рот, издал приглушенный всхлип и вывернулся из-под пистолетного дула.

Опустив глаза, Кумико увидела модуль "Маас-Неотек" в лужице серой талой воды. Рядом лежал чистый серебристый треугольник бритвы. Нагнувшись за модулем, девочка увидела, что его корпус треснул. Она вытрясла жижу из трещины и изо всех сил сжала модуль в руке. Туннель теперь будто вымер, кругом — ни души. Колина тоже не было. Огромный пневматический "вальтер" Суэйна оттягивал руку.

Подойдя к урне, Кумико спрятала пистолет между жирной пленкой пищевой упаковки и аккуратным свертком факса новостей. Уже собралась уходить, но потом повернулась и забрала факс.

Вверх по ступенькам.

Кто-то на платформе указал на нее пальцем, но тут с древним грохотом подкатил поезд, и двери за ней сомкнулись.

Она следовала инструкциям Колина — Уайт-Сити, Шеппердс

Буш, Холленд-парк; спрятала лицо в факс, когда поезд замедлял ход перед Ноттинг-Хиллом (король, который был очень стар и уже умирал), и держала его перед собой всю Бонд-стрит. На станции Оксфорд-Серкус царило настоящее столпотворение. Она была благодарна толпе за укрытие.

Колин говорил, что со станции можно выйти бесплатно. После некоторого раздумья она решила, что так оно, вероятно, и есть: требуются лишь скорость и подходящий момент. Впрочем, другого выбора у нее и не было: сумочка с чипом "Мицу-банка" и несколькими английскими монетами исчезла вместе с Джеками Дракулами. Десять минут Кумико наблюдала за тем, как пассажиры скармливают автоматическим турникетам желтые пластиковые билеты, потом глубоко вдохнула и побежала. Вверх по ступенькам, прыжок, сзади крики и громкий смех, и снова все вверх и вверх.

Когда она добежала до выхода, перед ней раскинулась Брикстон-роуд — похожая на Синдзюку, увешанную душистыми мокрыми циновками, запруженную лотками с дымящейся едой.

33. ЗВЕЗДА

Она ждала в машине, и ей это не нравилось. Мона никогда не любила ждать, а "магик", который она приняла, делал ожидание просто невыносимым. Ей приходилось постоянно напоминать себе не оскаливать зубы, потому что, что бы там ни сотворил с ними Джеральд, десны все равно болели. Да что говорить, болело все тело. Пожалуй, "магик" был не слишком удачной мыслью.

Машина принадлежала Молли, так Джеральд назвал эту женщину. Самая обычная серая японская тачка, как у какого-нибудь пиджака, довольно симпатичная, но ничего особенного, в глаза не бросается. Внутри — запах новой вещи, а на трассе, когда они выбрались из Балтиморы, машина оказалась действительно быстрой. В ней был встроенный компьютер, но женщина всю обратную дорогу до Муравейника вела сама, а теперь машина стояла припаркованной на крыше двадцатиэтажной автостоянки. Судя по всему, стоянка находилась где-то неподалеку от отеля, куда ее привез Прайор, потому что отсюда Моне было видно то сумасшедшее здание, замаскированное под горный склон с водопадом. Машин тут было немного, да и те припорошены снегом, как будто ими давно не пользовались. Если не считать двух парней в будке при въезде — вокруг ни души.

Ну вот, приехали: столько людей, центр самого большого в мире города — а она сидит на заднем сиденье тачки одна-одинешенька. Сказано ждать.

По дороге из Балтиморы женщина говорила мало, только время от времени задавала вопросы. Но "магик" не давал Моне покоя, заставляя без умолку говорить. Она говорила и говорила — о Кливленде и Флориде, об Эдди и Прайоре.

А потом они заехали сюда наверх и остановились.

Этой Молли нет уже с час, а может, и больше. Чемодан она забрала с собой. Единственное, чего смогла добиться от нее Мона, так это — что с Джеральдом Молли давно знакома, а Прайор ничего об этом не знал.

В салоне делалось все холоднее, поэтому Мона перебралась на переднее сиденье и включила обогреватель. Просто прикрутить его и оставить работать вполсилы нельзя, потому что это посадит аккумулятор: Молли сказала, что, если такое произойдет, они окажутся по уши в дерьме.

— Потому что, когда я вернусь, мы по-быстрому отчалим.

Потом она показала Моне, где под сиденьем водителя лежит спальник.

До отказа выкрутив обогреватель, Мона подставила руки под струю теплого воздуха. Поиграла переключателями маленького экрана на приборной доске, замелькали новости. Английский король болен — еще бы, в его-то годы. В Сингапуре новое заболевание; никто от него не умер, но пока неизвестно, как оно передается и как лечится. Поговаривают о заварушке в Японии: мол, ребятишки из двух группировок якудза стараются переубивать друг друга, но никто ничего не знает наверняка. "Якудза" — вот о чем любил потрепаться Эдди. Потом распахнулись двери, и под руку с потрясающим черным парнем вышла Энджи, а голос за кадром говорил, что это прямая трансляция, что звезда только что прибыла в Муравейник после кратких каникул в своему доме в Малибу, последовавших за лечением в частной наркологической клинике…

В этой огромной шубе Энджи выглядела просто потрясно, но тут ролик закончился.

Вспомнив, что сделал Джеральд, Мона коснулась своего лица.

Она выключила телевизор, потом обогреватель и снова перебралась назад. Протерла уголком спальника стекло, запотевшее от ее дыхания. Посмотрела на здание с горным склоном, на море огней за провисающими цепями ограждения по краю стоянки. Похоже, там — целая страна, может, Колорадо или еще что-то, как в том стиме, где Энджи отправилась в Аспен и встретила одного парнишку, только потом, как почти всегда, появился Робин.

Вот чего ей никак не понять, так это разговоров о клинике. Бармен говорил, что Энджи поехала туда, потому что подсела на какое-то дерьмо, а теперь она только что слышала, как то же самое говорил мужик в новостях, так что, видимо, это правда. Но зачем таким людям, как Энджи, с такой жизнью, как у нее, с таким любовником, как Робин Ланье, им-то зачем наркотики?

Глядя на далекое здание, Мона покачала головой, радуясь тому, что сама она, в общем-то, ухитрилась не попасть на крючок.

Потом она, наверное, на минуточку задремала, задумавшись о Ланетте, потому что, когда она снова выглянула в окно, над гористым зданием уже завис большой вертолет — черный и блестящий. Классно, действительно — как в большом городе.

Она знала в Кливленде пару девочек из крутых, с которыми никто не связывался, но Молли — совсем другое. Вспомнить только, как Прайор прошиб собой дверь, как он потом вопил… Мона подумала, а в чем, собственно, он тогда признался, потому что слышала, как он говорил, и Молли больше его не мучила. Они оставили Прайора привязанным к хирургическому креслу, и Мона тогда еще спросила у Молли, как она думает, сможет ли он

освободиться? Или сможет, ответила та, или кто-то его найдет, или он погибнет от жажды.

Вертолет опустился ниже, исчез. Большой был, с вертящимися штуками по обоим бокам.

А она сидит тут и ждет и, черт побери, понятия не имеет, что же ей делать дальше.

Ланетта кое-чему ее научила: иногда стоит составить как бы перечень своих преимуществ Преимущество — это то, что тебе на руку, а об остальном можно просто забыть. Ладно. Она выбралась из Флориды. Она — на Манхэттене. Она похожа на Энджи… Тут Мона запнулась. Преимущество ли это? Хорошо, скажем иначе: ей повезло воспользоваться услугами бесплатной косметической хирургии, и теперь у нее просто великолепные зубы. Во всяком случае, если взглянуть на это с такой стороны, все не так уж и плохо. Вспомни о мухах в сквоте. Да уж. Если потратить оставшиеся деньги на стрижку и макияж, можно соорудить что-нибудь, что не будет так явно подчеркивать сходство с Энджи. Вот это, пожалуй, неплохая идея, потому что вдруг кто-то ее ищет?

И снова вертолет. На этот раз поднимается.

Эй, да что же это!

Кварталах, может быть, в двух и пятьюдесятью этажами выше нос машины развернулся в ее направлении, нырнул… Нет, это все "магик". Вертолет покачался там из стороны в сторону, потом стал снижаться… Глюки, это все не взаправду. Прямо вниз. К ней. Он просто все увеличивается и увеличивается. Прямо к ней. Но это же "магик", правда? Тут жуткая машина исчезла, скрылась за другим зданием. Глюки, конечно, глюки…

Вертолет выплыл из-за угла. Теперь он был только на пять этажей выше стоянки и все снижался, и это был вовсе не "магик". Черная громадина зависла прямо над головой, вот вырывается узкий белый луч, чтобы найти серую машину. И Мона, рванув замок двери, выкатилась на снег, стараясь остаться в тени машины, а вокруг нее — гул лопастей, вой работающих моторов. Прайор или тот, на кого он работал… Они пришли за ней. Тут прожектор погас, звук лопастей изменился, и вертолет быстро, слишком быстро пошел на посадку. Подпрыгнул на выпущенных шасси. Снова ударился о землю. С кашлем выбросив синее пламя, заглохли моторы.

Мона на четвереньках застыла у заднего бампера — поскользнулась, когда пыталась встать на ноги.

Раздался резкий хлопок, похожий на пистолетный выстрел, и квадратный кусок вертолетной обшивки отскочил и лег на посыпанный солью бетон стоянки. Выскочил яркий оранжевый желоб пятиметрового аварийного трапа, вздулся, как детская

пляжная игрушка. Мона осторожно поднялась на ноги, держась за крыло серой машины. Темная закутанная фигура перебросила ноги через борт желоба и сидя скатилась вниз — совсем как ребенок на детской площадке. За ней — вторая, в огромной куртке под цвет желоба, голова в капюшоне.

Мона вздрогнула, когда та, в оранжевом, повела другую по крыше, прочь от черного вертолета. Это была… Но как же?!

— Садитесь назад, — приказала Молли, открывая дверь со стороны водителя.

— Это ты, — выдавила Мона, глядя в самое знаменитое лицо в мире.

— Да, — отозвалась Энджи, не отрывая глаз от лица Моны. — Это… кажется…

— Пошевеливайтесь, — сказала Молли, положив руку на плечо звезды. — Забирайся внутрь. Твой марсианский полукровка уже просыпается.

Мона оглянулась на вертолет. С погашенными огнями он казался детской игрушкой, будто гигант-ребенок поиграл с ней здесь и забыл…

— Хорошо, раз так, — сказала Энджи, забираясь на заднее сиденье.

— И ты, золотце, — сказала Молли, подталкивая Мону к открытой двери.

— Но… Я хочу сказать…

— Пошевеливайся!

Мона забралась внутрь, чувствуя запах духов Энджи, скользнув запястьем по ее сверхъестественно мягкой огромной шубе.

— Я тебя видела, — услышала она свой собственный голос, — в новостях.

Энджи промолчала.

Молли скользнула на место водителя, захлопнула дверь, тихонько запел мотор. Оранжевый капюшон плотно затянут, лицо — как белая маска с пустыми серебристыми глазами. Тут они покатили под навес к пандусу, вписываясь в первый поворот. И так пять уровней вниз по узкой спирали, а потом Молли завернула в проход меж рядами огромных дальнобойных грузовиков под тусклыми диагоналями осветительных полос.

— Парасенсорное наблюдение, — сказала Молли. — Ты когда-нибудь видела в "Агентстве" подобное оборудование?

— Нет, — ответила Энджи.

— Если у службы безопасности "Сенснета" оно есть, то они, возможно, уже внизу…

Она завела машину за огромный, похожий на вагон ховер,

белый, с выведенными через всю заднюю дверь квадратными синими буквами названия.

— Что там написано? — спросила Мона и тут же почувствовала, что краснеет.

– "Китайские Катоды", — сказала Энджи.

Моне показалось, что она раньше уже где-то слышала это название.

Молли вышла из машины и теперь открывала огромные двери ховера. Скинула вниз желтые пластиковые сходни.

Потом она вернулась в машину. Взревел мотор, и они въехали прямо в кузов ховера. Сорвав с головы оранжевый капюшон, Молли встряхнула головой, высвобождая волосы.

— Мона, ты как, сможешь выбраться отсюда и втянуть сходни обратно? Они не тяжелые. I". Звучало это не как вопрос.

Они были действительно не тяжелые. Мона втянула сходни и помогла Молли закрыть двери.

Она кожей чувствовала в темноте присутствие Энджи.

Это и вправду была Энджи.

— В кабину. Пристегивайтесь. А теперь держитесь.

Энджи. Она сидит рядом с Энджи. Потом шипение — это Молли подала воздух в воздушную подушку, и их вновь понесло вниз по спиральному пандусу.

— Твой друг уже очнулся, — сказала Молли, — но пока не способен двигаться. Еще четверть часа. — Она снова съехала с пандуса на очередной уровень — но на этот раз Мона уже потеряла счет этажам. Этот был набит модными тачками. Ховер пронесся по центральному проходу и свернул налево.

— Тебе очень повезет, если он не ждет нас внизу, — сказала Энджи.

Молли затормозила в десяти метрах от больших металлических ворот, разрисованных диагональными желтыми и черными полосами.

— Нет, — ответила она, вынимая из бар дачка маленькую синюю коробочку. — Это ему повезло, если он не ждет нас снаружи.

Оранжевая вспышка и грохот: Моне будто хорошим хуком справа ударило в диафрагму. Ворота сорвало с петель. В облаке дыма створка ворот вывалилась на мокрую мостовую, и вот они уже проскочили над ней, свернули. Ховер набирал скорость.

— Ужасно грубо, не так ли? — спросила Энджи и по-настоящему рассмеялась.

— Знаю, — ответила Молли, сосредоточившись на дороге. — Иногда только так и можно. Мона, расскажи ей о Прайоре. О Прайоре и о твоем приятеле. То, что ты рассказывала мне.

Никогда в жизни Мона не испытывала подобной робости.

— Пожалуйста, — сказала Энджи, — расскажи мне, Мона.

Вот так. Ее имя. Энджи Митчелл наяву произнесла ее имя. Обратилась к ней. Прямо тут.

От этого хотелось упасть в обморок.

34. МАРГЕЙТ-РОУЛ

Похоже, ты потерялась, — сказал продавец лапши по-японски.

Кумико решила, что он кореец. У отца были партнеры-корейцы; они занимались строительным бизнесом, так говорила мать. Как и этот, они, как правило, оказывались крупными мужчинами, почти таких же габаритов, как Пе-тал, с широкими серьезными лицами.

— И, кажется, очень замерзла, — продолжал кореец.

— Я ищу одного человека, — устало сказала Кумико. — Он живет на Маргейт-роуд.

— Где это?

— Не знаю.

— Зайди, — предложил торговец, обведя жестом конец стойки.

Его палатка была собрана из щитов розового рифленого пластика.

Она прошла между плакатом с рекламой лапши и стендом, рекламировавшим какое-то роти — это слово было составлено из окрашенных в бредовые цвета дутых букв, с которых будто соскальзывали светящиеся капли. От прилавка пахло специями и тушеным мясом. Холод кусал за ноги, щипал уши.

Пригнувшись, Кумико проскользнула под затуманенный паром кусок полиэтилена. В самой палатке оказалось очень тесно: приземистые синие баллоны с бутаном, три плитки, заставленные высокими кастрюлями, пластиковые мешки с не готовой еще лапшой, стопки пластиковых мисок — среди всего этого двигался громадный кореец, ухаживая за своими кастрюлями.

— Садись, — сказал он.

Когда девочка присела на желтую пластмассовую емкость с глютаминатом натрия, голова ее оказалась ниже прилавка.

— Ты японка?

— Да, — ответила она.

— Из Токио? Кумико помедлила.

— Одежда такая, — пояснил кореец, потом спросил, кивая на ее ноги: — Почему ты ходишь в этом зимой? Такая теперь в Токио мода?

— Я потеряла сапоги.

Он протянул ей пластиковые миску и палочки; в прозрачном желтом бульоне плавали слипшиеся комки лапши. Девочка жадно ела, потом выпила бульон. Кумико смотрела, как кореец обслуживает африканку, которая забрала лапшу с собой в

собственной посудине с крышкой.

— Маргейт, — задумчиво повторил торговец, когда женщина ушла.

Вынув из-под прилавка книгу в бумажном, с жирными пятнами переплете, он начал ее листать, слюнявя большой палец.

— Вот, — сказал он наконец, ткнув пальцем в карту с невероятно мелким масштабом. — Вниз по Экр-лейн.

Порывшись под прилавком, он нашел синюю перьевую ручку и начертил маршрут на грубой серой салфетке.

— Спасибо, — сказала Кумико, — мне пора идти.

Пока она брела к Маргейт-роуд, к ней пришла мать.

Салли — в опасности, где-то в Муравейнике, и Кумико верила, что Тику удастся отыскать способ с ней связаться. Если не по телефону, то через матрицу. Может быть, Тик знает Финна, мертвого человека из тупика…

Постоянно растущий коралловый риф метрополии в Брикстоне дал убежище совсем иной, незнакомой форме жизни. Лица, светлые и темные, мешанина бесчисленных национальностей и рас. Кирпичные фасады испещрены надписями, рисунками — буйство красок и символов, какие и представить себе не могли первоначальные строители или владельцы. Из открытой двери паба, мимо которого она проходила, выплескивались бой барабанов, жар и раскаты смеха. Лавки продавали совсем незнакомую Кумико еду, тюки яркой одежды, китайские инструменты, японскую косметику…

Задержавшись у освещенной витрины с коллекцией помад и румян, где ее лицо отразилось в серебристом заднике декорации, девочка почувствовала, как на нее из ночи обрушилась смерть матери. Мать так любила подобные вещи.

Безумие матери. Отец никогда не упоминал о нем. В мире отца не было места безумию. Безумие матери было европейским, импортной западней горестей и иллюзий… Отец убил ее мать, сказала Салли на Ковент-Гарден. Но правда ли это? Он привозил врачей из Дании, Австралии и, под конец, из Тибы. Врачи выслушивали сны принцессы-балерины, чертили карты и временные графики ее синапсов и брали анализы крови. Но принцесса-балерина отказывалась и от их таблеток, и от их утонченной хирургии.

— Они хотят изрезать мне мозг лазерами, — шептала она Кумико.

Она нашептывала и другие вещи.

По ночам, говорила она, из своих кубиков в кабинете отца Кумико, как дымок, восстают злые духи. "Эти старики… — говорила она, — они высасывают наше дыхание. Этот город пьет

мое дыхание. Здесь нет покоя. Нет настоящего сна".

Перед концом она совсем перестала спать. Шесть ночей мать молча и совершенно неподвижно сидела в своей голубой европейской комнате. На седьмой день она ушла из квартиры одна — достойный упоминания подвиг, учитывая усердие секретарей — и отыскала дорогу к холодной реке.

Но в заднике витрины ей еще чудились линзы Салли. Кумико вытащила из рукава свитера карту корейца.

У обочины на Маргейт-роуд стояла сожженная машина. Девочка помедлила возле нее, оглядывая молчаливые фасады на противоположной стороне улицы, и тут услышала какой-то звук за спиной. Оглянулась и увидела в свете полуоткрытой двери ближайшего дома перекошенное лицо горгульи под лавиной сальных кудрей.

— Тик!

— По правде говоря, Терренс, — сказал тот, когда исчезла искажающая лицо гримаса.

Тик жил под самой крышей. Нижние этажи пустовали, светлые прямоугольники на обоях — призраки изчезнувших картин — провожали их взглядом.

Хромота Тика, когда он взбирался перед ней вверх по лестнице, сделалась еще более явной. На нем был серый костюм из блестящей плащевки и табачного цвета замшевые "оксфорды" на толстой подошве.

— А я тебя ждал, — сказал он, с усилием перенося тело с одной ступеньки на другую.

— Правда?

— Я знал, что ты сбежала от Суэйна. Копировал понемногу себе в буфер его график, когда у меня было время, свободное от того, другого…

— Другого?

— Ты что, не знаешь?

— Прости?

— Все дело в матрице. Там что-то происходит. Проще показать, чем пытаться объяснить. Тем более что объяснить это я все равно не могу. Готов поспорить, три четверти всего человечества сейчас подключились к сети, смотрят шоу…

— Я не понимаю.

— Сомневаюсь, что найдется кто-то, кто понимает. В секторе, представляющем собой Муравейник, возник новый макроформ.

— Макроформ?

— Очень большая база-конструкт.

— Я пришла предупредить Салли. Суэйн и Робин Ланье собираются сдать ее тем, кто планирует украсть Анджелу

Митчелл.

— Как раз об этом я бы волноваться не стал, — сказал Тик, поднимаясь на верхнюю площадку. — Салли уже увела у них из-под носа Митчелл и чуть было не прикончила их человека в Муравейнике. Теперь они в любом случае за ней охотятся. Черт побери, вскоре за ней станут охотиться все и каждый! Тем не менее можно попробовать это ей передать, когда она позвонит для проверки. Если она позвонит…

Тик жил в мансарде, состоящей из одной большой комнаты, причудливая форма которой заставляла предположить, что в ней убрали внутренние перегородки. Несмотря на ее размеры, всю комнату заполняли вещи. На взгляд Кумико, выглядела она так, как будто кто-то разложил содержимое какой-нибудь мастерской по ремонту модулей в Акихабара на пространстве, уже в избытке заставленном — в стиле гайдзинов — предметами массивной меблировки. И тем не менее комната отличалась удивительным порядком и чистотой; даже стопки журналов были тщательно выровнены по углам низкого стеклянного столика, где они покоились рядом с девственно-чистой керамической пепельницей и скромной белой вазой со срезанными цветами.

Пока Тик наливал в электрический чайник воду из фильтрующего кувшина, она снова попыталась вызвать Колина.

— Что это? — спросил Тик, ставя кувшин на место.

— Модуль-гид "Маас-Неотек". Он разбился, и я не могу вызвать Колина…

— Колина? Это стим-устройство?

— Да.

— Давай посмотрим… — Он протянул руку.

— Мне подарил его отец… Тик присвистнул.

— Должно быть, стоит целое состояние. Ну конечно же, один из мини-ИскИнов "Мааса". Как он работает?

— Нужно сжать модуль в руке, тогда появится Колин. Но никто, кроме меня, не может ни видеть его, ни слышать.

Тик поднес модуль к уху и встряхнул.

— Он разбился? Как?

— Я его уронила.

— Видишь ли, разбит только корпус. Биософт вытек из капсулы, так что ты не можешь войти в него, так сказать, вручную.

— Ты можешь его починить?

— Нет. Но если хочешь, мы можем войти в него через деку… — Он вернул ей модуль.

Закипел чайник.

За чаем девочка рассказала ему про свое путешествие в

Муравейник и про визит Салли к святилищу в тупичке.

— Он называл ее Молли, — сказала она. Тик раза четыре попеременно кивнул и подмигнул.

— Ну и чего она там добилась? О чем они разговаривали?

— Говорили о каком-то месте под названием "Блуждающий огонек". О человеке по имени Кейс. О каком-то враге, женщине…

— Тессье-Эшпул. Я это выяснил для нее, когда ворошил барахлишко Суэйна. Суэйн собирается продать Молли этой так называемой леди 3-Джейн. У этой леди самое полное досье пикантнейшего грязного белья, какое только можно себе представить, — вообще на всех и на вся. Я был страшно осторожен и не подходил к этому слишком близко. Суэйн сейчас торгует этими скандалами направо и налево, по ходу дела сколачивая себе множество состояний. Уверен, что у нее достаточно грязи и на нашего мистера Суэйна…

— А она здесь? В Лондоне?

— Вроде бы где-то на орбите, хотя поговаривают, что она умерла. По правде говоря, я как раз над этим и работал, когда этот увалень возник в матрице…

— Прости, я не поняла.

— Подожди минутку, я тебе покажу. Он вернулся к обеденному столу с неглубоким квадратным подносиком в руках, на котором расположился целый набор всяческих миниатюрных устройств. Поставив поднос на стол, Тик тронул крохотную клавишу. Над подносом-проектором вспыхнула трехмерная голограмма: неоновые линии решетки киберпространства с рядами ярких фигур — одновременно простых и сложных, — графическое представление безмерных скоплений хранимых данных.

— Вот они, все наши стандартные большие говнюки. Корпорации. Можно сказать, довольно стабильный ландшафт. Иногда какая-нибудь отращивает приложение, или у тебя на глазах происходит захват, или две сливаются. Вряд ли здесь увидишь что-то действительно новое, во всяком случае, не в таком масштабе. Они начинают с малого: растут, сливаются с другими мелкими формациями… — Он коснулся другого переключателя. — Часа четыре назад — точно в центре проекции возникла гладкая вертикальная колонна белого цвета — выросло вот это. Или выскочило.

Цветным кубам, сферам и пирамидам все время приходилось менять расположение, уступая место круглому белому столпу, соседство с которым превращало их в карликов. Его верхушка была гладко срезана верхней границей проекции.

— Этот сукин сын намного больше всего остального, — с

некоторым даже удовлетворением сказал Тик, — и никто не знает, что это или кому это принадлежит.

— Но кто-то же должен знать, — возразила Кумико.

— В общем-то, разумно. Должен. Но людям моего, так сказать, амплуа — а нас таких миллионы — не удалось это выяснить. А это еще более странно, чем сам факт того, что эта штука вообще существует. Перед твоим приходом я как раз обшаривал решетку в поисках жокея, у которого была бы хоть какая-то зацепка. Ничего. Вообще ничего.

— Как это может быть, что З-Джейн мертва? — Но тут она вспомнила Финна, черные кубики в кабинете отца. — Я должна рассказать все Салли.

— Тут ничего не поделаешь, остается только ждать, — сказал Тик. — Она, наверное, позвонит. А пока, если хочешь, мы могли бы попробовать войти в этот твой маленький ИскИн.

— Хочу, — ответила девочка. — Пожалуйста.

— Будем надеяться, что типы из Особого отдела, которым теперь платит Суэйн, тебя не выследили. Но опять же, чтобы это проверить, нам остается только ждать…

— Да, — сказала Кумико, совсем не обрадованная перспективой подобного ожидания.

35. ВОЙНА НА ФАБРИКЕ

Черри снова отыскала его в темноте, возле Судьи. Он сидел на одном из Следователей с фонариком в руке, освещая панцирь Судьи из полированной ржавчины. Слик не помнил, как он пришел сюда, но не чувствовал и рваного края подступающего синдрома. Он твердо помнил взгляд девушки в комнате, про которую Бобби сказал, что это Лондон.

— Джентри подключил Графа и его ящик к киберпространственной деке, — сказала Черри. — Ты это знаешь?

Слик кивнул, не отрывая взгляда от Судьи:

— Бобби сказал, так будет лучше.

— Что все-таки происходит? Что произошло, когда вы подключились?

— Джентри и Бобби, они вроде одного поля ягоды, напали на какой-то след. Оба помешаны на одном и том же. Подключившись, мы оказались где-то на орбите, но Бобби там не было… Потом, думаю, была Мексика. Кто такая Тэлли Ишэм?

— Королева стимов во времена моего детства. Как сейчас Энджи Митчелл…

— Митчелл… она была его бабой.

— Кого?

— Бобби. Он рассказывал об этом Джентри в Лондоне.

— В Лондоне?

— Ага. Мы двинули туда после Мексики.

— И он сказал, что раньше был с Энджи Митчелл? Бред какой-то.

— Да, и еще он сказал, что именно так наткнулся на этот "алеф". — Слик повел фонариком, и луч уперся в скелетообразную утробу Тру-пожора. — Болтался со всякими богатыми и от них прослышал об "алефе". Называли эту штуку "ловцом душ". Его хозяева сдавали время на нем в аренду тем богачам. Бобби разок его опробовал, потом вернулся и украл ящик. Увез в Мехико-Сити и начал проводить внутри все свое время. Но они пришли за ним…

— А ты, похоже, кое-что вспоминаешь…

— Поэтому он оттуда сбежал. Приехал в Кливленд и заключил сделку с Африкой. Дал Африке денег, чтобы тот его спрятал и заботился о нем, пока он под током, потому что он подходил действительно близко…

— Близко к чему?

— Не знаю. К чему-то странному. Что-то наподобие разговоров Джентри об Образе.

— Ну, — протянула Черри, — думаю, это может его прикончить, то, что он так подключен. Показатели начинают валять дурака. Он слишком давно под этими капельницами. Потому я и стала тебя искать.

В луче фонарика поблескивали ощетинившиеся стальными клыками кишки Трупожора.

— Это то, чего он хочет. Во всяком случае, если он платит Малышу, то получается, ты работаешь на него. Но эти ребята, которых сегодня видел Пташка, работают на парней из Лос-Анджелеса, на тех, у кого Бобби украл этот…

— Скажи мне кое-что.

— Что?

— Что это за штуки ты построил? Африка говорил, что ты этакий трехнутый белый парень, который строит роботов из лома. Говорил, что летом ты выводишь их во двор и устраиваешь большие бои…

— Это не роботы, — прервал он, переведя луч на низко посаженные, с серпами на концах, руки паучьеногой Ведьмы. — Они в основном управляются по радио.

— Ты строишь их для того, чтобы потом разломать?

— Нет. Но мне нужно их как-то тестировать. Убедиться, правильно ли я все сделал… Он щелчком выключил свет.

— Трехнутый белый парень, — сказала она. — У тебя здесь есть девушка?

— Нет.

— Прими душ. Побрейся…

Черри вдруг оказалась совсем близко к нему, так близко, что он ощутил ее дыхание у себя на лице.

— О'кей, ребята, слушайте…

— Какого черта…

— … потому что я не намерен повторять это дважды.

Слик зажал Черри рот рукой.

— Нам нужен ваш гость и его оборудование. Вот и все. Повторяю: гость и оборудование. — Пропущенный через усилитель голос гулко отдавался в железной пустоте Фабрики. — Так вот, вы можете выдать его прямо сейчас — это нетрудно, — или мы просто войдем и всех вас к дьяволу перестреляем. Это тоже не составит нам никакого труда. Пять минут на размышление.

Черри укусила его за руку.

— Бля, мне же нужно как-то дышать, а?

А потом он бежал сквозь темноту Фабрики и слышал, как она зовет его по имени.

Над южными воротами Фабрики горела единственная

стоваттная лампочка, погнутые стальные створки были открыты настежь, скованные морозом и ржавчиной. Свет, должно быть, оставил Пташка. С того места, где засел Слик, скорчившись у пустого оконного проема, можно было различить за слабым конусом света силуэт ховера. Из темноты с рассчитанной небрежностью — чтобы показать, кто тут хозяин положения, — вышел человек с громкоговорителем в руке. На нем был герметичный камуфляжный комбинезон с тонким нейлоновым капюшоном, натянутым на голову, и защитные очки. Он поднял громкоговоритель.

— Три минуты.

Человек напомнил ему охранников в тюремном дворе — куда Слика выводили гулять в тот второй раз, когда его поймали за угон автомобиля.

Джентри, наверное, смотрит сверху, где высоко над воротами Фабрики в щель в стене была вставлена узкая вертикальная плексигласовая панель.

В темноте справа от Слика что-то задребезжало. Он повернулся и в слабом свете из другого оконного проема метрах в восьми от себя увидел Пташку и отблеск стального глушителя — парнишка поднял винтовку двадцать второго калибра.

— Пташка! Не смей…

Вылетев откуда-то из глубин Пустоши, на щеке парня возник рубиновый светлячок лазерного прицела. Грохот выстрела ворвался в пустые окна и эхом заметался меж стен. Пташку отбросило в темноту.

Тишина, только позвякивание катящегося по бетону глушителя.

— Мать вашу так, — весело пророкотал усиленный голос. — Вы упустили свой шанс.

Слик глянул через подоконник и увидел, как человек в камуфляже бежит назад к ховеру.

Сколько их там еще? Пташка ничего об этом не говорил. Два ховера, "хонда" — человек десять? А может, больше? Если только Джентри не припрятал где-нибудь пистолет, винтовка Пташки оставалась единственным оружием на Фабрике.

Заурчали турбины ховера. Они собираются въехать на территорию, догадался Слик. У них лазерные прицелы. Наверное, есть и инфракрасные.

Тут он услышал одного из Следователей. Такой звук автомат обычно издавал, скрежеща стальными гусеницами по бетонному полу. Следователь выполз из темноты, скорпионье жало с термитным наконечником опущено. Шасси начало свою жизнь лет пятьдесят назад на радиоуправляемом манипуляторе,

предназначенном для переноски токсичных жидкостей или отходов ядерных электростанций. Найдя в Ньюарке три таких разукомплектованных механизма, Слик выменял их за "фольксваген".

Джентри. Слик же забыл контрольный модуль у Джентри на чердаке.

Следователь проскрежетал по полу и остановился в широком дверном проеме лицом к Пустоши и приближающемуся ховеру. Автомат был размером приблизительно с тяжелый мотоцикл, на открытой раме шасси размещались блок сервоприводов, компрессорные резервуары, гидравлические цилиндры и выставленные на всеобщее обозрение открытые шнеки. С обеих сторон скромного ящика с инструментами вытянулась пара весьма злобных на вид клешней. Слик не помнил, где он раздобыл эти клешни, наверное, оторвал от какого-то фермерского комбайна.

Ховер был тяжелой промышленной модели. На месте лобового стекла и окон были щиты из толстой серой пластиковой брони, в центре каждого щита зияли узкие прорези.

Разбрасывая гусеницами льдинки и бетонную крошку, Следователь двинулся вперед, прямо на ховер, на максимальный угол разведя при этом клешни. Водитель ховера, пытаясь погасить инерцию, переключил турбину на реверс.

Клешни Следователя яростно клацнули о передний выступ воздушной подушки, соскользнули, сомкнулись снова. Но ткань юбки, очевидно, была усилена полиуглеродной сеткой. Тут Джентри вспомнил о термитном жале. Жало дрогнуло, поднялось, наконечник его взорвался тугим шаром ярко-белого света; проскочив над бесполезными теперь клешнями, шар прорвал апроновую ткань, как нож картонный лист. Гусеницы Следователя слегка провисли, потом снова бешено завертелись, когда Джентри бросил его на сдувающийся мешок, одновременно до отказа выпустив жало-копье. Слик внезапно осознал, что он что-то кричит, но не понимал, что именно. Он был уже на ногах, когда клешни нашли наконец, за что зацепиться — за оторванный край апроновой юбки.

Он снова бросился на пол, когда из люка на крыше ховера, как вооруженная кукла-перчатка, вынырнула фигура в защитных очках и капюшоне, одновременно опустошая магазин с патронами двенадцатого калибра. От Следователя во все стороны полетели искры, но он продолжал прожевывать себе дорогу сквозь ткань воздушной подушки. Ее контуры были теперь отчетливо видны, высвеченные белым пульсированием жала-копья. И вдруг Следователь замер, клешни мертвой хваткой вцепились в

распоротый мешок. Автоматчик нырнул обратно в люк.

Линия питания? Сервоблок? Во что попал этот парень? Белый пульс стал замирать, вот-вот погаснет.

Ховер дал задний ход, начал медленно отползать по ржавому лому, таща за собой Следователя.

Он был уже довольно далеко, почти за пределами светового круга, видимый только потому, что двигался, когда Джентри отыскал комбинацию переключателей, которая активировала огнемет. Дуло его было вмонтировано под местом крепления клешней. Совершенно захваченный этим зрелищем, Слик смотрел, как Следователь поджег десять литров высокооктанового бензина и выплюнул под высоким давлением огненную струю. Это сопло, вспомнил Слик, служило для распыления пестицидов, он однажды снял его с трактора, вовсе не уверенный в том, что оно работает.

Работает, да еще как!

36. ЛОВЕЦ ДУШ

Ховер уже повернул на юг, когда снова явилась Маман Бригитта. Женщина с серебром вместо глаз бросила серый седан на какой-то стоянке, а уличная девчонка с лицом Энджи рассказывала путаную историю: Кливленд, Флорида, кто-то, кто был ей не то дружком, не то сутенером, а может, и тем и другим одновременно…

Но в ушах Энджи все еще звучал голос Бригитты, слова, сказанные в кабине вертолета на крыше "Нового Агентства Судзуки":

— Доверься ей, дитя. В делах ее — воля лоа.

Став пленницей на собственном сиденье — пряжка пристяжного ремня блокирована куском застывшего пластика, — Анджела смотрела, как женщина в обход бортового компьютера запускает аварийную систему, позволяющую пилотировать вертолет вручную.

И вот прошел час, и теперь это шоссе под зимним дождем, девчонка опять говорит, и ее голос заглушает шорох дворников по ветровому стеклу…

К сиянию свечей, к стенам из выбеленной глины. Бледные мотыльки мельтешат в струящихся ветвях ив.

— Твое время все ближе.

И вот они пришли — Наездники, лоа: Папа Легба, ярок и текуч, словно ртуть; Эзили Фреда, кто есть королева и мать; Самеди или Суббота, Барон Cimetiere[25], мох на разъеденных костях; Симилор; мадам Труво; и много-много других… Они заполняют пустую оболочку — так вот что она такое, Гран-Бригитта! Наплыв их голосов — как шум ветра, журчание бегущей воды, гудение пчелиного улья…

Они колеблются над землей, подобно жаркому мареву над летней автострадой. Никогда еще с Энджи не было такого — такой торжественности, такого подчинения, такого ощущения тяжести и падения…

Туда, где говорит Легба, и голос его подобен гулкому бою барабанов…

Он рассказывает историю.

В порывистом ветре образов мелькают перед Энджи этапы эволюции искусственного разума: круги из камня; часы; ткацкие паровые станки; мерно щелкающий латунный лес собачек и храповиков; вакуум, пойманный в дутое стекло; электронакал в тонких, как волоски, нитях; длинные ряды радиоламп и переключателей, чья задача — расшифровывать послания,

закодированные другими такими же устройствами… Хрупкие и недолговечные лампы, уменьшаясь в размерах, превращаются в транзисторы; электронные схемы все более усложняются и, одеваясь в кремний, становятся все миниатюрнее…

Но вот уже и кремний исчерпывает до предела свои возможности…

И снова она внутри видеофильма Ганса Беккера — кадры из истории Тессье-Эпшулов перемежаются снами, которые не что иное, как воспоминания З-Джейн, а он, Легба, все говорит, и эти две истории объединяются, становятся единым целым — бесчисленные нити закручиваются вокруг общего потайного стержня: мать З-Джейн создает два искусственных интеллекта, двух близнецов, которые в один прекрасный день сольются; затем — появление чужаков (Энджи вдруг осознает, что и Молли ей знакома по снам), само это слияние и безумие З-Джейн…

И тут Энджи видит, что перед ней — необыкновенное ювелирное изделие: голова, сделанная из платины, жемчужин и прекрасных синих камней; глаза — граненые искусственные рубины. Голова эта тоже встречалась ей в снах, которые никогда не были снами. Голова — врата в сокровенные базы данных Тессье-Эпшулов, где две половинки неведомого существа пока еще воюют между собой, ожидая своего рождения как единой сущности.

— В то время ты еще не родилась. — И хотя голова говорит голосом Мари-Франс, мертвой матери З-Джейн, голосом, знакомым по стольким мучительным ночам, Энджи понимает, что это говорит Бригитта. — Твой отец тогда только-только начинал осознавать пределы собственных возможностей, отличать амбиции от таланта. Тот, кому он отдаст в обмен на знание свое дитя, в то время себя еще не явил. Но уже скоро придет человек Кейс, чтобы принести с собой это слияние — одновременно и короткое, и безвременное. Но это ты знаешь.

— А где сейчас Легба?

— Легба-ати-Бон — каким знала его ты — ждет, чтобы быть.

— Нет, — вспоминая слова Бовуа, сказанные давным-давно в Нью-Джерси, возразила Энджи, — лоа пришли из Африки на заре времен…

— Не те, какими знала их ты. Когда настало время, яркое время, тогда пришло полное единство, единое сознание. Но был еще и другой.

— Другой?

— Я говорю лишь о том, что знаю я. Только единый знал другого, но единого больше нет. Вслед этому знанию рухнул центр; каждый осколок унесся прочь. Эти осколки искали форму

— каждый на особицу, что было присуще их природе. Изо всех знаков, какие копил твой род против тьмы и ночи, в той ситуации наиболее подходящими оказались парадигмы вуду.

— Так Бобби был прав? Вот оно — "Когда Все Изменилось"…

— Да, он был прав, но лишь отчасти, поскольку я — одновременно и Легба, и Бригитта, и одна из граней того, кто заключил сделку с твоим отцом. Кто потребовал, чтобы он прочертил vivvis в твоем мозгу.

— И подсказал отцу, каким образом он сможет завершить свой биочип?

— Биочип был необходим.

— Значит, необходимо, чтобы мне снились воспоминания дочери Эшпула?

— Может быть.

— Сны были результатом наркотиков?

— Не напрямую, хотя наркотик сделал тебя более восприимчивой к одним модальностям и менее восприимчивой к другим.

— Значит, наркотик. Что это было? Каково его назначение?

— Для ответа на первый вопрос потребуется подробное описание нейрохимических реакций — это слишком долго.

— Так каково же его назначение?

— В отношении тебя?

Ей пришлось отвести взгляд от рубиновых глаз. Стены комнаты обшиты панелями из старого дерева, натертыми до мягкого блеска. На полу — ковер, вытканный чертежами электронных схем.

— Ни одна из доз не была идентична другой. Единственной постоянной оставалась субстанция, чье психотропное воздействие ты и воспринимала как "наркотика. В процесс усвоения препарата были вовлечены многие другие вещества, равно как и несколько десятков субклеточных наномеханизмов, запрограммированных на то, чтобы, переструктурировать синоптические изменения, осуществленные Кристофером Митчеллом…

Vivvis твоего отца были изменены, частично стерты, прочерчены заново…

— По чьему приказу?

Рубиновые глаза. Жемчуг и бирюза. Молчание.

— По чьему приказу? Хилтона? Это был Хилтон?

— Решение исходило от Континьюити. Когда ты вернулась с Ямайки, Континьюити настоятельно советовал Свифту вновь приучить тебя к наркотику. А Пайпер Хилл попыталась выполнить его приказ.

Энджи чувствует, как усиливается давление в голове, две

точки боли позади глаз…

— Хилтон Свифт обязан осуществлять решения Континьюити. "Сенснет" — слишком сложный организм, чтобы выжить по-другому. Континьюити же, созданный много позже небезызвестного яркого момента, принадлежит уже иному порядку. Технология биософтов, взращенная твоим отцом, вызвала к жизни Континьюити. Континьюити наивен.

— Почему? Почему Континьюити хотел этого от меня?

— Континьюити — это непрерывность. А непрерывность — удел Континьюити…[26]

— Но кто посылает сны?

— Они не посланы. Они притягивают тебя, как когда-то притягивали лоа. Попытка Континьюити переписать послание твоего отца провалилась. Некий импульс, исходящий из глубин твоей личности, позволил тебе бежать. Попытка вернуть тебя к coup-poudre не привела к успеху.

— Это Континьюити послал эту женщину, чтобы выкрасть меня?

— Мотивы Континьюити скрыты от меня. Иной порядок. Континьюити допустил совращение Робина Ланье агентами 3-Джейн.

— Но почему?

Боль позади глаз становится невыносимой.

— У нее кровь из носу течет, — сказала уличная девчонка. — Что мне делать?

— Вытереть. Заставь ее откинуться назад. Дьявол! Да займись же ты этим, мать твою…

— А что она такое говорила про Нью-Джерси?

— Заткнись. Просто помолчи. Пойди проверь сходни.

— Зачем?

— Мы едем в Нью-Джерси.

Кровь на. новой шубе. Келли будет в ярости.

37. ЖУРАВЛИ

Тик удалил маленькую пластинку с задней стороны модуля "Маас-Не-отек", использовав для этого зубочистку и ювелирные щипцы.

— Очаровательно, — пробормотал он, вглядываясь в отверстие через оптическое устройство с лампочкой для подсветки, на которое тут же свесился водопад нечесаных сальных волос. — Как это они протянули здесь проводки, не зацепив переключатель? Ловкие, ублюдки…

— Тик, — спросила Кумико, — ты познакомился с Салли, когда она в первый раз приехала в Лондон?

— Думаю, я познакомился с ней вскоре после того… — Он потянулся за мотком оптического провода. — Конечно, у нее тогда не было такого влияния.

— Она тебе нравится?

Прибор с лампочкой обратился в сторону девочки, из-за линз на нее воззрился искаженный левый глаз Тика.

— Нравится? Не знаю, так вот сразу об этом и не скажешь.

— Но ты же не станешь говорить, что она тебе не нравится?

— Чертовски сложно с ней, с этой Салли. Понимаешь, что я имею в виду?

— Сложно?

— Она так и не смогла примириться с тем, как здесь делаются дела. Все жалуется. — Его руки двигались быстро, уверенно: щипцы, провод… — Наша Англия — тихое место. Но, видишь ли, так было не всегда. У нас тоже были свои неприятности, а потом война… Здесь все происходит определенным образом, если ты меня понимаешь. Хотя нельзя сказать, что это верно для какой-нибудь показушной банды.

— Прости?

— Для типов вроде Суэйна. Впрочем, у людей твоего отца, тех, с которыми Суэйн общался раньше, похоже, есть уважение к традициям… Человек должен знать, какой путь ведет наверх… Понимаешь, о чем я говорю? Так вот, готов поручиться, эта новая афера Суэйна спутает карты всем, кто в ней не замешан. Господи, у нас же все-таки есть правительство. И им не заправляют большие компании. По крайней мере, не напрямую…

— А деятельность Суэйна угрожает правительству?

— Она его, черт побери, меняет. Наш мистер Суэйн перераспределяет власть, как ему удобно.

Информация. Власть. Компромат. Сосредоточьте достаточно такой грязи в руках одного человека… — Пока он говорил, на

щеке у него дергался нерв. Корпус Колина лежал посреди обеденного стола на белой антистатической прокладке, а Тик подсоединял торчащие из него проводки к толстому кабелю, ведущему к одному из множества модулей на стеллаже. — Ну вот, — сказал он, потирая руки, — не могу доставить его к тебе прямо в комнату, но мы доберемся до него через деку. Видела когда-нибудь киберпространство?

— Только в стимах.

— Тогда можно считать, что видела. В любом случае сейчас увидишь.

Он встал и отошел от стола. Девочка прошла за ним через комнату к паре потертых кресел с обивкой из искусственной замши, которые стояли по обеим сторонам низкого квадратного столика из черного стекла.

— Беспроволочные, — с гордостью пояснил Тик, беря со стола два набора тродов и протягивая один Кумико. — Стоили целое состояние.

Кумико рассматривала скелетообразную матово-черную тиару. На ободе между височными кругами был выдавлен логотип "Маас-Неотек". Надела, почувствовав холод пластика на коже. Тик надел свои троды и устроился в другом кресле.

— Готова?

— Да, — ответила девочка.

И комната Тика исчезла, стены развалились колодой карт, которые затем съежились и пропали в яркой решетке со встающими внутри нее геометрическими фигурами баз данных.

— Симпатичный переход, правда? — донесся до нее голос Тика. — Программка встроена в троды. Для пущего драматизма…

— Где Колин?

— Секундочку… дай-ка я его вызову…

Кумико ахнула, почувствовав, как ее уносит к равнине, сотканной из хромированного желтого света.

— Головокружение может стать проблемой, — сказал Тик, внезапно оказываясь на желтой равнине рядом с ней. Она посмотрела вниз на его замшевые туфли, потом на свои руки.

— О телесном облике, по мере возможности, заботится графическая программа, — объяснил англичанин.

— Ага, вот и он, — произнес вдруг Колин, — наш маленький человечек из "Розы и короны". Покопался в моей упаковке, да?

Кумико обернулась и увидела его здесь же. Подошвы коричневых сапог висели в десяти сантиметрах над желтой хромировкой. В киберпрос-транстве, как она успела заметить, теней не было.

— А я и не знал, что мы уже встречались, — ответил Тик.

— Не стоит беспокоиться, — сказал Колин, — это было неофициальное знакомство. Однако, — обратился он к Кумико, — я вижу, ты благополучно добралась в красочный Брикстон.

— Господи, — воскликнул Тик, — ты не можешь хотя бы наполовину прикрутить свой снобизм?

— Прошу прощения, — с усмешкой отозвался Колин, — мое предназначение — отражать ожидания гостя.

— Так вот как японские конструкторы представляют себе истинного англичанина!

— Там были Дракулы, — сказала Кумико, — в подземке. Они отобрали у меня сумочку. Хотели отобрать тебя…

— Ты вытек из своего корпуса, приятель, — сказал Тик. — А сейчас подключен через мою деку.

— Надо же, — усмехнулся Колин.

— Скажу тебе кое-что еще, — продолжал Тик, делая шаг к Колину. — Для того, чем тебе полагается быть, в тебе не совсем та информация. — Он прищурился. — Мой приятель в Бирмингеме как раз выворачивает тебя наизнанку. — Тик повернулся к Кумико: — В этом твоем мистере Чипсе кто-то покопался. Тебе это известно?

— Нет…

— Если начистоту, — сказал Колин, отбрасывая челку со лба, — что-то подобное я и подозревал.

Тик уставился невидящим взглядом в матрицу, как будто прислушивался к чему-то, чего Кумико не могла услышать.

— Да, — наконец произнес он, — хотя с почти полной уверенностью могу сказать, что это фабричная работа. Десять основных блоков в тебе, — он рассмеялся, — были закрыты льдом… Черт побери, считается, что ты знаешь все о Шекспире, верно?

— Извини, — ответил Колин, — но боюсь, черт побери, что я знаю о Шекспире действительно все.

— Прочти нам тогда какой-нибудь сонет, — предложил Тик; его лицо искривилось.

— Ты прав. — По лицу Колина пробежала тень чего-то, похожего на страх.

— И о чертовом Диккенсе тоже! — ликующе прокаркал Тик.

— Но я ведь знаю…

— Ты думаешь, что знаешь, пока тебя не спросят о чем-то конкретном! Видишь ли, они оставили эти кармашки пустыми — блоки памяти для английской литературы — и наполнили их чем-то еще…

— И чем же?

— Не знаю, — ответил Тик. — Мой приятель в Бирмингеме не

может этого расколоть. Вообще-то он паренек умный, но ты как-никак чертов биософт "Мааса"…

— Тик, — прервала его Кумико, — есть какой-нибудь способ связаться с Салли через матрицу?

— Сомневаюсь, но можно попробовать. Ты в любом случае увидишь этот макроформ, о котором я тебе рассказывал. Хочешь, прихватим с собой для компании и мистера Чипса?

— Да, пожалуйста…

— Вот и прекрасно, — сказал Тик, потом помедлил. — Но мы не знаем, чем твой дружок напичкан. Предполагаю, там что-то такое, за что заплатил твой отец.

— Он прав, — отозвался Колин.

— Мы отправимся втроем, — сказала девочка.

Тик решил осуществить переход в реальном времени, отказавшись от мгновенного перемещения, к какому обычно прибегают в матрице.

Желтая равнина, объяснил он, это крыша Лондонской фондовой биржи и связанных с ней учреждений в Сити. Тик каким-то образом сгенерировал некое подобие лодки — эта синяя абстракция, в которую они погрузились, должна была ослабить чувство головокружения. Когда синяя "лодка" заскользила прочь от Лондонской биржи, Кумико обернулась и увидела, как уменьшается огромный желтый куб. Тик, взяв на себя роль гида, указывал на различные структуры, в то время как Колин устроился по-турецки на сиденье — эта смена ролей, похоже, его забавляла.

— Вот "Уайтс"[27], — говорил Тик, обращая ее внимание на скромную серую пирамиду, — клуб на Сент-Джеймс. Банк регистрации членов, список ожидающих…

Кумико с интересом рассматривала архитектуру киберпространства, вспоминая своего французского наставника в Токио, который объяснял ей потребность человечества в таком вот информационном поле. Иконки, перекрестки линий связи, искусственные реальности… Но затем в памяти все начало расплываться — как и эти громадные геометрические фигуры, когда Тик резко увеличил скорость…

Размеры белого макроформа с трудом укладывались в голове.

Первоначально он казался Кумико подобным небу, но теперь, глядя на него издали, она воспринимала его как нечто иное, как что-то, что можно взять в руку, — цилиндр из светящегося жемчуга не выше шахматной пешки. Однако громоздящиеся кругом разноцветные фигуры превращались рядом с ним в ничтожных карликов.

— А вот это действительно необычно, — бросил небрежно

Колин. — Поистине аномальное явление, единственное в своем роде.

— Тебе-то что об этом беспокоиться? Или все же есть причины? — поинтересовался Тик.

— Только если это не имеет прямого отношения к Кумико, — ответил Колин, вставая в "лодке". — Хотя как можно быть уверенным?

— Ты должен попытаться связаться с Салли, — нетерпеливо напомнила Кумико. Эта штука — макроформ, аномалия — не вызывала у девочки особого интереса, хотя и Тик и Колин относились к ней как к чему-то сверхординарному.

— Посмотри на него, — сказал Тик. — Возможно, там, черт побери, целый мир…

— И ты не знаешь, что это? — Девочка присмотрелась к Тику, во взгляде которого появилось знакомое отстраненное выражение, что означало, что где-то там, в Брикстоне, его пальцы порхают над декой.

— Это очень, очень большой сгусток данных, — сказал Колин.

— Я только что попытался протянуть ниточку к тому конструкту, которого Салли называет Финном, — сказал Тик; взгляд его потерял рассеянность, но в голосе появились нотки озабоченности. — Однако не смог прорваться. У меня возникло нехорошее чувство, как будто там кто-то есть… ждет чего-то. Пожалуй, нам лучше бы сейчас отключиться…

На жемчужной поверхности колонны возникла черная точка, выросла в четко очерченный круг…

— Чтоб мне провалиться, — выдохнул Тик.

— Оборви связь, — бросил Колин.

— Не могу! Нас зацепили…

На глазах у Кумико синий силуэт "лодки" под ней вытянулся, превращаясь в лазурную дорожку, ведущую к круглому оку тьмы. Потом… мгновение абсолютной отчужденности, пустоты, — и Кумико вместе с Тиком и Колином была затянута в клубящийся мрак…

…и оказалась в парке Уэно. Над неподвижными водами пруда Синобацу повис осенний вечер. Рядом с ней на полированной скамейке из холодных полиуглеродных брусков сидит мать, сейчас она гораздо красивее, чем в воспоминаниях. Ее полные губы светятся яркой помадой, нанесенной лучшими, тончайшими кисточками, с которыми Кумико не раз играла в детстве. На матери знакомая французская черная куртка с поднятым воротником, темный мех обрамляет ее приветливую улыбку.

Кумико могла только смотреть перед собой, сжавшись в

комок на скамейке и чувствуя под сердцем ледяной пузырь страха.

— Какая ты у меня глупая, Кумико, — сказала мать. — Как ты могла вообразить, что я забуду тебя и брошу посреди зимнего Лондона на милость гангстерам, прислуживающим твоему отцу?

Кумико смотрела, как шевелятся совершенные губы, чуть приоткрывая белые зубы — девочка знала, что за этими зубами следил самый лучший дантист Токио.

— Ты умерла, — услышала она свой голос.

— Нет, — улыбнулась мать, — не сейчас. И не здесь, в парке Уэно. Посмотри на журавлей, Кумико.

Но Кумико даже не повернула голову.

— Посмотри на журавлей.

— Отвали, ты, — сказал Тик.

Кумико резко обернулась. Он был тоже здесь, в парке. Его бледное лицо было перекошено и лоснилось от пота, сальные волосы прилипли ко лбу.

— Я — ее мать.

— Она не твоя мама, понимаешь? — Тика трясло, все его искривленное тело вздрагивало, как будто он заставлял себя идти наперекор ужасному ветру. — Не… твоя… мама…

Под мышками серого пиджака проступили темные полумесяцы. Маленькие кулачки ходили ходуном, а он все силился сделать следующий шаг.

— Ты болен, — сказала мать Кумико сочувственным тоном. — Тебе стоит прилечь.

Тик упал на колени, придавленный к земле невидимой тяжестью.

— Прекрати! — закричала Кумико. Что-то с силой вдавило лицо Тика в пастельный бетон дорожки.

— Прекрати!

Левая рука человечка взлетела от плеча вертикально вверх и начала медленно вращаться, кисть по-прежнему оставалась сжатой в кулак. Кумико услышала, как что-то хрустнуло — кость или, может быть, сустав, — и Тик закричал.

Ее мать рассмеялась.

Кумико ударила мать по лицу. Удар отозвался в ее руке резкой и очень реальной болью.

Лицо матери дрогнуло, превращаясь в чье-то чужое. Лицо гайдзинки с широким ртом и тонким, острым носом.

Тик застонал.

— Чудесная картинка, доложу я вам, — раздался вдруг голос Колина.

Кумико повернулась и увидела его сидящим верхом на

лошади с охотничьей литографии — на стилизованном графическом воспроизведении вымершего животного. Грациозно выгнув шею, лошадь подошла ближе.

— Простите, что задержался. Мне потребовалось некоторое время, чтобы отыскать вас. Это — восхитительно сложная структура. Что-то вроде карманной Вселенной. Я бы сказал: тут всего понемножку. — Он натянул поводья.

— Игрушка, — сказало нечто с лицом матери Кумико, — как ты смеешь разговаривать со мной?

— По правде говоря, смею. Вы — леди 3-Джейн Тессье-Эшпул, или, точнее, бывшая леди 3-Джейн Тессье-Эшпул, до недавних пор жившая на вилле "Блуждающий огонек", а совсем недавно безвременно ушедшая из жизни. А эту довольно удачную декорацию токийского парка вы только что выудили из воспоминаний Кумико, не так ли?

— Умри! — Женщина выбросила вверх белую руку, с ее ладони вспорхнула фигурка, сложенная из листка неона.

— Нет, — сказал Колин, и журавлик распался; призрачные обрывки пронеслись сквозь Колина и растаяли. — Не выйдет. Извините. Я вспомнил, что я такое. Нашел те байты, которые были запрятаны в блоках для Шекспира, Теккерея и Блейка. Я был модифицирован специально для того, чтобы помогать советом и защищать Кумико в ситуациях гораздо более опасных, чем те, какие только могли вообразить мои первоначальные конструкторы. Я — тактическое устройство.

— Ты — ничто. У ее ног зашевелился Тик.

— Боюсь, вы ошибаетесь. Видите ли, 3-Джейн, здесь, в этом вашем… капризе, я столь же реален, как и вы. Понимаешь, Кумико, — сказал он, спрыгивая с седла, — загадочный макроформ Тика — на самом деле куча мала очень дорогих биочипов, соединенных в определенном порядке. Что-то вроде игрушечной Вселенной. Я пробежался по ней вверх-вниз, и здесь, безусловно, многое стоит посмотреть, многому поучиться. Эта… женщина — скажем так, если уж мы решили относиться к ней как к человеку, — создала ее в трогательном стремлении — о нет, даже не к бессмертию, а просто чтобы сделать все по-своему. Подчинить все своим узким, навязчивым и исключительно ребяческим желаниям. И кто бы мог подумать, что предметом жесточайшей и так мучительно снедающей ее зависти станет Анджела Митчелл?

— Умри! Ты умрешь! Я тебя убиваю! Сейчас же!

— Попытайтесь еще раз, — предложил Колин и усмехнулся. — Видишь ли, Кумико, 3-Джейн знала о тайне Митчелл, о тайне ее взаимоотношений с матрицей. Было время,

когда Митчелл обладала потенциалом… ну… она могла стать центром всего… Впрочем, эта история не стоит того, чтобы в нее вдаваться. А З-Джейн просто ревновала…

Фигура матери Кумико качнулась дымком и растаяла.

— О, дорогая, — сказал Колин, — боюсь, я утомил нашу леди. Наша с ней пикировка — нечто вроде позиционной войны; только на уровне командных программ. Ситуация патовая. Разумеется, временно; я уверен, она без труда оправится…

Тик тем временем поднялся на ноги и принялся осторожно массировать руку.

— Господи, — выдохнул он, — я уже было решил, что она мне ее оторвала.

— Она это и сделала, — сказал Колин, — но, уходя, так злилась, что позабыла сохранить эту часть конфигурации.

Кумико, сделав несколько шагов, подошла к лошади. Вблизи она и вовсе не походила на настоящую. Девочка коснулась лошадиного бока. Холодный и сухой, как старая бумага.

— И что нам теперь делать?

— Убираться отсюда. Пойдемте, вы, оба. По коням! Кумико — вперед. Тик — назад. Тик с сомнением поглядел на лошадь:

— Сесть на это?

Больше в парке Уэно они никого не видели, хотя и скакали какое-то время в сторону зеленой стены, постепенно приобретавшей черты очень не японского леса.

— Но мы же должны быть в Токио, — запротестовала Кумико, когда они въехали в лес.

— Здесь все обрывками, — сказал Колин, — хотя вполне могу представить, что если поискать, то отыщется и какой-нибудь Токио. Однако, думается, я знаю точку выхода…

Тут он стал рассказывать ей о З-Джейн, о Салли, об Анджеле Митчелл. И все это было очень странным.

На дальней стороне леса деревья казались просто огромными. Наконец они выехали на поле, заросшее высокой травой и полевыми цветами.

— Смотрите, — сказала Кумико, увидев сквозь ветви высокий серый дом.

— Да, — отозвался Колин, — оригинал находится где-то на окраине Парижа. Но мы почти на месте. Я имею в виду точку выхода…

— Колин! Ты видел? Женщина. Вон там…

— Да, — сказал он, не давая себе труда повернуть голову, — Анджела Митчелл…

— Правда? Она здесь?

— Нет, — ответил он, — пока еще нет. И тут Кумико увидела

планеры. Очаровательные, похожие на стрекоз конструкции подрагивали на ветру.

— Вам туда, — сказал Колин. — Тик отвезет тебя назад на одном из…

— Да ни за что, — запротестовал сзади Тик.

— Это ведь очень просто. Как будто работаешь с декой. Что в данном случае одно и то же…

С Маргейт-роуд прилетели раскаты смеха и пьяные голоса, за которыми последовал звон бутылки, разбившейся о кирпичную стену.

Зажмурив глаза, Кумико неподвижно сидела в кресле и вспоминала, как планер взмыл в голубое небо и… и что-то еще.

Зазвонил телефон.

Глаза девочки тут же распахнулись.

Выпрыгнув из кресла, она промчалась мимо Тика, оглядела стеллажи с оборудованием в поисках телефона. Нашла его наконец и…

— Домосед, а, домосед, — сказала Салли издалека; ее голос пробивался сквозь мягкий прибой статики, — что там у вас, черт возьми, происходит? Тик? С тобой все в порядке, приятель?

— Салли! Салли, где ты?

— В Нью-Джерси. Эй. Детка? Детка, что происходит?

— Я не вижу тебя, Салли! Экран пустой!

— Я звоню из автомата. Из Нью-Джерси. Что у вас случилось?

— Мне столько нужно тебе рассказать…

— Давай, — сказала Салли, — это ведь моя монетка.

38. ВОЙНА НА ФАБРИКЕ (2)

Из высокого окна в дальнем конце чердака было хорошо видно, как горит ховер. Тут до Слика донесся все тот же многократно усиленный голос:

— Вы думаете, это чертовски весело, а? Ха-ха-ха, и мы того же мнения! Мы думаем: в вас, ребята, просто тонны сраного веселья, так что давайте теперь повеселимся вместе!

Ничего не видно, только пламя над ховером.

— Мы просто уйдем, — сказала Черри у него за спиной, — возьмем воду, какую-нибудь еду, если она у вас есть. — Глаза у нее были красные, лицо залито слезами, но голос звучал спокойно. Слишком спокойно, на взгляд Слика. — Давай, Слик, что нам еще остается?

Слик обернулся к Джентри, ссутулившемуся на своем стуле перед проекционным столом. Сжимая руками виски, тот вглядывался в белую колонну, вздымающуюся посреди привычной радужной путаницы киберпространства Муравейника. С тех пор как они вернулись на чердак, Джентри ни разу не пошевелился, даже слова не произнес. Каблук левого ботинка Слика оставлял на полу нечеткие темные следы — кровь Пташки; он наступил в лужу, когда они пробирались через цех Фабрики.

— Не смог сдвинуть с места остальных, — сказал вдруг Джентри, глядя на лежащий у него на коленях пульт дистанционного управления.

— Просто у каждого свой пульт, — ответил Слик.

— Пора спросить совета у Графа, — сказал Джентри, бросая пульт Слику.

— Я туда не пойду, — ответил Слик. — Иди сам.

— Нет необходимости, — отозвался Джентри, набирая что-то на встроенной в верстак клавиатуре. На мониторе возникло лицо Бобби Графа.

Глаза Черри широко распахнулись.

— Да скажите же ему, — начала она, — что ему скоро хана. Так и будет, если его не отсоединить от матрицы и не отправить прямиком в реанимацию. Он умирает.

Лицо Бобби на мониторе застыло. За его спиной резко обозначился фон: шея чугунного оленя, высокая трава с пятнами белых цветов, толстые стволы старых деревьев.

— Слышишь, ты, сукин сын? — заорала Черри. — Ты умираешь! В легких у тебя все больше и больше жидкости, кишечник не работает, сердце летит ко всем чертям… От одного твоего вида меня блевать тянет.

— Джентри, — сказал Бобби; его голос из крохотного динамика в боковой панели монитора был едва слышен, — я не знаю, какой тут у вас расклад, ребята, но я организовал небольшую диверсию.

— Мы так и не проверили мотоцикл. — Черри обняла Слика за плечи. — Даже не пошли посмотреть. Может, он на ходу.

— Что это значит — "организовал небольшую диверсию"? — освобождаясь от ее рук, спросил Слик и уставился в монитор.

— Я еще работаю над этим. Я ввел новый маршрут в программу автоматического грузовоза "Борг-Уорд", который недавно вылетел из Ньюарка.

Слик оторвался от Черри.

— Ну что ты сидишь, сделай хоть что-нибудь! — заорал он Джентри.

Тот поднял глаза, но в ответ лишь медленно покачал головой. Слик почувствовал первые признаки приближающегося синдрома Корсакова — отшелушиваясь, теряли очертания и исчезали крохотные частички памяти.

— Он не хочет никуда идти, — ответил за ковбоя Бобби. — Он нашел Образ. А теперь просто хочет посмотреть, во что все это выльется. Каков будет конец. Есть люди, которые едут к вам. В некотором смысле друзья. Они освободят вас от "алефа". А я пока по возможности займусь этими сукиньми детьми.

— Не собираюсь я тут торчать, чтобы смотреть, как ты подыхаешь! — взвыла Черри.

— А тебя никто и не просит. Мой вам совет — выбирайтесь отсюда. Дайте мне двадцать минут, и я отвлеку их от вас.

Никогда еще Фабрика не казалась такой пустой.

Пташка лежит где-то в цеху у стены. Слик не переставал думать о спутанном ожерелье из ремешков и косточек у него на груди: перышки и разнокалиберные ржавые часики — все давно стоят, все показывают разное время… Дурацкое захолустное дерьмо. Но Пташки больше нет. "Пожалуй, и меня скоро не будет", — подумал он, ведя Черри по шаткой лестнице. Все не так, как раньше. И нет времени вывезти автоматы — во всяком случае, без платформы и чьей-нибудь помощи не обойтись; он уже решил, что если уйдет, то сюда больше не вернется. Фабрике и так уже никогда не стать прежней.

Черри несла пластиковую канистру с четырьмя литрами фильтрованной воды, сетку с нечищеным арахисом и пятью упаковками сухого супа "Биг-Гинза" — это было все, что ей удалось разыскать на кухне. У Слика было два спальных мешка, фонарик и молоток.

Кругом было тихо, только ветер гремел рифленым металлом

и шаркали по бетону их башмаки.

Слик и сам в точности не знал, куда он пойдет. Думал, что отведет Черри до фермы Марви и оставит ее там. Сам же, наверное, вернется, чтобы посмотреть, что случилось с Джентри. А она через день-другой найдет кого-нибудь, кто подвезет ее до любого городка Ржавого Пояса. Сама она, правда, про это еще не знает. Единственное, о чем она способна сейчас думать, — как отсюда убраться. Ее, похоже, одинаково пугала перспектива увидеть как смерть Бобби Графа, так и тех людей, что окружили Фабрику. Но Слик ясно видел, что Бобби все равно нет дела до того, умрет он или нет. Возможно, Бобби решил, что он просто останется в "алефе", как и 3-Джейн. Или ему вообще на все наплевать; бывает, что с ума сходят и так.

Если он собирается уходить насовсем, думал Слик, свободной рукой направляя Черри через темноту, нужно бы пойти глянуть на прощание на Судью, на Ведьму, на Трупожора, на обоих Следователей. Правда, тогда ему придется сначала вывести Черри, потом вернуться… Но даже думая об этом, он знал, что это бессмысленно, что нет времени, что ее в любом случае нужно вывести…

— Здесь в стене, у самого пола, есть дыра, — объяснил он девушке. — Если мы выскользнем через нее, есть шанс, что нас никто не заметит…

Когда он свернул в темноте, она сжала его руку.

Отверстие Слик отыскал на ощупь, просунул спальные мешки, молоток заткнул за пояс, лег на спину и стал протискиваться в дыру, пока голова и плечи не оказались снаружи. Небо висело низко, оно казалось лишь чуть-чуть светлее, чем тьма внутри Фабрики.

Ему подумалось, что он слышит слабое бормотание моторов, но потом и оно смолкло.

Упираясь каблуками, плечами, бедрами, он наконец пропихнулся наружу и сразу же перекатился по снегу.

Что-то ткнулось ему в ногу: это Черри выталкивала канистру с водой. Слик протянул за канистрой руку, и на тыльной стороне его ладони тут же загорелся красный светлячок. Отпрянув, Слик снова перекатился. Пуля, как гигантский кузнечик, ударилась в стену Фабрики.

И тут в небе вспыхнула осветительная ракета. Пробиваясь сквозь низкие тучи, Пустошь залил яркий белый свет. И сразу стало видно, что на Пустошь, раздув серые бока, опускается беспилотный грузовоз — отвлекающий маневр Бобби. Вот фары грузовоза высветили второй ховер в тридцати метрах от Фабрики, фигуру в капюшоне и с винтовкой…

Первый контейнер с грохотом ударился о землю прямо перед ховером и раскололся, выбросив вверх облако упаковочных пенопластовых шариков. Второй, с двумя холодильниками, возместил неудачу прямым попаданием, смяв ховеру кабину. Превратившееся в бомбардировщик воздушное судно "Борг-Уорд" продолжало изрыгать контейнеры, а ракета, кружась, опустилась на землю и погасла.

Слик продрался обратно сквозь отверстие в стене, бросив воду и спальные мешки.

Бегом в темноту.

Он потерял Черри. Потерял молоток. Девушка, должно быть, убежала в глубь Фабрики, когда человек в капюшоне сделал свой первый выстрел. Он же и последний, если стрелок угодил под рухнувший с небес контейнер…

Ноги сами собой привели Слика к пандусу, ведущему в каморку, где ждали его машины.

— Черри?

Он включил фонарик.

В круге света возник однорукий Судья. А перед Судьей стояла фигура с отбрасывающими свет зеркалами на месте глаз.

— Сдохнуть хочешь? — спросил женский голос.

— Нет…

— Гаси свет. Темно. Бежать…

— Я вижу и в темноте. Ты только что засунул свой фонарик в карман куртки. И вид у тебя такой, будто тебе все еще хочется побегать. Ты у меня на мушке.

Бежать?

— И не думай об этом. Видел когда-нибудь игольник "Фудзивара Эйч-Хи"? Стоит игле попасть во что-то твердое, она взрывается. А если попадет в мягкое — например, в тебя, Приятель, — войдет внутрь и тоже взорвется. Через десять секунд.

— Почему?

— Чтобы у тебя было время над этим подумать.

— Ты с теми парнями, что снаружи?

— Нет. Это вы сбросили на них печки и прочую срань?

— Нет.

— Значит, Ньюмарк. Бобби Ньюмарк. Сегодня вечером я заключила сделку. Я сведу кое-кого с Бобби Ньюмарком, и досье на меня испарится. А ты мне покажешь, где найти этого Ньюмарка.

39. СЛИШКОМ МНОГО ВСЕГО

И что же это, в конце концов, за место такое?

Дошло уже до того, что Мона перестала находить утешение в воображаемых советах Ланетты. Окажись Ланетта в подобной ситуации, решила Мона, она просто глотала бы черный "мемфис"[28] горстями до тех пор, пока не почувствовала бы, что все их проблемы ей до лампочки. У мира никогда еще не было так много движущихся частей и так мало этикеток для них.

Они ехали всю ночь, Энджи по большей части — в отключке. Теперь Мона определенно была готова поверить болтовне о наркотиках — актриса все говорила и говорила… на разных языках, разными голосами. И это было хуже всего — голоса, потому что они обращались к Молли, дразнили ее, вызывали на что-то, а она им отвечала, не отрывая глаз от дороги, и совсем не так, как если бы разговаривала с Энджи, стараясь успокоить ее, а скорее — будто тут действительно был кто-то другой. Голосов, которыми говорила Энджи, было три, не меньше. Самой Энджи это причиняло явную боль, у нее деревенели мускулы и шла носом кровь. Мона сидела, наклонившись над ней, и промакивала кровь, переполненная странной смесью страха, любви и жалости к королеве своих снов — а может, это просто действовал "магик". Но в бело-голубом мигании огней на трассе Мона видела свою собственную руку рядом с рукой Энджи, и они вовсе не были одинаковыми, даже форма была другая, и это ее радовало.

Первый голос пришел, когда они ехали на юг, уже после того, как Молли привезла Энджи в вертолете. Этот только шипел и скрипел и раз за разом повторял что-то о Нью-Джерси и какие-то цифры, вроде бы обозначения на карте. Часа два спустя Молли завела ховер на стоянку отдыха дальнобойщиков и сказала, что они в Нью-Джерси. Здесь она вышла и отправилась звонить — надолго — из автомата с заиндевевшими от мороза стеклами. Когда Молли наконец вернулась, Мона увидела, как она швырнула телефонную карточку из окна прямо в застывшую на морозе грязь — выбросила и все. Мона спросила, кому она звонила, а та сказала, что в Англию.

Мона тогда увидела руку Молли на рулевом колесе — на темных ногтях проступили желтоватые крапинки; такие возникают, когда отдираешь искусственные ногти. Нужно бы сначала обработать их растворителем, подумала Мона, а потом лечебной мазью.

Где-то за рекой они съехали с трассы. Деревья, поле, двухполосное шоссе, временами — одинокий красный фонарь

высоко на какой-нибудь вышке. Вот когда стали приходить другие голоса. И пошло: туда-сюда, туда-сюда. Голоса, потом Молли, опять голоса, опять Молли. Если разговор что-то и напоминал, так это попытки Эдди заключить сделку, только Молли умела это делать гораздо лучше, чем он. Даже не понимая, о чем идет речь, Мона была уверена, что Молли вот-вот своего добьется. Но она, Мона, просто не в состоянии это выдерживать, ей не вынести… присутствия этих голосов. Когда они приходили, ей хотелось забиться в угол как можно дальше от Энджи. Хуже всего был тот, кого звали Сам-Эдди — или что-то вроде того. Все голоса требовали, чтобы Молли отвезла Энджи куда-то ради чего-то, что они называли свадьбой. Тут Мона задумалась, не замешан ли здесь как-то Робин Ланье. Скажем, если Энджи и Робин собираются пожениться, то это просто безумная выходка, авантюра, в какие пускаются все звезды, чтобы заключить брак. Правда, ей никак не удавалось заставить себя поверить в это, и каждый раз, когда возвращался голос этого Сам-Эдди, волосы у Моны вставали дыбом. Однако она сообразила, что именно пытается выторговать Молли. Молли хотела, чтобы все файлы с информацией о ней — где бы они ни находились — были вычищены, стерты. Мона с Ланеттой смотрели как-то фильм о девчонке, у которой было десять или двенадцать личностей, проявляющихся по очереди. Скажем, если одна была скромной малышкой, то другая — прожженной шлюхой, но в фильме ничего не говорилось о том, что какая-то из этих личностей была способна стереть досье на себя в полиции.

Потом свет фар выхватил из темноты занесенную снегом равнину и низкие холмы цвета ржавчины — там, где ветер сдул белизну.

В ховере имелась небольшая электронная карта, какие бывают в такси или у дальнобойщиков, но Молли ее не включала, кроме одного раза — чтобы поискать цифры, которые называл ей голос. Через некоторое время Мона поняла, что именно Энджи указывает Молли, куда ехать, или, во всяком случае, это делают страшные голоса. Моне сильно хотелось, чтобы поскорее настало утро… Однако ночь еще не кончилась, когда Молли, погасив свет и прибавив скорость, понеслась сквозь тьму…

— Свет! — крикнула Энджи.

— Расслабься, — ответила Молли. Мона вспомнила, как легко и ловко она двигалась в темноте у Джеральда. Тут ховер немного притормозил, вписался в длинный поворот и затрясся на неровной почве. Огоньки на приборном щитке погасли, будто вырубились все приборы.

— А теперь ни звука, ясно? Ховер снова набрал скорость.

Высоко в небе загорелся ослепительный белый огонь. Мона углядела за окном какой-то вращающийся падающий предмет, а над ним — что-то еще… похожее на серую луковицу…

— Вниз! Да пригни же ты ее!

Мона дернула застежку ремня безопасности Эн-джи как раз тогда, когда что-то врезалось ховеру в бок. Она столкнула Энджи на пол и накрыла ее шубой. А потом Молли резко свернула влево, и ховер пронесся мимо чего-то, что Мона никогда еще в жизни не видела. Мона глянула вверх: на долю секунды появилось в призрачном свете большое полуразрушенное черное здание, над распахнутыми настежь воротами горела единственная белая лампочка. И вот они уже проскочили в эти ворота, турбина взвыла на задней передаче.

Удар, скрежет.

— Просто не знаю, — сказал голос, а Мона подумала: "Ну я-то знаю, каково это".

Тут голос рассмеялся и все никак не мог остановиться. Смех то слышался, то пропадал, то слышался, то пропадал, как будто кто-то включал и выключал звук. И смех был уже вовсе не похож на смех, когда Мона открыла глаза.

Над ней сидела девушка с маленьким фонариком в руке, такой Ланетта обычно хранила на брелке для ключей. Силуэт девушки был неотчетлив, луч уперся в расслабленное лицо Энджи. Девушка перевела взгляд на Мону, увидела, что та смотрит в ответ, и похожий на смех звук прекратился.

— Кто вы такие, черт побери?

Свет бил Моне в глаза. Выговор кливлендский. Упрямое лисье личико под растрепанными обесцвеченными волосами.

— Мона. А ты кто? — Но тут она увидела молоток.

— Черри…

— А молоток зачем?

— Кто-то охотится за мной и Сликом. — Черри перевела взгляд на молоток, потом снова подозрительно посмотрела на Мону. — Это не вы?

— Вряд ли.

— Ты на нее похожа. — Свет скользнул по лицу Энджи.

— Не моих рук дело. Во всяком случае, раньше я выглядела иначе.

— Вы обе выглядите как Энджи Митчелл.

— Да. Это она и есть.

Черри передернуло. На ней было три или четыре кожаные куртки, полученные от различных дружков — таков был кливлендский обычай.

— В этот высокий замок, — раздался изо рта Энджи голос,

густой и тяжелый, как грязь.

Выронив от изумления молоток, Черри въехала головой в крышу машины.

— Моя лошадь теперь идти, — продолжал голос. В мечущемся луче фонарика Черри они увидели, как на лице Энджи задергались мускулы.

— Что вы медлите здесь, маленькие сестры, теперь, когда все готово к свадьбе?

Лицо Энджи расслабилось, превратилось в ее собственное, и из левой ноздри побежала тоненькая струйка ярко-алой крови. Энджи открыла глаза, поморщилась от резкого света.

— Где она? — спросила она Мону.

— Ушла, — ответила Мона. — Сказала мне оставаться с тобой…

— Кто? — спросила Черри.

— Молли. Она была за рулем…

Черри хотела найти кого-то по имени Слик. Мона хотела, чтобы вернулась Молли и сказала ей, что делать. Но Черри трясло от одной мысли о том, чтобы остаться здесь, в бывшем цеху; она сказала: это из-за людей снаружи, у них — пушки. Мона вспомнила звук, когда что-то ударило в бок ховера. Забрав у Черри фонарик, она повернулась к дверце. В правом борту оказалась дырка как раз такого размера, чтобы Мона смогла просунуть в нее палец, а в левом нашлась еще одна, но уже больше — в два пальца.

Черри сказала, что им лучше подняться наверх — туда, куда, наверное, ушел Слик, — пока эти люди не решили войти внутрь. Особой уверенности Мона не испытывала.

— Давайте же, — торопила Черри. — Слик, наверное, наверху, у Джентри и Графа…

— Что ты сейчас сказала? — Это был голос Энджи, точно такой, как в стимах.

Ладно бы пушки, но когда они выбрались из ховера, на Фабрике оказалось чертовски холодно, а Мона была по-прежнему без чулок. Но — наконец-то! — завязался рассвет: серым на черном стали вырисовываться прямоугольники — скорее всего, окна. Девушка по имени Черри вела их, по ее словам, куда-то "наверх", отыскивая себе дорогу краткими вспышками фонарика, сразу за ней шла Энджи, Мона же завершала процессию.

Тут она зацепилась за что-то каблуком. Шорох. Наклонившись, чтобы отцепить эту дрянь, Мона обнаружила, что на ощупь это напоминает пластиковый пакет. Липкий. Внутри мелкие твердые штучки. Она глубоко вдохнула и выпрямилась, засунув пакет в боковой карман куртки Майкла.

А потом они долго взбирались по узким лестницам, круто уходящим вверх. Мех Энджи обметал руку Моны на шершавых и холодных перилах. Площадка, поворот, еще один пролет лестницы, еще площадка, снова лестница. Откуда-то потянуло холодом.

— Здесь что-то вроде моста, — сказала Черри. — Идти по нему нужно быстро, ладно? Потому что он вроде как… ну… уходит из-под ног…

А вот это было уже совсем неожиданно: и странная белая комната с высоким потолком, и провисающие полки, набитые растрепанными выцветшими книгами (Мона сразу же вспомнила о старике), и нагромождение каких-то консолей с извивающимися повсюду кабелями, и этот худой человек в черном — глаза горят, а волосы сзади затянуты в хвост, который в Кливленде называют "бойцовая рыбка", — и этот безумный смех, когда он увидел их, и еще этот мертвый парень.

Мона и раньше видела мертвецов, видела достаточно часто, чтобы распознавать их с первого взгляда. У смерти есть свой цвет. Время от времени во Флориде кто-нибудь лежал на куске картона на боковой дорожке возле сквота. Просто лежал и не поднимался. Одежда и кожа приобретали оттенок пыльной дорожки, и все же оттенок этот становился совсем другим, когда эти овощи наконец отдавали концы. Тогда приезжал белый фургон. Эдди говорил, что это потому, что, если их не забрать, их раздует. Как кошку, которую как-то видела Мона. Кошка вздулась, как баскетбольный мяч, лежала на спине, лапы и хвост торчали во все стороны, как твердые палки — Эдди это еще насмешило.

А теперь смеялся этот вот парень, явно пребывавший под "магиком" — уж Мона-то знала, что означает подобный взгляд, — и Черри издала сдавленный звук, похожий на стон, а Энджи так просто застыла у двери.

— Тихо, все, — услышала Мона знакомый женский голос и обернулась.

В дверном проеме с небольшой пушкой в руке появилась Молли, а за плечом у нее образовался огромный парень с грязными волосами, выглядевший тупым, как пень.

— Постойте-ка смирно, пока я не разберусь, кто тут кто.

Худой в ответ только рассмеялся.

— Заткнись, — рассеянно бросила Молли, будто думала о чем-то другом.

Она выстрелила, даже не посмотрев на пушку. Синяя вспышка на стене прямо над головой у худого и звон у Моны в ушах.

Худой свернулся калачиком на полу, зажав голову между

колен.

Энджи подходит к носилкам, где лежит мертвый парень, глаза ее закатились, так что видны одни лишь белки. Медленно-медленно. Будто движется под водой… И на лице такое странное выражение..

Рука Моны в кармане куртки что-то нащупывала сама по себе. Вертела, сжимала подобранный по дороге "зиплок", говорила ей, что в нем… "магик".

Она вытащила пакет — и вправду "магик". Сам пакет — липкий от подсыхающей крови. Три кристалла внутри и еще какие-то дермы.

Мона сама не знала, почему она вытащила его именно в этот момент, разве что потому, что все замерли без движения.

Худой с "бойцовой рыбкой" уже сидел, но оставался на своем месте. Энджи склонилась над носилками, но, похоже, вообще не обратила внимания на мертвого, а вперилась взглядом в серый ящик, присобаченный к подобию рамы в изголовье. Черри из Кливленда вжалась спиной в полки с книгами и пыталась затолкать себе в рот костяшки сжавшихся в кулак пальцев. Большой парень просто стоял рядом с Молли, которая, склонив голову набок, будто к чему-то прислушивалась.

Ну кто может такое выдержать!

Стол был накрыт каким-то стальным листом. На столе под тяжелым бруском из металла — пыльная стопка распечаток. Мона рядком, как пуговицы, выдавила все три кристалла, подняла этот брусок и — раз, два, три — разбила их в пыль. Сработало: все уставились на нее. Все, кроме Энджи.

— Извините, — услышала Мона собственный голос, сметая желтую горку пыли на раскрытую в ожидании левую ладонь. — Вот как это… — Она зарылась носом в горку и вдохнула. — Иногда, — добавила она и вдохнула остатки.

Никто не сказал ни слова.

И снова — в центре тишины. Точно так же, как это было до "магика".

"Это происходит так быстро, что остается на месте".

Вознесение. Вознесение грядет.

Так быстро, что остается на месте, и она даже может вспомнить последовательно все, что произошло дальше. Сперва — гулкие раскаты смеха, "ХА-ХА-ХА", которые совсем не похожи на смех. Нет, это просто голос, пропущенный через громкоговоритель. Из-за двери. С того самого подвесного моста. И Молли разворачивается — плавно, грациозно, стремительно — и все это так, как будто спешить ей некуда. Щелкает, как зажигалка, ее маленькая пушка.

Потом — синяя вспышка снаружи, и в большого парня из-за двери вдруг летят брызги крови, и со скрежетом рвется старый металл, и Черри начинает кричать еще прежде, чем подвесной мост с громким рок-н-ролльным звуком ударяется о бетонный пол в темном цеху — там, где Мона нашла окровавленный пакет с "магиком".

— Джентри, — говорит кто-то, и тут она видит небольшой экран на столе, а на нем молодое лицо, — подсоедини ко мне пульт управления, который ты взял у Слика. Они — в здании.

Парень с "бойцовой рыбкой" с трудом поднимается на ноги и начинает возиться с проводами и консолями.

А Мона способна только смотреть, потому что внутри у нее так тихо, а все вокруг так интересно.

Смотрит, как большой парень, вдруг очнувшись, издает жуткий вопль и подбегает с криком: "Они мои, мои!.." Смотрит, как лицо на экране говорит: "Да ладно тебе, Слик, на самом деле они тебе уже не нужны…"

Затем где-то там, внизу, включается мотор, и Мона слышит сперва стрекот и перестук, а потом вдруг кто-то в цеху начинает орать нечеловеческим голосом.

И вот уже в высоком узком окне встает солнце. Мона незаметно переходит к окну и выглядывает наружу. На широкой ржавой равнине — что-то вроде фургона или ховера, только он погребен под горой не то холодильников, не то… да-да, новехонькие холодильники… и разломанные пластиковые клети вокруг… и еще кто-то в камуфляже — лежит, уткнувшись лицом в снег, а дальше, за ним — еще один ховер, но тот, похоже, сгорел дотла.

Как интересно!

40. РОЗОВЫЙ АТЛАС

Энджи Митчелл воспринимает эту комнату и находящихся в ней людей словно сквозь голографическую проекцию скользящих в воздухе символов. Будто бы эти данные представляют собой различные точки зрения, хотя кому или чему они принадлежат, Энджи в большинстве случаев испытывает сомнение. Временами эти данные совпадают, но столь же часто и противоречат друг Другу.

Мужчина с неряшливым хвостом светлых волос и в расшитой черными бусинами кожаной куртке — это Томас Трэйл Джентри (сквозь нее каскадом течет информация о его рождении и цифры ГРЕХа), постоянного местожительства не имеет (в то же время другой источник сообщает ей, что эта комната принадлежит ему). В сером слое официальных данных обнаруживаются бледно-розовые мраморные прожилки неоднократных подозрений Ядерной Комиссии в коммунальном мошенничестве. И вот Энджи видит его совсем в ином свете: он похож на ковбоев, с которыми ее познакомил Бобби; несмотря на молодость, этот Джентри совсем такой же, как те старики из "Джентльмена-Неудачника". Он — самоучка, эксцентрик, одержимый; по его собственному мнению — ученый; он — лунатик, безумец, виновный (с точки зрения Маман, с точки зрения Легбы) в бесчисленных ересях. Леди 3-Джейн согласно своей эксцентричной классификации определила его как "АРТЮРА РЕМБО". (Отталкиваясь от этого имени, Энджи видит, как вспышку, еще одно лицо, но того зовут Ривьера, это второстепенный персонаж ее снов.) Молли преднамеренно оглушила этого Джентри; всадив иглу из игольника в восемнадцати сантиметрах от его черепа.

У Молли, как и у девочки Моны, ГРЕХа нет, ее рождение не зарегистрировано, и тем не менее вокруг ее имени (имен) роятся мириады предположений, слухов, противоречащих друг другу сведений. Уличная девчонка, проститутка, телохранитель, наемный убийца, она на различных уровнях сливается с тенями героев и злодеев, чьи имена ничего не говорят Энджи, хотя остаточные их образы уже давно вплетены в ткань мировой культуры. (Раньше все это тоже принадлежало 3-Джейн, а теперь принадлежит ей, Энджи.)

Молли только что убила человека, всадив ему в горло одну из своих — взрывчатых игл. Упав на стальные перила, тяжелое, увешанное оружием мертвое тело обрушило значительный участок подвесного моста. В этой комнате нет другого выхода, факт, обладающий определенным стратегическим значением. В

намерения Молли, вероятно, не входило уничтожение подвесного моста. Она стремилась лишь воспрепятствовать головорезу-наемнику воспользоваться выбранным им оружием — мощным короткоствольным ружьем с покрытием из черного светопоглощающего сплава. Тем не менее чердак Джентри теперь надежно изолирован.

Энджи понимает, что значит Молли для 3-Джейн, видит, почему 3-Джейн желает заполучить эту женщину, видит причину ее ненависти — и, зная это, постигает всю банальность человеческого зла.

Энджи видит, как Молли беспокойно рыщет по серому зимнему Лондону, рядом с ней маленькая девочка, — и знает, не зная откуда и как, что та же самая девочка находится сейчас на Маргейт-роуд, 23, СВ-2. (Континьюити?) До недавнего времени отец девочки был хозяином человека по имени Суэйн, позже этот делец перешел на службу к 3-Джейн — ради информации, которой она снабжает тех, кто повинуется ее воле. Как и Робин Ланье, хотя, конечно, последний надеется, что ему заплатят иной монетой.

К девушке Моне Энджи испытывает странную нежность, жалость и до некоторой степени завидует ей. Хотя девушку изменили так, чтобы она как можно больше напоминала ее саму, жизнь Моны не оставила практически никаких следов в ткани бытия и олицетворяет в знаковой системе Легбы максимальное приближение к невинности.

Черри-Ли Честерфилд окружена печальными небрежными каракулями, ее информационный профиль напоминает рисунок ребенка: привлечение к суду за бродяжничество, нелепые долги, прерванная карьера парамедицинского техника шестой ступени — и все это в обрамлении даты рождения и ГРЕХа.

Слик, или Слик Генри, — среди неГРЕХовных, но 3-Джейн, Континьюити, Бобби — все они щедро одаривали его своим вниманием. Для 3-Джейн он служит как бы фокусом второстепенного кода ассоциаций: в его последовательном ритуале конструирования роботов, ставшем реакцией на психическую травму в результате уголовного химнаказания, она видит собственные провалившиеся попытки изгнать призрак бесплодной мечты Тессье-Эшпулов. В коридорах памяти 3-Джейн Энджи нередко набредала на каморку, где манипулятор с паучьими лапами, перемешивая обломки краткой и вздорной истории "Блуждающего огонька", воплощает в шкатулки пронзительно печальные, горькие воспоминания — акт затянувшегося художественного коллажа. А у Бобби — воспоминания иные, они получены от художника, сумевшего

добраться до Вавилонской библиотеки 3-Джейн: это рассказ о медленном, печальном, почти ребяческом труде, воздвигающем на плоской равнине под названием Собачья Пустошь новые образы боли и памяти.

Внизу, в холодной темноте Фабрики, одна из кинетических скульптур Слика, управляемая подпрограммой Бобби, как раз сейчас отделяет левую руку от тела еще одного наемника, задействовав для этого механизм, позаимствованный два года назад у комбайна китайского производства. Наемник, чье имя и ГРЕХ проплывают мимо Энджи цепочкой горячих серебристых пузырьков, умирает, прижавшись щекой к сапогу Пташки.

Только Бобби — единственный из всех людей в этой комнате — не представлен символами. И Бобби — это не отслужившее свой век тело, ремнями привязанное к носилкам, с подбородком, покрытым пленкой засохшей блевотины. Бобби — это даже не насмешливое, до боли знакомое лицо, глядящее на нее с монитора на верстаке Джентри. Может быть, Бобби — это массивный параллелепипед памяти, привинченный над носилками?

И вот, ступив на перекатывающиеся дюны из испачканного землей розового атласа под стальным механическим небом, Энджи наконец-то свободна и от этой комнаты, и от всей ее информации.

Рядом с ней идет Бригитта, и нет никакого давления или пустоты ночи, никакого гудения потревоженного улья. Нет свечей. Континьюити тоже тут, представленный в виде неразборчивых бегущих каракуль из серебристых блесток, которые почему-то напоминают Энджи о Хилтоне Свифте на пляже в Малибу.

— Как ты себя чувствуешь? Лучше? — спрашивает Бригитта.

— Спасибо, намного.

— Я так и думала.

— Почему тут Континьюити?

— Потому что он твой двоюродный брат, созданный из биочипов "Мааса". Потому что он юн. Мы провожаем тебя на свадьбу.

— Но кто ты, Бригитта? Что ты есть на самом деле?

— Я — послание, которое приказали написать твоему отцу. Я — vivus, которые он прочертил в твоей голове. — Бригитта придвигается ближе. — Будь поласковей с Континьюити. Он боится, что своей неуклюжестью заслужил твое недовольство.

Серебристые блестки бегут впереди них по атласным дюнам, чтобы возвестить о прибытии невесты.

41. МИСТЕР ЯНАКА

Моду ль "Маас-Неотек" уже остыл и на ощупь был едва теплым, но белая пластиковая подстилка под ним потемнела, будто от сильного жара. Запах паленых волос…

Кумико смотрела, как на лице Тика наливаются черные синяки. Он послал ее к шкафчику возле кровати за потертой жестянкой из-под сигарет — коробка была забита таблетками и дисками дермов. Разорвав ворот рубашки, жокей вдавил три самоклеющихся диска в фарфорово-белую кожу шеи.

Девочка помогла ему соорудить некое подобие перевязи, свернув петлей оптический кабель.

— Колин же говорил, что она забыла…

— Зато я не забыл… — Тик со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы, с трудом продевая руку в петлю. — Конечно, все это было только кажущимся. Но болеть рука будет долго… — Он поморщился.

— Мне очень жаль…

— Да ладно. Салли мне рассказывала. О твоей матери, я имею в виду.

— Да… — не отводя от него взгляда, сказала Кумико. — Она покончила жизнь самоубийством. В Токио.

— Кем бы там ни была та женщина, это не твоя мать.

— Модуль… — Она посмотрела на обеденный стол.

— Она его выжгла. Впрочем, Колину это без разницы, он остался там. Загнал себя подпрограммой в этот ее конструкт. Так что же затеяла наша Салли?

— С ней Анджела Митчелл. Салли отправилась на поиски того, из чего вырос этот макроформ. Какое-то место под названием Нью-Джерси.

Зазвонил телефон.

На широком экране за телефоном — отец Кумико, вернее, плечи и голова: видны черный костюм, часы "ролекс", целая галактика мелких устройств и опознавательных знаков братства на лацкане пиджака. Кумико подумалось, что вид у него усталый — усталый и очень серьезный. Серьезный человек за черной гладью стола в своем кабинете. Кумико пожалела, что Салли звонила из автомата без видеокамеры. Ей очень хотелось снова ее увидеть. Да, теперь, вероятно, такой возможности больше уже не представится.

— Ты хорошо выглядишь, Кумико, — сказал отец.

Девочка напряглась, выпрямилась, сидя лицом к маленькой камере, установленной прямо под настенным экраном. По

привычке она призвала маску матери, ту, что выражала пренебрежение и надменность, но ничего не вышло. Кумико растерянно потупила взгляд, уставившись на судорожно сжатые на коленях руки. Внезапно она осознала присутствие Тика, его смущение и страх — маленький человечек попал в ловушку в собственном кресле, стоявшем здесь же, напротив камеры.

— Ты поступила совершенно правильно, покинув дом Суэйна, — говорил тем временем отец. Она вновь встретилась с ним взглядом.

— Он — твой кобун.

— Уже нет. Пока нас отвлекали трудности, возникшие в нашем собственном доме, он заключил новый и очень сомнительный союз, избрав курс, который мы не могли бы одобрить.

— А ваши трудности, отец? Не вспыхнула ли у него на лице мимолетная улыбка?

— Со всем этим покончено. Порядок и согласие восстановлены.

— А… гм-м… простите меня, сэр… мистер Яна-ка, — начал было Тик, но потом, похоже, совсем потерял голос.

— Да. А вы?..

Покрытое синяками лицо Тика перекосилось, сделавшись воплощением траура.

— Его зовут Тик, отец. Этот человек предоставил мне убежище и защиту. Вместе с Кол… с модулем "Маас-Неотек" он сегодня вечером спас мне жизнь.

— Правда? Меня об этом не информировали. Я пребывал в убеждении, что ты не покидала этих апартаментов.

Что-то холодное…

— Как? — спросила она, подавшись вперед. — Откуда вы можете это знать?

— Модуль "Маас-Неотек" сообщает о твоем местонахождении и твоих передвижениях, как только они становятся ему известны. Сигнал поступил, как только модуль вышел из-под блокады систем Суэйна. Мы разместили наблюдателей в этом районе. — Кумико тут же вспомнила продавца лапши… — Естественно, не ставя об этом в известность Суэйна. Но модуль так и не передал повторного сообщения.

— Он разбился. Несчастный случай.

— И все же ты говоришь, что этот человек спас тебе жизнь?

— Сэр, — обрел голос Тик, — если я могу просить прощения… я хотел бы спросить… я под крышей?

— Под крышей?

— Ну, защищен? От Суэйна то есть и от его шайки из Особого

отдела. И от всех остальных…

— Суэйн мертв. Повисло молчание.

— Но кто-то же будет всем этим управлять? Я хочу сказать, всей этой игрой. Вашим бизнесом.

Мистер Янака разглядывал Тика с откровенным любопытством.

— Конечно. Как еще можно надеяться сохранить порядок и согласие?

— Дайте ему слово, отец, — вмешалась Куми-ко, — что ему не будет причинено никакого вреда.

Янака перевел взгляд с дочери на гримасничающего Тика.

— Сэр, примите мою искреннюю благодарность за защиту моей дочери. Отныне я ваш должник.

— Гири, — проговорила Кумико.

— Господи, — выдавил Тик, — ну надо же!

— Отец, — сказала Кумико, — в ночь, когда умерла моя мать, приказывали ли вы своим секретарям позволить ей выйти одной?

Лицо отца было совершенно неподвижно. Но у нее на глазах оно наполнилось горем, какого она до сих пор никогда не видела.

— Нет, — ответил он наконец, — я не приказывал.

Тик кашлянул.

— Спасибо вам, отец. Теперь я вернусь в Токио?

— Естественно, если пожелаешь. Хотя, насколько я понимаю, тебе удалось осмотреть лишь очень незначительную часть Лондона. Вскоре в апартаменты мистера Тика прибудет мой компаньон. Если ты пожелаешь остаться и осмотреть город, он это устроит.

— Благодарю вас, отец.

— До свидания, Куми.

И он исчез.

— Ну а теперь, — сказал Тик, с гримасой на лице протягивая ей здоровую руку, — помоги мне встать с этого…

— Но тебе же требуется медицинская помощь.

— Правда? А я что делаю?

Он умудрился подняться на ноги и заковылял к туалету, как вдруг дверь отворилась и с темной лестничной площадки в комнату заглянул Петал.

— Если вы сломали мой чертов замок, — приветствовал его Тик, — неплохо бы за него заплатить.

— Прошу прощения, — сказал Петал, моргнув. — Я пришел за мисс Янака.

— Тем хуже для вас. Я только что говорил по телефону с ее отцом. Большой босс сказал нам, что Суэйн сыграл в ящик. Сказал, что посылает сюда нового босса. — И Тик улыбнулся

плутовато и с триумфом.

— Но, видите ли, — мягко проговорил Петал, — это я.

42. В ЦЕХУ ФАБРИКИ

А Черри все кричит.

— Заткните ее кто-нибудь, — бросает Молли от двери, где стоит со своей маленькой пушкой в руке, и Моне кажется, что Молли обращается именно к ней. Кто, как не она, Мона, может передать Черри частицу своего покоя, где все так интересно и ничто тебя не достает, и по пути через комнату она видит на полу скомканный "зиплок" и вспоминает, что там ведь были еще какие-то дермы. Может, это как раз то, что поможет Черри успокоиться?

— Вот, — говорит она, подходя к девушке, выдавливает дерм из упаковки и налепляет ей на шею.

Крик Черри скользит вниз по шкале громкости, стихает до невнятного бульканья, и она оседает по стене старых книг, но Мона уверена, что с ней все будет в порядке. Однако внизу стрельба — автоматные очереди. Снаружи мимо Молли влетают, с треском отскакивают, рикошетят вокруг стальных балок белые трассирующие пули. А Молли кричит на Джентри, не может ли он включить этот чертов свет?

Это должно означать лампы внизу, потому что здесь, наверху, все залито ярким светом, настолько ярким, что Моне видны маленькие пушистые шарики и разноцветные следы, истекающие из них, если внимательно приглядеться. Трассирующие пули. Вот как зовутся эти шарики, которые светятся и прыгают. Эдди рассказывал ей о таких во Флориде, когда охрана гоняла их с частных пляжей, стреляя из темноты.

— На кой черт там свет? — говорит лицо с маленького экрана. — Ведьма-то слепа…

Мона улыбается ему. Она не думает, что кто-нибудь, кроме нее, его услышал. Какая еще Ведьма?

И вот Джентри и большой Слик начинают, кряхтя, срывать толстые желтые провода со стен, где они были прикреплены серебристой лентой, и втыкать их в металлические ящики. Черри из Кливленда теперь сидит на полу с закрытыми глазами, а Молли, присев на корточки у двери, обеими руками сжимает пушку, а Энджи…

— Успокойся.

Она услышала это слово, сказанное чьим-то голосом, но голос этот не мог принадлежать никому из тех, кто был в комнате. Она подумала, что это, должно быть, Ланетта, только она умела так говорить — сквозь время, сквозь покой.

А Энджи сидит на полу рядом с носилками, ноги согнуты в коленях, как у статуи, руки обнимают тело мертвого парня.

Лампы тускнеют — это Джентри со Сликом нашли наконец свой контакт, а Моне чудится, что она услышала, как лицо на мониторе охнуло. Но сама она уже движется, идет по направлению к Энджи, видя (внезапно и с такой ясностью, что это причиняет боль) тонкую струйку крови, вытекающую из ее левого уха.

Но даже тогда покой не оставляет Мону, хотя она и начинает уже чувствовать жгучие укусы где-то в глубине горла и вспоминает вдруг слова Ла-нетты: "Никогда не смей этим дышать, это проест в тебе дырки".

А спина у Молли — прямая, руки вытянуты… За дверь и куда-то вниз, и не к этому серому ящику, а к пистолету, этой маленькой штучке — Моне слышно, как она делает "чик-чик-чик", а потом слышатся три взрыва где-то далеко внизу, — и там, должно быть, сверкают три голубые вспышки. Но руки Моны уже обнимают Энджи, запястья щекочет испачканный кровью мех. Она заглядывает в пустые глаза, где затухает свет. Дальняя дорога, самый далекий путь.

— Эй, — зовет Мона, но никто ее не слышит, только Энджи — но и Энджи уже не слышит, склонив голову на труп в спальном мешке, — эй…

Мона поднимает глаза — как раз вовремя, чтобы ухватить взглядом последнее изображение на экране и увидеть, как оно угасает.

А после этого долго — очень и очень долго — ничто уже не имело значения. Ни беззаботность покоя, ни хрустальный овердрайв, прокручивающий воспоминания на ускоренной передаче — и это вовсе не походило на обычную ломку, скорее это было похоже на чувство, когда все осталось далеко в прошлом — так, наверное, чувствуют себя духи.

Она стояла в дверях между Молли и Сликом и смотрела вниз. В тусклом свечении больших старых ламп было видно, как, подергиваясь, мечется по грязному бетонному полу металлический паук. У паука были большие искривленные ножи, которые щелкали и поскрипывали при каждом его движении, но больше там не двигался никто, а робот все копошился, как сломанная игрушка, туда-сюда перед искореженными останками маленького мостка, по которому когда-то давно она пробиралась вместе с Энджи и Черри.

Черри наконец смогла подняться на ноги — бледная, с обмякшим лицом — и сорвала с шеи дерм.

– 'То д'я расслабл'н' муск'л', — с трудом выдавила она.

И Мона почувствовала себя худо, потому что вдруг поняла, что опять наделала глупостей, думая, что пытается помочь. Но с

"магиком" всегда так, и почему она не может перестать принимать его?

"Потому что ты подсела, идиотка", — услышала она слова Ланетты, но думать об этом ей не хотелось.

И вот они все просто стояли и смотрели вниз на металлического паука, который продолжал метаться по бетонному полу, окончательно разряжая свои батареи. Все, кроме Джентри, который отвинчивал болты, крепившие серый ящик к раме над носилками, переступая своими черными ботинками рядом с красным мехом Энджи.

— Слышите? — сказала Молли. — Это вертолет. Большой вертолет.

Она была последней на канате, если не считать Джентри, который просто сказал, что он не пойдет, что ему плевать, что он остается.

Канат был толстый и грязный, с завязанными на нем узлами, чтобы за них цепляться, — это напомнило Моне что-то из ее далекого-далекого детства. Слик и Молли спустили сначала серый ящик. Они опустили его на платформу, где металлические лестницы остались неповрежденными. Потом Молли ловко, как белка, соскользнула вниз — казалось, она вообще не касается каната-и крепко привязала конец к перилам. Слик спускался медленно, потому что за спиной у него висела Черри, которая была еще слишком расслаблена, чтобы одолеть спуск сама. Мона все еще чувствовала себя виноватой и подумала, не поэтому ли они решили оставить ее наверху.

Впрочем, решение приняла Молли, еще когда стояла у высокого окна, глядя на то, как из длинного черного вертолета выскакивают и рассыпаются по снегу люди.

— Посмотрите-ка, — сказала она. — Они уже знают. Пришли подобрать остатки. Это — "Сенс-нет". А я сваливаю.

Черри пробормотала, что они тоже уходят, она и Слик. А Слик пожал плечами, потом ухмыльнулся и обнял ее за плечи.

— А что будет со мной?

Молли посмотрела на нее. Или казалось, что посмотрела. Ничего не поймешь с этими зеркалами. На долю секунды над нижней губой показался белый клык. Затем она сказала:

— Мой тебе совет — оставайся. Пусть они разбираются с этим сами. Ты же, в сущности, ни в чем не виновата. Все это была не твоя идея. Думаю, они что-нибудь из тебя сделают. Во всяком случае, попытаются. Да, ты остаешься.

Мона не нашла в этих словах ни крупицы смысла, но сейчас она чувствовала себя совсем дохлой, начиналась ломка, и у нее уже не было сил спорить.

А потом они просто ушли, спустились вниз по канату и исчезли. Вот и все, вот так люди уходят, и ты их никогда больше не увидишь. Мона оглянулась назад в комнату и увидела, что Джентри ходит перед своими книгами, водя пальцем по корешкам, как будто ищет что-то конкретное. Носилки он прикрыл одеялом.

Поэтому она просто ушла, и ей уже никогда не узнать, нашел Джентри ту книгу или нет. Она кое-как сползла по канату, и это было совсем не просто, не так, как у Молли и Слика. Особенно при ее состоянии, потому что Моне казалось, что она вот-вот вырубится, и руки-ноги, похоже, не слишком хорошо ее слушались, и приходилось прилагать неимоверные усилия для того, чтобы заставить их работать, а еще мешали разбухшие нос и горло… Так что того черного она заметила, только когда спустилась.

Черный человек стоял рядом с тем местом, где раньше суетился паук — теперь тот не шевелился.

Когда ее туфли заскрежетали по стальной платформе, черный поднял глаза. И в лице его было что-то настолько печальное, когда он ее увидел… Выражение, мелькнув, пропало, и он стал медленно подниматься вверх по металлическим ступенькам. Когда он подошел ближе, у Моны появилось сомнение, а настоящий ли этот негр негр? Ладно бы цвет кожи — по цвету он определенно был негр, — но что-то скрывалось в форме голого черепа, в чертах угловатого лица, не совсем таких, какие она привыкла видеть у негров. Он был высоким, очень высоким. На нем было длинное черное кожаное пальто — из такой тонкой кожи, что струится, как шелк.

— Здравствуй, мисси, — сказал, оказавшись перед ней, черный человек и двумя пальцами приподнял ее подбородок так, что она теперь смотрела прямо в агатовые с золотыми искорками глаза, каких не бывает на свете. И длинные пальцы у нее на подбородке были такие легкие…

— Мисси, — спросил незнакомец, — сколько тебе лет?

— Шестнадцать…

— Тебе нужна стрижка, — сказал он, и что-то такое трогательно серьезное было в том, как он это сказал.

— Энджи там, наверху, — сказала она, когда вновь обрела голос. — Она…

— Т-с-с.

Из глубины огромного старого здания донесся грохот металла о металл, потом шум заводимого мотора. "Ховер, — подумала Мона, — тот, в котором нас привезла Молли".

Черный человек задрал брови — вернее, сделал так, будто их

задрал, потому что у него не было бровей.

— Друзья? — Он опустил руку. Она кивнула.

— Хорошо. — Он взял ее за руку, чтобы помочь сойти с лестницы.

Благополучно спустившись вниз, они обогнули обломки подвесного моста. Там лежал кто-то мертвый — в камуфляже и с громкоговорителем, какие бывают у копов.

— Свифт, — позвал черный человек через все это гулкое пустое пространство с черными решетками пустых окон — черные линии на фоне белого неба, зимнего утра. — Двигай сюда. Я ее нашел.

— Но я-не она…

И там, где на фоне неба, снега и ржавчины стояли настежь огромные ворота, она увидела идущего к ним пиджака: пальто нараспашку, галстук хлопает на ветру. А Молли разгоняет мимо него свой ховер, и машина выскакивает из тех же самых ворот. А пиджак даже не оборачивается, потому что смотрит на Мону.

— Я — не Энджи, — повторила она еще раз, подумав, не рассказать ли им о том, что она видела. Об Энджи и об этом молодом парне, обнявшихся на маленьком экранчике за мгновение до того, как погасло изображение.

— Я знаю, — сказал черный человек, — но все еще впереди.

Вознесение. Вознесение грядет.

43. СУДЬЯ

Женщина повела их к ховеру, припаркованному внутри Фабрики, если можно назвать припаркованной машину, передок которой смят о бетонный выступ, где раньше стоял станок. Это был белый грузовик с надписью "КИТАЙСКИЕ КАТОДЫ" на задних дверях, и Слик еще удивился, как ей удалось заехать сюда так, чтобы они не слышали. Должно быть, это произошло в тот момент, когда Бобби Граф производил свой отвлекающий маневр.

"Алеф" оттягивал руки, как будто он нес небольшой моторный блок.

Ему не хотелось смотреть на Ведьму, потому что на ее лезвиях была кровь — не для того он ее создавал. Рядом лежали два трупа, вернее то, что от них осталось, — на это тоже не хотелось смотреть.

Слик перевел взгляд на блок биософта и привинченные к нему батареи и задумался, там ли еще все это серый дом, и Мексика, и глаза 3-Джейн.

— Подожди, — приказала женщина. Они проходили мимо пандуса, ведущего к каморке, где он держал свои автоматы; Судья был еще там, Трупожор…

Пушку женщина по-прежнему держала на виду.

— Она сказала подождать. — Слик положил Черри руку на плечо.

— Эта штука, которую я видела вчера ночью, — сказала женщина, — однорукий робот, он работает?

— Ага…

— Он сильный? Унесет груз? По пересеченной местности?

— Да.

— Давай его сюда.

— А?

— Заведи его в кузов. Шевелись.

Черри почти висела на Слике, колени у нее подкашивались после того, что дала ей эта девчонка.

— Ты, — Молли пушкой указала на Черри, — в ховер.

— Давай, — легонько подтолкнул Черри Слик. Поставив "алеф" на пол, он поднялся по пандусу туда, где в темноте поджидал Судья. Левая рука лежала рядом на брезенте, там, где Слик оставил ее несколько дней назад. Ему уже никогда не наладить ее так, чтобы пила работала как следует. Тут же на пыльной и проржавевшей металлической полке лежал пульт дистанционного управления. Взяв его, он подал в Судью ток, и коричневый панцирь автомата слегка задрожал.

Он заставил Судью шагнуть вперед, потом — шаг за шагом — свел его вниз по пандусу; гироскопы компенсировали отсутствие руки. Женщина уже успела открыть задние двери ховера, и Слик повел Судью прямо туда. Женщина чуть подалась назад, когда робот навис над ней. Серебристые стекла отразили полированную ржавчину. Слик подошел следом за Судьей и начал прикидывать, как бы втиснуть автомат внутрь. Он не видел в этом никакого смысла, но, должно быть, у нее имелась какая-нибудь задумка на этот счет. Да какая разница, будь что будет, только бы не оставаться теперь на Фабрике, где повсюду трупы. Он вспомнил о Джентри, оставшемся там наверху со своими книгами и этими телами. На чердаке были еще две девушки, и обе они выглядели как Эн-джи Митчелл. Теперь одна из них мертва — он не знал, как это получилось, — а второй женщина с пушкой приказала ждать…

— Ну давай же, загоняй этот чертов механизм внутрь, нам пора сваливать…

Когда ему удалось уложить Судью в кузове ховера — на бок, ноги подогнуты, — он захлопнул двери, обежал вокруг и забрался в кабину со стороны пассажира. "Алеф" помещался между передними сиденьями. Черри, дрожа, свернулась на заднем сиденье под огромной оранжевой паркой с логотипом "Сенснета" на рукаве.

Женщина запустила турбину и подала воздух в подушку. Слик подумал, что они могут застрять, зацепившись за бетонный выступ, но когда женщина дала задний ход, с лязгом оторвалась только хромированная полоска, и они высвободились. Развернув ховер, она направила машину к воротам.

Выезжая наружу, они проехали мимо человека в костюме, галстуке и пальто из твида, который, казалось, их даже не заметил.

— Это еще кто? Женщина пожала плечами.

— Возьмешь ховер? — спросила она. Они уже успели отъехать километров на десять от Фабрики, а Слик за все это время даже ни разу не оглянулся.

— Ты его украла?

— Конечно.

— Я — пас.

— Да?

— Я сидел. За угон машин.

— А как там твоя подружка?

— Спит. И она не моя подружка.

— Нет?

— Я все хочу спросить: а ты кто?

— Деловая женщина.

— И что за бизнес?

— Трудно сказать.

Небо над Пустошью было чистым и ярко-белым.

— Ты приехала за этим? — Он похлопал по "алефу".

— Вроде того.

— А что теперь?

— Я заключила сделку. Доставила Митчелл к ящику.

— Так это была она, та, что откинулась?

— Да, это была она.

— Но она умерла…

— Есть смерть и смерть.

— Как 3-Джейн?

Ее голова качнулась, будто она бросила на него беглый взгляд.

— Что ты об этом знаешь?

— Я ее однажды видел. Там, внутри.

— Ну она по-прежнему там, но ведь и Энджи тоже.

— И Бобби.

— Ньюмарк? Да уж.

— Так что ты собираешься с этим делать?

— Это ведь ты построил все эти штуки? Ту, что сейчас в кузове, и остальные?

Слик обернулся через плечо туда, где в грузовом отсеке, как большая ржавая кукла без головы, свернулся Судья.

— Да.

— Значит, с инструментами обращаться умеешь?

— Наверное.

— О'кей. У меня есть для тебя работа. Она затормозила возле рыхлого гребня из прикрытого снегом мусора и плавно съехала под уклон. Мотор заглох.

— Там где-то есть набор инструментов на случай аварии. Достань их, заберись на крышу, сними ячейки солнечных батарей и провода. Мне нужно, чтобы эти ячейки подзаряжали батареи "алефа". Сможешь это сделать?

— Наверно. А зачем?

Она откинулась на спинку сиденья, и Слик вдруг понял, что она гораздо старше, чем кажется, и очень-очень устала.

— Митчелл теперь там. Они хотят дать ей какое-то время, вот и все…

— Они?

— Бог его знает. Что-то. То, с чем я заключила сделку. Как по-твоему, сколько протянут батареи, если ячейки работают?

— Пару месяцев. Может, год.

— Сойдет. Я это спрячу где-нибудь, где ячейки всегда смогут быть на солнце.

— А что будет, если просто отключить ток? Протянув руку, она провела кончиком указательного пальца вдоль тонкого кабеля, соединяющего "алеф" с батареей. Слик увидел ее ногти в утреннем свете; ногти выглядели искусственными.

— Слышишь, 3-Джейн, — сказала она, по-прежнему держа палец на кабеле. — Моя взяла.

Тут ее пальцы сжались в кулак, потом разжались, как будто она отпустила что-то на волю.

Черри хотелось рассказать Слику обо всем, что они сделают, когда доберутся до Кливленда. Он приматывал плоские ячейки к широкой груди Судьи серебристой лентой. Серый "алеф" был уже закреплен на спине автомата такой же лентой. Черри говорила, что знает, где сможет найти для него работу — чинить "железо" в залах компьютерных игр. Он слушал вполуха.

Все наладив, он протянул женщине пульт дистанционного управления.

— Нам тебя ждать?

— Нет, — ответила она. — Поезжайте в Кливленд. Черри же только что тебе сказала.

— А ты как?

— Пойду прогуляюсь.

— Хочешь замерзнуть? Умереть с голоду?

— Хочу для разнообразия, черт побери, побыть немного самой собой.

Она пощелкала кнопками, Судья дрогнул, сделал шаг вперед, потом другой.

— Удачи в Кливленде.

Они смотрели, как она уходит по Пустоши, а за ней тяжело ступает Судья. Потом она вдруг обернулась и крикнула:

— Эй, Черри! Заставь этого парня принять ванну!

Черри замахала в ответ, на ее кожаных куртках зазвенели застежки.

44. КРАСНАЯ КОЖА

Петал сказал, что сумки ждут ее в "ягуаре".

— Я подумал, что тебе не захочется возвращаться назад в Ноттинг-Хилл, — продолжал он, — так что мы подыскали тебе жилье в Кэмден-Тауне.

— Петал, — сказала девочка, — я хочу знать, что случилось с Сал-ли. — Он завел мотор. — Суэйн ее шантажировал. Заставлял ее выкрасть… — продолжала она.

— А… ну тогда… — прервал ее Петал. — Понимаю. Я бы на твоем месте не беспокоился.

— А я беспокоюсь.

— Ну, насколько я знаю, Салли сумела разобраться с этим небольшим дельцем. Разобраться по-своему И если верить нашим друзьям из официальных кругов, она, по-видимому, смогла сделать еще и так, чтобы все файлы о ней, в каких бы базах данных они ни содержались, просто испарились — за исключением контрольного пакета акций одного немецкого казино. А если с Анджелой Митчелл что-то и случилось, то в "Сенснете" решили не предавать это огласке.

— А я увижу Салли еще?

— Только не в моем приходе, пожалуйста. Они отъехали от тротуара.

— Петал, — сказала Кумико, когда они ехали по улицам Лондона, — мой отец сказал, что Суэйн…

— Дурак. Идиот несчастный. Лучше не говорить об этом сейчас.

— Извини.

Обогреватель работал. В "ягуаре" было тепло, и только тут Кумико почувствовала, насколько она устала. Устроившись поудобнее на красном кожаном сиденье, девочка закрыла глаза. Каким-то образом, подумала она, встреча с З-Джейн освободила ее от стыда, а ответ отца — от гнева. З-Джейн была очень жестока. Теперь Кумико видела и жестокость своей матери. Но все когда-нибудь должно быть прощено, думала она, засыпая по пути к тому месту, которое называлось Кэмден-Таун.

45. ГЛАДКИЙ КАМЕНЬ ВДАЛИ

В этом доме — стены из серого камня, шиферная крыша — они поселились в самом начале лета. Луг и встающий за лугом лес — яркие и запущенные, однако высокая трава не становится выше, а полевые цветы не вянут.

За домом — садовые постройки, в которые они ни разу не заходили, и поле, где на ветру рвутся с поводка планеры.

Однажды, гуляя в одиночестве под дубами на краю этого поля, она увидела троих незнакомцев верхом на чем-то, что напоминало лошадь. Лошади давно уже вымерли, их род иссяк за много лет до рождения Энджи. В седле восседала стройная фигурка в одежде из твида — мальчик-грум, будто сошедший с какой-нибудь старинной картины. Перед ним — девочка-японка, а позади притулился бледный засаленный человечек в сером костюме и коричневых ботинках; над розовыми носками белели худые лодыжки. Заметила ли ее девочка, ответила ли ей взглядом?

Она забыла рассказать об этом Бобби.

Их постоянные посетители прибывали обычно на рассвете, хотя однажды среди бела дня заявился ухмыляющийся маленький кобольд, объявив о себе громким стуком молотка в тяжелую дубовую дверь. Когда она подбежала открыть, странный персонаж потребовал "этого маленького засранца Ньюмарка". Бобби представил ей это создание как Финна и, казалось, был рад его видеть. От поношенного пиджака гостя исходил смешанный запах застоявшегося дыма, древнего припоя и копченой селедки. Бобби объяснил, что Финну всегда здесь рады. "Его стоит принять. Все равно ведь не отвяжется, раз уж хочет войти".

Приходит и 3-Джейн — одна из утренних визитеров; ее визиты наводят грусть, она будто ощупью ищет что-то. Бобби, похоже, едва замечает ее присутствие, но Энджи, которая поневоле так долго служила вместилищем стольких ее воспоминаний, откликается на эту странную смесь тщетных стремлений, разочарований, гнева и ревности. Поняв в конце концов мотивы 3-Джейн, Энджи научилась прощать и ее — хотя что и за что прощать, когда гуляешь среди этих дубов в лучах солнца?

Сны 3-Джейн утомляют Энджи. Она предпочитает другие, особенно те, в которых присутствует ее юная протеже. Эти сны приходят, когда утренний ветерок надувает кружевные занавески, когда начинают перекликаться первые птицы. Тогда Эн-джи придвигается поближе к Бобби, закрывает глаза, мысленно

произносит имя "Континьюити" и ждет появления маленьких разноцветных картинок.

Она видит, что девочку отвезли в клинику на Ямайке, чтобы вылечить ее от пристрастия к примитивным стимуляторам. С новым обменом веществ, настроенным армией терпеливых "сенснетовских" медиков, девочка наконец начинает появляться в свете, полная здоровья и радости. Кто, как не Пайпер Хилл, настраивает ей сенсориум, и вот ее первые стимы встречены с беспрецедентным успехом. Во всем мире аудитория "Энджи" просто боготворит ее свежесть, ее энергию, ее непосредственность, с какой она будто впервые открывает для себя свою жизнь.

Иногда на дальнем экране промелькнет тень, но лишь на мгновение: окоченевшее тело задушенного Робина Ланье найдено на горном склоне "Нового Агентства Судзуки". И Энджи, и Континьюити знают, чьи пальцы сжались на горле звезды, чьи руки выбросили его из окна.

Но кое-что все еще ускользает от ее понимания, один важный фрагмент той головоломки, которая суть история.

В тени дубов под стальными и нежно-розовыми закатными небесами Франции, которая не есть Франция, она просит Бобби ответить на этот последний вопрос.

Полночь, они ждут на подъездной аллее, потому что Бобби пообещал ей ответ.

Часы в доме отбивают двенадцать, и Энджи слышит, как по гравию шуршат шины. Машина оказывается длинной, низкой и серой.

За рулем — Финн.

Бобби открывает дверь, чтобы помочь ей сесть.

На заднем сиденье, оказывается, уже сидит молодой человек — и Энджи вдруг узнает одного из той странной тройки, что проскакала когда-то мимо нее верхом на совершенно неправдоподобной лошади. Он улыбается, но молчит.

— Знакомься, это Колин, — говорит Бобби, устраиваясь рядом с ней. — А Финна ты уже знаешь.

— Она так и не догадалась? — спрашивает Финн, заводя мотор.

— Нет, — отвечает Бобби. — Не думаю. Молодой человек по имени Колин улыбается.

– "Алеф" — это аппроксимация, близкое подобие матрицы, — говорит он, — что-то вроде модели киберпространства…

— Да, я знаю. — Энджи поворачивается к Бобби. — Ну? Ты пообещал, что назовешь причину того, "Когда Все Изменилось". Почему это произошло. Так как?

Финн смеется — очень странный звук.

— Дело не в том, почему это произошло, леди. Скорее, в том, что произошло. Помнишь, Бригитта как-то говорила тебе, что был еще и другой? Помнишь? Ну это и есть что, а это что и есть почему.

— Прекрасно помню. Она сказала, что, когда матрица наконец познала себя, откуда-то взялся этот "другой"…

— Туда мы сегодня и направляемся, — начинает Бобби, обнимая ее за плечи. — Это не очень далеко, но…

— Это иначе, — вмешивается Финн, — это по-настоящему иначе.

— Но что это?

— Увидишь, — говорит Колин, смахивая со лба прядь каштановых волос — жест школьника в какой-нибудь древней пьесе. — Когда матрица обрела разум, она одновременно осознала присутствие другой матрицы, другого разума.

— Не понимаю, — говорит Энджи. — Если киберпространство состоит из общей суммы всех данных в человеческой системе…

— Вот-вот, — говорит Финн, сворачивая на пустую прямую автостраду, — но ведь о человеческой никто и не говорит, понимаешь?

— Другой был в совсем ином месте, — говорит Бобби.

— В системе Центавра, — вносит свою лепту Колин.

Может, это они так шутят над ней? Очередной розыгрыш Бобби?

— Довольно сложно объяснить, почему, встретив этого другого, матрица раскололась на все эти колдовские духи, вуду и прочее дерьмо, — говорит Финн, — но когда мы туда прибудем, кое-какое представление ты получишь…

— На мой взгляд, — добавляет Колин, — так гораздо забавнее…

— Вы правду мне говорите?

— Будем в Нью-Йорке через минуту, — говорит Финн. — Без дураков.

Сожжение Хром (сборник)

Джонни-Мнемоник

Обрез я сунул в сумку "Адидас" и заклинил его четырьмя парами теннисных носков. Совсем не мой стиль, но как раз это мне и нужно: если тебя принимают за тупого — стань техничным, а если считают, что с техникой ты на "ты", — заделайся тупарем. Я-то парень техничный, вот и решил выглядеть тупым на все сто. Время, впрочем, такое: чтобы косить под тупого, надо быть настоящим профи. Вот и я — своими руками выточил на станке из медных болванок две гильзы двенадцатого калибра; раскопав древнюю микрофишу с инструкциями, сам вручную зарядил патроны; наконец, собственноручно соорудил рычажный пресс для запрессовки капсюлей — тот еще трюк, между прочим! Зато я знаю: патроны сработают.

Встреча должна была состояться во "Взлетной полосе" в двадцать три ноль-ноль, однако я проскочил в "трубе" три лишние остановки и вернулся назад пешком. Подстраховаться никогда не мешает.

В хромированной панели кофейного автомата я мельком взглянул на свое отражение: типичный европеоид — резкие черты лица, темные жесткие волосы ежиком. Девочки в "Под ножом" торчат от Сони Мао — только с большим трудом удалось отговорить их не менять мне веки на китайские. Возможно, Мордашку-Ральфи моя внешность и не обманет, зато поможет подобраться тик-в-тик к его столику.

"Взлетная полоса" — узкое, длинное помещение: в одном углу — бар, в другом — столики, а между ошиваются сводники, торгаши и прочие деятели. На входе сегодня вечером дежурили Сестры-Собаки Магнитные: если план не сработает, обратно мне уже не прорваться. Обе длиннющие — метра под два — и поджарые, будто борзые. Одна черная, другая белая, но в остальном похожи настолько, насколько это под силу пластической хирургии. Много лет они ходили в любовницах, а уж в драке были — туши свет. Я так и не смог разобраться наверняка, которая из них раньше была самцом.

Ральфи сидел за столиком, где и всегда. Подонок, задолжал мне кучу монет. В голове моей — сотни мегабайт информации, загруженные туда в режиме "идиот-всезнайка", информации, к которой сам я доступа не имею. Все это оставил там Ральфи. Только он может извлечь эти данные при помощи кодовой фразы собственного изобретения. Скажу сразу: мои услуги не дешевы, а уж сверхурочные за хранение — сплошная астрономия. А он, понимаете ли, забыл!

А потом я услышал, что Мордашка-Ральфи и вовсе надумал аннулировать мой контракт. И тогда я забил ему стрелку во "Взлетной полосе", но забил ее как Эдвард Бакс, подпольный импортер — только что из Рио и Пекина.

"Взлетная полоса" насквозь провоняла бизнесом, здесь вообще слишком нервно — и нервно, и попахивает металлом. Среди толпы тут и там слоняются мускулистые мальчики, поигрывая друг перед другом соответствующими частями тела и силясь изобразить на лицах нечто вроде тонких холодных улыбочек. Некоторые настолько обросли мышцами, что их фигуры уже и человеческими-то трудно назвать.

Простите. Простите меня, друзья. Это всего-навсего Эдди Бакс, Скоростной Эдди-Импортер со своей по-профессиональному неприметной спортивной сумкой, и, пожалуйста, не обращайте внимания на какой-то разрез, годный лишь для того, чтобы просунуть внутрь правую Руку.

Ральфи был не один. На стуле рядом с ним, настороженно пялясь в толпу, громоздился белобрысый калифорнийский бык — живая инструкция по технике боевых искусств весом килограммов в восемьдесят.

Скоростной Эдди мгновенно оседлал напротив этой парочки стул; бык даже руки от стола оторвать не успел.

— Черный пояс? — поинтересовался я. Он кивнул, его голубые глаза автоматически просканировали меня от глаз до ладоней. — У меня тоже, — сказал я, — здесь, в сумке. — Я сунул руку в разрез, большим пальцем перевел предохранитель. Щелк. — Два ствола, двенадцатый калибр, спуск сдвоенный.

— Это пушка, — сказал Ральфи, предупредительно кладя пухлую руку на обтянутую синим нейлоном грудь своего телохранителя. — У Джонни в сумке — огнестрельный антиквариат.

М-да, недолго я побыл Эдвардом Баксом.

Думаю, его всегда звали не просто Ральфи, а Ральфи-с-Каким-то-Прозвищем, нынешнюю же кличку он приобрел исключительно благодаря тщеславию. Туловищем как перезрелая груша, вот уже двадцать последних лет он носил лицо некогда знаменитого Белого Христиана — Белого Христиана из "Арийского рэгги-бэнда". То был Сони Мао предыдущего поколения, последний чемпион звуковых дорожек расового рока. Я, знаете ли, вундеркинд по части всяческой чепухи вроде этой.

У Белого Христиана было классическое лицо поп-артиста — ярко выраженные мускулы певца и точеные скулы. Так посмотришь — лицо ангела, этак — красавца-развратника. Но глаза на этом лице… это были глаза Ральфи — маленькие,

черные, ледяные.

— Ладно, — сказал он, — давай потолкуем. Как деловые люди. — Сказал обезоруживающе искренно, вот только прекрасный, как у Белого Христиана, рот все время был влажным. — Льюис, — он кивнул в сторону мордоворота, — это просто дуб. — Льюис принял его слова равнодушно, словно механическая игрушка. — Но ты-то, Джонни, не из дубов.

— Неужто, Ральфи? А я думал, что это я — дуб, нашпигованный под завязку имплантантами, самое место для твоего грязного белья, пока не подвернутся ребята, желающие заработать на моем трупе. Так вот, Ральфи, пока у меня эта сумка, тебе придется кое-что объяснить.

— Это все из-за последней сделки, Джонни. — Он тяжело вздохнул. — Как брокер…

— Барыга, — поправил я.

— Как брокер я всегда очень осторожен с поставщиками.

— Ты покупаешь только у тех, кто ворует лучшее. Продолжай.

Он вздохнул опять.

— Я лишь стараюсь, — устало произнес он, — не иметь дела с дураками. Но на этот раз, похоже, нарвался. — Третий вздох был сигналом для Льюиса включить нейронный парализатор, который они прилепили под столом с моей стороны.

Я вложил все силы в указательный палец правой руки, но он перестал быть моим. Рука по-прежнему чувствовала металл и поролоновую ленту, которой я обмотал неудобную рукоять обреза, но сделалась чужой и безвольной, будто была вылеплена из холодного пластилина. Я надеялся, что Льюис, как настоящий дуб, тут же бросится вырывать сумку, а заодно рванет мой палец, застывший на спусковом крючке. Но он этого не сделал.

— Мы так беспокоились о тебе, Джонни, так беспокоились. Видишь ли, — Ральфи показал на мою голову, — то, что у тебя там, — собственность якудза. И одного дурака угораздило их обокрасть. Мертвого дурака.

Льюис заржал.

Вот тут до меня наконец дошло, но от того, что я все понял, стало совсем паршиво. Мою голову словно обложили мешками с мокрым песком. Убивать было не в стиле Ральфи. Даже Льюис был не в его стиле. Получалось, он встрял на свою голову между Сыновьями Неоновой Хризантемы и чем-то, принадлежавшим им, или скорее чем-то, что было у них, но принадлежало кому-то еще. Ральфи, конечно, мог задействовать кодовую фразу и ввести меня в состояние "идиот-всезнайка" — тогда я выложу их горяченькую программку целиком, не запомнив ни единого звука. Для такого ушлого торгаша, как Ральфи, этого бы вполне хватило. Но только

не для якудза. Якудза наслышаны о "кальмарах" и, естественно, не будут чувствовать себя спокойно, зная хотя бы малую часть их возможностей. С помощью "кальмаров" ничего не стоит вытащить из моей головы программу даже по самым слабым, остаточным следам. Сам я знаю о "кальмарах" немного, но кое-что слышать доводилось, и я зарекся болтать об этом с клиентами. Нет, якудза это точно не понравится: слишком смахивает на улики. Они бы не были тем, что есть, если бы оставляли улики. Или живых свидетелей.

Льюис продолжал ухмыляться. Словно он уже видел внутри моей головы то, что им было нужно, и теперь прикидывал, как бы добраться до этого самым коротким путем.

— Эй, ковбои, что-то маловато в вас жизни, — послышался из-за моего правого плеча низкий женский голос.

— Исчезни, сука, — равнодушно сказал Льюис; его загорелое лицо было предельно спокойно. Ральфи же выглядел озадаченным.

— Как насчет взбодриться? Есть хорошее ширево. Чистейшее, никаких примесей. А? — Она подтянула к себе стул и уселась на него прежде, чем эти двое успели ей помешать. Я в моем положении мог видеть ее только краем глаза: худая девушка в зеркальных очках, волосы темные, короткая, неаккуратная стрижка. На ней была расстегнутая черная кожанка, под ней — футболка в косую черно-красную полоску. — Восемь тонн за грамм.

Льюис недовольно хрюкнул и попытался вышибить из-под нее стул. Это у него почему-то не получилось; ее рука метнулась к нему и, похоже, слегка коснулась его запястья. Яркая струя крови мгновенно залила стол. Льюис с силой сжал запястье другой рукой, костяшки побелели от напряжения, сквозь пальцы проступила кровь.

Странно, у нее в руке, кажется, ничего не было.

Теперь ему понадобится сшиватель сухожилий. Льюис осторожно поднялся, даже не попытавшись отодвинуть стул. Стул опрокинулся, и Льюис пропал с моих глаз, не издав при этом ни звука.

— На его месте я бы обратилась к врачу, — сказала она. — Порез не слишком приятный.

— Ты хоть сама понимаешь, — голос Ральфи сделался вдруг очень усталым, — в какую яму с дерьмом ты только что себя посадила?

— Кроме шуток? А, понимаю, тайна. Обожаю тайны. Вроде той, почему этот ваш приятель такой тихоня. Он что — замороженный? Или для чего здесь вот эта штуковина? — Она

показала миниатюрный блок управления, который неизвестно когда успела стащить у Льюиса. Ральфи выглядел совсем больным.

— Ты, э-э-э… Послушай, даю тебе за нее четверть миллиона, и ты отсюда уходишь. — И он мясистой рукой стал нервно оглаживать свое бледное, худое лицо.

— Чего я хочу, — она прищелкнула пальцами; блок при этом начал вращаться, отбрасывая по сторонам блики, — так это настоящего дела. Ваш парнишка повредил себе руку. Раз за это полагается гонорар, то четверть миллиона сойдет.

Ральфи шумно выдохнул и засмеялся. Его зубы явно недотягивали до стандарта по меркам Белого Христиана. Тут она выключила парализатор.

— Два миллиона, — сказал я.

— Вот это, я понимаю, мужчина, — сказала она сквозь смех. — А в сумке у тебя что?

— Обрез.

— Тупая работа. — Впрочем, это мог быть и комплимент.

Ральфи не произнес ни слова.

— Меня зовут Миллион. Молли Миллион. Линяем, босс? А то на нас начинают пялиться. — Она встала. На ней были кожаные джинсы цвета засохшей крови.

И только сейчас я заметил, что ее зеркальные линзы были вживлены в кожу лица: серебро гладким слоем поднималось от крутых скул, запечатывая глаза в глазных впадинах. Я увидел в этих линзах двойное отражение моего нового лица.

— А я Джонни, — сказал я ей. — Мистера Мордашку мы забираем с собой.

Он ждал нас снаружи. Внешне — заурядный турист из техов: пластиковые дзори и дурацкая гавайка с кричащей рекламой самого популярного микропроцессора его фирмы. Тихий, спокойный человечек, из той породы людей, что вечно посиживают в баре, попивая саке, — в таких заведениях еще подают крошечные рисовые крекеры с начинкой из морских водорослей. Он в точности походил на тех, кто плачет от гимнов собственной корпорации, а после бесконечно и нудно трясет бармену руку. И сутенеры, и перекупщики не обратили бы на него внимания, посчитав безнадежно отсталым. Парень, мол, недалекий, и с кредитной карточкой осторожничает.

Как я догадался позднее, ему ампутировали фалангу большого пальца левой руки и заменили ее искусственным наконечником, а в обрубке сделали углубление и, покрыв его изнутри слоем синтетического алмазного покрытия фирмы "Оно-Сендаи", закрепили в нем катушку. А потом аккуратно намотали

на катушку три метра мономолекулярной нити.

Молли заговорила о чем-то с Магнитными Собаками — так что я, крепко прижав к спине Ральфи свою сумку, смог вытолкнуть его за дверь. Похоже, Молли была с ними знакома. Я слышал, как чернокожая рассмеялась.

Внезапная вспышка над головой заставила меня поднять глаза — я так и не смог привыкнуть ко всем этим парящим в воздухе дугам света под темными геодезическими куполами[29]. Может быть, это меня и спасло.

Ральфи оказался на несколько шагов впереди, но не думаю, чтобы он собирался сбежать. Думаю, он уже смирился. Возможно, он уже полностью осознал, против кого мы пошли.

И в тот момент, когда я опустил глаза, его разорвало на части.

Если прокрутить все еще раз, картина представляется следующая. Ральфи делает еще один шаг, и в этот момент неизвестно откуда — бочком, с улыбочкой на лице — выныривает этот маленький тех. Он делает что-то похожее на поклон, и у него отваливается большой палец левой руки. Это очень напоминает фокус. Палец висит в воздухе. Система зеркал? Проволока? Ральфи застывает на месте спиной к нам, от подмышек по его светлому летнему костюму расплываются темные пятна. Он взмок. Он знает. Он наверняка должен знать. И тут этот палец, как игрушка из лавки сюрпризов, — тяжелый, будто из свинца, — в довершение идиотского фокуса, демонстрируемого маленьким техом, описывает в воздухе стремительную дугу — и невидимая нить, соединенная с рукой убийцы, проходит сквозь череп Ральфи немного выше бровей, а затем, не задерживаясь, взлетает вверх и — снова вниз, рассекая грушеподобное тело по диагонали через плечо и грудную клетку. Разрезы так незаметны, что кровь появляется лишь тогда, когда нервные связи начинают давать сбой и первые судороги не отдают тело во власть тяготения.

Ральфи, окруженный жидким розовым облаком, развалился на три куска; куски эти в полной тишине покатились по покрытому плитками тротуару.

Я с силой рванул сумку, моя рука конвульсивно сжалась. Отдача от выстрела едва не переломила мне кисть.

Лил дождь, струи воды каскадами падали сквозь прорехи в куполе и разбивались на плитах позади нас. Мы затаились в щели между хирургическим бутиком и антикварной лавкой. Краешком зеркального глаза Молли выглянула за угол и сообщила, что перед "Взлетной полосой" стоит только один "фолькс-модуль" с включенной красной мигалкой. Что Ральфи убирают с тротуара. И пристают ко всем с расспросами.

Я весь был облеплен опаленным белым пухом. Вот тебе и теннисные носки. Спортивная сумка превратилась в скомканный пластиковый наручник.

— Не понимаю, какого дьявола я в него не попал?

— Потому что он очень-очень ловкий. — Молли, обняв руками колени, раскачивалась на корточках с пятки на носок. — Ему перестроили нервную систему. Он фабричный продукт. — Она издала тихий, довольный смешок. — Я должна достать этого парня. Сегодня же ночью. Он лучший, кого я встречала. Номер один, высшая проба, шедевр.

— Что ты должна за два миллиона, так это вытащить меня из этой задницы. А этот твой дружок — его действительно вырастили в пробирке. В Тиба-сити. Это же наемный убийца якудза.

— Тиба? Понятно. Видишь ли, Молли тоже бывала в Тибе. — И она показала мне свои ладони, слегка раздвинув пальцы. Пальцы были тонкие и ухоженные и по сравнению с полированными темно-красными ноготками казались мертвенно-бледными. Десять лезвий выскочили одновременно из скрытых под ногтями пазов: каждое — узкий, остро отточенный скальпель из бледно-голубой стали.

Я никогда не бывал подолгу в Ночном Городе. Здесь никто не покупал мою память — наоборот, здешние обитатели платили достаточно регулярно, чтобы о многом забыть. Поколения метких стрелков постоянно громили неоновые светильники, пока ремонтные бригады вообще не плюнули на свое безнадежное дело. Даже в бледном свечении дня своды куполов здесь были черны как сажа.

Куда ты собрался бежать, если самая богатая преступная организация в мире подбирается к тебе своими длинными холодными пальцами? Где ты спрячешься от якудза — они могущественны настолько, что владеют собственными спутниками связи и по меньшей мере тремя шаттлами? Якудза — настоящая транснациональная корпорация, такая же, как "Ай-Ти-Ти" или "Оно-Сендаи". За пятьдесят лет до моего рождения якудза уже подчинила себе триады, мафию и Корсиканский союз.

У Молли был наготове ответ: ты спрячешься в Адской Яме, в самом нижнем ее круге, где любое давление извне мгновенно порождает круговые волны ответной грубой угрозы. Ты укроешься в Ночном Городе. А еще лучше — ты спрячешься *над* Ночным Городом, потому что Адская Яма вывернута наизнанку и днище ее котла почти касается неба. Неба, которое Ночной Город никогда не видит, потея под собственным небосводом, сделанным из акриловой резины. Там, наверху, одни лишь нитехи, подобно

химерам-горгульям, привычно копошатся во тьме со свисающими с губ контрабандными сигаретами.

Она же подсказала ответ и на другой мой вопрос:

— Значит, твоя голова заперта капитально, Джонни-сан? И никак эту программу без пароля оттуда не вытащишь? — Она отвела меня в тень за освещенной платформой "трубы". Бетонные стены были сплошь покрыты граффити — наслаиваясь из года в год, они превратились в один сплошной метарисунок гнева и безнадежности.

— Информация, которую я беру на хранение, вводится через модифицированный серийный протез, применяемый обычно в контраутической микрохирургии. — Я запустил ей сокращенную версию своего стандартного рекламного ролика. — Код клиента хранится в специальном чипе; кроме "кальмаров", о которых в нашем ремесле вообще-то говорить не принято, никто не может восстановить пароль. Хоть режь меня, хоть пытай, хоть накачивай наркотиками. Я его просто не знаю, да никогда и не пытался узнать.

— Кальмары? Это которые со щупальцами и ползают?

Мы очутились на опустевшем уличном рынке. Смутные фигуры, маячившие на другой стороне импровизированной торговой площади, усыпанной рыбьими головами и гниющими фруктами, провожали нас внимательными взглядами.

— Так называют сверхпроводниковые квантовые детекторы возмущений[30]. Во время войны их использовали для поиска подводных лодок и выкачивания информации из вражеских киберсистем.

— Вот оно что. Флотские штучки? Еще с войны? И такой вот "кальмар" сможет прочесть твой чип? — Она остановилась, и я почувствовал на себе взгляд ее глаз, укрытых за линзами-зеркалами.

— Даже примитивные модели могут измерить силу магнитного поля с точностью в одну миллиардную геомагнитной — это как отыскать шепчущего на ревущем стадионе.

— Ну, копы уже могут это делать — при помощи параболических микрофонов и лазеров.

— Да, но при этом ваши данные все равно останутся в безопасности. — Во мне проснулась гордость профессионала. — Ни одно правительство не разрешит своим копам пользоваться "кальмарами" — даже секретной службе. Слишком много возможностей для междепартаментских склок: всем им охота устроить новый уотергейт.

— Флотские штучки… — Она задумалась, в тени сверкнула ее улыбка. — Флотские штучки… Тут, внизу, есть у меня дружок,

который служил во флоте. Его зовут Джонс. Я думаю, тебе стоит с ним познакомиться. Он, правда, сидит на игле. Так что придется ему что-нибудь принести.

— Он наркоман?

— Он дельфин.

Он был больше, чем просто дельфин, — любой нормальный дельфин вряд ли бы отнесся к нему как к своему собрату. Я смотрел, как лениво он кружится в своей оцинкованной цистерне. Вода перехлестывала через край, заливая мои ботинки. Киборг. Пережиток последней войны.

Он высунулся из воды, и взгляду предстало закованное в бронированные пластины тело. Это было открытой издевкой над его сущностью: изящество, отпущенное ему природой, почти полностью потерялось под грубым и допотопным панцирем. В уродливых выпуклостях по обеим сторонам черепа были установлены сенсорные датчики. Множество серебристых шрамов мерцало на открытых участках его светло-серой кожи.

Молли свистнула. Джонс взмахнул хвостом, и через край цистерны выплеснулся еще один фонтан.

— Что это за место? — спросил я, всматриваясь в едва различимые в темноте звенья ржавой цепи и какие-то укрытые брезентом предметы. Над цистерной нависала громоздкая деревянная рама, увитая рядами пыльных рождественских фонариков.

— "Фанлэнд", "Страна развлечений". Зоопарк и карнавальные шествия. "Не хотите ли поговорить с Китом-Воином?" И все такое прочее. Как будто Джонс похож на кита…

Джонс высунулся опять и остановил на мне свой древний печальный взгляд.

— А как он разговаривает? — Мне вдруг очень захотелось бросить все и уйти.

— Тут своя хитрость. Скажи "привет", Джонс.

И все лампочки сразу же загорелись. Замигали разноцветные огоньки — красный, белый, голубой.

— Видишь, он неплохо разбирается в символах, но набор кодов у него несколько ограниченный. У себя на флоте он был подключен к аудиовизуальному дисплею. — Она вытащила из кармана узкий плоский пакетик. — Джонс, есть отличное говнецо. Хочешь попробовать? — Он остановился в воде и стал медленно погружаться на дно. Я почувствовал странное беспокойство, вдруг вспомнив, что он не рыба и может запросто утонуть. — Джонс, нам нужен ключ к банку данных Джонни. Как бы его поскорее заполучить? Огоньки дрогнули и погасли.

— Давай, Джонс!

Белое магниевое сияние омыло ее лицо, свет лег ровным слоем, тени, тянувшиеся от скул, исчезли. Снова тьма.

— Отличнейшее! Никаких примесей. Ну же, Джонс.

Голубой мертвенный свет. Распятие. Пауза.

Кроваво-красная свастика щупальцами отразилась в серебристых линзах Молли.

— Выдай ему обещанное, — сказал я. — Мы нашли что хотели.

Эх, Ральфи, Ральфи. Мордашка… Ну никакого воображения.

Джонс взгромоздил добрую половину своей бронированной туши на край цистерны, и я подумал, что металл не выдержит и поддастся. Молли с размаху всадила иглу, угодив точно между двумя пластинами. Раздался шипящий звук. Вновь вспыхнули лампочки, по раме, судорожно пульсируя, побежали световые узоры.

Мы оставили Джонса лениво покачиваться в темной воде. Быть может, ему снились сны о войне на Тихом океане, о киберминах, которые он подрывал, осторожно проникая в их внутренности с помощью своего "кальмара". Сегодня "кальмар" пригодился и мне, чтобы вытащить из чипа, похороненного в моей голове, жалкий пароль Ральфи.

— Хорошо, пускай они дали маху, когда списали Джонса со флота со всей его оснасткой… Но как кибердельфин мог сесть на иглу?

— Война, — сказала она. — Они все там были такие. Что ты хочешь — это же флот. Иначе попробуй заставь их работать на себя.

— Не думаю, что эту вашу затею можно осуществить, — сказал нам пират, пытаясь заломить цену. — Пробить канал на спутник связи, который нигде не зарегистрирован…

— Еще одно слово, и у тебя больше не будет проблем. — Молли уперла локти в исцарапанный пластик стола и нацелила на него указательный палец.

— Тогда, быть может, вы заплатите за свои микроволны где-нибудь в другом месте?

Да, парень классный, хоть и косит под Сони Мао. Родом из Ночного Города, не иначе.

Ее рука метнулась вперед и, скользнув по его куртке, целиком отсекла лацкан, даже не помяв ткань.

— Так что, по рукам или как?

— Да, — он уставился на срезанный лацкан, делая вид, что рассматривает его только из вежливого интереса, — по рукам.

Пока я настраивал два купленных заранее рекордера, Молли вытащила из кармана на рукаве куртки сложенный бумажный

листок, на котором я записал пароль. Развернула его и молча прочла, медленно шевеля губами.

— И это все? — Она пожала плечами.

— Начинай, — сказал я, нажимая клавиши "ЗАПИСЬ" на обеих деках одновременно.

— Белый Христиан, — прочитала она вслух, — и его "Арийский рэгги-бэнд".

Верный Ральфи. Фанат до самой могилы.

Переход к состоянию "идиот-всезнайка" всегда не такой внезапный, каким его ждешь. Радиостанция пирата представляла собой кубическое помещение, выдержанное в пастельных тонах и скрывающееся под вывеской захудалого туристического агентства; похвастаться оно могло лишь столом, тремя стульями и выцветшим постером с рекламой швейцарской орбитальной клиники. Две стеклянные птички на проволочных лапках монотонно тянули воду из пеностироловой чашки, которая стояла перед ними на полке рядом с плечом Молли. Пока я входил в режим, движения их постепенно ускорились, и через какое-то время венчики на их головах, искрящиеся в свете ламп, слились в сплошные разноцветные дуги. Индикатор пластмассовых настенных часов, на котором отсчитывались секунды, превратился в бессмысленную пульсирующую сетку, а сама Молли и этот парень с рожей под Сони Мао словно погрузились в туман, лишь изредка я видел, как в тумане мелькают их руки, выписывая призрачные фигуры, напоминающие движения насекомых. А потом и они исчезли, растворившись в сером холоде статики, в котором не было ничего, лишь кто-то нудно бормотал на искусственном языке одну-единственную бесконечную поэму.

Без малого три часа просидел я, выпевая краденую программу покойника Ральфи.

Проспект тянется на сорок километров — сорок километров неровно состыкованных фуллеровских куполов, накрывающих то, что некогда было оживленной пригородной магистралью. Когда в ясную погоду здесь выключают освещение, солнечные лучи, пробиваясь сквозь многослойные акриловые перекрытия, превращаются в серую дымку. Это очень напоминает тюремные наброски Джованни Пиранези. На юге три последних километра проспекта проходят через Ночной Город. Ночной Город не платит налогов ни в государственную, ни в городскую казну. Неоновые светильники здесь давно мертвы, а геодезики почернели от копоти костров, на которых десятилетиями готовят пищу. И разве кто-нибудь разглядит среди густой полуденной темноты Ночного Города несколько дюжин сумасшедших детей, прячущихся между

балками перекрытий?

Два часа мы карабкались вверх по бетонным ступеням и металлическим решетчатым трапам мимо ветхих мостков и покрытых пылью подъемников. Начали мы свое восхождение с площадки, похожей на заброшенную ремонтную платформу, сплошь заставленную треугольными сегментами купола. И на всех предметах вокруг мы видели все те же привычные, однообразные граффити, нанесенные при помощи аэрозольных баллончиков с краской: названия банд, чьи-то инициалы, и даты, даты, даты — вплоть до самого начала века. Надписи преследовали нас по пятам, но чем выше мы забирались, тем их становилось меньше, пока наконец не осталась одна-единственная, повторяющаяся с настойчивым постоянством: *НИТЕХИ*. Большими заглавными буквами с подтеками черной краски.

— Нитехи — это кто?

— Только не мы, босс. — Она влезла на шаткую алюминиевую лестницу и скрылась в дыре, прорезанной в листе гофрированного пластика. — Примитивная техника, низкие технологии — вот что это такое. — Пластик приглушал ее голос. Я осторожно полез за ней следом, оберегая побаливающую кисть. — Даже твоя затея с обрезом нитехам не покатила бы.

Где-то час спустя, когда я протащил свое тело сквозь очередную дыру, на этот раз грубо пропиленную в листе фанеры, я впервые наткнулся на нитеха.

— Все в порядке. — Рука Молли скользнула по моему плечу. — Это просто Пес. Эй, Пес!

Он стоял, освещенный узким лучом ее карманного фонаря, и рассматривал нас своим единственным глазом. Потом медленно высунул изо рта длинный серый язык и облизал выпирающие наружу клыки. Я подумал: а можно ли считать трансплантацию челюстных тканей добермана примитивной технологией? Ведь не растут же иммуноподавители на деревьях.

— Молл’. — Длинные клыки коверкали речь нитеха. С вывернутой нижней губы свисала капля слюны. — Слыш’л, как вы идете. Давно. — На вид ему было лет пятнадцать, но клыки, яркая мозаика шрамов и вдобавок вечно разинутая пасть превратили его лицо в настоящую звериную морду. Надо же было потратить столько времени и таланта, чтобы соорудить этакую образину; впрочем, по достоинству, с каким он держался, было видно, что жить за таким фасадом ему нравится. Ноги его прикрывали драные джинсы, черные от налипшей грязи и лоснящиеся на сгибах. Грудь Пса была голой, и стоял он на полу босиком. Нитех изобразил своим ртом что-то вроде ухмылки: — Идут след’м, за

вами.

Далеко внизу, в Ночном Городе, надрывно закричал лотошник-водонос, зазывая покупателей.

— Запрыгали струны, Пес?

Она повела фонарем, и я увидел тонкие провода, привязанные к головкам болтов. Они тянулись от самого края площадки и исчезали внизу.

— Выруби еб'н свет!

Она сразу же погасила фонарик.

— Эт't, к'торый там, как он ход't без света?

— Он ему не нужен. Это подарочек еще тот, Пес. Если ваши сторожа попытаются спихнуть его, думаю, что домой они вернутся в разобранном виде.

— Он друг эт'г друга, Молл? — с тревогой прогнусавил он. Я услышал, как у него под ногами затрещала гнилая фанера.

— Нет. Но я займусь им сама. А этот, — она похлопала меня по плечу, — это мой друг. Понял?

— Ясн', — ответил он без особой радости и прошлепал к краю платформы, туда, где крепились болты. Дергая за натянутые струны, он принялся передавать сообщение тем, кто находился внизу.

Подобно огромному крысиному лабиринту далеко под нами раскинулся Ночной Город. Он был окутан мраком, лишь в крохотных квадратиках окон тускло мерцали свечи, да изредка выступали из тьмы площадки, освещенные фонарями на батарейках и карбидными лампами. Я представил себе стариков, коротающих время за бесконечной партией в домино: они лениво постукивают костяшками, а сверху им на головы с мокрого стираного белья, вывешенного между фанерными лачугами, падают большие теплые капли. Затем я попытался представить того, кто сейчас терпеливо взбирается вверх, один, в темноте, в своих легоньких дзори и мерзкой туристской рубахе, вежливо улыбаясь и не спеша — да и куда спешить-то?.. И все же, как ему удалось выследить нас?

— Очень просто, — сказала Молли. — Он чует нас по запаху.

— Кур'шь?

Пес вытащил из кармана мятую пачку и, как награду, вручил мне сплющенную сигарету. Прикуривая от кухонной спички, я разглядел марку. Ихэюаньский табак. Пекинская сигаретная фабрика. Понятное дело, нитехи связаны с черным рынком. Тем временем Пес и Молли завели какой-то нескончаемый спор, который, как я понял, вертелся вокруг желания Молли воспользоваться чем-то особенным из недвижимого имущества нитехов.

— Приятель, ты, наверно, забыл, сколько я всего для вас сделала. Мне нужна Площадка. Я давно не слушала музыку.

— Ты не н'тех…

Так они препирались добрую часть километрового зигзага, по которому вел нас Пес. Идти оказалось непросто: то по узким раскачивающимся мосткам, то куда-то вверх по веревочным лестницам. Нитехи плетут свою паутину, плевками эпоксидной смолы прикрепляя свои гнезда к расползающейся ткани города — и спят там себе над бездной в веревочных гамаках… Их владения настолько условны, что порой и состоят лишь из упоров для рук и ног, выпиленных в конструкциях геодезиков.

Дохлая Площадка, сказала Молли. Поспевать за ней было непросто, особенно в этих неразношенных модных туфлях из гардероба Скоростного Эдди, которые скользили по вытертому металлу и гладкой, мокрой фанере, — и я подумал: а можно ли найти еще более гиблое место, чем это? Молли и Пес все спорили, но я догадывался, что отговорки Пса — всего лишь ритуал: она получит то, чего хочет.

Где-то там внизу, под нами, ходил кругами в своей цистерне Джонс. У бедняги как раз должна была начаться ломка. Полиция, наверное, все еще приставала к завсегдатаям "Взлетной полосы" с вопросами о Ральфи. Что он там делал? Да с кем он там был до того, как вышел на улицу? И якудза, должно быть, уже запускала свои невидимые щупальца в информационные узлы города, выискивая любую мелочь, способную навести на мой след, — банковские счета, страховки, оплаченные квитанции. У нас информационная экономика. Этому учат еще в школе. Но учителя никогда не скажут вам, что невозможно жить, передвигаться, совершать какие-либо действия, не оставляя крошечных, ничтожных на первый взгляд, но неуничтожимых следов информации о личности каждого человека. Следов, которые можно извлечь, собрать, усилить…

Но к этому времени пират уже должен был переправить нашу анонимку в сеть, откуда она прямиком попадет на комсат якудза. Послание очень простое: "Отзовите ищеек, или мы запустим вашу программу по всем каналам".

Программа… Я даже понятия не имел о ее содержимом. И до сих пор не имею. Я просто пропел свою песню, не разбирая слов. Быть может, это были данные каких-то исследований, добытые с помощью промышленного шпионажа, — обычный бизнес якудза. Чем не по-джентльменски — грабануть у "Оно-Сендаи" какую-нибудь перспективную разработку, а затем вежливо предложить ее выкупить? А если жертва упрется, в ход пойдут угрозы: или гоните монету, или ваша бесценная новинка станет достоянием

гласности.

И в самом деле, почему бы им не поставить на какой-то другой номер? Разве продать украденное "Оно-Сендаи" для них менее выгодно, нежели выкопать могилу для какого-то Джонни из Переулка Торговцев Памятью?

Их программа, отправленная наземной почтой четвертого класса, была сейчас на пути в Сидней. По одному адреску, по которому я обычно отсылал письма для своих клиентов, — люди там работали надежные и, главное, они не задавали вопросов, — причем совсем незадорого. Якудза же я выслал программу не целиком, а лишь небольшую часть второй копии — ровно столько, чтобы они убедились в ее подлинности. А поверх затертого куска я записал свое послание.

Боль в кисти не проходила. Мне хотелось остановиться, лечь и уснуть. Я знал: еще немного, и я потеряю чувство реальности, свалюсь без сил — и уж тогда-то эти черные остроносые туфли, которые я купил, чтобы сыграть роль Эдди Бакса, потеряют опору и мигом доставят меня вниз, в Ночной Город. Но перед мысленным взором все время стоял он — тот, что шел за нами следом: от него, как от дешевой религиозной голограммы, исходило сияние, а увеличенный чип на гавайке напоминал снимок приговоренного к ядерной смерти города, сделанный со спутника-шпиона.

И поэтому я продолжал идти за Молли и Псом через небеса нитехов, кое-как сколоченные из всякого хлама, от которого отвернулся даже Ночной Город.

Дохлая Площадка — квадрат восемь на восемь метров. Словно какой-нибудь великан, натянув на стальных канатах свалку металлолома, подвесил ее в пустоте. Она скрежетала при малейшем движении, а двигалась она постоянно, раскачиваясь и подпрыгивая, пока собравшиеся нитехи рассаживались на окружавшем ее фанерном карнизе. Дерево от старости серебрилось, поверхность карниза, отполированная за долгие годы, сплошь пестрела от вырезанных имен, угроз и признаний в любви. Тросы, удерживавшие Площадку на весу, терялись во тьме за пределами ослепительно-белого сияния двух древних прожекторных рам, подвешенных сверху.

Девушка с зубами как у Пса неожиданно выпрыгнула на Площадку и встала на четвереньки. На грудях ее были вытатуированы спирали цвета индиго. Она быстро добежала до края и с громким хохотом вцепилась в парня, который пил из литровой фляги какую-то темную жидкость.

Похоже, мода у нитехов и состояла-то в основном из татуировок да шрамов. Ну и, конечно, зубов. Электричество,

которое они воровали для освещения Дохлой Площадки, казалось исключением из их эстетики, сделанным во имя… чего? Ритуала, спорта, искусства? Точно сказать я не мог, но видел, что Площадка — это нечто особенное. И, судя по всему, каждое поколение нитехов вносило в нее что-то свое.

Я все еще прятал под курткой бесполезный обрез. Патронов в нем больше не было, но твердость приклада, упиравшегося в мой бок, действовала успокаивающе. И тут до меня наконец дошло, что я до сих пор не имею ни малейшего представления о том, что здесь на самом деле происходит — или может произойти. Но это было в духе всей моей предыдущей игры, потому что большую часть жизни я был лишь слепым сосудом, который чужие люди наполняли чужими знаниями, а затем выкачивали их обратно, — и я послушно выплескивал из себя искусственные слова, никогда не понимая их смысла. Одним словом, очень техничный парень. Уж будьте уверены.

А затем я заметил, какими тихими сделались вдруг нитехи.

Он стоял на границе света и тьмы, с невозмутимым спокойствием туриста рассматривая Площадку и толпу нитехов, замерших на галерке. И когда наши взгляды встретились и мы сразу же узнали друг друга, вдруг словно что-то щелкнуло в моей памяти. Я вспомнил Париж: длинные электрические "мерседесы", как блуждающие оранжереи скользящие сквозь дождь к Нотр-Дам, а за стеклами японские лица, и сотни объективов "никои", и из каждого слепо тянущийся к свету цветок из хрусталя и стали. И в самой глубине его глаз — когда наши взгляды встретились — я увидел те же, что и тогда, жужжащие затворы фотообъективов.

Я оглянулся в поисках Молли, но она куда-то исчезла.

Нитехи молча потеснились и дали ему ступить на карниз. На лице его светилась улыбка, он поклонился и плавным движением выскользнул из своих сандалий; они остались стоять одна подле другой, выровненные, будто по линейке. Потом он сошел на Площадку. Тех двигался ко мне через колеблющиеся завалы металлолома легко и спокойно — как беззаботный турист, фланирующий по синтетическим ковровым дорожкам второразрядного отеля.

И тут стремительным движением на Площадку выпрыгнула Молли.

Площадка пронзительно завизжала.

Каждое движение Площадки сопровождалось усиленным до предела звуком: к четырем толстым спиральным пружинам по ее углам были подключены здоровенные звукосниматели, а к ржавым обломкам машин и механизмов безо всякой системы крепились контактные микрофоны. А еще где-то нитехи держали

усилитель и синтезатор; вверху же, над нашими головами, сквозь слепящее марево можно было различить неясные очертания колонок.

С размеренной четкостью метронома начал отбивать ритм электронный ударник: ощущение было такое, словно где-то поблизости застучало огромное сердце.

Молли сбросила с себя куртку и сапоги и осталась в футболке без рукавов; по едва заметным следам на ее тонких руках можно было догадаться о специальных устройствах из Тиба-сити. Ее кожаные джинсы блестели в свете прожекторов. Она начала танцевать.

Согнув ноги в коленях, она с силой вдавила белые ступни в расплющенный бензобак; в ответ на это Площадка начала раскачиваться. Звук при этом был такой, словно мир рушится в преисподнюю, а провода, которыми он прикреплен к небесам, лопаются и скручиваются по всему небосводу.

Всего несколько биений сердца потребовалось теху, чтобы приноровиться к диким броскам Площадки, затем он легко двинулся дальше, ступая по обломкам металла, словно по верхушкам плоских камней в каком-нибудь орнаментальном саду.

Не доходя до Молли, он с изяществом человека, привычного к светским манерам, потянул за кончик большого пальца и метнул его в ее сторону. Преломившись в лучах прожекторов, нить протянулась в воздухе радужной паутинкой. Молли бросилась на пол и откатилась в сторону, а затем, когда смертоносная молекула просвистела мимо, взметнулась вверх, как распрямившаяся пружина. Словно повинуясь инстинкту самозащиты, она выпустила стальные когти.

Барабанный пульс участился. Молли делала прыжок за прыжком — черные волосы взлетали от дикой пляски над слепым серебром линз, рот сжался в линию, губы побелели от напряжения. А под ней гудела и скрежетала Площадка, и нитехи повизгивали от удовольствия.

Тех втянул нить обратно, но не до конца: держа беспалую руку на уровне груди, он стал вращать нить перед собой, образовав призрачный многоцветный круг диаметром около метра. Словно загородился щитом.

И тут Молли как будто прорвало. Это трудно было назвать танцем — так мечется сорвавшаяся с цепи бешеная собака. Она резко подпрыгнула, прогнулась в воздухе и, сделав рывок в сторону, приземлилась обеими ногами на алюминиевый блок двигателя, прикрученный проволокой к одной из спиральных пружин. Я зажал уши ладонями, сила звука, с которой загрохотала Площадка, бросила меня на колени, голова моя

закружилась, я подумал, что и сама Площадка, и карниз с сидящими на нем нитехами, сорвавшись, рушатся вниз. Мне уже виделось, как мы падаем на Ночной Город, как ломаются от удара лачуги, разлетается недосушенное белье и несчастные наши тела разбиваются о городские плиты, словно гнилые фрукты. Но тросы выдержали, и Площадка продолжала взлетать и падать подобно безумному металлическому морю. И Молли продолжала танцевать на его волнах.

И уже перед самой развязкой, перед тем как тех в последний раз взмахнул своей нитью, я увидел на его лице выражение, которое, по-моему, просто не могло принадлежать ему. Это не было страхом, и это не было гневом. Скорее это были неверие, изумление и непонимание одновременно, смешанные к тому же с чисто эстетическим отвращением ко всему, что он здесь видел и слышал, — и к тому, что происходило с ним. Он опять втянул в палец вращающуюся нить и, когда призрачный диск уменьшился до размеров тарелки, взметнул руку над головой и рывком ее опустил: кончик большого пальца, словно сделавшись вдруг живым, метнулся в сторону Молли.

Но Площадка унесла Молли вниз, и нить прошла над самой ее головой — чтобы затем, в упругом развороте, возвратиться к своему хозяину, взлетевшему на гребне встречной волны. Нить должна была без вреда пройти над его головой и вернуться на место в алмазную твердь сустава. Вышло иначе: она отсекла ему кисть. Перед техом в Площадке образовалась брешь, и он шагнул прямо в нее: так уходит в воду ныряльщик, неторопливо, с нарочитым изяществом, — сбитый камикадзе на своем пути вниз, в Ночной Город. Но я думаю, есть еще одна причина, объясняющая этот прыжок. Напоследок, перед тем как уйти в глубину, он хотел подарить себе несколько секунд тишины, которых он был достоин. Не ловкость и не отвага соперницы убили его — его убил культурный шок.

Нитехи заорали как резаные, но кто-то уже выключил усилитель, и Молли, с бледным, без тени чувства лицом, покачалась еще немного с Площадкой, пока та наконец не остановилась и в медленно возвращающейся тишине не осталось ничего, кроме затухающего гуда измученного металла да скрипа трущихся друг о друга ржавых частей.

Мы обшарили всю Площадку в поисках отрезанной кисти, но так и не нашли ее. Все, что мы обнаружили, — это изящный срез на одном из кусков ржавой стали, который оказался на пути пролетающей нити. Поверхность его сверкала, словно свежее хромированное покрытие.

Мы так и не узнали, приняли ли якудза наши условия, да и

вообще — дошло ли до них наше послание. Насколько мне известно, программа по-прежнему дожидается Эдди Бакса на полке в подсобке сувенирной лавки на третьем уровне вокзала Сидней-Пять. Оригинал программы они, скорее всего, продали обратно "Оно-Сендаи" еще несколько месяцев назад. Но, может, они и приняли передачу пирата, ведь до сих пор по мою душу так никто и не приходил, хотя минул почти год. Но даже если они и появятся, то сперва им придется повторить наш долгий подъем сквозь тьму, мимо часовых Пса, а я, если на то пошло, уже совсем не похож на Эдди Бакса. Я предоставил это Молли — ей и местной анестезии. И мои новые зубы уже почти прижились.

Я решил остаться здесь, наверху. В тот раз, когда я увидел его, появившегося на противоположном краю Площадки, до меня вдруг дошло, насколько я все-таки пуст. И еще я понял, что мне до тошноты надоело быть корзиной для чьего-то белья. Зато теперь почти каждую ночь я спускаюсь вниз и навещаю Джонса.

Мы теперь с ним партнеры, я и Джонс, — ну и, конечно, Молли. Молли устраивает наши дела внизу, во "Взлетной полосе". Джонс по-прежнему живет в своей "Стране развлечений", но цистерна у него куда как больше, и раз в неделю ему подвозят свежую морскую воду. И кайф у Джонса есть, когда ему надо. Он по-прежнему разговаривает с детишками с помощью рождественских фонариков, но со мной Джонс беседует через экран дисплея. Новый прибор гораздо лучше того, что был у него на флоте. Я установил его в гараже, который снимаю неподалеку.

И все мы зарабатываем неплохие денежки, побольше, чем я зашибал раньше, потому что "кальмар" Джонса может прочесть следы любой информации, которая когда-либо во мне побывала. Он выдает все это через наш новый дисплей на языке, который я теперь без труда понимаю. Так что мы много чего узнали о всех моих бывших клиентах. И однажды настанет день, когда я отправлюсь к хирургу, чтобы выковырять весь этот кремний, запрятанный у меня в железах. И останусь жить лишь со своей памятью и ничьей больше, как и другие люди. Но какое-то время я еще потерплю.

А пока здесь у нас, наверху, все в полном порядке. Я посиживаю себе в темноте, покуриваю китайские сигареты с фильтром, слушаю, как капает с геодезиков влага. Только здесь, наверху, еще можно услышать, что такое настоящая тишина — если, конечно, парочка нитехов не вздумает станцевать на Дохлой Площадке.

Такая жизнь многому учит. И если с помощью Джонса я разберусь еще в нескольких мелочах, я стану самым техничным парнем в городе.

Континуум Гернсбека

Судьба сжалилась надо мной, — и все произошедшее начинает расплываться, блекнуть, превращаться в эпизод. Если временами и случается уловить что-то странное, то только боковым зрением. Хромированные осколки поделок сумасшедшего доктора надежно прячут себя в уголке глаза. На прошлой неделе в небе над Сан-Франциско парил этот лайнер-бумеранг, но уже почти совсем прозрачный. И похожие на акул машины появляются все реже. И бесплатные шоссе уже не развертываются передо мной сверкающими восьмиполосными монстрами, по которым в прошлом месяце мне довелось вести взятую напрокат "тойоту". И я знаю, что ничего из этого не последует за мной в Нью-Йорк. Восприятие мира сузилось до единственной ленты вероятности. А это стоило немалого труда. И еще — спасибо телевидению.

Все это, думаю, началось в Лондоне, в псевдогреческой таверне на Бэттерси-парк-роуд, во время ленча, оплаченного фирмой Коэна. Еда там была безвкусная и горячая, кроме того, официант полчаса не мог найти ведерко со льдом для бутылки "рецины". Коэн работает на "Бэррис-Уотфорд", они издают модные нынче фолианты в мягкой обложке — этакие многостраничные иллюстрированные справочники по истории неоновой вывески, игровых автоматов с шариком или, скажем, заводной японской игрушки периода послевоенной оккупации. Я приехал сделать серию снимков для рекламы обуви. Калифорнийские девицы с загорелыми ногами, обутыми в кроссовки от "Дай-Гло", резво скакали перед моим объективом по эскалаторам универмага "Сент-Джонс-Вуд" и платформам станции "Тутинг Бек". Некое молодое агентство, голодное, но хваткое, решило, что "Загадка Лондонского Транспорта" — именно то, что нужно, чтобы продать нейлоновые кроссовки с рифленой подошвой. Агентство платило, я снимал. А Коэн, которого я смутно помнил по Нью-Йорку, пригласил меня позавтракать за день до того, как я должен был вылететь из Хитроу. С собой он привел модно одетую девицу по имени Дайалта Даунс — подбородок у нее отсутствовал, зато она была видным специалистом по истории поп-арта. Как сейчас вижу, как она появляется под руку с Коэном под пульсирующей неоновой вывеской. Огромными заглавными буквами вспыхивают и гаснут слова: "НА ЭТОМ ПУТИ БЕЗУМИЕ".

Коэн познакомил нас и пояснил, что Дайалта разрабатывает для "Бэррис-Уотфорд" новый проект — готовит иллюстрированную историю того, что она называет

"американским обтекаемым модерном". Коэн в шутку именовал его "готикой бензозаправочно-лучевого пистолета". Рабочим названием книги пока оставалось "Обтекаемый футурополис: Завтра, которого никогда не было".

Да, это была именно она — чисто британская одержимость наиболее вычурными элементами американской поп-культуры. Западные немцы точно так же бредят ковбоями и индейцами, а во Франции смакуют старые фильмы Джерри Льюиса. У Дайалты Даунс это проявилось в маниакальном пристрастии к той уникальной разновидности американской архитектуры, о которой большинство американцев даже и не подозревает. Я и сам поначалу не очень-то понимал, о чем это она толкует, но постепенно до меня дошло. Я обнаружил, что вспоминаю воскресные утренние телепередачи пятидесятых годов.

Иногда на нашей станции, заполняя паузу между программами, крутили старые киножурналы, дрожащие и исцарапанные. Ты сидишь себе с куском хлеба с арахисовым маслом и стаканом молока, а съеденный шумом статики голливудский баритон вещает о "Летающих автомобилях Будущего". А на экране — три инженера из Детройта суетятся вокруг огромного древнего "нэша" с крыльями. Потом он яростно громыхал по заброшенной дороге где-нибудь в Мичигане. На самом деле он так никогда и не отрывался от земли, но, оказывается, улетел-таки в эту страну "никогда-никогда" Дайалты Даунс, истинное прибежище не знающих преград технофилов. Она описывала то одни, то другие образчики "футуристической архитектуры тридцатых и сороковых", те самые дома и ограды, которые на каждом шагу встречаешь в американских городках, совершенно их не замечая. Напоминающие шляпки великосветских дам палатки кинотеатров с раструбами проекторов словно бы для излучения некой мистической энергии, заброшенные магазины с фасадами из гофрированного алюминия, трубчатые хромированные кресла, собирающие пыль в вестибюлях отелей. Во всем этом ей виделись осколки мира мечты, позабытые в равнодушном настоящем. Она хотела, чтобы я сфотографировал их для нее.

Тридцатые годы видели первое поколение промышленных дизайнеров. До сих пор все точилки для карандашей выглядели как точилки — еще викторианских времен механизм, быть может, с ободком декоративного орнамента. С приходом промышленного дизайна точилки стали выглядеть так, как будто их собирали в аэродинамической трубе. Изменения не шли дальше поверхности. Под обтекаемой хромированной оболочкой пряталось все то же лезвие. Что ж, это вполне логично, ведь наибольшего успеха

добивались дизайнеры, вышедшие из театриков на Бродвее. Все это было не более чем декорацией, профессионалы изощрялись, играя в жизнь в будущем.

За кофе Коэн извлек толстый матерчатый конверт с целой стопкой глянцевых фотографий. Я увидел крылатые статуи, охраняющие плотину Гувера, — сорокафутовые бетонные монументы, выглядящие так, будто они опираются на воображаемый ураган. На стол веером легла дюжина снимков "Джонсон Уокс Билдинг" по проекту архитектора Фрэнка Ллойда Райта вперемежку с обложками старого "палп-журнальчика" "Эмейзинг Сториз"[31] с рисунками художника по имени Фрэнк Р. Пол. Служащим фирмы "Джонсон Уокс", должно быть, казалось, что, приходя на работу, они вступают в одну из "палповых" утопий Пола. Здание Райта выглядело так, словно оно создавалось для людей, носящих белые тоги и легкие сандалии. Я задержался на рисунке грандиозного авиалайнера с многочисленными пропеллерами. Он походил на плоский симметричный бумеранг с окнами в самых неожиданных местах. Стрелки с подписями указывали расположение великолепного бального зала и двух кортов для сквоша. Рисунок был датирован 1936 годом.

— Не мог же он летать? — Я поднял глаза на Дайалту Даунс.

— Нет, конечно. Он не поднялся бы в воздух даже с этими двенадцатью пропеллерами. Но им нравилось. Разве вы не понимаете? Из Нью-Йорка в Лондон всего за два дня, первоклассные рестораны, солнечные палубы, вечерами танцы под джаз. Видите ли, дизайнеры тех времен были популистами. А публика жаждала будущего.

Я уже третий день мучился в Бербанке, пытаясь вдохнуть искру божию в скучное с виду кресло-качалку. И тут пришла посылка от Коэна. Нет ничего необычного в попытках заснять на пленку то, чего на самом деле нет, однако это чертовски сложно, а значит, такой талант пользуется большим спросом. Я, конечно, здесь не корифей, но умею делать это неплохо. Однако это злосчастное кресло заставляло меня выжимать из моего "никона" невозможное. Как и все, я люблю хорошо делать свое дело, и потому закончился этот контракт для меня депрессией, впрочем, не самой черной. Наученный горьким опытом, я еще в самом начале поспешил удостовериться, что получил за свою работу чек. А потому решил развеяться тонкой артистичностью заказа от "Бэррис-Уотфорд". Коэн прислал мне несколько книг по дизайну тридцатых годов, еще одну пачку снимков обтекаемых зданий и список из пятидесяти излюбленных Дайалтой Даунс образчиков этого стиля в Калифорнии.

Съемки архитектуры неизбежно несут в себе ожидание: здание превращается в подобие солнечных часов, пока ты ждешь, чтобы тень сползла с нужной тебе детали или чтобы определенным образом выявилась гармония структуры и массы. В часы вынужденного безделья я пытался вжиться в Америку Дайалты Даунс. Пара промышленных зданий, проступивших на матовом стекле "Хассельблада", приобрела вдруг некое зловещее достоинство тоталитарного строя — собратья стадионов, какие строил для Гитлера Альберт Шпеер. Но остальное не давалось в руки: оказалось, эфемерной субстанции, впитавшей в себя коллективное подсознание Америки тридцатых годов, удалось выжить лишь по окраинам захолустных городков с их пыльными отелями, дешевыми распродажами тюфяков и мелкими складами всяческого хлама. Подумать только, какой путь мне пришлось проделать ради одной-единственной бензоколонки.

В разгар "эпохи Даунс" возглавлять проектирование калифорнийских заправочных станций поставили, видно, Минга Безжалостного[32]. Предпочитавший архитектуру своей родной планеты Монго, Минг исколесил все побережье, воздвигая бензоколонки. Меня они неизменно наводили на мысль о пистолетах в белом гипсе. Все они щеголяли непропорционально вытянутыми центральными башнями, окруженными странными выступающими зубцами, сегодня сказали бы — излучателями. Они, очевидно, должны были стать визитной карточкой его стиля. Создавалось впечатление, что стоит только найти кнопку, которая бы запустила механизм, — они тут же разродятся очередью мощных взрывов чистейшего технического энтузиазма. Одну такую бензоколонку я успел заснять в Сан-Хосе за час до появления бульдозеров, которые с грохотом проломили структурную истину из гипса, железных решеток и дешевого бетона.

"Отнеситесь к этому, — говорила Дайалта Даунс, — как к некой альтернативной Америке: восьмидесятые годы двадцатого столетия, которые никогда не наступили. Архитектура несбывшейся Мечты".

В таком вот настроении, продвигаясь на красной "тойоте" по крестному пути, освященному социоархитектурным распятием Дайалты, я постепенно настраивался на теневой образ "Америки-которой-никогда-не-было". Той Америки, где заводы "Кока-Колы" выглядят, как выброшенные на берег субмарины, а заштатные кинотеатры кажутся храмами какой-нибудь богом забытой секты, поклоняющейся голубым зеркалам и геометрии. И, пробираясь меж этих потаенных руин, я осознал, что спрашиваю себя, что подумали бы обитатели этого потерянного будущего о мире, в

котором живу я. Тридцатые годы одевали свои мечты в белый мрамор и обтекаемый хром, бессмертный хрусталь и полированную бронзу. Но однажды глухой ночью ракеты с обложек гернсбековских журналов с воем упали на Лондон. После войны автомобили появились у всех и у каждого — только вот крыльев у них не было, — появились и обещанные супертрассы, чтобы ездить на них, так что даже небо потемнело, а выхлопные газы съели мрамор и изрыли оспинами чудесный хрусталь…

И вот однажды на окраине Болинаса, устанавливая камеру, чтобы заснять роскошный экземпляр марсианской архитектуры Минга, я прорвал тонкую мембрану вероятности…

Так легко и плавно я переступил Грань…

…и, подняв глаза, увидел двенадцатимоторное нечто, похожее на сплющенный бумеранг. Со слоновьей грацией оно ползло себе своей дорогой на восток, да так низко, что я мог бы пересчитать заклепки на его тускло-серебристой шкуре и услышать… быть может… эхо джаза.

С этим я приехал к Кину.

Мерв Кин — вольный журналист. Специализируется он на техасских птеродактилях, контактах с НЛО, лохнесских чудовищах и теориях о Заговоре Десяти, угнездившихся в самых глухих закоулках американского массового сознания.

— Неплохо, неплохо, — сказал Кин, натирая полой гавайской рубашки желтые стекла "полароидов". — Но не ментально. Не цепляет.

— Но я это видел, Мервин.

Мы сидели у бассейна под ярким солнцем Аризоны. Он как раз ожидал визита чиновников-пенсионеров, приехавших в Таксон из Лас-Вегаса. Их предводитель, вернее, предводительница принимала известия от Них на свою микроволновую печь. Я провел за рулем всю ночь, и это начинало сказываться.

— Ну да, конечно, ты это видел. Ты же читал мои статьи. Тебя что, не устраивает моя теория НЛО? Все ясно и до идиотизма просто: людям многое чего видится. — Аккуратно водрузив очки на длинный ястребиный нос, он устремил на меня взгляд василиска. — Ничего нет, а они видят. Вероятно, потому, что им это нужно. Ты же читал Юнга и должен знать, что все это — выверты подсознания. Твой случай до смешного очевиден: ты сам признаешь, что постоянно думал обо всей этой черепковой архитектуре, что у тебя возникали разные фантазии. Послушай, я ведь помню — разве ты когда отказывался от дозы? Да и кто из нас в Калифорнии пережил шестидесятые годы без единой галлюцинации? Вспомни ночь, когда ты решил, что всю армию

рисовальщиков "Диснея" подрядили вплести мультяшные голограммы египетских иероглифов в ткань твоих джинсов? Или как…

— Но на сей раз все было совсем не так!

— Естественно, не так. Все было совсем иначе. Это было "в окружении обычной реальности", верно? Все вроде нормально, а затем вдруг появляются монстр, мандала, неоновая сигара. А в твоем случае — гигантский аэроплан Тома Свифта. Такое происходит сплошь и рядом. Ты даже не сошел с ума. Ты ведь и сам это знаешь.

Он выудил из переносного холодильника возле своего шезлонга банку пива.

— На прошлой неделе я был в Вирджинии. Округ Грейсон. Беседовал там с шестнадцатилетней девочкой, на которую напал урсусглав.

— Кто?

— Урсусглав. Отрубленная голова медведя. Видишь ли, этот урсусглав сам по себе плавал в воздухе, как летающая тарелка, и походил при этом на старенький "Кадиллак" кузена Вейна. "Красные глаза горели, как два сигарных окурка, а за ушами торчали хромированные телескопические антенны!" — Кин поперхнулся пивом.

— И это напало на нее? Как?

— Едва ли тебе стоит это знать, ты у нас, судя по всему, впечатлительный. Он был холодный, — Кин соскользнул на свой ужасающий южный акцент, — и металлический. Издавал шум, как электрический прибор. Так вот, дружок, это уже нечто реальное, а именно — прямой плод массового подсознания. Эта маленькая девочка — ведьма. Она бы увидела дьявола, не будь она воспитана на повторных показах "Бионического человека" и всех этих "Стар Треков"[33]. Она — в основном потоке. И знает, что с ней происходит. Я урвал десять минут, прежде чем появились серьезные мальчики из ассоциации по изучению НЛО со своим дурацким "детектором лжи".

Должно быть, вид у меня стал расстроенный, потому что он осторожно поставил свое пиво рядом с холодильником и выпрямился в шезлонге.

— Хочешь шикарное академическое объяснение? Так вот, ты видел семиотический призрак. Все байки контактеров, например, не выходят за рамки второсортной научной фантастики, которая пропитала всю нашу культуру. Я готов поверить в пришельцев, но только не в тех, которые один к одному выглядят как инопланетяне из комиксов пятидесятых годов. Это — семиотические фантомы, осколки подспудных фантазий в рамках

определенной культуры, которые откололись и обрели собственное бытие. Знаешь, канзасским фермерам до сих пор постоянно видятся воздушные корабли Жюля Верна. Ты же видел призрак иного рода, вот и все. Когда-то этот аэроплан был частью массового подсознания. А ты каким-то образом подобрал этот осколок. Важно лишь не переживать из-за этого.

Однако я переживал.

Кин причесал редеющие светлые волосы и отправился выслушивать, что в последнее время имели сообщить Они насчет радиуса действия радаров, а я, задернув в комнате шторы, лег в кондиционированной темноте переживать. Проснувшись, я все еще переживал. Кин оставил у моей двери записку: он-де чартерным рейсом вылетает на север проверить слух о мутациях скота (он их называет "мутиками"; еще одна из его журналистских специализаций).

Я поел, принял душ, проглотил крошащуюся таблетку стимулятора, которая вот уже три года болталась на дне моего несессера, и отправился назад в Лос-Анджелес.

Скорость ограничивала обзор туннелем света от автомобильных фар. Я уверял себя, что тело может вести машину, пока разум занят своим делом. Занят и потому не обращает внимания на жутковатые фигуры, вычерчиваемые на боковых стеклах амфетамином и усталостью, на всю эту светящуюся спектральную растительность, что вырастает на полуночных трассах в уголках глаз. Но мыслям не прикажешь. Слова Кина о том, что я раньше называл своими "видениями", бесконечно дребезжали в моем мозгу по вытянутой восьмерке. Семиотические призраки. Фрагменты массовой мечты, сметенные ветром от моей машины. Каким-то образом эта двойная петля наложилась на действие стимулятора, и скоростная растительность вдоль дороги стала приобретать оттенки инфракрасных снимков, сделанных со спутников. И по обе стороны от "тойоты" понеслись назад в потоке воздуха пылающие клочья.

Я притормозил. Вспыхнув напоследок, погасли фары, и десяток алюминиевых банок из-под пива весело подмигнули мне, желая доброй ночи. Интересно, который час сейчас в Лондоне. Я попытался представить себе, как Дайалта Даунс завтракает у себя в Хэмпстеде, окруженная обтекаемыми хромированными статуэтками и книгами по американской культуре.

Ночи в здешней пустыне без конца и без краю, и даже луна как будто висит ниже. Я долго смотрел на луну, а потом решил, что Кин прав. Главное — не переживать. По всему континенту люди, гораздо более нормальные, чем я при всем желании смогу

когда-либо стать, каждый день видят гигантских птиц, "снежных людей" или летающие нефтеочистители, обеспечивая тем самым занятость и платежеспособность Кина. Почему я должен расстраиваться, если мельком увидел в небе над Болинасом заблудившийся поп-образ тридцатых годов? И я решил поспать. Волноваться стоило из-за гремучих змей и хиппи-каннибалов — и то лишь в худшем случае. Приятно поспать, зная, что ты в полной безопасности посреди дружелюбного мусора знакомого континуума. Утром я поеду в Ногалес фотографировать старые публичные дома — сколько лет я уже собираюсь это сделать. Сон победил, таблетка стимулятора сдалась.

Меня разбудил свет, и только потом уж голоса.

Свет шел откуда-то из-за моей спины и отбрасывал внутрь машины колеблющиеся тени. Голоса звучали спокойно, но не отчетливо, судя по всему, мужчина и женщина были погружены в разговор.

Шея у меня затекла, а в глаза как будто кто-то насыпал песку. Нога занемела, прижатая к рулевому колесу. Я пошарил в карманах рабочей рубахи в поисках очков и, наконец, надел их.

Потом оглянулся назад и увидел город.

Книги по дизайну тридцатых лежали в багажнике, и в одной из них рисунок на развороте изображал идеальный город будущего. Художник явно передирал декорации из "Метрополиса" и "Облика грядущего"[34], но при этом придал своему идеалу еще более геометрическую форму. Зритель как бы плыл сквозь перспективу старательно вырисованных облаков к причалам для дирижаблей и совершенно безумным неоновым шпилям. Город в книге был уменьшенной моделью того, что вставал у меня за спиной. Шпили вырастали над шпилями сверкающими зигзагообразными уступами, взбираясь к башне центрального золотого храма, окаймленного сумасшедшими дулами излучателей с минговских бензоколонок. В самой маленькой из этих башен без труда уместился бы целиком "Эмпайр Стейт Билдинг". Меж шпилей парили хрустальные дороги, по которым, как шарики жидкой ртути, пробегали серебристые пузырьки. Воздух кишел кораблями: гигантские бумеранги лайнеров, маленькие серебристые стрелки (время от времени один из ртутных пузырьков изящно поднимался с небесного моста, чтобы присоединиться к общему танцу), дирижабли длиной в милю, зависшие на одном месте стрекозы гирокоптеров…

Я зажмурил глаза и повернулся на сиденье. Открыв их снова, заставил себя увидеть спидометр, бледную дорожную пыль на черной пластмассе щитка, переполненную пепельницу.

— Амфетаминный психоз, — сказал я самому себе.

Очень осторожно, не поворачивая головы, включил фары.

И увидел их.

Оба они были светловолосы. Они стояли возле своей машины, которая мне показалась похожей на алюминиевое авокадо с выступающим из хребта акульим плавником и черными гладкими шинами, как у детской игрушки. Обнимая женщину за талию, мужчина указывал в сторону города. Оба они были в белом: ниспадающие свободными складками белые одежды и такие же белые, без единого пятнышка грязи, сандалии. Меня они, похоже, не видели. Мужчина говорил что-то мудрое и мужественное, она кивала. И тут я очень испугался. Никогда раньше мне не было так жутко. Меня даже более не волновало, в здравом ли я уме, и почему-то я был уверен, что город за моей спиной — это Таксон. В этом городе, должно быть, воплотились чаяния целой эпохи. Этот "Таксон Мечты" был реален, абсолютно реален. А пара передо мной просто возвращалась домой. И вот эти-то люди меня и пугали.

Дети "восьмидесятых-которых-не-было" Дайалты Даунс, наследники Мечты. Они были белые, светловолосые, и глаза у них, вероятно, были голубые. Американцы. Дайалта говорила, что Будущее пришло сначала в Штаты, но в результате обошло их стороной. Возможно, и так, но только не здесь, в самом сердце Мечты. Здесь Америка не переставала шагать вперед, повинуясь логике сна, не ведающего о загрязнении воздуха, ограниченных запасах жидкого топлива, заморских войнах, которые можно и проиграть. Они были счастливы и до крайности довольны собой и своим миром. И в Мечте этот мир принадлежал им.

За мной — сияющий город: прожекторы обмахивают небо чистейшей радостью бытия. Я представил себе, как они восседают на мраморных площадях, бдительные и благонамеренные, их ясные глаза светятся энтузиазмом, отражают блеск залитых неоном авеню и серебристых машин.

Вот они — плоды пропаганды "Гитлерюгенда".

Я завел машину и медленно поехал вперед, пока бампер не оказался от них в трех метрах. Они по-прежнему меня не видели. Опустив стекло, я стал слушать, что говорит мужчина. Его слова были пустыми и яркими, как цитата из какой-нибудь брошюры Палаты коммерции, но я почему-то знал, что он безоговорочно в них верит.

— Джон, — услышал я голос женщины, — мы забыли принять пищевые таблетки.

Щелкнув замком поясной сумки, она извлекла из нее две яркие облатки и протянула ему одну.

Задом выехав на трассу, я двинулся в сторону Лос-Анджелеса,

морщась, как от боли, и качая головой.

Я позвонил Кину с бензозаправки. С новой, в безвкусном псевдоиспанском стиле. Кин уже вернулся из экспедиции и был не прочь поболтать.

— Да, это уже странновато. Ты пытался сделать снимки? Не думаю, чтобы они вообще получились, но когда нельзя проявить фотографии, в историю это добавляет изюминку.

"Но что же мне делать?"

— Смотри побольше телевизор, в особенности — викторины и мыльные оперы. Сходи в кино, посмотри порно. Видел когда-нибудь "Мотель любви нациста"? Здесь это есть и на кабельном. Просто кошмар. Именно то, что тебе нужно.

"О чем это он?"

— Перестань кричать и выслушай меня. Открою тебе профессиональный секрет: средства массовой информации и вправду способны изгонять семиотические призраки. Если это избавляет меня от идиотов с их бредом о летающих тарелках, то и от тебя отвадит этих футуроидов в стиле "Арт-Деко". Попробуй. Что тебе терять?

Потом он взмолился, чтобы я его отпустил, потому что у него ранняя встреча с Избранными.

— С кем?

— С пенсионерами из Вегаса, теми, у которых микроволновые печи.

Я подумал, не заказать ли мне разговор с Лондоном за счет абонента, чтобы разыскать в "Бэррис-Уотфорд" Коэна и сообщить ему, что их фотограф отбыл на неопределенный срок отдыхать в Сумеречную Зону[35]. В конце концов, я позволил кофеварке сварить мне чашку действительно убийственного черного кофе и забрался обратно в "тойоту" для побега в Лос-Анджелес.

Лос-Анджелес оказался неудачной мыслью. Там я застрял на две недели. Вот уж где земля обетованная Дайалты Даунс. Кругом — Мечта во плоти, и ее фрагменты расставляли мне ловушки буквально на каждом шагу. Я едва не разбил машину на эстакаде неподалеку от "Диснейленда": дорога раскрылась вдруг веером, как трюк оригами, — и что мне оставалось делать, кроме как петлять среди дюжин мини-полос и жужжащих на них хромированных капелек с акульими плавниками? Хуже того, Голливуд оказался полон людей, слишком похожих на ту парочку, которую я видел в Аризоне. Я нанял одного итальянца: этот режиссер-неудачник в ожидании своего корабля сводил концы с концами, проявляя пленки и устанавливая навесы в патио вокруг бассейнов. Он сделал отпечатки со всех негативов, которые я успел наснимать по эпохе Даунс. Самому мне на них даже

смотреть не хотелось. Впрочем, Леонардо это не беспокоило. Когда он закончил, я проверил снимки, перелистнув их, как колоду карт. Запечатал фотографии в конверт и послал авиапочтой в Лондон. Потом взял такси до кинотеатра, где показывали "Мотель любви нациста", и всю дорогу туда просидел, не открывая глаз.

Телеграмму с поздравлениями Коэна мне переправили в Сан-Франциско. Дайалта без ума от фотографий; сам он восхищен тем, как я "действительно врубился", и надеется поработать со мной снова. Тем вечером сплющенный бумеранг снова парил над улицей Кастро, но теперь лайнер был каким-то прозрачным и разреженным, как будто присутствовал здесь лишь отчасти. Я бросился к ближайшему газетному киоску собрать все, что было по нефтяному кризису и напастям ядерной энергетики. Я только что решил купить билет на самолет до Нью-Йорка.

— В кошмарном мире мы живем, а?

Продавец оказался худым негром с гнилыми зубами и, судя по всему, в парике. Я рылся в карманах джинсов в поисках мелочи, занятый мыслью, как бы поскорее найти в парке свободную скамейку и погрузиться в веские доказательства того, в каком несуразном мире мы живем.

— Вот именно, — рассеянно кивнул я, — и, что еще хуже, он мог бы быть совершенным.

Негр, не отрываясь, смотрел мне в спину, пока я шел вниз по улице, прижимая к себе сверток со спрессованной внутри катастрофой.

Осколки голограммной розы

Тем летом Паркера мучила бессонница. Временами в сети падало напряжение, и внезапные сбои дельта-индуктора болезненно резко выталкивали его в сознание.

Чтобы не просыпаться, он черной изолентой примотал индуктор к работающей от батарей деке ВСВ и с помощью переходников и миниатюрных зажимов-крокодилов замкнул их друг на друга. Потеря тока в индукторе переключала деку на реверс.

Однажды он купил по случаю кассету ВСВ, которая начиналась с того, как субъект засыпает на пляже. Записывал ее молодой светловолосый йог с охватом зрения двадцать на двадцать и невероятно острым восприятием красок. Парнишку отвезти на Барбадос с единственной целью подремать и проделать утреннюю зарядку на мелком песке частного пляжа. Микрофиша в прозрачной ламинированной обложке кассеты поясняла, что одной лишь силой воли йог способен заставить себя пройти через "альфу" к "дельте". Паркер, который уже два года не мог спать без индуктора, еще удивился тогда, как такое возможно.

Ему лишь однажды удалось высидеть весь фильм, хотя теперь он уже знал каждое ощущение на протяжении пяти субъективных минут. Самым интересным фрагментом в последовательности кадров ему казался незначительный промах редактора в начале рутинных дыхательных упражнений: беглый взгляд вправо, вдоль белого пляжа, выхватывает фигуру охранника, патрулирующего проволочную изгородь… черный автомат переброшен через плечо.

Пока Паркер спал, из энергетических систем города утекало электричество.

Переход от дельты к дельта-ВСВ — темное вторжение в чужую плоть. Привычка смягчает шок… Холодный песок под обнаженными плечами. В утреннем ветерке штанины потрепанных джинсов хлопают по голым коленям. Скоро парнишка окончательно проснется и примется за свою "Ардха-Матсиендре-что-то-там". Чужими руками Паркер стал нащупывать в темноте деку ВСВ.

Три утра.

Сварить себе кофе, светя в чашку фонариком, пока наливаешь кипяток.

Записанные утренние сны тают: увиденный чужими глазами темный плюмаж кубинского парохода бледнеет вдали вместе с

горизонтом, к которому он карабкается, переползая с волны на волну, по серому экрану сознания.

Три утра.

Дай вчерашнему дню расположиться вокруг тебя плоскими схематичными зарисовками. Что говорил ты… что сказала она… смотрел, как она собирает вещи… набирает номер такси. Как ни перетасовывай, они все равно складываются во все тот же замкнутый круг распечатки, иероглифы сходятся на центральном компоненте: ты стоишь под дождем, кричишь на таксиста-рикшу.

Лил дождь цвета мочи — кислотный и кислый. Водитель обозвал тебя задницей, а заплатить все равно пришлось вдвое. У нее было три места багажа. В респираторе и защитных очках рикша походил на муравья. Нажимая на педали, он исчез за пеленой дождя. Она не обернулась.

Последнее, что ты видел, — гигантский муравей, показывающий тебе средний палец.

Первый в своей жизни аппарат ВСВ Паркер увидел в одном из техасских мусорных городков. Городок назывался Джунгли Джуди. Паркер хорошо помнил массивную консоль, заключенную в оболочку из дешевого пластика под хром. За скормленную в прорезь десятидолларовую банкноту получаешь пять минут гимнастики в невесомости на швейцарском орбитальном курорте: качаешься себе по двадцатиметровым перигелиям в обнимку с моделью журнала "Вог" шестнадцати лет от роду. Вот уж действительно ходовой товар в Джунглях, где достать пистолет было проще, чем принять горячую ванну.

Год спустя, с фальшивыми документами, он оказался в Нью-Йорке под Рождество, когда две ведущие фирмы выбросили на прилавки универмагов первые переносные деки. Порнотеатры ВСВ, так буйно, но кратко расцветшие в ту пору в Калифорнии, так и не оправились от их натиска.

Исчезла и голография. Раскинувшиеся на целые кварталы фуллеровские купола, эти голохрамы времен детства Паркера, превратились в многоэтажные супермаркеты или приютили ряды игровых компьютеров. В их закоулках еще можно отыскать старые консоли под потускневшими неоновыми надписями: "ВЕРОЯТНОСТНОЕ СЕНСОРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ", которые пульсируют сквозь голубую завесу сигаретного дыма.

Теперь Паркеру тридцать, и он пишет покадровые сценарии для ВСВ-вещания, программируя движение глаза, этой человеческой видеокамеры индустрии иллюзий.

Частичное затемнение продолжается.

В спальне Паркер колотит по клавишам на обтекаемой алюминиевой поверхности своего "Сендаи Мастера Сна".

Навигационный огонек мигает, потом дека погружается во тьму. С чашкой кофе в руке Паркер тащится по ковру к шкафу, который она опустошила вчера. Луч фонарика ощупывает в поисках улик любви голые полки, находит сломанную застежку на кожаном ремешке, кассету ВСВ и открытку. На открытке — отраженная в белом свете голограмма розы.

У кухонной раковины он скармливает ремешок мусоропроводу. Вялый в затемнении, тот жалуется, но проглатывает и переваривает. Аккуратно держа за уголок, Паркер подносит голограмму к вращающимся челюстям. Железные зубы разрезают ламинированный пластик, мусоропровод обиженно скрежещет — и вот роза разлетается на тысячу осколков.

Час спустя он сидит на неприбранной постели и курит. Ее кассета вставлена в деку, готова для просмотра. Пленки женщин обычно сбивают его с толку, но он сомневается, что именно по этой причине он медлит сейчас запустить машину.

Приблизительно четверть всех пользователей ВСВ испытывает некоторый дискомфорт, пытаясь ассимилировать субъективное тело противоположного пола. Звезды вещания ВСВ становятся в последнее время все более андрогинными, чтобы привлечь и эту часть аудитории. Но записи самой Анджелы никогда раньше не отпугивали его. (А что, если она записала любовника?) Нет, этого не может быть — просто неизвестно, какого качества кассета.

Когда Паркеру было пятнадцать лет, родители подписали за него контракт на стационарное обучение в одной из дочерних компаний японского синдиката по производству пластмасс. В то время он считал, что ему крупно повезло: конкурс заявлений на обучение был просто огромен. Три года он прожил в казарме, распевал по утрам гимны компании, и раз в месяц ему, как правило, удавалось выбираться за заграждение центра на поиски девочек или голодрома.

В контракте значилось, что обучение окончится в день его двадцатилетия. Выдержи Паркер до конца, он приобрел бы право на полный статус служащего. За неделю до того, как ему исполнилось девятнадцать, с двумя украденными кредитными карточками и сменой одежды, он в последний раз вышел за ограду. В Калифорнию Паркер прибыл за три дня до падения диктатуры "Новых Раскольников". В Сан-Франциско метались по улицам, стреляя друг в друга, какие-то военизированные политические группировки. Все четыре "временных правительства" города провели такую эффективную работу по запасанию продовольствия, что почти ничего нельзя было достать.

Последнюю ночь революции Паркер провел в подвале сгоревшего дома на окраине Таксона, занимаясь любовью с девчонкой из Нью-Джерси. Та объясняла нюансы своего гороскопа между приступами почти беззвучных рыданий, не имевших, впрочем, ничего общего с тем, что он говорил или делал.

Много лет спустя он вдруг осознал, что понятия не имеет, что толкнуло его разорвать контракт.

Первые три четверти кассеты пусты. Нажимаешь клавишу, чтобы на скорости перемотать себя вперед сквозь статическую дымку стертой записи, где вкус и запах сливаются в единый канал. На аудиовходе — белый звук, не-звук первичного темного океана… (Продолжительное воздействие аудиовхода со стертой пленки может вызвать гипнотические галлюцинации.)

В полночь Паркер, скорчившись, затаился в кустах у дороги в Нью-Мексико, глядя, как на трассе догорает бензовоз. Пламя освещает белую ломаную линию, за которой он следовал от самого Таксона. С расстояния двух миль взрыв был виден белым полотнищем жаркого света, превратившего бледные сучья обнаженных деревьев на фоне ночного неба в фотографический негатив их самих: угольные ветви на магниевом небе.

Многие беженцы были вооружены.

В кислотных дождях Залива дымились кострами их мусорные города. Этим-то поселениям и был обязан Техас тем шатким нейтралитетом, который ему удавалось сохранять среди расколовших Побережье группировок.

Городки сооружались из кусков фанеры и картона, листов раздувавшегося на ветру пластика и остовов мертвых автомобилей. Поселения носили идиотские фарсовые названия вроде Город Прыгай или Сластена. Имевшиеся в них правительства лишь с большой натяжкой можно было назвать таковыми, как, впрочем, и их территории, которые непрестанно дрейфовали в переменчивых ветрах теневой экономики.

Федеральные войска и войска штатов, которые посылались, чтобы смести города изгоев, редко находили хоть что-нибудь. Но после каждой такой экспедиции на перекличке несколько человек не отзывалось. Кто-то продавал свое оружие и жег форму, другие же слишком близко к сердцу принимали контрабанду, которую их посылали искать.

Через три месяца Паркер решил, что надо выбираться, но обеспечить безопасный переход через армейские кордоны мог только товар. Удача ему улыбнулась чисто случайно. Однажды вечером, огибая завесу сального кухонного дыма, низко висевшую над Джунглями, он споткнулся и едва не упал на труп. Тело женщины лежало в русле пересохшего ручья. Мухи поднялись

было сердитым облаком, но потом сели, не обращая на него внимания. На женщине была кожаная куртка, а по ночам Паркер отчаянно мерз. Покопавшись в свалке вдоль бывшего ручья, он отыскал длинную палку.

В спине куртки, прямо под левой лопаткой, зияло аккуратное круглое отверстие размером с карандаш. Подкладка куртки, когда-то красная, теперь совершенно почернела, стала жесткой и блестящей от запекшейся крови. Подцепив куртку на конец палки, он отправился на поиски воды.

Куртку Паркер так и не постирал: в левом кармане нашлась почти унция кокаина, аккуратно завернутая в полиэтилен и прозрачную хирургическую пленку. А в правом оказались пятнадцать ампул "мегациллина-Д" и десятидюймовый кнопочный нож с роговой рукоятью. Антибиотик стоил вдвое дороже кокаина.

Нож он всадил в гнилую колоду, пропущенную сборщиками топлива из Джунглей, и повесил на него куртку, которую, стоило ему отойти, тут же окружили мухи.

Той же ночью в баре с рифленой жестяной крышей, ожидая появления одного из "юристов", которые прокладывали проходы через кордоны, он впервые в жизни опробовал модуль ВСВ. Аппарат был огромен, весь из неона и хрома, и владелец очень им гордился: толстяк собственноручно помогал потрошить грузовик.

"Если хаос девяностых годов отражает радикальное смещение в парадигмах визуальной грамотности, а именно окончательный отход от традиций доголографического общества Ласко и Гутенберга, то чего следует ожидать от этой новейшей технологии с ее обещаниями дискретного кодирования и последовательной реконструкции всей шкалы сенсорного восприятия?"

Роубук и Пирхэл.

Новейшая история Америки: Системный обзор.

Скоростная перемотка сквозь бормочущее не-время стертой записи в…

…в ее тело. Солнце Европы. Улицы незнакомого города.

Афины. Греческие буквы вывесок и запах пыли…

…и запах пыли.

Смотреть ее глазами (думая о том, что эта женщина еще не встретила тебя ты только-только выбрался из Техаса) на серый монумент, на лошадей из камня, с которых взлетают вверх и кружат вокруг голуби… и статика охватывает любимое тело, стирает до серости и чистоты. Волны белого звука разбиваются о пляж, которого нет. И пленка кончается.

Горит огонек индуктора.

Паркер лежит в темноте, вспоминая, как водопадом осколков рассыпалась голограмма розы. Это свойство присуще любой голограмме — подобранный и должным образом освещенный, каждый осколок покажет полное изображение. Проваливаясь в дельту, он видит в розе себя: каждый разрозненный фрагмент воспоминаний несет в себе целое, которого он никогда не знал… Украденные кредитные карточки… выжженный пригород… сочетания планет незнакомки… горящий на трассе бензовоз… плоский пакетик наркотиков… заточенный о бетон кнопочный нож, узкий и острый, как боль.

И думает: так, значит, все мы осколки друг друга и так было всегда? И то мгновение путешествия в Европу, затерянное посреди серого океана стертой кассеты? Стала ли она теперь ближе или реальнее оттого, что он тоже побывал там?

Она помогла ему получить документы, нашла первую работу на ВСВ. Это их история? Нет, история — это черная поверхность дельта-индуктора, пустой шкаф и незастланная постель. История — это его отвращение к совершенной машине тела, в котором он просыпается, если кончается ток, гнев на рикшу и ее отказ оглянуться сквозь радиоактивный дождь.

Однако каждый осколок показывает розу под иным углом, вспоминает он, — но дельта накатывает, накрывает его с головой, прежде чем он успевает спросить себя, что именно это значит.

Принадлежность

Это могло произойти и в "Клубе Жюстины", и в "Джимбо", и в "Печальном Джеке", и в "Причале"; Коретти так и не вспомнил, где он впервые встретил ее. В любое время она могла оказаться в любом из этих баров. Она плыла сквозь подводный полумрак бутылок, стаканов и медленных клубов сигаретного дыма… из бара в бар, она всюду была в своей стихии.

Теперь Коретти вспоминал сцену их первой встречи, будто разглядывая в мощный телескоп, только не в окуляр, а в объектив — миниатюрную, четкую и очень-очень далекую.

Впервые он обратил на нее внимание в баре "С черного хода". Этот бар назвали так потому, что попасть в него можно было из узкого переулка. Стены окрестных домов исписаны граффити, фонари, забранные решетками, облеплены мотыльками.

Под ногами хрустят обломки битого кирпича. Затем попадаешь в тускло освещенное помещение, сохранившее приметы дюжины других заведений, которые когда-то здесь были, а потом исчезли вместе с хозяевами. Коретти иногда наведывался сюда, потому что ему нравилась усталая улыбка чернокожего бармена, а еще потому, что немногочисленные посетители не слишком ему докучали.

Ему плохо удавались разговоры с незнакомцами — и на вечеринках, и в барах.

В колледже, где он преподавал начальный курс лингвистики, Коретти чувствовал себя легко; мог, например, поговорить с руководителем кафедры о согласовании времен и ключевых словах в вводных предложениях. Но с чужаками разговор не клеился. На вечеринках он почти не бывал. А в бары захаживал частенько.

Коретти не умел одеваться. Если искусство одеваться — это язык, то Коретти страдал заиканием; он не умел выглядеть так, чтобы постороннему человеку было легко с ним общаться. Его бывшая жена говорила, что он одевается как марсианин, что по его одежде нельзя определить, к какому кругу он принадлежит. Ему не нравились ее слова, потому что они были правдой.

У него никогда не было девушки, похожей на ту, что сидела, слегка изогнув спину, в мерцании подводных огней "Черного хода". Тот же хмельной свет играл в темных очках бармена, искрился в горлышках разномастных бутылок, расплескивался в зеркале. В этом свете ее одежда казалась зеленой, цвета молодой кукурузы; боковые разрезы платья высоко открывали бедра. Волосы ее в тот вечер отливали медью. А глаза… в тот вечер они

были зеленые.

Он решительно прошел к стойке бара меж пустых — хром-и-пластик — столов и заказал себе чистый бурбон. Сбросил пальто, свернул и положил на колени, усевшись через табурет от нее. Господи, воскликнул он мысленно, да она же подумает, что я пытаюсь скрыть эрекцию! И неожиданно понял, что ему и вправду есть что скрывать. Посмотрел в зеркало за стойкой бара и увидел мужчину лет тридцати с небольшим с редеющими темными волосами и бледным худым лицом, с длинной шеей, торчащей из воротника яркой нейлоновой рубашки с изображениями автомобилей выпуска 1910 года трех разных расцветок. На нем был черно-коричневый галстук в косую полоску, слишком узкий, пожалуй, для такого воротника. А может, цвет неподходящий. В общем, что-то не то.

Рядом с ним, отражаясь в темной глади зеркала, сидела зеленоглазая женщина, похожая на Ирму Ля Дус. Однако, вглядевшись внимательнее, он поежился. В ее лице было что-то от животного. Очаровательное личико, но… простенькое, двумерное и в то же время с хитрецой. Когда поймет, что я на нее смотрю, подумал Коретти, она одарит меня пренебрежительно-удивленной улыбкой — а на что еще можно рассчитывать?

— Простите, — решился он, — вы позволите… э-э-э… предложить вам стаканчик?..

В таких ситуациях на Коретти часто нападали "учительские судороги". "Э-э-э…" Его передернуло. "Э-э-э…"

— Вы хотите предложить мне… э-э-э… выпить?

— Что ж, очень любезно с вашей стороны, — к изумлению Коретти, ответила она. — Это было бы очень приятно.

Он вдруг осознал, что ее речь столь же скованна и неуверенна, как и его. Она добавила:

— Рюмочка "Тома Коллинза" по такому поводу была бы вполне уместна.

"По такому поводу"? "Уместна"? Сбитый с толку, Коретти заплатил за две порции.

Крупная деваха в джинсах и широкополой ковбойской шляпе навалилась животом на стойку рядом с Коретти и попросила бармена разменять мелочь. "Общий привет", — бросила она; затем повернулась к музыкальному автомату и запустила "Это из-за тебя наши дети безобразны" Конвея и Лоретты. Коретти повернулся к девушке в зеленом и, запинаясь, прошептал:

— Нравится ли вам музыка в стиле кантри-энд-вестерн?

"Нравится ли вам…" Он мысленно застонал и попытался выдавить из себя улыбку.

— Да, разумеется, — ответила она, слегка в нос. — Очень

нравится.

Деваха-ковбой уселась рядом с Коретти и, подмигнув, спросила у девушки:

— Что, проблемы? Этот страшилка к тебе пристает?

И девушка в зеленом с глазами животного ответила:

— Да что ты, милка, я и сама глаз на него положила. — И рассмеялась. Рассмеялась в самую меру. Диалектолог, сидевший внутри Коретти, беспокойно заерзал; уж слишком полным оказалось изменение и в построении фраз, и в интонации. Актриса? Талантливая подражательница? Внезапно в памяти всплыло слово "пародистка", но Коретти отбросил его и уставился на отражение девушки в зеркале; ряды бутылок обрамляли ее грудь, как стеклянное ожерелье.

— Я — Коретти. — Стараясь справиться с вербальным полтергейстом, он неожиданно для самого себя попытался напялить личину крутого парня. — Майкл Коретги.

— Оч'приятно, — ответила она так, чтобы не слышала соседка; и снова ее голос звучал иначе — как неудачная пародия на Эмили Пост.

— Конвей и Лоретта, — ни к кому не обращаясь, произнесла деваха-ковбой.

— Антуанетта, — сказала девушка в зеленом, слегка кивнув. Она допила бокал, сделала вид, будто смотрит на часы, с кольнувшей вежливостью сообщила, что "ей-было-очень-приятно", и ушла.

Десятью минутами позже Коретти шел вслед за ней по Третьей авеню. Он в жизни никого не выслеживал и потому был взволнован и слегка напуган. Казалось бы, сорок футов, разделявшие их, это далеко, но что, если она вздумает оглянуться?

На Третьей авеню не бывает темно. На пустынной улице, в свете уличного фонаря, как под огнями рампы, она стала изменяться.

Она как раз переходила на другую сторону. Сошла с тротуара и… Началось с оттенка волос — Коретти сперва подумал, что это из-за бликов. Но поблизости не было неоновых ламп, которые отбрасывали бы скользящие и расплывающиеся, словно нефтяные пятна, круги. Потом все цвета сошли на нет, и три секунды спустя она оказалась блондинкой. Коретти был уверен, что над ним подшутило освещение, но тут одежда ее начала корчиться, закручиваясь вокруг тела, как пластиковая обертка, а потом частично отвалилась и ошметками упала на панель, будто шкура сказочного животного. Когда Коретти проходил мимо, на тротуаре оставался лишь тающий зеленоватый дымок. Он поднял

взгляд на девушку — она уже была одета иначе, в зеленый переливающийся атлас. Туфли тоже стали другими. Спина была обнажена, если не считать узких полосок, перекрещивавшихся глубоко внизу. Волосы стали короткими, ежиком.

Он обнаружил, что стоит, прислонившись к зеркальной витрине ювелирного магазинчика, и с трудом хватает ртом сырой осенний воздух. Через два квартала отсюда слышался пульс дискотеки. По мере того как девушка приближалась туда, движения ее неуловимо менялись — чуть по-другому покачивались бедра, иначе стучали каблуки по тротуару. Швейцар впустил ее, слегка кивнув. А вот Коретти он остановил, долго пялился на водительские права, с сомнением поглядывал на его шерстяное пальто. Коретти бросал нетерпеливые взгляды на размытые огни молочно-белой пластиковой лестницы. Девушка исчезла там, среди механических вспышек и навязчивого грохота.

Швейцар неохотно пропустил его, и Коретти торопливо зашагал по ступенькам, вспугивая огни, которые сочились сквозь полупрозрачные пластиковые ступени.

Коретти ни разу еще не был в диско. Он понял, что очутился в месте, прекрасно приспособленном для полной отключки. Нервничая, он пробирался сквозь дергающуюся разодетую толпу, сквозь электронный урбанистический ритм, бьющий из гигантских динамиков. Почти ослепленный вспышками стробоскопа, он пытался разыскать ее в набитом зале.

Наконец нашел — в баре: она потягивала ядовитого цвета коктейль из высокого бокала и внимательно слушала юношу в просторной рубашке из светлого шелка и обтягивающих черных брюках. Время от времени она вежливо кивала. Коретти заказал бутылку бурбона. Девушка выпила один за другим пять коктейлей со льдом, а потом отправилась танцевать со своим спутником.

Ее движения были в полном согласии с музыкой; грациозно, без искусственности, она выполняла все положенные фигуры. Ни единого сбоя. Ее спутник танцевал явно механически, с усилием заставляя себя выполнять ритуал.

Когда танец кончился, она резко повернулась и исчезла. Толпа будто всосала ее в себя.

Коретти врезался в гущу людей вслед за ней, не упуская ее из виду — и только он один успел заметить, как девушка меняется. Когда она дошла до выхода, волосы стали каштановыми, а платье — длинным и голубым. В прическе, над правым ухом, расцвел белый цветок; волосы теперь были прямые и длинные. Бюст стал чуть больше, а бедра тяжелее. Она сбегала через ступеньку,

Коретти забеспокоился — не упала бы. Ведь столько выпито.

Но алкоголь, похоже, совсем на нее не действовал.

Не теряя девушку из виду, Коретти шел следом. Сердце его колотилось быстрее, чем ритм оставшегося позади диско. В любое мгновение она может обернуться, увидеть его, позвать на помощь.

Пройдя два квартала по Третьей, она свернула в "Лотарио". Походка неуловимо изменилась. В "Лотарио" было спокойно — кабинки, обвитые плющом, с зеркалами в стиле "Арт-Деко". Поддельные светильники "Тиффани", свисавшие с потолка, чередовались с вентиляторами с большими деревянными лопастями, которые вращались слишком медленно, чтобы разогнать клубы дыма, плывущие сквозь гул захмелевших голосов. После дискотеки в "Лотарио" казалось особенно уютно. Пианист в рубашке с закатанными рукавами и в небрежно повязанном галстуке наигрывал джаз, мелодия не заглушала голоса и смех, доносившиеся из-за десятка столиков.

Она была в баре. Занята была лишь половина табуретов, но Коретти предпочел сесть за столик у стены, в тени миниатюрной пальмы. Заказал бурбон.

Выпил и заказал еще. Что-то ему сегодня никак не захмелеть.

Она сидела рядом с молодым человеком — еще одним молодым человеком, с непримечательным, с правильными чертами, лицом. На нем была желтая рубашка для гольфа и тесные джинсы. Бедро девушки касалось его ноги — чуть-чуть. Похоже, они не разговаривали, но Коретти чувствовал, что они каким-то образом общаются. Они молча сидели, слегка склонившись друг к другу. Коретти стало неуютно. Пошел в туалет, сполоснул лицо водой, а на обратном пути постарался пройти футах в трех от них. Пока он не оказался вблизи, их губы не шевелились.

Коретти услышал обычный треп:

— … видела его старые фильмы, но…

— Вам не кажется, что он очень уж любуется собой?..

— Пожалуй, но ведь в каком-то смысле…

И тут Коретти наконец понял, кто они такие — или, вернее, кем они должны быть. Они были из той породы людей, которая выведена, казалось, специально для баров. Нет, они не пьяницы; они — одушевленные приспособления. Функциональные части бара. Принадлежности.

Что-то внутри зудело, толкало на стычку. Он подошел к своему столику, но обнаружил, что ему не усидеть. Обернулся, судорожно глотнул воздуха и на деревянных ногах направился к бару. Ему хотелось коснуться этого бархатистого плеча и спросить, кто она такая, а точнее, что она такое. Чтобы в голосе

прозвучала холодная ирония оттого, что это ему, Коретти, одетому по марсианской моде, соглядатаю, чужаку, одежда и речь которого никогда не соответствовали обстоятельствам, удалось-таки раскрыть их секрет.

Но запала не хватило; все, что он сумел сделать, — сесть рядом с ней и заказать бурбон.

— Но разве вы не согласны, — спросила она своего спутника, — что все это относительно?

Места рядом с ее спутником заняла пара, которая рассуждала о политике. Антуанетта и Рубашка для Гольфа мгновенно переключились на политику. Они говорили достаточно громко, чтобы заглушить соседнюю пару. На лице ее во время разговора не отражалось ровным счетом ничего. Как у птички, чирикающей на ветке.

Она так уютно устроилась на табурете, будто он был ее гнездышком. За выпивку платил Рубашка-для-Гольфа. Каждый раз у него было ровно столько мелочи, сколько нужно, кроме тех случаев, когда он хотел оставить на чай. Коретти наблюдал, как они методично вылакали по шесть коктейлей каждый — будто насекомые, насыщающиеся нектаром. Но голоса их не стали громче, щеки не раскраснелись, а когда они наконец поднялись, в походке не было и следа опьянения. Вот это напрасно, подумал Коретти, это недостаток в их маскировке.

За все время, пока он следовал за ними еще по трем барам, они не обратили на него ни малейшего внимания.

В "Вэйлоне" они перевоплотились так быстро, что Коретти чуть их не упустил. Место было из тех, где на дверях туалетов красуются надписи: "Для пойнтеров" и "Для сеттеров", а над подносами с вяленым мясом и сосисками — сосновая дощечка, на которой накарябано: *"Мы больше не имеем дела с банками. Они не подают пива — мы не принимаем чеки"*.

Там она оказалась толстушкой с темными кругами под глазами. На синтетических брюках — кофейные пятна. Ее спутник теперь был в джинсах, футболке и красной бейсбольной кепке с красно-белой эмблемой клуба "Питербилт". Коретти рискнул выпустить их из-под наблюдения. Отправился к "пойнтерам" и обалдело простоял там с минуту, в замешательстве разглядывая картонку с надписью: *"Наша цель — позаботиться; ваша забота — прицелиться"*.

Вблизи порта Третья авеню терялась в каменном лабиринте. В последнем квартале панель через равные промежутки была размечена пятнами блевотины. Старики, навеки забытые за дымчато-зеркальными стеклами захудалых отелей, клевали носами перед экранами черно-белых телевизоров.

Бар, который они отыскали, названия не имел. Давно не мытое окно украшал вот-вот готовый отвалиться бубновый туз; лицо бармена походило больше на стиснутый кулак. УКВ-приемник в пластиковом корпусе под слоновую кость исторгал рок на неровные ряды пустых столиков. Подкреплялись подопечные Коретти пивом и виски. Теперь они оказались неприметной пожилой парой. Они потягивали свое пойло и надсадно выкашливали дым "Кэмела". Смятую пачку она вытащила из кармана грязно-рыжего дождевика.

В два двадцать пять они оказались в комнате для отдыха под самой крышей нового гостиничного комплекса, вознесшегося над причалом. На ней было вечернее платье, на нем — темный костюм. Они пили коньяк и делали вид, что восторгаются ночными огнями. Пока Коретти смаковал свой стакан "Дикой индейки", они выпили по три порции коньяку.

Пили они до самого закрытия. Коретти последовал за ними в лифт. Они вежливо улыбнулись, но больше никак не отреагировали на его присутствие. Перед входом в отель стояли два такси; они заняли одно, Коретти — другое.

— За тем такси, — осипшим голосом бросил Коретти, сунув последнюю двадцатку водителю — стареющему хиппи.

— Будь спок, шеф, будь спок!..

Они сели им на хвост и преследовали шесть кварталов, пока первое такси не остановилось у другого отеля, поскромнее. Пассажиры вышли из машины и направились к дверям отеля. Коретти медленно, тяжело дыша, вылез.

Он был болен мучавшими его подозрениями: эта женщина — совсем не женщина, она — воплощенное соответствие окружению, удачно подобранные обои в человеческом облике. Коретти постоял, пристально разглядывая отель, — и сдался. Нервы не выдержали.

Он пошел домой. Шестнадцать кварталов. По пути он вдруг осознал, что совершенно трезв. Как стеклышко.

Утром он позвонил, чтобы отменить первую лекцию. Правда, и похмелья-то не было. Во рту не пересохло, а разглядывая себя в зеркало ванной, Коретти заметил, что глаза не налиты кровью.

После обеда он заснул и видел во сне людей с овечьими лицами, которые отражались в зеркальных стенах, за рядами бутылок.

В тот вечер он вышел поужинать — но ничего не ел. Не лезло в рот. Он поковырял для виду в тарелке, заплатил и пошел в бар. Потом в другой. И в следующий — всюду он высматривал ее. Теперь он пользовался кредитной карточкой, хотя уже основательно задолжал "Визе". Если Коретти и видел ее, то не

узнал.

Иногда он принимался следить за отелем, в который она вошла в последний раз. Пристально вглядывался в каждую входившую и выходившую пару. Не то чтобы надеялся узнать ее только по одному внешнему виду — нет, должно быть ощущение, своего рода интуитивное опознание. Он наблюдал за парами, но уверен ни разу не был.

Несколько недель он обходил все до единого кабаки в городе. Вооружившись сперва картой и пятью рваными телефонными книгами, он постепенно смещался к все менее известным заведениям, телефонные номера которых в справочниках не упоминались. В иных и телефонов-то не было. Он вступал в подозрительные частные клубы, отыскивал нелицензированные забегаловки, работавшие после официального закрытия, куда выпивку надо было приносить с собой. Коретти пришлось понервничать в клубах, где в темноте занимались таким запредельным сексом, о существовании которого он и не подозревал.

Он продолжал свои ежевечерние обходы, всякий раз начиная с "С черного хода". Ни разу ее там не заставал, и в следующем баре тоже. Бармены его уже узнавали, и были рады, потому что пил он непрерывно и, похоже, никогда не пьянел. Так он и сидел, вглядываясь в других завсегдатаев, — что дальше?

Коретти потерял работу.

Он слишком часто отменял лекции. Настолько увлекся, что следил за отелем даже днем. Его слишком часто встречали в барах. Похоже, он перестал менять одежду. Отказался от вечерних занятий. Мог прервать лекцию на полуслове и с отсутствующим взором уставиться в окно.

Втайне он был доволен тем, что его вышибли. На него уже стали коситься на факультетских ланчах, когда он не мог притронуться к еде. Да и времени для поисков прибавилось.

Коретти обнаружил ее в среду, в два часа пятнадцать минут пополуночи в баре голубых под названием "Конюшня". Обшитые досками стены, свешивающиеся отовсюду уздечки и прочий ржавый фермерский хлам. Крепкие духи, хохот, пиво. Она была среди местных веселых сестренок — в платье с голубыми блестками, с зеленым пером в тщательно уложенных каштановых волосах. Сквозь нахлынувшее облегчение Коретти ощутил что-то вроде восторга, странное чувство гордости за нее — и ей подобных. Она и здесь была принадлежностью. Человек, готовый поделиться последним окурком и не представляющий ни малейшей угрозы ни "королевам", ни их партнерам. Ее спутник предстал в тот раз мужчиной неопределенного возраста: слегка

посеребренные виски, пушистый ангорский свитер, плащ на подкладке.

Они медленно пили, потом, смеясь — как раз в меру! — направились в дождь. У дверей стояло такси, его "дворники" двигались точно в такт ударам сердца Коретти.

Неловко перепрыгнув через лужу на панели, Коретти юркнул в такси, трепеща в ожидании их реакции.

Коретти уселся на заднем сиденье, позади нее.

Человек с седыми висками поговорил с водителем. Тот пробурчал что-то в свой микрофон, переключил скорость, и они отплыли в дождь и уличную тьму. Коретти не замечал проносившихся мимо зданий — он представлял, как такси останавливается, седой мужчина и хохочущая женщина выкидывают его из машины и, смеясь, тычут пальцами на ворота сумасшедшего дома. Или: такси останавливается, пара поворачивается к нему, печально кивая. И еще десяток раз он представлял, как такси останавливается в пустынном переулке и они спокойно душат его. Коретти, мертвый, валяется под дождем. Потому что он — чужак.

Но они подъехали к его отелю.

В тусклом свете лампы Коретти внимательно наблюдал, как мужчина полез за отворот плаща, чтобы достать деньги. Коретти отчетливо видел, что подкладка сливалась в одно целое со свитером. Не было там ни бумажника, ни кармана. Но вдруг образовалась щель, расширилась, когда в нее вошли пальцы, и исторгла деньги. Щель произвела на свет три сложенные банкноты. Деньги были чуть влажные. Когда мужчина развернул их, они высохли, как крылышки мотылька, только что появившегося на свет.

— Сдачи не надо, — сказал человек-принадлежность, вылезая из машины. Антуанетта скользнула наружу, Коретти отправился за ней, видя перед собой только щель в плаще. Влажную, окаймленную красным, похожую на жабры.

Портье в пустом вестибюле был поглощен кроссвордом. Пара спокойно прошла к лифту, Коретти неотступно следовал за ними. Он попытался поймать ее взгляд, но она не обратила на него ни малейшего внимания. А когда лифт поднялся семью этажами выше того, на котором жил Коретти, она наклонилась и понюхала хромированную настенную пепельницу — как собака принюхивается к Земле.

Жизнь в отелях не замирает даже глубокой ночью. В коридорах не бывает тишины. Не умолкают едва слышные вздохи, шорох простыней, кто-то бормочет во сне. Но в коридоре девятого этажа, показалось Коретти, царил идеальный вакуум; туфли его

беззвучно ступали по бесцветному ковру; даже испуганное биение сердца поглощалось неярким рисунком обоев.

Он пытался считать маленькие пластиковые овалы, прикрепленные к дверям, — на каждом по три цифры, но коридор, казалось, тянулся в бесконечность. Наконец мужчина остановился перед дверью, фанерованной, как и все остальные, под красное дерево, и приложил руку к замку. Ладонь тихо легла на металл. Что-то мягко скрипнуло, затем механизм щелкнул, и дверь распахнулась. Он отнял руку — Коретти увидел серо-розовое серебро кости, которое еще не потеряло форму ключа, втягивающееся, влажно поблескивая, в ладонь.

Света в комнате не было, но тусклое неоновое сияние городских огней сочилось сквозь зеркальные стекла; в этом сиянии он увидел лица десятка — или больше? — людей, застывших сидя на кровати, на кушетке, в креслах, на кухонных табуретах. Сперва ему показалось, что их глаза открыты, но тут же осознал, что спящие зрачки скрыты под мембранами под третьим веком, а слабый неоновый свет, падающий из окна, отражается в нем. Одеты они были в то, в чем покинули последний бар; бесформенный балахон Армии Спасения соседствовал с ярким прогулочным костюмом, вечернее платье — с пропыленной фабричной одеждой, кожа байкера — с твидом от Харриса. Во сне исчезло все их сомнительное человекоподобие.

Они сидели как на насестах.

Его пара расположилась на полированном кухонном столе, а Коретти в нерешительности замер, стоя посреди ковра. Казалось, световые годы ковра отделяют Коретти от остальных, но что-то призывало его преодолеть это расстояние, суля покой, мир и принадлежность. И все-таки он колебался, содрогаясь от нерешительности, которую источало, казалось, все его существо.

Он стоял, пока они не открыли глаза — все разом; мембраны скользнули в сторону, обнажив злобную уверенность обитателей самых глубоких океанских впадин.

Коретти вскрикнул, бросился бежать, промчался по коридорам, потом вниз, по гулким лестничным пролетам, под холодный дождь, на пустынную улицу.

В свой номер на третьем этаже Коретти так и не возвратился. Скучающий гостиничный детектив сгреб в кучу книги по лингвистике, единственный чемодан с одеждой — все это пошло потом на распродажу. Коретти снял комнату у суровой трезвенницы-баптистки, которая заставляла своих постояльцев молиться перед началом каждой трапезы — малосъедобной, впрочем. Она ничего не имела против того, что Коретти в этих трапезах не участвует: он объяснил ей, что его бесплатно кормят

на работе. Лгал он теперь легко и искусно. Никогда не пил в пансионе и ни разу не пришел пьяным. Конечно, мистер Коретти не без странностей, но платит за квартиру исправно. И никакого от него беспокойства.

Коретти прекратил розыски. Перестал ходить в бары. Пил из бумажных пакетов по пути на работу и с работы — он теперь работал в типографии, а в промышленной зоне баров почти не было.

Работал по ночам.

Иногда на рассвете, пристроившись на краешке неразобранной постели, окунаясь в сон — он теперь никогда не спал лежа, — он думал о ней. Об Антуанетте. И о них. О принадлежностях. Иногда он сонно размышлял… Наверное, они нечто вроде домашних мышей — мелкие животные, способные выжить только рядом с человеком.

Животные, которые существуют только благодаря потреблению алкоголя. Со специфическим метаболизмом, который превращает алкоголь и различные белки из коктейлей, вина и пива во все, что им может понадобиться. А внешность они меняют для самозащиты, как хамелеон или камбала. Так они могут выжить среди нас. А может быть, думал Коретти, в своем развитии они проходят несколько стадий. Сперва они выглядят совсем как люди, едят человеческую пищу, а свое отличие замечают только когда их охватывает беспокойное ощущение чуждости.

Животные со своими уловками, со своим собственным набором инстинктов городских обитателей. И со способностью чувствовать себе подобных, когда те поблизости. Может быть.

А может быть, и нет.

Коретти погрузился в сон.

В среду (он уже три недели как работал на новом месте) хозяйка открыла дверь — она никогда не стучалась — и сообщила, что его просят к телефону. Голос ее был привычно-подозрительным; Коретти пошел за ней по темному коридору в гостиную на втором этаже.

Поднеся старомодный черный прибор к уху, он сперва не услышал ничего, кроме музыки, а затем звуковая завеса распалась на амальгаму разговоров. Смех. Голос так и не прорвался сквозь знакомые звуки бара, но фоном была мелодия "Это из-за тебя наши дети безобразны".

А потом трубку повесили — пошли гудки отбоя.

Позже, в комнате, прислушиваясь к доносившейся снизу твердой поступи хозяйки, Коретти понял, что больше ему незачем здесь оставаться. Вызов пришел. Но хозяйка требовала уведомить

ее за три недели. Это значило, что Коретти ей должен. Инстинкт подсказал, что деньги следует оставить.

В соседней комнате кашлял во сне рабочий-христианин. Коретти поднялся и спустился в холл к телефону. Позвонил начальнику вечерней смены, что увольняется. Повесил трубку, вернулся в комнату, запер за собой дверь, затем медленно стянул с себя одежду, оставшись нагишом перед яркой литографией Иисуса в рамке над коричневым металлическим бюро.

Потом он отсчитал девять десяток. Аккуратно положил их рядом с тарелочкой с изображенными на ней молитвенно сложенными руками.

Очаровательные денежки. Очень хорошие денежки. Он их сам сделал.

В этот раз он не захотел беседовать. Она пила "маргариту", он заказал то же самое. Она заплатила, вытащив деньги неуловимым движением откуда-то из глубокого выреза платья. Он успел заметить, как там смыкаются жабры. В нем что-то возбудилось — но это не было связано с эрекцией.

После третьей "маргариты" их бедра соприкоснулись, и по его телу поплыли медленные волны оргазма. Напряжение было сосредоточено в том месте, где они касались друг друга, — размером не больше ссадины у него на пальце. Он раздвоился: один, тот, что внутри, сливался с ней в абсолютном клеточном единстве, а оболочка, небрежно развалившаяся на табурете, положив локти на стол по обе стороны от бокала, крутила в пальцах трубочку для коктейля. Задумчиво улыбаясь в прохладном полумраке.

Лишь на мгновение — на одно-единственное мгновение — смутное беспокойство вынудило Коретти бросить взгляд вниз, где пульсировали нежно-рубиновые трубочки и трудились щупальца с жадными губками. Будто сплетенные усики двух странных анемон.

Они спаривались, и никто об этом не подозревал.

А бармен, принеся очередную порцию выпивки, выдавил усталую улыбку и сказал:

— Все льет, а? И как ему не надоест?

— И всю неделю так, будь он неладен, — ответил Коретти. — Хлещет как из ведра.

Он выговорил это совершенно правильно. Будто настоящий человек.

Захолустье

Когда Хиро щелкнул переключателем, мне снился Париж зимой, его мокрые темные улицы. Боль, вибрируя, поднялась со дна черепа, взорвалась по ту сторону глаз полотнищем голубого неона. Распрямившись, как пружинный нож, я с воплем вылетел из гамака. Я всегда кричу. Считаю это обязательным. В мозгу бушевали волны обратной связи. Переключатель боли — это вспомогательный контакт в имплантированном костефонном передатчике, подключенный прямо к болевым центрам: именно то, что нужно, чтобы прорваться сквозь барбитуратный туман суррогата. Несколько секунд у меня ушло на то, чтобы мир снова стал на место. Сквозь дымку снотворного всплывали айсберги биографии: кто я, где я, что я тут делаю, кто меня будит.

Голос Хиро то и дело пропадал, в мою голову он проходил через все тот же костефон.

— Черт тебя побери, Тоби! Знаешь, как бьет по ушам, когда ты так орешь?

— А пошел ты со своими ушами, доктор Нагасима, знаешь куда?.. Мне до твоих ушей, как до…

— Нет времени на любовную литанию, мой мальчик. У нас работа. Кстати, что там такое с пятидесятимилливольтовыми всплесками волн в твоей височной кости, а? Подмешиваешь что-то к транквилизаторам, чтобы расцветить сны?

— У тебя энцефалограф дурит, Хиро. И сам ты псих, я просто хочу поспать…

Рухнув обратно в гамак, я попытался натянуть на себя темноту, но навязчивый голос уходить не желал:

— Прости, дружок, но ты сегодня работаешь. Час назад вернулся очередной корабль. Бригада шлюзовиков уже на месте. Сейчас как раз отпиливают двигатель, чтобы корабль прошел в люк.

— Кто в нем?

— Лени Гофмансталь, Тоби. Физхимик, гражданка Федеративной Республики Германии. — Он подождал, пока я перестану стонать. — Есть подтверждение: это пушечное мясо.

Чудный рабочий сленг мы тут выработали. Он имел в виду вернувшийся корабль с включенной медицинской телеметрией, в котором имелось 1 (одно) тело, теплое, то есть живое; психологическое состояние космонавта пока не установлено. Я тихонько покачивался в темноте с зажмуренными глазами.

— Похоже, ты — ее суррогат, Тоби. Ее профиль ближе всего к профилю Тейлора, но он пока в отлучке.

Знаю я, что это за "отлучка". Тейлор сейчас в сельскохозяйственном отсеке, под завязку накачан амитриптилином и занимается аэробикой, чтобы сбить приступ очередной клинической депрессии. И это — только одна из разновидностей профессионального риска. Мы с Тейлором не ладим. Забавно, как обычно недолюбливаешь тех, чей психосексуальный профиль слишком уж похож на твой собственный.

— Эй, Тоби, где ты кайф берешь? — ритуальный вопрос. — У Шармейн?

— У твоей мамочки, Хиро.

Он так же хорошо, как и я, знает, что у Шармейн.

— Спасибо, Тоби. Через пять минут чтоб был у лифта в Райский Уголок, а не то я пошлю за тобой русских санитаров, уж они-то тебя поставят на ноги.

Тихонько покачиваясь в гамаке, я решил сыграть в невеселую игру под названием "Местечко Тоби Холперта во Вселенной". Не будучи эгоистом, помещаю в центр Солнце, светило, око дня. Теперь запускаем аккуратные планетки, нашу уютную Солнечную систему. А среди них зададим точку, расположенную приблизительно в одной восьмой пути от Земли до Марса. И вот они мы — внутри толстого приплюснутого цилиндра, похожего на уменьшенную в четыре раза модель "Циолковского-1", Рая Трудящихся на L-5. "Циолковский-1" зафиксирован в точке либерации между Землей и Луной, нам же нужен световой парус, чтобы удержаться на месте. Масса у станции немалая: двадцать тонн, литой алюминиевый декаэдр, а длина — десять километров из конца в конец. Этот парус отбуксировал нас сюда с орбиты Земли, а теперь служит нам якорем. Кроме того, за ним мы прячемся от потока фотонов, пока висим здесь рядом с Нечто — точкой, аномалией, которую мы зовем "Трассой".

Французы называют ее "le mitro", то есть "подземка", а русские зовут "рекой", но "подземка" не передает расстояния, а понятие "река" для американцев не несет в себе столь острого чувства одиночества. Называйте это "Координатами Аномалии Товыевской", если вам не противно втягивать в это Ольгу. Ольга Товыевская — наша Леди Сингулярности, Святая Патронесса Трассы.

Хиро не доверяет мне, не верит, что я встану сам. Перед самым появлением русских санитаров он со своего пульта включает свет в моей келье и оставляет его на несколько секунд мигать и заикаться, прежде чем огни ровным светом зальют портреты Святой Ольги. Их прикрепила к переборке Шармейн. Десятки изображений повторяют лицо Ольги в крупном зерне

газетных фотографий, в журнальном глянце. Наша Госпожа Трассы.

Подполковник Ольга Товыевская, самая молодая женщина в этом звании среди советских космонавтов, держала путь на Марс в одиночном модифицированном "Алеуте-6". Новые двигатели и расширенный трюм позволяли кораблю отвезти на орбиту Марса новый образец очистителя воздуха. Агрегат предстояло испытать в обслуживаемой четырьмя космонавтами русской орбитальной лаборатории. С тем же успехом "Алеутом" могли бы управлять и по радио с "Циолковского", но Ольге захотелось самолично занести точки прохождения в бортовой журнал. Впрочем, руководство позаботилось о том, чтобы она не бездельничала: ей навязали серию рутинных экспериментов с бомбозондами для изучения космического водорода — заключительная часть каких-то второстепенных совместных исследований СССР и Австралии. Кому, как не Ольге, было знать, что ее в этих экспериментах вполне бы мог заменить кухонный таймер любой домохозяйки. Но она была сознательным офицером и нажимала на кнопки точно через заданные интервалы.

С пышным узлом темно-русых волос под тончайшей ажурной сеткой она должна была представлять собой идеал "Трудящейся в космосе" из публикаций в "Правде", поскольку была, пожалуй, самой фотогеничной из космонавтов обоего пола. Еще раз сверясь с хронометром "Алеута", она занесла руку над кнопкой, которая запустила бы первую серию бомбозондов. Откуда было знать подполковнику Товыевской, что она приближается к той точке пространства, которая со временем станет известна как Трасса.

Когда она набрала шестизначную последовательность команд, "Алеут", пройдя эти последние километры, выпустил бомбозонды; их взрывы сопровождались выбросом радиоэнергии частотой 1420 мегагерц, соответствующей спектру излучения атома водорода. Наблюдение вел радиотелескоп "Циолковского", который передавал сигнал на геосинхронные комсаты, а те, в свою очередь, переправляли его вниз на наземные станции в южной части Урала и в Новом Южном Уэльсе.

На три и восемь десятых секунды радиосилуэт "Алеута" забило эхо излучения.

Когда на экранах земных мониторов погасло остаточное свечение, выяснилось, что "Алеут" исчез.

На Урале средних лет грузин прокусил чубук любимой пеньковой трубки. В Новом Южном Уэльсе молодой физик принялся колотить по своему монитору, как разъяренный финалист по электрическому бильярду, не желая выпустить шарик из игрового поля.

Лифт, поджидавший меня, чтобы отвезти в Райский Уголок, казался взятым из голливудского реквизита — узкий высокий саркофаг в стиле "Баухауз" с блестящей акриловой крышкой. Ряды идентичных пультов уменьшались за ним, как на иллюстрации к главе по исчезающей перспективе в школьном учебнике. Вокруг озабоченно сновала обычная толпа техников в клоунских костюмах из желтой бумаги. Я поискал глазами синий комбинезон Хиро, но сегодня на нем была ковбойская рубашка с перламутровыми пуговицами, из-под которой выглядывала застиранная водолазка с надписью "UCLA". Поглощенный каскадом сыпавшихся с экрана цифр, он меня не заметил. Как, впрочем, и все остальные.

Я стоял, глядя в потолок, он же — дно Рая. В потолке ничего райского не было. Наш цилиндр состоит, в сущности, из двух: один внутри другого. Внизу, во внешнем цилиндре, — это "внизу" мы устанавливаем сами при помощи осевого вращения — "мирские" стороны нашей деятельности: спальные отсеки, кафетерии, шлюзовая палуба, куда втягивают возвращающиеся суда, коммуникационный центр и Палаты, которые я старательно обхожу стороной.

Райский Уголок — внутренний цилиндр, сказочно зеленое сердце станции, воплощенная мечта зрелого Диснея о возвращении к истокам, жаждущее ухо голодной до информации мировой экономики. На Землю постоянно несется, пульсируя, поток неотсортированных данных: наводнение слухов, намеков, шепотков межгалактического дорожного движения. Раньше я подолгу неподвижно лежал в гамаке и всем телом ощущал давление этого потока, чувствовал, как данные змеятся за переборками по похожим на вены кабелям, которые я воображал перетянутыми и вздувшимися. Склеротические артерии вот-вот охватит спазм, который раздавит меня. Потом ко мне перебралась Шармейн; когда я рассказал ей о своих страхах, она заговорила этот поток магическими заклинаниями и развесила повсюду иконы Святой Ольги. И давление спало.

— Подключаю тебя к переводчику, Тоби. Тебе сегодня утром может понадобиться немецкий. — Голос Хиро песком скрипит в моем черепе. — Хиллари…

— На связи, доктор Нагасима, — отозвался голос диктора Би-би-си, прозрачный, как кристалл льда. — Ты говоришь по-французски, Тоби, так ведь?

Гофмансталь знает французский и английский.

— Держись от меня подальше, Хиллари. Говори, когда тебя, черт побери, спрашивают, ясно?

Ее молчание легло еще одним слоем в затяжное путаное

шипение статики. Поверх двух десятков пультов Хиро бросил на меня грязный взгляд. Я ухмыльнулся.

Начинается: возбуждение, приток адреналина в кровь. Я чувствовал это даже сквозь последние клочья барбитуратной завесы.

Комбинезон мне помогал надевать блондин с лицом серфингиста. Комбинезон был одновременно и старым, и новым — тщательно потрепанный, пропитанный синтетическим потом и обычным набором феромонов. Оба рукава от кисти до плеча вымощены вышитыми нашивками, по большей части с эмблемами корпораций-спонсоров воображаемой экспедиции по Трассе. Плечи украшали стежки торговой марки основного спонсора — предполагалось, что именно эта фирма послала "ХОЛПЕРТА ТОБИ" на его свидание со звездами. Хорошо хоть имя, вышитое над самым сердцем ярко-алыми заглавными буквами, мне оставили настоящее.

У серфингиста была стандартная внешность красивого мальчика, которая ассоциируется у меня с сотрудниками ЦРУ младшего звена, но на его бэдже значилось: "Невский", а ниже то же самое было написано кириллицей — значит, КГБ. Он — не "циолник": ему не хватает той раскованности движений, какая приобретается за двадцать лет пребывания в искусственной биосреде на L-5. Парнишка, судя по всему, москвич чистейшей воды, вежливый функционер, который, вероятно, знает восемь способов убить человека свернутой газетой. Вот мы приступаем к ритуалу "кармашки и наркотики". Невский опускает микрошприц, заряженный каким-то новым, вызывающим эйфорию галлюциногеном, в кармашек у меня на запястье, отступает на шаг и щелкает переключателем, отмечая передачу в своем электронном блокноте. Высвеченный на экранчике блокнота силуэт суррогата в комбинезоне кажется мишенью из тира. Из кейса, прикованного цепью к руке, Невский извлекает пузырек с пятью граммами опиума, находит кармашек и для него. Щелчок. Четырнадцать кармашков. Кокаин — последний.

Хиро подошел как раз тогда, когда русский заканчивал процедуру.

— Может быть, у нее есть какие-нибудь данные в "железе", Тоби. Помни, она все-таки — технарь.

Странно было воспринимать его голос на слух, а не как вибрацию кости от имплантированного приемника.

— Там до хрена железа, Хиро.

— Мне ли этого не знать?

Он тоже чувствовал эту особую дрожь нервного возбуждения. Но нам с ним, похоже, никак не удается встретиться глазами.

Прежде чем неловкость увеличилась, он повернулся и, подняв большой палец, подал знак одному из желтых клоунов.

Двое желтых помогли мне забраться в гроб в стиле "Баухауз" и, когда зашипела опускающаяся, как забрало шлема какого-нибудь великана, крышка, отступили назад. Я начал свое восхождение в Рай на встречу с вернувшейся домой незнакомкой по имени Лени Гофмансталь. Недолгое путешествие, но мне казалось, что оно тянется целую вечность.

Ольга, наш первый автостопщик, первая из тех, кто поднял руку на длине волны водорода, добралась домой через два года. Однажды серым зимним утром в Тюратаме, посреди казахстанской степи, ее возвращение было записано на восемнадцати сантиметрах магнитной пленки.

Если бы религиозный человек — да еще со знанием технологии кино — наблюдал за точкой в пространстве, откуда два года назад исчез "Алеут" Ольги, ему бы показалось, что Господь просто наложил кадр с изображением корабля на пленку с кадрами пустого космоса. Корабль вспыхнул на экране радаров в нашем пространственно-временном континууме как грубый спецэффект дилетанта. Еще неделя, и его никогда не настигли бы. Земля ушла бы своим путем, оставив Ольгу и корабль дрейфовать в сторону Солнца. Через пятьдесят три часа после ее возвращения первый нервничающий доброволец по имени Куртц, облаченный в бронированный рабочий скафандр, проник в люк "Алеута". Это был специалист по космической медицине из Восточной Германии. Его тайным пороком были американские сигареты. Ему отчаянно хотелось курить, пока он проходил воздушный шлюз, прокладывал себе дорогу мимо громоздкого куба очистителя воздуха, вмонтированного в обшивку, и настраивал фонари шлема. "Алеут" даже два года спустя, казалось, был полон пригодного для дыхания воздуха. В двойном луче Куртц увидел, как мимо проплывают крохотные шарики крови и блевотины, кружась в образовывавшихся за ним водоворотах воздуха. С трудом протиснувшись в тяжелом скафандре по центральному проходу, врач вошел в командный модуль. Там он ее и обнаружил.

Обнаженная, свернувшись невообразимым, почти животным узлом, она парила над навигационным дисплеем. Глаза ее были открыты, но устремлены на нечто, чего Курцу никогда не увидеть.

Окровавленные руки были сжаты в каменные кулаки, а русые волосы, теперь распущенные, морскими водорослями плавали вокруг лица. Очень медленно и осторожно врач проплыл над белой клавиатурой командного пульта и закрепил свой скафандр у навигационного дисплея. Судя по всему, она принялась крушить

коммуникационное оборудование голыми руками, решил он и дезактивировал правую клешню скафандра. Та автоматически развернулась, как будто две пары зажимов решили уподобиться цветку. Куртц протянул руку, все еще затянутую в герметичную серую хирургическую перчатку.

Потом как можно осторожнее разогнул пальцы ее левой руки. Ничего.

Но когда он разжал правый кулак, что-то вырвалось на свободу и, как в замедленной съемке, закувыркалось в нескольких сантиметрах от лицевого щитка его скафандра. Это что-то походило на морскую раковину.

Ольга вернулась домой, но жизнь так и не вернулась в ее голубые глаза. Естественно, врачи делали все возможное, чтобы привести ее в чувство, но чем больше они прилагали усилий, тем больше она истончалась. Одержимые жаждой знаний, они стирали ее все тоньше и тоньше, пока в своем мученичестве она не заполнила целые библиотеки застывшими рядами драгоценных реликтов. Ни одного святого не препарировали столь тщательно. В лабораториях одного только Плесецка она была представлена более чем двумя миллионами срезов тканей, складированных в подземном бомбоубежище биологического комплекса.

С раковиной им повезло больше. Оказалось, что отныне наука зкзобиология базируется на обескураживающе солидной основе — на целых одном и семи десятых грамма высокоорганизованной биологической информации определенно внеземного происхождения. Морская раковина Ольги породила совершенно новый раздел науки, посвященный изучению исключительно… морской раковины Ольги.

Предварительный анализ показал две вещи. Во-первых, раковина — продукт неизвестной биосферы земного типа, а так как подобных биосфер в Солнечной системе не существует, она могла попасть сюда только с другой звезды. А значит, Ольга где-то побывала или вошла в контакт — каким бы отдаленным, опосредованным он ни был — с кем-то или с чем-то, что способно или было способно совершить подобное путешествие.

В специально оснащенном "Алеуте-9" к "Координатам Товыевской" послали майора Грожа. За ним следовал еще один корабль. Майор как раз производил последний из своих двадцати водородных запусков, когда его судно исчезло. Ученые зафиксировали его отбытие и стали ждать. Двести тридцать четыре дня спустя он вернулся. Тем временем оставшийся корабль не переставал зондировать этот участок космоса, отчаянно выискивая хоть что-нибудь, что было бы каким-то

специфическим отклонением, раздражителем, вокруг которого удалось бы выстроить теорию. Ничего, только корабль Грожа, вырвавшийся из-под контроля. Майор покончил жизнь самоубийством, прежде чем они успели достичь корабля. Вторая жертва Трассы.

Отбуксировав "Алеут" на "Циолковский", они обнаружили, что высокоточное регистрирующее оборудование совершенно чисто. Все приборы — в превосходном состоянии, но ни один из них не сработал. Тело Грожа заморозили, и на первой же челночной ракете отправили в Плесецк, где бульдозеры уже рыли котлован для нового подземного комплекса.

Три года спустя, утром того дня, когда русские потеряли своего семнадцатого космонавта, в Москве зазвонил телефон. Звонивший представился как директор Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки. Он уполномочен, сообщил он, сделать некое предложение. На определенных, очень конкретных условиях Советский Союз может рассчитывать на помощь светил западной психиатрии. По сведениям его управления, продолжал голос, подобная помощь в настоящее время весьма желательна.

Его русский был великолепен.

Статика костефона напоминает песчаную бурю в глубинах подсознания. Лифт скользит вверх по узкой шахте в полу Рая. Я считаю расположенные через двухметровые интервалы синие огни. После пятого — тьма и остановка.

Выход из лифта замаскирован внутри полого командного пульта, установленного в муляже стандартного корабля Трассы. В ожидании команды Хиро я ощущаю себя тайной, спрятанной за хитроумным поворачивающимся книжным шкафом из какой-нибудь страшилки, какие рассказывают вечерами детям.

— Все чисто, — говорит Хиро. — Поблизости никаких клиентов.

Я рефлекторно помассировал шрам за левым ухом, где мне вскрывали череп, чтобы вживить костефон. Стенка муляжного пульта скользнула в сторону, впустив серый предрассветный свет Рая. Внутри поддельного модуля все было хорошо знакомым и одновременно чужим — как в собственной квартире после недельного отсутствия. С тех пор как я вот так же стоял здесь в прошлый раз, один из побегов бразильского плюща змеей прополз в левый иллюминатор, но, похоже, это было единственное изменение в декорациях.

На семинарах по биоструктуре из-за этого плюща постоянно ведутся ожесточенные споры. Американские экологи кричат о возможной нехватке азота. А русские болезненно воспринимают

все, что связано с биодизайном, с тех самых пор, как им пришлось обращаться за помощью к американцам в экологической программе еще на "Циолковском-1". Там произошла кошмарная история с грибком, пожиравшим у них гидропонную пшеницу; несмотря на всю свою сверхточную инженерию, русские никак не могут создать функциональную экосистему. Именно экология и психиатрия открыли нам доступ к Трассе — русских это раздражает, поэтому они настаивают на бразильском плюще, да на чем угодно, лишь бы получить возможность спорить. Но мне это растение нравится: листья у него в форме сердечка, а если растереть между пальцами, они пахнут корицей.

Я стою у иллюминатора, глядя, как проясняются очертания поляны по мере того, как Рай заполняет отраженный солнечный свет. Рай живет по Гринвичу. Огромные зеркала Майлара поворачиваются где-то в открытом космосе, следуя расписанию стандартного гринвичского рассвета. В кронах деревьев зазвучало записанное на пленку пение птиц. Птицам тяжко приходится без естественной гравитации. Мы не можем позволить себе настоящих, потому что они неизменно сходят с ума, пытаясь приспособиться к центробежной силе.

Тому, кто впервые попадает сюда, кажется, что Рай вполне соответствует своему названию: пышный, прохладный и яркий, высокая трава усеяна полевыми цветами. Особенно если этот кто-то не знает, что большая часть деревьев искусственные, а также — сколько сил уходит на то, чтобы поддерживать мало-мальски приближенное к оптимальному равновесие между сине-зеленой и диатомовой водорослью в прудах. Шармейн говорит, что она всякий раз ждет, что на поляну вот-вот, резвясь, выбежит Бэмби, а Хиро утверждает, что ему точно известно, со скольких инженеров "Диснея" взяли подписку о неразглашении в рамках Закона о национальной безопасности.

— С корабля Гофмансталь получены обрывки каких-то фраз, — говорит Хиро.

С тем же успехом он мог бы разговаривать сам с собой. Гештальт "суррогат-обработчик" вступает в силу, и вскоре мы перестанем осознавать присутствие друг друга. Уровень адреналина идет на спад.

— Ничего связного… что-то вроде Schqene Maschine… "Хорошая машина"… "умная машина"…

Хиллари кажется, что Гофмансталь говорит довольно спокойно.

— Ничего мне не рассказывай, ладно? Никаких надежд. Давай без предвзятости.

Я открыл люк и вдохнул воздух Рая: он был прохладным и

освежающим, как белое вино.

— Где Шармейн?

Он вздохнул — мягкий порыв статики.

— Шармейн следовало быть на Поляне-5, присматривать за вернувшимся три дня назад чилийцем. Но ее там нет, она каким-то образом прослышала, что ты поднимаешься наверх. Так что она будет ждать тебя у пруда с карпами. Упрямая дрянь, — добавил он.

Шармейн бросала камешки в пруд с китайскими большеголовыми карпами. За одно ухо заткнута гроздь белых цветов, за другое — сигарета "Мальборо". Босые ноги у нее были грязными, штанины комбинезона она подтянула до колен. Черные волосы затянуты в конский хвост.

Впервые мы встретились на вечеринке в сварочной мастерской. Пьяные голоса гулко отдавались в сфере из легированной стали, в нулевой гравитации самодельная водка текла рекой. Кто-то, у кого был бурдюк с водой на опохмелку, выдавив пару пригоршней, умело слепил неряшливый шар поверхностного натяжения. Старая шутка: "Передайте воды". Но я в невесомости неловок. Когда шар полетел в мою сторону, я проткнул его рукой. Пришлось вытряхивать из волос тысячу мелких серебристых пузырьков, отмахиваться от них, кружась волчком, а женщина рядом со мной смеялась, медленно описывая сальто. Высокая худощавая девушка с темными волосами. На ней были мешковатые штаны на завязках, какие туристы привозят с "Циолковского", и выцветшая футболка "NASA" на три размера больше, чем нужно. Минуту спустя она уже рассказывала мне о лихих забавах в компании с десятью "циолниками" и о том, как они гордились слабенькой анашой, которую вырастили в одном из зерновых баков. О том, что она тоже суррогат, я не догадывался до тех пор, пока к костефону не подключился Хиро, чтобы сказать нам, что вечеринка окончена.

Через неделю она перебралась ко мне.

— Минутку, о'кей? — Хиро оскалился (ужасающий звук). — Одну. Уно.

С этими словами он исчез, просто отключился, может быть, даже вырубил прием.

— Как дела на Поляне-5? — пристроившись подле нее, я подыскал себе несколько камешков.

— Неважно. Мне нужно было от него избавиться ненадолго, и я накачала его снотворным. Мой переводчик сказал, что ты поднимаешься сюда.

У нее была та разновидность техасского акцента, при которой "сад" звучит как "зад".

— Мне казалось, ты знаешь испанский. Твой ведь чилиец? — я запустил камешком в пруд, он запрыгал по воде.

— Я говорю на мексиканском диалекте. Гарпии из отдела культуры сказали, что ему бы не понравился мой акцент. И к лучшему. Я не поспеваю за ним, когда он слишком уж тараторит. — Один из ее камешков побежал за моим. Когда он утонул, по воде пошли круги. — Что происходит сплошь и рядом, — мрачно добавила она.

Большеголовый карп подплыл взглянуть, нельзя ли поживиться ее камнем.

— Он не выкарабкается. — Она не смотрела на меня, тон ее был совершенно нейтральным. — Малыш Хорхе определенно не выкарабкается.

Я выбрал показавшийся мне самым плоским камешек, попытался заставить его прыгать через весь пруд, но он утонул. Чем меньше я знаю о чилийце Хорхе, тем лучше. Я знал, что он вернулся живым — один из десяти процентов. Стандартная формулировка "DOA", "мертв по прибытии", применима к двадцати процентам случаев. Самоубийства. Семьдесят процентов "пушечного мяса" — автоматические кандидаты в Палаты: младенцы в пеленках, бормочущие что-то под нос, в полной отключке. Шармейн и я — суррогаты для остающихся десяти процентов.

Сомнительно, чтобы Рай появился, если бы первые автостопщики привозили назад лишь ракушки. Рай построили после того, как вернулся корабль с французским космонавтом на борту. Мертвец сжимал в руке двенадцатисантиметровое колечко из магнитно-кодированной стали — черная пародия на счастливого малыша, выигравшего бесплатный круг на карусели. Мы, наверное, никогда не узнаем, где и как к нему попало это кольцо, но оно оказалось "розеттским камнем" с рецептом, как лечить рак. С той минуты для человеческой расы настало время "грузовой лихорадки". Ведь там, в космосе, мы можем насобирать такого, на что сами бы не наткнулись и за тысячу лет исследований. Шармейн говорит, что мы похожи на тех бедолаг с далекого острова, которые все свои силы бросили на строительство посадочных полос, чтобы заставить вернуться больших серебряных птиц. А еще Шармейн говорит, что контакт с "высшей" цивилизацией — это то, чего не пожелаешь и заклятому врагу.

— Тоби, ты когда-нибудь задумывался, как им пришла в голову мысль о такой вот обработке? — она прищурилась на зарю, занимавшуюся на востоке нашей зеленой, лишенной горизонта цилиндрической страны. — В этот день собрались,

наверное, все шишки. Высохшие мудрецы, как это обычно водится в Пентагоне, расселись вдоль длинного стола из прекрасно сымитированного палисандрового дерева. У каждого — чистый блокнот и новенький карандаш, специально по такому поводу заточенный. Кого там только не было: фрейдисты, юнгианцы, адлерианцы, приверженцы теории "крысолова" — называй сам, кого вспомнишь. И каждый из этих ублюдков в глубине души знал, что пришло время разыграть козырную карту, причем для всей профессии, а не для разрозненных группировок. Вот она — западная психиатрия во плоти. И ничегошеньки не произошло! Трасса по-прежнему выбрасывает трупы, вернувшиеся бредят или распевают детские песенки. А те, кто в себе, выдерживают не более трех дней, не говорят, черт побери, ничего, потом стреляются или впадают в кататонию. — Она сняла с пояса маленький фонарик, раскрыла пластмассовый корпус и извлекла оттуда параболический рефлектор. — Кремль заходится от крика. ЦРУ стоит на ушах. И хуже всего то, что транснациональным корпорациям, которые хотят за свои денежки музыку, надоедает ждать. "Мертвые космонавты? Никаких данных? Так не пойдет, ребята". Они начинают нервничать, все эти суперпсихоаналитики, пока какой-нибудь придурок, какой-нибудь ухмыляющийся полоумный из, например, Беркли не заявляет вдруг… — растягивая слова, она спародировала добродушный самоуверенный говорок: — "Эй, послушайте, почему бы нам просто не отправить этих людей в действительно приятное местечко, где много хорошего кайфа и есть кто-то, с кем они могли бы покалякать, а?"

Рассмеявшись, она покачала головой. Затем повертела в руках рефлектор, пытаясь поймать солнечный луч. Спичек нам с собой не дают, поскольку огонь нарушает равновесие кислорода и углекислого газа. Когда она поднесла сигарету к добела раскаленной фокусной точке, потянулась струйка сизого дыма.

— О'кей, — послышался голос Хиро. — Твоя минута прошла.

Я глянул на часы. Скорее три, чем одна.

— Удачи тебе, дружок, — мягко сказала Шармейн, делая вид, что поглощена сигаретой. — Бог в помощь.

Обещание боли. Она всегда поджидает здесь. Ты знаешь, что случится, но не знаешь, когда или в точности как. Пытаешься удержать вернувшихся, вытянуть их из тьмы. Но если заслонить себя от боли, то не сможешь работать. Хиро все время цитирует какие-то японские вирши: "Научи нас испытывать желание и научи не испытывать его".

Мы похожи на комнатных мух, настолько умных, что сумели забраться в международный аэропорт. Некоторым действительно

удается случайно проникнуть на рейс до Лондона или Рио, может быть, даже выжить во время перелета и вернуться назад. "Эге, — говорят тогда остальные мухи, — ну что там по ту сторону двери? Что такого знают они, что неизвестно нам?" На обочине Трассы любой человеческий язык теряет свою тайну, за исключением, быть может, языка шамана, или каббалиста, или мистика, вознамерившегося проклассифицировать иерархию демонов, ангелов и святых.

Но Трасса живет по своим собственным правилам, и некоторые из них мы уже заучили. Это дает нам хоть какую-то зацепку.

Правило первое. В путь отправляются только в одиночку; никаких экипажей, никаких пар.

Правило второе. Никакого искусственного интеллекта; что бы ни двигалось по Трассе, оно не притормозит ради умной машины — во всяком случае, таких, какие делаем мы.

Правило третье. Регистрирующее оборудование — ненужный балласт; приборы всегда возвращаются пустыми.

Десятки новых физических школ возникли в русле учения Святой Ольги, не говоря уж о сотнях еще более причудливых и элегантных ересей — и все они стремились протолкнуться внутрь колеи. И все пали — одна за другой. В полной шорохов и шепотов тишине ночей Рая нетрудно представить себе, что слышишь, как рушатся парадигмы, позвякивают, рассыпаясь в алмазную пыль, обломки теорий, когда дело всей жизни какого-нибудь крупного института низводится до незначительной запятой в истории науки. А Трасса тем временем возвращает искалеченных путников, чтобы во тьме они пробормотали нам какие-то обрывки.

Мухи в аэропорту, путешествующие автостопом. Мухам советуют не задавать лишних вопросов. Мухам советуют не пытаться увидеть Картинку-в-Целом. Повторные попытки без вариантов приводят к медленному, неумолимому огню паранойи. Разум проецирует на стены ночи гигантские темные чертежи, схемы, которые, обретя плоть, превращаются в безумие — и в религию. Мудрые мухи цепляются за теорию "черного ящика". "Черный ящик" — разрешенная метафора, Трасса же остается величиной *"x"* во всех разумных уравнениях. Считается, что нам не следует задумываться о том, что есть Трасса и кто ее сюда протянул. Вместо этого мы сосредотачиваем свое внимание на том, что мы помещаем в ящик, и том, что мы вытаскиваем из него. Есть то, что мы посылаем по Трассе (женщина по имени Ольга, ее корабль и многие-многие другие, последовавшие за ней), и то, что приходит назад (сошедшая с ума женщина,

морская раковина, артефакты, фрагменты чужих технологий). Приверженцы теории "черного ящика" заверяют, что главнейшая наша задача — оптимизировать этот обмен. Мы здесь для того, чтобы позаботиться о том, чтобы род человеческий на вложенные деньги получил свой дивиденд. Но все более очевидными становятся некоторые вещи. Например: мы не единственные мухи, отыскавшие дорогу в аэропорт. Слишком много артефактов собрано, и не меньше полудюжины из них происходят из резко отличающихся друг от друга культур — тоже "стопщиков", как называет их Шармейн. Мы как крысы в трюме сухогруза, обменивающиеся милыми безделушками с крысами из других портов. Мечтая о ярких огнях, о большом городе.

Будь проще, ограничься Входом-Выходом.

Лени Гофмансталь: Выход.

Мы срежиссировали возвращение Лени Гофмансталь так, чтобы оно пришлось на Поляну-3, известную также как Элизиум. Сидя на корточках возле беседки, образованной переплетением ветвей искусно воспроизведенных молодых кленов, я изучал ее корабль. Изначально он выглядел как бескрылая стрекоза, стройное десятиметровое брюшко прятало в себе ядерный двигатель. Теперь, когда двигатель удалили, он напоминал белую матовую куколку с выпуклым глазом, напичканным традиционно бесполезными сенсорами и зондами. Корабль лежал на пологом склоне поляны, на искусственном бугре, специально сконструированном так, чтобы удобно разместить суда самых разных размеров. Новые корабли — поменьше, они похожи скорее на обтекаемые машины гонок "Гран-При". Их минималистские коконы даже не пытаются изображать из себя разведывательные суда. Модули для пушечного мяса.

— Не нравится мне это, — раздался голос Хиро. — Корабль этот мне не нравится. Что-то в нем не так….

Он сказал это как бы про себя, будто размышляя вслух. Но точно так же и то же самое мог сказать себе и я сам, а это означало, что гештальт "суррогат-обработчик" в почти оперативном состоянии. Войдя в роль, я перестаю быть посредником при голодном ухе Рая, неким специфичным зондом, связанным по радио с еще более специфичным психиатром. Когда щелкает, вставая на место, гештальт, мы с Хиро сливаемся в нечто, в существовании чего мы никогда не сможем друг другу признаться, — во всяком случае, ни до, ни после самой работы. Наши взаимоотношения любого классического фрейдиста довели бы до ночных кошмаров. Но я знал, что Хиро прав: на сей раз было что-то ужасающе не так.

Поляна казалась неровно округлой. Что ж, функциональность

превыше всего. На самом деле, она представляла собой круглую вставку в полу Рая пятнадцати метров в диаметре, подъемник, замаскированный под альпийскую мини-лужайку. С корабля Лени отпилили двигатель, втянули его во внешний цилиндр, потом поляну опустили на шлюзовую палубу и вместе с кораблем подняли ее в Рай. Там она оказалась на верхушке гигантского пирога, украшенного вполне убедительными цукатами в виде травы и полевых цветов. Сенсоры заглушили вещанием станции, порты и люк корабля опечатали: предполагается, что Рай станет для новоприбывших сюрпризом.

Я осознал, что спрашиваю себя, вернулась ли Шармейн к Хорхе. Быть может, она готовит ему еду, одну из тех рыбин, которых мы называем "улов", когда их выпускают нам в руки из клеток на дне озер. Я почти почувствовал запах жарящейся рыбы, закрыл глаза, представляя себе, как Шармейн бредет по мелководью и прозрачные капли бусинами покрывают ее бедра. Длинноногая девушка в пруду с рыбами в Раю.

— Давай, Тоби! Внутрь!

В черепе еще гулом отдавался приказ, а тренинг и гештальт-рефлекс уже погнали меня через поляну.

— Черт побери, черт побери, черт побери… — традиционная мантра Хиро.

И тут я понял, что все каким-то образом пошло наперекосяк. Голос переводчицы Хиллари доносился визгливыми полутонами, защитный лед Би-би-си трещал, а она все тараторила что-то на высшей скорости об анатомических диаграммах. Чтобы распечатать люк, Хиро, должно быть, воспользовался дистанционным управлением, но не стал ждать, пока колесо раскрутится само собой. Он просто взорвал шесть встроенных в обшивку зарядов, разом вырвав шлюз. Меня едва не задело обломками, от которых я инстинктивно увернулся. Затем я вскарабкался по гладкому боку корабля, ухватился за ячеистые распорки у самого входного отверстия: вместе с механизмом люка рухнул и стальной трап.

И вдруг замер, скорчившись и зажимая нос от вони пластиковой взрывчатки, потому что именно тогда меня накрыл Страх. Впервые накрыл по-настоящему.

Я сталкивался с ним и раньше, с этим Страхом, но тогда это был лишь край огромного покрывала. Теперь же он был бездонным, как бездна, он нес в себе пустоту вечной ночи, холодную и неумолимую. В нем — последние слова, глубина космоса, каждое долгое "прощай" в истории нашей расы. Он заставил меня съежиться и заскулить. Я трясся, пресмыкался, рыдал. Нам читают лекции, предостерегают, пытаются списать

этот страх на временную боязнь открытого пространства, свойственную нашей работе. Но мы знаем, что это; суррогаты знают, а обработчикам этого не дано. Ни одно объяснение не способно ухватить сути.

Это — Страх. Это — длинный палец Великой Ночи, тьмы, которая скармливает бормочущих безумцев мягкой белой утробе Палат. Ольга познала его первой, Святая Ольга. Она пыталась спрятать нас от него, крушила радиооборудование корабля, молясь, чтобы Земля потеряла ее, дала ей умереть.

Хиро неистовствовал, но потом, похоже, понял, что со мной происходит, и принял единственно верное решение.

Он ударил меня, задействовав переключатель боли. Жестоко. Раз, еще раз — как стрекалом для скота. Он заставил меня войти внутрь. Пинками прогнал сквозь Страх.

Там, за стеной Страха, была комната. Тишина, молчание и незнакомый запах. Запах женщины.

Захламленный модуль выглядел изношенным, почти домашним, усталый пластик антиперегрузочной кушетки был заклеен отстающими полосками серебристой пленки. Но все, казалось, было отмечено печатью заброшенности. Обитательницы здесь не было. Затем я увидел безумную щетину росчерков шариковой ручкой: похожие на крабов символы, тысячи крохотных корявых продолговатых фигур смыкались, накладывались одна на другую. Размазанные пальцами, жалкие, они покрывали почти всю переднюю переборку.

Хиро — из статики — шептал, молил: "Найди ее, Тоби, сейчас же, пожалуйста, Тоби, найди ее, найди ее, найди…"

Я нашел ее в хирургической нише, узком алькове в дальнем конце центрального коридора. Над ней — Schqene Maschine, сверкающий хирургический манипулятор, его острые длинные руки-клешни были подняты. Хромированные члены ракопаука оканчивались несколькими гемостатами, пинцетом, лазерным скальпелем. Хиллари билась в истерике, почти затерявшись на каком-то далеком канале, захлебывалась рыданиями: что-то об анатомии человеческой руки, сухожилиях, артериях, основах тахономии.

Крови совсем не было. Манипулятор — чистоплотная машина, способная аккуратно делать свое дело в условиях нулевой гравитации, отсасывая жидкость при помощи вакуума. Лени умерла за минуту до того, как Хиро взорвал люк. Ее правая рука, разложенная на рабочей поверхности, казалась копией какого-то средневекового рисунка. И эта рука была очищена до кости, наколотые на белый пластик препараторскими иглами из нержавеющей стали мускулы и ткани были разложены тщательно

и симметрично. Она истекла кровью. Любой хирургический манипулятор тщательно запрограммирован против самоубийства, но он может использоваться как робот-препаратор, готовящий биологические материалы для хранения.

Физхимик нашла способ его одурачить. Если на это есть время, с машинами такое, как правило, проходит. А у нее было восемь лет.

Лени лежала на расставленном прозекторском столе. Ее тело напоминало скелет какого-то ископаемого в зубоврачебном кресле. Нити вышивки на спине ее комбинезона — орнамент с торговой маркой западногерманского концерна электроники — давно потускнели.

Я попытался объяснить ей… Я говорил:

— Пожалуйста, ты ведь уже мертвая. Прости нас, мы с Хиро… мы пришли, чтобы попытаться помочь. Понимаешь? Видишь ли, Хиро тебя знает. Он сейчас прямо у меня в голове. Он читал твое досье, твой сексуальный профиль, видел твои любимые цвета. Он наизусть знает твои детские страхи, знает, как звали твою первую любовь, имя учителя, который тебе так нравился. А у меня — подобранные ради тебя феромоны, и сам я — ходячий арсенал наркотиков, всего того, что обязательно тебе понравится. И мы умеем лгать, Хиро и я, мы ведь просто асы лжи. Пожалуйста. Ты должна понять. Мы с Хиро совершенно чужие тебе люди, но для тебя мы разыграем совершеннейшего незнакомца… правда, Лени.

Она была худенькой светловолосой женщиной. Прямые волосы припорошены преждевременной сединой. Мягко коснувшись этих волос, я вышел на поляну. На моих глазах заколыхалась высокая трава, закачались полевые цветы, и началось нисхождение. Корабль все время оставался в центре рельефного круга лифта. Поляна скользнула прочь из Рая, и солнечный свет потерялся в сиянии огромных неоновых дуг, отбрасывающих резкие тени на просторную палубу воздушного шлюза. Забегали фигуры в красных комбинезонах. Красный паровозик, описав полукруг, уступая нам дорогу, развернулся на толстых резиновых колесах.

Невский, серфингист из КГБ, ожидал у подножия трапа, который подкатили к краю поляны. Я его даже не видел, пока не спустился.

— Мне теперь нужно забрать наркотики, мистер Холперт.

Я стоял, покачиваясь, смаргивая наворачивающиеся на глаза слезы. Он протянул руку, чтобы меня поддержать. Я подумал: а знает ли он, что он вообще делает здесь, на нижней палубе, желтый костюм на красной территории. Вероятно, ему все равно; казалось, ему ни до чего, в сущности, нет дела. Свой блокнот он

держал наготове.

— Я должен их забрать, мистер Холперт.

Стащив с себя комбинезон, я протянул ему мятый ком. Он сложил его в пластиковый пакет на молнии, убрал пакет в кейс, прикованный наручниками к его левому запястью, и ввел комбинацию шифра.

— Не принимай их все разом, малыш, — сказал я. И потерял сознание.

Этой ночью Шармейн принесла в мою келью некую особую тьму — индивидуальные дозы, запаянные в плотную пленку. Эта тьма ничем не походила на тьму Великой Ночи, ту охотящуюся черноту, что поджидает, чтобы утащить автостопщиков в Палату, ту тьму, что взращивает Страх. Эта темнота напоминала тени, движущиеся на заднем сиденье родительской машины дождливой ночью, когда тебе пять лет… тебе тепло… ты в безопасности. Шармейн гораздо хитрее меня, когда надо обмануть контролеров вроде Невского.

Я не стал ее спрашивать, почему она вернулась из Рая или что сталось с Хорхе. И она ничего не спросила о Лени.

Хиро исчез, отключился от эфира. Я видел его сегодня вечером во время совещания; как всегда, нашим взглядам никак не удавалось встретиться. Не страшно. Я знал, что он вернется. Все это, в сущности, — наша работа, все — как обычно. Очередной трудный день в Раю, но там никогда не бывает просто. Тяжело, когда впервые испытываешь Страх, но я всегда знал, что он поджидает меня там. На совещании говорили о формулах Лени и о ее зарисовках шариковой ручкой. Насколько я понял, это были молекулярные цепи, способные смещаться по команде. Молекулы, функционирующие как переключатели, логические элементы, и даже как нечто вроде линий электропередач — и все это слоями встроено в одну-единственную очень большую макромолекулу, крохотный компьютер. По-видимому, мы никогда не узнаем, с чем Лени столкнулась там, в космосе. И подробностей ее сделки нам тоже, вероятно, никогда не узнать. Возможно, мы очень пожалеем, узнай мы когда-нибудь об этом. Мы ведь не единственное отсталое племя из тех, что подбирают обрывки.

Черт бы побрал эту Лени, этого француза, черт бы побрал всех тех, кто привозит домой странные вещи, кто привозит панацею от рака, морские ракушки, предметы без названий, — всех тех, кто заставляет нас сидеть здесь и ждать, кто наполняет Палаты, кто приносит нам Страх. Но — цепляйся за эту темноту, тепло и близость, за чуть слышное дыхание Шармейн, мерный ритм моря. На этом можно и отлететь… Ты услышишь море, там,

далеко внизу, за непрестанным тараканьим шорохом статики костефона. Это то, что мы несем в себе, как бы далеко нас ни заносило от дома.

Рядом со мной шевельнулась во сне Шармейн, пробормотала незнакомое имя, возможно, имя какого-то сломленного путника, давно сгинувшего в Палатах. Она помнит их всех. Однажды она две недели не давала умереть одному парню, пока тот не выдавил себе глаза большими пальцами. Шармейн кричала все время, пока ее опускали вниз, сломала ногти о пластиковую крышку подъемника. Потом ее накачали транквилизаторами.

Однако в нас обоих живет особый голод, неугомонная одержимость, которая позволяет нам снова и снова возвращаться в Рай. И получили мы ее одним и тем же образом: неделями болтались в космосе на своих маленьких суденышках в надежде, что и нас примет Трасса. А когда иссякли водородные заряды, нас отбуксировали назад. Некоторых просто не берут, и никто не знает почему. И второго шанса у тебя никогда не будет. Они говорят, что это слишком дорого, но на самом деле, глядя на твои перетянутые бинтами запястья, думают о том, что ты теперь слишком ценен, слишком полезен для них как потенциальный суррогат. "Неважно, что ты пытался покончить жизнь самоубийством, — говорят они, — это случается сплошь и рядом. Это вполне понятно — когда чувствуешь себя отвергнутым". Но я хотел умереть, очень хотел. И Шармейн тоже. Она попыталась отравиться таблетками. Но нас подготовили, одержимость "подправили", вживили костефоны, спарили с обработчиками.

Ольга, должно быть, знала, должно быть, все это как-то предвидела. Она пыталась не позволить нам выйти на дорогу, туда, где побывала сама. Она понимала, что если люди найдут ее, у них не останется выбора, им придется идти. Даже теперь, зная то, что я знаю, я все равно хочу пойти по Трассе. Я никогда туда не попаду. Но можно качаться во тьме, что громоздится над нами, мысленно держа за руку Шармейн. Между нашими ладонями — разорванная обертка наркотика. И улыбается Святая Ольга — ее присутствие почти осязаемо — улыбается нам со всех своих отпечатков, сделанных с одной и той же официальной фотографии, вырванных и приклеенных на стены ночи. Ее белая улыбка. Навсегда.

Красная звезда, орбита зимы Table of contents

Полковник Королёв тяжело ворочался в ремнях спального места, ему снились зима и гравитация. Вновь молоденький курсант, он погоняет коня по заснеженной казахстанской степи куда-то в сухую рыжую перспективу марсианского заката.

"Что-то здесь не так", — подумал он…

И проснулся — в "Музее Советских Достижений в Космосе" — под звуки, производимые Романенко и женой кагэбэшника. Они опять занимались любовью за экраном в кормовой части "Салюта". Ритмично поскрипывают ремни и обитые войлоком переборки, слышны глухие удары… Подковы на снегу.

Высвободившись из ремней, Королёв привычным натренированным движением оттолкнулся от стены, что крутануло его прямо в кабинку туалета. Он выпутался из потёртого комбинезона, защёлкнул вокруг чресел стульчак и стёр со стального зеркала сконденсировавшуюся влагу. Во сне артритные руки снова отекли; запястье из-за потери кальция напоминало птичью лапку. С тех пор как он в последний раз испытывал силу тяготения, прошло двадцать лет, он состарился на орбите.

Он побрился вакуумной бритвой, хотя с годами это причиняло всё больше хлопот. Левую щёку и висок покрывала сетка лопнувших сосудов — ещё одно наследство оставившей его инвалидом декомпрессии.

Выйдя, он обнаружил, что прелюбодеи уже закончили. Романенко оправлял форму. Жена политрука Валентина закатала рукава коричневого комбинезона. Её белые руки блестели от пота. Пепельно-русые волосы развевал ветерок от вентилятора. Близко посаженные глаза были чистейшего василькового цвета, и выражение их сейчас было отчасти извиняющееся, отчасти заговорщическое.

— Взгляните, что мы принесли вам, полковник… — Она протягивала ему крохотную бутылочку коньяка. Королёв, ошеломлённо моргая, взглянул на пластмассовую крышку: "Эр Франс". — Это привезли на последнем "Союзе". Муж сказал, в огурцах. — Валентина захихикала. — Он подарил её мне.

— Мы решили, что она достанется вам, полковник, — ухмыляясь до ушей, сказал Романенко. — В конце концов, мы ведь всегда можем слетать в отпуск.

Королёв проигнорировал взгляд, который мальчишка бросил

на его усохшие ноги и бледные обвисшие ступни.

Он открыл бутылочку, и от богатого аромата к его щекам прихлынула кровь. Осторожно подняв бутылочку ко рту, Королёв сделал несколько крохотных глотков. Алкоголь жёг, как кислота.

— Господи, — выдохнул он, — сколько лет! Я совсем тут окаменел! — добавил он смеясь. Слёзы застилали ему глаза.

— Отец рассказывал, в былые времена вы, полковник, пили просто геройски.

— Да, — Королёв отхлебнул ещё глоток. — Пил.

Коньяк жидким золотом растекался по телу. Старик недолюбливал Романенко. И отца парня он никогда не любил — вкрадчивый партийный функционер, давно уже подыскавший себе синекуру в виде лекционных туров; дача на Чёрном море, американские ликёры, французские костюмы, итальянская обувь… Мальчишка похож на отца, те же ясные серые глаза, не омрачённые никаким сомнением.

Алкоголь волнами прокатывался по телу, будоража жидкую кровь.

— Вы слишком щедры, — сказал Королёв. Он мягко оттолкнулся от стены и проплыл к пульту. — Возьмите-ка самиздаты[36]. Американское кабельное вещание, свежий перехват. Пикантные плёнки! Просто грех тратить это на старую развалину вроде меня. — Он вставил чистую кассету и набрал код материала.

— Отдам её расчёту, — ухмыльнулся Романенко. — Смогут прокрутить на мониторах наведения в арсенале.

"Арсеналом" традиционно называли станцию управления протонным лучом дезинтегратора. Обслуживающие её солдаты всегда были падки на подобные плёнки. Королёв запустил вторую копию для Валентины.

— Это порнуха? — Вид у красавицы был встревоженный и заинтригованный. — Можно, мы ещё придём, полковник? Во вторник в полночь?

Королёв ответил ей улыбкой. До того как её отобрали для космической программы, она была простой фабричной работницей. Красота сделала Валентину полезной для пропагандистских целей, превратив её в модель для пролетариата.

Теперь, когда в крови циркулировал коньяк, полковнику было жаль женщину; показалось невозможным отказать ей в небольшом счастье.

— Полуночное свидание в музее, Валентина? Как романтично!

Качнувшись в невесомости, она поцеловала его в щёчку.

— Благодарю вас, мой полковник!

— Вы — просто властитель душ, полковник, — сказал Романенко, как можно мягче хлопнув Королёва по хрупкому плечу. После бесконечных часов в качалке руки у мальчишки были как у кузнеца.

Старик глядел, как любовники осторожно пробираются в центральную стыковочную сферу, к перекрёстку трёх ветшающих "Салютов" и ещё двух коридоров. Романенко свернул в "северный" коридор, к арсеналу, Валентина направилась в противоположную сторону — к следующей стыковочной сфере и "Салюту", где мирно спал её муж.

В "Космограде" таких стыковочных сфер было пять, к каждой из них было пристыковано по три "Салюта". На противоположных концах комплекса располагались военные отсеки и установки для запуска спутников. Станция непрерывно постукивала, потрескивала, дышала с присвистом, так что казалось, что находишься в метро или в трюме грузового парохода.

Королёв снова приложился к бутылке, теперь уже наполовину пустой. Он спрятал её в одном из экспонатов музея, фотокамере НАСА системы "Хассельблад", найденной на месте посадки "Аполлона". Ему не случалось выпивать с той самой увольнительной на Землю перед декомпрессией. Голова кружилась болезненно приятной пьяной ностальгией.

Проплыв назад к своему пульту, он вошёл в ту секцию памяти, откуда когда-то стёр тайком собрание речей Алексея Косыгина, чтобы освободить место для своей личной коллекции самиздата: оцифрованных записей поп-музыки, той самой, которую он так любил в детстве, в восьмидесятые годы. Тут были английские группы, записанные с западногерманского радио, хеви-металл стран Варшавского Договора, американский импорт с чёрного рынка. Надев наушники, он набрал код ченстоховского регги-бэнда "Бригада Кризис".

После всех этих лет он уже не столько слушал саму музыку, сколько всматривался в образы, мучительно отчётливо наплывавшие из глубины памяти. В восьмидесятые он был длинноволосым парнишкой, отпрыском советской элиты. Положение отца надёжно защищало его от московской милиции. Он вспоминал, как выл усиленный динамиками реверс в жаркой темноте подвального клуба, видел перед собой шахматную толпу в джинсе и с перекрашенными волосами. Он курил тогда "Мальборо", смешанный с перетёртым афганским хашем. Помнил губы дочери американского дипломата на заднем сиденье чёрного "линкольна". Имена и лица возвращались, накатывали на Королёва в горячей дымке коньяка. Вот Нина, восточная немка,

показывает ему размноженные на мимеографе переводы из польских диссидентских информ-листков… В кофейне Нина появлялась лишь поздно ночью. Шёпотом передавались слухи о паразитизме, антисоветской деятельности, ужасах химической обработки в психушке…

Королёва стала бить дрожь. Он провёл рукой по лицу, обнаружил, что оно залито потом. Снял наушники.

Уже полвека прошло, а он вдруг чуть ли не до обморока перепугался. Он не помнил, чтобы ранее испытывал подобный ужас, не боялся так даже во время декомпрессии, когда ему раздробило бедро. Его отчаянно трясло. Лампы. Свет на "Салюте" был слишком ярок, но ему не хотелось приближаться к выключателю. Такое простое действие, он его совершает регулярно, и всё же… Переключатели и их обмотанные изоляцией кабели таили в себе неведомую угрозу. Королёв растерянно поморгал. Маленькая заводная модель лунохода с сетчатыми колёсами, цепляющимися за округлую стену, показалась вдруг разумной, враждебной, ждущей момента, чтобы напасть. Глаза советских первопроходцев космоса с презрением уставились на него с официальных портретов.

Коньяк. Годы, проведённые в невесомости, явно изменили метаболизм Королёва. Он уже совсем не тот, каким был раньше. Нет, он останется спокоен и попытается с достоинством перенести это. Если его вырвет, он станет всеобщим посмешищем.

В дверь музея постучали, и в люк великолепным нырком проскользнул Никита-Сантехник, главный мастер на все руки "Космограда". Вид у молодого инженера был разъярённый, и Королёв съёжился от страха.

— Рано поднялся, Сантехник, — сказал он в надежде сохранить хотя бы видимость нормальности.

— Точечная утечка в Дельте-Три. — Никита нахмурился. — Вы понимаете по-японски?

На Сантехнике были застиранные джинсы "ливайс" и рваные кроссовки "адидас". По всей заляпанной рабочей жилетке в самых неожиданных местах были нашиты карманы. Из внутреннего кармана Никита выудил кассету.

— Мы записали это прошлой ночью.

Королёв отпрянул, будто кассета была каким-то оружием.

— Нет, только не по-японски, — ответил он, сам удивившись кротости в собственном голосе. — Только по-английски и по-польски.

Он почувствовал, что краснеет. Сантехник был его другом. Он хорошо знал Никиту и доверял ему, но всё же…

— С вами всё в порядке, полковник? — Сантехник запустил

кассету и ловкими мозолистыми пальцами набрал код программы-переводчика. — Вид у вас такой, будто вы жука проглотили. Мне бы хотелось, чтобы вы это послушали.

Королёв с неприязнью смотрел, как на экране вспыхнула реклама рукавиц для бейсбола. Маниакально забормотал голос японского диктора, и по экрану побежали кириллические субтитры словаря.

— Сейчас пойдут новости, — сказал Сантехник, покусывая костяшку большого пальца.

Королёв озабоченно покосился на экран. По лицу японского диктора заскользил перевод:

"АМЕРИКАНСКАЯ ГРУППА ПО РАЗОРУЖЕНИЮ ЗАЯВЛЯЕТ… ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА КОСМОДРОМЕ БАЙКОНУР… СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ О ТОМ, ЧТО РУССКИЕ НАКОНЕЦ ГОТОВЫ… ДЕМОНТИРОВАТЬ ВООРУЖЁННУЮ БАЗУ КОМИЧЕСКОГО ГОРОДА…"

— Космического, — пробормотал себе под нос Сантехник, — сбой в словаре.

"ПОСТРОЕННЫЙ НА РУБЕЖЕ ВЕКА КАК ТРАМПЛИН В КОСМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО… АМБИЦИОЗНЫЙ ПРОЕКТ ПОДОРВАН ПРОВАЛОМ ЛУННЫХ РУДНИКОВЫХ РАЗРАБОТОК… ДОРОГОСТОЯЩАЯ СТАНЦИЯ УСТУПАЕТ НАШИМ БЕСПИЛОТНЫМ ОРБИТАЛЬНЫМ ФАБРИКАМ… КРИСТАЛЛЫ, ПОЛУПРОВОДНИКИ И ЧИСТЫЕ ЛЕКАРСТВА…"

— Самодовольные ублюдки, — фыркнул Сантехник. — Говорю вам, это всё проклятый кагэбэшник Ефремов. Кто, как не он, приложил к этому руку!

"ЗАТЯЖНОЙ ДЕФИЦИТ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ… ОБЩЕСТВЕННОЕ НЕДОВОЛЬСТВО СОВЕТСКОЙ КОСМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММОЙ… ПОСЛЕДНИЕ РЕШЕНИЯ ПОЛИТБЮРО И СЕКРЕТАРИАТА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА…"

— Нас закрывают! — Лицо Сантехника перекосилось от ярости.

Не в силах сдержать дрожь, Королёв отшатнулся от экрана. С его ресниц сорвались и невесомыми каплями поплыли по воздуху слёзы.

— Оставь меня в покое! Я ничего не могу поделать!

— Что с вами, полковник? — Никита схватил его за плечи. — Посмотрите мне в лицо. Кто-то дал вам дозу "Страха"!

— Уходи, — взмолился Королёв.

— Этот маленький засранец! Что он вам дал? Таблетки? Инъекцию?

Королёв трясся всем телом.

— Я выпил…

— Он дал вам "Страх"! Вам, больному старику. Да я ему морду набью!

Сантехник резко подтянул колени, сделал сальто назад и, оттолкнувшись от потолка, катапультировался из комнаты.

— Подожди! Сантехник!

Но Никита, белкой проскользнув стыковочную сферу, исчез в коридоре, и Королёв почувствовал теперь, что не вынесет одиночества. Издалека до него донеслись искажённые металлическим эхом гневные выкрики.

Дрожа, старик закрыл глаза и стал ждать, что кто-нибудь придёт и поможет ему.

Он попросил военного психиатра Бычкова помочь ему одеться в старый мундир с привинченной над левым нагрудным карманом звездой ордена Циолковского. Форменные ботинки из тяжёлого чёрного нейлона с подошвами на присосках отказались налезать на искорёженные артритом ноги, поэтому он остался босиком.

Укол Бычкова в течение часа привёл полковника в чувство, депрессия постепенно сменилась яростным гневом. Теперь Королёв ждал в музее Ефремова, который должен был явиться по его вызову. Его дом обитатели станции называли "Музеем Советских Достижений в Космосе". И по мере того как, уступая место застарелому, как и сама станция, безразличию, стихала ярость, он всё более чувствовал себя всего лишь ещё одним экспонатом.

Полковник мрачно смотрел на портреты великих провидцев космоса, заключённые в золотые рамы, на лица Циолковского, Рынина, Туполева. Под ними, в несколько менее богатых рамах, красовались Жюль Верн, Годдар, О'Нил.

В минуты глубочайшей подавленности он иногда считал, что замечает в их взглядах, особенно в глазах двух американцев, некую общую странность. Было ли это заурядным безумием, как иногда думал он в приступе цинизма? Или ему удалось уловить едва заметное проявление какой-то жуткой, неуправляемой силы, в которой он частенько подозревал движущую силу эволюции человеческой расы?

Однажды, лишь один-единственный раз, Королёв видел это выражение и в своих собственных глазах — в тот день, когда он ступил на землю Каньона Копрат. Марсианское солнце, превратившее в зеркало лицевой щиток шлема, вдруг показало ему отражение двух совершенно чужих немигающих глаз бесстрашных и полных отчаянной решимости. Тихий затаённый шок от увиденного, как он осознавал теперь, был самым запомнившимся, самым трансцендентальным мгновением его

жизни.

Поверх всех портретов, масляных и мёртвенных, висела картина, изображавшая высадку на Марс. Краски неизменно напоминали полковнику о борще и мясной подливе. Марсианский ландшафт был низведён здесь до китча советского социалистического реализма. Рядом с посадочным модулем художник со всей глубоко искренней вульгарностью официального стиля поместил фигуру в скафандре.

Чувствуя себя опозоренным, полковник ожидал прибытия Ефремова, кагэбэшника, политрука "Космограда".

Когда Ефремов наконец появился в "Салюте", Королёв заметил, что у него разбита губа, а на шее — свежие синяки. Политрук был одет в синий комбинезон из японского шёлка фирмы "Кансаи", на ногах — стильные итальянские туфли.

— Доброе утро, товарищ полковник.

Королёв смотрел на него, намеренно выдерживая паузу.

— Ефремов, — с нажимом произнёс он, — вы меня не радуете.

Ефремов покраснел, но взгляда не отвёл.

— Давайте говорить начистоту, полковник, как русский с русским. Естественно, это предназначалось не для вас.

— Что? "Страх", Ефремов?

— Да, бета-карболин. Если бы вы не потакали их антиобщественным поступкам, если бы вы не приняли от них взятку, ничего бы не случилось.

— Так, значит, я сводник, Ефремов? Сводник и пьяница? Тогда вы контрабандист и стукач рогатый. Я говорю это, — добавил он, — как русский русскому.

Теперь лицо кагэбэшника превратилось в официальную пустую маску с выражением ничем не омрачённого сознания собственной правоты.

— Но скажите мне, Ефремов: что вы на самом деле затеваете? Что вы делали здесь с момента вашего появления на "Космограде"? Мы знаем, что комплекс будет демонтирован. Что же ожидает гражданский экипаж, когда люди вернутся на Байконур? Разбирательства по обвинению в коррупции?

— Безусловно, будет произведено расследование. В определённых случаях возможна госпитализация. Или вы осмелитесь предположить, полковник Королёв, что в провале "Космограда" повинен Советский Союз?

Королёв молчал.

— "Космоград" был мечтой, полковник. Мечтой, потерпевшей крах. Как и весь космос. У нас нет необходимости оставаться здесь. Предстоит навести порядок на целой планете. Москва —

величайшая сила в истории. Нам нельзя терять глобальность мышления.

— Вы думаете, нас так просто сбросить со счетов? Мы — элита, высокообразованная техническая элита.

— Меньшинство, полковник. Назойливое меньшинство. Какой вклад в общее дело вы вносите, если не считать кип ядовитой американской макулатуры? Предполагалось, что экипаж станции будет состоять из рабочих, а не зарвавшихся спекулянтов, переправляющих к нам джаз и порнографию. — Спокойное и пустое лицо Ефремова ничего не выражало. — Экипаж вернётся на Байконур. Боевыми установками можно управлять и с Земли. Вы, конечно, останетесь, и здесь появятся гости: африканцы, латиноамериканцы. Для этих народов космос ещё сохраняет хоть какую-то долю престижа.

— Что вы сделали с мальчиком? — оскалился Королёв.

— С вашим Сантехником? — Политрук нахмурился. — Он напал на офицера Комитета государственной безопасности и останется под стражей до тех пор, пока не появится возможность отправить его на Байконур.

Королёв попытался издать неприятный смешок.

— Отпустите его. Вам хватит своих собственных неприятностей, чтобы ещё возбуждать против кого-либо дело. Я свяжусь лично с маршалом Губаревым. Пусть моё звание и исключительно почётное, но я сохранил ещё определённое влияние.

Кагэбэшник пожал плечами:

— Боевой расчёт подчиняется приказам с Байконура, а именно — держать коммуникационный модуль под замком. На карту поставлена их карьера.

— Значит, военное положение?

— Здесь не Кабул, полковник. Сейчас тяжёлые времена. За вами сила авторитета, вам следовало бы подавать пример.

— Посмотрим, — ответил Королёв.

"Космоград" выплыл из тени Земли на резкий солнечный свет. Стены "Салюта" Королёва потрескивали и скрежетали, как ящик со стеклянными бутылками. "Иллюминаторы всегда сдают первыми", — рассеянно подумал Королёв, проводя пальцами по вздувшимся венам на виске.

Похоже, молодой Гришкин думал то же самое. Вытащив из наколенного кармана тюбик замазки, он принялся осматривать изоляцию вокруг иллюминатора. Гришкин был помощником Сантехника и ближайшим его другом.

— Теперь нам нужно проголосовать, — устало сказал Королёв. Одиннадцать из двадцати четырёх членов гражданского

экипажа "Космограда" согласились присутствовать на собрании — двенадцать, если считать его самого. Оставалось ещё тринадцать человек, которые или не хотели оказаться замешанными, или отнеслись к идее забастовки с нескрываемой враждебностью. С Ефремовым и шестью солдатами боевого расчёта число отсутствующих доходило до двадцати.

— Мы обсудили наши требования. Все те, кто за данный список… — Он поднял здоровую руку.

Поднялись ещё три руки. Гришкин, занятый иллюминатором, вытянул ногу.

Королёв вздохнул.

— Нас и без того не так уж много. Лучше бы нам проявить единодушие. Давайте выслушаем возражения.

— Выражение "военный переворот", — начал биолог Коровкин, — может быть воспринято как намёк на то, что все военные, а не только преступник Ефремов, несут ответственность за сложившуюся ситуацию. — Биолог явно чувствовал себя неловко. — Во всём остальном мы вам симпатизируем, но подписываться не станем. Мы члены партии. — Казалось, он хотел добавить ещё что-то, но сдержался.

— Моя мать, — тихо произнесла его жена, — была еврейкой.

Королёв кивнул, но ничего не сказал.

— Всё это — преступная глупость, — высказался ботаник Глушко. Ни он, ни его жена не голосовали. — Безумие. С "Космоградом" покончено, мы все это знаем, и чем скорее домой, тем лучше. Чем ещё была эта станция, как не тюрьмой?

Метаболизм ботаника оказался несовместим с невесомостью, это заставляло кровь застаиваться у него в лице и шее, делая его похожим на одну из его экспериментальных тыкв.

— Ты же ботаник, Василий, — одёрнула его жена, — в то время как я, если ты помнишь, пилот "Союза". Речь идёт не о твоей карьере.

— Я не стану поддерживать этот идиотизм!

Глушко резко оттолкнулся от переборки, что выбросило его прочь из комнаты. За ним последовала жена, горько жалуясь приглушённым полушёпотом, к которому члены экипажа научились прибегать в личных спорах.

— Готовы поставить свои подписи пятеро, — сказал Королёв, — из гражданского экипажа в двадцать четыре человека.

— Шестеро, — отозвалась Татьяна, второй пилот "Союза". Её тёмные волосы были убраны под плетёный ремешок из зелёного нейлона. — Вы забыли про Сантехника.

— Солнечные шары! — воскликнул Гришкин, указывая на Землю. — Смотрите!

"Космоград" находился теперь над побережьем Калифорнии, под станцией проплывали чёткие очертания береговой линии, бескрайние, приходящие в упадок города, чьи названия звучали как странные магические заклинания. Светились яркой интенсивной зеленью поля. Высоко над барашками стратосферных облаков плавали пять солнечных баллонов — зеркальные геодезические сферы, опутанные сетями энергетических линий. Баллоны были дешёвой альтернативой грандиозному американскому плану по созданию спутников, работающих на солнечной энергии. По мнению Королёва, они со своей задачей справлялись, поскольку в последнее десятилетие эти пузырьки множились прямо у него на глазах.

— Правду ли говорят, что там живут люди? — Стойко, отвечающий на станции за системы обеспечения, приник к иллюминатору рядом с Гришкиным.

Королёву припомнилась лихорадочная — и такая трогательная — суета американцев вокруг совершенно эксцентричных энергетических проектов, начавшаяся после заключения Венского договора. Советский Союз контролировал мировые поставки нефти, и американцы, похоже, были готовы испробовать всё что угодно. Особенно после того, как взрыв атомной электростанции в Канзасе раз и навсегда отбил у них охоту пользоваться реакторами. Уже более трёх десятилетий они постепенно соскальзывали к промышленному упадку и изоляции. "Космос, — с сожалением подумал полковник, — им нужно было выходить в космос". Он никогда не понимал того странного паралича воли, который свёл на нет все их блистательные первые успехи. А может быть, всё дело в недостатке воображения, в неумении видеть перспективу? "Вот так-то, господа американцы, — проговорил он про себя, — вам и вправду стоило присоединиться к нам здесь — в нашем славном будущем, в "Космограде".

— Да кому захочется жить в такой-то штуковине? — спросил Гришкин, хлопнув Стойко по плечу и рассмеявшись — тихо, безнадёжно, отчаянно.

— Вы, конечно, шутите, — сказал Ефремов. — Ведь у нас и без того хватает неприятностей.

— Мы не шутим, политрук Ефремов, и вот наши требования.

На "Салюте", который кагэбэшник делил с Валентиной, сгрудились пятеро диссидентов, прижав политрука к кормовому экрану. Экран украшала искусно отретушированная фотография премьера, машущего в объектив из кабины трактора. Валентина, насколько Королёву было известно, находилась сейчас в музее с Романенко, заставляя скрипеть переборки. Полковник в который

раз спросил себя, как Романенко удаётся так регулярно прогуливать свои вахты в арсенале.

Ефремов пожал плечами. Опустил взгляд на список требований.

— Сантехник останется под арестом. У меня прямой приказ. Что касается остального…

— Вы виновны в несанкционированном применении психиатрических препаратов! — выкрикнул Гришкин.

— Это было целиком и полностью личное дело, — спокойно возразил Ефремов.

— Преступление, — поправила Татьяна.

— Пилот Татьяна, мы оба знаем, что присутствующий здесь Гришкин самый активный распространитель пиратской самиздаты на станции! Разве вы не понимаете, что все мы преступники? В этом-то и заключается вся прелесть нашей системы, не так ли? — Его внезапная кривая улыбка была шокирующе цинична. — "Космоград" не "Потёмкин", и вы не революционеры. Вы требуете связи с маршалом Губаревым? Он под арестом на Байконуре. Вы требуете связи с министром по технологиям? Он проводит чистку.

Решительным жестом он разорвал распечатку на части. Жёлтые обрывки папиросной бумаги медлительными бабочками запорхали в невесомости.

На девятый день забастовки Королёв встретился с Гришкиным и Стойко в "Салюте", который Гришкин обычно занимал на пару с Сантехником.

Уже сорок лет обитатели "Космограда" вели антисептическую войну с грибком и плесенью. Пыль, копоть и испарения не оседали в невесомости на предметы, и споры кишели повсюду: в обшивке, в одежде, в шахтах вентиляции. В тёплой влажной атмосфере этой огромной чашки Петри они распространялись, как растекаются по воде нефтяные пятна. Сейчас в воздухе стоял запах сухого гниения, перекрывавшийся зловещей вонью тлеющей изоляции.

Сон Королёва оборвал гулкий раскат отбывающего "Союза". Глушко и его жена, решил он. Последние сорок восемь часов Ефремов занимался эвакуацией членов экипажа, отказавшихся присоединиться к забастовке. Солдаты не показывались из арсенала и казарменного отсека, где по-прежнему держали под арестом Никиту-Сантехника.

"Салют" Гришкина стал штаб-квартирой забастовки. Никто из забастовщиков не брился, а Стойко к тому же подцепил какую-то кожную инфекцию, которая пятнами расползалась по его рукам. Среди развешанных по стенам сенсационных снимков, переснятых

с американского телевидения, они напоминали трио каких-нибудь порнографов-дегенератов. Освещение было слабым: "Космоград" работал на половинном напряжении.

— Когда остальные уйдут, — сказал Стойко, — это только укрепит наше дело.

Гришкин застонал. Из его ноздрей фестонами торчали белые тампоны хирургической ваты. Он был уверен, что Ефремов попытается сломить забастовщиков бета-карболинными аэрозолями. Ватные фильтры были просто показателем общего уровня напряжения и паранойи. Пока с Байконура не пришёл приказ об эвакуации, один из техников с оглушительной громкостью часами проигрывал "Увертюру 1812 года" Чайковского. И Глушко гонялся вверх-вниз по всему "Космограду" за своей голой, вопящей, избитой в кровь женой.

Стойко вошёл в файлы кагэбэшника и психиатрические записи Бычкова; метры жёлтой распечатки спиралями клубились по коридорам, колыхаясь в токах воздуха от вентиляторов.

— Подумайте только, что их показания сделают с нами на Земле, пробормотал Гришкин. — На суд и надеяться нечего. Прямо в психушку.

Зловещее прозвище политических госпиталей, казалось, гальванизировало парнишку ужасом. Королёв апатично ковырял клейкий хлорелловый пудинг.

Схватив проплывавший мимо рулон распечатки, Стойко зачитал вслух:

— Паранойя со склонностью к навязчивым идеям! Ревизионистские фантазии, враждебные общественному строю! — Он скомкал бумагу. — Если бы нам удалось захватить коммуникационный модуль, мы могли бы подключиться к американскому комсату и вывалить им это всё на колени. Может, это показало бы Москве, какие из нас враги!

Королёв выковырял из своего пудинга дохлую муху. Две дополнительные пары крыльев и поросшая шёрсткой грудная клетка насекомого наглядно свидетельствовали об уровне радиации на "Космограде". Насекомые сбежали с какого-то давно всеми позабытого эксперимента, и десятилетиями их поколения наводняли станцию.

— Американцам нет до нас никакого дела, — сказал Королёв. — И Москву больше не смутишь подобными откровениями.

— За исключением того, что на носу поставки зерна, — возразил Гришкин.

— Америке так же отчаянно требуется продавать, как нам покупать. Королёв мрачно забросил в рот ещё несколько ложек

хлореллы и, механически прожевав, проглотил. — Да и американцы не смогли бы выйти на нас, даже если бы захотели. Мыс Канаверал в развалинах.

— У нас кончается топливо, — сказал Стойко.

— Можем забрать с оставшихся кораблей, — ответил Королёв.

— Тогда как, чёрт побери, мы вернёмся на Землю? — Сжатые в кулаки руки Гришкина дрожали. — Даже в Сибири — там деревья. Деревья! Небо! К чёрту всё это! Пусть всё разваливается на части! Пусть рухнет, пусть сгорит!

Пудинг Королёва размазался по переборке.

— О господи, — сказал Гришкин, — простите, полковник. Я знаю, что вы не можете вернуться.

У себя в музее Королёв застал пилота Татьяну. Девушка висела перед той самой отвратительной картиной с изображением высадки на Марс, щёки её блестели от слёз.

— Вы знаете, полковник, что на Байконуре стоит ваш бюст? Бронзовый. Я обычно проходила мимо него, когда шла на занятия.

— Там полно бюстов. Академики их обожают. — Улыбнувшись, старик взял её за руку.

— Как это всё происходило? Тогда? — Она всё ещё не отводила глаз от картины.

— Я едва помню. Я так часто смотрел видеозаписи, что теперь помню только их. У меня такие же воспоминания о Марсе, как и у любого школьника. — Он снова улыбнулся ей. — Но всё было совсем не так, как на этой дурацкой картине. В чём-чём, а в этом я уверен.

— Почему всё так вышло, полковник? Почему теперь всё кончается? Когда я была маленькой, я смотрела телевизор… наше космическое будущее казалось таким светлым…

— Возможно, американцы были правы. Японцы, чтобы строить свои орбитальные фабрики, посылали в космос вместо людей машины. Роботов. Лунные разработки потерпели крах, но мы надеялись, что хотя бы здесь останется постоянная исследовательская база. Думаю, всё дело в тех, кто сидит за столом и принимает решения.

— Вот их окончательное решение относительно "Космограда". — Она протянула ему сложенный листок папиросной бумаги. — Я нашла его в распечатках приказов, полученных Ефремовым из Москвы. Они позволят станции сойти с орбиты в течение трёх ближайших месяцев.

Королёв понял, что теперь и он не может оторвать глаз от столь ненавистной ему картины.

— Едва ли это имеет теперь значение, — услышал он свой охрипший голос.

И тут девушка горько разрыдалась, припав лицом к его искалеченному плечу.

— У меня есть план, Татьяна, — сказал он, поглаживая её по голове. — Ты должна меня выслушать.

Полковник взглянул на свой старенький "Ролекс". Сейчас они над Восточной Сибирью. Он вспомнил, как швейцарский посол подарил ему эти часы в огромном сводчатом зале Большого Кремлёвского дворца.

Пора начинать.

Отмахнувшись от ленты распечатки, норовившей обвиться вокруг головы, Королёв выплыл из своего "Салюта" в стыковочную сферу.

Он ещё способен быстро и эффективно действовать здоровой рукой. Старик усмехнулся, высвобождая из ремней настенного крепления баллон с кислородом. Опершись о поручень, он изо всех сил швырнул баллон через всю сферу. С резким лязгом баллон безрезультатно отскочил от стены. Королёв нырнул за ним, поймал и снова кинул. Потом нажал на кнопку декомпрессионной тревоги.

Завыли сирены, и из динамиков полетела пыль. Включилась антиаварийная программа, стыковочные шлюзы под воздействием гидравлики со скрежетом закрылись. У Королёва начало звенеть в ушах. Шмыгнув носом, он снова потянулся за баллоном.

Огни вспыхнули до максимальной яркости, потом погасли. Старик улыбнулся в темноте, на ощупь отыскивая пластмассовый баллон. Стойко спровоцировал аварию всех основных систем жизнеобеспечения. Это было несложно. Тем более что память системы и без того была до предела перегружена пиратским телевещанием.

— Вот вам ваши крутые фильмы! — пробормотал он, колотя баллоном о стену.

Огни слабо замигали — это подключились аварийные батареи.

У него начинало болеть плечо, но старик стоически продолжал колотить, вспоминая грохот, вызванный настоящей декомпрессией. Побольше шума. Он должен одурачить Ефремова и его солдат.

Со скрежетом завертелся ручной штурвал одного из люков. Наконец люк распахнулся, и, неуверенно улыбаясь, из него выглянула Татьяна.

— Освободили Сантехника? — спросил старик, отпуская баллон.

— Стойко и Уманский урезонивают охрану. — Она ударила кулаком в раскрытую ладонь. — Гришкин готовит спускаемые аппараты.

Они отправились в следующую стыковочную сферу — где Стойко как раз помогал Сантехнику выбраться через люк, ведущий из казарм. Никита был босиком, его лицо под колючей щетиной имело зеленоватый оттенок. За ними следовал метеоролог Уманский, таща за собой обмякшее тело конвоира.

— Как ты, Сантехник? — спросил Королёв.

— Колотит. Они держали меня на "Страхе". Дозы хотя и небольшие, но всё-таки… К тому же я решил, что это и впрямь декомпрессия!

Из ближайшего к Королёву "Союза" выскользнул Гришкин, за ним выплыла связка инструментов и развернувшийся моток нейлонового троса.

— Все, как один, проверены. В результате нашей аварии управление в кораблях переключилось на собственную автоматику. Ну и я прошёлся гаечным ключом по дистанционному управлению, так что с Земли нас не перехватят. Как твои дела, друг Никита? — обратился он к Сантехнику. — Тебе выпала честь первым ступить на землю Центрального Китая.

Сантехник скривился, затем покачал головой:

— Я не говорю по-китайски.

Стойко протянул ему лист распечатки.

— Это — транскрибированный разговорный китайский. "Я ЖЕЛАЮ ДАТЬ ПОКАЗАНИЯ. ОТВЕДИТЕ МЕНЯ В БЛИЖАЙШЕЕ ЯПОНСКОЕ КОНСУЛЬСТВО".

Ухмыльнувшись, Сантехник запустил руку в гриву жёстких от пота волос.

— А как насчёт остальных? — спросил он.

— Ты думаешь, мы затеяли всё это ради тебя одного? — скорчила гримаску Татьяна. — Убедись, чтобы китайские службы новостей получили все документы из этого пакета, Никита. А уж мы позаботимся о том, чтобы весь мир узнал о том, как Советский Союз намеревается отплатить за службу полковнику Юрию Васильевичу Королёву, первому человеку на Марсе! — Она послала Сантехнику воздушный поцелуй.

— А как насчёт Филипченко? — спросил Уманский. Вокруг лица неподвижного солдата плавали несколько капель свернувшейся крови.

— Почему бы тебе не забрать этого дурака несчастного с собой? — сказал Королёв.

— Пошли, дубина. — Ухватив Филипченко за форменный ремень, Сантехник утащил его за собой в люк "Союза". — Я,

Никита по прозвищу Сантехник, оказываю тебе величайшую услугу в твоей презренной жизни.

Королёв смотрел, как Стойко с Уманским задраивают за ними люк.

— А где Романенко с Валентиной? — спросил он, снова сверяясь с часами.

— Здесь, мой полковник. — В люке другого "Союза" появилось лицо Валентины, вокруг него колыхались её светлые волосы. — Мы просто проверяли корабль, — хихикнула она.

— На это у вас хватит времени и в Токио, — одёрнул её Королёв. — Ещё несколько минут, и во Владивостоке с Ханоем начнут поднимать перехватчики.

В люке появилась обнажённая мускулистая рука Романенко и рывком утянула Валентину внутрь. Стойко и Гришкин задраили люк.

— Пейзане в космосе, — фыркнула Татьяна.

По "Космограду" прокатился гулкий удар — это стартовал Сантехник со всё ещё не пришедшим в себя Филипченко. Ещё удар — и любовники тоже отбыли.

— Идём, друг Уманский, — сказал Стойко. — И прощайте, полковник! — Парочка направилась вниз по коридору.

— А я с тобой, — ухмыльнувшись, сказал Гришкин Татьяне, — в конце концов, ты ведь пилот.

— Ну нет, — отозвалась она. — Полетишь один. Разделим шансы. За тобой присмотрит автоматика. Только, ради бога, не трогай ничего на панели управления.

Королёв глядел, как она помогает ему устроиться в последнем "Союзе".

— В Токио я поведу тебя на танцы. — Это были последние слова Гришкина.

Она задраила люк. Ещё один гулкий раскат, и из соседней стыковочной сферы стартовали Стойко с Уманским.

— Поторапливайся, девочка, — сказал Королёв. — Мне бы очень не хотелось, чтобы тебя сбили над нейтральными водами.

— Но ведь вы остаётесь здесь один, полковник, один на один с врагами…

— Когда здесь не будет вас, уйдут и они. Надеюсь, вы поднимете достаточно шума, чтобы заставить Кремль сделать хоть что-нибудь, что не дало бы мне умереть.

— А что мне сказать в Токио, полковник? У вас есть какое-нибудь последнее слово миру?

— Скажи им…

…и тут на него нахлынули все штампы, какие только порождает осознание собственной правоты. От мысли об этом ему

захотелось истерически рассмеяться: "Один небольшой шаг…", "Мы пришли сюда с миром…", "Трудящиеся всей земли…"

— …скажи им, что мне это просто нужно, — сказал он, больно сжав исхудавшее запястье, — нужно до самых костей.

Коротко обняв его напоследок, Татьяна исчезла.

Старик остался ждать в опустевшей стыковочной сфере. Тишина царапала по нервам. Авария жизнеобеспечения корабля не пощадила и вентиляционные системы, под жужжание которых он привык просыпаться последние двадцать лет. Наконец он услышал, как отстыковался "Союз" Татьяны.

Кто-то шёл по коридору. Это был Ефремов, неловко передвигающийся в вакуумном скафандре. Королёв улыбнулся.

Под лексановым лицевым щитком виднелась всё та же пустая официальная маска, но офицер избегал встречаться с Королёвым взглядом. Он направлялся в арсенал.

— Нет! — выкрикнул Королёв.

Завывание сирен означало, что станция находится в состоянии полной боевой готовности.

Когда старик добрался до арсенала, люк в помещение был распахнут. Солдаты, повинуясь вбитому постоянной муштрой рефлексу, двигались как марионетки в руках неумелого кукловода, устраивались в креслах у пультов и застёгивали широкие ремни на груди громоздких скафандров.

— Не делайте этого!

Он вцепился пальцами в жёсткую, растягивающуюся гармошкой ткань ефремовского скафандра. Оглушительным стаккато взвыл запущенный ускоритель протонного луча. На экране наведения зелёное перекрестье наползло на красное пятнышко.

Ефремов снял шлем. Спокойно, не меняя выражения лица, он наотмашь ударил им Королёва.

— Заставьте их остановиться! — задыхался от рыданий полковник. Стены вздрогнули, когда со звуком щёлкающего хлыста на волю вырвался луч дезинтегратора. — Ваша жена, Ефремов! Она там!

— Подите вон, полковник.

Ефремов схватил артритную руку Королёва и сжал её. Королёв вскрикнул от боли.

— Вон! — Кулак в тяжёлой перчатке ударил его в грудь. Вылетев в коридор, Королёв беспомощно рухнул на валявшийся у стены вакуумный скафандр.

— Даже я, полковник, не посмею встать между Красной Армией и полученным ею приказом. — Вид у Ефремова сейчас был такой, будто его вот-вот вырвет. Официальная маска

осыпалась. — Отличная практика, — пробормотал он. — Подождите здесь, пока мы не закончим.

И тут произошло нечто невероятное: "Союз" Татьяны развернулся и на полной скорости врезался в установку дезинтегратора и казарменные отсеки. В дагеротипе резкого солнечного света Королёв лишь на долю секунды увидел, как вспыхнул и сплющился арсенал, словно раздавленная сапогом пивная жестянка. Он увидел, как от пульта закрутило прочь обезглавленный труп солдата. Он увидел, что Ефремов пытается что-то сказать, но его волосы встают дыбом — это вакуум вырвал воздух из скафандра через незакрытое отверстие для шлема. Две тоненькие струйки крови дугами потянулись из ноздрей Королёва, а свист уносящегося воздуха сменился ещё более глубоким гудением в голове.

Последним звуком, который запомнил Королёв, был грохот захлопывающегося люка.

Когда он очнулся, его встретили темнота, пульсирующая агония боли в глазах и воспоминания о давних лекциях. Шок — столь же серьёзная опасность, как и сама декомпрессия: когда кровь вскипает, пузырьки водорода несутся по венам, чтобы ударить в мозг раскалённой добела, калечащей болью…

Но всё это было таким отдалённым, таким академичным… Повинуясь лишь какому-то странному ощущению "честь обязывает" и ничему более, старик закрутил ручные штурвалы люков. Даже эта работа оказалась для него слишком утомительной, и ему захотелось вернуться в музей и спать, спать, спать.

Ему удалось залепить замазкой все мелкие протечки, но в целом масштабы катастрофы намного превосходили его возможности. Оставался, правда, глушковский сад. На овощах и сине-зелёных водорослях он с голоду не умрёт и не задохнётся. Коммуникационный модуль пропал вместе с арсеналом и казармой, оторванный от станции самоубийственным ударом "Союза". Королёв предположил, что столкновение изменило орбиту "Космограда", но не видел никакого способа предсказать, в котором часу произойдёт неизбежная горячая встреча с верхними слоями атмосферы. Теперь он часто бывал болен и думал, что может умереть до того, как сгорит сама станция, и это его сильно беспокоило.

Он проводил бесчисленные часы за просмотром плёнок, хранившихся в библиотеке музея. Подходящее занятие для Последнего Человека в Космосе, который некогда был Первым Человеком на Марсе.

Он стал одержим иконой Гагарина, бесконечно прокручивая

крупнозернистые телевизионные изображения шестидесятых годов и киножурналы, неизменно подводившие его к моменту гибели космонавта. Спёртый воздух "Космограда" кишел призраками мучеников космоса. Гагарин, экипаж первого "Салюта", американцы, сгоревшие заживо в своём "Аполлоне"…

Часто ему снилась Татьяна, выражение глаз у неё было такое же, какое чудилось ему на портретах в музее. А однажды он проснулся или подумал, что проснулся, в её "Салюте" и обнаружил, что одет в свой старый мундир, а на лбу у него — работающий от батарей фонарь. И откуда-то издали, как будто просматривая хронику на музейном мониторе, он увидел, как отвинчивает со своего кармана звезду ордена Циолковского и прикалывает её на диплом пилота Татьяны.

Потом в дверь раздался стук, и он понял, что это тоже сон.

В голубоватом мигающем свете старого кинофильма возникла вдруг чернокожая женщина. Длинные косички матовых волос кобрами качались вокруг её головы. На ней были авиационные очки-"консервы"; шёлковый шарф авиатора начала века как змея выгнулся за её спиной.

— Энди, — окликнула она кого-то по-английски, — пойди-ка сюда. Тебе стоит на это взглянуть!

Невысокий мускулистый мужчина, почти лысый и одетый только в спортивный бандаж, поверх которого был застёгнут пояс с инструментами монтёра, выплыл из-за её плеча и заглянул внутрь.

— Интересно, он жив?

— Конечно, я жив, — тоже по-английски, но с заметным акцентом ответил Королёв.

Человек по имени Энди проплыл над головой своей подруги.

— С тобой всё в порядке, приятель?

На правом бицепсе у него красовалась татуировка в виде геодезической сферы над скрещенными молниями, под которой шла крупная, горделивая надпись: "СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ 15, ЮТА".

— Мы не надеялись здесь кого-то застать.

— Я тоже. — Королёв сморгнул.

— Мы пришли сюда жить, — сказала женщина, подплывая поближе.

— Мы — с солнечных шаров. А здесь, так сказать, незаконные жильцы. Скваттеры. Прослышали, что это место пустует. Ты знаешь, что станция сходит с орбиты? — Человек произвёл в воздухе неуклюжее сальто, на поясе у него загремели инструменты. — Невесомость — это что-то потрясающее!

— Господи, — воскликнула женщина, — я просто не могу к ней привыкнуть! Здесь чудесно. Это — как те несколько

километров, когда летишь без парашюта, только тут нет ветра.

Королёв во все глаза глядел на мужчину, беззаботного, небрежного, выглядевшего так, словно он с самого рождения привык допьяна напиваться свободой.

— Но ведь у вас нет даже стартовой площадки, — недоумённо произнёс он.

— Стартовой площадки? — рассмеялся Энди. — Хочешь знать, что мы сделали? Подтянули по кабелям к шарам ракетные ускорители, отвязали их и запустили прямо в воздухе.

— Но это же безумие, — отозвался Королёв.

— Но ведь оно доставило нас сюда, так?

Королёв кивнул. Если это сон, то очень странный.

— Я — полковник Юрий Васильевич Королёв.

— Марс! — Женщина захлопала в ладоши. — Подождите, вот обрадуются дети, когда узнают.

Сняв с переборки маленький луноход, она принялась его заводить.

— Эй, — сказал мужчина, — у меня работы по горло. У нас ещё целая связка ускорителей снаружи. Их нужно поднять на борт, прежде чем они вздумают загореться.

Что-то резко звякнуло об обшивку. По "Космограду" прошёл гул столкновения.

— Это, должно быть, Тулза, — сказал Энди, сверившись с наручными часами. — Вовремя!

— Но почему? — Королёв в растерянности покачал головой. — Почему вы сюда пришли?

— Мы же тебе сказали. Чтобы жить здесь. Мы можем расширить это место, может быть, построим ещё одно. Все говорили, что на шарах, дескать, невозможно выжить, но мы оказались единственными, кому удалось заставить их работать. Это был наш единственный шанс самостоятельно выбраться на орбиту. Кому охота жить ради какого-то правительства, ради армейской меди или своры бумагомарак? Нужно просто стремиться к фронтиту, стремиться всем своим существом, верно?

Королёв улыбнулся. Энди улыбнулся в ответ.

— Мы уцепились за силовые кабели и просто вскарабкались по ним наверх. А когда ты взбираешься на вершину, тебе остаётся либо прыгать дальше, либо гнить там. — Голос его набрал силу. — Но не оглядываться назад, нет, сэр! Мы совершили этот прыжок, и вот мы здесь, чтобы остаться!

Женщина поставила модель сетчатыми колёсиками на закругляющуюся к потолку стену и отпустила игрушку. Луноход, весело постукивая, пошёл карабкаться у них над головами.

— Ну разве не прелесть? Дети просто влюбятся в него, вот

увидите.

Королёв смотрел Энди в глаза.

"Космоград" снова завибрировал, сбив маленький луноход на новый курс.

— Восточный Лос-Анджелес, — сказала женщина. — Это тот, в котором дети.

Она сняла авиационные очки, и Королёв увидел её глаза, светящиеся чудесным, святым безумством.

— Ну, — сказал Энди, встряхнув пояс с инструментами, — как вы насчёт того, чтобы показать нам наш новый дом?

William Ford Gibson, Bruce Sterling. Red Star, Winter Orbit. 1983.

Перевод с английского Анна Комаринец

Отель "Новая роза"

Семь ночей в этом гробу, Сенди, семь взятых взаймы у времени ночей.

Отель "Новая роза". Как я хочу тебя сейчас. Было несколько случаев, когда я ударил тебя. Проигрывая это в памяти, медленно — жестоко и сладко, — я едва ли не ощущаю это. Иногда я вынимаю из сумки твой маленький автоматический пистолет, провожу большим пальцем по гладкому дешёвому гробу. Китайский, 22-й калибр, дуло не шире расширившихся зрачков твоих исчезнувших глаз.

Фокс теперь мёртв, Сенди.

Он сказал, чтобы я забыл о тебе.

Помню, Фокс стоит, облокотившись об обитую плюшем стойку в полутёмном баре какой-то сингапурской гостиницы, кажется, на Бенкулен-стрит. Его руки рисуют в воздухе различные сферы влияния, расставляют на невидимой доске внутренних соперников. Взмах левой обозначает кривую графика чьей-то карьеры, а указательный палец правой утыкается в меня будто в уязвимое место, которое он обнаружил в броне какого-нибудь танка мысли. Фокс — снайпер в войне мозгов, посредник на перекрёстках большого бизнеса.

Он — разведчик в тайных вылазках "дзайбацу", контролирующих мировую экономику транснациональных корпораций.

Я вижу, как Фокс ухмыляется, тараторит. Он встряхивает головой, отметая мои экскурсы в промышленный шпионаж. Грань, говорит он, всегда ищи Грань. Он произносит это слово с нажимом, так и слышится заглавная буква в начале. Грань для Фокса — Чаша Грааля, — необходимая составляющая выдающегося человеческого таланта, не подлежащая передаче, запертая в мозгу самых крутых учёных мира. Грань не записать на бумагу, говорил Фокс, не набить на дискету.

Деньги делаются на отступниках, предающих свои корпорации.

Фокс был вкрадчив и ловок, как лис. Солидность его тёмных французских костюмов уравновешивалась мальчишеским вихром, не желавшим оставаться на своём месте. Меня всегда расстраивало то, как пропадала видимость изящества, когда он отходил от стойки бара, левое плечо вывернуто под таким углом, что не скрыть никакому парижскому портному. В Берне кто-то переехал Фокса такси, и ни один хирург так и не додумался, как выправить ему позвоночник.

Думаю, я пошёл за ним, потому что он сказал, что охотится за Гранью.

И где-то там, на пути к Грани, я и нашёл тебя, Сенди.

Отель с громким названием "Новая роза" — это всего лишь нагромождение гробов на обшарпанной окраине международного аэропорта Нарита. Пластиковые капсулы в метр высотой и три длиной, похожие на выпавшие зубы Годзиллы, подвешены над бетонным основанием у дороги в аэропорт. В потолок каждой капсулы вмонтирован телевизор. Я целые дни проводил за японскими викторинами и старыми фильмами. Временами я держал в руке твой пистолет.

Иногда мне слышно, как через равные промежутки времени в Нарите поднимаются самолёты. Закрыв глаза, я представляю, как чёткий белый хвост выхлопов расплывается, теряет форму.

Впервые я увидел тебя в дверном проёме обшарпанного бара в Йокогаме. Евразийка, полугайдзин. Длинные ноги и сногсшибательный струящийся наряд, китайская копия с оригинала какого-то известного японского кутюрье. Тёмные европейские глаза, азиатские скулы. Я помню, как потом, в номере, ты вытряхнула сумочку на постель, выискивая что-то среди косметики. Мятый свёрток новых иен, ветхая записная книжка, перетянутая резинкой, банковский чип "Мицубиси", японский паспорт с тиснёной золотой хризантемой на обложке и китайский пистолет 22-го калибра.

Ты рассказала мне недлинную историю своей жизни.

Твой отец был служащим в Токио, но теперь он опозорен, лишён состояния и выброшен на улицу "Хосакой", самой могущественной среди дзайбацу. Той ночью твоя мать была голландкой, и ты разворачивала передо мной, пока я слушал, бесконечные летние дни амстердамских каникул, где голуби покрывают площадь Дамм мягким коричневым ковром.

Я никогда не спрашивал, что сделал твой отец, чтобы заслужить такой позор. Наблюдал за тобой, когда ты одевалась, смотрел, как ты встряхиваешь тёмными прямыми волосами, как они прорезают воздух.

Теперь "Хосака" охотится за мной.

Гробы "Новой розы" подвешены на изношенных лесах — стальные трубы под яркой эмалью. Когда я карабкаюсь по лестнице, снежинки облупившейся краски, кружась, летят вниз, осыпаются с каждым моим шагом по шаткому настилу. Левая рука отсчитывает люки гробов. Надписи на нескольких языках предупреждают о штрафах за потерю ключа.

Я поднимаю глаза — взглянуть, как из Нариты взлетают самолёты, возвращаясь к дому, далёкому теперь, как луна.

Фокс моментально сообразил, как тебя использовать, но у него не хватило прозорливости понять, что и у тебя могут быть амбиции. Но ведь он не лежал с тобой рядом на пляже Камакуры, вслушиваясь в твои ночные кошмары, никогда не слышал полностью придуманного детства, неуловимого и изменчивого под равнодушными звёздами. Детский рот открывается, чтобы поведать новую версию недавнего прошлого. И всякий раз ты клялась, что этот вариант — истинная и окончательная правда. Мне было всё равно, я обнимал твои бёдра, а под локтем остывал колючий песок.

Однажды ты оставила меня, убежала на пляж, сказав, что потеряла ключ. Я обнаружил его в двери, спустился к морю — и нашёл тебя по колено в прибое. Гибкая спина напряжена, глаза устремлены куда-то вдаль. Ты не могла говорить. Тебя била дрожь. Трясло во имя иных будущих и лучших прошлых.

Сенди, ты оставила меня там.

Как оставила мне все свои вещи.

Этот пистолет. Твоя косметика: тени и румяна, запечатанные в пластик. Подаренный Фоксом мини-компьютер "Крей", а в нём — список покупок, который ты, очевидно, вводила сама. Иногда я прокручиваю этот список, глядя, как изящно скользит по серебристому экранчику каждая запись.

Морозильная камера. Ферментёр. Инкубатор. Система электрофореза с интегрированной камерой "агар-агар" и транслюминатором. Прибор для вживления тканей. Высокочастотный жидкостной хроматограф. Поточный цитометр. Спектрофотометр. Четыре дюжины пузырьков боросиликатной сциенциляции. Микроцентрифуга. И синтезатор ДНК со встроенным компьютером. Плюс необходимый софт.

Недёшево, Сенди; но тогда по нашим счетам платила "Хосака". Месяц спустя ты заставила их заплатить гораздо дороже, впрочем, к тому времени тебя было уже не найти.

Этот список тебе явно составлял Хироси. Наверное, в постели. Хироси Йомиури. Он был собственностью "Маас-Биолабс. Лтд". "Хосака" хотела прибрать его к рукам. Он был крут. Грань, притом острая. Фокс следил за генными инженерами с одержимостью фаната, не отрывающего глаз от игроков любимой команды. Фоксу так хотелось заполучить Хироси, что он разве что во рту не ощущал вкус этого желания. До твоего появления он трижды посылал меня во Франкфурт — просто взглянуть на генетика. Не для того, чтобы закинуть удочку или даже просто кивнуть или подмигнуть ему. Только посмотреть.

Судя по всему, Хироси прочно осел на немецкой земле. Наш японец отыскал себе немочку с пристрастием к консервативным

ценностям и к ботинкам для верховой езды, начищенным до блеска свежего грецкого ореха. Купил отреставрированный дом на престижной площади. Стал брать уроки фехтования и забросил кендо.

И повсюду "маасовская" охрана, слаженная команда профессионалов — светлый тягучий сироп наблюдения.

Вернувшись, я сказал Фоксу, что дело гиблое, что нам никогда до него не добраться.

Ты сделала это за нас, Сенди. Единственно возможным способом.

Связники "Хосаки" играли роль особых клеток, защищающих материнский организм. Мы же были мутагенами, Фокс и я, сомнительными агентами, свободно дрейфующими в мутных водах внутренней среды корпорации.

После того как ты прибыла в Вену, мы предложили им Хироси. Люди дзайбацу и глазом не моргнули. Мёртвая тишина в номере лос-анджелесского отеля. Они сказали, им нужно подумать.

Фокс произнёс вслух имя главного конкурента "Хосаки" в состязании умов. Как гулко оно отдалось в мёртвой тишине. Фокс нарушил неписаное правило, запрещающее называть настоящие имена.

Нужно подумать, сказали они.

Фокс дал им три дня.

Перед Веной я повёз тебя на неделю в Барселону. Я помню твои волосы, забранные под серый берет, отражение высоких монгольских скул в витринах антикварных лавок. Ты шагала вниз по Рамблас к Гавани Феникса, мимо стеклянных крыш торговых рядов Меркадо… апельсины из Африки…

Старый "Риц": в нашей комнате тепло, темно, мягкая тяжесть Европы укрывает нас ватным одеялом. Я мог войти в тебя, когда ты спала. Ты всегда была готова. Видеть, как твои губы складываются в мягкое округлое "о" удивления. Твоё лицо готово утонуть в пухлой белой подушке… архаичные простыни "Рица".

Внутри тебя я воображал, что вижу буйство неона, толпы людей, снующих вокруг вокзала в Синьдзюку, бредовую электрическую ночь. Ты и двигалась как бы в ритме нового века, сонная и чуждая душе любого народа.

В Вене я поселил тебя в любимом отеле жены Хироси. Тихая дрёма солидного вестибюля, пол выложен плиткой наподобие шахматной доски. В начищенных медных лифтах пахло лимонным маслом и маленькими сигарами. Так легко было представить себе эту немочку здесь — заклёпки ботинок отражаются в полированном мраморе, — но мы знали, что на этот

раз она не приедет.

Она отправилась на курорт куда-то в Рейнланд, а Хироси — в Вену на конференцию. Когда отель наводнила служба безопасности "Мааса", тебя нигде не было видно.

Хироси прибыл час спустя — один.

— Представь себе, — сказал как-то Фокс, — инопланетянина, который прибыл, чтобы определить доминирующую форму разума на планете. Инопланетянин осматривается, потом делает выбор. Как ты думаешь, кого он выберет?

Я, вероятно, пожал плечами.

— Дзайбацу, — ответил на свой вопрос Фокс, — транснационалов. Плоть и кровь дзайбацу — это информация, а не люди. Сама структура совершенно независима от составляющих её отдельных личностей. Корпорация как форма существования.

— Только не начинай опять о Грани, — взмолился я.

— "Маас" не такой, — не унимался Фокс, не обращая на меня внимания. — "Маас"… маленький, быстрый, беспощадный… Атавизм. "Маас" — воплощённая Грань.

Мне вспоминается, как Фокс распространялся о сути Грани Хироси. Радиоактивные протонные ядра, моноклонные антитела, что-то связанное с утечкой протеинов, нуклеидов… Бешеные, называл их Фокс, бешеные протеины. Скоростные передачи внутри цепей.

Он говорил, что Хироси — настоящий монстр, что он из тех, кто сметает устоявшиеся парадигмы, изобретает новые отрасли науки, несёт в себе радикальную переоценку целой области знаний. Структурная основа, говорил Фокс, и горло у него перехватывало от неземного богатства этих двух слов с высоким, едким запахом прилипших к ним трёх беспошлинных миллионов.

"Хосака" желала заполучить Хироси, но и для них его Грань тоже была слишком остра. Они хотели, чтобы он работал в изоляции.

Я отправился в Марракеш, в древний город Медину.

Отыскал там лабораторию, переоборудованную под производство вытяжки из феромонов. Препарат закупался на деньги "Хосаки".

Потом мы с потным португальским бизнесменом шли через рынок Джемаха-эль-Фна, обсуждая флуоресцентное освещение и установку вытяжных шкафов. За стенами города — высокие хребты гор Атласа. Джемаха-эль-Фна запружена фокусниками, танцорами, сказителями, мальчишками, ногами вращающими гончарный круг, безногими нищими с деревянными плошками под мультипликационными голограммами с рекламой

французских софтов.

Мы шагали мимо тюков сырой шерсти и пластмассовых пробирок с китайскими микрочипами. Я намекнул, что мои работодатели планируют производить синтетический бета-эндорфин. Всегда подбрасывайте подручным что-нибудь доступное их пониманию.

Сенди, иногда я вспоминаю тебя в Хараюку. Закрываю глаза здесь, в этом гробу, и мысленно вижу тебя… Блеск хрустального лабиринта бутиков, запах новой одежды. Я вижу, как твои скулы скользят вдоль хромированных прилавков с парижской кожей. Временами я держал тебя за руку.

Мы думали, наши поиски увенчались успехом, но на самом деле — это ты нашла нас, Сенди. Теперь я понимаю: ты сама настойчиво искала нас или таких, как мы. Фокс был вне себя от радости, обдумывая, как лучше использовать этот новый инструмент, яркий и острый, будто скальпель. Этот-то инструмент и поможет нам отсечь неподатливую Грань Хироси от ревнивого материнского организма "Маас-Биолабс". Ты, наверное, долго искала, металась в безысходности твоих ночей в Синьдзюку. Ночей, которые ты тщательно удалила из разрозненной колоды своего прошлого.

Моё же собственное давным-давно кануло в никуда.

Кому, как не мне, знать, откуда берутся такие привычки, как у Фокса, — опустошать по ночам бумажник, перетасовывать документы. Он раскладывал удостоверения на чужие имена в различном порядке, перекладывал их с места на место, ждал возникновения картинки. Я знал, что он ищет. Ты проделывала со своим детством то же самое.

Сегодня ночью в "Новой розе" я вытягиваю карту из колоды твоих прошлых. Выбираю исходную версию, знаменитый "текст отеля в Йокогаме", продекламированный в ту первую ночь в постели. Выбираю опозоренного отца, служащего "Хосаки". "Хосака"… Подумать только, какое великолепие!

И мать-голландку, и лето в Амстердаме… мягкое покрывало голубей на площади Дамм.

Из зноя Марракеша — в кондиционированные залы "Хилтона". Пока я читал твоё сообщение, переданное через Фокса, влажная рубашка холодным компрессом липла к пояснице. Вся игра строилась на тебе, и ты была в ударе: Хироси оставит жену. Ты без малейшего труда связывалась с нами даже сквозь прозрачную плотную плёнку службы безопасности "Мааса".

Кто, как не ты, показала Хироси распрекрасное местечко, где подают великолепный кофе и чудные булочки по-венски. Твой любимый официант был седоволос, добр, хромал на правую ногу

и работал на нас. Шифрованные записки он забирал вместе с льняной салфеткой.

Весь сегодняшний день я слежу за маленьким вертолётом, вычерчивающим концентрические круги над моей крохотной страной, землёй моего изгнания — отелем "Новая роза". Наблюдаю в отверстие люка за тем, как его терпеливая тень пересекает заляпанный жирной грязью бетон. Близко, совсем близко.

Из Марракеша я вылетел в Берлин. Встретился в баре с уроженцем Уэльса и начал подготовку к исчезновению Хироси.

Механика его была сложной, изощрённой, как медные приспособления и скользящие зеркала театральной магии викторианских времён. Желаемый эффект должен быть предельно прост. Хироси зайдёт за "мерседес", работающий от водородного генератора, и исчезнет. Дюжина агентов "Мааса", постоянно за ним наблюдающих, окружит грузовичок, как встревоженные муравьи. Вся служба безопасности "Мааса" эпоксидной смолой стянется к месту отбытия генетика.

В Берлине умеют быстро улаживать дела. Мне даже удалось устроить последнюю ночь с тобой. Я скрыл это от Фокса: он бы ворчал, что это излишний риск. Теперь мне уже не вспомнить название городка, где ты ждала меня. Я помнил его не больше часа, пока гнал машину по автобану под сероватым рейнским небом, и забыл в твоих объятиях.

Ближе к утру начался дождь. В нашем номере было одно окно, высокое и узкое, у которого я стоял и смотрел, как дождь серебряным гребнем расчёсывает реку.

Шорох твоего дыхания. Река текла под низкими каменными арками. Улица была пуста. Европа казалась мёртвым музеем.

Я уже заказал тебе билет на самолёт на новое имя, в Марракеш через Орли. Ты будешь уже в пути, когда я потяну за последнюю ниточку, и Хироси исчезнет из виду.

Ты оставила свою сумочку на тёмной столешнице старого бюро. Пока ты спала, я перебирал твои вещи и откладывал в сторону всё шедшее вразрез с прикрытием, которое я купил тебе в Берлине. Я забрал китайский пистолет 22-го калибра, твой мини-компьютер и банковский чип. Вынул из портмоне новый голландский паспорт, чип швейцарского банка на то же имя, засунул в твою сумку.

Моя рука скользнула по чему-то плоскому. Вытащил. Подержал в руке дискету. Неказистая, никаких наклеек.

Она лежала у меня на ладони — эта смерть, — выжидая случая, чтобы ужалить, дремала, свернувшись кольцами кодов.

Так я и стоял, следил за твоим дыханием, смотрел, как

поднимается я опадает твоя грудь. Видел полуоткрытые губы и — в припухлости нижней — лёгкий намёк на синяк.

Дискету я кинул в твою сумку. Когда я наконец лёг, ты, проснувшись, перекатилась поближе ко мне. В твоём дыхании — электрическая ночь Новой Азии, будущее, которое поднимается в тебе прозрачным ликёром, смывая всё, кроме наступившего мгновения. В этом заключалась тайна твоего колдовства — в том, что ты жила вне истории, вся в настоящем.

И знала, как увести меня туда.

Тогда ты взяла меня с собой в настоящее в последний раз.

Бреясь, я слышал, как ты высыпаешь в мою сумку косметику. Я теперь голландка, сказала ты, хочу соответствовать.

Доктора Хироси Йомиури хватились в Вене, в тихом переулке неподалёку от Зингер-штрассе, в двух кварталах от любимого отеля его жены. Ясным октябрьским утром, на глазах десятка квалифицированных свидетелей, доктор Йомиури исчез.

Он ступил в Зазеркалье. Где-то за сценой — смазанная игра викторианского часового механизма.

В женевской гостинице я ответил на звонок уэльсца.

Дело сделано. Хироси провалился в кроличью нору и направляется в Марракеш.

Наливая себе виски, я думал о твоих ногах.

Через день мы с Фоксом встретились в Нарите, в баре аэровокзала "Джапан Эйр Лайнс", где подают суши. Он только что сошёл с самолёта "Эйр Марокко", измотанный и торжествующий. Естественно, ни о чём, кроме Хироси, он говорить не мог.

Понравилось, сказал он, имея в виду лабораторию.

Любит, сказал он, имея в виду тебя.

Я улыбнулся. Ты ведь обещала через месяц встретиться со мной в Синьдзюку.

Твой дешёвый пистолетик в отеле "Новая роза". Хром уже пошёл трещинами. Механизм топорный, грубая китайская штамповка в дешёвом металле. На обеих сторонах рукояти свернулся красный пластмассовый дракон.

Скорее детская игрушка, чем оружие.

Фокс ел суши на аэровокзале "Джей-Эй-Эль", пребывая в эйфории от ловкости той операции, какую мы провернули. У него болело плечо, но он сказал: плевать. Теперь есть деньги на лучших докторов. На всё что угодно.

Почему-то для меня деньги "Хосаки" не имели особого значения. Нет, я не сомневался в нашем новом богатстве. Оно казалось само собой разумеющимся, как будто пришло к нам вместе с новым порядком вещей, как признак того, кем и чем мы стали.

Бедняга Фокс. Со своими синими оксфордскими рубашками, накрахмаленными до небывалого хруста, с парижскими костюмами из самой дорогой и мягкой ткани. Он сидел в "Джей-Эй-Эль", макая суши в правильный прямоугольник зелёного хрена, и дни его уже были сочтены.

Стемнело. Ряды гробов "Новой розы" освещены прожекторами с верхушек стальных раскрашенных мачт.

Ничто здесь, похоже, не используется по своему прямому назначению. Всё — бывшее в употреблении, всё — отжившее свой век, даже гробы. Сорок лет назад эти капсулы размещались, наверное, в Токио или Йокогаме, современное удобство для путешествующих бизнесменов. Быть может, в таком спал твой отец. Когда-то и леса были новыми, и возвышались они, наверное, вокруг раковины какой-нибудь зеркальной башни в Гинзе, а на них суетились бригады строителей.

Вечерний бриз принёс гомон из салона игры в латаны и запах тушёных овощей с тележек через дорогу.

Я намазываю креветочную пасту на оранжевые рисовые крекеры. Слышен гул самолётов.

В последние несколько дней в Токио мы с Фоксом занимали смежные номера на тридцать третьем этаже отеля "Хайот". Никаких контактов с "Хосакой". Нам заплатили — и тут же стёрли все данные о сделке из официальной памяти корпорации.

Но Фокс не унимался. Хироси был его детищем, его любимым проектом. У моего компаньона появился собственнический, почти отеческий интерес к Хироси. Грань была для него всем. Так что Фокс потребовал, чтобы я не терял связи с португальцем из Марракеша, который согласился по дружбе присмотреть за лабораторией Хироси.

Он звонил нам с автостоянок в Джемаха-эль-Фна, в трубке фоном звучали завывания разносчиков и волынки Атласа. В Марракеше идёт какая-то тайная игра, сказал он в первом же разговоре. Фокс кивнул: "Хосака".

Десяток звонков, и я заметил перемену в поведении Фокса — какое-то напряжение, рассеянность. Часто я заставал его у окна. Он глядел с тридцать третьего этажа вниз на Императорские сады, погруженный в мысли, которыми не желал делиться.

Потребуй с него более подробное описание, сказал он через неделю. Ему показалось, что человек, которого наш связник видел выходящим из лаборатории Хироси, похож на Мэннера, ведущего специалиста лабораторий генной инженерии "Хосаки".

Это он, сказал Фокс после следующего звонка. Ещё звонок, и ему показалось, что он опознал Шеданна, руководителя группы, занимающейся протеинами. Ни того ни другого уже более двух

лет не видели за пределами научного городка корпорации.

К тому времени стало очевидно, что в Медину потихоньку стягивают ведущих учёных "Хосаки", в аэропорту Марракеша тихонько шуршали своими крыльями из углеродистого волокна чёрные служебные "лиры". Фокс качал головой. Уж он-то был профессионалом, и во внезапном скоплении всех лучших умов корпорации в Медине ему виделся крупный провал дзайбацу.

Господи, говорил он, наливая себе "Чёрного ярлыка", сейчас они свезли туда весь свой отдел биологии. Всего одна бомба. Он покачал головой. Одна граната в нужном месте в нужное время.

Я напомнил ему о технике насыщения агентурой, к которой, судя по всему, прибегла служба безопасности "Хосаки". У "Хосаки" есть свои люди в самой верхушке Дивана, и массированное проникновение её агентов в Марракеш возможно только с согласия и при содействии марокканского правительства.

— Брось, — сказал я, — дело прошлое. Всё кончено. Ты продал им Хироси, теперь забудь об этом.

— Я знаю, что происходит, — ответил он. — Знаю. Я уже такое видел.

Он сказал, что в работе всякой лаборатории есть неуправляемый фактор неожиданности. Край Грани, так он это называл. Иногда, когда один исследователь вплотную подходит к прорыву, другим бывает трудно, почти невозможно повторить его результаты. Это более чем вероятно в случае Хироси, чьи идеи противоречат основным концепциям в области генной инженерии. В результате каждого такого вундеркинда перебрасывают из его родной лаборатории в корпоративную — покажи, мол, на что ты способен. Несколько на первый взгляд бессмысленных настроек: повернул один рычажок, другой — и процесс идёт. Бред какой-то, говорил Фокс, никто не знает почему, но ведь работает. И он усмехнулся.

Но они крупно рискуют, продолжал он. Эти ублюдки сказали нам, что изолируют Хироси, будут держать его подальше от русла основных исследований. Дерьмо. Готов поспорить на свою задницу, в научных кругах "Хосаки" идёт борьба за власть. Какая-то шишка в надежде на прорыв проталкивает своих людей, притирает их к Хироси. Когда Хироси выбьет стул из-под генной инженерии, ребятишки из Медины будут уже готовы.

Он допил своё виски и пожал плечами.

Иди спать, сказал он. Ты прав, всё кончено.

Я и в самом деле пошёл спать, но меня разбудил телефон. Снова Марракеш, белая статика спутниковой связи, наплыв перепуганного португальского.

"Хосака" не заморозила наш кредит, он просто испарился, как

по мановению волшебной палочки. Мифическое золото. Только что мы были миллионерами в самой твёрдой в мире валюте — и вот мы нищие. Я разбудил Фокса.

Сенди, сказал он. Она продала. Агенты "Мааса" перевербовали её в Вене. Господи, помилуй.

Я отстранённо смотрел, как он вспарывает свой потрёпанный чемодан швейцарским армейским ножом. Там между картоном и обивкой были клейкой лентой прикреплены три золотых слитка. Гибкие пластины, каждая заверена печатью казны какого-то испустившего дух африканского правительства.

Мне надо было бы разглядеть это раньше, — его голос звучал безжизненно.

Я сказал: "Нет". Кажется, я произнёс твоё имя.

Забудь её, сказал он. На нас уже объявлена охота.

"Хосака" же решит, что это мы их подставили. Берись за телефон и проверь наши счета.

Наш кредит исчез. В банке отрицали, что у нас вообще был счёт.

Рвём когти, сказал Фокс.

И мы побежали. Через служебный вход прямо в суматоху уличного движения, по улицам Токио и вниз в Синьдзюку. Именно тогда я впервые осознал, как длинны руки "Хосаки".

Все двери заперты. Люди, с которыми мы два года вели дела, встречали нас пустыми лицами, и я видел, как у них во взгляде с грохотом захлопываются железные ставни. Мы выскакивали, прежде чем они успевали добраться до телефона. Напряжение на поверхности дна утроилось, повсюду мы натыкались на отбрасывающую нас назад глухую мембрану. Никаких шансов лечь на дно, скрыться из виду.

"Хосака" позволила нам побегать большую часть первого дня. А потом они послали своих людей во второй раз сломать Фоксу спину.

Не знаю, что там произошло, но я видел, как он падал. Мы оказались в универмаге в Гинзе за час до закрытия, бежали по переходам… вдруг Фокс по широкой дуге летит вниз с полированного балкончика, в гущу всех этих товаров из Новой Азии.

Почему-то они пропустили меня, и по инерции я продолжал бежать. Вместе с Фоксом пропало золото, но у меня в кармане завалялась сотня новых иен. Я бежал.

Всю дорогу до отеля "Новая роза".

А теперь пришло моё время.

Пойдём со мной, Сенди. Слышишь, как бормочет неон вдоль трассы в международный аэропорт Нарита?

Несколько запоздалых мотыльков безостановочно кружат над прожекторами "Новой розы".

Знаешь, что самое смешное, Сенди? Иногда мне кажется, что тебя просто не было. Фокс как-то сказал, что ты — эктоплазма, призрак, вызванный кризисами экономики. Призрак нового века, сгущающийся на тысячах постелей в мирах "Хайяттов", в мирах "Хилтонов".

Сейчас я сжимаю в кармане куртки твой пистолет, и с ним рука кажется такой далёкой.

Я помню, как мой связник-португалец, забыв свой английский, пытался передать это на четырёх языках, которые я едва понимал. Мне показалось, что Медина горит. Нет, не Медина. Мозги лучших учёных "Хосаки".

Чума, задыхаясь, шептал он, мой бизнесмен, чума, и лихорадка, и смерть.

Умница Фокс, он всё вычислил, пока мы бежали.

Мне не пришлось даже упоминать о дискете в твоей сумочке.

Кто-то перепрограммировал синтезатор ДНК, сказал он. Эта игрушка только на то и годилась, чтобы создать какую-то макромолекулу за одну ночь. К чему ещё этот встроенный компьютер и весь этот пользовательский софт? Дороговато, Сенди. Впрочем, сущая безделица по сравнению с тем, во что ты обошлась "Хосаке".

Надеюсь, "Маас" хорошо тебе заплатил.

Дискета у меня на ладони. Дождь над рекой. Я ведь всё знал, но не смог взглянуть фактам в лицо. Я сам положил код этого вирусного менингита на место и лёг рядом с тобой.

Так что Мэннер умер, а с ним и все остальные учёные "Хосаки". Включая Хироси. Шеданн остался жив, отделался неизлечимым повреждением мозга — едва ли это можно назвать жизнью.

Хироси и в голову не пришло подумать о последствиях рутинного эксперимента. Протеины, программу которых он вводил, были совершенно безвредны. Так что синтезатор щёлкал себе всю ночь, выстраивая вирус по инструкциям "Маас-Биолабс Лтд".

"Маас"… Маленький, быстрый, беспощадный… Воплощённая Грань.

Длинной стрелой дорога на аэропорт.

Держись тени.

А я кричал что-то этому португальскому голосу, заставил его сказать мне, что сталось с девушкой, с женщиной Хироси. Исчезла, сказал он. Скрежет викторианского часового механизма.

Так что Фоксу пришлось упасть с четвёртого яруса

универмага, упасть вместе с тремя такими трогательными золотыми слитками и в последний раз сломать себе спину. На первом этаже универмага в Гинзе все покупатели, прежде чем закричать, мгновение смотрели на него в полном молчании.

Я просто не в силах ненавидеть тебя, девочка.

А вертолёт "Хосаки" вернулся. Огни погашены: он охотится в инфракрасных лучах, нащупывая тёплую плоть. Приглушённый вой — это он разворачивается в нескольких сотнях метров, поворачивает к нам, к "Новой розе". Молниеносная тень на фоне свечения Нариты.

Всё в порядке, девочка. Только, пожалуйста, приди.

Возьми меня за руку.

William Ford Gibson. New Rose Hotel. 1981.

Перевод с английского Анна Комаринец

Зимний рынок

Здесь часто идут дожди. Зимой бывают дни, когда вообще света не видно: в небе лишь размытая серая муть. Но изредка занавес отдергивается, и минуты на три открывается вид на залитую солнцем и как бы висящую в воздухе вершину горы — будто эмблема перед началом фильма, снятого на студии самого Господа. Вот как раз в такой день и позвонили агенты Лайзы из глубин своей зеркальной пирамиды на бульваре Беверли. Сообщили, что она уже в сети, что ее больше нет и что "Короли грез" идут на "тройную платину". Я редактировал почти весь материал в "Королях", готовил эмоциокарту и все это микшировал, так что и мне там кое-что причиталось.

"Нет, — сказал я. — Нет". Затем: "Да". Еще раз: "Да". И повесил трубку. Взял пиджак и, шагая через три ступеньки, направился прямиком в ближайший бар. Восьмичасовое помутнение закончилось на бетонном карнизе в двух метрах над темной, как полночь, водой Фалс-Крик… Вокруг — огни города и все та же опрокинутая серая чаша небосклона, только поменьше и в отблесках неона и ртутных ламповых дуг. Шел снег, крупные редкие снежинки; они падали на черную воду и исчезали без следа. Я бросил взгляд вниз, на свои ноги, и увидел, что носки туфель выступают за бетонный карниз, а между ними все та же темная вода. На мне были японские туфли, новые и дорогие, "Гинза", из тонкой мягкой кожи, с резиновыми носками… Не знаю, сколько на самом деле прошло времени — наверно, много, — прежде чем я сделал тот первый шаг назад.

Наверно, я стоял так долго, потому что ее уже нет, и это я позволил ей уйти. Потому что теперь она бессмертна, и помог ей тоже я. Потому что знал: она обязательно позвонит. Утром.

Отец мой был инженером звукозаписи. Еще тогда, до цифровых дел. Процессы, которыми он занимался, относились больше к механике — есть в этом что-то такое неуклюжее, квазивикторианское, знаете, как во всей технологии двадцатого века. В общем, человек его профессии — скорее просто токарь. Ему приносили аудиозаписи, и он нарезал звуки на дорожках, накатанных на лаковом диске. Затем делалась гальваническая обработка, и в конце концов получались формы для штамповки пластинок, этих черных штуковин, которые еще можно увидеть в антикварных магазинах. Помню, он мне как-то рассказывал, за несколько месяцев до смерти, что определенные частоты — кажется, он называл их "транзиенты" — могут запросто сжечь головку, ту, что нарезает звуковые дорожки. Они тогда черт-те

сколько стоили, и чтобы избежать пережогов, использовалась такая штука, которая у них называлась "акселерометр". Вот об этом я и думал, стоя над водой: сожгли-таки.

Да, именно.

Причем она сама этого хотела.

Тут уж никакой акселерометр не спасет.

По пути к кровати я отключил телефон. Правда, сделал это немецким студийным треножником, так что починка встанет не меньше чем в недельный заработок — это я про треножник.

Спустя какое-то время очнулся, взял такси и отправился на Гранвилл-Айленд, к Рубину.

Рубин для меня в каком-то смысле и повелитель, и учитель — как говорят японцы, "сэнсэй", — хотя это трудно объяснить. На самом деле он скорее повелитель мусора, хлама, отбросов, бескрайних океанов выброшенного барахла, среди которых плывет наш век. *Гоми но сэнсэй.* Повелитель мусора.

Когда я нашел его на этот раз, Рубин сидел между двумя механическими ударными установками довольно зловещего вида. Раньше я их не видел: ржавые паучьи лапы, сложенные в центре двух созвездий из побитых стальных барабанов — банок, собранных на свалках Ричмонда. Он никогда не называет свое жилище студией и никогда не говорит о себе как о художнике. "Так, дурака валяю", — характеризует он свои занятия, словно для него это продолжение тягучих и скучных мальчишеских дней где-нибудь на заднем дворе фермы. Рубин бродит по этому захламленному, забитому всякой всячиной мини-ангару, прилепившемуся на краю Рынка у самой воды, а за ним неотступно следуют его наиболее умные и шустрые творения — этакий добродушный Сатана, озабоченный планами еще более странных процессов в подвластном ему мусорном аду. Помню, одно время он программировал свои конструкции, чтобы они распознавали гостей в одежде от самых модных модельеров сезона и обкладывали их на чем свет стоит; другие его детища вообще непонятно что делают, а часть создается, похоже, лишь для того, чтобы саморазрушаться, производя при этом как можно больше грохота. Рубин, он как ребенок, но в выставочных залах Токио и Парижа за его произведения платят бешеные деньги.

Я рассказал ему о Лайзе. Он позволил мне выговориться, затем кивнул:

— Знаю. Какой-то урод из Си-би-си звонил мне уже восемь раз. — Он сделал глоток из своей побитой кружки. — "Дикая индейка", хочешь?

— Почему они тебе звонят?

— Потому что мое имя есть на обложке "Королей грез". В

посвящении.

— Я еще не видел диска.

— Она тебе пока не звонила?

— Нет.

— Позвонит.

— Рубин, ее уже нет. И тело кремировали.

— Знаю, — сказал он. — Но она все равно позвонит.

Гоми.

Где кончается гоми и начинается мир? Уже лет сто назад японцам некуда было сваливать гоми вокруг Токио, так они придумали, как делать из гоми жизненное пространство. В 1969 году японцы выстроили в Токийском заливе небольшой островок, целиком из гоми, и назвали его Островом Мечты. Но город непрерывным потоком выбрасывал свои девять тысяч тонн гоми в день, и вскоре они построили Новый Остров Мечты, а сегодня технология отлажена, и новые японские территории растут в Тихом океане, как грибы после дождя. Об этом рассказывают по телевизору в новостях. Рубин смотрит, но никак не комментирует.

Зачем ему говорить о гоми? Это его среда обитания, воздух, которым он дышит. Всю свою жизнь он плавает в гоми как рыба в воде. Рубин мотается по округе в своем грузовике-развалюхе, переделанном из древнего аэродромного "мерседеса", крышу которого закрывает огромный, перекатывающийся из стороны в сторону полупустой баллон с природным газом. Он постоянно что-то ищет, какие-то вещи под чертежи, нацарапанные изнутри на его веках кем-то, кто выполняет у него роль Музы. Рубин тащит в дом гоми. Иногда гоми еще работает. Иногда, как в случае с Лайзой, дышит.

Я встретил Лайзу на одной из вечеринок у Рубина. Он часто устраивает вечеринки. Сам их не особенно любит, но вечеринки у него всегда классные. Я уже счет потерял, сколько раз той осенью просыпался на пенопластовой плите под рев древней автоматической кофеварки Рубина — этакого полированного монстра, на котором восседает огромный хромированный орел. Отражаясь от стен из гофрированного металла, звук превращается в жуткий рев, но в то же время и здорово успокаивает. Ревет — значит, будет кофе. Значит, жизнь продолжается.

В первый раз я увидел ее в "кухонной зоне". Это не совсем кухня, просто три холодильника, плитка и конвекторная печка, которую он притащил в числе прочего гоми. Первый раз: она стоит у открытого, "пивного", холодильника, а оттуда на нее падает свет. Я сразу заметил скулы, волевую складку рта, но

также заметил черный блеск полиуглерода у запястья и блестящее пятно на руке, где экзоскелет натер кожу. Я тогда был слишком пьян, чтобы все это понять, но все же сообразил: что-то здесь не то. И я поступил точь-в-точь так, как люди обычно поступают с Лайзой: переключился "на другое кино". Вместо пива направился к винным бутылкам, что стояли на стойке у печи, и даже не оглянулся.

Но она сама меня нашла. Часа два спустя заметила и, грациозно лавируя между людьми и горами хлама, подошла. Жутковатая, надо заметить, грациозность, но так уж эти экзоскелеты программируют. Глядя, как она приближается, я уже понял, что у нее экзоскелет, но от смущения не сообразил, что можно спрятаться, отойти или, невнятно извинившись, просто смыться. Так и стоял как столб, обняв за талию какую-то незнакомую девицу.

Лайза карикатурно-грациозно двигалась — вернее, ее двигало — прямо ко мне; девица вдруг засуетилась, вывернулась и ускользнула в толпу. Лайза остановилась напротив; тонкий, словно нарисованный карандашом, полиуглеродный протез застыл, удерживая тело в равновесии. Я посмотрел ей в глаза — впечатление было такое, будто я слышу, как работают ее синапсы: невыносимо высокий визг крохотных механизмов, открывающих под действием магика доступ в каждую микросхему ее мозга.

— Пригласи меня домой, — сказала она, и каждое слово — как удар хлыстом.

Кажется, я покачал головой.

— Пригласи.

В голосе и боль, и нежность, и удивительная жесткость.

Только в это мгновение я вдруг понял, что меня никто еще не ненавидел так глубоко и отчаянно, как сейчас эта изможденная болезнью девчонка — за то, как я посмотрел на нее и отвернулся, там, у "пивного" холодильника Рубина.

И тогда я сделал то самое, что все мы иногда делаем непонятно почему, хотя какая-то часть души точно знает, что иначе нельзя.

Я пригласил ее домой.

У меня всего две комнаты в старом ветшающем строении на углу Четвертой и Макдональд-стрит, десятый этаж. Лифты обычно работают. Если сесть на ограждение балкона и, держась за угол соседнего дома, откинуться назад, можно увидеть небольшой вертикальный срез моря и гор.

По дороге от студии Рубина до дома Лайза не проронила ни слова. Я уже достаточно протрезвел и, отпирая дверь, чувствовал себя ужасно неуютно.

Первое, что она увидела в квартире, был портативный эмоциомикшер, который я притащил домой из "Автопилота" предыдущим вечером. Экзоскелет немедля перенес ее через залитый светом пыльный пол ближе — ну прямо манекенщица на подиуме. Теперь, когда не мешал шум вечеринки, я слышал мягкие щелчки суставов. Лайза чуть наклонилась, разглядывая эмоциомикшер, и теперь мне стали видны выделяющиеся под черной кожаной курткой ребра экзоскелета. Наверно, одна из этих болезней, подумал я тогда. Или какая-нибудь старая, с которыми так и не научились справляться, или из новых, скорее всего экзогенных, — половине из них и названий-то еще не придумали. Без экзоскелета с микроэлектронным интерфейсом прямо в мозг она просто не могла двигаться. Эти хрупкие на вид полиуглеродные прутики двигали ее руками и ногами, а пальцами управляли более тонкие гальванические накладки. Я вспомнил о школьных уроках, где лягушки дрыгают лапками под воздействием тока, и тут же устыдился.

— Это ведь эмоциомикшер… — произнесла она каким-то новым, словно издалека, голосом, и я подумал, что действие магика, должно быть, проходит. — Зачем он тебе?

— Я на нем редактирую, — ответил я, закрывая входную дверь.

— Ну да! — Она рассмеялась. — И где же?

— На Острове. Есть такая студия, называется "Автопилот".

Лайза посмотрела на меня через плечо, затем, уперев руку в бедро, повернулась — или ее повернуло? Серые поблекшие глаза вдруг кольнули меня целой гаммой переживаний — и ненависть, и действие магика, и какая-то пародия на желание.

— Хочешь меня, редактор?

Я снова почувствовал удар хлыста, но нет, теперь-то меня так просто не возьмешь… Я уставился на нее холодным взглядом — словно из какого-то отупевшего от пива центра своего ходячего, говорящего, подвижного, совершенно обыкновенного организма — и слова вырвались у меня будто плевок:

— А ты что-нибудь почувствуешь?

Бум! Может, она моргнула, но на лице ничего не отразилось.

— Нет. Но иногда я люблю смотреть.

Два дня спустя после ее смерти в Лос-Анджелесе. Рубин стоит у окна и смотрит, как падает снег в воду Фалс-Крик.

— Так ты с ней ни разу не переспал?

Одна из его электронных игрушек, маленькая, словно сбежавшая с полотен Эшера, ящерица на роликах, поджав хвост, ползает передо мной по столу.

— Нет, — говорю я, и это правда, отчего мне вдруг

становится смешно. — Но мы врубились напрямую. В ту самую первую ночь.

— С ума сошел, — говорит Рубин, хотя в голосе чувствуется одобрение. — Ты мог себя угробить. Сердце могло остановиться или дыхание… — Он отворачивается к окну. — Лайза еще не звонила?

Мы врубились. Напрямую.

Раньше я никогда этого не делал. И если бы вы спросили меня почему, я бы ответил, что работаю редактором, а врубаться напрямую непрофессионально.

Однако правда выглядит скорее так.

Среди профессионалов — имеется в виду легальный бизнес, я никогда не занимался порнухой — необработанный материал называют "сухими снами". Сухие сны — это нейрозапись уровней сознания, которые большинству людей доступны только во сне. Но художники, те, с кем я работаю в "Автопилоте", способны преодолеть это поверхностное натяжение, нырнуть глубже, на самое дно моря Юнга, и достать оттуда… ну, в общем, да, именно сны. Для простоты сойдет. Очевидно, многие художники были способны на это и раньше — в живописи, в музыке и так далее — но нейроэлектроника дала нам возможность прямого доступа к их ощущениям. Теперь это можно записать, оформить, продать… и проследить, насколько товар популярен. Мир меняется, мир меняется, как говаривал мой отец.

Обычно я получаю необработанный материал в студийных условиях, уже прошедший через электронные фильтры и прочую аппаратуру стоимостью в несколько миллионов долларов, и мне не нужно видеть самого художника. А то, что мы выдаем потребителю, структурировано, сбалансировано и превращено в искусство. До сих пор есть наивные люди, которые полагают, будто им и в самом деле понравится, если подрубиться напрямую к кому-то, кого они, например, любят. Большинство подростков, видимо, пробуют — хотя бы раз. Это несложно. "Рэйдио Шэк"[37] совсем недорого продает и ящик, и электроды, и провода. Но сам я никогда этого не делал. Даже теперь, все обдумав, я вряд ли смогу объяснить почему. И вряд ли захочу.

Но я знаю, почему сделал это тогда, с Лайзой. Посадил ее на мексиканский диван и воткнул штекер оптовывода в гнездо у нее на позвоночнике — на гладком, похожем на плавник выступе экзоскелета почти у шеи, где его скрывали длинные темные волосы.

Я сделал это, потому что она назвала себя художницей, потому что в каком-то смысле мы оказались непримиримыми противниками и я ни в коем случае не хотел проиграть сражение.

Может, вам этого не понять, но ведь вы никогда и не знали ее или узнали только через "Королей грез", а это не одно и то же. Вы никогда не чувствовали ее жуткий в своей целеустремленности голод, голод в паре с иссушающим желанием. Меня всегда пугали люди, которые точно знают, чего они хотят, а Лайза знала, что ей нужно, уже очень давно, и больше ее ничего не интересовало. Я боялся тогда признаться себе, что напуган, и, кроме того, в микшерной "Автопилота" мне довелось видеть достаточно много чужих снов, чтобы понять: то, что порой представляется людям этакими "внутренними монстрами", слишком часто оказывается в ровном освещении собственного сознания смехотворным, мелочным и глупым. К тому же я был пьян.

Нацепив электроды, я потянулся к тумблеру эмоциомикшера. Я отключил все его студийные функции и на время превратил восемьдесят тысяч долларов японской электроники в эквивалент одного из тех ящиков, что продаются в "Рэйдио Шэк".

— Поехали, — сказал я и щелкнул тумблером.

Слова… Слова бессильны. Ну разве что едва-едва способны… Если бы я знал, как передать, что из нее вырвалось, что она со мной сделала…

В "Королях грез" есть один фрагмент… Вы мчитесь на мотоцикле в полночь по шоссе, где за отвесным краем, далеко внизу, море; никаких огней вокруг, но вам свет и не нужен; мотоцикл несется так быстро, что вы будто висите вместе с ним в конусе тишины, потому что звук за вами не поспевает, теряется — все теряется позади.

В "Королях" это лишь миг, но такие мгновения просто не забываются, даже в ряду тысяч других, и вы возвращаетесь к ним постоянно, навсегда включив их в свой словарь ощущений. Потрясающий фрагмент! Свобода и смерть, прямо здесь, рядом, вечный бег по лезвию бритвы…

Но я получил все это навалом, в необработанном, чудовищно усиленном виде, стремительным напором, бомбой, взорвавшейся в пустоте, перенасыщенной нищетой, одиночеством и безвестностью.

И этот стремительный напор, увиденный мной изнутри, — и она сама, и ее цель.

Мне хватило, наверно, четырех секунд.

Разумеется, она победила.

Я снял электроды и уставился невидящими от слез глазами на плакаты в рамах на стене.

На нее я смотреть не мог. Слышал только, как она отсоединила оптический вывод, как скрипнул экзоскелет, поднимая Лайзу с дивана, как он защелкал, унося ее на кухню за

стаканом воды.

Я заплакал.

Рубин вставляет в брюхо игрушки на роликах тонкий щуп и разглядывает микросхемы через увеличительное стекло, подсвечивая себе крохотными фонариками на висках.

— И тебя зацепило.

Он пожимает плечами и поднимает взгляд. В студии уже темно, и мне в лицо бьют два узких луча света. В металлическом ангаре Рубина холодно и сыро. Откуда-то издалека, с берега, доносится сквозь туман предупреждающий вой сирены.

— Да?

Теперь моя очередь пожимать плечами.

— Видимо… Я не выбирал…

Лучи света вновь опускаются в силиконовые внутренности сломанной игрушки.

— Тогда все нормально. Ты правильно поступил. Я имею в виду, она давно решила, что ей нужно. И к тому, что она сейчас там, ты причастен не больше, чем, скажем, твой эмоциомикшер. Не ты, так она бы еще кого-нибудь нашла…

Я договорился с Барри, старшим редактором, и выторговал себе двадцать минут на пять утра.

Промозглым сентябрьским утром Лайза пришла и окатила меня тем же набором ощущений, но теперь я был готов. Фильтры, эмоциокарты и прочее — короче, мне не пришлось переживать все это заново с такой же силой. Затем я недели две выкраивал минуты в редакторской, делал из ее записи нечто, что можно показать Максу Беллу, владельцу "Автопилота".

Белл не особенно обрадовался, когда я объяснил, что принес. Скорее даже наоборот. От редакторов, которые разрабатывают собственные проекты, как правило, одни неприятности: каждый такой редактор рано или поздно решает, что он наконец "открыл" кого-то, кто станет новой звездой, но кончается это почти всегда пустой тратой времени и денег. Белл кивнул, когда я закончил рекламировать Лайзу, затем почесал нос колпачком фломастера.

— Угу. Понял. Самый крутой хит с тех пор, как рыбы отрастили ноги, да?

Однако он подключился к демонстрационному софту, который я смикшировал, и, когда диск выскочил из прорези его настольного "Брауна", Белл долго сидел с застывшим лицом, уперев взгляд в стену.

— Макс?

— А?

— Что ты об этом думаешь?

— Я?. Думаю?. Как, ты сказал, ее зовут? — Он моргнул. —

Лайза? И кто, говоришь, ее подписал?

— Лайза… Никто, Макс. Пока она ни с кем ничего не подписывала.

— Боже правый… — пробормотал Белл, так и не оправившись от потрясения.

— Знаешь, как я ее нашел? — спрашивает Рубин, шаря по рваным картонным коробкам в поисках переключателя.

Коробки заполнены старательно рассортированным гоми: литиевые аккумуляторы, танталовые конденсаторы, штекеры, хлебные доски, липкая лента для ограждений, феррорезонансные трансформаторы, мотки проволоки… В одной из коробок лежат несколько сотен оторванных голов кукол Барби, в другой — похожие на перчатки скафандра металлизированные рукавицы для опасных работ. Ангар залит светом; раскрашенный в духе Кандинского жестяной богомол поворачивает голову размером с мячик для гольфа в сторону самой яркой лампочки.

— Я ездил в Гринвилл, искал новое гоми. Забрел в какую-то аллею и вижу — сидит. Я заметил экзоскелет, да и выглядела она не очень. Спросил, что с ней. Молчит, только глаза закрыла. Ну, думаю, ладно, я, в конце концов, не за этим приехал. Но спустя часа четыре возвращаюсь тем же маршрутом, а она все еще сидит. "Слушай, — говорю, — милая, может, у тебя барахлит эта чертовщина? Так я могу помочь". Молчит. Ну я и пошел.

Рубин подходит к рабочему столу и гладит тонкие металлические конечности богомола бледным пальцем. За столом на вспухших от влаги щитах из прессованного картона висят плоскогубцы, отвертки, пистолеты с клейкой лентой, ржавая духовушка "Дэйзи", ножницы, щипцы, щупы-тестеры, паяльная лампа, карманный осциллоскоп — кажется, тут собраны все инструменты, когда-либо изобретенные человечеством, и никто даже не пытался рассортировать их, хотя я еще ни разу не видел, чтобы Рубин, протянув руку, ошибся.

— Потом я все-таки вернулся, — продолжает он. — Спустя, наверно, час. Она к тому времени уже отключилась. Я ее притащил сюда и проверил экзоскелет. Оказалось, сдохли аккумуляторы. Видимо, она уползла туда на остатках энергии и осталась умирать с голоду.

— Когда это было?

— Примерно за неделю до того, как ты увел ее к себе.

— Но если бы она умерла? Если бы ты ее не нашел?

— Кто-нибудь другой нашел бы. Но она просто не могла ни о чем попросить сама, понимаешь? Только принять, если предложат. Не хотела быть в долгу.

Макс нашел для нее агентов, и на следующий день прилетела

троица младших партнеров из какого-то агентства — чистенькие, гладенькие, как на картинке. Лайза отказалась встречаться с ними в "Автопилоте" и настояла, чтобы мы привезли их к Рубину, где она все это время жила.

— Добро пожаловать в Кувервиль, — сказал Рубин, когда они просочились в дверь.

Его вытянутое лицо было вымазано машинным маслом, а ширинка рабочего комбинезона держалась на скрепке. Молодые люди автоматически улыбнулись, но у девицы улыбка получилась более естественной.

— Мистер Старк, — заговорила она, — я на прошлой неделе была в Лондоне и видела в выставочном зале "Тэйт" вашу скульптуру.

— "Батареечная фабрика Марчелло", — ответил Рубин. — Британцы говорят, что это, мол, копрология. — Он пожал плечами. — Одно слово, британцы. Хотя, может, они и правы.

— Правы. Но это еще и очень забавно.

Молодые люди в костюмах сияли, как два маяка. Демонстрационная запись уже попала в Лос-Анджелес, и они знали, зачем приехали.

— Значит, вы и есть Лайза, — сказала девушка, пробираясь к ней между развалами гоми. — Скоро вы станете очень знаменитой, Лайза. Нам о многом надо поговорить.

Лайза, поддерживаемая своим экзоскелетом, стояла неподвижно, и выражение лица у нее было такое же, как тогда, у меня дома, когда она спросила, хочу ли я с ней переспать. Но если эта девица из агентства и заметила что-то, она ничем себя не выдала. Профессионализм.

Я пытался убедить себя, что я тоже профессионал.

И заставил-таки успокоиться.

Повсюду вокруг рынка горят в железных бочках костры из мусора. Все еще идет снег, и подростки жмутся поближе к огню, как артритные вороны, переминаются с ноги на ногу, запахиваясь от резкого ветра в свои темные пальто. Выше, в артистических трущобах, висят чьи-то замерзшие на веревках простыни — огромные розовые листы на фоне тусклых зданий и мешанины из спутниковых антенн и панелей солнечных батарей. Крутится, не переставая, ветряной генератор, собранный кем-то из экологически озабоченных жильцов: вот, мол, фиг вам вместо платы за электричество.

Рубин шлепает рядом в заляпанных краской кедах, втянув голову за воротник огромной, явно не по росту армейской куртки. Время от времени его узнают, кто-нибудь показывает пальцем и говорит: вон, мол, пошел этот тип, который делает все эти

сумасшедшие штуковины — роботов и прочее дерьмо.

— Знаешь, почему тебе сейчас трудно? — спрашивает он, когда мы заходим под мост, двигаясь к Четвертой улице. — Ты из тех, кто всегда читает инструкции. Все, что люди придумывают, любая техника служит определенной цели. Техника должна делать что-то такое, что люди уже понимают. Но если это новая техника, она открывает новые горизонты, о которых раньше никто не догадывался. Ты всегда читаешь инструкции и ни за что не станешь экспериментировать. И ты заводишься, когда кто-нибудь использует технику для того, о чем ты сам не додумался. Вот как с Лайзой.

— Она не первая.

Над нами грохочет транспорт.

— Да, но она наверняка первая из тех, кого ты знал лично. Лайза взяла и переписала себя в память машины. Тебе ведь до лампочки было, когда года три-четыре назад сделал то же самое этот, как его там, француз, писатель, верно?

— Пожалуй. Так, подумал я, рекламный трюк…

— А он, между прочим, все еще пишет. И самое интересное, будет писать и дальше — если кто-нибудь не подорвет его машину.

Я вздрагиваю, трясу головой.

— Но это ведь не он, верно? Всего лишь программа.

— Любопытная мысль… Трудно сказать с уверенностью. Однако что касается Лайзы, мы узнаем. Она ведь не писатель.

"Короли", считай, были уже готовы, упакованы у нее в черепе, как ее тело в клетке экзоскелета.

Агенты сделали ей контракт с крупной фирмой и выписали из Токио рабочую группу. Лайза заявила им, что хочет редактором только меня. Я отказался. Макс затащил меня к себе в кабинет и пригрозил уволить, если не соглашусь. Без меня им просто незачем было работать в студии "Автопилота". Ванкувер едва ли можно назвать центром индустрии, и агенты Лайзы хотели, чтобы она работала в Лос-Анджелесе. Для Макса этот контракт значил большие деньги, а для "Автопилота" — шанс пробиться в высшую лигу. Я же даже не мог объяснить ему, почему отказываюсь: слишком все было заумно и слишком лично. Если я соглашусь, мол, она одержит последнюю победу. Так мне, во всяком случае, тогда казалось. Но Макс был настроен серьезно. Он просто не оставил мне никакого выбора, и мы оба знали, что другую работу я сейчас быстро не найду. В общем, мы вернулись вместе и сказали агентам, что все утрясли: я готов работать.

В ответ — три белозубые улыбки.

Лайза достала заполненный магиком ингалятор и прямо при

всех приняла чудовищную дозу. Мне показалось, что девушка из агентства чуть приподняла бровь, но не больше. Бумаги были подписаны, и Лайза могла делать все, что хочет, — до определенной степени, конечно.

А Лайза всегда знала, чего ей хочется.

"Королей" — по крайней мере их основу — мы записали за три недели. Все это время я находил множество причин, чтобы не бывать у Рубина, иногда даже сам верил в то, что придумывал. Лайза по-прежнему оставалась у него, хотя агентов это не очень устраивало: они считали, что там просто небезопасно. Рубин позже сказал мне, что ему пришлось связаться со своим агентом, чтобы тот позвонил им и поскандалил, после чего они вроде бы отстали. Я даже не знал, что у Рубина есть агент. С ним почему-то легко забывалось, что на самом деле Рубин Старк — очень известный человек, известнее, чем все, кого я знал, и уж наверняка известнее, чем, по моим представлениям, могла стать Лайза. Я понимал, что мы работаем с классным материалом, но в нашем деле трудно предугадать, как хорошо пойдет та или иная запись.

Однако там, в "Автопилоте", я работал с ней время от времени напрямую. Лайза просто поражала.

Она словно родилась для этой формы искусства, хотя на самом деле, когда Лайза появилась на свет, технологии, давшей эмоциозаписи жизнь, и в помине не было. Невольно закрадывалась мысль: сколько же тысяч — или миллионов? — феноменальных художников так и умерли за прошедшие века, не выразив себя, — все, кто не могли стать поэтами, живописцами или саксофонистами, хотя у них был дар, электроимпульсы в мозгу, ждущие лишь микросхем, которые сделают их фантазии доступными другим…

Работая с Лайзой в студии, я кое-что о ней узнал — так, всякие мелкие подробности. Родилась она в Виндзоре. Отец был американцем, воевал в Перу, вернулся домой сдвинутый и почти слепой. Болезнь у нее врожденная. Нарывы и раздражение на коже, потому что она никогда не снимает экзоскелет: от одной только мысли, что она станет беспомощна, Лайза начинает задыхаться, она уже давно пристрастилась к магику и в день принимает столько, что хватило бы на целую футбольную команду.

Врачи, которых наняли ее агенты, изготовили пористые прокладки под полиуглеродные прутья, залечили и забинтовали распухшие нарывы, накачали Лайзу витаминами и попробовали посадить на диету, но никто даже не пытался отобрать у нее ингалятор.

Кроме того, агенты притащили с собой парикмахеров, косметологов, модельеров, специалистов по имиджу и команду шустрых "хомяков" из отдела по связям с общественностью. Лайза переносила все издевательства, можно сказать, с улыбкой.

Но все эти три недели мы почти не разговаривали. Только чисто студийные дела, то, что обычно бывает между художником и редактором, сплошные термины. Ее воображение создавало такие сильные, предельно ясные картины, что ей почти не приходилось объяснять мне отдельные эффекты. Я брал ее записи, обрабатывал и прогонял ей то, что получалось. Она говорила "да" или "нет". Обычно "да". Агенты заметили это, одобрили и, похлопав Макса Белла по спине, пригласили его пообедать. Мне сразу же дали прибавку.

Я действительно хороший профессионал. Дельный, внимательный, чуткий. Я решил, что теперь уже не сломаюсь, и старался не вспоминать ту ночь, когда плакал. Кроме того, я прекрасно понимал, что за всю свою жизнь ничего лучше "Королей" еще не делал, а это тоже своего рода кайф.

Однажды утром, около шести, после долгой-долгой записи — Лайза выдала тогда ту жутковатую сцену с котильоном, ее еще называют "Танец призраков" — она со мной заговорила. Один из парней-агентов околачивался в студии всю ночь, скалился, но под утро ушел, и в "Автопилоте" воцарилась мертвая тишина, только в кабинете Макса работал кондиционер.

— Кейси, — сказала Лайза хриплым от магика голосом, — извини, что я так на тебя… навалилась.

На секунду я подумал, что она говорит о записи, которую мы только что сделали. Затем поднял взгляд, увидел ее, и мне пришло в голову, что мы остались одни. Последний раз такое было, когда я готовил демонстрационную пленку.

Я не знал, что ей ответить. Не понимал даже, что у меня на душе.

Экзоскелет в буквальном смысле подпирал ее, держал на ногах, и сейчас она выглядела еще хуже, чем в тот вечер, когда мы встретились у Рубина. Даже макияж, который постоянно обновляли спецы по косметике, не спасал: магик поедал ее изнутри, и временами казалось, что за маской-лицом не особенно привлекательной девчонки, по сути подростка, проглядывает череп с пустыми глазницами. Кстати, я даже не знал, сколько ей лет. Не стара и не молода, по виду вообще не поймешь…

— Эффект наклонной плоскости, — произнес я, сматывая провод.

— Как это?

— Таким образом природа предупреждает, что пора

задуматься, — своего рода математический закон: на любом возбуждающем средстве настоящий кайф можно словить только несколько раз, даже если увеличивать дозы. Никогда больше не будет такого же кайфа, как в самом начале. Во всяком случае, не должно быть. Это, кстати, общий недостаток всех модельных наркотиков: они слишком хитро сконструированы. У чертовщины, что ты вдыхаешь, на какой-нибудь из молекул есть маленький хвостик, который не дает разложившемуся адреналину превращаться в адренохром. Если бы не хвостик, ты уже давно стала бы шизофреничкой. У тебя не бывает неприятностей с дыханием? Ты, когда спишь, например, не задыхаешься?

Я говорил каким-то злым голосом, хотя даже не понимал, был ли на самом деле зол.

Она долго не сводила с меня своих тусклых серых глаз. Вместо дешевой кожаной куртки модельеры подобрали ей матово-черный блузон, который скрывал ребра экзоскелета гораздо лучше. Лайза всегда застегивала его под горло, хотя в студии бывало порой слишком жарко. Днем раньше на ней пробовали что-то новое парикмахеры, но у них ничего не получилось, и ее непослушные темные волосы торчали над треугольным лицом, как перекошенный взрыв. Она смотрела мне в глаза, и я вдруг снова почувствовал, насколько целенаправленно она действует.

— Я вообще не сплю, Кейси.

Только гораздо позже я вспомнил, что Лайза извинилась — единственный раз; это было, как мне показалось, не в ее стиле; больше я от нее ничего подобного не слышал.

Диета Рубина состоит из сэндвичей, что продаются в автоматах, пакистанских блюд на вынос и кофе, тоже из автоматов. Я никогда не видел, чтобы он ел что-то другое. Мы сидим с ним в маленькой забегаловке на Четвертой улице, за крошечным столиком между стойкой и дверью в сортир, и едим самосы. Рубин заказал себе двенадцать штук — шесть с мясом и шесть с овощами. Глотает их одну за другой, не отвлекаясь ни на что, даже подбородок не вытирает. Он здесь бывает чуть ли не каждый день, хотя не выносит грека за стойкой. Тот, впрочем, отвечает ему тем же — настоящие прочные отношения. Если грек уволится, Рубин, возможно, перестанет сюда ходить. Грек пялится на крошки, прилипшие к подбородку Рубина и осыпающиеся на куртку, а в перерывах между самосами, сузив глаза за грязными стеклами очков в стальной оправе, Рубин отвечает ему колючими взглядами.

Самосы — это обед. На завтрак у него куски подсохшего белого хлеба с яичным салатом, упакованные в молочно-белые

пластиковые коробки, и шесть маленьких чашек ядовито-горького эспрессо.

— Ты не мог этого предвидеть, Кейси. — Рубин смотрит на меня в упор через захватанные стекла. — Потому что у тебя слабовато с латеральным мышлением. Ты всегда читаешь инструкции. Что, по-твоему, ей было нужно? Секс? Больше магика? Мировое турне? Она все это оставила позади. И оттого стала такой сильной. Все — позади. Вот почему "Короли грез" такой крутой хит, почему их все покупают, почему верят. Им это понятно. Все те мальчишки на Рынке, что греют зады у костров и не знают даже, где сегодня будут ночевать, они ей верят. За последние восемь лет это самый крутой эмоциодиск. Мне тут один из магазина на Гранвилл-стрит сказал, что "Королей" продают больше, чем всего остального. Замотались уже заказывать новые партии. Лайзу покупают, потому что Лайза такая же, как они, только глубже. Ни мечты, ни надежды. На них, на этих мальчишках, нет клеток, Кейси, но сами-то они все больше и больше просекают, что топчутся на месте, как в камере, и ничего им не светит. — Он стряхивает с подбородка жирные крошки, но три все равно остаются. — Лайза им это пропела, рассказала так, как они сами не смогут, нарисовала им картину. А деньги потратила, чтобы вырваться, вот и все.

Я смотрю, как пар оседает на окне и большими каплями стекает вниз, оставляя на запотевшем стекле мокрые дорожки. За окном угадывается частично "раздетая" "Лада": колеса сняты, и машина стоит осями на асфальте.

— А много людей это с собой сделали, Рубин? Не знаешь?

— Не очень. Хотя трудно сказать, потому что большинство из них, наверно, политики, про которых мы с надеждой думаем, что они безвозвратно мертвы, — взгляд у него становится какой-то странный. — Не особенно благородная мысль. Но так или иначе, технология какое-то время была доступна прежде всего им. Даже для миллионеров это пока дорогое удовольствие, но я слышал по крайней мере о семи. Говорят, в "Мицубиси" раскошелились для Вайнберга — еще до того, как у него накрылась иммунная система. Он у них возглавлял гибридомную[38] лабораторию на Окаяме. Их акции по моноклонам по-прежнему идут хорошо, так что, может быть, это и правда. И Ланглуа, француз этот, писатель… — Рубин пожимает плечами. — У Лайзы не было таких денег. Даже сейчас нет. Но она пробралась в нужное место и как раз в нужное время. Ей недолго оставалось до конца, но она попала в Голливуд, а там уже поняли, что "Короли" пойдут отлично.

В тот день, когда мы закончили работу, челночным рейсом

"Джей-Эй-Эль" прибыла группа из Лондона, четверо тощих парней с гипертрофированным чутьем на рынок и, казалось, полным отсутствием эмоций — в общем, хорошо отлаженная, смазанная машина. Я усадил их рядом, в одинаковые кресла, в студии "Автопилота", намазал виски соляной пастой, прилепил электроды и прогнал им смикшированный вариант того, что готовилось как "Короли грез". Вернувшись в реальный мир, они загомонили все разом, на этакой британской разновидности тайного языка, с которым знакомы лишь студийные музыканты, замахали руками и полностью забыли про меня.

Но я кое-что разобрал и понял, что они в восторге. По их мнению, получилось просто здорово. Так что я подхватил куртку и смылся. Пасту могут и сами стереть.

В тот вечер я видел Лайзу в последний раз, хотя и не собирался с ней встречаться.

Мы возвращаемся назад к Рынку. Рубин звучно переваривает обед. В мокром асфальте отражаются красные тормозные огни машин, а город за Рынком кажется чистенькой скульптурой, высеченной из света, — ложь, в которой сломленные и потерянные зарываются в гоми, растущем, словно слой гумуса у подножий стеклянных башен.

— Мне завтра нужно во Франкфурт, собирать скульптуру. Хочешь со мной? Я могу оформить тебя как техническую службу. — Он ежится и втягивает голову в пятнистую куртку. — Платить не могу, но авиабилеты за счет фирмы, а?

Странно слышать от Рубина такое предложение, но я знаю, что он за меня беспокоится, думает, я слишком завожусь из-за Лайзы, и это единственное, что пришло ему в голову, — вытащить меня куда-нибудь из города.

— Во Франкфурте сейчас холоднее, чем здесь.

— Но тебе не помешало бы сменить обстановку, Кейси. Я не знаю…

— Спасибо, но у Макса для меня много работы. "Автопилот" теперь — известная фирма. Люди прилетают со всех концов света.

— Ну-ну…

Оставив музыкантов в "Автопилоте", я отправился домой. До Четвертой дошел пешком, а дальше поехал троллейбусом. Мимо витрин, которые я вижу каждый день, ярких, расцвеченных, веселых. Одежда, обувь, дискеты, японские мотоциклы, похожие на чистеньких эмалированных скорпионов, итальянская мебель… Витрины меняют тут каждый сезон, да и сами магазины — одни закрываются, другие открываются. Чувствовалось, что все происходит в предпраздничном режиме: больше людей на улицах, многие парами, быстро и целеустремленно шагают мимо ярких

витрин куда-то, где продается именно то, что нужно подарить тем-то и тем-то. Половина девушек в высоких, выше колен, дутых стеганых сапогах из нейлона — мода пришла из Нью-Йорка прошлой зимой, и Рубин говорит, в этих сапогах они выглядят так, будто всех слоновость хватила. Вспомнив об этом, я невольно улыбнулся, и тут вдруг до меня дошло, что все кончилось, что с Лайзой я расквитался, что теперь ее утянет в Голливуд так же неотвратимо, как если бы она сунула ногу в космическую черную дыру, утянет немыслимой силы тяготение Больших Денег. Поверив, что она уже ушла из моей жизни — уведена, — я расслабился, снял оборону и почувствовал к ней жалость. Но только чуть-чуть. Потому что не хотел, чтобы что-нибудь портило мне вечер. Я хотел гулять и веселиться. Со мной этого уже давно не было.

Я вышел на своей остановке. Лифт сработал с первого раза — хороший знак, подумалось мне. Поднявшись домой, я разделся, принял душ, нашел чистую рубашку и разогрел в микроволновке несколько буррито. Приходи в себя, посоветовал я своему отражению, бреясь перед зеркалом. Ты слишком много работал. Твоя кредитная карточка растолстела, и пора это поправить.

Буррито напоминали по вкусу картон, но я решил, что мне это даже нравится, потому что они такие агрессивно-обычные. Машина у меня была на ремонте в Бернаби — водородный бак стал протекать, — так что вести не придется. Можно будет пойти и нарезаться от души, а утром позвонить Максу и сказать, что приболел. Выступать он не станет; я у него теперь "примадонна", и Макс мне кое-чем обязан.

Слышишь, Макс, я тебя теперь вот так держу, сказал я, достав из морозильника запотевшую бутылку "Московской" и обращаясь за неимением Макса к ней. Никуда ты теперь не денешься. Я три недели подряд редактировал грезы и кошмары одной очень сдвинутой особы, Макс. Для тебя. Чтобы ты толстел и процветал, Макс… Я налил на три пальца водки в пластиковый стаканчик, оставшийся от большой гулянки, что я устраивал с год назад, и пошел обратно в гостиную.

Иногда мне кажется, что тут вообще никто не живет. В смысле живет, но он — никто. Не то чтобы у меня беспорядок, нет, в общем-то я неплохо справляюсь с уборкой, хотя делаю это скорее по привычке. Даже пыль на рамах сверху не забываю стирать, и все такое, но временами мне вдруг становится здесь как-то зябко, неуютно: тут ничего нет, кроме самого обычного набора самых обычных вещей. Не то чтобы мне хотелось завести кошку, горшки с цветами расставить или еще что. Просто иногда я думаю, что тут мог бы жить кто угодно; все так

взаимозаменяемо, моя жизнь и ваша, моя и чья-то еще…

Я думаю, что Рубин именно так жизнь и воспринимает, но для него это источник силы и вдохновения. Он живет в чужом мусоре, и все, что он тащит домой, было когда-то новеньким и блестящим, что-то для кого-то значило, пусть хоть недолго. Вот он и собирает хлам в свой идиотский грузовик, свозит к себе и выдерживает до поры до времени, как в компостных кучах, пока не придумает что-нибудь новое, куда этот хлам можно употребить. Рубин как-то показывал мне свою любимую книгу по искусству двадцатого века, там была фотография движущейся скульптуры под названием "Мертвые птицы снова летят" — этакая конструкция, которая крутила на веревочках трупики мертвых птиц. Рубин улыбнулся и кивнул; я почувствовал, что он считает автора своего рода духовным наставником. Но что он подумает, глядя на мои плакаты в рамах, на мой мексиканский диван, на мою кровать из темперлона? Впрочем, решил я, он-то, возможно, и придумает что-нибудь необычное. Вот поэтому он известный художник, а я — нет.

Я подошел к окну и прижался лбом к стеклу, такому же холодному, как стакан у меня в руке. Пора двигаться, подумалось мне. Первые симптомы болезненного страха перед городским одиночеством. А это легко излечивается. Допиваешь. И идешь.

Нарезаться как следует мне в тот вечер так и не удалось. Но здравого смысла я тоже не проявил. Надо было плюнуть, пойти домой, посмотреть какой-нибудь древний фильмец и завалиться спать. Однако напряжение, копившееся во мне все эти три недели, гнало меня дальше, как пружина механических часов, и я продолжал слоняться по ночному городу, по большей части наугад, и время от времени добавлял то в одном баре, то в другом. Вот в такую ночь, казалось мне, легко ускользнуть в другой континуум, в альтернативный мир, где город выглядит точно так же, но там нет ни одного человека, которого ты любишь или знаешь, нет никого, с кем бы ты хоть однажды заговорил. В такую ночь можно зайти в знакомый бар и обнаружить, что там заменили весь штат… А затем ты вдруг осознаешь, что и зашел-то лишь для того, чтобы увидеть хоть какое-то знакомое лицо — официантки, бармена, кого угодно… Веселью это, как известно, не способствует.

Я, однако, не останавливался, побывал уже в шести или семи заведениях, и в конце концов меня занесло в какой-то клуб в западной части города. Выглядел он так, будто обстановку там не меняли еще с девяностых годов: облупленный хром поверх пластика и размытые голограммы, от которых, если пытаться разобрать картинку, начинает болеть голова. Кажется, Барри мне

об этом заведении рассказывал, но, убей Бог, не знаю зачем. Я огляделся и ухмыльнулся. Если специально ищешь какую-нибудь унылую дыру, то лучше места не найти. Да, сказал я себе, усаживаясь на угловой стул у стойки бара, то, что надо: и грустно, и гнусно. Настолько гнусно, что я, может быть, сумею остановить свое падение в эту бездонную дерьмовую ночь. Тоже неплохо будет. Вот сейчас приму еще на дорожку, повосторгаюсь этой пещерой и — на такси домой.

Тут я увидел Лайзу.

Она меня пока не заметила: я как вошел, так и сидел с поднятым от ветра воротником, Лайза устроилась в дальнем конце бара, а перед ней стояли два глубоких пустых фужера — их еще подают с такими маленькими гонконгскими зонтиками или пластиковыми русалками в коктейле. Когда она посмотрела на парня рядом с ней, я заметил у нее в глазах блеск магика и догадался, что напитки были безалкогольные: при таких дозах наркотика мешать его с алкоголем — верная смерть. Зато парень уже поплыл, с его лица не сходила тупая пьяная улыбка, и он едва не падал со стула, хотя все время что-то говорил, говорил, пытаясь сфокусировать взгляд на ее лице. Лайза сидела в своем новом черном блузоне, застегнутом до подбородка, и казалось, что ее череп просвечивает сквозь бледную кожу, как тысячеваттная лампа. Увидев ее в этом баре, я вдруг многое понял.

Понял, что она действительно умирает — или от магика, или от своей болезни, или от всего вместе. Что она давно это знает. Что парень рядом с ней слишком пьян, чтобы заметить экзоскелет, но дорогой блузон и то, как Лайза сорит деньгами, он тем не менее заметил. И что происходит именно то, на что это больше всего похоже.

Увиденное как-то не укладывалось в голове. Что-то во мне противилось моим же выводам.

А Лайза улыбалась — или, во всяком случае, изображала нечто в ее представлении похожее на улыбку — и своевременно кивала, когда парень заплетающимся языком изрекал очередную глупость. Невольно вспоминалась ее фраза о том, что она любит смотреть.

Теперь я понимаю, что, не встреть я ее в этом баре, с этим парнем, мне было бы гораздо легче принять то, что случилось позже. Возможно, я бы даже порадовался за нее или как-то поверил в то, во что она превратилась — создала по своему образу и подобию, — в программу, которая притворяется Лайзой, причем настолько хорошо, что сама в это верит. Я бы поверил, как верит Рубин, что она все оставила позади, — Пресвятая

Жанна электронного века, жаждущая лишь слияния со своим компьютерным божеством в Голливуде. Что в час прощания с этой жизнью она ни о чем не пожалеет. Что отбрасывает беспомощное настрадавшееся тело с криком облегчения. Что теперь она наконец свободна от полиуглеродных пут и постылой плоти. Может быть, так оно и есть. Я не сомневаюсь, что именно так она это и представляла раньше.

Но я видел ее в баре, видел, как она держит за руку этого пьяного парня, хотя сама даже не ощущает прикосновения. И я понял тогда, сразу и на всю жизнь, что мотивы человеческого поведения никогда не бывают ясными и однозначными. Даже у Лайзы, с ее безумным, разъедающим душу стремлением наверх, к славе и кибернетическому бессмертию, были слабости. Человеческие слабости. Я все понимал и сам себя за это ненавидел.

В тот вечер она решила попрощаться с собой. Найти кого-нибудь настолько пьяного, чтобы он сделал это за нее. Потому что Лайза действительно любила смотреть.

Думаю, она заметила меня на выходе: я чуть не бегом оттуда выскочил. И если заметила, то, наверно, возненавидела еще сильнее — за ужас и жалость, написанные на моем лице.

Больше я ее никогда не видел.

Надо будет как-нибудь спросить у Рубина, почему он не умеет смешивать ничего, кроме сауеров с "Дикой индейкой". Хотя крепкие получаются, ничего не скажешь… Рубин подает мне побитую алюминиевую кружку. Вокруг тикает, мельтешит, воровато переползает с места на место вся эта механическая мелкота, что он насоздавал.

— Тебе все-таки стоит махнуть во Франкфурт, — не унимается он.

— Зачем, Рубин?

— Затем, что рано или поздно она тебе позвонит. А ты, мне кажется, сейчас к этому не готов. Ты еще не очухался, а программа будет говорить ее голосом, думать как она, и ты совсем свихнешься. Поехали-ка во Франкфурт, отойдешь немного. Ей там тебя не отыскать.

— Я же говорил: работы много, — отвечаю я, вспоминая, как увидел ее в баре. — И потом — Макс…

— Да пошли ты этого Макса куда подальше. Он на тебе кучу денег огреб, так что пусть не рыпается. Ты, кстати, и сам на "Королях" разбогател. Не ленись, позвони в банк — сам убедишься. Так что вполне можешь позволить себе небольшой отпуск.

Я смотрю на него и думаю, расскажу ли ему когда-нибудь о

той последней встрече.

— Рубин, спасибо, приятель, но я просто…

Он вздыхает и отхлебывает из своей кружки.

— Вот скажи, если позвонит, это она будет или нет?

Рубин долго не сводит с меня пристального взгляда.

— А бог ее знает. — Кружка с легким стуком опускается на стол. — Я в том смысле, что технология уже отработана, так почему бы и нет, в самом-то деле.

— И ты считаешь, мне все-таки стоит махнуть во Франкфурт?

Рубин снимает очки в стальной оправе и протирает стекла о фланелевую рубашку — чище они от этого не становятся.

— Считаю. Тебе надо отдохнуть. Ты это сам поймешь. Если не сразу, то очень скоро.

— В смысле?

— Например, когда начнешь редактировать ее следующую запись. А этого, видимо, ждать недолго, потому что ей понадобятся деньги, и уже скоро. Она занимает в памяти машины, которая принадлежит какой-то корпорации, чертовски много места, и даже ее доли в "Королях" не хватит, чтобы полностью расплатиться за все эти дела. Ты ведь теперь ее редактор, Кейси. Кто же, кроме тебя?

Я сижу и смотрю, как он пристраивает очки обратно на нос, сижу, не шевелясь.

— Кто, как не ты, старик, а?

Одно из его творений издает негромкий отчетливый щелчок, и до меня вдруг доходит, что он прав.

Поединок

Он собирался ехать и ехать, не останавливаясь, прямиком во Флориду. Завербоваться на шхуну контрабандистов оружием; глядишь, и прибьет ветром к армии каких-нибудь вонючих повстанцев из очередной горячей точки. С таким билетом, как у него, он был как вечный скиталец, прикованный к своему кораблю — "Летучему Голландцу" от компании "Грейхаунд", В холодном засаленном стекле, на фоне огней деловой части Норфолка, угрюмо скалилось его слабое отражение. Водитель лихо завернул за последний угол, автобус устало закачался на продавленных рессорах и, отчаянно дребезжа, остановился на сером бетоне привокзальной площади, унылой, как тюремный двор. Однако Дейк, прижавшись щекой к стеклу, видел совсем другое: как его, голодного, окончательно замораживает налетевший откуда-нибудь из Освего буран — и на следующей остановке ворчливый старик-уборщик в замызганной спецовке выметает из салона задубевшие останки. Ладно, решил Дейк, так или иначе переживу. Вот если бы только не ноги, которые, казалось, уже умерли. Водитель тем временем объявил двадцатиминутную остановку: "Станция Тайдуотер, Вирджиния". Автовокзал, будто перенесенный из прошлого века, представлял собой старое шлакоблочное строение с двумя входами в каждый зал ожидания.

На деревянных ногах Дейк с трудом выполз из автобуса и привидением завис близ галантерейного прилавка, но чернокожая девчонка бдительно, словно собственную задницу, защищала жалкое содержимое старой стеклянной витрины. Вероятно, так оно и есть, подумал Дейк и отвернулся. Напротив туалетов была открытая дверь в заведение, предлагавшее посетителям "ИГРЫ", — вывеска была сделана из биофлюоресцентной пластмассы и слабо мерцала. Внутри Дейк заметил толпу местных бездельников, сгрудившихся вокруг бильярдного стола. Бесцельно, окутанный скукой словно облаком, он сунулся в дверь. И сразу увидел крошечный биплан с крыльями не длиннее пальца, охваченный ярко-оранжевым пламенем. Кувыркаясь в "штопоре", оставляя длинный хвост дыма, он падал на стол, а затем, коснувшись зеленого сукна стола, мгновенно исчез.

— Так его, Крошка! — взревел один из болельщиков. — Уделай этого сукина сына!

— Эй! — позвал Дейк. — Что происходит?

— Крошка защищает свой "Макс", — сказал, не отводя глаз от

стола, ближайший болельщик — тощий, как жердь, в черной сетчатой кепке с надписью "Питербилт".

— Да? Ну и что? — но, спрашивая, Дейк уже знал ответ — голубой эмалированный мальтийский крест с круговой надписью "Pour le Merite".

"Голубой Макс" лежал на краю стола — прямо перед громадной, совершенно неподвижной тушей, втиснутой в хрупкое на вид кресло из хромированных трубок. Исполинская рубашка цвета хаки обтягивала могучий торс так плотно, что пуговицы, казалось, вот-вот с треском полетят в разные стороны. "Полицейский с Юга, — подумал Дейк, — вроде тех, на кого постоянно натыкаешься по дороге". Крошка был из той странной тяжеловесной породы людей, чьи тонкие ноги, казалось, принадлежат чужому телу. Если бы он встал, то его джинсы пятидесятого размера только со стальным ремнем удержали бы эти фунты расползшегося жира. Но это если бы он мог подняться Дейк увидел, что блестящее сооружение, на котором сидит Крошка, кресло-каталка, На лице этого человека сохранилось беспокойно-детское выражение; отталкивающе юные и даже красивые черты были похоронены в складках одутловатых щек и подбородка. Дейк смущенно отвел глаза. Боец с другого края бильярдного стола — тонкогубый, с густыми баками — непрерывно щурился и, гримасничая, как будто вымаргивал соринку из глаза…

— Тебе чего, деревня? — мужик в кепке повернулся и, сверкнув для начала медными браслетами, схватил Дейка за лацканы куртки. — Здесь не нужны болваны вроде тебя. — Он опять уставился на сражение.

Заключались обычные в таких случаях пари, делались ставки. Болельщики вытаскивали заначки — старые добрые рузвельтовские даймы и доллары с изображением статуи Свободы, некоторые, поосторожнее, выкладывали на стол антикварные бумажные купюры, заклеенные в пластик. Вдруг в дымке появилось ровно летящее трио крошечных красных самолетиков. "Фоккеры Д-VII". Комната мгновенно затихла. "Фоккеры" величественно совершили вираж под двухсотваттным электрическим солнцем.

Словно ниоткуда вынырнул голубой "спад". От скрытого дымным сумраком потолка отделились еще два. Болельщики возбужденно загалдели, один дико заржал. Строй красных аэропланов в беспорядке распался. Один "фоккер" нырнул прямо к зеленому сукну стола, но "спад" цепко висел у него "на хвосте". Красный "фоккер" носился возле самой поверхности сумасшедшими зигзагами, но безуспешно — "спад" не отставал.

Наконец "фоккер" ринулся вверх, противник бросился за ним, но не рассчитал, взял слишком круто и потерял скорость; высота была слишком маленькой, чтобы не упасть.

Кто-то получил кучу звонких серебряных монет.

"Фоккеры" получили преимущество. У одного из них "на хвосте" держались два "спада". Мимо аэропланчика пронеслась тончайшая цепочка трассирующих пуль. "Фоккер" скользнул вправо, сделал "иммельман", оказался позади одного из своих преследователей, тут же открыл огонь — и голубой биплан, кувыркаясь, пошел вниз.

— Так держать, Крошка! — болельщики возбужденно придвинулись прямо к столу. Дейк замер в восхищении. Он чувствовал, что рождается заново.

"Мелочная торговля Фрэнка" была на платном грузовом шоссе всего в двух милях от города, Дейк узнал это, когда, по своей любознательности, отстал от автобуса. Теперь он возвращался пешком мимо машин и бетонных ограждений. С грохотом проносились огромные восьмиосные грузовики с прицепами и обдавали его вихрем, грозящим разорвать в клочья. Придорожные магазинчики были устроены просто. Кругом не было ни души, и Дейк, не торопясь, стал потрошить лавочку.

Интересовавший его стеллаж с компьютерными играми находился между корейскими ковбойками и витриной с грязевыми щитками "Фазз Бастер". Над проволочным стеллажом в воздухе медленно кружилась парочка то ли дерущихся, то ли спаривающихся восточных дракончиков. Наконец Дейк увидел нужную упаковку с надписью "СПАДЫ И ФОККЕРЫ". Чтобы выудить ее, ему понадобилось три секунды. А чтобы отключить сигнализацию с помощью магнита, который фараоны из округа Колумбия даже не подумали конфисковать, — еще меньше.

Перед уходом Дейк прихватил пару программаторов и вспомогательное устройство дистанционного управления фирмы "Батанг", похожее на старинный слуховой аппарат.

В наобум выбранном доходном доме Дейк для начала подмазал управляющего. Он всегда так делал с тех пор, как оказался не в ладах с законом. Впрочем, обычно жильцами никто не интересовался, государство волновало только количество занятых помещений и внесенная арендная плата.

В отведенной ему комнатенке воняло мочой, а стены были сплошь исцарапаны лозунгами экстремистского анархического Фронта Освобождения. Дейк выгреб из угла хлам, сел, прислонившись к стене, и разорвал упаковку игры.

Там были: инструкция с диаграммами "мертвых петель", "бочек" и "иммельманов", тюбик с проводящей пастой и список

управляющих команд для компьютера. С одной стороны белой пластиковой дискеты была картинка с голубым бипланом, с другой — с красным. Дейк повертел ее в руках: "СПАДЫ И ФОККЕРЫ", "ФОККЕРЫ И СПАДЫ". Красное и голубое.

Дейк укрепил за ухом "Батанг", смазал поверхность индуктора пастой, подсоединил к программатору оптоволоконный провод, включил программатор в стенную розетку. Потом вставил в программатор дискету. Аппарат был дешевый, индонезийский, и при запуске программы в затылке неприятно зажужжало. Но когда все было сделано, в нескольких дюймах от лица беспокойно заметался небесно-голубой "спад". Он сверкал почти как настоящий. Подобно большинству тщательно проработанных музейных моделей, аэроплан обладал таинственной внутренней достоверностью, но удержать его в поле зрения можно было, лишь максимально концентрируясь. Как только внимание рассеивалось, настройка сбивалась, нарушалась передача образа, и крохотный биплан расплывался в туманное пятно.

Дейк тренировался, пока в "Батанге" не села батарейка, затем откинулся к стене и мгновенно уснул. Ему снилось, что он летит в безбрежно-голубом небе среди белых облаков, вдали от земных забот, недоступный превратностям судьбы.

Он проснулся от сильного запаха жареных лепешек с крилем — и его затрясло от голода. Денег больше не было. Впрочем, в доме наверняка жило много студентов. Кто-нибудь обязательно заинтересуется программатором. Дейк с надеждой направился в холл. Неподалеку он увидел дверь с транспарантом: "А ОТЛИЧНАЯ ЖЕ ВСЕЛЕННАЯ ПО СОСЕДСТВУ!" Ниже, поверх вдохновенного плаката "космической колонии", которую начали строить, когда он еще только родился, был наклеен постер звездной россыпью разноцветных пилюль — реклама какой-то фармацевтической компании. "ИДЕМ!" — приглашала надпись над завораживающим коллажом.

Он постучал. Дверь слегка приоткрылась, удерживаемая цепочкой, и в двухдюймовую щель выглянуло девичье лицо.

— Да?

— Вы, видно, думаете, что эта штука ворованная, — он перекладывал программатор с ладони на ладонь. — Наверное, потому, что она, этакая виртуальная вишенка, совсем новенькая, даже упаковка не распечатана. Послушайте. Я не стану спорить. Нет. Я просто хочу сказать, что она стоит вполовину дешевле, чем где-либо еще.

— Да ну? Неужели? Без дураков? — на губах девушки заиграла странная улыбка. Она медленно протянула руку

ладонью вверх. Прямо к его носу.

— Глянь-ка!

В ладони была дыра, черный туннель, уходящий вверх по руке. Два маленьких красных мерцающих огонька. Крысиные глазки! Они бросились к нему, по пути вырастая. Что-то серое мелькнуло и прыгнуло ему прямо в лицо.

Дейк в испуге закричал, пытаясь заслониться руками, поскользнулся и упал прямо на программатор.

Сжимая голову руками, он забился в судорогах — и во все стороны брызнули кремниевые осколки. Ему было больно, так больно…

— Ах, боже ты мой! — цепочка звякнула, и девушка воспарила над ним. Эй! Послушай, давай вставай! — она взмахнула голубым полотенцем. — Хватайся за него, я тебя подниму.

Дейк смотрел на нее сквозь пелену слез. Студентка. Взгляд этакой зануды, не по размеру большой свитер, зубы такие ровные и белые, что могли бы служить вместо справки о кредите. Тонкая золотая цепочка на одной из лодыжек, покрытой (он увидел) по-детски мягкими волосками. Изысканная японская стрижка. Да, тут водились деньжата.

— Эта штуковина могла стать моим обедом, — удрученно сказал Дейк. Он схватился за полотенце, и девушка помогла ему подняться.

Она улыбнулась ему, но настороженно отодвинулась.

— Разреши мне исправиться. Хочешь есть? Это же был учебный проект, только и всего. Понял?

Напряженно, словно зверь, входящий в клетку, Дейк последовал за ней.

— Ни хрена себе! — восхищенно произнес Дейк. — Это же натуральный сыр…

Он сидел на продавленном диване, втиснувшись между четырехфутовым плюшевым медведем и кучей дискет. Комната была по щиколотку завалена книгами, одеждой и бумагами. А еда, над которой колдовала девушка, явилась прямо из "Тысячи и одной ночи" — сыр "Гауда", консервированная говядина, и — честное слово! — потрясающе вкусные вафли из настоящей пшеницы.

— Ну как, — спросила она, — мы можем угодить рабочему парню?

Ее звали Нэнси Беттендорф. Ей было семнадцать. Ее предки — жадные пердуны — вкалывали день и ночь, чтобы она, единственная цель всех усилий Уильяма и Мэри, ни в чем не нуждалась. Она училась на инженера в колледже, по всем

предметам на "отлично", кроме английского.

— У тебя, наверное, пунктик такой — крысы? Нечто вроде фобии? спросила Нэнси.

Дейк мельком взглянул на кровать — очень-очень низкую, едва возвышавшуюся над полом.

— Да нет, в общем-то. Это кое-что мне напомнило, только и всего.

— Что напомнило? — она присела на корточки, свитер задрался, открывая гладкое матовое бедро.

— Ну… ты когда-нибудь видела… — голос его невольно повысился, он комкал концы фраз, — памятник Вашингтону? Ночью? Там наверху есть два маленьких… красных огонька… вроде авиационных маяков, и я… и я… неожиданно его затрясло.

— Ты боишься памятника Вашингтону?

Нэнси взвизгнула, повалилась на спину и залилась хохотом, дрыгая длинными загорелыми ногами. На ней были малиновые трусики.

— Я лучше умру, чем еще раз на него посмотрю, — медленно произнес Дейк.

Нэнси перестала смеяться, села и принялась изучать его лицо. Она побледнела и стала напряженно покусывать нижнюю губу. Похоже, она выкопала что-то такое, о чем думать не хотела. Наконец Нэнси отважилась на вопрос:

— Ты закодирован?

— Да, — горько сказал Дейк. — Они сказали, я никогда не смогу вернуться в округ Колумбия. И еще эти сволочи смеялись…

— За что они тебя?

— Я вор. — Он не стал уточнять, что специализировался на магазинных кражах.

— Куча старых компьютерщиков угробила жизнь на программирование машин. И знаешь? Оказалось, человеческий мозг ничем не похож на эти чертовы машины. Его нельзя так же программировать.

По сотням холодных и пустых ночей, проведенных в незнакомых компаниях, Дейк знал этот безумный истерический треп, бесконечную болтовню, которую одиночество навязывает своему редкому слушателю. Нэнси несло, а Дейк, зевая и поклевывая носом, гадал, сможет ли он не уснуть сразу, когда, в конце концов, они окажутся на ее кровати.

— Я сама сделала эту игрушку, которая так тебя испугала, — сказала девушка, подтягивая колени к подбородку. — Это для простаков. Она как раз оказалась со мной, и я сунула ее тебе под нос. Мне стало так смешно, когда ты старался всучить мне этот фиговый индонезийский программатор. — Она наклонилась и

опять вытянула руку. — Смотри.

Дейк инстинктивно съежился.

— Да нет, это не страшно! Ей-богу, это совсем другое! — она раскрыла ладонь.

На ладони переливался совершенный, идеальной формы, цветок голубого пламени.

— Взгляни на это, — восхищалась девушка. — Ты только взгляни. Я сама его запрограммировала. Это не какой-нибудь пустячок, использующий семь образов. Программа длится два часа, семь тысяч двести секунд, и за этот период ни один образ не повторяется дважды, каждое мгновение индивидуально, как снежинка!

В глубине пламени сверкал прозрачный кристалл. Его грани вспыхивали, плыли, пропадали, переходя в яркие, режущие глаза образы. Дейк недовольно поморщился. По большей части люди. Хорошенькие голенькие человечки, занимающиеся любовью.

— Черт подери, как ты это сделала?

Девушка встала, переступая босыми ногами между кип глянцевых журналов, подошла к грубой фанерной полке и картинным жестом смела оттуда кипу распечаток. Дейк увидел ряд аккуратных маленьких консолей, выглядевших очень дорого. Штучная работа, спецзаказ!

— У меня здесь собрано неплохое оборудование. Визуализатор образов. Модуль быстрой очистки памяти. А это анализатор, полностью имитирующий человеческий мозг. — Нэнси выпевала сложные названия, как литанию. Квантовый импульсный стабилизатор. Коммутатор программ. Генератор образов…

— И тебе нужно все это, чтобы сделать одно маленькое пламя?

— А как же! Все это — самый совершенный комплекс для ветвэр-программирования. Он на несколько лет опережает все, что ты когда-нибудь видел.

— Эй, — сказал Дейк. — А знаешь ли ты что-нибудь о "Спадах и фоккерах"?

Она засмеялась. Он понял, что время подходящее, и взял ее за руку.

— Не прикасайся ко мне, твою мать, никогда меня не трогай! неожиданно закричала Нэнси и так сильно откинулась назад, что ударилась головой о стену. Она была бледна и тряслась от ужаса.

— О'кей! — Он поднял руки вверх. — О'кей! Я к тебе не подхожу. Теперь все в порядке?

Нэнси снова от него шарахнулась. Из округленных немигающих глаз по бледным щекам потекли слезы. Наконец она

покачала головой:

— Эй, Дейк! Извини! Мне надо было тебе сразу сказать.

— Что? — у него появилось смутное чувство… он догадывался. Она так обхватывала голову. Судорожно сжимала и разжимала ладони… — Ты тоже закодирована?

— Да. — Она закрыла глаза. — Замок девственности. Эти жопы — мои предки — заплатили и за это. Теперь я не выношу, когда кто-нибудь прикасается ко мне или даже подходит слишком близко. — Она открыла глаза: в них пылала слепая ненависть. — Я даже ничего не делала. Ничего такого. Но они так вкалывают, так мечтают, чтобы я сделала карьеру в деле, в котором они ни черта не смыслят. Они, видите ли, боятся, что секс и наркотики отвлекут меня от учебы. Но в тот самый день, когда закончится кодирование, я трахнусь с самым грязным, вонючим, лохматым…

Девушка опять судорожно обхватила руками голову. Дейк бросился к аптечке. Там он нашел банку с витамином В, прикарманил гореть, а две таблетки и стакан воды принес Нэнси.

— На. — Дейк старался сохранять дистанцию. — Это тебе поможет.

— Да, да, — ответила она. Затем едва слышно добавила: — Ты, конечно, считаешь меня дурочкой.

Игровой зал на автобусной станции "Грейхаунд" был почти пуст. Одинокий четырнадцатилетний подросток, открыв рот, склонился над консолью, маневрируя радужными флотилиями подводных лодок в сумрачных глубинах Северной Атлантики.

Неторопливо вошел Дейк и прислонился к зеленой кафельной стене. Он был одет соответственно моменту: отмыл краску от своей робы, раздобыл в благотворительной конторе джинсы и футболку и позаимствовал в раздевалке при сауне пару крепких башмаков.

— Не видел Крошку, приятель?

Подводные лодки метались, как неоновые гуппи.

— Смотря кто его спрашивает.

Дейк коснулся "Батанга" за левым ухом. Прямо над консолью скользнул быстрый и изящный, как стрекоза, "спад". Самолетик был прекрасен: такой совершенный, такой реальный, что комната казалась иллюзией. Дейк приподнял аэроплан и провел его в миллиметре от стекла.

Парень даже бровью не повел.

— Он в "Джекмане", — сказал он. — Это на Ричмондском шоссе, над "излишками".

Дейк позволил "спаду" растаять прямо во время набора высоты.

"Джекман" занимал почти весь третий этаж старого

кирпичного дома. Сначала Дейк нашел "Дешевую распродажу армейских излишков", а затем побитую неоновую вывеску над неосвещенным коридором. Тротуар перед фасадом заполняли излишки совсем иного рода — изувеченные ветераны. Некоторые воевали еще в Индокитае. Старики, потерявшие глаза под азиатским солнцем, сидели бок о бок с трясущимися мальчишками, которые нанюхались микотоксинов в Чили. Дейк почувствовал сильное облегчение, когда за ним мягко закрылись двери лифта.

Пыльные часы "Доктор Пеппер" в дальнем конце длинной призрачной комнаты показывали четверть восьмого. "Джекман", подернутый желтоватым налетом никотина, пропитанный запахами политуры и бриолина, оставался таким же, как и за двадцать лет до рождения Дейка. Прямо под часами висела любительская фотография — с нее смотрели тусклые глаза оленя, подстреленного чьим-то дедушкой. Раздавались удары, стук бильярдных шаров и шарканье ботинок по линолеуму — это кто-то из игроков наклонялся для удара. Откуда-то сверху, из-за зеленых абажуров, на тонкой нити, усеянной бумажными рождественскими колокольчиками, свешивалась мертвая роза. Дейк оглядел захламленную комнату. Никакого визуализатора.

— Еще кого-то принесло, — раздался чей-то голос.

Дейк обернулся и встретился со спокойным взглядом лысого человека в стальных очках.

— Меня зовут Клайн. Бобби Граф. Ты не похож на любителя погонять шары, мистер.

Ни в позе, ни в голосе Бобби Графа не было ничего угрожающего. Он снял с носа очки и протер толстые линзы. Он напоминал продавца, который когда-то пытался научить Дейка пользоваться устаревшей биокомпьютерной установкой.

— Я играю на деньги, — улыбаясь, продолжал Бобби. У него были белые пластмассовые зубы. — Я знаю, что не очень-то похож.

— Я ищу Крошку, — сказал Дейк,

— А-а, — Граф водрузил на нос очки. — Его здесь нет. Он отправился к себе, чтобы ему почистили гальюн. Но он все равно не стал бы с тобой летать.

— Почему?

— Да потому, что ты не из нашей компании, иначе я бы знал тебя в лицо. Кто-нибудь другой подойдет? — Дейк кивнул, и Бобби Граф крикнул кому-то в глубине зала: — Эй! Кларенс! Выноси визуализатор! К нам пришел летун.

Двадцать минут спустя, потеряв не только наличность, но и "Батанг", Дейк шагал мимо изувеченных солдат из "Дешевой

распродажи".

— А теперь я скажу тебе кое-что, парень, — отечески произнес Бобби Граф, когда, обнимая Дейка за плечи, провожал его к лифту. — Тебе не выиграть у настоящих ветеранов, слышишь? Я не особенно хорош всего-навсего старый морпех, побывавший в переделках пятнадцать, может, двадцать раз. А старина Крошка, он — пилот. Он всю службу провел в боях. У него водянка, ему по-настоящему плохо… И не старайся его победить.

Была прохладная ночь. Но Дейк пылал от гнева и унижения.

— Господи, примитив какой, — заметила Нэнси, когда "спад" обстрелял груды розового белья. Дейк закашлялся от злости и сорвал с головы ее шикарное устройство дистанционного управления фирмы "Браун".

— Так, может, ты разберешься и с моим делом, мисс богатая сучка, которая-собирается-получить-работенку…

— Послушай! Это не от тебя зависит: просто твоя игрушка — обычная штамповка. У тебя совершенно примитивная дискета. Может, на улице такой уровень и сойдет. Но по сравнению с моей работой — это тьфу. Давай я ее тебе перепишу.

— Что перепишешь?

— Твою программу. Эти дешевки пишут шестнадцатеричным кодом, потому что промышленные программисты — смирившиеся компьютерные неудачники. Они так думают. Дай мне дискету, я ее проанализирую, отредактирую, внесу изменения и переведу на современный язык. Уберу все лишние переходы. Это подгонит систему и уменьшит цикл вдвое. Поэтому ты сможешь летать быстрее и лучше. Я сделаю из тебя настоящего профессионала. Аса!

Нэнси схватила ведро и ударила в него, как в барабан. Расхохоталась, а потом закашлялась.

— Это можно? — не веря своим ушам, поинтересовался Дейк.

— Как, по-твоему, почему люди покупают устройства с золотыми контактами? Ради престижа? Черта с два! Высокая проводимость на несколько наносекунд ускоряет реакцию. Скорость реакции — вот правильное название игры, дружок!

— Нет, — упорствовал Дейк. — Если бы все было так просто, то у всех давно уже были бы такие фиговины. И у Крошки Монтгомери была бы. У него давно все самое лучшее.

— Ты будешь слушать? — Нэнси резко поставила помойное ведро, грязная вода выплеснулась на пол. — Оборудование, на котором я работаю, на три года обогнало все, что можно найти на улице.

— Не заливай, — сказал Дейк после длительной паузы. — Ты

действительно можешь это сделать?

Новая программа отличалась от предыдущей, примерно, как "форд" двадцатых годов от девяносто третьего "лотоса". "Спад" повиновался, как во сне, слушаясь тончайших мозговых импульсов. За несколько недель Дейк научился лихо выполнять фигуры высшего пилотажа. Он летал с местными подростками — и одиночными самолетами, и тройками, и каждый раз неизменно побеждал. Дейк испытывал судьбу. А аэропланы все кружились в воздухе…

Однажды, когда Дейк прятал очередной выигрыш, от стены отделился долговязый негр. Он поглядел на бумажки в руках Дейка и презрительно ухмыльнулся. Сверкнул рубиновый зуб.

— Знаешь, — сказал негр, — услышал я, что здесь завелся некий умник, который умеет летать, но забавляется с детишками…

— Господи, — произнес Дейк, намазывая масло на кусок хлеба из водорослей, — я пол вытер этими гавриками. А они тоже хорошие пилоты.

— Чудно-чудно, дорогуша, — пробормотала Нэнси. Она работала над дипломом и как раз вводила данные в машину.

— Знаешь, я думаю, что у меня настоящий талант на подобное дерьмо. Я имею в виду, программа действительно расширила мои возможности, но ведь я и сам парень не промах. Я и вправду здорово напрактиковался, понимаешь?

Машинальным движением Дейк включил радио. Наглой медью завыл диксиленд.

— Эй, — запротестовала Нэнси. — Ты соображаешь? Я же работаю.

— Да я только… — Он повертел ручку, и из приемника полилась какая-то медленная романтическая гадость. — Вот. Ну, вставай. Давай потанцуем.

— Ты же знаешь, я не могу…

— Конечно, можешь, солнышко.

Он бросил ей огромного плюшевого медведя, а сам подхватил с пола платье, пошитое из лоскутов. Зажал воротник под подбородком и взял платье за пояс и за рукав. Платье пахло пачули и — чуть-чуть — потом.

— Смотри. Я стою здесь — ты стоишь там. Мы танцуем. Идет?

Смущенно моргая, Нэнси встала и крепко прижала к себе медведя. А потом они медленно танцевали, глядя друг другу в глаза. Вскоре она заплакала. Но при этом улыбалась.

Дейк грезил наяву, воображая себя Крошкой Монтгомери, проводами связанным с истребителем вертикального взлета. Малейшие нервные импульсы передавались машине, рефлексы

ускорились и изменились, а по сосудам растекался стимулятор.

Пол в комнате Нэнси стал джунглями, кровать — плато в Андском нагорье. Дейк форсировал скорость "спада", как будто это была начиненная электроникой боевая машина.

Компьютеризованное чудо управляется слабыми сигналами, идущими от мощного усилителя, который связан с системой кровообращения пилота. Датчики вживлены прямо в голову — и, закладывая виражи в зелено-голубых небесах над тропическими лесами Боливии, Крошка будто чувствует воздушный поток, который обтекает управляющие плоскости истребителя.

Внизу сквозь джунгли продирается пехота. У солдат над локтем укреплены инъекторы — для того чтобы придать им в бою ярость обреченных, — жидкий ад в голубом пластмассовом пузырьке. Вероятно, за десять минут они получили недельную дозу "дряни". Полет над самыми верхушками деревьев требует неимоверного нервного напряжения, зато наземные войска могут подстрелить тебя только прямо над собой. Но тогда уже поздно, сбрасываются фосгеновые бомбы, и самолет улетает еще до того, как его успевают взять на мушку… конечно, поэтому требуется постоянный приток стимулятора в организм. Да и прямой нейронный интерфейс с самолетом работает в обе стороны. Не только вы управляете самолетом, но и бортовые компьютеры вмешиваются в биохимические процессы, отслеживая, когда необходимо включить человеческий компонент в убийственное напряжение боя.

А такие дозы проедают в тебе дыры. Медленно, непрерывно… наверняка… Гравируют извилины мозга, стирая межклеточные мембраны. И если тебя вовремя не сдернут с небес, то кончишь разжижением мозгов. Только вот реакции останутся слишком быстрыми, чтобы тело могло с ними управляться, а рефлекс "стреляй-беги" вбит в тебя слишком прочно…

— Эй, работяга, мне повезло!

— А? Что? — Дейк вздрогнул.

Громко хлопнув дверью, вошла Нэнси и швырнула сумку на ближайшую кучу.

— Мой проект. Меня освободили от экзаменов. Проф сказал, что никогда не видел ничего подобного. Ох, убери яркость, а? Эти краски глаза режут.

Дейк подчинился.

— Ну, покажи. Продемонстрируй свое творение.

— Ладно. — Девушка взяла у него "Браун", освободила место на кровати и приготовилась. Внутри голубого пламени, спокойно мерцавшего на ее ладони, вспыхнула яркая искра и выросла в змейку с треугольной головой и беспрерывно высовывающимся

язычком. Змейка серебристой молнией метнулась по руке, обвилась вокруг шеи, переливаясь красным и оранжевым, а затем заскользила между грудей.

— Я назвала ее "огненная змейка", — гордо сказала Нэнси. Дейк приблизился, она отпрянула.

— Извини. Она вроде твоего пламени, да? То есть она тоже из крошечных человечков?

— Вроде того. — "Огненная змейка" перетекла на живот. — В следующем месяце я собираюсь свести в единую программу двести подпрограмм типа пламени. Потом я сделаю их самофокусирующимися. Поэтому они смогут крутиться вокруг тебя сами по себе. С ними можно будет справиться даже в танце.

— Может, я болван, но если ты еще не сделала работу, как я могу ее видеть?

Нэнси захихикала:

— Это лучшая часть — полработы еще не готово. У меня не было времени собрать куски в одну программу. Включи радио, а? Я хочу потанцевать.

Она сбросила туфли. Дейк врубил какую-то попсу. Нэнси запротестовала, и он убавил громкость почти до шепота.

— Я раздобыла две дозы "дряни". Смотри. — Она вскочила на кровать и сплела руки, как балийская танцовщица. — Ты когда-нибудь это пробовал? Невероятно! Дает ощущение полной концентрации. Смотри. — Она встала на пуанты. — Никогда раньше такого не делала!

— "Дрянь", — произнес Дейк. — Последний человек, от которого я слышал это слово, провел три года в пехоте. Где ты ее взяла?

— Помогала одной ветеранше из выпускного класса. Но ее вытурили в прошлом месяце. Это активизировало мое воображение. Я могу с закрытыми глазами представить проект во всех деталях. И полностью достроить программу в голове.

— На двух дозах, да?

— На одной. Другую я берегу. На профа это произвело такое впечатление, что он хочет организовать мне собеседование с работодателем. Через две недели в колледж приедет представитель "ИГ Фойхтварен". И этот друг собирается запродать ему программу вместе со мной Я, таким образом, закончу колледж на два года раньше, сразу получу работу, не буду ходить в эту тюрьму и сэкономлю двести долларов.

Змейка свернулась на ее голове в огненную корону. У Дейка появилось предчувствие, что он теряет Нэнси.

— Я ведьма, — распевала Нэнси, — ведьма программирования.

Она стянула рубашку через голову и откинула прочь. Красивая высокая грудь двигалась вольно и изящно.

— Я пойду-у-у… — теперь она распевала очередной хит, — к верши-и-не!

Соски были маленькие, розовые и твердые. Огненная змейка касалась их и отползала в сторону.

— Эй, Нэнси, — смущенно сказал Дейк. — Поостынь-ка, а?

— У меня праздник! — она сунула большой палец в блестящие золотые трусики. Огонь завертелся вокруг руки.

— Я богиня-девственница, у меня си-и-ила! — снова запела она.

Дейк отвернулся.

— Я домой, — смущенно пробормотал он. Домой и сваливать, да побыстрее. Он гадал, где она могла спрятать вторую дозу.

Да где угодно.

В их компании существовали свои церемониальные правила — точь-в-точь как при дворе китайского императора, — и своя система иерархии. Неважно, что Дейк стал крутым, что слава его разнеслась как пожар. Одного лишь звания летуна не хватало, чтобы сразиться с тем, с кем он хотел. Ему было необходимо постепенно поднимать свой рейтинг. Но если летать каждый вечер, если летать со всеми подряд. И если летать хорошо… можно быстро достичь успеха.

У Дейка был перевес в один самолет. Обычный турнирный бой, трое на трое. Зрителей было немного, может, дюжина, но бой был хорош, и зрители шумели. Дейком овладело маниакальное спокойствие бойца — и вдруг он понял, что в зале наступила тишина. Он заметил, что болельщики засуетились и стали перемигиваться. Они смотрели не на него. Дейк хладнокровно разделался со вторым аэропланом противника, а затем рискнул быстро взглянуть через плечо.

В "Джекмане" появился Крошка Монтгомери. Каталка, направлявшаяся слабыми движениями почти парализованной руки, прошуршала по бурому линолеуму. Лицо Крошки оставалось строгим, невозмутимым, спокойным. В этот момент Дейк потерял два аэроплана. Один по рассеянности — как только ослабло внимание, аэроплан мгновенно расплылся в мутное пятно и визуализатор его потерял, а второй потому, что его противник был настоящим бойцом. Чтобы погасить скорость и уйти в сторону, парень сделал "бочку" и, когда преследовавший самолет пронесся мимо, расстрелял вражеский биплан. Самолет упал, объятый пламенем. Оставшиеся два аэроплана начали терять высоту и скорость. Стараясь занять выгодную позицию,

они начали выделывать фигуры высшего пилотажа.

Болельщики расступились, и Крошка подъехал к столу. За коляской притащился долговязый Бобби Граф Клайн. Дейк и его противник, обменявшись быстрыми взглядами, увели самолеты подальше, чтобы выслушать Крошку. Тот улыбался. Его маленькие глазки, нос и рот теснились посреди бледного рыхлого лица. Палец слабо постукивал по хромированному подлокотнику.

— Я слышал о тебе. — Он смотрел прямо на Дейка. У него был нежный и потрясающе приятный голос маленькой девочки. — Я слышал, ты хороший боец.

Дейк медленно кивнул. С лица Крошки исчезла улыбка. Его мягкие пухлые губы сложились в трубочку, будто ожидали поцелуя. Маленькие яркие глазки беззлобно изучали Дейка.

— Что ж, давай посмотрим, что ты умеешь.

Дейк отдался холодному духу войны. А когда враг, охваченный огнем и дымом, взорвался над столом и исчез, Крошка безмолвно развернулся, вкатил кресло в лифт и уехал.

Когда Дейк собирал свой выигрыш, к нему подошел Бобби Граф и сказал:

— Он хочет с тобой сыграть.

— Да? — среди местных летунов Дейка еще не считали настолько хорошим пилотом, чтобы сражаться с Крошкой. — Что за треп?

— Завтра с Крошкой должен был сразиться человек из Атланты, но он не приехал. А старина Крошка хочет сыграть с кем-нибудь новеньким. Получается, что тебе завтра предстоит побороться за "Макс".

— Завтра? В среду? Даже времени мне на подготовку не дает!

Бобби Граф снисходительно улыбнулся:

— Не думаю, что есть какая-то разница.

— Как так, мистер Граф?

— Парень, ты просто не сечешь. Слышишь? Ты же ничего нового не выкинешь. Ты летаешь как новичок, только быстрее и глаже. Догадываешься, что я хочу сказать?

— Правду сказать, не очень. Вы хотите на этом подзаработать?

— Точно, — сказал Клайн. — Надеюсь.

Он вытащил из кармана черную записную книжечку и послюнявил карандаш.

— Даю тебе пять к одному. Все равно никто не даст тебе больше.

Он смотрел на Дейка почти с жалостью.

— А Крошка, он по природе лучше, чем ты, а против природы не попрешь, мальчик. Крошка живет только благодаря этой

чертовой игре. Он же не может встать с этой проклятой каталки. И если ты думаешь, что можешь победить человека, борющегося за жизнь, — ты лжешь самому себе.

"Портрет полковника" работы Нормана Рокуэлла бесстрастно взирал на Дейка из "Кентукки Фреда" с противоположной стороны улицы. Дейк сидел в кафе и трясущимися холодными руками держал чашку. Голова гудела от усталости. "Клайн прав, — сказал он полковнику, — я могу сразиться с Крошкой, но не смогу выиграть". Полковник смотрел спокойно, ровно и не особенно добродушно, охватывая взглядом и кафе, и "Дешевую распродажу", и все это засранное королевство Ричмондского шоссе. Полковник ждал, когда Дейк примирится с ужасной вещью, которую вынужден будет сделать.

— Все равно эта сучка меня бросит, — громко произнес Дейк. Чернокожая продавщица кинула на него веселый взгляд и отвернулась.

— Звонил папочка! — Нэнси, танцуя, вошла в комнату и захлопнула за собой дверь. — Знаешь что? Он сказал, что, если я получу работу и проработаю полгода, меня раскодируют. Представляешь, Дейк? — Она запнулась. — Ты чего?

Дейк встал. Теперь, когда настал нужный момент, он чувствовал, что все вокруг нереально, как на киноэкране.

— Как это вышло, что ты не пришел вчера домой? — спросила Нэнси.

Кожа на его лице натянулась неестественно, как пергаментная маска.

— Где ты заначила "дрянь", Нэнси? Она мне нужна.

— Дейк, — она искательно улыбнулась, но улыбка мгновенно исчезла. Дейк, это мое. Моя доза. Мне надо. Для собеседования.

Он презрительно улыбнулся:

— У тебя есть деньги. Еще надыбаешь.

— Не к пятнице! Слушай, Дейк, это, правда, важно. Моя жизнь зависит от этого собеседования. Мне страшно нужна "дрянь". Это все, что я смогла достать!

— Детка, это блядский мир, в котором ты живешь! Взгляни вокруг: шесть унций светлого ливанского хаша! Консервированные анчоусы. А если приперло полная медицинская страховка. — Она пятилась от него, спотыкаясь о неподвижные волны грязного белья и мятых журналов, которые вздымались в футе от кровати. — А я всего этого и в глаза не видел. Мне всегда не хватало злости, чтобы жить среди вас. А на этот раз все будет по-моему. Через два часа игра, и я его по стенке размажу.

Дейк вгонял себя в ярость. Это было хорошо. Ему нужна была

ярость.

Нэнси выбросила руку ладонью вперед, но Дейк был готов к этому — он отбил ладонь, стараясь даже мельком не глянуть в темный туннель с маленькими красными глазками. Они оба упали, Дейк оказался над девушкой. Он чувствовал на лице горячее торопливое дыхание.

— Дейк! Дейк! Мне очень нужно! Дейк!.. Мое собеседование… это только… я должна… должна… — она отвернулась и заплакала в стенку. Пожалуйста… Господи, пожалуйста… не надо…

— Куда ты ее спрятала?

Прижатая к кровати его телом, Нэнси забилась в судороге. Все ее тело тряслось от боли и страха.

— Где она?

Ее обескровленное лицо стало серой плотью трупа, в глазах застыл ужас. Губы тряслись в безумном страхе. Он преступил грань, слишком поздно отступать. Дейк чувствовал отвращение и тошноту, тем более что на неожиданном и нежеланном уровне все это ему нравилось.

— Где она, Нэнси? — и он медленно, очень нежно, стал гладить ее лицо.

Палец Дейка взметнулся стремительно, как оса, и изящной бабочкой опустился на кнопку лифта в "Джекмане". Дейка переполняла упругая энергия, и эта энергия была под контролем. В лифте он стянул темные очки и порадовался своему отражению в захватанной хромированной поверхности. Зрачки стали, как булавочные уколы, почти невидимыми, но мир оставался неоново-ярким.

Крошка уже ждал. Он увидел радужки Дейка, преувеличенное спокойствие движений, безуспешные попытки подражать трезвой неуклюжести. Губы инвалида сложились в сладкую улыбочку.

— Ну, — сказал Крошка своим девчоночьим голосом, — похоже, меня ждет угощенье.

"Макс" висел на одной из трубок кресла. Дейк занял свое место и поклонился — чуть-чуть насмешливо.

— Полетели!

Как претендент, он защищался. Дейк материализовал аэропланы на безопасной высоте: достаточно высоко, чтобы спикировать, и достаточно низко, чтобы спастись от атак Крошки. Он выжидал.

Его окружила толпа. Толстяк с набриолиненными волосами уставился на него с испугом, работяга с ввалившимися глазами пытался улыбнуться. Шепот усиливался. Заторможенный взгляд медленно скользил по головам зрителей. Примерно три

наносекунды, чтобы определить источник атаки. Дейк вскинул голову и…

Сукин сын! Дейк ослеп. "Фоккеры" пикировали прямо от двухсотваттной лампы. Крошка обвел его вокруг пальца, заставив глядеть прямо на нее. В глазах побелело. Дейк зажмурился, сдерживая хлынувшие слезы, и неистово продолжал бой. Он разделил свое звено, развернув два биплана направо, а один налево. Все аэропланы резко завалились на крыло, но выровнялись. Дейку приходилось уворачиваться наугад — он не знал, где находятся боевые птицы врага.

Крошка захихикал, Дейк слышал его сквозь шум толпы. Синкопы одобрений, проклятий, звона монет, казалось, вздымались волнами независимо от приливов и отливов дуэли.

Спустя мгновение к нему вернулось зрение, но объятый пламенем "спад" падал. Два "фоккера" преследовали один из уцелевших аэропланов, а третий гнался за другим. Всего три секунды боя, а он уже потерял один самолет.

Уворачиваясь от игольчатых трассеров, Дейк вогнал один аэроплан в мертвую петлю, а другой направил к слепому пятну между Крошкой и лампой.

Лицо Крошки стало бесстрастным. Легкая тень разочарования, даже презрения, растворилась в напряженном спокойствии. Он неторопливо вел самолеты, выжидая, когда Дейк развернется.

"Спад" Дейка вынырнул из слепого пятна и кинулся в атаку; отстреливаясь, "фоккеры" бросились в отчаянные виражи и закрутились, пытаясь восстановить позиции.

"Спад" спикировал на третий "фоккер" и вытолкнул его под огонь другого аэроплана Дейка. Пламя лизнуло крылья и пурпурный фюзеляж. Ничего не случилось, и на какое-то мгновение Дейк даже подумал, что промахнулся. Но маленькая красная стрекоза крутанулась влево и, оставляя черный хвост жирного дыма, пошла вниз.

Крошка нахмурился, вокруг его рта появились чуть заметные морщинки неудовольствия. Дейк улыбнулся. Он сбил самолет, несмотря на превосходящие силы Крошки.

Но у "спадов" "на хвосте" висели противники, Дейк развел свои аэропланы по разные стороны стола и развернул. Он направил их навстречу друг другу, нейтрализуя Крошкино преимущество… но никто не мог стрелять, не рискуя собственными самолетами. Направляя машины нос к носу, Дейк разогнал их до предела.

За миг до катастрофы он послал аэропланы один выше другого, уворачиваясь и одновременно открывая по "фоккерам"

огонь. Но Крошка был готов к маневру. Воздух наполнили трассы очередей, Два аэроплана — голубой и красный — свободно разлетелись в разные стороны. Позади них высоко в воздухе сплелись два других. Они столкнулись крыльями, завертелись и почти отвесно упали на зеленый войлок.

Десять секунд и четыре сбитых самолета. Негр-ветеран поджал губы и тихонько присвистнул. Кто-то с недоверием покачал головой.

Крошка, выпрямившись и чуть подавшись вперед, сидел в кресле-каталке напряженный немигающий взгляд, дряблые руки слабо ухватились за поручни. Для него не существовало больше это забавляющееся и безразличное дерьмо, его внимание приковала к себе игра. Болельщики, стол, даже "Джекман" — для него это не существовало. Бобби Граф положил Крошке руку на плечо, но тот не заметил. Аэропланы разошлись в противоположные стороны и упорно набирали высоту. Дейк прижимал свою машину к потолку, почти неразличимому в туманной дымке. Он быстро глянул на Крошку. Их взгляды встретились. Холод против холода.

— Покажи, на что ты способен, — процедил Дейк сквозь зубы.

Самолеты бросились в атаку одновременно.

Действие наркотика ослабло, и Дейк увидел рассекающие воздух трассеры вражеского самолета. Надо было вывести "спад" на линию огня, дать очередь, сразу же развернуться и сделать вираж, чтобы уклониться от огня "фоккера". Крошка так разошелся, что, уклоняясь от выстрелов Дейка, едва не задел шасси "спада".

Галлюцинации начались, когда Дейк вел свой "спад" в очень рискованном вираже. Зеленый войлок стола задрожал, завертелся — и стал зеленым адом боливийской сельвы, над которой воевал Крошка. Стены отступили в серую бесконечность, он почувствовал сомкнувшуюся вокруг тесную металлическую скорлупу истребителя.

Но Дейк все это предвидел. Он ждал галлюцинаций и знал, что с ними нужно делать. Военные никогда не пропустят наркотик, лишающий боеспособности. "Спад" и "фоккер" разворачивались для следующей атаки. Дейк читал в лице Крошки Монтгомери напряжение — эхо давних сражений в высоком небе над джунглями. Они одновременно повели самолеты, чувствуя динамические перегрузки корпуса, что передавались сенсорами прямо в затылочную часть мозга, адреналиновый инъектор, прикрепленный над локтем, холодную, быструю свободу воздушного потока вокруг плоскостей истребителей, пахнущих горячим металлом, потом и страхом.

Мимо лица Дейка пронеслись трассеры, он отпрянул, глядя, как его "спад" взмыл свечкой, едва не столкнувшись с "фоккером". Болельщики взбесились, они махали шапками и топали ногами как одержимые. Дейк снова поймал взгляд Крошки.

Он почувствовал, как на него накатывает подлая волна. И хотя каждый нерв был натянут, как усики из кристаллического углерода, которые не давали истребителю развалиться на части в суперменских виражах над Андами, он выдал небрежную улыбку и подмигнул, чуть дернув головой в сторону, будто говоря: "Глянь-ка сюда".

Крошка отвел глаза.

Он отвлекся всего на долю секунды, но этого хватило. На пределе теоретического допуска Дейк совершил такой короткий и стремительный "иммельман", который вряд ли видели окрестные пилоты, и повис у Крошки на хвосте.

Посмотрим, как ты выпутаешься, простофиля.

Крошка рванул аэроплан вниз, прямо к зелени, но Дейк от него не отставал. Он не торопился открывать огонь. Он мог прикончить Крошку везде, где вздумается.

Погоня. Точно такая же, как в бою. Погоня пугала, хотя, возможно, и была веселым и захватывающим занятием. Аэропланы снизились над войлоком, как над верхушками деревьев. "Разобьемся", — подумал Дейк и сбавил скорость. Краем глаза он заметил Бобби Клайна, забавное выражение его лица. Умоляющее. Спокойствие Крошки было сломлено. Его дергающееся лицо было искажено мучением.

Теперь Крошка запаниковал и направил самолет в толпу. Бипланы петляли и вились среди болельщиков. Одни невольно отшатывались, а другие со смехом прихлопывали их ладонями. В глазах Крошки отражался безумный ужас, говорящий о преисподней страха и безысходности, двух лезвиях, бесконечно распиливающих друг друга…

Страх в полете был смертью, безысходность — заключением в металл, сначала в кабине самолета, а потом в инвалидном кресле. По лицу Крошки Дейк читал, что бой — единственное, что еще у него оставалось, но он уже использовал все свои шансы. С тех пор как какой-то безымянный герильеро с древней ракетной установкой на плече сбросил его с сине-зеленого боливийского неба прямо на Ричмондское шоссе, в "Джекман", к мальчишке-убийце, улыбающемуся над вытертым сукном — и эта улыбка будет последним видением в его жизни.

Дейк привстал на цыпочки. На его лице сияла улыбка в миллион долларов. Эта улыбка была торговой маркой наркотика, который сжег Крошку еще до того, как кто-нибудь побеспокоился

бы превратить его в горячее месиво из металла и изувеченной плоти. Все сошлось. Дейк увидел, что полет был всем, что держало Крошку. Ежедневно касаниями пальцев он боролся со смертью, восставал из металлического гроба… снова живым… Крошка избегал гибели только силой воли. Сломай эту волю — смерть выльется и затопит его. Калека страстно желал наклониться и вырваться из своего круга…

И Дейк довел это желание до конца…

Когда последний аэроплан Крошки исчез во вспышке света, наступила оглушительная тишина.

— Я выиграл, — прошептал Дейк. И громче: — Сукин сын! Я выиграл!

С другой стороны стола в своем кресле извивался Крошка: руки судорожно хватали воздух, голова свесилась на плечо. Из-за его спины на Дейка горящими углями глаз смотрел Бобби Граф.

Рефери сорвал "Макс" и обернул его лентой кучу бумажек. Без предупреждения бросил пачку в лицо Дейку. Тот легко и небрежно поймал ее на лету.

Мгновение казалось, что Клайн бросится на Дейка, прямо через стол. Его остановило подергивание за рукав.

— Бобби Граф, — прерывисто от унижения прошептал Крошка, — увези меня… отсюда…

Зло задыхаясь, Клайн развернул друга и покатил из зала… во тьму…

Дейк откинул голову и засмеялся. Ей-богу, он отлично себя чувствовал! Холодный "Макс" приятно оттягивал карман рубашки. Деньги он сунул в джинсы. Он готов был прыгать от счастья. Радость вырывалась из него, как прекрасный и сильный зверь, которого он видел как-то раз из окна автобуса. Из-за этого на мгновенье показалось, что боль и страдания, через которые он прошел, стоили последней победы.

Но "Джекман" затих. Никто не аплодировал. Никто не окружал, чтобы поздравить его с победой. Дейк умолк и настороженно повел глазами: вокруг были одни враждебные лица. Никто из болельщиков не был на его стороне. Они излучали презрение, даже ненависть. Бесконечно долгий миг воздух дрожал от возможного насилия… затем кто-то отвернулся, откашлялся и сплюнул на пол. Толпа распалась. Переговариваясь, один за другим, они растворились в темноте.

Дейк не шевелился. На ноге стала дергаться мышца — предвестник "ломки". Онемела макушка, во рту появился мерзкий привкус. На секунду Дейк обеими руками вцепился в стол, чтобы не упасть навеки вниз, в живую тень, копошащуюся под ним, когда его насквозь пронзил мертвый взгляд оленя с фотографии

под часами.

Немножко адреналина — это его вытащит. Ему нужен праздник. Напиться до бесчувствия и рассказывать друзьям о своей победе, противоречить самому себе, выдумывать подробности, смеяться и хвастать. Такая звездная ночь, как эта, требовала долгой беседы.

Но, стоя среди безмолвия и безбрежной пустоты "Джекмана", Дейк вдруг осознал, что не осталось никого, кому он мог бы все это рассказать.

Совсем никого.

Сожжение Хром

Той ночью, когда мы сожгли Хром, стояла жара. Снаружи, на улицах и площадях, было светло как днем, вьющиеся вокруг неоновых ламп мотыльки бились насмерть об их горячие стекла. А на чердаке у Бобби царил полумрак, светился лишь экран монитора да зеленые и красные индикаторы на панели матричного симулятора. Каждый чип в симуляторе Бобби я чувствую сердцем: с виду это самый обыкновенный "Оно-Сендай VII", а попросту "Киберспейс-семерка", но я столько раз его переделывал, что вам пришлось бы порядочно попотеть, чтобы найти хоть каплю фабричной работы во всей этой груде кремния.

Мы сидели перед панелью симулятора и ждали, наблюдая, как в нижнем левом углу экрана таймер отсчитывает секунды.

— Давай, — выдохнул я, когда подошло время. Но Бобби был уже наготове, он весь подался вперед, чтобы резким движением ладони ввести русскую программу в паз. Он проделал это легко и изящно, с уверенностью мальчишки, загоняющего в игровой автомат монеты, который знает — победа будет за ним и бесплатная игра обеспечена.

В глазах закипела серебряная струя фосфенов и, словно трехмерная шахматная доска, в голове у меня стала разворачиваться матрица бесконечная и абсолютно прозрачная. Когда мы вошли в сеть, русская программа как будто слегка подпрыгнула. Если бы кто-то другой мог сейчас подключиться к этой части матрицы, он увидел бы, как из маленькой желтой пирамиды, представляющей наш компьютер, выкатился пенистый вал, сотканный из дрожащей тени. Программа была оружием-хамелеоном, она подстраивалась под локальные изменения цвета и тем самым прокладывала себе дорогу в любой встречающейся на ее пути среде.

— Поздравляю, — услышал я голос Бобби. — Только что мы стали служебным запросом по линии Ядерной Комиссии Восточного Побережья…

Если образно — мы, как пожарная машина с ревущей вовсю сиреной, неслись по волоконно-оптическим линиям-магистралям, пронизывающим кибернетическое пространство; а по сути — для нас, вошедших в компьютерную матрицу, открывался прямой путь к базе данных Хром. Я еще не мог разглядеть самой этой базы, но уже чувствовал, как замерли в ожидании стены, которые ее окружали. Стены из тени. Стены из льда.

Хром: кукольное лицо ребенка, гладкое, словно отлитое из стали, и глаза, которым место разве что на дне глубоководной

Атлантической впадины, — серые холодные глаза, посаженные будто под страшным давлением.

Поговаривали, что всякому, кто перебегал ей дорогу, она в лучших средневековых традициях готовила смертельный отвар — отведавший его умирал не сразу, а лишь годы и годы спустя. Вообще, о Хром много чего болтали, и во всех этих рассказах приятного было мало.

Поэтому я погнал ее из сознания вон и представил перед собой Рикки.

Рикки, склонившуюся в луче дымного солнечного света, искаженного сеткой из стали и стекла, в выгоревшей защитной куртке военного образца, в розовых прозрачных сандалиях. Представил, как она изгибает обнаженную спину, когда роется в своей спортивной сумке из нейлона. Вот она поднимает глаза, и белокурый локон, падая, щекочет ей нос. Улыбаясь, она застегивает на пуговицы старую рубашку Бобби — землистый выцветший хлопок, едва прикрывающий ее грудь.

Она улыбается.

— Сукин сын, — пробормотал Бобби. — Мы только что сообщили Хром, что мы — ревизоры Службы Налоговой Инспекции, и выдали ей три повестки из Верховного Суда… Пускай подотрется, Джек…

"Прощай, Рикки. Быть может, больше мы никогда не увидимся".

И темнота, одна темнота в ледяной крепости Хром.

* * *

Он был ковбоем, мой Бобби, ковбоем, оседлавшим компьютер. Он не мыслил свою жизнь без игры, той опасной игры со льдом, которым Электронная Защита Против Вторжения укрывает источники информации. Матрица по сути абстрактное представление взаимоотношений различных информационных систем.

Для законного программиста, когда он подключается к сектору своего хозяина, информация корпорации представляется в виде сверкающих геометрических построений, которые его окружают.

Башни ее и поля, разбросанные в бесцветном псевдопространстве симуляционной матрицы — всего лишь электронная видимость, облегчающая процесс управления и обмен огромными объемами данных. Законным программистам дела нет до тех стен из льда, позади которых они работают, стен

тьмы, которые скрывают их операции от других — артистов индустриального шпионажа и деловых ребят вроде Бобби Квинна.

Бобби был ковбоем. Он был хакером, вором-взломщиком, потрошившим разветвленную электронную нервную систему человечества. Он присваивал информацию и кредиты в переполненной матрице, монохромном псевдопространстве, где, как редкие звезды во тьме, светились плотные сгустки данных, мерцали галактики корпораций и отсвечивали холодным блеском спирали военных систем.

Бобби был одним из тех потерявшихся во времени лиц, которых всегда застанешь за выпивкой в "Джентльмене-Неудачнике", популярном в городе баре, пристанище для электронных ковбоев, дельцов и прочих ребят, хоть каким-то боком связанных с кибернетикой.

Мы были партнерами.

Бобби Квинн и Автомат-Джек. Бобби — вечно в темных очках, худощавый, бледный красавчик, и Джек — зловещего вида парень, да еще в придачу и с нейроэлектрической рукой. Бобби — обеспечивает программу, Джек — "железо".

Бобби шлепает по консоли пульта, Джек устраивает все эти маленькие штучки, без которых не обскачешь других. Так или почти так услышали бы вы все это от зрителей в "Джентльмене-Неудачнике", если бы вам случилось туда заглянуть в ту пору, когда Бобби и не думал о Хром. Они бы не преминули добавить, что Бобби уже не тот, темпы падают и найдется кое-кто из ребят, за которыми ему не угнаться. Ему было уже двадцать восемь — для электронного ковбоя это почти что старость.

В своем деле мы были мастерами. Но почему-то по-настоящему большая удача — та, которая приходит лишь раз, — обходила нас стороной. Я знал, куда сунуться, чтобы достать нужное оборудование, и Бобби всегда был в ударе. Он мог сидеть, откинувшись, перед пультом — белая бархатная полоска пересекает лоб — и, пробивая себе дорогу сквозь самый крутейший лед, какой только бывает в бизнесе, выстреливать клавишами быстрее, чем мог уследить глаз. Но чтобы такое случилось, должно было произойти нечто, что только одно и могло заставить его выложиться на полную. А такое бывало не часто.

По совести говоря, мы с Бобби — ребята неприхотливые. Уплаченная вовремя рента, чистая рубашка на теле — большего мы от жизни не требовали. А что до высоких материй, то нам до них дела не было.

Лично для Бобби единственной в жизни картой, к которой он относился всерьез, — была очередная любовь. Впрочем, на эту

тему мы с ним не разговаривали никогда. И тем летом, когда наши дела, похоже, пошли на спад, он все чаще и чаще стал засиживаться в "Джентльмене-Неудачнике". Он мог часами сидеть за столиком неподалеку от раскрытых дверей и следить за проходящими толпами. И так из вечера в вечер, когда вокруг неоновых ламп кружатся безумные мотыльки, а воздух пропитан запахами духов и жратвы из уличных забегаловок. Его скрытые за очками глаза вглядывались в лица прохожих, и, когда появилась Рикки, он уже нисколько не сомневался, что она и была той единственной верной картой, которую он так ждал.

* * *

В тот раз я решил смотаться в Нью-Йорк, чтобы проверить рынок, и заодно присмотреть чего-нибудь "горяченького" из программного обеспечения.

В лавке Финна, в окне, над пейзажем из дохлых мух, укутанных в шубки из пыли, светилась попорченная реклама "Метро Голографикс". Внутри было по пояс всякого хлама. Кучи его волнами взбирались на стены, и сами стены были едва видны за сваленной в беспорядке рухлядью и низко провисшими полками, заставленными старыми изорванными журналами и пожелтевшими от времени годовыми комплектами "Нэшнл Джиографик".

— Тебе нужна пушка, — с ходу заявил Финн. Более всего он напоминал человека, на котором отрабатывали программу по искусственному замещению генов, чтобы вывести породу людей, приспособленных для рытья нор высокоскоростным способом. — Тебе повезло. Я как раз получил новенький "Смит и Вессон". Тактический образец, калибр — четыре и восемь. Под дулом у него закреплен ксеноновый излучатель, батарейки в прикладе, позволяет ночью, когда ни черта не видно, за пятьдесят шагов от тебя создать круг двенадцати дюймов, в котором светло, как днем. Источник света так узок, что его почти невозможно засечь. Это вроде, как колдуну ввязаться в ночную драку.

Я позволил своей руке с лязгом опуститься на стол и принялся выстукивать дробь. Скрытые сервомоторы загудели, как рой москитов. Я знал, что Финн терпеть не может этой моей музыки.

— Ты соберешься ее когда-нибудь починить? — Обгрызенной шариковой ручкой он потыркал в мою дюралевую клешню. — Может, придумаешь себе чего-нибудь потише?

— Мне не нужно никаких пушек, Финн, — я продолжал

испытывать его слух, как будто не расслышал вопроса.

— Ладно, — вздохнул он, — как хочешь.

Я перестал барабанить.

— Имеется одна вещь для тебя. Но что это — хоть убей, не знаю. — Он сделал несчастный вид. — Я получил ее на прошлой неделе от малышей из Джерси, которые орудуют при мостах и тоннелях.

— Значит, взял неизвестно что? Как это тебя угораздило? А, Финн?

— А я жопой чувствую.

Он передал мне прозрачный почтовый пакет с чем-то похожим на кассету для магнитофона, насколько можно было увидеть сквозь рифленую пузырчатую оболочку.

— Еще был паспорт, — сказал Финн, — и кредитные карточки с часами.

Ну, и это.

— Я так понимаю, что ты приобрел содержимое чьих-то карманов.

Он кивнул.

— Паспорт был бельгийский. Подделка, я его сжег. А с часами полный порядок. Фирма Порше, часики — первый сорт.

Ясно — это была какая-то разновидность военной программы вторжения.

Вынутая из пакета, она походила на магазин к винтовке ближнего боя с покрытием из непрозрачного пластика. По углам и краям металл вытерся и светился — похоже, за последнее время кому-то частенько приходилось ей пользоваться.

— Я сделаю тебе на ней скидку, Джек. Как постоянному покупателю.

Я улыбнулся. Получить скидку у Финна — все равно, что упросить Господа Бога отменить закон всемирного тяготения на то время, пока тебе нужно переть тяжеленный ручной багаж на десяток секций через залы аэропорта.

— Похоже на что-то русское, — заметил я равнодушно. — Скорее всего, аварийное управление канализацией для какого-нибудь Ленинградского пригорода. Как раз для меня.

— Сдается мне, — сказал Финн, — ты такой же умный, как мои старые башмаки, и мозгов у тебя не больше, чем у тех сосунков из Джерси. А ты думал, я продаю тебе ключи от Кремля? Сам с ней разбирайся. Мое дело продать.

И я купил.

* * *

Словно души, оторванные от тел, мы сворачиваем в ледяной замок Хром.

Мы летим, не сбавляя скорости. Ощущение такое, будто мчишься на волне программы вторжения и, зависая над водоворотами перестраивающихся глитч-систем, пытаешься удерживаться на гребне. Кто мы сейчас? Разумные пятна масла, скользящие в беспросветности льда.

Где-то в тесноте чердака, под потолком из стекла и стали, далеко-далеко от нас остались наши тела. И времени, чтобы успеть проскочить, остается меньше и меньше.

Мы сломали ее ворота. Блеф с повестками из суда и маскировка под налоговую инспекцию сделали свое дело. Но Хром есть Хром. И наиболее прочный лед, который входит в ее средства защиты, именно для того и служит, чтобы расплевываться со всякими казенными штучками, вроде повесток, предписаний и ордеров. Когда мы сломали первый пояс защиты, вся база ее данных исчезла под основными слоями льда. Стены льда, разрастаясь перед глазами, превращались в многомильные коридоры, в лабиринты, полные тени. Пять ее контрольных систем выдали сигналы "Мэйдэй" нескольким адвокатским конторам. Поздно. Вирус, проникнув внутрь, уже принялся перестраивать структуры ледовой защиты. Глитч-системы глушат сигналы тревоги, а тем временем множащиеся субпрограммы выискивают любую щель, которую не успел затянуть лед.

Русская программа извлекает из незащищенных данных номер телефона в Токио, вычислив его по частоте разговоров, средней их продолжительности, и скорости, с которой Хром отвечала на эти вызовы.

— О'кэй, — говорит Бобби. — Теперь мы прокатимся на звоночке от этого ее дружка из Японии. Кажется, то, что нам нужно.

Вперед! Погоняй, ковбой!

* * *

Бобби читал свое будущее по женщинам. Они были, как знаки судьбы, предсказывающие перемену погоды. Он мог ночами просиживать в "Джентльмене-Неудачнике", ожидая, когда кончится невезение, и судьба, как карту в игре, подарит ему новую встречу.

Как-то вечером я допоздна заработался на своем чердаке, "распутывая" один чип. Рука моя была снята, и манипулятор небольшого размера был вставлен прямо в сустав.

Бобби пришел с подружкой, которую я прежде не видел. Мне обычно бывает не по себе, если кто-нибудь незнакомый застает меня работающим вот так — со всеми этими проводами, зажатыми в штифтах из графита, что торчат из моей культи. Она сразу же подошла ко мне и взглянула на увеличенное изображение на экране. Потом увидела манипулятор, двигающийся под вакуумным покрытием. Она ничего не сказала, стояла и просто смотрела. И уже от одного этого мне сделалось хорошо.

— Знакомься, Рикки. Автомат-Джек, мой коллега.

Он рассмеялся и обнял Рикки за талию, и что-то в его тоне дало понять, что ночевать мне придется в загаженном номере отеля.

— Привет, — сказала она. Высокая, ей не было и двадцати, она выглядела что надо. В меру веснушчатый носик, глаза, по цвету напоминающие янтарь, но с темным, кофейным отливом. Узкие черные джинсы, закатанные по щиколотку, и простенький поясок из пластика в тон ее розоватым сандалиям.

До сих пор ночами, когда не идет сон, она стоит перед моими глазами.

Я вижу ее где-то там, за руинами городов, за дымами, и видение это подобно живой картинке, прилипшей к изнанке глаз. В светлом платье, которое едва прикрывает колени, — она была в нем в тот раз, когда мы остались вдвоем.

Длинные стройные ноги. Каштановые волосы вперемешку с белыми прядями взметнулись, будто в порыве ветра, прилетевшего неизвестно откуда. Они оплетают ее лицо, и после я вижу, как она машет мне на прощанье рукой.

Бобби устроил целое представление, пока копался в стопке магнитофонных кассет.

— Уже ухожу, ковбой, — сказал я, отсоединяя манипулятор. Она внимательно за мной наблюдала, пока я вновь надевал руку.

— А всякие мелочи ты умеешь чинить? — спросила она вдруг.

— О! Для вас — что угодно. Автомат-Джек все может. — И для пущего авторитета я прищелкнул дюралюминиевыми пальцами.

Она отстегнула от пояса миниатюрную симстим-деку и показала на крышку кассеты, у которой был сломан шарнир.

— Никаких проблем, — сказал я. — Завтра будет готово.

"О-хо-хо, — подумал я про себя. Сон уже вовсю тянул меня с шестого этажа вниз. — Интересно, и надолго ли хватит Бобби с таким лакомым кусочком, как этот? Если дело пойдет на лад, то, считай, что уже сейчас, в любую из ближайших ночей, мы могли

бы прикоснуться к богатству."

На улице я усмехнулся, зевнул и остановил рукой подвернувшееся такси.

* * *

Твердыня Хром растворяется. Завесы из ледяных теней мерцают и исчезают, пожираемые глитч-системами, разворачивающимися из русской программы. Глитч-системы охватывают все, что лежит в стороне от направления нашего основного логического удара и заражают структуру льда.

Для компьютеров они, словно вирус, саморазмножающийся и прожорливый. Они постоянно меняются, каждая в лад со всеми, подчиняя и поглощая защиту Хром.

Обезвредили мы ее, или где-то уже прозвенел тревожный звоночек и помигивают красные огоньки? И Хром — знает ли об этом она?

* * *

Рикки-Дикарка — так прозвал ее Бобби. Уже в первые недели их встреч ей, должно быть, казалось, что теперь она обладает всем. Бестолковая сцена жизни развернулась перед ней целиком, четко, резко и ясно высвеченная неоновыми огнями. На ней она была новичком, но уже считала своими все эти бесконечные мили прилавков, суету площадей, клубы и магазины. А еще у нее был Бобби, который мог рассказать дикарке обо всех хитроумных проволочках, на которых держится изнанка вещей. Про всех актеров на сцене, назвать их имена и спектакли, в которых они играют. Он дал ей почувствовать, что она среди них не чужая.

— Что у тебя с рукой? — спросила она как-то вечером, когда мы, Бобби, я и она, сидели и выпивали за маленьким столиком в Джентльмене-Неудачнике.

— Дельтапланеризм, — сказал я. Потом добавил:

— Случайность.

— Дельтапланеризм над пшеничным полем, — вмешался Бобби, — неподалеку от одного городка, который называется Киев. Всего-то делов — наш Джек висел там в темноте под дельтапланом "Ночное крыло", да еще запихал между ног пятьдесят килограммов радарной аппаратуры. И какая-то русская жопа отрезала ему лазером руку. Случайность.

Не помню уж как я переменил тему, но все-таки мне это

удалось.

Я каждый раз себя убеждал, что Рикки не сама ко мне напросилась, а во всем виноват Бобби. Я знал его довольно давно, еще с конца войны. И, конечно, мне было известно, что женщины для него лишь точки отсчета в игре, которая называлась: Бобби Квинн против судьбы, времени и темноты городов. И Рикки ему подвернулась как раз кстати. Ему позарез нужна была какая-то цель, чтобы прийти в себя. Потому-то он ее и вознес, как символ всего, что желал и не мог получить, всего, что имел и не мог удержать в руках.

Мне не нравилось слушать его болтовню о том, как сильно он ее любит, а от того, что он сам во все это верил, становилось еще противней. Он был хозяином своего прошлого со всеми его стремительными падениями и такими же стремительными подъемами. И все, что случилось сейчас, я видел, по крайней мере, дюжину раз. На его солнцезащитных очках вполне можно было бы написать большими печатными буквами слово "Очередная", и оно бы читалось всегда, когда мимо столика в "Джентльмене-Неудачнике" проплывало новое смазливое личико.

Я знал, что он с ними делал. У него они становились эмблемами, печатями на карте его деловой жизни. Они были навигационными маяками, на которые он шагал сквозь разливы неона и баров. А что же, как не они, могло им двигать еще? Деньги он не любил ни внешне, ни, тем более, внутренне.

Они были слишком тусклы, чтобы следовать на их свет. Власть над людьми? Он не терпел ответственности, на которую такая власть обрекает. И хотя у него и была какая-то изначальная гордость за свое мастерство, ее никогда не хватало, чтобы удерживать себя в боевом режиме.

Потому он и остановился на женщинах.

Когда появилась Рикки, потребность в новом знакомстве достигла последней черты. Он все чаще бывал понурым, а неуловимые денежки лукаво нашептывали на ушко, что игра для него потеряна. Так что большая удача была ему просто необходима, и, чем скорее, тем лучше. О какой-то другой жизни он просто понятия не имел, его внутренние часы были поставлены на время ковбоев-компьютерщиков и откалиброваны на риск и адреналин. И еще на блаженство утреннего покоя, которое приходит, когда каждый твой ход верен, и сладкий пирог чьего-нибудь чужого кредита перекочевывает на твой собственный счет.

Но чем дольше он находился с ней, тем более убеждался, что дело зашло слишком уж далеко, и пора собирать пожитки и убираться прочь. Потому что Рикки была совсем не такой, как

другие, — в ней чувствовалось какая-то высота, какие-то непостижимые дали. И все-таки — я это сердцем чувствовал, и сердце кричало Бобби — она была здесь, рядом, живая, совершенно реальная. Просто человек — с обыкновенным человеческим голодом, податливая, зевающая от скуки, красивая, возбужденная, словом, такая, как все.

Однажды днем он ушел, это было за неделю до того, как я уехал в Нью-Йорк, чтобы увидеться с Финном. Мы с Рикки остались на чердаке одни.

Собиралась гроза. Половина неба была скрыта от глаз куполом соседнего дома, который так и не успели достроить. Все остальное затянули черно-синие тучи. Когда она прикоснулась ко мне, я стоял у стола и смотрел на небо, одуревший от полдневной жары и влаги, переполнявшей воздух. Она притронулась к моему плечу в том месте, где розовел небольшой затянувшийся шрам, выглядывающий из-под протеза. Все, кто когда-нибудь касался этого места, вели руку вверх по плечу.

Рикки поступила иначе. Ее узкие, покрытые черным лаком ногти были ровными и продолговатыми. Лак был немногим темнее, чем слой углеродного пластика, который покрывал мою руку. Ее рука продолжала двигаться по моей, ногти черного цвета скользили вниз по сварному шву. Ниже, ниже, до локтевого сочленения из черного анодированного металла и далее, пока не достигли кисти. Рука ее была маленькой, как у ребенка, пальцы накрыли мои, а ладошка легла на просверленный дюралюминий.

Ее другая ладонь, взметнувшись, задела прокладки обратной связи, а потом весь полдень лил долгий дождь, капли ударяли по стали и перепачканному сажей стеклу над постелью Бобби.

* * *

Стены льда уносятся прочь, словно бабочки, сотканные из тени, летящие быстрее, чем звук. А за ними — иллюзия матрицы в пространстве, которое не имеет границ. Что-то подобное видишь, когда перед тобой на экране мелькают контуры проектируемого здания. Только проект прокручивается от конца к началу, и у здания вместо стен — разорванные крылья.

Я все время напоминаю себе, что место, где мы находимся, и бездны, которые его окружают, — иллюзия и не более. Что на самом деле мы не "внутри" компьютера Хром, а всего лишь подключены к нему через интерфейс, в то время как матричный симулятор на чердаке у Бобби поддерживает эту иллюзию… Появляется ядро данных, беззащитное, открытое для атаки… Это

уже по ту сторону льда, матрицы подобного вида я еще никогда не видел, хотя пятнадцать миллионов законных операторов Хром видят ее ежедневно и принимают как само собой разумеющееся.

Мы в башне ядра ее данных, вокруг, подобно огням несущихся по вертикали товарняков, мелькают разноцветные ленты — цветовые коды для допуска. Яркие главенствующие цвета, слишком яркие в этой призрачной пустоте, пересекаются бесчисленными горизонталями, окрашенными, словно стены в детской, в розовое и голубое.

Но остается еще что-то спрятанное за тенью льда в самом центре слепящего фейерверка: сердце всей этой недешево обходящейся для нее тьмы, самое сердце Хром…

* * *

Было уже далеко за полдень, когда я вернулся из своей нью-йоркской экспедиции за покупками. Солнце скрывалось за облаками, а на мониторе Бобби светилась структура льда — двумерное изображение чьей-то электронной защиты. Неоновые линии переплетались подобно коврику для молитв, расписанному в декоративном стиле. Я выключил пульт, и экран стал совершенно темным.

Весь мой рабочий стол был завален вещами Рикки. Косметика и одежда, засунутая в пакеты из нейлона, по соседству лежала пара ярко-красных ковбойских сапог, магнитофонные кассеты, глянцевые японские журналы с рассказами о звездах симстима. Я свалил все это под столик и, когда отцепил руку, вспомнил, что программа, которую я купил у Финна, осталась в правом кармане куртки. Мне пришлось повозиться, вытаскивая ее левой рукой и затем вставляя между прокладок в зажимы ювелирных тисочков.

Уолдо <термин, придуманное Хайнлайном и обозначающий специальный протез> походил на старый проигрыватель, на каких когда-то прокручивали записи на пластинках, а тисочки были прикрыты прозрачным пылезащитным колпаком. Сам манипулятор, чуть больше сантиметра в длину, перемещался на том, что раньше было на таких проигрывателях тонармом. На него я даже не посмотрел, когда прикреплял провода к культе. Я вглядывался в окуляр микроскопа, там в черно-белом цвете виднелась моя рука при сорокакратном увеличении.

Я проверил набор инструментов и взял лазер. Он показался мне немного тяжеловат. Тогда я подстроил сенсорный регулятор массы до четверти килограмма на грамм и принялся за работу. При сорокакратном увеличении сторона программной кассеты

была похожа на грузовик.

На то, чтобы "расколоть" программу, у меня ушло восемь часов. Три часа — на работу с уолдо, возню с лазером и четыре зажима. Еще два часа на телефонный разговор с Колорадо, и три — на перезапись словарного диска, способного перевести на английский технический русский восьмилетней давности.

Наконец, числовые ряды и буквы славянского алфавита замелькали передо мной на экране, где-то на половине пути превращаясь в английский текст.

Виднелось множество пропусков, там, где купленная у своего человека из Колорадо программа натыкалась при переводе на специальные военные термины.

Но какое-то представление о том, что я купил у Финна, мне все-таки получить удалось.

Я почувствовал себя кем-то вроде уличного хулигана, который пошел покупать пружинный нож, а вернулся домой с портативной нейтронной бомбой.

"Опять наебали, — подумал я. — На кой черт в уличной драке нужна нейтронная бомба?" Эта штука под пылезащитным кожухом была явно не для такой игры, как моя. Я даже представить не мог, куда бы ее спихнуть, и где найти покупателя. По-видимому, для кого-то это не составляло проблемы, но этот кто-то, ходивший с часами Порше и фальшивым бельгийским паспортом, отсутствовал по причине смерти. Сам же я подобного рода деятельностью заниматься не собирался. Да уж, действительно, у бедняги, которого замочили на окраине приятели Финна, были довольно необычные связи.

Программа, зажатая в моих ювелирных тисочках, оказалась не просто программой. Это был русский военный ледоруб, компьютерный вирус-убийца.

Бобби вернулся один, когда наступило утро. Я спал, сжимая в горсти пакетик приготовленных сэндвичей.

— Будешь? — спросил я его и вытащил из пакета сэндвич. Я еще не проснулся по-настоящему. Мне снилась моя программа, волны ее изголодавшихся глитч-систем и подпрограммы-хамелеоны. Во сне она представлялась каким-то невиданным зверем, бесформенным, снующим по всем направлениям.

Подходя к пульту, он отбросил попавшийся под ноги мешок и нажал функциональную клавишу. На экране засветился тот самый хитроумный узор, что я видел перед тем накануне. Прогоняя остатки сна, я протер глаза левой рукой, потому что правая на такую вещь была давно уже не способна. Когда я засыпал, то все пытался решить, стоит ли ему рассказывать о программе.

Может, имеет смысл попытаться ее продать, оставить себе все

деньги, а после уговорить Рикки и махнуть с ней куда подальше.

— Чье это? — спросил я.

— Хром, — Бобби стоял перед экраном в черном хлопчатобумажном трико и старой кожаной куртке, наброшенной на плечи, как плащ. Уже который день он не брился, и лицо его казалось еще более осунувшимся, чем всегда.

Руку свело от судороги и она начала пощелкивать — по углеродным прокладкам через мою нейроэлектронику страх передался и ей. Сэндвичи вывалились из руки, и по давно не метенному деревянному полу рассыпались пожухлые листики брюссельской капусты и подсохшие ломти промасленного ярко-желтого сыра.

— Ты, точно, свихнулся.

— Нет, — сказал Бобби. — Думаешь она нас выследила? Ничего подобного.

Мы были бы уже трупами. Я подключился к ней через арендную систему в Момбасе с тройной слепой защитой и через алжирский спутник связи. Она, конечно, узнала, что кто-то пробовал подсмотреть, но так и не догадалась, кто.

Если бы Хром удалось отыскать подход, который сделал Бобби к ее льду, мы бы, наверняка, считались уже мертвецами. В этом Бобби был прав. И она уничтожила бы меня еще на пути из Нью-Йорка.

— Но почему непременно она, Бобби? Приведи хотя бы один здравый довод…

Хром. Я видел ее не более дюжины раз в "Джентльмене-Неудачнике".

Может быть она просто наведывалась в трущобы. Или же проверяла, как обстоят дела в человеческом обществе, к которому ее тянуло по старой привычке. Маленькое приторное лицо, похожее по очертаниям на сердце, с парой глаз, злее которых вам вряд ли где доводилось встречать. На вид ей было не больше четырнадцати, и никто не помнил, чтобы она когда-нибудь выглядела по-другому. Такой она сделалась в результате нарушения обмена веществ от усиленного накачивания себя сыворотками и гормонами. Подобной уродины улица еще не рождала, но она больше не принадлежала улице. Хром водила дела с Мальчиками, и в их местной Банде пользовалась сильным влиянием. Ходили слухи, что начинала она, как поставщик, в те времена, когда искусственные гипофизные гормоны были еще под запретом. Но с торговлей гормонами она давно уже завязала. Сейчас ей принадлежал Дом Голубых Огней.

— Ты законченный идиот, Квинн. Хоть что-нибудь ты можешь сказать, чтобы оправдать это? — Я показал на экран. — Кончай с

этим, ты понял?

Немедленно, прямо сейчас…

— Я слышал, как в "Неудачнике" трепались Черный Майрон и Корова Джейн, — он передернул плечами, сбрасывая кожаную куртку. — Джейн послеживает за всеми секс-линиями. Она говорит, что знает куда уходят настоящие денежки. Так вот, она поспорила с Майроном, что у Хром контрольный пакет в Голубых Огнях. И она — не просто очередная подставка Мальчиков.

— "Мальчиков", вот именно, Бобби, — сказал я. — Или как они там еще себя называют. Хоть это ты можешь понять? Или ты забыл, что мы не вмешиваемся в их дела? Только поэтому мы еще ползаем по земле.

— Поэтому мы с тобой бедняки, коллега, — он откинулся перед пультом на вращающемся стуле и, расстегнув трико, почесал свою бледную костлявую грудь. — Но, кажется, осталось не долго.

— Кажется, что коллегами мы с тобой тоже уже никогда не будем.

На это он усмехнулся. Усмешка его была, действительно, как у психа, звериная и какая-то вымученная. В этот момент я понял, что ему и вправду насрать на смерть.

— Послушай, — сказал я, — у меня еще остались кое-какие деньги, ты же знаешь. Взял бы ты их себе да смотался на метро до Майами. А там перехватишь вагон до бухты Монтего. Тебе нужен отдых, приятель. Тебе обязательно надо набраться сил.

— Мои силы, Джек, — сказал он, набирая что-то на клавиатуре, — еще никогда не были такими собранными, как сейчас.

Неоновый молитвенный коврик на экране задрожал и стал оживать, когда включилась анимационная программа. Структурные линии льда переплетались с завораживающей частотой, словно живая мандала. Бобби продолжал ввод команд, и движение сделалось медленнее. Стала очерчиваться некоторая определенная структура, уже не такая сложная, как была, и вскоре она распалась на две отдельных фигуры, изображения которых появлялись и исчезали, попеременно чередуясь друг с другом. Работа была проделана на отлично, я не думал, что он еще на такое способен.

— Минуту! — воскликнул он. — Вон там, видишь? Подождика. Вон там. И еще там. И там. Легко ошибиться. Вот оно. Подключение через каждые час и двадцать минут с помощью сжатой передачи на их спутник связи. Мы могли бы жить целый год на том, что она выплачивает им раз в неделю по отрицательным процентным ставкам.

— Чей спутник?

— Цюрих. Ее банкиры. Там у нее банковский счет, Джек. Вот куда стекаются денежки. Корова Джейн была права.

Я просто стоял, не двигаясь. Даже рука примолкла.

— Ну, и как ты провел время в Нью-Йорке, коллега? Что-нибудь удалось достать? Что-нибудь такое, чем мне прорубить лед? Неважно что, все бы сгодилось.

Я, не отрываясь смотрел в глаза Бобби, заставляя себя не оглядываться в сторону Уолдо и ювелирных тисочков. Русская программа все еще оставалась там, прикрытая пылезащитным кожухом.

Случайные карты, повелители судьбы.

— А где Рикки? — Я подошел к пульту и сделал вид, что изучаю чередующиеся на экране структуры.

— Где-то с приятелями, — Бобби пожал плечами. — Дети, все они помешаны на симстиме. — Он задумчиво улыбнулся. — Дружище, я собираюсь это сделать ради нее.

— Мне надо хорошенько надо всем этим подумать, Бобби. Но, если хочешь, чтобы я вернулся, держи руки подальше от клавишей.

— Я делаю это для нее, — повторил он, когда я закрывал за собой дверь. — Ты это знаешь.

* * *

И сразу же вниз, вниз — программа, словно сорвавшаяся с горы лавина, продирается сквозь лабиринт, обнесенный стенами тени, несется в серых кафедральных пространствах между ярко освещенными башнями. Скорость просто безумная.

Черный лед. Не надо об этом думать. Черный лед.

Каких только легендарных историй неуслышишь в "Джентльмене-Неудачнике". И рассказы про Черный лед — тоже из их числа.

Это лед, созданный убивать. Он действует незаконно, ну а кто из нас может сказать про себя другое? По сути, это какая-то новая система оружия, основанного на принципе нейронной обратной связи, с которым ты вступаешь в контакт всего только раз, но и этого раза хватает. Что-то вроде страшного заклинания, которое разъедает твой мозг изнутри. Словно приступ эпилепсии, который все длится и длится, пока от тебя не остается уже совсем ничего…

И вот мы ныряем туда, где скрыто самое главное, — то, на чем держится замок теней Хром.

Я пытаюсь владеть собой, когда внезапно перехватывает дыхание и по телу разливается слабость, — я чувствую, что нахожусь на грани нервного срыва. Это все страх — страх ожидания того ледяного заклятия, которое ждет нас где-то внизу, во тьме.

* * *

Я ушел и принялся разыскивать Рикки. Она сидела в кафе с пареньком, носившим глаза от Сендай. Полузажившие линии швов веером расходились от его опухших глазных впадин. На столике перед ней лежала раскрытая, отсвечивающая глянцем брошюра, и оттуда с дюжины фотографий смотрела улыбающаяся Тэлли Ишэм — Девушка-с-Глазами-Иконами-от-Самого-Цейсса.

Ее портативная симстим-дека тоже валялась среди той кучи вещей, которую я прошлым вечером отправил к себе под стол, та же самая, что я починил на следующий день после нашей первой с ней встречи. Целые часы проводила она, развлекаясь с этой игрушкой. Контактный обруч охватывал ее лоб, словно серая пластиковая тиара. От Тэлли Ишэм Рикки была без ума, и, коронованная контактным обручем, она витала где-то там, в вышине, на крыльях записей переживаний величайшей звезды симстима. Симулированный стимул — симстим: весь мир, во всем его блеске, — глазами и чувствами Тэлли Ишэм. Тэлли участвует в гонках на своем черном Фоккер-экраноплане над вершинами холмов Аризоны. Тэлли на подводной прогулке в заповедных владениях острова Трук. Тэлли на приемах с мультимиллионерами на частных Греческих островках — дух захватывает от одного вида этих белых маленьких бухточек, омытых на рассвете зарей.

Она и вправду во многом напоминала Тэлли. Такой же оттенок кожи, одинаковый разлет скул. А вот рот у Рикки, пожалуй, привлекал даже больше.

Непонятно чем — дерзостью своей, что ли. Да Рикки и сама не хотела быть копией Тэлли Ишэм, она просто мечтала заполучить эту работу. Она была на этом повернута — сделаться звездою симстима. Бобби, по обыкновению отшутившись, просто отбросил такую идею прочь. С ней же мы обсуждали это дело серьезно. — Как бы я смотрелась с такой вот парочкой? — спрашивала она меня, держа в руках фотопортрет Тэлли Ишэм размером во всю страницу.

Голубые глаза Цейсс Икон находились точно на уровне с ее янтарно-коричневыми. Она уже дважды переделывала свои

роговицы, но заветного индекса 20–20 по-прежнему достичь не могла. Поэтому ей так хотелось приобрести Иконы от Цейсса. Марку звезд. Стоимости безумной.

— Как всегда, пялилась у витрин на глаза? — спросил я, подсев к их столику.

— Тигр раздобыл себе кое-что, — сказала она. Я подумал, что выглядит она что-то уж очень устало.

Тигр, видно, так обалдел от своих Сендай, что просто сиял от улыбки.

Однако я сомневался, стоило ли ему вообще улыбаться. Он старался придать себе вид вполне респектабельного человека, который, наверное, бывает после этак седьмого похода в хирургический кабинет. Обычно, такие, как он, проводят остаток жизни, гоняясь вслед за толпой за очередным баловнем моды, популярным в последнем сезоне. Они довольны средненькой копией, об оригинальности здесь говорить не приходиться.

— Сендай, не так ли? — я ему улыбнулся.

Он ответил кивком. Я видел, как он пытается изобразить у себя на лице взгляд, соответствующий по его представлениям профессиональному взгляду звезды симстима. Он, должно быть, воображал, что все, на что он не посмотрит, мгновенно передается на запись. Я заметил, что его взгляд что-то уж слишком долго задерживается на моей руке.

— В провинции им цены не будет, вот только заживут мышцы, — сказал Тигр. Я видел, как неуверенно он потянулся за своим двойным эспрессо.

Глаза Сендай всюду славятся дефектами глубины восприятия и накладками по части гарантий, не говоря уже про все остальное.

— Тигр завтра уезжает в Голливуд.

— А оттуда прямиком в Чиба-сити, верно? — я ему опять улыбнулся. На этот раз он улыбаться не стал.

— Получил предложение, Тигр? Должно быть, познакомился с кем-нибудь из агентов?

— Пока еще только присматриваю, — негромко ответил Тигр. После этого он встал и ушел, на ходу бросив быстрое до свидания Рикки. На меня он даже не посмотрел.

— Зрительные нервы у этого паренька скорее всего начнут выходить из строя месяцев через шесть. Ты знаешь про это, Рикки? Эти Сендай почти всюду запрещены — в Англии, в Дании… Свои нервы ничем не заменишь.

— Эй, Джек, может обойдемся без лекций? — Она стащила одну из моих французских булочек, которые я заказал перед этим, и сидела, посасывая ее островерхий край.

— Малыш, а ведь я считал, что могу быть твоим советчиком.

— Можешь-можешь. А что касается Тигра, он и вправду сейчас не слишком быстр на глаза, зато о Сендай знают все. Просто других он себе пока не может позволить. Пойми ты — это его попытка выкарабкаться. Если он получит работу, то найдет, чем их заменить.

— Этими? — я постучал пальцами по брошюре с рекламой Цейсса. — Каких они стоят денег, Рикки? Впрочем, разве тебя убедишь? Тебе же нравятся всякие рискованные затеи.

Она кивнула.

— Я очень хочу такие.

— Если ты идешь к Бобби, скажи ему, чтобы он сидел тихо, пока не услышит вестей от меня.

— Хорошо. Это что, бизнес?

— Бизнес, — сказал я. Хотя это было обыкновенное сумасшествие.

Я допил кофе, она прикончила обе моих французских булочки. После этого я проводил ее до квартиры Бобби. А потом сделал пятнадцать телефонных звонков, меняя после каждого таксофоны.

Бизнес. Это куда страшнее, чем сумасшествие.

На то, чтобы подготовить сожжение, у нас ушло шесть недель. И все эти шесть недель Бобби не уставал повторять, как сильно он ее любит.

Приходилось выкладываться в работе, чтобы как-то с этим справляться.

В основном я проводил время на телефонах. Из тех первых пятнадцати звонков, с которых я начинал прощупывать почву, в свою очередь каждый породил еще не меньше пятнадцати. Я искал определенную службу, которая, как мы с Бобби считали, должна, во-первых, быть неотделима от мировой экономики в целом. И, второе, чтобы она обслуживала не более пяти клиентов одновременно. То есть, служба должна быть из тех, которые предпочитают держаться в тени.

Одним словом, мы занимались поисками перекупщика краденого с крепко налаженными контактами по всему миру. Чтобы это была не просто отмывка денег, а полное перераспределение многомиллиардодолларового банкового капитала, причем об этом не должен был догадываться никто.

Все мои звонки оказались пустой тратой времени, и вот тут-то опять подвернулся Финн, который и подсказал мне путь, по которому следовало идти. Я отправился в Нью-Йорк для покупки устройства типа черного ящика, потому что с оплатой всей этой прорвы телефонных звонков мы могли запросто разориться.

Я как можно туманней обрисовал ему нашу задачу.

— Макао, — предложил он.

— Макао?

— Семья Лонг Хам. Биржевые маклеры.

У него даже оказался их телефонный номер. Правильно говорят: если хочешь найти одного перекупщика краденого — спрашивай у другого.

Эти ребята Лонг Хама оказались такими тертыми, что даже мои робкие попытки сближения воспринимали, как нечто вроде тактического ядерного удара. Бобби пришлось дважды слетать в Гонконг, чтобы все четко с ними обговорить. Наши денежки таяли, и довольно быстрыми темпами. Я по-прежнему сам не знал, почему сразу не отказался от участия в этом предприятии. Хром я боялся, а к богатству был всегда равнодушен.

Я пытался себя убедить, что сжечь Дом Голубых Огней, не такая уж и плохая идея. Место было уж больно гнилое, как вспомнишь — прямо мороз по коже. И все-таки принять это, как что-то само собой разумеющееся, я не мог. Я не любил Голубые Огни, потому что в один из тамошних вечеров довел себя до полной потери сил. Но это не было причиной охоты на Хром.

По-совести говоря, уже где-то на половине пути, когда мы к ней подбирались, я решил, что эта попытка закончится нашей гибелью. Даже обладая программой-убийцей, шансов на выигрыш у нас не было практически никаких.

Бобби ушел с головой в составление меню команд, которые мы рассчитывали ввести в сердцевину компьютера Хром. Вся эта возня со вводом целиком лежала на мне, потому что, когда дело завертится, руки у Бобби будут полностью заняты тем, чтобы не дать русской программе перейти к прямому разрушению системы. Переписать мы ее не могли, слишком она была для этого сложной. И поэтому он собирался попробовать удержать ее хотя бы в течение двух секунд, которые мне понадобятся для ввода.

Я договорился с одним уличным мордоворотом по фамилии Майлс. Он должен был в ночь сожжения повсюду сопровождать Рикки и глаз с нее не спускать, а в определенное время позвонить мне по телефону. Если бы меня вдруг не оказалось на месте, или же мой ответ был не таким, как мы договорились заранее, я наказал ему сразу же хватать Рикки и сажать ее в первую попавшуюся подземку, следующую как можно дальше от района, в котором мы жили. Я дал ему в руки конверт с деньгами и запиской с условием, что он все это передаст ей.

Бобби даже в голову не приходило подумать о том, что может случится с Рикки, если наша затея провалится. Как заведенный, он твердил и твердил мне про то, как сильно он ее любит, и куда

они отсюда уедут, и как бы они там тратили деньги.

— Дружище, первым делом купи для нее пару Икон. Больше ей ничего не надо. Для нее все это кино с симстимом, похоже, всерьез и надолго.

— Брось, — сказал он, оторвавшись от клавиатуры. — Работа ей теперь не нужна. Мы устроим для нее это, Джек. Она — мое счастье. Ей никогда в жизни не придется больше работать.

— Твое счастье, — повторил я чуть слышно. Сам я не был счастливым. Я даже не мог припомнить, бывал ли я счастлив вообще. — А когда ты в последний раз виделся со своим счастьем?

Он ее не видел давно, я тоже. Мы были слишком заняты.

Мне не доставало ее. Эта тоска напомнила мне одну ночь проведенную в Доме Голубых Огней. Я и отправился-то туда в тот раз потому, что пребывал в безнадежной тоске после очередной потери. Для начала, как водится, я напился, а потом стал усиленно в себя вкачивать вазопрессиновые ингаляторы. Если ваша постоянная женщина вдруг решает объявить забастовку, ничего не может быть лучше приличной выпивки и порции вазопрессина — он, пожалуй, самое убойное из всего, что придумала мазохистская фармакология.

Выпивка приводит вас в чувство, а вазопрессин — ничего не дает забыть. Вот именно, вы помните все, что было. Это средство используют в клиниках для борьбы со старческой амнезией. Но улица любой вещи находит собственное применение. Потому я и выложил денежки за ускоренное, так сказать, воспроизведение того, что случилось со мной плохого. Вся незадача в этом деле состоит в том, что наравне получаешь и хорошее и плохое. Хочется тебе чего-нибудь вроде звериного экстаза — пожалуйста, получи. А в придачу и то, что она тебе на это ответила, и еще, как она ушла, так ни разу и не оглянувшись назад.

Я не помню, что меня толкнуло податься в Голубые Огни, и как вообще я оказался в этих тихих, заглушающих шаги коридорах. И, правда ли, я там видел бурлящую струю водопада или это всего лишь была декорация, наклеенная на стену, а, может быть, обыкновенная голограмма. В тот вечер у меня не было недостатка в деньгах. Один из наших клиентов перечислил Бобби приличную сумму за прорубку трехсекундного окна в чьем-то льду.

Я не думаю, чтобы вышибалам, которые стояли при входе, понравилось, как я выгляжу, но с моими деньгами это не имело значения.

Когда с делом, ради которого я здесь оказался, было покончено, мне опять захотелось выпить. После этого я,

помнится, отпустил что-то вроде остроты бармену по поводу некрофилов за стойкой, и ему это, по-моему, не понравилось. Во всяком случае, этот приличных размеров тип стал упорно называть меня Героем войны, что мне, естественно, не понравилось тоже. Я думаю, мне удалось успеть показать ему несколько превращений с рукой, пока я полностью не отключился и не проснулся двумя днями позже в каком-то типовом спальном модуле, неизвестно где. Дешевле место и захочешь, да не найдешь, там даже негде было повеситься. И я сидел на узком, покрытом мыльной пеной настиле и плакал.

Одиночество — это еще не самое страшное, что бывает в жизни. Но то, на чем они делают деньги в Доме Голубых Огней, — пользуется, не смотря ни на что, такой популярностью, что стало почти легальным.

* * *

В сердце тьмы, в ее замершем в неподвижности центре, глитч-системы вспарывают темноту водоворотами света. Они подобны полупрозрачным бритвам, раскручивающимся от нас во все стороны. Мы зависаем в центре безмолвного, словно снятого замедленной съемкой, взрыва. Осколки льда разлетаются и падают вокруг целую вечность, и голос Бобби неожиданно прорывается сквозь световые годы всей этой обманчивой электронной пустоты.

— Давай, жги ее, суку. Я не могу больше удерживать программу…

Русская программа, прокладывает себе дорогу наверх, пронзая насквозь башни данных и окрашивая все, что вокруг, в цвета игровой комнаты. Я ввожу пакет подготовленных Бобби команд прямо в центр холодного сердца Хром. В него врезается струя передачи — импульс сконцентрированной информации, и выстреливается прямо вверх, мимо сгущающейся стены тьмы, мимо русской программы, в то время, как Бобби силится удержать под контролем ту единственную секунду, которая для нас сейчас важнее, чем жизнь. Не до конца оформившееся щупальце тьмы делает судорожную попытку набросится с высоты мрака, но слишком поздно.

Мы сделали это.

Матрица складывается вокруг меня сама по себе с волшебной легкостью оригами.

Чердак пропах потом и запахами горелой электроники.

В какой-то момент мне послышался резкий металлический

звук, я подумал — это визжит Хром, потом понял, что просто не мог ее слышать.

* * *

Бобби смеялся так, что слезы выступили на глазах. Цифры в углу монитора показывали 07:24:05. Сожжение заняло чуть меньше восьми минут.

А я смотрел и не мог оторваться от русской программы, расплавившейся в своем пазу.

Основную сумму Цюрихского счета Хром мы перечислили дюжине различных благотворительных организаций мира. Но слишком там много было всего, что нужно было куда-то девать. Мы знали, что ничего другого не остается, как просто-напросто переломить ей хребет, сжечь ее полностью, без остатка.

Иначе — она непременно начнет за нами охоту. Лично себе мы взяли что-то около десяти процентов и отправили их через организацию Лонг Хамов в Макао. Из этого шестьдесят процентов они прибрали себе, а то, что осталось, перекинули нам обратно через самый глухой и запутанный сектор Гонконгской биржи. Прошел час, прежде чем наши деньги стали поступать на счета, которые мы открыли в Цюрихе.

Я молча наблюдал, как нули горкой набирались позади ничего не значащей цифры на мониторе. Я был богат.

Потом зазвонил телефон. Это был Майлс. Я чуть не забыл про нашу условную фразу.

— Джек, старик, я не знаю — что там получилось с этой твоей девчонкой. Какая-то странная штука, фиг поймешь…

— Что? Давай попонятнее.

— Я шел за ней, как договаривались, вплотную, но на глаза не высовывался. Она двинула к Неудачнику, немного там поторчала, а после села в метро. Она отправилась в Дом Голубых Огней…

— Она — что?

— Дверь сзади. Где только для персонала. Я не смог пробраться мимо службы их безопасности.

— И она сейчас там?

— Да нет, старик, просто я ее потерял. Здесь внизу все как будто с ума посходили. Похоже, что Голубым Огням крышка. По мне так — так им и надо. Представляешь, сработали сразу семь систем тревоги в разных местах, все чего-то бегают, охрана в полной выкладке, будто ждут беспорядков… А сейчас, и вообще — такое творится… Проходу нет от всех этих деятелей из

страховых контор, торговцев недвижимостью, фургонов с муниципальными номерами…

— Майлс, куда она могла деться?

— Джек, так получилось…

— Послушай, Майлс. Оставь деньги, те, что в конверте, себе. Хорошо?

— Ты серьезно? Не думай, мне самому обидно. Я…

Я положил трубку.

— Подожди. Когда она об этом узнает… — заговорил Бобби, обтирая себе грудь полотенцем.

— Вот ты сам ей все и расскажешь, ковбой. А я пошел прошвырнуться.

И я окунулся в ночь, в неоновые огни, позволив толпе увлечь меня за собой, шел и ничего не видел, желая лишь одного — почувствовать себя малой клеточкой всего этого гигантского человеческого организма. Всего лишь еще одним чипом сознания, дрейфующим под геодезическими куполами. Я ни о чем не думал, просто переставлял ноги, но через какое-то время мысли сами полезли в голову. И вдруг все стало ясно. Просто ей нужны были деньги.

Еще я думал о Хром. О том, что мы убили, уничтожили ее так же верно, как если бы перерезали ей горло ножом. И ночь, которая вела меня сейчас своими гульбищами и площадями, уже объявила охоту и на нее. И ей некуда было деться. И еще я подумал о том, как много у нее врагов в одной только этой толпе, и что они теперь станут делать, когда ее деньги им уже не страшны. Мы забрали у нее все, что было. Она снова оказалась на улице. Я сомневался, что она проживет хотя бы до рассвета.

Потом я вспомнил про то кафе, в котором я повстречал Тигра.

Ее очки против солнца, и длинные черные тени, падавшие от них на лицо, и грязное пятно от румян — цвета плоти — в углу на одной из линз рассказали мне обо всем.

— Привет, Рикки, — сказал я, как ни в чем не бывало, а сам уже наверняка знал, что увижу, когда она снимет очки.

Синева. Синева Тэлли Ишэм. Ничем не замутненная синева — что-то вроде торговой марки, по которой их узнают везде. И по кругу на каждом зрачке крошечными заглавными буквами выведено — Иконы Цейсса. Буковки словно парят, они мерцают, как золотые блестки.

— Красиво, — сказал я. Румяна скрывали лишь несколько едва заметных царапин. И ни одного шрама, настолько все было хорошо исполнено. — Ты где-то подзаработала денег?

— Да, заработала, — она поежилась, когда это сказала. — Но больше так зарабатывать не хочу. Во всяком случае — не на этом.

— Я думаю, эта контора бизнесом больше заниматься не будет.

— О-о-о, — только и сказала она. При этом ее лицо ни сколько не изменилось. Новые голубые глаза оставались глубоки и неподвижны.

— Впрочем, это уже не имеет значения. Тебя дожидается Бобби. Мы только что отхватили приличный кусок.

— Нет. Я должна уехать. Я думаю, он этого не поймет, но мне, правда, нужно ехать.

Я кивнул головой и тупо смотрел, как моя рука протянулась, чтобы взять ее руку. Рука моя была словно чужая и жила от меня отдельно.

Наверно, так оно и было на самом деле, хотя она и оперлась на нее по привычке.

— У меня билет в один конец, в Голливуд. У Тигра там есть знакомые, у которых можно остановиться. Может быть, мне даже повезет попасть в Чиба-сити.

Насчет Бобби она оказалась права. Назад мы вернулись вместе. Бобби ее не понял. Но она уже сделала для него все, что могла сделать. Я пытался ей намекнуть, что сейчас она причиняет ему только боль. Уж мне-то хорошо было видно, как ему от нее больно. Он даже не захотел проводить ее в коридор, когда были упакованы сумки. Я поставил их на пол и поцеловал ее, при этом смазав помаду. И что-то такое поднялось у меня внутри, подобно программе-убийце, когда мы сжигали Хром. Дыхание мое оборвалось, и я неожиданно понял — что бы я ей сейчас ни сказал, все слова будут лишними.

Ей нужно было торопиться на самолет.

Бобби, как всегда, развалясь, сидел во вращающемся кресле перед своим монитором и смотрел на вереницу нулей. Глаза его были прикрыты зеркалками, и я был более, чем уверен, что к ночи он уже будет сидеть в Джентльмене-Неудачнике и интересоваться погодой. Он не мог жить спокойно без знака, любого, хоть какого-нибудь, который бы ему подсказал, на что же будет похожа теперешняя его жизнь. Но я-то наверняка мог сказать, что вряд ли она будет чем-нибудь отличаться от прежней. И комфортабельней она никогда не станет, но несмотря на это, он всегда будет ждать свою новую, уже какую по счету, карту.

Я даже представить себе не мог ее в Доме Голубых Огней, как она отрабатывает свою трехчасовую норму в приближении REM сна, а этим временем тело ее и цепочки рефлексов проявляют заботу о бизнесе. Клиентам не приходилось жаловаться на подделку, потому что оргазмы эти были самые настоящие. Для нее самой они промелькивали от чувств вдалеке, на самой

границе сна, неуловимыми серебряными всполохами. Да, это было так популярно, что про незаконность как-то забыли. Посетители прямо-таки разрываются между жаждой кого-нибудь поиметь и желанием быть в одиночестве, и все это одновременно. И, наверное, такое всегда было в природе этой прихотливой игры, задолго до того, как в это дело стали впутывать нейроэлектронику, которая и позволила совместить две несовместимые вещи.

Я снял телефонную трубку и набрал номер ее авиалинии. Потом назвал ее настоящее имя и номер рейса.

— Она хочет поменять направление, — сказал я. — На Чиба-сити. Да-да.

Япония. — Я вставил в паз кредитную карточку и набрал свой идентификационный код. — Первым классом. — Я вслушивался в далекий шум, пока они проверяли записи о моих кредитах. — И, пожалуйста, сделайте ей билет с возвратом.

Я все же думаю, что она вернула деньги за этот билет в оба конца, он просто ей оказался не нужен. Обратно она уже не вернулась. И иногда, поздно ночью, останавливаясь у витрин с плакатами звезд симстима и вглядываясь в эти прекрасные, как две капли воды, похожие друг на друга, глаза, которые смотрят на меня с таких же одинаковых лиц, я вижу — эти глаза ее. Но ни одно из лиц, ни одно — никогда не принадлежит ей. И вдруг мне начинает казаться, что где-то далеко-далеко, за гранью расползшейся во все стороны ночи, в стороне от всех городов, она машет мне на прощанье рукой.

notes

Примечания

1

В начале 80–х — устоявшееся на Западе название для зала игровых автоматов. Впоследствии этот термин стал обозначать один из видов компьютерных игр.

2

Намек на роман Уильяма Берроуза "The Naked Lunch", известный в России под названиями "Завтрак нагишом" и "Голый пир".

3

Игра слов. "Flatline" дословно — "плоская линия". На жаргоне американских медиков этот же термин означает клиническую смерть.

4

Жаргон хакеров. Английское слово "skip" означает "пропустить, стереть".

5

СА — сокращение от французского словосочетания "Сосьете Аноним". Означает то же самое, что и английское слово "Лимитед", то есть "Общество с ограниченной ответственностью".

6

Аллюзия на основной принцип построения машинного интерфейса: "What you see is what you get" (обычно не переводится). В свою очередь, эта фраза восходит к Льюису Кэрроллу. В "Алисе в Стране Чудес" Шляпник рассуждает о нетождественности фраз "Я вижу то, что ем" и "Я ем то, что вижу".

7

Кото — японский струнный инструмент

8

Игра слов. Хилоу (с написанием, как в тексте) — город на Гаваях, но то же самое слово можно прочитать как "Хай — Лоу" — карточная игра типа покера (пишется название игры иначе).

9

Экстрадиция — выдача иностранному государству лица, нарушившего законы этого государства.

10

При игре в кости двумя кубиками комбинация "змеиные глаза" — выпадение двух единичек.

11

Имеется в виду известное высказывание Мао Цзэдуна.

12

"Хочу творить с тобой,
То что весна творит
С деревьями черешни" (исп.)
(из П.Неруда, "20 поэм о любви", 14)

13

"Портобелло", или "Портобелло-роуд", — уличный рынок в Лондоне, известный своими антикварными лавками. Назван так из-за улицы, на которой расположен.

14

Biro(pen) — шариковая ручка (торговая марка).

15

Полиэтиленовый пакет на "молнии" фирмы "Ziplock"

16

Английская аббревиатура "LF" может расшифровываться как "low frequency" — "низкая частота".

17

"Движок", "машинка" — так называется шприц на жаргоне наркоманов.

18

Димексид, диметилсульфоксид — великолепный растворитель, легко проникает через кожу, втягивая за собой любое вещество, в состав которого входит.

19

Continuity — непрерывность, неразрывность, целостность (англ.).

20

Исковерканный английский, вариант афро-американского языка рабов-негров южных штатов.

21

Один из самых фешенебельных и дорогих универсальных магазинов Лондона.

22

Название Королевского оперного театра; находится поблизости от Вестминстерского аббатства.

23

Один из крупнейших выставочных комплексов Лондона.

24

Английское слово "Pope" переводится как "Папа Римский". Съемочная группа произносит фамилию Поупа с артиклем "the", что приводит к игре слов.

25

Cimetiere — кладбище (франц.)

26

Игра слов. См. сноску к 7-й главе.

27

Старейший в Лондоне клуб консерваторов, основан в 1693 году.

28

Прессованный в таблетки опиум.

29

Геодезические купола — легкие и прочные конструкции в виде полусферы, собираемые из стандартных элементов. Сооружения в форме геодезических куполов разработал и пропагандировал американский архитектор Ричард Б. Фуллер. В мире будущего, описываемом Уильямом Гибсоном, подобными куполами накрыты все крупные города.

30

По-английски — "Superconducting Quantum Interference Detectors", сокращенно — "squids" (*"кальмары"*).

31

Первый в мире НФ журнал, созданный Хьюго Гернсбеком в 1926 году, печатался на дешевой бумаге (по-английски — "pulp").

32

Главный злодей из американских комиксов и киносериалов о "Баке Роджерсе в 25 веке", популярных в тридцатых годах.

33

Популярные фантастические телесериалы 60 —70-х годов

Шедевры кинофантастики 20 —30-х годов

35

Фантастический телесериал 60-х годов

36

В оригинале употреблено слово "samizdata" составленное из русского слова "самиздат" и английского слова "data" — "данные, информация".

37

Буквально: "Радиохлам" — сеть дешевых магазинов радио-, кино-, и электронной аппаратуры.

Так в оригинале. *(note by LX)*